И. В. Скворцовъ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Изданіе 2-ое.

Изданіе Я. БАШМАКОВА и К°.

5/IX Нагорнов —
20/IX Белобородов

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ
средне-учебныхъ заведеній и самообразованія.

СОСТАВИЛЪ

И. В. Скворцовъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ качествѣ учебнаго руководства въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Комитетомъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи одобрена въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрена въ качествѣ руководства при прохожденіи курса гражданской исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

(Печатано съ 1-го изданія безъ перемѣнъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ БР. БАШМАКОВЫХЪ.

1910.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка 86.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга составляетъ изложеніе чтеній по русской исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній и предназначается для учебнаго употребленія въ средней школѣ и для самообразованія.

Оставляя, по мѣрѣ возможности, безъ измѣненій установленное практикой и цѣлымъ рядомъ учебныхъ программъ распредѣленіе матеріала (ради удобствъ какъ въ преподаваніи, такъ равно и въ усвоеніи его учащимися), авторъ тѣмъ не менѣе счелъ своимъ долгомъ освѣжить этотъ матеріалъ данными новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по исторіи. Это сдѣлано въ томъ соображеніи, что курсъ исторіи для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній можетъ отличаться отъ курса высшихъ учебныхъ заведеній лишь по формѣ и объему, особенно въ томъ, что касается чисто фактической стороны исторіи, но по содержанію и серьезному характеру его разработки, въ соотвѣтствіи съ исторической правдой и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, онъ долженъ съ нимъ сближаться и во всякомъ случаѣ подготовить къ его усвоенію. Это тѣмъ болѣе необходимо, что большинство учащихся заканчиваютъ курсъ ученія средней школой и остаются часто на всю жизнь лишь съ тѣми свѣдѣніями изъ исторіи, какія получены ими въ этой школѣ. Въ связи съ этимъ, и въ обрисовкѣ историческихъ фактовъ составитель стремился по возможности выдвинуть на первый планъ причинную связь между событіями и зависимость ихъ отъ общественныхъ

движеній, а не отъ дѣятельности только отдѣльныхъ лицъ, какъ представителей и руководителей этого общества, и тѣмъ болѣе не отъ такъ называемыхъ „случайностей", которымъ не мѣсто въ исторіи. Даже войны и битвы, которыя искони считаются событіями, менѣе всего подлежащими учету по закону причинности, и сухой перечень которыхъ лишь отягощаетъ память учащихся, разъясняются съ той же точки зрѣнія — въ причинной связи ихъ, въ зависимости отъ обстановки дѣла и безъ допущенія въ нихъ случайнаго элемента. Наиболѣе подробно изложена новая исторія (начиная съ Петра Великаго), и особенно тѣ факты изъ нея, которые даютъ ключъ къ пониманію многихъ событій послѣдняго времени и служатъ наиболѣе убѣдительной иллюстраціей къ тому неоспоримому историческому выводу, что никакія крупныя перемѣны въ строѣ общественной жизни не происходятъ сразу, безъ долговременной исторической подготовки ихъ.

Во внѣшней формѣ, при неизбѣжной въ общемъ, по существу дѣла, сжатости, авторъ старался избѣгать сухости, неумѣстной даже и въ самыхъ краткихъ учебникахъ по исторіи родины, и соблюсти возможную простоту и общедоступность изложенія, поскольку это было не въ ущербъ литературности и точности языка.

Къ свѣдѣнію лицъ, которыя пожелали-бы воспользоваться настоящей книгой для учебнаго употребленія.

Крупнымъ шрифтомъ (цицеро) отпечатано изложеніе фактической стороны исторіи съ наиболѣе существенными къ ней дополненіями, и вообще всѣ тѣ части курса, которыя значатся во всѣхъ программахъ исторіи для средней школы.

Обыкновеннымъ книжнымъ шрифтомъ (корпусъ) напечатаны свѣдѣнія, значащіяся не во всѣхъ программахъ, нѣкоторыя подробности курса, а равно всѣ разъясненія и выводы, характеристики отдѣльныхъ историческихъ личностей, очерки внутренней жизни страны и т. п. И, наконецъ, мелкимъ шрифтомъ — выдержки изъ источниковъ и историческихъ изслѣдованій, мелочныя или справочныя свѣдѣнія, подробности быта населенія и т. д. Отъ усмотрѣнія преподавателя, сообразно времени, имѣющемуся въ его распоряженіи, и умственному уровню класса зависитъ опредѣленіе того, что изъ

этихъ двухъ послѣднихъ частей курса, заключающихъ въ себѣ въ общемъ болѣе половины всей книги, слѣдуетъ изучить, или только прочесть (большая часть назначена именно для этой послѣдней цѣли) или же и совсѣмъ опустить. (О сокращеніяхъ въ виду той или иной программы не упоминаемъ, такъ какъ исторія родной страны, по убѣжденію составителя, не можетъ слишкомъ стѣсняться программой, но должна быть изучаема возможно шире и глубже, лишь бы только позволило время).

Большая часть годовъ и второстепенныхъ именъ и названій, необходимыхъ главнымъ образомъ для точности изложенія или справокъ, поставлены въ скобкахъ и легко, безъ нарушенія смысла и безъ передѣлки въ изложеніи фактовъ, могутъ быть опущены.

- - - - -

Настоящее — 2-е изданіе напечатано съ 1-го безъ перемѣнъ. Намѣреніе автора сократить текстъ книги пришлось пока оставить, въ виду того, что подавляющее большинство преподавателей, которые уже пользовались 1-мъ изданіемъ, находятъ это излишнимъ: сокращеніе и сухо-конспективное изложеніе фактической части книги, по ихъ мнѣнію, сдѣлаетъ ее менѣе пригодной для чтенія и не облегчитъ изученія, а развѣ только поведетъ къ заучиванію наизусть текста книги учащимися, что, разумѣется, нежелательно. Первоначальное знакомство съ фактами исторіи въ сокращенномъ ея изложеніи съ примѣсью миѳологическихъ сказаній и легендъ, обычно практикуемое въ младшихъ классахъ, не имѣетъ систематическаго и научнаго характера и не можетъ замѣнить или сдѣлать излишнимъ ознакомленіе съ серьезнымъ и строго прагматическимъ изложеніемъ событій исторической жизни народа въ курсѣ старшаго возраста. Предлагаемый затѣмъ частію преподавателей переводъ на крупный шрифтъ нѣкоторыхъ частей книги, напечатанныхъ среднимъ шрифтомъ, авторъ также затруднился сдѣлать, такъ какъ эти отдѣлы значатся не во всѣхъ программахъ, а съ другой стороны ничто не мѣшаетъ преподавателю давать учащимся эти отдѣлы для изученія, какимъ бы шрифтомъ они ни были напечатаны, разъ онъ считаетъ это необходимымъ и соотвѣтствующимъ программѣ. Легче всего было бы опустить отдѣлы, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, подробности быта и нравовъ населенія и т. п., и тѣмъ значительно сократить объемъ книги, но они назначены только для прочтенія (если позволитъ время), замѣняя собою не всегда пригодный для усвоенія, пестрый и неоднородный по формѣ и содержанію матеріалъ историческихъ хрестоматій или отрывковъ изъ разныхъ монографій, приводимыхъ обычно въ курсахъ исторіи.

Замѣченные пропуски и опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
7	8 сверху	зовутся или по занятіямъ или чаще всего по мѣстностямъ	зовутся чаще всего по мѣстностямъ
15	8 снизу	Чаще всего	Нѣкоторые
17	2 „	къ бортомъ	къ бортамъ
42	10 „	Кіевское и Черниговo-Сѣверское	Кіевское, Переяславское и Черниговo-Сѣверское
119	24 сверху	начавшимися	начавшимся
141	22 снизу	попавшихъ	подпавшихъ
174	5 „	подъ вліяніемъ	плодъ вліянія
175	4 сверху	черты жертвъ	черты жертвы
269	10 снизу	собора 1556 г.	Собора 1566 г.
352	13 „	скорости	скорописи
369	2 „	свѣча его жизнь	свѣча его жизни
„	10 „	назначить себя	назначить себѣ
473	7 „	приводили	проводили
474	19 сверху	надъ которымъ	надъ которыми
„	20 „	какъ надъ собраньемъ	какъ надъ собраньями
475	5 снизу	несогласія на перемѣну	несогласія будущей королевы шведской на перемѣну
„	18 „	она дѣйствуетъ	она дѣйствовала

Восточная Европа и Славяне.

Природа страны и ея вліяніе на исторію русскаго народа.

Природа страны имѣла замѣтное вліяніе на жизнь и характеръ русскаго народа и его исторію. Восточная половина Европы, гдѣ сыздавна селились славянскія племена, во многомъ отличается отъ Западной по особенностямъ своей природы. Западная половина состоитъ изъ цѣлаго ряда острововъ и полуострововъ, горныхъ хребтовъ и морскихъ береговъ. При этомъ берега Зап. Европы чрезвычайно извилисты и изрѣзаны внутренними морями и глубокими заливами. Горные хребты во внутренней части материка идутъ въ разныхъ направленіяхъ и раздѣлены долинами и низменностями. Все это способствовало образованію цѣлаго ряда независимыхъ государствъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого естественными границами. Отсюда же возникли и значительныя особенности въ бытѣ, занятіяхъ, языкѣ и характерѣ населенія этихъ государствъ.

Съ другой стороны, при удобствѣ и легкости морскихъ сношеній одного государства съ другимъ скоро развились торговля и промышленность, а возникшій отсюда постоянный взаимный обмѣнъ знаній содѣйствовалъ быстрому расцвѣту образованности. По морямъ отважный и предпріимчивый европеецъ отправлялся въ дальнія страны искать себѣ добычи и счастія, подчиняя своему вліянію племена и народы въ другихъ частяхъ свѣта. При умѣренномъ и мягкомъ климатѣ большинства странъ Зап. Европы населенію не приходилось тратить особенно силы на борьбу съ природой за свое существованіе и оставалось много досуга на занятія науками, искусствами, поэзіей.

Иную картину представляетъ Востокъ Европы. Громадной равниной раскинулся здѣсь материкъ, какъ бы составляя продолженіе рав-

нинъ и плоскихъ возвышенностей Азіи *). Только по окраинамъ этой равнины имѣются моря (Бѣлое, Балтійское, Черное, Азовское и Каспійское) и горные хребты (Уральскій, Кавказскій и Карпатскій). Но моря здѣсь не имѣютъ такого значенія для населенія, какъ на Западѣ, по своей отдаленности отъ центра страны и по слабому развитію береговой линіи сравнительно съ пространствомъ территоріи. Въ большинствѣ ихъ свободный выходъ стѣсненъ, навигація зимою затруднительна или и совсѣмъ невозможна. Что касается горъ, то онѣ только опоясываютъ или обрамляютъ мѣстами великую равнину Вост. Европы и имѣютъ лишь слабое вліяніе на устройство поверхности и распредѣленіе водъ (Съ Карпатъ и Кавказа бѣгутъ лишь незначительныя второстепенныя рѣки). Внутри великая восточная равнина также представляетъ разительную противоположность чрезвычайно неровной почвѣ Запада. Только въ срединѣ она немного поднимается и образуетъ холмистую возвышенность (Алаунскую). Здѣсь берутъ начало всѣ большія рѣки страны — Волга, Днѣпръ, Донъ, Западная Двина, съ ихъ безчисленными притоками, служившія въ древности почти единственными путями сообщенія. Рѣки восточной равнины, многоводныя, широкія и глубокія, играли ту же роль, что моря на Западѣ: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность, на берегахъ ихъ строились города и поселки, по рѣкамъ велись торговыя сношенія какъ внутри страны, такъ и съ другими народами (греками, арабами, зап. европейцами). Рѣки служили главнымъ орудіемъ сближенія между племенами, населявшими Вост. Европу: онѣ много содѣйствовали единству народному и государственному. Къ тому же вело и отсутствіе естественныхъ преградъ на громадной равнинѣ Вост. Европы при однообразіи природныхъ формъ: отсюда явилось однообразіе въ занятіяхъ населенія, одинаковость въ обычаяхъ, правахъ, вѣрованіяхъ. Въ прямую противоположность Западу, населеніе Востока Европы рано или поздно должно было соединиться въ *одинъ* великій народъ, который ищетъ опоры въ сплоченіи и стремится къ сильному самодержавію, какъ основѣ своего единства и силы въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

---

*) По даннымъ геологіи заключаютъ, что поверхность русской равнины нѣкогда была дномъ моря. Берегами его служили Уральскія и Карпатскія горы. Моря Каспійское и Аральское вмѣстѣ съ Чернымъ считаются остатками водъ обширнаго морского бассейна, въ незапамятныя времена покрывавшаго прикаспійскую низменность и южную Россію приблизительно до впаденія Камы въ Волгу. Верхняя часть этого пространства, раньше освободившаяся отъ моря, совпадаетъ съ полосой глубокаго и сильнаго чернозема, образовавшагося отъ продолжительнаго перегниванія растительности, вызванной здѣсь благопріятными климатическими условіями. Мѣстность далѣе къ югу, позднѣе вышедшая изъ-подъ моря, имѣетъ только тонкій слой чернозема и слабую растительность. И, наконецъ, песчаные солончаки и соленыя озера прикаспійскаго пространства показываютъ, что эта мѣстность сравнительно еще недавно была дномъ моря.

Появленію и умноженію этихъ враговъ также много способствовали природныя условія страны, что и отразилось на ходѣ русской исторіи. Въ южной половинѣ Россіи залегаютъ обширныя степи, поросшія высокою травою, мѣстами песчаныя и солончаковыя. На востокѣ онѣ сливаются съ великой равниной Средней Азіи, откуда издавна и безпрепятственно приливали безъ перерыва одна за другой многочисленныя хищныя орды азіатскихъ кочевниковъ (гунны, авары, хозары, печенѣги, половцы, татары). Вслѣдствіе этого на югѣ и не могло утвердиться прочнаго государственнаго порядка. Славянскимъ племенамъ, осѣвшимъ было въ плодородной долинѣ Днѣпра и усвоившимъ уже себѣ начатки образованія и христіанства изъ Византіи, пришлось тратить свои силы на борьбу съ свирѣпыми кочевниками и даже отодвинуться частью на непривѣтливый сѣверъ, покрытый въ древности дремучими лѣсами, озерами и болотами. Здѣсь, въ бассейнѣ Оки, притока Волги, прочно осѣло отличное отъ южанъ-малоруссовъ *великорусское племя*, образовавшееся изъ сліянія славянской и финской народностей. Выросшіе въ сравнительно бѣдной природой странѣ, въ борьбѣ съ довольно суровымъ климатомъ, терпѣливые и энергичные, предпріимчивые и разсчетливые великоруссы, во главѣ съ такими же князьями, объединили окрестныя племена подъ одною властію, дали отпоръ кочевникамъ-татарамъ, подчинившимъ было себѣ Русь, и мало-по-малу образовали, въ неустанной борьбѣ съ сосѣдями, сильное государство. Но эта жизнь среди неблагопріятныхъ историческихъ и физическихъ условій не давала населенію простора и досуга для занятія науками и искусствами, препятствовала надлежащему развитію промышленности и торговли. И, принявъ на свою грудь удары азіатовъ-кочевниковъ, служа такимъ образомъ для Зап. Европы оплотомъ отъ нашествія этихъ варваровъ, русскіе, пока не сложились въ одинъ сильный народъ, значительно отстали въ развитіи образованности и торгово-промышленной дѣятельности отъ народовъ Запада.

Древнѣйшая исторія страны.

Археологическія раскопки свидѣтельствуютъ, что Восточная Европа заселена была съ незапамятныхъ временъ; но точныхъ свѣдѣній о первобытныхъ обитателяхъ страны и ихъ жизни не имѣется. Сѣверную часть этой громадной равнины издавна, повидимому, заселяли или отодвинуты были сюда финско-угорскія племена; югъ служилъ ареной постоянныхъ передвиженій и столкновеній разныхъ другихъ племенъ, непрерывной струей вливавшихся сюда изъ глубины Азіи. Среди отрывочныхъ сообщеній объ этихъ народахъ, попадающихся у греческихъ,

римскихъ и др. писателей, мелькаютъ и первыя, не совсѣмъ, впрочемъ, ясныя свѣдѣнія о славянахъ.

Самыя раннія извѣстія о народахъ, населявшихъ югъ нынѣшней Россіи, даютъ греки, колоніи которыхъ основаны были по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря еще задолго до Р. Хр. (таковы—*Ольвія* при устьѣ Буга,—*Танаисъ* при устьѣ Дона, Херсонесъ или *Корсунь* — близъ нынѣшняго Севастополя, *Пантикапея*—на мѣстѣ нынѣшней Керчи и др.). Въ сосѣднихъ степяхъ господствовалъ, по сказаніямъ грековъ, полудикій народъ *скиѳы*, получившіе въ древнемъ мірѣ извѣстность по совершонному на нихъ персидскимъ царемъ Даріемъ Гистаспомъ въ VI в. неудачному походу. Памятниками этого народа считаются *курганы*, которыми усѣянъ весь югъ нынѣшней Россіи; многіе изъ нихъ разрыты, и тамъ найдены человѣческіе скелеты, оружіе и разныя каменныя и металлическія издѣлія первобытнаго происхожденія. Въ курганахъ близъ Керчи и м. Никополя найдено много сдѣланныхъ греками для скиѳовъ разнаго рода серебряныхъ и золотыхъ вещей. Между прочимъ найдены *вазы*, которыя украшены изображеніями скиѳовъ и, такимъ образомъ, даютъ понятіе о вооруженіи, одеждѣ и внѣшнемъ видѣ ихъ. Судя по этимъ изображеніямъ, скиѳы принадлежали къ племени арійскаго происхожденія. Между скиѳами греки различали скиѳовъ-кочевниковъ и подчиненныхъ имъ скиѳовъ-пахарей, жившихъ по Днѣпру. Въ послѣднихъ многіе изслѣдователи видятъ предковъ славянъ *).

Греческій историкъ Геродотъ сохранилъ для насъ то, что знали греки въ V вѣкѣ до Р. Хр. о скиѳахъ. По его разсказу, они поклонялись водруженному въ землю мечу, какъ изображенію бога войны, и орошали его человѣческою кровью; они пили кровь перваго убитаго на войнѣ непріятеля, скальпировали побѣжденныхъ и пили изъ череповъ, какъ изъ чашъ; бальзамированные трупы своихъ умершихъ царей они обвозили по всѣмъ подвластнымъ народамъ, и затѣмъ погребали вмѣстѣ съ любимѣйшими женами и самыми близкими слугами, клали съ ними всю утварь, оружіе и драгоцѣнности и насыпали громаднѣйшій курганъ; въ годовщину ихъ смерти снова правили тризну или поминки, убивая лошадей и рабовъ, трупы коихъ разставлялись вокругъ царскаго кургана.

Кромѣ греческихъ писателей о народахъ, населявшихъ до Р. Хр. Восточную Европу, упоминаютъ, впрочемъ, въ болѣе позднее время — около Р. Хр.—и римскіе, называя ихъ *сарматами* и подраздѣляя на цѣлый рядъ мелкихъ племенъ, каковы: геты, язиги, роксоланы, аланы, даки **). Судя по этимъ извѣстіямъ, на югѣ Восточной половины Европы обитало разомъ по нѣскольку племенъ, при чемъ кочевые народцы здѣсь часто смѣнялись одни другими. Въ числѣ ихъ были, вѣроятно, и славянскія племена.

Въ III в. послѣ Р. Хр., между Балтійскимъ и Чернымъ морями господствовало германское племя *готы*, подчинившее своей власти славянскія и финскія племена. Готы двинулись отъ Балтики по рѣкамъ, проникли въ Черное море и громили Византійскую имперію. Въ IV вѣкѣ ихъ вождь (Германарихъ) основалъ въ Черноморьѣ довольно сильное государство, въ составѣ котораго числились и славяне подъ именемъ *венедовъ* (подраздѣлен-

---

*) Къ сѣверу отъ скиѳовъ, по разсказамъ Геродота, жили антропофаги или „людоѣды", „меланхлены" или черные плащи, „невры" и другіе народы, подъ которыми, повидимому, нужно разумѣть финскія племена самоѣдовъ, эстовъ и пр. На самомъ дальнемъ сѣверѣ жили, по баснословнымъ разсказамъ грековъ, блаженные *гипербореи*, которые питались сокомъ цвѣтовъ и росою, жили по нѣскольку вѣковъ и, наконецъ, сами прекращали свою жизнь, повергаясь въ морскія волны.

**) Въ осетинахъ на Кавказѣ видятъ остатокъ отъ одного изъ этихъ племенъ.

ныхъ потомъ римскими писателями на двѣ вѣтви — антовъ и склавенъ; въ послѣднемъ названіи скрывается, повидимому, искаженіе слова „словенъ“ или славянъ).

Въ концѣ IV в. появляется изъ-за Каспія новый кочевой народъ монгольскаго происхожденія—*гунны*, которые разрушили царство готовъ и затѣмъ двинулись на равнины Венгріи и далѣе на Западную Европу, увлекая за собой готовъ и славянъ и подпадая, въ свою очередь, подъ культурное вліяніе послѣднихъ.

Съ паденіемъ царства гунновъ въ VI в. славянамъ Вост. Европы пришлось испытать тяжелое господство родственнаго съ гуннами хищнаго кочевого племени—*аваровъ* или обровъ. По занесеннымъ въ лѣтопись преданіямъ, они притѣсняли славянъ и особенно мучили женщинъ у дулѣбовъ (по З. Бугу), запрягая ихъ по четыре, по пяти въ телѣги. Владычество ихъ, однако, было недолговременно. Массовое истребленіе обровъ франками, и затѣмъ болгарами, создало въ древней Руси поговорку: „погибоша, аки обрѣ“. Напоминаніе лѣтописи о дулѣбахъ и особенной жестокости аваровъ по отношенію къ нимъ даетъ поводъ къ предположенію, что это племя было однимъ изъ наиболѣе сильныхъ среди славянъ и, быть можетъ, стояло въ центрѣ военнаго союза славянъ, покрывая ихъ своимъ именемъ. Подтвержденіе этому видятъ и въ сообщеніи одного арабскаго писателя (Масуди), что нѣкогда главою славянскихъ племенъ были волыняне („валинана“), жившіе по Зап. Бугу. Напоръ аваровъ и заставилъ славянъ отъ Буга и предгорья Карпатъ разбрестись въ разныя стороны, тѣмъ болѣе, что на смѣну обрамъ явились съ востока еще новыя орды того же монгольскаго корня—*угровъ* (или венгровъ), которые, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій въ южной Россіи, заняли нынѣшнюю Венгрію, и *хозаръ*, которые основали на югѣ обширное государство отъ Кавказа до Волги и средняго Днѣпра.

Происхожденіе славянъ.

Сравнительное изученіе языковъ, древнихъ языческихъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ показало, что славяне принадлежатъ къ большой семьѣ племенъ, происходящихъ отъ одного древняго народа — *арійцевъ* или индоевропейцевъ, въ незапамятныя времена жившихъ въ Средней Азіи, у верховьевъ рѣки Аму-Дарьи. Размножившись, арійцы расселились изъ своего отечества въ разныя стороны. Такъ образовались отдѣльныя племена—въ Европѣ грекоиталики, кельты, германцы, литовцы и славяне, въ Азіи—иранцы и индусы.

Когда славяне пришли въ Европу и гдѣ, по выходѣ изъ Азіи, поселились, въ точности неизвѣстно. Такъ какъ рѣчь ихъ ближе другихъ къ санскриту, языку индусовъ, отъ котораго произошли всѣ другія арійскія нарѣчія, то очевидно, что они позже всѣхъ покинули свою родину *). Съ другой стороны, по занесеннымъ въ лѣтопись старин-

*) Переходъ грекоиталиковъ въ Европу относятъ къ 2600—2000 гг. до Р. Хр.; славянъ—къ 1000—600 гг. до Р. Хр. Изысканія въ области древне-славянскаго языка показываютъ, что славяне въ эту пору уже вышли изъ первобытнаго состоянія дикарей—умѣли приручать нѣкоторыхъ животныхъ, занимались скотоводствомъ, имѣли свѣдѣнія о земледѣліи, умѣли шить, плести и ткать (въ языкѣ древнихъ славянъ были уже слова, обозначающія эти занятія).

нымъ преданіямъ славянъ, можно заключить, что центральнымъ мѣстомъ ихъ поселенія въ Европѣ былъ Прикарпатскій край, куда прибила ихъ волна народныхъ передвиженій въ эпоху великаго переселенія народовъ,—и частію плодородныя мѣстности по среднему теченію Дуная. Отсюда славяне, подъ напоромъ кочевниковъ, постепенно разселились на сѣверъ, югъ и сѣверо-востокъ и раздѣлились на три группы: славянъ *южныхъ*—болгаръ, сербовъ и хорватовъ, *западныхъ*—чехо-моравовъ, поляковъ и славянъ полабскихъ и *восточныхъ* или русскихъ. Начиная съ VII вѣка по Р. Хр. славяне основали нѣсколько отдѣльныхъ государствъ — чешское, польское, болгарское и русское. Послѣднее образовалось въ IX вѣкѣ. Съ этой поры и можно начать исторію нашей страны, пользуясь лѣтописными разсказами и другими источниками.

Разселеніе и бытъ восточныхъ славянъ.

Первоначально славяне, какъ и всѣ первобытные народы, жили въ родовомъ быту — особыми группами, или *родами* (родъ — разросшаяся, разродившаяся семья), разселившимися особнякомъ. Каждый родъ почиталъ своего родоначальника и связанъ былъ круговой самообороной (родовая месть). Съ теченіемъ времени роды, постепенно разростаясь, сформировались въ *племена*, связывавшія славянъ, жившихъ въ одной мѣстности, единствомъ языка, общими обычаями и преданіями о наиболѣе почитаемомъ родоначальникѣ. На этой стадіи развитія и застаетъ восточныхъ славянъ исторія VIII—IX вв. По описанію лѣтописи, восточные славяне въ эту пору занимали пространство отъ озера Ильменя до верховьевъ Оки и Волги и далѣе по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, по верховьямъ Буга и Западной Двины. Они дѣлились на нѣсколько небольшихъ племенъ, жившихъ отдѣльно одно отъ другого и получившихъ названія или отъ мѣстъ поселенія или отъ родоначальниковъ. Сѣверная часть славянъ, жившая по озеру Ильменю и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, не имѣла особаго названія, а называлась общимъ именемъ—*словенами* (ильменскими). По верховьямъ Днѣпра, Западной Двины и Волги поселилось самое многочисленное среди восточныхъ славянъ племя *кривичей*. Славяне, разселившіеся на поляхъ по среднему теченію Днѣпра, назывались *полянами*. Къ западу отъ нихъ по бассейну Припети жили *древляне*, названные такъ по густымъ лѣсамъ, покрывавшимъ ихъ страну. Къ сѣверо-востоку отъ полянъ по рѣкѣ Деснѣ разселились *сѣверяне*. Болотистую мѣстность между Припетью и Западной Двиной заняли *дреговичи* (дрягва—болото). На притокѣ Днѣпра—Сожѣ жили *радимичи* (отъ родоначальника — Радимъ); далѣе, по верховьямъ Оки —

вятичи (отъ родонач. Вятко), самое восточное изъ славянскихъ племенъ. По Западному Бугу жили *бужане* (волыняне или дулѣбы), по Днѣстру и Пруту—*уличи* и *тиверцы* и наконецъ въ предѣлахъ нынѣшней восточной Галиціи—*бѣлохорваты*.

Судя по всему, эти мелкія племена въ ту пору, о которой говорятъ лѣтописи, уже не имѣли строгой родовой организаціи, — только нѣкоторыя изъ нихъ еще сохраняютъ названія по родоначальникамъ, остальныя зовутся или по занятіямъ, или, чаще всего, по мѣстности, гдѣ живутъ. Разселившись на огромномъ пространствѣ, среди болотъ и лѣсовъ, отдѣльными группами, родичи невольно выходили изъ-подъ власти родовыхъ старшинъ. Мѣсто родовладыки заступалъ хозяинъ двора, каждаго семейства*). Роды начали дробиться на мелкія хозяйства, семьями. Эти семьи объединяла иногда общая опасность отъ грозившаго всѣмъ врага. Въ этихъ случаяхъ представители родовъ, или, точнѣе, главы семей, старшины, собирались на совѣщаніе, называвшееся *вѣчемъ* (отъ слова вѣщать, говорить). Постепенно, не забывая еще своего кровнаго родства (что выразилось, напр., въ сохраненіи родовой мести по отношенію къ врагу), славяне стали слагаться въ общины уже по интересамъ хозяйственнымъ и торговымъ, смотря по преобладавшимъ въ той или другой мѣстности занятіямъ (звѣроловство у древлянъ, земледѣліе у полянъ и т. д.).

Больше всего славяне любили заниматься хлѣбопашествомъ, съиздавна чтили и высоко цѣнили „землю — матушку-кормилицу“. Благодаря повсемѣстному обилію лѣсовъ, рядомъ съ земледѣліемъ развиваются лѣсные промыслы, добываніе меда и воска и охота за пушнымъ звѣремъ съ торгово-промышленными цѣлями. Воскъ, медъ и шкуры звѣрей издавна были предметомъ мѣновой торговли, особенно для племенъ, жившихъ по главной торговой дорогѣ къ Царьграду—по Днѣпру.

Селились славяне обыкновенно по берегамъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ мѣстахъ, чтобы водой не затопило въ половодье. Жилищами ихъ были простыя деревянныя избы (истба — отъ истопка). Печей и дымовыхъ трубъ не умѣли дѣлать, а устраивали среди жилища очаги, на которыхъ и разводили огонь, при чемъ дымъ уходилъ въ отверстіе въ крышѣ или стѣнѣ. Были у славянъ и *города*, состоявшіе изъ ряда такихъ же избъ, огороженныхъ тыномъ изъ толстыхъ бревенъ или землянымъ валомъ, куда и укрывались жители окрестныхъ поселковъ въ случаѣ нападенія врага. Въ Приднѣпровьи до сихъ поръ встрѣчается много остатковъ древнихъ земляныхъ валовъ, такъ называемыхъ *городищъ*. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ, основанные на большихъ водныхъ путяхъ, по которымъ шла мѣновая торговля съ сосѣдями, или вблизи этихъ путей, пріобрѣли особенное значеніе, расширились, стали мало-по-малу торгово-промышленными центрами для извѣстной мѣстности, притягивая къ себѣ окрестныя племена и являясь для нихъ убѣжищами въ случаѣ внѣшней опасности. Таковы были: у ильменскихъ

---

*) Этимъ объясняется, что „родъ“, по словоупотребленію его въ лѣтописяхъ, означаетъ иногда просто семью; съ другой стороны народныя пѣсни говорятъ о „родѣ-племени“.

славянъ — *Новгородъ*, у кривичей — *Псковъ, Изборскъ, Полоцкъ* и *Смоленскъ*, у полянъ — *Кіевъ* *), у древлянъ — *Коростень, Туровъ*, у сѣверянъ—*Черниговъ*; кромѣ того у славянъ, поселившихся среди финновъ на сѣверо-востокѣ Россіи, были старинные города *Ростовъ* при озерѣ Неро (въ нынѣшней Ярославской губерніи), *Суздаль и Муромъ*.

Благодаря вліянію городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ, племенной бытъ славянъ, особенно приднѣпровскихъ, постепенно сталъ разлагаться и переходить въ бытъ волостной: дѣлаясь центромъ для окружающихъ хозяйственныхъ общинъ, городъ пріобрѣталъ власть надъ ними. Границы города и его „волости" часто не совпадали съ границами разселенія племенъ. Такъ, напр., Новгородъ притянулъ къ себѣ и кривичей, Кіевъ — не только полянъ, но частью и древлянъ. Городское вѣче пріобрѣло большую силу и стало управлять и населеніемъ волостей.

Вслѣдъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ выдвинулась и власть *князей* (славянское видоизмѣненіе германскаго слова „конунгъ"), какъ назывались, повидимому, у славянъ главы сборныхъ „дружинъ", охранявшихъ города и торговые пути отъ нападенія враговъ, а также наиболѣе почтенные и вліятельные племенные вожди (Въ лѣтописи встрѣчаются имена такихъ князей — Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Малъ — у древлянъ).

Такъ, постепенно, разселившись на громадномъ пространствѣ Восточной Европы, славянскія племена стали перемѣшиваться между собою и составили рядъ мелкихъ политическихъ общинъ, управлявшихся двумя властями: городовыми вѣчами и городскими, или племенными князьями. Въ связи съ этимъ они теряютъ и прежнія свои племенныя названія и называются большею частію уже по городамъ—новгородцы, кіевляне и т. д. Со 2-й половины IX вѣка начинается объединеніе ихъ въ одинъ большой союзъ. Помимо чисто внѣшнихъ причинъ, этому способствовала и одинаковость въ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ славянъ, объясняемая общностью ихъ происхожденія. Послѣднее сказалось уже на внѣшнемъ видѣ нашихъ предковъ.

По отзывамъ иноземныхъ писателей, славяне отличались высокимъ ростомъ, русымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. Они обладали большой силой и необыкновенной выносливостью, смолоду пріучаясь переносить зной, холодъ и голодъ. Съиздавна они славились храбростью и стойкостью въ бою. Славянскіе воины дрались пѣшіе, желѣзными топорами, ножами, дротиками и мечами и искусно стрѣляли изъ лука. Кромѣ копій и стрѣлъ, иногда намазанныхъ ядомъ, славяне употребляли на войнѣ еще большіе деревянные щиты; панцырей и латъ у нихъ въ первое время не было. Не имѣя

---

*) Судя по занесенному въ лѣтопись преданію, Кіевъ возникъ изъ трехъ небольшихъ деревень (съ общимъ укрѣпленіемъ или городищемъ), которыя были поставлены тремя звѣроловами (Кій, Щекъ и Хоривъ) на трехъ холмахъ, возвышавшихся островками въ окружавшемъ ихъ морѣ лѣсовъ и болотъ. Названіе свое онъ получилъ по имени старшаго брата, Кія, котораго лѣтопись называетъ княземъ, очевидно, въ смыслѣ родового старѣйшины. Время основанія этого города, какъ и другихъ подобныхъ небольшихъ старинныхъ городовъ, теряется въ незапамятной дали.

правильнаго строя, славяне не любили открытаго боя, они были зато мастера дѣлать засады и отсиживаться въ городищахъ или подолгу лежать подъ водой, при чемъ дышали чрезъ выдолбленный тростникъ, держа одинъ конецъ его въ зубахъ, а другой—надъ водою.

Добродушные и миролюбивые по природѣ, во время войны славяне становились иногда такъ свирѣпы, что не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, и страшно истязали попавшихся къ нимъ въ руки враговъ. Особенною грубостію отличались нравы у тѣхъ племенъ, которыя вели охотничью жизнь. Поводомъ къ кровавой расправѣ и жестокостямъ служилъ также распространенный у славянъ обычай кровавой мести, когда цѣлый родъ мстилъ другому за убійство своего сочлена. Вообще родовыя убійства и постоянные взаимные раздоры и распри, при отсутствіи законовъ и общей власти, которой бы всѣ безпрекословно подчинялись, были обычнымъ явленіемъ въ жизни славянъ.

Семейная жизнь славянъ основана была на повиновеніи младшихъ членовъ рода родоначальнику, дѣтей—отцу. Послѣ его смерти власть переходила къ старѣйшему члену семьи, сперва къ братьямъ покойнаго, если таковые были подъ его властью, потомъ послѣдовательно къ его сыновьямъ, начиная со старшаго. Женщина находилась въ подчиненіи у своего мужа и исполняла тяжкія домашнія работы. Встрѣчалось даже многоженство: кто былъ побогаче, могъ имѣть двухъ, трехъ женъ и больше. Существовалъ обычай „умыканія" или похищенія невѣстъ во время „игрищъ" или религіозныхъ празднествъ, въ которыхъ участвовали и дѣвушки изъ разныхъ родовъ, что указываетъ на свободу, которою они пользовались. Родичи, однако, не любили уступать дѣвушку, эту полезную работницу въ полѣ и домѣ, другому роду, — отсюда обычай платить за невѣсту выкупъ или *вѣно*. Остатки этихъ обычаевъ и доселѣ сохранились въ свадебныхъ обрядахъ нашего народа. Обычное добродушіе славянъ смягчало зависимость слабѣйшаго пола отъ сильнѣйшаго, и многія изъ женъ такъ были привязаны къ своимъ мужьямъ, что иногда даже добровольно сожигались на кострахъ съ ихъ трупами. Славянки иногда ходили въ походъ вмѣстѣ съ ратниками, мстили за смерть своихъ мужей, снискивая тѣмъ себѣ общее уваженіе; эпическія пѣсни представляютъ намъ смѣлыхъ героинь среди древнихъ богатырей и ихъ матерей, окруженныхъ роскошью и необыкновенными почестями. Послѣ основанія государства восточныхъ славянъ ими управляла нѣкоторое время и со славою женщина (княгиня Ольга).

Добродушіе славянъ отразилось въ ихъ радушіи и гостепріимствѣ по отношенію даже къ иноземцамъ и въ ихъ мягкомъ отношеніи къ плѣннымъ и рабамъ. „Гостемъ" они называли одинаково и странника и торговца. Все добро хозяина было къ его услугамъ; для него можно было даже украсть. Съ плѣнными славяне обходились дружелюбно; цѣня выше всего свободу, они назначали срокъ ихъ рабству, отпускали ихъ за выкупъ на родину, а если освобожденные не хотѣли возвращаться, то могли жить и среди славянъ на свободѣ.

Одежда славянъ состояла изъ полотнянаго платья и кожи животныхъ. Изъ шкуръ пушныхъ звѣрей они дѣлали себѣ шубы и шапки;

обувались сначала въ лапти, а потомъ научились дѣлать и кожаные сапоги. Лѣтомъ мужчины носили только рубахи и шаровары; женщины носили длинныя сорочки и накидывали на плечи куски грубой ткани въ родѣ плаща. Славянки очень любили рядиться, у нихъ были въ большомъ ходу разныя украшенія: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Въ пищу славяне употребляли мясо звѣрей, птицъ и рыбъ, просо, гречиху, молоко; любимымъ напиткомъ былъ медъ.

Во время празднествъ наши предки любили повеселиться,—умѣли пѣть пѣсни и плясать; были у нихъ съиздавна и музыкальные инструменты—гусли, гудокъ, дудка. Празднества сопровождались веселыми и шумными попойками. „Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти", говорилъ впослѣдствіи одинъ изъ князей (Владиміръ Великій), характеризуя обычаи славянъ.

Религія славянъ.

Земледѣльческій и родовой бытъ славянъ отразился и на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Они боготворили силы и явленія природы, вліяніе которыхъ сказывалось на успѣхахъ земледѣлія, и кромѣ того почитали души умершихъ предковъ.

Древнѣйшимъ божествомъ былъ *Сварогъ*—небо со всѣми его явленіями; его дѣти—Сварожичи представляютъ отдѣльныя небесныя явленія. Таковы были *Дажбогъ* (Даждьбогъ) или Хорсъ, „горящій"—божество солнца; богъ грома и молніи—*Перунъ*; богъ вѣтра—*Стрибогъ*; богъ жатвы и скотоводства—*Велесъ* или Волосъ.

Представленія объ этихъ божествахъ у славянъ не успѣли, впрочемъ, выработаться и носили довольно смутный характеръ. Предъ концомъ язычества, въ эпоху князей-дружинниковъ, выше всего ставили Перуна-громовника, какъ бога войны, и „скотьяго бога" Велеса, между прочимъ, какъ покровителя торговли и вдохновителя пѣвцовъ и гусляровъ.

Славянинъ почиталъ еще цѣлый рядъ второстепенныхъ божествъ, въ которыхъ олицетворялись различныя силы и явленія природы. Остатки этихъ вѣрованій сохранились, напримѣръ, въ нашихъ народныхъ сказкахъ о *Кощеѣ Безсмертномъ* (олицетвореніе мороза) и *Бабѣ-Ягѣ* (олицетвореніе вьюги). Земледѣлецъ-славянинъ особенно любилъ поле и луга, и въ его глазахъ каждая травка и цвѣтокъ представлялись чѣмъ-то живымъ: они ходили по полю, пропадали, превращались, издавали голоса. Отголоски этихъ вѣрованій слышатся и доселѣ въ разныхъ заговорахъ и заклинаніяхъ.

Вѣра въ духовъ природы переплеталась съ вѣрой въ духовъ

предковъ *). Это были самые близкіе славянину боги; память о нихъ хранится и доселѣ. Особымъ почитаніемъ пользовался *Чуръ* или *Щуръ*—самый старый дѣдъ, хранитель семьи (отсюда заклинаніе—„чуръ меня“, т. е. храни меня, дѣдъ, а также уцѣлѣвшее и доселѣ слово „пращуръ“ **). Самыми же живыми олицетвореніями сельскаго быта и вѣрованій въ домашнихъ боговъ были дѣдушка — *Домовой, Водяной, Лѣшій* (лѣсной дѣдъ) и *Полевой* или житный дѣдъ. Домовой смотритъ за домомъ и всѣмъ помогаетъ, заплетаетъ гривы лошадямъ и т. п. Онъ принимаетъ на себя разные образы—дѣлается *оборотнемъ*. Этой способностію обладали, впрочемъ, по вѣрованію славянъ, и вообще души умершихъ. Они блуждали часто огонькомъ по болотамъ, могилкамъ, прилетали ласточками; на зиму они оставались подъ землею, весною воскресали, жили въ лѣсахъ, на деревьяхъ — любимомъ пребываніи *русалокъ* (отъ слова русый, свѣтлый, ясный,—такъ называли славяне души умершихъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, обитавшихъ въ водѣ рѣкъ, которыя представлялись путями въ подземное царство).

Этими вѣрованіями въ духовъ природы и предковъ опредѣлился и самый характеръ древнихъ празднествъ и обрядовъ, связанныхъ по большей части съ перемѣнами въ жизни природы. Таковы праздники Коляды, Красной Горки, Купалы и др.

Первый праздникъ въ честь бога солнца—*Коляда* (отъ коло, колесо, кругъ, солнце — праздникъ рожденія солнца, когда оно „поворачиваетъ на лѣто“ и дни начинаютъ прибывать; другое названіе того же праздника „овсень“ отъ о-весень), слившійся потомъ, по принятіи христіанства, съ праздникомъ Рождества. Зажигали полѣно, изображавшее солнце, золой посыпали поле. Обмолачивали „житнаго дѣда“ (снопъ) и зерна раздавали мальчишкамъ, которые ходили „колядовать“, осыпая зерномъ избы въ знакъ урожая. Празднества сопровождались переряживаніями, гаданьемъ (т. е. бесѣдой съ духами предковъ). Второй праздникъ конца зимы,—жгли и топили соломенное чучело, т. е. зиму (теперь это пріурочено къ масляницѣ), послѣ чего выѣзжала Весна верхомъ на колесѣ (солнце). Всѣ шли „на горы“ (могилы), которыя поливали медомъ и уставляли яствами для покойниковъ („радуница“—весеннія поминки по умершимъ). Молодежь выходила на холмы звать Весну-красну (отсюда „Красная горка“). Третій большой праздникъ справлялся, когда деревья покрывались листьями. Дѣвушки убирали лентами зеленыя березки, завивали вѣнки, пѣли пѣсни, водили хороводы; начинались разныя игрища, при чемъ „умыкали“ невѣстъ. Лѣтомъ, въ іюнѣ, шумно и весело справляли праздникъ *Купалы* (пріуроченный потомъ къ 24 іюня — отсюда названіе Ивана Купалы); тогда купались ночью, пировали, прыгали черезъ костры, собирали цѣлебныя травы.

---

*) Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ упоминается въ качествѣ охранителя родичей—„родъ“ съ „рожаницами“, т. е. дѣдъ съ бабушками (у первобытныхъ славянъ существовало многоженство).

**) Отсюда же слово „черезчуръ“, т. е. переходъ черезъ *чуръ*—межевую границу, гдѣ ставились *чурбаны* или столбы, на которыхъ стояли сосуды съ костями предковъ (послѣ обряда сожженія), охранителей владѣній рода.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи обряды и игры, имѣвшія мѣсто на подобныхъ празднествахъ, сохранились и доселѣ, являясь наглядным указаніемъ на обычаи и вѣрованія древнихъ славянъ. Точно также въ простомъ народѣ сохранилась доселѣ старинная вѣра въ возможность предузнавать и предсказывать будущее по разнымъ примѣтамъ, и въ силу заговоровъ и наговоровъ. „Вѣщіе" люди, умѣвшіе объяснять „знаменія" и гадать, знавшіе цѣлебныя свойства растеній и заговоры, назывались у древнихъ славянъ *волхвами* или *кудесниками*, и пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Особыхъ храмовъ въ честь боговъ и для совершенія общественнаго богослуженія у славянъ не было; храмомъ ихъ была природа и домашній очагъ—они молились своимъ богамъ по рощамъ, у озеръ, у рѣкъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, и чаще всего дома, чествуя главнаго покровителя семьи—домового. Особыхъ жрецовъ у русскихъ славянъ также не было, а совершали жертвы старцы, старшины родовъ. Идолопоклонство возникло лишь подъ конецъ язычества, когда стали дѣлать изображенія боговъ въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева. Тогда появились, напр., большія статуи Перуна въ Кіевѣ и Новгородѣ, Велеса—въ Ростовѣ, а также *требища* (треба — жертва) или *капища* (копоть—дымъ), гдѣ ставили идола и камень для жертвоприношенія. Въ жертву приносили плоды, животныхъ; подъ конецъ язычества явились и человѣческія жертвы. Вѣря въ загробную жизнь, славяне представляли ее продолженіемъ земной. Покойниковъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали, при чемъ клали вмѣстѣ съ трупомъ и любимыя вещи умершаго—утварь, оружіе, его собаку, коня, пищу и питье, въ чаяніи, что все это ему потомъ понадобится. Тѣло умершаго иногда при сожженіи клали на ладью, чтобы душѣ легче было приплыть по рѣкамъ въ подземное царство, которое, по миѳологическимъ представленіямъ славянъ, находилось въ глубинахъ моря. Послѣ погребенія, на могилахъ устраивали пиръ и воинскія игры — боролись и бѣгали взапуски. Такъ совершалась *тризна* по умершемъ *).

Языческая религія, ея обряды и празднества, а равно и самыя вѣрованія славянъ не успѣли еще выработаться и принять опредѣленный характеръ, когда на Руси, благодаря сношеніямъ съ Византіей, распространилось христіанство.

Инородцы—сосѣди славянъ въ IX вѣкѣ.

Въ эпоху основанія русскаго государства, въ IX вѣкѣ, по сосѣдству съ восточными славянами жило нѣсколько инородныхъ племенъ, а именно: литовцы, финны, болгары и норманны (варяги).

Литовцы, народъ арійскаго происхожденія, обитавшій въ лѣсистой и болотистой мѣстности, по нижнему теченію Западной Двины,

*) Слово тризна производятъ отъ слова третина, третья часть имущества, приносившагося въ жертву по умершемъ, или отъ западно-славянскаго тризна—бой, поединокъ, борьба въ честь умершаго.

Нѣмана и Вислы, дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, долго жившихъ въ полудикомъ состояніи; изъ нихъ наиболѣе воинственнымъ были ятвяги. На послѣднихъ и совершали неоднократно походы наши первые князья. Въ XIII в. литовцы объединяются и образуютъ самостоятельное государство, явившееся опаснымъ сосѣдомъ Юго-Западной Руси.

Финны, составлявшіе одну изъ отраслей монгольской расы и называвшіеся у славянъ чудью (нынѣ чухны), дробились на множество мелкихъ племенъ (чудь, весь, меря, мурома, мордва, мещера, черемиса, пермь, печеры, югора и самоѣды). Они занимали весь сѣверный край нынѣшней Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскаго хребта. Занимаясь звѣроловствомъ и рыболовствомъ, финны жили разбросанно, небольшими поселками, и не были опасны своимъ сосѣдямъ. Сѣверные славяне вели съ ними торговыя сношенія и безпрепятственно селились среди нихъ, мирно подчиняя ихъ своему вліянію (Такъ постепенно ославянились весь, меря, мурома—вошедшіе въ составъ великорусскаго племени). Финны обоготворяли явленія природы, главнымъ божествомъ у нихъ былъ *Юмала*—богъ неба, грома и молніи. Въ Финляндіи сохранилась древняя поэма—*Калевала*, гдѣ воспѣты финскіе богатыри-чародѣи. Сѣверные финны покланялись камнямъ, медвѣдямъ и вѣрили въ злыхъ духовъ, во главѣ которыхъ стоялъ страшный *Кереметь*. Финны вообще представляются племенемъ очень бѣднымъ, скудно одареннымъ физическими и духовными силами; они такъ же некрасивы и угрюмы, какъ ихъ сѣверная природа. Изъ всѣхъ финскихъ племенъ только пермь или *біармія* (пермское племя иначе называется *зырянами*) достигло значительнаго развитія и сохранялось до XIII вѣка; оно славилось своимъ богатствомъ, находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ болгарами и норманнами.

Болгары, осѣдлый торговый народъ тюркскаго племени, жили по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ (отъ послѣдней получили и свое названіе; одна изъ болгарскихъ ордъ въ V вѣкѣ отдѣлилась и дошла до Дуная, гдѣ, смѣшавшись съ славянами, образовала впослѣдствіи царство Болгарское). Живя на торговомъ пути по самымъ большимъ рѣкамъ Вост. Европы, болгары вели обширную торговлю. Въ ихъ столицѣ *Великихъ Болгарахъ* (близъ нынѣшней Казани) сходились купцы финскіе, славянскіе, персидскіе и арабскіе; арабы даже обратили ихъ въ исламъ въ X в. и строили имъ мечети, школы и дворцы. Завися первоначально отъ хозаръ, болгары имѣли, однако, особаго хана и многихъ подчиненныхъ ему князей. Съ паденіемъ Хозарскаго царства, болгары образовали самостоятельное государство. Русскіе князья не разъ входили во враждебныя столкновенія съ болгарами. Ихъ царство сохранялось до XIII в. (до нашествія татаръ); потомки ихъ живутъ и теперь близъ Казани подъ именемъ *чувашей*.

Хозары, народъ тюркскаго племени, образовали довольно обширное и могущественное государство на пространствѣ отъ Днѣпра до Волги. Подлѣ Астрахани найдены остатки ихъ обширной столицы *Итиля*, бывшей центромъ ихъ торговли съ греками, славянами, ев-

реями и арабами. Въ Итилѣ, благодаря этому, мирно уживались другъ подлѣ друга представители четырехъ религій: языческой, магометанской, христіанской и еврейской и послѣднюю исповѣдывалъ *каганъ*— духовный владыка и верховный повелитель хозаръ. У него былъ свѣтскій помощникъ „бегъ", начальникъ войска. Хозары были народъ полуосѣдлый: хотя у нихъ и были города, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ Итиль пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь. Хозары постепенно распространили свое владычество отъ Каспія до Терека, Крыма и Днѣпра; на Дону основанъ былъ ими другой большой городъ—Саркелъ или Бѣлая Вежа. Въ IX вѣкѣ они подчинили себѣ славянскія племена полянъ, вятичей и радимичей и брали съ нихъ дань. Владычество хозаръ надъ славянами, между прочимъ, способствовало развитію торговли съ Востокомъ. Пользуясь ихъ покровительствомъ, славянскіе купцы стали плавать по Волгѣ, спускались въ Каспійское море, достигали юго-восточныхъ его береговъ и даже на верблюдахъ провозили свои товары до Багдада. Силу хозаръ подорвали набѣги новыхъ выходцевъ изъ-за Урала—печенѣговъ, а затѣмъ походы русскихъ князей (особенно Святослава и Мстислава Удалого). Остатки хозаръ долго существовали въ Крыму и на Кавказѣ.

Норманны — жители Скандинавіи, народъ германскаго происхожденія, были ближайшими сосѣдями славянъ на Сѣверѣ и рано вступили съ ними въ сношенія. Суровая, непривѣтливая природа Скандинавіи заставила норманновъ искать себѣ пропитанія въ морѣ, въ поискахъ за добычей. Шайки этихъ удальцовъ подъ начальствомъ викинговъ или морскихъ королей (отсюда русское слово „витязь") часто дѣлали набѣги на своихъ легкихъ ладьяхъ на прибрежныхъ жителей Европы и иногда даже утверждали тамъ свою власть, какъ, напр., въ Англіи, въ Сѣверо-Западной Франціи, въ Южной Италіи. Норманны называли себя „варингеръ" (вооруженные люди), потому славяне и прозвали ихъ *варягами*. Къ варяжскимъ дружинамъ присоединялись нерѣдко удальцы изъ литовскихъ и славянскихъ племенъ, жившихъ у береговъ Балтійскаго моря. Эти сбродныя дружины пробирались и въ Константинополь по „великому водному пути изъ варягъ въ греки": изъ Финскаго залива рѣкой Невой до Ладожскаго озера, по Волхову въ Ильмень, отсюда рѣкой Ловатью, затѣмъ перетаскивали (волокомъ) лодки въ Днѣпръ и спускались въ Черное море. Въ столицу Греціи они ѣздили для наживы, торгуя награбленнымъ добромъ, или же нанимались въ императорскую гвардію. Проходя много разъ черезъ земли финновъ и славянъ и пользуясь разрозненностію этихъ племенъ, норманскія дружины, въ сообществѣ съ удальцами изъ тѣхъ же славянъ, нерѣдко подчиняли ихъ своей власти, облагая данью. Этимъ они полагали начало невольному объединенію славянскихъ и финскихъ племенъ, способствуя тѣмъ пробужденію сознанія необходимости единой власти для внутренняго порядка при раздорахъ родовъ и борьбѣ ихъ за первенство и для болѣе успѣшной борьбы съ внѣшними врагами.

Образованіе русскаго государства.

Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

Разсказъ лѣтописи о призваніи князей. Отдѣльныя племена славянъ постоянно враждовали между собою и не могли поэтому устоять противъ сильныхъ сосѣдей. Въ 859 году, по словамъ лѣтописца, „варяги изъ-за моря" брали дань со славянъ, жившихъ по Ильменю, и со всѣхъ кривичей, а также съ сосѣднихъ финскихъ племенъ — чуди и мери; въ то же время хозары наложили дань на полянъ, сѣверянъ и вятичей.

Надоѣло сѣвернымъ славянамъ платить эту дань, и въ 862 году они общими силами прогнали варяговъ. Но вслѣдъ затѣмъ у славянъ опять настали внутренніе раздоры и усобицы — „родъ возсталъ на родъ". Тогда, собравшись на вѣче, они, по предложенію новгородскаго старѣйшины *Гостомысла*, порѣшили искать себѣ князя на сторонѣ, чтобы онъ „владѣлъ ими и судилъ по праву". Славянскіе послы отправились „за море къ варяжскому племени Русь" и сказали русскимъ князьямъ: „Земля наша велика и обильна, да наряда (порядка) въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами". Три варяжскихъ князя—братья: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*, приняли это предложеніе и явились со своими дружинами. Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ и земля наша стала называться Русью*). Такъ,

---

*) Происхожденіе слова „Русь" и досел́ѣ не имѣетъ удовлетворительнаго объясненія. Чаще всего производятъ его отъ острова Ругіи (Рюгена), откуда могли быть призваны первые русскіе князья, или же отъ стариннаго названія племенъ, обитавшихъ по Днѣпру (до Р. Хр.) и называвшихся роксоланами (россоланами), въ числѣ которыхъ были варяги и приднѣпровскіе славяне. Въ эпоху такъ называемаго призванія князей названіе „Русь" имѣло племенное значеніе; позже этимъ именемъ обозначаютъ высшій классъ общества, преимущественно княжескую дружину (пришедшую съ княземъ); еще позже Русью стали называть Кіевскую область, гдѣ по преимуществу сосредоточились варяги, а потомъ такъ стала называться вся земля, подвластная русскимъ князьямъ.

по разсказу лѣтописи, положено было въ 862 году начало русскому государству.

Кто такіе были варяги — русь? Вопросъ этотъ издавна занималъ историковъ и рѣшался различно, въ виду неопредѣленности указаній лѣтописи и отсутствія другихъ свидѣтельствъ о фактѣ призванія князей. По выраженію одного изслѣдователя, „нѣтъ мѣста на пространствѣ отъ крайняго сѣвера до юга Россіи, откуда бы не выводили руси“. Большинство историковъ выводятъ князей и всю русь изъ Скандинавіи, опираясь, между прочимъ, на то обстоятельство, что многія имена князей русскихъ и ихъ дружинниковъ, какъ при Рюрикѣ, такъ и при первыхъ его преемникахъ, звучатъ по-скандинавски.

Другіе изслѣдователи полагаютъ, что варяги—славяне; они пришли или со славянскихъ береговъ Балтійскаго моря (изъ Помераніи), или изъ скандинавской области, въ которой славяне основали колонію. Призваніе славянами князей норманновъ, изъ другой національности, по этой теоріи, считается невѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что вліянія князей-скандинавовъ на бытъ и вѣрованія славянъ незамѣтно.

Третьи—предполагаютъ, что искать племя русь и его князей нужно на югѣ около Чернаго моря, опираясь на то, что слово русь съ глубокой древности примѣнялось къ приднѣпровской странѣ, и между прочимъ арабскіе писатели говорятъ о русахъ, какъ о великомъ туземномъ народѣ.

Четвертое мнѣніе, наконецъ, гласитъ, что призванные славянами варяги не были націею, въ собственномъ смыслѣ этого слова, но представляли собою воинственную шайку, въ составъ которой входили удальцы, искатели приключеній, какъ славяне, такъ и скандинавы. Сторонники этого мнѣнія опираются на существованіе частыхъ и весьма древнихъ торговыхъ и политическихъ сношеній между славянами и скандинавами. Главами сборныхъ изъ скандинавовъ и славянъ дружинъ были обыкновенно варяги, какъ наиболѣе опытные въ бояхъ люди. Этимъ объясняется, почему водвореніе варяжской дружины Рюрика очень мало повліяло на славянъ, жившихъ у Ильменя и Днѣпра и почему новые пришельцы быстро ославянились, такъ что, напр., внукъ Рюрика, Святославъ, носитъ уже чисто славянское имя, а правнукъ его Владиміръ остался въ памяти народной типомъ истаго славянскаго князя. Что касается вопроса о неудобствѣ для славянъ призванія князя изъ чуждой національности, то нельзя забывать, что въ IX в. такой розни между племенами еще не было. Чѣмъ ближе къ языческой древности племена германское и славянское, происходящія отъ одного арійскаго корня, тѣмъ они сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, правахъ и обычаяхъ. Исторія не провела еще въ ту пору между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Наконецъ, если бы новгородцы и кривичи непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ славянина, то такого желанія могло и не быть у финскихъ племенъ, бывшихъ съ ними въ союзѣ. Всѣ желали только единой власти, устраняющей родовыя усобицы,

и могли думать, что князья, призванные со стороны, какъ всѣмъ одинаково чуждые, будутъ управлять и судить безпристрастно. А такъ какъ дружина первыхъ князей была разноплеменная, то она и не внесла какого нибудь племенного начала, а установила только связь между разрозненными племенами, подчиняясь вмѣстѣ съ ними одному князю и давая имъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Всѣмъ этимъ объясняется и то обстоятельство, что въ первое время не прерывалась связь съ варягами, и они постоянно встрѣчаются на службѣ у кіевскихъ князей до сыновей Ярослава включительно.

Рюрикъ. Спустя два года послѣ призванія князей умерли оба младшіе брата Рюрика, и онъ сталъ править одинъ. Онъ началъ раздавать волости (области) своимъ „мужамъ“, т. е. главнѣйшимъ дружинникамъ и велѣлъ имъ „города рубити“, т. е. строить деревянныя крѣпости, гдѣ бы можно было держаться противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ *). Дружинники имѣли при себѣ вооруженные отряды и заставляли окрестныхъ жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое изъ дружинниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, которымъ не досталось городовъ въ управленіе, отпросились у него со своими родичами въ Константинополь поискать добычи и счастія. По дорогѣ, плывя по Днѣпру, они захватили въ свои руки Кіевъ, городъ полянъ, и стали княжить надъ ними, освободивъ ихъ отъ дани хозарамъ. Около Аскольда и Дира собралось не мало удальцовъ-искателей приключеній, во главѣ которыхъ, на двухъ стахъ ладьяхъ **), они сдѣлали въ 865 году (по другимъ извѣстіямъ походъ былъ еще въ 860 г.) набѣгъ на Византію. Русы обступили Царьградъ и стали разорять его окрестности. Греки пришли въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что императоръ (Михаилъ) въ ту пору находился съ главными силами въ Азіи, гдѣ онъ воевалъ противъ арабовъ. Получивъ извѣстіе о нападеніи руси, онъ поспѣшилъ въ столицу. Патріархъ Фотій взялъ изъ Влахернскаго храма чудотворную ризу Богородицы и совершилъ съ нею крестный ходъ вокругъ стѣнъ. Вѣсть о прибытіи императора съ войсками и буря, разбившая много русскихъ лодокъ, заставили Аскольда и Дира возвратиться въ Кіевъ. Вслѣдъ затѣмъ въ Кіевъ отправлены были греческіе миссіонеры, которымъ удалось окрестить многихъ русовъ, въ томъ числѣ, по преданію, крестились и Аскольдъ и Диръ.

---

*) Преданіе расказываетъ о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведеніе Рюрика и его родичей или единоземцевъ. Во главѣ недовольныхъ стоялъ какой-то *Вадимъ*, убитый Рюрикомъ вмѣстѣ со многими новгородцами, его совѣтниками.

**) Каждая лодка выдалбливалась изъ ствола большого дерева, почему такія лодки назывались *однодревками*; чтобы сдѣлать ихъ глубже, къ бортомъ во всю длину ихъ придѣлывались доски.

Въ 879 году Рюрикъ умеръ. За малолѣтствомъ его сына Игоря сталъ княжить его родственникъ—Олегъ.

Олегъ (879—912) былъ князь очень предпріимчивый, хитрый и воинственный. Онъ задумалъ забрать въ свои руки весь великій водный путь въ богатую Грецію и соединить подъ своей властью племена славянъ, жившихъ по Днѣпру. Олегъ собралъ большое войско изъ варяговъ и всѣхъ подвластныхъ и даже неподвластныхъ ему племенъ—сѣверныхъ славянъ и финновъ и двинулся на югъ. На пути онъ окончательно подчинилъ себѣ кривичей, захвативъ у нихъ Смоленскъ, и затѣмъ взялъ обманомъ Кіевъ, убивши Аскольда и Дира. Кіевъ Олегу очень понравился, и онъ сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ, назвавши его, по словамъ лѣтописи, „матерью городовъ русскихъ".

По лѣтописному преданію, Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ слѣдующей хитрости. Оставивши позади главную рать, онъ приплылъ къ городу съ небольшой дружиной, скрытой въ лодкахъ, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ, варяжскіе купцы, ѣдутъ въ Грецію и желаютъ съ ними повидаться. Аскольдъ и Диръ пришли и тотчасъ же были окружены ратными людьми, повыскакавшими изъ лодокъ. „Вы не князья и не княжескаго рода, сказалъ имъ Олегъ, а я роду княжескаго" и, указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ: „а вотъ сынъ Рюрика". Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ (Урочище Акольдова могила въ Кіевѣ).

Чтобы утвердить свою власть въ покоренной области и для защиты отъ кочевниковъ со стороны степей Олегъ началъ строить новые города, сажая въ нихъ своихъ дружинниковъ, и затѣмъ постепенно подчинилъ своей власти и обложилъ данью славянскія племена, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра (древлянъ, сѣверянъ и радимичей), освободивъ послѣднихъ отъ дани хозарамъ. Не довольствуясь скудной данью славянскихъ народовъ, Олегъ во главѣ громадной рати, составленной изъ всѣхъ подчиненныхъ ему племенъ (на 2000 ладьяхъ, по словамъ лѣтописи), совершилъ (въ 907 г.) морской походъ на Византію; онъ осадилъ самый Царьградъ, страшно опустошилъ окрестности его, нещадно избивая жителей, и отступилъ только тогда, когда греки заплатили ему большой откупъ. Олегъ воротился въ Кіевъ съ богатой добычей, которая состояла изъ золота, паволокъ (шелковыя ткани), греческихъ винъ и другихъ товаровъ. Результаты своего удачнаго похода Олегъ утвердилъ потомъ (въ 911 году) письменнымъ торговымъ договоромъ съ греками, весьма выгоднымъ для русскихъ купцовъ: они, напримѣръ, могли покупать въ Константинополѣ товары, не платя за нихъ пошлины.

Заключеніе торговаго договора съ греками ясно показываетъ, что, совершая свой походъ, Олегъ имѣлъ въ виду не пограбить только

богатую Византію, но установить съ ней болѣе прочныя и выгодныя торговыя сношенія, имѣть въ Царьградѣ постоянный рынокъ для сбыта русскихъ товаровъ (мѣха, кожи, медъ и воскъ), которыхъ онъ съ дружиной набиралъ не мало въ видѣ дани съ подвластныхъ племенъ. Понятно, почему ему такъ понравился и Кіевъ, бывшій по мѣстоположенію сборнымъ пунктомъ русской торговли по великому водному пути „изъ варягъ въ греки" и отчего онъ сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ, назвавши „матерью городовъ русскихъ". Сюда стягивались торговыя лодки отовсюду. Военные походы русскихъ князей-дружинниковъ на Царьградъ, видимо, вызывали общее и дружное содѣйствіе среди племенъ, разселившихся по торговымъ линіямъ Днѣпра—Волхова и другихъ рѣкъ равнины. Въ походѣ Олега участвовали и неподчиненныя ему племена, жившія въ области верхняго Днѣпра и Буга, заинтересованныя въ удачномъ исходѣ выгоднаго для всѣхъ предпріятія. Кіевъ съ его князьями становился, такимъ образомъ, и политическимъ, и экономическимъ центромъ страны, притягивающимъ къ себѣ, объединяющимъ въ одинъ большой союзъ разбросанныя по рѣкамъ восточной Европы славянскія племена.

Народныя легенды украсили походъ Олега чудесными подробностями. Олегъ придѣлалъ колеса къ лодкамъ и распустилъ паруса; гонимыя вѣтромъ, лодки достигли по сушѣ до воротъ города. Императоръ (Левъ VI Мудрый), перепугавшись до-нельзя, согласился заплатить требуемую дань по нѣскольку гривенъ (фунтовъ серебра) на каждаго воина Олеговой рати; но греки умыслили избавиться отъ русскихъ, предложивъ имъ отравленныя яства. Олегъ узналъ ихъ коварство, наложилъ тяжкую дань и, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, удалился, обремененный добычей. Ея было такъ много, что на обратномъ пути паруса на лодкахъ дружины были сдѣланы изъ шелковой матеріи, а у простыхъ воиновъ изъ полотна.

Самая смерть Олега украшена особымъ преданіемъ. Одинъ кудесникъ предсказалъ Олегу смерть отъ любимаго коня. Олегъ не велѣлъ себѣ больше подавать этого коня. Когда, черезъ много лѣтъ, князь, узнавъ, что животное умерло, отправился взглянуть на его кости и посмѣяться надъ обманомъ кудесника, вдругъ изъ черепа коня выползла ядовитая змѣя и ужалила князя въ ногу.

Олегъ умеръ въ 912 г. За необыкновенную удачу народъ прозвалъ его *вѣщимъ*, т. е. чародѣемъ. При Олегѣ мимо Кіева прошли, направляясь на западъ (въ Паннонію) орды угровъ или венгровъ. Ихъ потѣснили новые кочевники, появившіеся изъ Уральскихъ степей—*печенѣги*. Занятые борьбой съ этимъ полудикимъ племенемъ, хозары не могли помѣшать Олегу подчинить сѣверянъ и радимичей, дотолѣ платившихъ имъ дань. При преемникѣ Олега Игорѣ (въ 915 г.) печенѣги прорвались уже и въ русскіе предѣлы и стали тревожить восточныхъ славянъ. Много зла они наносили своими набѣгами. Небольшими отрядами проникали они въ русскія области, грабили, сжигали поселенія, уничтожали нивы и быстро удалялись на своихъ легкихъ степныхъ коняхъ. Иногда собирались они большой шайкой и

нападали на русскіе купеческіе караваны, поджидая ихъ у днѣпровскихъ пороговъ. Начиная съ Игоря, русскимъ князьямъ пришлось вести постоянную борьбу съ этими свирѣпыми кочевниками.

Игорь (912—945), преемникъ Олега, не имѣлъ его отваги и удачи въ походахъ. Жадный къ добычѣ, онъ задумалъ, по примѣру Олега, сдѣлать большой набѣгъ на Грецію и двинулся моремъ къ Константинополю. Но, повидимому, онъ не разсчиталъ своихъ силъ и не сумѣлъ оборониться отъ грековъ. Суда его были истреблены такъ называемымъ греческимъ огнемъ (какъ полагаютъ, горючій составъ изъ нефти, сѣры и смолы, который греки кидали изъ мѣдныхъ трубъ на русскія лодки; составъ этотъ горѣлъ и на водѣ), а сухопутное войско, пробравшееся на берега Малой Азіи, было разбито.

Игорь рѣшился во что бы то ни стало загладить стыдъ своего пораженія. Онъ послалъ „за море" звать варяговъ, нанялъ печенѣговъ, собралъ подъ свои знамена множество воиновъ изъ подвластныхъ ему славянскихъ племенъ. Страшныя вѣсти принеслись въ Царьградъ изъ Корсуня: „идетъ русь безъ числа—корабли ихъ все море покрыли". Игорева рать дошла уже до Дуная, когда отъ грековъ пришли послы съ предложеніемъ дани—отступного безъ боя. Посовѣтовался Игорь съ своей дружиной и согласился. „Неизвѣстно, кто одолѣетъ, мы или они. Да и съ моремъ не уговоришься", рѣшили дружинники...

Игорь вернулся въ Кіевъ и заключилъ съ греками новый договоръ (945). Какъ результатъ отступленія и мира безъ боя, договоръ этотъ былъ менѣе выгоденъ чѣмъ Олеговъ, и съ нѣкоторыми стѣсненіями для русскихъ „гостей". Договоръ былъ подтвержденъ обоюдной клятвой. Въ дружинѣ Игоревой было не мало и христіанъ. И въ ту пору, какъ язычники клялись на холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, сложивъ тамъ свои щиты и мечи, „крещеная русь" присягала именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ Св. Иліи.

Договорами Олега и Игоря установленъ слѣдующій порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей. Ежегодно лѣтомъ русскіе торговцы являлись въ Царьградъ на опредѣленный срокъ (не болѣе 6 мѣсяцевъ); по договору Игоря, никто изъ русскихъ гостей не могъ оставаться тамъ на зиму. Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева лодокъ и переписывали имена прибывшихъ пословъ и купцовъ, чтобы подъ видомъ послѣднихъ не прокрались въ Царьградъ русскіе пираты. Да и самихъ купцовъ побаивались, пропуская ихъ лишь небольшими партіями (до 50 чел.) и притомъ безъ оружія; при этомъ въ договорѣ Игоря сдѣлана слѣдующая характерная прибавка: „входяще же русь въ градъ, да не творятъ пакости". За правильностію

торговыхъ сдѣлокъ покупателей съ продавцами наблюдалъ особый императорскій приставъ. Торговля была по преимуществу мѣновая: мѣха, медъ, воскъ и челядь (рабовъ-плѣнниковъ) русь мѣняла на паволоки (шелковыя ткани), золото, вино, овощи. Всѣ русскіе „гости" за время своего пребыванія въ Царьградѣ пользовались даровымъ „кормомъ" и баней. По истеченіи торговаго срока, русскимъ купцамъ давали изъ греческой казны на дорогу продовольствіе и взамѣнъ испорченныхъ новыя судовыя снасти—якоря, канаты, паруса и пр.

Подъ старость Игорь пересталъ самъ ходить за *полюдьемъ* („по людямъ"—такъ назывался сборъ дани), а посылалъ боярина Свѣнельда. Это было невыгодно для Игоревой дружины, съ которой онъ обыкновенно дѣлился, и она стала роптать: „Отроки (дружинники) Свѣнельда богатѣютъ, а мы наги и босы"... Послушался ихъ просьбъ Игорь и пошелъ самъ за данью. Собравши достаточно съ древлянъ и отпустивъ большую часть дружины, корыстолюбивый князь пошелъ за данью вторично... „Повадится волкъ въ стадо овецъ, все стадо расхититъ, пока не убьютъ", рѣшили на вѣчѣ древляне и варварски умертвили Игоря: по словамъ лѣтописи, они привязали его къ двумъ деревьямъ, пригнутымъ до земли, и потомъ деревья отпустили; несчастный князь былъ разорванъ на двѣ части...

Ольга (945—957). По смерти Игоря вдова его, Ольга, стала править страною за малолѣтствомъ своего сына Святослава. Ольга, родомъ псковитянка, пользовалась въ народѣ извѣстностію, какъ женщина очень умная и хитрая, съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Она не стала дожидаться совершеннолѣтія сына и жестоко отомстила сама древлянамъ, какъ того требовалъ священный обычай кровавой мести. Разсказы о мщеніи Ольги долго потомъ переходили изъ устъ въ уста; ея дѣйствіями въ данномъ случаѣ восхищались не только современники, но и позднѣйшія поколѣнія, называя ее за то „мудрѣйшей изъ людей".

По разсказу лѣтописи, не чуждому очевидныхъ преувеличеній, древляне, боясь мщенія за смерть Игоря и желая умилостивить Ольгу, предложили ей выйти замужъ за князя ихъ Мала. Ольга притворно согласилась и затѣмъ первыхъ пословъ отъ древлянъ велѣла бросить въ глубокую яму вмѣстѣ съ лодкой, на которой ихъ, въ знакъ особаго почета, принесли слуги Ольги. „Довольны ли вы честью?" спросила ихъ Ольга. „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти", отвѣчали древляне. Ихъ закопали живыми въ землю. Когда затѣмъ явились, по требованію Ольги, и не зная объ участи первыхъ, другіе послы изъ „нарочитыхъ" (лучшихъ) древлянскихъ мужей, Ольга велѣла ихъ сжечь въ банѣ, гдѣ они мылись, какъ почетные гости. Третьихъ она велѣла избить на могилѣ мужа, въ то время какъ они вмѣстѣ съ нею совершали тризну. Затѣмъ она пошла съ войскомъ на древлянъ, разбила ихъ и осадила городъ Коростень, гдѣ умертвили ея мужа. Древляне просили мира, Ольга согласилась и потребовала вмѣсто дани по три воробья и по три го-

лубя съ каждаго дома. Къ ногамъ птицъ она велѣла привязать горючія вещества и поджечь ихъ, а затѣмъ пустила птицъ, которыя полетѣли въ городъ, въ свои гнѣзда. Деревянный городъ сгорѣлъ, а жители частью были перебиты или принесены въ жертву на могилѣ Игоря, частью обращены въ рабство.

Усмиривъ древлянъ, Ольга съ сыномъ и дружиною объѣхала свои владѣнія, раздѣлила земли на участки и подробно опредѣлила размѣръ дани и повинностей („уставы и уроки, дани и погосты" *) у подвластныхъ племенъ.

Кромѣ своей распорядительной хозяйственной дѣятельности, Ольга прославилась еще и тѣмъ, что первая изъ княжеской семьи крестилась. Христіанъ было уже много въ Кіевѣ, и при своемъ умѣ Ольга не могла не видѣть преимущества христіанства надъ бѣдной славянской языческой вѣрой. Въ 957 году она посѣтила Константинополь для поклоненія святынямъ и принятія благословенія отъ патріарха **). Тамъ имѣла свиданіе и съ греческимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ.

Пріемомъ при Византійскомъ дворѣ Ольга, видимо, осталась не совсѣмъ довольна. Ей замѣтно давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами императорскаго дома и русской княгиней, напр. за параднымъ обѣдомъ ее сначала посадили не съ императрицей, а съ придворными дамами, и когда тѣ сдѣлали императрицѣ низкій поклонъ, Ольга только слегка наклонила голову. Когда потомъ къ Ольгѣ въ Кіевъ пришли греческіе послы за обѣщанными дарами и вспомогательнымъ войскомъ, она, по увѣренію лѣтописца, велѣла сказать: „Если императоръ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я въ Цареградской гавани, то дамъ обѣщанное".

Вскорѣ, по возвращеніи домой, Ольга передала правленіе сыну своему Святославу. Его, по разсказу лѣтописца, она не разъ уговаривала принять христіанство. Святославъ не соглашался и говорилъ: „Какъ мнѣ принять другой законъ: дружина станетъ надо мною

---

*) Уставы и уроки или оброки, т. е. податные оклады. *Погостами*, отъ слова гость, купецъ, назывались въ старину сборные торговые пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, сюда же свозили и дани, составлявшія также матеріалъ для торговыхъ оборотовъ князей. Впослѣдствіи, съ введеніемъ христіанства, на погостахъ, какъ центральныхъ сборныхъ пунктахъ, стали строить храмы; кладбища при нихъ тоже назывались погостами; погосты же стали и административными центрами сельской волости, и доселѣ множество мѣстечекъ носятъ названіе погостовъ.

**) Лѣтописецъ разсказываетъ, что Ольга приняла крещеніе въ Константинополѣ, и крестилъ ее самъ патріархъ; при этомъ Ольга отклонила сватовство императора, убѣдивъ его быть своимъ крестнымъ отцомъ, а потомъ сказала: „Развѣ не знаешь, что по христіанскому закону крестный отецъ не можетъ жениться на крестной дочери?" „Переклюкала (перехитрила) мя еси, Ольга", сказалъ императоръ. Указывая на это новое свидѣтельство хитрости—ума Ольги, лѣтописецъ опустилъ изъ виду, что императоръ былъ женатъ, а Ольгѣ въ эту пору было свыше 60 лѣтъ. Константинъ Багрянородный самъ въ своихъ запискахъ описываетъ пребываніе Ольги въ Царьградѣ, но ничего не говоритъ о ея крещеніи здѣсь. Повидимому, Ольга крестилась еще въ Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что въ числѣ спутниковъ ея былъ уже священникъ.

смѣяться". „Если ты крестишься, то и всѣ то же станутъ дѣлать", возражала Ольга. Святославъ остался непреклоненъ. Христіанская вѣра, проповѣдывавшая смиреніе и любовь, не по душѣ была суровому и воинственному князю.

Святославъ (957—972), по лѣтописному изображенію, является идеаломъ языческаго князя-дружинника. Еще ребенкомъ онъ участвовалъ въ походѣ Ольги на древлянъ, съ малыхъ лѣтъ освоился съ боевой жизнью и думалъ только о ратныхъ подвигахъ и удалыхъ походахъ. Все его княженіе прошло въ непрерывныхъ войнахъ. Походы онъ совершалъ необыкновенно быстро—ходилъ какъ барсъ, по выраженію лѣтописца. Никакого обоза не возилъ за собою, не бралъ котловъ, мяса не варилъ, но, нарѣзавъ ломтями конину, звѣриное мясо или говядину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ. Шатра у него не было—онъ спалъ на голой землѣ, постеливъ только конскую попону, а подъ голову положивъ сѣдло. Такова же была у него и дружина. Безстрашный воинъ, Святославъ не любилъ прибѣгать къ хитрости и нападать врасплохъ, но всегда посылалъ сказать врагамъ: „Иду на васъ!"

Берега Оки, Волги и Дона были первымъ мѣстомъ его военныхъ дѣйствій. Онъ покорилъ племя вятичей, доселѣ платившихъ дань хозарамъ, разорилъ и разграбилъ города и села болгаръ по Волгѣ и разбилъ наголову выступившее противъ него большое хозарское войско съ самимъ каганомъ во главѣ. Онъ взялъ придонскую столицу хозаръ—Бѣлую Вѣжу и побѣдилъ ясовъ и косоговъ, воинственныхъ жителей Прикавказья.

Всюду разнеслась молва о смѣлыхъ набѣгахъ удалого князя и страшной дружинѣ его, и греческій императоръ Никифоръ Фока пригласилъ его себѣ на помощь противъ дунайскихъ болгаръ. Святославъ принялъ предложеніе и во главѣ огромнаго войска проникъ въ Болгарію; съ огнемъ и мечемъ прошелъ онъ всю страну и остался здѣсь жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ.

Въ это время печенѣги напали на Кіевъ и чуть имъ не овладѣли. „Ты, князь, чужой земли ищешь, а свою не блюдешь, послали ему, по словамъ лѣтописи, сказать кіевляне: неужели тебѣ не жаль ни твоей отчины, ни старухи-матери, ни дѣтей твоихъ?" Святославъ поспѣшилъ съ дружиной своей въ Кіевъ и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Вскорѣ послѣ этого престарѣлая Ольга скончалась и была похоронена по христіанскому обряду. Раздѣливъ Русскую землю на удѣлы между своими сыновьями—Ярополкомъ (Кіевъ), Олегомъ (древлянская земля), Владиміромъ (Новгородъ), Святославъ поспѣшилъ снова въ Болгарію. „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Тамъ средина земли моей, туда сходится всякое добро—

отъ грековъ золото, ткань, вина, отъ чеховъ и венгровъ — серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и рабы".

Между тѣмъ императоромъ Византіи вмѣсто Никифора Фоки сдѣлался убійца его Іоаннъ Цимисхій, опытный и храбрый полководецъ. Опасаясь имѣть своимъ сосѣдомъ воинственнаго Святослава, онъ потребовалъ, чтобы русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска.

Смутились сначала русы: ихъ было гораздо меньше, чѣмъ враговъ; греки лучше были вооружены, кромѣ того у нихъ была броненосная конница, и въ Дунай вошли греческіе корабли съ огнеметательными снарядами. Не взирая на это, безстрашный князь воодушевлялъ своихъ сподвижниковъ. „Некуда уже намъ дѣться, сказалъ онъ имъ: волей или неволей надо сразиться. Не посрамимъ земли Русской, ляжемъ костьми; мертвымъ нѣтъ срама! Если въ бѣгство обратимся, то и срамъ будетъ и бѣды не избѣжимъ. Станемъ твердо. Я пойду впереди. Если сложу свою голову, то сами о себѣ думайте".—„Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ", отвѣчали ему воины.

Борьба, однако, была далеко не равная. Послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ сѣчъ Святославъ заперся въ Доростолѣ, и русскіе удивили враговъ своими отчаянными вылазками. Нерѣдко, побѣжденные превосходными силами, они обращали тылъ, но отступали медленно, закинувъ за плечи свои длинные щиты. Иногда ночью, при свѣтѣ луны, они, по разсказамъ грековъ, выходили изъ города, сжигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ и съ какими-то священными обрядами погружали въ воду младенцевъ и пѣтуховъ. Въ числѣ убитыхъ русскихъ греки находили иногда женщинъ: онѣ въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими мужьями въ сраженіи.

Наконецъ, не видя ниоткуда помощи, изнуренные голодомъ, русскіе вступили въ переговоры съ греками. Святославъ принужденъ былъ уступить, оставилъ Болгарію и заключилъ миръ съ греками.

Предъ выходомъ изъ Болгаріи, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ Цимисхіемъ, которое и состоялось на берегу Дуная.

Одинъ изъ византійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе: Цимисхій въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, голубые глаза, густыя брови, мало волосъ въ бородѣ и длинные косматые усы. Волосы на его головѣ были выстрижены, за исключеніемъ одного локона — знакъ благороднаго происхожденія. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ члены очень стройные. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Въ одномъ ухѣ ви-

сѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды другихъ русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ.

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, русскій князь погибъ въ битвѣ съ печенѣгами, которые дожидались его у днѣпровскихъ пороговъ (972).

Дѣятельность первыхъ князей-дружинниковъ, поскольку можно судить о ней по сохраненнымъ лѣтописью преданіямъ, отразилась прежде всего на объединеніи славянскихъ племенъ. Поселившись среди разрозненныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ, князья положили начало единству Русской земли не только тѣмъ, что намѣтили ея границы, но и тѣмъ, что создали общіе интересы, до извѣстной степени связавшіе ея части. При Рюрикѣ вліянію князя подчинена была только озерная Новгородская область и сѣверныя славянскія и финскія племена, его призвавшія. Его преемники, Олегъ и Игорь, пошли далѣе по великому водному пути съ сѣвера на югъ и подчинили своей власти племена, жившія на этомъ пути. Святославъ облагаетъ данью послѣднее оставшееся еще нетронутымъ славянское племя—вятичей и распространяетъ свое вліяніе даже за предѣлы первоначальнаго разселенія восточныхъ славянъ. Къ концу X в. всѣ уже почти племена восточныхъ славянъ были приведены подъ руку кіевскаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ племенныя названія появляются все рѣже, замѣняясь областными—по именамъ главныхъ городовъ.

Подчинивъ себѣ племена славянъ, князья обыкновенно заставляли ихъ платить себѣ дань. Для сбора ея князья съ своими дружинниками объѣзжали подвластныя имъ земли (такъ называемое „полюдье"; если же покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжой дворъ, то это называлось „повозомъ").

Сборъ дани, какъ общей для всѣхъ повинности, и объѣзды князей также содѣйствовали до извѣстной степени объединенію племенъ. Они привыкали смотрѣть на князя, какъ на общую для всѣхъ власть, стоящую выше племенныхъ распрей. Но еще болѣе способствовала сознанію единства обязанность населенія участвовать въ княжескихъ походахъ на другія племена, на другіе народы. Впервые замѣчается это при Олегѣ, когда почти всѣ племена, жившія по великому водному пути, собираются подъ одно знамя и соединенными силами совершаютъ общій походъ. Такіе же походы предпринимаются при Игорѣ, и въ договорѣ его съ греками впервые встрѣчается выраженіе „*Русская земля*". А Святославъ уже проситъ дружинниковъ „*не посрамить* земли Русской", и дружина раздѣляетъ взгляды князя.

При всемъ этомъ первые князья, какъ видно изъ преданій, не привязаны еще къ опредѣленному мѣсту въ странѣ: Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ; Святославъ думалъ водвориться еще южнѣе — въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Князья неразрывно связаны были только съ дружиной,—въ ней первоначально была главная опора ихъ власти и силы. Съ нею князья совѣщались, съ нею совершали походы и дѣлили

добычу, старшимъ дружинникамъ давали въ управленіе города и волости. Но мало-по-малу устанавливаются у князей болѣе тѣсныя связи съ населеніемъ и проясняется сознаніе необходимости заботъ объ этомъ населеніи. Своя же личная выгода побуждаетъ князей охранять своихъ данниковъ отъ разоренія. Олегъ строитъ города на границѣ степей для защиты отъ кочевниковъ, Игорь и Святославъ ведутъ упорную борьбу съ печенѣгами. Послѣ мятежа древлянъ отъ безпорядочнаго сбора дани Игоремъ, Ольга прилагаетъ особыя заботы объ установленіи порядка въ дѣлѣ сбора дани. Святославъ принимаетъ близко къ сердцу укоры кіевлянъ, что онъ „чужой земли ищетъ, а свою не блюдетъ", и спѣшитъ въ Кіевъ. Непосѣдливые воинственные князья-дружинники постепенно превращаются въ мирныхъ устроителей земли своей, начинаютъ заботиться главнымъ образомъ о внутреннемъ „нарядѣ" (порядкѣ), для котораго и были призваны населеніемъ, на первый планъ выдвигаются заботы о судѣ, объ управленіи и другихъ еще болѣе важныхъ сторонахъ общественной жизни.

Всего замѣтнѣе сказывается эта перемѣна при преемникахъ Святослава—Владимірѣ и Ярославѣ.

Раздоры между сыновьями Святослава (972—986). Сыновья Святослава—Ярополкъ кіевскій, Олегъ древлянскій и Владиміръ новгородскій, по смерти отца недолго ладили между собою. Олегъ убилъ Люта, сына боярина Свѣнельда, за то, что тотъ охотился въ его заповѣдномъ лѣсу. Озлобленный отецъ уговорилъ Ярополка, своего воспитанника, идти войной на брата, и Олегъ погибъ во время битвы: онъ упалъ въ ровъ съ моста, на которомъ тѣснились его бѣгущіе воины. Ярополкъ горько плакалъ о братѣ, смерти котораго онъ вовсе не желалъ. Тѣмъ не менѣе Владиміръ, прослышавъ о томъ, бѣжалъ изъ Новгорода за море къ варягамъ и, возвратившись оттуда съ войсками, поспѣшилъ отомстить старшему брату за смерть Олега. Онъ завоевалъ Полоцкъ, гдѣ жила невѣста Ярополка Рогнѣда, дочь полоцкаго князя (изъ варяговъ) Рогволода, убилъ Рогволода и насильно женился на Рогнѣдѣ *). Затѣмъ онъ двинулся на Кіевъ и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его убить. По смерти братьевъ Владиміръ соединилъ подъ своею властью всю Русскую землю.

---

*) Владиміръ еще раньше сватался къ Рогнѣдѣ, но гордая княжна отказала: „Не хочу разуть (разуть жениха—свадебный обычай) сына рабы", сказала она, попрекнувъ его низостью происхожденія по матери (Малуши—ключницы Ольги) и собиралась выйти замужъ за Ярополка. Сдѣлавшись женою Владиміра, Рогнѣда очень привязалась къ нему, и когда Владиміръ впослѣдствіи охладѣлъ къ ней, сильно о томъ горевала и рѣшила, по сказанію лѣтописи, умертвить своего мужа. Ночью, когда Владиміръ спалъ, она хотѣла его поразить ножемъ; но Владиміръ внезапно проснулся и удержалъ ея руку. На утро Владиміръ рѣшился самъ казнить Рогнѣду за преступный замыселъ. Онъ велѣлъ ей одѣться въ княжеское платье, какъ она была одѣта въ день свадьбы, и ждать смерти. Съ мечомъ въ рукѣ вошелъ онъ въ комнату, какъ вдругъ на встрѣчу ему выбѣжалъ маленькій сынъ Рогнѣды Изяславъ и сказалъ: „Отецъ, ты не одинъ здѣсь!" (такъ научила его сказать Рогнѣда). Владиміръ не рѣшился убить мать на глазахъ сына, позвалъ бояръ и передалъ все дѣло на ихъ судъ. Бояре посовѣтовали ему пощадить мать ради сына; Владиміръ послушался ихъ и даже далъ Изяславу съ матерью Полоцкую область во владѣніе.

Кіевская Русь.

Введеніе христіанства.

Владиміръ Святой (980—1015) по изображенію лѣтописи является княземъ воинственнымъ, предпріимчивымъ, съ характеромъ рѣшительнымъ и горячимъ. Первые годы княженія Владиміра прошли въ непрерывныхъ походахъ. Онъ усмирилъ вятичей, которые пробовали было освободиться отъ дани кіевскому князю; воевалъ съ поляками и отнялъ у нихъ Червонную Русь или Галицію; побѣдилъ хищныхъ ятвяговъ и совершилъ удачный походъ на камскихъ болгаръ. Походы свои Владиміръ праздновалъ веселыми пирами съ своей дружиной *) и обильными жертвами богамъ. Воспитанный въ центрѣ тогдашняго язычества—Новгородѣ, Владиміръ явился очень ревностнымъ язычникомъ. Съ первыхъ же лѣтъ своего княженія онъ сталъ ставить въ Кіевѣ на холмахъ кумиры или идолы главныхъ славянскихъ боговъ—Перуна, Дажбога, Стрибога и др. Особенно украшенъ былъ деревянный истуканъ бога войны—Перуна: голова у него была серебряная, а усы золотые. Разъ послѣ удачнаго похода на ятвяговъ Владиміръ рѣшилъ принести Перуну человѣческую жертву, и жребій палъ на сына одного варяга-христіанина. „Не дамъ сына на жертву бѣсамъ, сказалъ тотъ. Ваши боги—дерево, не ѣдятъ, не пьютъ. Сегодня они стоятъ, а завтра сгніютъ. Есть одинъ Богъ, которому служатъ греки. Онъ сотворилъ небо и землю, и человѣка. А ваши боги что̀ сотворили? Они сами сдѣланы людьми. Если они боги, прибавилъ варягъ, такъ пусть сами придутъ за моимъ сыномъ, а вы зачѣмъ требуете?“ Разсвирѣпѣвшіе язычники убили и варяга и его сына. Это

---

*) Владиміръ высоко цѣнилъ свою дружину—главную опору власти и силы князя. Разъ, по словамъ лѣтописи, дружинники на пиру стали жаловаться на то, что имъ приходится ѣсть деревянными, а не серебряными ложками. „Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины, сказалъ Владиміръ, а съ удалой дружиной найду и серебро и золото“, и велѣлъ выковать для дружины серебряныя ложки.

были первые и послѣдніе мученики-христіане въ Кіевѣ (Өедоръ и Іоаннъ).

Случай съ варягомъ и публичное осмѣяніе языческихъ боговъ не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на народъ и на самого Владиміра, особенно когда прошелъ первый порывъ горячности. Владиміру, при его умѣ, не трудно было понять несостоятельность деревянныхъ и безпомощныхъ боговъ языческихъ. Бѣдная даже по обрядовой своей сторонѣ языческая религія не могла, конечно, удовлетворить горячаго религіознаго чувства Владиміра, и онъ сталъ присматриваться къ христіанству, уже пустившему въ Кіевѣ глубокіе корни. Тамъ было много христіанъ, даже въ самой дружинѣ. Еще при Игорѣ въ Кіевѣ уже былъ соборный храмъ Св. Иліи. При Ольгѣ число ихъ, безъ сомнѣнія, было еще больше; авторитетный примѣръ великой бабки Владиміра былъ у всѣхъ предъ глазами.

Были въ Кіевѣ представители и другихъ религій. По дѣламъ торговымъ приходили сюда и магометане изъ приволжской Болгаріи, и евреи изъ Хозарской земли. Мучимый религіозными сомнѣніями, Владиміръ бесѣдовалъ и съ ними, но ни магометанство, ни іудейство не удовлетворили его. Отсюда, повидимому, выработалось сохраненное лѣтописью особое преданіе о сдѣланномъ будто бы Владиміромъ особенномъ „испытаніи вѣръ". По словамъ лѣтописца, описаніе Магометова рая понравилось князю, но не по душѣ было запрещеніе пить вино. „Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти", замѣтилъ онъ магометанамъ. Евреи, въ бесѣдѣ съ нимъ, проговорились, что за грѣхи разсѣяны Богомъ по землѣ. „Какъ же вы учите другихъ, когда сами отвергнуты Богомъ?" сказалъ имъ Владиміръ. Съ миссіонерами изъ Рима онъ не сталъ и разговаривать. „Отцы наши не принимали вашего закона", сухо замѣтилъ онъ имъ. За то много бесѣдовалъ о вѣрѣ съ однимъ изъ греческихъ миссіонеровъ (которые издавна уже приходили въ Кіевъ, частью изъ греческихъ колоній въ Крыму, частью изъ самаго Константинополя). Послѣдній подробно разсказалъ ему главнѣйшія событія ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи и въ заключеніе показалъ картину страшнаго суда съ изображеніемъ на правой рукѣ идущихъ въ рай праведниковъ, а на лѣвой грѣшниковъ, нисходящихъ въ адъ. И разсказъ, и картина сильно поразили Владиміра. „Хорошо тѣмъ, кто одесную, и горе тѣмъ, кто ошую", со вздохомъ произнесъ онъ. „Крестись и будешь одесную", сказалъ ему миссіонеръ. „Подожду еще немного", отвѣтилъ Владиміръ. Онъ рѣшилъ посовѣтоваться съ дружинниками и городскими старѣйшинами и даже, по словамъ лѣтописнаго преданія, отправилъ будто бы пословъ въ разныя страны посмотрѣть богослуженіе у разныхъ народовъ. Всего лучше, по разсказамъ, было богослуженіе въ Царьградѣ. „Мы не знали, гдѣ и находимся— на землѣ или на небѣ", говорили люди, видѣвшіе торжественное патріаршее служеніе въ Софійскомъ храмѣ. „Если бы дуренъ былъ законъ греческій, замѣтили бояре, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей".

Владиміръ рѣшился наконецъ принять христіанство. По разсказу лѣтописи, это происходило слѣдующимъ образомъ. На Таврическомъ полуостровѣ, частью котораго владѣли русскіе, изгнавши оттуда хо-

зарь, у грековъ съ русскими вышло столкновеніе, и Владиміръ осадилъ богатый греческій городъ Корсунь (близъ нынѣшняго Севастополя). Жители защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Корсунцы сдались, и Владиміръ послалъ просить у греческихъ императоровъ Василія и Константина руки сестры ихъ Анны и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Не малаго труда стоило царямъ уговорить сестру свою Анну выйти за русскаго князя. „Иду точно въ полонъ, говорила она, — лучше бы мнѣ здѣсь умереть". Братья убѣдили ее тѣмъ, что она будетъ содѣйствовать обращенію всей Русской земли въ христіанство и избавитъ Грецію отъ опаснаго врага. Вмѣстѣ съ Анной прибыли въ Корсунь греческіе священники, которые немедленно окрестили князя и его дружину.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ разрушить языческіе жертвенники и уничтожить кумиры. Перунъ, по его приказанію, былъ привязанъ къ конскому хвосту и, осыпаемый палочными ударами, свезенъ въ Днѣпръ и пущенъ по теченію. Многіе изъ язычниковъ плакали, смотря на такое поруганіе ихъ бога, и долго бѣжали по берегу съ криками: „Выдыбай (выплывай), Перуне!" Священники, между тѣмъ, ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Многіе кіевляне сами съ радостью крестились, были и колеблющіеся, не мало встрѣчалось и упорныхъ язычниковъ. Но вообще кіевское населеніе было уже достаточно подготовлено къ мысли о принятіи христіанства, и когда Владиміръ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы въ назначенный день всѣ шли на берегъ рѣки креститься, то народъ массами двинулся исполнять желаніе любимаго князя. „Если бы это не добро было, не приняли бы крещенія князь и бояре", разсуждали кіевляне. По особому знаку, всѣ собравшіеся вошли въ рѣку: взрослые стояли въ водѣ по груди и шею, отцы и матери держали на рукахъ младенцевъ; священники читали молитвы... Такъ совершился торжественный обрядъ крещенія (988).

Изъ Кіева христіанство распространилось на сѣверъ по великому водному пути и вообще по главнымъ городамъ, гдѣ населеніе было сравнительно развитѣе; въ другихъ же мѣстахъ долго еще держалось язычество. Особенно упорное сопротивленіе встрѣтили проповѣдники христіанства по Окѣ и верхней Волгѣ и на сѣверѣ по сосѣдству съ финнами, гдѣ на народъ имѣли большое вліяніе волхвы, побуждавшіе его къ сопротивленію. Въ Новгородѣ язычники подняли даже мятежъ и усмирены были только силою оружія *).

*) Добрыня, дядя Владиміра, и тысяцкій Путята, усмиряя мятежъ, сожгли часть города, — отсюда и сложилась поговорка у новгородцевъ: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ".

Вообще же христіанство на Руси распространилось быстрѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, и почти не встрѣтило себѣ прямого противодѣйствія со стороны язычества. Послѣднее еще не успѣло сформироваться и окрѣпнуть у славянъ, не развило миѳологіи, не выработало даже своей іерархіи или жреческаго сословія, которое могло бы постоять за старую вѣру или руководить народомъ въ противодѣйствіи новой вѣрѣ. Принимая христіанство, темныя народныя массы по-своему примиряли или скорѣе соединяли новую вѣру со старой, сохраняя языческіе пріемы жизни и языческія суевѣрія, которыми руководствовались въ своемъ домашнемъ быту.

Распространенію христіанства на Руси много содѣйствовало и то обстоятельство, что наши предки могли слушать богослуженіе на славянскомъ (древне-болгарскомъ) языкѣ, вполнѣ понятномъ для нихъ, такъ какъ славянскими апостолами св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, еще въ половинѣ IX в. (855), была составлена славянская азбука и переведены на славянскій языкъ богослужебныя книги. Большимъ неудобствомъ на первыхъ порахъ являлся только недостатокъ въ священникахъ, которые могли бы объяснять св. Писаніе на славянскомъ языкѣ. Духовенство было по большей части изъ грековъ и только частію изъ дунайскихъ болгаръ. Желая образовать собственное русское духовенство, Владиміръ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго обученія священникамъ. Матери, отпуская своихъ дѣтей въ школы, плакали по нимъ, говоритъ лѣтописецъ, какъ по мертвымъ. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу князья и бояре стали учить и своихъ дѣтей грамотѣ. Самъ Владиміръ еще не зналъ ея, но дѣти его были уже грамотны.

Горячій и ревностный язычникъ въ началѣ своего княженія, Владиміръ, послѣ принятія христіанства, сдѣлался столь же ревностнымъ христіаниномъ. Соотвѣтственно этому измѣнился и характеръ его дѣятельности, и самый образъ его жизни. Склонность къ войнѣ у него теперь видимо ослабѣла: большихъ походовъ на сосѣдей онъ уже не предпринималъ, но заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы обезопасить русскіе предѣлы отъ внѣшнихъ враговъ, особенно отъ печенѣговъ. Съ этой цѣлью онъ строилъ по Днѣпру и его притокамъ новые города и сажалъ тамъ своихъ воиновъ. Иногда и самъ выходилъ въ поле съ своей храброй дружиной, чтобы отразить набѣги степныхъ варваровъ. Вообще онъ заботился не о внѣшнемъ расширеніи русскихъ предѣловъ, а о внутреннемъ устройствѣ Русской земли, о народномъ благосостояніи. Набожный и ласковый, по изображенію лѣтописца, онъ дѣятельно занимается распространеніемъ вѣры, заботится о духовенствѣ,

щедро надѣляя его доходами и привилегіями, строитъ церкви (напр. Десятинную церковь въ Кіевѣ—на содержаніе ея отдѣлялась десятая часть княжескихъ доходовъ). Прежней суровости и жестокости въ немъ нѣтъ и помина: проникнутый духомъ христіанской любви, онъ боялся даже казнить смертью разбойниковъ, такъ что уже епископы стали убѣждать его строже карать преступниковъ. Изъ многоженца онъ сдѣлался примѣрнымъ семьяниномъ. Щедрый попрежнему къ дружинѣ, устраивая для нея веселые пиры, онъ не забываетъ теперь и „нищую братію“: ежедневно на княжемъ дворѣ раздавали большую милостыню убогимъ, а для слабыхъ и увѣчныхъ развозили по домамъ съѣстные припасы и бочки съ медомъ и квасомъ. Кромѣ разныхъ праздниковъ, каждую недѣлю по воскреснымъ днямъ устраивались въ княжеской гридницѣ пиры: бояре, всѣ дружинники старшіе и младшіе, и лучшіе люди изъ горожанъ приходили сюда и пировали при князѣ и безъ него. Его щедрость и слава собрали около него лучшихъ витязей того времени. Въ народныхъ былинахъ и доселѣ воспѣвается ласковый князь Владиміръ „Красное Солнышко“ и его „могучіе богатыри“.

Владиміръ скончался въ 1015 г. Церковь причислила его къ лику святыхъ и именуетъ равноапостольнымъ за его дѣятельность по распространенію христіанства.

Усобицы дѣтей св. Владиміра (1015—1019). Владиміръ Святой еще при жизни, по обычаю того времени, роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ (между прочимъ Святополку—Туровскій, Борису—Ростовскій, Глѣбу—Муромскій, Святославу—Древлянскій, Ярославу—Новгородскій, Мстиславу—Тмутараканскій). При вѣсти о смерти отца, Святополкъ *) немедленно прискакалъ въ Кіевъ и, какъ старшій въ родѣ, объявилъ себя великимъ княземъ. Желая забрать въ свои руки всю Русскую землю, онъ рѣшился умертвить своихъ братьевъ и завладѣть ихъ удѣлами. Борисъ возвращался въ это время изъ похода на печенѣговъ и, отпустивши домой дружину, остался съ немногими отроками (младшими дружинниками) въ шатрахъ на берегу рѣки Альты (близъ южнаго Переяславля). Убійцы, посланные Святополкомъ, ночью прокрались къ шатру Бориса и въ то время, когда онъ молился, отходя ко сну, умертвили его. У Смоленска убійцы настигли Глѣба, и онъ также погибъ мученической смертію. Страшно поразило народъ это злодѣйство. Борисъ и Глѣбъ были любимыми сыновьями Владиміра и отличались необычайной кротостію, добротой и истинно хри-

*) Святополкъ былъ собственно племянникъ Владиміра и только *усыновленъ* имъ.

стіанскимъ благочестіемъ. Святославъ Древлянскій, заслышавъ объ опасности, бѣжалъ въ Венгрію, но былъ настигнутъ въ Карпатскихъ горахъ и убитъ. Отпоръ свирѣпому братоубійцѣ далъ наконецъ Ярославъ Новгородскій.

Ярославъ въ это время находился въ ссорѣ съ новгородцами изъ-за наемной варяжской дружины. Разставленные на постой по домамъ гражданъ варяги начали безчинствовать. Новгородцы возстали и перебили многихъ изъ нихъ. Раздраженный этимъ, Ярославъ зазвалъ къ себѣ зачинщиковъ возстанія и приказалъ умертвить ихъ. Вдругъ изъ Кіева приходитъ вѣсть о смерти отца и гибели трехъ братьевъ. Тогда Ярославъ явился на вѣче, покаялся въ своей горячности и просилъ помощи новгородцевъ. Послѣдніе давно уже тяготились своей зависимостью отъ Кіева, а теперь особенно опасались жестокаго и коварнаго Святополка, и потому пошли вмѣстѣ съ варягами противъ его кіевской рати. Оба ополченія сошлись на Днѣпрѣ близъ Любеча, но долго ни одно изъ нихъ не рѣшалось перейти рѣку. Воевода Святополка сталъ смѣяться надъ новгородцами. „Эй вы, плотники, кричалъ онъ имъ черезъ рѣку, чего вы пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? *) Вотъ мы васъ заставимъ хоромы себѣ строить!" Новгородцы обозлились, въ ту же ночь переправились черезъ рѣку, оттолкнули даже лодки отъ берега, чтобы и не думать о бѣгствѣ... Ярославъ велѣлъ имъ перевязать головы платками, чтобы въ сѣчѣ различать своихъ. Между тѣмъ Святополкъ, не ожидая нападенія и надѣясь на помощь приглашенныхъ имъ печенѣговъ, всю ночь безпечно пировалъ съ своей дружиной. Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не успѣли, однако, помочь ему при внезапномъ нападеніи новгородцевъ, и рать его была разбита на-голову.

Побѣжденный Святополкъ бѣжалъ къ своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму, и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Кіевляне, однако, не ужились съ поляками, и Болеславъ вскорѣ вынужденъ былъ уйти къ себѣ въ Польшу. Тогда Ярославъ съ новгородцами и варягами вторично напалъ на своего противника. На берегу рѣки Альты, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ, завязалась злая сѣча. Ярославъ одолѣлъ, и Святополкъ бѣжалъ въ Богемію. По извѣстіямъ нашей лѣтописи, на него напалъ какой-то безумный страхъ; онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ ѣхать на конѣ и его тащили на носилкахъ. „Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскрикивалъ онъ: за нами гонятся!" Укоры совѣсти мучили братоубійцу, и ему все чудилась погоня. Онъ умеръ на дорогѣ въ тяжкихъ мученіяхъ. Въ памяти народной онъ остался съ прозвищемъ *окаяннаго* (подобнаго Каину), а Борисъ и Глѣбъ пріобрѣли славу мучениковъ, покровителей княжескаго рода и охранителей Русской земли,—церковь причислила ихъ къ лику святыхъ.

---

*) Ярославъ былъ хромой.

Ярославъ Мудрый (1019—1054).

Окончивъ трудную борьбу съ Святополкомъ, Ярославъ сѣлъ на столѣ *) въ Кіевѣ, и хотѣлъ овладѣть всѣми землями умершихъ братьевъ, но встрѣтилъ себѣ противника въ Мстиславѣ Тмутараканскомъ. Этотъ князь, отважный въ битвѣ, щедрый къ дружинѣ, прославился богатырской удалью и своими ратными подвигами въ странахъ приазовскихъ, гдѣ находился его удѣлъ **). Мстиславъ одолѣлъ старшаго брата и заставилъ его раздѣлить земли пополамъ. Только по смерти его Ярославъ объединилъ всю Русскую землю подъ своею властью (кромѣ Полоцкаго княжества, которымъ владѣло потомство Изяслава Владиміровича, сына Рогнѣды).

Изъ внѣшнихъ дѣлъ Ярослава замѣчательны—война съ поляками, у которыхъ онъ снова отнялъ Червонную Русь (Галицію), захваченную было ими при Святополкѣ Окаянномъ; рѣшительная побѣда надъ печенѣгами, послѣ чего они почти прекратили свои набѣги на Русь, и морской походъ на Византію, послѣдній въ русской исторіи. Раздоръ возникъ по поводу ссоры между русскими купцами и греками, при чемъ одинъ русскій былъ убитъ. Огромную русскую рать и наемныхъ варяговъ повелъ на Византію старшій сынъ Ярослава Владиміръ, но походъ окончился неудачно; русскія ладьи были истреблены частію греческимъ огнемъ, частію бурею.

Главныя же заботы Ярослава посвящены были внутренней дѣятельности. Онъ заселялъ пустынныя мѣста, построилъ нѣсколько новыхъ городовъ, между прочимъ—Юрьевъ въ землѣ Чуди и Ярославль на Волгѣ (первый названъ христіанскимъ именемъ князя, второй—языческимъ) и огородилъ острожками южную границу Руси со степью. Кіевъ при немъ обведенъ былъ хорошей каменной стѣной, при чемъ главныя городскія ворота названы были, по примѣру Цареграда, „Золотыми“. Набожный Ярославъ любилъ строить и украшать храмы (замѣчательны Софійскіе соборы въ Кіевѣ и Новгородѣ) и созидалъ монастыри (св. Георгія и св. Ирины въ Кіевѣ); особенное вниманіе онъ обратилъ на распространеніе христіанства среди подвластныхъ ему

*) Съ этихъ поръ о вступающемъ на княженіе князѣ почти всегда въ лѣтописяхъ говорится, что онъ „сѣлъ на столъ“. Таковъ дѣйствительно былъ обрядъ въ древней Руси: новаго князя сажали на столъ въ главной соборной церкви, что и знаменовало признаніе его княземъ со стороны земли.

**) Городъ Тмутаракань находился на берегу Керченскаго пролива на островѣ Тамани. Восточными сосѣдями Тмутараканскаго княжества были косоги, воинственное кавказское племя. По сказанію лѣтописи, Мстиславъ сошелся однажды на битву съ косожскимъ княземъ — силачемъ Редедею. Послѣдній предложилъ Мстиславу покончить дѣло поединкомъ. Мстиславъ одолѣлъ Редедю и, согласно условію, взялъ его имѣніе, жену и дѣтей.

племенъ и сильно преслѣдовалъ языческихъ волхвовъ, которые возбуждали народъ противъ новой религіи. Подобно отцу, онъ надѣлялъ духовенство землями и разными угодьями и заботился о распространеніи грамотности. Въ Новгородѣ по его приказу было устроено училище на 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старѣйшинъ. Самъ онъ отличался любовью къ чтенію, читалъ священныя книги, по словамъ лѣтописца, не только днемъ, но и ночью, собиралъ писцовъ и заставлялъ переписывать рукописи и переводить съ греческаго языка на славянскій.

Ярославъ пользуется славой перваго русскаго законодателя. При немъ положено начало первому сборнику русскихъ законовъ, извѣстному подъ именемъ *Русской Правды* (Ярославова „Правда“ дополнена была при преемникахъ Ярослава). Современники высоко цѣнили заботы Ярослава о правосудіи и просвѣщеніи и прозвали его „Мудрымъ“. Съ этимъ названіемъ остался онъ и въ исторіи.

При Ярославѣ русскіе были въ постоянныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Западной Европой. Русскій князь пользовался тамъ большою извѣстностію и почетомъ и со многими изъ государей Запада находился въ родствѣ *).

Завѣщаніе Ярослава. Передъ смертью Ярославъ призвалъ своихъ сыновей и, по словамъ лѣтописи, сказалъ имъ: „Отхожу я изъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы родные братья, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ за васъ и покоритъ вамъ враговъ вашихъ. Если же будете ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую стяжали они великими трудами. Живите же мирно, слушайте братъ брата. Назначаю Кіевъ (и Новгородъ) старшему сыну моему и брату вашему Изяславу **). Слушайте его, какъ слушали меня, *да будетъ онъ вамъ вмѣсто отца*“. Раздавъ остальныя волости другимъ сыновьямъ (Святославу—Черниговскую, Всеволоду—Переяславскую, Игорю—Владиміро-Волынскую и Вячеславу—Смоленскую), Ярославъ заповѣдалъ имъ не трогать чужихъ

---

*) Одна изъ дочерей Ярослава (Елизавета) была за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ Смѣлымъ, который долго добивался руки ея и оставилъ потомству стихотвореніе, гдѣ, воспѣвая свои бранные подвиги, жалуется, что русская красавица презираетъ его. Другая дочь (Анна) вышла за французскаго короля (Генриха I) и прославилась своей благотворительной дѣятельностью. Третья дочь (Анастасія) выдана была за венгерскаго короля. Сыновей своихъ Ярославъ также женилъ на иностранныхъ принцессахъ. Между прочимъ любимый сынъ Ярослава Всеволодъ женатъ былъ на греческой царевнѣ—дочери императора Константина Мономаха.

**) Владиміръ, ходившій въ походъ на Грецію, умеръ еще при жизни отца.

областей, и затѣмъ сказалъ Изяславу: „Если же кто захочетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному“.

Это *завѣщаніе Ярослава дѣтямъ* послужило основаніемъ для взаимныхъ отношеній князей въ послѣдующее время *). И раньше Святославъ и Владиміръ Святой дѣлили землю русскую между своими сыновьями, но затѣмъ всѣ области соединялись въ рукахъ одного лица, теперь этого уже долго не было, что въ высшей степени усилило усобицы между князьями, усложнявшіяся при усвоенномъ, согласно родовымъ понятіямъ, порядкѣ наслѣдованія областей и „великаго княженія“ въ Кіевѣ не отъ отца къ сыну, но *по старшинству* членовъ княжеской семьи.

Раздѣленіе Руси на волости по числу князей и усобицы послѣднихъ ослабили Русскую землю (вслѣдствіе чего она и не могла потомъ дать надлежащаго отпора внѣшнимъ врагамъ), но единства ея не нарушали, такъ какъ князья постоянно передвигались съ своими дружинами изъ одного княжества въ другое, при чемъ жители городовъ (особенно старинныхъ, богатыхъ и наиболѣе населенныхъ, гдѣ въ эту эпоху пріобрѣло большое значеніе *вѣче*) принимали дѣятельное участіе въ этомъ передвиженіи князей и ихъ борьбѣ за старшинство.

Родовыя княжескія отношенія и причины усобицъ. Раздѣливъ, по примѣру отца и дѣда, Русскую землю между своими сыновьями, Ярославъ поступилъ согласно съ укоренившимися среди славянъ, еще въ эпоху родового быта, обычаями пользованія родовымъ имуществомъ. По понятіямъ того времени, вся Русская земля считалась общей собственностію цѣлаго княжескаго рода, при чемъ каждый родичъ долженъ былъ владѣть какою-нибудь областью, — Ярославъ и выдѣлилъ волости всѣмъ сыновьямъ. По смерти отца главою рода „вмѣсто отца“ становился старшій въ родѣ. Такимъ здѣсь и явился Изяславъ. Ему дана и лучшая область со стольнымъ городомъ Кіевомъ, онъ называется великимъ княземъ (въ смыслѣ старшинства) и становится „вмѣсто отца“ остальнымъ князьямъ. Послѣ смерти вели-

---

*) Эпоха послѣ Ярослава обыкновенно называется *удѣльнымъ періодомъ*, отъ слова удѣлъ, какъ именуютъ области, выдѣленныя Ярославомъ своимъ сыновьямъ. Это названіе неточно. Въ Кіевской Руси части Русской земли, достававшіяся тѣмъ или другимъ князьямъ, назывались „волостями“ или „надѣлками“ въ смыслѣ *временнаго* владѣнія. Родичи-князья владѣютъ ими по очереди старшинства, постоянно передвигаясь съ мѣста на мѣсто, изъ худшей въ лучшую и болѣе богатую область. Съ измѣненіемъ порядка княжескаго владѣнія въ XIII в. въ Суздальской Руси эти волости стали называть „вотчинами“ (отчина, отеческое достояніе), переходившими по наслѣдству отъ отца къ сыну и дробившимися на „удѣлы“ въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія, *постояннаго* и наслѣдственнаго. Такимъ образомъ удѣльнымъ періодомъ, въ точномъ смыслѣ слова, слѣдуетъ называть только время послѣ Всеволода III съ XIII и до половины XV вѣка, когда наконецъ всѣ эти удѣлы и мелкія владѣнія отдѣльныхъ князей и княжескихъ родовъ поглощены были Москвою.

каго князя кіевскій столъ и преимущества, съ нимъ связанныя, переходили опять къ старшему въ родѣ, т. е. къ слѣдующему за нимъ брату,—сообразно съ этимъ Изяславу долженъ былъ наслѣдовать Святославъ, за нимъ Всеволодъ и т. д. Послѣ смерти всѣхъ братьевъ старшинство переходило къ старшему изъ сыновей того брата, который первый былъ великимъ княземъ, т. е. въ данномъ случаѣ къ сыну Изяслава. На этомъ основаніи послѣ сыновей Ярослава великимъ княземъ сдѣлался старшій внукъ его Святополкъ II Изяславичъ. Такимъ образомъ наслѣдованія отъ отца къ сыну не допускалось и дядя всегда становился выше племянника. Вслѣдъ за старшими въ родѣ передвигались по старшинству изъ худшей области въ лучшую и другіе князья и ни одинъ изъ нихъ не могъ считать данной ему области своей *личной* собственностью. Такой порядокъ очередного наслѣдованія областей въ лѣтописяхъ носитъ названіе „лѣствичнаго восхожденія"; на верхней ступенькѣ лѣстницы стоитъ великій князь, за нимъ по старшинству постепенно передвигаются остальные къ завѣтной цѣли—великому княженію. Таковъ основной, такъ сказать, идеальный порядокъ наслѣдованія волостей и передвиженія князей. Но онъ рѣдко соблюдался во всей чистотѣ. Иногда Кіевскій столъ или лучшія волости захватываетъ въ свои руки не старшій въ родѣ, а сильнѣйшій; иногда граждане зовутъ къ себѣ княземъ сына любимаго ими великаго князя, и племянникъ такимъ образомъ нарушаетъ права дядей. Отсюда постоянныя усобицы. Причиною послѣднихъ служила часто и путаница въ опредѣленіи родства или старшинства при дальнѣйшемъ размноженіи княжескаго рода, члены котораго обыкновенно именовали себя братьями, и затѣмъ самая неопредѣленность отношеній младшихъ князей къ старшему, котораго они почитали „какъ отца", но вовсе не считали себя его подданными. Дѣло усложнялось, наконецъ, еще существованіемъ такъ называемыхъ *князей-изгоевъ*. Такъ назывались сыновья князей, умершихъ ранѣе достиженія ими великаго княженія *). Таковъ, напр., былъ Ростиславъ, сынъ Владиміра Ярославича, умершаго еще при жизни отца. Князья-изгои и ихъ потомки не имѣли права на старшинство, а иногда даже вовсе не получали волостей. Отсюда новый поводъ къ усобицамъ со стороны лицъ, не желавшихъ мириться съ такими неудобными для нихъ порядками.

Все это, вмѣстѣ взятое, и сдѣлало періодъ времени отъ смерти Ярослава, въ 1054 году, до половины XIII вѣка, самымъ смутнымъ

---

*) „Изгой" отъ глагола „гоити" жить, здравствовать („гой еси" — здравъ буди) въ букв. смыслѣ значитъ *изжитой* т. е. поставленный внѣ обычныхъ житейскихъ условій, лишенный покровительства своихъ близкихъ человѣкъ. См. стран. 71.

и тревожнымъ періодомъ во всей исторіи Россіи. Одинъ изъ историковъ (Погодинъ) насчитываетъ въ этотъ періодъ 64 княжества, существовавшія болѣе или менѣе продолжительное время, 293 князей, споривших въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ за обладаніе Кіевомъ или другими русскими областями, и 83 междоусобицы, въ коихъ иногда участвовала вся страна.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I. Ярославичи, послѣ смерти отца, нѣсколько лѣтъ жили въ мирѣ и общими силами боролись противъ новаго врага Руси—*половцевъ*. Это былъ такой же хищный кочевой народъ, какъ и печенѣги. Истребивъ послѣднихъ, половцы заняли ихъ кочевья въ южнорусскихъ степяхъ и отсюда стали дѣлать набѣги на Русь. Половцы дѣлились на отдѣльныя орды, состоявшія изъ родовъ и управлявшіяся особыми ханами, власть которыхъ была наслѣдственна. Съ огромными стадами рогатаго скота, овецъ и лошадей, они переходили съ мѣста на мѣсто, раскидывая въ мѣстахъ стоянки войлочныя кибитки. Всѣ домашнія работы исполняли у нихъ женщины (и рабы). Любимымъ же занятіемъ мужчинъ была война и лихіе набѣги на сосѣдей. Первое появленіе ихъ на Руси лѣтопись относитъ къ 1061 году.

Къ опасности отъ внѣшнихъ враговъ присоединились внутреннія неурядицы. Изяславъ поссорился съ братьями Святославомъ и Всеволодомъ и вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева; бойкій и воинственный Святославъ занялъ не по праву, еще при жизни старшаго брата, великокняжескій столъ. Тщетно искалъ себѣ Изяславъ помощи въ З. Европѣ; только послѣ смерти своего соперника Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ.

По смерти Изяслава I, по порядку старшинства, сталъ княжить въ Кіевѣ братъ его *Всеволодъ I Ярославовичъ* (1078—1093). Это былъ князь добродушный, набожный и большой „книголюбецъ“: онъ зналъ пять языковъ, въ томъ числѣ греческій, которому научился отъ своей жены, греческой царевны. Княженіе его было безпокойно — Россія страдала при немъ отъ княжескихъ усобицъ, половецкихъ набѣговъ и корыстолюбія княжескихъ тіуновъ (судей), которымъ Всеволодъ слишкомъ довѣрялся, особенно подъ старость. Только благодаря дѣятельности и побѣдамъ своего мужественнаго и умнаго сына Владиміра Мономаха онъ могъ удержаться на престолѣ до самой смерти.

Изъ сыновей Ярослава I въ то время никого уже не было въ живыхъ и столъ кіевскій перешелъ теперь къ старшему изъ внуковъ—*Святополку II Изяславичу* (1093—1113). Властолюбивый, но безхарактерный и трусливый, Святополкъ не умѣлъ ни устранять междо-

усобій, ни бороться съ внѣшними врагами. Особенно сильны были усобицы за Черниговъ, а потомъ за Волынь. Безпокойный и смѣлый до дерзости Олегъ Святославичъ пытался воротить себѣ отцовскую область—Черниговъ, нѣсколько разъ призывалъ на помощь половцевъ и вмѣстѣ съ ними нещадно опустошалъ Русскую землю. Его за то и прозвали въ народѣ Гориславичемъ. Наконецъ, по предложенію Мономаха, внуки Ярослава собрались на *съѣздъ въ Любечѣ* (1097 г.), чтобы мирно уладить спорныя дѣла. Князья-соперники сидѣли на одномъ коврѣ, цѣловали крестъ и порѣшили, чтобы впредь каждый владѣлъ своей отчиной (отцовской областью). Олегу съ братьями возвратили Черниговскую область, а Давиду Игоревичу и Ростиславичамъ Васильку и Володарю (внукамъ Владиміра Ярославича) отдали земли Владиміро-Волынскія.

Всѣ были довольны, кромѣ Давида. Онъ желалъ имѣть всю Волынь. Особенно опасался этотъ корыстолюбивый и мстительный князь Василька, самаго талантливаго и предпріимчиваго изъ Ростиславичей. Онъ сталъ наговаривать великому князю Святополку на Василька, будто онъ съ Мономахомъ хотятъ захватить области Кіевскую и Волынскую и подѣлить ихъ между собою. Трусливый и мнительный Святополкъ повѣрилъ, обманомъ схватилъ Василька, когда тотъ возвращался изъ Любеча черезъ Кіевъ, и выдалъ его Давиду. По приказу послѣдняго, несчастный былъ ослѣпленъ самымъ варварскимъ образомъ... Въ ужасъ пришли русскіе князья, когда узнали о злодѣйствѣ. Владиміръ заплакалъ... „Не бывало еще такого зла ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ“, воскликнулъ онъ. „Зачѣмъ бросилъ среди насъ ножъ?“ послали князья сказать Святополку и заставили его самого выгнать Давида изъ Волыни и освободить Василька, который томился въ тюрьмѣ у своего врага. Послѣ этого состоялся новый съѣздъ князей (въ Витичевѣ); на немъ рѣшили Васильку съ Володаремъ оставаться въ своихъ старыхъ волостяхъ, а Давида перемѣстили въ одну ничтожную область, гдѣ онъ и умеръ.

Усобицы стихли, и князья, по предложенію Мономаха, рѣшили теперь общими силами бороться съ половцами, которые дошли до небывалой дерзости въ своихъ набѣгахъ и появлялись даже подъ самымъ Кіевомъ. Было совершено нѣсколько походовъ на степныхъ варваровъ, самымъ замѣчательнымъ былъ походъ 1111 года. Русскіе прошли *за Донъ:* такъ далеко въ степи не заходили со временъ самого Святослава. При рѣкѣ Салѣ, впадающей въ Донъ, половцы потерпѣли неслыханное пораженіе: они потеряли до 20 однихъ хановъ. Исходъ сраженія рѣшенъ былъ благодаря мужеству и искуснымъ распоряже-

ніямъ Владиміра Мономаха. По всей Руси славили его подвиги. Долго послѣ этого пораженія половцы не тревожили Русской земли.

По смерти Святополка II, Кіевъ въ порядкѣ старшинства долженъ былъ перейти къ одному изъ Святославичей. Но кіевляне и слышать о томъ не хотѣли, тѣмъ болѣе, что не всѣ родичи признавали право старшинства за Святославичами, такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великое княженіе не по праву, еще при жизни Изяслава, и скончался прежде старшаго брата. Всѣ звали Мономаха. Онъ было отказывался, но въ Кіевѣ начались безпорядки, и онъ долженъ былъ согласиться. Святославичи не смѣли противиться общему желанію: Мономаха давно уже знала и любила вся Русская земля.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125).

Владиміръ Мономахъ*) является лучшимъ княземъ того времени. Правдивый и набожный, добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, онъ высоко стоялъ во мнѣніи современниковъ и рѣзко выдѣляется по своимъ качествамъ и своей дѣятельности отъ другихъ князей того времени. Еще будучи рядовымъ княземъ, онъ думаетъ не о своихъ личныхъ выгодахъ, и часто ими поступается ради общаго блага, являясь, по выраженію лѣтописи, „страдальцемъ (труженикомъ) за всю Русскую землю". Въ эпоху вѣроломства онъ свято блюдетъ крестное цѣлованіе, миритъ враждующихъ, побуждаетъ князей на общее дѣло. Народъ видѣлъ въ немъ образецъ набожности и „нищелюбія". Онъ плакалъ на молитвѣ, плакалъ, когда видѣлъ человѣка въ несчастіи, не жалѣлъ своей казны для бѣдняковъ и прощалъ обиды, нанесенныя ему лично. Ласковый и правосудный, онъ завѣщаетъ дѣтямъ въ своемъ *Поученіи:* „Не проходите мимо человѣка безъ привѣта, скажите каждому доброе слово, но больше всего не забывайте убогихъ, оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить слабаго, простого смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, никакой души христіанской. Особенно не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: всѣ мы смертны".

При всемъ добродушіи онъ былъ суровъ, а иногда и безпощаденъ къ заклятымъ врагамъ Русской земли—половцамъ и не сдавался на обѣщанія и на мольбы о пощадѣ. Отличаясь беззавѣтной отвагой

---

*) Прозваніе Мономаха Владиміръ получилъ въ честь дѣда своего по матери византійскаго императора Константина Мономаха, драгоцѣнный вѣнецъ и золотыя бармы (оплечье) котораго были, по преданію, присланы Владиміру въ числѣ другихъ даровъ византійскимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Эти регаліи стали потомъ возлагать на русскихъ государей; онѣ хранятся теперь въ московской Оружейной палатѣ.

и богатырской удалью въ битвахъ, онъ былъ неутомимъ въ походахъ. По его собственному признанію, онъ совершилъ 83 большихъ похода, „а малыхъ и не перечесть“. Дѣятельность онъ проявилъ необычайную. Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей онъ проспалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ; не давалъ себѣ покою ни днемъ, ни ночью, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиной, судилъ людей, ѣздилъ на охоту (онъ былъ страстнымъ охотникомъ), и т. п. При всемъ томъ онъ находилъ время и любилъ читать книги и бесѣдовать о прочитанномъ съ духовными лицами. И дѣтямъ завѣщаетъ онъ: „Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, сидя дома, зналъ пять языковъ. Лѣность всему худому мать“.

На великокняжескій престолъ Мономахъ вступилъ уже 60 лѣтъ, но былъ еще бодръ и духомъ и тѣломъ. Притихли при немъ и не смѣли безпокоить Русскую землю половцы. Прекратились и княжескія усобицы. Младшіе князья уважали и вмѣстѣ боялись Владиміра. Безпокойныхъ князей онъ сначала уговаривалъ, а при упорствѣ лишалъ волостей. Онъ первый осуществилъ завѣтъ дѣда, чтобы великій князь замѣнялъ младшимъ родичамъ любящаго и вмѣстѣ строгаго отца.

Конечно, такой порядокъ вещей поддерживался только благодаря исключительнымъ достоинствамъ Мономаха и общему уваженію къ нему народа и князей. Являясь лучшимъ представителемъ эпохи, Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего времени; прикрывая своими личными доблестями и самые недостатки тогдашняго политическаго строя, онъ не вводилъ въ него и не придумывалъ ничего новаго, но только охранялъ существующее. Но тѣмъ болѣе цѣнили его современники, и когда онъ умеръ, то, по словамъ лѣтописи, „святители, народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери“. Любовь къ нему народъ перенесъ и на его потомство.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Мономаха. Послѣ смерти Мономаха кіевскій столъ занялъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125—1132), хотя и не былъ старшимъ въ родѣ. Привязанность кіевлянъ къ семьѣ Мономаха разрушала родовые счеты, и другіе князья должны были уступить. *Мстиславъ I* по уму и твердости характера походилъ на отца; онъ удачно боролся съ половцами, которые обрадовались смерти Мономаха и напали было на Русь. Это былъ послѣдній князь, державшій въ повиновеніи родичей. Послѣ него начинается разгаръ княжескихъ усобицъ. Въ самой семьѣ Мономаха начались раздоры, младшіе родичи не слушались великаго князя (Яро-

полкъ—братъ Мстислава—1132—1139), добиваясь великаго княженія. Этимъ воспользовались Ольговичи (сыновья Олега Святославича) и завладѣли великимъ княженіемъ (Всеволодъ II—1139—1146). Кіевляне не любили Ольговичей и стали звать на столъ кіевскій внука Мономаха—*Изяслава II* Мстиславича (1146—1154). Послѣдній мало думалъ о чужихъ правахъ,—„не мѣсто идетъ къ головѣ, но голова къ мѣсту“, говаривалъ онъ,—и поспѣшилъ занять Кіевъ помимо своихъ дядей, изъ которыхъ самымъ вліятельнымъ и даровитымъ былъ младшій сынъ Мономаха Юрій Суздальскій, прозванный Долгорукимъ. Тогда между дядей и племянникомъ завязалась упорная борьба. Противники не уступали другъ другу въ талантахъ и энергіи, хотя и различны были по характеру. Юрій—представитель сѣверной Руси—былъ разсчетливъ и остороженъ; онъ избѣгалъ битвъ и любилъ побѣждать терпѣніемъ, выжиданіемъ. Изяславъ—представитель южной Руси—храбрый, горячій, предпріимчивый. Онъ изобрѣталъ разныя военныя уловки, устраивалъ для рѣчныхъ битвъ особаго рода лодки съ покрышками для гребцовъ и т. д. Ласковый съ дружиной, привѣтливый съ народомъ, онъ былъ любимъ кіевлянами. Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ приняла участіе чуть не вся Русь—одни стояли за Юрія, другіе за Изяслава. Противники не разъ призывали себѣ на помощь венгровъ и половцевъ, такъ что борьба обострилась до крайности. Храбрый Изяславъ былъ два раза изгнанъ изъ Кіева, но наконецъ взялъ верхъ. Борьба такимъ образомъ кончилась въ пользу племянника. Только послѣ смерти его *Юрій Долгорукій* добился великаго княженія (1154—1157).

Послѣ Юрія Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ достался сыну Изяслава (Мстиславу II). Но на него ополчился, за нарушеніе права старшинства, дядя его *Андрей Боголюбскій*, сынъ Юрія. Снова возгорѣлась въ потомствѣ Мономаха борьба между дядей и племянникомъ; на этотъ разъ одолѣлъ дядя. Андрей привелъ съ собою большую рать—„подъ рукой“ его было одиннадцать князей съ дружинами. Кіевъ осадили и, несмотря на отчаянную защиту, взяли приступомъ (1169 г.). Никогда еще „матери городовъ русскихъ“ не наносилось такого униженія. Суздальская рать жгла и грабила городъ нѣсколько дней; мужчинъ избивали, женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; врывались даже въ церкви, снимали колокола. Этимъ однако *униженіе Кіева* не кончилось. Андрей посадилъ тамъ младшаго изъ своихъ братьевъ; самъ же, принявши титулъ великаго князя, остался въ своемъ любимомъ городѣ—Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ той поры значеніе Кіева, какъ первопрестольнаго города, падаетъ; первенствующимъ го-

родомъ является малоизвѣстный дотолѣ Владиміръ на Клязьмѣ (основанный Мономахомъ). Могущественные суздальскіе князья мало заботятся о Кіевѣ, и онъ становится игрушкой послѣднихъ усобицъ, безполезно терзавшихъ южную Русь. До татаръ въ теченіе 70 лѣтъ (1169—1240) въ немъ смѣнилось до 20 князей, изгонявшихъ другъ друга. Упадокъ Кіева стоялъ въ связи съ общимъ упадкомъ южной Руси. Въ постоянныхъ усобицахъ другъ съ другомъ князья опустошали волости своихъ соперниковъ, жгли ихъ села, истребляли или забирали скотъ, уводили захваченныхъ обывателей, обращая ихъ въ своихъ холоповъ, а половцы, которыхъ они нерѣдко наводили на Русскую землю, угоняли въ степи и обращали въ рабство тысячи плѣнниковъ. Терзаемая княжескими усобицами и постоянными набѣгами кочевниковъ, южная Русь замѣтно пустѣетъ. „Въ городахъ моихъ живутъ только псари да половцы (плѣнные)“, жалуется одинъ изъ князей. „Пуста земля моя отъ (набѣговъ) половцевъ“, говоритъ другой.

Лѣтопись яркими красками описываетъ бѣдствія южной Руси отъ половецкихъ набѣговъ: „Села и города наши опустѣли, всѣ разбѣжались отъ враговъ нашихъ. Половцы пожгли села, гумна и храмы, все обратилось въ пустыню, нивы поросли травой и сдѣлались жилищемъ звѣрей. Великую бѣду терпѣли люди. Однихъ уводили въ плѣнъ, другихъ убивали, мучили, вязали, держали на холодѣ. Многіе перемерли отъ голода и жажды. Печальные, измученные, цѣпенѣя отъ холода, съ опавшими отъ горя, жажды и голода лицами, босые и нагіе, шли русскіе плѣнники по невѣдомой странѣ и со слезами разсказывали другъ другу: я изъ такого-то города, а я изъ такой-то веси“. Простыхъ плѣнниковъ половцы продавали евреямъ, а тѣ перепродавали ихъ въ мусульманскія страны Средней Азіи; болѣе же знатныхъ половцы держали въ плѣну въ ожиданіи выкупа.

Чтобы обезопасить земли свои отъ половцевъ, князья иногда заключали съ ними договоры, скрѣпляя ихъ брачными союзами съ половецкими князьями. Но это рѣдко помогало. Пользуясь междоусобіями князей, половецкіе ханы опять начинали свои обычные набѣги, не щадя при этомъ и своихъ родственниковъ.

От набѣговъ половцевъ страдалъ весь югъ Россіи, особенно же пограничныя съ ними княжества—Кіевское и Черниговo-Сѣверское. Населеніе массами отливало отсюда на сѣверо-востокъ въ мѣстности болѣе безопасныя и отъ нападеній степняковъ и отъ княжескихъ раздоровъ. Это, между прочимъ, много способствовало возвышенію Ростово-Суздальской земли и князей ея *).

---

*) Другая струя переселенцевъ, хотя и значительно меньшихъ размѣровъ, направлялась на западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣпра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши. Это замѣтнымъ образомъ отразилось на судьбѣ Галицкаго княжества, которое сдѣлалось (особенно при Даніилѣ Галицкомъ) однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ на юго-западѣ, хотя раньше числилось въ рангѣ „младшихъ“ волостей.

Раздробленіе Руси на княжества.

(НАЧАЛО ЭПОХИ УДѢЛОВЪ).

Съ размноженіемъ потомства Ярослава I постепенно слабѣютъ родовыя связи въ княжеской семьѣ и мало-по-малу обособляются отдѣльныя вѣтви княжескаго рода — Мономаховичей, Ольговичей и т. д., при чемъ каждая вѣтвь стремится сохранить за собою надѣлъ отца. Соотвѣтственно этому во 2-й половинѣ XII в. почти прекращаются переходы князей по старшинству изъ одной волости въ другую, и Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ или земель. Въ каждой изъ этихъ земель утверждается одна какая-либо вѣтвь Рюриковичей съ однимъ старшимъ или „великимъ княземъ“ въ главномъ городѣ и младшими князьями въ остальныхъ городахъ. Первоначально здѣсь происходятъ такія же междоусобія за старшинство и за волости, какія имѣли мѣсто среди сыновей Ярослава. Хотя споры за Кіевъ еще и продолжаются, но съ упадкомъ значенія этого города и возвышеніемъ Владиміра они уже теряютъ свое значеніе.

Кромѣ Кіевской и Переяславской области эти слѣдующія: Черниговская и Сѣверская, Муромская и Рязанская, Полоцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Волынь и Галиція; сверхъ того, еще въ кіевскій періодъ выдѣляется и теперь еще болѣе обособляется среди другихъ областей по своему внутреннему строю — Новгородская община. Въ ряду этихъ земель во второй половинѣ XII вѣка пріобрѣтаетъ особенное значеніе—Ростово-Суздальская. Она первая вышла изъ круга „очередного“ и *временнаго* княжескаго владѣнія. Среди ея князей впервые устанавливается переходъ владѣній отъ отца къ сыну и появляются такъ называемые удѣлы въ смыслѣ отдѣльнаго и притомъ *постояннаго* владѣнія, переходящаго не по *старшинству*, а по *наслѣдству* отъ отца къ сыну, внуку и т. д. по прямой нисходящей

линіи. Князья этой области постепенно обособляются въ своихъ удѣлахъ и уже не переходятъ въ другія волости, а только стремятся присоединить къ себѣ чужіе удѣлы, полагая тѣмъ начало политическому объединенію раздробленныхъ частей страны.

Ростово-Суздальская область занимала мѣстности по верхнему и среднему теченію Волги съ ея притоками. Первоначально здѣсь жили бѣдныя финскія племена (весь, меря, мурома), но потомъ мало-по-малу стали заселять этотъ край русскіе, подчиняя своему вліянію туземцевъ. Особенно усиливается колонизація страны послѣ призванія князей и принятія христіанства. Сначала колонизація шла преимущественно съ сѣверо-запада изъ Новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь основываются города-крѣпости, храмы и монастыри съ поселеніями вокругъ нихъ; въ край проникаютъ торговцы и промышленники, по рѣкамъ возникаютъ торгово-промышленные центры, наконецъ въ удѣльный періодъ сюда приливаетъ съ юга Россіи масса смердовъ (поселянъ), гонимыхъ усобицами князей и набѣгами половцевъ. Въ потокѣ этой колонизаціи туземцы исчезли. Мелкія финскія племена, которыхъ древняя Русь объединяла подъ однимъ общимъ названіемъ чуди, смѣшивались съ русскимъ населеніемъ, роднились съ нимъ посредствомъ браковъ, забывали свои языкъ и религію и постепенно слились съ русскими въ одинъ народъ. Такъ образовалось новое славянское племя—*великорусское*, по своему характеру отличное отъ другихъ славянскихъ племенъ. Бѣдная природа страны вызывала населеніе къ неустанному труду, бережливости, энергіи, предпріимчивости—съ этими качествами и являются въ исторіи великоруссы и ихъ князья.

Слившіеся съ славянами финны оставили по себѣ память только въ географической номенклатурѣ—въ названіяхъ многихъ поселковъ рѣкъ (напр. Москва, по-фински „мутная вода", Протва и др.) и нѣкоторыхъ городовъ (Весьегонскъ—весь егонская). Изслѣдователи-антропологи подмѣчаютъ, впрочемъ, нѣкоторые, едва замѣтные слѣды примѣси финскаго элемента во внѣшемъ обликѣ великоросса (сюда относятъ, напр., скулистость лица). Что касается народной психики, то здѣсь совсѣмъ почти незамѣтно слѣдовъ финскихъ вліяній; это и понятно: менѣе культурныя мелкія племена не могли вліять въ этомъ отношеніи на болѣе культурный народъ, уже пріобрѣвшій свою опредѣленную умственную физіономію. Такъ напр., русскій языкъ остался внѣ всякаго вліянія со стороны финновъ; въ лексиконѣ великоросса едва насчитывается 50—60 словъ финскаго происхожденія (пахтать, пурга и пр.) и только во внѣшней сторонѣ рѣчи, въ фонетикѣ языка, въ особенностяхъ говора нѣкоторыхъ мѣстностей Ростово-Суздальскаго края остался, повидимому, небольшой финскій осадокъ (сюда относятъ,

напр., обиліе твердыхъ гласныхъ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ). Еще менѣе сказалось вліяніе религіозныхъ вѣрованій чуди. Старинные боги финновъ съ обрусѣніемъ послѣднихъ разжалованы были въ „бѣсовъ" и нѣсколько умножили количество той „нечисти", которой воображеніе славянъ со временъ язычества и безъ того населяло лѣса и воды страны; древнее славянское двоевѣріе получило себѣ такимъ образомъ въ землѣ финновъ лишь нѣкоторую несущественную прибавку.

За то природа страны оказала весьма замѣтное могучее вліяніе на духовный обликъ великоросса, на его племенной характеръ, что̀, въ свою очередь, сказалось въ дальнѣйшей исторіи страны.

Одинъ изъ нашихъ историковъ (Ключевскій) такъ характеризуетъ эту сторону вопроса:

„Великороссія XIII—XV вв. съ своими лѣсами, топями и болотами на каждомъ шагу представляла поселенцу тысячи мелкихъ опасностей, непредвидимыхъ затрудненій и непріятностей, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось поминутно бороться. Это развивало у великоросса изворотливость въ мелкихъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, привычку къ терпѣливой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями. Въ Европѣ нѣтъ народа менѣе избалованнаго и притязательнаго, пріученнаго меньше ждать отъ природы и судьбы и болѣе выносливаго... Природа Великороссіи отпускаетъ мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда; это заставляетъ крестьянина спѣшить, усиленно работать, чтобы сдѣлать много въ короткое время, и впору убраться съ поля, а затѣмъ оставаться безъ дѣла осень и зиму. Такъ великороссъ пріучался къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, привыкалъ работать скоро, лихорадочно и споро, а потомъ отдыхать въ продолженіе вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣлья. Ни одинъ народъ въ Европѣ неспособенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какое можетъ развить великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ ровному, умѣренному и размѣренному, постоянному труду, какъ въ той же Великороссіи.

„Съ другой стороны, свойствами края опредѣлился порядокъ разселенія великороссовъ. Жизнь удаленными другъ отъ друга, уединенными деревнями въ нѣсколько дворовъ при недостаткѣ общенія, естественно, не могла пріучить великоросса дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ не на открытомъ полѣ, на глазахъ у всѣхъ, подобно обитателю южной Руси: онъ боролся съ природой въ-одиночку, въ глуши лѣса, съ топоромъ въ рукѣ. То была молчаливая черная работа надъ внѣшней природой, надъ лѣсомъ или дикимъ полемъ, а не надъ собой и обществомъ, не надъ своими чувствами и отношеніями къ людямъ. Поэтому великороссъ лучше работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ вообще замкнутъ и остороженъ, даже робокъ, вѣчно себѣ на умѣ, необщителенъ, лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ дѣла, когда еще не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добьется нѣкотораго успѣха и привлечетъ вниманіе: неувѣренность въ себѣ возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Ему легче одолѣть препятствіе, опасность, неудачу, чѣмъ выдержать успѣхъ, легче сдѣлать великое, чѣмъ освоиться съ мыслью о своемъ величіи"...

Благодаря вліянію новыхъ условій жизни на сѣверо-востокѣ, измѣнился и экономическій бытъ населенія, его занятія. Удаленіе отъ приморскихъ рынковъ и рѣчныхъ торговыхъ путей юга ослабило

внѣшній сбытъ и торговлю и сократило лѣсную промышленность; основой народнаго хозяйства на сѣверѣ стало хлѣбопашество, несмотря на то, что почва страны здѣсь была менѣе удобна и плодородна, чѣмъ на югѣ. Тамъ, на югѣ, и населеніе и сами князья занимались усиленной разработкой лѣсныхъ богатствъ ради внѣшней торговли, здѣсь они обратились къ земледѣльческой разработкѣ почвы, при посредствѣ вольнаго крестьянскаго труда, всячески стараясь привлечь на свои земли побольше смердовъ.

Особенно оживился Суздальскій край при *Юріи Долгорукомъ*, до котораго тамъ не было особыхъ князей со времени Бориса. Онъ построилъ много новыхъ городовъ *) (Москва, Юрьевъ Польскій, Переславль Залѣсскій, Дмитровъ), увеличилъ число храмовъ и священниковъ, пролагалъ дороги въ дремучихъ лѣсахъ, осушалъ болота и вообще заявилъ себя хозяйственной дѣятельностью. „Устроитель“ Суздальской земли, Юрій стремился, однако, на югъ и успокоился только, когда завладѣлъ Кіевомъ. Тамъ онъ и умеръ. Послѣ него правитъ Суздальской землею и дѣлается великимъ княземъ сынъ его *Андрей Боголюбскій*. При немъ полагается начало новымъ порядкамъ въ отношеніяхъ князей между собою и къ населенію.

Андрей Боголюбскій (1157—1174) родился и выросъ на сѣверѣ и мало интересовался югомъ и спорами разныхъ линій Рюрикова потомства изъ-за великаго княженія. Южные князья также не заявляли притязаній на непривѣтливый Суздальскій край. Отецъ Андрея Юрій I спокойно княжилъ въ старыхъ городахъ, Ростовѣ и Суздалѣ, а Андрей столь же мирно управлялъ своимъ удѣломъ, даннымъ ему отцомъ—молодымъ „пригородомъ“ Владиміромъ на Клязьмѣ. „Мизинніи люди“ пригорода (какъ ихъ звали суздальцы), не имѣвшіе даже своего вѣча, не могли служить помѣхой для властолюбиваго Андрея и безпрекословно ему повиновались. Андрей привыкъ быть „княземъ-самовластцемъ“. И когда Юрій, занявъ Кіевъ, посадилъ было Андрея въ Вышгородѣ (близъ Кіева), Андрей самовольно ушелъ въ Суздальскую землю. Вѣчевые порядки южно-русскихъ городовъ, ограничивавшіе власть князя, не нравились Андрею. На сѣверѣ было болѣе простора для его княжеской власти. Уходя изъ Вышгорода, Андрей захватилъ съ собою и

*) Среди новыхъ суздальскихъ городовъ и поселеній, основанныхъ при Юріи и вообще въ ту эпоху передвиженія славянъ съ юга на Поволжье, встрѣчается множество южно-русскихъ названій, ясно показывающихъ, откуда принеслась волна переселенцевъ—Звенигородъ, Вышгородъ, Стародубъ и др. Кромѣ южно-русскаго Переяславля, въ лѣтописяхъ того времени встрѣчаются еще города съ тѣмъ же названіемъ—Переславль Залѣсскій (нынѣ уѣзд. городъ Влад. губ) и Переславль Рязанскій (нынѣ Рязань)—всѣ три на рѣкѣ Трубежѣ. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Рязани и Нижнемъ-Новгородѣ и т. д.

мѣстную святыню—икону Пр. Богородицы, которая, по преданію, была написана евангелистомъ Лукой и привезена изъ Византіи *). Теперь она сдѣлалась главной святыней Владиміра, гдѣ снова поселился Андрей. По смерти отца онъ сдѣлалъ Владиміръ своимъ стольнымъ городомъ, но не поѣхалъ ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль, гдѣ были вѣча и населеніе привыкло болѣе свободно относиться къ князю, чѣмъ во Владимірѣ.

Андрей изгналъ изъ Суздальской земли своихъ братьевъ и племянниковъ, а также старыхъ отцовскихъ бояръ, и правилъ единодержавно; кромѣ того онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Воспользовавшись удѣльными усобицами на югѣ, онъ достигъ и тамъ господства. Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ войсками Андрея, но самъ онъ, принявъ титулъ великаго князя, остался попрежнему жить во Владимірѣ, который и сталъ съ той поры первенствующимъ городомъ Русской земли (1169).

Унизивъ Кіевъ, Андрей вступилъ въ борьбу съ Новгородомъ. Походъ его войска на этотъ городъ окончился однако неудачей **); тогда великій князь прекратилъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ, и новгородцы вынуждены были смириться и приняли князя изъ его рукъ.

Самовластныя отношенія Андрея къ другимъ князьямъ, которыхъ онъ переводилъ изъ одного города въ другой или даже выгонялъ изъ волостей по своему произволу, вызвали наконецъ противъ него сильное недовольство. „Братъ, послали сказать ему южные князья, мы назвали тебя своимъ отцомъ и чтимъ тебя какъ отца по любви, а ты съ нами обращаешься не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками. Такъ пусть Богъ насъ разсудитъ!“ Въ происшедшей затѣмъ борьбѣ великій князь, несмотря на превосходство силъ, успѣха не имѣлъ. (Особенно отличился своей стойкостію и храбростью въ неравной борьбѣ съ Андреемъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Мстислава I, прозванный за то *Храбрымъ*). Такъ и не удалось Андрею обратить всѣхъ князей въ своихъ подручниковъ.

Въ своей Суздальской землѣ Андрей пользовался большимъ расположеніемъ народа за свою набожность и щедрость. Онъ любилъ духовенство, сооружалъ церкви и монастыри (особенно замѣчателенъ по-

---

*) Преданіе разсказываетъ, что кони, везшіе икону, остановились неподалеку отъ Владиміра на Клязьмѣ и не хотѣли ѣхать далѣе. Ночью ему было видѣніе: во снѣ явилась ему Пр. Богородица и велѣла поставить икону во Владимірѣ, а на мѣстѣ видѣнія заложить монастырь. Потомъ Андрей заселилъ это мѣсто и назвалъ *селомъ Боголюбовымъ*. Оно было любимымъ мѣстопребываніемъ князя и отъ него онъ получилъ названіе Боголюбскаго.

**) По словамъ преданія, городъ спасенъ былъ чудомъ, въ память котораго установлено было празднество въ честь иконы Знаменія Пр. Богородицы (27 ноября).

строенный при немъ во Владимірѣ храмъ Успенія Богородицы), раздавалъ милостыню, помогалъ бѣднымъ. Его часто видали по ночамъ въ храмѣ, гдѣ онъ зажигалъ свѣчи и предавался слезной молитвѣ. Подвигъ благочестія видѣли и въ борьбѣ Андрея съ „невѣрными“— сосѣдними болгарами; на нихъ совершено было два удачныхъ похода при участіи духовенства, которое шло съ образами предъ ратью. Въ битвахъ Андрей отличался большою горячностію и выдающейся храбростью. Въ отношеніяхъ къ простому народу былъ ласковъ и привѣтливъ, но боярамъ потачки не давалъ, противорѣчій не терпѣлъ, и обращался съ ними очень гордо и сурово, составляя въ этомъ отношеніи прямую противоположность южнымъ князьямъ, которые обо всемъ совѣтовались съ старшими дружинниками. Негодуя на его чрезмѣрную строгость, нѣкоторые изъ бояръ составили заговоръ и убили великаго князя въ его любимомъ мѣстопребываніи—селѣ Боголюбовѣ (1174). Простой народъ со слезами и причитаньями встрѣтилъ вѣсть о его кончинѣ.

Неожиданная смерть Андрея послужила поводомъ къ усобицѣ. Племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями, за первыхъ стали ростовцы и суздальцы, недовольные возвышеніемъ Владиміра; они съ презрѣніемъ смотрѣли на свой бывшій „пригородъ“, заселенный ремесленниками, которыхъ привлекалъ Андрей общественными постройками. „Владимірцы наши холопы, каменщики, говорили ростовцы, сожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника“. Болѣе многочисленные и энергичные владимірцы, однако, одержали верхъ, и великимъ княземъ сдѣлался братъ Андрея *Всеволодъ III* Большое Гнѣздо (прозванный такъ за многочисленное семейство). Не связанные вѣчевыми преданіями старины, владимірцы, по свидѣтельству лѣтописи, „цѣловали крестъ Всеволоду *и дѣтямъ его*“; такимъ образомъ они не боялись, подобно кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну, не думали о своемъ правѣ выбирать князя; на Руси это былъ первый случай признанія престолонаслѣдія по прямой линіи—отъ отца къ сыну, вопреки родовымъ понятіямъ о старшинствѣ.

Въ борьбѣ князей по смерти Андрея, судя по ходу событій, принимала участіе не только княжеская дружина, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ на югѣ, но цѣлые слои мѣстнаго населенія, вспыхнула давно уже назрѣвавшая вражда между городской знатью, руководившей старинными вѣчевыми городами края, Ростовомъ и Суздалемъ, и недавними поселенцами страны, южно-русскими выходцами, принадлежавшими большею частію къ низшимъ классамъ,—ими были наполнены новые города, особенно Владиміръ, Переславль-Залѣсскій и др. Исходъ борьбы между Ростовомъ и Владиміромъ по смерти кн.

Андрея имѣетъ такимъ образомъ крупное историческое значенiе, — этимъ нанесенъ былъ ударъ преобладанiю старшихъ вѣчевыхъ городовъ и руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, княжеской дружины и вѣчевого гражданства и въ довершенiе всего въ новомъ стольномъ городѣ княжества устанавливается впервые и новый порядокъ наслѣдованiя въ нисходящемъ порядкѣ отъ отца къ сыну. Низшiе классы населенiя равнодушно относились къ прежнему очередному порядку наслѣдованiя князей, дорожа лишь тѣми князьями, которые устраивали ихъ хозяйственный бытъ, и не желая переходить къ другимъ князьямъ. Вѣчевое устройство при этихъ усобицахъ на сѣверѣ видимо терпѣло крушенiе. На югѣ вѣче возникло раньше князей, и они съ нимъ волей-неволей мирились. Здѣсь было наоборотъ, да и само населенiе мало сочувствовало вѣчевымъ порядкамъ, гдѣ брали засилье богатые классы. Въ результатѣ всего въ государственномъ устройствѣ сѣверо-восточной Руси являются характерныя особенности, придающiя краю новую политическую физiономiю.

Доселѣ Русская земля считалась общей „отчиной" княжескаго рода, а отдѣльные князья были лишь временными владѣтелями своихъ княженiй. Правя ими по очереди или по уговору между собой и съ волостными городами, они не считали ихъ своей собственностью, не завѣщали ихъ своимъ наслѣдникамъ, а тѣмъ болѣе не продавали ихъ другимъ князьямъ по своему усмотрѣнiю и т. д. Теперь, съ обособленiемъ отдѣльныхъ вѣтвей княжескаго рода, князья уже не переходятъ изъ области въ область, но осѣдаютъ въ одной какой-либо мѣстности да и тутъ передаютъ свои земли не въ родъ, а по завѣщанiю своему потомству. Только въ занятiи великокняжескаго стола во Владимiрѣ еще нѣкоторое время (до послѣдней четверти XIII в.) соблюдается очередь старшинства, младшiя же волости переходятъ уже по *завѣщанiю* отъ отца къ сыну. Первый починъ въ этомъ дѣлѣ дали князья Суздальскаго края,—заселители и устроители своихъ волостей, въ силу этого естественно считавшiе территорiю княжествъ своей собственностiю и въ глазахъ населенiя являвшiеся съ тѣми же правами. Ростово-Суздальская земля распалась теперь на *отдѣльныя* княженiя или *удѣлы*, какъ ихъ стали называть, другъ отъ друга независимые, территорiи которыхъ считались личной и наслѣдственной собственностiю ихъ владѣльцевъ и которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе дробились и мельчали, по мѣрѣ умноженiя княжескаго потомства, пока изъ среды обособившихся княжескихъ линiй не выдѣлились своей дѣятельностiю московскiе князья и съ помощью преданнаго имъ населенiя не подчинили своей власти другiе удѣлы, утвердивъ единовластiе и самодержавiе на Руси. Этотъ *удѣльный перiодъ* въ русской исторiи съ указанными особенностями въ отношенiяхъ князей другъ къ другу, къ территорiи и населенiю, къ вѣчевымъ порядкамъ и пр. длится на протяженiи двухъ слишкомъ вѣковъ до половины XV столѣтiя. Началомъ его считается эпоха Всеволода III.

Всеволодъ III, Большое Гнѣздо (1176—1212), продолжалъ политику Андрея по утвержденiю силы и значенiя княжеской власти

на Руси, но дѣйствовалъ осторожнѣе его и потому ближе подошелъ къ цѣли. Отличаясь мягкостью и ровностью характера, онъ былъ сдержанъ и умѣренъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ Андрей. У него не было такой пылкой храбрости, какъ у брата, онъ предпочиталъ сражаться за окопами и не любилъ рискованныхъ дѣйствій и рѣшительныхъ битвъ съ сомнительной надеждой на успѣхъ. При постоянствѣ въ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли, онъ терпѣливо выжидалъ удобнаго момента и дѣйствовалъ только навѣрняка, являясь въ этомъ отношеніи истымъ княземъ сѣверо-восточной Руси. Подданные любили умнаго и осторожнаго князя и прозвали его „Великимъ“. Всеволодъ искусно пользовался раздорами между князьями, даже ловко самъ ссорилъ ихъ, ослаблялъ и, пользуясь своей силой, подчинялъ ихъ своей власти. Онъ предпринималъ удачные походы на мордву и камскихъ болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Къ его покровительству прибѣгалъ даже отдаленный Галичъ. „Великій Всеволодъ! обращается къ нему пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“, ты можешь расплескать Волгу веслами, вылить Донъ шлемами“.

Только въ концѣ княженія Всеволоду пришлось потерпѣть неудачу въ Новгородѣ, выбившемся изъ-подъ его вліянія (защитникомъ Новгорода явился сынъ Мстистава Храбраго — *Мстиславъ Удалой*, прославившійся своей беззавѣтной отвагой въ битвахъ).

Предъ смертью Всеволодъ, недовольный своимъ старшимъ сыномъ (Константиномъ), завѣщалъ великокняжескій столъ во Владимірѣ второму своему сыну *Юрію II*. Это породило вражду между братьями, въ которой приняли участіе и новгородцы (съ Мстиславомъ Удалымъ). Въ ожесточенной битвѣ у р. Липицы (близъ Юрьева Польскаго) Юрій (вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Ярославомъ) былъ разбитъ и бѣжалъ (1216). Только черезъ три года, по смерти старшаго брата, Владимірское великое княженіе опять перешло къ *Юрію II* (1219—1238). Подобно Андрею и Всеволоду III, онъ старался распространить русское господство на сѣверо-востокѣ по теченію Волги, велъ удачную войну съ мордвою и камскими болгарами и для защиты своихъ владѣній построилъ при впаденіи Оки въ Волгу крѣпость Нижній-Новгородъ. При немъ на Русь нахлынули татары; Юрій палъ въ битвѣ съ ними на берегахъ р. Сити.

Во время борьбы суздальскихъ князей съ новгородцами выдѣлился своими блестящими подвигами Мстиславъ Удалой, который по своему характеру и стремленіямъ является самымъ типичнымъ представителемъ южно-русскихъ князей и прямой противоположностью

Всеволоду III. Его жизнь, полная кипучей безпокойной дѣятельности, представляетъ поэтому особый интересъ.

Мстиславъ Удалой явился защитникомъ старины, охранителемъ существующаго порядка, какъ сложился онъ еще въ Кіевскій періодъ; онъ любилъ рѣшать споры битвами, въ которыхъ видѣлъ судъ Божій. Отвага была его отличительной чертой, съ нимъ маленькій отрядъ бросался на цѣлое войско. Съ своей дружиной онъ переѣзжалъ изъ одного конца русскихъ владѣній въ другой, являлся всюду, гдѣ только нужно было защитить слабаго отъ сильнаго и поддержать старый порядокъ или „правду", какъ выражался Мстиславъ. Когда Всеволодъ III назначилъ, безъ согласія вѣча, своего сына (Святослава) княземъ въ Новгородъ (1210)—возстановлять „правду" явился Удалой, никѣмъ не призванный. Онъ послалъ сказать новгородцамъ: „Слышалъ я, что вы терпите насилія отъ суздальцевъ; жаль мнѣ стало своей отчины". Новгородцы посадили Всеволодова сына подъ стражу и послали сказать Мстиславу: „Иди, князь, на столъ". Удалой выступилъ съ своей дружиной и новгородцами противъ Всеволода, но послѣдній уступилъ безъ боя и дѣло кончилось мирно. Мстиславъ послѣ того пошелъ походомъ на чудь и подчинилъ Новгороду всю Чудскую землю вплоть до самаго моря.

Между тѣмъ пришли вѣсти, что Ольговичи выгнали изъ Кіева Мономаховичей, родственниковъ Мстислава. Удалой просилъ помощи у новгородцевъ. „Куда ты, князь, взглянешь очами, туда мы обратимся своими головами", отвѣчали они. Силою оружія Мстиславъ возстановилъ „правду" на югѣ и опять воротился въ Новгородъ. Тутъ пришло къ нему приглашеніе уладить дѣла въ Галичѣ, который захватили венгры, между тѣмъ какъ поляки напали на Волынскаго князя. Мстиславъ созвалъ вѣче: „Есть у меня дѣло на Руси, сказалъ онъ новгородцамъ, а вы вольны въ князьяхъ", и уѣхалъ съ своей дружиной въ Галичъ. Тамъ онъ прогналъ враговъ и посадилъ княземъ въ Галичѣ и на Волыни зятя своего Даніила.

Едва успѣлъ Удалой уладить дѣла въ Галичѣ, какъ пришлось ему опять спѣшить на защиту новгородцевъ, которыхъ тѣснилъ сынъ Всеволода III (Ярославъ). „Либо возвращу мужей новгородскихъ и новгородскія волости, либо голову свою положу за Великій Новгородъ", говорилъ Мстиславъ на вѣчѣ: „и во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!" У рѣки Липицы встрѣтилъ онъ (1216) рать суздальцевъ. Самонадѣянные суздальскіе князья (Ярославъ и братъ его Юрій II), надѣясь на превосходство своихъ силъ, заранѣе хвалились своей будущей побѣдой и безпечно пировали въ виду непріятеля. Молодые бояре вторили въ похвальбахъ своимъ князьямъ. „Не было еще того, говорили они, чтобы кто пошелъ ратью въ сильную Суздальскую землю и цѣлъ остался. Да хоть бы вся русская земля пошла на насъ, и тогда ничего не подѣлаютъ съ нами! А что эти полки—да мы ихъ сѣдлами закидаемъ!" Суздальцы, въ ожиданіи побѣды, уже дѣлили заранѣе волости побѣжденныхъ, но въ кровавой сѣчѣ были разбиты наголову. Самъ Мстиславъ три раза проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, поражая направо и налѣво топоромъ, который былъ у него

привязанъ къ рукѣ ремнемъ. Послѣ Липецкой битвы Мстиславъ возстановилъ (хотя и ненадолго) „правду“ и въ Суздальской области, распредѣливъ города по старшинству между сыновьями Всеволода.

Вскорѣ Мстиславу пришлось опять идти походомъ на освобожденіе Галича, снова занятаго венгерами и поляками. А затѣмъ онъ двинулся въ союзѣ съ другими князьями на встрѣчу татарамъ и участвовалъ въ несчастной битвѣ на Калкѣ (1224 г.). По своей чрезмѣрной отвагѣ онъ спѣшилъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ впередъ, не дожидаясь другихъ князей, попалъ въ засаду, былъ разбитъ и бѣжалъ въ первый разъ въ жизни. Съ той поры счастье и слава какъ будто покинули „Удатнаго“ князя. Онъ запутался въ интригахъ галицкихъ бояръ, которые поссорили его даже съ Даніиломъ Галицкимъ, и въ 1228 году умеръ, постригшись предъ смертью въ схиму.

Черниговская и Сѣверская области расположены были по рѣкамъ Деснѣ Сейму и верховьямъ Оки (земли сѣверянъ, вятичей и радимичей). Въ Черниговской области наиболѣе важными городами были — Черниговъ, Стародубъ и Любечъ, въ Сѣверской — Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Курскъ, Брянскъ и Трубчевскъ. Оба княжества принадлежали поколѣнію Ольговичей (отъ Олега Святославича, внука Ярослава I). Старый порядокъ „лѣствичнаго восхожденія“ сохранялся здѣсь строго. Ольговичи Черниговскіе упорно стремились въ Кіевъ и долго боролись за него съ Мономаховичами. При нашествіи татаръ на черниговскомъ престолѣ сидѣлъ правнукъ Олега Мстиставъ Святославичъ. Онъ палъ въ битвѣ при Калкѣ и оставилъ престолъ сыну своему *Михаилу*, замученному въ Ордѣ. Послѣ Михаила Черниговская область, опустошенная татарами и разоренная, теряетъ всякое значеніе.

Княжество Сѣверское отдѣлилось отъ Черниговскаго вскорѣ послѣ смерти Святослава Ярославича. Извѣстный Олегъ „Гориславичъ“ сѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, который уже не выходилъ изъ его потомства. Сѣверскимъ князьямъ приходилось вести постоянную борьбу съ своими безпокойными сосѣдями—половцами. Особенно прославились своимъ походомъ на половцевъ (1185 г.) воспѣтые въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ внукъ Олега—*Игорь Святославичъ* и братъ его—*Всеволодъ („Буйтуръ“).*

Муромская и Рязанская области расположены были по среднему теченію Оки и по верховьямъ Дона (земли финскихъ племенъ муромы и мещеры); главнѣйшіе города здѣсь были—Муромъ, Рязань, Переславль Рязанскій, Коломна и Пронскъ. По завѣщанію Ярослава I, Муромо-Рязанская земля (вмѣстѣ съ Черниговско-Сѣверскимъ княжествомъ) досталась сыну его Святославу. Младшій изъ сыновей послѣдняго Ярославъ поссорился съ родичами и ушелъ въ Муромъ, гдѣ не было отдѣльнаго князя со времени Глѣба. Онъ основалъ самостоятельное владѣніе, которое послѣ его смерти распалось на два княжества—Муромское и Рязанское. Потомки Ярослава Святославича удержали за собой эти земли до нашествія татаръ, но были въ зависимости отъ могущественныхъ суздальскихъ князей.

Полоцкая область лежала по Западной Двинѣ, Березинѣ и верховьямъ Нѣмана (западная часть земли кривичей). Важнѣйшими городами были—Полоцкъ, Минскъ, Витебскъ, Друцкъ. Здѣсь княжили потомки св. Владиміра и Рогнѣды. Они жили отдѣльно отъ другихъ Рюриковичей и мало принимали участія въ удѣльныхъ распряхъ князей и вообще событіяхъ остальной Руси. Изъ князей полоцкихъ болѣе другихъ извѣстенъ *Всеславъ* (въ XI в.), отличавшійся своею хитростію и прослывшій даже чародѣемъ—

оборотнемъ. Потомки его перессорились между собою; княжество раздробилось на мелкіе удѣлы, не могло съ успѣхомъ противиться утвержденію Ливонскаго ордена на берегахъ Двины (въ XIII в.) и наконецъ подчинилось Литвѣ.

Смоленская область занимала верховья Днѣпра, Волги и Западной Двины (восточная часть земли кривичей); главнѣйшими городами были — Смоленскъ, Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. Смоленское княжество подчинялось потомкамъ Мономахова внука Ростислава Мстиславича. Изъ нихъ особенно прославились своими подвигами—Мстиславъ (Ростиславичъ) Храбрый и его сынъ Мстиславъ Удалой.

Волынская область лежала по р. Припети (земли древлянъ и бужанъ). Важнѣйшіе города были—Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Дорогобужъ, Туровъ, Берестье, Люблинъ. Первоначально она управлялась различными князьями Рюрикова рода, но съ Мономаха утвердилась за его потомствомъ. Здѣсь княжилъ Изяславъ II. Волынь и доставила ему перевѣсъ въ борьбѣ съ Юріемъ Долгорукимъ за Кіевскій столъ. Внукъ Изяслава II Романъ (1172—1205) присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Галицію.

Галиція или Червонная Русь занимала склоны Карпатскихъ горъ по верхнему теченію Днѣстра и Прута, была присоединена къ Руси при Владимірѣ Св. Здѣсь были города—Галичъ, Перемышль, Теребовль, и Звенигородъ. При Святополкѣ Окаянномъ Галицію захватилъ было въ свои руки Болеславъ Храбрый, король польскій, но Ярославъ Мудрый вновь отнялъ ее у поляковъ. По смерти Ярослава I Галиція досталась въ удѣлъ Игорю, какъ часть Владиміро-Волынскихъ земель. На любечскомъ съѣздѣ она была отдѣлена отъ Волыни и отдана Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Сынъ Володаря *Владимірко* и былъ основателемъ собственно Галицкаго княжества. Онъ сдѣлалъ своею столицей городъ Галичъ и соединилъ (въ половинѣ XII в.) подъ своею властію всю Червонную Русь. Владимірку приходилось считаться съ сильными сосѣдями — венграми, поляками и кіевской Русью и онъ утвердился лишь благодаря своей выдающейся хитрости, коварству и „многоглаголивому лицемѣрію“. Когда нужно было, онъ притворялся даже умирающимъ, а по миновании бѣды смѣялся надъ легковѣрными. Ему ничего не стоило нарушить крестное цѣлованіе: „Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?“ сказалъ онъ разъ въ отвѣтъ на упреки въ нарушеніи клятвы... Онъ всѣми силами мѣшалъ усиленію Волынскаго княжества и былъ, поэтому, дѣятельнымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ борьбѣ его съ Изяславомъ II. Преемникомъ Владимірки былъ его сынъ *Ярославъ Осмомыслъ* (1052—1187), тоже ловкій и дѣятельный князь, женатый на дочери Юрія Долгорукаго. Онъ сумѣлъ занять мѣсто посредника въ спорахъ своихъ сосѣдей—Кіевской Руси, Венгріи и Польши, и вліялъ на ходъ событій въ этихъ земляхъ. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ восторженно описываетъ его внѣшнее могущество: „Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подпираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь пути королю венгерскому, отворяешь по волѣ ворота Кіеву...“ Осмомыслъ прославился и внутреннимъ устройствомъ своего княжества, заботами объ умноженіи населенія (колонистами изъ Западной Европы), о раз-

витіи торговли и промышленности. Не могъ онъ только справиться съ своевольными галицкими боярами.

Преобладаніе бояръ въ Галиціи составляло характерную особенность этого княжества. Въ этомъ сказалось вліяніе сосѣдства Венгріи и Польши (гдѣ господствовало сословіе магнатовъ); съ другой стороны, усиленію боярской аристократіи въ Галичѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что бояре сдѣлались постоянными землевладѣльцами, не переходя изъ удѣла въ удѣлъ вмѣстѣ съ княземъ, какъ то было въ другихъ областяхъ Руси. Галицкіе князья, какъ потомки изгоя Ростислава, не разсчитывали на Кіевъ и прочно осѣли въ краѣ, а вмѣстѣ съ ними и бояре. Сдѣлавшись богатыми землевладѣльцами, бояре настолько усилились, что оказывали вліяніе не только на внѣшнюю и внутреннюю политику княжества, но вмѣшивались даже въ семейныя дѣла князя (Такъ, напр., они взяли съ преемника Владимірки — Ярослава Осмомысла клятву въ томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своей женою).

Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось, и тогда Галиція перешла во владѣніе *Романа* Волынскаго (сына Мстислава II). Этотъ властолюбивый, воинственный и энергичный князь, „ревновавшій, по выраженію лѣтописца, дѣду своему Мономаху", прославился своими побѣдами надъ половцами и литовцами. На первыхъ онъ нагналъ такого страху, что они его именемъ пугали дѣтей; а литовскихъ плѣнниковъ, по словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни (отсюда и сложилась на Руси поговорка: „Романе, худымъ живеши: Литвою ореши").

Овладѣвши Галичемъ, Романъ началъ борьбу съ боярами и безпощадно казнилъ непокорныхъ: четвертовалъ, зарывалъ живыми въ землю... „Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть", говаривалъ Романъ. Но онъ не успѣлъ окончить этой борьбы и погибъ въ битвѣ съ поляками. Его молодая вдова съ двумя малютками, изъ коихъ старшему Даніилу было 4 года, бѣжала отъ мятежныхъ бояръ и долго скиталась въ Польшѣ и Венгріи. Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ достался наконецъ (въ 1229 г.) *Даніилу Романовичу*, который является однимъ изъ самыхъ выдающихся князей Руси въ эпоху монгольскаго ига.

Новгородская община.

Средоточіемъ исторической жизни для сѣверной Руси очень рано становится *Новгородъ Великій* (т. е. старшій городъ въ своей землѣ). По лѣтописному сказанію, онъ стоялъ во главѣ племенъ, призвавшихъ норманскихъ князей въ 862 г. Первоначально Новгородъ находился въ полной зависимости отъ кіевскихъ князей. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ Окаяннымъ, даровалъ имъ особыя льготныя грамоты (до насъ не дошедшія), ко-

торыя и послужили началомъ новгородской вольности. Пользуясь отдаленностью отъ Кіева и усобицами князей, добивавшихся стола великокняжескаго, разбогатѣвъ отъ торговли, Новгородъ постепенно усиливался и около половины XIII в. сдѣлался самостоятельной *вѣчевой общиной*, которая принимала къ себѣ князя только по своему желанію и на извѣстныхъ условіяхъ (дѣлала съ нимъ „рядъ", по выраженію лѣтописи). Община стала называть себя „Господинъ Великій Новгородъ".

Самый городъ въ это время очень разроссл, раскинувшись по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, близъ истока ея изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлила городъ на двѣ *стороны*: Торговую—на восточномъ берегу, и Софійскую—на западномъ. Главной частью города былъ дѣтинецъ (кремль) на Софійской сторонѣ, обнесенный стѣною. Здѣсь жили князь со своей дружиной и новгородскій владыка (архіепископъ); здѣсь же находился и соборный храмъ Св. Софіи. На Торговой сторонѣ помѣщались главнымъ образомъ рынки и лавки. Здѣсь же находился такъ называемый *Ярославовъ Дворъ* — обширная площадь съ вѣчевой башней. На этой площади возвышалась „степень", — помостъ, съ котораго посадникъ обращался съ рѣчью къ собравшемуся народу (отсюда названіе посадниковъ, пока они исправляли свою должность, *степенными* въ отличіе отъ „старыхъ", т. е. оставившихъ свою должность). Торговая и Софійская стороны соединялись большимъ Волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга и служившимъ часто ареной столкновеній враждующихъ партій въ городѣ. Весь городъ дѣлился на пять частей или *концовъ*, а концы дѣлились на улицы. Это дѣленіе на концы было слѣдствіемъ первоначальнаго устройства города, составившагося изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину.

За предѣлами Новгорода начиналась земля новгородская, которая въ XIII в. распространялась далеко на сѣверо-востокъ и ограничивалась Финскимъ заливомъ, Чудскимъ озеромъ и верховьями Волги, Бѣлымъ моремъ, Уральскими горами и близлежащими землями.

Въ ближайшихъ къ Новгороду мѣстностяхъ находились *пригороды*, стоявшіе въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ старымъ городомъ—Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Торжокъ, Бѣжецкъ. Пригороды принимали участіе въ дѣлахъ Новгорода; жители ихъ призывались иногда на вѣче. Ближайшія къ Новгороду земли дѣлились на пять частей или *пятинъ*: Водская (по Ладожскому озеру), Обонежская (до Бѣлаго моря), Бѣжецкая (до Мсты), Деревская (до Ловати) и Шелонская (отъ Ловати до Луги). За пятинами простирались такъ называемыя *волости новгородскія*—этимъ именемъ назывались владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣе пріобрѣтенныя; они населены были финскими племенами и платили дань Новгороду: Заволочье (по обѣимъ сторонамъ Двины отъ Онеги до Мезени), Поморье или Тре (Новгородская Лапландія), Пермь (мѣста по Вычегдѣ и Верхней Камѣ), Печора (по обѣимъ сторонамъ Урала и рѣки Печоры) и Югра (по ту сторону Уральскаго хребта).

Въ бытѣ Великаго Новгорода встрѣчаются значительныя особенности сравнительно съ бытомъ другихъ русскихъ областей. Нигдѣ

вѣче не достигало такого развитія, какъ въ Новгородѣ. Это было постоянное учрежденіе, которое рѣшало всѣ важнѣйшія дѣла общины, а именно—опредѣляло миръ или войну, призывало и изгоняло князей, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, издавало и отмѣняло законы, установляло подати и повинности, судило важнѣйшія преступленія, соединенныя съ наиболѣе тяжкими наказаніями — лишеніемъ жизни, конфискаціей имущества и изгнаніемъ и т. д. По старинному славянскому обычаю, дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, при чемъ меньшинство принуждали соглашаться силою, — непокорныхъ иногда топили въ Волховѣ, а имѣнье ихъ грабили.

Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту, къ которой прикладывалась печать съ надписью „Печать Великаго Новгорода". Грамота обыкновенно начиналась такъ: „Отъ посадника Великаго Новгорода (такого-то), и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго, и отъ бояръ, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ положили сдѣлать..." (далѣе излагалось самое рѣшеніе).

Вѣче собиралось обыкновенно посадникомъ, иногда княземъ, или боярами и даже черными людьми; созывая на вѣче и предъ открытіемъ его звонили въ вѣчевой колоколъ. Вѣче не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ и созывалось только тогда, когда являлась въ немъ надобность. Равнымъ образомъ никогда не было установлено постояннаго срока для его созыва. На вѣчѣ могли собираться всѣ свободные граждане—бояре и черные люди. Важнѣйшія дѣла подготовлялись къ вѣчу *совѣтомъ господъ* изъ вліятельныхъ граждань и „старыхъ" (отставныхъ) посадниковъ и тысяцкихъ. Обычнымъ мѣстомъ сбора вѣча былъ Ярославовъ дворъ на Торговой сторонѣ, но собирались и у св. Софіи. Иногда собирались два враждебныхъ вѣча — одно на Софійской сторонѣ, другое на Торговой, и дѣло кончалось рукопашной схваткой на Волховскомъ мосту, пока не являлся владыка съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и не успокоивалъ враждующихъ.

Вмѣстѣ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и власть *князя;* но онъ со своей дружиной входилъ въ новгородскую общину лишь какъ сторонняя сила, и поэтому вынужденъ былъ уступить первое мѣсто вѣчу и даже находился отъ него въ зависимости. Вѣче призывало князя для исполненія обязанностей верховнаго судьи, главнымъ же образомъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, но при этомъ всегда предлагало ему „рядъ", т. е. извѣстныя условія, которыя онъ обязанъ былъ исполнять. Такъ, оно требовало, чтобы князь назначалъ правителей по волостямъ изъ природныхъ новгородцевъ,

а не изъ своей пришлой дружины; ни князь, ни его дружинники не могли пріобрѣтать земель въ Новгородѣ, даже вести торговлю они могли только на имя какого-нибудь новгородца. Производить судъ князь обязанъ былъ въ присутствіи и съ согласія посадника и не могъ наказывать безъ вины или отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго на нее лица. На свое содержаніе князь получалъ, между прочимъ, особый родъ дани, которая называлась „даромъ".

Дань собирали большею частію сами новгородцы, старавшіеся не допускать прямыхъ сношеній князя или его приближенныхъ съ населеніемъ, жившимъ внѣ Новгорода, въ „землѣ новгородской". Столь же ревниво охраняли новгородцы отъ вліянія или произвола князя и другой главнѣйшій источникъ своихъ доходовъ—торговлю. По договорнымъ грамотамъ, князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только чрезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять „нѣмецкаго торговаго двора" въ Новгородѣ, ни ставить къ нему своихъ приставовъ.

Если князь не исполнялъ ряда, то община говорила ему; „ты собѣ, а мы собѣ" и „казали князю путь изъ Новгорода", избирая другого князя. Разъ изгнанный новгородцами князь пригрозилъ имъ насильно водворить своего преемника, и вѣче послало сказать ему: „коли у твоего сына двѣ головы, то присылай его". Въ большинствѣ случаевъ недовольные князья сами покидали городъ, въ которомъ имъ приходилось играть второстепенную роль (такъ, въ теченіе XII столѣтія въ Новгородѣ смѣнилось до 30 князей).

У новгородцевъ не было *своихъ* постоянныхъ князей и, смотря по обстоятельствамъ, они получали князей то изъ рода Ольговичей, (въ Черниговѣ), то изъ какой-либо вѣтви Мономаховичей (Волынской, Смоленской или Суздальской). И въ то время, какъ въ другихъ русскихъ областяхъ княжескія семьи постепенно принимали характеръ своего рода княжескихъ династій, Новгородъ постоянно выбиралъ между ними и потому не получилъ своего княжескаго дома. Это послужило источникомъ смутъ и раздоровъ въ самомъ Новгородѣ между сторонниками различныхъ князей и дало возможность сильнымъ суздальскимъ князьямъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла новгородцевъ, имѣть у нихъ свою партію и давать имъ князя „изъ своихъ рукъ". Еще Юрій Долгорукій сталъ тѣснить Новгородъ и стремился посадить тамъ князя отъ себя. Андрей Боголюбскій дѣйствовалъ еще рѣшительнѣе—„хощу искати Новгорода добромъ или лихомъ", послалъ онъ сказать имъ, и хотя новгородцы отразили многочисленную рать Андрея, но вскорѣ смирились и приняли князя изъ рукъ Андрея, когда тотъ прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ изъ Поволжскихъ областей, а новгород-

скимъ купцамъ „не давалъ пути“ къ землѣ камскихъ болгаръ, прерывая тѣмъ ихъ торговыя сношенія съ Востокомъ. Всеволодъ III еще съ большею настойчивостію пошелъ по слѣдамъ отца и старшаго брата и началъ тѣснить Новгородъ, чтобы привести его въ полную отъ себя зависимость. Его сыновья стремились къ тому же. Новгородъ оберегали два знаменитыхъ Мстислава древней Руси—Мстиславъ Храбрый, самый любимый изъ новгородскихъ князей, и сынъ его Мстиславъ Удалой. Но это только на время охранило вѣчевой городъ и его вольности. Того, чего не добились суздальскіе князья, достигли впослѣдствіи продолжатели ихъ дѣла—князья московскіе.

Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда—*посадникъ* и *тысяцкій*. Посадникъ, собственно гражданскій управитель города, былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣче, замѣнялъ князя въ случаѣ его отсутствія. Онъ избирался изъ богатыхъ вліятельныхъ фамилій и оставался въ своей должности, пока былъ любъ народу.

Тысяцкій тоже выбирался изъ боярскихъ фамилій. Онъ завѣдывалъ полицейской и военной частію. Ему подчинялись сотскіе и десятскіе, наблюдавшіе за порядкомъ *).

Во главѣ *церкви* въ Новгородѣ стоялъ архіепископъ или *владыка*, какъ его называли. Онъ выбирался на вѣчѣ. Намѣчали обыкновенно трехъ кандидатовъ и бумажки съ именами ихъ клали на престолъ въ Софійскомъ соборѣ. Затѣмъ приводили сюда слѣпца или ребенка—послѣдній бралъ два жребія, оставшійся на престолѣ третій жребій указывалъ на избранника Св. Софіи. Новоизбранный отправлялся затѣмъ на посвященіе къ русскому митрополиту. Владыка принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій вѣча. Его совѣта спрашивали всегда князья и посадники. Договоры съ другими княжествами и иностранными государствами также заключались всегда съ его благословенія, при чемъ во главѣ грамотъ ставилось его имя. Владыка имѣлъ большой дворъ, свой судъ, своихъ пословъ, во время войны выставлялъ особый полкъ со своихъ земель. Вообще церковь въ лицѣ владыки стояла въ Новгородѣ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ народу, чѣмъ гдѣ-либо на Руси, чему способствовала и религіозность новго-

*) Названіе тысяцкаго произошло отъ того, что Новгородъ въ военномъ отношеніи представлялъ изъ себя „*тысячу*“,—вооруженный полкъ, подъ командой тысяцкаго; эта тысяча дѣлилась на *сотни*, военныя части города; сотни дѣлились на *улицы*, каждая съ своимъ „старостой“.

родцевъ, наглядно выразившаяся между прочимъ въ постройкѣ множества храмовъ и монастырей (послѣднихъ въ Новгородѣ было уже въ XII в. до 20). И если строптивые новгородцы часто мѣняли своихъ князей и посадниковъ, то сравнительно болѣе другихъ устойчивую и прочную власть въ ихъ исторіи представляетъ духовный владыка.

Хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе уже съ раннихъ поръ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или, какъ ихъ обычно называли, боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами, благодаря своему богатству, пріобрѣтенному торговлей и мало-по-малу сосредоточили въ своихъ рукахъ большія поземельныя владѣнія. Они обыкновенно назывались *лучшими* (вячшими) людьми, въ отличіе отъ *меньшихъ*, или черныхъ людей (мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ).

Среди лучшихъ людей, кромѣ бояръ—крупныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, составлявшихъ верхній слой, выдѣлялись еще такъ называемые житые или *житьи* люди и купцы,—простые торговцы, работавшіе чужимъ капиталомъ. Житьи люди составляли разрядъ лицъ средняго состоянія, средней зажиточности, стоявшіе на сословной новгородской лѣстницѣ ниже бояръ и выше купцовъ и меньшихъ людей.

Пользуясь своими связями и богатствомъ, „лучшіе люди" обыкновенно проводили своихъ кандидатовъ на должности посадника и тысяцкаго и вообще вліяли на все управленіе Новгородомъ.

Съ теченіемъ времени изъ нихъ составилось особое постоянное учрежденіе—„*совѣтъ господъ*". Такъ какъ вѣче по своему многолюдству и самому характеру своей дѣятельности не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы и рѣшало ихъ чаще всего простымъ крикомъ *да* или *нѣтъ*, то и понадобилось учрежденіе, которое могло бы предварительно разрабатывать и обсуждать законодательные проекты и предлагать ихъ вѣчу въ готовомъ видѣ. Таковъ и былъ совѣтъ господъ. Онъ, повидимому, образовался или былъ продолженіемъ первоначальной княжеской „думы" съ боярами. По мѣрѣ того какъ значеніе князя въ Новгородѣ падало, понижалось и значеніе князя и его думцевъ въ этомъ совѣтѣ, и въ XIV—XV вв. предсѣдателемъ совѣта господъ является уже владыка новгородскій, въ палатахъ котораго онъ и собирался. Въ составъ его, кромѣ княжескаго намѣстника, входили всѣ городскія власти, посадники—степенный и старые, тысяцкіе, старосты и сотскіе; вмѣстѣ съ правящими и отставными („старыми") сановниками совѣтъ насчитывалъ въ своей средѣ иногда до 50 лицъ.

Всѣ члены совѣта звались *боярами*, и хотя они только подготовляли и вносили на вѣче проекты тѣхъ или иныхъ законовъ и рѣшеній по нимъ, но, являясь наиболѣе вліятельными и по положенію и по богатству представителями торговаго класса въ городѣ, они до извѣстной

степени уже предрѣшали постановленіе вѣча, и драчливыя партіи послѣдняго были въ большинствѣ случаевъ лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ невидимыхъ режиссеровъ новгородской сцены.

Вслѣдствіе этого преобладанія богатыхъ правящихъ классовъ и „Господинъ Великій Новгородъ" былъ въ существѣ дѣла не демократической вольной общиной, какъ казалось бы на первый взглядъ по составу его вѣча, но аристократической, или, вѣрнѣе, *плутократической, торговой* республикой съ княземъ во главѣ. Это преобладаніе высшихъ классовъ, усилившееся съ теченіемъ времени по мѣрѣ роста богатствъ и сосредоточенія ихъ въ рукахъ немногихъ фамилій, обострило отношенія между верхнимъ и нижнимъ слоями населенія Новгорода, чѣмъ и воспользовались впослѣдствіи князья московскіе при стремленіи подчинить вольный городъ своей власти.

Преобладаніе богатыхъ классовъ въ новгородскомъ обществѣ отразилось въ извѣстной мѣрѣ и на положеніи сельскаго населенія новгородской земли. Оно состояло изъ двухъ разрядовъ—*смердовъ*, обрабатывавшихъ земли, принадлежавшія Господину Великому Новгороду, т. е. государственныя, и *половниковъ* или арендаторовъ земли у частныхъ владѣльцевъ (работавшихъ *исполу*, т. е. съ выдачей владѣльцамъ половины урожая). Половники стояли въ большой зависимости отъ землевладѣльцевъ, приравниваясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ холопамъ (которыхъ вообще было много въ новгородской землѣ). Такъ, напр., въ договоры съ князьями новгородцы обыкновенно вставляли условіе, чтобы холоповъ и половниковъ безъ господина не судить, а тѣхъ изъ нихъ, которые убѣгаютъ въ удѣлъ князя, выдавать обратно. Это явленіе особенно развивается въ XIV в., т. е. въ пору наибольшаго развитія новгородскихъ вольностей, когда въ остальной Руси свобода крестьянскаго передвиженія еще не стѣснялась. Зато съ другой стороны горожанамъ-промышленникамъ позволялось пріобрѣтать мелкіе сельскіе участки въ полную *собственность*, чего тоже не было въ остальной Руси, гдѣ право земельной собственности было привилегіей лишь служилаго класса. Они назывались *своеземцами* или просто земцами, и сдавали свои земли въ аренду или же сами обрабатывали ихъ, ничѣмъ не отличаясь отъ крестьянъ по своему образу жизни.

Главнымъ занятіемъ новгородцевъ и источникомъ ихъ богатствъ была *торговля* — жизненный нервъ города. Бѣдность почвы, мѣстами песчаной, мѣстами топкой и болотистой, не позволяла развиться земледѣлію и заставила населеніе искать другихъ занятій для прокормленія. Обиліе же водяныхъ путей и положеніе Новгорода на великомъ водномъ пути изъ Скандинавіи въ Грецію съ раннихъ поръ вызвали новгородцевъ на торговое дѣло. Издавна уже новгородцы вели мѣновую торговлю въ норманнами, греками, финнами, камскими болгарами, хозарами и даже арабами. Въ XIII в. новгородцы приняли дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ, и Ганза учредила въ немъ одну изъ главныхъ торговыхъ конторъ.

Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлю сѣверной Россіи и предлагая свое посредничество въ сношеніяхъ съ Западомъ, нѣмцы всѣми мѣрами старались препятствовать развитію самостоятельной торговли Новгорода съ Западной Европой. Ганзейская компанія запрещала даже привозить изъ заграницы товаровъ болѣе, чѣмъ нужно, чтобы постоянно держать ихъ въ высокой цѣнѣ. Новгородцы продавали обыкновенно мѣха, кожи, ленъ и вообще сырье, а взамѣнъ получали оружіе, вина, сукна, стекло, шерстяныя ткани и другія издѣлія фабричной промышленности. Товары эти затѣмъ перепродавались внутрь Россіи, откуда новгородцы вывозили хлѣбъ для себя (по Волгѣ изъ приволжскихъ земель и съ юга по Днѣпру). Неурожаи и войны ставили иногда этому препятствіе, и тогда въ Новгородѣ наставалъ страшный голодъ; не разъ случалось, что отцы продавали нѣмцамъ въ рабство своихъ дѣтей, лишь бы спасти себя и ихъ отъ голодной смерти...

Для своей торговли съ Западомъ новгородцы добывали мѣха и кожи главнымъ образомъ путемъ сбора дани съ подчиненныхъ имъ инородцевъ. Чтобы держать ихъ въ повиновеніи и еще дальше распространять свою власть, новгородцы строили въ ихъ землѣ новые города-крѣпости (такъ образовались земли Двинская или Заволочье, Вологодская, Поморская и др.); съ другой стороны, благочестивые люди, монашествующіе и вообще духовныя лица проникали туда съ цѣлію проповѣди христіанства, основывали храмы и монастыри съ поселеніями вокругъ ихъ. Такъ распространялась *славянская колонизація* на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Утвержденію русскаго господства среди инородцевъ много содѣйствовали также походы смѣлой и буйной новгородской молодежи, повольниковъ или „ушкуйниковъ". На своихъ лодкахъ (ушкуяхъ) они пробирались по Волгѣ и сѣвернымъ рѣкамъ въ земли финновъ, грабили и разбойничали тамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняли инородцевъ Новгороду, заводили среди нихъ русскія поселенія *); въ землѣ Вятской они (въ 1174 г.) образовали даже самостоятельную общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ.

Изъ пригородовъ Новгорода съ теченіемъ времени возвысился, благодаря торговлѣ (между прочимъ и съ Ганзой), *Псковъ* и мало-помалу добился права имѣть особаго князя и (съ половины XIV в.) самостоятельное вѣче. Съ той поры онъ сталъ называться „младшимъ братомъ" Новгорода.

---

*) Память объ удалыхъ подвигахъ повольниковъ, о торговлѣ и богатствѣ древняго Новгорода осталась въ народныхъ былинахъ о Василіѣ Буслаевичѣ и Садко богатомъ гостѣ.

Порядокъ и управленіе въ Псковѣ установились по новгородскому образцу, хотя и съ инымъ характеромъ. Такъ, напр., при небольшихъ размѣрахъ Псковской земли и меньшемъ сравнительно съ Новгородомъ развитіи торговли здѣсь не могло образоваться сословія такихъ крупныхъ и вліятельныхъ капиталистовъ, какихъ мы видимъ въ Новгородѣ; въ Псковѣ главенствовалъ многочисленный средній классъ и рѣзкой розни между нимъ и низшимъ слоемъ общества не было. Вѣче проходило сравнительно мирно; оно избирало *двухъ* посадниковъ и не давало имъ долго засиживаться, опасаясь злоупотребленій, часто смѣняло и довольно придирчиво контролировало ихъ дѣйствія. Совѣтъ господъ въ Псковѣ („господа") былъ простымъ докладчикомъ и подготовителемъ законодательныхъ проектовъ, но не направителемъ рѣшеній вѣча. Менѣе многочисленное и болѣе мирно настроенное, чѣмъ въ Новгородѣ, вѣче могло лучше разобраться въ матеріалѣ, который подносился ему этимъ совѣтомъ, и проявить бо́льшую самостоятельность въ дѣйствіяхъ. Въ общемъ по строю жизни и управленія Псковская община была демократичнѣе новгородской *).

Сосѣдство Псковской области съ владѣніями Литвы и Ливонскаго ордена сдѣлало Псковъ передовымъ оплотомъ Руси въ борьбѣ съ этими врагами. Внутренняя сплоченность псковскаго общества дала ему возможность довольно успѣшно справляться съ этой задачей.

Прибалтійскій край.

Страна, прилежащая къ Балтійскому морю отъ Финскаго залива до Западной Двины, издавна находилась въ сношеніяхъ съ Русской землей. Въ сѣверной части ея жили финны (чудь), въ южной—смѣсь финскихъ и литовскихъ племенъ (ливь, лѣтьгола, зимигола, корсь). Финское племя чудь, по сказанію лѣтописи, участвовало въ призваніи Рюрика, слѣдовательно, находилось уже въ близкой связи съ Новгородомъ. Ярославъ построилъ въ землѣ чуди городъ *Юрьевъ* (1030), переименованный потомъ нѣмцами въ Дерптъ (нынѣ снова Юрьевъ). Съ той поры нерѣдко русскіе князья изъ Новгорода и Полоцка совершали походы въ эти прибрежныя области и подчиняли себѣ туземцевъ: сѣверные округи зависѣли отъ Новгорода, а болѣе южные отъ Полоцка. Православные князья по своей исконной вѣротерпимости не принуждали туземцевъ креститься и не обращали вниманія на ихъ бытъ, довольствуясь только сборомъ дани; потому жители страны оставались по большей части язычниками и сохраняли свое дѣленіе на племена и свое мѣстное управленіе.

Но вотъ въ половинѣ XII вѣка сюда попали нѣмецкіе купцы (какъ говорятъ, буря занесла корабль бременцевъ въ устье Двины) и

---

*) Любопытно, что общій характеръ псковской жизни соотвѣтственнымъ образомъ отразился и на положеніи селянъ, которое было лучше, чѣмъ въ Новгородской землѣ. Такъ, напр., псковскіе *изорники* или смерды, арендовавшіе земли частныхъ владѣльцевъ, не стѣснялись въ свободѣ передвиженія и не стояли въ такой зависимости отъ господина, какъ новгородскіе половники.

завязали постоянную торговлю съ туземцами. Вскорѣ прибылъ съ купцами католическій священникъ (Мейнгардтъ) и сталъ обращать туземцевъ въ христіанство. Для защиты новообращенныхъ отъ язычниковъ, онъ, съ разрѣшенія полоцкихъ князей (не понимавшихъ, что съ утвержденіемъ нѣмцевъ въ странѣ они теряютъ берега Балтійскаго моря), построилъ крѣпкій замокъ, съ нѣмецкой колоніей вокругъ, и назначенъ былъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Такъ положено было начало владычеству нѣмцевъ въ прибалтійскомъ краѣ.

Замѣтивъ наконецъ властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземцы возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, насильно, съ оружіемъ въ рукахъ, распространявшихъ христіанство, такъ что второй нѣмецкій епископъ (преемникъ Мейнгардта—Бертольдъ) убитъ былъ въ сраженіи съ ливами. Тогда, съ благословенія папы, прибылъ сюда съ отрядомъ крестоносцевъ епископъ *Альбертъ Буксгевденъ*, которому и удалось утвердить здѣсь господство нѣмцевъ. Онъ построилъ городъ Ригу (1201) и для защиты этой новой колоніи основалъ братство духовныхъ рыцарей—полувоиновъ, полумонаховъ, названныхъ „братьями Христова воинства“ или *орденомъ меченосцевъ* (Рыцари носили бѣлый плащъ и на немъ вышивали красный мечъ съ крестомъ). Папа далъ имъ право владѣть землями новообращенныхъ въ ленной зависимости отъ епископа. Начальникъ Ливонскаго ордена*) назывался „магистромъ“. Рыцари начали распространять христіанство огнемъ и мечемъ. Тщетно просили туземцы своихъ мучителей: „обращайте насъ словами, а не палками“, подъ угрозой смерти волей-неволей приходилось креститься, но многіе изъ язычниковъ тутъ же тайкомъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію... Они просили помощи у русскихъ, но слабые полоцкіе князья, вдобавокъ еще занятые собственными раздорами, не могли и не сумѣли оказать должнаго противодѣйствія нѣмцамъ. Новгородцы вели въ эту пору борьбу съ суздальскими князьями и не обратили должнаго вниманія на то, что бокъ-о-бокъ съ нимъ выростаетъ грозный врагъ. Вскорѣ (въ 1224 г.) палъ и Юрьевъ. Разрозненныя и плохо вооруженныя финскія племена не могли устоять предъ закованными въ желѣзо рыцарями, которые покрыли всю страну сѣтью крѣпкихъ замковъ и стали безпощадно угнетать туземное населеніе, обративъ его въ крѣпостное состояніе. По словамъ самихъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, крестьянину-туземцу негдѣ было искать управы, по смерти его рыцари отбирали у сиротъ его все имущество, часто подвергали крестьянъ страшнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, даже мѣняли ихъ на собакъ... Понятно, что туземцы были заклятыми врагами рыцарей и готовы были вредить имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Это, разумѣется, ослабляло силу ордена. Прочности его мѣшали и внутреннія неурядицы. Епископъ и магистръ враждовали между собою, каждому хотѣлось властвовать одному; у епископа были свои земли и рыцари, у магистра свои, и послѣдніе постоянно отбивались отъ епископской зави-

---

*) Это названіе дано было ордену по имени племени ливовъ, на земляхъ которыхъ нѣмцы утвердились.

симости. Но вскорѣ у нихъ оказались союзники, придавшіе новую силу ослабѣвшему ордену. Въ началѣ XIII в. одинъ изъ польскихъ удѣльныхъ князей (Конрадъ Мазовецкій), тѣснимый литовскимъ племенемъ—пруссами, дѣлавшими постоянные набѣги на его землю, пригласилъ (1225) къ себѣ въ помощь духовно-рыцарскій *орденъ Тевтоновъ*, который послѣ упорной борьбы и утвердился въ землѣ пруссовъ. Вскорѣ (1237) оба ордена—Тевтонскій и Ливонскій, чувствуя себя слабыми въ одиночествѣ, соединились (при чемъ ливонскіе рыцари приняли уставъ Тевтонскаго ордена и форму его одежды—бѣлая мантія съ чернымъ крестомъ). Такимъ образомъ нѣмцы прочно засѣли почти по всей Балтикѣ отъ Финскаго залива до самой Вислы и повели даже наступательную войну противъ Руси, пытаясь завладѣть новгородскими землями. Успѣхи ихъ остановилъ *Александръ Невскій*.

Внутреннее состояніе Руси въ XI—XII вв.

Несмотря на то, что въ XII в. Русская земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или областей, всѣ русскія княжества сохраняли внутреннее единство. Одинаковый языкъ, одна вѣра, одинаковый бытъ, лишь слегка измѣнявшійся отъ климатическихъ условій, соединяли попрежнему народъ въ одно цѣлое. Князья при всѣхъ усобицахъ не могли забыть о своей принадлежности къ одному роду Рюрика. Наконецъ церкви всѣхъ удѣловъ были подчинены одному и тому же митрополиту, и Кіевъ хотя и утратилъ значеніе первопрестольнаго города, но попрежнему оставался религіознымъ центромъ Руси. Все это, въ связи съ природными условіями страны, содѣйствовавшими ея единству, повело къ тому, что государственный и общественный строй Руси (за небольшими развѣ уклоненіями, изъ коихъ самое значительное падаетъ на долю Великаго Новгорода, съ его преобладаніемъ вѣча) представляется *одинаковымъ* во всѣхъ княжествахъ.

Князь былъ верховнымъ правителемъ области, ея главнымъ судьею и защитникомъ отъ враговъ. Онъ распредѣлялъ подати, строилъ города, назначалъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ, избиралъ, по соглашенію съ кіевскимъ митрополитомъ, епископовъ, былъ главнымъ воеводою на войнѣ и т. д. Каждый князь въ своей волости былъ вполнѣ независимъ отъ другихъ, велъ войну, заключалъ миръ и только по дѣламъ, касавшимся княжескихъ усобицъ, или для общихъ предпріятій противъ внѣшнихъ враговъ князья, особенно въ кіевскій періодъ, иногда собирались на *съѣзды* (напр. Любечскій, Витичевскій и др.). Съѣзды эти имѣли характеръ семейныхъ совѣтовъ или совѣщаній самостоятельныхъ владѣльцевъ, и о внутреннихъ дѣлахъ того или другого княжества, гдѣ каждый былъ полновластнымъ хозяиномъ, на нихъ рѣчей не заводили.

Лѣтопись сохранила любопытное описаніе подробностей одного изъ такихъ совѣщаній. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ в. к. Святополка II идти весною въ походъ на половцевъ. Дружина Святополка отговаривала своего князя: „не годится весною отрывать поселянъ отъ полевыхъ работъ". Князья съѣхались недалеко отъ Кіева на берегу Днѣпра и сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своей дружиной. Долго всѣ молчали. Владиміръ наконецъ первый заговорилъ: „Братъ, ты старшій, говори, какъ бы намъ промыслить о русской землѣ".—„Лучше ты начни говорить", отвѣтилъ Святополкъ. — „Что же мнѣ говорить, возразилъ Владиміръ, скажутъ, что хочу погубить поселянъ, отрываю ихъ отъ пашни... Дивно мнѣ только, что поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать, и пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ его стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ". Дружина согласилась съ Владиміромъ, и Святополкъ заявилъ: „Готовъ я идти съ тобой противъ половцевъ". — „Великое добро, братъ, сдѣлаемъ тѣмъ всей русской землѣ", сказалъ Владиміръ. Князья встали, поцѣловались и послали звать въ походъ и другихъ князей.

Главные доходы князя состояли изъ дани (которая собиралась съ области хлѣбомъ, медомъ, мѣхами, а съ богатыхъ городовъ, въ родѣ Новгорода, — и серебромъ), военной добычи, торговыхъ пошлинъ и судебныхъ штрафовъ съ преступниковъ. Кромѣ того, многіе князья получали большіе доходы съ своихъ собственныхъ имѣній, заселенныхъ холопами. Все это давало имъ возможность, при общей тогда набожности, дѣлать большіе вклады въ церкви, строить новые храмы и монастыри, снабжать ихъ книгами, заводить училища и т. д., а съ другой стороны устраивать для своей дружины и народа веселые пиры.

Въ лѣтописяхъ встрѣчается не мало извѣстій о частной жизни князей. При рожденіи князю давали два имени: одно княжее (языческое), а другое христіанское (Ярославъ — Георгій или Юрій, Святополкъ — Михаилъ и др.). Когда княжичу исполнялось три года, надъ нимъ совершали торжественный обрядъ „всаженія па конь". До самаго отрочества за княжичемъ надзиралъ особый „кормилецъ" или дядька, избиравшійся изъ опытныхъ бояръ. Всѣхъ княжихъ дѣтей, какъ сыновей, такъ и дочерей, учили грамотѣ. По достиженіи 15—17 лѣтъ княжича женили. Около того же времени, а иногда и раньше, лѣтъ съ 12, княжичъ отправлялся въ городъ, назначенный ему удѣломъ, тамъ совершался торжественный обрядъ вокняженія или „посаженія на столъ" въ соборной церкви, съ благословенія епископа, при чемъ жители присягали и цѣловали крестъ.

Князья обыкновенно вставали рано, до зари, и шли иногда въ церковь. Послѣ того завтракали, затѣмъ разсуждали о дѣлахъ со своими старшими дружинниками и производили судъ. Если же важныхъ дѣлъ не было, то спозаранку отправлялись съ дружинниками на охоту или же катались верхомъ. Въ полдень обѣдали и затѣмъ спали. Вечеръ иные князья „книголюбцы" посвящали чтенію назидательныхъ книгъ, другіе пировали съ своей дружиной, забавляясь пѣніемъ гусляровъ и плясками скомороховъ. Особенно любили повеселиться южно-русскіе князья. Послѣ ужина рано ложились спать.

Иногда князья съ большой свитой и рядомъ возовъ съ припасами отправлялись на богомолье въ города, славившіеся своими святынями. Наравнѣ съ населеніемъ они вообще отличались большой набожностію, иные ежедневно ходили въ церковь, строили и украшали новые храмы, предъ

смертію многіе принимали схиму. Хоронили князей обыкновенно при церквахъ въ оградѣ или въ самомъ храмѣ. Всѣ родичи и домочадцы надѣвали при этомъ „скорбное“ (черное) платье, плакали и причитали. За гробомъ, который иногда ставили на сани (они въ старину замѣняли дроги), несли княжескій „стягъ“ (знамя) и вели его коня; у гроба ставилось копье. Послѣ смерти на поминъ души усопшаго дѣлались вклады по церквамъ и раздавались щедрыя милостыни нищимъ.

Свободное населеніе княжествъ распадалось на три части—княжескую дружину (служилое сословіе), людей (неслужилое сословіе) и духовенство. „Дружина“ и „люди“ не были замкнутыми общественными классами: изъ одного можно было перейти въ другой; различіе было въ отношеніи къ князю: одни ему служили, другіе платили дань, а также въ хозяйственномъ и имущественномъ положеніи этихъ классовъ населенія.

Дружина стояла въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ князю. Съ нею онъ совѣтовался, судилъ народъ, ходилъ на войну и на охоту, съ нею пировалъ и веселился. Въ ней была главная опора его власти и силы, особенно же при усобицахъ, и потому князья дорожили дружиной, тѣмъ болѣе, что дружинники были люди вольные и могли свободно, въ случаѣ неудовольствія, уходить къ другому князю. Дружина состояла изъ людей, охотно поступавшихъ на службу къ князю; въ нее не былъ закрытъ доступъ и храбрымъ иноземцамъ. Дружина дѣлилась на старшую или бояръ (отъ слова болій) и младшую (извѣстную подъ именами отроковъ, дѣтскихъ, гридей — отъ скандин. grid — дворовая прислуга). Бояре были главными совѣтниками (думцами) князя, составляя княжескую „думу“; изъ нихъ назначались воеводы во время войны, посадники или намѣстники княжескіе по городамъ; они тамъ завѣдывали судомъ и сборомъ дани и получали за свою службу, кромѣ жалованья отъ князя (деньгами и припасами), еще часть торговыхъ и судныхъ пошлинъ. Иныхъ изъ бояръ князь надѣлялъ землей; но пока дружинники передвигались по областямъ вмѣстѣ съ князьями, они не могли усилиться въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ. Младшіе дружинники были тѣлохранителями и ближайшими слугами князя, исполняли разныя должности при его дворѣ и составляли самую важную часть его войска. Они обыкновенно содержались на счетъ князя.

Люди (отъ людинъ) или свободные жители городовъ и селъ составляли главную массу населенія. Болѣе зажиточные горожане, имѣвшіе свои земли, занимавшіеся торговлей, назывались лучшими (иногда городскими боярами или „житьими людьми“), менѣе зажиточные и мелкіе ремесленники занимавшіеся ручной работой, носили названіе меньшихъ или черныхъ людей. Свободныхъ сельскихъ жителей звали обыкновенно *смердами*. Занимаясь по преимуществу земледѣліемъ и промыслами, съ ними связанными, они платили за пользованіе землей оброкъ, такъ какъ земля считалась собственностію князя и раздавалась имъ дружинникамъ и духовенству. Смерды не дорожили землей, которой при малочисленности населенія было вездѣ много; они нигдѣ не оставались подолгу, но безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, отыскивая

бо́льшихъ льготъ, лучшей земли. Всѣ „люди“ обязаны были платить князю дань и выставлять по его требованію во время войны ополченіе. И горожане и поселяне распадались на общины, имѣвшія своихъ земскихъ властей (тысяцкіе, старосты, сотскіе, десятскіе), наблюдавшихъ за правильнымъ выполненіемъ повинностей. Для рѣшенія общихъ дѣлъ, они, по исконному славянскому обычаю, собирались на *вѣче*. Лѣтописецъ говоритъ, что „новгородцы, смольняне, кіевляне и полочане и всѣ волости изначала какъ на думу и вѣче сходятся и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ“. Очевидно, вѣче было старѣе князя и первоначально города и волости управлялись вѣчами, при чемъ вѣче старшаго города управляло и всей его волостью. На этихъ вѣчахъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ; главную роль при этомъ играли „старцы градскіе“ или „людскіе“ (такъ назывались, повидимому, наиболѣе почтенные по возрасту и богатству торговцы и землевладѣльцы, своего рода земская аристократія страны). Князья сами нерѣдко собирали вѣче и совѣтовались съ нимъ. Во времена усобицъ и постояннаго передвиженія князей вѣче стольныхъ и богатыхъ городовъ пріобрѣло даже довольно большое значеніе и иногда само выбирало себѣ князя, принимая его на извѣстныхъ условіяхъ. Бывали случаи, что вѣче изгоняло князя, приглашая къ себѣ другого, отказывалось идти на войну по приглашенію князя и т. д. Но вообще вѣче нигдѣ не достигало такого развитія и значенія, какъ въ Новгородѣ. Самыя сходки вѣчевыя не имѣли опредѣленнаго устройства, собирались въ неправильные сроки, и, по мѣрѣ возрастанія осѣдлости князей и дружины, значеніе вѣча постепенно умаляется, а населеніе переходитъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ.

Кромѣ свободныхъ людей были еще полусвободные, такъ называемые *закупы* или наймиты, своего рода временные рабы, обязанные отработать извѣстное число лѣтъ своему заимодавцу за долгъ, и затѣмъ несвободные — *холопы* (челядь, рабы), считавшіеся полной собственностію своего господина. Въ холоповъ обращались большею частію плѣнники; полными или обельными („облый“—круглый) холопами становились также люди, купленные при свидѣтеляхъ за деньги, дѣти рабовъ и проворовавшіеся или убѣжавшіе отъ своего господина закупы. Владѣть холопами могли только князья, бояре и монастыри. Хозяйство послѣднихъ и основывалось, главнымъ образомъ, на холопахъ и закупахъ, такъ какъ обработка земли съ помощью смердовъ, свободно переходившихъ съ мѣста на мѣсто, была затруднительна.

Къ половинѣ XII в. рабовладѣніе достигло громадныхъ размѣровъ. Челядь составляла въ это время необходимую принадлежность частнаго землевладѣнія, крупнаго и мелкаго. Вслѣдствіе этого рабъ поднялся въ цѣнѣ. Землевладѣльцы стремятся „роботить“ и свободныхъ людей. Этимъ, повидимому, объясняется и строгость, съ какою законъ караетъ побѣги закуповъ, обращая ихъ за то въ холоповъ. Съ другой стороны большое количество лицъ, переходившихъ въ закупы, и ихъ побѣги свидѣтельствуютъ, что смердамъ тяжело жилось на волѣ и еще тяжелѣе въ качествѣ „огневтины“ (такъ называлось рабочее населеніе частно-

владѣльческихъ земель безъ различія челяди и наймитовъ,—отъ слова „огнище"—пашня на изгари, т. е. на мѣстѣ сожженнаго лѣса; отсюда слово „огнищанинъ"—привилегированный землевладѣлецъ, такъ же назывался княжой „мужъ", завѣдывавшій холопами). Это приниженное экономическое и юридическое положеніе рабочихъ классовъ, придавая въ общемъ аристократическій характеръ обществу Кіевской Руси, и было однимъ изъ условій, колебавшихъ благосостояніе и общественный порядокъ въ странѣ, вызывая, между прочимъ, въ XII в. отливъ смердьяго населенія на сѣверъ и западъ въ поискахъ лучшаго строя жизни.

Судъ производилъ самъ князь, а гдѣ его не было,—намѣстникъ (посадникъ) или *тіуны*, поставленные княземъ. До Ярослава судъ совершался по родовымъ обычаямъ, различнымъ у различныхъ племенъ. При Ярославѣ и его преемникахъ впервые явился сборникъ письменныхъ законовъ („Русская Правда"), въ который вошли отчасти прежніе обычаи, княжескія постановленія и нѣкоторые византійскіе законы *). Въ судъ внесено было, такимъ образомъ, болѣе однообразія и порядка. Главною цѣлію изданія сборника законовъ было огражденіе личной и имущественной безопасности; о преступленіяхъ этого рода и говорится по преимуществу въ „Р. Правдѣ", съ ними приходилось главнымъ образомъ вѣдаться и судьямъ удѣльно-вѣчевого періода.

Мѣстомъ судебнаго разбирательства былъ обыкновенно дворъ князя или намѣстника. Обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей („видоковъ и послуховъ") или прямыя доказательства обиды—знаки побоевъ и увѣчья. Если свидѣтелей не было и обвиняемый не сознавался, то прибѣгали къ „суду Божію"—испытанію желѣзомъ или водою, заставляли, напр., опускать руку въ кипятокъ или держать нѣсколько времени раскаленное желѣзо въ рукѣ; если обвиняемый могъ это сдѣлать безъ вреда для себя, то признавался невиннымъ. Кромѣ того было въ обычаѣ „поле", т. е. поединокъ между тяжущимися; побѣдившій признавался правымъ, какъ человѣкъ, которому самъ Богъ помогаетъ. Наказаніями чаще всего были денежные штрафы, которые платилъ виновный въ пользу князя („вира") и въ вознагражденіе обиженнаго („головщизна" или „урокъ"). Тѣлесныхъ же наказаній для свободныхъ людей не допускалось. При особенно тяжкихъ преступленіяхъ, какими считались, напр., разбой, поджогъ и уводъ лошадей (имѣвшихъ особенную цѣнность для дружинниковъ), виновный осуждался на изгнаніе („потокъ") а его имущество подвергалось конфискаціи („разграбленію"). Пойманнаго вора хозяинъ имѣлъ право, въ случаѣ сопротивленія, убить на мѣстѣ „какъ пса", не подвергаясь за это от-

---

*) „Русская Правда" дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ: древнѣйшей—краткой (изъ 43 статей —„Правда Росськая"), появленіе которой относятъ ко временамъ Ярослава Мудраго, и позднѣйшей—пространной (изъ 100 статей—„Правда Роуская"), приписываемой временамъ Мономаха. У позднѣйшихъ изслѣдователей „Правды" преобладаетъ мнѣніе, что она составляетъ сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для своихъ личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ, быть можетъ церковниками, какъ наиболѣе образованными людьми того времени, желавшими для своихъ цѣлей знать и мірской законъ. Къ этому выводу приводитъ какъ внѣшняя форма статей, такъ и содержаніе ихъ—часто съ хозяйственнымъ, а не съ юридическимъ характеромъ.

вѣтственности. Не считалось преступленіемъ и убійство, совершенное въ ссорѣ, на пиру. Помимо этихъ случаевъ, за убійство полагался денежный штрафъ (взамѣнъ допускавшейся ранѣе кровной мести со стороны родственниковъ убитаго *), при чемъ принималось во вниманіе общественное положеніе убитаго: такъ, напр., за княжаго мужа, т. е. дружинника платилась двойная вира (80 гривенъ), а за женщину полъвиры (20 гривенъ). Если убійца скрывался, то виру платила община („вервь"), на землѣ которой найденъ былъ убитый („дикая" или общая вира). Если преступникъ не могъ уплатить денегъ, то его продавали на торгу.

Среди законовъ того времени представляютъ особенный интересъ постановленія относительно займа денегъ и наслѣдства. Берущій большіе проценты лишался капитала. Несостоятельный должникъ лишался не только имѣнія, но и свободы: изъ суммы, образовавшейся отъ его продажи и остатковъ имущества, сначала платился долгъ князю, потомъ иноземцамъ и наконецъ своимъ; впрочемъ, пострадавшіе отъ случая: рати, огня, воды, получали льготу отсрочки, и неосторожный могъ быть помилованъ. При наслѣдованіи сыновья получали равныя части изъ отцовскаго наслѣдства и должны были надѣлять сестеръ приданымъ; безсыновному смерду наслѣдовалъ князь съ выдачей части незамужней дочери; безсыновнымъ боярамъ наслѣдовали дочери; вдова получала то, что назначалъ ей мужъ, но оставалась полной хозяйкой въ домѣ при малолѣтнихъ дѣтяхъ. Это право наслѣдованія, даваемое и женщинѣ, выгодно выдѣляетъ русское законодательство изъ ряда современныхъ ему въ Западной Европѣ.

Города и торговля. Городовъ на Руси въ лѣтописяхъ упоминается до половины XIII в. около трехсотъ—цифра очень крупная для земледѣльческой страны; въ скандинавскихъ сагахъ Кіевскую Русь называли даже „страной городовъ". Судя по всему, такая многочисленность городовъ вызывалась не административными только или военными потребностями, но главнымъ образомъ развитіемъ торговли. Городъ обыкновенно представлялъ изъ себя группу бревенчатыхъ избъ, огороженную деревянными стѣнами, или тыномъ, землянымъ валомъ и рвомъ. Въ центрѣ большихъ городовъ обыкновенно имѣлось еще особое небольшое укрѣпленіе, называвшееся кремлемъ. Здѣсь находился главный соборный храмъ города, хоромы князя, главнѣйшихъ бояръ и духовныхъ лицъ и жили тѣлохранители и слуги князя изъ младшихъ дружинниковъ (или „дѣтскихъ", поэтому кремль часто называли „дѣтинцемъ"). Около кремля (въ окольномъ городѣ, или острогѣ, посадѣ) жило болѣе всего торговое населеніе и различные ремесленники (плотники, столяры, токари и др.); главнымъ мѣстомъ здѣсь было „торговище", или рынокъ, куда въ извѣстные дни съѣзжались жители большихъ селъ и деревень для обмѣна своихъ произведеній. Кромѣ этой

---

*) Ярославъ въ своихъ законахъ еще допускалъ этотъ старинный обычай, но сыновья его переложили местъ на виры. Кровная месть вела къ постояннымъ неурядицамъ и убыли цѣннаго при тогдашнемъ малолюдьи населенія и кромѣ того противорѣчила христіанскимъ понятіямъ.

мѣстной торговли въ большихъ городахъ въ удѣльный періодъ получила значительное развитіе торговля съ другими городами и съ иноземными народами. Торговля шла по рѣкамъ. Главное торговое движеніе совершалось по такъ называемому великому водному пути въ Грецію, и затѣмъ по Волгѣ въ землю камскихъ болгаръ и хозаръ. На первомъ пути главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ южной Россіи былъ Кіевъ: сюда привозили изъ Греціи шелковыя ткани, вина, плоды золото, серебро, церковную утварь; на сѣверѣ торговымъ центромъ былъ Новгородъ: сюда привозили изъ Зап. Европы оружіе, вина, сукна, полотна, соль, сельдей и пр. *). Торговлѣ съ Греціей сильно мѣшали кочевники (печенѣги и половцы); съ появленіемъ же татаръ непосредственныя сношенія Кіева съ Византіей почти совсѣмъ прекратились. Поволжскимъ путемъ отъ хозаръ, камскихъ болгаръ, а черезъ послѣднихъ и отъ арабовъ привозили къ намъ драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія, пряности **). У степныхъ варваровъ русскіе вымѣнивали рогатый скотъ, лошадей и овецъ. Кромѣ того по Зап. Двинѣ русскіе ходили въ Балтійское море, по Камѣ и сѣвернымъ рѣкамъ—въ земли финскихъ племенъ. Изъ Россіи вывозили главнымъ образомъ сырыя произведенія: воскъ, медъ, мѣха, кожи, пеньку, хлѣбъ и т. п.

Торговля была по преимуществу мѣновая. Такъ какъ своего серебра не было, то для облегченія торговыхъ сношеній вмѣсто монеты употребляли иногда шкуры куницъ, соболей и др. животныхъ, почему и деньги первоначально назывались *кунами*. Когда же начали вывозить изъ другихъ земель золото и серебро, то стали чеканить и монету по образцу византійской („серебро Ярославово") или же употребляли въ качествѣ денегъ куски серебра разныхъ формъ и вѣсу (чаще всего—около фунта) подъ названіемъ *гривенъ*.

Торговля, вызывая знакомство со многими народами, способствовала накопленію въ странѣ богатствъ и знаній. Въ большихъ городахъ Кіевской Руси XI и XII вв. въ рукахъ князей, бояръ и именитыхъ гостей (купцовъ) замѣтно присутствіе значительныхъ денежныхъ средствъ и большихъ капиталовъ. Пользуясь этимъ, господствующій классъ создалъ себѣ привольную жизнь, нарядно одѣлся и просторно обстроился въ городахъ. Красота зданій Кіева и ихъ внутренней отдѣлки вызывала панегирики иностранцевъ. Матеріальная культура верхнихъ слоевъ кіевскаго общества стояла не ниже, чѣмъ въ другихъ странахъ Запада, а по сравненію съ тогдашней, напр., Польшей стояла, по отзывамъ современниковъ, даже выше.

Церковь. Введеніе христіанства между разрядами, на которые распадался русскій народъ, создало новый общественный классъ—духовенство, одаренное особыми правами и привилегіями. Во главѣ русской церкви стоялъ кіевскій *митрополитъ*, котораго выбиралъ и назначалъ, съ согласія

*) Кромѣ Новгорода и Кіева, большое торговое значеніе пріобрѣли еще города Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ и Черниговъ.

**) По торговлѣ съ Поволжьемъ, кромѣ Новгорода, пріобрѣли значеніе Владиміръ-на-Клязьмѣ и Нижній.

великаго князя, византійскій патріархъ. Митрополиты были большею частію изъ грековъ (лѣтописи упоминаютъ только о двухъ русскихъ митрополитахъ—Иларіонѣ при Ярославѣ и Климентѣ—при Изяславѣ Мстиславичѣ). Митрополитъ рукополагалъ и судилъ епископовъ, но въ важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а съ соборомъ ближайшихъ къ Кіеву епископовъ. Епископы ставились обыкновенно въ главные города и тоже съ согласія удѣльныхъ князей. Всѣхъ епархій (границы коихъ по большей части совпадали съ границами отдѣльныхъ княжествъ) предъ нашествіемъ татаръ было 12. Какъ епископы, такъ и подчиненные имъ священники сначала были изъ грековъ и болгаръ, но затѣмъ въ XI в., съ распространеніемъ грамотности на Руси, эти мѣста стали занимать уже русскіе. (Первымъ епископомъ изъ русскихъ былъ Новгородскій епископъ — Лука Жидята, жившій въ половинѣ XI в.).

По церковнымъ уставамъ Владиміра Св. и Ярослава Мудраго *), духовенству даны были особыя права и преимущества. На содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества, а нѣкоторые князья отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть своего имущества, при этомъ значительная часть доходовъ отдѣлялась на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, на пособіе погорѣвшихъ и несправедливо осужденнымъ. Духовенство было свободно отъ гражданскаго суда и податей; мало того—многія гражданскія дѣла подлежали суду церковному, какъ, напр., оскорбленіе родителей, ссоры между близкими родственниками, нарушеніе чистоты брака и т. д., а также преступленія противъ вѣры, святости храмовъ и мѣстъ погребенія и наконецъ дѣла по наслѣдству, при чемъ наказанія назначались денежныя (доходы отъ этого суда, или виры, шли въ пользу самихъ судей). Духовенству поручено было также наблюденіе за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Его вѣдѣнію подлежали больницы и богадѣльни и вообще всѣ нуждающіеся, больные и увѣчные люди, рабы, жившіе на церковныхъ земляхъ, и наконецъ изгои (такъ назывались безпріютные люди, вышедшіе изъ общины и т. п., стоявшіе внѣ защиты сословія, къ которому принадлежали). Сюда, напр., относились освободившіеся холопы, безграмотные поповичи, обанкротившіеся купцы (изгоями назывались также и князья, отцы которыхъ не были великими князьями).

Не составляя особаго замкнутаго сословія, духовенство русское принимало большое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Князья въ важныхъ случаяхъ приглашали епископовъ и игуменовъ къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ съ боярами. Во время княжескихъ междоусобій духовенство не разъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. На князей духовенство дѣйствовало мольбами, иногда силь-

*) Эти уставы были составлены по византійскому *Номоканону*—такъ называлось у грековъ соединеніе законовъ, изданныхъ свѣтскою властію (номы), съ постановленіями соборовъ (каноны). Болгары, принявшіе христіанство раньше русскихъ, перевели его на свой языкъ; отсюда Номоканонъ перешелъ и на Русь и съ разными дополненіями и измѣненіями составилъ такъ-называемую *Кормчую книгу*, въ которой излагался рядъ постановленій церковно-административнаго и судебнаго характера.

ными и смѣлыми обличеніями, но не стремилось подчинить себѣ свѣтскую власть, подобно духовенству западному, а, напротивъ, всѣми мѣрами помогало укрѣпленію княжеской власти и давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа. Строго слѣдя за церковнымъ единствомъ, духовенство своей дѣятельностію не мало способствовало сліянію различныхъ славянскихъ племенъ въ одну русскую народность. Духовенство, наконецъ, было самымъ образованнымъ сословіемъ на Руси, распространяло грамотность, завѣдывало школами.

Особенно сильное нравственное вліяніе на народъ и на князей имѣли монастыри, которые начали появляться почти со времени крещенія Руси. При Ярославѣ ихъ было уже нѣсколько (Св. Георгія, Св. Ирины и др.).

До XII в. насчитывается около 90 монастырей, основанныхъ князьями и частными лицами, такъ такъ постройка монастырей, убѣжищъ отъ мірской суеты и треволненій, считалась дѣломъ особенно богоугоднымъ. Иные были основаны подвижниками, искавшими уединенія. Послѣдніе пользовались особеннымъ уваженіемъ. „Многіе монастыри, замѣчаетъ лѣтописецъ, отъ князей и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не таковы, какъ поставленные слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ“. Сюда со всѣхъ сторонъ стекался народъ, поражаясь сказаніями объ иноческихъ подвигахъ, о святой жизни отшельниковъ. Наиболѣе важное значеніе въ удѣльное время пріобрѣлъ монастырь *Кіевопечерскій*. Основателемъ его (въ XI в.) былъ преп. Антоній, а главнымъ устроителемъ преп. Θеодосій.

Жизнь этихъ подвижниковъ благочестія представляетъ глубокій интересъ.

Преп. Антоній былъ родомъ изъ Любеча. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался благочестіемъ и набожностію, ходилъ паломникомъ въ Грецію на Аѳонскую гору и постригся тамъ въ монахи. Возвратясь въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Кіева въ пещерѣ на берегу Днѣпра (1051). Скоро у подвижника явились послѣдователи, также поселившіеся въ пещерахъ. Великій князь Изяславъ I отдалъ имъ во владѣніе всю сосѣднюю гору, гдѣ иноки построили монастырь, прозванный Печерскимъ. Игуменомъ Антоній поставилъ своего ученика Θеодосія, который и явился настоящимъ устроителемъ монастыря.

Θеодосій пришелъ къ Антонію изъ Курска. Сынъ богача, съ ранняго дѣтства онъ любилъ ходить въ церковь и стремился душою къ иноческимъ подвигамъ, чуждаясь даже дѣтскихъ игръ. Выучившись грамотѣ у одного изъ городскихъ учителей, онъ всецѣло отдался чтенію божественныхъ книгъ. Отецъ его между тѣмъ умеръ и 14-ти-лѣтній Θеодосій остался на попеченіи матери, женщины тщеславной и грубой, страстно любившей своего сына. Мать была крайне недовольна аскетическими наклонностями Θеодосія и всячески тому препятствовала и даже била сына. Послѣдній наконецъ бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о св. мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги, но Θеодосій вскорѣ опять бѣжалъ, и снова мать его нашла. Наконецъ, онъ бѣжалъ въ третій разъ и явился въ Кіевъ, гдѣ и нашелъ себѣ убѣжище по сердцу — пещеру преп. Антонія. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла Θеодосія, но онъ едва согласился, и то по настоянію Антонія, дать ей свиданіе, и не только не склонился на мольбы матери о возвращеніи, но убѣдилъ и ее постричься въ монахини въ одномъ изъ женскихъ монастырей.

Сдѣлавшись игуменомъ, Θеодосій ввелъ въ монастырѣ общежительный уставъ (греческаго Студійскаго монастыря). Все у иноковъ было общее—и пища, и одежда, никто ничего не могъ даже назвать своимъ. Брать милостыню безъ разрѣшенія игумена не дозволялось. Выходить за ворота монастыря безъ спросу было запрещено. Въ свободное отъ молитвы время иноки должны были заниматься разными ремеслами. При Θеодосіи въ монастырѣ не знали праздности: иноки списывали и переплетали книги, вили веревки, пряли, плели шапки, — все это продавали и на деньги покупали хлѣбъ, который мололи на ручныхъ мельницахъ. Θеодосій подавалъ братіи примѣръ непрерывныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти; самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи, ходилъ въ ветхой съ заплатами одеждѣ, ѣлъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла, пилъ одну воду. Спать онъ не ложился, а обыкновенно дремалъ немного сидя и, очнувшись, сейчасъ же спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву и неустанную дѣятельность. Братія жили крайне бѣдно, въ первое время въ монастырѣ не всегда доставало хлѣба. Тѣмъ не менѣе на послѣднія средства монастырь помогалъ нищимъ. Впослѣдствіи на добровольныя пожертвованія Θеодосію удалось построить особый дворъ, гдѣ жили нищіе калѣки и больные; кромѣ того каждую субботу отсылался возъ съ хлѣбами по тюрьмамъ. У себя въ кельѣ Θеодосій держалъ расслабленнаго старца и ходилъ за нимъ. Смиреніе святого игумена было безгранично. Разъ, возвращаясь отъ кн. Изяслава, онъ уступилъ мѣсто внутри повозки грубому возчику. Кроткій и милосердный, онъ велѣлъ однажды отпустить пойманныхъ на монастырской землѣ воровъ. Но въ то же время онъ былъ суровъ, твердъ и непоколебимъ тамъ, гдѣ нужно было изобличить неправду, и не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній. Когда Святославъ не по праву занялъ мѣсто своего брата Изяслава, въ Печерскомъ монастырѣ попрежнему продолжали поминать великимъ княземъ Изяслава. На слова Святослава: „я люблю тебя, какъ отца“, Θеодосій отвѣтилъ: „возврати брата твоего Изяслава“. Разъ святой подвижникъ пришелъ къ Святославу во время пира: гремѣла музыка, раздавались пѣсни, плясали скоморохи... „Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ съ грустію во взорѣ сказалъ Θеодосій. Князь велѣлъ прекратить веселье. Требуя отъ всѣхъ соблюденія строгаго благочинія, Θеодосій не пустилъ въ монастырь даже великаго князя, когда онъ пріѣхалъ не въ урочное время.

Пр. Θеодосій пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ и любовію и князей, и бояръ, и простого народа. Монастырь все болѣе и болѣе расширялся, вклады и пожертвованія умножались и Θеодосій заложилъ каменный храмъ во имя Успенія Богородицы, удивлявшій современниковъ своими размѣрами, красотой и внутренней отдѣлкой. Святой игуменъ не дожилъ до окончанія этого храма. Въ 1074 году онъ скончался, 65 лѣтъ отъ роду. За годъ передъ тѣмъ скончался Антоній, 90 лѣтъ.

Подвиги свв. Антонія и Θеодосія и ихъ учениковъ прославили по всей Руси Кіевопечерскую обитель. Отовсюду сталъ стекаться народъ на богомолье къ мощамъ печерскихъ угодниковъ, и для полученія благословенія отъ подвижниковъ, въ ней обитающихъ; иноки другихъ обителей подражали въ своей жизни печерскимъ отшельникамъ. Лавра стала разсадникомъ монашества на Руси и средоточіемъ умственной жизни русскихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ: отсюда вышло много проповѣдниковъ христіанства (свв. Кукша, Леонтій и др.) и до 50 епископовъ; многіе изъ ея монаховъ получили извѣстность какъ лѣтописцы и духовные писатели.

Вмѣстѣ съ печерскимъ монастыремъ и по его образцу возникло много другихъ обителей, какъ въ самыхъ городахъ, такъ и въ глуши; появились и женскіе монастыри. Жизнь въ тихой обители, вдали отъ жизни съ ея шумомъ и невзгодами, привлекала многихъ въ ту бурную эпоху. Въ монастыри шли люди изъ всѣхъ слоевъ общества, приписывая къ нимъ свое имѣніе; князья и бояре раздавали монастырямъ земли съ челядью, отовсюду стекались щедрыя пожертвованія. Мало-по-малу монастыри пріобрѣли огромное значеніе въ древней Руси, тѣмъ болѣе, что на ряду съ подвижничествомъ иноки посвящали себя служенію народу, борьбѣ съ невѣжествомъ и язычествомъ. Близъ монастырей и на ихъ иждивеніе основывались богадѣльни, „страннопріимницы“ (гостиницы), лечебницы для народа, въ ихъ стѣнахъ возникали школы, собирались первыя библіотеки. Запасшись здѣсь ученостью и нравственной силой, монахи шли въ міръ, поучая народъ, исправляя неправду, руководя самими князьями; миссіонеры-иноки безстрашно проникали въ финскія болота и дебри, распространяя христіанство, иногда цѣною собственной жизни. Во время междоусобныхъ войнъ монастыри часто являлись убѣжищемъ для населенія, котораго не смѣла или не могла касаться рука враговъ. Во время голода изъ монастырскихъ житницъ раздавали хлѣбъ неимущимъ. Подъ кровъ святой обители шелъ весь обездоленный, бѣдный и гонимый людъ. Все это еще болѣе возвышало монастыри, какъ центры православія, въ глазахъ народа и укрѣпляло въ его сердцѣ религіозное настроеніе: монашеская жизнь мало-по-малу стала считаться образцомъ истинно-праведной жизни. Всѣ благочестивые міряне старались, по мѣрѣ возможности, подражать монахамъ, въ надеждѣ достигнуть тѣмъ вѣчнаго спасенія. Среди бояръ и князей возникаетъ даже обычай постригаться передъ смертію въ схиму. Это настроеніе общества отразилось и на самомъ характерѣ просвѣщенія и письменности того времени.

Просвѣщеніе. Вмѣстѣ съ христіанствомъ явилась на Руси и грамотность. Вмѣстѣ съ вѣрой русскіе получили отъ грековъ и богослужебныя книги, переведенныя на славянскій языкъ св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ (славянская азбука изобрѣтена была ими въ 855 году). Владиміръ Св. велѣлъ набирать мальчиковъ въ книжное ученье. Такія же училища заводилъ и Ярославъ Мудрый (въ Новгородѣ при немъ было училище на 300 мальчиковъ). На существованіе подобныхъ училищъ указываетъ и житіе преп. Ѳеодосія, гдѣ разсказывается, какъ онъ выучился грамотѣ въ Курскѣ. Учили грамотѣ и дѣвочекъ. Есть не лишенное вѣроятности извѣстіе, что при Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ Янка, дочь Всеволода (отца Мономаха), завела нѣчто въ родѣ училища для дѣвицъ. Дочь Михаила Всеволодовича Евфросинія также завела въ Суздалѣ училище для дѣвицъ. Учителями въ школахъ были обыкновенно духовныя лица, самыя школы устраивались при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ. Учили чтенію, письму и церковному пѣнію. Школьными книгами были Часословъ и Псалтирь. Первоначальное образованіе дополнялось затѣмъ по выходѣ изъ школы чтеніемъ Св. Писанія, житій святыхъ и другихъ назидательныхъ книгъ, понемногу распространявшихся на Руси путемъ переписки и переводовъ съ греческаго.

Письмо въ то время было дѣломъ не легкимъ, скорописи еще не знали и каждую букву тщательно вырисовывали (уставное письмо). Переписываніе книгъ цѣнилось очень высоко и считалось даже дѣломъ богоугоднымъ, такъ какъ книги были преимущественно религіознаго содержанія; не только духовныя лица, но и князья и княгини иногда занимались этимъ дѣломъ (напр. княжна полоцкая Евфросинія въ XII в., Владиміръ, князь Волынскій, въ XIII в.). Писали обыкновенно на пергаментѣ (особымъ образомъ выдѣланная кожа животныхъ) и книги были очень дороги *); собираніе ихъ лѣтопись ставитъ поэтому въ особую заслугу князьямъ (Ярославу I, Святославу Ярославичу черниговскому, имѣвшему цѣлыя „клѣти книгъ“, „великому книголюбцу“ Всеволоду Ярославичу и др.). Въ монастыряхъ были свои переписчики и переплетчики, и оттого въ монастыряхъ были свои собранія книгъ. Самымъ древнимъ изъ найденныхъ доселѣ памятниковъ русской письменности является *Остромирово Евангеліе* (переписанное въ 1056—57 гг. діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира). Всего больше было въ то время богослужебныхъ книгъ; кромѣ того немало переведено было съ греческаго твореній св. отцовъ, житій святыхъ и сборниковъ свѣдѣній изъ исторіи ветхозавѣтной, византійской и всеобщей (палеи, хроники, хронографы). Подъ вліяніемъ церковно-византійской письменности стали появляться и самостоятельныя произведенія людей, преимущественно духовныхъ, тоже отличавшіяся религіознымъ характеромъ. Сюда относятся: отличающееся простотой и безъискусственностью поученіе Луки Жидяты, епископа новгородскаго (1035—1039); сочиненія митрополита Кіевскаго Иларіона (XI в.), показывающія въ авторѣ глубокаго знатока Св. Писанія и замѣчательно начитаннаго по своему времени богослова; исполненныя теплоты и сердечности поученія Θеодосія Печерскаго и краснорѣчивыя, хотя и отвлеченныя по содержанію, слова Кирилла, епископа Туровскаго (XII в.). Появились и первыя житія русскихъ святыхъ, составлявшія любимое чтеніе русскаго народа. Изъ нихъ особенно замѣчательны составленныя преп. Несторомъ (въ концѣ XI в.) „Житіе св. Бориса и Глѣба“ и „Житіе преп. Θеодосія“, проникнутыя глубокимъ благоговѣніемъ и задушевностью. Останавливаютъ на себѣ вниманіе и описанія путешествій русскихъ людей ко св. мѣстамъ; самое знаменитое изъ нихъ „Хожденіе игумена Даніила“ (въ началѣ XII в.), отразившее въ себѣ характерныя черты русскаго человѣка XII в. со всѣми его вѣрованіями и его простодушіемъ, съ теплой любовью къ роднѣ (лампада за русскую землю) и добродушнымъ отношеніемъ къ иновѣрцамъ.

Самымъ важнымъ литературнымъ памятникомъ этого періода являются *лѣтописи*, т. е. записи событій по годамъ. Изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей самой древней является „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ **), обычно приписываемая Нестору, иноку Кіевопечерской лавры (1056—1114 г.); по новѣйшимъ же изслѣдованіямъ ея составителемъ считается современникъ Нестора Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря близъ Кіева ***). Въ ней описываются древнѣйшія событія

---

*) Въ лѣтописяхъ упоминается о цѣнѣ небольшого молитвенника: стоилъ онъ 8 гривенъ кунъ, что равняется на наши деньги приблизительно 80 руб. сер.

**) Полное ея заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“. Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи относятся къ XIV в. (Лаврентьевскій—по имени монаха Лаврентія и Ипатіевской—по монастырю въ Костромѣ, гдѣ хранился).

***) Лѣтописецъ между прочимъ упоминаетъ, что его принялъ въ монастырь преп. Θеодосій, между тѣмъ изъ Несторова житія преп. Θеодосія видно, что Несторъ уже не засталъ Θеодосія въ живыхъ и писалъ о немъ по разсказамъ другихъ монаховъ. Имени лѣто-

на Руси почти до княженія Мономаха (до 1110 года). Главнымъ источникомъ ея для исторіи первыхъ русскихъ князей служили народныя преданія, иногда баснословныя; для послѣдующаго времени—разсказы (и, можетъ быть, краткія погодныя записи) очевидцевъ и наконецъ наблюденія самого лѣтописца. Такимъ образомъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ является сводомъ раннѣйшихъ лѣтописныхъ источниковъ, которые въ подлинникѣ до насъ не дошли. Лѣтопись проникнута религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличается замѣчательнымъ безпристрастіемъ. Разсказъ ведется съ цѣлію нравственнаго назиданія и прерывается иногда благочестивыми размышленіями. Во всѣхъ событіяхъ лѣтописецъ видитъ руку Божія Промысла. Изложеніе отличается эпическимъ характеромъ, разсказъ идетъ медленно и спокойно, не оставляя безъ вниманія ничего интереснаго, иногда отклоняясь вслѣдствіе того въ сторону. Повѣствуя о событіяхъ, лѣтописецъ приводитъ часто собственныя слова дѣйствующихъ лицъ, давая изложенію разговорную форму.

По образцу кіевской лѣтописи стали вести лѣтописныя сказанія и въ другихъ городахъ, по монастырямъ. Такъ явилось нѣсколько мѣстныхъ лѣтописей — новгородская, суздальская, волынская и др. По характеру онѣ сходны съ начальной лѣтописью: тотъ же религіозный взглядъ на событія, та же цѣль нравственнаго назиданія, но проявляются уже мѣстныя симпатіи, сочувствіе къ тому или другому удѣльному князю въ ущербъ безпристрастію и точности разсказа.

Кромѣ лѣтописей, съ бытомъ князей удѣльно-вѣчевого характера знакомитъ насъ знаменитое „Поученіе Владиміра Мономаха“ своимъ дѣтямъ. Въ немъ ярко отразилась и замѣчательная личность самого автора, этого „добраго страдальца (труженика) за русскую землю“. Поученіе носитъ тотъ же религіозный характеръ, какъ и современныя ему проповѣди и лѣтописи.

Изъ произведеній свѣтской словесности того времени до нашего времени дошелъ только единственный письменный памятникъ—„Слово о полку Игоревѣ“, гдѣ описывается неудачный походъ (1185) на половцевъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича, плѣнъ князя и его возвращеніе изъ половецкой неволи. Въ яркой, образной формѣ, съ большимъ поэтическимъ талантомъ, выражаетъ неизвѣстный авторъ „Слова“ думы, чувства и политическія стремленія дружинно-боярской и Кіевской Руси. Патріотъ-пѣвецъ сильно негодуетъ на княжескія усобицы, видитъ въ нихъ главную причину всѣхъ бѣдствій, постигшихъ русскую землю. Христіанскаго элемента мало въ „Словѣ“ — въ немъ, наоборотъ, сохранились въ полной свѣжести языческія вѣрова-

---

писца не проставлено и только въ одномъ изъ сводовъ есть приписка подъ 1110 годомъ, гдѣ значится, что лѣтопись писалъ игуменъ Сильвестръ.

Судя по содержанію лѣтописи, слогу и характеру ея отдѣльныхъ частей, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственнымъ ему спискамъ XIV в., есть лѣтописный сводъ, а не подлинная лѣтопись кіевопечерскаго инока. Эта кіевопечерская лѣтопись не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ, а частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла въ начальный лѣтописный сводъ какъ его послѣдняя и главная часть. Несторъ, повидимому, былъ составителемъ древнѣйшей кіевской лѣтописи, не дошедшей до насъ въ подлинникѣ, а Сильвестръ—составителемъ перваго лѣтописнаго свода.

нія и представленія о природѣ, какъ существѣ живомъ, которое скорбитъ о несчастіяхъ людей и радуется ихъ удачѣ.

Судя по этому образцу, дружинная поэзія, представителями которой были гусляры и пѣвцы при дворахъ князей, достигла въ удѣльный періодъ значительнаго развитія. И если къ перечню литературныхъ произведеній эпохи причислить еще „Слово Даніила Заточника" (сосланнаго какимъ-то княземъ XII в. на озеро Лаче въ Олонецкой губерніи и вымаливавшаго себѣ своимъ „Словомъ" свободу), которое обнаруживаетъ въ сочинителѣ большую начитанность, остроуміе, изобилуетъ притчами и пословицами—произведеніями народной мудрости,—то литературную производительность даннаго времени можно считать довольно разнообразной и богатой. Многія изъ произведеній той эпохи, конечно, безвозвратно погибли среди невзгодъ и боевыхъ бурь послѣдующаго времени, но для начала письменности и сохранившихся образцовъ было бы достаточно. Печальныя событія послѣдующей эпохи, къ сожалѣнію, остановили успѣхи просвѣщенія и помѣшали дальнѣйшему развитію русской литературы.

Искусства и внѣшній бытъ. Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства стали прививаться на Руси и искусства — преимущественно архитектура и живопись. Первыми произведеніями искусства были храмы, первыми учителями русскихъ въ зодчествѣ и иконописи были греки. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ потомъ появились художники и изъ нѣмцевъ. Съ XII столѣтія лѣтописи начинаютъ упоминать уже о русскихъ зодчихъ и живописцахъ (такъ, напр., описывая обновленіе храма въ Суздалѣ въ 1194 г., лѣтописецъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что вся работа совершена русскими мастерами безъ помощи нѣмцевъ). Главнѣйшими памятниками древняго зодчества считаются храмы св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ и соборы Успенскій и Дмитріевскій во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Замѣчательны также сохранившіяся доселѣ мозаичныя („мусія") и фресковыя (стѣнопись) изображенія въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ.

Кромѣ того начали строить каменные княжескіе терема, стѣны съ башнями и воротами („Золотыя ворота" въ Кіевѣ и Владимірѣ) и проч. Но вообще всѣ почти зданія — храмы, городскія стѣны и башни, дома и проч. строились обыкновенно изъ дерева. Лѣсу было всюду вдоволь, тогда какъ камень являлся величайшей рѣдкостью. Обыкновенныя жилища отличались большой простотой постройки. Ставилась теплая зимняя бревенчатая *изба* и холодный лѣтній покой или *клѣть*; обѣ половины соединялись между собою сѣнями, къ которымъ придѣлывалось крыльцо на столбахъ (такія постройки и доселѣ сохранились въ нашихъ деревняхъ). У богатыхъ людей, нѣсколько клѣтей, соединенныхъ между собою, составляли *хоромы* (отъ слова „хоромъ"—храмъ, храмина). Хоромы строились обыкновенно высокія—подъ ними устраивались подклѣти, складочныя мѣста для разнаго рода хозяйственныхъ принадлежностей. Надъ сѣнями надстраивалась еще свѣтлая горница, *теремъ*. Хоромы обыкновенно ставились посреди двора, огороженнаго тыномъ или плетнемъ; по двору располагались службы для челяди, бани, конюшни, медуши (кладовыя для меда и винъ) и проч. Княжескіе терема особенно украшались. Внутри и снаружи они расписывались разноцвѣтными узорами, которыми особенно пестрѣли наличники оконъ; на крышахъ были рѣзные коньки и расписные гребни.

Форма одежды не отличалась особеннымъ разнообразіемъ (у простого народа и доселѣ она сохранилась почти безъ измѣненій). Обыкновенно сверхъ

нижняго платья надѣвалась „свита“ или „кожухъ“ (кафтанъ), спускавшійся ниже колѣнъ и подпоясанный. Бояре и зажиточные люди сверхъ свиты накидывали еще плащъ, иногда обшитый по краямъ золотой каймой. Одежды князей дѣлались изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ матерій и украшались золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями. Въ торжественныхъ случаяхъ они надѣвали бармы — широкое оплечье, вышитое золотомъ и усѣянное жемчугомъ. На головѣ носили высокую шапку („клобукъ“) съ бархатнымъ верхомъ и соболиной опушкой, на ногахъ — сапоги изъ цвѣтного сафьяна, вышитые иногда золотомъ.

Одежда женщины во многомъ походила на мужскую, но была еще длиннѣе. У замужнихъ женщинъ голова прикрывалась повоемъ, поверхъ котораго надѣвали родъ кокошника. Дѣвушки обыкновенно волосъ не закрывали, въ праздники носили головной уборъ въ родѣ вѣнца. Одежда женщинъ высшихъ классовъ была еще богаче украшена разными драгоцѣнностями, чѣмъ у мужчинъ, и съ теченіемъ времени наклонность къ роскоши все болѣе развивалась, что и дало поводъ лѣтописцу укоризненно замѣтить, что первые русскіе князья и дружинники „не собирали много имѣнія, не надѣвали на своихъ женъ золотыхъ обручей...“

Вліяніе Византіи. При обзорѣ внутренней жизни русскаго общества въ Кіевскій періодъ останавливаетъ на себѣ вниманіе замѣтно сказывающееся всюду вліяніе Византіи, откуда къ намъ принесено христіанство и первые начатки культуры и образованія. Помимо прямого вліянія переводной греческой литературы, преимущественно церковнаго характера и содержанія, видимъ и косвенное: на изученіи византійской литературы, отчасти изъ подражанія ея образцамъ, выростаетъ наша собственная литература и тоже преимущественно съ церковнымъ характеромъ; огромное количество переводовъ съ греческаго подготовило языкъ для самостоятельныхъ произведеній. Вмѣстѣ съ литературой Византія дала намъ и образцы искусства: архитектуру храмовъ, мозаики и фрески; по греческимъ образцамъ создалась у насъ иконопись; оттуда же пришло церковное пѣніе. Вліяніе Византіи сказалось наконецъ въ дѣлѣ выработки основныхъ понятій о государственной власти и во взаимныхъ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти въ Россіи.

Духовенство, пришедшее изъ Греціи, встрѣтило на Руси общественный порядокъ, не похожій на тотъ, который господствовалъ въ Византійской имперіи: тамъ надъ всѣмъ господствовала *единая* и ничѣмъ не ограничиваемая, кромѣ закона Божія, власть императора, получавшая отъ церкви свое торжественное освященіе. Такую же власть духовенство, сначала греческое, а за нимъ и русское, желало видѣть и на Руси и всегда неодобрительно смотрѣло на ослаблявшее силу страны дробленіе территоріи на удѣлы съ неизбѣжными при этомъ усобицами князей. Оно постоянно указывало на высокое положеніе царской власти въ Греціи и ту пользу, которую это приноситъ для страны, сочувствовало стремленіямъ къ самодержавію, которыя проявили суздальскіе князья, и много затѣмъ содѣйствовало торжеству продолжателей ихъ политики—князей московскихъ.

Церковь въ Византіи пользовалась почетнымъ положеніемъ и проявляла свое вліяніе не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ дѣлахъ

гражданскихъ (напр. по общественной благотворительности, въ наблюденіи за мѣрами и вѣсами, въ судѣ по дѣламъ семейнымъ и пр.). Но за всѣмъ тѣмъ византійское духовенство чуждо было властолюбивыхъ стремленій папства и не пыталось, какъ на Западѣ, во всемъ поставить власть церковную выше гражданской. Съ такимъ же характеромъ и съ такимъ же вліяніемъ является духовенство и на Руси.

Покореніе Руси монголами.

Татары и битва на Калкѣ. Въ первой четверти XIII в. на смѣну половцевъ является новый страшный врагъ Руси — *татары.* Монгольскія и татарскія орды издавна уже кочевали въ степяхъ Средней Азіи, управляясь своими ханами и постоянно враждуя между собою. Въ началѣ XIII в. всѣ эти разрозненныя орды объединились подъ властью одного предводителя, хана орды, кочевавшей при истокахъ Амура,—*Темучина*, прозваннаго *Чингизъ-ханомъ* (т. е. великимъ ханомъ). Это былъ человѣкъ, одаренный выдающимися воинскими дарованіями, необыкновенно мужественный, властолюбивый и страшно жестокій. Когда нѣкоторые изъ подвластныхъ ему хановъ вздумали отложиться, онъ разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти огромныхъ котлахъ сварилъ главныхъ зачинщиковъ возстанія. „Какъ на небѣ существуетъ одно солнце, такъ на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ“, говорилъ Чингизъ-ханъ и двинулся съ своими свирѣпыми полчищами на сосѣднія страны. Въ короткое время вся среднеазіатская степь, сѣверный Китай, Бухара и Туркестанъ были страшно разорены и подчинились монголамъ. Часть монгольскихъ войскъ (подъ начальствомъ двухъ полководцевъ Чингизъ-хана — Чепе и Субудая), преслѣдуя туркестанскаго султана, обогнула южный берегъ Каспійскаго моря и чрезъ Кавказъ проникла въ южно-русскія степи, гдѣ тогда кочевали половцы. Послѣдніе, соединившись съ кавказскими народами (ясами и косогами), пытались было воспрепятствовать переходу враговъ чрезъ Кавказъ, но татары заявили, что идутъ не на половцевъ, своихъ соплеменниковъ, а только на народы Кавказа, пообѣщали половцамъ раздѣлить добычу, и вѣроломные степняки отступились. Теперь имъ пришлось жестоко поплатиться. Разбитые на-голову, половецкіе ханы въ страшной тревогѣ бросились просить помощи у русскихъ князей (1223). „Сегодня татары отняли нашу землю, говорили половцы, а завтра возьмутъ вашу, если намъ не поможете“. По предложенію Мстислава Удалого, владѣвшаго Галичемъ, собрались князья на съѣздъ въ Кіевѣ и рѣшили идти на встрѣчу невѣдомому врагу.

„Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ, нежели въ своей“—говорилъ Мстиславъ.

Собралось большое ополченіе подъ предводительствомъ трехъ Мстиславовъ (галицкаго, кіевскаго и черниговскаго), русскіе перешли черезъ Днѣпръ и бодро двинулись въ половецкія степи. Татары провѣдали о сильной рати и попытались разстроить союзъ русскихъ и половцевъ. „Слышимъ, что идете вы противъ насъ, послушавшись половцевъ“, послали они сказать русскимъ. „А мы не на васъ пришли, а на холоповъ нашихъ—половцевъ. Возьмите съ нами миръ. Придутъ къ вамъ половцы—бейте ихъ и добычу берите себѣ. Слышали мы, что они и вамъ много зла творятъ“. По совѣту половцевъ, уже испытавшихъ на себѣ коварство татаръ, русскіе князья избили татарскихъ пословъ и продолжали походъ. „Послушались вы половцевъ, избили нашихъ пословъ и идете противъ насъ, такъ пусть Богъ насъ разсудитъ“, снова послали сказать татары. На этотъ разъ пословъ не тронули. Русская рать шла далѣе и при рѣчкѣ Калкѣ, впадающей въ Азовское море, встрѣтилась съ главными силами татаръ (1224). У русскихъ князей было много самоувѣренности и мало единодушія. Мстиславъ Удалой, не дождавшись другихъ князей, первый ударилъ на непріятеля вмѣстѣ съ молодымъ Даніиломъ Романовичемъ волынскимъ. За ними двинулись половцы, но не выдержали напора татаръ, бросились бѣжать и смяли русскіе полки. Все пришло въ страшное смятеніе, дрогнули и самые храбрые, бѣгство сдѣлалось всеобщимъ... Въ первый разъ въ жизни пришлось бѣжать и Удалому. Едва успѣлъ спастись на лихомъ конѣ раненый въ грудь Даніилъ волынскій. Татары гнались за бѣгущими до самаго Днѣпра, нещадно избивая всѣхъ. Великій князь Мстиславъ кіевскій, видя бѣгство половцевъ и галичанъ, укрѣпился съ своей дружиной и подручными князьями на близъ лежащей горѣ и три дня отбивался отъ вдесятеро сильнѣйшихъ непріятелей. Татары пустились на хитрость и предложили ему свободное отступленіе за выкупъ. Но едва кіевляне покинули укрѣпленный станъ, какъ татары бросились на нихъ, избили всѣхъ воиновъ, а связанныхъ князей положили на землю, навалили на нихъ доски, и сами сѣли на нихъ пировать; несчастные плѣнники были задавлены...

Татары двинулись дальше, все предавая огню и мечу; жители нѣкоторыхъ городовъ безъ сопротивленія сдавались на милость врага, но подвергались избіенію. Варвары, однако, не стали углубляться въ предѣлы Руси, верстахъ въ ста отъ Кіева они повернули назадъ и, пройдя чрезъ уральскія степи, воротились въ Азію къ своему повелителю.

Нашествіе Батыя. Прошло 13 лѣтъ, русскіе стали уже забывать о страшномъ погромѣ, князья вновь принялись за обычныя усобицы, какъ вдругъ разнеслась молва, что невѣдомые враги снова появились и идутъ на Русь черезъ землю камскихъ болгаръ.

У татаръ былъ въ это время уже другой верховный ханъ. Чингизъ-ханъ умеръ (1227), и ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Угедей. Новый властелинъ отправилъ племянника своего *Батыя* съ огромнымъ войскомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ покорять страны, лежащія къ сѣверу и западу отъ Каспійскаго моря. Опустошивъ землю камскихъ болгаръ, татары зимою 1237 года вступили въ южную часть Рязанской области. Зима, когда воды скованы льдомъ, была для татаръ наиболѣе удобнымъ временемъ для передвиженія по лѣсистой сторонѣ, изобилующей рѣками и болотами. Тщетно рязанскіе князья просили помощи у князей черниговскихъ и великаго князя Юрія владимірскаго. Черниговскіе отказали за то, что рязанцы не участвовали съ ними въ битвѣ на Калкѣ, а Юрій находился во враждѣ съ рязанскими князьями. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, рязанцы рѣшили отчаянно обороняться. На предложеніе татаръ дать десятину отъ всего, отъ людей и скота, они отвѣчали: „Когда никого изъ насъ не будетъ въ живыхъ, то все будетъ ваше“. Не взирая на геройскую защиту Рязани, татары взяли городъ приступомъ, обратили его въ груды развалинъ и пепла, жителей избили*). Разгромивъ всю Рязанскую область, татары двинулись въ Суздальскую и (въ февралѣ 1238 г.) подступили къ Владиміру. Юрія II не было въ это время въ городѣ,—онъ удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы подъ начальствомъ двухъ сыновей великаго князя мужественно оборонялись. Но татары пробили стѣны „пороками“ (стѣнобитныя машины) и ворвались въ городъ. Семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими другими гражданами заперлось въ Успенскомъ соборѣ на хорахъ, гдѣ и погибло посреди пламени. Татарскіе отряды разсѣялись по всей Суздальской области, въ теченіе одного мѣсяца разорили и разграбили 14 городовъ. Жители отъ малаго до великаго были нещадно избиваемы; тѣ немногіе, которыхъ татары брали въ плѣнъ и тащили за собою босыхъ и нагихъ, гибли отъ холоду и

---

*) „Сказаніе о нашествіи Батыя“ между прочимъ описываетъ подвиги рязанскаго богатыря Евпатія Коловрата, который находился на югѣ во время погрома Рязанской земли. Онъ спѣшилъ домой и засталъ только развалины... Пылая чувствомъ мести, съ небольшой дружиной отчаянно кинулся онъ на враговъ, смялъ задніе полки и произвелъ переполохъ между татарами: имъ почудилось, что воскресли избитые ими рязанцы. Удальцы, конечно, погибли въ неравномъ бою. Немногихъ изъ оставшихся въ живыхъ Батый велѣлъ пощадить, въ уваженіе къ ихъ необычайной храбрости.

болѣзней. Заплакалъ великій князь, когда услыхалъ о гибели своей семьи и столицы. „Господи, проговорилъ онъ, лучше мнѣ умереть теперь, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ“. На берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу) онъ встрѣтилъ полчища Батыя съ войскомъ, наскоро набраннымъ изъ непривычныхъ къ бою земледѣльцевъ, былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ (въ мартѣ 1238). Взявши затѣмъ Тверь и Торжокъ, Батый двинулся къ Новгороду, но, не доходя до него верстъ ста, остановился, боясь приближенія весны, разлива рѣкъ и таянія болотъ, окружавшихъ Новгородъ, и повернулъ на юго-востокъ въ половецкія степи. На этой дорогѣ Батый задержанъ былъ на цѣлыя семь недѣль у города Козельска, жители котораго упорно защищали городъ и своего малолѣтняго князя, пока всѣ не погибли. Татары понесли при этомъ большія потери и прозвали Козельскъ „злымъ городомъ“.

Затѣмъ Батый докончилъ порабощеніе половецкихъ ордъ; главный ханъ этого народа съ 40.000 половцевъ пробрался въ Венгрію, гдѣ и получилъ земли для поселенія. Батый въ слѣдующемъ (1239) году двинулся на южную Русь и опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію. И здѣсь, какъ на сѣверѣ, всѣ дѣйствовали врозь, жители каждаго города защищались отдѣльно, выказывая подвиги отчаянной, но безплодной храбрости въ неравной борьбѣ. Кіевъ также былъ взятъ и разоренъ, а жители его перебиты (1240 г.).

Батый послалъ одного изъ своихъ воеводъ впередъ осмотрѣть городъ. Даже грубый кочевникъ, по словамъ лѣтописца, пораженъ былъ красотой древней русской столицы и долго ею любовался. На крутомъ обрывистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощъ живописно раскинулся городъ, опоясанный бѣлой каменной стѣной, съ высокими башнями, съ блистающими на солнцѣ позлащенными главами многочисленныхъ церквей. Татары предложили жителямъ сдаться безъ боя; тѣ въ отвѣтъ умертвили пословъ и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Кіевъ находился въ это время во власти Даніила Галицкаго. Самого князя въ городѣ не было и для защиты Кіева оставленъ былъ мужественный и распорядительный воевода Димитрій. Скоро несмѣтныя толпы татаръ обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей и криковъ татаръ такой гулъ стоялъ въ воздухѣ, что граждане, по словамъ лѣтописца, не могли слышать другъ друга. Стѣнобитными машинами татары пробили стѣны и ворвались въ городъ. На улицахъ и въ домахъ началась отчаянная рѣзня. Остатки храбрыхъ защитниковъ города и часть жителей укрѣпились около Десятинной церкви, но на-утро былъ взятъ и этотъ послѣдній

слабый оплотъ русскихъ. Воевода Димитрій, израненный, захваченъ въ плѣнъ. Батый, безпощадно истреблявшій плѣнныхъ, въ уваженіе необычайной доблести, даровалъ жизнь мужественному воеводѣ. Нѣсколько дней свирѣпствовали дикіе побѣдители на развалинахъ пылающаго города. Десятинный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Та же участь постигла Печерскую лавру и другія зданія.

Опустошивъ южную Русь, Батый (весною 1241 г.) перешелъ Карпаты, покорилъ Венгрію и Силезію, но въ Моравіи въ первый разъ потерпѣлъ неудачу въ сраженіи съ чешскими войсками. Западная Европа по гористому, пересѣченному характеру своей поверхности не представляла удобствъ для военныхъ дѣйствій степной конницы и, опустошивъ придунайскія равнины, орды татаръ отхлынули на востокъ: западная Европа была спасена; всю тяжесть татарскаго ига пришлось вынести только русскому народу...

Ужасную картину представляла Русь послѣ татарскаго погрома. Всюду виднѣлись развалины, бѣлѣющія кости непогребенныхъ людей, вытоптанныя и заросшія сорной травой поля. Въ опустошенныхъ татарами мѣстностяхъ осталось въ живыхъ не болѣе десятой части жителей, да и тѣ не знали, что дѣлать, за что приняться: „живые, по словамъ лѣтописца, завидовали спокойствію мертвыхъ“. Даже черезъ пять лѣтъ послѣ нашествія татаръ въ многолюдномъ нѣкогда и богатомъ Кіевѣ не насчитывалось и двухсотъ домовъ...

Золотая Орда. Татары заняли своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи и, смѣшавшись съ камскими болгарами и остатками половцевъ, образовали тамъ новое царство, получившее названіе *Золотой* или *Кипчакской* *) *Орды.* Батый первоначально также кочевалъ съ мѣста на мѣсто съ своимъ дворомъ и войскомъ. Но потомъ на одномъ изъ рукавовъ Волги (Ахтубѣ) утвердилось главное мѣстопребываніе хановъ или *Сарай.* Въ первое время сарайскій ханъ зависѣлъ отъ „великаго хана“, жившаго въ Азіи, но вскорѣ (1260) огромная имперія Чингиза распалась на отдѣльныя государства, ханъ Золотой Орды сталъ вполнѣ независимъ и сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей, пока и въ его царствѣ не настало раздѣленіе и междуусобицы.

Бытъ и нравы татаръ. Успѣхи татаръ въ борьбѣ съ русскими и самый характеръ ихъ владычества на Руси во многомъ объясняются условіями ихъ быта, внутреннимъ устройствомъ татарской орды и нравами татаръ.

Татары были небольшого роста, но широкоплечи, коренасты, съ большими головами, которыя они брили. Лица у нихъ были широкія, смуглыя,

*) Кипчакомъ татары звали степь, тянущуюся изъ средней Азіи въ Южную Россію. „Золотой“ орда названа по ханской ставкѣ, изукрашенной золотомъ.

съ приплюснутымъ носомъ и выдавшимися скулами; глаза имѣли небольшіе, узкіе, безъ верхнихъ рѣсницъ; волосъ на бородѣ и усахъ было мало. Немудрено, что нашимъ предкамъ они казались отвратительными и страшными.

Занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ и владѣя огромными стадами (верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей), татары не могли останавливаться подолгу, но постоянно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, съ пастбища на пастбище. Какъ кочевой народъ, они не строили городовъ и прочныхъ постоянныхъ жилищъ, а обыкновенно жили въ круглыхъ *юртахъ*, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ. Наверху дѣлалось отверстіе для освѣщенія и для выхода дыма отъ разводившагося посреди юрты огня. Ѣли татары мясо убитыхъ или палыхъ животныхъ, рыбу и жидкую кашу изъ проса; пищу брали прямо руками, обтирая ихъ о свои кафтаны, сапоги или траву; любимымъ напиткомъ былъ кумысъ (лошадиное молоко). За обѣдомъ, кто посильнѣе, тотъ хваталъ самые большіе и жирные куски, а старики и хилые ѣли что останется. Одѣвались они въ шкуры и мѣха звѣрей. Платья татары не снимали и не мыли до тѣхъ поръ, пока не износится, и вообще отличались крайней неопрятностію.

Мужчины у татаръ присматривали за стадами, большую же часть времени проводили на охотѣ и въ занятіяхъ стрѣльбой изъ лука. Дѣти у нихъ, можно сказать, выростали на конѣ съ лукомъ въ рукахъ и всѣ татары были лихими наѣздниками и отличными стрѣлками. Всѣ хозяйственныя заботы лежали на женщинахъ: онѣ стряпали, шили платье и обувь, чинили телѣги и юрты. Онѣ также ѣздили верхомъ и нѣкоторыя стрѣляли не хуже мужчинъ. Женъ татаринъ имѣлъ столько, сколько могъ содержать. Но вообще женщины у нихъ пользовались уваженіемъ. Ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла; при торжественныхъ аудіенціяхъ рядомъ съ ханомъ сидѣли и жены его.

Замѣчательно военное устройство у татаръ. Дисциплина была самая строгая. Всѣ безпрекословно, безъ разсужденій, повиновались своимъ начальникамъ. Со временъ Чингизъ-хана въ войскѣ надъ каждымъ десяткомъ былъ свой начальникъ — десятникъ, далѣе слѣдовали сотники, тысячники и темники (надъ 10-ью тысячами). Бѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись. Если изъ десятка кто-либо попадалъ въ плѣнъ, товарищи, не освободившіе его, также умерщвлялись. Каждый татаринъ обязанъ былъ имѣть лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы тащить осадныя машины. Богатые, сверхъ того, имѣли кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей. Щиты были по большей части хворостяные.

Ведя постоянныя войны, татары достигли нѣкотораго развитія въ области военнаго искусства. У нихъ были, напр., стѣнобитныя машины; они умѣли дѣлать подкопы; въ битвахъ пускались на разныя хитрости и чаще всего употребляли засаду. Вступая въ непріятельскую землю, они посылали передовые отряды, которые высматривали мѣстоположеніе и ничего не опустошали, но старались только какъ можно больше убивать людей. За ними шло главное войско, которое, наоборотъ, безпощадно истребляло все на своемъ пути. Они иногда окружали цѣлую область облавой (какъ поступаютъ охотники), сходясь къ одному центру. Въ битвахъ, въ первую линію противъ врага они обыкновенно ставили войска изъ покоренныхъ городовъ, а отряды самыхъ храбрыхъ татарскихъ наѣздниковъ отправлялись въ объѣздъ, въ дальнемъ разстояніи, чтобы потомъ неожиданно окружить противника со всѣхъ сторонъ. Рукопашнаго боя они не любили, но старались сначала издали перебить и переранить своими стрѣлами какъ можно больше людей и лошадей, и тогда уже бросались на ослабленнаго противника. Если

сломить врага не удавалось, то иногда все войско татарское разомъ обращалось въ притворное бѣгство, поражая преслѣдователей стрѣлами. При осадѣ крѣпостей они безъ перерыва, и днемъ и ночью, громили стѣны, смѣняя отрядъ за отрядомъ, стараясь безпрестанными нападеніями утомить защитниковъ, и затѣмъ уже бросались на приступъ. Если на пути встрѣчалась большая рѣка, то они переправлялись, сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, привязанныхъ къ хвостамъ лошадей.

Пощады врагу они не давали, убивая всѣхъ безъ разбору. Плѣнныхъ мучили и избивали самымъ варварскимъ образомъ. Изъ жителей покореннаго города сохраняли въ живыхъ только тѣхъ, кто зналъ какое-либо полезное для татаръ ремесло, да сильныхъ молодыхъ людей, обращая ихъ въ рабовъ. Миръ татары заключали только съ тѣми народами, которые добровольно подчинялись имъ. Жители покоренной страны обязаны были ходить съ ними на войну по первому требованію и платить десятину отъ вещей и отъ людей.

Всѣ подчиненныя племена облагались тяжелою данью. Князья подчиненныхъ странъ обязаны были по первому призыву являться въ орду, привозить богатые подарки хану и его окружающимъ, безропотно снося при этомъ унизительное съ собой обращеніе. Да и по отношенію къ другимъ народамъ, хотя бы имъ не подчиненнымъ, татары выказывали непомѣрную гордость и презрѣніе, что, между прочимъ, сказывалось на ихъ обращеніи съ путешественниками и послами, которыхъ они, напр., при представленіи хану, заставляли продѣлывать тѣ же унизительные обряды, которые были обязательны для князей подвластныхъ странъ. Вообще по отношенію къ чужимъ они допускали и ложь, и коварство, и обманъ, были жадны и скупы. Но къ своимъ относились иначе: были общительны, помогали одинъ другому въ нуждѣ, бранились рѣдко и никогда не дрались. Воровъ у нихъ не было и ихъ юрты, или кибитки, никогда не запирались.

Религіозныя вѣрованія татаръ были неразвиты. Они приносили жертвы идоламъ, которые представляли грубыя подобія людей и ставились противъ дверей юрты. Боготворили также умершихъ хановъ, изображеніямъ которыхъ приносили жертвы и кланялись, смотря на югъ. Татары вѣрили въ загробную жизнь, въ гаданія и чары, для охраны отъ которыхъ и заставляли приходящихъ къ хану проходить между двумя огнями. Обожали еще солнце, луну, воду и землю. Вѣрили въ единаго Бога, властителя и творца всей земли, но Ему не молились и жертвъ не приносили. „Мы, монголы, сказалъ ханъ (Мангу) одному европейцу, вѣримъ въ единаго Бога, которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути въ рай; вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ, что они говорятъ, и живемъ въ мирѣ". Въ связи съ этимъ стояла замѣчательная вѣротерпимость татаръ относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій. Въ самой семьѣ хановъ были христіане; впослѣдствіи былъ даже епископъ сарайскій. По уставу Чингизъ-хана, утвержденному и послѣдующими ханами, духовенство всѣхъ религій освобождалось отъ платежа дани, „чтобы (по выраженію одного ханскаго ярлыка, или указа) безпечально молилось за хана и за все его племя".

Монгольское иго и его вліяніе. Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ пріѣхать въ орду на поклонъ и для полученія ярлыка на княженіе, т. е. утвердительной грамоты. Ослушникамъ грозила потеря волостей. Почти всѣ князья съ великимъ княземъ Ярославомъ (братомъ Юрія II) явились и должны были съ разными унизительными

обрядами представляться хану: такъ, напр., ихъ заставляли проходить между священными очистительными огнями, разложенными возлѣ ханской ставки, кланяться идоламъ, становиться на колѣни, пить кумысъ и т. д. Когда набожный Михаилъ Черниговскій не согласился исполнить этихъ обрядовъ, то былъ звѣрски замученъ вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ (церковь причислила ихъ къ лику святыхъ).

Великимъ княземъ ханъ утвердилъ Ярослава и вообще порядокъ управленія на Руси остался прежній. По своей дикости и привычкѣ къ степному быту татары не считали нужнымъ самимъ жить на Руси и непосредственно управлять ею и ограничивались сборомъ дани, въ чемъ, да еще въ обязанности выставлять вспомогательныя дружины въ татарскихъ войнахъ, и выражалась главнымъ образомъ зависимость Россіи отъ монголовъ. Татарскіе „численники" переписали все оставшееся въ живыхъ населеніе и всѣхъ (кромѣ духовенства) обложили тяжкою данью *). Кромѣ десятины отъ имѣнія (преимущественно отъ хлѣбнаго сбора), брали пошлину со всякихъ промысловъ и занятій, требовали подводъ („ямъ"), даровъ и „корма" для служителей хана, сбирали на ханское войско, ханскую охоту и проч. Татарскія подати были тѣмъ невыносимѣе, что сборщики дѣйствовали безотчетно. Они и назывались *баскаками* (буквально значитъ „давитель") и часто пытками и истязаніями вымучивали у населенія послѣднее достояніе; кто не могъ уплатить, того били безъ милосердія палками или же отнимали дѣтей, а то и самихъ уводили въ рабство... Базары городовъ крымскихъ и азовскихъ наполнились русскими невольниками и невольницами, преимущественно молодежью, которую скупали купцы азіатскіе и европейскіе (изъ Венеціи и Генуи) и затѣмъ перепродавали въ мусульманскія страны Азіи и Африки. Ослушниковъ и людей, сопротивлявшихся произволу любого заѣзжаго татарина, нещадно убивали. Иногда за проступокъ одного человѣка выжигали цѣлое селеніе или городъ. Если баскакъ жаловался въ ордѣ на кого нибудь—тотчасъ посылали оттуда отряды съ приказаніемъ все опустошать въ землѣ ослушниковъ. Сборъ податей былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что нерѣдко онъ отдавался *на откупъ* восточнымъ (бесерменскимъ) купцамъ, выбиравшимъ свое съ лихвою, подъ покровительствомъ баскаковъ. Все это повело къ страшному *обѣднѣнію* народа, къ упадку его матеріальнаго благосостоянія, со всѣми отъ того послѣдствіями, изъ коихъ важнѣйшее—

---

*) Дань съ русскихъ собирали отчасти деньгами, преимущественно же мѣхами. По словамъ одного иностраннаго путешественника (Плано Карпини), каждый мужчина, бѣдный и богатый, большой и малый, даже младенецъ однодневный, обязанъ былъ давать дань по шкурѣ медвѣдя, бобра, соболя, чернобурой лисицы и хорька.

остановка въ успѣхахъ просвѣщенія: населенію было уже не до книгъ и ученія, да и князьямъ пришлось заботиться прежде всего о собраніи силъ для сверженія ига, а не о просвѣщеніи народа. Произволъ и грубость татаръ отразились затѣмъ въ нѣкоторомъ *огрубѣніи нравовъ;* но вообще на бытъ русскихъ и русскую народность татары не имѣли вліянія, тѣмъ болѣе, что и не жили на Руси. Народъ открещивался отъ всего татарскаго, не усвоилъ ни одного татарскаго обычая, ни одной пѣсни степняковъ. Напротивъ, и наши старинныя пѣсни, и пословицы, и всѣ произведенія письменности дышатъ страшной ненавистью къ „поганой татарвѣ", къ „злой собакѣ—татарину". Кочевой полудикій народъ и не могъ вліять на осѣдлое и болѣе развитое населеніе. Основы русской народности,—языкъ, религія, управленіе остались нетронутыми. Въ *языкъ* нашъ вошло не болѣе двухъ-трехъ десятковъ татарскихъ словъ, да и то преимущественно о предметахъ, относящихся къ сбору дани *). Отличаясь вѣротерпимостью, татары оставили неприкосновенною православную *вѣру* и ея служителей, и религіозность народа даже усилилась въ эпоху монгольскаго ига, въ которомъ видѣли наказаніе Божіе за грѣхи; только въ вѣрѣ находилъ народъ утѣшеніе среди невзгодъ, его окружавшихъ. Оставляя нетронутымъ порядокъ *управленія* Русью, татары не только воспрепятствовали, но своимъ гнетомъ даже ускорили начатое еще до нихъ суздальскими князьями дѣло *объединенія* Руси подъ властію одного князя. Общая опасность еще болѣе укрѣпила народное единство, въ которомъ стали видѣть главное условіе успѣха въ борьбѣ съ ненавистнымъ врагомъ.

Въ виду слабости непосредственнаго вліянія татарскаго ига на внутренній бытъ русскаго народа, нѣкоторые историки готовы совсѣмъ игнорировать этотъ крупный фактъ въ нашей исторіи, смотрѣть на него какъ на чисто внѣшнее, несущественное наслоеніе на тѣлѣ русскаго народа. Но этотъ взглядъ, очевидно, является такой же крайностью, какъ и приписываніе монгольскому игу чуть не всѣхъ золъ въ общественной жизни не только XIII и XIV вѣковъ, но и послѣдующаго времени. Монгольское иго не внѣшнимъ только образомъ скользнуло по организму русской націи и если не прямо, то косвенно принесло громадный вредъ прогрессу и дальнѣйшему движенію впередъ русской общественности и русской культуры. Разобщивъ Русь съ другими культурными странами, задержавъ начавшійся было ростъ русскаго просвѣщенія, выгодно выдвинувшаго Русь среди другихъ странъ тогдашней Европы, оно на цѣлыхъ два столѣтія отодвинуло русскій народъ назадъ. Упадокъ просвѣщенія и общее пониженіе культурности

---

*) Алтынъ, аршинъ, базаръ, балыкъ, деньга, кабакъ, казна, караулъ, сундукъ, тюфякъ, халатъ, чепракъ, ярлыкъ и немногія др.

отразилось соотвѣтственнымъ образомъ на всѣхъ сторонахъ жизни.— Страшное обѣднѣніе русскаго народа довершило невзгоду, не давая ему возможности для нормальной работы въ области литературы и искусства и поставивъ его позади всѣхъ другихъ націй даже въ сферѣ чисто внѣшнихъ удобствъ жизни. Не говоримъ уже о томъ чувствѣ нравственной придавленности, которое тяжелымъ гнетомъ лежало на душѣ лучшихъ русскихъ людей той эпохи, руководителей общества, невольно парализуя ихъ смѣлыя начинанія, ихъ думы и гаданія о лучшемъ будущемъ родины. Какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ націй крупныя потрясенія не проходятъ безслѣдно, хотя бы въ общемъ и не нарушали обычнаго строя жизни. Въ этомъ смыслѣ монгольскую эпоху невозможно игнорировать, а тѣмъ болѣе вычеркнуть изъ исторіи жизни русскаго народа. Началомъ и концомъ своимъ этотъ періодъ почти совпадаетъ съ тѣми перемѣнами въ политическомъ и экономическомъ укладѣ русской жизни, какія вызвалъ отливъ населенія изъ Приднѣпровья въ Поволжье. Татары вторглись на Русь въ моментъ переустройства отношеній между князьями и общественными классами и вынуждены были покинуть ее, когда это переустройство, отчасти и подъ ихъ вліяніемъ, завершилось усиленіемъ московскаго княжества съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы.

Всѣ событія той эпохи, благодаря татарамъ, окрашены особо мрачнымъ колоритомъ, связаны такъ или иначе, хотя бы внѣшнимъ образомъ, съ мыслью о тяжеломъ игѣ кочевниковъ, почему многіе историки время владычества татаръ и выдѣляютъ даже въ особый періодъ, хотя, въ виду отсутствія прямого вліянія татаръ на внутренній строй русской жизни, для этого и нѣтъ должныхъ основаній.

Главная тяжесть ига татаръ пала на ближайшія къ нимъ— сѣверо-восточныя области. Въ юго-западныхъ областяхъ гнетъ монголовъ чувствовался слабѣе, но за то татарскій погромъ отразился тамъ въ иномъ отношеніи. Паденіе центра древней Руси—Кіева почти прекратило и безъ того уже ослабѣвшую связь между юго-западомъ и сѣверовостокомъ Россіи. Разоренныя татарами юго-западныя области были не въ силахъ противиться образовавшемуся въ это время на ихъ границахъ Литовскому княжеству и были имъ завоеваны. Исторія той и другой части Руси долго шла послѣ того особымъ путемъ.

Русь въ первое время монгольскаго ига.

По смерти в. князя Юрія II (въ битвѣ при Сити) во Владимірѣ сталъ княжить братъ его *Ярославъ Всеволодовичъ* (1238—1246), князь твердаго нрава, дѣятельный и предпріимчивый. Благодаря его распорядительности, скоро сталъ возстановляться порядокъ на сѣверѣ. Ярославъ собиралъ разбѣжавшихся по дебрямъ и лѣсамъ жителей, велѣлъ очищать города и села отъ гніющихъ повсюду труповъ, возоб-

новлялъ сожженныя и разрушенныя татарами зданія. О сопротивленіи татарамъ нечего было, конечно, и думать, и Ярославъ первый подалъ примѣръ покорности хану, явившись въ орду, и былъ утвержденъ великимъ княземъ. По приказанію Батыя, ему пришлось ѣхать къ самому великому хану (Гаюку) въ Азію, при чемъ привелось вынести много нужды и униженій; тамъ онъ и умеръ. Послѣ шестилѣтнихъ междоусобій (1246—1252), великимъ княземъ владимірскимъ сдѣлался сынъ Ярослава—*Александръ Невскій.*

Александръ Невскій (1252—1263) былъ самымъ замѣчательнымъ изъ князей въ первую эпоху монгольскаго ига. Съ блестящею храбростію онъ соединялъ осторожность и практическую расчетливость, съ твердостью воли — гибкость характера и умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ. Внутреннимъ качествамъ соотвѣтствовала и самая наружность Александра: высокій ростомъ, статный, красивый, онъ производилъ на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе; когда онъ говорилъ на вѣчѣ, его звучный голосъ, по выраженію лѣтописца, „гремѣлъ передъ народомъ какъ труба“. Съ юныхъ лѣтъ онъ княжилъ въ Новгородѣ, и жизнь въ этомъ городѣ съ его шумнымъ и непокорливымъ вѣчемъ, съ его кипучей торговлей и постоянными сношеніями съ западными иноземцами не мало способствовала выработкѣ той выдержанности въ характерѣ, которою Александръ потомъ всегда отличался. Еще когда онъ былъ удѣльнымъ княземъ въ Новгородѣ, его блестящія дарованія въ полной силѣ выказались въ борьбѣ его со шведами, съ ливонскимъ орденомъ и Литвою. Эти западные сосѣди наши вздумали было воспользоваться Батыевымъ разгромомъ сѣверо-восточной Руси и стали тѣснить Новгородъ и его пригороды. Пытаясь распространить свое владычество и католическую вѣру на сѣверъ отъ Финскаго залива, шведы, по желанію папы, организовали даже крестовый походъ противъ русскихъ и финновъ. Сильное шведское ополченіе, подъ начальствомъ зятя короля Биргера, вошло въ устье Невы и расположилось на берегу этой рѣки (при впаденіи въ нее Ижоры). Александръ, не теряя времени, выступилъ только съ своей и новгородской дружиной, стремительно напалъ на шведскій лагерь и нанесъ врагамъ жестокое пораженіе (1240), послѣ чего они долго не рѣшались тревожить новгородцевъ. Эта побѣда доставила Александру громкую славу по всей землѣ русской и прозваніе *Невскаго* (По народному сказанію, ему помогали въ битвѣ свв. Борисъ и Глѣбъ).

Еще болѣе трудную борьбу пришлось Александру выдержать съ Ливонскимъ орденомъ, который тоже воспользовался невзгодами Русской земли и захватилъ въ свои руки нѣсколько пригородовъ и даже

посадилъ въ Псковѣ нѣмецкій гарнизонъ. Александръ быстро очистилъ отъ нѣмцевъ и Новгородскую область и Псковъ и вступилъ затѣмъ во владѣнія самого ордена. На льду Чудского озера закованные въ желѣзо рыцари были разбиты Александромъ на-голову (1242). „Ледовое побоище“, какъ прозвали эту битву, еще болѣе прославило невскаго героя,—нѣмцы заключили миръ и отступились отъ всего ими захваченнаго.

На третьяго новаго врага Руси — литовцевъ Александръ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ, истребивъ у нихъ до восьми князей съ ихъ дружинами, и заставилъ ихъ прекратить на-время свои разбойничьи набѣги.

Отбиваясь оружіемъ отъ западныхъ враговъ, Александръ иначе велъ себя съ восточными варварами. Онъ понималъ, что раздробленная, обѣднѣвшая и обезлюдѣвшая Русь не въ силахъ бороться со страшнымъ врагомъ, и безусловную покорность хану считалъ единственнымъ пока средствомъ спасенія. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Орду съ богатыми дарами хану и его сановникамъ, и успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Батыя и его преемниковъ. Сдѣлавшись (въ 1252) в. княземъ, по назначенію хана, Александръ всѣми силами старался внушать русскимъ людямъ терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ, уговаривалъ не противиться переписи, не оскорблять численниковъ и баскаковъ, платить требуемую дань и т. д. Иной разъ онъ самъ долженъ былъ силою заставлять свой народъ исполнять требованія татаръ и даже наказывать ослушниковъ, лишь бы отвлечь ханскую грозу отъ всей земли русской. Многіе не понимали такого образа дѣйствій и готовы были корить в. князя за дружбу съ татарами. Особенно много хлопотъ доставляли Александру буйные и не испытавшіе на себѣ ужасовъ татарскаго погрома новгородцы. Они не хотѣли допустить къ себѣ татарскихъ баскаковъ для переписи и сбора дани; на вѣчѣ кричали, что великій князь продаетъ новгородскую вольность и свободныхъ людей хочетъ сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и суровое наказаніе, которому подвергъ Александръ главныхъ зачинщиковъ, заставили новгородцевъ смириться. Но вслѣдъ затѣмъ поднялись волненія и въ другихъ городахъ. Жадные и жестокіе сборщики податей и особенно восточные или бесерменскіе купцы, взявшіе дань на откупъ, своими притѣсненіями вывели изъ терпѣнія несчастный народъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ и др.) жители собрались на вѣче, возстали противъ сборщиковъ дани — нѣкоторыхъ изъ нихъ убили, другихъ выгнали. Ханъ пришелъ въ сильную ярость и готовилъ уже полчища для раз-

грома мятежныхъ городовъ. Александръ поспѣшилъ въ Орду, чтобы „отмолить людей отъ бѣды", какъ выражается лѣтописецъ. Не легко это было; цѣлую зиму и лѣто пришлось в. князю прожить въ Ордѣ, но за то онъ не только умилостивилъ хана, но даже успѣлъ выхлопотать льготы по возложенной татарами на русскихъ обязанности выставлять вспомогательное войско. Еще въ Ордѣ Александръ почувствовалъ себя нездоровымъ, постоянныя тревоги и заботы подорвали его могучій организмъ, и на обратномъ пути во Владиміръ въ 1263 году онъ скончался, имѣя не болѣе 45 лѣтъ отъ роду. Когда вѣсть о его кончинѣ пришла во Владиміръ, митрополитъ (Кириллъ), служившій въ это время обѣдню, весь въ слезахъ обратился къ народу со словами: „Чада моя милыя! Закатилось солнце земли русскія: не стало князя Александра"... Въ храмѣ раздались рыданія, и послышались крики: „мы погибаемъ".

Александръ былъ погребенъ во Владимірскомъ храмѣ Рождества Богородицы (откуда впослѣдствіи останки его Петромъ В. перенесены на берега Невы — въ Петербургъ). Церковь причислила его къ лику святыхъ. Въ глазахъ народа онъ является небеснымъ покровителемъ Русской земли и русскихъ князей, вмѣстѣ съ равноапостольнымъ Владиміромъ и князьями Борисомъ и Глѣбомъ.

Великимъ благомъ для Русской земли было, что дѣятельность такого выдающагося по своимъ качествамъ князя, какъ Александръ Невскій, грознаго для однихъ враговъ и успѣвшаго поладить съ другими, равно умѣвшаго и повелѣвать и подчиняться, гдѣ это было нужно, совпала съ первой и самой тяжкой порой монгольскаго владычества, когда еще только опредѣлялся самый характеръ ига и устанавливались первыя отношенія между не привыкшими еще къ тяжкой неволѣ русскими и ихъ полудикими завоевателями, требовавшими себѣ безусловной покорности. Малѣйшій неосторожный шагъ могъ вновь вызвать ужасы татарскаго нашествія. Благодаря политической ловкости Александра, эта опасность была устранена; знаками глубокой покорности, обѣщаніемъ богатыхъ даровъ онъ всячески старался устранить татаръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, ограничить зависимость отъ нихъ только вассальными отношеніями и сборомъ дани, даже безъ обязанности давать хану вспомогательныя войска. Съ другой стороны, не допуская во внутреннихъ дѣлахъ никакого послабленія княжеской власти надъ народомъ, онъ положилъ тѣмъ начало будущему усиленію и освобожденію Россіи отъ татаръ. Все это ставитъ Александра Невскаго въ разрядъ самыхъ выдающихся и крупныхъ дѣятелей Русской исторіи.

Послѣ Невскаго, по старинному порядку престолонаслѣдія, великимъ княземъ Владимірскимъ сдѣлался братъ его *Ярославъ Ярославичъ* Тверской (1263—1272). При немъ (со смертію хана Берке въ 1266 г.) кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига и

„была, по словамъ лѣтописца, ослаба Руси отъ насилія татарскаго“. Завоеватели и побѣжденные нѣсколько освоились другъ съ другомъ. Татары въ эту пору приняли магометанство, но это не измѣнило ихъ терпимости по отношенію къ греческой религіи и православному духовенству. При этомъ они руководились, повидимому, и политическими соображеніями. Такъ какъ духовенство у всѣхъ народовъ составляло самый вліятельный классъ, то преемники Чингизъ-хана и боялись, подобно ему, возбуждать религіозный фанатизмъ, опасное дѣйствіе котораго они могли замѣтить особенно у покоренныхъ ими мусульманскихъ народовъ Азіи.

Послѣ Ярослава Ярославича великимъ княземъ сталъ третій братъ Невскаго *Василій Ярославичъ* Костромской (1272 — 1276), а затѣмъ долго спорили за первенство два сына Александра Невскаго (Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій), призывая себѣ на помощь даже татарскіе отряды, грабежи которыхъ только усиливали бѣдствія междоусобицы (1276—1304).

На западѣ шведы и литовцы по смерти Александра снова стали безпокоить Новгородъ и Псковъ. Новгородцы съ успѣхомъ отбивались отъ враговъ. Особенно памятна упорная битва при *Раковорѣ* (Везенбергѣ), гдѣ русскіе князья нанесли сильное пораженіе ливонцамъ (1268). А Псковъ отъ литвы и ливонскихъ рыцарей мужественно и успѣшно, въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, защищалъ любимый псковичами доблестный *Довмонтъ* (въ св. крещеніи Тимофей), литовскій князь, перешедшій на сторону русскихъ. Своимъ мечомъ онъ послужилъ Пскову такъ же, какъ Александръ Невскій Новгороду, и подобно ему былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Даніилъ Галицкій и судьба южной Руси. Послѣ нашествія татаръ южная Русь находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости людей; литовцы свободно разбойничали въ Приднѣпровьи, истребляя и послѣднее, что осталось отъ татаръ. Уцѣлѣвшее отъ татаръ населеніе Кіевской области, угнетаемое баскаками, разбѣгалось или въ сѣверо-восточныя русскія области, гдѣ возстановился уже нѣкоторый порядокъ, или на западъ, въ Галицію, которая быстрѣе другихъ южныхъ областей успѣла оправиться отъ погрома, благодаря дѣятельности своего князя *Даніила Романовича* (1229 — 1263). Во время Батыева нашествія, видя невозможность сопротивленія, Даніилъ бѣжалъ въ Венгрію, а по уходѣ татаръ воротился въ свое княжество и всѣми силами старался загладить въ Галиціи слѣды татарскаго нашествія. Онъ возобновлялъ разрушенные и строилъ новые города, созывалъ разбѣжавшихся жителей и разными льготами привлекалъ въ Галицію колонистовъ-нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, евреевъ, а также жителей Кіевской области. Быстро поднялась

въ Галиціи промышленность и торговля. Эта умная хозяйственная распорядительность Даніила, это умѣнье утѣшить и поднять народъ въ бѣдствіи высоко поставили Даніила во мнѣніи современниковъ. Въ самомъ разгарѣ устроительной дѣятельности Даніила пришло къ нему отъ Батыя грозное требованіе покорности: „дай Галичъ!“ Долго колебался Даніилъ, но города Галиціи еще не были укрѣплены, пестрое населеніе княжества, наполовину состоявшее изъ инородцевъ и иновѣрцевъ, подавало мало надежды въ дѣлѣ борьбы съ внѣшними врагами. Скрѣпя сердце, поѣхалъ Даніилъ, послѣдній изъ русскихъ князей, въ Орду представляться хану, выполнилъ тамъ всѣ унизительныя церемоніи, становился на колѣна и кланялся хану и его женѣ, пилъ кумысъ, которымъ любезно угощалъ его ханъ. Послѣдній былъ доволенъ покорностію такого знаменитаго и сильнаго князя, какимъ былъ Даніилъ, владѣвшій Кіевомъ, Волынью и Галичемъ, принялъ его милостиво и утвердилъ за нимъ отцовскія владѣнія. Но эта милость для гордаго князя, ни предъ кѣмъ доселѣ не унижавшагося, была тяжелѣе обиды. „О, злѣе зла честь татарская!“ восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ.

Завѣтной мечтою Даніила стало теперь освобожденіе отъ татарскаго ига, и онъ сталъ къ тому готовиться—укрѣплялъ города Галиціи, искалъ себѣ союзниковъ въ Западной Европѣ, надѣялся даже возбудить общій крестовый походъ противъ татаръ. Съ этой цѣлью онъ завелъ сношенія съ папой, подавая ему надежду на соединеніе церквей подъ его главенствомъ (унію), если только получитъ помощь противъ татаръ. Папа очень обрадовался, прислалъ Даніилу королевскій вѣнецъ, писалъ въ разныя стороны о необходимости крестоваго похода противъ татаръ. Но посланія папскія уже не имѣли прежняго значенія въ глазахъ государей Европы, и Даніилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ, удержавъ, однако, королевскій титулъ за собою. Онъ готовился было однѣми собственными силами свергнуть иго, но татары не дозволяли ему строить укрѣпленій, а возведенныя уже въ нѣкоторыхъ городахъ стѣны приказали разрушить. Даніилъ вынужденъ былъ смириться.

Но неудачи въ борьбѣ съ татарами возмѣщались за то побѣдами надъ другими сосѣдями Галиціи—литовцами и ятвягами, которыхъ Даніилъ привелъ въ зависимость отъ себя. Эти побѣды доставили ему громкую славу между современниками *).

*) Даніилъ принималъ участіе и въ событіяхъ Зап. Европы. Такъ онъ въ союзѣ съ венграми велъ борьбу съ чехами за австрійское герцогство и даже разсчитывалъ посадить на австрійскомъ престолѣ своего сына Романа; попытка, однако, не удалась вслѣдствіе обмана венгерскаго короля.

Даніилъ скончался въ 1264 г.

Въ отношеніяхъ къ татарамъ знаменитыхъ современниковъ— Александра Невскаго и Даніила Галицкаго ясно обрисовывается разность въ характерѣ этихъ двухъ выдающихся „страдальцевъ за Русскую землю“, изъ коихъ первый можетъ служить лучшимъ представителемъ типа сѣверныхъ князей, а второй — южныхъ. Оба несомнѣнно одинаково горячо любили свою родину, оба славились своей храбростью и своими побѣдами. Но Александръ подчинялъ влеченія чувства голосу разсудка и прямо, безъ всякой мысли о сопротивленіи, смирялся предъ татарами, пытаясь лишь заложить основу для освободительной работы будущаго поколѣнія. Даніилъ, наоборотъ, не могъ снести униженія и, повинуясь горячему чувству, торопился самъ лично начать дѣло сверженія ига, мечталъ поднять всю Европу, и горькимъ опытомъ, послѣ ряда разочарованій и безплодной работы, пришелъ къ той же мысли, которая служила исходнымъ пунктомъ дѣятельности Александра,— что нечего еще и думать о сопротивленіи татарамъ.

По смерти Даніила и брата его Василька (съ которымъ онъ жилъ въ безпримѣрной, особенно по тому времени, дружбѣ, за что и получилъ отъ современниковъ, подобно Мономаху, лестное прозваніе „братолюбца“), Галиціей и Волынью владѣли ихъ сыновья и внуки. Усобицъ между ними было меньше, чѣмъ у другихъ князей, оттого они довольно удачно оборонялись отъ поляковъ и литовцевъ, забиравшихъ въ эту пору большую силу; менѣе другихъ приходилось имъ раболѣпствовать и предъ татарами, не очень тѣснившими отдаленную Галицію и ея сильныхъ князей. Но окраинное положеніе Галиціи между сильными сосѣдями и въ удаленіи отъ главнаго центра русской народности не позволило нашимъ князьямъ удержать въ своемъ владѣніи эту исконную русскую страну и, когда родъ Даніила пресѣкся, поляки (при Казимірѣ III) присоединили къ себѣ Галицію (1349), не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія со стороны разноплеменнаго населенія галицкихъ городовъ и боярства, не разъ уже продававшаго интересы родины чужеземцамъ ради личныхъ выгодъ. А Волынь захватили сильные князья литовскіе, объединившіе подъ своею властію почти всю юго-западную Русь.

Объединеніе юго-западной Руси подъ владычествомъ Литвы.

Литовское племя. Въ лѣсистой и болотистой мѣстности у Балтійскаго моря, по нижнему теченію Западной Двины, Нѣмана и Вислы издавна обитали литовцы. Они дѣлились на нѣсколько мелкихъ племенъ, между которыми выдѣляются четыре главныя группы: 1) собственно *литва* и жмудь; 2) *латыши* (съ примыкающими къ нимъ племенами—корсь и зимигола); 3) *пруссы* и 4) *ятвяги* (съ сосѣднимъ племенемъ голядью *). Изъ всѣхъ арійскихъ племенъ литовцы стояли

*) Латыши иначе звались лѣтьгола, корсь или куроны. Жмудь въ лит. формѣ „Самогитія“, Зимигола—„Семигалія“.

всего ближе къ славянамъ по языку и вѣрованіямъ. Отдѣленные отъ другихъ народовъ лѣсами и болотами, они долго сохраняли первобытную дикость, не сближаясь съ сосѣдями и только въ XIII в. выступаютъ въ исторіи какъ самостоятельный народъ и образуютъ отдѣльное государство.

Бытъ и нравы литовцевъ до XIII в. Литвины были люди крѣпкаго, мускулистаго сложенія, бѣлолицые, съ свѣтлыми волосами и голубыми глазами. Въ домашнемъ быту отличались добродушіемъ и гостепріимствомъ; на войнѣ были суровы и хищны, какъ и всѣ полудикія племена. Занимались они по преимуществу охотой въ своихъ дремучихъ пущахъ, изобиловавшихъ множествомъ всякихъ звѣрей. Питались мясомъ звѣрей, рыбой, конипой; обычнымъ напиткомъ было молоко кобылицъ. Обстановка и условія жизни у нихъ были самыя простыя: они жили въ земляныхъ или въ бревенчатыхъ дымныхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ лучинами, съ окнами, затянутыми звѣриной кожей. Какъ и у другихъ народовъ, жившихъ въ родовомъ быту, у нихъ существовалъ обычай кровной мести, сопровождавшійся проявленіями большой жестокости. Женъ они покупали и держали ихъ въ рабскомъ состояніи. Въ случаѣ голода прежде всего убивали женщинъ. Отецъ имѣлъ право убивать своихъ больныхъ дѣтей, а дѣти—старыхъ и больныхъ родителей, какъ лицъ, которыя служатъ въ тягость и себѣ и другимъ, а въ загробной жизни будутъ веселиться съ богами.

Литовцы дробились на мелкія независимыя одно отъ другого владѣнія и общины, во главѣ которыхъ стояли князья (кунигасы), сильно, однако, ограниченные въ своей власти вліяніемъ жрецовъ и проявлявшіе свою силу и значеніе только во время войны. Племенную связь между этими разрозненными поселками поддерживали общіе нравы, языкъ и особенно вѣрованія. Религія литовцевъ имѣла не мало общаго со славянской и состояла въ поклоненіи силамъ и явленіямъ природы, которую литовцы населяли массою божествъ разнаго рода. Главнымъ божествомъ былъ Перкунъ, богъ молніи и грома, предъ идоломъ котораго горѣлъ неугасимый огонь. Религіозное усердіе литвиновъ выражалось обильными жертвоприношеніями животныхъ, каковы лошадь, быкъ, козелъ и др. Приносили и человѣческія жертвы - плѣнниковъ или дѣтей. Иногда старцы, больные и увѣчные заживо всходили на костеръ и сожигались, считая такую смерть самою пріятною богамъ. Жрецы (вайделоты, высшіе изъ нихъ назывались кривейты) пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ, особенно же главный жрецъ и верховный судья—Криве-кривейто (т. е. жрецъ жрецовъ). Не только ему, но даже человѣку, посланному съ его палкой или шапкой, безпрекословно повиновались. Онъ обыкновенно кончалъ жизнь свою самосожженіемъ. Какъ верховный, такъ и другіе жрецы должны были вести безбрачную жизнь. Кромѣ того были жрицы (вайделотки), вѣщія дѣвы, занимавшіяся знахарствомъ, гаданіями и леченіемъ.

Погребальные обычаи Литвы сходны были съ славянскими. Вѣря въ загробную жизнь и считая ее продолженіемъ земной, литовцы сожигали покойниковъ съ ихъ любимыми вещами, конемъ, оружіемъ и даже рабами. Погребеніе сопровождалось пиршествомъ.

Образованіе Литовскаго государства. Бѣдная страна литовцевъ съ ея непроходимыми болотами представляла собой мало привлекательнаго для сосѣдей (нѣкоторые поселки, по свидѣтельству лѣтописцевъ, могли платить дань только лыками да вѣниками). Но иногда сами литовцы предпринимали набѣги на болѣе зажиточныхъ сосѣдей, т. е. поляковъ

и русскихъ. Особенно отличались этимъ безпокойные и воинственные ятвяги и (вмѣстѣ съ голядью) въ XIII в. были почти всѣ истреблены русскими и поляками. Въ то же время латыши (съ корсью и зимиголой) были завоеваны меченосцами, а пруссы порабощены были тевтонами. Соединившись затѣмъ въ одинъ орденъ и обративъ населеніе въ крѣпостное состояніе, нѣмецкіе рыцари стали силою обращать туземцевъ въ христіанство и пытались ихъ онѣмечить. Въ виду этого, съ цѣлію отпора грозному врагу, изъ остальныхъ литовскихъ племенъ два: жмудь и собственно литва, начали выходить изъ своего раздробленія на мелкія княженія и общины и собираться въ одинъ народъ. Власть военныхъ вождей или княжеская беретъ теперь перевѣсъ надъ сильнымъ у литовцевъ жречествомъ, особенно когда во главѣ литовскихъ князей явился *Миндовгъ*, по словамъ современниковъ, „хищный какъ волкъ и хитрый какъ лисица". Онъ истребилъ или изгналъ изъ Литвы большинство другихъ князей и объединилъ литву и жмудь подъ своею властію, положивъ тѣмъ начало сильному Литовскому княжеству.

Еще раньше литовцы отняли у слабыхъ *полоцкихъ* князей часть области, теперь Миндовгъ, пользуясь разгромомъ Руси отъ татаръ, захватилъ въ свои руки землю *Городненскую* съ ближними городами (такъ называемую Черную Русь), но дальнѣйшимъ его успѣхамъ помѣшали побѣды Александра Невскаго и Даніила Галицкаго. Угрожаемый въ то же время со стороны ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ прибѣгъ къ небывалому маневру. Онъ заявилъ, что желаетъ принять католичество, и дѣйствительно торжественно крестился. Обрадованный папа прислалъ Миндовгу королевскую корону. Усыпивъ бдительность врага, Миндовгъ втайнѣ подготовилъ возстаніе среди пруссовъ и, затѣмъ, сбросивъ съ себя личину христіанина, вторгся съ большимъ ополченіемъ во владѣнія рыцарей и разбилъ ихъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, сжигая плѣнныхъ во славу языческихъ боговъ...

Посреди своихъ успѣховъ Миндовгъ былъ убитъ (1263) однимъ изъ родственниковъ *), у котораго онъ отнялъ жену. Но борьба Литвы съ нѣмецкими рыцарями затянулась надолго, продолжаясь и при его преемникахъ, и приняла крайне ожесточенный характеръ **).

По смерти Миндовга въ Литвѣ настали смуты и борьба князей за первенство, что, разумѣется, ослабляло силу вновь возникшаго княжества. Конецъ этимъ смутамъ положилъ *Гедиминъ*, истинный основатель могущества Литвы. При немъ началось

Присоединеніе юго-западной Руси къ Литвѣ.

Гедиминъ (1315—1340) искусно воспользовался обстоятельствами, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Продолжая борьбу оружіемъ съ главными врагами Литвы—нѣмцами, онъ держался иной политики по отношенію къ сосѣднимъ русскимъ князьямъ, изъ коихъ

---

*) Довмонтомъ, впослѣдствіи княземъ псковскимъ.

**) Разъ, напр., литовцамъ пришлось сдать свой замокъ (Полангенъ въ 1336 г.) превосходному по силѣ врагу. Предпочитая смерть нѣмецкой неволѣ, защитники перебили своихъ женъ и дѣтей и затѣмъ стали убивать другъ друга. Послѣднимъ убилъ самъ себя начальникъ крѣпости и одна старуха, вмѣстѣ съ нимъ отрубившая головы сотнѣ воиновъ. Рыцари встрѣтили подъ сводами замка только груды тѣлъ...

многіе, по своей слабости, искали опоры у сильнаго литовскаго князя. Жители ближайшихъ русскихъ областей также готовы были предпочесть легкое сравнительно литовское господство тяжелому татарскому игу. Съ другой стороны среди самихъ литовцевъ начиналось тяготѣніе ко всему русскому—они подпадали подъ вліяніе народа, выше ихъ стоявшаго по развитію и гражданственности; русскій языкъ и нравы стали прививаться въ Литвѣ. Гедиминъ шелъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ. Онъ выказывалъ большое расположеніе къ русскимъ, проявлялъ даже склонность къ православной вѣрѣ, не препятствуя своимъ дѣтямъ креститься и вступать въ браки съ православными. Самъ онъ былъ дважды женатъ на русскихъ и православныхъ женахъ. Русскимъ князьямъ, переходившимъ къ нему въ подручники, онъ предоставлялъ управленіе ихъ прежними областями, ничѣмъ не нарушая прежняго внутренняго устройства областей и оставляя древнія права православному духовенству. Многіе русскіе города сдались ему добровольно. Благодаря этому, а также своимъ родственнымъ связямъ, онъ присоединилъ къ Литвѣ земли *Витебскую* и *Волынскую* и поставилъ въ зависимость отъ себя *Кіевъ* съ его областью *). Съ захваченными еще до Гедимина Полоцкой областью и землей Городненской (Гродно) русскія области, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходили теперь объемомъ земли собственно литовскія; самая дружина Гедимина состояла въ значительной части изъ русскихъ людей. Гедиминъ и называлъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. Столицей онъ сдѣлалъ вновь построенный имъ городъ *Вильно*, тоже ставшій въ значительной степени русскимъ городомъ. Здѣсь былъ уже православный храмъ. Не стѣсняя православныхъ, Гедиминъ такую же вѣротерпимость проявлялъ и къ католикамъ, которые даже основали въ Вильнѣ два монастыря. Сознавая все превосходство христіанства, самъ онъ, однако, не принялъ ни православія, ни католицизма (что неудачно предлагалъ ему папа), такъ какъ этимъ онъ раздражилъ бы язычниковъ-литовцевъ и не угодилъ бы или католикамъ, или православнымъ своимъ подданнымъ. Такъ онъ и умеръ язычникомъ въ 1340 году, во время борьбы съ нѣмцами, раненый пулей при осадѣ одного замка. Тѣло князя, по древнему литовскому обычаю, сожжено было на кострѣ вмѣстѣ съ его боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ.

Гедиминъ еще при жизни раздѣлилъ свои владѣнія на удѣлы между сыновьями, и послѣ его смерти начались усобицы. Самые предпріимчивые и даровитые сыновья Гедимина *Ольгердъ* и *Кейстутъ*, связанные взаимной неразрывной дружбой, побѣдили остальныхъ братьевъ и раздѣлили между собой литовскую землю. Храброму язычнику Кейстуту достались пограничныя съ нѣмцами области—Жмудь съ ближайшими городами, откуда онъ совершалъ безпрерывные набѣги на земли ливонскаго ордена; а Ольгерду — восточная половина княжества съ г. Вильно и преимущественно русскія области. Послѣдній принялъ и титулъ великаго князя.

---

*) Кіевская область и Волынь (послѣ борьбы съ Польшей) окончательно присоединены къ Литвѣ при преемникѣ Гедимина—Ольгердѣ.

Ольгердъ (1345—1377) былъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Умный и въ высшей степени осторожный и скрытный человѣкъ, и въ то же время необычайно дѣятельный и воинственный, онъ продолжалъ политику Гедимина и докончилъ подчиненіе южной Руси. Воспользовавшись неурядицами въ Ордѣ, онъ отнялъ у татаръ земли *Черниговскую, Сѣверскую* и *Подольскую*, и отодвинулъ далеко въ степи татарскія орды, опоясавъ границу рядомъ укрѣпленій. Онъ имѣлъ вліяніе на дѣла въ Псковѣ и Новгородѣ, простиралъ свои виды даже на Смоленскую область и имѣлъ по этому поводу неоднократныя, хотя и оставшіяся безъ результата, столкновенія съ московскими князьями, собиравшими около себя сѣверо-восточную Русь.

Такимъ образомъ при Ольгердѣ почти вся юго-западная Русь объединилась подъ властію литовскаго князя, освободившись вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ владычества татаръ. Сама Литва составляла теперь лишь незначительную сравнительно часть обширнаго литовско-русскаго княжества. Русскіе нравы и обычаи распространялись теперь все болѣе и болѣе среди литовцевъ; русскій языкъ сдѣлался господствующимъ при дворѣ и языкомъ государственныхъ актовъ; значительно увеличилось и число православныхъ, особенно въ верхнихъ слояхъ литовскаго народа, т. е. въ княжеской семьѣ и дружинѣ. Обѣ жены Ольгерда были православныя и дѣтей воспитывали въ православіи. Самъ Ольгердъ крестился еще въ молодости, хотя изъ политическихъ разсчетовъ и утаивалъ это. Передъ смертію онъ постригся даже въ схиму. Хотя на ряду съ православіемъ водворилось въ Литвѣ и католичество, но народъ относился къ нему съ большой нетерпимостію, какъ къ „нѣмецкой вѣрѣ“, и неоднократно избивалъ католическихъ монаховъ.

Ягелло или Ягайло (1377—1434), котораго Ольгердъ, умирая, назначилъ великимъ княземъ литовскимъ помимо старшихъ братьевъ и дяди Кейстута, коварнымъ образомъ умертвилъ этого престарѣлаго героя литовско-нѣмецкой борьбы и выгналъ изъ Литвы старшихъ братьевъ. Остальные признали его власть надъ собою, довольствуясь небольшими удѣлами. Литовская удѣльная система, по которой великій князь былъ дѣйствительнымъ главою остальныхъ князей, обязанныхъ по отношенію къ нему извѣстными служебными отношеніями, предоставляла Ягелло большій просторъ въ дѣйствіяхъ сравнительно съ русскими великими князьями. Благодаря этому, предшественники Ягелло могли одновременно и бороться съ нѣмцами, и отбивать у татаръ южную Русь, а самъ Ягелло могъ питать надежды на успѣхъ въ дальнѣйшемъ присоединеніи русскихъ областей, и въ борьбѣ съ другой объединительницей Руси—Москвой. Взаимныя отношенія Литвы и Москвы, въ свою очередь, благопріятствовали если не первенству литовскихъ князей, то объединенію Руси сѣверо-восточной и юго-западной. Литва видимо стояла на пути къ обрусѣнію. О князьяхъ литовскихъ, по языку, вѣрѣ и родственнымъ связямъ близкихъ съ русскими, сложилась на Руси даже легенда, что они происходятъ отъ полоцкихъ князей. Новгородъ, Псковъ и другіе города вступали въ союзъ съ Литвой, русскіе удѣльные князья и бояре переходили на службу въ Литву, литовскіе—въ Москву, вовсе не думая, что подчиняются иноземной

силѣ. Сліянію Литвы съ Москвой помѣшало однако событіе, существенно измѣнившее положеніе русской народности и православія въ литовскомъ краѣ и надолго отсрочившее соединеніе юго-западной и сѣверо-восточной Руси. То было

Соединеніе Литвы съ Польшей.

Польское государство составилось изъ славянъ, обитавшихъ по Вислѣ и ея притокамъ, и возникло почти одновременно съ русскимъ. Поляки по своему происхожденію, по правамъ и языку въ первое время мало отличались отъ русскихъ. Изъ княжескихъ фамилій, господствовавшихъ въ Польшѣ, возвысилось потомство *Пястовъ*. При одномъ изъ нихъ (Мечиславѣ), женатомъ на нѣмецкой принцессѣ, въ Польшѣ усилилось вліяніе нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось христіанство по обряду римско-католическому (X в.), что впослѣдствіи, съ раздѣленіемъ церквей, породило рознь въ отношеніяхъ польскаго населенія къ другимъ его славянскимъ собратіямъ. Мечиславъ призналъ себя даже вассаломъ германскаго императора. Сынъ его *Болеславъ Храбрый* (997—1025) уничтожилъ зависимость Польши отъ Германіи и возстановилъ единодержавіе въ странѣ, принявъ королевскій титулъ.

Удачными войнами онъ широко раздвинулъ предѣлы Польши — завоевалъ Померанію, Моравію, Силезію и Червонную Русь или Галицію, которую отнялъ у сыновей св. Владиміра. При его преемникахъ Польша раздѣлилась на удѣлы съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого—усобицами и смутами. Бояре (магнаты) и духовенство воспользовались этимъ, постарались забрать власть въ свои руки и присвоили себѣ даже право выбирать на польскій престолъ королей. Въ періодъ этихъ смутъ утрачены были завоеванія Болеслава Храбраго и Польша обезсилѣла до того, что не могла справиться даже съ литовскимъ племенемъ — пруссами. Для защиты отъ нихъ одинъ изъ польскихъ удѣльныхъ князей (Конрадъ Мазовецкій) призвалъ Тевтонскій орденъ (1225). Тевтонцы покорили пруссовъ, но въ свою очередь стали грозой для самой Польши. Нашествіе монголовъ и набѣги объединившейся Литвы довершили бѣдствія, постигшія Польшу. Только съ возстановленіемъ единодержавія въ половинѣ XIV в. (при Владиславѣ I Локеткѣ, „обновителѣ и воскресителѣ Польши“), положеніе дѣлъ улучшилось и начинается постепенное возвышеніе польскаго государства. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи царствованіе (преемника Владислава Локетка)— *Казимира III Великаго* (1333—1370), прославившагося своими законами, устройствомъ внутреннихъ дѣлъ государства и основаніемъ университета въ своей столицѣ—Краковѣ. Воспользовавшись смутами въ Галичѣ, Казимиръ присоединилъ къ Польшѣ эту богатую русскую область. По смерти бездѣтнаго Казимира возникъ вопросъ о соединеніи Литвы и Польши подъ властію одного государя. Внутреннее состояніе Польши представлялось въ это время въ такомъ видѣ. Король не имѣлъ ни большой власти, ни такой силы, какъ литовскіе князья, и во многомъ зависѣлъ отъ сейма или собранія депутатовъ отъ дворянства (магнатовъ и шляхты) и духовенства. Шляхта и духовенство играли первую роль во всемъ и добивались еще большихъ привилегій. Торговля и промышленность находились въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ, составлявшихъ большинство городского сословія. Крестьяне или „хлопы“ по-

степенно теряли всѣ права и даже Казимиръ В., прозванный „королемъ хлоповъ“ за желаніе быть справедливымъ ко всѣмъ сословіямъ, содѣйствовалъ ихъ закрѣпощенію у „пановъ“. Православныхъ жителей русскихъ городовъ, попавшихъ во владѣніе Польши, духовенство польское старалось обратить въ католичество, что усиливало непріязнь между представителями разныхъ исповѣданій въ краѣ.

Во второй половинѣ XIV в. (со смертію Казимира III) въ Польшѣ прекратилась династія Пястовъ, изъ которой доселѣ выбирали королей. Корона перешла сначала къ племяннику послѣдняго изъ Пястовъ—королю Венгерскому (Людовику), а затѣмъ досталась дочери его *Ядвигѣ*. Всесильные въ Польшѣ магнаты и духовенство предложили ея руку великому литовскому князю Ягелло, разсчитывая при этомъ достигнуть разомъ двухъ цѣлей—избавиться отъ нападеній одного опаснаго сосѣда и найти союзника для борьбы съ другимъ врагомъ—Тевтонскимъ орденомъ. Духовенство кромѣ того разсчитывало не только обратить литовцевъ въ католицизмъ, но утвердить свое вліяніе и въ Западной Руси. Ягелло былъ очень польщенъ такимъ предложеніемъ, выгоднымъ и для Литвы въ ея борьбѣ съ тевтонами, и охотно согласился принять католичество и крестить свой народъ. Провозглашенный на сеймѣ польскимъ королемъ подъ именемъ Владислава II, Ягелло въ 1386 году прибылъ въ Краковъ, торжественно перешелъ изъ православія (въ которомъ былъ воспитанъ своею матерью) въ католицизмъ и женился на Ядвигѣ. Вслѣдъ затѣмъ новый король въ сопровожденіи польскаго католическаго духовенства прибылъ въ Вильно. Древній огонь литовскаго бога-громовника Перкуна былъ погашенъ, башни, съ которыхъ жрецы возвѣщали народу свои прорицанія, разрушены, заповѣдныя рощи срублены. Видя, что униженные боги безмолвствуютъ, бѣдные литвины смирились предъ волей короля, подкрѣпленной военной силой, и стали креститься, хотя и не понимали новой вѣры, проповѣдуемой на непонятномъ языкѣ. Всѣмъ новокрещеннымъ выдавали свитки изъ бѣлаго сукна и красивую обувь, и многіе изъ нихъ ради этого приходили креститься по нѣскольку разъ... Духовенство затѣмъ приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы прочно утвердить насажденное такимъ путемъ католичество. Вмѣстѣ съ вѣрою стало проникать въ Литву на смѣну русскому и вліяніе польской образованности, польскихъ нравовъ и обычаевъ.

Ягелло попытался, по совѣту польскаго духовенства, распространить католичество и въ русскихъ областяхъ Литвы, но вызвалъ этимъ всюду сильное негодованіе. Литовцы также были недовольны королемъ, который поселился въ Краковѣ и окружилъ себя польской аристократіей. Этимъ воспользовался двоюродный братъ Ягелло, такъ же, какъ и онъ, измѣнившій православію, — *Витовтъ* (сынъ Кейстута), и при содѣйствіи тевтонскихъ рыцарей, которые рады были случаю ослабить своихъ враговъ, попытался образовать изъ Литвы и Зап. Руси особое владѣніе. Послѣ безплодной борьбы съ соперникомъ и въ виду общаго сочувствія литовцевъ къ Витовту, Ягелло вынужденъ былъ уступить и призналъ Витовта великимъ княземъ Литвы (1392), но съ тѣмъ, чтобы верховная власть надъ Литвою принадлежала польскому королю.

Витовтъ, князь очень рѣшительный и неразборчивый въ сред-

ствахъ, старался всѣми мѣрами увеличить свое княжество на счетъ сѣверо-восточной Руси. Воспользовавшись междоусобіями смоленскихъ князей, онъ присоединилъ къ Литвѣ *Смоленскую* область. Несмотря на то, что дочь его (Софія Витовтовна) была замужемъ за московскимъ княземъ Василіемъ I, онъ велъ постоянную борьбу съ Москвою. Витовтъ попытался даже воспользоваться возникшими въ Золотой Ордѣ неурядицами, пріютилъ у себя изгнаннаго оттуда хана Тохтамыша и обѣщалъ снова посадить его въ Сараѣ съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ его въ Москвѣ. Витовтъ дѣйствительно собралъ громадное ополченіе и вмѣстѣ съ Тохтамышемъ двинулся на Орду, но на берегахъ *Ворсклы* (1399) потерпѣлъ страшное пораженіе отъ татарскаго мурзы Эдигея. Послѣ этого онъ поневолѣ оставилъ свои притязанія на Москву и другія русскія области и по взаимному соглашенію границей между двумя княжествами назначена была рѣка Угра.

Неудача на Ворсклѣ заставила Витовта снова сблизиться съ Ягелло на условіяхъ болѣе тѣснаго единенія Литвы и Польши. Результатомъ соглашенія явился совмѣстный походъ на безпокойныхъ сосѣдей Литвы и Польши—тевтонскихъ рыцарей. Грозное девяностотысячное войско рыцарей было почти совсѣмъ истреблено поляками, литовцами и русскими въ знаменитой битвѣ при *Таннебергѣ* (въ Пруссіи, въ 1410 г.). Тутъ палъ самъ великій магистръ ордена со множествомъ рыцарей. Героемъ побѣды явился Витовтъ. Послѣ этого пораженія орденъ уже не могъ оправиться и при преемникѣ Ягелло (Казимирѣ IV) призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши (1466).

Совмѣстныя дѣйствія противъ тевтоновъ и предшествовавшее имъ соглашеніе завершились вскорѣ (1413) съѣздомъ (на *сеймѣ въ Городнѣ* на р. Бугѣ) съ одной стороны—Ягелло съ польскими панами, съ другой—Витовта съ знатнѣйшими литвинами. Составленъ былъ торжественный актъ уніи (соединенія) Литвы съ Польшей. Между прочимъ положено было представителямъ обоихъ народовъ съѣзжаться впредь на общіе сеймы для выбора королей польскихъ и для рѣшенія общихъ дѣлъ, а литовскому дворянству даны были владѣльческія права и привилегіи польской шляхты и усвоены польскіе гербы. Преимущества эти, возвышавшія литовское дворянство по образцу польскаго и прокладывавшія дальнѣйшій путь вліянію Польши, давались, однако, *только* католикамъ. Православіе такимъ образомъ было явно принижено.

Витовту не нравилась зависимость русскихъ областей Литвы въ церковномъ отношеніи отъ московскаго митрополита, и онъ хлопоталъ въ Константинополѣ о назначеніи сюда особаго митрополита, но получилъ отказъ. Тогда онъ велѣлъ собору западно-русскихъ епископовъ избрать на кіевскую митрополію ученаго болгарина Григорія Цамблака (1415 г.). Отдѣленный отъ остальной Руси въ политическомъ отношеніи, юго-западный край обособился теперь и въ дѣлахъ церкви *).

Не могъ примириться властолюбивый и гордый своими побѣдами Витовтъ и съ той политической зависимостью, въ какую всетаки по-

---

*) Послѣ Цамблака временно объединилъ обѣ половины митрополитъ Фотій. Но затѣмъ раздѣленіе утвердилось.

ставило Литву и ея вел. князя соглашеніе съ Польшей и сталъ, съ согласія папы, хлопотать о полученіи изъ рукъ германскаго императора Сигизмунда королевскаго титула. Но поляки перехватили императорскихъ пословъ, везшихъ скипетръ и корону. Папа также принялъ сторону поляковъ. 84-лѣтній Витовтъ, созвавшій уже многихъ почетныхъ гостей на свое коронованіе, былъ страшно раздосадованъ и огорченъ этой неудачей и скоро умеръ (1430 г.).

Послѣ Витовта Литва иногда имѣла отдѣльнаго князя изъ рода Ягеллоновъ, но большею частію соединялась съ Польшей подъ властію одного короля.

Объединеніе сѣверо-восточной Руси около Москвы.

Въ то время, какъ юго-западная Русь объединялась подъ владычествомъ Литвы, Русь сѣверо-восточная собиралась въ одно цѣлое подъ главенствомъ Москвы.

Москва основана, по преданію, Юріемъ Долгорукимъ*). Впервые этотъ городъ (какъ уже существующій и, слѣдовательно, основанный ранѣе) упоминается лѣтописью подъ 1147 годомъ (когда Юрій принималъ здѣсь и угощалъ одного изъ князей Сѣверскихъ, Святослава Ольговича, своего союзника въ борьбѣ съ Изяславомъ II Кіевскимъ). Названіе свое онъ получилъ отъ рѣки, на которой расположенъ (слово „Москва“ по-фински значитъ мутная вода). Выгодное по тому времени торгово-промышленное положеніе Москвы на пограничьѣ Суздальской области съ владѣніями Рязанскими, Черниговскими и Смоленскими, на перекресткѣ водныхъ торговыхъ путей изъ южной Руси въ сѣверо-восточную и изъ юго-восточныхъ областей на сѣверозападъ**), рано сдѣлало городъ средоточіемъ особаго удѣльнаго княжества.

---

*) Преданіе разсказываетъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Кучки, котораго Юрій казнилъ за какую-то вину, а помѣстье его присвоилъ себѣ. Мѣстность ему понравилась, и онъ велѣлъ построить городокъ на холмѣ Боровицкомъ, при впаденіи рѣки Неглинной въ Москву-рѣку (т. е. тамъ гдѣ находится теперь Кремль). Найденные здѣсь недавно остатки языческихъ кладбищъ и разные предметы доисторическаго быта показываютъ, что въ этой мѣстности существовали финскія поселенія уже въ глубокой древности. Нѣкоторые изслѣдователи и самое основаніе здѣсь города славянскими поселенцами относятъ къ эпохѣ утвержденія христіанства и русской народности въ Залѣсьѣ, т. е. къ первой половинѣ XI вѣка; Юрій же, по ихъ предположенію, только расширилъ и укрѣпилъ Москву, почему преданіе объ основаніи города и связано съ его именемъ.

**) Главный путь изъ южной Руси въ сѣверо-восточную или изъ Чернигово-Кіевской въ Суздальскую шелъ вверхъ по Деснѣ, до Брянска, отсюда волокомъ въ Оку, далѣе по Москвѣ-рѣкѣ и отсюда сухопутьемъ въ Суздальскую область. Другой путь изъ юго-восточной Руси въ сѣверо-западную, изъ Муромо-Рязанской земли въ Новгородскую и Смоленскую направлялся къ верхней Волгѣ и верхнему Днѣпру, при чемъ Москва оказывалась въ центрѣ этихъ двухъ перекрещивающихся торныхъ дорогъ, по которымъ ходили русскіе князья съ своими дружинами и русскіе торговцы съ своими товарами.

Во время нашествія Батыя Москва съ окрестностями была разорена, при чемъ татары, по словамъ лѣтописи, взяли „много имѣнія“. Одинъ изъ первыхъ князей Москвы (младшій братъ Александра Невскаго Михаилъ „Хоробритъ“) чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что занялъ было великокняжескій столъ, безъ малѣйшаго на то права, подавая примѣръ полнаго неуваженія ко всякому родовому праву и преклоненія только предъ силою меча. Онъ, впрочемъ, вскорѣ палъ въ битвѣ съ литовцами.

Начало возвышенія Москвы относится собственно ко времени княженія въ Москвѣ младшаго сына Александра Невскаго—*Даніила*. Этотъ умный, дѣятельный князь и домовитый хозяинъ всю свою энергію употребилъ на увеличеніе и устройство своего удѣла и города. Онъ сдѣлалъ два важныя пріобрѣтенія: отнялъ у Рязанскихъ князей *Коломну*, запиравшую устье Москвы-рѣки, и уговорилъ своего бездѣтнаго племянника (Іоанна Дмитріевича) оставить ему по завѣщанію г. *Переславль* съ значительной по тому времени волостью.

Его сынъ и преемникъ *Юрій Даніиловичъ*, продолжая политику отца, отнялъ у смоленскихъ князей лежащій на верховьяхъ рѣки Москвы г. *Можайскъ* съ удѣломъ. Такимъ образомъ все теченіе Москвы-рѣки находилось теперь въ рукахъ московскихъ князей, и Юрій Даніиловичъ явился уже однимъ изъ сильнѣйшихъ князей сѣверо-восточной Руси. Онъ сталъ теперь добиваться великаго княженія, хотя правъ на это, по родовымъ понятіямъ о старшинствѣ, и не имѣлъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ соперника себѣ въ тверскомъ князѣ (Михаилѣ Ярославичѣ), который приходился ему двоюроднымъ дядей и имѣлъ всѣ права на старшинство. Тогда началась, ознаменованная большою жестокостію, упорная борьба Москвы съ Тверью. Борьба эта длилась свыше двадцати лѣтъ (1304—1328 гг.) и была окончена въ пользу Москвы уже преемникомъ Юрія, братомъ его Іоанномъ Даніиловичемъ.

Борьба Москвы съ Тверью. Добиваясь вел. княженія, Юрій московскій и Михаилъ тверской оба явились въ Орду. Перевѣсъ взялъ сначала Михаилъ. Онъ былъ богаче московскаго князя и больше могъ дать татарамъ. Его и утвердили вел. княземъ (1304—1319). Но Юрій не оставилъ своихъ притязаній. Онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Ордѣ, не щадилъ казны своей и вкрался въ такое довѣріе хана Узбека, что тотъ женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, принявшей христіанскую вѣру, и назначилъ его великимъ княземъ (1319—1326). Съ отрядомъ татаръ Юрій двинулся на своего дядю и сталъ опустошать Тверскую область, но былъ разбитъ, Кончака попала въ плѣнъ и вскорѣ умерла; прошелъ слухъ, что ее отравили. По жалобѣ Юрія, Михаила вызвали въ Орду, обвинили въ отравленіи Кончаки и звѣрски замучили

на глазахъ жестокаго племянника. Юрій торжествовалъ, но недолго: онъ погибъ въ Золотой Ордѣ отъ руки Михаилова сына Димитрія, по прозванію „Грозныя Очи". Послѣдняго за такое самоуправство Узбекъ казнилъ.

Смертію соперниковъ вражда не прекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Михаила—Александръ, съ другой—братъ Юрія—Іоаннъ Даніиловичъ по прозванію „Калита" (т. е. мѣшокъ съ деньгами, въ переносномъ смыслѣ—скопидомъ). Перевѣсъ сначала опять было взялъ тверской князь, которому и выданъ былъ ярлыкъ на великое княженіе. Но недолго (1326—1328) пришлось ему быть великимъ княземъ. Не довѣряя вполнѣ Александру, для надзора за его дѣйствіями, ханъ прислалъ въ Тверь особаго посла Чолъ-хана (или Щелкана, какъ называлъ его народъ) съ отрядомъ татаръ. Послѣдніе, какъ всегда, безчинствовали въ городѣ, позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Александръ не сумѣлъ или не хотѣлъ сдержать свой народъ и тверитяне, выведенные изъ терпѣнія, перебили свиту Чолъ-хана, а его самого сожгли вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ онъ скрылся. Ханъ страшно разгнѣвался, Тверь должно было постигнуть лютое мщеніе со стороны татаръ. Калита поспѣшилъ въ Орду и предложилъ свои услуги въ дѣлѣ наказанія Твери. Узбекъ далъ ему большое ополченіе, и Калита страшно разорилъ Тверскую область, такъ что она потомъ долго не могла поправиться. Этимъ онъ разомъ достигъ двухъ цѣлей—унизилъ и ослабилъ своего главнаго соперника и заслужилъ полное довѣріе и благоволеніе хана. Великокняжескій титулъ перешелъ теперь къ московскому князю, да такъ и сохранился уже (почти безъ перерыва) въ его родѣ и на послѣдующее время (Александръ тверской бѣжалъ въ Псковъ и затѣмъ въ Литву; оттуда онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ поѣхалъ въ Орду съ повинной; но его оговорили передъ ханомъ, и послѣдній приказалъ его казнить вмѣстѣ съ сыномъ).

Іоаннъ Калита (1328—1340) больше всѣхъ прежнихъ князей содѣйствовалъ возвышенію Москвы и объединенію подъ ея властью всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, почему и получилъ названіе „перваго собирателя русской земли". Въ его характерѣ и дѣятельности особенно ярко отразились типическія черты большинства московскихъ князей—собирателей Руси, унаслѣдованныя ими отъ предковъ—князей суздальскихъ: бережливость, разсчетливость, упорное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли (въ связи съ необыкновенною осторожностію) и, наконецъ, хозяйственная практичность. Онъ пользовался всѣми средствами къ достиженію главной цѣли — возвышенію Москвы на счетъ ея сосѣдей, хотя и рѣдко прибѣгалъ къ силѣ, развѣ уже когда была вѣрная надежда на успѣхъ. Чаще всего онъ дѣйствовалъ хитростію и безъ стѣсненія оговаривалъ своихъ соперниковъ предъ ханомъ, пользуясь всякой ихъ ошибкой. Не щадя, гдѣ было нужно, денегъ на подарки и подкупы ордынскихъ царевичей и главныхъ вельможъ, усердно

кланяясь хану и безпрекословно повинуясь волѣ его, Калита заслужилъ такое довѣріе въ Ордѣ, что ему поручали непосредственный надзоръ за другими князьями и даже наказаніе ихъ въ случаѣ ослушанія ханской волѣ. Мало того, онъ добился позволенія самому, вмѣсто баскаковъ, собирать дань ханскую („выходъ ордынскій“) съ областей сѣверной Руси и отвозить ее въ Орду. Этимъ онъ и угодилъ населенію, которое избавилось отъ притѣсненій баскаковъ, и пріумножалъ собственную казну, такъ какъ часть дани, расходившуюся прежде по карманамъ мелкихъ татарскихъ сборщиковъ, удерживалъ съ свою пользу *).

Прикопивъ немалыя деньги, онъ покупалъ въ сосѣднихъ княжествахъ у обѣднѣвшихъ князей, бояръ и монастырей земли, села и даже цѣлые города (Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ) и присоединялъ ихъ къ Москвѣ. Къ той же цѣли направлены были и родственныя связи Калиты: такъ, выдавъ двухъ дочерей своихъ за удѣльныхъ князей (ростовскаго и ярославскаго), онъ самовластно распоряжался въ ихъ областяхъ. Вліяніе свое Калита простиралъ и на богатый Новгородъ, который онъ старался при каждомъ удобномъ случаѣ прижать, чтобы, кромѣ обычныхъ сборовъ въ пользу князя, возможно болѣе получить въ счетъ дани татарамъ. Политическое значеніе Москвы поднялось теперь въ глазахъ всей Руси. У богатаго и сильнаго своими связями въ Ордѣ московскаго князя заискивали князья тверскіе, суздальскіе и рязанскіе.

Благодаря расположенію хана и сбору дани самимъ Калитой, никто не смѣлъ обижать его людей: „перестали, говоритъ лѣтописецъ, поганые воевать русскую землю, отдохнули христіане отъ насилія татарскаго, наступила тишина по всей землѣ“. Въ спокойное отъ татаръ и княжескихъ усобицъ московское княжество сталъ отовсюду стекаться рабочій людъ, бояре также охотно переходили отъ другихъ князей на службу къ московскому. Переселялись сюда и иноземцы; даже татарскіе мурзы (мелкіе князья) стали поступать на службу къ богатому московскому князю **). Земля его стала, такимъ образомъ, многолюднѣе и богаче другихъ. Москва наполнялась торговцами со всѣхъ сторонъ.

---

*) Когда князья сами стали отвозить дань въ Орду, въ перечисленіи населенія татарамъ уже не было надобности. Съ прекращеніемъ (къ концу XIII в.) дѣятельности татарскихъ численниковъ, прекратилась и несправедливая подушная подать, равная для всѣхъ и слѣдовательно тяжелая для бѣдныхъ и не могшихъ работать; князья стали брать по силѣ, т. е. по средствамъ плательщиковъ; дань бралась съ *сохъ* (извѣстное количество земли, приблизительно обработываемое съ помощію 3-хъ лошадей) и съ промысловъ, которые приравнивались къ сохѣ (напр. неводъ считался за соху, кузница также).

**) Между прочимъ поступилъ на службу къ Калитѣ и получилъ отъ него помѣстье татарскій мурза *Четъ*, въ крещеніи Захарія (предокъ Бориса Годунова).

Развивалась промышленность и торговля, умножались и доходы князя отъ пошлинъ, собираемыхъ съ купцовъ. Москва съ каждымъ годомъ все болѣе богатѣла и обстраивалась, привольнѣе стала здѣсь жизнь населенія.

Вмѣстѣ съ политическимъ и экономическимъ ростомъ Москвы при Калитѣ возвышается и ея нравственное значеніе, особенно со времени *перенесенія сюда митрополіи*. Съ упадкомъ Кіева, послѣ татарскаго погрома, митрополиты, считаясь попрежнему кіевскими, жили, однако, по большей части въ новой столицѣ вел. князей—Владимірѣ. Но когда стало падать и значеніе Владиміра, какъ стольнаго города, а великіе князья, считаясь владимірскими, тѣмъ не менѣе оставались жить въ Москвѣ, митрополиты стали подолгу проживать въ этомъ новомъ центрѣ сѣверо-восточной Руси. Митрополитъ св. Петръ особенно сблизился съ Іоанномъ Калитой, котораго любилъ за его набожность, уваженіе къ духовенству, щедрыя пожертвованія въ пользу церквей и умную хозяйственную дѣятельность въ краѣ и, склоняясь на просьбы Калиты, послѣдніе годы жизни своей провелъ въ Москвѣ. Прозорливый святитель рано оцѣнилъ возрастающее значеніе Москвы и ея князей и, предугадывая будущее возвышеніе этого города, завѣщалъ похоронить себя въ построенномъ Калитою (по образцу Владимірскаго) Успенскомъ соборѣ *). Мощи его стали потомъ одною изъ главныхъ святынь Москвы.

По словамъ житія св. Петра, онъ просилъ Калиту построить соборный храмъ и такъ говорилъ ему: „Если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься больше всѣхъ князей, и весь родъ свой, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ и руки его взыдутъ на плечи враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ“.

Преемникъ св. Петра, митрополитъ Ѳеогностъ, поселился окончательно въ Москвѣ и, подобно ему, всѣми силами помогалъ возвышенію Москвы, употребляя иногда противъ враговъ московскаго князя церковное запрещеніе (такъ, напримѣръ, онъ отлучилъ отъ церкви псковитянъ, пріютившихъ у себя соперника Калиты, тверскаго князя Александра Михаиловича, и тѣмъ заставилъ послѣдняго удалиться изъ Пскова). Сдѣлавшись мѣстопребываніемъ митрополита, который былъ одинъ на всю русскую землю, между тѣмъ какъ князей было много, Москва еще болѣе возвысилась въ глазахъ народа и заняла въ сѣверо-

*) Калита построилъ еще Архангельскій соборъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. Оба эти собора впослѣдствіи заново перестроены были при Іоаннѣ III.

восточной Руси то же мѣсто, какое нѣкогда занималъ въ южной Руси Кіевъ. Перенесеніе митрополіи давало Москвѣ видъ столицы „всея Руси“: въ нее отовсюду стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ возросло и значеніе московскаго князя, на котораго народъ привыкалъ смотрѣть какъ на главу всѣхъ другихъ князей. Встрѣчая покорность со стороны другихъ князей, и самъ Калита уже не довольствовался титуломъ „вел. князя владимірскаго“, но сталъ именовать себя „великимъ княземъ всея Руси“.

Предусмотрительный Калита старался упрочить великокняжеское достоинство за своимъ потомствомъ. При своихъ путешествіяхъ въ Орду онъ возилъ съ собою и своихъ сыновей, представляя ихъ хану, какъ вѣрнѣйшихъ его слугъ, и достигъ цѣли: великое княженіе утверждено было за его дѣтьми.

Симеонъ Гордый. Великокняжескій столъ послѣ Калиты занялъ старшій сынъ его *Симеонъ Гордый* (1340—1353). Князья тверской, суздальскій и др. пытались было оспаривать у него титулъ великаго князя, но ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу богатаго и щедраго на подарки московскаго князя. Мало того, Симеону ханскимъ ярлыкомъ „даны были (по выраженію лѣтописца) всѣ князья русскіе подъ его руки“, т. е. считались его подчиненными, подручными. Умный и рѣшительный, твердый характеромъ Симеонъ держалъ себя въ отношеніяхъ съ другими князьями властно и гордо (за что и получилъ свое прозваніе). Но по отношенію къ татарамъ Симеонъ держался политики своего отца, всячески смиряясь предъ ними; нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Орду и возвращался оттуда съ большой честью и милостью. Расположеніе хановъ къ Москвѣ при немъ еще болѣе укрѣпилось.

Симеонъ умеръ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ (36 лѣтъ) отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти *), которая изъ Азіи (изъ Китая и Индіи) перешла въ Западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ завезена въ Новгородскую область и затѣмъ распространилась по Россіи, истребивъ множество народа.

Іоаннъ II.—Преемникомъ бездѣтнаго Симеона на великомъ княженіи былъ братъ его Іоаннъ Іоанновичъ по прозванію Красный (красивый). Суздальскій князь пытался было оспаривать у него велико-

---

*) Эта чрезвычайно заразительная болѣзнь обнаруживалась кровохарканіемъ, сопровождалась сильнымъ жаромъ, ознобомъ, припуханіемъ железъ, послѣ чего на третій день слѣдовала смерть. Кожа умирающихъ покрывалась темными пятнами, отчего произошло и самое названіе болѣзни.

княжескій титулъ, но ханъ опять рѣшилъ дѣло въ пользу Москвы. Іоаннъ II (1353—1359), „кроткій, тихій и милостивый князь“ (по выраженію лѣтописи), по характеру не походилъ на своего отца и старшаго брата; удѣльные князья его плохо слушались. Едва ли бы удалось ему сохранить первенство за Москвою, если бы не помогали московскіе бояре и особенно главный совѣтникъ и руководитель его — митрополитъ Алексѣй, который часто ѣздилъ въ Орду и пользовался большимъ расположеніемъ хана.

Митрополитъ Алексѣй пользовался въ Ордѣ славою чудотворца-цѣлителя недуговъ. Когда любимая жена хана Чанибека Тайдула сильно заболѣла глазами, то ханъ написалъ великому князю въ такомъ смыслѣ: „Слышалъ я, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; пусть пріѣдетъ и помолится о моей царицѣ“. Алексѣй поѣхалъ въ Орду и, по словамъ житія, чудеснымъ образомъ исцѣлилъ Тайдулу. Впослѣдствіи, когда сынъ Тайдулы, свирѣпый Бердибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ и грозилъ походомъ на Русь, митрополитъ Алексѣй отправился въ Орду и при помощи Тайдулы сумѣлъ отвратить бѣду отъ Руси и даже получилъ отъ хана новый ярлыкъ, которымъ подтверждались прежнія льготы для русскаго духовенства, т. е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ.

После смерти Іоанна II остался малолѣтній (9 лѣтъ) сынъ его Димитрій, который не могъ самъ за себя постоять въ Ордѣ. Этимъ воспользовался суздальскій князь *Димитрій Константиновичъ* и добился у хана ярлыка на великое княженіе. Недолго однако пришлось быть ему великимъ княземъ (1359—1363). Московскіе бояре, которые со временъ Калиты привыкли первенствовать надъ другими, энергично хлопотали въ Ордѣ за Димитрія Іоанновича и при поддержкѣ митрополита св. Алексѣя добились того, что титулъ великаго князя былъ предоставленъ ханомъ снова московскому князю. Димитрій Суздальскій послѣ безуспѣшной борьбы съ Москвою, вынужденъ былъ, несмотря даже на добытый имъ вновь ярлыкъ ханскій, отказаться отъ притязаній на Владимірскій столъ и даже выдалъ потомъ дочь свою за своего бывшаго соперника.

Димитрій Донской (1363—1389).

Димитрій Іоанновичъ по своему отважному и рѣшительному характеру и по своей дѣятельности не походилъ на своего отца и дѣда. Онъ выросъ при иныхъ условіяхъ и дѣйствовалъ смѣлѣе ихъ. Значеніе и сила Москвы возросли теперь до того, что всѣ здѣсь привыкли

считать великокняжеское достоинство какъ бы неотъемлемой принадлежностію властителя Москвы, а другихъ князей сѣверо-восточной Руси обязанными ему повиноваться. Даже малолѣтство Димитрія не помѣшало ему добиваться старшинства надъ другими князьями. Руководимый боярами, еще ребенкомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, не взирая и на ярлыки ханскіе, онъ смѣло отстаивалъ права свои на великое княженіе. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ, по выраженію лѣтописи, „сталъ всѣхъ князей русскихъ приводить подъ свою волю, а которые не повиновались, на тѣхъ началъ (силою) посягать“.

Между прочимъ Димитрій „смирилъ“ ростовскаго князя, а князей стародубскаго и галицкаго даже выгналъ изъ ихъ удѣловъ. Нижнимъ-Новгородомъ онъ также распорядился по своему усмотрѣнію, заставивъ князя Бориса уступить этотъ удѣлъ Димитрію суздальскому. Князю помогало своимъ содѣйствіемъ духовенство (между прочимъ преп. Сергій, игуменъ и основатель Троицкой лавры, по порученію митрополита Алексѣя, отправился въ Нижній-Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ богослуженіе, пока Борисъ не уступилъ). Тверь и Рязань, самые значительные удѣлы въ то время, пробовали было противиться Димитрію, но послѣ долгой и упорной борьбы вынуждены были уступить, несмотря даже на то, что даровитому и мужественному тверскому князю (Михаилу Александровичу) помогалъ зять его знаменитый Ольгердъ Литовскій, три раза выступавшій походомъ противъ Москвы. Борьба съ Тверью закончилась договоромъ, по которому тверской князь признавалъ себя „младшимъ братомъ“ Димитрія и обязывался быть его неизмѣннымъ союзникомъ противъ татаръ и Литвы.

Иначе, чѣмъ Калита и его преемники, относился Димитрій Іоанновичъ и къ татарамъ. Онъ былъ представителемъ новаго поколѣнія на Руси, которому чуждъ былъ трепетъ отцовъ предъ однимъ только именемъ татаръ, которое не испытало татарскихъ нашествій и выросло, не видя даже татарскихъ сборщиковъ дани. Орда между тѣмъ видимо слабѣла вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и усобицъ и распадалась на части; иногда сразу являлось по нѣсколько хановъ, которые свергали одинъ другого. Понятно, что ярлыки быстро смѣнявшихся хановъ теряли теперь значеніе въ глазахъ князей, грозные приказы ихъ не имѣли прежняго устрашающаго дѣйствія, и въ умахъ русскихъ людей того времени созрѣвала мысль о сверженіи ненавистнаго ига, крѣпло стремленіе помѣряться силами съ лютымъ врагомъ въ открытомъ бою. Димитрій Іоанновичъ не отказался отъ этого замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властію *Мамая*, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ татаръ. Чтобы наказать Димитрія, Мамай послалъ на него большое войско. Димитрій самъ выступилъ къ нему на встрѣчу, во главѣ значительнаго ополченія, и

разбилъ татаръ на голову на берегахъ рѣки *Вожи* (притокъ Оки) въ рязанскомъ княжествѣ (1378). Эта первая большая побѣда русскихъ надъ своими поработителями послѣ долговременнаго тяжелаго ига сильно воодушевила всѣхъ на Руси. И когда вслѣдъ за тѣмъ (лѣтомъ 1380 года) разнеслась вѣсть, что Мамай въ страшной ярости грозитъ напомнить русскимъ времена Батыя, собираетъ огромныя полчища татаръ и подвластныхъ имъ народовъ и заключилъ даже союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелло, чтобы тѣмъ вѣрнѣе разгромить Московскую землю *), Димитрій не палъ духомъ, но мужественно сталъ готовиться къ встрѣчѣ съ врагомъ.

Куликовская битва. При вѣсти о движеніи Мамая вся сѣверная Русь пришла въ движеніе, со всѣхъ сторонъ стекались къ Москвѣ отряды воиновъ съ князьями во главѣ (только немногіе и между прочимъ Олегъ Рязанскій изъ боязни татаръ, первые удары которыхъ должны были пасть на его область, уклонились отъ участія въ общемъ дѣлѣ). Собралось еще небывалое на Руси ополченіе — до 150,000 человѣкъ. Получивши благословеніе отъ великаго подвижника и прозорливца, св. Сергія, основателя Троицкой лавры, обнадеженный предсказанной имъ побѣдой **), Димитрій съ войсками бодро выступилъ на встрѣчу татарскимъ ордамъ, желая тѣмъ воспрепятствовать разоренію русскихъ областей монголами и съ другой стороны предупредить соединеніе Мамая съ Ягелло литовскимъ. Войска русскія сошлись съ несмѣтными полчищами Мамая на *Куликовомъ полѣ* при впаденіи въ Донъ рѣки Непрядвы (8 сентября 1380 г.). Позиція, выбранная Димитріемъ, была удобна въ томъ отношеніи, что не позволяла Мамаю развернуть всѣ свои силы и охватить съ обѣихъ сторонъ войско русскихъ, какъ это было въ обычаѣ у татаръ; въ наиболѣе же опасномъ мѣстѣ для боя скрытъ былъ въ засадѣ, въ лѣсу, отборный запасный отрядъ подъ начальствомъ серпуховскаго князя Владиміра Андреевича и опытнаго волынскаго воеводы Димитрія Боброка. Битва началась съ утра и отличалась небывалымъ ожесточеніемъ: каждый сознавалъ, что рѣшается вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ Руси.

---

*) По словамъ одного сказанія, Мамай говорилъ своимъ сановникамъ: „Возьму русскую землю, разрушу церкви русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ поклоняться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью“.

**) Св. Сергій отпустилъ въ походъ съ Дмитріемъ двухъ своихъ иноковъ — Пересвѣта и Ослябя, которые прежде были боярами и отличались воинской доблестью. Оба пали въ битвѣ, и Пересвѣтъ въ числѣ первыхъ—на поединкѣ съ убитымъ имъ татарскимъ богатыремъ.

Всѣ дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, не уступая ни пяди земли, задыхаясь въ тѣснотѣ самой отчаянной рукопашной схватки; князья, бояре, воеводы, даже самъ великій князь сражались въ рядахъ простыхъ воиновъ *). Все поле было улито кровью и усѣяно тѣлами убитыхъ; груды труповъ мѣшали движеніямъ конницы. Пользуясь своимъ превосходствомъ въ числѣ и смертію многихъ русскихъ вождей, татары прорвали наконецъ полки русскіе, стоявшіе на лѣвой сторонѣ (лѣвый флангъ), и стали заходить въ тылъ русскому войску, тѣсня его къ рѣчкѣ Непрядвѣ... Но въ этотъ критическій моментъ на нихъ ударили въ бокъ и съ тылу запасныя русскія войска, стоявшія въ засадѣ. Татары, уже истомленные долгой битвой, не выдержали неожиданнаго натиска свѣжихъ силъ, смѣшались и обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ весь свой громадный и богатый станъ въ рукахъ побѣдителей. Русскіе преслѣдовали ихъ на протяженіи сорока верстъ... Побѣда была полная, но велики были и потери, понесенныя русскими: послѣ битвы изъ огромнаго русскаго войска едва уцѣлѣло тысячъ сорокъ... **).

Куликовская побѣда вызвала небывалую радость во всѣхъ слояхъ русскаго общества, и оставила глубокое впечатлѣніе въ умахъ современниковъ: составленъ былъ цѣлый рядъ сказаній о достопамятной битвѣ, украшенныхъ легендами о разныхъ видѣніяхъ и чудесныхъ знаменіяхъ; Димитрія прославляли, сравнивали его съ Александромъ Невскимъ, прозвали его „Донскимъ“, а Владиміра Андреевича „Храбрымъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ возросло въ высокой степени уваженіе и къ самой династіи московскаго князя, организатора побѣды надъ невѣрными. Народный духъ поднялся: ободренные успѣхомъ, русскіе перестали бояться татаръ и смотрѣть на нихъ, какъ на непобѣдимыхъ, какъ на неизбѣжное Божіе наказаніе за грѣхи. На первыхъ порахъ большинству русскихъ людей казалось даже, что насталъ конецъ владычеству татаръ на Руси. Надежда эта не оправдалась—однимъ ударомъ сломить силу могущественной еще Орды было невозможно; въ этомъ отношеніи прямыхъ послѣдствій Куликовская битва не имѣла. Тѣмъ не менѣе сила татарскаго ига была надломлена и владычество татаръ на Руси не могло уже возродиться въ прежнихъ тяжелыхъ формахъ, но стало неудержимо клониться къ упадку, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста Москвы, по мѣрѣ того, какъ усиливалось религіозное и національное единство русскихъ, укрѣпленное удачнымъ исходомъ битвы за православную вѣру противъ магометанъ, при чемъ подъ знаменами московскаго князя собрались впервые ратники со всей сѣвер-

*) Сражаясь на ряду съ простыми воинами, Димитрій отъ сильнаго утомленія лишился чувствъ и въ такомъ положеніи найденъ былъ послѣ битвы лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ. Доспѣхи его были изсѣчены, но крѣпкое вооруженіе, къ счастію, предохранило его отъ серьезныхъ ранъ.

**) Русская церковь установила ежегодно праздновать память по убіеннымъ на Куликовомъ полѣ въ такъ называемую субботу Дмитровскую (битва происходила въ субботу).

ной Руси. Еще до Куликова поля татары не вполнѣ увѣрены были въ своихъ силахъ для борьбы съ Русью, о чемъ свидѣтельствуетъ союзъ Мамая съ Ягелло. Послѣ же Куликовскаго погрома они стали еще осторожнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ русскимъ данникамъ, доселѣ покорнымъ и безотвѣтнымъ, стремятся дѣйствовать не столько силою, сколько хитростію. Изъ наступательнаго они постепенно переходятъ въ оборонительное положеніе, тогда какъ русскіе начинаютъ дѣйствовать наоборотъ. Въ послѣднемъ отношеніи Куликовская побѣда послужила какъ бы исходнымъ пунктомъ новаго періода въ исторіи нашей страны, новаго явленія, продолжающагося и доселѣ: *поступательнаго движенія Россіи на Азію.*

Набѣгъ Тохтамыша. Несмотря на страшное пораженіе, Мамай успѣлъ собрать новыя силы и, злобствуя на великаго князя московскаго, намѣренъ былъ отомстить ему внезапнымъ набѣгомъ, но былъ низложенъ новымъ ханомъ Золотой Орды *Тохтамышемъ.* Послѣдній потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они не исполнили его требованія, Тохтамышъ, спустя два года послѣ Куликовской битвы, сдѣлалъ внезапный набѣгъ на московское княжество. Внезапностію и быстротою набѣга ханъ разсчитывалъ застать Димитрія врасплохъ. Дѣйствительно, Димитрій не имѣлъ наготовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода, обыкновенно, распускалось по домамъ; онъ уѣхалъ на сѣверъ собирать войска. Тѣмъ временемъ татары быстро двинулись къ Москвѣ, сожигая и истребляя все на своемъ пути. Перепуганные жители заперлись со всѣмъ своимъ имуществомъ въ Кремлѣ, кругомъ котораго въ княженіе Димитрія были построены крѣпкія каменныя стѣны. Видя, что городъ нельзя взять открытою силою и опасаясь прихода великокняжеской рати, варвары пустились на хитрость. Они стали увѣрять граждапъ-защитниковъ города, что ханъ пришелъ наказать только Димитрія, а противъ нихъ ничего не имѣетъ и ничего имъ не сдѣлаетъ, если они выкажутъ покорность и отворятъ ворота. Двое изъ захваченныхъ татарами суздальскихъ князей, обманутые или застращенные татарами, клялись въ справедливости обѣщаній Тохтамыша. Москвичи повѣрили, татары хлынули толпой въ открытыя для нихъ ворота и принялись рубить саблями всѣхъ безъ разбору и топтать конями... Избивши и ограбивши жителей, татары зажгли городъ (при этомъ погибло множество книгъ, отовсюду снесенныхъ въ Кремль). Прослышавъ затѣмъ о движеніи великокняжескихъ войскъ, Тохтамышъ удалился, уводя съ собою нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ. На пепелищѣ Москвы потомъ собрано было свыше 24,000 труповъ, не считая сгорѣвшихъ и утонувшихъ... Опасаясь подобныхъ же внезапныхъ набѣговъ и опустошеній на будущее время, Димитрій отправилъ

сына своего Василія съ боярами въ Орду и вновь призналъ себя данникомъ татарскихъ хановъ.

Послѣдніе годы княженія Димитрія. Димитрій Іоанновичъ прожилъ недолго послѣ Куликовской битвы и тревожныхъ событій Тохтамышева набѣга. Онъ скончался въ 1389 году еще въ цвѣтущемъ возрастѣ (39 лѣтъ) *). Но и въ послѣдніе годы своей жизни онъ не переставалъ заботиться объ ослабленіи удѣльныхъ князей и объ установленіи тѣснѣйшей связи всѣхъ русскихъ областей съ Москвою. Еще при жизни своей онъ заключилъ договоръ съ двоюроднымъ братомъ, героемъ Куликовской битвы—Владиміромъ Андреевичемъ. Послѣдній обязывается „служить старшему брату безъ ослушанія“, а старшій братъ обязывается „кормить его по его службѣ“: прежнія *родственныя* отношенія такимъ образомъ замѣняются *служебными*. Владиміръ обѣщается не домогаться московской отчины Дмитріевой и великаго княженія владимірскаго и обязался считать сына Димитріева Василія своимъ „старшимъ“ братомъ: впервые *дядя* (т. е. старшій въ родѣ) *призналъ старшинство племянника* и обязался служить ему. То было полное нарушеніе родовыхъ понятій о старшинствѣ. Вообще же Димитрій обращался, какъ съ подданными, иногда и сурово, не только съ знатнѣйшими боярами **), но и съ своими ближайшими родственниками. Такимъ образомъ не только во внѣшнихъ, но и во внутреннихъ дѣлахъ Димитрій достигъ важныхъ результатовъ. Это сказалось въ его духовномъ завѣщаніи; здѣсь встрѣчается небывалое до того времени распоряженіе: московскій князь благословляетъ своего старшаго сына Василія не только Москвою, но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею *отчиною*. Сознавая свою силу, Донской, очевидно, не боится, что другіе русскіе князья рѣшатся оспаривать великокняжеское достоинство у его сына, и не стѣсняется тѣмъ, что ханъ можетъ дать ярлыкъ кому-нибудь изъ нихъ.

Василій I (1387—1425).

Присоединеніе Нижегородскаго княжества. По смерти Донского великимъ княземъ сдѣлался сынъ его Василій Дмитріевичъ. Въ дѣйствіяхъ этого умнаго, дѣятельнаго князя видно много благоразумной умѣренности, умѣнья пользоваться случаемъ и обстоятельствами. При немъ значительно двинулось впередъ расширеніе московскихъ владѣній. Въ началѣ своего княженія онъ ѣздилъ въ Орду и принятъ былъ тамъ съ небывалымъ еще почетомъ. Пользуясь этимъ, Василій купилъ у

---

*) О наружности Димитрія лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ былъ „крѣпокъ и мужественъ, тѣломъ великъ и тяжекъ зѣло, бородою и волосами черенъ, взоромъ же дивенъ зѣло“.

**) Въ княженіе Димитрія совершена была первая публичная казнь знатнаго боярина, произведшая сильное впечатлѣніе въ Москвѣ. Сынъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ бояръ, послѣдняго московскаго тысяцкаго Вельяминова, Иванъ, по смерти отца, перешелъ на службу къ тверскому князю и хлопоталъ за него въ Ордѣ предъ ханомъ. На возвратномъ пути онъ былъ схваченъ и торжественно казненъ въ Москвѣ.

Тохтамыша ярлыкъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, несмотря на то, что тамъ былъ свой князь (Борисъ Константиновичъ, незадолго предъ тѣмъ утвержденный ханомъ), и завладѣлъ Нижнимъ при содѣйствіи нижегородскихъ бояръ, предпочитавшихъ служить богатому и сильному московскому князю. Ему удалось также утвердить свое вліяніе во Псковѣ, который съ этихъ поръ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя московскаго.

Нашествіе Тамерлана. Тохтамышъ не безъ причины оказывалъ благосклонность Василію. Въ Ордѣ опять наступили внутреннія смуты. На Тохтамыша двинулся новый могучій монгольскій завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своею силою и жестокостью, Тимуръ или *Тамерланъ.* Сплотивъ въ одно цѣлое разрозненныя орды татаръ, Тамерланъ разгромилъ страны Средней Азіи, оставляя всюду на мѣстахъ своихъ побоищъ пирамиды изъ череповъ истребленныхъ имъ людей. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Золотой Орды, но не хотѣлъ быть благодарнымъ, вооружился противъ Тамерлана, былъ разбитъ и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ. Преслѣдуя врага, Тамерланъ вступилъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ и опустошилъ окрестную страну. Русскимъ людямъ казалось, что возобновляются времена Батыя. Великій князь, однако, не потерялся: онъ не медля велѣлъ собираться войску и во главѣ многочисленной рати сталъ на границахъ своего княжества, на берегахъ Оки. А чтобы поднять народный духъ, велѣлъ перенести въ Москву изъ Владиміра чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреемъ Боголюбскимъ. Василію, однако, не пришлось дождаться врага: Тамерланъ, опустошивши оба берега Дона, двинулся съ своимъ полчищемъ обратно въ Азію. Наступали осеннія непогоды, бѣдные же сѣверные края не представляли воинамъ Тимура ничего привлекательнаго послѣ богатыхъ странъ Азіи. По словамъ сказанія о нашествіи Тамерлана, онъ ушелъ изъ предѣловъ русской земли въ тотъ именно день, когда жители Москвы встрѣчали образъ Владимірской Божіей Матери *). Съ той поры образъ этотъ остался въ Успенскомъ соборѣ Москвы, какъ главнѣйшая святыня города.

Набѣгъ Эдигея. Послѣ разгрома Тамерлана Золотая Орда долго не была опасна Московскому князю. Ханы смѣнялись одинъ другимъ; Василій отказывался платить дань, ссылаясь на то, что земля бѣдна, денегъ взять не съ кого, хотя дань шла въ казну великокняжескую; въ Москвѣ наконецъ открыто стали посмѣиваться надъ послами и гостями ордынскими. Управлявшій всѣми дѣлами отъ имени хана ста-

---

*) Въ память этого русскою церковію установлено празднество срѣтенія иконы Владимірской Божіей Матери 26 августа.

рый мурза *Эдигей* (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы) наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился наказать Москву быстрымъ набѣгомъ, подобно Тохтамышу. Объявивъ (1408 г.) великому князю, что намѣренъ со всей ордой идти на Литву, онъ взамѣнъ того съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ, опустошая все на пути своемъ. Застигнутый врасплохъ, Василій Дмитріевичъ ушелъ въ Кострому. Эдигей простоялъ подъ Москвою около мѣсяца, но не смогъ взять города и, прослышавъ о новыхъ смутахъ въ Ордѣ, отступилъ, взявъ предварительно съ Москвы откупъ въ 3,000 рублей. Съ дороги Эдигей прислалъ письмо къ великому князю, въ которомъ жалуется на то, что онъ слушаетъ молодыхъ бояръ *) и забываетъ Орду, обращаясь къ ней только за помощью противъ Литвы. Но и послѣ этого Василій нѣсколько лѣтъ не ѣздилъ самъ въ Орду и отправился туда только тогда, когда ему вновь потребовалось купить содѣйствіе хана въ борьбѣ съ другими князьями (за Нижній-Новгородъ).

Отношенія къ Литвѣ. Ослабленные татары, видимо, не страшны были Руси, они могли вредить теперь только внезапными, чисто разбойническими набѣгами. Самая дань, которую имъ платили, являлась уже чѣмъ-то въ родѣ откупа отъ этихъ набѣговъ. Гораздо опаснѣе становился теперь новый врагъ Руси—Литва. Объединители юго-западной Руси, почуявъ свою силу, стали простирать виды и на области сѣверной Руси, которыя стягивали подъ свою руку князья московскіе. Василію Дмитріевичу пришлось изъ-за этого вступить въ борьбу съ своимъ тестемъ—Витовтомъ (онъ былъ женатъ на его дочери—Софіи Витовтовнѣ). Властолюбивый и воинственный литовскій князь успѣлъ овладѣть Смоленскомъ, воспользовавшись происходившими тамъ междуусобіями и недовольствомъ смольнянъ противъ своего князя **). Московскій князь велъ себя съ большою осторожностію, насколько возможно было, уступалъ тестю (чѣмъ вызвалъ противъ себя недовольство въ Москвѣ), но когда послѣдній, не довольствуясь Смоленскомъ, обнаружилъ стремленіе подчинить себѣ и другія русскія области (Новгородъ и Псковъ), Василій объявилъ ему войну. Три раза сходились соперники со своими войсками, но до битвы дѣло не дошло: оба князя были очень осторожны. Наконецъ дѣло кончилось миромъ, по которому рѣка Угра была назначена границей между московскими и литовскими владѣніями.

---

*) Ближайшими совѣтниками Василія были бояре Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ, на котораго собственно и жалуется Эдигей. Отъ нихъ произошелъ родъ Романовыхъ.

**) Послѣдній смоленскій князь Юрій, нелюбимый смольнянами за свою жестокость, былъ злодѣй въ полномъ смыслѣ слова. Между прочимъ, потерявши Смоленскъ, онъ поселился въ качествѣ намѣстника Василія въ Торжкѣ. Тамъ же онъ задумалъ овладѣть женою друга своего, тоже смоленскаго князя, Симеона Вяземскаго, Іуліаніей, отличавшейся рѣдкой красотой и семейными добродѣтелями. Встрѣтивъ упорное сопротивленіе, Юрій, въ бѣшенствѣ, велѣлъ изрубить Іуліанію и бросить въ рѣку, а также убить и ея мужа. Послѣ этого онъ убѣжалъ въ Орду, скитался по южнымъ степямъ и кончилъ свою бурную жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

Василій II Темный (1425—1462).

Борьба вел. князя съ Юріемъ и его дѣтьми. Василію Васильевичу было всего 10 лѣтъ, когда скончался отецъ его, тѣмъ не менѣе никто изъ посторонних удѣльныхъ князей теперь и не думалъ оспаривать власти у Василія, какъ нѣкогда оспаривали у малолѣтняго Димитрія Донского. Зато неожиданно нашелся ему соперникъ среди близкихъ родичей, а именно дядя Василія Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій, основывавшій свои притязанія на старинныхъ правахъ наслѣдства. Увѣщанія митрополита ни къ чему не привели. Тогда передали спорное дѣло на судъ хана. Послѣдній рѣшилъ его въ пользу московскаго князя.

На рѣшеніе хана повліяла между прочимъ льстивая рѣчь хитраго и ловкаго московскаго боярина Ивана Всеволожскаго, предварительно задарившаго ханскихъ совѣтниковъ. Когда Юрій ссылался на свое родовое старѣйшинство, какъ дядя, Всеволожскій указалъ хану, что его воля должна быть выше всякихъ законовъ и обычаевъ: не стѣсняясь ничѣмъ, ханъ можетъ отдать свой улусъ кому хочетъ... Ханъ не только присудилъ великое княженіе племяннику, но даже велѣлъ Юрію, по азіатскому обычаю, „вести коня" въ поводу подъ Василіемъ. Послѣдній, однако, не захотѣлъ безчестить дядю. Въ благодарность за услугу, Василій обѣщалъ Всеволожскому жениться на его дочери, но потомъ, по волѣ матери своей, гордой Софьи Витовтовны, женился на княжнѣ Боровской. Оскорбленный Всеволожскій уѣхалъ къ Юрію и сталъ подстрекать его па войну; неудовольствіе усилилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на свадьбѣ Софья Витовтовна сняла съ сына Юрія, Василія Косого, драгоцѣнный поясъ, который, какъ ей сказали, принадлежалъ нѣкогда свекрови ея (женѣ Димитрія Донского), былъ подмѣненъ, переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ достался Василію Косому. Косой, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Димитріемъ Шемякой, тотчасъ же уѣхалъ съ пира, поклявшись отомстить за оскорбленіе.

Недовольный рѣшеніемъ хана и побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій началъ войну съ Василіемъ, разбилъ его и выгналъ изъ Москвы; вслѣдъ за изгнанникомъ устремились бояре и служилые люди Москвы, стараясь всѣми средствами помочь Василію. Юрій вскорѣ умеръ и Москву поспѣшилъ, уже безъ всякаго права, занять старшій сынъ его *Василій Косой*, но недолго здѣсь удержался; не встрѣтивъ ни въ комъ поддержки, онъ попалъ въ плѣнъ къ великому князю и тотъ, въ порывѣ вражды, приказалъ его ослѣ-

пить. Тогда братъ Косого *Димитрій Шемяка* началъ, въ свою очередь, борьбу съ Василіемъ Васильевичемъ, вѣроломнымъ образомъ захватилъ его въ плѣнъ въ то время, какъ тотъ былъ на богомольѣ въ Троицкомъ монастырѣ, и тоже приказалъ ослѣпить... (Съ тѣхъ поръ Василія Васильевича стали звать *Темнымъ*). Шемяка овладѣлъ великимъ княженіемъ и держалъ слѣпого Василія въ заточеніи, но, побуждаемый общимъ недовольствомъ населенія (въ народѣ и до сихъ поръ осталась память о „Шемякиномъ судѣ") и увѣщаніями духовенства, онъ вынужденъ былъ выпустить Василія на свободу и отдать ему обратно Москву. Потомъ онъ вновь пытался было поднять борьбу съ великимъ княземъ. Василій предварительно отдалъ свое дѣло на судъ духовенству, которое отправило Шемякѣ грозное посланіе. Въ немъ духовенство вооружается противъ стараго порядка престолонаслѣдія, осуждаетъ Шемякина отца Юрія за то, что не по праву искалъ великаго княженія и, приравнивая дѣйствія Шемяки къ поступкамъ Каина и Святополка, грозитъ ему проклятіемъ. Шемяка, однако, не внялъ этимъ увѣщаніямъ, но былъ разбитъ московскими войсками и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ его отравили.

Смертію Шемяки кончилась послѣдняя (и единственная) усобица въ родѣ Калиты, отличавшаяся крайней жестокостію—вліяніе татарскаго ига. Василій II, несмотря на потерю зрѣнія и отличавшую его слабость характера, вышелъ побѣдителемъ изъ тяжелой двадцатилѣтней слишкомъ борьбы, благодаря усердному и единодушному содѣйствію бояръ, духовенства и всего населенія, которому порядокъ престолонаслѣдія по прямой линіи (отъ отца къ сыну), болѣе обезпечивалъ общій миръ и спокойствіе, чѣмъ прежніе порядки съ ихъ нескончаемыми междуусобицами.

Отношенія Василія II къ другимъ князьямъ. Утвердившись на великомъ княженіи, Василій *уничтожилъ* всѣ *удѣлы въ московскомъ княжествѣ* *), повыгнавъ оттуда князей — своихъ родственниковъ. Остальныя области сѣверо-восточной Руси, слишкомъ слабыя сравнительно съ Москвой, вынуждены были стать въ зависимыя къ ней отношенія.

Рязанскій князь предъ смертію самъ отдалъ Василію II въ опеку своего малолѣтняго сына. Василій перевезъ его въ Москву, а въ Рязань послалъ для управленія своихъ намѣстниковъ. *Тверской* князь заискивалъ у Василія и выдалъ дочь свою за старшаго сына московскаго князя. *Новгородъ*, вздумавшій было оказать помощь Ше-

---

*) Кромѣ верейскаго, князь котораго (Михаилъ Андреевичъ) безпрекословно повиновался Василію.

мякѣ, едва не лишился своей самостоятельности, заплатилъ Василію огромный откупъ, отказался отъ права раздавать вѣчевыя грамоты безъ участія великаго князя и обязался не принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Во *Псковѣ* власть Москвы утвердилась еще болѣе—онъ сталъ принимать себѣ князьями намѣстниковъ московскаго князя. Такимъ образомъ *преобладаніе Москвы въ сѣверо-восточной Руси* было теперь совершенно обезпечено, тѣмъ болѣе, что Золотая Орда во время княженія Василія II совсѣмъ ослабѣла: отъ нея отдѣлились два враждебныхъ ей ханства: Казанское и Крымское *). Окончательное подчиненіе вольнаго Новгорода и другихъ областей сѣверной Руси, а равно и сверженіе татарскаго ига, было уже только вопросомъ времени.

Дѣла церковныя. Въ развитіи московскаго единодержавія самымъ виднымъ сотрудникомъ Василія Темнаго былъ митрополитъ *Іона*, по своей выдающейся дѣятельности въ этомъ отношеніи напоминавшій свв. Петра и Алексѣя. Со времени его въ Москвѣ стали выбирать митрополита исключительно изъ русскихъ епископовъ. Случилось это такимъ образомъ. Въ 1439 г. во Флоренціи собрался духовный соборъ для обсужденія вопроса о соединеніи восточной и западной церквей. Русскій митрополитъ Исидоръ (родомъ изъ грековъ) присутствовалъ на этомъ соборѣ и принялъ *унію*, согласившись на подчиненіе русской церкви папѣ. Василій II велѣлъ его за это, по возвращеніи, посадить подъ стражу и низложить. Исидоръ бѣжалъ и умеръ въ Римѣ кардиналомъ. На его мѣсто соборомъ русскихъ епископовъ избранъ былъ рязанскій епископъ Іона. Русская церковь стала независимою отъ Византіи и московскіе митрополиты уже не ѣздили болѣе въ Константинополь на посвященіе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ (въ 1453 г.) онъ былъ взятъ турками.

Между тѣмъ литовскіе князья, недовольные дѣятельностію митрополита, жившаго постоянно въ Москвѣ и дѣйствовавшаго въ интере-

---

*) Основателемъ Казанскаго царства былъ ханъ Улу-Махметъ, тотъ самый, который рѣшилъ въ пользу Василія споръ его съ Юріемъ о великомъ княженіи. Изгнанный изъ Орды своими противниками и не принятый Василіемъ, онъ (по другимъ извѣстіямъ сынъ его Махмутекъ) засѣлъ въ старомъ болгарскомъ городкѣ на берегу Волги — *Казани*. Благодаря торговлѣ и выгодному положенію города и приливу татаръ изъ Орды, Казанское царство скоро разрослось, подчинивъ себѣ окрестныя племена инородцевъ (Мордвы, Черемисъ и др.) и стало тревожить набѣгами сосѣднія русскія области. Разъ Василій, выступивъ противъ новыхъ хищниковъ съ небольшимъ отрядомъ, попалъ къ нимъ въ плѣнъ и только за большой окупъ могъ получить свободу.

Крымская Орда составилась изъ татарскихъ улусовъ, кочевавшихъ по сѣверному побережью Чернаго моря и въ Крыму. Здѣсь утвердилась династія *Гиреевъ*, считавшихся потомками Тохтамыша.

Нѣкоторые изъ татарскихъ мурзъ и царевичей, спасаясь съ своими дружинами отъ преслѣдованій родственниковъ въ Ордѣ, искали покровительства московскаго князя, обѣщаясь помогать ему противъ своихъ же единовѣрцевъ. На этомъ условіи нѣкоторымъ изъ нихъ отводили мѣста для поселенія. Такъ, между прочимъ, при Василіи II образовалось особое вассальное „царство Касимовское“ (съ г. Касимовымъ), получившее свое названіе отъ царевича Касима и существовавшее около 200 лѣтъ.

сахъ московскаго князя, выхлопотали незадолго до паденія Византіи у константинопольскаго патріарха особаго митрополита для Кіева (1458). Съ той поры на Руси было два митрополита—московскій и кіевскій.

Послѣднія распоряженія Василія II. Василій Темный скончался въ 1462 г., оставивъ великокняжескій престолъ своему старшему сыну Іоанну, котораго еще при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и соправителемъ: всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей. Передъ смертію онъ, по старому обычаю, надѣлилъ удѣлами и младшихъ сыновей, но такъ, что всѣ они вмѣстѣ имѣли гораздо меньше городовъ, чѣмъ старшій Іоаннъ. Между прочимъ, городъ Владиміръ назначенъ ему въ завѣщаніи отца уже безъ всякаго различія съ другими городами московскаго княжества.

Причины возвышенія Москвы. При общемъ обозрѣніи хода событій, мало-по-малу выдвинувшихъ Москву на первое мѣсто въ ряду другихъ городовъ сѣверо-восточной Руси, можно уловить цѣлый рядъ разнообразныхъ и тѣсно одна съ другою переплетающихся причинъ, политическаго, экономическаго и нравственнаго характера, содѣйствовавшихъ, начиная съ XIV в., этому возвышенію незначительнаго дотолѣ городка и князей его. Возвышеніе Москвы прежде всего стоитъ въ связи съ общими измѣненіями во взаимныхъ отношеніяхъ князей и зависѣло отъ положенія Москвы, дѣятельности ея князей и отношенія къ нимъ населенія.

Съ обособленіемъ княжескихъ линій, начавшимися еще съ XII в., каждая изъ нихъ стала стремиться къ первенству. Въ эпоху татаръ этотъ споръ о первенствѣ идетъ собственно въ Суздальской землѣ, гдѣ утвердилось многочисленное потомство Всеволода III. Здѣсь образовалось множество княжескихъ линій, изъ нихъ каждая стремилась добиться великаго княженія: были князья тверскіе, суздальскіе, костромскіе, московскіе, ярославскіе, городецкіе, переславскіе и т. д. Стремленіе къ первенству облегчалось тѣмъ, что на сѣверо-востокѣ, вопреки обычаямъ кіевской Руси, великое княженіе не было тѣсно связано съ извѣстнымъ городомъ: къ новому стольному городу—Владиміру у князей не было такого тяготѣнія, какъ нѣкогда къ Кіеву. И великій князь, становясь великимъ, не покидалъ своего родного города, не переѣзжалъ во Владиміръ (хотя и именовался владимірскимъ вел. княземъ), а присоединялъ его къ своей отчинѣ (такъ Ярославъ Ярославовичъ жилъ въ Твери, Василій Ярославовичъ въ Костромѣ). Владиміръ мало-по-малу терялъ свое значеніе стольнаго города, являлась возможность возвыситься и другому городу въ качествѣ столицы, между прочимъ и Москвѣ, которая въ началѣ XIV в. является уже однимъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ городовъ сѣвера.

Первоначальное возвышеніе Москвы зависѣло отъ ея выгоднаго географическаго положенія (на перекресткѣ водныхъ торговыхъ путей и въ центрѣ другихъ областей, загораживавшихъ собою Москву отъ внѣшнихъ враговъ) и особенно дѣятельности князей ея. Унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ, суздальскихъ князей, разсчетливость, бережливость, осторожность, умѣнье пользоваться обстоятельствами, они еще болѣе

развили эти качества въ той трудовой школѣ, которую прошли, пытаясь устроить свое маленькое княжество. Этими качествами московскіе князья выдѣлялись среди всѣхъ, благодаря этому одержали они верхъ и надъ болѣе ихъ сильными претендентами на великое княженіе—тверскими князьями. Тверь по своему географическому положенію была въ условіяхъ не менѣе благопріятныхъ, чѣмъ Москва, но князья ея достигли своего положенія быстрѣе и легче, чѣмъ московскіе, и въ характерѣ большинства ихъ недоставало терпѣнія и выдержанности, а, наоборотъ, было много отваги и порывистой храбрости—качествъ мало пригодныхъ въ эпоху татарскаго ига. Вопросъ о великомъ княженіи рѣшался теперь не храбростію, ни тѣмъ менѣе правами старшинства, но ярлыкомъ ханскимъ, который давался наиболѣе покорливому и выдержанному, наиболѣе щедрому на подарки князю. Послѣднія качества легче другихъ, благодаря особенностямъ своего положенія, могли усвоить себѣ князья московскіе. Можно сказать даже, что въ этой 2-й школѣ—сношеній съ татарами—доразвились и укрѣпились наслѣдственныя черты ихъ характера и сдѣлались своего рода фамильной особенностію въ родѣ Калиты, съ поразительнымъ единообразіемъ проявляющейся почти у всѣхъ безъ исключенія князей московскихъ, до Василія III включительно. Благоволеніе хановъ, поручавшихъ московскому князю даже самый сборъ дани съ населенія, создавало „тишину" во владѣніяхъ московскаго князя. Сюда со всѣхъ сторонъ приливало населеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ росли доходы и силы князя, а слѣдовательно и возможность всегда держать въ своихъ рукахъ ярлыкъ на великое княженіе. Въ Москву устремились и бояре изъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ было почетнѣе да и выгоднѣе служить сильнымъ, чѣмъ слабымъ князьямъ; не желая, затѣмъ, терять преимуществъ великокняжескихъ бояръ, они усердно поддерживали московскихъ князей въ борьбѣ съ другими за первенство. Другая вліятельная сила въ тогдашнемъ обществѣ—духовенство, издавна стоявшее за единую власть (такъ какъ вмѣстѣ съ единствомъ политическимъ упрочивалось и единство церковное), также примкнуло къ сильнымъ московскимъ князьямъ отличавшимся своей набожностію и усердіемъ къ церкви, и охотно поддерживало ихъ. Объединеніе Руси подъ ихъ властію соотвѣтствовало и матеріальнымъ интересамъ духовнаго сословія, такъ какъ трудно было охранять во время княжескихъ междоусобицъ церковныя земли, разсѣянныя по разнымъ княжествамъ. Поселеніе же митрополита въ Москвѣ сдѣлало ее средоточіемъ всей Руси въ церковномъ отношеніи и возвысило ее въ глазахъ народа. Духовная власть явилась могучей нравственной поддержкой власти московскаго князя.

Не мало помогла возвышенію Москвы и та счастливая случайность, что домъ Калиты не былъ многочисленъ; и въ ту пору, какъ кругомъ, у соперниковъ Москвы, господствовали ослаблявшіе ихъ силы раздоры и дробленіе земель, въ Москвѣ не было усобицъ въ княжеской семьѣ и безъ особенныхъ препятствій само собою установилось престолонаслѣдіе по прямой линіи, отъ отца къ сыну. Когда же княжеская семья размножилась и возникли усобицы (при Василіи II), власть вел. князя успѣла уже окрѣпнуть, а населеніе настолько привыкло къ

новому порядку и главное—оцѣнило всѣ выгоды, съ нимъ соединенныя, что энергически противодѣйствовало всѣмъ попыткамъ поколебать его.

Между тѣмъ какъ Москва возвышалась и крѣпла, стягивая къ себѣ сѣверо-восточную Русь, сила татаръ, безсознательно способствовавшихъ этому объединенію, постепенно падала и уменьшалась. Золотая Орда слабѣла отъ внутреннихъ неурядицъ и распадалась на части. Явилась такимъ образомъ возможность стряхнуть иго варваровъ, и во главѣ общенароднаго движенія силою вещей стали князья московскіе. Куликовская битва, соединившая подъ знаменами Москвы всю сѣверную Русь противъ общаго врага, выдвинула московскаго князя на первое мѣсто, въ качествѣ руководителя общаго дѣла. Удачный исходъ ея укрѣпилъ это положеніе. Съ той поры московское княжество изъ удѣла стало превращаться въ національное государство, а московскій князь изъ вотчинника сдѣлался политическимъ объединителемъ всего великорусскаго племени, вынесшаго на плечахъ своихъ тяготу иноземнаго ига и составившаго собою основное ядро русской народности подъ гегемоніей Москвы. Такъ Москва—*собирательница Руси*—явилась и ея освободительницей отъ тяжкой неволи и по праву стала центромъ государства, новой столицей его на смѣну Кіеву (и временно замѣнившему его Владиміру).

Внутреннее состояніе сѣверо-восточной Руси въ XIII—XV вв.

Въ удѣльный періодъ (съ половины XIII и до половины XV в.) произошло сравнительно немного измѣненій въ общемъ строѣ русской жизни; одна изъ болѣе крупныхъ перемѣнъ касается междукняжескихъ отношеній и отношенія князей къ населенію.

Князья. Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія внесъ отчужденіе въ среду князей. Не имѣя общихъ интересовъ, они обособились другъ отъ друга. Каждый замкнулся въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, жилъ особнякомъ, входя въ соотношенія или столкновенія съ сосѣдями-родичами тогда лишь, когда представлялся случай что-либо пріобрѣсть изъ ихъ земельныхъ владѣній или когда сосѣдъ грозилъ отнять у него землю. Отчуждаясь, они превратились по своимъ понятіямъ въ своего рода частныхъ сельскихъ хозяевъ, теряли интересъ къ общему дѣлу. Княжескіе съѣзды, столь обычные въ Кіевской Руси, очень рѣдки въ XIII в. и почти прекращаются въ XIV в. Съ другой стороны съ ослабленіемъ родовыхъ понятій и усиленіемъ власти и значенія вел. князя, прежнія родственныя отношенія младшихъ князей къ великому постепенно замѣняются служебными. Старшіе великіе князья мало-по-малу сокращаютъ въ свою пользу самостоятельность младшихъ, подчиняютъ ихъ себѣ, стараются сдѣлать изъ нихъ себѣ простыхъ „подручниковъ". Взаимныя отношенія между ними опредѣлялись обыкновенно такъ называемыми *договорными грамотами*, которыхъ осталось много отъ того времени. Въ этихъ грамотахъ удѣльные хотя и именуются, по старому обычаю, братьями („младшими"), но обязываются вмѣстѣ съ тѣмъ „служить" старшему безъ ослушанія „честно и грозно", а тотъ обязанъ

„кормить младшаго по его службѣ“. Многіе изъ обѣднѣвшихъ или потерявшихъ свои земли мелкихъ удѣльныхъ князей (Гедиминовичей и Рюриковичей) стали даже прямо поступать на службу къ вел. князю, получая за это „жалованье и земли“ и становились такимъ образомъ въ ряды боярскаго сословія (сохраняя только княжескій титулъ).

„Старшіе“ князья другихъ линій (въ Твери, Рязани и пр.) также стремились подчинить себѣ удѣльныхъ, хотя это удается имъ и менѣе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ къ концу періода (при Василіи II) уничтожены уже почти всѣ удѣлы. Именуя себя „великими“, они заключали съ московскими князьями договоры, какъ равные съ равными, и могли сами, непосредственно, сноситься съ ханомъ („знать Орду“). Заявляя первоначально притязанія на великое княженіе владимірское, они потомъ настолько слабѣютъ, что мало-по-малу отказываются и отъ этихъ замысловъ, и отъ противодѣйствія московскому „вел. князю всея Руси“, становясь въ зависимыя къ нему отношенія; къ концу періода всѣ они были уже наканунѣ потери своей самостоятельности.

Измѣнился и бытъ князей сравнительно съ кіевскимъ періодомъ. Они ходили на войну лишь въ крайнемъ случаѣ, больше сидѣли дома, стараясь прикопить побольше доходовъ, занимаясь хозяйствомъ и устройствомъ своей вотчины. Они вели вообще скромный и скучный образъ жизни, даже на охоту рѣдко выходили. Пиры сохранились, особенно брачные („каша“), но принимали по большей части характеръ простыхъ попоекъ. Внѣшняя обстановка жизни также была гораздо проще, чѣмъ прежде; драгоцѣнныхъ вещей у нихъ было немного, и онѣ всегда тщательно перечисляются въ княжескихъ завѣщаніяхъ.

Населеніе. Въ удѣльный періодъ взамѣнъ прежняго раздѣленія населенія на дружину и людей явилось новое на *служилыхъ* и *тяглыхъ* людей. Къ служилымъ людямъ принадлежали бояре, *дѣти боярскіе* и прежніе младшіе дружинники и вольные слуги (люди дворные). Всѣ они попрежнему удерживали право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Но при большей осѣдлости сѣверныхъ князей становятся болѣе осѣдлыми и ихъ бояре. Всего охотнѣе переходили бояре на службу въ Москву и рѣдко отсюда „отъѣзжали“. Бояре являются главными землевладѣльцами княжествъ: кромѣ вотчинъ (наслѣдственныхъ владѣній), они начинаютъ теперь получать отъ князей за службу *помѣстья*, или земельные участки, дававшіеся во временное пользованіе (до тѣхъ поръ, пока продолжалась служба). Бояре составляли *думу* князя и пользовались въ ней не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ въ Кіевской Руси.

Къ тяглымъ людямъ принадлежало городское и сельское населеніе; послѣднему усваивается теперь по преимуществу названіе *крестьянъ* („христіанъ“); право свободнаго перехода остается за ними попрежнему, но къ концу періода, съ развитіемъ государственнаго порядка и единодержавія, появляются по мѣстамъ первыя попытки прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, устанавливается и опредѣленный срокъ для переходовъ—осенній Юрьевъ день (послѣ окончанія полевыхъ работъ и уплаты податей). Въ общемъ положеніе населенія стало тяжелѣе: кромѣ дани татарамъ, на немъ лежалъ цѣлый рядъ повин-

ностей, напр. *ямъ* или подводы ханскимъ чиновникамъ (отъ татарскаго слова ямъ—дорога), содержаніе пословъ ханскихъ и ихъ многочисленной хищной свиты, „кормъ" или доставка припасовъ княжимъ чиновникамъ и т. п.; на всѣ произведенія сельской и городской промышленности наложены были пошлины (для чего устраивали заставы въ городахъ, селахъ, на перевозахъ и т. д.).

Среди подавлявшихъ населеніе заботъ исключительно о матеріальномъ благосостояніи и внѣшней безопасности, при постепенномъ возвышеніи княжеской власти падаетъ само собою и прежнее вѣчевое устройство и почти всѣ отрасли суда и управленія сосредоточиваются въ рукахъ княжескихъ намѣстниковъ (управляющихъ городами), „волостелей" (управляющихъ волостями) и другихъ чиновниковъ. Къ концу періода вѣча сохраняются только въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ остальныхъ мѣстахъ сѣверной Руси остаются только простые мірскіе сходы, главнымъ образомъ для разверстки податей и повинностей; именемъ же вѣча называются иногда уже только возстанія и заговоры противъ княжеской власти.

Количество несвободнаго населенія или холоповъ значительно увеличилось въ данную эпоху переходомъ въ него многихъ семей изъ свободнаго крестьянскаго сословія, вслѣдствіе бѣдности и притѣсненій отъ сильныхъ людей.

Отъ тяжкой неволи многіе изъ холоповъ бѣжали въ привольныя южныя степи. Сюда же уходили и тѣ изъ русскихъ людей, которые искали свободнаго образа жизни и простора своему молодечеству, преимущественно люди бездомные, безсемейные и наконецъ преступники, избѣгавшіе наказанія. Такъ составилось особое населеніе, носившее названіе *казаковъ*. Изъ нихъ жившіе на порубежьѣ со степью признавали надъ собою до извѣстной степени власть правительства и ими стали пользоваться какъ пограничной стражей, главнымъ образомъ для наблюденія въ степи за движеніями татаръ. Это такъ называемые „городовые" казаки *). Въ лѣтописяхъ они въ первый разъ упоминаются въ половинѣ XV в. (именно рязанскіе подъ 1444 г.). Собственно степные или „вольные" казаки составляли независимыя военныя общины, которыя рѣшали свои дѣла такъ называемымъ „кругомъ" или общимъ собраніемъ и сами выбирали себѣ „атамановъ" или предводителей. По мѣрѣ ослабленія (а затѣмъ и паденія) Золотой Орды они заходили все далѣе и далѣе въ степи и число ихъ годъ отъ году множилось. Селились они обыкновенно по берегамъ богатыхъ рыбою рѣкъ, занимались грабежомъ торговыхъ судовъ и каравановъ и вели непрерывную борьбу съ кочевниками. Впослѣдствіи (въ XVI в.) среди нихъ образовались двѣ крупныя вѣтви—казаки донскіе и днѣпровскіе (или малороссійскіе—по преимуществу изъ выходцевъ юго-западной Руси).

Торговля въ тревожную эпоху татарскаго ига не получила особеннаго развитія. Лучше другихъ торговали города, не тронутые или

---

*) Названіе взято съ татарскаго: въ Ордѣ казаками назывался низшій классъ войска, составлявшій пограничную стражу.

удаленные отъ татаръ—Смоленскъ, Псковъ и особенно Новгородъ, вступившій въ союзъ ганзейскихъ городовъ. Москва и Нижній-Новгородъ, хотя и страдали отъ татаръ, также были важными торговыми пунктами по своему географическому положенію. Сюда пріѣзжали и татарскіе купцы вмѣстѣ съ ханскими послами. Имѣются извѣстія и о приволжской торговлѣ съ татарами, хотя это было и не безопасное дѣло: при малѣйшемъ недовольствѣ русскими татары прежде всего грабили русскихъ купцовъ; такъ было, напр., предъ нашествіями Мамая и Тохтамыша.

Что касается денегъ, то съ половины XIV в. счетъ на гривны замѣняется счетомъ на *рубли*—обрубки серебра опредѣленнаго вѣса *). Мелкая или размѣнная серебряная монета, которую въ эту пору уже чеканили, получила татарское названіе *деньга* **); слово „деньги" сдѣлалось потомъ общимъ названіемъ для всѣхъ монетъ.

Церковь въ эпоху татарскаго ига сослужила великую службу русской землѣ: политическое единство Руси, какъ показываетъ исторія возвышенія Москвы, создано было при участіи и содѣйствіи духовенства. Значеніе митрополитовъ возвысилось и потому, что они теперь были большею частію изъ русскихъ; обычай ставить митрополитовъ грековъ и совсѣмъ прекратился въ концѣ періода. Въ то же время, съ паденіемъ Византіи, устраняются прежнія подчиненныя отношенія русской іерархіи къ константинопольскому патріарху—она пріобрѣтаетъ почти полную внѣшнюю независимость.

Но вмѣстѣ съ внѣшней независимостію нашей іерархіи замѣтно усиливаются въ эту эпоху ея подчиненныя отношенія къ великокняжеской власти. И самый выборъ митрополитовъ и архіереевъ и ихъ послѣдующая общественная дѣятельность сообразовались обыкновенно съ желаніями князя.

Во внутреннихъ своихъ дѣлахъ русская церковь пользовалась прежней самостоятельностію и прежними льготами: духовенство судилось своимъ судомъ, было свободно отъ всякихъ податей; люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, освобождались отъ дани (что, конечно, привлекало на эти земли многихъ переселенцевъ). Ханы постоянно подтверждали своими ярлыками эти льготы духовенства, зная его вліяніе на народъ.

Митрополиты и епископы владѣли большими недвижимыми имуществами. У митрополита былъ, какъ у князя, свой дворъ—бояре, дѣти боярскія и слуги, управлявшіе его имѣніями. Въ случаѣ войны они выступали въ походъ подъ начальствомъ особаго митрополичьяго воеводы, но подъ знаменемъ великокняжескимъ. Тяглыхъ и служилыхъ великокняжескихъ людей митрополитъ не имѣлъ права ставить въ духовный санъ, чтобы не было ущерба казнѣ и службѣ; а права, дан-

*) Около 46 золотниковъ вѣсу; новгородскій и псковскій рубль былъ больше—около 70 золотниковъ.

**) Въ московскомъ рублѣ считалось 100 денегъ; 6 денегъ составляли *алтынъ* (тоже татарское названіе). Каждое самостоятельное княженіе чеканило свою размѣнную монету. Деньги того времени представляютъ обыкновенно маленькіе, тонкіе неправильные кружки и овалы съ грубо оттиснутыми надписями и разными изображеніями.

ныя княземъ духовному лицу, распространялись и на его родственниковъ, если они не выходили изъ семьи. Этимъ полагается начало замкнутости и нѣкоторой обособленности духовнаго сословія.

Митрополиты для обсужденія важныхъ вопросовъ созывали соборы изъ епископовъ и съ цѣлію исправленія народной нравственности издавали отъ имени собора изъ епископовъ или отъ своего лица поученія и посланія къ духовенству и мірянамъ. Между прочимъ особенное вниманіе обратила на себя появившаяся во 2-й половинѣ XIV в. въ Псковѣ и Новгородѣ ересь *стригольниковъ* *); еретики отвергали необходимость священниковъ, упрекая послѣднихъ въ дурномъ поведеніи, утверждали, что міряне могутъ учить вѣрѣ, что не должно молиться за умершихъ; ересь эта прекратилась въ XV в.

Монастыри попрежнему сохраняютъ свое важное значеніе. Стремленіе къ аскетизму и подвигамъ благочестія еще болѣе усилилось въ тяжелую эпоху монгольскаго ига. Въ сѣверо-восточной Руси явилось въ эту пору до 180 новыхъ или возстановленныхъ (послѣ татарскаго погрома) обителей. Въ московскихъ областяхъ развитію пустынножительства болѣе всего способствовалъ великій подвижникъ благочестія, преп. *Сергій Радонежскій* (1313—1391), какъ своимъ личнымъ вліяніемъ, такъ и чрезъ своихъ учениковъ и послѣдователей. Основанная имъ *Троице-Сергіева Лавра* получила на сѣверо-востокѣ такое же значеніе, какое имѣла Печерская лавра для юго-запада.

Преп. Сергій, сынъ ростовскаго боярина, переселившагося при Калитѣ въ Радонежъ, еще въ дѣтствѣ обнаружилъ стремленіе къ аскетизму. По смерти родителей Сергій отдалъ все ихъ имѣнье младшему брату, а самъ удалился въ лѣсныя дебри верстахъ въ 10 отъ Радонежа, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ, не видя людей, среди всевозможныхъ лишеній. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Кругомъ кельи и небольшой деревянной церкви, имъ построенной, поселились въ избушкахъ еще нѣсколько иноковъ. Св. Сергій работалъ на братію, „какъ рабъ“: рубилъ дрова, носилъ воду, пекъ хлѣбъ, шилъ одежды, самъ ходилъ въ одеждѣ, покрытой заплатами, питался только хлѣбомъ и водой, ночи проводилъ безъ сна въ молитвѣ. Братія наконецъ, противъ воли Сергія, избрала его игуменомъ. Въ санѣ игумена онъ велъ столь же строгую, труженическую жизнь, служа во всемъ примѣромъ братіи. Первоначально обитель его была крайне бѣдна: въ церкви служили съ лучиной, церковные сосуды были изъ дерева, братія голодала иногда по нѣсколько дней. Но потомъ отовсюду стали поступать пожертвованія, такъ что монастырь самъ могъ раздавать богатую милостыню и давать пріютъ бѣднымъ странникамъ. Смиреннаго игумена обители знали всюду. Еще при жизни его прославили какъ чудотворца и прозорливца. Митрополитъ Алексѣй хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, но св. Сергій отказался; князь Димитрій Донской часто ѣздилъ въ его обитель; у него просилъ благословенія, отходя на бой съ Мамаемъ; неоднократно избирали его посредникомъ и миротворцемъ въ распряхъ между князьями. „Тихими и кроткими рѣчами“ святой подвижникъ склонилъ къ миру суроваго Олега Рязанскаго. Послѣ кончины, на ряду съ митрополитами свв. Петромъ, Алексѣемъ и Іоною, онъ сталъ считаться небеснымъ покровителемъ Москвы.

---

*) Начало ей положилъ дьяконъ Карпъ, отлученный отъ церкви, ремесломъ „стригольникъ“, отчего и самая ересь получила свое названіе.

Послѣ преп. Сергія самое видное мѣсто въ ряду подвижниковъ того времени занимаетъ св. *Кириллъ Бѣлозерскій* (1337—1427), славный святостію жизни и своими посланіями, въ которыхъ онъ напоминалъ князьямъ объ ихъ обязанностяхъ, поучая ихъ смиренію и справедливости. Основанный имъ Бѣлозерскій монастырь явился самымъ важнымъ въ сѣверной Руси послѣ Троицкой Лавры и извѣстенъ былъ строгостію введеннаго въ немъ Кирилломъ общежительнаго устава. Благодаря такимъ обителямъ, христіанство на сѣверѣ, среди финскихъ племенъ, распространялось успѣшнѣе прежняго. Особенно прославился своей миссіонерской дѣятельностію св. *Стефанъ Пермскій* († 1396)— „апостолъ зырянъ“ или пермяковъ. Онъ составилъ азбуку для зырянскаго нарѣчія, на которое перевелъ богослужебныя книги. Несмотря на противодѣйствіе волхвовъ, онъ обратилъ ко Христу столько язычниковъ, что еще при жизни его среди нихъ образовалась новая епархія.

Нравы. Несмотря на усиленіе религіозности въ странѣ, въ общемъ становится замѣтно огрубѣніе нравовъ. Тяжелое сознаніе безправія и господства матеріальной силы, постоянный страхъ предъ своими и чужими, отчужденность отъ Западной Европы и подневольныя сношенія только съ полудикими азіатами принижали народную нравственность, порождали грубость и въ словахъ и въ поступкахъ. Грубость въ выраженіяхъ доходила до того, что впервые явилось наказаніе за оскорбленіе словомъ. Жестокости во время усобицъ усилились—пощады не было даже князьямъ, какъ показываетъ примѣръ Василія Косого и Василія Темнаго. Съ цѣлію наибольшаго устрашенія преступниковъ введено тѣлесное наказаніе, и притомъ въ жестокихъ формахъ, и установлена смертная казнь. Довѣріе и къ своимъ и къ чужимъ среди населенія ослабѣло. Лучшія вещи, драгоцѣнности прятали въ церквахъ и монастыряхъ, деньги зарывали въ землю. Зажиточные люди стали даже запирать своихъ женъ и дѣтей въ *терема*, желая тѣмъ спасти ихъ и отъ похищеній татаръ и отъ дурного вліянія окружающей ихъ среды. Но лишенное смягчающаго вліянія женщины, общество само грубѣло еще болѣе, такъ что, напр., увеселенія и пиры того времени превратились въ простыя попойки, сопровождавшіяся иногда самымъ дикимъ разгуломъ.

Просвѣщеніе. Въ эпоху татарскаго ига явно замѣтенъ общій на Руси упадокъ просвѣщенія. Страшное истребленіе населенія, особенно городского, т. е. наиболѣе развитого, при первомъ нашествіи татаръ, и поглощавшія всѣхъ въ послѣдующее время заботы исключительно о поднятіи матеріальнаго благосостоянія, объ устройствѣ внѣшней судьбы порабощеннаго варварами государства, не только пріостановили успѣхи просвѣщенія, но и понизили его прежній уровень. Нѣтъ болѣе извѣстій объ устройствѣ новыхъ училищъ, а старыя были разрушены татарами, которые погубили и много памятниковъ письменности. Самая грамотность представляетъ рѣдкое явленіе; даже князья были не только малограмотны, но прямо неграмотны (напр. Василій Темный). Образованность сохранялась теперь только въ духовномъ сословіи; изъ рядовъ

его по преимуществу выходятъ и писатели; но литературныя достоинства ихъ произведеній, за небольшими развѣ исключеніями, замѣтно понизились. Языкъ лѣтописей сухъ, содержаніе ихъ лишено прежняго драматизма и оживленія. Произведенія большинства духовныхъ писателей поражаютъ риторичностію, отсутствіемъ истиннаго воодушевленія. Немногочисленныя произведенія поэзіи ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти въ сравненіе съ прежними или являются слабымъ подражаніемъ имъ. Только отъ начала періода сохранился отрывокъ красивой поэмы—„*Слово о погибели земли русскія*",—оплакивающей гибель Руси при нашествіи Батыя, съ предварительнымъ прославленіемъ ея красоты и силы. По своимъ поэтическимъ достоинствамъ она приближается къ „Слову о полку Игоревѣ" и видимо принадлежитъ питомцу еще прошлой эпохи, пережившему ужасы Батыева погрома. Изъ произведеній писателей собственно монгольскаго періода имѣется цѣлая довольно обширная литература, посвященная описанію событій и бѣдствій татарскаго ига. Таковы прежде всего эпизоды лѣтописи, а равно отдѣльныя сказанія о различныхъ событіяхъ татарскаго нашествія— изъ временъ Батыя, потомъ Мамая, Тохтамыша и Тамерлана; таковы же, далѣе, нѣсколько воззваній духовенства по поводу тѣхъ же событій, въ ряду ихъ выдаются *проповѣди Серапіона*, епископа Владимірскаго, дающія яркую картину угнетенія и нравственной подавленности народа подъ игомъ. Наконецъ, татарская эпоха отразилась и на народномъ эпосѣ: старыя эпическія преданія видоизмѣнились и прежніе враги, съ которыми богатыри вели войну, смѣнились татарами.

Изъ произведеній тогдашней духовной письменности останавливаютъ на себѣ вниманіе многочисленныя посланія самаго разнообразнаго содержанія, обращенныя къ князьямъ, народу и духовенству (Сюда, напр., относятся посланія Кирилла Бѣлозерскаго, митрополитовъ Петра, Алексѣя, Кипріана и др.).

Много также появилось въ эту эпоху житій святыхъ, которыя попрежнему составляли любимое чтеніе народа. Любопытны, наконецъ, въ качествѣ литературныхъ памятниковъ того времени,—записки паломниковъ и вообще людей, побывавшихъ за границей. Изъ нихъ самое замѣчательное *Хожденіе въ Индію* около 1468 г. тверского купца *Аѳанасія Никитина*, описавшаго главные торговые пути, нравы и обычаи страны и пр.

Попрежнему продолжались и переводы съ греческаго; но большая часть этихъ переводовъ сдѣлана была не въ Россіи, а на Аѳонской горѣ, въ русскомъ и сербскомъ монастыряхъ. Въ составѣ этой переводной литературы видное мѣсто занимали „отреченныя" книги или сказанія изъ священной и церковной исторіи, признаваемыя Церковію ложными. Любимымъ изъ этихъ сказаній было „Хожденіе Богородицы по мукамъ".

Перепиской рукописей занимались обыкновенно монахи, къ концу XIV в. усовершенствовавшіе почеркъ: именно стали писать такъ называемымъ *полууставомъ*, въ которомъ преобладали болѣе круглыя и легкія по начертанію буквы. Съ того же времени входитъ въ употребленіе болѣе дешевая и удобная тряпичная бумага.

Московская Русь.

Іоаннъ III (1462—1505).

Іоаннъ III выросъ среди тяжелыхъ впечатлѣній—въ самый разгаръ борьбы Василія Темнаго съ Шемякой, когда все кругомъ дышало измѣной, злобой и коварствомъ. Онъ видѣлъ затѣмъ торжество своего слѣпого отца въ упорной борьбѣ съ врагами за великокняжескую власть, и въ юные еще годы сдѣлался его соправителемъ и помощникомъ, съ титуломъ великаго князя, принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ и неоднократно сопровождалъ московскую рать въ походахъ на татаръ. Впечатлѣнія дѣтства въ связи съ ранней опытностію въ дѣлахъ правленія отразились на характерѣ Іоанна и его послѣдующей дѣятельности, какъ правителя. Наслѣдственныя свойства потомковъ Калиты достигли въ его лицѣ наибольшаго своего развитія. Въ высшей степени осторожный и разсчетливый, скрытный и недовѣрчивый, онъ тщательно обдумывалъ каждый свой шагъ и никогда не увлекался. Онъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами и хотя медленно, но неуклонно, съ замѣчательной выдержкой и настойчивостію, доводилъ до конца разъ начатое дѣло, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Такимъ путемъ ему удалось не только выполнить задачи, намѣченныя дѣятельностію его предшественниковъ, но и пойти далѣе ихъ.

Іоаннъ III почти завершилъ дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси, присоединивши къ Москвѣ самыя значительныя ея части—Тверь и затѣмъ Новгородъ, и началъ наступательное движеніе на Литву съ цѣлію возвращенія юго-западныхъ русскихъ областей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно свергнулъ татарское иго и возобновилъ сношенія съ Западной Европой, положивъ тѣмъ начало сближенію Россіи съ Западомъ.

Паденіе Великаго Новгорода подготовлялось постепенно и стояло въ связи какъ съ господствовавшими въ немъ издавна внутренними неурядицами, такъ и съ объединительной дѣятельностью мо-

сковскихъ князей. Вѣчевое устройство Новгорода порождало постоянные раздоры между гражданами: черные люди враждовали съ боярами, недовольные ихъ преобладаніемъ въ управленіи; боярскія фамиліи ссорились между собою изъ-за общественныхъ должностей; шумныя вѣчевыя сходки кончались зачастую открытымъ междоусобіемъ. При такихъ порядкахъ дошло до того, что Великому Новгороду не повиновались даже его собственныя колоніи: Вятка и Двинская земля стремились къ самостоятельности и часто враждовали съ нимъ; значительнѣйшій изъ пригородовъ—Псковъ добился въ половинѣ XIV в. полной независимости съ именемъ „младшаго брата" Новгорода.

Межъ тѣмъ Москва усиливалась и стремилась наложить свою руку на богатую общину, оборонявшуюся отъ враговъ не оружіемъ, но чаще всего деньгами. Со временъ Калиты рѣдкій изъ московскихъ князей не совершалъ похода на Новгородъ, заставляя его каждый разъ вносить большія суммы за подтвержденіе „старинныхъ вольностей". Съ волостей своихъ новгородцы обязывались сверхъ того платить Москвѣ особую ежегодную дань („черный боръ"). При Василіи II, когда явно обозначилось преобладаніе Москвы на сѣверо-востокѣ, „Господину Великому Новгороду" пришлось уже поступиться и нѣкоторыми изъ коренныхъ своихъ „вольностей": онъ отказался отъ права раздавать вѣчевыя грамоты безъ согласія вел. князя и обязался не принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Новгородцы понимали, что въ ближайшемъ будущемъ имъ грозитъ полная потеря самостоятельности, и искали опоры на сторонѣ, у Литвы, естественной соперницы Москвы. Къ этому и ранѣе стремились многіе новгородцы, особенно изъ боярской партіи, чаявшей сохранить свое преобладаніе и свои привилегіи при сближеніи съ аристократическимъ польско-литовскимъ государствомъ. Но большинство населенія недружелюбно относилось къ мысли о подданствѣ князьямъ-католикамъ; значительная часть бояръ также тяготѣла къ православной Москвѣ. При Іоаннѣ, однако, въ виду грозившей опасности, литовская партія взяла перевѣсъ; предводителями ея стали богачи *Борецкіе* во главѣ съ своею матерью знаменитой *Мареой Посадницей* (вдовой посадника) и перетянули вѣче на свою сторону. Къ польско-литовскому королю Казиміру IV отправлено было посольство. Новгородцы переходили къ нему въ подданство, а Казиміръ, съ своей стороны, обязывался защищать ихъ отъ московскаго князя, охранять православную вѣру и соблюдать старинныя вольности новгородскія; между прочимъ, въ договоръ съ Казиміромъ новгородскіе бояре вставили характерное требованіе—чтобы король не принималъ жалобъ на нихъ со стороны смердовъ.

Обнадеженные помощью польскаго короля, новгородцы съ пренебреженіемъ отнеслись къ увѣщаніямъ „одуматься“, съ которыми неоднократно обращался къ нимъ хладнокровный и сдержанный Іоаннъ, нагрубили и съ безчестіемъ отпустили пословъ его. Тогда, посовѣтовавшись съ боярами и духовенствомъ, Іоаннъ двинулся на Новгородъ съ большою ратью (1471). Походу былъ приданъ религіозный характеръ: вел. князь, отправляясь, велѣлъ совершать всюду молебствія, разсылалъ щедрыя милостыни церквамъ и нищимъ; новгородцы объявлены были „измѣнниками православію и отступниками въ латинство“. Къ давней розни суздальцевъ съ новгородцами прибавилось, такимъ образомъ, еще религіозное чувство. Къ ополченію примкнули, по требованію Іоанна, тверитяне и даже псковичи. Новгородцы спѣшили собрать какъ можно больше войска: силою погнали на войну множество плотниковъ, ремесленниковъ и чернорабочихъ, людей къ бою не привычныхъ; на берегахъ р. *Шелони* это большое, но нестройное ополченіе, было на-голову разбито московской передовой ратью. Въ числѣ плѣнниковъ попался одинъ изъ сыновей Марѳы Борецкой, — Іоаннъ велѣлъ казнить его вмѣстѣ съ тремя другими знатными боярами.

Между тѣмъ Казиміръ IV, занятый своимъ дѣломъ, помощи не прислалъ, московская рать нещадно пустошила землю „измѣнниковъ“ и въ довершеніе всего Новгороду грозилъ голодъ, такъ какъ прекращенъ былъ подвозъ хлѣба. Новгородцы упали духомъ, московская партія взяла теперь верхъ надъ литовской, и къ Іоанну отправили пословъ, во главѣ съ сторонникомъ Москвы владыкою Ѳеофиломъ, бить челомъ о мирѣ. Великій князь внялъ челобитью Ѳеофила и примирился съ новгородцами. Онъ взялъ съ нихъ только большой окупъ (15.500 р.) и обязательство не передаваться Литвѣ, но вѣчевого устройства не тронулъ, оставивъ въ силѣ только тѣ ограниченія, какія были сдѣланы при Василіи II. Съ обычной своей осторожностію, Іоаннъ медлилъ рѣшительнымъ шагомъ, опасаясь вызвать тѣмъ отчаянное сопротивленіе новгородцевъ.

Умѣренность Іоанна умножила число сторонниковъ Москвы, а принадлежавшее вел. князю право верховнаго суда дало возможность еще болѣе усилить московскую партію. Когда, по уходѣ московской рати, въ Новгородѣ опять начались обычные раздоры партій и богачи—сторонники Литвы стали притѣснять своихъ противниковъ, послѣдніе ѣздили съ жалобами въ Москву. Великій князь, наконецъ, самъ пріѣхалъ въ Новгородъ (1475) и потребовалъ обвиненныхъ на судъ; судъ былъ по старой формѣ, въ присутствіи владыки и посадника; виновныхъ въ насиліяхъ и обидахъ велѣно было сковать и

отправить въ Москву, въ числѣ ихъ оказалось большинство главарей литовской партіи. Обезсиливъ послѣднюю и ближе познакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ, Іоаннъ рѣшилъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ вольной общинѣ, и воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ. Разъ (въ 1477 г.) въ Москву явились послы отъ вѣча и (безъ вѣдома послѣдняго, вѣроятно, по порученію архіепископа и бояръ, приверженныхъ къ Москвѣ) назвали великаго князя „государемъ", а не „господиномъ", какъ звали прежде *). Іоаннъ немедленно послалъ спросить новгородцевъ: „Какого хотятъ они государства? Хотятъ ли, чтобы у нихъ былъ одинъ судъ государевъ?" Новгородцы пришли въ страшное волненіе, тутъ же на вѣчѣ изрубили нѣкоторыхъ сторонниковъ Москвы и послали сказать, что они не желаютъ ничего новаго, но хотятъ, чтобы все оставалось по старинѣ. Но Іоаннъ твердилъ одно: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляютъ меня лжецомъ", — и объявилъ второй походъ на Новгородъ. На этотъ разъ сопротивленія не было и городъ былъ осажденъ безъ битвы. На смиренные запросы новгородцевъ Іоаннъ отвѣчалъ: „Хотимъ въ Великомъ Новгородѣ такого же государства, какое у насъ въ Москвѣ; вѣчевому колоколу у васъ не быть и государство все намъ держать". Послѣ долгихъ переговоровъ и попытокъ склонить Іоанна на милость, новгородцы вынуждены были на все согласиться и присягнули Іоанну какъ самовластному государю (1478). Вѣчевой колоколъ сняли и увезли въ Москву. Туда же отправили и престарѣлую Марѳу Посадницу съ внукомъ и нѣсколькими боярами.

Не прекращавшіяся и послѣ того волненія въ Новгородѣ и попытки сноситься съ Литвою подавлены были наконецъ рѣшительной мѣрой: нѣсколько тысячъ лучшихъ семей новгородскихъ переселены были въ города восточной Россіи, а на ихъ мѣсто переведены дѣти боярскіе и купцы изъ московской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ по приказу великаго князя похватали ганзейскихъ купцовъ и бросили въ тюрьму, а товары ихъ отобрали въ казну. Торговля съ Ганзой послѣ этого почти прекратилась, что окончательно подорвало значеніе Новгорода.

Вслѣдъ за Новгородомъ покорена была самая значительная изъ его колоній—община Вятская, а равно и другія обширныя владѣнія Новгорода на сѣверѣ Россіи (земли Пермская, Печорская, Югорская).

---

*) Слову государь придавалось значеніе полнаго властителя. Слова „господарь" (осподарь) и „государь" (осударь) въ примѣненіи къ князьямъ входятъ въ употребленіе съ XIV в., происходятъ отъ—*оспода*, означающаго семью; *осподарь*—начальникъ семьи, отецъ семейства.

Присоединеніе Твери. Послѣ паденія Новгорода Тверь была уже со всѣхъ сторонъ окружена московскими владѣніями, и присоединеніе ея къ Москвѣ было только вопросомъ времени. Послѣдній тверской великій князь Михаилъ Борисовичъ (родственникъ Іоанна по женѣ) думалъ упрочить свое положеніе союзомъ съ Казиміромъ IV и попалъ въ то же положеніе, какъ и новгородцы. Іоаннъ объявилъ ему войну, Казиміръ помощи не далъ и Михаилъ бѣжалъ въ Литву, не осмѣливаясь оружіемъ противиться Іоанну, тѣмъ болѣе, что тверскіе бояре одинъ за другимъ стали переѣзжать на службу въ Москву. Такимъ образомъ Тверь мирно была присоединена къ Москвѣ (1485), а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре перешли на службу къ московскому государю.

Точно также безъ кровопролитія Іоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, удѣлы всѣхъ своихъ братьевъ и часть Рязанской области, пользуясь для того всякими, важными и неважными, поводами.

Неприсоединенными остались только Псковъ и часть Рязанской области и то потому, что безусловно повиновались Іоанну. Окончательное присоединеніе ихъ Іоаннъ оставилъ на долю своего преемника.

Сверженіе татарскаго ига. Во время княженія Іоанна III зависимость Руси отъ татаръ существовала больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности и видимо приходила къ концу. Расшатываемая внутренними междоусобіями и борьбой съ отложившимися отъ нея ханствами—Крымскимъ и Казанскимъ, Золотая Орда не имѣла силъ даже для того, чтобы настоять на регулярной уплатѣ дани въ опредѣленномъ размѣрѣ, какъ было прежде, и вынуждена была довольствоваться тѣми дарами, какія давалъ ханскимъ посламъ московскій князь, но не постоянно, а лишь тогда, когда по обстоятельствамъ нужно было отклонить татаръ отъ большихъ вторженій. При извѣстной разсчетливости и даже скупости Іоанна III, дары эти не могли быть особенно значительны. Наконецъ *Ахматъ*, послѣдній ханъ Золотой Орды, заручившись союзомъ съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, рѣшительно потребовалъ отъ Іоанна прежней дани и прежнихъ знаковъ покорности и получилъ не менѣе рѣшительный отказъ *). Побуждаемый общимъ народнымъ настроеніемъ, совѣтами своей матери и

*) Есть извѣстіе, что ордынскіе послы явились въ Москву съ ханскими грамотами и басмой (изображеніе хана), и потребовали, чтобы великій князь, по прежнимъ обычаямъ, публично преклонился передъ басмой и, стоя на колѣняхъ, слушалъ чтеніе ханской грамоты. Обычно сдержанный, Іоаннъ III на этотъ разъ вышелъ изъ себя, изломалъ басму, разорвалъ грамоту, растопталъ ногами и велѣлъ сказать хану, что и съ нимъ будетъ то же, что съ басмой, если онъ не оставитъ Москву въ покоѣ.

жены *), многихъ бояръ и особенно духовника своего Ростовскаго архіепископа *Вассіана*, Іоаннъ готовился дать открытый отпоръ Ахмату, тѣмъ болѣе, что имѣлъ надежнаго себѣ союзника въ лицѣ заклятаго врага Ахмата—крымскаго хана *Менгли-Гирея*. Сильная московская рать двинута была на встрѣчу Ахмату, который пробирался съ своей ордой къ западу чрезъ владѣнія своего союзника—польскаго короля и приблизился къ р. *Угрѣ*, составлявшей границу московской земли.

Оба ополченія стали другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ рѣки, не рѣшаясь перейти въ наступленіе. Ахматъ дожидался помощи отъ Казиміра. Крайне осторожный Іоаннъ опасался дать битву хану и поставить все въ зависимость отъ случайностей военнаго дѣла. Населеніе волновалось, какъ предъ битвой на Куликовѣ полѣ, высшее духовенство и особенно Вассіанъ горячо убѣждали Іоанна безъ боязни и колебаній идти на встрѣчу Ахмату. „Зачѣмъ боишься смерти, говорилъ ему Вассіанъ: вѣдь ты не безсмертенъ; а безъ року нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войско въ руки: увидимъ, уклоню ли я лицо свое предъ татарами!“ Іоаннъ отправился къ войску и завелъ тамъ мирные переговоры съ Ахматомъ. Не получая помощи отъ Казиміра, ханъ былъ радъ такому обороту дѣлъ, но потребовалъ, чтобы самъ великій князь явился къ нему „бить челомъ“. Іоаннъ, конечно, отказался. Тогда ханъ предложилъ прислать для переговоровъ сына или брата Іоанна. И на это не согласились. Татары, наконецъ, просили прислать для переговоровъ знатнаго боярина... Но въ эту пору пришло къ Іоанну посланіе отъ Вассіана, и переговоры были совсѣмъ прерваны. Въ сильныхъ, краснорѣчивыхъ выраженіяхъ убѣждалъ Вассіанъ своего духовнаго сына „стать на брань противъ безбожнаго Ахмата“, напоминалъ ему примѣры мужества древнихъ русскихъ князей и особенно Димитрія Донского, приводилъ библейскіе примѣры, горячо увѣщевалъ его не слушаться людей, совѣтующихъ избѣгать битвы...

Между тѣмъ наступили морозы, рѣка Угра стала, татары могли теперь безпрепятственно двинуться на другой берегъ. Іоаннъ велѣлъ

---

*) Вторая жена Іоанна, гордая Софья Ѳоминишна (племянница послѣдняго греческаго императора) считала несовмѣстнымъ съ достоинствомъ московскаго государя быть данникомъ татарскаго хана и побуждала Іоанна къ противодѣйствію татарамъ, тѣмъ не менѣе во время нашествія Ахмата не осталась въ Москвѣ, но уѣхала, по желанію Іоанна, далѣе на сѣверъ, чѣмъ очень недовольны были москвичи. За то мать Іоанна, инокиня Марѳа, много содѣйствовавшая примиренію Іоанна съ братьями въ виду общей опасности отъ татаръ, пожелала остаться въ столицѣ и раздѣлить съ населеніемъ грозившую ему участь, за что и снискала общія похвалы въ народѣ, видѣвшемъ въ ней настоящую русскую женщину, въ противоположность чужеземкѣ.

войску отступать, обѣщая дать битву на болѣе удобномъ мѣстѣ. Но татары, плохо одѣтые, побоялись морозовъ и тоже двинулись назадъ, въ степи (1480). Помощи изъ Литвы они такъ и не получили: союзникъ Іоанна Менгли-Гирей напалъ на Литву и отвлекъ тѣмъ войска Казиміра отъ соединенія съ Ахматомъ. Въ то же время московскіе отряды вмѣстѣ съ крымскими напали на беззащитный Сарай и разграбили его. Ахматъ спѣшилъ въ свою разоренную столицу, но на пути былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ.

1480 годъ считается послѣднимъ годомъ владычества татаръ надъ русской землей. Двадцать лѣтъ спустя, вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей *), послѣ кровопролитной борьбы съ сыновьями Ахмата, окончательно разгромилъ Кипчакское царство (1502).

Скоро и Казань утратила свою независимость. Воспользовавшись начавшимися тамъ усобицами, Іоаннъ помогъ хану Мегметъ-Аминю въ борьбѣ съ братомъ; въ благодарность за это Мегметъ-Аминь, утвердившись на престолѣ, призналъ себя подручникомъ московскаго князя.

Борьба съ Литвой. Іоаннъ III первый изъ московскихъ князей начинаетъ *наступательное движеніе на Литву* съ цѣлію возвращенія отошедшихъ къ ней западно-русскихъ областей. Онъ сталъ называть себя „государемъ *всея Руси*" и высказывалъ мысль, что всѣ западныя русскія области съ православнымъ населеніемъ должны принадлежать ему, какъ потомку св. Владиміра и православному государю, а не иновѣрному польско-литовскому королю.

Въ свою очередь населеніе западно-русскихъ областей видимо все болѣе и болѣе начинаетъ тяготиться зависимостью отъ католическихъ властей; при Іоаннѣ многіе изъ мелкихъ пограничныхъ князей Черниговско-Сѣверской области перешли съ своими городами изъ литовскаго подданства въ московское, при чемъ иные изъ нихъ прямо жаловались на притѣсненія православію. Казиміръ IV неоднократно требовалъ отъ Іоанна возврата этихъ городовъ, но успѣха не имѣлъ; онъ умеръ, приготовляясь къ войнѣ съ Москвою. Его сынъ и преемникъ по званію литовскаго князя (онъ потомъ сдѣлался и польскимъ королемъ) Александръ думалъ поправить дѣло женитьбой на дочери своего могучаго противника, но также ничего не добился, переходы удѣльныхъ князей Литвы къ единовѣрной Москвѣ не прекратились. Послѣдовавшая затѣмъ война съ Москвой была крайне неудачна для Литвы: при Дорогобужѣ московскій воевода Даніилъ Щеня, благодаря умѣло устроенной засадѣ, разбилъ на-голову литовское войско, при

---

*) Менгли-Гирей, помимо вражды къ своимъ соперникамъ въ Золотой Ордѣ, и потому дорожилъ союзомъ съ московскимъ княземъ, что въ 1475 году турки покорили Крымъ и крымскій ханъ сталъ подручникомъ султана, который, конечно, могъ смѣнить своего вассала, когда вздумается. Менгли-Гирей и стремился имѣть заручку въ Москвѣ, гдѣ выговорилъ себѣ убѣжище на случай бѣгства отъ враговъ или опалы султана.

чемъ попалъ въ плѣнъ и самъ начальникъ литовскаго войска гетманъ Константинъ Острожскій, Александръ вынужденъ былъ заключить перемиріе съ Іоанномъ (1503) и уступить ему всѣ отложившіяся отъ Литвы земли Сѣверской области. Послы Александра пробовали уговорить Іоанна заключить „вѣчный миръ" съ Польшей, но тотъ не согласился, и открыто заявилъ, что будетъ добывать отъ Литвы древнія русскія земли, захваченныя ею. „Хотите вѣчнаго мира,—сказалъ онъ,—отдайте Смоленскъ и Кіевъ".

Бракъ съ Софьей Палеологъ. Весьма важнымъ событіемъ по своимъ послѣдствіямъ была женитьба Іоанна III на греческой царевнѣ. Послѣ паденія Константинополя въ 1453 г. братъ послѣдняго византійскаго императора Ѳома Палеологъ нашелъ себѣ убѣжище при папскомъ дворѣ. Папы покровительствовали Палеологамъ, памятуя Флорентійскую унію. Ѳома умеръ въ Римѣ, оставивъ дочь Софью. Папа (Павелъ II) искалъ ей супруга. Одинъ изъ греческихъ митрополитовъ, приставшихъ къ Флорентійской уніи (Виссаріонъ), получившій въ Римѣ санъ кардинала, посовѣтовалъ папѣ предложить руку Софьи великому князю Московскому, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшему. Папа надѣялся при посредствѣ Софьи снова завести съ Москвою переговоры о соединеніи церквей. Въ Москвѣ, въ свою очередь, были польщены предложеніемъ невѣсты изъ такой знатной царственной фамиліи.

Софья пріѣхала въ Москву и обвѣнчалась съ Іоанномъ (1482). Прибывшій вмѣстѣ съ нею папскій легатъ (кардиналъ Антоній) пробовалъ вести въ Москвѣ переговоры о соединеніи церквей, но никакого успѣха не имѣлъ *). Софья, съ своей стороны, и не думала содѣйствовать видамъ папы, ея дѣятельность обращена была на другое. Племянницѣ греческаго императора, знакомой съ пышностью и величіемъ византійскаго двора и съ порядками жизни на Западѣ, не нравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни московскихъ князей и ихъ отношеніяхъ къ боярамъ, и Софья стала побуждать своего супруга окружить себя бо́льшей пышностью и величіемъ па византійскій ладъ. Властолюбивый и безъ того уже склонный къ самодержавію Іоаннъ тѣмъ охотнѣе внималъ этимъ увѣщаніямъ, что сами обстоятельства невольно вынуждали его къ тому же. Русь объединилась и пріобрѣла самостоятельное положеніе въ ряду другихъ государствъ; съ паденіемъ Константинополя въ глазахъ всѣхъ Москва являлась единственной защитницей православія и преемницей завѣтовъ Византіи. Въ

*) Великій князь отдалъ дѣло на рѣшеніе митрополита, а тотъ нашелъ какого-то книжника Никиту Поповича для состязанія съ легатомъ. Этотъ Никита, по словамъ лѣтописца, переспорилъ кардинала такъ, что тотъ не зналъ что̀ и отвѣчать, — отговаривался только тѣмъ, что съ нимъ нѣтъ книгъ, нужныхъ для спора.

связи со всѣмъ этимъ измѣняются постепенно обычаи и внѣшняя обстановка великокняжескаго двора въ Москвѣ.

Считая себя какъ бы наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ *), Іоаннъ въ сношеніяхъ съ иностранцами началъ титуловаться *царемъ* (цезарь), пословъ сталъ принимать съ пышной торжественностью; установилъ обрядъ цѣлованія царской руки въ знакъ милости и т. д. По подобію Византіи являются особые придворные чины (ясельничій, конюшій, постельничій), доступъ къ великому князю сталъ труднѣе, обращеніе съ подданными суровѣе и властнѣе, чѣмъ прежде. Измѣнилось и положеніе боярскаго сословія. Великій князь сталъ жаловать въ бояре за заслуги, — требовалъ отъ нихъ строго-почтительнаго отношенія къ своей особѣ и подъ конецъ княженія почтиересталъ съ ними совѣтоваться. За свою взыскательность и суровыя наказанія ослушникамъ онъ получилъ отъ современниковъ прозваніе „Грознаго" **).

Московскіе бояре, среди которыхъ было не мало потомковъ удѣльныхъ князей —Рюриковичей и Гедиминовичей—были крайне недовольны такой перемѣной и, считая главной виновницей всего Софью, сильно ее не взлюбили. Это, между прочимъ, сказалось въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Старшій сынъ великаго князя отъ перваго брака Іоаннъ Молодой, уже объявленный наслѣдникомъ престола, умеръ еще при жизни отца (1490), оставивъ сына Димитрія. Возникъ вопросъ, кому теперь быть наслѣдникомъ престола — внуку Іоанна Димитрію, или другому сыну вел. князя—отъ Софьи—Василію? Бояре приняли сторону Димитрія, а Софью настолько успѣли очернить предъ государемъ, что онъ удалилъ ее отъ двора. Димитрія торжественно вѣнчали на великое княженіе въ Успенскомъ соборѣ по особому чину, заимствованному изъ Византіи. Но вскорѣ происки бояръ обнаружились и главнѣйшіе изъ противниковъ Софьи жестоко поплатились за свои козни: одному (князю Ряполовскому) отрубили голову, двоихъ (князей Патрикѣевыхъ) постригли въ монахи. Софья съ сыномъ была возвращена и наслѣдникомъ объявленъ Василій Іоанновичъ, а Димитрія заключили подъ стражу.

Сношенія съ Западной Европой. При Іоаннѣ III Московская Русь, какъ самостоятельное и при томъ значительное по своимъ размѣрамъ и силѣ государство, возобновляетъ (прерванныя татарщиной) сношенія съ Западной Европой. При этомъ преслѣдовались какъ *поли-*

---

*) На великокняжескихъ печатяхъ при Іоаннѣ къ прежнему московскому гербу—изображенію св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона, присоединяется византійскій гербъ—двуглавый орелъ.

**) Изъ разсказовъ иностранцевъ видно, что уже самою наружностію своей Іоаннъ производилъ сильное впечатлѣніе на современниковъ. Высокій ростомъ, красивый, онъ имѣлъ повелительный видъ; говорятъ, что робкія женщины не могли выносить его грознаго взгляда и падали въ обморокъ; бояре настолько боялись его, что во время длинныхъ дворцовыхъ пировъ, когда Іоаннъ, утомленный долгой бесѣдой, дремалъ, они не смѣли пошевельнуться и въ глубокомъ молчаніи ждали, когда ихъ повелитель проспется и вновь позволитъ имъ веселиться и веселить себя.

тическія цѣли—пріисканіе союзниковъ для борьбы съ общими врагами и т. п., такъ и особенно *практическія*—стремленіе стать въ уровень съ другими въ военномъ дѣлѣ, въ устройствѣ и украшеніи городовъ, въ развитіи ремеслъ и промысловъ и т. д. Западныя государства охотно шли на встрѣчу этимъ стремленіямъ и сами искали сближенія съ сильнымъ московскимъ государемъ, преслѣдуя, разумѣется, свои политическіе и торговые интересы.

Такъ начались при Іоаннѣ дипломатическія „пересылки“ съ *Даніей* ради борьбы съ Швеціей (между прочимъ въ угоду датскому королю—врагу Ганзы Іоаннъ велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ ганзейскихъ купцовъ) и съ *Венгріей*, имѣвшей съ Москвою общаго непріятеля въ лицѣ польскаго короля. Изъ-за польскихъ же дѣлъ, повидимому, австрійскіе Габсбурги, занимавшіе тогда императорскій престолъ въ *Германіи* (Фридрихъ III и его сынъ Максимиліанъ) сами отправили пословъ въ невѣдомую дотолѣ „Московію“. При этомъ племянникъ германскаго императора сватался за одну изъ дочерей великаго князя, но въ Москвѣ не согласились, считая приличной партіей для княжны только сына императора. Посолъ Габсбурговъ думалъ заинтересовать Іоанна полученіемъ королевскаго титула изъ рукъ германскаго императора, но получилъ отъ великаго князя горделивый отвѣтъ, что онъ „Божіею милостію государь на своей землѣ изначала, отъ своихъ прародителей“ и „поставленія“ ни отъ кого не желалъ и не желаетъ *). Больше чисто практической пользы принесли Москвѣ сношенія съ *Венеціей*, куда Іоаннъ посылалъ пословъ для вызова нужныхъ ему мастеровъ, и особенно съ *Италіей*, въ который тогда настала эпоха Возрожденія наукъ и искусствъ и которая славилась своими художниками и мастерами. Наибольшую извѣстность между ними получилъ у насъ Аристотель Фіоравенти, строитель главной московской святыни – Успенскаго собора **). Въ то же время построены были каменные соборы Архангельскій (служившій усыпальницей государей Москвы) и Благовѣщенскій (имѣвшій значеніе домовой церкви вел. князя). Для торжественныхъ собраній и пріемовъ выстроено было особое зданіе, такъ называемая „Грановитая палата“ ***). Кремль былъ обведенъ вновь каменной стѣной съ красивыми воротами и башнями. Для себя Іоаннъ III отстроилъ каменный дворецъ; подражая ему, митрополитъ и нѣкоторые бояре также выстроили себѣ каменные дома. Кромѣ зодчихъ изъ Зап. Европы выписано не мало и другихъ „хитрыхъ мастеровъ“, которые лили пушки ****), открыли серебряную руду въ Печорскомъ краѣ, чеканили

*) Завязались сношенія и съ Востокомъ: такъ, начались переговоры съ Турціей ради торговыхъ интересовъ; владѣтель Хивы и Бухары заключилъ съ Іоанномъ III дружественный союзъ; Грузинскій царь (Александръ) просилъ покровительства московскаго государя; съ государемъ Молдавіи и Валахіи Іоаннъ вступилъ въ родственныя связи, женивъ на его дочери своего старшаго сына Іоанна.

**) Выстроенный при Калитѣ Успенскій соборъ обветшалъ и былъ сломанъ. Аристотелю за трудъ платили большую по тому времени сумму—10 рублей въ мѣсяцъ.

***) Названіе получила отъ граненныхъ снаружи стѣнъ.

****) Между прочимъ итальянецъ Дебосисъ въ 1482 г. слилъ знаменитую „царь-пушку“, которая и теперь изумляетъ своею огромностью.

монету изъ русскаго серебра и пр. Принятые Іоанномъ на службу нѣмцы и литовцы, свѣдущіе въ ратномъ дѣлѣ, учили русскихъ иноземному строю; при этомъ впервые была заведена артиллерія. Выписаны были, наконецъ, два „добрыхъ лѣкаря“, но оба поплатились своими головами за то, что не сумѣли вылѣчить сына вел. князя Іоанна Молодого и одного татарскаго царевича. Напуганные этимъ, нѣкоторые „мастера“ (между прочимъ Аристотель Фіоравенти) стали было проситься на родину, но ихъ не пустили...

Изданіе Судебника. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ актовъ правительственной дѣятельности Іоанна III явилось изданіе *Судебника* (1497 г.) съ правилами суда и судопроизводства, взамѣнъ „Русской Правды“, которая считалась уже несоотвѣтствовавшей потребностямъ времени. И ранѣе съ тою же цѣлью въ разныхъ областяхъ издавались князьями особые судные уставы и грамоты въ руководство княжимъ намѣстникамъ. Съ объединеніемъ же сѣверо-восточной Руси было необходимо отмѣнить областныя отличія и ввести всюду одинаковыя правила судопроизводства. Въ этихъ видахъ, по порученію Іоанна, и составленъ былъ дьякомъ Гусевымъ новый сводъ судебныхъ законовъ изъ судныхъ уставовъ и грамотъ прежнихъ князей.

Въ Судебникѣ прежде всего опредѣлено, кто и какъ долженъ судить. Судья, княжескій намѣстникъ или волостель (бояринъ или сынъ боярскій) не можетъ судить одинъ, но въ присутствіи особаго княжескаго чиновника („дворскаго“), мѣстнаго старосты и выборныхъ изъ „лучшихъ“ людей. Послѣдніе присутствовали на судѣ какъ своего рода свидѣтели правильности или неправильности веденія дѣла на случай жалобы на неправое рѣшеніе. При судьяхъ состояли дьяки, занимавшіеся дѣлопроизводствомъ. Наиболѣе трудныя и важныя дѣла, которыя „управить будетъ нельзя“, положено было представлять великому князю. Судьямъ опредѣляется отъ каждаго дѣла извѣстная пошлина съ подсудимыхъ, но давать *посулы* (взятки) запрещено, о чемъ и велѣно было „прокликать“ всюду по торгамъ. Месть и самоуправство, которыя допускались въ „Русской Правдѣ“, въ Судебникѣ уже не встрѣчаются: судъ и расправу правительство теперь беретъ исключительно на себя. Взиманіе штрафовъ въ качествѣ наказанія, установленное „Русской Правдой“, считается недостаточнымъ для дѣлъ уголовныхъ: теперь вводятся *пытки*, *тѣлесныя наказанія* и *смертная казнь*—въ чемъ отразилось, очевидно, вліяніе татарскаго владычества и связаннаго съ нимъ огрубѣнія нравовъ. За первое воровство и другія менѣе важныя преступленія назначена „торговая казнь“, т. е. публичное наказаніе кнутомъ на торгу. За двукратное воровство, разбой, душегубство, ябедничество, святотатство, похищеніе людей, поджигательство и т. п. „лихія дѣла“ (т. е. уголовныя преступленія) назначена смертная казнь. Въ запутанныхъ дѣлахъ тяжущимся предоставлялось иногда рѣшить ихъ споръ „*полемъ*“, т. е. судебнымъ поединкомъ. Бойцы, одѣвъ броню, бились обыкновенно дубинами (ослопами)

въ присутствіи судей, при чемъ судебные пристава должны были наблюдать, чтобы дѣло не доходило до убійства. Побѣдитель считался выигравшимъ тяжбу. Людямъ слабымъ (женщинѣ, увѣчному, больному, старику) дозволялось выставлять вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ.

Замѣчательно, между прочимъ, необычное въ законодательствахъ другихъ народовъ тѣхъ временъ постановленіе Судебника о наслѣдствѣ: если кто умретъ безъ духовнаго завѣщанія и не будетъ у него сына, то все имѣніе и земля идутъ *дочери*, а не будетъ дочери—наслѣдуетъ ближайшій родственникъ.

Церковныя дѣла. Изъ церковныхъ дѣлъ въ княженіе Іоанна III останавливаетъ на себя вниманіе борьба съ *ересью жидовствующихъ*. Эта ересь представляетъ собою смѣшеніе христіанства съ іудействомъ (отчего получила и свое названіе). Распространителями ея были евреи, а также единомышленные съ ними русскіе книжники. Сближеніе между ними состоялось на почвѣ Библіи и стремленіи примирить Ветхій и Новый Завѣты. Считая обязательнымъ только то, въ чемъ, на ихъ взглядъ, были согласны между собою книги Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, еретики отвергали ученіе о св. Троицѣ, божество Іисуса Христа, почитаніе святыхъ и иконъ, церковныя таинства и обряды, монашество и т. д. Впервые ересь появилась въ половинѣ XV в. въ Новгородѣ (распространителемъ ея здѣсь считается кіевскій еврей Схарія) и отсюда проникла въ Москву. Лжеученіемъ интересовались по преимуществу лица, сравнительно болѣе другихъ образованныя и находившія, повидимому, въ немъ исходъ своему недовольству господствовавшимъ тогда исключительно обрядовымъ пониманіемъ религіи. Такъ, въ числѣ тайныхъ послѣдователей ереси были любимый дьякъ Іоанна, одинъ изъ способнѣйшихъ московскихъ дипломатовъ того времени, Ѳедоръ Курицынъ, невѣстка Іоанна Елена (жена Іоанна Молодого) и архимандритъ Симонова монастыря Зосима, который пользовался благосклонностію Іоанна III и даже былъ возведенъ имъ въ санъ митрополита. Подъ покровительствомъ такихъ лицъ ересь сильно распространилась въ Москвѣ. Энергичнымъ противникомъ ея явился новгородскій архіепископъ *Геннадій*; онъ вызвалъ себѣ въ помощь краснорѣчиваго *Іосифа Санина* (или Волоцкаго, основателя Волоколамскаго монастыря). Послѣдній издалъ противъ еретиковъ цѣлый рядъ обличительныхъ посланій (собраніе ихъ извѣстно подъ названіемъ „Просвѣтитель"). Православная партія, кромѣ того, нашла себѣ поддержку въ лицѣ Софьи Ѳоминишны. Такимъ образомъ къ борьбѣ религіозной примѣшалась еще борьба придворныхъ партій—Софьи и Елены. И хотя Іосифъ своими смѣлыми обличеніями достигъ того, что митрополитъ Зосима вынужденъ былъ оставить каѳедру, но пока партія Елены была сильна, могли держаться и еретики. Когда же окончательно взяла верхъ Софья (по вопросу о престолонаслѣдіи), а Елену съ сыномъ Дмитріемъ заключили подъ стражу, еретики лишились своей главной опоры, тѣмъ болѣе, что и дьякъ Курицынъ около того же времени умеръ. Съ согласія Іоанна, созванъ былъ духовный соборъ (1504), на которомъ ересь была осуждена, главари ея были сожжены, а второстепенные руководители заключены въ тюрьмы.

На томъ же соборѣ поднятъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть вотчинами. Знаменитый подвижникъ *Нилъ Сорскій* *) горячо возставалъ противъ этого, доказывая, что монастырямъ владѣть вотчинами неприлично, такъ какъ они отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ и обременяютъ мірскими заботами. Но Іосифъ Санинъ и большинство епископовъ собора отстояли право монастырей на владѣніе имѣніями. „Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ постричься честному (знатному) и благородному человѣку? А если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять архіереевъ? Тогда и вѣрѣ будетъ поколебаніе“.

Завѣщаніе Іоанна III. Умирая, Іоаннъ оставилъ духовную, которою старшему сыну Василію отказалъ великое княженіе со всѣми наиболѣе значительными городами. По старому обычаю, и остальные четыре сына его также получили разные города во владѣніе; но всѣ ихъ удѣлы, вмѣстѣ взятые, не равнялись и половинѣ земель великаго князя. Младшіе братья обязались присягой повиноваться старшему, они не имѣли права въ удѣлахъ судить уголовныя дѣла,—чеканить монету и сноситься съ иностранными государями. Если бы кто изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ—удѣлъ его долженъ наслѣдовать старшій. Мало того, младшіе братья обѣщались въ случаѣ смерти Василія признать великимъ княземъ и подчиняться его будущему сыну, а своему племяннику. Такимъ образомъ предупреждались всякія попытки нарушить престолонаслѣдіе по прямой линіи и устранялась опасность для самодержавія преемниковъ Іоанна III.

Значеніе дѣятельности Іоанна III оцѣнивается историками различно. Преобладаетъ мнѣніе, что только счастливое положеніе Іоанна III послѣ цѣлаго ряда дѣятельныхъ и умныхъ его предшественниковъ доставило ему возможность достигнуть крупныхъ результатовъ. Не отрицая подготовительной работы его предковъ, слѣдуетъ замѣтить, что княженіе Іоанна III слишкомъ богато выдающимися событіями и крупными пріобрѣтеніями, чтобы можно было ставить все это результатомъ дѣятельности предшествующихъ поколѣній, а не Іоанна III и его современниковъ. Правда и то, что въ эпоху Іоанна III обстоятельства складывались благопріятно для пріобрѣтеній: низшіе классы въ Новгородѣ, бояре въ Сѣверскихъ княжествахъ, православные въ Литвѣ тяготѣли своими симпатіями къ Москвѣ; это, конечно, облегчило ходъ дѣла. Но заслуга Іоанна III въ томъ прежде всего, что онъ не опустилъ изъ вниманія этихъ явленій: онъ не торопилъ событій, скорѣе даже, по своей обычной осторожности, замедлялъ ихъ—такъ, напр., Новгородъ онъ взялъ въ два пріема; но онъ не пропустилъ ни одного удобнаго случая и дѣлалъ свое дѣло медленно, но прочно и вѣрно. Его спокойная политика принесла крупный резуль-

*) Названъ такъ по обители его на р. Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря.

татъ—при немъ совершилось объединеніе всего великорусскаго племени подъ державой московскаго князя. Границы московскаго княжества почти совпадали теперь съ предѣлами великорусской народности. Національное самосознаніе великоруссовъ, ярко проявившее себя общими дѣйствіями населенія разныхъ княжествъ на Куликовомъ полѣ, нашло себѣ теперь внѣшнее выраженіе этого единства: всѣ почти княжества окончательно сливаются съ Москвой, образуютъ съ ней одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естественное послѣдствіе этого движенія, наносится послѣдній ударъ слабѣющей Ордѣ, окончательно свергается монгольское иго и Московское княжество становится самостоятельнымъ *національнымъ* великорусскимъ *государствомъ*. Московскому государю приходится теперь вступать въ тѣ или иныя соотношенія уже не съ удѣльными князьями, а съ иноземными государями. Сознаніе своей силы и самостоятельности, какъ независимаго владѣтеля въ ряду другихъ государей, сосѣдей Москвы, невольно вывело мысль Іоанна и окружающихъ его лицъ изъ тѣснаго круга мѣстныхъ заботъ и интересовъ за предѣлы Московскаго княжества, гдѣ тоже были русскіе люди, но только подъ властію чуждыхъ имъ по вѣрѣ и происхожденію государей, пробудили заглохнувшую было въ удѣльный періодъ въ умахъ князей мысль о Русской землѣ, какъ единомъ цѣломъ, о древней колыбели русскаго народа—Кіевѣ, о старинныхъ русскихъ областяхъ на Западѣ, попавшихъ подъ вліяніе католицизма и т. д. Этимъ опредѣляется, между прочимъ, характеръ отношеній Іоанна III къ Литвѣ, его сношенія съ Зап. Европой и пр. Въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, Іоаннъ III не вызывалъ и не двигалъ событій, можно бы сказать, что они его двигали, но онъ бралъ всегда вѣрный тонъ, обнаруживалъ ясное пониманіе дѣла и, отражая господствовавшія тогда общественныя настроенія и стремленія, находилъ вѣрный исходъ этимъ стремленіямъ; вмѣстѣ съ другими, а чаще всего сдерживая чужія увлеченія, шелъ тихо, но увѣренно и ровно, не сбиваясь съ пути, и зашелъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Василій III (1505—1533).

Василій III продолжалъ политику своего отца, Іоанна III, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ: онъ еще болѣе усилилъ самодержавную власть великаго князя, присоединилъ къ Москвѣ *послѣдніе удѣлы*, сохранявшіе еще нѣкоторую независимость,—Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество (за что и носитъ въ исторіи названіе „послѣдняго собирателя русской земли“), старался увеличить предѣлы государства со стороны Литвы, послѣ борьбы съ которой захватилъ въ свои руки Смоленскъ. По личному характеру онъ сильно напоминалъ своего отца, хотя и уступалъ ему дарованіями.

Самодержавіе при Василіи III еще болѣе усилилось. Отецъ его всетаки повременамъ совѣтовался съ боярами, допускалъ иногда и

противорѣчіе себѣ; Василій совсѣмъ уже пересталъ съ ними совѣтоваться, а „встрѣчи" (противорѣчія) не терпѣлъ и вообща не довѣрялъ боярамъ (памятуя, какъ интриговали они противъ его матери Софьи и его самого по вопросу о престолонаслѣдіи). Онъ окружилъ себя людьми незнатными—дьяками, которыхъ привязывалъ къ себѣ разными милостями и въ которыхъ могъ встрѣтить себѣ лишь полнѣйшую покорность. Онъ только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярской думы, а рѣшалъ по-своему, совѣтуясь со своимъ любимцемъ дворецкимъ (Шигоной Поджогинымъ) и однимъ изъ приближенныхъ дьяковъ. Съ лицами, недовольными такими порядками, Василій III расправлялся сурово: боярину Берсеню, который осмѣлился жаловаться на то, что великій князь рѣшаетъ всѣ дѣла „запершись самъ-третей", отрубили голову; князь Холмскій, женатый на сестрѣ государя, за „высокоумничанье" попалъ въ тюрьму; митрополитъ Варлаамъ, не одобрявшій поступковъ Василія и печаловавшійся за опальныхъ бояръ, лишился своего сана и заточенъ въ монастырь. Впрочемъ, вообще казней при немъ было мало; онъ предпочиталъ брать съ бояръ, подозрѣваемыхъ въ намѣреніи отъѣхать въ Литву, поручныя росписки въ вѣрности; въ случаѣ попытокъ отъѣхать—налагалъ большіе штрафы и кромѣ того сдавалъ виновнаго подъ денежное поручительство другимъ боярамъ

У братьевъ своихъ Василій не отнималъ удѣловъ, но учредилъ за ними строгій надзоръ и держалъ въ строгомъ повиновеніи, такъ что они были на ряду съ прочими владѣльцами вотчинъ. Племянникъ его (и соперникъ по престолонаслѣдію) Димитрій, заключенный подъ стражу еще Іоанномъ III, такъ и умеръ въ тюрьмѣ. Вообще сила и значеніе великаго князя московскаго, имѣвшаго полную власть надъ жизнью и имуществомъ всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, стояла теперь такъ высоко, что баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ германскаго императора, въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Московіи, выразился объ этомъ такъ: „властью надъ своими подданными московскій государь превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ въ мірѣ".

Пышность великокняжескаго двора, заведенная еще Іоанномъ III, при Василіи еще болѣе увеличилась. Онъ увеличилъ число придворныхъ сановниковъ. Во время торжественныхъ пріемовъ вел. князь садился на высокомъ тронѣ, въ платьѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями, и въ золотой Мономаховой шапкѣ, кругомъ его стояли *рынды* (тѣлохранители), выбранные изъ самыхъ красивыхъ знатныхъ юношей, одѣтые въ бѣлые атласные кафтаны съ серебряными топориками въ рукахъ.

Послѣдніе удѣлы. Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество Василій III присоединилъ къ Москвѣ не только безъ войны, но и безъ

всякаго почти сопротивленія: имъ уже не подъ силу было бороться съ великимъ княземъ.

По поводу ссоры псковичей съ однимъ изъ намѣстниковъ (княземъ Репня-Оболенскимъ), Василій III пріѣхалъ въ Новгородъ. „Копитесь, копитесь, жалобщики, провозглашали псковичамъ бояре вел. князя: всѣмъ управу дадутъ". И въ Новгородъ съѣхались почти всѣ знатнѣйшіе псковичи. „Поимани есте Богомъ и государемъ великимъ княземъ всея Руси", заявили имъ теперь бояре Василія III и всѣхъ задержали. Въ Псковъ вслѣдъ затѣмъ прибылъ дьякъ (Далматовъ) и отъ имени великаго князя предъявилъ требованіе объ уничтоженіи вѣча и всѣхъ старыхъ порядковъ. Лишившись своихъ главарей, псковичи сильно упали духомъ; по словамъ лѣтописи, они проплакали о своей вѣчевой свободѣ цѣлыя сутки, которыя просили на размышленіе, и наконецъ объявили, что не хотятъ поднимать рукъ на государя и во всемъ ему повинуются (1510). Вѣчевой колоколъ былъ снятъ и увезенъ изъ Пскова; до 300 богатыхъ псковскихъ семействъ перевезли въ Москву, а на ихъ мѣсто перевезли столько же купеческихъ семействъ изъ московскихъ городовъ.

Вскорѣ безъ борьбы присоединена была и *Рязань*. Молодой рязанскій князь (Иванъ Ивановичъ) задумалъ избавиться отъ опеки Москвы и вошелъ въ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ (Сигизмундомъ I), надѣясь получить отъ нихъ помощь. Василій III провѣдалъ объ этомъ, вызвалъ князя въ Москву, какъ бы для совѣщанія по дѣламъ, и тамъ засадилъ его въ тюрьму (откуда послѣднему, впрочемъ, удалось бѣжать въ Литву). Съ рязанцами, которые отличались смѣлымъ, безпокойнымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ новгородцами и псковичами: многія семьи помѣщиковъ выселены въ Москву, а ихъ помѣстья розданы московичамъ (1520).

Князя Новгородъ-Сѣверскаго (Василія—внука Шемяки) также обвинили въ сношеніяхъ съ Литвою и посадили въ тюрьму, а удѣлъ его присоединили къ Москвѣ (1523). Богъ избавилъ государя нашего отъ запазушнаго врага", говорилъ по этому случаю митрополитъ Даніилъ, много способствовавшій захвату Шемячича вел. княземъ. Да и остальное московское населеніе видимо сочувствовало уничтоженію удѣловъ. Сохранился характерный разсказъ о томъ, какъ по улицамъ Москвы въ то время ходилъ какой-то юродивый съ метлою въ рукахъ и кричалъ: „Пора очистить московское государство отъ послѣдняго сора" (т. е. избавить отъ послѣдняго удѣльнаго князя). Присоединеніе Новгородъ-Сѣверскаго удѣла дѣйствительно было послѣднимъ шагомъ въ дѣлѣ уничтоженія удѣльной системы, принесшей столько зла русской землѣ и породившей массу нестроеній. Московскій князь сдѣлался теперь единодержавнымъ властителемъ всей сѣверо-восточной Руси.

Война съ Литвой. Съ самаго начала княженія у Василія III шли пререканія съ Литвою. Новый польско-литовскій король Сигизмундъ I (братъ Александра) даже потребовалъ у Василія Іанновича возврата земель, захваченныхъ у Литвы его отцомъ. Послѣдовавшая затѣмъ

борьба Москвы съ Литвою кончилась удачно для Василія—онъ захватилъ въ свои руки *Смоленскъ*.

Въ войнѣ съ Литвой важныя услуги оказалъ Василію одинъ западно-русскій вельможа князь Михаилъ Глинскій. Онъ былъ любимцемъ покойнаго короля Александра, и, какъ человѣкъ весьма по тому времени образованный, пробывшій долгое время за границей и искусный въ дѣлѣ ратномъ, имѣлъ громадное вліяніе на короля. Завистники Глинскаго сумѣли уронить его въ глазахъ новаго короля. Гордый вельможа поклялся отомстить и вступилъ въ тайныя сношенія съ Василіемъ III. Глинскій побудилъ его на войну съ Литвой въ неудобное для послѣдней время, направлялъ дѣйствія московскихъ войскъ и волновалъ Западную Русь, гдѣ у него была масса сторонниковъ. Между прочимъ его тайнымъ переговорамъ съ жителями Смоленска приписывали и сдачу этого города. Но, по разсказу нашей лѣтописи, Смоленскъ былъ взятъ главнымъ образомъ благодаря дѣйствію московской артиллеріи и настойчивости Василія III. Опытный пушкарь-иноземецъ мѣткими выстрѣлами изъ пушекъ сильно вредилъ городу и особенно много побилъ народу, стрѣляя мелкими ядрами (картечью). Смольняне просили перемирія, обѣщая подумать о сдачѣ. Но Василій, напротивъ, приказалъ усилить дѣйствіе артиллеріи, и городъ сдался (1514).

Радость по случаю взятія этого важнаго города скоро, однако, омрачена была сильнымъ пораженіемъ, которое нанесено было русскимъ воеводамъ подъ Оршей. Начальникомъ непріятелей въ этой битвѣ былъ князь Константинъ Острожскій, успѣвшій бѣжать изъ московскаго плѣна. Сдавшіеся было уже Москвѣ многіе западно-русскіе города вновь стали переходить на сторону Литвы. Заволновалось и населеніе Смоленска, но московскій намѣстникъ этого города, князь Василій Шуйскій, предупредилъ измѣну крайне рѣшительной мѣрой: онъ велѣлъ схватить главнѣйшихъ бояръ—зачинщиковъ смуты и повѣсилъ ихъ на городскихъ стѣнахъ съ тѣми подарками, которые они нѣкогда получили отъ Василія III при сдачѣ города...

Война закончилась перемиріемъ въ 1522 году, по которому Смоленскъ, болѣе ста лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, остался за Москвою.

Борьба съ татарами. Много хлопотъ надѣлала также Василію борьба съ татарами. Властвовавшіе въ Крыму сыновья Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Іоанна III, не слѣдовали примѣру отца. Не опасаясь остатковъ разсѣянной Золотой Орды, не тревожимые Турціей, Гиреи не боялись теперь нападать и на московскія владѣнія. Крымцы вошли въ сношенія съ казанцами, уговорили послѣднихъ свергнуть хана-подручника Василія Шигъ-Алея (внука Ахмата) и принять къ себѣ одного изъ Гиреевъ (Саинъ-Гирея, братъ крымскаго хана). Оба Гирея, крымскій и казанскій, затѣмъ неожиданно сдѣлали набѣгъ на московскія владѣнія, страшно опустошили ихъ и пробрались къ самой Москвѣ. Василій уѣхалъ на сѣверъ собирать войско, и хищники поспѣшили уйти *), уводя съ собою огромное количество плѣнныхъ (1521).

---

*) Есть извѣстіе, что крымскій ханъ только тогда согласился уйти изъ-подъ Москвы,

Собравшись съ силами, Василій Іоанновичъ вскорѣ отмстилъ казанцамъ, разорилъ ихъ землю, изгналъ Гиреевъ изъ Казани и опять посадилъ тамъ ханомъ своего подручника (касимовскаго царевича Еналея—брата Шигъ-Алея).

Что касается крымцевъ, то отражать каждый разъ силою неожиданные летучіе набѣги этихъ хищниковъ пока не представлялось возможности. Приходилось задабривать разбойничьи орды ежегодными „поминками" (подарками), чтобы онѣ оставляли въ покоѣ русскія области. Но и это плохо помогало. То подарковъ имъ казалось мало, а то они брали такія же „поминки" съ Польши съ обязательствомъ напасть на русскіе предѣлы. Иногда же, взявъ деньги съ той и другой стороны, крымцы грабили поочередно и Москву и Литву, пользуясь ихъ взаимною враждою.

Семейныя дѣла. Василій III женился еще при жизни отца на дочери незнатнаго дворянина Соломоніи Сабуровой, выбранной за красоту *). Болѣе двадцати лѣтъ прожилъ онъ съ женою, но, къ великому огорченію Василія, дѣтей у нихъ не было. Опасаясь, что послѣ его смерти престолъ перейдетъ къ кому-либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ неспособными къ управленію, Василій, съ разрѣшенія митрополита Даніила, во всемъ согласовавшагося съ видами вел. князя, рѣшился развестись съ Соломоніей, заключилъ ее въ монастырь и женился на племянницѣ извѣстнаго польско-литовскаго выходца Михаила Глинскаго—*Еленѣ*. Подъ вліяніемъ молодой супруги, воспитанной на Западѣ, вел. князь сталъ усваивать и нѣкоторые иноземные обычаи и даже сбрилъ себѣ бороду, къ великому недовольству ревнителей старины **).

Разводъ съ Соломоніей, какъ дѣло „не обычное" на Руси, осуждали не только многіе бояре, и безъ того недовольные Василіемъ, но и значительная часть самого духовенства, несмотря на разрѣшеніе, данное митрополитомъ. Особенно вооружились противъ этого старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикѣевыхъ, постриженныхъ при Іоаннѣ III), и знаменитый своей ученостію и строгою жизнію *Максимъ Грекъ*, который былъ призванъ въ Москву съ Аѳонской горы для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка. Возстановивъ противъ себя Василія, оба они кромѣ того вызвали противъ себя страшное недовольство могущественной тогда партіи „іосифлянъ" (сторонниковъ

когда получилъ отъ московскихъ воеводъ грамоту, въ которой они именемъ великаго князя обязались платить татарамъ ежегодную дань. На обратномъ пути въ Крымъ ханъ осадилъ Переяславль Рязанскій, гдѣ сидѣлъ мужественный воевода Хабаръ. Желая склонить его къ сдачѣ, ханъ велѣлъ показать ему грамоту. Взявши ее, Хабаръ неожиданно открылъ пальбу изъ пушекъ по татарамъ, столпившимся около стѣнъ. Послѣдніе бѣжали отъ города, оставивъ грамоту въ рукахъ находчиваго воеводы. Хабара наградили за это саномъ боярина, а о подвигѣ его приказано записать въ государственной лѣтописи.

*) По совѣту одного грека, ссылавшагося на примѣры византійскихъ императоровъ, Іоаннъ III собралъ въ Москву до 1500 красивѣйшихъ дѣвицъ на смотръ. Изъ нихъ и была выбрана Соломонія. Этотъ обычай выбора супруги вел. князю утвердился потомъ на Руси.

**) Бритье бороды, распространявшееся тогда въ Москвѣ, по подражанію литовскимъ обычаямъ, считалось великимъ грѣхомъ. Даже на картинахъ, представлявшихъ страшный судъ, праведники изображались обыкновенно съ бородами, а „басурманы и еретики"—бритыми, съ одними только усами, „аки коты и псы".

Іосифа Санина) по продолжавшемуся и при Василіи III спору о монастырскихъ вотчинахъ. И Вассіанъ и Максимъ Грекъ рѣзко осуждали монаховъ за владѣніе имѣніями и связанную съ этимъ роскошь въ образѣ жизни и „мірскія заботы". Обоихъ судили на духовныхъ соборахъ (между прочимъ Максима Грека обвинили въ порчѣ церковныхъ книгъ за нѣкоторыя ошибки, допущенныя имъ по незнанію славянскаго языка) и заточили въ монастыри.

Измѣненія въ положеніи бояръ. Въ княженіе Іоанна III и Василія III вслѣдствіе политическаго объединенія Великороссіи измѣнились составъ и настроеніе боярства и произошли существенныя перемѣны въ его отношеніяхъ къ великому князю, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ удѣльный періодъ бояре ѣхали въ Москву съ разныхъ сторонъ и отъ другихъ князей за служебными выгодами. И чѣмъ богаче становился московскій князь, тѣмъ лучше было и его слугамъ—боярамъ. Поэтому-то они такъ усердно и содѣйствовали присоединенію другихъ удѣловъ къ Москвѣ. Въ свою очередь, московскіе князья привыкли опираться на бояръ, видѣли въ нихъ главныхъ своихъ помощниковъ. Въ своихъ завѣщаніяхъ князья, даже такіе, какъ Симеонъ Гордый, совѣтуютъ сыновьямъ опираться на старыхъ бояръ, во всемъ ихъ слушаться, вспоминаютъ о ихъ дѣятельности съ теплымъ чувствомъ. Стремленія и интересы обѣихъ сторонъ видимо совпадали.

Послѣ объединенія всѣхъ удѣловъ подъ властью Москвы это единство нарушилось. Въ Москву тогда явились на службу сами удѣльные князья въ качествѣ новыхъ бояръ московскаго князя, явились уже не за выгодами, а съ сожалѣніемъ объ утраченныхъ выгодахъ. Изъ хозяевъ они теперь превратились въ слугъ. Памятуя свое прежнее положеніе, новые князья-бояре, бывшіе Рюриковичи и Гедиминовичи, потребовали себѣ и получили по своему „отечеству", т. е. происхожденію, первыя мѣста, да и на послѣдующее время, въ лицѣ своихъ потомковъ, заявляли права на первенство предъ другими старослужилыми боярами, заслоняли ихъ собой предъ великимъ княземъ. Постепенно развился порядокъ замѣщенія крупныхъ и наиболѣе вліятельныхъ должностей не по заслугамъ, а по происхожденію, по родовитости бояръ (мѣстничество). Порядокъ этотъ породилъ нескончаемыя распри въ средѣ боярства, антагонизмъ между верхнимъ и нижнимъ его слоями и непримиримые фамильные раздоры въ средѣ и самого высшаго боярства. Это ослабило его силу и вліяніе въ ту пору, какъ власть великаго князя и въ сознаніи народномъ и въ сознаніи самихъ носителей этой власти все болѣе и болѣе усиливалась. Между тѣмъ родовитые бояре, стремясь занять первыя мѣста, поближе къ великому князю, заявляли претензію быть первыми и единственными совѣтниками великихъ князей московскихъ. Послѣдніе, однако, въ новомъ своемъ, болѣе высокомъ положеніи, всего менѣе интересовались и довѣряли ихъ совѣтамъ, сомнѣваясь въ ихъ искренности и вовсе не желая хотя бы въ этой формѣ дѣлить съ кѣмъ либо свою власть. Іоаннъ III еще выслушивалъ иногда совѣты, но его преемникъ не допускалъ уже и этого скромнаго участія бояръ въ своихъ дѣлахъ. Разрозненные въ своемъ составѣ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ бояре,

раздѣлившись на партіи, пытались разными способами добиться чести быть близкими къ великому князю людьми. Начался рядъ придворныхъ мелкихъ и крупныхъ интригъ, которыми богато особенно княженіе Василія III, интригъ, кончавшихся неизмѣнно опалами, казнями и разгромомъ боярскихъ фамилій. Дальше этихъ придворныхъ исторій дѣло не шло. Власть великаго князя—хозяина московской земли была слишкомъ безспорна въ глазахъ населенія, чтобы кто нибудь могъ покуситься на ослабленіе этой власти, силы и стремленія бояръ были слишкомъ разрозненны, чтобы рѣшиться на что либо подобное. Эта неспособность сильно приниженнаго дѣйствіями Іоанна III и Василія III родовитаго боярства къ совмѣстной и серьезной государственной дѣятельности и безсиліе его во всѣхъ отношеніяхъ ярко и наглядно сказались послѣ смерти Василія III, въ малолѣтство его сына и преемника Іоанна IV, во время десятилѣтняго „правленія бояръ“.

Іоаннъ IV Грозный (1533—1584).

Правленіе Елены и бояръ. По смерти Василія III Москва и всѣ области государства спокойно присягнули на вѣрность его трехлѣтнему сыну Іоанну. По завѣщанію отца, правительницей государства, впредь до совершеннолѣтія Іоанна IV, назначена была мать его Елена (Глинская). Это была женщина очень умная, съ твердымъ, энергичнымъ характеромъ.

Елена очень сурово поступила съ родными дядями государя (братьями Василія III—Юріемъ и Андреемъ). Оба они были схвачены, по подозрѣнію въ стремленіи къ престолу, и посажены въ тюрьму, гдѣ и умерли. Та же участь постигла и родного дядю самой Елены князя Михаила Глинскаго, когда онъ вздумалъ противорѣчить своей племянницѣ и ея любимцу князю Телепневу-Оболенскому.

Правленіе Елены было однако недолговременно (всего пять лѣтъ). Она неожиданно скончалась въ молодыхъ еще годахъ (1538). Прошелъ слухъ, что ее отравили бояре. Правленіе государствомъ перешло теперь въ руки боярской думы, такъ какъ Іоанну было всего только 8 лѣтъ. Начались нескончаемыя интриги бояръ.

Прежде всего поспѣшили устранить любимца Елены Телепнева-Оболенскаго; его вмѣстѣ съ любимой мамкой Іоанна (Аграфеной Оболенской), схватили въ покояхъ самого вел. князя и, не взирая на мольбы и слезы маленькаго Іоанна, бросили въ тюрьму и уморили голодною смертью.

Среди боярскихъ родовъ, соперничавшихъ теперь за власть, выдѣлились главнымъ образомъ два — *Шуйскіе* (Рюриковичи — потомки князей суздальскихъ) и *Бѣльскіе* (Гедиминовичи). Сначала перевѣсъ взяли Шуйскіе и во главѣ ихъ кн. Василій (защитникъ Смоленска), способ-

ный, но чрезвычайно жестокій человѣкъ. Послѣ его смерти во главѣ боярской думы сталъ кн. Иванъ Бѣльскій, оставившій по себѣ хорошее воспоминаніе: онъ не преслѣдовалъ своихъ враговъ, освободилъ многихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, успѣшно отразилъ набѣгъ крымцевъ. Но Шуйскіе, имѣвшіе на своей сторонѣ многочисленную партію, свергли его и умертвили; нѣкоторыхъ изъ его приверженцевъ схватили даже въ комнатахъ самого государя, гдѣ они думали было укрыться. Теперь Шуйскіе стали властвовать на всемъ просторѣ. Они расхищали государственную казну, произвольно возвышали налоги, раздавали доходныя мѣста своимъ родственникамъ и сторонникамъ, безнаказанно позволяя имъ грабить и обижать народъ. Подроставшаго великаго князя при этомъ нимало не стѣснялись. Дошло до того, что разъ на совѣтѣ въ государевой столовой избѣ Шуйскіе избили любимца Іоанна—князя Воронцова; только мольбы великаго князя да митрополита спасли его отъ смерти; но всетаки его сослали.

Такъ продолжалось до конца 1543 года, когда 13-ти-лѣтній Іоаннъ, очевидно, подъ вліяніемъ своихъ родичей Глинскихъ, неожиданно для Шуйскихъ заявилъ и свое недовольство ими и свою самостоятельность въ самой рѣзкой формѣ: онъ приказалъ отдать одного изъ Шуйскихъ на растерзаніе своимъ псарямъ, остальныхъ сослалъ. Съ той поры никто уже не смѣлъ болѣе ослушаться распоряженій молодого государя, самостоятельность котораго обнаруживалась теперь чаще всего въ жестокости, по тѣмъ примѣрамъ, которые онъ видѣлъ въ дѣтствѣ.

Десятилѣтнее правленіе бояръ наглядно показало и всю слабость боярства въ его отношеніяхъ къ верховной власти и его неумѣнье управлять страною. У столпившихся около трона родовитыхъ представителей боярской знати не нашлось за это время иного дѣла, кромѣ придворныхъ интригъ и взаимнаго соперничества. Взамѣнъ заботъ о нуждахъ страны, вниманіе ихъ поглощали лишь заботы объ устройствѣ своего личнаго благополучія и благополучія своихъ родственниковъ. За все это время ни у кого изъ нихъ, повидимому, не шевельнулось даже мысли о томъ, чтобы такъ или иначе, пользуясь малолѣтствомъ царя, обезпечить боярству на будущее время участіе въ управленіи, или, по крайней мѣрѣ, точнѣе и тверже опредѣлить его отношенія къ верховной власти. Сила и значеніе послѣдней стояли уже такъ высоко, что достаточно было гнѣвнаго порыва 13-лѣтняго мальчика, будущаго царя, чтобы разогнать всѣхъ этихъ неудачныхъ правителей страны и заставить ихъ стушеваться. Своими дѣйствіями они достигли лишь одного — самымъ нагляднымъ и безповоротнымъ образомъ уронили въ глазахъ населенія значеніе родовитаго боярства, а у мальчика Іоанна воспитали страстное желаніе покарать своихъ обидчиковъ, искоренить все родовитое боярство, какъ

опасный для трона элементъ, хотя въ дѣйствительности оно такой опасности собой и не представляло по своему очевидному безсилію во всѣхъ отношеніяхъ.

Дѣтство Іоанна IV положило неизгладимые слѣды въ его характерѣ и отразилось на всей его послѣдующей дѣятельности. По природѣ это былъ умный, даровитый и чрезвычайно впечатлительный ребенокъ. Въ характерѣ его замѣтно отразились наслѣдственныя черты: нервность и живой, страстный темпераментъ матери, безпощадная суровость и самовластіе отца. Но на необычайное развитіе этихъ особенностей сложной натуры Грознаго несомнѣнно имѣли сильное вліяніе тяжелыя впечатлѣнія дѣтства и тотъ просторъ самовластію, который былъ результатомъ дѣятельности его отца и дѣда.

Бояре какъ будто намѣренно вели себя при Іоаннѣ такъ, чтобы образовать изъ него необузданнаго тирана. Даже ребенокъ съ иными природными наклонностями, чѣмъ Іоаннъ, могъ ожесточиться среди тѣхъ сценъ буйства и насилія, побоевъ и брани, которыя постоянно совершались предъ глазами царственнаго дитяти. Мало того, бояре позволяли себѣ оскорблять самого Іоанна: у ребенка-сироты отнимали близкихъ къ нему людей, потомъ заточали и замучивали ихъ; не стѣсняясь, грубые Шуйскіе и ихъ друзья оскорбляли память его отца и матери разными намеками и расхищали вещи, имъ принадлежащія; съ горечью вспоминалъ потомъ Іоаннъ, что даже въ пищѣ и одеждѣ не было ему въ дѣтствѣ воли, что Шуйскіе „не по-родительски, а по-властелински, какъ съ рабомъ", обращались съ нимъ. Іоаннъ тѣмъ болѣе оскорблялся этимъ, что хорошо понималъ свое значеніе; онъ помнилъ себя не иначе, какъ государемъ и притомъ самодержавнымъ, которому все доступно: съ дѣтства внушали ему, что могущественнѣе его никого нѣтъ; онъ видѣлъ, что его именемъ совершается все, даже злодѣйства, что тѣ же самые люди, которые такъ грубо обращались съ нимъ, иначе вели себя на глазахъ народа, при церковныхъ торжествахъ, во время посольскихъ пріемовъ — тамъ они величали его своимъ государемъ, низко преклонялись предъ нимъ, выказывали себя его покорными слугами. Сознавая пока свое безсиліе, мальчикъ Іоаннъ копилъ въ сердцѣ злобу на ненавистныхъ ему бояръ и на всю уже жизнь боярство осталось въ его глазахъ главнымъ его врагомъ, котораго онъ преслѣдовалъ съ самой безпощадной жестокостію. Мысль о боярахъ съ дѣтства гнела умъ Іоанна и, выучившись читать, увлекаясь книгами, онъ всюду искалъ подтвержденія своей самодержавной власти, которую отнимали у него бояре. Обладая острой памятью, онъ потомъ не разъ цитировалъ наизусть изъ священной и церковной исторіи, изъ исторіи Рима и русскихъ лѣтописей, изъ твореній св. отцовъ цѣлыя страницы, гдѣ говорилось о царяхъ и ихъ власти надъ вельможами. Согласно съ впечатлѣніями дѣтства и примѣрами, которые онъ кругомъ себя видѣлъ, эта власть чаще всего связывалась въ его умѣ съ понятіемъ о дикой и грубой расправѣ. Свою безсильную злобу мальчикъ срывалъ сначала на беззащитныхъ животныхъ, бросая, напр., кошекъ и собакъ съ высокаго терема и забавляясь ихъ муками. Подросши, онъ принялся и за людей и тоже любовался ихъ муками... Рано

предоставленный самому себѣ, выростая среди примѣровъ своекорыстія, онъ ни къ кому не успѣлъ привязаться душою,—бояре тщательно отстраняли отъ него всѣхъ любимцевъ. Онъ и потомъ заботился только о себѣ и своихъ выгодахъ, и ни къ кому не хранилъ долгой привязанности, жертвуя часто самыми близкими людьми минутному капризу или вспышкѣ безотчетнаго гнѣва.

Когда 13-ти-лѣтній Іоаннъ однимъ неожиданнымъ ударомъ разогналъ Шуйскихъ, бояре, давно уже пріученные къ покорности самодержавной волѣ великихъ князей московскихъ, стихли: „съ той поры, говоритъ лѣтопись, начали они отъ государя страхъ имѣть и послушаніе". Особенныхъ перемѣнъ въ управленіи дѣлами, впрочемъ, не произошло, Іоаннъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы заняться и даже интересоваться ими. Это взяли на себя родственники Іоанна по матери—*Глинскіе.* А великій князь заявлялъ свою самостоятельность пока только тѣмъ, что время отъ времени изрекалъ опалы и подвергалъ наказаніямъ нѣкоторыхъ бояръ, особенно изъ партіи Шуйскихъ. Глинскіе пользовались этимъ и умѣлыми внушеніями Іоанну успѣли избавиться отъ большей части своихъ соперниковъ: нѣкоторыхъ отправили въ ссылку, другихъ казнили, а одному отрѣзали языкъ за „невѣжливыя слова". Самовластнымъ наклонностямъ молодого государя они и не думали противорѣчить, а, напротивъ, старались только о томъ, чтобы среди забавъ, часто буйныхъ и грубыхъ, онъ забывалъ о дѣлахъ государственныхъ, оставляя все на волю своихъ родичей. По словамъ Курбскаго, 15-ти-лѣтній Іоаннъ, собравъ вокругъ себя толпу сверстниковъ изъ сыновей московской знати, любилъ верхомъ скакать по московскимъ улицамъ и площадямъ, давилъ и билъ встрѣчныхъ, а бояре-„ласкатели", глядя на это, только приговаривали: „Какой у насъ храбрый и мужественный царь будетъ!" Съ тою же цѣлью эти воспитатели Іоанна поощряли занятія псовой и соколиной охотой, къ которой онъ съ малыхъ лѣтъ имѣлъ пристрастіе. Къ дѣлу его никто не пріучалъ, и ничѣмъ не сдерживаемыя грубыя наклонности съ годами все болѣе росли. Съ толпой разгульныхъ удальцовъ онъ то увлекался охотою и пирами, то ѣздилъ по далекимъ монастырямъ на богомолье (на Бѣлоозеро, въ Новгородъ, Вологду, Тихвинъ и т. п.), при чемъ свита его страшно обижала жителей. Повинуясь своему прихотливому нраву, юноша Іоаннъ искалъ все новыхъ и новыхъ развлеченій, онъ тѣшился и самою своею властію: по минутному расположенію духа, онъ то клалъ опалы на сановниковъ, то-снова миловалъ ихъ. Между прочимъ погибъ и другъ дѣтства Іоаннова, сосланный Шуйскими и снова возвращенный вел. княземъ, бояринъ Воронцовъ. Онъ было думалъ занять теперь первое мѣсто при государѣ, но Іоаннъ не терпѣлъ болѣе людей, желавшихъ располагать его волею: по примѣру отца, онъ уже въ эту пору охотнѣе приближалъ къ себѣ людей незнатнаго происхожденія, чѣмъ бояръ.

Вѣнчаніе на царство и женитьба Іоанна IV. Желая какъ можно болѣе поднять въ глазахъ народа свою власть, Іоаннъ, лишь только исполнилось ему 16 лѣтъ, торжественно вѣнчался на царство

(1547) и принялъ титулъ „царя“, съ которымъ соединялось понятіе о болѣе обширной власти, чѣмъ съ титуломъ „великій князь“. Названіе царя и раньше принимали иногда на себя въ сношеніяхъ съ иностранцами отецъ и дѣдъ Іоанна, но только со времени послѣдняго употребленіе этого титула сдѣлалось постояннымъ во всѣхъ государственныхъ актахъ *).

Вскорѣ послѣ вѣнчанія Іоаннъ женился. (Предварительно собраны были со всѣхъ городовъ, какъ передъ женитьбой Василія III на Соломоніи Сабуровой, лучшія дѣвицы). Выборъ царя палъ на дѣвушку одного изъ московскихъ боярскихъ родовъ — *Анастасію Романовну*, дочь умершаго боярина Романа Юрьевича Захарьина **).

Современники-лѣтописцы прославляютъ умъ и добродѣтели Анастасіи и утверждаютъ, что она имѣла благодѣтельное вліяніе на пылкаго и несдержаннаго Іоанна, который горячо любилъ свою супругу, (какъ самъ въ этомъ впослѣдствіи признавался). Вліяніе это однако сказалось не сразу. Въ первое время послѣ женитьбы Іоаннъ продолжалъ вести прежнюю безпечную жизнь, предоставляя занятіе дѣлами правленія своимъ дядямъ Глинскимъ. Послѣдніе были не лучше Шуйскихъ и безнаказанно позволяли своимъ сторонникамъ грабить и обижать населеніе. Искать правосудія было негдѣ. Самъ царь не терпѣлъ, чтобы его безпокоили жалобами, и разъ велѣлъ за это 70-ти псковичамъ подпалить волосы и бороды.

Неожиданное событіе разомъ измѣнило настроеніе впечатлительнаго Іоанна и заставило его подумать и о дѣлахъ правленія. То былъ московскій пожаръ 1547 года, сопровождавшійся народнымъ мятежомъ.

Пожаръ въ Москвѣ. Сильвестръ и Адашевъ. Пожары въ Москвѣ, переполненной деревянными постройками, составляли обыденное явленіе; но пожаръ, случившійся лѣтомъ 1547 г., во время сильной

*) Книжники того времени придавали новому титулу большое значеніе. По ихъ взгляду, московскій царь являлся прямымъ преемникомъ царей византійскихъ, отъ которыхъ происходилъ по бабкѣ своей Софьѣ. Царство русское—это третій Римъ, наслѣдникъ двухъ первыхъ: „два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не бывать!“ говорили они. Впослѣдствіи, чтобы придать еще болѣе значенія царскому вѣнчанію, и какъ бы въ соотвѣтствіе этимъ толкованіямъ, Іоаннъ IV послалъ просить благословенія у цареградскаго патріарха, отъ котораго и получилъ утвердительную грамоту (1561).

**) Родоначальникъ этой фамиліи *Гланда-Камбилла Дивоновичъ*, князь Прусскій, по преданію, былъ потомокъ короля Прусскаго Вейдевута, жившаго въ V в., выѣхалъ въ Россію въ концѣ XIII в., крестился въ 1281 г. и принялъ имя *Ивана*. Сынъ его *Андрей Ивановичъ Кобыла* (рус. передѣлка фамиліи Камбилла) былъ бояриномъ великихъ князей московскихъ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго. Младшій сынъ Андрея *Ѳедоръ* Кошка былъ первымъ бояриномъ при Донскомъ; сынъ Ѳедора *Иванъ Большой* игралъ видную роль при Василіи I. Сынъ Ивана *Захарій* далъ своимъ потомкамъ прозваніе Захарьиныхъ. Отъ *Юрія*, сына Захаріи, пошли Захарьины-Юрьевы. Сынъ Юрія *Романъ* былъ близкимъ лицомъ къ Василію III. У Романа были дѣти—Анастасія, жена Грознаго, и Никита, потомки котораго стали называться по дѣду *Романовыми*.

бури, принялъ необычайные размѣры: выгорѣла большая часть города, въ дыму и пламени погибло свыше 1,700 взрослыхъ людей и множество дѣтей. Масса народу осталась безъ крова. Царь съ царицей жилъ въ это время въ подмосковномъ селѣ Воробьевѣ. Между тѣмъ по городу пустили слухи, что Москву сожгли Глинскіе. Недруги Глинскихъ разглашали, что „княгиня Анна Глинская съ дѣтьми занималась чародѣйствомъ, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да этой водой и кропила всюду, оттого Москва и выгорѣла". И безъ того озлобленный противъ Глинскихъ народъ пришелъ въ неистовство и бросился всюду искать ихъ. Одинъ изъ Глинскихъ, дядя Грознаго Юрій, укрылся было въ Успенскомъ соборѣ: мятежники вытащили его оттуда и убили, затѣмъ разграбили его дворъ и перебили всѣхъ слугъ. Мало того—толпы черни явились въ село Воробьево къ царскому дворцу и кричали, чтобы Іоаннъ выдалъ имъ свою бабку Анну Глинскую и другого ея сына Михаила. Царь въ отвѣтъ велѣлъ схватить изъ толпы нѣсколько человѣкъ и тутъ же казнить, остальные въ испугѣ разбѣжались.

И пожаръ и народный мятежъ сильно поразили и напугали Іоанна. Онъ очнулся отъ своей безпечности и рѣшился самъ приняться за дѣла правленія, чтобы успокоить недовольный народъ, тѣмъ болѣе, что Глинскіе, напуганные погромомъ, уже не рѣшались болѣе руководить дѣлами и потеряли всякое значеніе въ глазахъ Іоанна. Сознавая однако свою молодость и неопытность, Іоаннъ искалъ себѣ опоры и совѣта. Наиболѣе близкимъ лицомъ къ нему сдѣлался въ это время протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора *Сильвестръ*. Этотъ умный, начитанный и „учительный" человѣкъ произвелъ потрясающее дѣйствіе на нервно-впечатлительную натуру Іоанна своими рѣчами о томъ, что пожарное бѣдствіе и народныя волненія — кара Божія безпечному правителю, небесное напоминаніе о забытыхъ имъ обязанностяхъ. По свидѣтельству Курбскаго, Сильвестръ нарочно даже разсказывалъ Іоанну о какихъ-то знаменіяхъ и чудесахъ, чтобы тѣмъ сильнѣе на него подѣйствовать. Іоаннъ каялся и съ присущею ему горячностію спѣшилъ исправиться, обѣщалъ слушаться впредь Сильвестра. Послѣдній сдѣлался его главнымъ совѣтникомъ. Вмѣстѣ съ Анастасіей, умѣренный и разсудительный, ровный по характеру авторъ „Домостроя" (такъ назывался составленный Сильвестромъ особый сборникъ правилъ житейской мудрости и домашняго семейнаго благочинія) сдерживалъ порывы страстей и жестокости въ Іоаннѣ и пріобрѣлъ такое вліяніе, что (по свидѣтельству самого Іоанна) руководилъ даже его семейными дѣлами. Іоаннъ сталъ очень набоженъ, серьезенъ и искалъ теперь кру-

гомъ себя людей, которые бы соотвѣтствовали новому его настроенію. Особенно сблизился онъ съ Алексѣемъ *Адашевымъ*, случайно попавшимъ въ число молодыхъ людей, которыхъ ранѣе набиралъ себѣ Іоаннъ для забавъ. Это былъ человѣкъ большого ума и въ высшей степени нравственный и честный (по выраженію Курбскаго, онъ казался „ангеломъ“ среди грубыхъ товарищей молодости Іоанна).

Подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, мало-по-малу около Іоанна сгруппировался цѣлый кружокъ лучшихъ и способнѣйшихъ людей того времени. Тутъ были и знатные бояре—князья Воротынскій, Курбскій, Серебряный, Горбатый-Шуйскій и др., но не мало было, подобно Адашеву, и людей незнатнаго происхожденія, которымъ Іоаннъ довѣрялъ важныя должности. Съ этой „избранной радой“ (думой) и совѣщался теперь царь во всѣхъ дѣлахъ. Начался самый блестящій періодъ царствованія Іоанна, ознаменованный цѣлымъ рядомъ важныхъ внутреннихъ распоряженій и начинаній и удачными внѣшними дѣлами.

Земскій Соборъ и Судебникъ. Достигши 20-ти-лѣтняго возраста, Іоаннъ пожелалъ торжественно, предъ всей землей заявить, какъ онъ впредь намѣревается править, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился обнаружить, на комъ лежитъ вина въ бывшихъ безпорядкахъ. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Макаріемъ (вѣроятно, по образцу обычныхъ на Руси церковныхъ соборовъ и старинныхъ княжеско-дружинныхъ съѣздовъ), онъ собралъ (1550) *земскій соборъ* или земскую думу изъ выбранныхъ людей „всякаго чина“ со всей Руси.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣдни, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля на Лобное мѣсто (возвышеніе на Красной площади) съ духовенствомъ и боярами и послѣ молебна держалъ рѣчь къ народу. Обратившись сначала къ митрополиту, онъ описалъ безпорядки, бывшіе во время его малолѣтства отъ управленія бояръ, и объявилъ, что нисколько не виноватъ въ слезахъ и крови, пролитыхъ въ это время. Затѣмъ поклонился на всѣ стороны и, обращаясь къ народу, просилъ его забыть прошлое, которое уже исправить нельзя, и заявилъ, что теперь самъ будетъ для всѣхъ, сколько возможно, судьей и обороной *).

Въ томъ же (1550) году на утвержденіе собора представленъ былъ составленный по порученію Іоанна новый *Судебникъ*.

---

*) Извѣстія о соборѣ, а равно о рѣчи царя позднѣйшаго происхожденія и потому отвергаются нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Судя однако по созыву собора въ 1566 году и дальнѣйшимъ обращеніямъ Іоанна къ народу (напр. по вопросу объ опричинѣ), данные факты представляются вполнѣ вѣроятными. Можно думать только, что составъ наскоро созваннаго, по желанію царя, „собора“ носилъ случайный характеръ—былъ подобранъ изъ лицъ, пріѣхавшихъ въ эту пору въ Москву по своимъ дѣламъ, хотя и не остался, повидимому, безъ вліянія на возбужденіе вопроса о расширеніи самоуправленія общинъ.

Судебникъ Іоанна IV дополнилъ и во многомъ измѣнилъ постановленія Судебника Іоанна III, являясь дальнѣйшимъ его развитіемъ, сообразно потребностямъ времени.

Новый Судебникъ не ограничивается уже однимъ общимъ запрещеніемъ брать взятки и творить неправый судъ, но устанавливаетъ строгія наказанія виновнымъ (штрафъ боярину, тюрьма дьяку, битье кнутомъ подъячему). Съ тою же цѣлью—чтобы ослабить злоупотребленія со стороны корыстолюбивыхъ судей и ограничить ихъ произволъ, дано было городскимъ и сельскимъ общинамъ право выбирать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ („излюбленныхъ людей")—земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, т. е. лицъ, принесшихъ присягу, цѣлующихъ крестъ, которые должны были обязательно присутствовать при судахъ государевыхъ намѣстниковъ и волостелей и наблюдать за вѣрнымъ рѣшеніемъ дѣлъ; теперь они являлись уже не простыми свидѣтелями происходившаго на судѣ, какъ было установлено Судебникомъ Іоанна III, но стали принимать въ немъ и болѣе дѣятельное участіе, могли, напр., освободить присужденнаго судьей къ аресту безъ ихъ согласія. Важнѣйшія уголовныя дѣла—поимка и судъ надъ ворами и душегубцами поручались такъ называемымъ „губнымъ старостамъ", также избиравшимся населеніемъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ. Предоставлявшееся этими мѣрами общинамъ *начало самоуправленія* въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ разрѣшалось проводить и далѣе. Такъ общинамъ позволялось взамѣнъ намѣстниковъ самимъ избирать себѣ „излюбленныхъ старостъ" (правителей), подъ условіемъ взноса въ казну стоимости содержанія намѣстниковъ. Нѣкоторыя изъ сѣверныхъ областей, входившія въ сферу вліянія Новгорода и Пскова, сравнительно недавно покинувшія вѣчевое самоуправленіе и болѣе богатыя, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Въ большинствѣ же остальныхъ, уже отвыкшихъ отъ самоуправленія, новые порядки плохо прививались и трудно было найти подходящихъ выборныхъ людей.

Стоглавъ. Почти одновременно съ земскимъ соборомъ созванъ былъ (въ 1551 г.) церковный соборъ изъ высшаго духовенства, съ цѣлію найти мѣры къ исправленію народной нравственности и устраненію многочисленныхъ безпорядковъ въ церковной жизни. Сдѣланныя соборомъ постановленія раздѣлены были на сто главъ, откуда и самый соборъ получилъ названіе *Стоглаваго*.

При открытіи собора Іоаннъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что старые добрые обычаи на Руси „поисшатались", и подалъ архіереямъ длинный списокъ безпорядковъ, требуя ихъ устраненія. Указанія Іоанна, составленныя, разумѣется, при содѣйствіи приближенныхъ къ нему духовныхъ лицъ, интересны въ смыслѣ характеристики той эпохи и взглядовъ того времени. Между прочимъ указано было, что въ церквахъ служба совершается не по уставу, священники ведутъ жизнь нетрезвую, обученіе грамотѣ ведется небрежно, богослужебныя книги имѣютъ массу ошибокъ вслѣдствіе невѣжества пере-

писчиковъ, иконы пишутъ неправильно, въ монастыряхъ братія живетъ не по-монашески, въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ и ведутъ себя безчинно, „лаются" неподобными словами, крестное знаменіе кладутъ на себя неправильно, многіе бреютъ себѣ бороды и головы и носятъ иноземное платье, въ деревняхъ ватагами ходятъ скоморохи, народъ собирается на языческія игрища наканунѣ Иванова дня, Рождества и Крещенія и пр. На соборѣ рѣшено было, чтобы 100 священниковъ избирали изъ своей среды особаго старосту, который бы собиралъ ихъ для совѣщаній о духовныхъ дѣлахъ и слѣдилъ за правильнымъ совершеніемъ богослуженія и благочиніемъ въ церкви. Въ домахъ духовенства предписано завести школы грамоты. Иконы велѣно писать съ византійскихъ образцовъ, а богослужебныя книги свѣрять съ хорошими переводами. Постановлено было также къ общему свѣдѣнію, „по торгамъ кликать", чтобы православные христіане не брились и не стриглись, ибо это обычай латинскій и еретическій. Священникамъ предписано вести себя благочинно и всячески искоренять среди паствы дурные навыки, суевѣрія и языческіе обычаи и т. п.

Большинство этихъ постановленій и указаній собора не могли однако быть приведены въ исполненіе вслѣдствіе почти поголовной малограмотности тогдашняго духовенства, такъ что трудно было найти даже изъ сотни лицъ одного подходящаго на должность старосты; съѣзды духовенства при этихъ условіяхъ и громадности разстояній между селами не осуществились, школъ грамоты не завели, суевѣрій и грубости нравовъ одними запрещеніями не могли искоренить.

Начало книгопечатанія. Заботы объ охраненіи богослужебныхъ книгъ отъ порчи ихъ малограмотными переписчиками, проявившіяся между прочимъ и на Стоглавомъ соборѣ, привели Іоанна (въ 1553 г.) къ мысли завести и на Москвѣ книгопечатаніе, уже за сто лѣтъ предъ тѣмъ появившееся въ Западной Европѣ. Митрополитъ Макарій, одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ дѣятелей того времени *), горячо одобрилъ мысль царя. Построенъ былъ особый домъ для типографіи („Печатный дворъ"), и 1-го марта 1564 г. выпущена была въ Москвѣ первая печатная книга, „Дѣянія Апостольскія", и въ слѣдующемъ году „Часословъ".

Первымъ русскимъ книгопечатникамъ—главному мастеру типографіи дьякону Ивану Ѳедорову и его помощнику Петру Тимофееву Мстиславцу пришлось однако скоро бѣжать изъ Москвы въ Литву. Переписчики книгъ, лишившіеся прежнихъ доходовъ, возбудили противъ печатниковъ темный народъ, обвиняя ихъ въ ереси и порчѣ книгъ. Хотя книгопечатаніе продолжалось въ Москвѣ и послѣ ихъ бѣгства, но уже въ незначительныхъ размѣрахъ, и печатныя книги не могли еще вытѣснить изъ употребленія рукописныя.

---

*) Онъ собралъ житія святыхъ, изложенныя въ 12 большихъ книгахъ („*Четьи-Минеи*"), издалъ „*Кормчую книгу*" (сборникъ церковныхъ постановленій и правилъ русскихъ князей и святителей); ему же приписываютъ и составленіе сборника свѣдѣній по русской исторіи подъ названіемъ „*Степенной книги*".

Начало торговли съ англичанами. Отрѣзанныя владѣніями сосѣдей (Ливонія и Швеція) отъ Балтійскаго моря, русскіе лишены были возможности непосредственно сноситься съ Западной Европой. Случайно такія сношенія открылись черезъ Бѣлое море. Разыскивая путь въ Индію черезъ Ледовитый океанъ и новые торговые рынки въ сѣверныхъ странахъ, одинъ изъ англійскихъ кораблей присталъ къ устью Сѣверной Двины (1553 г.). Іоаннъ, давно уже искавшій способовъ непосредственнаго сближенія съ Западной Европой, пригласилъ капитана этого корабля (Ченслера) въ Москву и при посредствѣ его завелъ торговыя сношенія съ англичанами, предоставивъ ими право безпошлинной торговли въ Московскомъ государствѣ. Съ той поры завелись у насъ дружественныя сношенія съ англичанами, а немного спустя и съ голландцами.

Сношенія чрезъ Бѣлое море были однако очень неудобны: большую часть года оно было покрыто льдами, да и путь оттуда до Москвы былъ крайне труденъ. Съ другой стороны, русскіе торговцы, обремененные разными поборами въ пользу казны, негодовали на безпошлинную торговлю иноземцевъ. Но замкнутое положеніе Россіи заставляло правительство мириться съ этими неудобствами и дорожить всякими торговыми сношеніями съ Западомъ.

Взятіе Казани. Покореніе Астрахани. Со временъ Іоанна III, послѣ сверженія монгольскаго ига и паденія Кипчакскаго царства, казанскіе татары подпали подъ вліяніе Москвы и не разъ уже ханами у нихъ становились „подручники“ московскаго князя, представители такъ называемой московской партіи, стоявшей за союзъ съ Москвой, какъ за наилучшее средство продлить существованіе Казанскаго царства. Но каждый разъ, когда на Москвѣ возникали внѣшнія или внутреннія затрудненія, въ Казани брала верхъ крымская партія—сторонники союза съ крымскими татарами, надѣявшіеся этимъ путемъ отстоять полную независимость Казани. Казанскіе татары тогда совмѣстно съ крымскими дѣлали набѣги на русскія земли, грабили населеніе, плѣнныхъ продавали въ рабство восточнымъ купцамъ. Такъ было и въ малолѣтство Грознаго. Іоаннъ рѣшился наконецъ совсѣмъ покончить съ Казанскимъ царствомъ и лѣтомъ 1552 года выступилъ въ походъ на Казань во главѣ 150-ти-тысячнаго войска, главную силу котораго составляли *стрѣльцы*, постоянное пѣшее войско, впервые учрежденное при Іоаннѣ IV. Стрѣльцы были вооружены ружьями и бердышами (или сѣкирами). При войскѣ было полтораста пушекъ.

По численности войска и его вооруженію превосходство было на сторонѣ русскихъ. Но Казань была по тому времени сильно укрѣплена. Городъ окружала высокая крѣпкая стѣна, состоявшая изъ двухъ

рядовъ огромныхъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана земля съ щебнемъ. По угламъ устроены были боевыя башни, кругомъ шелъ глубокій и широкій ровъ. Въ городѣ засѣло свыше 30-ти тыс. отборныхъ воиновъ, среди которыхъ находилось много мусульманскихъ витязей изъ Крыма, Астрахани и даже отдаленной Турціи и Персіи, явившихся на защиту мусульманской твердыни отъ натиска христіанъ. Русскіе громили городъ изъ пушекъ и постепенно окружали его со всѣхъ сторонъ. Казанцы дѣлали отчаянныя вылазки, пытаясь отбить атаки осаждавшихъ. Въ непрерывныхъ бояхъ прошло почти 6 недѣль, пока наконецъ не удалось находившемуся при русскомъ войскѣ иностранному „розмыслу“ (инженеру) устроить подкопъ подъ стѣну (въ 48 бочекъ пороху) и удачнымъ взрывомъ обрушить часть стѣны. Съ крикомъ „съ нами Богъ“ бросились русскіе въ проломы, татары призывали Магомета, закипѣла отчаянная сѣча на улицахъ Казани, но въ концѣ концовъ, благодаря мужеству русскихъ войскъ и распорядительности воеводъ, особенно князей Воротынскаго, Курбскаго и Горбатаго-Шуйскаго, сопротивленіе врага было сломлено. Казанскій ханъ Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ.

На другой день по взятіи города царь совершилъ торжественный въѣздъ въ Казань, окруженный боярами и высшимъ духовенствомъ. Тысячи русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ неволѣ, съ восторгомъ встрѣтили своего освободителя. Послѣ крестнаго хода вокругъ города царь заложилъ соборную церковь и намѣтилъ мѣста для другихъ храмовъ.

Взятіе Казани произвело сильное впечатлѣніе въ мусульманскомъ мірѣ и по всей Руси, какъ торжество христіанства надъ магометанствомъ *). Многіе казанскіе князья крестились и вошли въ составъ московскихъ бояръ; ханъ Едигеръ тоже принялъ крещеніе съ именемъ Симеона. Подвигъ Грознаго воспѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ и надолго остался въ памяти народной. Завоеваніе Казани имѣло огромное значеніе: съ ея паденіемъ началось постепенное наступленіе русскихъ на Азію и полное ослабленіе кочевыхъ ордъ. Борьба съ ними заставила русскихъ двигаться внизъ по теченію Волги, укрѣпляя занятыя мѣстности сторожевыми городками.

Черезъ 4 года взята была почти безъ выстрѣла Астрахань,— пало второе татарское царство, возникшее при устьѣ Волги и на развалинахъ Золотой орды. Такимъ образомъ все теченіе Волги, этого

---

*) Въ память покоренія Казани Іоаннъ IV построилъ въ Москвѣ на Красной площади храмъ во имя Покрова Божіей Матери, извѣстный въ народѣ больше подъ именемъ собора Василія Блаженнаго, такъ какъ здѣсь почиваютъ св. мощи этого юродиваго. Храмъ этотъ отличается своеобразной архитектурой и составляетъ доселѣ одну изъ достопримѣчательностей Москвы.

громаднаго воднаго пути изъ центра Россіи къ берегамъ Каспія, съ богатыми плодородными мѣстностями, лежавшими по обоимъ берегамъ ея, вошло въ составъ Московскаго государства и открылось для русской колонизаціи и торговыхъ сношеній съ Востокомъ.

Отношенія къ крымцамъ. Послѣ покоренія Казани и Астрахани многіе изъ приближенныхъ къ Іоанну лицъ совѣтовали ему совершить походъ и на 3-е татарское ханство—на крымскихъ татаръ, и разгромить ихъ окончательно, въ отместку за ихъ внезапные набѣги на московскія владѣнія, при чемъ татары безпощадно грабили населеніе и уводили множество плѣнныхъ. Но царь не рѣшился на это предпріятіе. Это значило бы столкнуться съ могущественной тогда Оттоманской Портой, вассаломъ которой былъ крымскій ханъ. Удержать же, даже при удачѣ, Крымъ въ своихъ рукахъ было трудно, такъ какъ онъ отдѣленъ былъ отъ Россіи обширными ненаселенными степями. Притомъ же вскорѣ началась тяжелая война съ Ливоніей, и московскому правительству было уже не до крымцевъ.

Одинъ изъ лихихъ московскихъ воеводъ (Даніилъ Адашевъ—братъ Алексѣя Адашева) сдѣлалъ однако (въ 1559 г.) внезапный набѣгъ на Крымъ, подобный набѣгу крымцевъ на московскія владѣнія, разгромилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ множество русскихъ плѣнниковъ. Но, въ свою очередь, и крымскій ханъ (Девлетъ-Гирей), оправившись отъ погрома, напалъ (въ 1571 г.) врасплохъ на Россію и сжегъ даже самую Москву, при чемъ, какъ говорятъ современники, погибло болѣе полумилліона народа и уведено до 100 т. плѣнныхъ: ими были переполнены всѣ базары въ Малой Азіи. Въ слѣдующемъ году ханъ повторилъ было свой набѣгъ, но былъ разбитъ (кн. Воротынскимъ на берегахъ Лопасни) и бѣжалъ. Чтобы обезопасить свои предѣлы отъ внезапныхъ набѣговъ злого врага, русскіе строили на южной границѣ крѣпости, въ лѣсахъ дѣлали засѣки, портили броды на рѣкахъ, вбивая въ нихъ колья и т. п. Кромѣ того на Дону и на Днѣпрѣ годъ отъ году все болѣе и болѣе умножалось казачество, представлявшее собою для кочевниковъ опаснаго врага. Дружины казацкія на легкихъ челнахъ спускались зачастую по рѣкамъ во владѣнія крымскаго хана и такъ же нещадно пустошили ихъ, какъ крымцы владѣнія Руси.

Покореніе Сибири. Ермакъ. Кромѣ Казани и Астрахани, въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV, благодаря казакамъ, покорено было 3-е обширное татарское царство—*Сибирь*, лежавшее за Уральскимъ хребтомъ, по рѣкамъ Тоболу и Иртышу (названіе Сибирь носило оно по главному городу Искеръ или Сибирь, лежавшему на Иртышѣ). Косвенными виновниками похода казаковъ на Сибирь явились богатые промышленники Строгановы. Они имѣли соляные промыслы въ Пермскомъ краю (въ Сольвычегодскѣ) и, желая расширить ихъ, выпросили у царя себѣ во владѣніе незаселенныя земли по рѣкѣ Камѣ на протяженіи свыше 100 верстъ, съ обязательствомъ заселить ихъ и завести здѣсь также

соляныя варницы. Пустующихъ земель, особенно на окраинахъ, было много и правительство не только охотно раздавало ихъ предпріимчивымъ людямъ, съ цѣлію заселенія и развитія промысловъ, но еще давало разныя льготы ихъ владѣльцамъ. Такъ и Строгановымъ дано было право призывать на свои земли переселенцевъ, съ освобожденіемъ ихъ на 20 лѣтъ отъ всякихъ податей; а для защиты края отъ набѣговъ сосѣднихъ инородцевъ и татаръ и борьбы съ ними Строгановы получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ ратныхъ людей.

Между прочимъ на службу къ Строгановымъ нанялся отрядъ казацкой вольницы съ Дону человѣкъ въ 500, подъ начальствомъ атамана Ермака. Отрядъ этотъ ушелъ съ Дону, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, которые преслѣдовали казаковъ за грабежи и нападенія на торговыя суда. Ермакъ съ товарищами вызвался наказать сибирскаго хана Кучума за постоянные набѣги на владѣнія Строгановыхъ и (въ сентябрѣ 1581 г.) вмѣстѣ съ удальцами-охотниками изъ ратныхъ людей Строганова (всего набралось до 840 человѣкъ) перешелъ за Каменный поясъ (т. е. за Уральскій хребетъ) и по рѣкамъ пробрался во владѣнія сибирскаго хана. Перевѣсъ горсти удальцовъ въ борьбѣ съ многочисленными врагами, помимо необычайнаго мужества, давало огнестрѣльное оружіе, невѣдомое еще сибирскимъ татарамъ и наводившее на нихъ ужасъ. Разбитый въ ожесточенномъ бою, Кучумъ бѣжалъ, оставивъ свою столицу въ рукахъ Ермака. Подвластные татарамъ сосѣди, инородческія племена (остяки, вогуличи и др.) частью добровольно подчинились казакамъ, частью покорены были силою (1582 г.).

Товарищъ и правая рука Ермака атаманъ Кольцо явился въ Москву извѣстить царя о покореніи Сибирской земли и поднесъ въ даръ произведенія завоеваннаго края—дорогіе мѣха собольи, бобровые и лисьи. Царь щедро наградилъ казаковъ, простилъ имъ всѣ прежнія вины, Ермаку послалъ панцырь и шубу съ своего плеча, а въ Сибирь отправилъ своихъ воеводъ съ войскомъ, на помощь Ермаку, для окончательнаго покоренія и замиренія края.

Ермакъ покорилъ не всю Сибирь, но только небольшую часть ея по рѣкамъ Иртышу и Тоболу и вскорѣ (въ 1584 г., въ царствованіе Ѳедора Іоанновича) самъ погибъ при нечаянномъ нападеніи Кучума (утонулъ подъ тяжестью панцыря, спасаясь вплавь отъ враговъ), но важное дѣло, начатое имъ, съ его смертію не погибло. Новые русскіе отряды пришли въ Сибирь и окончательно закрѣпили ее за Русью постройкой новыхъ городовъ и крѣпостей (Тобольскъ, Пелымъ,

Березовъ и др.). Постепенно весь Сѣверъ Азіи перешелъ въ руки русскихъ, получивъ общее названіе Сибири.

Естественныя богатства Сибири приманили туда много предпріимчивыхъ людей, особенно когда открыты были золотыя розсыпи, и безлюдныя пространства Сибири стали мало-по-малу населяться. Возникли новые города, введено правильное управленіе, заведены разные промыслы, тысячи рукъ занялись добываніемъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Сибирь стала считаться одной изъ богатѣйшихъ русскихъ областей. Покореніе Сибири открыло для русской колонизаціи новыя обширныя земли. Съ той поры среди полудикихъ обитателей края стало распространяться христіанство и русская гражданственность, земледѣліе и промыслы, возродившіе край къ новой жизни. Въ глухихъ дебряхъ и безконечныхъ пространствахъ сѣверной Азіи, благодаря появленію русскихъ и при ихъ посредствѣ, впервые стали насаждаться начатки европейской культуры. Смѣлый походъ Ермака пробилъ первую дорогу къ этому мирному и благотворному воздѣйствію Европы на Азію, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ крупное значеніе въ исторіи.

Ливонская война. Возобновленныя еще при Іоаннѣ III сношенія съ Западной Европой, выписка оттуда знатоковъ военнаго дѣла и разнаго рода мастеровъ и ремесленниковъ, ученыхъ и художниковъ продолжались, но постоянно встрѣчали противодѣйствіе сосѣдей—Польши, Ливоніи и Швеціи, которымъ невыгодно было усиливать и безъ того страшную для нихъ Московію, позволяя ей знакомиться съ плодами европейской образованности и техники, и стать въ одинъ рядъ съ европейскими государствами. Въ царствованіе Грознаго (въ 1547 г.) нанято было въ Германіи для московской службы свыше сотни разныхъ мастеровъ *), и ливонцы не пропустили ихъ въ Россію. Іоаннъ поклялся жестоко отомстить имъ за это и, покончивъ съ Казанью и Астраханью, рѣшился напасть на Ливонію (1558 г.) и отнялъ у нея часть береговъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежавшихъ Россіи, чтобы такимъ образомъ войти въ непосредственныя сношенія съ Западной Европой и не зависѣть болѣе въ этомъ отношеніи отъ каприза сосѣдей.

Ливонскій орденъ находился въ это время въ упадкѣ, приливъ крестоносцевъ изъ Европы уже не подкрѣплялъ его, въ самомъ орденѣ происходили внутренніе раздоры, открывавшіе дорогу вліянію сосѣдей— Польши, Даніи и Швеціи.

Война съ Ливоніей начата была очень успѣшно. Русскіе заняли до 20 городовъ, въ томъ числѣ Нарву и Дерптъ, и страшно опусто-

*) Въ числѣ ихъ были медики, аптекаря, цирюльники, архитекторы, каменщики, литейщики, плотники, часовщики, слесаря, рудокопы, типографщики, портные, повара и т. д.

шили край. Тогда магистръ Ливонскаго ордена (Кетлеръ), видя невозможность борьбы съ Москвою, рѣшилъ перейти въ подданство къ польскому королю (Сигизмунду II Августу) и отдалъ ему большую часть своихъ владѣній, а именно Ливонію, признавъ себя въ остальной части вассаломъ Польши (за собой онъ оставилъ только герцогство Курляндское и Семигалію). Остальное забрали шведы (Эстонія) и датчане (островъ Эзель). Такимъ образомъ Ливонскій орденъ распался, и Іоанну пришлось теперь въ борьбѣ за обладаніе городами Ливоніи вступить въ войну съ Польшей. Борьба съ новымъ противникомъ вначалѣ также пошла успѣшно. Самъ царь съ огромной ратью двинулся въ Литву, осадилъ и взялъ древній русскій городъ Полоцкъ.

Польскій король искалъ мира, предлагая часть Ливоніи (безъ береговъ Балтійскаго моря) и Полоцкъ. Іоаннъ требовалъ всей Ливоніи. Для рѣшенія этого важнаго вопроса—мириться съ королемъ польскимъ или нѣтъ на поставленныхъ условіяхъ, царь созвалъ большой земскій соборъ (1566). До сихъ поръ государи совѣтовались въ подобныхъ дѣлахъ лишь съ боярами; иногда призывали на совѣтъ, въ *думу*, и знатнѣйшее духовенство. Теперь Іоаннъ желалъ имѣть себѣ опору въ самомъ народѣ. На соборъ созвано было свыше 300 человѣкъ—духовныя лица, бояре, помѣщики съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ люди, которымъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяки, знатнѣйшіе московскіе купцы и смольняне. Соборъ пришелъ къ заключенію, что нужно добывать всю Ливонію съ берегами Балтійскаго моря.

Война продолжалась; къ борьбѣ съ Польшей присоединилась еще война съ Швеціей изъ-за Ревеля, который также хотѣлъ добыть себѣ Іоаннъ, какъ удобный портъ на Балтійскомъ морѣ. Начались неудачи, тѣмъ болѣе, что еще за время первой борьбы съ орденомъ большая часть даровитыхъ воеводъ сдѣлались жертвой подозрительности Іоанна и были казнены, а нѣкоторые (какъ, напр., Курбскій), опасаясь его мести, бѣжали въ Литву. Особенно же неудачно пошли дѣла, когда на престолъ польскій, за смертью короля Сигизмунда II и прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ (1572), избранъ былъ даровитый трансильванскій воевода Стефанъ Баторій.

Вступая на престолъ, Баторій, между прочимъ, обѣщалъ вернуть Литвѣ земли, отнятыя у нея Москвою, и лично повелъ на русскихъ свои закаленныя уже въ битвахъ войска, которыя считались одними изъ лучшихъ въ Европѣ. Въ составъ ихъ входила наемная венгерская и нѣмецкая пѣхота, польская конница и многочисленная артиллерія. Нестройныя московскія ополченія, руководимыя притомъ неискусными воеводами, стали терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Баторій взялъ

обратно, несмотря на упорную защиту, Полоцкъ; затѣмъ занялъ, послѣ страшной рѣзни, крѣпость Соколъ, рядъ другихъ городовъ уже въ предѣлахъ самой Руси, и наконецъ подступилъ къ Пскову. Здѣсь однако успѣхи Баторія кончились. Псковъ славился какъ первая крѣпость въ Московскомъ государствѣ; въ теченіе нѣсколькихъ уже вѣковъ, въ непрерывной борьбѣ съ нѣмцами, псковичи сильно укрѣпили свой городъ и умѣли отсиживаться за его стѣнами. Въ Псковъ свезено было русскими много пушекъ, приготовленныхъ для новаго похода въ Ливонію. Воеводой Псковскимъ былъ князь Шуйскій, даровитый и энергичный полководецъ, съумѣвшій вдохнуть мужество въ войско и гражданъ. Баторій повелъ осаду по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства. Рыли борозды (траншеи) и ставили туры (корзины съ землею) для прикрытія войскъ и артиллеріи, неустанно громили городъ изъ пушекъ и наконецъ пробили-таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обветшавшія стѣны. Распустивъ знамена, при звукахъ трубъ, двинулись поляки, венгры и нѣмцы на приступъ. Въ отчаянной сѣчѣ, закипѣвшей въ проломахъ стѣнъ, приняли участіе не только гарнизонъ Пскова, но и жители, помогавшіе воинамъ, чѣмъ только могли. Всѣ атаки врага были отбиты. Тогда Баторій велѣлъ дѣлать подкопы, пускать каленыя ядра въ городъ, чтобы произвести пожаръ, писалъ увѣщанія русскимъ воеводамъ, обѣщая имъ и городу всякія льготы въ случаѣ сдачи, — все было напрасно. Осажденные наотрѣзъ отказались отъ сдачи, энергично тушили пожары, рыли свои подземные ходы противъ подкоповъ врага и рѣзались съ нимъ подъ землею... Войско Баторія, несмотря на то, что вдвое превосходило числомъ защитниковъ Пскова, упало духомъ. Осаду пришлось снять.

Геройская оборона Пскова сильно ободрила Іоанна, но все же онъ искалъ мира, тѣмъ болѣе, что и шведы начали сильно тѣснить русскихъ. Даровитый полководецъ Делагарди отнялъ обратно Нарву, при чемъ погибло до 8 тысячъ русскихъ, и взялъ даже старые русскіе города Ямъ, Копорье, Ивангородъ. Іоаннъ обратился къ посредничеству римскаго папы, который съ радостью отозвался на приглашеніе, разсчитывая послѣ дружескихъ мирныхъ услугъ склонить Москву къ уніи съ Римомъ, и прислалъ для переговоровъ умнаго и ловкаго іезуита Антонія Поссевина. При его посредствѣ (1582 г.) заключено было (у Запольскаго Яма—въ Порхов. уѣздѣ) перемиріе съ Польшей на 10 лѣтъ, при чемъ Іоаннъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкъ. Черезъ годъ (1583 г.) заключено было перемиріе и со Швеціей. Послѣдняя удержала за собою не только свои пріобрѣтенія въ Ливоніи (Эстонію), но и русскіе города, лежавшіе

около Финскаго залива—Ямъ, Ивангородъ и Копорье. Такимъ образомъ Іоаннъ не только не успѣлъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря съ его гаванями Ригой и Ревелемъ, но потерялъ и принадлежавшее ему раньше прибрежье Финскаго залива. Замыселъ пробиться къ берегамъ Балтики пришлось отложить.

Велики были силы Москвы, но западное военное искусство брало еще верхъ надъ ними. Что касается попытокъ Поссевина склонить Іоанна на унію съ Римомъ, то они не привели ни къ чему. Русскіе люди и самъ Іоаннъ и слышать не хотѣли о подчиненіи папѣ и единеніи съ Римомъ.

Эпоха казней. Въ ту пору, какъ Россія вела тяжелую войну изъ-за Ливоніи, въ дѣлахъ внутреннихъ назрѣвала крупная перемѣна. Въ первые годы царствованія, напуганный народнымъ мятежомъ во время московскаго пожара и сознавая свою неопытность въ дѣлахъ правленія, юный царь слушался Сильвестра и бояръ, поступалъ во многомъ по ихъ указаніямъ и не проявлялъ рѣзко своей самостоятельности. Но вотъ народъ поуспокоился, управленіе улучшилось, казанскій походъ кончился очень счастливо, Іоаннъ возмужалъ, сталъ увѣреннѣе въ себѣ и, видимо, уже началъ тяготиться опекой Сильвестра и совѣтами бояръ. Самовластная натура его требовала простора. Разрывъ между царемъ и его совѣтниками сталъ неизбѣженъ. Обстоятельства и неосторожность самихъ бояръ ускорили этотъ разрывъ и придали ему рѣзкія формы.

Вскорѣ послѣ удачнаго окончанія похода на Казань царь тяжко заболѣлъ (1553 г.) и, боясь смерти, написалъ духовную, назначая наслѣдникомъ своего сына Димитрія, незадолго предъ тѣмъ родившагося, и требуя присяги ему. Нѣкоторые изъ бояръ присягнули, другіе отказывались, говоря, что Димитрій еще малъ и вмѣсто него будутъ управлять Захарьины (родственники царицы Анастасіи), а Захарьинымъ повиноваться они не хотятъ, боярское правленіе въ малолѣтство Іоанна IV всѣмъ памятно. Нѣкоторые говорили, что лучше всего быть царемъ взрослому человѣку, указывая на двоюроднаго брата царя князя Владиміра Андреевича (сынъ князя Андрея Старицкаго). Поднялся шумъ и ссора. Сильвестръ и отецъ Алексѣя Адашева держали сторону непослушныхъ бояръ. Самъ Адашевъ присягнулъ Димитрію, но ни слова не возражалъ его противникамъ. Послѣ долгихъ пререканій сторонники Димитрія заставили-таки всѣхъ присягнуть ему и обо всемъ разсказали царю. Да больной Іоаннъ и самъ слышалъ отчасти эти споры изъ сосѣдней комнаты, гдѣ лежалъ. Природная подозрительность и навѣянное впечатлѣніями дѣтства недовѣріе къ боярамъ вспыхнули въ Іоаннѣ съ новой силой.

Выздоровѣвъ, Іоаннъ по обѣту отправился съ женою и сыномъ на богомолье — въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и по дорогѣ видѣлся съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ. На обращенный къ нему вопросъ царя, какъ лучше царствовать, чтобы держать бояръ въ послушаніи, хитрый старецъ, самъ потерпѣвшій отъ бояръ (онъ былъ заточенъ въ Пѣсношскій монастырь во время боярскаго управленія) и зная, что̀ лучше придется по сердцу царю, отвѣтилъ: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя". „Самъ отецъ, если бы былъ живъ, не далъ бы мнѣ лучше совѣта", сказалъ ему Іоаннъ.

Послѣ этого царь видимо сталъ сторониться отъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ. Между прочимъ и война съ Ливоніей рѣшена была вопреки совѣту Сильвестра, настаивавшаго на походѣ въ Крымъ. Замѣтивъ охлажденіе къ себѣ царя, Сильвестръ самъ удалился въ Кирилловъ монастырь; Адашевъ отправленъ былъ въ своего рода почетную ссылку—воеводой въ Ливонію. Около царя сгруппировался теперь кружокъ лицъ, враждебно настроенныхъ къ Сильвестру и Адашеву, и когда (въ 1560 г.), къ великому горю царя, скончалась неожиданно царица Анастасія, недоброхоты Сильвестра и Адашева пустили молву, что царица изведена ихъ чарами. Эти наговоры, особенно же толки о томъ, что друзья Сильвестра и Адашева хотятъ воротить изгнанниковъ въ Москву, чтобы снова руководить при ихъ посредствѣ царемъ, подѣйствовали на подозрительнаго Іоанна. Сильвестръ былъ сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь; Адашева заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ отъ горячки. Многихъ изъ ихъ приверженцевъ частію сослали, частію казнили.

Новые порядки настали при дворѣ Іоанна. Нестѣсняемый болѣе властными поученіями суроваго Сильвестра, внушеніями честнаго Адашева и вліяніемъ любимой царицы, Іоаннъ далъ полный просторъ дурнымъ наклонностямъ своей непостоянной и страстной натуры. Царя (по выраженію Курбскаго) окружили „ласкатели", потакавшіе всѣмъ его прихотямъ, готовые исполнять малѣйшіе его капризы. При дворѣ начались пиры и попойки, порочныя забавы. Старые бояре, пробовавшіе возражать противъ шумнаго разгула и дворцовыхъ потѣхъ, подвергались гоненію, а иногда платились за это и головой (князь Реппинъ). Новые приближенные царя пользовались его подозрительностію, чтобы наговаривать на тѣхъ, кого считали опасными для себя. Одинъ за другимъ лучшіе бояре подвергались опаламъ и казнямъ. (Такъ пострадалъ одинъ изъ самыхъ выдающихся воеводъ Іоанна кн. Михаилъ Воротынскій, сосланный на Бѣлоозеро, бояре Шереметевы и др.). Нѣ-

которые изъ бояръ, опасаясь гнѣва царя и злобы его приближенныхъ, уходили въ Литву (бояре Черкасскіе и др.). Въ предупрежденіе этихъ побѣговъ, особенно опасныхъ при войнѣ съ Литвою за Ливонію, Іоаннъ сталъ брать съ бояръ крестоцѣловальныя записи, что не измѣнятъ царю и не убѣгутъ въ чужія земли; къ этимъ записямъ прибавлялось часто денежное поручительство ихъ родичей. Но и это средство не помогало. Бѣжалъ наконецъ любимецъ Іоанна, знаменитый воевода князь Курбскій, опасаясь казни за одну проигранную имъ битву. Измѣна Курбскаго всего сильнѣе поразила Іоанна, тѣмъ болѣе, что бѣглецъ принялъ участіе въ бояхъ противъ своихъ же соотечественниковъ, предводительствуя польскими войсками, служа врагу своими талантами и знаніемъ военнаго дѣла, и кромѣ того написалъ рядъ укорительныхъ писемъ царю, въ которыхъ оправдывалъ свое поведеніе, обвинялъ царя въ несправедливости по отношенію къ боярамъ, трудами которыхъ сдѣлано все доброе въ его царствованіе и съ которыми ему, по мысли Курбскаго, слѣдовало бы постоянно совѣтоваться *).

Въ словахъ и дѣйствіяхъ Курбскаго Іоаннъ увидѣлъ прямое наглядное подтвержденіе своему недовѣрію и подозрѣніямъ относительно бояръ, какъ противниковъ самодержавной власти и людей, всегда готовыхъ на измѣну, и въ этомъ смыслѣ послалъ ему два отвѣтныхъ письма, въ которыхъ отрицалъ заслуги боярства и говорилъ, что царь ни подъ чьимъ вліяніемъ не долженъ находиться, тогда только дѣла пойдутъ хорошо. Вспоминая, какъ дурно обращались съ нимъ бояре въ дѣтствѣ, и какъ распоряжались имъ потомъ „словно младенцемъ“ Сильвестръ и Адашевъ, Іоаннъ замѣчаетъ:—„развѣ противно разуму, что я въ зрѣломъ возрастѣ не захотѣлъ быть младенцемъ?“ Упоминая дальше о томъ, какъ бояре отказывались присягать его сыну Димитрію, и указывая, что и на войну съ Казанью его воеводы, въ томъ числѣ и Курбскій, будто бы шли неохотно, царь пишетъ въ заключеніе, обращаясь къ Курбскому, какъ представителю всѣхъ бояръ: „Вы (бояре) достойны были многихъ опалъ и казней, но мы еще милостиво васъ наказываемъ! Если бы я по твоему достоинству,—обращается царь къ Курбскому,—поступилъ съ тобой, ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы“...

Во исполненіе зловѣщаго предостереженія Іоанна долженъ былъ послѣдовать рядъ новыхъ опалъ и казней; но одно это средство казалось Іоанну уже недостаточнымъ. Напуганному воображенію его всюду представлялись теперь тайныя козни измѣнниковъ и предателей, тѣмъ болѣе, что Курбскій прислалъ свой протестъ отъ имени всѣхъ бояръ.

---

*) По разсказу современниковъ, первое письмо Курбскаго доставилъ царю одинъ изъ вѣрныхъ слугъ его Василій Шибановъ. Іоаннъ вонзилъ ему въ ногу свой острый желѣзный костыль и, опираясь на него, слушалъ чтеніе письма. Шибанова подвергли потомъ страшнымъ пыткамъ, но онъ не выдалъ ничего и смѣло защищалъ своего господина.

А всѣхъ виновныхъ въ измѣнѣ уличить и покарать, лишивъ ихъ должностей и сановъ, невозможно. И вотъ, въ заботахъ прежде всего о своей личной безопасности, Іоаннъ съ преданными ему людьми рѣшилъ уединиться отъ крамольнаго боярства, уѣхать изъ Москвы въ другое болѣе безопасное мѣсто и оттуда уже начать свою расправу съ измѣнниками, предварительно опросивъ на этотъ счетъ народъ, т. е. населеніе столицы.

Опричнина. Въ декабрѣ 1564 года царь со всѣмъ семействомъ, захвативъ съ собою всю свою казну и драгоцѣнности и не сдѣлавши никакихъ распоряженій насчетъ своего отъѣзда, внезапно покинулъ столицу и уѣхалъ въ Александровскую слободу, въ 100 верстахъ отъ Москвы. Вмѣстѣ съ нимъ двинулись и всѣ его любимцы со своими семьями. Всѣ были въ недоумѣніи отъ такого необычнаго государева выѣзда. Черезъ мѣсяцъ пришла въ Москву на имя митрополита грамота, въ которой царь писалъ, что рѣшилъ оставить государство и поселиться тамъ, гдѣ ему Богъ на душу положитъ, такъ какъ не можетъ долѣе терпѣть измѣнныхъ дѣлъ бояръ, которыхъ прикрываетъ духовенство и мѣшаетъ своимъ заступничествомъ казнить виновныхъ. Въ другой грамотѣ, которая была во всеуслышаніе прочтена народу, царь успокаивалъ московскихъ людей—купцовъ и простолюдиновъ, чтобы они ничего не опасались, что на нихъ онъ ни гнѣва, ни опалы не имѣетъ.

Ужасъ и смятеніе охватили населеніе столицы, тѣмъ болѣе, что въ эту пору шла война съ Литвой и крымцы грозили съ юга. „Государь насъ покинулъ, мы погибаемъ“, кричали на улицахъ Москвы. „Пусть намъ царь укажетъ своихъ лиходѣевъ, мы съ ними расправимся“. Въ Москвѣ отъ безначалія начинались уже безпорядки. Депутація изъ высшаго духовенства и бояръ отправилась въ Александровскую слободу бить челомъ государю, просить его отъ имени всѣхъ вернуться на царство. Іоаннъ согласился подъ условіемъ, что ему не будутъ мѣшать казнить измѣнниковъ, и заявилъ, что устроитъ *опричнину*, т. е. отдѣльное отъ остальной Руси правленіе (отъ слова „опричь“—кромѣ, особо *), чтобы лучше выводить крамолу изъ русской земли. Никто не противорѣчилъ. Всѣ склонились предъ царскою волей.

Іоаннъ торжествовалъ. Но, видимо, не легко ему досталось это торжество послѣ измѣны Курбскаго, отъѣзда изъ Москвы и тяжелаго тревожнаго ожиданія послѣдствій, какія будетъ имѣть посылка грамотъ въ Москву—высокій ростомъ, стройный, широкоплечій, съ большими усами и окладистой бородой, онъ разомъ какъ-то постарѣлъ и осунулся,

*) Въ XIII—XIV в. опричниной назывался удѣлъ, дававшійся иногда въ особое владѣніе вдовамъ-княгинямъ по завѣщаніямъ князей, ихъ мужей. Такое же владѣніе устроилъ себѣ и царь Іоаннъ IV, пожелавшій „дворъ себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной“.

большая часть волосъ на головѣ и въ бородѣ выпали, такъ что потомъ въ Москвѣ многіе его не узнавали...

Все государство, по мысли царя, раздѣлено было на двѣ части: *опричнину* и *земщину*. Часть Москвы и до 20 другихъ городовъ отходили въ вѣдѣніе опричнины; на доходы съ нихъ содержался царскій дворъ и особые тѣлохранители царя и защитники его власти отъ крамольниковъ—опричники. Всѣ остальные города и земли составляли земщину, управленіе которой поручено было старѣйшимъ и знатнѣйшимъ боярамъ. Эти *земскіе бояре* могли являться къ государю только въ случаѣ военныхъ нуждъ и особо важныхъ внутреннихъ дѣлъ, во всемъ же остальномъ управлялись сами. (Впослѣдствіи Іоаннъ, хотя и ненадолго, въ минуту каприза, поставилъ даже надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя всей Руси).

Царь не остался жить въ Москвѣ и пріѣзжалъ сюда только изрѣдка, большею частію для торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ посольствъ. Постояннымъ мѣстомъ его жительства сдѣлалась Александровская слобода. Здѣсь построены были особыя царскія палаты, окруженныя валомъ и глубокимъ рвомъ. Здѣсь царь съ своими новыми совѣтниками и любимцами (Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ и князь Афанасій Вяземскій) устраивалъ свою новую дружину, сюда же для пытокъ и казней стали привозить бояръ, обвиненныхъ въ измѣнѣ.

Въ опричнину набирали по преимуществу молодыхъ людей незнатнаго происхожденія, изъ служилаго сословія (т. е. изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ), не имѣвшихъ связей съ именитыми боярами. Они давали присягу служить только одному царю, не водить дружбу съ земскими людьми, не знать даже отца съ матерью. Имъ за это раздавались въ жалованье земли и помѣстья въ уѣздахъ, отведенныхъ подъ опричнину, по преимуществу близъ Москвы (прежнихъ помѣщиковъ и владѣльцевъ, числомъ до 12-ти тысячъ, выселили въ земскія волости, по преимуществу на окраины Московскаго государства), такъ что изъ безродныхъ бѣдняковъ опричники обращались въ зажиточныхъ помѣщиковъ и притомъ владѣвшихъ землями въ лучшей части государства. Всего набрано было въ „опричное“ войско до 6-ти тысячъ человѣкъ. Главной обязанностью ихъ было отыскивать и истреблять измѣнниковъ; къ сѣдламъ у нихъ, по царскому приказу, привязывались, въ качествѣ особаго отличія, собачья голова и метла: это значило, что опричники защищали царя, какъ вѣрные псы, и выметали крамолу изъ Руси. Чѣмъ больше отыскивалъ тотъ или другой опричникъ измѣнниковъ, тѣмъ выше цѣнились его служба и усердіе. И вотъ настала пора непрерывныхъ казней.

Почти ежедневно привозили въ Александровскую слободу бояръ и лицъ, уличенныхъ въ крамольныхъ замыслахъ на царя. Тамъ подвергали ихъ страшнымъ пыткамъ, вынуждая сознаніе, затѣмъ казнили. Часто при этомъ истребляли ихъ родичей и семьи казненныхъ, избивали ихъ слугъ, какъ вольныхъ и невольныхъ пособниковъ „измѣны", имѣніе убитыхъ грабили опричники.

Отъ усердія опричниковъ погибали по большей части самые богатые и знатные бояре. Равнымъ образомъ во владѣніе опричниковъ попадали по преимуществу земли наиболѣе родовитыхъ бояръ, переселяемыхъ въ новыя помѣстья на окраины. Вліятельное боярство было этимъ страшно обезсилено. Казни Грознаго, какъ прозвали теперь въ народѣ Іоанна, и особенно разорительная переборка земельныхъ владѣній знатнаго боярства ради мѣны съ опричниками въ конецъ подорвали его значеніе. Уцѣлѣли отъ погрома и разоренія лишь безцвѣтные и „смиренные" люди (въ родѣ Мстиславскаго съ его зятемъ Симеономъ Бекбулатовичемъ), или же лица, сами умѣвшія пристроиться къ опричнинѣ (Шуйскіе, Трубецкіе и пр.). Первенствующее значеніе перешло отъ родовитыхъ людей къ простымъ боярскимъ фамиліямъ, что и сказалось вскорѣ же послѣ Грознаго при его преемникѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (Годуновъ).

Для самого Іоанна, жестокость въ характерѣ котораго была наслѣдственной чертой и развита была до послѣдней степени впечатлѣніями дѣтства, ежедневныя пытки и казни стали какъ бы своего рода потребностью, развлеченіемъ, которое и самъ онъ и его приближенные пытались даже разнообразить, придумывая все новыя и новыя формы пытокъ и казней. Тѣмъ не менѣе укоры совѣсти за пролитую кровь иногда тревожили его. Онъ вписывалъ имена своихъ жертвъ въ синодики, молился объ ихъ упокоеніи. Самую жизнь свою въ Александровской слободѣ онъ устроилъ впослѣдствіи на монастырскій ладъ, проводя все утро до обѣда (въ 10 ч.) въ усердной молитвѣ съ „блатіей" изъ опричниковъ. Послѣ обѣдни шелъ пиръ, а затѣмъ зрѣлища пытокъ и казней и снова молитва...

Буйства и грабежи опричниковъ, лютыя пытки и казни перешли наконецъ всякую мѣру. Особенно много погибало знатныхъ людей, ихъ родичей и лицъ, близкихъ имъ въ Москвѣ. Населеніе столицы было въ ужасѣ и боялось даже выходить изъ домовъ своихъ. Не могъ стерпѣть всего этого старецъ—*митрополитъ Филиппъ* (изъ рода бояръ Колычевыхъ), человѣкъ уважаемый всѣми и самимъ царемъ за святость жизни, и послѣ безплодныхъ попытокъ печалованія за осужденныхъ безвинно, рѣшился при всемъ народѣ обратиться къ царю съ словомъ обличенія (1568 г.). „Чернецъ, не прекословь державѣ нашей!" кричалъ на него царь, приказывая молчать. Но когда и послѣ этого

обличенія не прекратились, то митрополита, по наговорамъ опричниковъ, отдали подъ судъ, лишили сана и сослали въ заточеніе въ Тверской-Отрочь монастырь, гдѣ его потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ (1569). Впослѣдствіи митрополитъ Филиппъ былъ причисленъ къ лику святыхъ; мощи его покоятся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Жертвой подозрительности Іоанна погибъ вмѣстѣ съ семьею и двоюродный братъ его князь Владиміръ Андреевичъ, обвиненный въ попыткѣ бѣжать изъ Москвы и перейти въ подданство польскому королю.

Погромъ Новгорода. Въ намѣреніи отдаться въ подданство польскому королю обвиненъ былъ, наконецъ, цѣлый городъ, гдѣ еще не умерла память о старинныхъ вольностяхъ и смѣлѣе поговаривали о московскихъ порядкахъ, именно Новгородъ. Кто-то донесъ, что архіепископъ Пименъ и бояре написали грамоту о томъ, и она хранится за образомъ Богоматери въ Софійскомъ соборѣ. Эту грамоту (видимо, поддѣльную) дѣйствительно нашли въ указанномъ мѣстѣ. Іоаннъ велѣлъ организовать цѣлый походъ противъ „мятежнаго" города и двинулся туда вмѣстѣ со всѣми опричниками и большимъ отрядомъ стрѣльцовъ. Попутно Іоаннъ рѣшилъ отомстить также Твери и Пскову за ихъ былую силу, за то, что предки ихъ когда-то сопротивлялись Москвѣ, какъ онъ вычиталъ въ лѣтописяхъ. Опричникамъ данъ былъ приказъ грабить и пустошить города Тверской области. Особенно пострадала сама Тверь, при чемъ избито было много народа. Въ Новгородѣ Іоаннъ съ опричниками и стрѣльцами оставался (1570 г.) около 6 недѣль и все это время производились казни и избіеніе жителей, по преимуществу именитыхъ гражданъ и купцовъ. Архіепископъ Новгородскій былъ лишенъ сана и сосланъ въ заключеніе, до 500 духовныхъ лицъ—монаховъ, игуменовъ и священниковъ избили. Окрестности Новгорода и прежнія владѣнія его кругомъ на 250 верстъ велѣно было опустошить. Послѣ этого погрома вѣковое торговое значеніе Новгорода, уже подорванное при Іоаннѣ III, окончательно погибло.

Изъ Новгорода Іоаннъ съ своей ратью двинулся на Псковъ. Псковичи встрѣтили царя каждый предъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, стоя на колѣняхъ, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Смягченный этими знаками покорности, Іоаннъ помиловалъ псковичанъ и запретилъ опричникамъ убивать жителей, позволилъ имъ только пограбить ихъ, а также велѣлъ взять въ Москву (какъ и въ Новгородѣ) утварь и казну монастырскую и церковную *).

---

*) Преданіе говоритъ, что въ Псковѣ Іоаннъ посѣтилъ между прочимъ юродиваго Николу Салоса. Тотъ предложилъ ему, несмотря на Великій постъ, кусокъ сырого мяса. „Я

По пріѣздѣ въ Москву начались новые розыски и казни лицъ, обвиняемыхъ въ соучастіи съ новгородцами. (При этомъ, между прочимъ, погибли и любимцы Іоанна—князь Вяземскій и Басмановъ: послѣдняго, по приказу Іоанна, убилъ родной сынъ *).

Состояніе духа Грознаго въ эту мрачную эпоху всего лучше характеризуетъ его же духовное завѣщаніе, составленное въ это время (1572): „Тѣло мое изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мною поскорбѣлъ, и нѣтъ никого; утѣшающихъ я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистію за любовь" и т. д. Удрученный такими мыслями, Іоаннъ, видимо, опасался за будущее своихъ наслѣдниковъ. Дѣтей своихъ Іоаннъ проситъ въ завѣщаніи не раздѣляться, пока старшій (Іоаннъ) не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ. „Но если даже въ гоненіи и изгнаніи будете", пишетъ онъ, „молитесь о насъ, своихъ родителяхъ". Іоаннъ велъ даже одно время тайные переговоры съ англійскимъ дворомъ, прося убѣжища въ Англіи, для спасенія себя и семьи, на случай опасности... „Мои русскіе всѣ воры" (т. е. измѣнники), говорилъ онъ.

Записи современниковъ говорятъ, что Іоаннъ до конца жизни оставался съ одинаковымъ настроеніемъ духа, такъ же подозрителенъ и жестокъ, такъ же скоръ на гнѣвъ и опалы; однако въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни все рѣже и рѣже встрѣчаются извѣстія о казняхъ. Главныя силы ненавистнаго Іоанну боярства были сломлены или принижены до послѣдней степени и поводовъ къ казнямъ представлялось уже меньше.

Смерть Іоанна. Постоянное тревожное состояніе духа, въ связи съ невоздержной жизнію и испытанными въ послѣдніе годы царствованія неудачами во внѣшнихъ дѣлахъ рано состарили Іоанна; уже на 40-вомъ году жизни онъ выглядывалъ дряхлымъ старикомъ. Семейная его жизнь также сложилась несчастливо. Послѣ смерти нѣжно любимой имъ царицы Анастасіи Романовой, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей (Іоанна и Θеодора), Іоаннъ былъ женатъ нѣсколько разъ. Двѣ изъ его женъ умерли преждевременно, съ другими онъ самъ разводился, заключая ихъ въ монастырь. Отъ послѣдней 7-й жены изъ рода Нагихъ—Маріи Іоаннъ имѣлъ сына Димитрія. Старшаго сына своего Іоанна, походившаго нравомъ на отца, царь нечаянно убилъ, въ припадкѣ гнѣва, ударивъ его своимъ желѣзнымъ костылемъ (въ ноябрѣ 1581 г.). Смерть любимаго сына была послѣднимъ тяжелымъ ударомъ въ жизни Іоанна и сильно повліяла на него. Черезъ два года съ небольшимъ (17 марта 1584 г.) онъ и самъ умеръ отъ страшной

христіанинъ и не ѣмъ сырого мяса да еще въ постъ". „А кровь христіанскую пьешь?" возразилъ юродивый и такъ будто бы напугалъ его разными дурными предвѣщаніями, что Іоаннъ поспѣшилъ уѣхать изъ Пскова.

*) Третій наперсникъ Іоанна—Малюта Скуратовъ былъ убитъ при осадѣ Полоцка.

болѣзни (у него гнили внутренности и пухло тѣло) на 53 году отъ роду, оставшись навсегда въ памяти народной съ даннымъ ему еще при жизни прозваніемъ *Грознаго*.

Значеніе опричнины и ея послѣдствія. Учрежденіе опричнины, самое крупное и вмѣстѣ непонятное, по первому взгляду, явленіе второй половины царствованія Грознаго вызвало многочисленныя и разнорѣчивыя сужденія въ исторической наукѣ, тѣмъ болѣе, что подлинныхъ документовъ по этому дѣлу не сохранилось. Одни видятъ въ немъ нелѣпую причуду робкаго тирана (Карамзинъ) или, въ крайнемъ случаѣ, странное и неудачное орудіе борьбы съ боярствомъ; другіе усматриваютъ здѣсь попытку отдѣлаться отъ ненавистнаго боярства, выродившуюся въ орудіе террора, въ какое-то сыскное отдѣленіе по дѣламъ государственной измѣны (Соловьевъ, Ключевскій); третьи склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ и значеніе, полагая, что она была систематически проведенной мѣрой для того, чтобы сломить традиціонныя права и преимущества потомства удѣльныхъ князей среди бояръ (Бестужевъ-Рюминъ, Платоновъ).

Судя по тому, что „опричная затѣя“ все-таки привилась, что опричнина безпрепятственно забрала въ свое вѣдѣніе большую часть государственной территоріи и въ концѣ концовъ обезсилила боярство, слѣдуетъ признать болѣе близкими къ истинѣ послѣднія мнѣнія. Подлежитъ только большому сомнѣнію мысль о систематичности или планомѣрности въ дѣйствіяхъ, несвойственной и вообще людямъ той эпохи, а особенно Грозному, если не считать системой его традиціонную ненависть къ боярству. Судя по всему, и по характеру, и по дѣйствіямъ Грознаго, опричнина была задумана царемъ въ интересахъ личной безопасности и съ цѣлію искорененія „крамолы“ на Руси и постепенно сама собою ходомъ дѣлъ выродилась въ своеобразное орудіе истребленія и приниженія богатыхъ бояръ незнатнымъ служилымъ людомъ, потому что дала исходъ злобнымъ и завистливымъ чувствамъ послѣдняго по отношенію къ родовитой знати, столпившейся около престола московскаго царя. Съ этой точки зрѣнія опричнина—лишь одинъ изъ фазисовъ давней глухой борьбы между нижнимъ и верхнимъ слоями боярскаго служилаго сословія въ Московскомъ государствѣ и является уже не личнымъ дѣломъ Іоанна IV, а своеобразнымъ общественнымъ движеніемъ въ средѣ служилаго сословія, совпавшимъ съ личными стремленіями и замыслами царя. Оттого-то Іоаннъ IV въ своемъ стремленіи покарать „злодѣевъ“ и нашелъ себѣ сразу такъ много черезчуръ усердныхъ и ни передъ чѣмъ не останавливавшихся помощниковъ и соратниковъ; въ этомъ же и причина успѣха такой съ виду странной и нелѣпой мѣры, какова опричнина. Въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ обзорѣ событій того времени не слѣдуетъ рѣзко отдѣлять Грознаго отъ той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ и которая питала и проводила его замыслы. И численность опричнины, тысячами набиравшей своихъ слугъ во всѣхъ слояхъ общества, и „походы“, совершаемые ея ополченіями съ разгромомъ цѣлыхъ городовъ и областей, выводятъ ее изъ ограниченнаго круга дворцовыхъ приспѣшни-

ковъ и „ласкателей“ и ставятъ въ разрядъ, такъ сказать, общенароднаго бѣдствія. Въ этомъ смыслѣ опричнина лежитъ кровавымъ пятномъ на памяти не одного Іоанна IV, но и значительной части тогдашняго общества, ее питавшаго. По своему положенію и по своему характеру Іоаннъ IV въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, былъ только наиболѣе яркимъ выразителемъ переплетавшихся при его дворѣ и въ тогдашнемъ обществѣ стремленій и борьбы интересовъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ общества. Когда же его мѣры и начинанія ничьимъ интересамъ и настроеніямъ не соотвѣтствовали, они не находили исполнителей, несмотря на приказы и „прещенія“ грознаго царя. Такъ, напр., въ той же самой опричнинѣ дѣйствительно нелѣпыя затѣи Іоанна, въ родѣ поставленія Симеона Бекбулатовича великимъ княземъ всея Руси, не нашедшія ни въ комъ и ни въ чемъ отзвука, прошли безслѣдно: даже дьяки не отписывались на грамоты этого, придуманнаго Іоанномъ, великаго князя.

Первоначальныя чисто личныя цѣли учрежденія опричнины сказались въ тѣхъ отвратительныхъ жестокостяхъ и казняхъ, которыми полна ея исторія. „Кромѣшники“, набранные изъ „худородныхъ дворянъ“ и дѣтей боярскихъ, усердствовали во всю, истребляя ненавистное имъ крупное боярство. Конфискація имуществъ казненныхъ бояръ въ пользу опричниковъ окрылила ихъ усердіе уже въ другомъ направленіи. Началась усиленная охота собственно за имѣніями и сообразный съ цѣлями Іоанна переводъ опальныхъ бояръ на окраины съ „испомѣщеніемъ“ неродовитыхъ служилыхъ людей въ имѣніяхъ родовитой знати. Безъ усерднаго содѣйствія послѣднихъ, обусловленнаго личными интересами, эта „мѣна“ имѣній никогда не могла бы быть произведена въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе имѣла она, принимая характеръ какъ бы спеціально государственной мѣры, систематично и планомѣрно проводившейся. Такъ и понялъ ее англійскій посланникъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ уже въ царствованіе преемника и сына Грознаго Ѳеодора Іоанновича. Онъ видитъ въ опричнинѣ чисто политическую мѣру, направленную прежде всего противъ князей-бояръ, потомковъ удѣльныхъ князей. Въ своихъ владѣніяхъ эти „княжата“, по его словамъ, продолжали до опричнины пользоваться не только большимъ вліяніемъ, но и сохраняли кое-какіе остатки прежней власти надъ населеніемъ. Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ мѣстахъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не тамъ были извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ случаяхъ. Флетчеръ довольно точно указываетъ, такимъ образомъ, на одно изъ послѣдствій опричнины и судитъ о ней только по этому результату, не зная исходнаго пункта дѣла и оцѣнивая его мотивы и цѣли съ своей европейской точки зрѣнія болѣе культурнаго человѣка.

Съ этой же точки зрѣнія нѣкоторые изъ историковъ до извѣстной степени оправдываютъ начинанія Грознаго, какъ имѣющія глубокій внутренній государственный смыслъ.

Между прочимъ указываютъ и на другое важное послѣдствіе перемѣны землевладѣнія при опричнинѣ: служилые люди „княжатъ“ стали въ непосредственную зависимость отъ государевой власти, исчезли и „воинства“ въ нѣсколько тысячъ слугъ, составлявшихъ своего рода охрану княжатъ. Но эти воинства представляли собою въ дѣйствительности только „дѣтскія страшила“, которыхъ пугалось больное воображеніе Грознаго, почти никто изъ нихъ пальцемъ не шевельнулъ при избіеніи или опалѣ на бояръ; что касается служилыхъ людей при боярахъ, а тѣмъ болѣе боярскихъ челядинцевъ, то они чаще сами подводили подъ опалу своихъ бояръ, чѣмъ заступались за нихъ.

Боярство уже ранѣе потеряло кредитъ въ населеніи и не представляло собою той опасной силы для верховной власти, какою рисовалъ его Грозный. Десятилѣтнее правленіе бояръ въ его малолѣтство ясно показало это. Оно же и уронило бояръ въ глазахъ современниковъ. Въ своей болѣзненной, подогрѣтой воспоминаніями дѣтства, подозрительности Грозный преувеличивалъ опасность отъ бояръ. Удары его падали большею частію уже въ пустое мѣсто, но его приспѣшники рады были разоренію и оскудѣнію боярской знати, ибо это ихъ обогащало, населеніе же и мелкіе служилые люди въ вотчинахъ перемѣняли только извѣстныхъ и, быть можетъ, лучшихъ владыкъ на невѣдомыхъ и худшихъ, желавшихъ покормиться и разжиться въ богатой вотчинѣ. Какъ всегда бывало въ эпоху общественныхъ броженій, наверхъ выбились наиболѣе энергичные, но и наиболѣе беззастѣнчивые, лишенные нравственнаго чутья люди, затирая и угнетая менѣе смѣлыхъ, хотя бы и болѣе способныхъ и благородныхъ людей. Въ опричнинѣ именно и выплыли наверхъ худшія силы въ средѣ служилыхъ людей и доставили торжество грубости и насилію, какъ и ранѣе въ эпоху правленія бояръ выдвинулись изъ ихъ среды придворные интриганы, уронившіе своими дѣйствіями родовитое боярство и въ глазахъ будущаго царя, и въ глазахъ населенія. Изъ среды высшаго боярства усиліями Грознаго и его слугъ вырваны были какъ нарочно самые благородные и умные люди, герои казанской войны и другія лица, провинившіяся предъ опричниками только своимъ богатствомъ, вовсе и не думавшіе, даже при казняхъ и опалахъ, поднимать руку на царя, которые, наоборотъ, могли бы и теперь, и послѣ, при его преемникѣ, служить опорою престолу. Боярство было въ лицѣ ихъ обезглавлено, но вмѣстѣ съ нимъ обезглавила себя и государственная власть, доселѣ черпавшая свои силы изъ этого источника. Опричнина истребила все лучшее и даровитое среди родовитаго боярства, оставивъ въ немъ только приниженные и безцвѣтные элементы, или людей, на которыхъ, по ихъ нравственныхъ устоямъ, трудно было опираться. Нѣкоторыхъ изъ лучшихъ бояръ она даже толкнула на измѣну, выросшую потомъ среди боярства пышнымъ цвѣткомъ въ эпоху смутнаго времени.

Съ другой стороны опричнина усилила своими дѣйствіями обнаружившійся уже до нея экономическій упадокъ страны и общее обни-

щаніе. Вызванная опричниной массовая перетасовка хозяевъ въ области земельнаго владѣнія еще болѣе осложнила и безъ того запутанныя отношенія крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, и тѣ и другіе потерпѣли при этихъ передвиженіяхъ. Что касается многочисленнаго мелкаго служилаго люда, дѣтей боярскихъ и пр., то они обнищали и ослабѣли и независимо отъ опричнины. На нихъ издавна лежала вся тяжесть неизбѣжныхъ при новомъ положеніи Московскаго государства войнъ съ сосѣдями и охраны границъ отъ Литвы и татаръ. Удачная война съ Казанью въ царствованіе Грознаго доставила имъ и вообще населенію извѣстное нравственное удовлетвореніе, но матеріальные плоды ея могли сказаться лишь въ будущемъ; въ настоящемъ же она принесла лишь потери людьми и деньгами. Ливонская же война не дала и этого удовлетворенія, но породила только общее раздраженіе и нескончаемыя траты и тяготы. Военныя повинности не давали буквально отдыха измученному служилому люду и жившему въ ихъ помѣстьяхъ населенію, заставляли помѣщиковъ уменьшать льготы по сдачѣ земли крестьянамъ и всячески притѣснять ихъ. Послѣдніе уходили куда глаза глядятъ, бросая господскую пашню и „государево тягло". Началось общее броженіе населенія, особенно на югѣ и юго-западѣ, гдѣ главнымъ образомъ „испомѣщались", т. е. получали помѣстья служилые люди, охранявшіе границы и обязанные являться на войну „конны, людны и оружны". Тамъ, повидимому, не было ни одной общественной группы, начиная съ крупныхъ бояръ и кончая чернымъ людомъ, которые были бы довольны ходомъ дѣлъ.

Англійскій посолъ Флетчеръ подмѣтилъ это общее недовольство и приписалъ его исключительно личной политикѣ Грознаго. Но положеніе населенія не улучшилось, а ухудшилось и при добромъ преемникѣ Грознаго, и при умномъ и дѣятельномъ Борисѣ Годуновѣ, ибо зависѣло не отъ личныхъ свойствъ и наклонностей того или другого государя, а отъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ. Грозный и его приспѣшники усилили своими дѣйствіями общій экономическій кризисъ, но онъ возникъ и назрѣвалъ и помимо ихъ, и послѣ нихъ.

Личность Іоанна Грознаго представляетъ собою своеобразное, исключительное явленіе въ исторіи и, по сложности своей натуры, по контрастамъ, которыми такъ была богата его дѣятельность, вызвала самыя противорѣчивыя о себѣ сужденія. Одни видятъ въ немъ непонятную загадочную смѣсь добра и зла, удивительную двойственность натуры, проявившуюся добротою и рядомъ хорошихъ, цѣлесообразныхъ начинаній въ первую половину царствованія, и отвратительною жестокостію и безтолковыми и вредными для блага государства предпріятіями во вторую половину (Карамзинъ).

Другіе смотрятъ на него какъ на игрушку въ рукахъ приближенныхъ какъ на громкое ничтожество, слава дѣяній котораго, въ началѣ правленія, принадлежитъ партіи даровитыхъ бояръ, съ Сильвестромъ во главѣ, а жестокости и казни—подъ вліяніемъ тѣхъ „ласкателей", которые овладѣли умомъ и сердцемъ властителя въ концѣ его царствованія (Погодинъ).

Для третьихъ характеръ и способъ дѣйствій Іоанна исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, противорѣчіемъ и столкновеніями удѣльныхъ преданій, хранителями которыхъ были бояре, и новаго

государственнаго порядка, установленнаго отцомъ и дѣдомъ царя. Подъ мрачными чертами безжалостнаго мучителя, дѣйствій котораго съ нравственной точки зрѣнія невозможно оправдать, виднѣются и скорбныя черты жертвъ этой борьбы съ боярами (Соловьевъ).

Четвертые, наконецъ, видятъ въ Грозномъ больного человѣка, одержимаго маніей преслѣдованія враговъ и собственнаго величія, противорѣчивыя дѣйствія и нелѣпыя жестокости котораго могутъ быть объяснены только съ точки зрѣнія психіатра (Ковалевскій).

Послѣднее мнѣніе, очевидно, не считается съ историческими обстоятельствами эпохи Грознаго и строитъ все на особенностяхъ личныхъ свойствъ Грознаго, понимаемыхъ при томъ односторонне. Неуравновѣшенность характера Грознаго и контрасты въ его дѣйствіяхъ объясняются во многомъ наслѣдственными чертами, впечатлѣніями дѣтства, обстоятельствами и ходомъ событій въ послѣдующее время и наконецъ средою, въ которой приходилось ему дѣйствовать.

Въ настоящее время въ исторической наукѣ устанавливается мнѣніе, что личность Грознаго не имѣла того преобладающаго вліянія на ходъ событій, какое многими ему приписывается, что, благодаря своему положенію и особенностямъ характера, находившимъ отзвукъ въ окружавшей его средѣ, онъ только ускорилъ и обострилъ тотъ историческій процессъ, который и безъ него совершился бы, хотя, быть можетъ, медленнѣе и въ менѣе рѣзкихъ формахъ.

„Положительное значеніе Грознаго въ исторіи нашего государства,— говоритъ между прочимъ проф. Ключевскій, — далеко не такъ велико, какъ можно бы думать, судя по его замысламъ и начинаніямъ, по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ, сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на современный ему государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ него устроилась бы такъ же, какъ она строилась при немъ и послѣ него; но безъ него это устроеніе пошло бы легче и ровнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какія были имъ подготовлены. Важнѣе отрицательное значеніе этого царствованія. Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель, пожалуй даже бойкій политическій мыслитель: но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практическаго такта, политическаго глазомѣра, чутья дѣйствительности и, успѣшно предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, онъ незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Враждѣ и произволу царь жертвовалъ и собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ богатыремъ, который, чтобы погубить своихъ враговъ, на самого себя повалилъ зданіе, на крышѣ коего эти враги сидѣли“.

Эта характеристика ближе всего подходитъ къ цѣли. Трудно только признать Грознаго крупнымъ писателемъ. Въ его „многошумящей“ и многословной рѣчи, вращающейся около одного только сюжета, виднѣются скорѣе особенности своего рода *начетчика* въ извѣстной области, какъ встрѣчаются, напр., начетчики въ раскольничьей лите-

ратурѣ, люди съ узкимъ міровоззрѣніемъ и яркой образной рѣчью. Если, съ другой стороны, Грозный своими дѣйствіями расшаталъ династію и породилъ смуту въ странѣ, т. е. былъ въ сущности своего рода революціонеромъ на тронѣ, то опять-таки и здѣсь нельзя преувеличивать значенія его личной дѣятельности. Послѣдняя была итогомъ отрицательныхъ сторонъ жизни и дѣятельности предшествующихъ поколѣній, а также современныхъ Грозному теченій въ обществѣ. Жестокій вѣкъ, жестокія сердца породили Грознаго и нашли въ немъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе. Онъ былъ только наиболѣе яркимъ и наиболѣе властнымъ по положенію дѣятелемъ изъ тѣхъ тысячъ опричниковъ, которыхъ тогда выростила въ своихъ нѣдрахъ страна

Съ этой точки зрѣнія не представляютъ собою исключительнаго явленія поразительныя жестокости, которыя совершены Грознымъ. Они были въ духѣ того времени. Нельзя забывать, что и въ Западной Европѣ, которая была несравненно культурнѣе Россіи, XVI вѣкъ былъ вѣкомъ Генриха VIII и Маріи Кровавой въ Англіи, Варѳоломеевской ночи и Генриха III во Франціи, Филиппа II въ Испаніи и т. д. Не въ Россіи только, но и всюду царила тогда несдержанность мысли и чувства и ни во что ставили жизнь людей.

Интересно, наконецъ, отраженіе эпохи Грознаго и въ народной поэзіи. Историки русской литературы останавливаются на томъ фактѣ, что изъ московскаго періода ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ Іоаннъ Грозный. Воображеніе пѣвцовъ поразили однако больше всего не казни (падавшія преимущественно на боярство), а то, что Грозный распространилъ и усилилъ русское царство огромными завоеваніями, особенно взятіемъ Казани, послѣ чего, по взгляду пѣсенъ, и Москва основалася. Жестокости же Грознаго народъ объясняетъ необходимостью вывести измѣну изъ Москвы, т. е. укротить боярское самовластіе. Пѣсни не только не скрываютъ гнѣвнаго и жестокаго характера Грознаго, но какъ бы желаютъ выставить его съ особенной силой, нимало не ужасаясь по поводу его лютыхъ казней.

Ѳеодоръ Іоанковичъ (1584—1598).

Сыну и преемнику Іоанна IV Ѳеодору Іоанновичу было уже 27 лѣтъ при его вступленіи на престолъ, но онъ не имѣлъ ни силъ, ни охоты управлять государствомъ.

Добродушный и кроткій, но недалекій по уму, болѣзненный и слабохарактерный, Ѳеодоръ болѣе чувствовалъ склонность къ иноческой жизни, чѣмъ къ занятіямъ государственными дѣлами. Чрезвычайно набожный, онъ большую часть своего времени посвящалъ на богомолье и исполненіе церковныхъ обрядовъ, бесѣды съ странниками и монахами о духовныхъ предметахъ интересовали его болѣе, чѣмъ рѣчи думныхъ бояръ. Въ часы отдыха Ѳеодоръ любилъ забавляться карлами, шутами, кулачными и медвѣжьими боями.

Царь Іоаннъ IV открыто признавалъ своего наслѣдника неспособнымъ къ управленію государствомъ и назначилъ ему въ помощники комиссію изъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ.

Наибольшимъ значеніемъ при Ѳеодорѣ въ первое время пользовался дядя его по матери (Анастасіи Романовны) Никита Романовичъ, но онъ былъ очень старъ и вскорѣ умеръ, и тогда первое мѣсто занялъ, послѣ упорной борьбы съ другими боярами, Борисъ Годуновъ, братъ супруги царя Ѳеодора Ирины, который и управлялъ всѣмъ въ государствѣ отъ имени царя.

Значеніе Бориса основывалось на родствѣ съ царскимъ домомъ и на его личныхъ качествахъ, но не на его родовитости. Наоборотъ, многіе попрекали его татарскимъ происхожденіемъ. Родоначальникомъ Годуновыхъ былъ татарскій мурза Четъ, перешедшій на службу къ московскому князю въ XIV в. Его потомки были мирными и ничѣмъ изъ ряда другихъ не выдѣлявшимися московскими помѣщиками. При Грозномъ Борисъ Годуновъ былъ въ числѣ опричниковъ и, чтобы больше приблизиться къ царю, женился на сестрѣ его наперсника Малюты Скуратова. Впрочемъ онъ держался осторожно и не запятналъ себя участіемъ въ убійствахъ. Съ женитьбой Ѳеодора на Иринѣ, сестрѣ Годунова, послѣдній сталъ еще ближе къ царскому семейству. Остальное довершили его личныя качества. Опираясь на содѣйствіе сестры, красивый и представительный по наружности, съ темными проницательными глазами, съ повелительнымъ видомъ, умный, ловкій, изворотливый и краснорѣчивый, Борисъ вполнѣ подчинилъ своему вліянію безхарактернаго царя и сталъ править государствомъ именемъ Ѳеодора. Послѣдній безпрепятственно могъ отдаться теперь своимъ благочестивымъ наклонностямъ, и если кто либо на „выходѣ“ билъ царю челомъ, обращаясь къ нему съ просьбой, то Ѳеодоръ, „избывая мірской суеты и докуки“, обыкновенно отсылалъ челобитчика къ „большому боярину“.

Боярскія смуты при царѣ Ѳеодорѣ. Слабость и очевидная для всѣхъ неспособность Ѳеодора къ правленію побудила нѣкоторыхъ бояръ къ смѣлой попыткѣ объявить царемъ второго сына Грознаго, младенца Димитрія (отъ Маріи Нагой) съ цѣлію, разумѣется, управлять его именемъ. Главнымъ заводчикомъ смуты былъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, умный и даровитый, но крайне честолюбивый и коварный человѣкъ.

Сторонники Ѳеодора успѣли, однако, прекратить движеніе въ самомъ его началѣ. Маленькаго князя съ матерью его и родственниками его Нагими отправили въ Угличъ, назначенный Дмитрію въ удѣлъ отцомъ его. Противъ Бѣльскаго возбудили московскую чернь, распустивъ слухи, что онъ хочетъ извести Ѳеодора и самъ сѣсть на престолъ, и сослали его въ Нижній.

Новая борьба между боярами возникла, когда, послѣ смерти Никиты Романовича, власть сосредоточилась въ рукахъ Бориса Годунова. Представители знатнѣйшихъ фамилій—гедиминовичи Мстиславскіе и рюриковичи Шуйскіе тоже заявляли претензіи на первое мѣсто. Между прочимъ Шуйскіе придумали самое удобное средство сломить могуще-

ство Бориса. Такъ какъ сила послѣдняго заключалась въ его родствѣ съ царемъ, то они уговорили многихъ бояръ и митрополита Діонисія просить Θеодора развестись съ Ириною, въ виду ея бездѣтности (подобно тому, какъ дѣдъ царя Василій III развелся съ Соломоніей Сабуровой) и вступить въ новый бракъ съ дочерью Мстиславскаго. Но Борисъ, у котораго было множество шпіоновъ, узналъ все и успѣлъ предупредить враговъ. Онъ подговорилъ слугъ Шуйскаго донести, будто ихъ господинъ хочетъ извести царя. Шуйскихъ и ихъ друзей арестовали и сослали въ отдѣльные города. Мстиславскаго еще ранѣе и тоже по доносу постригли въ монахи, его друзей сослали. Митрополита Діонисія заточили въ отдаленный монастырь, а на его мѣсто поставили архіепископа ростовскаго *Іова*, человѣка вполнѣ преданнаго Борису. Теперь Борисъ могъ уже одинъ, безъ соперниковъ, править государствомъ (1587). Ему данъ былъ почетный титулъ „ближняго великаго боярина, намѣстника царствъ Астраханскаго и Казанскаго“. И во внѣшнихъ и во внутреннихъ дѣлахъ все почти совершалось волею Бориса. Иностранные послы заискивали у него, зная, что безъ Бориса ничего нельзя достигнуть, съ нимъ переписывались сами государи. Онъ получалъ громадные доходы (до 100 тыс. руб. въ годъ) съ данныхъ ему и его родичамъ городовъ и областей. Говорили, что Годуновы могли выставить съ своихъ имѣній до 100 тыс. ратниковъ. Самовластно управляя Россіей, Годуновъ въ своихъ дѣйствіяхъ старался всегда прикрываться именемъ царя, хотя въ сущности, по отзывамъ современниковъ, до полноты власти ему недоставало лишь одного—царскаго титула.

Правленіе Годунова во внѣшнихъ дѣлахъ отличалось мирнымъ характеромъ. Не имѣя талантовъ полководца, онъ избѣгалъ большихъ войнъ и заботился главнымъ образомъ о цѣлости и охранѣ русскихъ границъ.

Въ царствованіе Θеодора была только одна, и то незначительная, война съ Швеціей, при чемъ русскимъ удалось отобрать у шведовъ, а затѣмъ, благодаря соперничеству между Швеціей и Польшей и удержать за собою по „вѣчному миру“ съ Швеціей (въ 1595 г.) захваченные было шведами при Іоаннѣ IV города Ямъ, Иванъ-городъ и Копорье.

Крымскій ханъ (Казы-Гирей) пытался врасплохъ напасть на Москву (1591 г.), но встрѣтилъ на пути значительное войско и послѣ неудачныхъ сшибокъ съ послѣднимъ, потерпѣвъ большой уронъ отъ огнестрѣльнаго оружія русскихъ (пушекъ и пищалей) *), ушелъ обратно въ степи. При вторичномъ набѣгѣ на южные московскіе предѣлы (въ 1592 г.) онъ захватилъ массу плѣнныхъ, что побудило Бориса усилить оборонительную линію цѣлымъ рядомъ новыхъ засѣкъ и крѣпостей (Бѣлгородъ, Осколъ и др.).

*) Годуновъ обращалъ вниманіе на военное дѣло. Въ Москвѣ въ это время иностранные и русскіе мастера отливали пушки иногда даже огромныхъ размѣровъ („Царь-пушка“).

Понимая пользу сближенія съ Западной Европой, Борисъ старался завязать политическія и торговыя сношенія съ Западомъ, велъ переговоры съ германскимъ императоромъ (Рудольфомъ) въ цѣляхъ борьбы съ Турціей и продолжалъ дѣятельныя торговыя сношенія съ Англіей. Англійская королева Елизавета величала Бориса своимъ „кровнымъ любительнымъ пріятелемъ", выговаривая безпошлинную торговлю съ Россіей для своихъ купцовъ. По приказу Бориса, на Бѣломъ морѣ заложена была Архангельская пристань, при чемъ право свободной торговли предоставлено было не однимъ англійскимъ купцамъ, но также голландскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ.

Учрежденіе патріаршества. Изъ внутреннихъ дѣлъ за время правленія Бориса наиболѣе крупнымъ фактомъ, соотвѣтствовавшимъ благочестивымъ наклонностямъ царя и общему настроенію духовенства и книжниковъ того времени, было учрежденіе патріаршества на Руси *).

Со времени паденія Константинополя, завоеваннаго турками (1453), и послѣдовавшаго вскорѣ окончательнаго сверженія татарскаго ига при Іоаннѣ III (1480) Москва являлась единственнымъ независимымъ православнымъ государствомъ и какъ бы естественной преемницей Византіи и Рима, почему московскіе книжники и величали ее иногда горделиво 3-мъ Римомъ („а 4-му не бывать!"). Между тѣмъ въ церковномъ отношеніи она стояла ниже Византіи и другихъ областей греческихъ, подчиненныхъ туркамъ, гдѣ были патріархи (константинопольскій, антіохійскій, іерусалимскій и александрійскій),—у нея во главѣ церкви стоялъ только митрополитъ. Правда со времени Василія II (послѣ Флорентійской уніи 1439 г. и дѣла съ митрополитомъ Исидоромъ) русская церковь стала независимой отъ константинопольской, и митрополитъ московскій избирался изъ русскихъ епископовъ, утверждался московскимъ государемъ и не ѣздилъ уже, какъ прежде, на посвященіе къ константинопольскому патріарху. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки считался ниже патріарха и былъ, хотя номинально, подчиненъ „рабу султана", какъ ядовито корили русскихъ людей католики. Кромѣ того въ Кіевѣ былъ особый митрополитъ, котораго, незадолго до паденія Византіи, выхлопотали литовскіе князья (въ 1458 г.), чтобы устранить церковную зависимость ихъ православныхъ русскихъ подданныхъ отъ московскаго митрополита. Съ учрежденіемъ патріаршества представитель русской іерархіи становился выше кіевскаго митрополита, а это должно было привлекать къ Москвѣ православныхъ въ Литвѣ.

Для осуществленія этого воспользовались подходящимъ случаемъ — пріѣздомъ въ Москву „за милостыней" (за сборомъ пожертвованій для византійской церкви) константинопольскаго патріарха Іереміи и пред-

---

*) Къ царствованію Ѳеодора Іоанновича относятъ также принятіе государствомъ первыхъ мѣръ относительно прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ отдѣлѣ „Внутренній бытъ Московскаго государства", въ статьѣ о крестьянахъ.

ложили ему посвятить московскаго митрополита Іова въ санъ патріарха *), что онъ охотно и исполнилъ (въ 1589 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ четыре архіепископа (новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій) получили санъ митрополита.

Іеремія, богато одаренный царемъ и Годуновымъ, уѣхалъ и чрезъ нѣсколько времени прислалъ въ Москву отъ собора всѣхъ восточныхъ патріарховъ особую грамоту, въ которой они признали полную самостоятельность русской церкви подъ властью московскаго патріарха и давали ему одинаковую съ ними власть („пятое мѣсто").

Убіеніе царевича Димитрія. У слабаго и болѣзненнаго царя Ѳеодора не было дѣтей, и всѣ привыкли считать преемникомъ его брата царевича Димитрія, проживавшаго вмѣстѣ съ матерью Маріей Нагой въ Угличѣ, куда были сосланы родственники Димитрія Нагіе послѣ неудачной попытки провозгласить Димитрія царемъ вмѣсто Ѳеодора. По Москвѣ ходили толки, что мальчикъ нравомъ похожъ на отца, склоненъ къ жестокости, любитъ терзать домашнихъ животныхъ, и что Нагіе дурно его воспитываютъ, внушая ненависть къ боярамъ; разсказывали, что 9-ти-лѣтній ребенокъ любитъ лѣпить человѣчковъ изъ снѣга, называть ихъ боярами и сбивать имъ головы палкой. Но и помимо этихъ росказней Борисъ и его многочисленные сторонники не могли ждать для себя ничего хорошаго отъ воцаренія Димитрія и управленія Нагихъ.

Съ цѣлію наблюденія за Нагими въ Угличъ были посланы вполнѣ преданные Борису люди (дьякъ Михаилъ Битяговскій съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ). Вскорѣ по ихъ отъѣздѣ въ Москву пришла страшная вѣсть. Царевичу среди бѣлаго дня перерѣзали горло (15 мая 1591 г.). Кормилица и мать Димитрія обвинили въ убійствѣ посланцевъ Бориса (Битяговскихъ, Качалова и ихъ пріятеля сына Димитріевой мамки Волохова). Разсвирѣпѣвшій народъ растерзалъ убійцъ и ихъ предполагаемыхъ сообщниковъ, по указанію Нагихъ.

Для разслѣдованія этого необычайнаго дѣла наряжено было особое слѣдствіе, веденное, по общему признанію, довольно небрежно. Въ Угличъ посланы было митрополитъ крутицкій Геласій, окольничій

---

*) Первоначально санъ московскаго патріарха предложили для приличія самому Іереміи, но съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, такъ какъ не желали обижать Іова, удаляя его изъ Москвы; Іеремія отвѣтилъ, что „патріархи живутъ всегда при государѣ". Русскимъ хоть и льстило имѣть первымъ духовнымъ лицомъ въ государствѣ самого патріарха константинопольскаго, но какъ они, такъ, конечно, и самъ Іеремія, сознавали неудобства врученія патріаршаго сана на Москвѣ лицу, не знающему ни языка, ни обычаевъ страны. Іереміи и его свитѣ даны были большіе подарки, и дѣло уладилось къ обоюдному удовольствію посвященіемъ Іова. Послѣднимъ особенно доволенъ былъ Годуновъ, такъ какъ въ лицѣ новаго патріарха имѣлъ вполнѣ преданнаго себѣ человѣка.

Клешнинъ и князь Василій Шуйскій. Первые двое считались сторонниками Бориса, послѣдній—его врагомъ, хотя и извѣстенъ былъ за человѣка крайне хитраго и неустойчиваго въ своихъ поступкахъ. Слѣдователи донесли царю, что Димитрій страдалъ падучей болѣзнью и въ припадкѣ ея самъ закололъ себя ножомъ. Донесеніе это разсматривали и признали вполнѣ вѣрнымъ на особомъ соборѣ изъ высшаго духовенства и бояръ подъ предсѣдательствомъ патріарха Іова. Послѣ этого жителей Углича жестоко наказали за самоуправство—нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь *), царицу Марію Нагую постригли въ монахини (съ именемъ Марѳы), а родственниковъ Димитрія Нагихъ разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ. Убитые же угличанами люди были похоронены съ большими почестями, и семьи ихъ одарены вотчинами и деньгами.

Смертію царевича Димитрія положеніе Бориса упрочивалось, хотя, несмотря на приговоръ собора, смущенный народъ упорно вѣрилъ, что смерть Димитрія—дѣло рукъ Бориса, расчищавшаго себѣ этимъ дорогу къ престолу, и когда потомъ у царя Ѳеодора (въ 1592 г.) родилась дочь (Ѳеодосія) и вскорѣ умерла отъ слабости, въ народѣ пошли толки, что и маленькую царевну извелъ Борисъ **).

Въ 1598 году слабый духомъ и тѣломъ Ѳеодоръ скончался, не имѣя дѣтей. Въ его лицѣ угасъ послѣдній представитель династіи Рюрика („послѣдній цвѣтъ русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ", по выраженію лѣтописи). На вопросъ патріарха и бояръ: „Кому свое царство и насъ сирыхъ приказываешь"—умирающій тихо отвѣтилъ: „Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ Ему угодно, такъ и будетъ; а съ царицей моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и о томъ у насъ улажено".

---

*) Сослали въ Сибирь и самый колоколъ, въ который били въ набатъ, созывая народъ въ моментъ убіенія царевича. Его возвратили въ Угличъ въ недавнее время.

**) Большинство историковъ, изслѣдовавшихъ темное дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, склоняется къ мысли, что едва ли осторожный Борисъ принималъ участіе въ злодѣяніи, подговаривая на то убійцъ, но что послѣдніе сами желали этимъ подслужиться и сдѣлать угодное ему и его сторонникамъ. Борисъ потомъ съ своими доброхотами среди бояръ и духовенства старался только всѣми мѣрами замять это дѣло, невыгодное для него даже и въ томъ случаѣ, если онъ ни въ чемъ не былъ виновенъ.

Смутное время (1598—1613).

Борисъ Годуновъ (1598—1605).

Избраніе Бориса на царство. По кончинѣ бездѣтнаго Ѳеодора Іоанновича Москва присягнула вдовѣ его царицѣ Иринѣ, но она (вѣроятно, по настоянію своего брата) немедленно же удалилась въ монастырь (Новодѣвичій) и тамъ постриглась въ монахини (съ именемъ Александры), отказавшись отъ управленія государствомъ. Туда же вслѣдъ за нею отправился и Борисъ Годуновъ. Теперь во главѣ государства остался сторонникъ Бориса патріархъ Іовъ. Ему же принадлежалъ и первый голосъ при избраніи государя на осиротѣлый престолъ. Во главѣ духовенства, бояръ и именитыхъ гражданъ Москвы онъ отправился къ Иринѣ, прося ее благословить брата на царство, а Бориса принять избраніе. Борисъ рѣшительно отказался, заявивъ, что ему „никогда и на умъ не приходило помыслить о такой высотѣ“.

Тогда рѣшили созвать земскій соборъ, при чемъ въ числѣ 500 выборныхъ подавляющее большинство (450) оказалось изъ московскихъ служилыхъ людей, безъ сомнѣнія, близко знавшихъ Бориса и его выдающуюся правительственную дѣятельность, и немного (50 чел.) изъ другихъ городовъ—служилаго и тяглаго люда. Открывъ засѣданіе, патріархъ спросилъ—кого избрать государемъ, и тутъ же, не дожидаясь отвѣта, заявилъ, что онъ и вся Москва избрали единодушно Бориса, какъ мужа самаго достойнаго занять престолъ. Собору осталось только присоединиться къ этому рѣшенію. Борисъ, однако, опять началъ отказываться. Тогда отправились къ нему съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи массы народа, съ плачемъ умоляя принять престолъ *). Борисъ

*) Есть разсказы, что пристава силой загоняли народъ къ монастырю, подавали знаки, когда кричать и просить Бориса на царство; а нѣкоторые изъ нихъ до того усердствовали, что „пхали людей въ шею“, заставляя ихъ вопить и плакать.

обливаясь слезами, согласился *), видя въ этомъ „волю Божію“, и при вѣнчаніи на царство воскликнулъ, обращаясь къ патріарху: „Богъ свидѣтель, что въ царствѣ моемъ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ“ и, взявшись за воротъ своей рубашки, прибавилъ: „и сію послѣднюю раздѣлю со всѣми“.

Громадныя богатства Бориса давали ему возможность, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, обнаружить свою щедрость по отношенію къ бѣднымъ. Не останавливался онъ и предъ расходами изъ казны, чтобы снискать расположеніе разныхъ слоевъ общества. При вступленіи на престолъ онъ освободилъ крестьянъ на годъ отъ всякихъ податей; купцамъ далъ на два года право безпошлинной торговли; служилымъ людямъ было выдано сразу двойное жалованье за годъ. Для войска и воеводъ онъ не щадилъ наградъ и денегъ. Всѣ славили щедраго царя. Первые два года Борисова царствованія прошли мирно и тихо и служили какъ бы продолженіемъ царствованія Θеодора, потому что правитель былъ тотъ же. Выдающійся умъ и государственныя способности Бориса получили теперь возможность проявиться рельефнѣе. Понимая цѣну образованію, новый царь старался всѣми мѣрами просвѣтить свой народъ и задумалъ было даже вызвать изъ-за границы ученыхъ людей, основать при ихъ помощи школы для обученія русскихъ разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, но противъ этого возстало духовенство, и Борисъ ограничился тѣмъ, что съ тою же цѣлію послалъ за границу 18 молодыхъ людей для обученія разнымъ наукамъ (они, впрочемъ, не вернулись въ Россію—изъ-за Смутнаго времени—и остались на чужбинѣ).

Борисъ выписалъ изъ-за границы много разнаго рода мастеровъ и ремесленниковъ и всячески привлекалъ на свою службу иностранцевъ, давая имъ даже полную свободу вѣроисповѣданія. Благодаря вліянію Бориса, въ Москвѣ стали распространяться иноземные обычаи. Своимъ дѣтямъ Θеодору и Ксеніи Борисъ далъ отличное по тому времени образованіе. Со многими государями Западной Европы онъ велъ постоянныя сношенія и, въ видахъ упроченія своей династіи, старался породниться съ какимъ-нибудь царствующимъ домомъ Европы. Съ этой цѣлью былъ между прочимъ вызванъ въ Москву братъ датскаго короля (принцъ Іоаннъ) въ качествѣ жениха Ксеніи, но, къ великому горю Бориса, вскорѣ по пріѣздѣ скончался.

Но ни щедроты, ни заботы Бориса о народѣ не упрочили его

*) Имѣется извѣстіе, что бояре хотѣли взять съ Годунова обязательство рѣшать дѣла не иначе, какъ съ согласія боярской думы. Потому-то дальновидный Борисъ и медлилъ согласіемъ, дожидаясь всенароднаго избранія и безъ всякихъ уже ограниченій своей власти.

положенія на престолѣ. Толки о томъ, что онъ достигъ власти цѣною кроваваго злодѣянія—убійствомъ послѣдней отрасли царствующаго дома, не прекращались въ народѣ. Бояре всячески раздували эти толки. Они не могли перенести мысли, что на царскомъ престолѣ сидитъ потомокъ татарскаго мурзы въ ту пору, какъ среди знатныхъ боярскихъ родовъ имѣются много рюриковичей и гедиминовичей, имѣющихъ по своему происхожденію болѣе его правъ на это (князья Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и пр.). Особенной же любовію среди народа пользовалась непричастная боярскимъ интригамъ фамилія Романовыхъ, близкихъ родственниковъ—по женской линіи—угасшаго царскаго дома.

Борисъ и самъ сознавалъ шаткость своего положенія, зналъ, какіе толки ходили о немъ, боялся боярскихъ интригъ и усилилъ тайный надзоръ за наиболѣе опасными для него боярами. Начались подкупы слугъ и доносы... Число недовольныхъ умножалось, росла и подозрительность Бориса. Новую пищу ей дала возникшая (въ 1600 г.) на почвѣ недовольства бояръ и народныхъ сожалѣній о безвременной кончинѣ царевича Димитрія глухая молва о томъ, будто Димитрій живъ и скоро придетъ на Москву отнимать престолъ у Бориса. Борисъ видѣлъ въ этомъ дѣло бояръ. Начались сперва тайныя преслѣдованія, пытки и заточенія лицъ, недовольныхъ Борисомъ или ему неугодныхъ, а потомъ и явныя. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ бояринъ Бѣльскій, бывшій воспитатель царевича Димитрія; его отправили въ ссылку. Между прочимъ, воспользовавшись ложнымъ доносомъ слуги Романовыхъ, будто они хотятъ извести царя зельемъ, Борисъ велѣлъ разослать ихъ въ заключеніе въ дальнія области, а самаго старшаго и даровитаго изъ братьевъ, наиболѣе популярнаго изъ нихъ на Москвѣ, Ѳеодора Никитича, велѣлъ постричь подъ именемъ Филарета, чтобы отнять у него надежду на престолъ, и сослалъ въ отдаленный монастырь, разлучивъ съ женою (тоже постриженною въ монахини подъ именемъ Марѳы) и маленькимъ сыномъ Михаиломъ *). Пострадало много и другихъ лицъ—жертвъ мелочной подозрительности и боязни Бориса. Ему донесли наконецъ, что враги его, скрывающіе Димитрія, намѣрены переправить его въ Польшу. Начались новые тайные розыски; доносы умножились до послѣдней степени, благодаря тому, что за нихъ щедро награждали. „Настала въ царствѣ великая смута,—по словамъ лѣтописца,—доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, жены на мужей, дѣти на отцовъ“... За доносами слѣдовали пытки обвиненныхъ, ли-

---

*) Князьямъ Мистиславскому и Шуйскому Борисъ запретилъ жениться, чтобы лишить ихъ потомства, разсчитывая этой мѣрой подорвать у нихъ честолюбивыя мечты о престолѣ и основаніи новой династіи.

шеніе имущества, ссылки и казни. Уныніе воцарилось въ Москвѣ, многимъ казалось, что воскресли времена Грознаго.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, Россію посѣщалъ три года (съ 1601 по 1604) страшный неурожай и наконецъ развился страшный голодъ, со всѣми его ужасами. Въ самой Москвѣ жители, по свидѣтельству очевидцевъ иностранцевъ, ѣли собакъ, кошекъ, мышей, питались сѣномъ, соломой; многіе умирали съ голоду. Ходили слухи, будто иные изъ родителей, обезумѣвъ отъ голода, убивали и ѣли собственныхъ дѣтей. Въ связи съ голодовкой развилось тяжкое моровое повѣтріе, истребившее огромное количество жертвъ. Народъ волновался, роталъ на царствованіе, котораго не благословляетъ Господь. Смута въ умахъ росла. Борисъ всѣми силами старался облегчить народное бѣдствіе; онъ, между прочимъ, началъ разнаго рода каменныя постройки на Москвѣ, чтобы доставить работу бѣднымъ людямъ *), и наконецъ велѣлъ раздавать голоднымъ деньги и хлѣбъ изъ собственныхъ житницъ; но это повело только къ огромному скопленію въ Москвѣ нищихъ и разныхъ бродягъ; къ нимъ пристало множество бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, отпущенныхъ господами вслѣдствіе голодовки. Всюду образовались разбойничьи шайки, грабившія мирное населеніе, такъ что пришлось высылать противъ нихъ войско. Масса народу бѣжала, куда глаза глядятъ, и больше всего въ Сѣверскую Украйну (нынѣшнія губерніи Орловская, Курская и Черниговская), гдѣ еще со временъ Грознаго скопилось много бѣглыхъ и переселенцевъ (желая оградить оплотомъ изъ русскихъ людей эти земли, пограничныя съ поляками и татарами, московское правительство поощряло переселеніе сюда и позволяло даже преступникамъ спасаться здѣсь отъ наказанія). Толпы этого бездомнаго, оторвавшагося отъ мирнаго труда, гулящаго люда готовы были служить кому угодно, лишь бы получить возможность пограбить и пображничать, и ждали только предводителя, чтобы начать свое разрушительное дѣло. Такимъ предводителемъ и явился для нихъ Лжедимитрій.

Борьба со Лжедимитріемъ и смерть Бориса. Въ ту пору, какъ въ народѣ ходила глухая молва о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро явится отнимать престолъ у Бориса, а Борисъ всѣми силами старался изловить врага, въ которомъ подозрѣвалъ ставленника бояръ, и не пропустить его на западную границу, въ Польшѣ (въ 1601 г.) уже объявился человѣкъ, принявшій на себя имя Димитрія. Лицомъ онъ однако не походилъ на Грознаго. Это былъ довольно

---

*) Около этого времени въ Кремлѣ сооружена была знаменитая колокольня Ивана Великаго.

некрасивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, небольшого роста, худощавый, со смуглымъ цвѣтомъ лица, рыжеватыми волосами, съ приплюснутымъ носомъ и бородавками на лбу и носу; но въ глазахъ его виднѣлись умъ и проницательность. Былъ онъ сначала слугой у польскаго пана Адама Вишневецкаго и во время болѣзни, на исповѣди, открылъ священнику, что онъ царскій сынъ. На разспросы онъ назвалъ себя сыномъ Грознаго Димитріемъ. Въ Угличѣ, по его разсказамъ, убили другого ребенка, подставленнаго вмѣсто него изъ боязни козней Бориса, а онъ былъ спасенъ преданными людьми и воспитанъ въ неизвѣстности. При этомъ онъ показалъ дорогой крестъ, возложенный будто бы на него при крещеніи его крестнымъ отцомъ, знатнымъ московскимъ бояриномъ княземъ Мстиславскимъ.

Молодой слуга съ большимъ краснорѣчіемъ описывалъ свои злоключенія, въ его рѣчахъ обнаружилось нѣкоторое образованіе и начитанность, въ его манерахъ и дѣйствіяхъ ловкость и умѣнье владѣть оружіемъ *). Вишневецкій былъ польщенъ тѣмъ, что между его слугами оказался царевичъ, и сообщилъ о томъ другимъ панамъ. Самозванца всюду принимали съ почетомъ. Между прочимъ имъ заинтересовался сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ, имѣвшій дочь Марину, слывшую красавицей. Этотъ жадный и честолюбивый человѣкъ составилъ планъ женить мнимаго царевича, когда онъ добудетъ престолъ, на своей дочери.

Въ дѣло вмѣшались наконецъ и іезуиты послѣ того, какъ самозванецъ рѣшился тайно принять католицизмъ и далъ обѣщаніе подчинить русскую церковь папѣ. Лжедимитрія представили королю (Сигизмунду III). Послѣдній негласно призналъ его сыномъ Грознаго, но отъ открытой помощи ему, боясь Бориса, отказался. Зато онъ оказалъ ему значительную денежную помощь (40 тыс. злотыхъ) и позволилъ ему набирать въ свою службу польскихъ шляхтичей. Лжедимитрій между тѣмъ влюбился въ Марину Мнишекъ, предложилъ ей руку и получилъ согласіе, но свадьба была отложена до его воцаренія. При этомъ самозванецъ обѣщалъ уплатить своему тестю изъ московской казны милліонъ злотыхъ и предоставить ему въ управленіе княжество Смоленское и Сѣверское, а Маринѣ отдать въ пользованіе Новгородъ и Псковъ съ доходами. Мнишекъ навербовалъ своему зятю до 1600 чел. разнаго рода польскихъ искателей приключеній. Съ ними

---

*) Онъ хорошо зналъ по-польски, бойко говорилъ и красиво писалъ по-русски, немного понималъ и даже писалъ, хотя и съ ошибками, по-латыни. Ратному дѣлу онъ, какъ говорили, научился въ Запорожьи, образованіе пріобрѣлъ въ одной школѣ на Волыни (въ Гощѣ), основанной двумя польскими панами, довольно свободно мыслившими по религіознымъ вопросамъ.

Лжедимитрій (въ октябрѣ 1604 года) двинулся къ русской границѣ, разсчитывая найти здѣсь новыя силы, и не ошибся. На границѣ къ нему присоединилось нѣсколько тысячъ казаковъ, и затѣмъ со всѣхъ концовъ въ лагерь его потянулись толпы всякаго люда. Борису онъ послалъ письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы тотъ оставилъ престолъ и добровольно удалился въ монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ по всѣмъ городамъ тайно были посланы имъ грамоты, извѣщавшія населеніе о его чудесномъ спасеніи отъ козней Бориса и приглашавшія всѣхъ присягнуть ему, „прирожденному государю", покинувъ „измѣнника и похитителя престола" Бориса.

Когда въ Москву пришли первыя вѣсти о Лжедимитріи, Борисъ прямо заявилъ въ боярской думѣ, что это „дѣло бояръ", что это они поставили самозванца. Въ Польшу и королю и панамъ отправлены были грамоты, извѣщавшія, что называющій себя Димитріемъ—самозванецъ; что онъ никто иной, какъ бѣглый монахъ изъ Чудова монастыря—Гришка Отрепьевъ *). По церквамъ велѣно было предавать анаѳемѣ Гришку Отрепьева. На народъ это мало дѣйствовало. „Пусть проклинаютъ Гришку, говорили въ народѣ, — царевичу до того дѣла нѣтъ". Легенда о спасеніи царевича все сильнѣе и сильнѣе укрѣплялась въ населеніи, и когда явились грамоты отъ самозванца, народъ всюду сталъ волноваться и помышлять о переходѣ къ спасенному отъ гибели царевичу. Украинскіе города одинъ за другимъ добровольно сдавались Лжедимитрію. Только подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, гдѣ воеводой былъ Петръ Басмановъ, человѣкъ умный и расторопный, знающій ратное дѣло, самозванецъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ и никакъ не могъ взять города. На выручку осажденныхъ послана была рать; но уже въ самомъ войскѣ появилась „шатость", оно дѣйствовало вяло и неохотно противъ того, кого всѣ считали истиннымъ царевичемъ. Царскіе воеводы потерпѣли пораженіе. Въ слѣдующей битвѣ, благодаря численности, они одолѣли было нестройное ополченіе Лжедимитрія, но не умѣли воспользоваться своей побѣдой. Вообще они дѣлали свое дѣло какъ-то нехотя, „норовя окаянному Гришкѣ" и желая гибели Борису, какъ говорили сторонники послѣдняго, да и самъ Борисъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Тревога его постоянно усиливалась, онъ

---

*) По разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, въ Москвѣ дѣйствительно жилъ Григорій Отрепьевъ, сынъ галицкаго служилаго человѣка. Съ дѣтства онъ велъ бродячую жизнь, скитался по разнымъ монастырямъ въ качествѣ послушника и наконецъ пріютился въ Чудовомъ монастырѣ и постригся въ монахи. Своей грамотностью и начитанностью онъ понравился патріарху Іову, но навлекъ на себя подозрѣніе Бориса рѣчами о своемъ происхожденіи. Его хотѣли сослать въ дальній монастырь, но онъ бѣжалъ въ Польшу. Впослѣдствіи онъ былъ, кажется, въ свитѣ Лжедимитрія.

заболѣлъ и неожиданно для всѣхъ скоропостижно скончался. Послѣ обѣда ему вдругъ сдѣлалось дурно, хлынула кровь изъ рта, ушей и носа и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ (13 апрѣля 1605 г.). Пронесся слухъ, что онъ самъ отравился отъ страха предъ самозванцемъ и мученій совѣсти.

По призыву патріарха Москва присягнула сыну Бориса 16-тилѣтнему Ѳеодору. Послѣдній поставилъ главнымъ воеводой надъ войскомъ, отправленнымъ противъ самозванца, храбраго защитника Новгородъ-Сѣверска Петра Басманова. Но, видя кругомъ себя въ войскѣ колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедимитрія и опасаясь гибели, Басмановъ счелъ за лучшее и самъ перейти на сторону самозванца. Примѣру вождя послѣдовало почти все войско.

Теперь Лжедимитрій прямо направился къ Москвѣ; на пути во всѣхъ городахъ ему устраивали торжественныя встрѣчи съ образами, съ хлѣбомъ и солью, жители всюду принимали присягу новому царю...

Въ Москвѣ между тѣмъ начались волненія. Толпы народа окружили Кремль. Патріархъ заклиналъ бояръ выдти къ народу и образумить его. Бояре вышли на Лобное мѣсто—и ничего не сдѣлали, видя, что дѣло Годуновыхъ окончательно проиграно. А лукавый и измѣнчивый князь Василій Шуйскій, когда-то разслѣдовавшій дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, на обращенные къ нему со всѣхъ сторонъ запросы—точно ли онъ похоронилъ царевича Димитрія въ Угличѣ, отвѣтилъ, какъ разнеслась молва въ народѣ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, и вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ. „Долой Годуновыхъ", заревѣла толпа и кинулась въ Кремль. Стрѣльцы-тѣлохранители царя отступились при видѣ бунтующей черни. Ѳеодора Борисовича, его мать и Ксенію схватили и заключили подъ стражу. Лжедимитрію послали сказать, что вся Москва ему присягаетъ. Прибывшіе въ Москву отъ имени новаго царя бояре—сторонники самозванца (князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій) поспѣшили лишить сана и сослать въ заточеніе патріарха Іова, самаго ревностнаго сторонника Годуновыхъ; всѣхъ родичей Годуновыхъ разослали въ ссылку въ разные города и, желая сдѣлать угодное самозванцу, умертвили самымъ варварскимъ образомъ Ѳеодора Борисовича и его мать; царевну Ксенію, съ которой самозванецъ обошелся крайне грубо, постригли въ монахини. Враги Бориса не оставили въ покоѣ и мертваго: тѣло его вырыли изъ царской могилы въ Архангельскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ похоронили въ одномъ изъ бѣдныхъ монастырей.

Лжедимитрій I (1605—1606).

Въ іюнѣ 1605 года самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву, при звонѣ колоколовъ, при крикахъ ликующаго народа, и прямо проѣхалъ въ кремлевскіе соборы, со слезами молился у гроба Грознаго, прикладывался къ мощамъ и иконамъ, хотя многіе при этомъ подмѣтили, что онъ дѣлаетъ это какъ-то не по-русски. Не понравилось и поведеніе польской свиты при новомъ царѣ. Зато прибавилось новое свидѣтельство въ пользу самозванца. Возвращенный изъ ссылки бывшій дядька царевича Димитрія бояринъ Бѣльскій торжественно предъ всѣмъ народомъ заявилъ, что новый царь есть истинно Димитрій, и въ доказательство правды словъ своихъ поцѣловалъ крестъ. Къ общему удивленію, не давалъ такого свидѣтельства князь Василій Шуйскій, а, напротивъ, распускалъ подъ рукою слухи, что хоть истинный Димитрій и спасся, но этотъ—не царевичъ, а самозванецъ; Шуйскій даже организовалъ заговоръ противъ самозванца. Объ этомъ узнали и присудили Шуйскаго къ смертной казни, но Лжедимитрій помиловалъ его, заявивъ, что онъ желаетъ держать царство не строгостію, а милостію.

Скоро сомнѣнія въ новомъ царѣ, казалось, должны были исчезнуть, когда мать царевича Димитрія инокиня Марѳа, послѣ таинственнаго свиданія съ Лжедимитріемъ въ шатрѣ подъ Москвою, всенародно приласкала его, какъ своего сына. Изстрадавшуюся отъ долгихъ лишеній и преслѣдованій женщину окружили теперь царскимъ почетомъ, Лжедимитрій каждый день сталъ навѣщать ее.

Послѣ этого съ большой торжественностію совершено было вѣнчаніе на царство въ Успенскомъ соборѣ, ознаменованное царскими милостями. Одинъ за другимъ возвращались изъ ссылки жертвы Бориса. Какъ истинный сынъ Грознаго, Лжедимитрій поспѣшилъ прежде всего вернуть родственниковъ царевича Димитрія—Нагихъ, а также Романовыхъ. Изъ послѣднихъ Филаретъ (Ѳеодоръ Никитичъ) былъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго, а бывшей его супругѣ, инокинѣ Марѳѣ, возвращены были всѣ вотчины, и она съ сыномъ Михаиломъ поселилась въ Ипатіевскомъ монастырѣ близъ Костромы.

Новый царь съ жаромъ принялся за дѣла правленія и всѣми дѣйствіями своими показывалъ, что желаетъ все на Руси передѣлать на новый—западно-европейскій ладъ. Чтобы не было въ этомъ помѣхи со стороны духовенства, въ патріархи былъ поставленъ угодливый и не привязанный къ русской старинѣ человѣкъ, грекъ Игнатій, рязан-

скій архіепископъ, первый изъ русскихъ архіереевъ признавшій самозванца. Почти ежедневно Лжедимитрій присутствовалъ въ боярской думѣ, которую называлъ „сенатомъ“, удивляя бояръ и духовенство своей смѣтливостію, быстротой рѣшеній и умѣніемъ говорить. Добродушно подсмѣиваясь надъ косностію и медлительностію думныхъ бояръ, онъ совѣтовалъ имъ посылать дѣтей и самимъ ѣздить за границу, чтобы познакомиться съ европейскимъ просвѣщеніемъ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, измѣнявшихъ прежніе порядки. Всѣмъ служилымъ людямъ было удвоено содержаніе; приказнымъ увеличено жалованье и запрещено брать взятки. Чтобы облегчить положеніе низшихъ классовъ, онъ запретилъ записи въ наслѣдственное холопство и объявилъ свободными крестьянъ, ушедшихъ въ голодный годъ. Торговля и промыслы были объявлены свободными и безпошлинными, чего тогда не было нигдѣ даже и на Западѣ. При немъ впервые возвѣщена была на Руси и полная свобода исповѣданій. „Я никого не хочу стѣснять“, говорилъ новый царь. Онъ смѣялся надъ обрядовымъ благочестіемъ русскихъ и пытался убѣдить своихъ бояръ, что не слѣдуетъ презирать иновѣрцевъ, что католики и лютеране такіе же христіане. Монаховъ онъ не долюбливалъ и даже намѣренъ былъ отобрать отъ монастырей имущества на ратное дѣло, на борьбу съ турками. Онъ мечталъ о видной роли въ Европѣ, задумывалъ, въ союзѣ съ другими государствами, изгнать турокъ изъ Европы и уже готовился къ этому походу. Себя онъ называлъ не только царемъ, но императоромъ *). Обѣщаній своихъ относительно введенія католицизма въ Россіи онъ не думалъ исполнять, и если дружилъ съ папою и польскимъ королемъ, то главнымъ образомъ въ расчетѣ на ихъ содѣйствіе планамъ относительно борьбы съ турками.

Въ обращеніи со всѣми Лжедимитрій велъ себя запросто, не такъ, какъ прежніе цари: ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ мастерскія, заговаривалъ со встрѣчными. Два раза въ недѣлю принималъ самъ на дворцовомъ крыльцѣ просителей, давая доступъ къ себѣ всякому бѣдняку и простолюдину. Въ домашней своей жизни онъ не соблюдалъ никакихъ старинныхъ русскихъ порядковъ, что очень соблазняло русскихъ. Такъ онъ рѣдко посѣщалъ церковь, не соблюдалъ постовъ, предъ обѣдомъ не молился иконамъ; за обѣдомъ у него гремѣла музыка; ѣлъ самъ и нарочно угощалъ бояръ телятиной,—которая

---

*) „Никакіе монархи, ни ассирійскіе, ни мидійскіе, ни цезари римскіе не имѣли на титулъ императора большаго права, чѣмъ мы“, горделиво заявилъ Лжедимитрій польскому послу. „Намъ нѣтъ равнаго въ полночныхъ краяхъ касательно власти; кромѣ Бога и насъ,—здѣсь никто не повелѣваетъ“.

тогда не употреблялась православными; не мылъ рукъ послѣ обѣда, не ходилъ въ положенные дни въ баню и т. д. Во дворцѣ онъ завелъ стражу изъ нѣмцевъ и французовъ, окружилъ себя поляками и любилъ больше веселое общество иноземцевъ, чѣмъ степенныхъ и неразговорчивыхъ русскихъ.

Недовольство новыми порядками при дворѣ и пристрастіемъ царя къ иноземцамъ и иноземнымъ обычаямъ еще болѣе усилилось, когда въ Москву прибылъ Мнишекъ съ дочерью своей Мариной, невѣстой царя. Съ нимъ наѣхало много пановъ, ихъ родичей, съ шляхтой и челядью, всего насчитывали до 2-хъ тысячъ поляковъ. Марина была коронована царицей и затѣмъ совершено было ея бракосочетаніе съ царемъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ роскошныхъ празднествъ и пировъ съ танцами, въ которыхъ особенно отличался самъ царь, не уступая въ ловкости лучшимъ польскимъ танцорамъ. Надменная шляхта и буйная челядь польскихъ пановъ вели себя крайне нагло по отношенію къ москвичамъ, открыто похваляясь тѣмъ, что дали царя Москвѣ, и творили всякія безчинія и насилія...

Князь Василій Шуйскій съ товарищами счелъ этотъ моментъ наиболѣе удобнымъ для осуществленія придуманнаго ими новаго заговора противъ Лжедимитрія. Избавившись при посредствѣ самозванца отъ Годуновыхъ, бояре желали теперь столкнуть съ престола и этого безроднаго пришельца — новую помѣху въ ихъ стремленіяхъ захватить власть въ свои руки *). На совѣщаніи предъ возстаніемъ заговорщики условились, что кто изъ нихъ будетъ царемъ, тотъ долженъ править по общему совѣту съ боярами. Лжедимитрію съ разныхъ сторонъ доносили, что противъ него зрѣетъ заговоръ, но онъ легкомысленно не придалъ этому значенія и сказалъ даже, что будетъ наказывать доносчиковъ. Польскому послу, который тоже побаивался недружелюбія москвичей, онъ самоувѣренно заявилъ: „Я такъ хорошо взялъ въ руки государство, что безъ воли моей ничего не можетъ произойти“.

Раннимъ утромъ 17 мая 1606 г. послышался набатъ въ московскихъ церквахъ. Князь Шуйскій съ мечомъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой, предводительствуя большой толпой заговорщиковъ и народа, вступилъ въ Кремль. Первой жертвой ихъ палъ Басмановъ, пробовавшій усовѣстить заговорщиковъ. Самъ Димитрій думалъ было

*) Современники разсказывали, что бояре уже ранѣе посылали въ Польшу довѣреннаго человѣка, который высказывалъ недовольство королемъ, зачѣмъ навязалъ имъ человѣка низкаго, легкомысленнаго, ни въ какомъ отношеніи не достойнаго престола, и предлагалъ отъ имени бояръ престолъ сыну короля Владиславу. Сигизмундъ отвѣчалъ будто бы уклончиво, что не препятствуетъ имъ промышлять о себѣ.

обуздать мятежниковъ, выхватилъ у одного изъ стражниковъ-нѣмцевъ мечъ и, грозя имъ бунтующей толпѣ, закричалъ: „Я вамъ не Борисъ!" Въ отвѣтъ раздались выстрѣлы. Иноземная дворцовая стража была обезоружена. Спасаясь отъ преслѣдователей, Лжедимитрій прыгнулъ изъ окна на дворъ и сломалъ себѣ ногу. Караульные стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать, но когда бояре пригрозили перебить ихъ женъ и дѣтей въ Стрѣлецкой слободѣ, они оробѣли и отступились. Лжедимитрія поволокли во дворецъ, нанося удары. „А вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!" — закричалъ одинъ изъ заговорщиковъ и застрѣлилъ Лжедимитрія.

Въ это время другія толпы народа избивали поляковъ, прибывшихъ съ Мариной. Ихъ, по слухамъ, погибло свыше тысячи человѣкъ. Самое Марину, ея отца и знатнѣйшихъ пановъ бояре успѣли спасти, окруживъ дома ихъ стражей.

Трупъ самозванца подвергся поруганію. Опутавши веревками, потащили его изъ Кремля мимо монастыря, гдѣ жила инокиня Марѳа, вызвали ее и потребовали, чтобы она предъ всѣми заявила, не ея ли сынъ убитъ? Та отреклась, сказала, что ея сынъ убитъ въ Угличѣ, и что она признала самозванца сыномъ только изъ-за страха. Тогда трупъ Лжедимитрія въ маскѣ, съ дудкой и волынкой, выставили на Красной площади для поруганія, а потомъ сожгли, пепелъ смѣшали съ порохомъ и выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда въѣхалъ въ Москву Лжедимитрій.

Вопросъ о происхожденіи Лжедимитрія. Вопросъ о происхожденіи таинственной личности, принявшей на себя имя Димитрія, занималъ очень многихъ изслѣдователей старины и породилъ цѣлую литературу, но и доселѣ является однимъ изъ наиболѣе темныхъ и запутанныхъ въ исторіи. Нѣкоторые историки, преимущественно иностранцы, съ большой натяжкой, склонны даже видѣть въ немъ дѣйствительно спасшагося чудеснымъ образомъ сына Грознаго, опираясь главнымъ образомъ на ту увѣренность, имѣющую признаки искренности, съ какой самозванецъ говорилъ о своемъ происхожденіи. Но эта увѣренность можетъ быть легко объяснена и безъ признанія самозванца подлиннымъ сыномъ Грознаго. Противорѣчивыя показанія „измалодушествовавшихся" до послѣдней степени московскихъ людей того времени, въ томъ числѣ князя Василія Шуйскаго и самой инокини Марѳы, не имѣютъ, конечно, цѣны ни за, ни противъ рѣшенія даннаго вопроса. Другіе видятъ въ Лжедимитріи только необычайно ловкаго обманщика, что также отзывается натяжкой и сильно противорѣчитъ фактамъ.

Еще менѣе можно видѣть въ немъ бывшаго монаха Чудова монастыря Григорія Отрепьева, лично извѣстнаго многимъ на Москвѣ въ качествѣ крестоваго секретаря патріарха Іова, не говоря уже про наклонности, образъ мыслей, рѣчь и самыя манеры и привычки самозванца, всего

менѣе свойственныя лицу, съ дѣтства скитавшемуся по русскимъ монастырямъ *).

Большинство историковъ, и не безъ вѣскихъ основаній, склоняется къ мысли, что Лжедимитрія въ извѣстной степени подготовили бояре, какъ своего рода орудіе для сверженія Бориса, внушивши при содѣйствіи польскихъ пановъ какому-то даровитому, но легкомысленному безродному юношѣ-фантазеру мысль о томъ, что онъ никто иной, какъ спасенный отъ злой смерти царевичъ Димитрій. Когда же Лжедимитрій сыгралъ свою роль,—то отъ него поспѣшили избавиться. Что касается условій мѣста и времени для появленія самозванца, то они какъ нельзя болѣе тому благопріятствовали и особенно въ польской Украйнѣ, гдѣ еще до Лжедимитрія было цѣлыхъ четыре самозванца, домогавшихся овладѣть московскимъ престоломъ, и всѣмъ имъ помогали казаки и другіе искатели приключеній. Послѣ Лжедимитрія явилось, какъ извѣстно, еще нѣсколько новыхъ самозванцевъ, представлявшихъ собою грубую поддѣлку уже подъ самого Лжедимитрія. Если даже такіе сходили съ рукъ, то тѣмъ болѣе первый Лжедимитрій, который, по всѣмъ признакамъ, вѣрилъ въ свое происхожденіе, и если иногда, подъ вліяніемъ увлеченія, и допускалъ преувеличенія и ложь, то самъ же первый и вѣрилъ этой лжи; онъ съ жаромъ старался увѣрить польскихъ пословъ въ истинности гиперболическихъ мечтаній о величіи своей „императорской" власти въ „полночныхъ странахъ"; увлекаясь Мариной, онъ надавалъ ей и Мнишку, королю и іезуитамъ самыхъ неисполнимыхъ обѣщаній и съ легкимъ сердцемъ готовился потомъ нарушить ихъ, словомъ дѣйствовалъ, какъ истинный Хлестаковъ въ исторіи. Не имѣя около себя человѣка, который бы заставилъ его очнуться и вовремя свернуть съ ложнаго пути, онъ и погибъ жертвою своей легкомысленной самоувѣренности и поразительнаго непониманія условій мѣста, времени и людей, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать.

Василій Шуйскій (1606—1610).

Избраніе Василія на царство. По смерти Лжедимитрія Москва осталась безъ царя, приходилось выбирать новаго изъ среды бояръ. Послѣднія событія въ глазахъ многихъ выдвинули Шуйскаго, какъ спасителя православія и Руси отъ „злого еретика" и обманщика. На Москвѣ у него было много сторонниковъ, особенно среди купцовъ и служилыхъ людей, и когда столпившемуся на Красной площади народу бояре предложили указать новаго патріарха вмѣсто Игнатія и созвать земскій соборъ для избранія царя, съ разныхъ сторонъ раздались голоса, что нужнѣе царь, что его можно избрать и сейчасъ, и называли Шуйскаго. Кричали, конечно, его друзья и сторонники, опасав-

*) Есть извѣстія, что Отрепьева Лжедимитрій ради опроверженія росказней о немъ, привезъ съ собой въ Москву, но затѣмъ отправилъ въ ссылку за пьянство. По нѣкоторымъ даннымъ, Отрепьевъ былъ только агентомъ бояръ по пріисканію подходящаго самозванца.

шіеся, что земскій соборъ, пожалуй, выберетъ другое лицо. Никто не рѣшился противорѣчить, и бояре, заручившись согласіемъ Шуйскаго на нѣкоторыя ограниченія царской власти въ ихъ пользу, признали избраніе совершившимся, и Шуйскій оказался царемъ и безъ собора. Онъ былъ „выкрикнутъ своими доброхотами", какъ тогда говорили. Новый царь немедленно въ Успенскомъ соборѣ далъ присягу въ томъ, что безъ согласія бояръ („не осудя истиннымъ судомъ съ боярами") никого не будетъ казнить смертью; опалы преступника не распространять на его родню и семейство и имущества ихъ не конфисковать, если они не участвовали въ преступленіи; доносамъ не вѣрить, а ложныхъ доносчиковъ подвергать казнямъ, всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Ограниченія царской власти въ сущности были невелики, — она стѣснена была лишь по отношенію къ частнымъ лицамъ и судопроизводству, при чемъ бояре стремились главнымъ образомъ оградить себя отъ казней и конфискацій, которымъ они подвергались при опричнинѣ и Годуновѣ. Но и это сильно уронило Василія въ глазахъ народа. Его называли боярскимъ царемъ и даже дали насмѣшливое прозваніе „полуцаря".

Болѣе соотвѣтствовало потребностямъ времени и стремленіямъ лучшихъ людей русскаго государства избраніе въ патріархи казанскаго митрополита *Гермогена,* человѣка съ твердымъ характеромъ и ревностнаго защитника православія.

По всѣмъ областямъ послана была грамота съ извѣщеніемъ, что подъ именемъ Димитрія престолъ занималъ Гришка Отрепьевъ и, какъ „воръ и чернокнижникъ", погибъ за свои злодѣйства, а теперь на мѣсто его избранъ всѣмъ московскимъ государствомъ потомокъ Александра Невскаго князь Василій Шуйскій. Другая грамота разослана была отъ имени инокини Марѳы. Здѣсь она каялась въ томъ, что признала изъ-за страха Гришку Отрепьева своимъ сыномъ. Эти грамоты, противорѣчившія извѣщеніямъ о Лжедимитріи и признаніи его царицей Марѳой, которыя еще такъ недавно разсылались изъ той же Москвы, и особенно бросавшаяся всѣмъ въ глаза явная неправда о всенародномъ избраніи Шуйскаго, произвели только еще большую смуту въ умахъ и подорвали въ областяхъ всякое довѣріе къ Москвѣ и новому царю.

И въ самой Москвѣ Василій не встрѣтилъ себѣ особаго сочувствія и скоро разочаровалъ даже своихъ сторонниковъ. Ни внѣшнимъ своимъ видомъ, ни внутренними своими качествами этотъ невзрачный подслѣповатый старикъ съ рѣденькой бородкой не могъ привлечь сочувствія. На первыхъ же порахъ Василій заявилъ себя крайней мелочностію, безсердечіемъ и наклонностію къ шпіонству и наушничеству,

отъ котораго только что всенародно отрекся. Жадный и скупой, онъ не сумѣлъ наградить какъ слѣдуетъ своихъ приверженцевъ въ Москвѣ, уже привыкшей къ щедрости Бориса и расточительности Лжедимитрія. Хитрый и изворотливый, но крайне неустойчивый въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не обладалъ способностями правителя и не рѣшался дѣйствовать съ такою твердостію и смѣлостію, какой требовало то тревожное время. Ни въ комъ онъ не встрѣчалъ, какъ царь, ни довѣрія, ни уваженія.

Желая въ корнѣ подорвать всякіе толки о Лжедимитріи, Василій поспѣшилъ объявить царевича Димитрія мученикомъ, погибшимъ отъ убійцъ, и торжественно перенесъ его мощи изъ Углича въ Москву, гдѣ многіе еще помнили, какъ онъ самъ же доказывалъ на слѣдствіи, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни.

Толки о Лжедимитріи, не взирая на это, не умолкали. Пронеслась молва, что онъ спасся и скоро опять объявитъ себя. Пищу этой новой легендѣ дало и то обстоятельство, что многіе не видали лица убитаго Лжедимитрія, такъ какъ на него, съ цѣлью посмѣянія, была положена маска. Враждебные Василію бояре и лица, которымъ выгодна была смута въ обществѣ, усердно распространяли молву о спасеніи Лжедимитрія.

Возстаніе въ Сѣверской Украйнѣ. Въ главномъ очагѣ всѣхъ смутъ— Сѣверской Украйнѣ нашелся отчаянный и рѣшительный человѣкъ, знавшій ратное дѣло, бывшій холопъ *Болотниковъ*, поднявшій возстаніе противъ Василія во имя спасшагося Лжедимитрія, хотя послѣдняго ни самъ Болотниковъ и никто изъ его сторонниковъ еще не видалъ. Онъ сталъ грамотами волновать простой народъ, обѣщая ему свободу и богатство подъ знаменами Димитрія. На его призывъ, въ ополченіе этого будущаго Димитрія снова потянулись толпы гулящаго люда. Являлись и люди иного рода, искавшіе не смуты, но порядка, вѣрные присягѣ, данной Лжедимитрію, какъ законному царю. Таковъ былъ между прочимъ искусный и предпріимчивый предводитель рязанскаго ополченія, дворянинъ *Прокопій Ляпуновъ*, горячій и рѣшительный, хотя и очень грубый человѣкъ. Полчища Болотникова двинулись къ Москвѣ. Царская рать была разбита. Положеніе Шуйскаго стало критическимъ.

Московская чернь волновалась. Болотниковъ сталъ ее возбуждать противъ высшихъ сословій, призывая избивать бояръ и богатыхъ людей и дѣлить ихъ имѣнія. Этотъ призывъ къ грабежу и убійствамъ образумилъ многихъ. Лучшія силы отшатнулись отъ Болотникова. Примкнувъ къ нему, они желали только поддержать законную, по ихъ взгляду, династію, но стали противъ смуты, когда она приняла уже не династическій, но соціальный характеръ, преображаясь въ борьбу низшихъ классовъ съ высшими. Одинъ изъ первыхъ ушелъ и принесъ повинную Василію Шуйскому Прокопій Ляпуновъ, за нимъ потянулись и другіе, разочаровавшись въ Болотниковѣ и его сотоварищахъ и не видя обѣ-

щаннаго Димитрія. Дѣла Болотникова пошатнулись. Подъ стѣнами Москвы войскамъ его нанесъ жестокое пораженіе молодой воевода, царскій племянникъ князь Михаилъ *Скопинъ-Шуйскій*. Болотниковъ бѣжалъ и заперся въ Тулѣ, долго тамъ отсиживался съ своими сообщниками, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ сдаться и былъ казненъ.

Тушинскій Воръ. Давно ожидаемый мятежниками новый Лжедимитрій наконецъ объявился въ Стародубѣ. Происхожденіе его въ точности неизвѣстно; одно несомнѣнно—въ противоположность первому самозванцу, это былъ уже сознательный обманщикъ или *воръ*, какъ называли тогда такихъ людей. Съ этимъ именемъ онъ и остался въ исторіи и памяти народной.

По болѣе вѣроятнымъ разсказамъ современниковъ, это былъ какой-то грубый, но ловкій и умный поповичъ, бродячій учитель крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Онъ былъ страшно бѣденъ, такъ что зимой и лѣтомъ ходилъ въ одномъ костюмѣ—изорванномъ тулупѣ. Профессія самозванцевъ была въ ту пору выгодна, и по уговору съ такими же сотоварищами онъ назвался бояриномъ Нагимъ, родственникомъ царевича Димитрія. Всюду они говорили, что бѣгутъ отъ преслѣдованій бояръ и идутъ къ спасшемуся царю Димитрію. Въ Стародубѣ жители пристали къ нимъ съ разспросами—гдѣ же наконецъ Димитрій, угрожая побоями. Не зная, какъ выпутаться, тѣ указали на мнимаго Нагого—„вотъ Димитрій Ивановичъ!" Послѣдній принялъ грозную осанку, прикрикнулъ... Пораженные рѣшительнымъ видомъ Лжедимитрія, стародубцы повалились ему въ ноги. „Смилуйся, государь,—не узнали тебя!" Новый самозванецъ сначала и самъ не радъ былъ своей роли, боясь, что его выдадутъ, и пытался было бѣжать, но быстро сгруппировавшіеся около него разные польскіе и русскіе сѣятели смуты не допустили до этого.

Со всѣхъ сторонъ потянулся къ новому самозванцу разнаго рода гулящій людъ, польскіе и русскіе искатели приключеній. Изъ Литвы явился знаменитый наѣздникъ Лисовскій съ своей шайкой, состоявшей изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ („лисовчиковъ", какъ ихъ называли), и не менѣе его извѣстный своими буйными похожденіями удалой панъ Янъ Сапѣга; пришли и донскіе казаки съ своимъ атаманомъ Заруцкимъ, запорожцы и пр. (Главное начальство надъ силами самозванца принялъ полякъ князь Рожинскій).

Всюду разосланы были грамоты, увѣщавшія народъ отступиться отъ Шуйскаго. Во многихъ городахъ населеніе повѣрило этимъ грамотамъ, особенно же послѣ того, какъ вдова Лжедимитрія 1-го Марина, перехваченная на пути въ Польшу сторонниками „вора", вынуждена была признать новаго Лжедимитрія своимъ мужемъ, чудесно спасшимся отъ гибели.

Марина сначала долго не соглашалась, плакала и кричала, не желая признать мужемъ ничѣмъ не похожаго на Лжедимитрія грубаго

мужика, какимъ казался ей новый „царикъ“ (такъ прозвали его паны), но наконецъ сдалась на увѣщанія сторонниковъ самозванца и самого отца, которому за то и подарили 300.000 злотыхъ. Впослѣдствіи она свыклась съ кочевой и полной разнообразныхъ приключеній жизнью своихъ похитителей и навсегда уже связала свою судьбу съ главарями смуты, ни за что не желая разстаться съ титуломъ „царицы московской“.

Громадное (до 100 тыс. чел.) и крайне пестрое по своему составу ополченіе самозванца подошло почти къ самой Москвѣ и расположилось въ 12 верстахъ отъ нея въ селѣ Тушинѣ (1608), отчего и самъ самозванецъ получилъ прозваніе *Тушинскаго Вора.*

Въ Тушинѣ образовался скоро цѣлый городокъ. Для „царя“ и „царицы“ возвели особыя хоромы; его „бояре“ построили себѣ избы. Остальные расположились лагеремъ въ землянкахъ. Кругомъ расположился цѣлый поселокъ торгашей, которые привозили всякіе товары и хлѣбъ, пригоняли скотъ, курили вино, варили медъ и пиво. Пьянство, дикій разгулъ, азартныя игры и разбойничьи набѣги на окрестныхъ жителей наполняли жизнь обитателей этого воровского гнѣзда. Самозванецъ не сдерживалъ и не могъ сдерживать хищниковъ,—онъ самъ былъ игрушкой въ ихъ рукахъ.

Лагерь самозванца пополнялся и перебѣжчиками изъ Москвы. Въ Тушино являлись и бояре и служилые люди. Немногіе изъ нихъ приставали къ самозванцу искренно. Большинство шло изъ страха или ненависти къ Василію Шуйскому, чаще же всего привлекала перебѣжчиковъ привольная жизнь въ Тушинѣ. Таковъ былъ между прочимъ отчаянный и грубый кутила, но безхарактерный человѣкъ—князь Трубецкой. Нашлись въ это печальное время и такіе люди, которые пытались служить двумъ господамъ — не разъ переходили на сторону Шуйскаго и снова возвращались къ самозванцу, получая жалованье и въ Москвѣ и въ Тушинѣ. Такихъ звали *перелетами.*

Осада Троицкой лавры. Разсѣявшіяся по всѣмъ дорогамъ отъ Москвы для грабежа шайки тушинцевъ особенно привлекали богатства монастырей. Самые отважные атаманы хищниковъ Лисовскій и Сапѣга пытались овладѣть даже Троицкой лаврой, славившейся своими сокровищами, и во главѣ 30 тыс. войска повели противъ нея правильную осаду. Въ огражденной высокими каменными стѣнами Лаврѣ засѣло до 3 тыс. мужественныхъ защитниковъ обители (подъ начальствомъ князя Долгорукова Рощи и дворянина Алексѣя Голохвастова), рѣшившихся лучше умереть, чѣмъ сдаться врагу. На обѣщаніе награды отъ Лжедимитрія за добровольную сдачу они отвѣтили: „Богатства всего міра не возьмемъ за нарушеніе крестнаго цѣлованія“. Иноки обители (съ архимандритомъ Іосафомъ и келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ

(впослѣдствіи описавшимъ знаменитую осаду лавры) также приняли участіе въ оборонѣ лавры. Осажденные дѣлали частыя вылазки, успѣшно отбивали приступы враговъ и удачно предупредили подкопъ, который вели поляки подъ одну изъ башенъ монастыря. Безуспѣшно пробившись подъ лаврой цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ, Лисовскій и Сапѣга вынуждены были наконецъ снять осаду.

Доблестный примѣръ лавры сильно поднялъ духъ защитниковъ порядка и православія на Руси. Троицкій монастырь сдѣлался съ той поры однимъ изъ центровъ, откуда организовалось народное движеніе на защиту родины отъ поляковъ и русскихъ крамольниковъ и заводчиковъ смуты.

Побѣды Скопина-Шуйскаго. Грабежи и насилія тушинцевъ, особенно поляковъ, ругавшихся и надъ русской святыней, заставили населеніе многихъ городовъ, передавшихся было Лжедимитрію, снова примкнуть къ Москвѣ. Шуйскому между тѣмъ удалось получить помощь отъ Швеціи за денежное вознагражденіе, уступку Кореліи и „вѣчный союзъ“ противъ Польши. Шведскій король далъ ему 5-тысячный отрядъ вспомогательнаго войска подъ начальствомъ Делагарди, который и присоединился къ русской рати, двинувшейся на Тушино отъ Новгорода. Этой арміей командовалъ князь Михаилъ *Скопинъ-Шуйскій*. Красивый и статный юноша (ему было всего 23 года) привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ своимъ умомъ, привѣтливостію и обнаружилъ таланты замѣчательнаго полководца. Въ рядѣ битвъ онъ разбилъ одинъ за другимъ высылавшіяся противъ него ополченія тушинцевъ, въ томъ числѣ и самого Рожинскаго, и подошелъ уже близко къ Москвѣ.

Положеніе самозванца стало теперь крайне опаснымъ, тѣмъ болѣе, что польскій король (Сигизмундъ III) объявилъ войну Василію Шуйскому за союзъ со Швеціей и, разсчитывая добыть московскій престолъ себѣ или своему сыну, онъ переманивалъ польскія дружины изъ Тушина, уговаривая бросить самозванца. Боясь, что Рожинскій выдастъ его королю, Лжедимитрій 2-й тайкомъ убѣжалъ въ Калугу, за нимъ направилась туда же и Марина, переодѣтая гусаромъ. Большая часть поляковъ (съ Рожинскимъ во главѣ) перешла на службу къ королю, казаки потянулись въ Калугу къ самозванцу, Тушино опустѣло *) и Скопинъ-Шуйскій безпрепятственно вступилъ съ войскомъ въ Москву, восторженно встрѣченный населеніемъ. Народъ кланялся въ землю

*) Русскіе сторонники самозванца изъ бояръ и дворянъ съ бояриномъ Михаиломъ Салтыковымъ во главѣ, оставшись одинокими, рѣшили послать уполномоченныхъ въ польскій лагерь подъ Смоленскъ и признать царемъ Сигизмундова сына Владислава, но съ значительными ограниченіями его власти, на извѣстныхъ условіяхъ, которыя и были изложены въ договорѣ съ королемъ, заключенномъ 4 февраля 1610 года.

Скопину, величалъ его „освободителемъ земли“ и своимъ избавителемъ, что сильно обезпокоило подозрительнаго Василія, хотя онъ всенародно и лобызалъ Скопина со слезами на глазахъ. Дѣйствительно, многіе уже видѣли въ Скопинѣ преемника бездарному и бездѣтному Василію. Пылкій Прокопій Ляпуновъ, предводитель рязанскаго ополченія, бывшаго въ войскѣ Скопина, даже прямо предложилъ его теперь же избрать въ цари. Скопинъ уклонился отъ всякаго отвѣта на это предложеніе и немедленно же по пріѣздѣ въ Москву собирался идти на освобожденіе Смоленска, осажденнаго польскимъ королемъ, но среди этихъ приготовленій неожиданно скончался.

На крестинномъ пиру (у князя Воротынскаго) у него хлынула носомъ кровь, онъ упалъ безъ чувствъ и черезъ нѣсколько дней умеръ, на 24 году отъ роду. По всей Москвѣ тутъ же разнеслась молва, что ему поднесла отравленную чашу его кума, дочь Малюты Скуратова, жена царева брата Димитрія Шуйскаго, который надѣялся занять престолъ послѣ Василія, и видѣлъ въ Скопинѣ себѣ соперника. Велико было народное горе и негодованіе на предполагаемыхъ виновниковъ смерти Скопина. Домъ Димитрія едва охранили силой отъ разъяренной толпы. Горько оплакивалъ и Делагарди своего соратника, съ которымъ тѣсно сдружился за время похода на тушинцевъ: „Московскіе люди, говорилъ онъ, не только у васъ, но и въ земляхъ моего государя не видать уже мнѣ такого человѣка“. Прахъ Скопина похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, усыпальницѣ русскихъ царей. Привлекательная личность Скопина, яркимъ метеоромъ промелькнувшая въ мрачную эпоху смутнаго времени, сдѣлалась предметомъ народныхъ пѣсенъ.

Низложеніе Василія Шуйскаго. По смерти Скопина Василій, не довѣряя другимъ воеводамъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ передать начальство надъ войскомъ своему бездарному брату Димитрію Шуйскому. Высланный ему навстрѣчу Сигизмундомъ гетманъ Жолкѣвскій на-голову разбилъ неискуснаго въ бояхъ воеводу (при дер. Клушинѣ) и двинулся къ Москвѣ. Это въ конецъ возмутило народъ. Москвичи, поднятые братомъ Прокопія Ляпунова Захаромъ, составили большую сходку людей всякаго званія и, вопреки увѣщаніямъ патріарха Гермогена, который, хотя и не уважалъ Василія, но стоялъ за порядокъ на Руси, низложили Шуйскаго съ престола за то, что онъ „не по правдѣ, не по выбору всей русской земли сѣлъ на престолъ, и былъ несчастенъ на царствѣ“ (1610 г.). Вслѣдъ за этимъ низложеннаго царя насильно постригли въ монахи.

Во время постриженія Василія держали за руки, а одинъ бояринъ произносилъ за него монашескіе обѣты въ то время, какъ Василій кричалъ: „не хочу, не хочу!“ Жену его тоже постригли, а братьевъ заключили подъ стражу. Правленіе, до выбора новаго царя, было передано *боярской думѣ* съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ.

Междуцарствіе (1610—1613).

Семибоярщина. По низведеніи съ престола царя Василія Шуйскаго на Руси наступило безгосударное время или такъ называемое *междуцарствіе*, длившееся почти три года (съ 17 іюля 1610 г. по 21 февраля 1613 г. — день избранія въ цари Михаила Θеодоровича Романова). Во главѣ правленія стала первоначально боярская дума изъ семи знатнѣйшихъ бояръ *(семибоярщина)* съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ. Немедленно поднятъ былъ вопросъ объ избраніи новаго царя и на первыхъ же порахъ обнаружилось сильное разногласіе. Среди черни было не мало сторонниковъ самозванца, которые надѣялись, что, опасаясь бояръ, онъ будетъ покровительствовать простому народу; въ рядахъ бояръ очень многіе стояли за королевича Владислава, имѣя въ виду ограниченіе царской власти боярской думой; люди искренно преданные православію и русской народности, съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ, желали бы видѣть царемъ чисто русскаго человѣка, при чемъ намѣчались два кандидата — князь Голицынъ и Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, сынъ митроп. Филарета. Но объ этомъ пока нельзя было и думать. Жолкѣвскій стоялъ уже у воротъ Москвы. Сюда же двинулся и Лжедимитрій II изъ Калуги. Изъ двухъ золъ избрали меньшее и послѣ переговоровъ съ Жолкѣвскимъ порѣшили присягнуть королевичу Владиславу подъ условіемъ, что онъ приметъ православіе и будетъ править при участіи бояръ и высшаго духовенства *). Жолкѣвскій согласился на все это и убѣдилъ бояръ снарядить особое посольство къ королю для окончательнаго рѣшенія

---

*) Въ основу былъ положенъ договоръ съ Сигизмундомъ, заключенный 4 февраля 1610 г. бывшими сторонниками Тушинскаго Вора изъ русскихъ бояръ и дворянъ, относительно кандидатуры того же Владислава на московскій престолъ (см. прим. на стр. 198). Прежде всего устанавливалась неприкосновенность православной вѣры; всѣ должны были судиться по закону и наказываться только по суду. Государь долженъ раздѣлять свою власть съ Земскимъ Соборомъ и Боярской Думой. Земскій соборъ составляется изъ выборныхъ чиновъ со всего государства и вмѣстѣ съ государемъ устанавливаетъ основные законы или отмѣняетъ старые. Боярская Дума вмѣстѣ съ государемъ разрѣшаетъ текущіе вопросы законодательнаго характера—о налогахъ, о помѣстьяхъ и пр., она же вмѣстѣ съ государемъ рѣшаетъ важнѣйшія судебныя дѣла и т. д. Вообще государь ничего не можетъ дѣлать безъ Думы и „приговора бояръ".

Въ этой подробной разработкѣ ограниченій царской власти видимо сказались опасенія довѣриться государю, избранному въ средѣ чуждаго и при томъ иновѣрнаго населенія, хотя бы и принявшему православіе. Относительно избранниковъ изъ своей среды—Годунова и Шуйскаго, бояре такихъ всестороннихъ ограниченій не предполагали. Любопытно, что въ первоначальномъ проектѣ договора имѣлись статьи, коими устанавливалось, что до званія боярина могутъ возвышаться всѣ по заслугамъ, а не по происхожденію; равнымъ образомъ всѣ имѣютъ право выѣзда за границу для образованія. Въ выработкѣ этихъ статей сказалась, очевидно, рука составлявшихъ договоръ выслужившихся приказныхъ дѣльцовъ (дьяковъ) и отчасти стремленія ихъ и вообще средняго боярства и московскаго столичнаго дворянства. Бояре обѣ эти статьи вычеркнули.

вопроса о Владиславѣ и принятіи имъ православія. Въ составъ этого посольства хитрый гетманъ посовѣтовалъ включить самыхъ вліятельныхъ лицъ въ государствѣ, въ виду важности самаго дѣла, а именно князя Голицына и митр. Филарета. Такимъ образомъ ему удалось удалить изъ Москвы наиболѣе опасныхъ для кандидатуры Владислава лицъ.

Поляки въ Москвѣ. Бояре больше всего опасались волненій черни изъ-за Лжедимитрія и неожиданнаго появленія самозванца въ Москвѣ, и Жолкѣвскій принялъ на себя охрану столицы отъ самозванца и даже добился того, что польское войско впустили въ Москву. Помня народный мятежъ изъ-за буйствъ и насилій поляковъ при первомъ Лжедимитріи, онъ соблюдалъ теперь строжайшую дисциплину въ войскѣ и не допускалъ никакихъ обидъ со стороны послѣдняго жителямъ Москвы. Къ православной вѣрѣ и ея представителямъ онъ оказывалъ полное уваженіе, такъ что даже суровый Гермогенъ, не терпѣвшій поляковъ, сталъ относиться къ нимъ благосклоннѣе. Въ довершеніе всего часть стрѣлецкаго войска изъ Москвы была удалена въ Новгородъ, въ виду пререканій съ Швеціей, а начальство надъ оставшимися поручено было поляку Гонсѣвскому.

Такимъ образомъ все было подготовлено для принятія Владислава и преобладанія поляковъ въ Москвѣ. Въ церквахъ уже молились за Владислава, именемъ его писались указы... Упрямство недальновиднаго Сигизмунда разрушило планы Жолкѣвскаго. Онъ самъ пожелалъ быть русскимъ царемъ, не принимая православія и присоединивъ Русь къ Польшѣ.

Узнавъ объ этомъ и ничего не говоря о томъ москвичамъ, Жолкѣвскій самъ рѣшился ѣхать къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, въ надеждѣ переубѣдить его, и поручилъ начальство надъ Москвой Гонсѣвскому. На всякій случай онъ захватилъ съ собой и низложеннаго царя—инока Василія Шуйскаго, устраняя такимъ образомъ и послѣднюю помѣху на пути Владислава къ московскому трону.

Дѣятельность патр. Гермогена. Московское посольство тщетно убѣждало короля Сигизмунда поскорѣе отпустить Владислава въ Москву и разрѣшить ему принять православіе. Король медлилъ согласіемъ, ссылаясь на молодость Владислава, и наконецъ прямо потребовалъ, чтобы правленіе Московскимъ государствомъ было вручено ему, а Смоленскъ сданъ полякамъ. Голицынъ и Филаретъ отказывались дать на это согласіе. Прибытіе Жолкѣвскаго не измѣнило дѣла. Обѣ стороны остались при своемъ. Тогда поляки попробовали уговорить московскихъ бояръ и патріарха обѣщаніями разныхъ милостей согласиться на требованія Сигизмунда. Мстиславскій, Салтыковъ и нѣкоторые другіе пошли на уступки, но патріархъ Гермогенъ на-отрѣзъ отказался и заявилъ,

что освободитъ русскихъ людей отъ присяги, данной и Владиславу, если тотъ не приметъ православія. Поляки и русскіе бояре-измѣнники грозили патріарху смертію, но доблестнаго старца не смутили эти угрозы, и онъ открыто сталъ говорить и писать въ своихъ грамотахъ въ другіе города, что если Владиславъ не крестится и литовскіе люди не уйдутъ изъ Москвѣ, то „королевичъ не государь намъ!" Гонсѣвскій сталъ тогда стѣснять доступъ къ патріарху, и бояре отправили Голицыну и Филарету грамоту съ приказомъ исполнить во всемъ волю короля Сигизмунда, но послы отказались исполнить такой приказъ безъ подписи патріарха, какъ „начальнаго человѣка" въ безгосударное время. Раздосадованный неудачей переговоровъ и стойкостью Голицына и Филарета, Сигизмундъ, вопреки всякому праву, отослалъ ихъ плѣнниками въ Польшу, а самъ сталъ продолжать осаду Смоленска.

Русское ополченіе подъ Москвой. Лжедимитрій II былъ убитъ (въ декабрѣ 1610 г.) однимъ крещенымъ татариномъ (мстившимъ за смерть татарскаго касимовскаго царя, умерщвленнаго по приказу самозванца). Смерть Лжедимитрія развязала руки тѣмъ, кто раньше только изъ страха передъ этимъ царемъ черни присягалъ королевичу Владиславу, и вынимала почву изъ-подъ ногъ у заводчиковъ смуты и борьбы низшихъ классовъ съ высшими. Разносившіяся всюду вѣсти о притязаніяхъ Сигизмунда, о насиліяхъ поляковъ въ Москвѣ (послѣ отъѣзда Жолкѣвскаго потерявшихъ прежнюю дисциплину), грамоты патріарха Гермогена и горячія воззванія Прокопія Ляпунова, возмущеннаго притѣсненіями патріарху и засильемъ, которое взяли поляки на Москвѣ, сильно пробуждали во многихъ національное и религіозное чувство; опасенія за цѣлость Руси и православія стали объединять и разрозненныхъ дотолѣ по стремленію и цѣлямъ людей. На призывы Ляпунова шли къ нему изъ разныхъ городовъ дружины на подмогу. Трубецкой и Заруцкій съ казаками, не зная, куда дѣваться послѣ смерти Лжедимитрія II, также пристали къ ополченію, которое организовалъ Ляпуновъ на выручку Москвы отъ поляковъ. Всего съ казаками собралось свыше 100 тысячъ человѣкъ.

Но прежде еще, чѣмъ подошло къ Москвѣ это ополченіе, на улицахъ столицы начались кровавыя стычки населенія съ поляками, своеволіе и притѣсненія которыхъ вывели жителей изъ терпѣнія. Поляки перебили много народу и, спасаясь отъ бѣды, зажгли Москву, а сами, въ количествѣ 5 тыс. чел., засѣли за крѣпкими стѣнами Кремля и Китай-города. Вмѣстѣ съ ними заперлись и бояре, сторонники Сигизмунда, захвативъ насильно съ собою Михаила Θеодоровича Романова съ матерью и патріарха Гермогена.

Пятитысячному отряду Гонсѣвскаго трудно было бы выдержать осаду, тѣмъ болѣе, что скоро у поляковъ обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, но ихъ спасли отъ немедленной сдачи несогласія между вождями русскаго ополченія—Трубецкимъ, Заруцкимъ и Ляпуновымъ, которымъ, по общему приговору, вручено было и управленіе землей. Поводомъ къ раздору послужили грабежи казаковъ, которые и теперь вели себя какъ въ станѣ самозванца, своевольничали и обижали подмосковное населеніе. Ляпуновъ возставалъ противъ этого и постоянно ссорился съ Заруцкимъ. Да и вообще своимъ крутымъ неуступчивымъ нравомъ онъ озлобилъ многихъ противъ себя. Прослышавъ о раздорахъ вождей и недовольствѣ казаковъ Ляпуновымъ, Гонсѣвскій сочинилъ и переслалъ казакамъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова, въ которой тотъ будто бы приказывалъ жителямъ городовъ истреблять казаковъ. Казаки собрались въ кругъ и потребовали отъ Ляпунова объясненій, и когда тотъ сурово сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Смерть человѣка, который былъ душою всего предпріятія, разстроила дѣло. Главой ополченія сдѣлался Заруцкій, подчинившій своей волѣ безхарактернаго князя Трубецкого и всячески мирволившій казакамъ. Послѣдніе же не столько продолжали осаду, сколько занимались грабежами и разбоями въ сосѣднихъ съ Москвою городахъ. Отъ ихъ своеволія и пристрастія Заруцкаго много терпѣли и сами земскіе ополченцы и большая часть ихъ разъѣхалась по домамъ, разнося всюду дурныя вѣсти о воровскихъ дѣйствіяхъ казаковъ подъ Москвою *). Осажденные въ Кремлѣ поляки ожили духомъ, успѣли получить достаточно продовольствія и надѣялись отсидѣться до полученія помощи отъ Сигизмунда, къ которому бояре, ихъ сторонники, отправили новое посольство съ просьбой поскорѣе придти въ Москву на царство.

Сигизмундъ, однако, считалъ уже лишнимъ двигаться къ Москвѣ, онъ успѣлъ, благодаря численности своего войска, взять приступомъ Смоленскъ, несмотря на геройскую защиту жителей города съ бояриномъ Шейнымъ во главѣ, и отправился въ Варшаву торжественно праздновать сдачу этого важнаго города, увозя съ собой въ качествѣ трофея и бывшаго царя Василія Шуйскаго (послѣдній такъ и

*) Нужно замѣтить, что казаки, которые врывались въ предѣлы Московскаго государства, вмѣстѣ съ польскими шайками, и теперь дѣйствовали подъ начальствомъ Трубецкаго и Заруцкаго, не принадлежали къ старому, такъ называемому „домовитому“ казачеству, издавна осѣвшему на Днѣпрѣ и Донѣ. Это была въ большинствѣ та же *голытьба*, что и раньше шла подъ знамена самозванцевъ, недавніе поселенцы южнорусскихъ степей, принявшіе имя казаковъ—бѣглецы изъ тяглаго люда и холопы, спасавшіеся отъ неволи, теперь возвращавшіеся на родину, чтобы пограбить и погулять на вольной волѣ. Они искали не новаго государственнаго порядка, а только добивались личныхъ выгодъ.

умеръ въ Польшѣ). Поляки считали Смоленскъ главнымъ оплотомъ русской земли и думали, что со взятіемъ его война кончена, такъ что на сеймѣ король уже прямо заявилъ, что Московскую землю онъ присоединяетъ къ Польшѣ, соединяя обѣ страны подъ своимъ скипетромъ.

Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, обрушившихся на русскую землю, Новгородъ былъ въ это время, вслѣдствіе измѣны, захваченъ шведами, которые вслѣдъ за избраніемъ Владислава начали противъ русскихъ враждебныя дѣйствія. Въ Псковѣ начались смуты и объявился третій Лжедимитрій (какой-то дьяконъ Исидоръ или „Сидорка“, какъ его звали тогда). У него нашлись приверженцы среди казацкой вольницы, и нѣкоторые города признали его царемъ. Болѣе печальнаго положенія, чѣмъ въ эту пору, прозванную современниками *лихолѣтьемъ*, казалось, никогда еще не бывало на Руси.

Мининъ и Пожарскій. Въ тяжелую годину общаго бѣдствія (или „всеобщей разрухи“, какъ тогда говорили), когда Русь терзали и поляки, и шведы, и свои внутренніе враги, когда въ самой столицѣ засѣли иноземцы, а у русскихъ не было ни верховной власти, ни сильной рати, ни общей казны и, казалось, пришелъ уже конецъ Московскому государству, народъ и лучшіе люди въ немъ все-таки не упали духомъ, но тѣмъ сильнѣе стало обнаруживаться общее желаніе очистить страну отъ враговъ и избрать царя всей землей. Громадное значеніе въ этомъ подъемѣ народнаго чувства имѣла не угасшая еще въ народномъ сердцѣ вѣра, искони отличавшая русскихъ людей преданность православію, которому тоже грозила опасность отъ чужеземнаго ига. Старинная рознь областей и непріязнь простого люда къ высшимъ и богатымъ лицамъ, проявившаяся было въ эпоху смутнаго времени, смолкала теперь предъ уравнявшей всѣхъ общей бѣдой.

Всюду стали собираться сходки, города пересылались грамотами, мѣстами населеніе налагало на себя постъ, готовясь къ великому подвигу очищенія русской земли отъ враговъ, народное воодушевленіе росло... Нуженъ былъ только починъ дѣлу и общій вождь. Здѣсь выдвинулась на первый планъ дѣятельность духовенства. Замолкъ голосъ страдальца за вѣру и родину, патріарха Гермогена, зато раздались теперь горячіе призывы изъ монастырей, съ Троице-Сергіевой лаврой во главѣ. Другъ Гермогена, новый архимандритъ лавры, умный и краснорѣчивый *Діонисій*, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ сподвижникомъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ келаремъ лавры *Авраміемъ Палицынымъ* всѣми силами старался поднять духъ народа и неутомимо разсылалъ всюду по городамъ и областямъ увѣщательныя грамоты, призывая ратныхъ людей на защиту вѣры и отечества.

Одна изъ такихъ грамотъ попала въ Нижній-Новгородъ и была прочтена во всеуслышаніе въ соборѣ. Народъ умилился. Многіе плакали. Тутъ выступилъ съ горячей рѣчью земскій староста мясной торговецъ *Козьма Мининъ*, по прозванью Сухорукъ. Судя по всѣмъ его дѣйствіямъ, это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, въ высшей степени дѣловитый и практичный и въ то же время способный самъ одушевиться мыслью объ общемъ благѣ до самозабвенія и другихъ побуждать на подвиги. „Не пожалѣемъ ничего, говорилъ онъ, продадимъ свои дома, заложимъ женъ и дѣтей, соберемъ казну на ратное дѣло, станемъ искать, кто бы вступился за православную вѣру и сталъ у насъ начальникомъ. Дѣло великое сдѣлаемъ. И другіе города къ намъ пристанутъ“.

Воодушевленные рѣчью Минина, нижегородцы порѣшили пожертвовать на ратныхъ людей третью часть имущества (многіе давали и больше) и снарядить ополченіе. Нашли вождя ополченію, знающаго ратное дѣло и, что было особенно важно въ эту пору, человѣка съ незапятнаннымъ прошлымъ, который ни съ тушинцами, ни съ поляками не дружился и всегда стоялъ за законное правительство на Москвѣ. То былъ князь Димитрій Михаиловичъ Пожарскій.

Онъ выказалъ большое мужество при защитѣ Зарайска отъ самозванца и принималъ участіе въ оборонѣ Москвы отъ поляковъ, когда туда подходило ополченіе Ляпунова, былъ израненъ и теперь долечивался отъ ранъ въ своемъ суздальскомъ имѣніи. На приглашеніе нижегородцевъ Пожарскій отвѣтилъ: „Радъ я вашему совѣту и готовъ за православную вѣру стоять до смерти“ и просилъ только выбрать достойнаго человѣка завѣдывать общественной казной. Выбрали Минина, тотъ согласился, но лишь послѣ того, какъ нижегородцы подписали приговоръ, что ничего не пожалѣютъ для великаго дѣла. По всѣмъ городамъ Пожарскій разослалъ теперь грамоты, подписываясь въ нихъ за себя и за безграмотнаго Минина и приглашая всѣхъ идти вмѣстѣ съ нижегородцами на освобожденіе Москвы, не сближаясь съ казаками, и дѣйствовать дружно и сообща, чтобы „казаки попрежнему не разогнали рати“. Отовсюду потянулись въ Нижній дружины ратныхъ людей и служилые люди и стали стекаться пожертвованія.

Подъ начальствомъ Пожарскаго скоро составилось большое ополченіе изъ ратныхъ людей со всѣхъ городовъ, преимущественно сѣверовосточныхъ, и двинулось къ Москвѣ. Сидѣвшіе въ Кремлѣ поляки и русскіе измѣнники-бояре всполошились и потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ нижегородцамъ увѣщаніе оставаться

вѣрными Владиславу. Патріархъ благословилъ ополченцевъ и проклялъ измѣнниковъ и былъ за то, какъ говорятъ, уморенъ голодной смертію. Стоявшіе подъ Москвой казаки, опасаясь, что съ приходомъ Пожарскаго и земской рати наступитъ конецъ ихъ своеволію и грабежамъ, пробовали избавиться отъ него при помощи подосланнаго убійцы, но попытка не удалась. Тогда Заруцкій съ Мариной и сыномъ ея (отъ 2-го самозванца) Иваномъ ушелъ на юго-востокъ, къ степямъ, думая тамъ навербовать себѣ новыя силы. Трубецкой съ частью поляковъ остался подъ Москвою и, когда земское ополченіе подходило уже къ столицѣ, пригласилъ его стать вмѣстѣ съ казаками, но получилъ въ отвѣтъ: „Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать".

Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. При появленіи Пожарскаго подъ Москвой Гонсѣвскій уѣхалъ изъ Кремля, передавши начальство полковнику Струсю. На помощь послѣднему спѣшилъ гетманъ Ходкѣвичъ съ громаднымъ запасомъ всякаго продовольствія. Пожарскій не пускалъ его въ Москву и подъ стѣнами города закипѣлъ отчаянный бой, возобновлявшійся два раза. Казаки Трубецкого первоначально не принимали въ немъ участія, не желая помогать земской рати. Въ войскѣ Ходкѣвича были лихіе наѣздники-венгры и украинскіе казаки. Они начали было тѣснить русское ополченіе, въ которомъ было много новобранцевъ, неопытныхъ въ бояхъ. Тогда Авраамій Палицынъ отправился въ станъ казаковъ Трубецкого, просилъ, умолялъ ихъ именемъ преп. Сергія и посулилъ имъ раздать монастырскую казну, если пособятъ Пожарскому. Тѣ наконецъ тоже двинулись въ бой. Въ свою очередь, Мининъ, выпросивъ у Пожарскаго одинъ отрядъ, стремительно ударилъ въ тылъ врага. Поляки были отбиты и Ходкѣвичъ поспѣшилъ съ остатками своихъ полковъ удалиться отъ стѣнъ Москвы, оставивъ въ рукахъ побѣдителей весь свой обозъ, который тутъ же и разграбили казаки.

Побѣда надъ поляками сблизила Трубецкого и Пожарскаго, чему много помогъ и уступчивый, спокойный характеръ послѣдняго. Они стали дѣйствовать сообща и окружили теперь Кремль со всѣхъ сторонъ, не допуская къ осажденнымъ подвоза припасовъ. Тамъ скоро начались ужасы голода. Дошло до того, что стали выкапывать изъ земли человѣческіе трупы и употреблять ихъ въ пищу. Не получая помощи отъ Сигизмунда, полумертвые отъ перенесенныхъ лишеній, поляки вынуждены были наконецъ сдаться (25 октября 1612 г.) и русскіе торжественно вступили въ Кремль; впереди съ крестами и иконами шло духовенство съ архимандритомъ Діонисіемъ во главѣ; въ Успенскомъ соборѣ отслуженъ былъ торжественно благодарственный молебенъ.

Въ эту пору и Сигизмундъ надумалъ идти къ Москвѣ на помощь Струсю; онъ двинулся съ небольшимъ войскомъ, въ надеждѣ, что ему легко будутъ покоряться русскіе города, и ошибся въ расчетѣ. Всюду онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Тогда онъ послалъ въ Москву посольство съ предложеніемъ на царство уже сына своего Владислава. Посольство это и къ Москвѣ не пропустили. Королю пришлось вернуться обратно ни съ чѣмъ. Замыслы его потерпѣли такимъ образомъ полное крушеніе.

Избраніе на царство Михаила Θеодоровича. По очищеніи Москвы отъ поляковъ немедленно разосланы были повсюду грамоты съ приглашеніемъ на земскій соборъ для выбора новаго царя, и скоро выборные отъ всѣхъ сословій, не исключая и крестьянъ, съѣхались въ Москву *). Послѣ трехдневнаго поста и молебствій приступили къ совѣщаніямъ и прежде всего постановили, чтобы отнюдь не выбирать ни иноземца, ни сына Марины. При указаніи кандидата изъ русскихъ людей сначала было не мало споровъ и пререканій. Но затѣмъ всѣ примирились на одномъ имени и единогласно избрали 16-ти-лѣтняго Михаила Θеодоровича Романова (21 февраля 1613 г.).

Было въ эту пору не мало родовитыхъ княжескихъ фамилій, но избрать представителя одной значило бы обидѣть всѣхъ другихъ и вновь обострить у престола соперничество, тѣмъ болѣе, что среди нихъ не было ни одной выдающейся личности, въ родѣ, напр., Скопина, и еще менѣе было лицъ, родъ которыхъ могъ бы похвалиться безупречностію своихъ предковъ.

Романовы были люди скромные, не выдѣлявшіеся ни богатствомъ, ни блескомъ особенныхъ талантовъ. Но зато они не запятнаны были никакимъ дурнымъ дѣломъ и никому не стояли поперекъ дороги. А между тѣмъ въ лицѣ ихъ старый царскій родъ какъ бы вновь возникалъ, переходя только въ побочную женскую линію (Анастасія Романова, первая супруга Грознаго, приходилась двоюродной бабкой новаго царя). Въ памяти народной еще живы были и даже вошли въ пѣсни кроткіе образы Анастасіи, добраго генія первой половины царствованія Грознаго, и Никиты Романовича, печаловавшагося за опальныхъ предъ Іоанномъ IV. Это былъ единственный бояринъ XVI в., о которомъ съ похвалой вспоминали народныя былины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ перенесли Романовы не мало угнетеній и гоненій сначала при Годуновѣ, потомъ въ эпоху смутнаго времени. А отецъ Михаилъ Θеодоровича Филаретъ въ пору всеобщей „шатости“ выказалъ, подобно доблестному Гермогену, необычайную твердость духа, отстаивая предъ Сигизмундомъ интересы родины, и за то томился теперь въ польскомъ плѣну. Не будь онъ духовнымъ лицомъ,—вѣроятно, народный голосъ склонился бы къ этому

*) Присутствіе крестьянъ на соборѣ, чего ранѣе не встрѣчалось, дѣлаетъ соборъ 1613 года, по общему отзыву историковъ, единственнымъ всесословнымъ земскимъ соборомъ, дѣйствительнымъ органомъ „всей земли“.

имени. Теперь же олицетвореніе его доблестей народъ видѣлъ въ его юномъ сынѣ *). Понятно поэтому, что, когда выборные люди, порѣшивъ на земскомъ соборѣ избрать царемъ Михаила Θеодоровича, затѣмъ вышли 21 февраля 1613 г. на Красную площадь, чтобы выслушать голосъ народа, заливавшаго ее сплошнымъ потокомъ, то не успѣли еще они и вопроса поставить, какъ отовсюду загудѣли десятки тысячъ голосовъ: „Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ да будетъ царь-государь“. Это было воистину общеземское и всенародное избраніе.

Послѣ избранія отправили за новымъ царемъ посольство съ грамотой земскаго собора. Михаилъ съ своей матерью инокиней Марθой проживалъ тогда въ Костромѣ въ Ипатіевскомъ монастырѣ, куда они удалились тотчасъ же по освобожденіи изъ польскаго плѣна въ Кремлѣ.

Онъ жилъ сначала въ родовомъ своемъ имѣніи селѣ Домнинѣ и удалился подъ защиту крѣпкихъ стѣнъ монастыря вслѣдствіе покушенія на его жизнь. Когда разнесся всюду слухъ объ избраніи его на царство, одна изъ рыскавшихъ тогда по Руси польскихъ шаекъ задумала, по сохранившемуся отъ того времени преданію, умертвить Михаила и, поймавъ на пути крестьянина села Домнина Ивана Сусанина, потребовала, чтобы онъ показалъ имъ дорогу къ царю. Послѣдній, догадавшись о намѣреніяхъ шайки, далъ знать Михаилу объ опасности, а самъ завелъ злодѣевъ въ глухое мѣсто, гдѣ и былъ ими замученъ. Впослѣдствіи потомки Сусанина были освобождены Михаиломъ отъ всякихъ податей и щедро надѣлены землею.

Мать Михаила Θеодоровича долго не соглашалась благословить сына на царство, ссылаясь на его молодость, на крайне разстроенное состояніе государства и на измѣны русскихъ людей своимъ послѣднимъ государямъ—Борису, Лжедимитрію и Василію Шуйскому, но наконецъ сдалась на увѣщанія пословъ отъ земскаго собора и мольбы народа. Вмѣстѣ съ матерью и членами соборнаго посольства онъ отправился затѣмъ въ Москву **). Народъ всюду на пути встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью,

---

*) Съ его кандидатурой мирилась даже сильная своей численностію, а слѣдовательно и вліяніемъ, казачья масса, оставшаяся въ Москвѣ послѣ изгнанія поляковъ и послѣ того, какъ земское ополченіе распущено было по домамъ. Есть извѣстія, что имя Михаила и вообще фамилія Романовыхъ выдвинута была, между прочимъ, и представителями донского казачества. Отъ Романовыхъ казаки и ихъ сторонники не ждали себѣ опалы за службу въ Тушинѣ, такъ какъ 2-й Лжедимитрій, называясь сыномъ Грознаго, какъ и 1-й Лжедимитрій, считалъ своей обязанностію покровительствовать роду Романовыхъ. Такимъ образомъ и съ этой стороны препятствій выбору Михаила Θеодоровича не было.

**) При какихъ трудныхъ условіяхъ приходилось новому царю ѣхать на царство, можно судить по слѣдующему. На просьбу бояръ поскорѣе пріѣхать въ Москву Михаилъ Θеодоровичъ отвѣтилъ съ пути: „ѣдемъ тихо, потому что подводы мало и служилые люди худы: стрѣльцы, казаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ“. На требованіе царя приготовить къ ихъ пріѣзду хоромы въ Кремлѣ, бояре отвѣтили, что приготовили комнаты царя Ивана и Грановитую палату, а для матери его помѣщеніе въ Вознесенскомъ монастырѣ... „Тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ изготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ безъ кровли; лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ; надо дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть“.

духовенство—съ крестами и иконами. Путь отъ Лавры до Москвы весь былъ усѣянъ толпами народа, восторженно привѣтствовавшаго государя. Вся Москва, съ духовенствомъ и боярами во главѣ, въ предшествіи крестнаго хода, вышла навстрѣчу. 11 іюля 1613 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ торжественно вѣнчался на царство. Въ этотъ день первому царю изъ новой *династіи Романовыхъ* исполнилось 17 лѣтъ.

Причины и ходъ смуты и ея послѣдствія. Исходнымъ пунктомъ и ближайшей причиной смуты въ государствѣ, чуть не поколебавшей въ конецъ самыя основы его, является прекращеніе династіи со смертію царя Ѳеодора Іоанновича. Какъ показываетъ ходъ событій смутнаго времени, это было фактомъ, ускорившимъ и осложнившимъ смуту, почва для которой подготовлена была однако гораздо ранѣе. При нормальномъ положеніи общества, послѣ прекращенія династіи произошли бы выборы представителя новой династіи изъ числа знатнѣйшихъ бояръ, и тѣмъ дѣло закончилось бы. Выборъ такого умнаго, просвѣщеннаго и дѣятельнаго государя, какимъ былъ Борисъ Годуновъ, при томъ уже бывшаго правителемъ государства въ предшествующее царствованіе, во всякое другое время былъ бы удачнымъ выходомъ изъ затрудненій. Говорили, что Борисъ былъ не родовитъ и возбудилъ тѣмъ особенную вражду боярства; съ его именемъ молва связывала дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, и это поколебало симпатіи къ нему въ народной массѣ... Но Василій Шуйскій былъ родовитъ, руки его не были запятнаны кровію царственнаго младенца,—однако былъ ли онъ счастливѣе своего соперника? Кого бы ни выбрали въ эту пору изъ среды бояръ—результаты были бы несомнѣнно тѣ же. Борисъ, благодаря своему уму, ловкости и обаянію предшествующей дѣятельности какъ правителя, еще продержался на тронѣ нѣсколько лѣтъ; другимъ, при меньшей опытности и авторитетѣ, не удалось бы, вѣроятно, и это. Да и вообще такое сложное и массовое движеніе, какъ смута, не можетъ быть пріурочиваемо къ дѣятельности, къ удачамъ или неудачамъ отдѣльныхъ лицъ. Причины тутъ не личнаго и случайнаго, а общаго характера и не связаны съ даннымъ моментомъ, но лежатъ глубже и коренятся въ событіяхъ предшествующаго времени. Смута—печальное наслѣдіе временъ Грознаго и эпохи, ему предшествующей. Основной причиною смуты является возникшій задолго до нея разладъ и взаимная борьба различныхъ классовъ земскаго общества, съ боярствомъ во главѣ, первымъ зачинщикомъ и вдохновителемъ смуты,—борьба, сразу обострившаяся на почвѣ исканія новыхъ формъ управленія послѣ прекращенія династіи. Бояре и „княжата" были къ тому же крайне озлоблены гоненіями отъ Грознаго и Годунова. Какъ только они увидѣли возможность прекращенія династіи, они начали борьбу за власть и вліяніе, чтобы вернуть себѣ прежнее положеніе при дворѣ и государствѣ и овладѣть престоломъ. Нравственная расшатанность служилаго и неслужилаго люда, особенно усилившаяся послѣ чисто анархическихъ дѣйствій опричнины при Грозномъ, придали этой борьбѣ рѣзкій и временами даже звѣрскій характеръ. Самымъ же главнымъ источникомъ

смуты является тяжелое экономическое положеніе, особенно низшихъ классовъ населенія, выдѣлившихъ изъ своей среды массу бездомнаго и гулящаго люда, и казацкой голытьбы, дѣйствія которыхъ въ концѣ концовъ придали смутѣ уже прямо анархическій характеръ,—она превращается въ соціальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими. Въ довершеніе всего къ врагамъ внутреннимъ присоединились враги внѣшніе, безжалостно терзавшіе государство; казалось, шатались самыя основы государственности и общественнаго строя. Это однако заставило очнуться враждующіе общественные классы, въ массѣ проснулось національное и религіозное чувство, заставившее всѣхъ объединиться во имя порядка и общей безопасности, выдвинувшее наверхъ лучшія и наиболѣе энергичныя силы въ обществѣ, усиліями которыхъ и была наконецъ подавлена смута и возстановленъ государственный порядокъ въ прежнемъ его видѣ.

Смуту не безъ основанія сравниваютъ съ тяжкой болѣзнью, которую испыталъ нашъ государственный организмъ. Эта болѣзнь окончилась выздоровленіемъ, тѣмъ не менѣе оставила на уцѣлѣвшемъ организмѣ глубокіе слѣды. Она въ корень подорвала экономическое благосостояніе страны и принесла рядъ необычайныхъ финансовыхъ затрудненій для правительства, которыя вызвали тоже цѣлый рядъ стѣснительныхъ для населенія, особенно для крестьянской массы, мѣръ и съ другой стороны поставили московскую торговлю и промышленность на время почти въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Вторымъ наслѣдіемъ смуты были тяжелыя войны съ сосѣдями, прихватившими во время ея нѣкоторыя изъ коренныхъ русскихъ областей и городовъ. Въ положеніи общественныхъ слоевъ весьма замѣтнымъ послѣдствіемъ смуты явилось усиленіе служилаго городского дворянства, больше всѣхъ поработавшаго для возстановленія прежняго порядка, но зато и выигравшаго больше всѣхъ. Смута ускорила подчиненіе служилымъ людямъ крестьянства, переходъ помѣстій въ ихъ владѣніе и усилила участіе ихъ въ государственномъ управленіи въ ту пору, какъ крупное и родовитое боярство еще болѣе принизилось и ослабѣло въ матеріальномъ отношеніи; оно настолько потеряло свой нравственный авторитетъ и значеніе среди общества, что и новаго государя избрали уже не изъ среды этого боярства. Благопріятнымъ послѣдствіемъ смуты было укрѣпленіе въ сознаніи народа чувства національнаго и религіознаго единства, проявленіе болѣе отчетливаго понятія о народности, заботъ не о личныхъ только выгодахъ, но объ общеземской пользѣ и пріобрѣтеніе нѣкоторой привычки работать всей „землей", сообща, на „прибыль земскому дѣлу". Сама власть, въ лицѣ Михаила Ѳеодоровича и его преемника, постоянно совѣтуется съ „землею", созывая земскіе соборы, и не смотритъ уже на государство только какъ на свою вотчину, а на управленіе имъ какъ на свое личное дѣло.

Югозападная Русь подъ владычествомъ Польши.

Вліяніе Польши. Въ ту пору какъ сѣверо-восточная Русь объединилась въ одно цѣлое подъ главенствомъ Москвы, юго-западныя русскія земли (въ томъ числѣ Кіевъ съ сосѣдними областями, такъ называемая Малороссія или Украйна) *) попали подъ власть Литвы, а въ 1386 году, съ избраніемъ литовскаго князя Ягелло на польскій престолъ, съ нею вмѣстѣ присоединились къ Польшѣ, подъ властію одного государя.

Эти русскія земли распадались на слѣдующія области: *Бѣлая Русь* (древнія княжества — Полоцкое, Минское и часть Смоленскаго), *Малая Русь* или *Украйна* (бывшія княжества Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго), *Полѣсье* (по р. Припети), *Волынь* и *Подолія* (по Бугу), *Червонная Русь* или Галиція, *Черная Русь* (восточная часть нынѣшней Гродненской и часть Минской губ.) и *Подляхія* (страна древнихъ ятвяговъ).

Когда Литва подчинила себѣ Западную Русь, завоеватели, какъ народъ менѣе развитой, сами подпали подъ культурное вліяніе покореннаго народа: русскіе нравы и обычаи, русскій языкъ и православіе стали господствующими при дворѣ великихъ князей литовскихъ и проникли въ народную массу. Но послѣ династическаго соединенія съ Польшей, Литва, а отчасти и Западная Русь, значительно уступавшія Польшѣ въ образованіи, подчиняются въ свою очередь польскому вліянію. Начало дѣлу опять кладутъ дворъ и высшія сословія. Ягелло еще говорилъ

---

*) Образованіе малорусскаго племени ставятъ въ связь съ передвиженіемъ русскаго населенія изъ польскихъ владѣній на старыя пепелища—въ Приднѣпровье. Послѣ того какъ юго-западная Русь съ Галиціей въ XIV в. была захвачена Польшей и Литвой, опустѣвшее было въ XII в. Приднѣпровье стало вновь заселяться, благодаря приливу русскаго крестьянскаго населенія изъ Галиціи и внутреннихъ областей Польши. Живя въ теченіе двухъ столѣтій среди Литвы и Поляковъ, это населеніе тѣмъ не менѣе сохранило свою народность и религію и свой языкъ, хотя въ послѣдній и вошли нѣкоторыя діалектическія особенности, отличающія его и отъ древняго кіевскаго и отъ великорусскаго говора. Въ документахъ XIV вѣка для Юго-западной Руси появляется названіе *Малой Руси*, въ отличіе отъ сѣверо-восточной, болѣе многочисленной, пріобрѣтшей политическую самостоятельность—Великороссіи.

не иначе какъ по-русски, но его сыновья усвоили уже польскій языкъ. То же замѣчается и среди высшихъ сословій Литвы и Западной Руси. Близкая къ Западной Европѣ Польша уже въ XV в. имѣла не мало хорошихъ учебныхъ заведеній, даже свою академію въ Краковѣ и довольно развитую по своему времени литературу. Отдавая своихъ дѣтей въ эти школы, русскіе и литовцы высшихъ сословій съ польской образованностію усвоивали и польскій языкъ и мало-по-малу ополячивались, воспринимая вмѣстѣ съ языкомъ и польскіе нравы и обычаи.

Въ русскую литературную рѣчь, а отчасти и въ народную все болѣе и болѣе входило польскихъ словъ и оборотовъ. Польскія учрежденія и порядки въ управленіи, судопроизводствѣ, быту дворянства и торговыхъ классовъ постепенно прививались на Литвѣ и Западной Руси.

Старинныя русскія княжества стали раздѣляться теперь, по примѣру Польши, на *воеводства* и *повѣты;* вмѣсто княжихъ намѣстниковъ и тіуновъ появились *королевскіе воеводы, каштеляны* и *старосты*. Въ судопроизводство вошло немало законовъ изъ польскаго права; впослѣдствіи они собраны были въ одинъ сводъ подъ именемъ *Литовскаго статута*. Дворянство страны стало дѣлиться, какъ въ Польшѣ, на *магнатовъ*, или лицъ высшаго сословія, владѣвшихъ обширными помѣстьями и на мелкопомѣстныхъ дворянъ или *шляхту*. Купцы и ремесленники по западно-европейскому образцу были раздѣлены на цѣхи и получили разныя привилегіи. Нѣкоторые русскіе города получили распространенное въ Польшѣ нѣмецкое городское устройство или такъ называемое *магдебургское право*, допускавшее для горожанъ самоуправленіе, освобожденіе отъ подсудности королевскимъ воеводамъ и разнаго рода привилегіи. Ухудшилось только положеніе народной массы. Сельское населеніе, по примѣру Польши, постепенно закрѣпощалось, и его состояніе все болѣе и болѣе приближалось къ рабскому состоянію польскихъ „хлоповъ".

Люблинская унія. Польское вліяніе въ Литвѣ и Западной Руси особенно усилилось со временъ *Люблинской уніи*, когда рѣшено было окончательное соединеніе Польши съ Литвою и Юго-западной Русью (на сеймѣ въ Люблинѣ въ 1569 г.).

Заботы объ этомъ соединеніи вызваны были особыми обстоятельствами. Сигизмундъ II Августъ былъ бездѣтенъ, съ его смертію династія Ягеллоновъ прекращалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна была ослабѣть связь между двумя странами, объединенными во имя единой династіи, притомъ литовскаго происхожденія; съ другой стороны московскіе государи (Іоаннъ III и Василій III), окончивъ объединеніе Сѣверо-восточной Руси, начали наступательное движеніе противъ Литвы съ цѣлью возвращенія западно-русскихъ областей, съ православнымъ населеніемъ; наконецъ тревожили поляковъ и успѣхи протестантизма въ Литвѣ, что также могло повліять на ослабленіе узъ, связывающихъ Литву съ католической Польшей. Въ виду этого польскіе магнаты и

католическое духовенство употребили всѣ усилія, чтобы убѣдить безхарактернаго Сигизмунда, какъ наслѣдственнаго князя литовскаго, обладавшаго тамъ самодержавными правами, заставить литовцевъ, вопреки ихъ стремленіямъ оградить свою политическую независимость отъ Польши, согласиться на унію.

На рѣшеніе литовской знати повліяли и другія соображенія. Литва въ эту пору находилась подъ давленіемъ двухъ могучихъ соперниковъ—Москвы и Польши и, отрекшись отъ союза съ послѣдней, неминуемо попала бы подъ вліяніе первой. Но въ Москвѣ въ эту пору царствовалъ Грозный, и перейти подъ его власть не желали не только литовскіе, но и западно-русскіе вельможи (князь Острожскій и др.). Приходилось выбирать или потерю политическаго вліянія на массы народныя—съ присоединеніемъ къ Москвѣ, или потерю религіозной самостоятельности—съ присоединеніемъ къ Польшѣ. Изъ боязни подпасть подъ власть Грознаго рѣшились на потерю національной самостоятельности при тѣсномъ единеніи (уніи) съ Польшей.

На Люблинскомъ сеймѣ Литва и Польша соединились на равныхъ правахъ и составили одну *Рѣчь Посполитую* (республику— res-publica). По условіямъ этого соединенія или уніи обѣ сторны всегда должны были имѣть одного государя, избираемаго совмѣстно поляками и литовцами, общій генеральный сеймъ и общій сенатъ, но каждая сохраняла своихъ особыхъ правительственныхъ лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, свое войско и свои законы. Большая часть юго-восточной Руси (въ томъ числѣ и Кіевъ) подчинены были теперь непосредственно Польшѣ и слѣдовательно подпадали еще сильнѣе подъ ея вліяніе; сѣверо-западная Русь осталась по прежнему за Литвою. Но полякамъ на сеймѣ удалось однако добиться очень важнаго расширенія своихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего вліянія и въ земляхъ собственно княжества Литовскаго: польскимъ магнатамъ дозволено было теперь пріобрѣтать помѣстья и занимать государственныя должности въ Литвѣ.

Зато Польша помогла Литвѣ противъ Москвы и воспрепятствовала присоединенію западныхъ русскихъ областей къ восточной Руси.

Дѣятельность іезуитовъ въ Юго-Западномъ краѣ. Церковная унія. Поляки получили теперь возможность болѣе широкаго воздѣйствія на Юго-западную Русь. Главнымъ препятствіемъ ополяченію края служило различіе вѣроисповѣданія. Полякамъ хотѣлось объединить всѣхъ и въ религіозномъ отношеніи, обративъ въ католичество и появившихся тогда въ Литвѣ, хотя и немногочисленныхъ еще, протестантовъ и особенно православныхъ. Главную роль здѣсь сыграли призванные (въ 1564 г.) для борьбы съ протестантизмомъ іезуиты, примѣнившіе и здѣсь тѣ же пріемы, какіе они пускали въ ходъ во всей Европѣ. Они сумѣли найти доступъ въ высшіе слои общества, привлекали молодежь въ свои

школы, поставленныя въ учебномъ отношеніи по тому времени образцово, плѣняли многихъ великолѣпіемъ и пышностью церковныхъ церемоній, краснорѣчивыми проповѣдями, распространяли сочиненія въ защиту и прославленіе католичества, учреждали диспуты или публичныя собесѣдованія о вѣрѣ, обставляя ихъ лучшими силами. Съ протестантизмомъ, внѣдрившимся по преимуществу среди высшихъ сословій, они справились легко и этими способами воздѣйствія. Въ средѣ православныхъ тоже привлекли на свою сторону немало лицъ изъ аристократіи. Но мелкое дворянство, горожане и особенно простой народъ оставались вѣрны языку и вѣрѣ своихъ предковъ, сторонились католическихъ патеровъ, съ ихъ службами на латинскомъ языкѣ, и крѣпко держались даже чисто-внѣшней, обрядовой стороны православія. Тогда придумано было новое средство воздѣйствія и на простой народъ путемъ введенія такъ называемой *церковной уніи*, при чемъ дозволялось православнымъ сохранять при богослуженіи прежніе обряды и церковно-славянскій языкъ, лишь бы только они признали власть папы и приняли основы католическаго вѣроученія.

Между іезуитами особенно хлопотали объ уніи знаменитый проповѣдникъ *Петръ Скарга* и *Антоній Поссевинъ* (бывшій посредникомъ при заключеніи мира между Баторіемъ и Іоанномъ Грознымъ, при чемъ пытался, хотя и безнадежно, склонить послѣдняго на сторону уніи). Нашлись лица, сочувствующія уніи, и среди православныхъ епископовъ, которые тяготились своимъ неполноправнымъ положеніемъ въ государствѣ сравнительно съ католическимъ духовенствомъ и разсчитывали этимъ путемъ сравняться съ нимъ (полученіе, напр., права засѣдать въ сеймѣ и т. п.). Таковы были, между прочимъ, *Кириллъ Терлецкій*, епископъ луцкій, и *Ипатій Поцѣй*, епископъ владиміро-волынскій, явившіеся наиболѣе дѣятельными сторонниками уніи. Кіевскій митрополитъ *Михаилъ Рагоза* также склонился на сторону уніи. Сигизмундъ III принялъ уніатовъ подъ свое особое покровительство. По его желанію, Терлецкій и Поцѣй отправились въ Римъ и отъ имени всѣхъ западно-русскихъ епископовъ просили папу принять западно-русскую церковь подъ свое покровительство (1595 г.). Вѣсть объ этой поѣздкѣ, совершенной безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха и согласія всѣхъ епископовъ, возмутила православныхъ и они, съ ревностнымъ и вліятельнымъ защитникомъ православія *княземъ Острожскимъ* во главѣ *), заявили на сеймѣ протестъ противъ замысла Терлецкаго

---

*) Князь Константинъ Острожскій оказалъ громадныя услуги православію въ Западной Руси своими заботами о насажденіи просвѣщенія среди православныхъ. Онъ завелъ типографію, гдѣ печатались богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ и разныя сочиненія въ защиту православія, основывалъ школы для обученія дѣтей православныхъ и вообще помогалъ православнымъ своими громадными средствами и вліяніемъ при дворѣ. Его правой рукой, особенно въ литературной борьбѣ за права православныхъ, былъ московскій изгнанникъ князь Андрей Курбскій, написавшій нѣсколько замѣчательныхъ по тому времени полемическихъ сочиненій противъ іезуитовъ. Къ сожалѣнію, дѣти ихъ не только не продолжали дѣло отцовъ, но сами

и его сторонниковъ. Но король не принялъ протеста и приказалъ митрополиту собрать *въ Брестѣ* соборъ для окончательнаго признанія уніи (1596 г.). На соборъ съѣхались со всей Западной Руси множество духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и сразу же раздѣлились на двѣ партіи — православную, во главѣ съ княземъ Острожскимъ и нарочно прибывшимъ на соборъ экзархомъ константинопольскаго патріарха Никифоромъ, и уніатскую, на сторонѣ которой былъ митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза. Послѣднее обстоятельство было весьма важно для уніатовъ, такъ какъ кіевскій митрополитъ считался начальникомъ всего западно-русскаго духовенства, и потому епископовъ, противниковъ уніи, можно было потомъ выставить какъ ослушниковъ его власти. Въ свою очередь православные указывали, что на ихъ сторонѣ былъ экзархъ Никифоръ, представлявшій собою лицо самого патріарха, главы западнорусской церкви.

На приглашеніе православныхъ сойтись на совмѣстное совѣщаніе, сторонники уніи отвѣтили отказомъ, заявивъ, что дѣло уже сдѣлано и совѣщаться не о чемъ. Тогда Никифоръ и православные объявили Михаила и епископовъ-уніатовъ лишенными сана и поклялись остаться вѣрными православію. Въ свою очередь Михаилъ съ епископами-уніатами торжественно, въ храмѣ, заявили о своемъ подчиненіи папѣ и принятіи уніи, противниковъ же своихъ, православныхъ епископовъ, объявили лишенными сана и предали проклятію. Король утвердилъ это рѣшеніе и объявилъ греческаго экзарха турецкимъ шпіономъ, а православныхъ епископовъ ослушниками митрополита и даже противниками королевской власти.

Когда и король польскій принялъ сторону уніатовъ, начались открытыя гоненія на православныхъ, какъ своего рода мятежниковъ и ослушниковъ королевской власти; ихъ преслѣдовали теперь не только католики, но и свои—уніаты; тамъ, гдѣ въ приходѣ оказывалось хотя нѣсколько уніатовъ, у православныхъ отбирали церкви и отдавали уніатамъ; многихъ православныхъ священниковъ выгоняли изъ приходовъ и ставили на ихъ мѣста уніатовъ *); православныхъ вообще всячески стѣсняли, напр. въ торговлѣ и промыслахъ, не допускали ихъ къ городскимъ должностямъ и пр. Особенно тяжело приходилось простому народу, жившему на земляхъ, отданныхъ польскимъ панамъ.

Эти преслѣдованія, дѣйствуя на слабыхъ духомъ, не вліяли, однако, на массу, но только сильнѣе укрѣпляли, особенно въ простомъ народѣ, преданность гонимой вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ. Громадную услугу въ поддержкѣ православія въ Западной Руси оказали при этомъ братства.

наравнѣ съ большинствомъ тогдашней знати, попали подъ польское вліяніе и сдѣлались католиками.

*) Особенною ревностію въ распространеніи уніи отличался уніатскій епископъ *Іосафатъ Кунцевичъ*, насильно обращавшій православныхъ въ унію и закрывавшій у нихъ церкви; онъ истязалъ православныхъ священниковъ и довелъ своими притѣсненіями православныхъ жителей Витебска до того, что раздраженная чернь умертвила его (1623 г.). Многіе за это были казнены, а Кунцевичъ причисленъ католической церковію къ лику святыхъ мучениковъ.

Братства. Братствами назывались издавна существовавшія при церквахъ Западной Руси общества, состоящія изъ мѣстныхъ прихожанъ и заботившіяся о внѣшнемъ благоустройствѣ храма, объ устройствѣ церковныхъ празднествъ, о помощи наиболѣе бѣднымъ изъ среды прихожанъ и т. д. Во второй половинѣ XVI в., въ эпоху обострившейся въ краѣ борьбы между православіемъ и католицизмомъ, братства особенно умножились и получили опредѣленное устройство, а именно — члены братства выбирали себѣ старостъ, составляли общую казну изъ членскихъ взносовъ, собирались въ извѣстное время и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ превратились въ обширныя учрежденія, имѣвшія большое число членовъ и весьма значительныя средства (таково, напр., Львовское братство въ Галиціи, Виленское въ Литвѣ, Луцкое на Волыни и Богоявленское въ Кіевѣ). Задачей своей они ставили теперь не благотворительныя только цѣли, но и защиту православія отъ напора католицизма. Съ этою цѣлью братства стали устраивать на свой счетъ училища для дѣтей православныхъ, не только низшія, приходскія, но и среднія, посылали юношей въ заграничные университеты, чтобы имѣть образованныхъ борцовъ за православіе, устраивали типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ языкѣ и сочиненій на защиту православія, основывали госпитали для больныхъ, богадѣльни для престарѣлыхъ и т. д. Эти братства утверждались восточными патріархами, которые даже даровали имъ право надзирать за духовенствомъ и судить его въ случаѣ уклоненія отъ православія.

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ польскихъ властей, дѣятельность братствъ сузилась, а многіе изъ нихъ и совсѣмъ прекратили свое существованіе. Но вліяніе принятыхъ ими мѣръ и созданныхъ ими учрежденій, особенно школъ, осталось на долгое время.

Кіевская духовная академія. Среди братскихъ школъ особенно выдѣлилась школа, основанная Богоявленскимъ братствомъ въ Кіевѣ, преобразованная потомъ въ коллегію или академію. Эта школа стала средоточіемъ русскаго образованія въ польской Руси и имѣла крупное значеніе въ исторіи просвѣщенія и всей Россіи. Процвѣтаніе ея начинается со времени ея преобразователя кіевскаго митрополита *Петра Могилы.*

По происхожденію молдавскій аристократъ, потомокъ молдавскихъ господарей, Могила получилъ образованіе въ Парижѣ, былъ офицеромъ въ войскѣ польскаго короля и еще въ молодые годы (28 л.) постригся въ монахи и сдѣлался архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, а затѣмъ кіевскимъ митрополитомъ (1633 г.). Онъ издалъ рядъ книгъ въ объясненіе вѣры и богослуженія — служебникъ, требникъ, катехизисъ, которыя долго употреблялись на Руси и послужили образцомъ

для послѣдующихъ сочиненій того же рода. Главное вниманіе и всѣ силы своего недюжиннаго ума и характера Могила обратилъ на организацію и развитіе своего любимаго дѣтища—коллегіи, служившей подобіемъ іезуитскихъ коллегій на Западѣ. Могила рѣшилъ сдѣлать коллегію разсадникомъ образованныхъ людей, которые могли бы бороться съ католичествомъ и іезуитами ихъ же оружіемъ. Въ виду этого преподаваніе здѣсь велось на языкѣ тогдашней науки—латинскомъ, ученики говорили и писали по-латыни; пріемы обученія носили также схоластическій характеръ, направленный не столько къ пріобрѣтенію знаній, сколько къ изощренію мышленія; способы воспитанія, основанные на соперничествѣ учениковъ, были такіе же, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Какъ тамъ, главными науками въ коллегіи Могилы были риторика, философія и богословіе, но приспособленныя главнымъ образомъ къ цѣлямъ полемики съ врагами православія. Постоянно устраивались диспуты, ученики пріучались къ проповѣдничеству и т. д. Умирая (1647 г.), Петръ Могила завѣщалъ коллегіи большую часть своего имущества и довольно крупныя денежныя средства въ обезпеченіе ея дальнѣйшаго существованія.

Изъ коллегіи Петра Могилы вышло много борцовъ за православіе въ Западной Руси, успѣшно состязавшихся съ іезуитами и католическими учеными и не уступавшихъ имъ по образованію и гибкости ума. Почти всѣ лучшіе духовные писатели и епископы русской церкви въ XVII и XVIII вв. были воспитанниками этой школы, единственной въ ту пору на Руси.

На ряду съ идейной борьбой за право православія въ Западномъ краѣ (главными орудіями которой служили школы, типографіи, изданіе сочиненій, братства), возникла и борьба иного рода—противодѣйствіе полякамъ и католикамъ силою оружія, какъ отвѣтъ на чисто внѣшнія насилія, которыя пускали въ ходъ поляки, особенно противъ „хлоповъ", какъ называли они простой народъ. Главными дѣятелями въ этой борьбѣ были казаки, выходившіе изъ среды того же народа и мстившіе панамъ за тяжкія угнетенія и насилія, которыя испытывало отъ нихъ крестьянство.

Положеніе крестьянъ въ польскомъ государствѣ было крайне тяжелое. Здѣсь они еще раньше, чѣмъ въ Россіи, лишились права свободнаго перехода и сдѣлались крѣпостными своихъ помѣщиковъ. Въ Польшѣ помѣщики имѣли неограниченную власть надъ „хлопами", относились къ нимъ, какъ къ рабамъ, могли истязать ихъ и даже убивать, не подвергаясь за это отвѣтственности. Эти взгляды и порядки изъ собственной Польши перенесены были и въ присоединенныя къ ней русскія области и въ Литву. Положеніе простого народа было здѣсь даже хуже, потому что у польскихъ пановъ, а вслѣдъ за ними и у ополяченныхъ и окатоличенныхъ русскихъ помѣщиковъ, къ обычному презрѣнію къ хлопу присоединялась еще религіозная ненависть къ

нему, какъ къ „еретику“. На крестьянъ стали уже смотрѣть какъ на „быдло“ (скотъ), котораго жалѣть нечего. И съ нимъ дѣйствительно обращались, какъ со скотомъ, вытягивали изъ него послѣдніе соки. Кромѣ обычной „панщины“, т. е. работы на помѣщика, крестьяне отдавали ему десятую часть со всего своего достоянія—стадъ, ульевъ, огородовъ и пр. За ловлю рыбы, измолъ муки, пастьбу скота и т. п. платилась особая пошлина. Медъ и пиво не позволялось самимъ варить, а приходилось покупать, какъ и водку, у еврея-арендатора панской корчмы и т. д. При той непомѣрной роскоши и расточительности, которою отличались польскіе паны, а за ними и ихъ русскіе подражатели, многимъ казалось мало и этихъ доходовъ, и они придумывали новые поборы съ крестьянъ деньгами или припасами по случаю какихъ либо семейныхъ торжествъ, пріѣзда гостей, отъѣзда пана на сеймъ и т. п. Панская челядь, впроголодь содержимая своими господами, тоже тянула съ крестьянъ, что̀ могла, на свое содержаніе. Многіе изъ пановъ, проживавшіе за границей или въ Варшавѣ, сдавали свои имѣнія въ аренду евреямъ (во множествѣ поселившимся въ Польшѣ, гдѣ къ нимъ относились терпимѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ) *), предоставляя имъ право не только облагать крестьянъ пошлинами, но и наказывать ихъ. Евреи-арендаторы изобрѣтали новые поборы съ несчастныхъ крестьянъ. Доходило до того, что бѣдный „хлопъ“ не могъ справить свадьбу или крестины, не уплативъ за то еврею установленной пошлины. Во многихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ землей сданы были на откупъ евреямъ и самыя церкви православныхъ, и арендаторы не раньше отпирали церковь для совершенія богослуженія или требъ, какъ получивъ за то съ крестьянъ опредѣленную плату.

Подъ гнетомъ нищеты и неволи, многіе изъ „хлоповъ“ тупѣли и опускались, какъ-то свыкаясь съ своимъ рабскимъ состояніемъ; особенно замѣтно это было въ Бѣлоруссіи; въ Малороссіи притязанія и угнетенія поляковъ вызвали, наоборотъ, сильный отпоръ; немало смѣлыхъ и энергичныхъ людей бѣжали въ степи, умножая число казаковъ, унося въ сердцѣ страшную ненависть къ притѣснителямъ своей вѣры и народности.

Возстанія казаковъ. Малороссійскіе казаки жили по среднему теченію Днѣпра (гдѣ нынѣ губерніи Кіевская, Полтавская и южная часть Черниговской) и дѣлились на *городовыхъ* и *запорожскихъ*. Городовые казаки вели жизнь осѣдлую и семейную. Поселенія ихъ

---

*) Въ Кіевской Руси евреи встрѣчались, хотя и въ небольшомъ числѣ, еще въ XI и XII вѣкахъ; но со времени крестовыхъ походовъ, вслѣдствіе гоненій, воздвигавшихся на нихъ въ Западной Европѣ, они стали массами приливать въ Польшу, гдѣ они встрѣчали сравнительно больше терпимости къ своей религіи и больше простора для своей посреднической, торговой и ремесленной дѣятельности. Хлопы не отличались предпріимчивостію, польскіе паны гнушались торговлей, и евреи мало-по-малу забрали въ свои руки значительную часть ремесленныхъ и торговыхъ предпріятій. Ссужая деньгами расточительную польскую аристократію, богачи-евреи добились зато большихъ правъ для себя и своихъ единовѣрцевъ и, въ качествѣ арендаторовъ имѣній, откупщиковъ разныхъ сборовъ, корчмарей и ростовщиковъ, не мало способствовали упадку благосостоянія простого народа въ Польшѣ.

дѣлились на округи или *полки* (называвшіеся по городамъ—Переяславскій, Миргородскій и пр.). Главою этихъ казаковъ былъ такъ называемый *гетманъ*, утверждавшійся королемъ и имѣвшій особые знаки своего достоинства—войсковое знамя, бунчукъ, булаву и печать. Признавая, вмѣстѣ со всѣми казаками, власть короля, гетманы тѣмъ не менѣе были довольно самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ важныхъ дѣлахъ иногда поступали и вопреки королевскимъ приказамъ, особенно въ томъ, что касалось войны съ „нехристями"—татарами и турками, которыхъ, по понятію казаковъ, самъ Богъ велѣлъ бить.

Запорожскіе казаки жили за днѣпровскими порогами—на островахъ по низовью рѣки. Главное становище ихъ, на одномъ изъ этихъ острововъ (Хортицѣ), называлось *Сѣчью.*

Запорожская Сѣчь представляла изъ себя укрѣпленный лагерь („кошъ"), окруженный валомъ съ засѣкой или тыномъ. Внутри его устроены были деревянныя или сплетенныя изъ хворосту мазанки, гдѣ и жили запорожцы. Важнѣйшія дѣла рѣшались по большинству голосовъ на общей сходкѣ или „*радѣ*". Рада выбирала главнаго („кошевого") атамана, пользовавшагося на войнѣ неограниченной властію; ему подчинялись полковые (или „*куренные*") атаманы. Запорожская Сѣчь представляла изъ себя своего рода военное братство съ особыми оригинальными правилами. Сюда принимали всякаго, но требовалось, чтобы человѣкъ былъ непремѣнно православный и способный къ военному дѣлу. Каждый запорожецъ обязывался воевать за православную вѣру, соблюдать простоту въ образѣ жизни и братство съ другими казаками, быть человѣкомъ безсемейнымъ. Женщины въ Сѣчь совсѣмъ не допускались, подъ страхомъ смертной казни. Не связанные заботами о семьѣ и своемъ будущемъ, запорожцы большую часть своей жизни проводили въ войнѣ съ татарами и турками, на владѣнія которыхъ время отъ времени они, вмѣстѣ съ донскими и малороссійскими казаками, совершали лихіе походы, спускаясь внизъ по Днѣпру и въ Черное море въ своихъ легкихъ челнахъ („*чайкахъ*") или пробираясь въ степи навстрѣчу татарскимъ наѣздникамъ. Въ мирные промежутки между походами они занимались охотой, рыбной ловлей, чаще же всего проводили время въ веселыхъ пирушкахъ, прокучивая военную добычу. Боевая жизнь съ ея невзгодами и опасностями сильно сокращала число казаковъ, но ряды ихъ постоянно пополнялись притокомъ новыхъ охотниковъ до вольнаго житья, и людей безпокойнаго, воинственнаго характера.

Для Польши (какъ и для Московской Руси) казаки составляли самый лучшій военный кордонъ на случай внезапныхъ набѣговъ татаръ и отличное войско для войны съ турками, но въ мирное время ихъ воинственныя затѣи и походы на „нехристей" доставляли польскому правительству не мало хлопотъ и, побуждаемое угрозами султана, оно всячески старалось стѣснять дѣйствія казаковъ, что, конечно, раздражало послѣднихъ. Съ малороссійскими гетманами оно еще могло

сговориться и при ихъ содѣйствіи сдерживать домовитое казачество отъ враждебныхъ дѣйствій противъ сосѣдей въ мирное время. Но съ запорожцами, которые тоже считались подчиненными польскому королю, но въ сущности не признавали надъ собою ничьей власти, не было никакого сладу.

Когда въ Польшѣ начались преслѣдованія православныхъ и Запорожье стало наполняться бѣглецами отъ панскаго гнета и гоненій ксендзовъ и уніатовъ, поляки, въ глазахъ казаковъ, являлись хуже всякихъ „нехристей“, и на Украйнѣ съ конца XVI в. начался рядъ открытыхъ возстаній казаковъ противъ Польши (Изъ казацкихъ вождей этихъ возстаній особенно прославились—*Наливайко*, *Тарасъ*, *Павлюкъ*, *Гуня и Остраница*). Къ казакамъ присоединялись обыкновенно шайки хлоповъ (или такъ называемыхъ *гайдамакъ*) и безпощадно избивали своихъ притѣснителей пановъ, ксендзовъ и евреевъ-арендаторовъ. Поляки, благодаря превосходству силы и вооруженія, обыкновенно, при помощи наемныхъ регулярныхъ войскъ, усмиряли эти возстанія, причемъ сами совершали страшныя жестокости, и самымъ варварскимъ образомъ мучили и казнили попадавшихъ въ ихъ руки казацкихъ атамановъ. Стѣсненія для казаковъ послѣ этихъ возстаній увеличивались, а положеніе крестьянъ въ Малороссіи съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе ухудшалось, пока невыносимый гнетъ Польши не вызвалъ на Украйнѣ общаго возстанія всего народа (при Хмельницкомъ) и перехода Малороссіи въ подданство московскому царю при Алексѣѣ Михаиловичѣ (1654 г.).

Первые цари изъ дома Романовыхъ.

Михаилъ Θеодоровичъ (1613—1645)

Состоянiе государства послѣ смуты. 11 iюля 1613 г. Михаилъ Θеодоровичъ торжественно вѣнчался на царство. Главные виновники освобожденiя Москвы отъ поляковъ получили при этомъ награды—князь Пожарскiй получилъ санъ боярина, Кузьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Особенныхъ милостей или денежныхъ наградъ войску новый царь при вступленiи своемъ на престолъ не могъ дать: казна была пуста. Наоборотъ, первое, о чемъ пришлось позаботиться правительству, это—отысканiе денегъ. Отъ имени царя, духовенства и земскаго собора посланы были въ главные города и къ наиболѣе богатымъ лицамъ (между прочимъ и Строгановымъ) грамоты съ просьбой о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и вообще продовольствiя войску. Работы послѣднему предстояло много — государство еще продолжали терзать враги внѣшнiе и внутреннiе. Новгородъ былъ въ рукахъ шведовъ, Смоленскъ у поляковъ, въ Астрахани засѣлъ Заруцкiй съ Мариной и ея сыномъ отъ 2-го самозванца — Иваномъ и, провозгласивъ послѣдняго царемъ, пытался поднять казаковъ и татаръ; внутри страны повсюду рыскали шайки разбойниковъ, казаковъ и лихiе наѣздники Лисовскаго. Многiе города лежали въ развалинахъ, большинство селъ и деревень были выжжены и опустѣли, покинутые разбѣжавшимся населенiемъ; крестьяне обнищали до послѣдней степени, а съ ними вмѣстѣ обѣднѣли и служилые люди, помѣщики и бояре. Порядка въ управленiи не было, должностныя лица притѣсняли и безъ того уже разоренный народъ; среди насилiй и беззаконiй смутнаго времени во всѣхъ ослабѣло чувство законности, справедливости и чести, московскiе люди, по мѣткому выраженiю царицы-матери, „измалодушествовались“. Новому правительству предстояла двойная задача—изба-

вить страну отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и возстановить хотя сколько-нибудь внутренній порядокъ въ государствѣ.

Земскіе соборы. Новый царь и его приближенные хорошо понимали, насколько важно въ такое время для правительства содѣйствіе всей земли, и потому, по пріѣздѣ въ Москву, Михаилъ Ѳеодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей, время отъ времени обновляя ихъ составъ другими лицами: одни выборные уѣзжали изъ Москвы по своимъ дѣламъ и хозяйствамъ, на ихъ мѣста пріѣзжали новые. Такъ было до 1622 г., и такимъ образомъ Москва въ теченіе десяти лѣтъ имѣла рядъ непрерывныхъ земскихъ соборовъ или, лучше сказать, одинъ постоянный земскій соборъ со смѣннымъ составомъ выборныхъ людей. И послѣ этого времени соборы созывались часто и засѣдали подолгу, но постоянныхъ уже не было *). Такое постоянное почти общеніе правительства съ выборными земскими людьми вызывалось прямой необходимостію и особыми обстоятельствами даннаго времени. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича съ истощеннаго уже смутнымъ временемъ населенія постоянно требовались все новыя и новыя жертвы и деньгами и людьми, и предъявленіе требованій этого рода отъ имени земскаго собора заставляло смолкать всякое недовольство и побуждало всѣхъ мириться съ медленностію и съ крупными неудобствами и недочетами въ упорядоченіи дѣлъ расшатаннаго смутою государства.

Борьба съ внутренними врагами. Среди внутреннихъ враговъ главное вниманіе привлекали „воръ, воруха и воренокъ“, какъ прозвалъ народъ Заруцкаго съ Мариной и ея сыномъ. Заруцкій засѣлъ въ Астрахани и заставлялъ народъ присягать маленькому сыну Марины (отъ Лжедимитрія II), объявивъ себя правителемъ государства. Онъ старался привлечь на свою сторону казаковъ, но имѣлъ мало успѣха. Большинство казаковъ понимало, что теперь выгоднѣе дружить съ Москвой, которая уже окрѣпла и могла справиться съ Заруцкимъ, и потому къ Заруцкому не шли. Насилія же послѣдняго настолько озлобили астраханцевъ, что они возстали противъ него и выгнали изъ Астрахани. Заруцкій бѣжалъ на Яикъ, но здѣсь былъ вмѣстѣ съ Мариной захваченъ московскими стрѣльцами и привезенъ въ Москву и

*) Есть извѣстіе, что бояре взяли, или, вѣрнѣе, намѣревались взять съ Михаила Ѳеодоровича запись о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ власти въ ихъ пользу, подобную той, какую далъ Василій Шуйскій; но никакихъ документовъ въ этомъ родѣ до насъ не дошло. А если и было что-нибудь подобное, то осталось мертвой буквой. Царица Марѳа съ неохотой отпустила сына на царство, самъ Михаилъ впослѣдствіи не разъ напоминалъ боярамъ, что не по своему желанію онъ явился на царство, но его упросили. При такихъ обстоятельствахъ боярамъ трудно было бы привести въ исполненіе свои замыслы. Кромѣ того, постоянное почти присутствіе земскаго собора дѣлало излишними и даже невозможными какія-либо домогательства бояръ имѣть особое вліяніе на царя.

тамъ посаженъ на колъ, сына Марины повѣсили *), а самоё Марину посадили въ тюрьму, гдѣ она и умерла, оставивъ по себѣ печальную память въ народныхъ пѣсняхъ, называющихъ ее „безбожницей и еретицей“.

Съ казацкими шайками и разбойниками, грабившими сѣверныя области государства, московскіе воеводы справлялись довольно легко; труднѣе было изловить „лисовчиковъ“—шайку головорѣзовъ и отчаянныхъ удальцовъ разныхъ націй подъ начальствомъ неутомимаго наѣздника Лисовскаго. Его преслѣдовалъ самъ князь Пожарскій, но Лисовскій необычайно быстрыми переходами спасался отъ преслѣдованій, кружась по всей странѣ и обозначая свой путь грабежомъ и опустошеніемъ. Только внезапная смерть (онъ упалъ съ коня и расшибся) избавила Россію отъ этого наиболѣе опаснаго разбойника.

Одновременно съ борьбой противъ враговъ внутреннихъ шла война съ шведами и поляками.

Война со Шведами, захватившими Новгородскую область, началась неудачно для Москвы—Делагарди разбилъ царскія войска (подъ начальствомъ кн. Трубецкаго); вслѣдъ затѣмъ самъ король шведскій, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени, Густавъ-Адольфъ явился на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и лично осадилъ Псковъ, но потерпѣлъ неудачу. Псковичи мужественно отбили всѣ приступы шведовъ, какъ нѣкогда осаду поляковъ при Баторіи. Это, а также опасеніе войны съ Польшей и недостатокъ средствъ на войну, заставили Густава согласиться на мирные переговоры. Посредниками были голландцы и англичане, торговлѣ которыхъ вредила война. По миру въ *Столбовѣ* (недалеко отъ Ладоги, 1617 г.) шведы возвратили Москвѣ Новгородъ и нѣкоторые другіе города, но зато взяли съ Москвы контрибуцію въ 20.000 руб. и удержали за собою все захваченное ими прибрежье Финскаго залива, отрѣзавъ такимъ образомъ русскихъ

---

*) Впослѣдствіи поляки пробовали выдавать нѣкоего Лубу за сына Марины, будто бы спасшагося отъ смерти. Шляхтичъ Луба взялъ съ собою въ походъ на Москву своего маленькаго сына и былъ убитъ. Сироту принялъ на свое попеченіе другой шляхтичъ и привезъ въ Польшу, разсказывая, что это сынъ Марины, котораго онъ спасъ отъ казни, подмѣнивъ другимъ ребенкомъ. Извѣстіе о томъ дошло до короля Сигизмунда III, и тотъ понялъ, что „московскій царевичъ“ можетъ пригодиться на случай войны съ Москвою, и велѣлъ его на свой счетъ воспитывать въ монастырѣ. Когда же съ Москвой былъ заключенъ вѣчный миръ, про Лубу совсѣмъ забыли. Несчастный молодой человѣкъ, воспитанный въ убѣжденіи о своемъ царственномъ происхожденіи, умолялъ своего опекуна и спасителя сказать ему всю правду. Тотъ объяснилъ, въ чемъ дѣло. Лубу выдали русскимъ по требованію пословъ Михаила Ѳеодоровича (въ 1643 г.), но въ Москвѣ убѣдились въ полнѣйшей его безопасности, тѣмъ болѣе, что Луба и самъ теперь энергически отрекался отъ навязаннаго ему титула, и отпустили (въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича) обратно въ Польшу. Исторія съ Лубой наглядно показываетъ, на что способны были въ ту пору враги Москвы, и до нѣкоторой степени поясняетъ и исторію перваго Лжедимитрія, вполнѣ вѣрившаго въ свое царственное происхожденіе.

окончательно отъ Балтійскаго моря и непосредственныхъ сношеній съ Западной Европой. „Теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“ (Ботническій заливъ), хвалился Густавъ-Адольфъ. Но московское правительство было радо и такому миру: помимо возврата важной Новгородской области, онъ развязывалъ руки для борьбы съ болѣе опаснымъ врагомъ—Польшей.

Война съ Польшей шла сначала довольно вяло и съ перемѣннымъ счастьемъ — въ открытомъ полѣ русскіе уступали полякамъ, но хорошо отсиживались въ городахъ. Болѣе рѣшительный оборотъ приняли дѣла, когда къ польскому войску прибылъ давній претендентъ на московскую корону королевичъ Владиславъ и вмѣстѣ съ малороссійскимъ гетманомъ Сагайдачнымъ рѣшился смѣло двинуться прямо на Москву. Засѣдавшій тамъ земскій соборъ духовенства, бояръ и „всякихъ чиновъ людей“ единодушно далъ обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя. Приступы поляковъ къ стѣнамъ столицы были энергично отбиты. Попытки ихъ взять Троицкую лавру также окончились неудачей. Между тѣмъ подкрѣпленія изъ Польши не приходили, средства на веденіе войны истощились, и Владиславъ вступилъ въ мирные переговоры съ Москвой, которые и закончились (1618) перемиріемъ въ *Деулинѣ* (деревня около Троицкой лавры) на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. По этому перемирію Польша удержала свои завоеванія (Смоленскъ и Сѣверскую область); обѣ стороны размѣнялись плѣнными—взамѣнъ Струся съ товарищами поляки вернули въ Россію митрополита Филарета, боярина Шеина и др. *). Потяря Смоленска была тяжела для Россіи, но всѣ смотрѣли на это какъ на временное лишеніе и надѣялись вернуть утраченное по истеченіи перемирія, собравшись съ силами. Важнымъ пріобрѣтеніемъ для государства было возвращеніе отца государева Филарета Никитича, человѣка опытнаго въ дѣлахъ политическихъ и пользовавшагося большимъ авторитетомъ во всѣхъ слояхъ общества.

Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. Немедленно же по возвращеніи изъ польскаго плѣна Филаретъ Никитичъ былъ поставленъ въ патріархи (1619 г.). Со смерти Гермогена (1612 г.) въ Москвѣ не было патріарха, потому что этотъ санъ предназначался уже давно отцу государя.

Съ пріѣздомъ его началось такъ называемое двоевластіе. Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца-патріарха (или, вѣрнѣе,—

*) Князь Голицынъ и Василій Шуйскій умерли въ плѣну. Впослѣдствіи прахъ Василія Шуйскаго былъ возвращенъ въ Москву (послѣ мира въ Поляновкѣ) и погребенъ въ усыпальницѣ русскихъ царей—Архангельскомъ соборѣ.

патріархъ Филаретъ правилъ страною именемъ сына). Грамоты писались отъ имени обоихъ государей („отъ государя, царя и великаго князя Михаила Өеодоровича и великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича“), иностранные послы представлялись обоимъ правителямъ вмѣстѣ, въ церквахъ поминались рядомъ имена обоихъ „великихъ государей“.

До пріѣзда отца молодой и неопытный еще въ дѣлахъ Михаилъ Өеодоровичъ, человѣкъ умный, мягкій *), но безхарактерный, подчинялся во всемъ своей матери, умной и энергичной женщинѣ, обладавшей довольно крутымъ нравомъ, инокинѣ Марөѣ, окружившей его своей родней—Салтыковыми. Среди послѣднихъ было не мало людей, занимавшихся мелкими дворцовыми интригами и умѣвшихъ соблюдать свои личныя выгоды, но не оказалось ни одного выдающагося своими талантами или знаніями лица, которое могло бы пріобрѣсти особенное вліяніе на государя и ходъ дѣлъ и дало бы твердое направленіе внѣшней и внутренней политикѣ. Такой человѣкъ явился только теперь въ лицѣ Филарета Никитича. Съ большой опытностью и разносторонимъ знаніемъ людей онъ соединялъ выдающійся умъ и сильный характеръ, закаленный невзгодами его полной тревогъ и лишеній жизни. Пережитое наложило печать суровости на его отношенія къ людямъ, но это было нелишне въ ту расшатанную эпоху. Указывая на эту суровость и „властительность“ Филарета, современники отдаютъ однако полную дань его выдающейся справедливости и прямотѣ его дѣйствій и преклоняются предъ его умомъ и дѣлами. „При немъ, по выраженію лѣтописи, никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей“.

Съ участіемъ Филарета Никитича началась болѣе энергичная и, главное, болѣе систематическая и всесторонняя, чѣмъ прежде, работа надъ водвореніемъ порядка въ странѣ. Оживилась и дѣятельность земскихъ соборовъ, пріобрѣвшихъ себѣ въ лицѣ Филарета опытнаго руководителя. Вліяніе Филарета сказалось въ заботахъ о финансахъ, объ улучшеніи администраціи и суда, объ устройствѣ сословій и просвѣщенія страны.

Первое, что обратило на себя вниманіе Филарета Никитича, была путаница въ *финансовыхъ дѣлахъ* и во взиманіи податей. Въ смутное время многіе города и села запустѣли, большинство ихъ жителей разбѣжалось по другимъ мѣстамъ; оставшіеся много терпѣли отъ притѣсненій и взиманія непосильныхъ податей; многіе изъ тяглыхъ людей, чтобы избавиться отъ царскихъ податей, записывались за боярами и монастырями и т. д.

Въ виду этого рѣшено было составить по областямъ чрезъ особыхъ „писцовъ и дозорщиковъ изъ надежныхъ людей“ точную перепись жи-

*) По добротѣ и „благоувѣтливости“ современники сравнивали его съ царемъ Өеодоромъ Іоанновичемъ. Тамъ же какъ и послѣдній, онъ былъ, по словамъ лѣтописца, „тихъ, кротокъ, смиренъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ“.

телей („писцовыя книги“), тяглыхъ людей, записавшихся за боярами и монастырями, возвратить назадъ въ общины, а на тѣхъ, кто ихъ держалъ, наложить штрафы; составить *роспись* государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Писцы и дозорщики относились однако въ большинствѣ случаевъ къ дѣлу недобросовѣстно; помимо того отовсюду шли жалобы на притѣсненія воеводъ и вообще администраціи. Для точнаго ознакомленія съ состояніемъ дѣлъ принята была замѣчательная мѣра: отъ *каждаго города* велѣно было прислать въ Москву особыхъ выборныхъ людей, которые могли бы сообщить подробныя свѣдѣнія о положеніи областей и о способахъ помощи ихъ жителямъ. Воеводамъ и приказнымъ людямъ запрещено было брать взятки, а общинамъ давать эти взятки, подъ страхомъ строгаго наказанія. Возобновлено было утраченное въ эпоху смутнаго времени право общинъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей. Облегчена была, наконецъ, возможность челобитья на злоупотребленія администраціи *).

Въ дѣлѣ устройства сословій со времени Филарета начинаются усиленныя заботы правительства объ обезпеченіи служилыхъ людей землями и о болѣе точномъ опредѣленіи отношенія служилыхъ людей къ крестьянству. Филаретъ заботился, насколько могъ, и о *просвѣщеніи* страны: онъ призывалъ изъ-за границы не только мастеровъ, но и ученыхъ; возобновилъ книгопечатаніе, возникшее при Грозномъ и погибшее въ смутное время, и основалъ греко-латинское училище по западному образцу.

Главное же вниманіе правительства при возобновленіи прерванныхъ смутнымъ временемъ сношеній съ Западомъ обращено было на *устройство военнаго дѣла* при содѣйствіи выписанныхъ изъ-за границы иностранныхъ офицеровъ, которые стали обучать русскихъ ратныхъ людей; кромѣ того нанято было нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ и куплены большіе запасы огнестрѣльнаго оружія. Все это приготовлялось для новой войны съ Польшей.

Вторая война съ Польшей. Деулинскимъ перемиріемъ счеты Москвы съ Польшей не были покончены. Поляки еще не признавали Михаила царемъ, а Владиславъ не отказывался отъ своихъ правъ на московскій престолъ. Съ другой стороны русскіе не могли забыть утраты Смоленска и ждали только удобнаго случая, чтобы отнять его у поляковъ. Такой случай и представился, когда въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III (1632 г.) и предстояло избраніе сеймомъ новаго короля

*) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, для этого учрежденъ былъ даже особый приказъ изъ нѣсколькихъ бояръ („Приказъ, что на сильныхъ людей челомъ бьютъ“).

съ обычными неурядицами при этомъ. Воспользовавшись порой междуцарствія, московское правительство двинуло подъ Смоленскъ 32-хъ-тысячное войско съ 158 пушками подъ начальствомъ боярина Шеина, прославившаго нѣкогда себя защитой этого города. Начало войны было удачно. Болѣе 20 городовъ и мѣстечекъ сдалось русскимъ и Шеинъ осадилъ Смоленскъ, но взять его, несмотря на всѣ усилія, не могъ и безъ успѣха стоялъ подъ городомъ около восьми мѣсяцевъ, надѣясь выморить осажденныхъ голодомъ. За это время окончились избирательныя неурядицы въ Польшѣ. Королемъ выбрали Владислава, и онъ поспѣшилъ двинуться съ войскомъ на освобожденіе Смоленска и сумѣлъ окружить русскій станъ. Въ войскѣ Шеина начались болѣзни и поднялись раздоры. Иноземцы-военачальники ссорились другъ съ другомъ, не слушались Шеина и стали даже сноситься съ поляками. Шеинъ, наконецъ, вынужденъ былъ сдаться на милость короля, согласился оставить полякамъ весь свой обозъ и пушки, освободилъ иноземныя войска отъ обязательства служить Москвѣ и, преклонивъ знамена предъ королемъ, съ оставшимися у него 8 тысячами ратныхъ людей, отступилъ въ Москву. Тамъ наряженъ былъ надъ нимъ судъ. Филаретъ, благоволившій къ своему сотоварищу по плѣну въ Польшѣ, уже умеръ (въ октябрѣ 1633 г.) и многочисленные враги Шеина среди бояръ, ненавидѣвшіе его за высокомѣріе и заносчивость, обвинили несчастнаго воеводу въ измѣнѣ и казнили вмѣстѣ съ нѣсколькими другими.

Владиславъ двинулся было по слѣдамъ отступавшаго русскаго войска на Москву, но потерпѣлъ неудачу подъ крѣпостью Бѣлой, которую никакъ не могъ взять. Между тѣмъ пришли вѣсти о враждебныхъ дѣйствіяхъ турецкаго султана противъ Польши, и Владиславъ поспѣшилъ предложить русскимъ миръ, чему послѣдніе были очень рады, такъ какъ денежныя средства на войну уже истощились и собирать новое войско было трудно, а содержать его было нечѣмъ. На рѣкѣ *Поляновкѣ* (близъ Вязьмы) заключенъ былъ миръ съ Польшей (1634 г.). Смоленскъ и Сѣверская область остались за поляками; кромѣ того имъ была уплачена контрибуція въ 20 тыс. рублей. Но зато Владиславъ отказался отъ своихъ притязаній на московскій престолъ и призналъ царемъ Михаила.

Азовскій вопросъ. Въ послѣдніе годы царствованія Михаила донскіе казаки, постоянно враждовавшіе съ турками, и своими набѣгами на крымцевъ и владѣнія султана часто ссорившіе Москву съ Портой, едва не вовлекли Россію въ открытую борьбу съ Турціей изъ-за Азова. Собравшись въ количествѣ до 5 тыс. человѣкъ, донцы вмѣстѣ съ запорожцами захватили сильную турецкую крѣпость Азовъ. Турки дви-

нули на выручку своей крѣпости громадное двухсотъ-тысячное ополченіе. Съ помощью новыхъ дружинъ, отовсюду стянувшихся къ Азову (всего накопилось до 15 тыс.), казаки геройски отбили 24 приступа турокъ, неустанно громившихъ городъ и съ суши и съ моря, и вынудили-таки турокъ снять осаду.

Не надѣясь, однако, своими силами удержать въ своихъ рукахъ полуразрушенную крѣпость, храбрые донцы послали пословъ къ Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбой принять Азовъ „подъ свою высокую государеву руку". Удержать такую важную приморскую крѣпость, какъ Азовъ, въ своихъ рукахъ московскому правительству было выгодно, тѣмъ болѣе, что тогда легче было бы обороняться отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Но это грозило войной съ могущественной Турціей. Для рѣшенія этого важнаго вопроса созванъ былъ, по обычаю, земскій соборъ (1642 г.). Выборные земскіе люди признали пользу занятія Азова и выразили полную готовность жертвовать, по мѣрѣ возможности, на борьбу съ Турціей, но въ то же время всѣ почти жаловались на крайне бѣдственное экономическое положеніе населенія отъ разныхъ сборовъ на нужды государства, отъ лихоимства мѣстной администраціи и „волокиты" мѣстныхъ судовъ, отъ торговой конкуренціи иностранцевъ и пр. Убѣдившись изъ отвѣтовъ соборныхъ людей, что государство все еще находится въ разстроенномъ состояніи и не имѣетъ средствъ на борьбу съ Турціей, Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ сказать султану и хану, что казаки взяли Азовъ самовольно, защищать же городъ и ссориться изъ-за нихъ онъ не намѣренъ; а казакамъ велѣлъ покинуть Азовъ. Казаки, хотя и съ большой неохотой, покинули крѣпость и, уходя, разрушили ее до основанія, оставивъ туркамъ однѣ развалины. Подвигъ донцовъ такимъ образомъ остался безъ результатовъ; онъ доставилъ Руси только славу и былъ потомъ воспѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ подъ именемъ „Азовскаго сидѣнья".

Сношенія съ иностранцами. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ возобновились сношенія съ Западной Европой, прерванныя смутнымъ временемъ. Между прочимъ, въ началѣ царствованія Михаила, московскіе послы были во Франціи, Англіи и Голландіи съ просьбой о содѣйствіи противъ шведовъ. Англичане немедленно откликнулись и предложили дружеское посредничество въ переговорахъ съ Густавомъ-Адольфомъ и въ награду выхлопотали себѣ право безпошлинной торговли, на что наши купцы впослѣдствіи очень роптали. Затѣмъ во время польской войны, англичане, въ расчетахъ на тѣ же торговыя привилегіи, ссудили Михаила Ѳеодоровича на войну съ Владиславомъ значительной по тому времени суммой денегъ (20 тыс. руб.). Это былъ первый нашъ

иностранный заемъ (скоро, впрочемъ, оплаченный). При Михаилѣ же Москва впервые увидала въ своихъ стѣнахъ французскаго посланника (съ предложеніемъ союза съ Франціей тоже ради торговыхъ выгодъ) и шведскаго „резидента“ (постояннаго представителя). Съ Даніей у насъ въ ту пору едва не завелись родственныя связи. Михаилъ зазвалъ въ Москву датскаго принца (Вольдемара), имѣя въ виду женить его на своей дочери (Иринѣ). Дѣло, однако, разстроилось изъ-за отказа Вальдемара принять православіе.

Иностранныхъ пословъ принимали въ Москвѣ съ большимъ почетомъ. Привѣтливо встрѣчали и заграничныхъ ученыхъ, путешествовавшихъ по Россіи. Между прочимъ, одинъ изъ такихъ путешественниковъ, голштинскій ученый Михаилъ Олеарій, котораго Михаилъ Θеодоровичъ приглашалъ остаться въ Москвѣ, составилъ любопытное и важное для исторіи сочиненіе о нравахъ и обычаяхъ Московскаго государства. Кромѣ выписанныхъ, ради улучшенія ратнаго дѣла, европейскихъ офицеровъ и солдатъ, съ Запада вызвано было для нуждъ государства и для обученія русскихъ людей много мастеровъ разнаго рода, ремесленниковъ и фабрикантовъ, устраивавшихъ у насъ заводы: мѣдные, стеклянные, желѣзные и др. (замѣчателенъ желѣзный заводъ голландца Виніуса близъ Тулы). Въ Москвѣ въ эту пору жило уже много иностранцевъ,—однихъ протестантскихъ семействъ насчитывалось до тысячи,—для нихъ позволено было устроить особую кирку.

Михаилъ Θеодоровичъ былъ женатъ два раза *) и отъ второй супруги (Евдокіи Стрѣшневой) имѣлъ сына Алексѣя, котораго, умирая (12 іюня 1645 г.), и благословилъ на царство.

Алексѣй Михаиловичъ (1645—1676).

Правленіе Морозова и мятежъ въ Москвѣ. При вступленіи на престолъ Алексѣю Михаиловичу было всего 16 лѣтъ; чрезъ мѣсяцъ послѣ смерти отца умерла и мать. Наиболѣе близкимъ лицомъ къ молодому

*) Царица Марѳа задумала женить Михаила Θеодоровича еще въ 1616 г., когда ему было 20 лѣтъ. По обычаю, собрано было въ Москву множество дѣвицъ—дочерей дворянъ и дѣтей боярскихъ. Выборъ царя палъ на Марію Хлопову, дочь дворянина. Ее уже стали поминать въ церквахъ. Родные ея призваны были во дворецъ, но тамъ не поладили съ всесильными родичами инокини Марѳы—Салтыковыми и тѣ, воспользовавшись незначительной болѣзнью невѣсты, пустили молву, что она неизлѣчимо больна, и вооружили противъ нея Марѳу. Царскую невѣсту съ ея родней сослали въ Тобольскъ за обманъ. Михаилъ сильно грустилъ по своей невѣстѣ, которая ему очень приглянулась, и долго не соглашался жениться на другой. Онъ женился уже въ 1624 г. на княжнѣ Маріи Долгоруковой, но она скоро умерла. Тогда, въ 1626 г., по настоянію отца и матери, онъ вступилъ во 2-й бракъ съ дочерью дворянина Евдокіей Стрѣшневой, тоже, какъ и Хлопова, выбранной изъ множества дѣвицъ, собранныхъ въ Москву на „царскія смотрины“.

Что касается дѣла Хлоповой, то по пріѣздѣ въ Москву Филаретъ велѣлъ его переслѣдовать. Интриги и клевета Салтыковыхъ были обнаружены и суровый, но справедливый Филаретъ приказалъ выслать Салтыковыхъ изъ Москвы, а Хлоповыхъ возвратить; но жениться на Хлоповой Марѳа все-таки сыну не позволила.

и еще неопытному царю былъ его дядька бояринъ Морозовъ, безотлучно находившійся при немъ съ 3-хъ-лѣтняго возраста. Алексѣй сильно привязался къ своему воспитателю и на все смотрѣлъ его глазами, во всемъ ему довѣрялъ, такъ что въ первые три года царствованія Алексѣя Михаиловича фактическимъ правителемъ государства былъ въ сущности бояринъ Морозовъ. Человѣкъ очень умный, большой поклонникъ Запада, опытный въ дѣлахъ и съ сильной волей, Морозовъ, къ сожалѣнію, больше заботился о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о пользѣ государства. Онъ окружилъ царя своими родичами, алчными и корыстолюбивыми людьми. Устроивъ бракъ царя съ дочерью стольника Милославскаго (Маріей Ильинишной), Морозовъ самъ женился на другой дочери Милославскаго, чтобы тѣмъ еще больше закрѣпить свое вліяніе на царя. При содѣйствіи Морозова, Милославскіе и ихъ падкіе до наживы родственники захватили въ свои руки наиболѣе видныя и доходныя должности по управленію, допуская безнаказанно всякаго рода лихоимство и неправый судъ. Вызванное ихъ притѣсненіями недовольство народа возрасло до послѣдней степени, когда ради увеличенія государственныхъ доходовъ введены были новые налоги и пошлины и между прочимъ пошлина на соль—одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Такъ какъ подававшіяся на имя царя жалобы до него не доходили, то въ Москвѣ народъ поднялъ (лѣтомъ 1648 г.) открытый мятежъ, умертвилъ нѣсколько наиболѣе нелюбимыхъ имъ чиновниковъ (окольничьяго Плещеева и думнаго дьяка Чистаго—послѣдняго за соляную пошлину) и разграбилъ домъ правителя Морозова и нѣкоторыхъ другихъ бояръ. Морозова царь спасъ отъ гибели только тѣмъ, что тайно услалъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей (Кирилло-Бѣлозерскій) и затѣмъ, когда волненіе нѣсколько утихло, самъ обратился во время крестнаго хода съ рѣчью къ толпѣ народа—выразилъ сожалѣніе о притѣсненіяхъ, допущенныхъ его именемъ, но безъ его вѣдома, обѣщалъ понизить пошлину на соль и въ заключеніе, со слезами на глазахъ, просилъ пощадить Морозова, своего воспитателя и второго отца. „Буди здравъ на многія лѣта! — закричалъ въ отвѣтъ умиленный народъ.— Какъ Богу угодно и государю, такъ и будетъ!“

Морозовъ вскорѣ былъ возвращенъ въ Москву, но уже больше не занималъ должности главнаго правителя, хотя и былъ по прежнему близкимъ къ царю лицомъ, помогалъ ему совѣтами и всячески старался теперь заслужить народное расположеніе.

Вслѣдъ за московскимъ вспыхнули, по разнымъ поводамъ, мятежи и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ— (1548 г.) изъ-за лихоимства сборщиковъ податей; въ Псковѣ (1650 г.)

изъ-за отпуска хлѣба въ Швецію взамѣнъ уплаты денегъ за русскихъ перебѣжчиковъ; въ Новгородѣ (1650 г.) вслѣдствіе толковъ о вывозѣ русскихъ денегъ къ нѣмцамъ). Труднѣе всего было усмирить мятежи въ Псковѣ и Новгородѣ, гдѣ пришлось пригрозить уже военной силой. Въ Новгородѣ чернь нанесла побои даже митрополиту Никону, пытавшемуся успокоить волненіе, но въ концѣ концовъ сдалась на его увѣщанія.

Соборное уложеніе. Недостатки судопроизводства и усложнившіяся потребности государственной и общественной жизни и многочисленныя челобитныя земскихъ соборовъ вызывали рядъ указовъ, которыми пополняли Судебники; къ началу царствованія Алексѣя Михаиловича такихъ указовъ накопилось очень много, но полнаго собранія ихъ (кромѣ Москвы) почти нигдѣ не было, что давало поводъ поступать по произволу. Систематическаго же свода ихъ не было и въ самой Москвѣ. Между тѣмъ народныя волненія и жалобы на лихоимство заставили поспѣшить съ составленіемъ свода законоположеній, подобнаго тому, напр., какой уже имѣли наши ближайшіе сосѣди („Литовскій Статутъ"). Черезъ мѣсяцъ послѣ московскихъ безпорядковъ (въ іюнѣ 1648 г.) царь, по совѣту съ высшимъ духовенствомъ и боярской думой, поручилъ особой комиссіи, состоявшей изъ 3-хъ бояръ (князья Одоевскій, Прозоровскій и Волконскій) и 2-хъ дьяковъ (Леонтьевъ и Грибоѣдовъ) выбрать нужныя статьи изъ правилъ св. апостоловъ, св. отцовъ церкви, законовъ греческихъ царей, изъ московскихъ судебниковъ, указовъ прежнихъ государей и боярскихъ приговоровъ, а по вопросамъ, на которые не отвѣчало прежнее законодательство, составить новыя опредѣленія „по общему совѣту" — „чтобы всякихъ чиновъ людямъ судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна".

Пока шла эта работа комиссіи, въ Москву были созваны выборные изъ всѣхъ городовъ на земскій соборъ, которымъ и прочитано было новое „Уложеніе". Познакомившись съ нимъ, выборные обратились къ правительству съ цѣлымъ рядомъ челобитныхъ по вопросамъ, ихъ занимавшимъ и не разрѣшеннымъ въ проектѣ комиссіи. Благодаря этимъ ходатайствамъ, Уложеніе пополнилось рядомъ новыхъ статей, и уже послѣ этого было переписано на одномъ свиткѣ (длиною въ 434 аршина) и подписано всѣми членами собора (1649 г.). Печатные экземпляры Уложенія разосланы были затѣмъ по всѣмъ городамъ.

Благодаря участію собора, Уложеніе явилось не механическимъ только сводомъ стараго матеріала; равнымъ образомъ новыя законоположенія его не являются только дополненіемъ или исправленіемъ

прежнихъ; напротивъ, многія изъ нихъ имѣютъ характеръ крупныхъ общественныхъ реформъ и явились отвѣтомъ на общественныя нужды того времени. Такова, напр., отмѣна урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, окончательно прикрѣпившая ихъ къ землѣ; запрещеніе духовенству пріобрѣтать новыя вотчины; закрѣпленіе и обособленіе посадскаго населенія, въ составъ котораго нельзя уже было войти никому постороннему, и пр.

Уложеніе въ общемъ было важнымъ шагомъ впередъ въ ходѣ нашего законодательства сравнительно со старыми судебниками. Послѣдніе представляли собою главнымъ образомъ подробности судопроизводства и лишь мимоходомъ касались вопросовъ государственнаго устройства и управленія. Здѣсь же они выдвинуты на видное мѣсто, указываются основанія государственнаго порядка, опредѣляется положеніе и взаимныя отношенія различныхъ классовъ общества и пр. Многіе изъ послѣдующихъ указовъ и законоположеній служили только дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ положеній Уложенія.

Все Уложеніе состоитъ изъ 963 статей, раздѣленныхъ на 25 главъ. Вотъ нѣкоторыя заглавія: о богохульныхъ церковныхъ мятежникахъ, о государской чести и какъ государское здравіе оберегати, о службѣ всякихъ ратныхъ людей, о судѣ, о помѣстныхъ земляхъ, о вотчинахъ и т. д. Богохульниковъ Уложеніе присуждаетъ къ сожженію; за безчинство въ церкви полагается смертная казнь; злоумышляющіе на особу государя, измѣнники и бунтовщики также присуждаются къ смертной казни; знающіе о замыслахъ противъ государя обязаны о томъ доносить („государево слово и дѣло") подъ угрозою наказанія; за лживый доносъ виновному полагалось то же наказаніе, какое падало бы на долю обвиняемаго имъ лица; обвиняемые подлежали пыткѣ; дѣлателямъ воровскихъ (фальшивыхъ) денегъ заливали горло растопленнымъ металломъ; за убійство родителей полагалась смертная казнь; за убійство дѣтей — годичное тюремное заключеніе; жену, убившую мужа, закапывали живую въ землю по горло и оставляли умирать въ такомъ положеніи.

Финансовыя мѣры и новый мятежъ въ Москвѣ. Одновременно съ изданіемъ Уложенія состоялась важная мѣра относительно внѣшней торговли. Вслѣдствіе давнихъ жалобъ русскихъ купцовъ на убытки, которые приносила имъ безпошлинная торговля англичанъ, послѣдняя была запрещена, англійскіе купцы были высланы изъ всѣхъ городовъ, имъ позволено было торговать только въ Архангельскѣ и при томъ съ уплатою пошлины. Въ качествѣ причинъ, побудившихъ московское правительство къ такой экстренной мѣрѣ, былъ выставленъ тайный провозъ въ Россію разныхъ запрещенныхъ товаровъ (напр. табаку) и затѣмъ „большое злое дѣло" англичанъ — „короля своего Карлуса до смерти убили" (въ Англіи тогда происходила революція). Это распоряженіе значительно сократило (временно, впрочемъ) размѣры внѣшней торговли Россіи, что въ свою очередь отразилось нѣкоторыми финансовыми затрудненіями для самого московскаго правительства, породивъ недостатокъ серебряной монеты въ обращеніи. Дѣло въ томъ, что

большую часть серебра привозили въ Россію иностранцы и преимущественно англичане. Они платили серебромъ (по вѣсу) за русскіе товары; пошлина взималась также серебромъ. Московское правительство потомъ перечеканивало иностранныя монеты или же ставило на нихъ русское клеймо и въ такомъ видѣ пускало въ обращеніе. Съ сокращеніемъ привоза серебра въ страну сталъ ощущаться недостатокъ ходячей монеты для торговыхъ оборотовъ и на жалованье разнымъ людямъ, особенно когда потребовались усиленные расходы во время войны съ Польшей. Тогда правительство (по совѣту боярина Ртищева) рѣшило чеканить мѣдныя деньги (копейки) которыя должны были ходить по одной цѣнѣ съ серебряными (копейками) *). Эта мѣра сначала удалась. Новыя деньги (какъ своего рода мѣдныя ассигнаціи) ходили наравнѣ съ серебряными, тѣмъ болѣе, что обмѣнъ одной монеты на другую совершался безпрепятственно. Но правители не соблюдали никакой мѣры при ихъ выпускѣ, нисколько не сообразуясь съ дѣйствительными потребностями торговаго оборота, и этимъ скоро обезцѣнили новую монету.

Съ другой стороны развились страшныя злоупотребленія. Лица, завѣдывавшія чеканкой монеты (и во главѣ ихъ тесть царя Милославскій) изъ своей мѣди дѣлали деньги себѣ и даже позволяли, за взятки, дѣлать это постороннимъ людямъ. Рядомъ съ этимъ развилась тайная поддѣлка монеты (благодаря легкости такой операціи) и, несмотря на жестокія наказанія, число фальшивыхъ монетчиковъ умножалось съ каждымъ днемъ. Вслѣдствіе этого мѣдныя копейки страшно обезцѣнились сравнительно съ серебряными: послѣднія стали припрятывать и неохотно мѣняли ихъ на мѣдныя деньги, требуя приплаты; дошло до того, что за одну серебряную монету стали требовать 15 мѣдныхъ. Все соотвѣтственнымъ образомъ вздорожало, и дороговизна эта отразилась сильнѣе всего на служилыхъ людяхъ и рабочихъ, получавшихъ расчетъ мѣдной монетой по ея нарицательной цѣнѣ. Въ народѣ поднялся страшный ропотъ, перешедшій затѣмъ въ открытый мятежъ (1662 г.). Чернь бросилась въ подмосковское село Коломенское, любимое лѣтнее мѣстопребываніе царя Алексѣя Михаиловича, и дерзко требовала выдачи главныхъ виновниковъ денежныхъ затрудненій (Милославскаго и Ртищева). Когда увѣщанія не подѣйствовали, царь велѣлъ

---

*) Ходячей монетой при внутреннихъ торговыхъ оборотахъ были серебряныя копейки („копейныя деньги“, отъ сдѣланнаго на нихъ изображенія вел. князя съ копьемъ въ рукахъ), а болѣе мелкой монетой—деньги (или московки=$^1/_2$ коп.) и полушки (полуденьги=$^1/_4$ коп.). Чеканились они изъ иностраннаго серебра. Изъ копеекъ составлялись: алтынъ, гривна, полтина, рубль, но монеты имъ соотвѣтствующей (кромѣ полтины) не было. Въ рублѣ считали 100 денегъ, на чеканку которыхъ шло 16 золотниковъ серебра. Были еще пулы, мелкія мѣдныя монеты (на одну серебряную копейку ихъ шло 72 штуки, на одну серебряную полушку 18 шт.), употреблявшіяся для раздачи милостыни нищимъ и на мелкія покупки.

окружавшимъ его боярамъ и подоспѣвшему отряду стрѣльцовъ ударить на толпу; мятежники обратились въ бѣгство, часть ихъ была перебита, нѣкоторые были схвачены и казнены. Вскорѣ послѣ этого употребленіе мѣдныхъ денегъ вмѣсто серебряныхъ было отмѣнено и всѣ уплаты приказано дѣлать серебряною монетою; но государство долго не могло оправиться отъ сильнаго денежнаго потрясенія, вызваннаго этой своеобразной финансовой операціей.

Два мятежа черни въ Москвѣ и одиночныя вспышки народныхъ волненій въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ подавить было нетрудно, но обиліе этихъ волненій служило признакомъ неспокойнаго состоянія населенія, еще и доселѣ не оправившагося послѣ смутнаго времени. Изъ смуты народъ вышелъ, повидимому, гораздо болѣе впечатлительнымъ и раздражительнымъ и менѣе выносливымъ, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что и экономическое положеніе его значительно ухудшилось. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ это сказалось только обиліемъ жалобъ на неурядицы, несшихся со всѣхъ сторонъ; активно своего недовольства населеніе не проявляло—еще свѣжа была память о московской разрухѣ и принесенныхъ ею бѣдахъ; всѣ жаловались, но терпѣливо сносили даже экстренные налоги и поборы на внѣшнія и внутреннія нужды государства. Всѣ искали и ждали упорядоченія дѣлъ. Но порядокъ слагался не сразу, дѣло подвигалось медленнѣе, чѣмъ хотѣлось бы; при Алексѣѣ Михаиловичѣ терпѣніе стало истощаться, и время царствованія „тишайшаго" изъ государей, какъ его прозывали, неожиданно явилось эпохой народныхъ мятежей. Началось одиночными вспышками и завершилось крупнымъ волненіемъ, вызваннымъ дѣйствіями Стеньки Разина, потребовавшимъ отъ государства для своего подавленія довольно значительнаго напряженія силъ. Въ бунтѣ Разина дѣло началось казацкими разбоями въ широкихъ размѣрахъ и перешло въ распространившееся по Поволжью возстаніе низшихъ слоевъ населенія противъ высшихъ—ради „вольнаго казацкаго житія".

Бунтъ Стеньки Разина. Многочисленное казачество, обитавшее на Дону, дѣлилось на „домовитыхъ" казаковъ (семейныхъ и зажиточныхъ людей) и „голутвенныхъ" или „голытьбу" (отъ слова „голь"), въ составъ которыхъ входили разнаго рода бездомные и безсемейные скитальцы и бѣглецы, искавшіе на Дону вольнаго казацкаго житья. Изъ нихъ обыкновенно и составлялись воровскія шайки, разбивавшія по рѣкамъ купеческіе караваны, грабившія своихъ и чужихъ. Особенно много набралось этой голытьбы со времени окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ (по Уложенію). Степь наполнилась бѣглецами, затаившими въ душѣ глубокую ненависть къ помѣщикамъ, воеводамъ, приказнымъ людямъ. Вся эта вольница ждала только предводителя, чтобы начать разбои въ широкихъ размѣрахъ и отомстить своимъ обидчикамъ. Такой предводитель и явился въ лицѣ донского казака Стеньки (Степана) Разина.

Своей необычайной физической силой, желѣзной выносливостью и отчаянной удалью, умѣньемъ владѣть оружіемъ и своей дикой неукротимой энергіей Разинъ рѣзко выдѣлялся среди казаковъ. На толпу его суровый повелительный видъ, его рѣшительныя властныя движенія производили неотразимое впечатлѣніе. Кровожадный и жестокій, онъ искалъ самыхъ сильныхъ и страшныхъ ощущеній и не щадилъ ни своей, ни чужой жизни, лишь бы только погулять на вольной волюшкѣ, безъ всякихъ стѣсненій, которыя налагаютъ на человѣка государство, церковь и законъ. Сопровождавшая его удача въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ заставляла простой людъ видѣть въ немъ колдуна, „заговореннаго" и отъ пули и отъ сабли. Около Стеньки скоро собралась шайка такихъ же, какъ онъ, отчаянныхъ удальцовъ изъ голытьбы.

На Дону имъ не было простора —ихъ дикіе порывы и разбойничьи затѣи сдерживали домовитые казаки. Тогда Стенька съ товарищами бросился на Волгу и принялся грабить торговые караваны, при чемъ хозяевъ вѣшалъ, а работники и простые стрѣльцы, сопровождавшіе караваны, по большей части присоединялись къ разинцамъ, соблазняясь ихъ привольнымъ житьемъ. Съ Волги Стенька пробрался на Яикъ, куда молва о его удачныхъ разбояхъ привлекла множество новыхъ охотниковъ до грабежа. Съ ними Разинъ на судахъ отправился на Каспійское море и ограбилъ цѣлый рядъ прибрежныхъ персидскихъ селъ и городовъ, нападая по большей части невзначай.

Со множествомъ плѣнныхъ и богатой добычей ватага Разина приплыла къ устью Волги, предшествуемая громкой молвой о необычайныхъ подвигахъ казаковъ въ походѣ „на невѣрныхъ". Астраханскій воевода не рѣшился остановить Разина, тѣмъ болѣе, что простой народъ ему сочувствовалъ, да и вообще московское правительство вынуждено было довольно снисходительно смотрѣть на дѣйствія казаковъ противъ чужихъ странъ, давая тѣмъ исходъ буйнымъ стремленіямъ опаснаго. своей силой и численностію казачества. Отъ Разина потребовали только выдачи плѣнныхъ и пушекъ, что онъ отчасти и исполнилъ.

10 дней разинцы гуляли по Астрахани, продавая купцамъ за безцѣнокъ богатую добычу, щеголяя въ шелку и бархатѣ и бражничая напропалую *). Самъ Разинъ горстями раздавалъ золото и серебро бѣдному люду, который кланялся ему въ ноги, величая „батюшкой Степаномъ Тимофеевичемъ". Обаяніе Разина въ народѣ возросло неимовѣрно, и когда онъ послѣ этого вернулся на Донъ, къ нему потянулась голытьба со всѣхъ сторонъ, съ Кубани, съ Волги и Днѣпра. Теперь

*) По разсказу иностранцевъ, среди одного пира на богато убранныхъ стругахъ пьяный Стенька бросилъ въ даръ матушкѣ-Волгѣ захваченную имъ изъ Персіи плѣнную княжну, сидѣвшую около него на пиру въ бѣломъ нарядѣ, увѣшанномъ драгоцѣнными каменьями. Это была съ его стороны своего рода „жертва" матушкѣ-Волгѣ, питавшей разбойниковъ.

онъ не опасался домовитыхъ казаковъ и безъ стѣсненія говорилъ, что пойдетъ бить „бояръ и воеводъ“ и заводить всюду казацкіе порядки.

Перезимовавъ на Дону, Разинъ (лѣтомъ 1670 г.) опять со своей воровской ватагой, увеличенной теперь массой отовсюду сбѣжавшейся къ нему голытьбы, двинулся на Волгу. Жители Царицына и Астрахани сдали ему городъ безъ сопротивленія. Стрѣльцы безъ боя перешли на его сторону. Въ обоихъ городахъ Разинъ ввелъ казацкій строй: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни и назначилъ атамана. Воеводъ и другихъ начальствующихъ лицъ, а также всѣхъ приказныхъ Разинъ нещадно избивалъ. Казенныя бумаги онъ истреблялъ, приговаривая: „вотъ такъ сожгу всѣ дѣла и на верху“ (т. е. въ Москвѣ). По всему Поволжью разбрелись посланцы Разина, подговаривая народъ къ мятежу и сманивая стрѣльцовъ и служилыхъ людей на службу къ атаману. Изъ Астрахани Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ на 200 стругахъ; у него было уже до 10.000 войска и много знаменъ—конскихъ хвостовъ на шестахъ. Всюду онъ объявлялъ, что идетъ истреблять всякое начальство и вездѣ введетъ казацкую вольность, такъ что всѣ будутъ равны. Зная, какъ преданъ народъ государевой власти, Стенька распускалъ молву, что при немъ находится царевичъ Алексѣй (недавно умершій). Мятежъ усиливался съ каждымъ днемъ. Крестьяне стали грабить и избивать помѣщиковъ, соединялись въ шайки и примыкали къ казакамъ. Саратовъ сдался безъ обороны. Самара была взята послѣ непродолжительнаго боя. Тутъ тоже введено было казацкое устройство и избиты всѣ власти. Смута росла. Поднялись уже инородцы (мордва и черемисы). Разинъ поддерживалъ появившихся тогда раскольниковъ въ ихъ противодѣйствіи властямъ и духовенству, сносился съ крымскимъ ханомъ и персидскимъ шахомъ. Его посланцы проникли уже въ Москву и за Москву и всюду мутили народъ.

Первая неудача постигла смѣлаго атамана подъ Симбирскомъ, гдѣ засѣлъ въ кремлѣ храбрый воевода Милославскій съ горстью стрѣльцовъ, оставшихся вѣрными правительству, и около мѣсяца отбивалъ приступы шаекъ Разина, пока не пришелъ на выручку осажденнымъ князь Барятинскій, хотя и съ небольшимъ, но хорошо устроеннымъ и обученнымъ на европейскій ладъ войскомъ. Громадное, но нестройное полчище Разина было разбито. Самъ онъ бился отчаянно, но былъ израненъ и, понимая, что дѣло его проиграно, ночью бѣжалъ со своими донцами, оставивъ толпы своихъ приверженцевъ на произволъ судьбы. Послѣдніе тоже разбѣжались, узнавъ объ уходѣ атамана; нѣсколько сотъ захваченныхъ въ плѣнъ были повѣшены. Обаяніе Стеньки, какъ неуязвимаго чародѣя, разомъ исчезло; предательское бѣгство оконча-

тельно уронило его въ глазахъ народа. Къ Барятинскому со всѣхъ сторонъ стали являться съ повинной. Ни самарцы, ни саратовцы уже не пустили къ себѣ бѣжавшаго Стеньку и онъ вновь проѣхалъ на Донъ, но тамъ схватили его „домовитые“ казаки и передали властямъ. Разина сначала подержали на цѣпи, на церковной паперти, чтобы „выкурить его колдовство“, и потомъ отправили въ Москву. Тамъ его подвергли ужаснѣйшимъ пыткамъ и затѣмъ четвертованію, но этотъ желѣзный человѣкъ вынесъ всѣ муки, не произнеся ни одного стона и даже подшучивалъ: „Вовсе не больно, словно баба иглой уколола!“ Патріархъ предалъ его имя проклятію.

Послѣ казни Разина (1671) поднятое имъ волненіе стихло; царскіе воеводы безъ труда справились съ мятежными полками крестьянъ, холоповъ и инородцевъ. Только въ отдаленной Астрахани, гдѣ всего сильнѣе была память объ удалыхъ набѣгахъ Разина, мятежъ еще продолжался нѣкоторое время. Тамъ свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ главнаго помощника Разина атамана Васьки Уса, который между прочимъ подвергъ пыткамъ митрополита Іосифа за уговоры жителей принести повинную, велѣлъ жечь его на медленномъ огнѣ и затѣмъ сбросилъ съ колокольни. Скоро однако подошли московскія войска и заставили Астрахань сдаться; главные мятежники были казнены. Страшный мятежъ, замутившій полгосударства, затихъ; за время его погибло, по словамъ современниковъ, свыше ста тысячъ народу.

Память о Разинѣ и доселѣ живетъ въ народныхъ пѣсняхъ. Его рисуютъ чародѣемъ, застрахованнымъ отъ пуль и сабель и отъ тюремныхъ затворовъ. Злодѣйства и разбои какъ его самого, такъ и его сотоварищей рисуютъ какъ подвиги удалого молодечества. „Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички“—говорятъ о себѣ въ народной пѣснѣ его сподвижники.

Патріархъ Никонъ и дѣла церковныя.

Одновременно съ народными волненіями, созданными соціально-экономическимъ положеніемъ страны, возникли волненія, вызванныя церковными дѣлами. Въ русской церкви появился такъ называемый расколъ и возникъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской властей. То и другое тѣсно связано съ личностью патріарха Никона, одного изъ самыхъ крупныхъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей въ русской исторіи.

Никонъ, въ міру Никита, родился (1605 г.) въ бѣдной крестьянской семьѣ близъ Нижняго-Новгорода. Лишившись матери еще въ

дѣтствѣ, онъ вытерпѣлъ много горя отъ мачихи, женщины очень злого нрава, однажды чуть было не спалившей въ печи своего пасынка. Эти гоненія закалили отъ природы сильный характеръ мальчика, но съ другой стороны привили ему то суровое упрямство и жестокость нрава, которыя потомъ повредили самому же Никону и дѣлу, которое онъ старался осуществить. Никита обнаружилъ необыкновенныя способности, быстро выучился грамотѣ и, увлекшись чтеніемъ религіозныхъ книгъ, 12-ти лѣтъ ушелъ въ монастырь, гдѣ удивлялъ всѣхъ своей начитанностію и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ монастырской жизни. Родня опять вызвала его въ міръ, заставила жениться и поступить (на 20 году отъ роду) въ священники.

Черезъ 10 лѣтъ, потрясенный смертью всѣхъ своихъ дѣтей, Никита уговорилъ жену поступить въ монастырь, а самъ ушелъ въ скиты на Бѣлое море и тамъ постригся подъ именемъ Никона. Слава о его подвижничествѣ и начитанности дошла до царя, и когда онъ черезъ 3 года (1646 г.), уже сдѣлавшись игуменомъ, явился въ Москву по дѣламъ своей обители и представился государю (какъ это дѣлали всѣ настоятели монастырей, пріѣзжавшіе въ Москву), то до такой степени понравился Алексѣю Михаиловичу, что его сдѣлали архимандритомъ одного изъ московскихъ монастырей (Новоспасскаго, гдѣ была усыпальница Романовыхъ). Здѣсь царь еще болѣе съ нимъ сблизился. Никонъ каждую недѣлю ѣздилъ во дворецъ для духовной бесѣды съ царемъ, при чемъ не упускалъ случая печаловаться за притѣсненныхъ и обиженныхъ, за вдовъ и сиротъ, что еще болѣе привязало къ нему мягкосердечнаго и сострадательнаго царя-юношу. И когда (въ 1648 г.) освободилось мѣсто новгородскаго владыки (считавшагося 2-мъ лицомъ послѣ патріарха), царскаго любимца архимандрита Никона произвели прямо въ митрополиты.

Въ Новгородѣ Никонъ заявилъ себя заботами о церковномъ благолѣпіи и распорядительностію не только въ церковныхъ, но и гражданскихъ дѣлахъ. Во время новгородскаго мятежа онъ выказалъ замѣчательную твердость и рѣшительность. Озлобленные его увѣщаніями, мятежники избили митрополита. Собравъ послѣднія силы, обливаясь кровью, онъ всетаки продолжалъ ихъ уговаривать и добился своего, а потомъ самъ же ходатайствовалъ предъ царемъ за своихъ обидчиковъ. Это самоотверженіе поразило царя. Въ своихъ письмахъ онъ называлъ его „новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ", „крѣпкостоятельнымъ пастыремъ", и своимъ „возлюбленнымъ", и когда черезъ 4 года послѣ того, за смертію патріарха Іосифа, освободился патріаршій престолъ, Алексѣй Михаиловичъ предложилъ его Никону. Послѣдній от-

казывался. Царь, въ присутствіи архіереевъ, бояръ и многочисленнаго народа въ Успенскомъ соборѣ со слезами на глазахъ, вмѣстѣ съ другими, молилъ его принять патріаршій санъ. Никонъ былъ сильно тронутъ этимъ, но согласился лишь послѣ того, какъ царь, бояре и народъ торжественно дали клятву, что будутъ „слушаться его какъ архипастыря и отца и дадутъ ему устроить церковныя дѣла“ (1652 г.).

Возвышеніе Никона. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ всецѣло подчинилъ своему вліянію благодушнаго царя. Алексѣй Михаиловичъ называлъ его „собиннымъ (особеннымъ) своимъ другомъ“, но это не была дружба сверстниковъ (Никонъ былъ старше царя почти на 25 лѣтъ), а воздѣйствіе очень умнаго, энергичнаго и замѣчательно краснорѣчиваго человѣка почтенныхъ лѣтъ на мягкую впечатлительную душу юноши. Никонъ вѣдалъ не церковныя только дѣла, гдѣ онъ выговорилъ себѣ полную самостоятельность, но принималъ видное участіе вообще въ государственномъ управленіи. Никакого дѣла, даже вопросовъ о войнѣ, царь не рѣшалъ безъ совѣта и указаній патріарха. Алексѣй Михаиловичъ, а за нимъ и другіе, по примѣру царя, стали звать Никона не „великимъ господиномъ“, какъ обыкновенно величали патріарховъ, а „великимъ государемъ“,—титулъ, прилагавшійся нѣкогда только къ Филарету, какъ отцу государя. Самъ Никонъ свое правленіе называлъ державою, а свою власть открыто равнялъ съ государевой. И онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только „государемъ“. Отъѣзжая на войну (1654—1655 г.), царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ; дума боярская слушала его теперь какъ царя. Въ отсутствіе Алексѣя Михаиловича Никонъ проявилъ большую распорядительность и между прочимъ во время бывшей тогда моровой язвы успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю, спасая его семейство отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Политическое вліяніе Никона возросло до того, что современники готовы были считать его власть даже большею, чѣмъ власть царя („твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны“—говорили ему въ глаза). Самъ Никонъ считалъ власть патріарха не только равною царской, но даже и выше („Мнѣ и царская помощь не надобна“ — воскликнулъ онъ разъ сгоряча, выдавая тѣмъ свои взгляды на этотъ вопросъ).

Въ отношеніяхъ къ боярамъ Никонъ не стѣснялся;—рѣзко обличая, напр., пристрастье къ западнымъ обычаямъ, онъ отъ словъ переходилъ къ дѣлу—жегъ вывезенныя ими съ запада иконы и органы, рѣзалъ въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ и т. д. Понятно, что бояре ненавидѣли властнаго и суроваго любимца государя. Добрый и податливый до крайности, на-

ходясь подъ двумя вліяніями—Никона и бояръ—царь старался какъ нибудь замять эту рознь, совѣтовалъ патріарху быть снисходительнѣе къ боярамъ и въ то же время просилъ не выдавать его, не сказывать объ этомъ совѣтѣ боярамъ... Но Никонъ не зналъ удержу въ своемъ властолюбіи и своими деспотическими замашками возстановилъ противъ себя даже царицу и ея родственниковъ. Съ подчиненнымъ ему духовенствомъ онъ обращался круто и самовластно и за малѣйшіе проступки налагалъ самыя жестокія наказанія. Наконецъ онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе и въ массѣ народной исправленіемъ церковныхъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергалъ людей, не желавшихъ принять этихъ исправленій.

Исправленіе церковныхъ книгъ. Необходимость въ исправленіи богослужебныхъ книгъ сознавалась уже давно. Пока книги были рукописныя, въ нихъ отъ невѣжества и недосмотра переписчиковъ вкралось много ошибокъ и описокъ, которыя потомъ со введеніемъ книгопечатанія появились уже въ массѣ книгъ, разосланныхъ всюду, и такимъ образомъ явились какъ бы узаконенными самою церковною властію, съ благословенія которой печатались эти книги. Подъ вліяніемъ этого постепенно накопился въ русской церковной практикѣ цѣлый рядъ чисто внѣшнихъ и обрядовыхъ отличій отъ практики церкви восточной. Такъ, напр., русскіе привыкли писать *Ісусъ* вм. Іисусъ, креститься не тремя, а *двумя перстами*, совершать проскомидію на *7 просфорахъ* вмѣсто пяти, пѣть *сугубую аллилуія*, т. е. два раза, вмѣсто трехъ, совершать хожденіе *посолонь*, т. е. идти въ крестныхъ ходахъ по солнцу, вмѣсто того, чтобы ходить противъ солнца, употреблять крестъ только *восьмиконечный*, а не четырехконечный и т. д. При всеобщемъ тогда невѣжествѣ и распространенномъ не только въ народной массѣ, но и среди высшаго духовенства и боярства пониманіи религіи главнымъ образомъ съ внѣшней, обрядовой ея стороны, эти мелкія и несущественныя особенности получили важное значеніе какихъ-то „догматовъ премудрыхъ", какъ тогда выражались; какія либо измѣненія въ нихъ представлялись чѣмъ-то въ родѣ великаго церковнаго „отступничества", великой ереси.

Неудивительно поэтому, что, когда еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ рѣшились исправить богослужебныя книги и поручили это дѣло извѣстному архимандриту Троицкой лавры Діонисію, то онъ былъ обвиненъ многими вліятельными тогда ревнителями старины въ ереси и даже подвергся заточенію. При патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, за исправленіе книгъ взялись люди невѣжественные и потому нѣкоторыя ошибки старины узаконили (напр. о двуперстномъ крестномъ

знаменіи и сугубой аллилуія) и внесли ихъ въ печатныя книги, разосланныя по церквамъ. Слѣдуя Іосифовскимъ книгамъ, самъ Никонъ, пока былъ митрополитомъ и въ первый годъ своего патріаршества, крестился двумя перстами, но когда онъ познакомился съ греческими книгами, съ которыхъ сдѣланы были переводы русскихъ богослужебныхъ книгъ, и той массой ошибокъ, которыя внесены были въ русскія богослужебныя книги, онъ пришелъ въ великое смущеніе и съ присущей ему энергіей и рѣшительностію быстро и круто повелъ дѣло исправленія книгъ.

Никонъ созвалъ въ Москвѣ соборъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ (1654 г.) и во дворцѣ, въ присутствіи государя, указавши на ошибки въ богослужебныхъ книгахъ, поставилъ всѣмъ вопросъ: слѣдовать ли новымъ русскимъ печатнымъ богослужебнымъ книгамъ или же исправить ихъ по греческимъ и старымъ русскимъ? Большинство собора рѣшило, что слѣдуетъ исправить. Меньшинство заявило протестъ противъ этого. Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, „справщики“ книгъ при Іосифѣ, самолюбіе которыхъ было оскорблено рѣшеніемъ собора, далѣе лица, недовольныя Никономъ за его строгость, и наконецъ люди, не довѣрявшіе авторитету грековъ и соблазнявшіеся при мысли, что хотятъ измѣнить книги, по которымъ спасалось столько русскихъ святыхъ...

Согласно постановленію собора, царь и патріархъ велѣли отовсюду собрать въ Москву древнія славянскія харатейныя (т. е. писанныя на хартіи, на пергаментѣ) рукописи, добыли съ Аѳона и изъ Греціи тоже старинныя греческія рукописи и поручили по нимъ исправить заново богослужебныя книги. Въ числѣ справщиковъ были теперь лица, основательно знакомыя и съ греческимъ и славянскимъ языками (какъ, напр., вызванный изъ Кіевской академіи іеромонахъ Епифаній Славинецкій, ученый старецъ-монахъ грекъ Арсеній и др.). Исправленіе пошло очень быстро и черезъ годъ (1655) уже изданъ былъ Служебникъ и затѣмъ другія богослужебныя книги, а также переведенная съ греческаго „Скрижаль“, гдѣ излагалось истолкованіе литургіи и другихъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ и выяснялся смыслъ ихъ. Новыя книги были разосланы по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить прежнія книги, какъ неисправныя. Новыхъ книгъ во многихъ церквахъ и монастыряхъ принять не пожелали, истреблять старыя книги, по которымъ спасались древніе святители, не рѣшались, а напротивъ увидѣли во всемъ этомъ отступленіе отъ вѣры, усумнились въ правовѣріи самого Никона, вводившаго небывалыя „новшества“ (хотя, въ сущности, онъ стоялъ за старину).

Противъ этихъ новшествъ возстали многіе не простецы только, но и тогдашніе грамотѣи. „До насъ положено, и лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; православнымъ помереть нужно за одинъ *азъ!*“—вотъ возгласы, раздавшіеся изъ среды ревнителей „древняго благочестія“ и „ни въ чемъ нерушимой старины“. Національно-религіозная самоувѣренность русскихъ начетчиковъ и книжниковъ, утвердившихся въ мысли, что съ паденіемъ Греціи истинное православіе хранится только на Руси, оскорблена была мыслію объ обращеніи къ грекамъ за содѣйствіемъ въ исправленіи книгъ; православіе грековъ со времени Исидора и Флорентійской уніи и зависимости отъ турокъ подвергалось сильному сомнѣнію; мало вѣры было и въ новыхъ справщиковъ, кіевскихъ ученыхъ, какъ людей близко соприкасавшихся съ польско-латинскими школами.

Подъ вліяніемъ всего этого, а также личнаго недовольства Никономъ, рѣзкій протестъ противъ его распоряженій объ исправленіи книгъ заявили и очень вліятельныя по своему положенію духовныя лица (епископъ коломенскій Павелъ, протопопъ московскаго казанскаго собора Нероновъ, юрьевскій протопопъ Аввакумъ и др.). Никонъ принялъ противъ нихъ самыя суровыя мѣры—лишеніе сана, ссылку, заключеніе въ тюрьму; но эти мѣры только обострили положеніе и вызвали среди многихъ сочувствіе къ гонимымъ, какъ къ мученникамъ за вѣру. А возникшая вслѣдъ затѣмъ изъ-за самовластія патріарха распря царя съ Никономъ и удаленіе послѣдняго съ патріаршества еще болѣе увеличили смуту въ умахъ и подорвали значеніе книжныхъ и обрядовыхъ реформъ Никона.

Паденіе Никона. Стремленіе Никона поставить свою власть выше царской, быть чѣмъ-то въ родѣ русскаго папы, не имѣло себѣ надлежащей опоры въ духовенствѣ или общественныхъ теченіяхъ даннаго времени и обусловливалось личными свойствами и характеромъ самого патріарха. Съ другой стороны, и вся сила Никона, все его вліяніе, какъ „великаго государя“, основывалось не на законѣ или обычаѣ, но только на личномъ расположеніи къ нему царя. И какъ только это расположеніе измѣнилось, пошатнулось и положеніе Никона.

Перемѣну въ отношеніяхъ царя къ Никону многіе подмѣтили уже послѣ возвращенія Алексѣя Михаиловича изъ похода (1657). Во время войны царь возмужалъ, пріобрѣлъ больше самостоятельности и главное—отвыкъ отъ московскихъ вліяній, сталъ чувствительнѣе къ попыткамъ умалить его власть. Этимъ воспользовались бояре, стали наговаривать царю, что великій государь патріархъ превышаетъ власть свою, и успѣли поселить холодность между нимъ и царемъ. Послѣдній

сталъ сторониться своего „собиннаго друга“, перестал даже ходить въ соборъ за служеніе патріарха. Патріарха перестали приглашать къ царскому столу въ торжественныхъ случаяхъ, и когда Никонъ послалъ своего боярина съ запросомъ о причинѣ этого, окольничій (Хитрово) прибилъ его посланца. Никонъ жаловался на такое оскорбленіе Алексѣю Михайловичу, но не могъ добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ пожелалъ лично объясниться съ царемъ во время обѣдни, но его принялъ бояринъ Ромодановскій и объявилъ, что государь не будетъ, и при этомъ объяснилъ, что царь гнѣвается на него за то, что онъ называетъ себя въ грамотахъ „великимъ государемъ“. Никонъ возразилъ, что самъ государь такъ называлъ его въ своихъ письмахъ. Ромодановскій на это отвѣтилъ: „царь почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты не понялъ, и теперь государь не велитъ тебѣ называться впредь великимъ государемъ“. Тогда Никонъ рѣшилъ торжественно предъ всѣмъ народомъ въ соборѣ отказаться отъ патріаршества (10 іюля 1658 г.) и послалъ объ этомъ письмо царю, въ надеждѣ, что тотъ самъ придетъ его уговаривать. Алексѣй Михайловичъ былъ сильно озадаченъ: „Я будто сплю съ открытыми глазами“, сказалъ онъ, но однако не пошелъ къ Никону, а только послалъ сказать, что ему незачѣмъ оставлять патріаршество. Тогда Никонъ уѣхалъ въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, извѣстный болѣе подъ именемъ Новаго Іерусалима *).

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и возвратиться вновь на патріаршество Никону было уже трудно—онъ все ждалъ, что царь будетъ просить у него прощенія, но бояре постарались не допустить до этого, какъ ни жаль было Алексѣю Михайловичу своего „собиннаго друга“. Прошло около двухъ лѣтъ. Новаго патріарха не выбирали, Никонъ рѣшительнаго отказа не дѣлалъ, а напротивъ обижался, когда другіе архіереи участвовали вмѣсто него въ религіозныхъ церемоніяхъ въ Москвѣ (напр. въ „шествіи на осляти“ въ вербное воскресеніе). Алексѣй Михайловичъ рѣшился наконецъ созвать соборъ изъ высшаго духовенства (въ февралѣ 1660 г.) для рѣшенія вопроса о Никонѣ. Участники собора оказались въ большинствѣ врагами Никона, обвинили его въ самовольномъ оставленіи престола и присудили къ лишенію священнаго сана.

Царь однако медлилъ привести въ исполненіе рѣшеніе собора. Онъ желалъ передать дѣло на судъ восточныхъ патріарховъ. Никонъ, съ своей стороны, говорилъ все рѣзче и рѣшительнѣе. „Не отъ царей

---

*) Во внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ соборнаго монастырскаго храма все было сдѣлано по подобію храма Воскресенія въ Іерусалимѣ.

начало священства, но отъ священства на царства помазуются, писалъ онъ; священство выше царства". Онъ сравнивалъ, далѣе, архіерейскую власть съ солнцемъ, а царскую съ луною. Это былъ уже языкъ папъ. Неугодныхъ ему бояръ онъ предавалъ проклятію, а тѣ доносили царю, что Никонъ проклиналъ и царя и все его семейство. „Пусть я грѣшенъ, жаловался Алексѣй Михаиловичъ, но чѣмъ же жена и дѣти виноваты?"

Никонъ, между тѣмъ, подъ вліяніемъ уговоровъ, одного преданнаго ему боярина (Зыкова), рѣшился на смѣлый шагъ—онъ неожиданно пріѣхалъ въ Москву, прошелъ въ Успенскій соборъ, сталъ на патріаршее мѣсто и сталъ благословлять народъ. Царю послалъ письмо—„Пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощете ли самого Христа пріять?" Отъ имени царя боярами былъ переданъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Уѣзжай туда, откуда пріѣхалъ!"

Въ 1666 году собрался новый соборъ, небывалый еще въ Москвѣ по своему составу: на немъ присутствовали два восточныхъ патріарха (антіохійскій—Макарій и александрійскій—Паисій), 10 митрополитовъ и большинство епископовъ русской церкви. Царь предложилъ на разрѣшеніе собора свою распрю съ Никономъ; со слезами на глазахъ жаловался онъ на самовольное удаленіе патріарха, на восьмилѣтнюю смуту въ церкви, на обидныя рѣчи о немъ, и заявилъ, что онъ никакой вражды къ Никону не питалъ. Никонъ отвѣтилъ, что ушелъ отъ гнѣва государя, а патріаршества не оставлялъ. Ему возражали. Онъ спорилъ рѣзко и горячо и выразилъ даже сомнѣніе въ достоинствѣ собора, который его собрался судить. Послѣ долгихъ преній и пререканій соборъ обвинилъ Никона въ томъ, что онъ самовольно оставилъ патріаршество, внесъ смуту въ государство, вмѣшивался въ гражданскія дѣла, злоупотреблялъ анаѳемой, жестоко обращался съ духовенствомъ, допускалъ неприличныя рѣчи противъ патріарховъ, царя и бояръ, и присудилъ его лишить сана, священства и сослать въ качествѣ простого инока на заточеніе въ Ѳерапонтовъ монастырь. Царь однако велѣлъ монахамъ обращаться съ Никономъ почтительно и постоянно посылалъ ему дары. Никонъ сначала отказывался, но потомъ сталъ принимать. Несчастіе, видимо, сломило гордаго и властнаго человѣка. Онъ сталъ слабѣть и тѣломъ и духомъ—вдался въ мелочи, постоянно ссорился съ монахами, жаловался даже царю, что архимандритъ сосѣдняго монастыря наводитъ бѣсовъ на его келью...

Уже въ слѣдующее царствованіе, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, дряхлый и больной заточникъ получилъ разрѣшеніе вернуться изъ ссылки, но на дорогѣ скончался (1681). Восточные патріархи, по просьбѣ царя, разрѣшили поминать его какъ патріарха.

Начало раскола. Несмотря на осужденіе Никона за самовольное оставленіе патріаршаго престола, соборъ съ восточными патріархами во главѣ одобрилъ всѣ его церковныя исправленія и книги, имъ изданныя, и произнесъ анаѳему на непокорныхъ (1667 г.). Эта соборная клятва имѣла огромное значеніе. Съ ея произнесеніемъ всѣ ревнители старыхъ книгъ и обрядовъ, не признававшіе авторитета церковной іерархіи по данному вопросу, за противленіе церковно-канонической власти церковныхъ пастырей поставлены были въ положеніе еретиковъ, признаны были *раскольниками*, людьми отдѣлившимися („отколовшимися“) отъ церкви. Съ этого момента получилъ свое начало *расколъ*, какъ особое церковное общество, отдѣлившееся отъ господствующей церкви во имя церковной старины. Московское правительство стало налагать суровыя наказанія на лицъ, принадлежащихъ къ расколу, въ свою очередь раскольники съ фанатическимъ упорствомъ отстаивали свои убѣжденія, считая себя мучениками за вѣру въ „послѣднія времена“, а гражданскія власти — „слугами антихриста“, которымъ не слѣдуетъ повиноваться. Такъ, начавшись протестомъ противъ церковныхъ властей по чисто религіознымъ мотивамъ, расколъ повелъ и къ противодѣйствію власти гражданской, проявлявшемуся иногда въ самой рѣзкой формѣ. Это дало поводъ и возможность многимъ организаторамъ народныхъ мятежей (Разинъ, Пугачевъ и др.) пользоваться расколомъ, какъ орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей *).

Малороссійскій вопросъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ въ области внѣшнихъ дѣлъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича было присоединеніе Малороссіи. Послѣ введенія уніи вслѣдствіе притѣсненій православныхъ поляками и католическимъ духовенствомъ въ Малороссіи не разъ возникали возстанія казаковъ, къ которымъ примыкало и населеніе. Поляки усмиряли возставшихъ, и положеніе православныхъ еще болѣе ухудшалось, пока, наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича не произошло новое возстаніе казаковъ, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, повлекшее за собою отпаденіе Малороссіи отъ Польши.

---

*) Уже на первыхъ порахъ возникновенія раскола, непосредственно послѣ собора 1666—67 гг., въ Соловецкомъ монастырѣ противодѣйствіе „новшествамъ“ Никона дошло до явнаго возмущенія. Монахи и нѣсколько сотъ раскольниковъ съ ними (въ томъ числѣ были и казаки съ Дону), около 8 лѣтъ оборонялись отъ небольшого отряда стрѣльцовъ, присланнаго захватить мятежниковъ. Только покончивъ борьбу съ Разинымъ, московское правительство прислало сюда значительныя силы; монастырь былъ взятъ приступомъ и зачинщики мятежа перевѣшаны (1676).

Богданъ Хмельницкій былъ сынъ казацкаго сотника и получилъ хорошее по тому времени образованіе въ кіевской братской школѣ, и потомъ въ іезуитскомъ училищѣ. Своей образованностію, дарованіями и выдающейся храбростію въ битвахъ съ турками Хмельницкій быстро выдѣлился среди своихъ сотоварищей казаковъ и занялъ важную должность войскового писаря. Видное положеніе среди казаковъ не избавило однако Хмельницкаго отъ насилій поляковъ. Одинъ изъ польскихъ чиновниковъ (подстароста Чаплинскій) въ отсутствіе Хмельницкаго ограбилъ его хуторъ, увезъ жену и засѣкъ до смерти маленькаго сына. Хмельницкій обратился въ судъ и доходилъ до самого короля, но не нашелъ управы: жалобѣ казака на шляхтича нигдѣ не давали хода. Тогда Хмельницкій рѣшился самъ отомстить полякамъ, и не за себя только, но и за всѣхъ, кто, подобно ему, терпѣлъ отъ нихъ насилія. Онъ изъѣздилъ всю Малороссію, описывая невыносимое положеніе родины и организуя возстаніе. Всюду встрѣтилъ онъ сочувствіе своимъ планамъ. Но рядъ прежнихъ возстаній показалъ, что казаки одни не справятся съ Польшей. Поэтому онъ отправился въ Крымъ и послѣ долгихъ переговоровъ убѣдилъ хана вмѣстѣ напасть на поляковъ. Послѣ этого онъ отправился въ Запорожье, гдѣ казаки радостно отозвались на призывъ Хмельницкаго и даже избрали его своимъ гетманомъ.

Крестьяне всюду брались за оружіе и бѣжали къ гетману. Въ двухъ битвахъ (при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ), казаки и татары, благодаря ловкимъ дѣйствіямъ Хмельницкаго и засадамъ, имъ устроеннымъ, разбили поляковъ на голову (1648). Драгуны, навербованные поляками изъ украинцевъ, въ самый разгаръ битвъ передались Хмельницкому. Самъ коронный гетманъ (т. е. начальникъ королевскихъ войскъ) Потоцкій попалъ въ плѣнъ и отданъ татарамъ, которые увели его въ Крымъ.

Вѣсть о блестящихъ побѣдахъ Хмельницкаго подняла всю Украйну, и возстаніе приняло небывалые размѣры. Всюду организовались отряды такъ называемыхъ гайдамакъ изъ крестьянъ, которые грабили и разрушали панскіе замки, безъ пощады убивали попавшихъ въ ихъ руки пановъ и ксендзовъ, жгли костелы, вѣшали евреевъ-арендаторовъ. Въ это время умеръ король Владиславъ и наставшее впредь до выборовъ новаго короля междуцарствіе еще болѣе способствовало успѣхамъ возстанія. Собравшіеся на сеймъ для выборовъ короля паны наскоро организовали новое войско на этотъ разъ (изъ опасенія новой измѣны холоповъ-драгунъ) преимущественно изъ шляхтичей, самоувѣренно заявлявшихъ, что они плетьми разгонятъ всѣхъ казаковъ. Поставлен-

ное подъ начальство неумѣлыхъ начальниковъ, войско это позорно бѣжало отъ Хмельницкаго, оставивъ въ его рукахъ весь обозъ и массу драгоцѣнностей.

Хмельницкій могъ теперь двинуться на самую Варшаву, гдѣ засѣдалъ сеймъ, но онъ опасался отдать край въ добычу своимъ союзникамъ-татарамъ, боялся вмѣшательства другихъ державъ въ случаѣ полнаго разгрома Польши, а съ другой стороны полагалъ, что русскій народъ можетъ добыть свободу православію и избавиться отъ панскаго гнета, не порывая связи съ Польшей и оставаясь во власти короля. Въ этихъ видахъ онъ всегда заявлялъ, что борется не съ королемъ, а только съ панствомъ, и даже способствовалъ избранію на престолъ брата покойнаго короля Яна Казиміра. Послѣдній разнаго рода обѣщаніями уговорилъ гетмана отступить. Хмельницкій послушался и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ ему была устроена торжественная встрѣча.

Вся Малороссія была теперь во власти Хмельницкаго; онъ раздѣлилъ ее на 24 округа или полка, а полки на сотни. Управленіе сдѣлалось чисто военнымъ, каждый малороссъ именовалъ себя казакомъ. Между тѣмъ поляки, воспользовавшись отступленіемъ гетмана, усиленно готовились къ новой борьбѣ съ казаками. Объявлено было „посполитое рушенье“, т. е. поголовное ополченіе шляхтичей, и самъ король сталъ во главѣ войска. Соединившись съ крымскимъ ханомъ, Хмельницкій двинулся на встрѣчу королю и *подъ Зборовымъ* (въ Галиціи) снова разбилъ поляковъ. Окруженному со всѣхъ сторонъ съ небольшимъ отрядомъ королю грозилъ плѣнъ. Его спасли переговоры съ крымскимъ ханомъ, который за обѣщаніе ежегодной богатой дани („подарковъ“) готовъ былъ отступиться отъ Хмельницкаго и прислалъ королю миролюбивое письмо. Хмельницкій, въ свою очередь, попрежнему заявилъ, что казаки воюютъ не съ королемъ и не желаютъ считаться мятежниками противъ него. Тутъ же надъ Зборовымъ былъ подписанъ мирный договоръ (1649). Король далъ прощеніе всѣмъ участникамъ возстанія. Число казаковъ опредѣлили въ 40 тысячъ; въ ихъ селеніяхъ не дозволялось жить евреямъ и стоять польскимъ войскамъ; чиновники должны быть изъ православныхъ; кіевскій митрополитъ дѣлался членомъ польскаго сената.

Зборовскій трактатъ оказался невыполнимымъ для обѣихъ сторонъ. Съ ограниченіемъ числа казаковъ 40 т. Хмельницкому приходилось удалить изъ казачьихъ полковъ массу крестьянъ, примкнувшихъ къ казакамъ и вовсе не желавшихъ разстаться съ привилегіями казачества. Попытка силою понудить крестьянъ возвратиться къ помѣщикамъ ни къ чему не привела, вызвавъ только общее негодованіе и

толки объ „измѣнѣ“ гетмана русскому дѣлу. Съ другой стороны и шляхта крайне враждебно отнеслась къ договору короля съ казацкими „хлопами“ и не желала соблюдать его условій; митрополита кіевскаго въ сенатѣ не приняли.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ началась новая война у Хмельницкаго съ поляками. Послѣдніе теперь уже не такъ легкомысленно, какъ прежде, отнеслись къ борьбѣ съ казаками, но подготовили громадныя силы—до 300 тысячъ, въ томъ числѣ были даже нѣмецкія наемныя войска. Хмельницкій опять призвалъ на помощь крымцевъ. Враги сошлись подъ Берестечкомъ. Въ рѣшительный моментъ битвы ханъ, недовольный трудностями боя съ громадными силами поляковъ, бѣжалъ съ поля сраженія и даже увелъ съ собою въ плѣнъ Хмельницкаго, который пытался его остановить. Оставшееся безъ вождя казацкое ополченіе было разбито.

Только черезъ мѣсяцъ удалось гетману вырваться отъ хана. Народное возстаніе было подавлено польскими войсками и Хмельницкій вынужденъ былъ, ради выигрыша времени, заключить съ поляками (подъ *Бѣлою Церковью*) новый мирный договоръ, которымъ отмѣнялись условія Зборовскаго трактата и число казаковъ ограничивалось всего 20 тыс. Малороссія очутилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ была до войны. Спасаясь отъ панскаго гнета, народъ сталъ массами уходить въ южныя области Московскаго государства (въ предѣлы нынѣшнихъ Курской и Харьковской губерній), гдѣ разомъ возникъ рядъ малорусскихъ слободъ, преобразовавшихся потомъ въ города (Сумы, Ахтырка, Лебединъ, Изюмъ, Харьковъ и др.).

Подданство Малороссіи. Хмельницкому приходилось начинать новую борьбу съ Польшей. Не разсчитывая больше на крымскихъ татаръ и не надѣясь одолѣть поляковъ одними своими силами, Хмельницкій, въ виду явнаго тяготѣнія населенія Украйны къ православной Москвѣ, рѣшился и самъ обратиться къ Алексѣю Михаиловичу съ просьбой о помощи и предложеніемъ принять Малороссію съ свое подданство.

Хмельницкій и раньше, послѣ погрома подъ Берестечкомъ, переговаривался съ Москвой о помощи, но тамъ не желали начинать войну съ Польшей. Теперь Хмельницкій заявилъ, что, въ виду крайне тяжелаго положенія Украйны, придется, въ случаѣ отказа Москвы, передаться въ подданство турецкому султану. Московское правительство попробовало путемъ мирныхъ переговоровъ побудить Польшу возобновить условія Зборовскаго трактата и облегчить положеніе православныхъ, но, разумѣется безуспѣшно. Тогда въ Москвѣ созванъ былъ земскій соборъ (1653 г.), которому и предложено было рѣшить вопросъ о Мало-

россіи. Выборные земскіе люди единогласно рѣшили принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Послѣ этого отправлено было изъ Москвы особое посольство (во главѣ съ бояриномъ Бутурлинымъ) взять съ населенія Украйны присягу на подданство московскому царю.

8-го января 1654 г. Хмельницкій созвалъ въ Переяславлѣ великую раду (общее народное собраніе). Раздались громкіе клики народа: „Волимъ подъ царя православнаго". Прочитаны были условія присоединенія и принесена присяга. Число казаковъ опредѣлялось теперь въ 60 тысячъ; имъ предоставлялось право свободнаго выбора гетмана; послѣдній имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ, давая объ этомъ только знать въ Москву, но съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ можетъ сноситься не иначе, какъ съ согласія московскаго государя; права городовъ и шляхты остаются прежнія; правителями городовъ и сборщиками податей должны быть малороссіяне и пр. Такимъ образомъ Малороссія пріобрѣла права, какихъ никогда не имѣла при польскомъ господствѣ, вдобавокъ московскій царь обязывался защищать ее отъ всѣхъ враговъ.

Война съ Польшей и Швеціей. Война съ Польшей за Малороссію имѣла въ первое время характеръ похода на защиту православія отъ католиковъ и началась очень удачно для русскихъ. Многіе города сдавались добровольно. Бѣлоруссы съ радостью встрѣчали православныхъ. Самъ царь осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Скоро занята была Вильна, столица Литвы, взяты Ковно и Гродно. Въ то же время Хмельницкій, подкрѣпленный русскими воеводами, прошелъ Подолію, Галицію и взялъ Люблинъ.

Но тутъ ввязались въ войну шведы и захватили въ свои руки Познань, Варшаву и Краковъ. Это вмѣшательство шведовъ, поставившее, повидимому, Польшу на край гибели, послужило неожиданно къ ея спасенію. Московское правительство было очень недовольно этимъ, такъ какъ опасалось усиленія и безъ того могучей Швеціи за счетъ Польши. Австрійская дипломатія, желая спасти Польшу, поддерживала мысль объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи отъ усиленія Швеціи, и съ другой стороны подавала надежду, что поляки по смерти бездѣтнаго Казиміра изберутъ на престолъ московскаго царя и такимъ образомъ Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Алексѣй Михаиловичъ поспѣшилъ заключить перемиріе съ Польшей, удержавъ за собой Бѣлоруссію и Малороссію (1656), и обратилъ оружіе уже противъ Швеціи, въ надеждѣ пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря.

Русскіе заняли нѣсколько городовъ и осадили Ригу, но не смогли

ее взять. Война затянулась и кончилась „вѣчнымъ“ миромъ (въ Кардисѣ въ 1661 г.), по которому русскіе возвратили шведамъ всѣ свои завоеванія. Къ этой уступкѣ понудили русскихъ новыя смуты въ Малороссіи и возобновившаяся война съ Польшей.

Пока русскіе боролись съ Швеціей, Польша успѣла оправиться отъ погрома, произведеннаго въ ея владѣніяхъ сосѣдями, и вытѣснила шведскую армію изъ своихъ предѣловъ. Въ Малороссіи въ эту пору шли большія смуты. Богданъ Хмельницкій былъ очень огорченъ перемиріемъ Москвы съ Польшей, тѣмъ болѣе, что оно было заключено безъ его участія, и умолялъ Алексѣя Михаиловича не вѣрить обѣщаніямъ поляковъ и ихъ друзей и покончить разъ навсегда съ Польшей. Его предостереженій однако не послушали. Тогда огорченный гетманъ вошелъ было въ тайныя сношенія съ Швеціей о совмѣстной борьбѣ противъ Польши, но вскорѣ скончался (1657 г.).

Казаки, изъ уваженія къ заслугамъ Хмельницкаго, еще при жизни Богдана избрали гетманомъ его сына 16-ти-лѣтняго Юрія Хмельницкаго. Но едва умеръ Богданъ, какъ начались смуты. Гетманское достоинство захватилъ, съ помощью преданныхъ ему казацкихъ полковниковъ, генеральный писарь Выговскій и завелъ переговоры съ Польшей, обѣщаясь вновь привести Малороссію въ подданство королю при дарованіи особыхъ, наравнѣ съ шляхтой, привилегій „казацкой старшинѣ“, т. е. казацкому начальству, и вообще чиновному люду, который, не взирая на подданство Москвѣ, все еще оказывалъ предпочтеніе аристократической Польшѣ. Но простые казаки и крестьяне и слышать не хотѣли о подчиненіи Польшѣ и тянули къ царю Московскому. Выговскому, несмотря на содѣйствіе поляковъ и помощь крымскаго хана, пришлось бѣжать изъ Малороссіи. Послѣ него смѣнилось еще нѣсколько гетмановъ (Тетеря, Юрій Хмельницкій, Брюховецкій), но и они по большей части колебались въ своихъ симпатіяхъ и тянули къ польскимъ порядкамъ. Во время этихъ смутъ обнаружилось между прочимъ своеобразное раздѣленіе Малороссіи: въ смежной съ московскими владѣніями восточной половинѣ Малороссіи (по лѣвую сторону Днѣпра) брали верхъ приверженцы Москвы, въ западной, близкой къ Польшѣ, осиливали сторонники Польши.

Между тѣмъ поляки, выгнавши шведовъ изъ своихъ владѣній, стали оказывать противодѣйствіе и Россіи, не соглашаясь оставить за нею пріобрѣтенія въ Литвѣ и Малороссіи. Началась такимъ образомъ вторая польская война. Для русскихъ она была весьма неудачна. Смуты Малороссіи и измѣнническія дѣйствія казацкой старшины вредили ходу военныхъ дѣйствій; поляки же нашли себѣ союзниковъ въ

лицѣ крымскихъ татаръ и совмѣстно съ ними нанесли нѣсколько пораженій московскимъ воеводамъ; города, завоеванные русскими, снова перешли во власть Польши.

Не взирая на эти успѣхи, Польша была страшно обезсилена и истощена продолжительными войнами и стала искать мира, особенно когда возникла опасность новыхъ осложненій—съ Турціей изъ-за той же Малороссіи (гетманъ западной Малороссіи Дорошенко завелъ переговоры съ султаномъ, желая объединить подъ своей властію всю Малороссію и образовать изъ нея подъ главенствомъ султана независимое отъ Польши и Россіи владѣніе). Уполномоченные обѣихъ враждующихъ сторонъ съѣхались въ селѣ *Андрусовѣ* близъ Смоленска и послѣ продолжительныхъ переговоровъ, при чемъ особенно отличился своими дипломатическими способностями бояринъ Ординъ-Нащокинъ, заключили перемиріе на 13½ лѣтъ (1667 г.). Москва отказалась отъ Литвы, но пріобрѣтала Смоленскъ, Сѣверскую область, восточную половину Малороссіи съ Запорожьемъ и городъ Кіевъ (послѣдній только на два года, но онъ не былъ возвращенъ и послѣ этого времени; возникшая потомъ у Польши борьба съ Турціей изъ-за притязаній Дорошенко заставила поляковъ искать сближенія съ Россіей противъ общаго врага и не очень настаивать на соблюденіи договора относительно Кіева).

По Андрусовскому перемирію не вся еще Малороссія перешла къ Москвѣ. Правымъ берегомъ Днѣпра не удалось овладѣть. Но въ рукахъ Москвы очутилась теперь важная часть Малороссіи—восточная и г. Кіевъ съ округомъ. Это былъ громадный успѣхъ московской политики. Помимо самаго факта возврата старинныхъ и коренныхъ русскихъ земель и колыбели русской земли г. Кіева, присоединеніе Малороссіи важно еще тѣмъ, что это былъ первый наступательный шагъ Московскаго государства относительно Польши. Доселѣ Москва только оборонялась и по большей части уступала Польшѣ. Теперь она явно становится сильнѣе ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ выростаетъ въ глазахъ сосѣдей, пріобрѣтаетъ видное значеніе среди европейскихъ государствъ.

Подготовка къ преобразованіямъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича сближеніе съ Западной Европой, начавшееся еще при Іоаннѣ III и прерванное смутой и вновь возобновившееся при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, сдѣлало дальнѣйшій шагъ впередъ. Въ связи съ внѣшними и внутренними обстоятельствами теперь уже сильнѣе и опредѣленнѣе обнаружилась потребность въ преобразованіяхъ на западно-европейскій ладъ.

Внѣшнія опасности уже ранѣе заставили призвать въ Россію массу иностранныхъ техниковъ, ратныхъ людей, мастеровъ и заводчиковъ. Исчезнувшая было въ смутное время „Нѣмецкая слобода" въ Москвѣ возродилась снова и насчитывала теперь уже тысячи семействъ. Оби-

татели этой слободы вмѣстѣ съ промышленной и военной техникой Западной Европы принесли въ Москву и западно-европейскій комфортъ, западныя увеселенія и украшенія жизни. Ихъ прежде всего и переняли въ Москвѣ. Царь и бояре стали ѣздить въ иноземныхъ каретахъ, украшать комнаты часами, зеркалами, картинами, мебелью; самые дома стали строить по новому, съ свѣтлыми просторными комнатами. Многіе стали носить болѣе удобное въ домашнемъ обиходѣ короткое платье иноземнаго покроя и т. д. Въ связи съ заимствованіями въ области военнаго искусства, техники и чисто внѣшнихъ удобствъ и украшеній жизни все сильнѣе и сильнѣе возникала потребность въ ознакомленіи съ той наукой, плодомъ которой явилась эта техника и удобства внѣшняго быта. Усилившіяся при царѣ Алексѣѣ дипломатическія сношенія съ Западной Европой*) непосредственно знакомили людей высшаго круга, отправлявшихся послами, съ порядками и бытомъ Запада и сильнѣе заставляли чувствовать отсталость Россіи и недостатокъ въ образованіи. Но прямо вызывать въ Москву ученыхъ и учителей съ Запада еще не рѣшались, опасаясь ущерба чистотѣ вѣры и вреднаго вліянія на учениковъ. Болѣе подходящими посредниками въ дѣлѣ усвоенія западно-европейскаго просвѣщенія казались западно-русскіе ученые, преимущественно монахи, образованные въ школахъ, устроенныхъ по западному образцу. Ихъ и стали усиленно вызывать въ Москву для обученія дѣтей и организаціи школъ. Среди лицъ, близкихъ къ царю, самыми убѣжденными и вліятельными ревнителями просвѣщенія и сторонниками преобразованій явились бояринъ *Ртищевъ*, начальники посольскаго приказа *Ординъ-Нащокинъ* и *Матвѣевъ*, на родственницѣ котораго Наталіи Кирилловнѣ Нарышкиной и женился царь Алексѣй Михаиловичъ (по смерти 1-й своей супруги изъ рода Милославскихъ).

Ртищевъ—былъ царскимъ постельничимъ. Другъ и сторонникъ кіевскихъ ученыхъ, человѣкъ религіозно настроенный и обладавшій большими средствами, Ртищевъ устроилъ подъ Москвой монастырь (Свято-Андреевскій) и при немъ школу и на свой счетъ выписалъ изъ Кіева до 30-ти ученыхъ русскихъ монаховъ съ извѣстнымъ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Эти ученые должны были заниматься переводомъ книгъ и обучать желающихъ латинскому и греческому языкамъ, грамматикѣ, риторикѣ, философіи и другимъ словеснымъ наукамъ. Выписан-

*) При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ постоянно совершались пріемы иностранныхъ пословъ и отправлялись посольства въ разныя страны, между прочимъ въ Италію, Францію и Испанію. Кромѣ того велись постоянныя сношенія съ Персіей, турецкимъ султаномъ; отправлены были даже послы въ Индію искать дружбы одного изъ тамошнихъ государей. Наконецъ по поводу движенія русскихъ казаковъ къ Амуру отправленъ былъ посланникъ въ Китай (1615). Послѣдній, впрочемъ, воротился ни съ чѣмъ и привезъ самыя невыгодныя вѣсти о китайцахъ, какъ о людяхъ, „которымъ ни въ чемъ довѣряться нельзя“.

ные монахи съ ихъ покровителемъ во главѣ и вмѣстѣ съ нѣсколькими московскими учеными монахами составили ученый кружокъ, гдѣ постоянно велись бесѣды объ ученыхъ предметахъ. Набожный и благочестивый ревнитель родной старины, человѣкъ прославившійся своей благотворительностію*), спокойный и обходительный въ обращеніи, вдумчивый и разсудительный, Ртищевъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей того круга людей описываемаго времени, которые пытались духовно преобразовать русскаго человѣка, искоренить въ немъ привязанность къ мертвой обрядности и привить ему любовь къ ученію, образованію и наукѣ, не расходящейся съ святоотеческими преданіями. Самъ царь Алексѣй по своимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ примыкалъ къ этому кружку, но не сторонился и отъ другихъ болѣе рѣшительныхъ и бойкихъ ревнителей образованія и преобразованій уже на чисто европейскій ладъ. Наиболѣе выдающимся среди послѣднихъ былъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ.

Ординъ-Нащокинъ. Урожонецъ Псковскаго края, Ординъ-Нащокинъ, благодаря сосѣдству съ Ливоніей и сношеніямъ съ нѣмцами, имѣлъ возможность съ дѣтства познакомиться съ иноземцами и порядками ближайшихъ западно-европейскихъ сосѣдей Россіи и выросъ убѣжденнымъ сторонникомъ Запада. Благодаря этому же, онъ еще въ дѣтствѣ выучился нѣмецкому и латинскому языкамъ (впослѣдствіи выучился и польскому языку) и съ помощью ихъ пріобрѣлъ довольно широкое по тому времени образованіе, зналъ даже математику. Онъ заявилъ себя выдающимися административными и особенно дипломатическими способностями, блестяще обнаружившимися при заключеніи андрусовскаго перемирія. Послѣ этого онъ былъ пожалованъ высшимъ саномъ „ближняго" боярина и получилъ въ управленіе посольскій приказъ (съ титуломъ „царственныя большія печати и государственныхъ дѣлъ оберегателя"). Возвышеніе Нащокина, человѣка вовсе неродовитаго, вызвало сильную къ нему ненависть и интриги бояръ, но, опираясь на довѣріе государя, онъ успѣлъ намѣтить, а частію и осуществить нѣкоторые изъ своихъ довольно широкихъ замысловъ, имѣвшихъ въ корнѣ одну исходную мысль—преобразованіе русскихъ порядковъ по примѣру Запада. Первымъ средствомъ къ этому онъ считалъ пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря и гавани на немъ и главнымъ врагомъ считалъ Швецію, закрывшую русскимъ пути въ Европу. Россію Нащокинъ мечталъ сдѣлать средоточіемъ по торговлѣ Европы съ Азіей и всѣми мѣрами старался поднять русскую торговлю и оградить ее отъ соперничества англичанъ и голландцевъ. Онъ добился отмѣны множества стѣснительныхъ для торговли мелкихъ пошлинъ, проектировалъ устройство торговыхъ обществъ (купеческихъ компаній и пр.). Съ цѣлію охраны торговли на Волгѣ и Каспіѣ предлагалъ завести военный флотъ,—при немъ былъ даже построенъ первый русскій мореходный корабль („Орелъ",

---

*) Онъ выкупалъ плѣнныхъ, устроилъ на свой счетъ больницу и богадѣльню для убогихъ, во время войны съ Польшей взялъ на свое попеченіе больныхъ и раненыхъ воиновъ и вообще большую часть своего состоянія тратилъ на нужды благотворенія—что составило ему широкую и почетную извѣстность не только среди русскихъ, но и у иностранцевъ.

сожженный потомъ Разинымъ у Астрахани. Заботясь объ улучшеніи не только торговыхъ, но и политическихъ сношеній съ Западомъ, онъ учредилъ заграничную почту, чтобы вовремя и регулярно получались оттуда извѣстія; по его же мысли заведены „куранты"—рукописныя газеты для царя и приближенныхъ къ нему лицъ, куда вносились въ переводѣ сообщенія иностранныхъ газетъ объ европейскихъ событіяхъ. Онъ много хлопоталъ о преобразованіи войска и поставилъ свой посольскій приказъ на европейскій ладъ, очистивъ его отъ людей, которые могли уронить своей грубостію или неблаговидными поступками русское имя въ глазахъ иностранцевъ. Послѣдніе высоко ставили Нащокина, называя его „великимъ политикомъ" и „государственнымъ министромъ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ".

Быстрое возвышеніе Нащокина, и еще болѣе его желчный, неуживчивый характеръ и рѣзкіе отзывы о современникахъ, плодили ему многочисленныхъ враговъ среди боярства и дьяковъ, которыхъ онъ нещадно преслѣдовалъ за злоупотребленія. Постоянныя отъ нихъ непріятности по службѣ вынудили его, несмотря на благоволеніе царя, удалиться отъ дѣлъ и даже постричься въ монастырѣ. Но и туда не разъ, какъ Алексѣй Михаиловичъ, такъ потомъ и сынъ его Ѳеодоръ, обращались къ иноку-Нащокину за совѣтами по политическимъ дѣламъ.

Матвѣевъ. Послѣ Нащокина начальникомъ посольскаго приказа былъ сдѣланъ Артамонъ Сергѣевичъ *Матвѣевъ*—третья крупная личность среди сторонниковъ преобразованій, сгруппировавшихся вокругъ „тишайшаго" царя. Сынъ дьяка, онъ еще молодымъ человѣкомъ поступилъ на службу ко двору и обратилъ на себя вниманіе царя своимъ умомъ, начитанностію и скромностію. При дворѣ этотъ непритязательный и нечестолюбивый человѣкъ пользовался общею любовью. Самъ царь мало по малу настолько къ нему привязался, что не могъ уже обходиться безъ его совѣта и часто ходилъ къ нему запросто. Ему нравились между прочимъ и порядки домашней жизни Матвѣева, устроенной на иноземный ладъ. По дѣламъ ратной службы Матвѣевъ сблизился съ обитателями Нѣмецкой слободы въ Москвѣ настолько, что тамъ же выбралъ себѣ и жену (шотландку, принявшую православіе). Подъ ея вліяніемъ, онъ завелъ у себя въ домѣ обстановку на европейскій ладъ—картины, зеркала, часы, изящную мебель. Къ радушному и привѣтливому хозяину часто собирались гости, но не для обычныхъ попоекъ и бражничанья, а для бесѣдъ и изящныхъ развлеченій. Самъ онъ любилъ заниматься чтеніемъ и даже писалъ историческія замѣтки. Въ нарушеніе господствовавшаго обычая, въ домѣ Матвѣева уже не было затворничества женщинъ и жена вмѣстѣ съ нимъ принимала гостей. Здѣсь Алексѣй Михаиловичъ познакомился съ родственницей и воспитанницей Матвѣева, дочерью небогатаго рязанскаго помѣщика Натальей Кирилловной Нарышкиной, и женился на ней (1671) послѣ смерти первой своей супруги (Марьи Ильиничны Милославской). Значеніе Матвѣева послѣ этого брака усилилось еще болѣе. Подъ вліяніемъ Матвѣева, при дворѣ завелись новые порядки. Молодая царица стала показываться народу и ѣздила въ открытой каретѣ. Во дворцѣ

завелась небывалая дотолѣ потѣха—духовая музыка и театральныя представленія *).

Постепенно, подъ вліяніемъ близкихъ къ царю сторонниковъ Западной Европы, въ русскомъ обществѣ, первоначально въ высшемъ его кругу, по почину дворца, внѣдрялись новые порядки и въ извѣстной мѣрѣ сама собой намѣчалась программа преобразованій всего внутренняго строя русской жизни, начиная съ условій внѣшняго быта и кончая заботами о нуждахъ просвѣщенія. Дѣти царя и многихъ бояръ воспитывались уже по новому. Наставникомъ царскихъ дѣтей, (въ томъ числѣ и дочерей Алексѣя Михаиловича) былъ вызванный съ западной Руси ученый монахъ Симеонъ Полоцкій извѣстный своими многочисленными и самыми разнообразными литературными произведеніями (отъ проповѣдей до драмъ и одъ, написанныхъ тяжелыми виршами, включительно). Онъ привилъ своимъ питомцамъ любовь къ литературѣ и наукѣ, къ заведенію школъ и былъ проводникомъ болѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ взглядовъ на жизнь и людей. Царь Алексѣй Михаиловичъ скончался, далеко еще не доживши до старости,—на 47 году отъ рожденія (1676 г.), оставивъ многочисленную семью—отъ 1-го брака съ Милославской двухъ сыновей—Ѳеодора 14 лѣтъ, которому и завѣщалъ престолъ, и Іоанна 9 л. и 6 дочерей, съ 19-лѣтней Софьей во главѣ; и отъ 2-го брака съ Нарышкиной сына Петра 4 лѣтъ (род. 30 мая 1672 г.) и двухъ дочерей.

Въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Михаиловича между родичами его 1-й супруги Милославскими и Нарышкиными были сильные нелады. Бракъ съ Наталіей Кирилловной, возвысивъ Матвѣева, понизилъ значеніе Милославскихъ при дворѣ. Вдобавокъ старшія дочери царя сильно не взлюбили свою мачиху. Вслѣдствіе этого при дворѣ образовались двѣ партіи—Милославскихъ и Нарышкиныхъ. При жизни царя Алексѣя Михаиловича главное значеніе имѣли люди близкіе къ Нарышкинымъ, съ его смертію получили перевѣсъ Милославскіе.

Личность царя Алексѣя Михаиловича. Алексѣй Михаиловичъ по добротѣ и мягкости характера напоминалъ отца, но отличался отъ него живостію, впечатлительностію и подвижностію. Сердечность въ отношеніяхъ къ людямъ, простота и привѣтливость въ обращеніи доста-

---

*) Сначала на библейскія темы—о Юдиѳи и Олоферне, о блудномъ сынѣ и пр., а разъ на масляницѣ давали даже балетъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Орфей. Въ помощь иностранной труппѣ обучили нѣсколько десятковъ мѣщанскихъ дѣтей. Въ Преображенскомъ селѣ и кремлевскомъ дворцѣ Матвѣевымъ устроены были особыя „комедійныя хоромины“ съ декораціями и мѣстами для государя, его семьи и лицъ, близкихъ ко двору.

вили ему отъ современниковъ прозваніе „тишайшаго“ царя, несмотря на отличавшую его вспыльчивость (чуждую, впрочемъ, какой либо злобы или злопамятства). Съ богатыми природными дарованіями онъ соединялъ большую начитанность въ тогдашней оригинальной и переводной русской литературѣ и заявилъ себя умѣньемъ красиво и выразительно, хотя и растянуто, писать.

Въ высшей степени религіозный человѣкъ, строго исполнявшій всѣ посты и церковные обряды, онъ однако не чуждался веселыхъ потѣхъ и мирныхъ удовольствій. Убѣжденный ревнитель старины, онъ шелъ на встрѣчу „новшествамъ“ Запада и выдвигалъ даровитыхъ людей съ западнымъ образованіемъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ наиболѣе уравновѣшеннымъ по характеру представителемъ надвигавшагося на Руси перехода отъ древнихъ формъ жизни и мысли къ общеевропейской культурѣ, хотя дѣлалъ все это не вполнѣ увѣренно и смѣло.

Являясь поистинѣ однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей того времени, онъ пользовался общими симпатіями: не только русскіе, но и иностранцы, даже враги его, единогласно слагаютъ хвалу его уму и прекраснымъ качествамъ характера. Одинъ только и крупный для правителя обширной страны недостатокъ отмѣчается въ немъ—это отсутствіе надлежащей твердости характера; онъ былъ податливъ и нерѣдко подчинялся вліянію окружавшихъ его лицъ болѣе, чѣмъ это вызывалось обстоятельствами. Въ ту тревожную и бурную эпоху, полную сложныхъ вопросовъ, требовавшихъ увѣренной и твердой руки для своего рѣшенія, этотъ недостатокъ „тишайшаго“ царя чувствовался очень замѣтно.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ (1666—1682).

Ѳеодоръ Алексѣевичъ по характеру походилъ на отца, но уступалъ ему въ дарованіяхъ. Хилый и болѣзненный отъ рожденія, онъ тѣмъ не менѣе усердно учился у Полоцкаго, зналъ по-польски и немного по-латыни, любилъ чтеніе и, по примѣру своего наставника, пристрастился къ составленію виршей. На престолъ онъ вступилъ всего 14 лѣтъ и въ первое время не могъ самъ править государствомъ; всѣми дѣлами завѣдывали его родичи Милославскіе. Они прежде всего поспѣшили раздѣлаться съ ненавистнымъ имъ бояриномъ Матвѣевымъ и отправили его вмѣстѣ съ сыномъ въ ссылку въ Сибирь (въ Пустозерскъ), обвинивъ, по ложнымъ навѣтамъ, въ „чернокнижіи“ (чтеніи волшебныхъ книгъ) и въ нерадѣніи о здоровіи государя (за то, что не выпивалъ остатокъ лекарства послѣ больного государя. Вслѣдъ за Матвѣевымъ сосланы были и двое Нарышкиныхъ, братья царицы, а сама Наталія Кирилловна съ дѣтьми должна была удалиться въ почетную неволю—въ подмосковное село Преображенское.

Господство Милославскихъ, впрочемъ, было непродолжительно. Черезъ три года, когда Θеодору исполнилось 17 лѣтъ, они должны были уступить свое вліяніе любимцамъ царя: постельничему Лихачеву и спальнику Языкову. То были молодые, способные и очень честные и добросовѣстные люди, по своимъ стремленіямъ и образованію соотвѣтствовавшія наклонностямъ молодого царя. Кромѣ нихъ по вліянію на царя выдвинулся еще тоже молодой по лѣтамъ, но еще болѣе даровитый и широко по тому времени образованный князь Василій Васильевичъ Голицынъ, большой поклонникъ Запада.

Одушевленный самыми добрыми намѣреніями, юный царь, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ совѣтниковъ, несмотря на короткое время своего царствованія, успѣлъ сдѣлать не мало распоряженій по внутреннимъ дѣламъ, свидѣтельствовавшихъ о его гуманности и заботахъ о человѣческомъ достоинствѣ. Между прочимъ былъ изданъ указъ о прекращеніи четвертованія преступниковъ. Въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, запрещалось сравнивать его съ Богомъ; отмѣнили обычай, въ силу котораго простые люди при встрѣчѣ съ боярами должны были слѣзать съ коней и кланяться въ землю, и пр. *).

Особенно же интересовался Θеодоръ Алексѣевичъ просвѣщеніемъ. Онъ любилъ посѣщать типографію и школу при ней. Передъ смертію онъ утвердилъ уставъ *Славяно-греко-латинской академіи*, перваго въ своемъ родѣ высшаго учебнаго заведенія въ Россіи, для лицъ всѣхъ сословій и возрастовъ, основаннаго по примѣру Кіевской академіи, по проекту Симеона Полоцкаго. Въ ней должны были преподаваться грамматика, піитика, реторика, діалектика и философія. Академія должна была служить ученымъ орудіемъ борьбы противъ иновѣрцевъ и охранять православіе. Она учреждена была уже послѣ смерти Θеодора Алексѣевича. Важнѣйшей мѣрой по внутреннимъ дѣламъ за время царствованія Θеодора Алексѣевича является *уничтоженіе мѣстничества*, застарѣлой язвы Московскаго государственнаго строя; изъ внѣшнихъ дѣлъ—продолженіе начатой еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ войны съ Турціей и такъ называемое *окончаніе малороссійскаго вопроса*, окончательное закрѣпленіе за Москвой восточной Малороссіи послѣ отказа Турціи отъ притязаній на нее (по условіямъ 20-ти-лѣтняго перемирія

---

*) Въ этихъ мѣрахъ видятъ вліяніе кн. Голицына, котораго всѣ выставляютъ какъ очень образованнаго и гуманнаго человѣка. Замѣчательно, что въ той сферѣ, куда не простиралось вліяніе Голицына и гдѣ, наоборотъ, сказывалось вліяніе патріарха Іоакима—въ дѣлахъ церковныхъ—господствовала прежняя суровость наказаній. Такъ, напр., главари раскола Лазарь, Аввакумъ и дьяконъ Θеодоръ были сожжены въ Пустозерскѣ (1681 г.). Та же казнь предназначается виновнымъ въ порицаніи православія и учеными дѣятелями славяно-греко-латинской академіи.

въ Бахчисараѣ 1681 г. западная половина Малороссіи, служившая главной ареной столкновенія войскъ Россіи и Польши съ турками и татарами, и страшно разоренная послѣдними, осталась за Турціей).

Уничтоженіе мѣстничества. Заботясь объ улучшеніи ратнаго дѣла, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ поручилъ князю Голицыну съ комиссіей изъ выборныхъ людей отъ служилаго сословія обсудить вопросъ о преобразованіи войска. Комиссія пришла къ мысли, что успѣхамъ военныхъ дѣйствій сильно вредитъ обычай воеводъ считаться мѣстами и что лучше было бы совсѣмъ отмѣнить мѣстничество, отъ котораго происходятъ только раздоры и неурядицы во всѣхъ дѣлахъ. Мѣстничествомъ назывался обычай московскихъ бояръ считаться службою предковъ („отечествомъ") или знатностію рода при назначеніи на мѣста въ войскѣ или въ областномъ управленіи, а также въ придворныхъ церемоніяхъ и за царскимъ столомъ. Обычай этотъ коренился еще въ родовыхъ понятіяхъ, по которымъ каждый членъ рода, и особенно глава его, своими дѣйствіями или своимъ положеніемъ возвышаетъ или унижаетъ весь родъ сравнительно съ другими. Родовые счеты и споры о первенствѣ побуждали удѣльныхъ князей къ усобицамъ; такіе же счеты привели потомъ бояръ къ мѣстничеству.

Особенно развился этотъ обычай съ той поры, какъ удѣльные князья стали поступать на службу къ великимъ князьямъ московскимъ. Княжескіе роды старались стать выше боярскихъ, боярскіе старые роды выше молодыхъ, величаясь другъ передъ другомъ знатностію рода. При назначеніи на новыя мѣста бояре тщательно слѣдили, справляясь въ такъ называемыхъ „разрядныхъ книгахъ" (куда вписывались всѣ служебныя назначенія), какъ бы не очутиться въ подчиненіи у лица, предки котораго стояли ниже ихъ предковъ, и не нанести тѣмъ ущерба („порухи") своему роду.

Эти претензіи бояръ ставили часто въ затрудненіе московское правительство при назначенія, напр., главнаго воеводы въ войско или главы посольства въ чужія страны. Приходилось назначать людей не по способностямъ и заслугамъ, а по знатности рода, что, конечно, сопровождалось большимъ ущербомъ для дѣла. Вслѣдствіе этого правительство назначало иногда на высокія мѣста людей знатныхъ только для виду, чтобы не обидѣть ихъ подчиненныхъ, предоставляя фактически главную роль ихъ незнатнымъ помощникамъ, или же—что чаще бывало—объявляло, напр., тотъ или другой походъ „безъ мѣстъ", запрещая начальникамъ на время его входить въ родовые счеты, тѣмъ болѣе, что послѣдніе у большинства перепутались такъ же, какъ нѣкогда запуталось вычисленіе очередного порядка въ лѣствичномъ вос-

хожденіи среди младшихъ князей во время усобицъ. Сплошь и рядомъ вслѣдствіе ошибочности боярскихъ претензій царю приходилось налагать наказаніе на виновныхъ, напр., за неосновательный отказъ сидѣть за царскимъ столомъ ниже другихъ или грубыя оскорбленія болѣе родовитому боярину *).

Въ послѣднемъ случаѣ спорщика иногда, по указу государя, или по приговору думы, „выдавали головой“ его счастливому сопернику. Обрядъ выдачи головой заключался въ слѣдующемъ. Пристава брали виновнаго подъ руки и въ сопровожденіи дьяка отводили на дворъ къ обиженному имъ боярину и ставили у крыльца. Хозяинъ выходилъ на крыльцо и дьякъ объявлялъ ему, что „великій государь указалъ, а бояре приговорили выдать такого-то ему головой“. Бояринъ благодарилъ за оказанную честь, давалъ дьяку подарокъ и отпускалъ своего соперника, а на-утро ѣхалъ къ царю бить челомъ за его милость. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ виновныхъ присуждали иногда къ заключенію въ тюрьму или даже къ ссылкѣ въ Сибирь.

Упорство бояръ въ спорахъ за мѣста объяснялось тѣмъ, что всякая уступка другому принижала не лично только уступившаго боярина, но обрекала и весь его родъ, всѣхъ его потомковъ быть впредь ниже рода его соперника. Съ другой стороны мѣстничество, ставя отношенія лицъ и фамилій въ зависимость только отъ заслугъ предковъ, дѣлало положеніе лица или фамиліи въ извѣстной мѣрѣ независимымъ отъ произвола и разныхъ случайностей при дворѣ и выдѣляло родовитыя княжескія фамиліи, выгодно обособляя ихъ отъ другихъ. Въ эпоху Грознаго этому родовитому боярству нанесенъ былъ однако сильный ударъ, отъ котораго ему уже не удалось оправиться. Въ XVII в. значительная часть его уже вымерла или настолько упала экономически, что мало интересовалась вопросомъ о мѣстничествѣ, тѣмъ болѣе, что въ ряды родовитой знати стали все чаще и чаще проникать за служебныя отличія и заслуги и неродовитые люди.

Съ теченіемъ времени мѣстническіе счеты съ ихъ путаницей и неурядицами настолько надоѣли и правительству и самимъ ихъ участникамъ, что объявленіе службы „безъ мѣстъ“ стало уже зауряднымъ явленіемъ и никого почти не смущало. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены „безъ мѣстъ“. Неудивительно поэтому, что, когда Ѳеодоръ Алексѣевичъ созвалъ въ думу бояръ и

*) Бывали, напр., такіе случаи. На обѣдѣ у царя бояре разсаживались обыкновенно по степени своей знатности. Вдругъ какому-нибудь боярину покажется, что онъ неправильно посаженъ ниже другого. Онъ начинаетъ бить царю челомъ о пересадкѣ и, когда получаетъ отказъ, то порывается уйти. Его по приказу царя насильно водворяютъ на свое мѣсто, тогда онъ сползаетъ подъ столъ и кричитъ, что „хотя царь ему и голову велитъ отсѣчь, а ниже такого-то онъ сидѣть не станетъ“.

высшее духовенство и, предъявивъ имъ мнѣніе выборныхъ людей, спросилъ: отмѣнить ли мѣстничество, или оставить все по прежнему? то всѣ единогласно отвѣтили, что мѣстничество, какъ источникъ многихъ золъ и вражды, должно быть отмѣнено, и даже благодарили Θеодора Алексѣевича за такое предложеніе. Государь велѣлъ принести „разрядныя книги“ и тяжебныя дѣла по мѣстничеству и въ присутствіи всѣхъ сжечь (1682). Виновнымъ въ противленіи этому приговору назначено лишеніе званія и имуществъ. А взамѣнъ разрядныхъ мѣстническихъ книгъ заведена родословная книга, гдѣ стали записываться на память потомству боярскіе роды и служба служилыхъ людей; такія родословныя книги дозволено было всѣмъ держать и у себя, но при назначеніи на мѣста они уже не принимались въ расчетъ.

Вскорѣ послѣ этого царь *Θеодоръ Алексѣевичъ* скончался на 21-мъ году отъ рожденія. Онъ былъ женатъ два раза, но дѣтей послѣ него не осталось.

Внутреннее состояніе Московскаго государства.

Царь и значеніе его власти. Московскіе князья, ставши государями объединенной Великороссіи, усвоили себѣ новое значеніе и присвояютъ себѣ (начиная съ Іоанна III) названіе *царей* *). Этимъ титуломъ, который ранѣе русскіе прилагали къ византійскому императору и хану золотой орды, обозначалась большая, чѣмъ прежде, широта и полнота власти московскаго государя. Померкшая было въ умахъ князей, въ удѣльную эпоху, съ раздробленіемъ Руси на обособленныя одно отъ другого княжества, мысль о національномъ и политическомъ единствѣ всей русской земли, съ объединеніемъ Великороссіи съ новою силою воскресла при дворѣ московскихъ князей. Въ сношеніяхъ съ Литвою Іоаннъ III постоянно напоминаетъ, что „*вся* русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина“, заявляя этимъ свое историческое право не на одну только Великороссію, но и на всѣ русскія земли, лежащія за ея предѣлами. Употреблявшійся иногда въ актахъ внутренняго управленія титулъ „государя всея Руси“ переносится уже въ сферу внѣшнихъ сношеній. А послѣ того, какъ пала Византія и свергнуто было татарское иго, сначала въ сношеніяхъ съ мелкими европейскими дворами, а потомъ (съ Іоанна IV) и вообще во внѣшнихъ сношеніяхъ появляется титулъ „*царя* всей Руси“. Въ дѣлахъ внутренняго управленія этотъ титулъ обыкновенно соединялся со сходнымъ съ нимъ по значенію титуломъ *самодержца*—что означало собственно понятіе о государѣ

---

*) Названіе сокращено изъ римскаго „цезарь“, послѣднее въ свою очередь коренится, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ ассиро-вавилонскомъ „сара“, прилагавшемся къ именамъ государей (Салманасара, Набополасара, Валтасара и т. д.). Ассиро-вавилонскіе владыки считали себя намѣстниками Бога на землѣ.

независимомъ, никому не платящемъ дани, и затѣмъ впослѣдствіи стало уже употребляться въ смыслѣ государя съ неограниченной властію.

Женившись на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Софьѣ Палеологъ и сознавая себя политическимъ и церковнымъ преемникомъ византійскихъ императоровъ, Іоаннъ III употребляетъ на своихъ печатяхъ византійскій гербъ (двуглавый орелъ) и, именуя себя „государемъ Божіею милостію“, устанавливаетъ взамѣнъ прежняго обряда „посаженія князя на столъ“ византійскій обычай вѣнчанія преемниковъ на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ (съ возложеніемъ шапки и бармъ Мономаха).

Покореніе царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго въ XVI в., съ включеніемъ въ составъ государства множества инородцевъ и присоединеніе восточной части Малороссіи съ городами Кіевомъ и Смоленскомъ въ XVII в. послужили фактическимъ оправданіемъ притязаній московскихъ государей на болѣе важный титулъ и во второй половинѣ царствованія Алексѣя Михаиловича полный царскій титулъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ сосѣдями принимаетъ уже очень большіе размѣры:

„Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны Повелитель, и иныхъ многихъ Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ владѣній и земель Отчичъ и Дѣдичъ и Наслѣдникъ, Государь и Обладатель“.

Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами русскіе особенно заботились о томъ, чтобы въ переговорахъ и грамотахъ не допускалось никакого „умаленія“ царскаго титула и перечислялись всѣ области, означенныя въ немъ. Чаще всего споры изъ-за этого происходили съ Польшей, имѣвшей русскихъ людей въ числѣ подданныхъ и поэтому не желавшей именовать московскаго государя царемъ всей Руси.

Московское самодержавіе, придавъ единство и силу дѣйствіямъ верховной власти, какъ выразительницы народныхъ стремленій, сплотило раздробленный народъ въ одно цѣлое и дало ему возможность отбиться отъ враговъ и стать независимымъ. Эту заслугу самодержавія народъ чувствовалъ, и когда въ смутное время династія прекратилась и страна опять едва не стала жертвой сосѣдей-враговъ, то первое, о чемъ позаботился народъ по прекращеніи смуты, было избраніе царя и притомъ самодержавнаго. Въ особѣ послѣдняго народъ привыкъ видѣть власть, уже въ силу самаго своего положенія стоявшую выше всякихъ личныхъ и сословныхъ пристрастій и потому наиболѣе безпристрастную въ своихъ дѣйствіяхъ. Безначаліе и боярское самоуправство въ малолѣтство государей и въ эпоху смутнаго времени только еще болѣе укрѣпили населеніе Московскаго государства въ этой мысли. Вслѣдствіе этого народъ не сочувствовалъ попыткамъ ограниченія царской власти, опасаясь утратить главную опору внѣшней не-

зависимости страны и внутренняго порядка въ ней. Царская власть на Руси стояла, поэтому, необыкновенно высоко. Иностранные путешественники того времени замѣчаютъ, что нигдѣ не видѣли они такого преклоненія предъ властію государя, какъ въ Московіи. Царь, въ глазахъ народа, является исполнителемъ воли Божіей на землѣ. Богъ на небѣ, а Царь на землѣ", „такъ угодно Богу и Государю", „вѣдаетъ Богъ да Государь",—привыкали говорить московскіе люди всѣхъ званій и чиновъ и, обращаясь къ милости царя, прося его защиты, ставили его неизмѣримо выше себя. Самые знатные и родовитые бояре именовали себя въ письмахъ и прошеніяхъ государю его „холопами" или уменьшительными именами. Менѣе значительные люди подписывались „Сирота твой" и т. д. Въ челобитныхъ, наконецъ, стали писать: „умилосердися, яко Богъ", пока царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, подъ вліяніемъ западноевропейскихъ вѣяній и по чувству христіанскаго смиренія, не запретилъ, подъ страхомъ великой опалы, употреблять эти выраженія. То же христіанское чувство, сближавшее на Руси царя и простолюдина, и свойственное вообще русскимъ добродушіе въ характерѣ сглаживало разницу въ положеніи правящихъ и управляемыхъ. Необычайное величіе царской власти не исключало, поэтому, простоты и извѣстнаго рода патріархальности въ отношеніяхъ подданныхъ къ „царю-батюшкѣ", какъ именуется государь („надежа-православный царь") и въ многочисленныхъ народныхъ пѣсняхъ, особенно рельефно выставляющихъ на видъ именно эту сторону отношеній подданныхъ не только къ „тишайшему" Алексѣю Михаиловичу, но и къ „грозному" Ивану Васильевичу.

Домашній бытъ русскихъ царей. Характеръ и происхожденіе царской власти отразились и въ образѣ жизни русскихъ царей, имѣвшемъ въ себѣ много чертъ, заимствованныхъ изъ жизни византійскихъ императоровъ, и по древнерусскому обычаю проникнутомъ началами церковности. Вставалъ государь по установившемуся обычаю очень рано—часа въ 4 утра и послѣ утренней молитвы въ особой молельнѣ („крестовой палатѣ") шелъ вмѣстѣ съ царицей къ заутрени въ дворцовую церковь. Бояре межъ тѣмъ уже собирались во дворцѣ и привѣтствовали царя по выходѣ его изъ церкви земными поклонами. Поговоривъ о дѣлахъ, царь шелъ вмѣстѣ съ ними къ обѣднѣ, отслушавъ которую, принимался за дѣла: слушалъ доклады начальниковъ приказовъ, и чтеніе думными дьяками челобитныхъ и помѣчалъ на нихъ свои рѣшенія. Бояре присутствовали при этомъ стоя и садились по лавкамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царя только, когда по его приглашенію объявлялось „сидѣнье съ бояры", т. е. засѣданіе Боярской Думы. Въ 12 часовъ дѣла оканчивались и бояре разъѣзжались по домамъ, а царь садился обѣдать. Обыкновенно столъ государя былъ очень простой и неизысканный и только въ торжественныхъ случаяхъ, въ большіе праздники, послѣ царскихъ „выходовъ", или при пріемѣ иностранныхъ пословъ устраивались пышные обѣды со множествомъ разнообразныхъ кушаній (иногда до ста и выше). Послѣ обѣда царь отдыхалъ часа три по общерусскому обычаю и затѣмъ вмѣстѣ съ собиравшимися опять во дворецъ боярами шелъ къ вечернѣ.

Послѣ вечерни, если не было какихъ-либо особо важныхъ и экстренныхъ дѣлъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, царь проводилъ время до ужина въ семьѣ или въ обществѣ наиболѣе близкихъ къ нему лицъ, читалъ духовно-нравственныя книги и свято-отческія творенія, слушалъ

сказки и былины слѣпыхъ пѣвцовъ—домрачеевъ („домра“—особый музыкальный инструментъ), игралъ въ шахматы или тѣшился выходками шутовъ и карловъ. Послѣ ужина и молитвъ „на сонъ грядущій“ въ крестовой палатѣ, царь уходилъ въ „опочивальню“.

Въ великіе праздники царь совершалъ торжественные „выходы“ въ кремлевскій соборъ въ „большомъ царскомъ нарядѣ“, въ царскомъ вѣнцѣ и бармахъ, въ сопровожденіи свиты изъ бояръ и придворныхъ чиновъ, тоже одѣтыхъ въ разноцвѣтныя вышитыя золотомъ и унизанныя жемчугомъ платья. Особенною пышностью и великолѣпіемъ отличались выходы въ праздники Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи, въ вербное воскресенье (когда совершалось „шествіе патріарха на осляти“, при чемъ царь держалъ осла подъ уздцы), также въ новый годъ (1 сентября) и масляницу. На эти дни смотрѣть царскіе выходы собиралась въ Москву масса народу со всѣхъ сторонъ и переполняла Кремль.

Менѣе пышны, но также торжественны были выѣзды царя изъ Москвы или такъ называемые „походы“, на богомолье въ разные монастыри, на соколиную или медвѣжью охоту и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, а также при пріемѣ иностранныхъ пословъ и т. п. царя окружалъ многочисленный „дворъ“, составленный изъ людей высшихъ классовъ, которыхъ *чинъ* и *честь* зависѣли отъ большей или меньшей близости къ царской особѣ. Дворъ этотъ отличался восточною пышностью и строгимъ исполненіемъ разныхъ обрядовъ и церемоній, касавшихся особы царя. Такъ, напр., особенный почетъ, воздаваемый царскому величеству, требовалъ, чтобы ко двору приходили пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи въ извѣстномъ разстояніи. Правомъ свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только придворные чины; но и для тѣхъ, смотря по значенію каждаго, существовали извѣстные границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли свободно входить всѣ пріѣзжавшіе на государевъ дворъ. Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи большими преимуществами: они могли прямо входить даже въ *Верхъ*, т. е. покоевые или жилые хоромы государя. Здѣсь, по обыкновенію, они собирались каждый день въ *Передней* (палатѣ) и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ комнатъ. Ближніе бояре, „уждавъ время“, входили даже въ *Комнату* или кабинетъ царскій. Для прочихъ же чиновниковъ государевыхъ Верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельномъ Крыльцѣ, которое было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время съ полною свободою (*Домашній бытъ русскихъ царей*—Забѣлина).

Составъ населенія. Въ составъ населенія Московскаго государства входили *служилые люди* и *духовенство*, составлявшіе привилегированные классы въ обществѣ, и затѣмъ *тяглые* или податные люди, лично свободные и составлявшіе главную массу населенія, и наконецъ *холопы*—несвободные люди.

Служилое сословіе образовалось главнымъ образомъ изъ княжеской дружины удѣльнаго времени и раздѣлялось на *бояръ* (соотвѣтствовавшихъ старшей дружинѣ удѣльныхъ князей кіевскаго періода), *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ* (—младшей дружинѣ). Всѣ они обязаны были цѣлую жизнь служить государю и по его назначенію и получали за свою службу имѣнія,—*помѣстья*, дававшіяся во временное владѣніе, подъ условіемъ службы, и *вотчины*, составлявшія наслѣдственную собственность, а также жалованье хлѣбомъ или деньгами. Бояре и нѣ-

которые изъ наиболѣе значительныхъ дворянскихъ фамилій, имѣвшіе крупныя родовыя имѣнія и получавшіе кромѣ того помѣстья за свою службу, были вслѣдствіе этого самыми крупными собственниками изъ среды служилаго сословія; остальные дворяне и дѣти боярскіе составили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Бояре были ближайшими къ государю лицами, его главными помощниками и совѣтниками и сосредоточили въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія должности по управленію и военному дѣлу (начальниковъ приказовъ, воеводъ и военачальниковъ, пословъ при иностранныхъ дворахъ и пр.). Московское боярство составилось изъ двухъ слоевъ— неравныхъ по своему вліянію и значенію. Одни изъ бояръ были потомками бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей русскихъ и литовскихъ, сохранившихъ княжескіе титулы и при переходѣ на службу къ московскому государю. Другіе происходили отъ старыхъ бояръ-дружинниковъ, „вольныхъ слугъ“ московскаго княжескаго дома; немало было среди нихъ знатныхъ нѣмецкихъ выходцевъ, потомковъ татарскихъ мурзъ и царевичей, принявшихъ православную вѣру. Всѣ они гордились своимъ происхожденіемъ и не роднились съ людьми не родовитыми или неравными имъ по происхожденію. Титулованные бояре (потомки удѣльныхъ и великихъ князей) считались выше нетитулованныхъ, и стремились обособиться и отъ остальныхъ бояръ и заявляли претензіи на первенствующую роль при государѣ и на преимущественное предъ другими занятіе высшихъ должностей. Въ общемъ боярство представляло собою замкнутую аристократію, куда доступъ лицамъ другихъ сословій былъ затрудненъ. И сами государи жаловали очень рѣдко саномъ боярина за заслуги, а не за происхожденіе *).

Второй и наиболѣе многочисленный разрядъ служилыхъ людей— дворяне и дѣти боярскіе произошли изъ младшей дружины удѣльныхъ князей и ихъ дворцовыхъ слугъ („люди дворскіе“—отсюда названіе— дворяне), которымъ также раздавались помѣстья наравнѣ съ военными слугами, а также изъ обѣднѣвшихъ потомковъ старинныхъ бояръ; въ составъ дворянъ вошло съ теченіемъ времени не мало лицъ изъ другихъ сословій (въ томъ числѣ и тяглыхъ), оказавшихъ какія либо услуги государству и за то награжденныхъ мелкими имѣніями, дьяковъ и подъячихъ, получившихъ за свою службу помѣстья и пр. Сюда же вошло не мало „ратныхъ слугъ“ изъ заграницы (Польши, Литвы, Германіи) и крещеныхъ татаръ, которые тоже получили небольшія помѣстья („испомѣщались“) въ московскихъ областяхъ.

Въ противоположность боярству, сосредоточившемуся по преиму-

*) Обыкновенно сыновья бояръ уже съ 15 лѣтъ начинали свою службу при государѣ въ званіи такъ называемыхъ „стольниковъ“ и „спальниковъ“, т. е. лицъ, прислуживавшихъ царю въ столовой или опочивальнѣ и носили почетное званіе ближнихъ или комнатныхъ людей. Въ зрѣломъ возрастѣ стольникамъ и спальникамъ государевымъ поручались иногда довольно значительныя обязанности, напр. разнаго рода начальственныя должности въ войскѣ и т. п. и лѣтъ черезъ 25—30 такой службы государь прямо жаловалъ ихъ въ бояре или окольничіе, смотря по родовитости. Кромѣ стольниковъ и спальниковъ въ „службѣ государя были еще „стряпчіе“—выносившіе принадлежности царскаго одѣянія при торжественныхъ выходахъ, „жильцы“ или тѣлохранители государя, набиравшіеся изъ дѣтей дворянъ и дьяковъ и пр. „Жильцы“ жаловались затѣмъ въ стряпчіе, стольники и т. д.

ществу въ Москвѣ, дворяне и дѣти боярскіе несли свою службу по городамъ или жили въ своихъ помѣстьяхъ; главною обязанностію ихъ въ послѣднемъ случаѣ была военная служба: по призыву государя они должны были являться на войну „конны, людны и оружны“, т. е. съ извѣстнымъ количествомъ лошадей, людей и оружія, соразмѣрно количеству земли въ полученныхъ ими помѣстьяхъ *). Главная масса дворянъ съ ихъ помѣстьями сосредоточилась въ наиболѣе угрожаемыхъ отъ внѣшнихъ враговъ частяхъ государства—къ югу и юго-западу.

Тяглые или податные люди (*земщина*) раздѣлялись на „посадскихъ“ и крестьянъ. Посадскіе—это жители городовъ и посадовъ, занимавшіеся торговлей и промыслами и платившіе подати въ царскую казну. Болѣе зажиточные изъ нихъ носили старинное названіе „лучшихъ людей“, остальные назывались „меньшими“. Самымъ богатымъ купцамъ на Москвѣ государь жаловалъ иногда званіе „гостя“.

Посадскіе обыкновенно платили подати по числу тяглыхъ дворовъ, при чемъ раскладку производили между собою уже сами обыватели при содѣйствіи выборнаго старосты. Такъ какъ многіе изъ посадскихъ уклонялись отъ платежа податей, переходя съ мѣста на мѣсто, то, въ видахъ постояннаго исправнаго сбора государственныхъ доходовъ, московское правительство (при Алексѣѣ Михаиловичѣ) прикрѣпило ихъ къ мѣсту жительства; то же самое было сдѣлано около этого времени и съ крестьянами.

Крестьяне и ихъ прикрѣпленіе. Крестьяне въ удѣльный періодъ и въ эпоху Московской Руси были вольными хлѣбопашцами, жившими не на своей, но на чужой землѣ, государевой, служилыхъ людей или церковной. Жившіе на государевой землѣ назывались дворцовыми, (если подати съ нихъ шли на содержаніе двора) или черносошными (если подати платились въ государственную казну); жившіе на земляхъ служилыхъ людей назывались обыкновенно помѣщичьими, на церковныхъ земляхъ—монастырскими.

---

*) Въ родословной книгѣ конца XVII в. среди дворянскихъ фамилій насчитана только треть чисто русскихъ; около 1/4 польско-литовскихъ выходцевъ, вѣроятно, въ большинствѣ тоже русскихъ; столько же западно-европейцевъ; остальные татарскаго, грузинскаго и т. п. происхожденія. Въ связи съ разнообразіемъ состава служилаго дворянства и боярства и мѣстомъ его службы весь служилый людъ Московскаго государства раздѣлялся на нѣсколько разрядовъ или *чиновъ*: а) чины *думные*—бояре, окольничьи и думные дворяне; б) чины *московскіе*—спальники, стольники и стряпчіе, дворяне московскіе (жившіе въ московскомъ уѣздѣ) и жильцы; в) чины *городовые*—провинціальные дворяне и дѣти боярскіе. Люди знатныхъ родовъ начинали свою службу въ чинѣ спальниковъ или стольниковъ, въ крайнемъ случаѣ—московскихъ дворянъ и дослуживались до боярства. Городовые дворяне дослуживались до званія жильца, а иногда—московскаго дворянина, и только въ исключительныхъ случаяхъ, по особой милости государя, поднимались выше. Дѣтей дворянъ „верстали“, т. е., принимали на службу, обыкновенно съ 15 лѣтъ (до той поры они числились въ „недоросляхъ“), давая имъ названіе „новиковъ“; старшимъ сыновьямъ за службу давали новыя помѣстья, младшаго оставляли обыкновенно наслѣдникомъ помѣстья и служебныхъ обязанностей отца. По смерти служилаго человѣка его вдовѣ и дочерямъ (до замужества) выдѣлялась изъ помѣстья извѣстная доля „на прожитокъ“ (т. е. въ пенсію). Эти порядки заставляли служилыхъ людей дорожить и своей службой и помѣстьями. Послѣднія же изъ временныхъ и пожизненныхъ только владѣній постепенно на практикѣ обратились въ наслѣдственныя и почти сравнялись съ вотчинами. Дальнѣйшій шагъ къ уравненію уже въ законодательной области сдѣланъ былъ при Петрѣ I.

Какъ лично свободные люди, крестьяне могли безпрепятственно переходить съ земли одного владѣльца на другую, смотря по тому, гдѣ больше давали имъ льготъ при поселеніи. Богатые землевладѣльцы и монастыри пользовались этимъ и сманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ, давая на первоначальное обзаведеніе больше ссуды и требуя меньше платы или соотвѣтственной тому работы на помѣщика за пользованіе землей. Помѣстья мелкихъ землевладѣльцевъ вслѣдствіе этого стали пустовать. А между тѣмъ помѣстья эти раздавались служилымъ людямъ съ обязательствомъ исправно нести военную службу („конны, людны и оружны"), чего они дѣлать, очевидно, уже не могли. Съ другой стороны государственныя подати, которыя раскладывались по количеству обработанной земли, также не могли исправно собираться вслѣдствіе постоянныхъ и несвоевременныхъ переходовъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто.

Стараясь ввести порядокъ въ условія крестьянскаго „выхода", московское правительство назначило для этого одинъ срокъ въ году— послѣ уборки хлѣба съ стоявшимъ въ связи съ этимъ окончаніемъ всѣхъ денежныхъ расчетовъ крестьянина съ помѣщикомъ и казною - около Юрьева дня (25 ноября). Въ свою очередь сами землевладѣльцы и съ успѣхомъ старались стѣснить свободу крестьянъ путемъ договоровъ. Та ссуда, которую они давали крестьянину при первоначальномъ обзаведеніи („боярское серебро") и которую онъ долженъ былъ возвратить при „выходѣ" и разныя льготы и вспоможенья на первое время, которыми помѣщики, особенно богатые, предусмотрительно завлекали крестьянина, дѣлали послѣдняго въ большинствѣ случаевъ неоплатнымъ должникомъ и лишали его возможности покинуть занятую имъ землю. „Боярское серебро" приковывало крестьянина къ землѣ сильнѣе, чѣмъ какіе бы то ни было указы.

Къ концу XVI в. большинство крестьянъ, юридически свободныхъ, фактически оказались прикрѣпленными къ землѣ. Тогда усилились крестьянскіе побѣги безъ расплаты съ помѣщиками. Чтобы ослабить безконечные иски помѣщиковъ о бѣглыхъ и ввести и здѣсь порядокъ, правительство устанавливало для нихъ сроки давности, по истеченіи которыхъ истцы теряли право на бѣглыхъ крестьянъ. Первоначально, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, былъ установленъ пятилѣтній срокъ (указъ 24 ноября 1597 г., подтвержденный затѣмъ при Лжедимитріи І-мъ въ 1606 г.). Впослѣдствіи (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ), этотъ срокъ увеличенъ былъ до 10 и затѣмъ до 15 лѣтъ (указы 1615, 1637 и 1642 гг.). Чтобы обезпечить себя отъ потерь, которымъ грозилъ указъ о давности, землевладѣльцы стали вносить въ свои договоры съ крестьянами условіе, по которому крестьяне обязывались безвыходно жить на ихъ земляхъ, отказываясь отъ права „выхода" даже путемъ возврата полученной ссуды. Наконецъ и само правительство, внимая жалобамъ помѣщиковъ, ради исправнаго несенія ими военной службы и правильнаго взноса податей, по закону 1646 г. (повторенному въ Уложеніи 1649 г.), рѣшилось совсѣмъ отмѣнить сроки давности о бѣглыхъ и тѣмъ прикрѣпило крестьянъ съ ихъ потомствомъ къ землѣ помѣщиковъ, возложивъ за то на послѣднихъ и отвѣтственность за по-

датную исправность крестьянъ. Крестьяне дворцовые и черносошные въ то же время прикрѣплены были къ своимъ земельнымъ участкамъ *).

Лишившись права перехода, крестьяне прикрѣплены были, повидимому, только къ землѣ, но не къ личности помѣщика. Тѣмъ не менѣе фактически многіе помѣщики скоро распространили свою власть и на личность крестьянина, тѣмъ болѣе, что послѣднему трудно было найти управу на своего землевладѣльца. Къ концу XVII в., помѣщики иногда перепродаютъ не только землю съ сидящими на ней крестьянами, но уже и однихъ крестьянъ *безъ земли* и мало по малу низводятъ ихъ въ положеніе, почти одинаковое съ холопами или рабами, которые считались полною собственностію своихъ господъ и отличались теперь отъ крестьянъ только тѣмъ, что не платили податей въ государеву казну. Многіе изъ крестьянъ и сами давали теперь на себя „кабалу", т. е. записывались въ пожизненные холопы, чтобы избавиться отъ казенныхъ повинностей. Практика, такимъ образомъ, и здѣсь предупредила изданный уже впослѣдствіи (при Петрѣ Великомъ) законъ, уравнявшій холоповъ и крестьянъ.

Тяжелое положеніе крестьянъ, посадскихъ и холопей заставляло многихъ изъ нихъ бѣжать отъ помѣщиковъ на Донъ или въ Запорожье или укрываться въ лѣсахъ, составляя разбойничьи шайки. Особенно умножились эти побѣги въ XVII вѣкѣ при окончательномъ прикрѣпленіи крестьянъ, разрѣжая и безъ того малолюдное населеніе центральныхъ областей Московскаго государства.

Управленіе. Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ Московскомъ государствѣ была „государева *Боярская Дума*" (или какъ тогда говорили—„сидѣнье великаго государя съ боярами о дѣлахъ"). Въ ней обсуждались всякія дѣла, и административныя и судебныя, но по преимуществу новые законы.

Боярская Дума ведетъ свое происхожденіе отъ обычая удѣльныхъ князей совѣщаться съ своей старшей дружиной. Но тогда эти совѣщанія носили обязательный характеръ. Князь не могъ рѣшать ни одного важнаго дѣла безъ согласія дружины. Боярская же Дума имѣла только совѣщательный характеръ и власти государя ни въ чемъ не ограничивала. Онъ иногда рѣшалъ дѣла и безъ нея, или съ неболь-

---

*) До послѣдняго времени полагали, что указъ о прикрѣпленіи крестьянъ изданъ былъ еще при Θеодорѣ Іоанновичѣ. Указъ 1597 г. о пятилѣтней давности для сыска бѣглыхъ казался косвеннымъ подтвержденіемъ этого и въ связи съ нимъ относили и мѣру о прикрѣпленіи крестьянъ къ 1592 или 1593 гг., хотя въ такомъ случаѣ затруднительно было бы объяснить послѣдующіе указы о 10-лѣтней и 15-лѣтней давности. Указа о прикрѣпленіи 1592 или 1593 гг. однако и доселѣ не найдено, а судя по тому, что и въ первую половину XVII в. крестьяне переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому, заключаютъ съ ними такія же „порядныя грамоты" (поземельные договоры крестьянъ съ помѣщиками), какъ и въ XVI в., можно думать, что такого указа, какъ общей государственной мѣры, закрѣплявшей цѣлое сословіе, и не было. Договоръ бояръ и дворянъ съ Сигизмундомъ о кандидатурѣ Владислава (отъ 4 февраля 1610 г.), гдѣ они выговариваютъ себѣ разныя права и между прочимъ выражаютъ требованіе, чтобы не дозволялись переходы крестьянъ, также указываетъ, что запрещеніе переходовъ еще не было совершившимся и повсемѣстнымъ фактомъ. А въ уложеніи царя Алексѣя Михаиловича прямо даже говорится, что до того времени „не было государева запрета, чтобы никому крестьянъ за себя не принимать", а только были указаны „бѣглымъ крестьянамъ урочные годы", т. е. сроки давности для сыска бѣглыхъ.

шимъ числомъ самыхъ близкихъ людей. Рѣшенія думы пріобрѣтали силу только по утвержденіи ихъ государемъ. Каждый новый законъ выходилъ изъ нея съ помѣтой: „великій государь указалъ, а бояре приговорили“. Дѣлавшіяся иногда титулованнымъ боярствомъ попытки придать Думѣ большую самостоятельность удавались только или въ малолѣтство государей или при царяхъ слабыхъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе званіе „думнаго боярина“ было очень почетно, и получить этотъ санъ большинству удавалось лишь въ старости.

Дума состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ и кромѣ бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и патріарха съ высшимъ духовенствомъ или такъ называемымъ „освященнымъ соборомъ“), въ думѣ присутствовали еще трое или четверо такъ называемыхъ думныхъ дьяковъ *), которые были своего рода государственными секретарями и докладчиками Думы, записывали ея приговоры и затѣмъ сообщали подчиненнымъ учрежденіямъ.

Московскій подьячій XVII в. Котошихинъ такъ описываетъ засѣданія Думы:

„Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми и разсуждать о своихъ или иноземныхъ дѣлахъ, то думные люди садятся поодаль отъ царя, на лавкахъ; размѣщаются они по степени своей знатности: сначала бояре, потомъ окольничіе, потомъ думные дворяне, а думные дьяки стоятъ; иногда, впрочемъ, царь приказываетъ имъ сидѣть. Когда государь объявитъ свою мысль и спрашиваетъ совѣта у думныхъ людей, тогда, кто изъ нихъ поумнѣе, говоритъ свое мнѣніе, а иные бояре, *брады свои уставя*, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуетъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неучены. Когда же дѣло послѣ обсужденія бываетъ рѣшено, царь приказываетъ думнымъ дьякамъ записать приговоръ“. Всякія дѣла закрѣпляли и помѣчали думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладывали. Только послы собственноручно подписывали договоры.

Въ особо важныхъ дѣлахъ государи считали нужнымъ иногда созывать своего рода всенародную думу, такъ называемый *Земскій Соборъ* („совѣтъ всей земли“, какъ зовутъ его иногда въ памятникахъ того времени). Первый опытъ такого собранія сдѣлалъ Іоаннъ Грозный (послѣ совѣщанія съ митрополитомъ Макаріемъ и, вѣроятно, по примѣру обычныхъ на Руси церковныхъ соборовъ и стараго обычая князей призывать на совѣтъ кромѣ обычныхъ своихъ думцевъ—дружинниковъ — еще и лучшихъ изъ горожанъ — „старцевъ градскихъ“). Въ составъ соборовъ, кромѣ Боярской Думы и „освященнаго собора“, т. е. патріарха съ высшимъ духовенствомъ, обыкновенно входили лица изъ всѣхъ свободныхъ сословій государства (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди), выбиравшіеся первоначально самимъ правительствомъ, а впослѣдствіи (съ эпохи смутнаго времени) и населеніемъ. Крестьяне въ составъ собора входили только одинъ разъ, въ 1613 году, при избраніи царя Михаила Ѳеодоровича, такъ что только этотъ соборъ

*) Обыкновенно въ думѣ присутствовали главные дьяки приказовъ Посольскаго, Помѣстнаго и Разряднаго.

и могъ имѣть значеніе общенародной думы въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ большинствѣ остальныхъ соборовъ помимо этого и выборные собирались не изо всѣхъ городовъ, а иногда соборъ состоялъ только изъ москвичей и представителей мѣстъ, близкихъ къ столицѣ, а также иногородныхъ лицъ, въ моментъ созыва собора находившихся въ Москвѣ. Соборы не имѣли ни постояннаго участія въ управленіи, ни самостоятельнаго значенія. Равнымъ образомъ они не представляли изъ себя какого-либо правильнаго учрежденія и собирались въ неопредѣленные сроки, имѣя главнымъ образомъ совѣщательное значеніе въ особо важныхъ случаяхъ; выборные люди на нихъ были по преимуществу докладчиками и ходатаями о народныхъ нуждахъ предъ государемъ.

Засѣданія земскихъ соборовъ открывалъ обыкновенно самъ государь; одинъ изъ думныхъ дьяковъ предъявлялъ выборнымъ людямъ записанные вопросы, на которые требовались отвѣты, тоже письменные и не поголовно, а по сословіямъ (хотя не запрещалось и отдѣльнымъ лицамъ подавать свое мнѣніе). Выборные отъ сословія, разумѣется, имѣли при этомъ въ виду главнымъ образомъ пользу и нужды своего сословія, а не всего народа. Вопросы, такимъ образомъ, не подвергались обсужденію въ общемъ собраніи и дѣла не разъяснялись всесторонне путемъ гласнаго обмѣна мнѣній предъ всѣмъ составомъ собора. Чаще всего выборные по сословіямъ даже уклонялись отъ прямого отвѣта на поставленные вопросы, ограничиваясь лишь изложеніемъ своихъ нуждъ по поводу этихъ вопросовъ, и предоставляли рѣшить ихъ самому государю и „государевымъ боярамъ“. Поэтому соборъ самъ и не постановлялъ никакого рѣшенія. Собранные на немъ отвѣты выборныхъ лицъ подвергались обсужденію въ Боярской Думѣ и тутъ уже, по желанію царя, дѣлались постановленія, имѣвшія силу закона.

Соборы такого рода существовали только въ теченіе столѣтія (съ 50-хъ годовъ XVI и до половины XVII вѣка). Послѣдній земскій соборъ былъ созванъ (въ 1653 г.) по вопросу о принятіи Малороссіи въ подданство московскому государю при Алексѣѣ Михаиловичѣ *).

Въ большинствѣ случаевъ составъ выборныхъ людей на соборахъ состоялъ изъ лицъ среднихъ классовъ московскаго общества, т. е. того слоя, который нѣкогда всего болѣе содѣйствовалъ избранію новой династіи, и на который правительство первоначально (особенно при Ми-

*) Первыми земскими соборами считаются обыкновенно соборы 1550 и 1566 гг. при Іоаннѣ Грозномъ (Нѣкоторые изслѣдователи, впрочемъ, отрицаютъ не только значеніе, но даже и существованіе перваго собора, какъ не упоминаемаго въ памятникахъ эпохи Грознаго, и начинаютъ счетъ съ собора 1556 года, созваннаго по поводу борьбы съ Ливоніей). Далѣе слѣдуетъ соборъ 1598 г., избравшій Бориса Годунова на царство; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ, почитавшее само себя за „совѣтъ всей земли“; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 года и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 г. Избравъ царя, послѣдній соборъ оставался при немъ до 1615 года. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г., а затѣмъ опять послѣдовалъ призывъ выборныхъ, засѣдавшихъ до 1622 г. Въ 1634 г. созванъ былъ соборъ по поводу войны съ Польшей, въ 1642 г. новый соборъ по вопросу объ Азовѣ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича были четыре собора—въ 1648 (объ Уложеніи), 1650 (объ умиротвореніи Пскова), и въ 1651 и 1653 г. (по вопросу о присоединеніи Малороссіи).

хаилѣ Θеодоровичѣ) постоянно опиралось въ своихъ дѣйствіяхъ. Наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ изъ соборовъ съ такимъ составомъ былъ соборъ 1648 года, одобрившій Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. На немъ средніе классы провели вмѣстѣ съ тѣмъ и рядъ ходатайствъ объ ограниченіи привилегій высшаго дворянства и духовенства, особенно по земельному вопросу. Отсюда однако возникъ разладъ между земскимъ представительствомъ и „сильными людьми", въ придворной и боярской средѣ, который вскорѣ и привелъ къ тому, что правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и начинаетъ прибѣгать къ другимъ видамъ совѣщаній, которые практиковались и раньше, до появленія соборовъ. Послѣ 1653 года общеземскихъ соборовъ уже не было, а созывали въ случаѣ нужды въ качествѣ свѣдущихъ людей только представителей того сословія, которое всего ближе было къ данному дѣлу. Такъ въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ „гостями" и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Послѣдніе предлагали для рѣшенія „великаго дѣла" о мѣдныхъ деньгахъ созвать соборъ изъ городовыхъ людей, но правительство уже не послушалось этого совѣта. При преемникѣ Алексѣя Михайловича также неоднократно созывались частныя совѣщанія свѣдущихъ людей по вопросамъ, спеціально ихъ касавшимся (комиссія изъ служилыхъ людей по вопросу о преобразованіи въ войскѣ, собраніе представителей отъ тяглыхъ и торговыхъ людей по вопросу о налогахъ и недоимкахъ и т. п.), но соединенія этихъ односословныхъ комиссій въ одно общее „соборное" собраніе старались избѣгать. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ изъ среды придворно-боярской аристократіи и дѣльцовъ, засѣдающихъ въ „приказахъ". Дальнѣйшее развитіе это приказное или бюрократическое начало получило при Петрѣ Великомъ.

Постоянными правительственными учрежденіями въ Московскомъ государствѣ, вѣдавшими всѣ текущія административныя и судебныя дѣла, были такъ называемые *приказы,* развившіеся изъ учрежденій удѣльнаго времени. Въ эпоху удѣловъ различныя отрасли княжескаго хозяйства и управленія вѣдали по приказу князя отдѣльныя лица— бояре и слуги его. Съ расширеніемъ Московскаго княжества, съ превращеніемъ его въ Великорусское государство усложнились и задачи управленія, отдѣльнымъ лицамъ уже не подъ-силу было справляться съ дѣлами даже одной отрасли управленія, кромѣ того возникали постоянно новыя потребности. И тогда мало по малу единоличныя управленія обратились въ постоянныя и сложныя учрежденія, въ составъ которыхъ входило уже много лицъ. Какъ только съ развитіемъ государственной дѣятельности возникало какое-нибудь новое дѣло или усложнялась работа по прежнему, государь *приказывалъ* вѣдать его кому-либо изъ приближенныхъ къ нему людей, бояръ, окольничихъ или думныхъ дворянъ и назначалъ одного или двухъ помощниковъ дьяковъ; для письмоводства набирались подьячіе, и такимъ образомъ возникалъ новый *приказъ.*

Приказы возникали одинъ за другимъ безъ всякаго опредѣленнаго

плана, по мѣрѣ надобности и желанію государя, и съ теченіемъ времени ихъ накопилось очень много — свыше сорока, при чёмъ зачастую одно и то же дѣло дробилось между нѣсколькими приказами (напр., военное дѣло вѣдали образовавшіеся въ разное время приказы—стрѣлецкій, пушкарскій, оружейный и др.), а иногда одинъ приказъ вѣдалъ разнородныя дѣла (напр., приказъ тайныхъ дѣлъ завѣдывалъ еще гранатнымъ дѣломъ и царской охотой), что порождало большую путаницу. На содержаніе каждаго приказа назначались доходы, получаемые имъ отъ приписанныхъ къ нему городовъ и податныхъ людей.

Главнѣйшими изъ приказовъ были — приказъ *посольскій* (въ кругъ дѣлъ котораго входили иностранныя дѣла, пріемъ и назначеніе пословъ и пр.), *разрядный* (—завѣдываніе служилымъ сословіемъ), *помѣстный* (—распредѣленіе помѣстьевъ), приказъ *большого дворца* (—дворцовые приходы и расходы), приказъ *большой приходъ* (—вобще государственные доходы), приказъ *большой казны* (—денежный дворъ и чеканка денегъ), *стрѣлецкій, пушкарскій, оружейный, судный, разбойный* (—уголовныя дѣла), *холопій* и пр. Для разныхъ областей и сбора дохода съ нихъ учреждены были разные приказы (приказъ *Казанскаго дворца, Сибирскій, Малыя Россіи, Новгородскій* и др.). Были приказы съ очень узкимъ кругомъ дѣятельности—*аптекарскій* (завѣдывавшій аптекой и лекарями-иноземцами, которыхъ было всего человѣкъ 30), *панихидный* (завѣдывавшій дѣломъ поминовенія по умершимъ царямъ, царицамъ и великимъ князьямъ). Съ теченіемъ времени возникъ такъ-называемый *челобитенный* приказъ (для разбора жалобъ и прошеній на имя царя) и, наконецъ, приказъ *тайныхъ дѣлъ* (при Алексѣѣ Михаиловичѣ), для тайнаго надзора за всѣми учрежденіями и сановниками и за точнымъ исполненіемъ царскихъ повелѣній,—въ этомъ приказѣ засѣдалъ только дьякъ съ подъячими и бояре сюда не допускались.

Дѣлопроизводители приказовъ—дьяки и ихъ письмоводители—подъячіе (*приказные люди*) выбирались обыкновенно изъ грамотныхъ и свѣдущихъ по письменной части людей, какими тогда являлись по преимуществу лица изъ духовнаго званія (рѣже—изъ торговаго класса)—чѣмъ объясняется самое названіе этихъ должностей (съ греческаго діаконъ, т. е. служитель, отсюда *дьякъ*). Начальники приказовъ, бояре и думные дворяне, нерѣдко малограмотные, въ большинствѣ случаевъ были малосвѣдущи въ веденіи дѣлъ, и заправилами приказовъ являлись въ сущности дьяки, съ теченіемъ времени пріобрѣвшіе громадное значеніе (нѣкоторые приказы даже прямо поручались однимъ дьякамъ). Пользуясь своимъ положеніемъ, неправильнымъ распредѣленіемъ и запутанностію дѣлъ въ приказахъ, дьяки и подъячіе допускали большія злоупотребленія и страшно затягивали дѣла („волочили“ ихъ изъ приказа въ приказъ, по тогдашнему выраженію, отсюда—„приказная или московская волокита“), вынуждая взятки отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Суровыя наказанія за взятки и злоупотребленія (штрафы и битье батогами дьякамъ, тюрьма, битье кнутомъ и отсѣченіе руки подъячимъ) не искореняли зла, бывшаго слѣдствіемъ общаго невѣжества, низкаго уровня нравственности и скуднаго содержанія служащихъ въ приказахъ.

Областное управленіе въ Московскомъ государствѣ сосредоточивалось въ рукахъ *воеводъ*, замѣнившихъ собою прежнихъ княжескихъ

намѣстниковъ и волостелей въ уѣздахъ,—такъ назывались округи, образовавшіеся изъ присоединенныхъ къ Москвѣ удѣловъ *).

Управленіе намѣстниковъ и волостелей съ ихъ „кормленіемъ" отъ населенія и соединенными съ этимъ злоупотребленіями и взяточничествомъ признано было неудобнымъ еще при Іоаннѣ Грозномъ, и послѣдній попытался замѣнить его земскимъ самоуправленіемъ, предоставивъ общинамъ право самимъ избирать себѣ правителей изъ служилаго сословія и разныхъ должностныхъ лицъ изъ своей среды— излюбленныхъ головъ, губныхъ и земскихъ старостъ. Только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, были введены воеводы, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ и по всѣмъ дѣламъ. Начатками самоуправленія въ полномъ объемѣ воспользовались, однако, далеко не всѣ общины и не надолго. Въ смутное время всякій порядокъ нарушился. Въ эту пору всѣ области, даже внутреннія, подвергались опасности непріятельскаго нападенія, поэтому даже во внутреннихъ уѣздахъ стали появляться воеводы, областные управители съ военной властью. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, въ эпоху непрерывныхъ войнъ съ сосѣдями, воеводство стало повсемѣстнымъ явленіемъ. Со введеніемъ воеводъ земское выборное самоуправленіе не исчезло, но только было стѣснено и во многомъ подчинено воеводѣ.

Воеводы, какъ показываетъ уже самое названіе, имѣли по преимуществу военное значеніе;—на обязанности ихъ прежде всего лежали заботы объ устройствѣ и сборѣ ратныхъ людей и укрѣпленіи городовъ ввѣреннаго имъ округа и охранѣ его какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ—воровъ и разбойниковъ, а затѣмъ наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ въ казну платежей и пошлинъ. Помимо этого кругъ воеводской дѣятельности не былъ строго опредѣленъ, воеводамъ предоставлялось поступать смотря по дѣлу и собственному усмотрѣнію и большинство ихъ сосредоточили въ своихъ рукахъ власть не только военную, но также гражданскую и судебную.

Жалованья воевода за свою службу не получалъ, за недостаткомъ средствъ въ казнѣ; ему предоставлялось (какъ раньше намѣстнику и волостелю) *кормиться* на счетъ жителей ввѣреннаго ему края. Кормленіе это состояло въ томъ, что жители должны были доставлять воеводѣ въ главные праздники разнаго рода приношенія натурою—хлѣбомъ, сѣномъ, мясомъ и пр. и деньгами, „кто что можетъ". Но такъ какъ размѣры этихъ „добровольныхъ" приношеній не были точно опредѣлены, то это вело къ большимъ злоупотребленіямъ. Кромѣ кормленія, воевода получалъ еще пошлины съ судебныхъ дѣлъ, гдѣ тоже подъ видомъ казеннаго сбора могъ брать лишнее. Мѣста воеводъ являлись поэтому средствомъ быстрой наживы и обогащенія и служилые люди иногда даже прямо обращались къ государю съ просьбой о мѣстѣ воеводы, чтобы „покормиться". На должности воеводъ правительство назначало чаще всего небогатыхъ служилыхъ людей, потерпѣвшихъ на войнѣ увѣчье, въ награду за ихъ службу. И такъ какъ многимъ надо было „покормиться" и поправить свои дѣла, то воеводы и смѣнялись очень часто.

*) Подраздѣленіе уѣздовъ составляли *волости*, какъ и уѣзды, различные по своему объему, *станы* (волости, прилегавшіе къ городу, гдѣ сосредоточивалось управленіе уѣздомъ), и *губы* (судебные округа).

Ихъ назначали обыкновенно на годъ или на два и только въ рѣдкихъ случаяхъ на три года.

Дѣла, подвѣдомственныя воеводѣ, велись въ *приказной* или *съѣзжей* избѣ, которой завѣдывалъ дьякъ. Кромѣ воеводъ дѣлу управленія должны были помогать и земскія выборныя власти, которыхъ посадскіе и крестьяне выбирали изъ мѣстныхъ жителей. Таковы были *губные старосты*, избиравшіеся изъ уѣздныхъ дворянъ и вѣдавшіе дѣла по душегубству,—они обязаны были ловить и судить лихихъ людей, завѣдывать тюрьмами и пр. *Земскіе старосты* изъ посадскихъ людей, завѣдывавшіе раскладкой и сборомъ податей и повинностей для представленія ихъ воеводѣ, земскіе головы и *цѣловальники* (присяжные), собиравшіе въ казну пошлины торговыя, питейныя и др.

Мѣстомъ дѣлопроизводства по этимъ дѣламъ была *земская изба*, которою завѣдывалъ земскій дьякъ, избиравшійся мѣстными жителями. Выборы въ эти должности производились ежегодно и каждый почти разъ приходилось выбирать новыхъ лицъ, такъ какъ никому не интересно было оставаться въ этихъ должностяхъ надолго. Съ усиленіемъ воеводскаго управленія выборныя лица стали какъ бы слугами воеводы, при чемъ за убытки казнѣ и недоимки должны были отвѣчать собственнымъ имуществомъ.

Судопроизводство. До учрежденія воеводъ судили княжескіе намѣстники въ присутствіи, а иногда и при участіи выборныхъ отъ городскихъ и сельскихъ общинъ, „старостъ и цѣловальниковъ“. При Іоаннѣ Грозномъ многія общины получили право даже собственнаго суда при посредствѣ своихъ выборныхъ людей. Но со введеніемъ воеводъ это право исчезаетъ, и судъ въ большинствѣ случаевъ сосредоточивается въ рукахъ воеводъ и ихъ дьяковъ. Самое судопроизводство теряетъ теперь прежній простой и несложный характеръ: словесный судъ замѣняется письменнымъ, открывавшимъ полный просторъ дѣйствіямъ дьяковъ и подъячихъ среди поголовно неграмотнаго люда, рѣшеніе дѣлъ затягивается—отъ младшаго воеводы дѣла передаются часто воеводѣ главнаго города, откуда идутъ въ приказы и восходятъ до самого царя и Боярской Думы. Въ качествѣ доказательствъ на судѣ требуются показанія свидѣтелей, письменные документы, присяга; иногда дѣлается опросъ мѣстныхъ жителей о поведеніи подсудимаго и совершонномъ имъ преступленіи. Допускавшееся Судебникомъ Іоанна III „поле“ или поединокъ тяжущихся постепенно выходитъ изъ употребленія, а равно и древній обычай испытанія водою и желѣзомъ („судъ Божій“). Взамѣнъ того, какъ наилучшее средство для обнаруженія виновныхъ, входятъ во всеобщее употребленіе пытки (обвиняемому вбивали подъ ногти желѣзныя иглы, или вѣшали надъ зажженнымъ костромъ, капали холодную воду на бритую голову и т. д.). Наказанія за преступленія принимали крайне жестокій характеръ. Наиболѣе употребительными казнями были обезглавленіе, висѣлица, четвертованіе, колесованіе, сажаніе на колъ, сожженіе (еретиковъ), заливаніе горла растопленнымъ металломъ (фальшивымъ монетчикамъ) За менѣе важные проступки обычнымъ наказаніемъ было битье кнутомъ и батогами, отъ чего не освобождались и бояре. За воровство сѣкли плетью, отрѣзали ухо и сажали въ тюрьму, за вторичное воровство отрѣзали второе ухо и затѣмъ ссылали. Несостоятельныхъ должниковъ ставили „на правежъ“,

т. е. ежедневно выводили на площадь и цѣлый часъ били палками по ногамъ, пока не заплатитъ долга (помѣщики обыкновенно ставили на правежъ, взамѣнъ себя своихъ холоповъ).

Сложность судопроизводства, затягиваніе дѣлъ, жестокія пытки и наказанія заставляли и невинныхъ людей и даже простыхъ свидѣтелей прибѣгать къ посуламъ и взяткамъ, лишь бы какъ-нибудь избавиться отъ присутствія на судѣ и судебной волокиты. Безчестные люди пользовались этимъ и подъ страхомъ судебныхъ преслѣдованій отбирали часто послѣднее достояніе у бѣдняковъ, доводили до сумы богатыхъ людей. Соборное Уложеніе грозило взяточникамъ жестокими наказаніями, но это мало помогало дѣлу—крючкотворы-дьяки и подьячіе окружали свои вымогательства большой тайной и попадались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и тутъ умѣли выпутываться. Характерную картину судебныхъ мытарствъ и судебныхъ ухищреній рисуетъ сатирическая сказка тѣхъ временъ о Ершѣ Щетинниковѣ.

Войско. Устройство войска было одною изъ самыхъ главныхъ заботъ московскаго правительства въ виду непрерывныхъ войнъ съ сосѣдями—Польшей, Швеціей, Турціей и татарами. Въ связи съ этими заботами стояло и учрежденіе воеводскаго управленія, и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, и усиленіе помѣщичьяго класса, съ возложеніемъ на него по преимуществу военныхъ обязанностей.

Всѣ служилые люди—бояре, дворяне и дѣти боярскіе обязаны были являться на войну по первому призыву государя. Смотря по величинѣ дарованнаго имъ помѣстья, они приводили съ собою болѣе или менѣе значительные конные отряды вооруженныхъ на ихъ счетъ ратныхъ людей изъ своихъ слугъ. У „нѣтей", т. е. уклонявшихся отъ военной службы, отбирали помѣстья. Сборные помѣщичьи отряды составляли главную часть московскаго войска—конницу.

Эта конница по своему составу и вооруженію была далеко не однородна. Богачи вотчинники являлись на лихихъ коняхъ, въ блестящихъ шлемахъ и панцыряхъ, съ дорогими саблями, мушкетами и корабинами (огнестрѣльное оружіе). Ихъ сопровождала многочисленная толпа слугъ, тоже хорошо вооруженныхъ и цѣлые обозы продовольствія. Бѣдняки помѣщики (какихъ было большинство) являлись часто безъ всякихъ доспѣховъ, съ плохо вооруженными слугами, на плохихъ лошадяхъ; многіе изъ нихъ не имѣли даже огнестрѣльнаго оружія („огненнаго боя") и являлись по старинѣ только съ лукомъ и стрѣлой (съ „лучнымъ боемъ"). Боевыя качества этого сборнаго войска стояли, поэтому, не особенно высоко, тѣмъ болѣе, что въ рядахъ его всегда было много лицъ, впервые и неохотно являвшихся на войну, безъ надлежащей подготовки, послѣ мирной жизни въ помѣстьяхъ.

Кромѣ конницы въ московскомъ войскѣ была еще пѣхота, въ составъ которой входили стрѣльцы, городовые казаки и такъ называемые „даточные" люди, рекруты, набиравшіеся по преимуществу изъ тяглыхъ людей, поставлявшіеся землевладѣльцами, которые сами почему-либо не могли отправлять воинской повинности (вдовы помѣщиковъ, ихъ сыновья недоросли, не поспѣвшіе къ службѣ и пр.).

Стрѣльцы впервые явились при Грозномъ и составляли хорошо вооруженное (на счетъ казны) войско. Ихъ было 22 полка по 1000

человѣкъ въ каждомъ. Большая часть ихъ размѣщена была въ Москвѣ въ такъ называемыхъ стрѣлецкихъ слободахъ и нѣсколько полковъ стояли по другимъ городамъ. Они получали отъ казны жалованье, надѣлялись землею и могли заниматься безпошлинно промыслами и торговлей. При каждомъ полку была артиллерія („нарядъ“) изъ нѣсколькихъ пищалей (длинныя пушки) и отряды пушкарей.

Городовымъ казакамъ также отводились земли, которыя они въ мирное время обрабатывали, не платя податей, а во время войны получали отъ казны жалованье. Даточныхъ людей набирали на случай войны по одному человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ. Они должны были имѣть исправное вооруженіе и продовольствіе на счетъ землевладѣльцевъ; во время войны они оберегали обозъ, сооружали мосты, окопы и пр.

Къ этой конницѣ и пѣхотѣ „русскаго строя“, руководимой русскими начальниками-боярами, присоединялись иногда малороссійскіе и донскіе казаки, а также отряды служилыхъ кочевниковъ—татаръ, калмыковъ и другихъ инородцевъ.

Изъ всѣхъ войскъ „русскаго строя“ сравнительно лучше другихъ по подготовкѣ, вооруженію и дисциплинѣ были стрѣльцы. Они составляли постоянное войско, не прекращавшее своихъ воинскихъ упражненій и послѣ окончанія войны, тогда какъ всѣ остальные распускались по домамъ, возвращаясь къ мирнымъ занятіямъ и теряя боевую подготовку; вооруженіе у нихъ въ большинствѣ случаевъ было разнокалиберное и плохое, дисциплина слабая. При столкновеніяхъ съ степняками-татарами, еще хуже вооруженными, они имѣли перевѣсъ, но стали проигрывать въ борьбѣ съ устроенными на западно-европейскій ладъ войсками нашихъ западныхъ сосѣдей Швеціи и Польши. Въ виду этого московское правительство (съ временъ Бориса Годунова) стало нанимать въ русскую службу иноземные отряды; но они стоили очень дорого и были ненадежны, плохо слушались и плохо понимали русскихъ военачальниковъ; тогда (съ половины XVII в.) стали приглашать на службу по преимуществу иностранныхъ офицеровъ для обученія русскихъ ратныхъ людей европейскому военному строю.

Изъ малоземельныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и всякаго рода охочихъ и тяглыхъ людей (послѣднихъ вербовали и не изъ охотниковъ, отбирая, напр., въ солдаты у большесемейныхъ крестьянъ одного или двухъ изъ 3-хъ и 4-хъ сыновей) составилось свыше 60 полковъ (25 конныхъ и 38 пѣхотныхъ) подъ иностранными названіями рейтаръ, солдатъ, драгунъ (т. е. конныхъ, пѣхотинцевъ и смѣшанныхъ). Полки эти назывались войскомъ „иноземнаго строя“. Во время войны имъ давалось отъ казны жалованье и все вооруженіе. Въ мирное время они распускались по домамъ, на отведенныя имъ земли, но должны были ежегодно послѣ уборки хлѣба осенью собираться на мѣсяцъ для воинскихъ упражненій. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ всего войска считалось до 150 тыс., при чемъ большая часть его была уже „иноземнаго строя“.

Европейское военное искусство и дисциплина однако слабо прививались къ русскимъ ратнымъ людямъ и они по прежнему въ открытомъ бою нападали на непріятеля нестройной толпой, съ шумомъ и крикомъ, стараясь подавить его только своей массой. Тѣмъ не менѣе

и въ это время иностранцы отдаютъ справедливость ихъ выдающемуся мужеству, необыкновенной выносливости и особенно упорству въ отстаивании укрѣпленныхъ позицій.

Крупнымъ недостаткомъ военныхъ силъ московскаго государства было отсутствіе хорошихъ военачальниковъ. Командиры полковъ—полковые воеводы и степенные головы (по нынѣшнему—генералы и офицеры—назначались обыкновенно изъ среды высшихъ служилыхъ чиновъ—бояръ, окольничьихъ, московскихъ стольниковъ и пр., при чемъ главную роль тутъ играло „отечество“, т. е. происхожденіе, знатность породы, а не военныя заслуги и боевые таланты. Чтобы ослабить зло мѣстничества въ военномъ дѣлѣ, правительство часто объявляло „походы безъ мѣстъ“, назначая временно на время войны командирами и лицъ не особенно знатныхъ по происхожденію, но хорошо знающихъ военное дѣло. Тѣмъ не менѣе какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и послѣ совершеннаго упраздненія мѣстничества военная команда все-таки устроена была на аристократическихъ основахъ—лицу не дворянскаго происхожденія нельзя было дослужиться до званія командира. Дальнѣйшій шагъ въ отмѣнѣ этого порядка сдѣланъ былъ уже при Петрѣ Великомъ въ XVIII вѣкѣ.

Государственные доходы. Постоянныя войны и содержаніе большихъ ратныхъ силъ поглощали почти всѣ средства казны. Средства эти были не велики, а во взиманіи и распредѣленіи ихъ было мало порядка, такъ что само правительство въ точности не знало, сколько и откуда поступаетъ въ казну разныхъ сборовъ.

Главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ въ московскомъ государствѣ были подати (*тягло*). Они налагались не на отдѣльныхъ лицъ, а на цѣлыя общины, которыя уже сами разверстывали ихъ между собою. Крестьянскія общины платили по числу *„сохъ“* или извѣстныхъ крупныхъ участковъ земли, числившихся за ними *). Посадскіе люди платили подати по числу тяглыхъ дворовъ. Всѣ эти сборы вносились ежегодно въ казну къ 1-му сентября, которое считалось тогда первымъ днемъ года.

Далѣе почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлинами. Главными изъ послѣднихъ были таможенные и *кабацкіе сборы*. Первые были чрезвычайно разнообразны и взимались какъ при провозѣ, такъ и при продажѣ товаровъ **). Кабацкіе сборы получались отъ продажи питей, состоявшей въ исключительномъ вѣдѣніи казны. Тѣ и другіе сборы давались или на откупъ или на вѣру, „вѣрнымъ“ головамъ и цѣловальникамъ (присяжнымъ), которыхъ выбирали жители и при недоборахъ платились своимъ имуществомъ.

---

*) „Соха“ заключала въ себѣ при трехпольномъ хозяйствѣ (озимое, яровое и „паръ“) отъ 300 до 400 нынѣшнихъ десятинъ въ одномъ полѣ и отъ 900 до 1200 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ. Въ началѣ XVII в. съ каждой „выти“ (такъ назывался участокъ земли въ 7—8 нынѣшнихъ десятинъ) черносошному крестьянину приходилось платить по разверсткѣ отъ 10 до 15 рублей, смотря по качеству почвы. Если принять во вниманіе, что сравнительная цѣнность тогдашняго рубля была выше нынѣшней въ 15 разъ, то эта подать оказывалась очевидно очень высокой.

**) Въ концѣ XVI в. торговой пошлины взималось въ Москвѣ по 8 денегъ съ рубля, въ концѣ XVII по 10 денегъ—съ продавца и покупщика пополамъ.

Взимались пошлины и съ разныхъ частныхъ сдѣлокъ или просьбъ, какія подавались частными лицами въ приказы, суды и пр. съ грамотъ, которыя оттуда выдавались, судебныхъ рѣшеній и т. п. Съ осужденныхъ преступниковъ шла въ казну (въ разбойный приказъ) половина имущества.

Въ казну поступали наконецъ разнаго рода *оброки* или плата за предоставленіе частному лицу права пользоваться казенной землей, рыбной ловлей, звѣринымъ гономъ и т. п. или заниматься какимъ либо промысломъ. Сюда относились доходы съ городскихъ торговыхъ лавокъ, бань и пр.

Помимо этого были спеціальные налоги, назначавшіеся на особыя потребности государства: таковы были, напр., *ямскія* деньги (на содержаніе ямской гоньбы для провоза пословъ, гонцовъ, должностныхъ и ратныхъ людей), *полоняничныя*—(подворная подать на выкупъ плѣнныхъ у татаръ и турокъ), *стрѣлецкія*—(на содержаніе стрѣльцовъ хлѣбомъ и деньгами) и пр.

Во время войны, когда не хватало у правительства средствъ, являлись чрезвычайные, т. е. — временные налоги: съ посадскихъ людей брали тогда двадцатую, десятую, а иногда даже *пятую деньгу* (въ 1662 и 1663 г.), т. е. пятую часть всего дохода. Кромѣ денегъ брали на кормъ ратнымъ людямъ ржаную муку, крупу; требовали поставки подводъ для обоза; заставляли жителей править „городовую повинность"—поправлять и надстраивать городскія стѣны, чинить мосты и пр. А въ заключеніе всего на населеніи лежалъ *кормъ* воеводамъ,—приказнымъ и другимъ должностнымъ лицамъ и разнаго рода безвозмездныя службы и работы въ ихъ пользу.

Вообще же финансовая система московскаго правительства отличалась большой запутанностію, налоги распредѣлялись неравномѣрно между различными областями и сословіями. Во взиманіи ихъ также было мало порядка и опредѣленности. Все это вело къ большимъ злоупотребленіямъ и вызывало постоянныя жалобы и недовольство населенія.

Отягощая народъ, эти налоги, пошлины и сборы въ общемъ не могли давать значительной суммы при малочисленности населенія, разсѣяннаго рѣдкими поселками на огромномъ пространствѣ государства, и при незначительномъ развитіи торговли и промышленности *). На многочисленныя нужды государства средствъ не хватало, и правительство, хотя и сознавало, напр., неудобства системы „кормленія", не могло однако удовлетворять воеводъ жалованьемъ и широко пользовалось единственнымъ рессурсомъ, находившимся въ его рукахъ, землею, раздавая ее въ пользованіе служилымъ людямъ, нужнымъ для войны, и въ жертву тѣмъ же служилымъ людямъ принесло наконецъ свободу крестьянъ, т. е. главной массы населенія, силами которой держалось государство.

Промышленность и торговля были слабо развиты въ московскомъ государствѣ, хотя по богатству естественныхъ произведеній страна и тогда, какъ нынѣ, занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. Но эти богатства были еще совершенно не разработаны. „Московія" въ ту пору, по разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ XV—XVII в.,

*) По дошедшему до насъ исчисленію доходовъ за 1680 годъ видно, что всего поступало тогда въ казну до $1^1/_2$ мил. рублей (приблизительно 25 мил. на наши деньги). Прямые налоги при этомъ давали 600 т. (т. е. $^2/_5$ общаго сбора), столько же давали таможенный и кабацкій сборы и около 300 т. получалось отъ чрезвычайныхъ сборовъ.

представляла изъ себя не что иное какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, своего рода оазисовъ въ лѣсной пустынѣ, которыя выжигались для обращенія въ поле. Главными путями сообщенія служили многочисленныя рѣки, бороздившія эти лѣса въ разныхъ направленіяхъ. По нимъ по преимуществу и ютилось населеніе, занимавшееся главнымъ образомъ земледѣліемъ и добывающей промышленностію.

Распашка и обработка полей велась еще первобытными способами — деревянной сохой и бороной, при трехпольномъ хозяйствѣ, но дѣвственная почва па выжигаемыхъ участкахъ лѣса давала богатѣйшіе урожаи. Особенно славилась этимъ Рязанская область и мѣстности по теченію Оки и Клязьмы. Главными хлѣбными растеніями, которыя воздѣлывались въ странѣ, были рожь, пшеница, ячмень, овесъ, греча и горохъ. Успѣхамъ земледѣльческой промышленности мѣшало какъ невѣжество и бѣдность крестьянъ, не знавшихъ и не могшихъ усвоить себѣ иныхъ пріемовъ земледѣлія кромѣ старинныхъ, „дѣдовскихъ“, такъ и чрезвычайная рѣдкость населенія, а также прикрѣпленіе крестьянъ, обрекшее ихъ на подневольный трудъ на чужой землѣ.

За предѣлами средней Россіи, дальше къ сѣверу, земледѣліе падало и наступало царство почти сплошного лѣса, откуда населеніе добывало себѣ главныя средства къ жизни. Но въ ту пору лѣса и всей Россіи славились обиліемъ растительности, своими невѣроятно высокими соснами, превосходнымъ дубомъ и кленомъ. Лѣсъ давалъ русскому человѣку и пищу (дичь, ягоды, грибы), и одежду (мѣха, кожи), и топливо, и освѣщеніе (лучина), и обувь (лыко, лапти), домашнюю утварь и другіе предметы домашняго обихода. Постройки и въ деревняхъ и въ городахъ были сплошь изъ дерева, мостовыя и мосты и даже городскія стѣны были также деревянныя. То, чѣмъ былъ для западно-европейца камень, для русскаго являлось дерево. Обиліе пушного звѣря способствовало развитію звѣроловства, особенно на сѣверѣ и въ Сибири, откуда шли лучшіе мѣха (собольи, куньи, лисьи, бобровые, бѣличьи, рысьи, горностаевые, медвѣжьи и пр.). Въ тѣхъ же лѣсахъ населеніе добывало очень много меда и воска, но искусственное пчеловодство было еще мало развито.

Чрезвычайное обиліе рыбы въ рѣкахъ, особенно въ Волжской системѣ (бѣлуга, осетръ, стерлядь), дѣлало ее послѣ хлѣба однимъ изъ главныхъ предметовъ питанія русскаго человѣка при большомъ количествѣ и строгомъ соблюденіи постныхъ дней въ тогдашнее время. Соленая рыба и икра вывозились заграницу и въ огромномъ количествѣ потреблялись внутри Россіи; въ связи съ рыбнымъ промысломъ стояло и усиленное добываніе соли (близъ Старой Руссы, Казани, Астрахани и въ др. мѣстахъ).

Кромѣ этихъ главныхъ промысловъ занимались еще добываніемъ сѣры, селитры и желѣза, но тоже первобытными способами и не въ большомъ количествѣ. Неоднократныя попытки добыть золото и серебро не удавались, вслѣдствіе неумѣлости пріемовъ, и разработка золотой и серебряной руды началась только при помощи иностранцевъ съ конца XVII в. (на сѣверо-востокѣ, въ горахъ за Казанью и далѣе по направленію къ Сибири).

Что касается промышленности обрабатывающей, то ея почти не существовало. Болѣе или менѣе искусныхъ мастеровъ по разнымъ производствамъ и ремесламъ можно было встрѣтить только въ Москвѣ, да и то по большей части изъ иностранцевъ.

Было нѣсколько желѣзоплавильныхъ заводовъ (около Тулы, въ Олонецкомъ краѣ, а также по рѣкамъ Костромѣ, Шекснѣ и Волгѣ), вызванныхъ

потребностями военнаго времени и поставлявшихъ на казну пушки, ядра и ружья и затѣмъ нѣсколько суконныхъ и полотняныхъ фабрикъ, работавшихъ для царскаго двора. Но всѣ эти заводы и фабрики основаны были иностранцами, мастера на нихъ тоже были по большей части иноземные и для удовлетворенія нуждъ населенія они почти ничего не производили.

Соотвѣтственно характеру промышленности и при торговлѣ съ иноземцами Россія ставила по преимуществу сырыя (т. е. необработанныя) произведенія. Самой важной статьей отпуска на Западъ, были мѣха, затѣмъ медъ, воскъ, пенька, ленъ, кожи, сало, икра, лѣсъ и отчасти хлѣбъ. Все это закупали сами иностранцы на русскихъ рынкахъ и везли заграницу (русскіе купцы опасались поѣздокъ въ иновѣрныя земли, да и само правительство этого не поощряло изъ боязни за чистоту вѣры и обычаевъ). Съ Запада же везли намъ въ обмѣнъ фабричныя издѣлія: оружіе, огнестрѣльные снаряды, металлическія вещи, тонкія сукна, полотна, сахаръ, бумагу, сверхъ того разныя пряности и вина, серебро и золото въ дѣлѣ (т. е въ разныхъ вещахъ), въ слиткахъ и частью въ монетѣ и пр.

Главнымъ мѣстомъ отпускной торговли былъ Архангельскъ, куда съѣзжались купцы русскіе и иностранные (изъ Западной Европы) для взаимнаго обмѣна товарами.

Торговля здѣсь была по преимуществу мѣновая вслѣдствіе отсутствія или малаго количества денежныхъ знаковъ и постоянныхъ колебаній въ цѣнности серебра и золота.

Другимъ важнымъ пунктомъ для заграничной торговли, собственно съ Азіей, была Астрахань.

Здѣсь происходилъ обмѣнъ товаровъ съ купцами Средней Азіи и Востока (изъ Бухары, Персіи и Арменіи). Они привозили въ Россію шелковыя и хлопчатобумажныя матеріи, ковры, парчу, драгоцѣнные камни, шелкъ, краски и пр., получая въ обмѣнъ хлѣбъ, шерстяныя и полотняныя издѣлія, ножи, топоры, стрѣлы, а иногда и огнестрѣльное оружіе (контрабандой или съ особаго разрѣшенія начальства).

Главнымъ же торговымъ центромъ страны, по преимуществу для внутренней торговли, была Москва. Сюда съѣзжались торговцы съ разныхъ концовъ Россіи и изъ заграницы.

На каждомъ шагу встрѣчались въ Москвѣ рынки, гостиные дворы и лавки. Отсюда расходились главные пути для внѣшней торговли: на Архангельскъ (черезъ Ярославль и Вологду по С. Двинѣ), въ Астрахань (по Окѣ и Волгѣ), къ Новгороду, въ Польшу (черезъ Смоленскъ) и наконецъ въ Сибирь (по Волгѣ и Камѣ). Большимъ препятствіемъ торговому движенію было совершенное отсутствіе сносныхъ дорогъ. Лѣтомъ служили для этого рѣки, гдѣ шли (особенно по Волгѣ) длинные караваны судовъ, нагруженныхъ товарами; главное же движеніе совершалось зимою—къ Москвѣ и отъ Москвы шли тогда громадные обозы, иногда до 700 возовъ—ради большей безопасности отъ разбойниковъ, звѣрей и метелей.

Помимо главныхъ торговыхъ центровъ, каждый городъ и посадъ служилъ нуждамъ внутренней торговли, являясь рынкомъ для своихъ окрестностей. Но громадныя разстоянія между населенными пунктами и неудобства путей сообщенія, затруднявшихъ непрерывное торговое

движеніе, вызвали обычай торговцевъ собираться ежегодно въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ наиболѣе удобное для проѣзда время или въ дни наибольшаго скопленія народа (напр. въ храмовые праздники въ городахъ и монастыряхъ); такъ произошли *ярмарки*. Изъ нихъ особенно извѣстна была Макарьевская (около монастыря св. Макарія Желтоводскаго, впослѣдствіи перенесенная въ Нижній-Новгородъ).

Кромѣ дурныхъ путей сообщенія много мѣшали развитію торговли многочисленныя пошлины, взимавшіяся съ торговыхъ людей, и притѣсненія, какія приходилось имъ сверхъ этого выносить отъ воеводъ, приказныхъ людей и даже отъ своихъ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ*). Не мало вредила также безпошлинная торговля англичанъ (до Алексѣя Михайловича). Мѣшала наконецъ, и такъ называемая „царская торговля“: ни одинъ купецъ не имѣлъ права покупать привезенные въ Россію иностранные товары, пока не отбирали лучшее изъ нихъ для двора царскіе люди, а также не могъ продавать, пока не распроданы будутъ товары изъ дворцовыхъ имѣній. Нѣкоторыя отрасли торговли, какъ, напр., продажа водки и дорогихъ мѣховъ, составляли монополію казны. Всѣ эти стѣсненія и препятствія, въ связи съ невѣжествомъ и низкимъ уровнемъ нравственности, вызвали стремленіе у купцовъ восполнять свои убытки хотя бы нечестными путями. Въ русской торговлѣ укоренились разнаго рода уловки, обмѣръ и обвѣсъ, запрашиваніе въ тридорога и прямой обманъ покупателей. Все это крайне удивляло иностранцевъ, помимо этого отдававшихъ полную справедливость торговымъ способностямъ русскихъ купцовъ, ихъ смѣтливости, сноровкѣ и изворотливости.

Церковь и духовенство. Значеніе церкви въ московскій періодъ еще болѣе возвысилось, чѣмъ прежде. Въ смутное время, въ пору всеобщей „разрухи“, одна церковь осталась незыблемой и когда, наконецъ, замолкъ голосъ замученнаго поляками патріарха Гермогена, „начальнаго человѣка“ страны въ эту эпоху, призывъ къ освобожденію родины отъ поляковъ раздался изъ нѣдръ монастырей. Во главѣ освободительнаго движенія стала Троицкая Лавра, незадолго передъ тѣмъ выдержавшая 16-ти-мѣсячную осаду полчищъ Лисовскаго и Сапѣги. И другіе монастыри (которыхъ основано было въ московскій періодъ до 300) по мѣрѣ силъ и возможности исполняли ту же миссію. Помимо нравственнаго воздѣйствія на общество, они были опорой и внѣшней его безопасности. За каменными стѣнами этихъ небольшихъ крѣпостей той эпохи обыкновенно укрывалось отъ враговъ окрестное населеніе. Изъ нихъ выходили попрежнему и подвижники, распространявшіе Христову вѣру среди инородцевъ. Таковъ былъ при Грозномъ св. *Трифонъ*, просвѣтитель лопарей и другихъ полудикихъ племенъ, обитавшихъ около Бѣлаго моря.

Вмѣстѣ съ нравственнымъ значеніемъ выросло и внѣшнее могущество церкви. Учрежденіемъ патріаршества при Θеодорѣ Іоанновичѣ Москва сравнялась съ древними патріархіями Востока и нравственно подчинила себѣ польскую Русь, гдѣ владыкой былъ только митрополитъ кіевскій. Патріархъ всегда занималъ первое мѣсто послѣ госу-

---

*) До XVII в. существовали, напр., слѣдующіе пошлинные сборы: мытъ, мостовщина, привальное, свальное, грузовое, амбарное, отъѣзжее и пр. При Алексѣѣ Михаиловичѣ эти мелкіе сборы частью объединили, частью замѣнили другими.

даря и засѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Думѣ, одинъ или съ „освященнымъ соборомъ“. Безъ совѣта съ нимъ не вершилось почти никакое дѣло. За нимъ всегда оставалось великое право печалованія за опальныхъ и обиженныхъ. А въ безгосударное время онъ, какъ „начальный человѣкъ“, правилъ страною во главѣ Думы и своего собора. Именемъ соборовъ названы были и совѣщанія выборныхъ отъ всей земли, гдѣ также засѣдали патріархъ и другіе „владыки“. Въ областяхъ послѣдніе также были постоянными совѣтниками воеводъ и намѣстниковъ.

Всего больше усилилось хозяйственное могущество духовенства, преимущественно чернаго (—въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ). Среди всеобщаго обнищанія одни обители не только сохраняли свои богатства, но еще умножали ихъ, несмотря на всѣ жертвы въ пользу государства. Постоянныя пожертвованія благочестивыхъ людей позволили монастырямъ скопить большія богатства и сосредоточить въ своихъ рукахъ огромныя поземельныя владѣнія. Искусная хозяйственная дѣятельность иноковъ и разныя льготы, дававшіяся обитавшимъ на монастырскихъ земляхъ крестьянамъ (особенно „тарханы“ или жалованныя грамоты князей, освобождавшія церковныя земли отъ княжаго суда—кромѣ уголовщины,—отъ нѣкоторыхъ даней, отъ торговыхъ пошлинъ и пр.), привлекали на ихъ земли массу чернаго люда. Монастыри въ московскій періодъ были наиболѣе богатыми землевладѣльцами на Руси (у одной Троицкой Лавры къ концу періода было до 60 тыс. крестьянъ); имѣнія ихъ являлись наиболѣе благоустроенными.

Но зато владѣніе населенными землями отвлекало монастыри отъ религіозныхъ интересовъ къ заботамъ чисто хозяйственнымъ, дѣлало изъ ихъ настоятелей не монаховъ, а помѣщиковъ; богатства же, скоплявшіяся въ стѣнахъ монастырей, содѣйствовали порчѣ монастырскихъ нравовъ, понижая тѣмъ вліяніе монастырей на массу. Въ виду этого еще при Іоаннѣ III знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій на духовномъ соборѣ (1503) поднялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть селами инокамъ, отрекшимся отъ міра. Митрополиты, епископы и особенно краснорѣчивый Іосифъ Санинъ, настоятель Волоколамскаго монастыря, отстояли однако привилегію монастырей. Вопросъ однако возобновился при Василіи III, когда мысль Нила Сорскаго поддерживали и развивали тоже извѣстные иноки—Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ. Бояре и служилые люди почти всецѣло примыкали къ ихъ точкѣ зрѣнія, видя въ монастыряхъ самыхъ серьезныхъ соперниковъ себѣ по землевладѣнію, да и само правительство подъ конецъ стало опасаться сосредоточенія льготныхъ земель въ рукахъ духовенства. Тарханы и льготы церковнымъ землямъ стали ограничивать, не позволяли безъ разрѣшенія государя монастырямъ покупать новыя вотчины, а служилымъ людямъ отказывать свои имѣнія въ монастыри на поминъ души. Внимая многочисленнымъ челобитнымъ служилыхъ людей, Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича запретило духовенству пріобрѣтать вотчины и ограничило его судебныя и иныя права надъ крестьянами учрежденіемъ Монастырскаго приказа, въ вѣдѣніи котораго сосредоточены были эти дѣла.

Отношенія духовенства къ верховной власти остались безъ измѣ-

ненія. Учрежденіе патріаршества не ослабило зависимости перваго отъ послѣдней. Наоборотъ, усиленіе самодержавія въ московскій періодъ только еще болѣе утвердило эту зависимость. „Великое государствованіе" Филарета Никитича объясняется его родственными отношеніями и характеромъ его во всемъ послушнаго сына и мало имѣло отношенія къ патріаршей власти. Попытка Никона усвоить себѣ роль русскаго папы объясняется его личнымъ характеромъ и податливостію Алексѣя Михаиловича, но даже и при этомъ „тишайшемъ" государѣ кончилась крайне плачевно для притязаній Никона и престижа патріаршей власти. Въ самомъ духовенствѣ стремленія патріарха не встрѣтили содѣйствія. Оно попрежнему стояло противъ всякихъ попытокъ умаленія единой и самодержавной верховной власти. Послѣдняя изъ этихъ попытокъ была при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Думцы внушили благодушному царю мысль о назначеніи „вѣчныхъ" (безсмѣнныхъ) намѣстниковъ изъ „великородныхъ", съ „титлами тѣхъ царствъ, гдѣ кто будетъ" (князь царства Казанскаго и т. д.); но возсталъ патріархъ Іоакимъ, увидѣвшій тутъ посягательство на единовластіе на Руси, и замыслы знати потерпѣли крушеніе.

Вѣрное преданіямъ греческой церкви и исторически сложившемуся строю общегосударственной жизни, духовенство стремилось имѣть власть надъ народомъ, а не надъ престоломъ, да и то чисто нравственную. И при отличавшей московскую Русь религіозности эта власть дѣйствительно чувствовалась, но къ концу періода замѣтно нѣкоторое ея ослабленіе и не только въ верхнихъ слояхъ общества, но и въ самомъ народѣ. Среди первыхъ оно лишилось руководящаго значенія, потому что возставало противъ общенія съ Западомъ, противъ связанныхъ съ этимъ просвѣтительныхъ и преобразовательныхъ стремленій, которыя тогда стали проникать и въ среду общества. Послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича патріархъ не разъ въ думѣ говорилъ противъ наплыва иноземцевъ, требуя увольненія всѣхъ офицеровъ, какъ еретиковъ и т. д. Эти и подобные крайніе взгляды, которыхъ держался не одинъ патріархъ, повели только къ тому, что преобразовательная и просвѣтительная дѣятельность правящихъ классовъ пошла помимо и часто вопреки духовенству. Обособленію послѣдняго много содѣйствовало и то, что ряды его теперь почти не пополнялись притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій, и оно становилось все болѣе и болѣе замкнутымъ сословіемъ съ чисто кастовымъ устройствомъ.

Въ связи съ ослабленіемъ общаго уровня образованности, падаетъ образованность и въ средѣ духовенства и настолько, что къ XVI в. почти смолкаетъ въ церквахъ проповѣдь и духовенство лишается этой могучей силы воздѣйствія на народъ. Проблески возрожденія замѣчаются въ концѣ періода при оживленіи сношеній съ юго-западной Русью, откуда явилось много духовныхъ дѣятелей и въ Московской Руси и при учрежденіи Славяно-греко-латинской академіи, преобразовавшейся потомъ въ чисто духовную школу, къ сожалѣнію, съ схоластическимъ строемъ обученія.

Что касается низшаго духовенства, имѣвшаго главное соприкосновеніе съ народной массой, то оно почти сплошь состояло изъ лю-

дей малограмотныхъ; „попы невѣгласи“, едва умѣвшіе брести по книгѣ, были заурядным явленіемъ, да и такихъ еще при общемъ невѣжествѣ народа было трудно добыть. Въ связи съ этимъ невысоко стоялъ и нравственный уровень духовенства. На церковныхъ соборахъ постоянно раздаются голоса противъ недостатковъ низшаго духовенства, обсуждаются мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ и къ устройству лучшаго образованія для священнослужителей, но недостатокъ у государства средствъ даже на охрану внѣшней безопасности страны тормозилъ всѣ эти начинанія. При Іоаннѣ IV, на ряду съ другими сословіями, и духовенству были дарованы начатки самоуправленія, дано право выбирать изъ своей среды особыхъ сотскихъ или „поповскихъ старостъ“, которые бы собирали духовныхъ лицъ для совѣщаній о духовныхъ дѣлахъ, слѣдили за правильнымъ совершеніемъ богослуженія и пр. Но это право осталось мертвой буквой за недостаткомъ подходящихъ людей. Невѣжество священниковъ, бывшихъ только требоисправителями, и то плохими, содѣйствовало развитію раскола и укрѣпленію среди народа преклоненія предъ буквой, формой и обрядомъ, какъ высшимъ проявленіемъ религіозности.

Образованность на Руси въ московскій періодъ мало двинулась впередъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Силы населенія попрежнему уходили главнымъ образомъ на борьбу съ внѣшними врагами и мало было досуга для занятій наукой и литературой и средствъ къ распространенію образованія въ странѣ. Отторгнутые монгольскимъ игомъ отъ общенія съ Зап. Европой, русскіе отстали въ развитіи отъ своихъ западныхъ собратій; продолжались только связи съ Византіей, но почти исключительно на почвѣ церковныхъ дѣлъ. Усиленіе религіозности въ странѣ, подъ вліяніемъ тяжкихъ внѣшнихъ событій, въ свою очередь направило мысли русскаго человѣка исключительно въ сторону литературы чисто церковнаго характера. Сравнительно наиболѣе образованнымъ или по крайней мѣрѣ грамотнымъ сословіемъ было духовенство, въ силу уже самыхъ обязанностей своего званія. „Книжники“, выходившіе по преимуществу изъ его среды, и содержаніемъ и формою своихъ писаній только еще болѣе поддерживали общее настроеніе и вліяли въ этомъ же смыслѣ на лицъ изъ другихъ сословій, чувствовавшихъ интересъ къ занятіямъ литературой. Въ связи съ этимъ литература того времени состояла главнымъ образомъ изъ книгъ религіознаго и поучительнаго характера и отчасти историческихъ сказаній, носившихъ въ большинствѣ тотъ же поучительный характеръ. Притомъ большую часть ея составляли переводы съ греческаго и частью другихъ языковъ или передѣлки древне-русскихъ произведеній литературы; самостоятельное творчество ослабѣло.

Въ книжной словесности того времени по количеству произведеній первое мѣсто вслѣдъ за богослужебными книгами занимали учительныя книги, заключавшія собранія различныхъ поученій. Сборники эти носили названія *Златоустовъ, Златоструевъ, Измарагдовъ* и т. п. Вмѣстѣ съ ними наиболѣе любимымъ чтеніемъ грамотныхъ лицъ того времени были житія святыхъ (полное собраніе ихъ сдѣлано было еще митрополитомъ Макаріемъ и извѣстно подъ именемъ *Четьихъ-Миней*; послѣ нихъ наибольшей популяр-

ностію пользовался *Кіевскій Патерикъ*—собраніе житій кіевскихъ угодниковъ). Были еще такъ называемые *Пчелы*, сборники статей религіознаго содержанія и разныя разсужденія, напр. о богатствѣ и убожествѣ, о добродѣтели и злобѣ, о правдѣ и т. п. На ряду со всѣмъ этимъ получили распространенность *Апокрифы* или такъ называемыя „отреченныя книги", отвергавшіяся церковью сказанія о Христѣ и святыхъ и т. п.

Изъ книгъ историческаго содержанія распространены были *Хронографы*, заключавшіе въ себѣ историческія сказанія греческихъ лѣтописцевъ. Были и русскіе хронографы, выборки и передѣлки изъ русскихъ старинныхъ лѣтописей. Наиболѣе извѣстными сводами лѣтописей были такъ называемыя *Степенныя книги* (описаніе событій по степенямъ, по порядку княженій и царствованій, составленное при митр. Макаріи) и сводъ лѣтописей, сдѣланныхъ по приказу партіарха Никона. Съ XV в. лѣтописи ведутся при дворѣ великихъ князей и пріобрѣтаютъ сухой, оффиціальный характеръ, а съ XVI в. ихъ замѣняютъ такъ называемыя „разрядныя книги", куда дьяки вносили главныя придворныя событія и свѣдѣнія о служебной дѣятельности бояръ. Взамѣнъ лѣтописныхъ сказаній являются теперь историческія записки современниковъ—таковы напр. — „*Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры*" Авраамія Палицына и любопытное „*Описаніе Московскаго государства*" въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, сдѣланное подъячимъ Посольскаго приказа Котошихинымъ; оно написано въ Швеціи, куда Котошихинъ убѣжалъ изъ Россіи (1654 г.). Личныя невзгоды Котошихина отразились и на характерѣ его сужденій, особенно о боярствѣ *).

Кромѣ книгъ религіозныхъ, поучительныхъ и историческихъ появились въ это время на Руси еще такъ называемыя „потѣшныя книги". — То были разнаго рода переводныя повѣсти и сказки, передѣланныя на русскій ладъ и занесенныя частію съ Запада (черезъ Польшу), о Бовѣ Королевичѣ (изъ итал. романа о рыцарѣ Буово-д'Антона), частью со Востока—„О Санагриппѣ царѣ и Акирѣ Премудромъ" (изъ арабскихъ сказокъ „Тысяча и одна ночь"). Явились и слабые зачатки самостоятельной русской повѣсти и сатиры по подражанію заграничнымъ образцамъ: „Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ", сатирическія сказки „Шемякинъ Судъ" и „о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ".

Въ XVII в. проникаютъ (черезъ Польшу) нѣкоторыя книги научнаго содержанія, переведенныя на русскій языкъ—сочиненія по географіи, космографіи и пр. Для любознательнаго человѣка представлялась такимъ образомъ возможность путемъ пріобрѣтенія отрывочныхъ свѣдѣній по разнымъ предметамъ нѣсколько расширить кругъ своей начитанности. Но и это возможно было лишь лицамъ, находившимся въ особо благопріятныхъ для того условіяхъ, такъ какъ книги были рукописныя и потому были рѣдки и дороги. Однимъ изъ наиболѣе начитанныхъ (въ русской оригинальной и переводной литературѣ того времени) людей былъ царь Алексѣй Михаиловичъ, благодаря, конечно, своему положенію. Лица желавшія пріобрѣсти не начитанность только, но и получить нѣкоторое систематическое образованіе, обращались къ чужеземнымъ источникамъ—знакомились, напр., съ польскимъ

---

*) Наиболѣе затронули мысль и чувство русскаго человѣка, подѣйствовали на его нервы эпоха Грознаго и смутное время. Къ этой порѣ относится появленіе произведеній чисто публицистическаго характера, каковы исторія Грознаго, написанная Курбскимъ, и его переписка съ царемъ, памфлетическія произведенія „Ивашки Пересвѣтова", защитника системы Грознаго, „Иное сказаніе", политическій памфлетъ, вышедшій изъ партіи Шуйскихъ въ 1606 г., и др.

языкомъ (а иногда и латинскимъ, какъ кн. В. В. Голицынъ), а черезъ него съ литературой и наукой Запада.

Составлявшія большую рѣдкость, книги давали въ ту пору умственную пищу лишь небольшому числу грамотныхъ людей, представлявшихъ собою тоже рѣдкое и исключительное явленіе въ подавляющей сплошной массѣ неграмотнаго люда. Послѣдній по прежнему удовлетворялъ свои духовныя потребности слушаніемъ старинныхъ сказокъ и былинъ или пѣсенъ съ эпическимъ характеромъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ удѣльновѣчевой Руси. Въ XVI и XVII в. къ нимъ прибавилось нѣсколько новыхъ пѣсенъ, характеризующихъ главныхъ историческихъ дѣятелей царскаго періода— Іоанна Грознаго, Скопина-Шуйскаго, Алексѣя Михаиловича, Разина и пр. Слѣпцы и сказочники (бахари) заносили ихъ и въ боярскія хоромы и въ царскія палаты. Нищіе-богомольцы („калики перехожіе") въ свою очередь распѣвали разные „стихи" религіознаго содержанія—о страшномъ судѣ, о „Голубиной книгѣ" и т. п. Наиболѣе характернымъ образчикомъ пѣсеннаго творчества той эпохи является повѣсть „О горѣ-злосчастіи".

Количественная и качественная бѣдность русской литературы XV—XVII в. и оскудѣніе оригинальнаго творчества зависѣли, между прочимъ, и отъ совершеннаго отсутствія школъ въ московской Руси. Не только образованіе и какое-нибудь развитіе, но даже и простую грамотность трудно было получить помимо случайныхъ учителей-грамотѣевъ, „мастеровъ" въ чтеніи и письмѣ, какими являлись чаще всего подъячіе и лица духовнаго званія.

Обученіе начиналось обыкновенно съ букваря, при чемъ наилучшимъ средствомъ поощренія ребенка считалась розга. Далѣе слѣдовало чтеніе и изученіе наизусть часослова и псалтиря. У большинства этимъ дѣло и оканчивалось. Искусству письма учили далеко не всѣхъ. Нѣкоторыхъ знакомили съ церковнымъ пѣніемъ и необходимыми для этого богослужебными книгами. Таковъ былъ курсъ обученія не только для боярскихъ и дворянскихъ, но и для царскихъ дѣтей *). Лица, желавшія расширить этотъ курсъ обученія, искали учителей на сторонѣ: такъ сына Ордина-Нащокина обучалъ польскій шляхтичъ; такой же учитель былъ и у дѣтей Матвѣева. Учителемъ царевича Өеодора Алексѣевича сначала былъ по обычаю подъячій Посольскаго приказа, но затѣмъ вызванъ былъ къ нему наставникомъ Симеонъ Полоцкій.

Недостаточность одной грамотности, необходимость образованія давно уже стали сознаваться отдѣльными лицами въ русскомъ обществѣ и самимъ правительствомъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ Западомъ познакомило многихъ русскихъ людей съ особенностями и преимуществами жизни наиболѣе просвѣщенныхъ странъ Европы,

---

*) Такъ напр. царь Алексѣй Михаиловичъ началъ по 6-му году изученіе букваря; 7-ми лѣтъ принялся учить часовникъ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого псалтирь и потомъ черезъ 3 мѣсяца дѣянія апостоловъ. Далѣе слѣдовало обученіе письму и церковному пѣнію. Какъ любитель чтенія, онъ имѣлъ собственную отроческую библіотеку, состоявшую изъ 13 книгъ, въ томъ числѣ два „Апостола" (печатный и рукописный), печатныя же азбуки, октоихъ, двѣ псалтири (печатная и рукописная), два такихъ же „Стихараля" и тріодь, грамматика, „козмографія" и лексиконъ литовской печати и наконецъ рукописная книжка подъ заглавіемъ „Главизны показательны о нравоучительствѣ—царя Василія Греческаго сыну своему царю Льву".

войны съ Польшей и Швеціей наглядно убѣдили въ преимуществѣ западной науки и техники. Изъ Зап. Европы стали звать на Русь офицеровъ, врачей, техниковъ и ремесленниковъ. Но самого Запада и его науки еще чурались. Борисъ Годуновъ послалъ было туда 18 молодыхъ людей для полученія образованія, но изъ нихъ только одинъ воротился на родину, что послужило многимъ русскимъ людямъ наглядным подтвержденіемъ вреда отъ общенія съ еретическимъ Западомъ. Туда не пускали даже купцовъ по дѣламъ торговли, опасаясь за чистоту вѣры и народности.

Оказалось однако, что науки и образованіе требуются и для охраны самой вѣры. Исторія исправленія богослужебныхъ книгъ доказывала это очень наглядно. Сначала вызывали ученыхъ справщиковъ съ Востока, но скоро остановились на мысли, что тутъ нужнѣе всего свои ученые люди, свои школы. Малороссія съ своими школами и типографіями, съ своими духовными писателями и учителями, которые образовались во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Могила и др.) служила примѣромъ и образцомъ, хотя московское духовенство не совсѣмъ дружелюбно относилось и къ западно-русскимъ школамъ, подозрѣвая ихъ въ симпатіяхъ къ „латинству". Съ цѣлью оградить русское православіе отъ иноземныхъ ересей и утвердить его связь съ Восточной церковью, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожелалъ учредить въ Москвѣ высшее училище, открытое уже послѣ его смерти подъ названіемъ „славяно-греко-латинской академіи" *).

Уставъ для нея былъ написанъ западно-русскимъ ученымъ, обжившимся впрочемъ въ Москвѣ, Симеономъ Полоцкимъ и скопированъ съ устава Кіевской академіи, которая сама въ свою очередь была копіей западныхъ школъ. Первыми учителями академіи были греки—братья Лихуды, получившіе однако высшее образованіе въ западныхъ школахъ. Отличіе академіи отъ Кіевской и ея западныхъ образцовъ было только въ томъ, что греческій языкъ здѣсь изучали больше, чѣмъ тамъ,—остальные предметы: реторика, піитика, латинскій языкъ, христіанская философія, богословіе и пр.—были тѣ же и преподавались по схоластическимъ методамъ **).

Искусства. Искусство въ московской Руси сосредоточивалось главнымъ образомъ на созиданіи и украшеніи храмовъ. Строительное искусство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ зодчихъ. Изъ нихъ особенно прославился при Іоаннѣ III итальянецъ Аристотель *Фіоравенти*, перестроившій заново Успенскій и Архангельскій соборы въ Москвѣ; итальянцы

---

*) Еще раньше, при Филаретѣ Никитичѣ, основана была (1633 г.) школа при Чудовомъ монастырѣ, а при Алексѣѣ Михаиловичѣ бояринъ Ртищевъ основалъ (1649 г.) училище св. Андрея въ Преображенскомъ монастырѣ и вызвалъ туда нѣсколько ученыхъ монаховъ, занимавшихся впрочемъ больше переводами священныхъ книгъ, чѣмъ обученіемъ юношества.

**) Школа находилась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, игуменомъ котораго былъ ученый монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ самъ разсчитывалъ быть начальникомъ академіи и враждовалъ съ Лихудами, обвиняя ихъ въ ереси (по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи), но потерпѣлъ неудачу, самъ былъ обвиненъ въ латинствѣ и сосланъ въ заточеніе. Изъ стѣнъ академіи вышло впослѣдствіи не мало ученыхъ и писателей (Ломоносовъ, Кантемиръ, митр. Платонъ и др.). Въ XIX в. она была преобразована и переведена въ Троицкую лавру, гдѣ и доселѣ существуетъ подъ именемъ Московской духовной академіи; изъ Кіевской коллегіи образовалась нынѣшняя Кіевская духовная академія.

же соорудили въ Кремлѣ и Китай-городѣ кирпичныя стѣны съ бойницами и башнями. При Борисѣ Годуновѣ построена была колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ *). Лучшимъ образцомъ чисто русскаго зодчества является церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ, которая, по наивному народному преданію, такъ восхитила Грознаго, что онъ велѣлъ ослѣпить строителя, дабы онъ послѣ нигдѣ еще не могъ построить такого же храма. Возбуждалъ удивленіе современниковъ и кремлевскій дворецъ, строившійся въ теченіе почти двухъ вѣковъ; остаткомъ его служитъ такъ называемая Грановитая палата **).

Что касается живописи, то въ ней преобладали древніе византійскіе образцы. Исполнителями являлись уже русскіе люди. Еще въ XIV в. появились уже цѣлыя „дружины" русскихъ мастеровъ. Въ XV в. славился русскій иконописецъ *Андрей Рублевъ*, а Троицкая Лавра заявляетъ себя собственной иконописной школой. Въ XVII в. по пріемамъ письма различали уже три школы—Новгородскую, Московскую и Строгановскую, получившую названіе отъ своихъ покровителей купцовъ Строгановыхъ; въ послѣдней сказывалось вліяніе западныхъ образцовъ или такъ называемаго „фряжскаго" письма: лица и фигуры отличаются большей живостію и яркостію красокъ. Развилась и мелкая живопись или *миніатюра*, которой особенно украшались рукописныя житія святыхъ.

Въ концѣ періода возникли *лубки*, грубыя гравюры, рѣзавшіяся на деревѣ и изображавшія сначала церковные предметы, а потомъ разные сюжеты изъ сказокъ, повѣстей и апокрифовъ.

Музыка и свѣтское пѣніе, преслѣдуемыя церковью какъ остатокъ язычества, не развились. Роль музыкальныхъ инструментовъ ограничивалась подъигрываніемъ при пляскахъ и пѣсняхъ. Таковы были балалайка или бандура, волынка, свирѣли и дудки (сопѣли), бубны и барабаны („набаты"). При дворѣ и въ домахъ нѣкоторыхъ бояръ завелась, подъ вліяніемъ Запада, подъ конецъ періода духовая музыка. Особенно любили органъ. Но больше всего привились среди боярства „цымбалы", напоминавшіе древнія гусли. При Лжедимитріи во дворцѣ игралъ уже настоящій европейскій оркестръ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ онъ становится уже постоянной принадлежностію дворца.

Увеселителями народа по прежнему служили „скоморохи". Кромѣ игры на своихъ первоначальныхъ инструментахъ они давали представленія, надѣвая для этого „хари" или „личины" (маски), и разыгрывая мелкія сценки изъ повседневнаго быта („позорища"), а иногда устраивали и цѣлыя комедіи при помощи куколъ. Они же были плясунами, акробатами, фиглярами и фокусниками, хотя далеко уступали въ этихъ искусствахъ своимъ заѣзжимъ учителямъ—нѣмцамъ и полякамъ. Такъ появились слабые зачатки народнаго театра не безъ воздѣйствія Запада. Сильнѣе сказалось это вліяніе въ придворномъ и боярскомъ быту. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михаиловича во дворцѣ появилась присланная Матвѣевымъ труппа нѣмецкихъ „лицедѣевъ" (актеровъ), разыгрывавшая средневѣковыя западно-европейскія мистеріи и разныя исторіи въ лицахъ, по преимуществу на сюжеты изъ Би-

---

*) Тогда же слитъ былъ и колоколъ въ 10000 пудовъ. Что касается нынѣ стоящаго около колокольни „Царь-Колокола", то онъ былъ отлитъ уже въ XVIII в. (1737 г.) и вѣсилъ 12 тыс. пудовъ, но вскорѣ упалъ при пожарѣ и стоитъ теперь съ отбитымъ краемъ.

**) Самымъ роскошнымъ и нарядныыъ образцомъ художественнаго вкуса того времени въ области архитектуры служилъ деревянный дворецъ царя Алексѣя Михаиловича въ селѣ Коломенскомъ—представлявшій изъ себя группу зданій разнообразной величины и формы съ вышками, теремами, гульбищами (балконами), чешуйчатыми кровлями, съ цѣлымъ рядомъ рѣзныхъ и иныхъ украшеній.

бліи (Исторія „Олоферна и Юдиөи“, комедія о „Навуходоносорѣ“, комедія о „блудномъ сынѣ“—послѣднія двѣ пьесы составлены были нарочно для этого театра Симеономъ Полоцкимъ). Въ Преображенскомъ селѣ устроена была даже для этого особая „комедійная хоромина“, а затѣмъ въ кремлевскомъ дворцѣ „комедійная палата“ съ декораціями, мѣстами для оркестра и зрителей изъ царской семьи и ближайшихъ къ ней лицъ.

Царя сначала смущала эта небывалая потѣха, но духовникъ успокоилъ его тѣмъ, что и византійскіе государи забавлялись подобными зрѣлищами. Разъ на масляницѣ (1672 г.) давался даже балетъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ миѳологическій Орфей. Часть труппы и музыкальный оркестръ при этомъ состояли изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ нѣмцами. Представленія настолько понравились царю, что онъ поручилъ Матвѣеву выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ и дать нѣмцамъ въ обученіе „лицедѣйству“ нѣсколько русскихъ людей. Такъ положено было начало драматическому и хореграфическому искусству на Руси.

Слабѣе было въ области свѣтскаго пѣнія. Здѣсь развивалась одна народная пѣсня. Большинство заунывныхъ или бурно-веселыхъ мотивовъ этой пѣсни съ контрастами—безъисходной тоской и необузданнымъ весельемъ—сложились въ этотъ періодъ, богатый и тяжелыми событіями въ народной жизни и проявленіями грубаго удальства „гулящаго люда“.

Церковь неодобрительно смотрѣла на всѣ эти забавы и пѣсни. Она поощряла только церковное пѣніе, которое и развилось замѣтно въ эту эпоху, если не качественно, то количественно. Это пѣніе входило даже въ кругъ тогдашняго обученія грамотѣ. Повсюду въ архіерейскихъ церквахъ соборныхъ храмахъ и монастыряхъ завелись хоры пѣвчихъ, разнообразившихъ по своему вкусу напѣвы. Такъ развилось множество (до сотни) „распѣвовъ“, получившихъ особыя названія — по своему происхожденію, мѣстности, учителямъ и т. д. — болгарскій, греческій *), кіевскій, новгородскій, герасимовскій, столповой (пѣніе басовъ въ униссонъ) и т. д. Нѣкоторые „распѣвы“ отличались оригинальностію и стройностію, большинство, при грубости тогдашняго вкуса, выродилось въ „веліе кричаніе“ и „козлогласованіе“, противъ чего усиленно, хотя и безуспѣшно, ратовали архіереи и церковные соборы на Руси.

Бытъ и нравы. Къ концу XVII в., съ присоединеніемъ Малороссіи и ранѣе пріобрѣтенныхъ обширныхъ земель по Поволжью и въ Сибири, московское государство превосходило по размѣрамъ любую изъ тогдашнихъ западно-европейскихъ странъ. Но на этомъ громадномъ пространствѣ жило крайне рѣдкое населеніе, разбросанное небольшими поселками, отстоявшими другъ отъ друга на десятки, а иногда и на сотни верстъ.

Крестьянское населеніе жило по большей части въ *деревняхъ*—небольшихъ поселкахъ въ нѣсколько дворовъ (изъ которыхъ выдѣлялись иногда „выселки“ или „починки“ и „займища“—1 дворъ на „цѣлинѣ“, т. е. еще не тронутомъ топоромъ и плугомъ участкѣ. Болѣе обширныя крестьянскія по-

---

*) Первыми учителями церковнаго пѣнія на Руси были болгары и греки, которые и ввели у насъ „осмогласіе“ по Октоиху или такъ называемое „демественное“ пѣніе по преданіямъ придворной капеллы византійскихъ императоровъ. Съ 12-го вѣка появились „крюки“ или „знаменія“—ноты въ видѣ крючковъ, черточекъ, точекъ, крестиковъ и т. п. (крюковое и знаменное пѣніе). Раскольники вмѣстѣ съ „новыми“, т. е. исправленными книгами, и „новыми иконами“ (т. е. писанными не по византійскимъ образцамъ до временъ Никона), отвергли и образовавшіеся на Руси напѣвы церковнаго пѣнія съ его осмогласіемъ. За образецъ себѣ они приняли старинное монотонное пѣніе, на греческій манеръ—съ носовыми звуками, считая его настоящимъ „демественнымъ“.

селенія съ церковью носили названіе *селъ* и служили въ религіозномъ отношеніи центрами дя окрестныхъ деревень *).

Сельскія церкви—это были тѣ же деревянныя избы, только побольше, съ высокой крышей и „главой", увѣнчанной крестомъ. Всѣ деревянныя зданія строились тогда по одному типу, основой котораго служила „клѣть" или „срубъ" изъ бревенъ, положенныхъ одно на другое. Жилищами крестьянъ были по прежнему „черныя" или „курныя" избы, безъ трубы, съ отверстіями для дыма подъ потолкомъ. Двери были очень низкія и узенькія, окна маленькія съ бычачьимъ пузыремъ, а у болѣе состоятельныхъ съ слюдой. Внутреннее убранство состояло изъ деревяннаго стола, лавокъ вдоль стѣнъ и полатей. Зимой въ этой избѣ вмѣстѣ съ семьей хозяина помѣщалась и мелкая скотина—телята, ягнята, а также куры.

Городовъ на громадномъ пространствѣ Московской Руси было чрезвычайно мало. Иностранцевъ поражали ихъ малолюдность, разбросанность и крайняя бѣдность. За исключеніемъ Москвы и еще нѣсколькихъ торговыхъ городовъ (Новгородъ, Смоленскъ, Архангельскъ, Астрахань и др.), въ рѣдкомъ встрѣчалось болѣе 1000 домовъ и 5000 жителей. Обыкновенно же было 100—300 дворовъ съ 500—800 чел. жителей. Въ большинствѣ они представляли собою ни что иное какъ разросшіяся села съ кремлемъ или укрѣпленіемъ по срединѣ, куда укрывались жители въ случаѣ вражескаго нашествія. Смотря по тому, какой стѣной огораживался кремль—валомъ, деревянными или каменными стѣнами, и самый городъ носилъ названіе земляного, каменнаго... Послѣднихъ, т. е. городовъ съ каменными стѣнами, считалось въ ту пору не болѣе 20-ти. Въ кремлѣ обыкновенно помѣщался соборъ и казенныя зданія—воеводскій дворъ, приказная изба, тюрьма, „государева" житница съ хлѣбными запасами для служилыхъ людей, и „осадные дворы" служилыхъ людей уѣзда,—дома, куда собирались ихъ семьи въ случаѣ нашествія врага.

Вокругъ кремля-города располагался *посадъ*, гдѣ ютился („сидѣлъ"—отсюда и самое названіе) торговый и ремесленный людъ въ избахъ, похожихъ на крестьянскія по своему устройству. Здѣсь была „земская изба" много маленькихъ деревянныхъ церквей, торговые ряды, кружечные дворы (царевы кабаки), царскія „мыльни" (бани, за входъ въ которыя взимались полушки въ казну) и пр. Посадъ иногда обводился валомъ или деревянной стѣной. Когда въ посадѣ становилось тѣсно, изъ него выдѣлялись особые выселки или *слободы* (называвшіяся такъ по льготамъ, которымы они пользовались сравнительно съ другими деревенскими жителями). Слободы носили названія по занятіямъ своихъ жителей—рыбацкая, ямская, стрѣлецкая и т. д.

Дома въ этихъ городскихъ предмѣстьяхъ располагались безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Улицы были кривыя и узкія, площади (для торговли) неправильныя, всюду царила непролазная грязь, мостовыхъ не было, за исключеніемъ самыхъ топкихъ мѣстъ, гдѣ устраивали бревенчатыя настилки.

Въ общемъ тогдашніе города имѣли унылый и непривлекательный видъ, который издали скрашивался только разнообразными главами и куполами многочисленныхъ церквей и колоколенъ и возвышавшимися надъ рядами однообразныхъ избъ „хоромами" богачей.

---

*) Иногда церкви строились и особнякомъ въ центрѣ обширнаго раіона изъ нѣсколькихъ деревень. Около нихъ имѣлись только жилища церковниковъ и кладбища. Такія мѣста носили старинное названіе *погостовъ*. Отсюда и наименованіе кладбищъ погостами.

Хоромы эти состояли обыкновенно изъ нѣсколькихъ срубовъ, соединенныхъ вмѣстѣ сѣнями и крытыми переходами. Онѣ строились по большей части въ три этажа. Внизу былъ „подклѣть", гдѣ помѣщалась прислуга и кладовыя; надъ нимъ поднимался „верхъ" или „горница" (горнее, высокое помѣщеніе), гдѣ жилъ самъ хозяинъ и устраивались помѣщенія для пировъ и пріема гостей. Надъ горницами возвышались „терема" и „вышки" (башенки) съ „гульбищами" (балконами). Снаружи хоромы украшались узорчатой рѣзьбой и расписывались яркими красками. Около нихъ былъ обширный дворъ, огороженный тыномъ, съ разными хозяйственными постройками — людскими избами, сараями, погребами, мыльней, садомъ и огородомъ. Деревянныя царскія хоромы въ Москвѣ и подъ Москвой строились по тому же типу, но только были гораздо просторнѣе и затѣйливѣе изукрашены.

Самымъ обширнымъ по своимъ размѣрамъ и многолюднымъ городомъ Московской Руси была столица—Москва, занимавшая съ своими посадами, слободами и подгородными боярскими усадьбами громадную площадь около 50 кв. верстъ и имѣвшая до 200 тыс. жителей.

Въ половинѣ XVII в. въ ней было нѣсколько десятковъ тысячъ домовъ и считалось свыше 1000 церквей („сорокъ сороковъ") вмѣстѣ съ подгородными монастырями, часовнями и домовыми церквами бояръ. Большинство церквей были, впрочемъ, деревянныя и маленькія, въ томъ числѣ много было такъ называемыхъ „обыденокъ", построенныхъ по обѣту въ одинъ день. Въ центрѣ города былъ Кремль, весь застроенный церквами, царскими дворцами и „палатами" патріарха и знатнѣйшихъ бояръ. Кремль былъ окруженъ чрезвычайно толстыми и высокими каменными стѣнами и башнями. Рядомъ съ нимъ, и тоже окруженный стѣной, находился Китай-городъ, средоточіе торговли, усѣянный тысячами лавокъ. Въ Кремлѣ и Китай-городѣ большинство церквей и зданій были каменныя Кругомъ Кремля и Китая-города раскинулся посадъ, получившій прозваніе Бѣлаго города—по бѣлой стѣнѣ, его окружавшей. Далѣе шелъ Земляной городъ—обнесенный валомъ, съ стрѣлецкими слободами, и цѣлый рядъ другихъ посадовъ и слободъ.

Издали Москва казалась чрезвычайно красивой—„златоглавой и бѣлокаменной"—по своимъ церквамъ и стѣнамъ, по внутри, за исключеніемъ Кремля и Китай-города, она мало отличалась отъ остальныхъ городовъ тогдашняго времени. Тѣ же узкія, кривыя и необычайно грязныя улицы, тѣ же деревянныя лачуги бѣднаго люда въ перемежку съ „хоромами" богачей, разбросанныя въ безпорядкѣ среди пустырей, огородовъ и грязныхъ площадей. Мостовыхъ (за исключеніемъ деревянныхъ настилокъ изъ бревенъ въ наиболѣе трудныхъ для проѣзда мѣстахъ) и уличнаго освѣщенія не было. Обиліе деревянныхъ построекъ дѣлало чрезвычайно опустошительными пожары, бывшіе въ Москвѣ и другихъ городахъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Въ XVII в. въ Москвѣ завелась уже пожарная команда изъ стрѣльцовъ съ бочками для воды, баграми и пр., приносившая, впрочемъ, мало пользы.

Къ концу періода богачи—бояре и купцы стали строить каменные дома въ западно-европейскомъ вкусѣ, служившіе, впрочемъ, больше для пріема гостей въ торжественные дни, а для постояннаго жилья предпочитали по прежнему деревянные дома, считая ихъ болѣе здоровыми. Внѣшняя отдѣлка и внутреннее убранство послѣднихъ не отличались особымъ богатствомъ или разнообразіемъ. Обычнымъ внѣшнимъ украшеніемъ дома служила узорчатая рѣзьба, которою покрывались ставни, перила крылецъ, ворота и пр. Въ окна вставлялись пластинки слюды, иногда расписанной разными красками и фигурами. Стекла до XVII в. составляли большую рѣдкость и употреблялись по преимуществу разноцвѣтныя.

Внутри комнатъ главное мѣсто занимали образа, помѣщавшіеся обыкновенно въ переднемъ („красномъ") углу, на „божницахъ" или въ особыхъ „кіотахъ"; въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ. Предъ ними постоянно горѣли лампады и ставились восковыя свѣчи. Одна изъ комнатъ звалась „крестовой", въ ней вся стѣна увѣшивалась образами; сюда по утрамъ и вечерамъ собиралась для молитвы вся семья и слуги. Полы покрывались коврами; стѣны обивались цвѣтными сукнами, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ (червленое, багрецъ и пр.); потолки украшались рѣзной работой, а иногда расписывались красками. Лавки вдоль стѣнъ покрывались налавочниками изъ дорогой матеріи. Они служили вмѣсто кроватей. Для сидѣнья употребляли скамьи и табуреты. Предъ лавками ставили длинные, узкіе столы. Съ XVII в. заводится иноземный обычай украшать комнаты зеркалами, часами *), лубочными картинами, по преимуществу религіознаго содержанія, входитъ въ употребленіе и европейская мебель—стулья, кресла и пр. Значительную часть всѣхъ комнатъ занимали обыкновенно печи, преимущественно изразцовыя, разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ. Украшеніемъ столовой комнаты, свидѣтельствовавшимъ и о достаткѣ хозяевъ, служили „поставцы" съ серебряными и золотыми ковшами, кубками, блюдами, „братинами" и пр. Они вынимались отсюда только въ очень рѣдкихъ торжественныхъ случаяхъ; обыкновенно же употреблялась мѣдная, оловянная и деревянная посуда. Тарелокъ („торелей") долго не было въ употребленіи; они появились къ концу періода и то для того лишь, чтобы класть на нихъ обглоданныя кости. Ѣли всѣ изъ общей чашки деревянными, и иногда серебряными ложками. Твердыя кушанья подавались разрѣзанными, куски брали прямо руками, почему вилки (двузубыя) и ножи подавались рѣдко,—на нѣсколько человѣкъ по одному. Салфетокъ не было до временъ Петра Вел., руки вытирали общимъ полотенцемъ, или краемъ скатерти.

Одежда по покрою у всѣхъ слоевъ общества была одинакова; простонародье и „именитые" люди различались между собою только количествомъ, богатствомъ и пестротой одѣяній, въ особенности же украшеній. Богатые люди сверхъ опоясанной „рубахи", у которой воротъ, концы рукавовъ и грудь вышивались разноцвѣтными шелками и золотомъ, надѣвали узкій въ талію „кафтанъ" до колѣнъ, тоже подпоясанный вышитымъ и разноцвѣтнымъ кушакомъ. При выходѣ изъ дому или пріемѣ гостей поверхъ кафтана надѣвали „ферезь", широкое длинное до полу платье съ рукавами почти до земли, собиравшимися въ складки. Въ холодное время года поверхъ ферези, соотвѣтствовавшей нашему сюртуку, надѣвали такой же длинный суконный „опашень" или „охабень", съ откидными рукавами, имѣвшій такое же значеніе, какъ нынѣ плащи; зимой носили шубу. Всѣ эти одежды дѣлались изъ сукна, бархата или шелковыхъ матерій разнообразныхъ цвѣтовъ (любимыми цвѣтами были красный и фіолетовый). Въ комнатахъ богатые люди носили на головѣ небольшую вышитую шапочку или „тафью" (въ родѣ фески), закрывавшую только макушку. Поверхъ ея, выходя на улицу, надѣвали остроконечный „колпакъ", украшенный жемчугомъ и золотомъ, иногда съ мѣховой опушкой. Бояре и князья носили высокія мѣховыя „горлатныя" шапки (мѣхъ на нихъ шелъ съ горла животныхъ), похожія по формѣ на такъ называемыя камилавки у нынѣшняго духовенства. Простые люди не имѣли права носить шапокъ этой формы. Бояре иногда сидѣли въ этихъ шапкахъ

*) Башенные часы появились у насъ съ 1404 г. на кремлевскомъ дворцѣ; къ концу періода въ Кремлѣ было уже нѣсколько такихъ часовъ; главные „съ перечасьемъ" (музыкой) были на Спасской башнѣ. Такіе же часы завелись во многихъ городахъ и монастыряхъ.

и въ Думѣ или на пиру. Волосы подстригали довольно коротко, зато отпускали всегда бороду, и чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе. На ногахъ богачи носили полусапожки или сапоги изъ краснаго или желтаго сафьяна, съ загнутыми вверхъ носками, шитые золотомъ и серебромъ.

Одежда женщинъ походила на мужскую. Поверхъ красной или бѣлой рубашки съ пристегнутыми къ рукавамъ вышитыми запястьями, онѣ надѣвали обыкновенно длинный шелковый „лѣтникъ" (соотвѣтствовавшій мужскому кафтану), застегиваемый спереди до горла, съ длинными вышитыми золотомъ и жемчугомъ рукавами. Къ вороту пристегивалось ожерелье. Верхней выходной женской одеждой былъ длинный опашень, тоже застегивавшійся отъ верху до низу, съ шитыми рукавами, висѣвшими до пятъ; у плечей были прорѣзы, въ которые и просовывались руки, и такимъ образомъ выставлялись наружу вышитые рукава лѣтника и запястья рубашки. Въ холодъ надѣвали „душегрѣи" и шубы, похожія на мужскія. Женская обувь тоже походила на мужскую. Въ большомъ ходу были разнаго рода украшенія—шейныя цѣпи, ожерелья, кольца, серьги и пр. И женщины и дѣвушки, особенно въ городахъ, густо бѣлились и румянились. Краснота щекъ и вообще дородство считалось необходимымъ признакомъ красоты.

Замужнія женщины покрывали голову „волосникомъ" или повойникомъ и повязывались платкомъ, иногда же, выходя изъ дому, надѣвали „кику", особый головной уборъ, богато украшенный золотомъ и жемчугомъ, родъ шапки съ возвышеніемъ спереди (видоизмѣненіе кики—кокошникъ). Дѣвушки волосъ не закручивали, а заплетали ихъ въ одну или двѣ косы съ красными лентами, лѣтомъ носили повязки, а зимой надѣвали бобровыя или собольи шапки. Одежду съ дорогими украшеніями носили, однако, только въ торжественныхъ случаяхъ при выѣздахъ въ церковь, въ гости и пр. Обыкновенно же всѣ, и богатые люди, одѣвались очень просто и даже неряшливо, ходили часто въ заплатанной и замасленной одеждѣ, что считалось признакомъ бережливости и домовитости; и такъ какъ покрой и форма одежды не мѣнялись, то дорогія платья сохранялись подолгу, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Семейный бытъ и въ частности положеніе женщины мало измѣнились сравнительно съ прежнимъ временемъ. Здѣсь въ полной силѣ оставались родовыя понятія и отношенія. Владыка въ семьѣ—отецъ, хозяинъ дома; и жена и дѣти, даже взрослые и семейные, и слуги, называвшіеся „домодчадцами", т. е. какъ бы низшими членами той же семьи, всѣ обязаны были ему безпрекословнымъ повиновеніемъ. Жена смотрѣла за домашнимъ хозяйствомъ, но не имѣла самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ. Жены и дочери бояръ жили въ теремахъ и видѣть ихъ изъ мужчинъ могли только близкіе родственники. Въ церкви они также стояли отдѣльно отъ мужчинъ. Особенно тяжело было положеніе царевенъ: весь вѣкъ свой онѣ проводили въ кремлевскихъ теремахъ въ замкнутомъ кругу дворцовыхъ прислужницъ и приживалокъ въ какой-то полумонастырской обстановкѣ, не имѣя возможности даже выйти замужъ ни за русскаго подданнаго (мѣшала знатность рода), ни за иностранца (мѣшала разность вѣроисповѣданій).

Послабленія въ теремной жизни царицъ и царевенъ, а равно лицъ другихъ сословій, начались уже въ концѣ періода, въ эпоху проникновенія въ Москву новыхъ западно-европейскихъ вѣяній. Примѣры видимъ во дворцѣ въ лицѣ царевны Софіи Алексѣевны и въ домѣ Матвѣева, гдѣ воспитывалась Наталья Кирилловна. Въ общемъ же, не только въ высшихъ, но и во всѣхъ слояхъ общества, женщина не пользовалась свободой и самостоятельностью. Родители выдавали дочерей замужъ, а равно женили и сыновей, не спрашивая на это ихъ согласія, женихъ и невѣста до свадьбы часто и не видали другъ друга. У низшихъ классовъ и въ частности у крестьянъ женщина, разумѣется, не жила замкнутой теремной жизнію, но была за то въ еще болѣе приниженномъ положеніи и на па ней преимущественно лежала тяжесть работъ по дому и въ полѣ.

Сообразно господствовавшему въ обществѣ религіозному настроенію и весь строй домашней жизни носилъ полуцерковный характеръ. Вставали рано, часа въ 3—4 утра, и всей семьей молились, зажигая лампады предъ образами (въ „крестовой“ комнатѣ у богачей). И затѣмъ, послѣ завтрака, напившись сбитню *) или квасу, принимались, благословлясь, за работу. Въ полдень обѣдали и затѣмъ всѣ обязательно ложились „отдыхать“. Послѣобѣденный сонъ требовался обычаемъ, отступать отъ котораго считалось чуть не грѣхомъ. Затѣмъ всѣ снова принимались за работу. Вечеромъ ходили въ гости или развлекались у себя дома и затѣмъ, поужинавъ, послѣ общей молитвы, ложились спать часовъ въ 8 вечера по нашему счету **).

Кромѣ домашней молитвы многіе ходили и въ будни въ церковь за утреннюю службу и обѣдню, а послѣ обѣденнаго отдыха къ вечернѣ. Идеалъ „истоваго“ и благочестиваго домашняго житія въ духѣ тогдашняго времени изложенъ въ извѣстной книгѣ протопопа Сильвестра „Домострой“, заключавшей въ себѣ своего рода правила хорошаго тона для тогдашняго высшаго общества.

Въ праздники предки наши почти всей семьей обязательно отправлялись въ церковь и послѣ обѣдни ходили въ гости или иногда сами устраивали у себя званные пиры, главное развлеченіе высшихъ классовъ москов-

---

*) Сбитень замѣнялъ тогда нынѣшній чай или кофе. Чай сталъ извѣстенъ на Руси со времени Михаила Θеодоровича, которому прислалъ въ подарокъ эту „траву“ одинъ монгольскій ханъ; онъ употреблялся рѣдко и въ качествѣ лекарственнаго питья. Съ кофе познакомили русскихъ нѣсколько раньше голландцы. Онъ тоже употреблялся рѣдко.

**) Счетъ часовъ у русскихъ былъ въ старину византійскій: сутки дѣлились на дневные и ночные часы; съ восходомъ солнца начинался первый часъ дня; съ закатомъ—первый часъ ночи. Въ длинные лѣтніе дни насчитывали 17 часовъ дневныхъ и 7 ночныхъ, зимой—наоборотъ.

скаго общества въ XVI—XVII вв. Такіе же пиры устраивались обыкновенно и по случаю какихъ либо торжественныхъ событій въ семьѣ—именинъ, крестинъ, свадебъ и пр. Жены гостей обѣдали на женской половинѣ съ хозяйкой, мужчины отдѣльно отъ нихъ съ хозяиномъ. Комнаты устилались коврами, окна украшались занавѣсами, вынималась дорогая посуда; подавалась масса кушаній, всевозможныя, холодныя, пироги разныхъ сортовъ, щи, уха, жаркія изъ мяса разныхъ животныхъ и птицъ, рыба разнаго сорта, и все это приправлялось въ обиліи чеснокомъ, лукомъ, шафраномъ и пр. Чѣмъ больше было кушаній (число ихъ иногда доходило до 50), тѣмъ пиръ былъ „почестнѣе". Гости должны были всего вдоволь покушать, утоляя жажду разнаго рода напитками (квасъ, медъ, пиво, водка, заморскія, т. е. виноградныя вина). Во время пира хозяйка не разъ выходила съ подносомъ подчивать гостей виномъ, при чемъ всѣ, по древнему обычаю, отвѣшивали ей низкіе поклоны и цѣловали. Въ концѣ пира подавались сладости разнаго рода—„взвары" изъ плодовъ на меду, пряники и коврижки, заграничные леденцы и фигуры изъ сахару, считавшагося дорогимъ заморскимъ лакомствомъ. Въ заключеніе всего пили за здоровье царя, хозяина и всѣхъ гостей по очереди, при каждой здравицѣ пѣли „многая лѣта". Такіе пиры и попойки начинались съ полудня и заканчивались уже поздно вечеромъ и рѣдко кончались благополучно, безъ ссоръ и даже дракъ между подгулявшими гостями. Для развлеченія послѣднихъ хозяева приглашали пѣсенниковъ и разскащиковъ, гусляровъ и скомороховъ. При домахъ знатныхъ лицъ былъ иногда свой штатъ домашнихъ шутовъ, шутихъ, карловъ и пр. для потѣхи гостей. Изъ общественныхъ развлеченій при дворѣ и среди высшихъ классовъ въ ходу была охота, особенно соколиная. Обычно же въ городахъ и селахъ развлекались кулачными боями, катаньемъ съ горъ, качелями (на Пасхѣ), переряживаньемъ (въ Святки), хороводами и плясками, играми въ зернь (кости), въ тавлеи (шашки), въ карты и пр. Всюду ходили затѣмъ ватаги доморощенныхъ музыкантовъ, плясуновъ и скомороховъ съ гуслями, гудками, дудками, „сопѣлями", мѣдными трубами, волынками, барабанами и др. инструментами, потѣшая народъ. Церковь очень неодобрительно смотрѣла на всѣ эти „бѣсовскія" потѣхи и многіе подъ ея внушеніями считали грѣхомъ даже смотрѣть на такія забавы.

Нравы и обычаи того времени заключали въ себѣ много грубости, проявлявшейся часто въ крайне рѣзкихъ формахъ, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Общенародное пьянство, брань и драки даже среди бояръ; пытки, жестокія тѣлесныя наказанія и варварскія казни въ судѣ; высокомѣріе и подозрительность въ отношеніяхъ къ иностранцамъ; лживость, хитрость и обманъ въ отношеніяхъ къ своимъ, раболѣпіе предъ высшими, величаніе предъ низшими—таковы темныя стороны тогдашней жизни. Но на ряду съ этимъ въ тогдашнемъ обществѣ было еще много первобытной патріархальности и простоты, поражавшей посѣщавшихъ Россію иностранцевъ. Исконное славянское добродушіе и проникавшее большинство народа искреннее религіозное чувство во многомъ смягчали грубость нравовъ и выдѣляли изъ среды общества такихъ подвижниковъ благочестія и высоконравственныхъ и сердечныхъ людей, подобные которымъ рѣдко встрѣчаются въ исторіи;

Всего сильнѣе сказывалась грубость нравовъ въ началѣ періода, когда великорусское племя, выросшее и сплотившееся въ одно цѣлое при крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ, добилось, наконецъ, но тоже цѣною тяжкихъ усилій и жестокой борьбы съ своими и чужими, самостоятельности и независимости въ своей внѣшней жизни. Эта долгая внѣшняя и внутренняя борьба положила тяжелую печать на строй общественной жизни. И на низахъ тогдашняго общества и на верху его мы видимъ рядъ жесткихъ, суровыхъ людей, какъ бы совсѣмъ лишенныхъ того добродушія и мягкости, которыя составляютъ самую привлекательную сторону славянскаго характера. Дѣянія Стоглаваго собора рисуютъ мрачную картину нравственнаго состоянія всѣхъ слоевъ тогдашняго общества, хотя слѣдуетъ замѣтить, что соборъ, согласно своимъ цѣлямъ, отмѣчалъ лишь одну сторону быта—отрицательную, не касаясь положительныхъ сторонъ, безъ которыхъ, конечно, не могло бы сохраниться и развиваться общество. Высшей степени своего развитія эта нравственная грубость достигаетъ въ эпоху междуцарствія. Но та же эпоха выдвинула въ концѣ концовъ и таившіяся въ обществѣ лучшія его силы, спасшія государство. И когда схлынула грязная волна смутнаго времени, вынесшая наверхъ подонки общества и всю нравственную муть, вѣками накопившуюся въ народѣ, въ нравахъ стало замѣтно улучшеніе. Жизнь понемногу вошла въ свою колею и выдвинула опять много положительныхъ типовъ и привлекательныхъ характеровъ.

На вершинахъ власти появляется теперь рядъ лицъ, отражавшихъ въ своей дѣятельности лучшія стороны русскаго характера. Наиболѣе цѣльнымъ представителемъ людей этого типа является царь Алексѣй Михаиловичъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта эпоха выдвигаетъ при дворѣ и въ обществѣ людей, на которыхъ ясно отразилось смягчающее вліяніе просвѣщенія и знакомства съ европейской культурой. На массѣ это вліяніе просвѣщенія, коснувшагося больше верхнихъ слоевъ общества, мало отразилось. Но она долго хранила въ своемъ быту хорошія особенности XVII-го вѣка, которыя отмѣчаютъ и иностранцы, путешествовавшіе въ ту пору часто по Руси,—высокую религіозность, безграничную преданность царю и православной вѣрѣ, добродушіе и гостепріимство, терпѣніе и выносливость. Въ нашемъ крестьянствѣ напр. XVII-й вѣкъ съ этими именно чертами оставался почти нетронутымъ до второй половины XIX-го вѣка. Типичныя же черты древне-русскаго благочестія и основанной на немъ жизни семейной и общественной хранились нетронутыми въ нашемъ старообрядчествѣ до самаго послѣдняго времени.

Эти живые обломки XVII-го вѣка въ быту и нравахъ не даютъ и историкамъ-бытописателямъ права рисовать нравы и обычаи той эпохи только мрачными чертами, а напротивъ позволяютъ возстановить въ надлежащемъ свѣтѣ хорошія и привлекательныя стороны тогдашняго быта и признать самобытную нравственную силу народа, который, развиваясь при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, среди непрерывной борьбы съ азіатами, сохранилъ все-таки свой европейско-христіанскій обликъ.

Эпоха преобразованій.

Петръ I Великій (1682—1725).

Избраніе въ цари Петра Алексѣевича. Немедленно послѣ смерти царя Өеодора Алексѣевича знатнѣйшіе бояре собрались въ Кремлѣ на совѣщаніе о томъ, кому теперь быть царемъ. Өеодоръ умеръ бездѣтнымъ и не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно своего преемника. Ближайшее право на престолъ имѣлъ слѣдующій за Өеодоромъ 15-лѣтній братъ его *Іоаннъ*. Но онъ былъ человѣкъ слабоумный и вдобавокъ больной, полуслѣпой,—слѣдовательно неспособный къ правленію. Младшему брату Өеодора *Петру* было всего 10 лѣтъ, но зато онъ былъ здоровый, живой и даровитый мальчикъ. Поэтому большинство бояръ съ престарѣлымъ патріархомъ (Іоакимомъ) во главѣ рѣшились провозгласить царемъ Петра помимо старшаго брата. Меньшинство (собственно партія *Милославскихъ*, изъ роду которыхъ была мать Іоанна) стояло за Іоанна, какъ за старшаго. Рѣшили передать вопросъ на рѣшеніе народа, разумѣя подъ послѣднимъ собственно населеніе Москвы. Патріархъ съ боярами вышелъ на Красное крыльцо и посреди глубокаго безмолвія многочисленной толпы, заливавшей всю площадь предъ Грановитой палатой, произнесъ торжественный вопросъ: „Кому изъ двухъ царевичей быть царемъ всея Россіи?“ Со всѣхъ сторонъ раздались крики: „Петру Алексѣевичу“, заглушившіе нѣсколько одиночныхъ возгласовъ въ пользу Іоанна, и патріархъ благословилъ Петра на царство. Вся Москва, а за нею и остальная Россія, безпрекословно присягнули десятилѣтнему царю.

Царица Наталія и царевна Софья. За малолѣтствомъ Петра, впредь до его совершеннолѣтія, правленіе государствомъ, по господствовавшему обычаю, должно было перейти къ его матери Наталіи Ки-

рилловнѣ—второй женѣ Алексѣя Михаиловича. Въ ея лицѣ торжествовала партія *Нарышкиныхъ*. Это былъ тяжелый ударъ для Милославскихъ, по проискамъ которыхъ царица Наталія съ родичами вынуждена была при Θеодорѣ Алексѣевичѣ жить въ удаленіи отъ двора, а ея воспитатель и второй отецъ Матвѣевъ былъ сосланъ. Наталія спѣшила теперь вызвать Матвѣева въ Москву для занятія того же высокаго положенія, какое онъ имѣлъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ. Братъ царицы, Иванъ Нарышкинъ, несмотря на молодые годы, сдѣланъ былъ бояриномъ и началъ играть видную роль при дворѣ. Не ожидая отъ этого ничего хорошаго для себя и опасаясь мести со стороны Нарышкиныхъ, Милославскіе въ свою очередь всѣми силами хлопотали, чтобы сынъ Милославской Іоаннъ не былъ лишенъ своихъ правъ и чтобы мачиха его не была правительницей. Самъ Іоаннъ, конечно, не могъ отстаивать своихъ правъ, за него вступилась его сестра Софья Алексѣевна, дочь Алексѣя Михаиловича отъ перваго брака. У нея были свои личныя причины къ тому. Ея положеніе теперь существенно измѣнилось, сравнительно съ тѣмъ, что было въ царствованіе Алексѣя и Θеодора. При дворѣ ея отца, подъ вліяніемъ западныхъ обычаевъ, царевны не строго соблюдали древнія правила затворничества. Этой небывалой прежде свободой лучше другихъ успѣла воспользоваться самая способная и энергичная изъ 6 дочерей Алексѣя—Софья, о которой послѣ даже самые враги ея отзывались, какъ о женщинѣ „великаго ума, имѣющей въ женскомъ тѣлѣ мужскую душу". Она училась вмѣстѣ съ старшими братьями у Симеона Полоцкаго, затѣмъ постаралась развить себя чтеніемъ и разговорами съ лучшими людьми; особенно сблизилась она съ передовымъ, просвѣщеннымъ и широко образованнымъ русскимъ человѣкомъ того времени,—княземъ Василіемъ Васильевичемъ *Голицынымъ;* однимъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей и сторонниковъ умной царевны былъ также монахъ Сильвестръ *Медвѣдевъ,* ученикъ Симеона Полоцкаго, считавшійся глубоко ученымъ человѣкомъ. При Θеодорѣ Софья занимала уже выдающееся положеніе при дворѣ; она постоянно находилась около больного царя; въ ея присутствіи бояре докладывали Θеодору дѣла, при чемъ Софья, безъ сомнѣнія, принимала участіе въ ихъ рѣшеніи. При слабомъ и духомъ и тѣломъ Іоаннѣ честолюбивая царевна могла уже разсчитывать прямо на первую роль въ государствѣ. Съ избраніемъ Петра рушились всѣ эти надежды. Мало того, вмѣсто свободы и извѣстной доли власти, къ которой Софья уже привыкла, она могла ожидать отъ раздраженной мачихи заключенія въ теремъ, а быть можетъ и въ монастырь. Спасая себя, смѣлая царевна рѣшилась энергически дѣйствовать про-

тивъ Нарышкиныхъ и во что бы то ни стало отстоять права Іоанна, посадить его на престолъ вмѣстѣ съ Петромъ. Главнымъ пособникомъ Софьи и двигателемъ всего былъ наиболѣе способный и рѣшительный въ фамиліи Милославскихъ—Иванъ Михайловичъ Милославскій. Удобный случай избавиться отъ враговъ доставило Софьѣ и Милославскимъ начавшееся еще при Ѳеодорѣ волненіе стрѣльцовъ.

Стрѣлецкій бунтъ. Двоевластіе. Стрѣльцы, какъ тѣлохранители царя и единственное постоянное войско въ Россіи, издавна пользовались особыми преимуществами, царскими милостями и отличіями, сравнительно съ другими ратными людьми. Это развило среди нихъ чрезвычайно высокое мнѣніе о своемъ значеніи и большую требовательность, а между тѣмъ ихъ полковники, по обычаю всѣхъ начальствующихъ того времени, обращались съ ними дурно—посылали ихъ работать на себя, не додавали жалованье и т. д. Еще при Ѳеодорѣ они жаловались на это, но тогда жалобщики, безъ разслѣдованія дѣла, были наказаны. Это породило волненіе среди стрѣльцовъ, и одинъ изъ полковниковъ былъ наказанъ. Воспользовавшись перемѣной правительства и разсчитывая на то, что въ ихъ услугахъ будутъ нуждаться, стрѣльцы, послѣ избранія Петра, подали новую жалобу уже на всѣхъ своихъ полковниковъ. Новые правители, опять безъ разслѣдованія дѣла, желая, повидимому, задобрить стрѣльцовъ, смѣнили всѣхъ полковниковъ, позволили стрѣльцамъ выбрать себѣ новыхъ по своему праву, а старыхъ подвергли наказанію, при чемъ дозволили и самимъ стрѣльцамъ расправиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Эта уступка стрѣльцамъ, обнаружившая слабость правительства, разумѣется, сдѣлала ихъ еще болѣе дерзкими и самонадѣянными и своеволію ихъ не стало границъ: пьяными ватагами они ходили по улицамъ съ криками и угрозами, грозили боярамъ, дерзко обращались даже съ главными своими начальниками—кн. Долгоруковыми; вся Москва была въ страхѣ и безпокойствѣ. Между тѣмъ воротился Матвѣевъ; онъ сильно порицалъ послабленіе, сдѣланное стрѣльцамъ. Послѣдніе узнали о томъ и стали опасаться наказанія за свои буйства. Этимъ и поспѣшили воспользоваться сторонники Софьи, чтобы натравить разнузданныхъ стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ. Между стрѣльцами распустили слухи, что царевичъ Іоаннъ несправедливо устраненъ отъ престола, что Нарышкины хотятъ его извести, что Иванъ Нарышкинъ даже примѣрялъ себѣ царскій вѣнецъ и садился на тронъ и т. д. Стрѣльцамъ втихомолку внушали, что они должны спасти царевича, отомстить его измѣнникамъ, которые и самихъ стрѣльцовъ собираются усмирить; по рукамъ стрѣльцовъ сталъ ходить списокъ этихъ „измѣнниковъ"...

15 мая 1682 г. (въ годовщину убіенія царевича Димитрія), когда бояре собрались на совѣтъ въ Кремлѣ, соумышленники Софьи прискакали въ стрѣлецкія слободы, крича, что Нарышкины задушили царевича Іоанна... Стрѣльцы схватились за оружіе и подъ звуки набата и барабановъ двинулись числомъ около 15.000 человѣкъ, къ Кремлю съ крикомъ: „изведемъ всѣхъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода“. Подступивъ къ дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича Іоанна. Тогда Наталія Кирилловна вывела на Красное крыльцо обоихъ царевичей, Петра и Іоанна, при чемъ послѣдній, на разспросы изумленныхъ стрѣльцовъ, самъ заявилъ, что его никто не изводитъ. При такой неожиданности стрѣльцы стихли. Тутъ сошелъ съ крыльца Матвѣевъ съ патріархомъ и сталъ тихимъ голосомъ, спокойно уговаривать ихъ, разъясняя стрѣльцамъ, что ихъ обманули. Сконфуженные буяны готовы уже были расходиться, какъ вдругъ начальникъ стрѣльцовъ кн. Михаилъ Долгорукій, думая помочь Матвѣеву, началъ кричать на нихъ, съ бранью и угрозами приказывая имъ сейчасъ же убираться вонъ изъ Кремля... Стрѣльцы вышли изъ себя, вломились на крыльцо и сбросили Долгорукова на копья товарищей. Первая кровь была пролита и разнузданная освирѣпѣлая толпа бросилась на Матвѣева. Его также сбросили внизъ на копья и изрубили бердышами. Царица въ ужасѣ убѣжала съ сыномъ и царевичемъ Іоанномъ въ Грановитую палату. Съ копьями на перевѣсъ стрѣльцы разсыпались по дворцу, толпами разсѣялись по Москвѣ, всюду отыскивая Нарышкиныхъ и другихъ лицъ (числомъ до 40), обреченныхъ на смерть по списку, составленному Милославскими. Между прочими убитъ былъ и Языковъ, любимецъ покойнаго царя, погибли и оба брата царицы. Особенно искали стрѣльцы ненавистнаго Милославскимъ и наиболѣе даровитаго изъ нихъ Ивана Нарышкина. Онъ спрятанъ былъ во дворцѣ. Стрѣльцы вынудили его выдать, пытали и убили. Этимъ окончился мятежъ. Всего погибло за три дня 65 человѣкъ. „Дай Богъ здоровья государю! Теперь мы довольны!“ кричали стрѣльцы. Во все время мятежа они пьянствовали и буйствовали, но не грабили и не воровали, и даже сами рубили головы тѣмъ, кто попадался въ кражѣ. Потомъ они потребовали себѣ награды за это безкорыстіе— выдачи денегъ отъ продажи конфискованнаго у убитыхъ бояръ имѣнія.

Петръ и его мать были потрясены ужасами рѣзни, совершавшейся на ихъ глазахъ, и оскорбленіями, которыя получали они отъ грубыхъ стрѣльцовъ. Близкіе имъ люди и главные ихъ совѣтники были перебиты и разогнаны. Наталія Кирилловна устранилась отъ дѣлъ. Милославскіе могли теперь дѣйствовать именемъ царя безъ всякой помѣхи

и назначили на главныя мѣста своихъ сторонниковъ. Начальникомъ Посольскаго приказа былъ сдѣланъ наиболѣе близкій къ царевнѣ Софіи человѣкъ—князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Начальникомъ стрѣльцовъ—князь Хованскій. Сама Софья во время бунта и послѣ него заявила себя большимъ хладнокровіемъ и рѣшимостію. Она не разъ говорила со стрѣльцами и заставила ихъ очистить улицы отъ труповъ. Стрѣльцы привыкли къ ней и, видимо по наущенію Милославскихъ, неожиданно явились во дворецъ и потребовали сначала, чтобы царствовали оба государя, Іоаннъ и Петръ, а вслѣдъ за тѣмъ, чтобы за малолѣтствомъ царей правила государствомъ царевна Софья. Бояре и патріархъ, опасаясь повторенія рѣзни, согласились на все. Оба царя вмѣстѣ вѣнчались затѣмъ на царство и для нихъ былъ сдѣланъ двойной тронъ съ закрытымъ позади его мѣстомъ для царевны Софьи, откуда правительница подсказывала братьямъ при торжественныхъ пріемахъ, что нужно говорить. Такъ началось правленіе Софьи. Москва съ удивленіемъ присматривалась къ необычному явленію. Вдовы-матери малолѣтнихъ государей управляли не разъ государствомъ отъ имени своихъ сыновей (Ольга, Елена Глинская, Наталья Кирилловна). Дѣвица-царевна появилась еще впервые въ этой роли. Она поспѣшила наградить главныхъ виновниковъ совершившагося переворота—стрѣльцы получили почетное названіе „надворной пѣхоты“, съ торжественнымъ объявленіемъ ихъ заслугъ предъ государствомъ. Они сами требовали такого объявленія, желая придать совершоннымъ избіеніямъ видъ законнаго дѣйствія. Жалованною грамотою, отъ имени обоихъ царей, злодѣйства были объявлены „побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы“ и въ память этого поставленъ на Красной площади каменный столбъ съ прописаніемъ мнимыхъ преступленій убитыхъ (Матвѣевъ, напр., названъ былъ „отравщикомъ“). Кромѣ того стрѣльцамъ дарованы разныя льготы, прибавлено жалованье, убавлены сроки службы.

Правленіе царевны Софьи.

Волненіе раскольниковъ. Уступки и льготы правительства стрѣльцамъ и главенствующая роль, какую играли они въ событіяхъ послѣдняго времени, подали расколоучителямъ мысль воспользоваться стрѣлецкимъ войскомъ, среди котораго было не мало раскольниковъ, какъ средствомъ возстановить на Руси „старое благочестіе“. Стрѣльцовъ стали уговаривать постоять за старую вѣру. Агитація эта шла тѣмъ успѣшнѣе, что самъ начальникъ стрѣцовъ князь Хованскій, человѣкъ недалекій и необразованный, былъ старовѣръ. При его содѣйствія московскіе рас-

кольники, подъ предводительствомъ яраго фанатика растриги-священника Никиты Пустосвята, потребовали, чтобы имъ позволено было въ присутствіи всего народа на Красной площади публичное преніе о вѣрѣ съ патріархомъ и епископами. Софья въ высшей степени была недовольна Хованскимъ по поводу этого требованія, но вынуждена была уступить изъ боязни новаго волненія стрѣльцовъ. Преніе съ расколоучителями состоялось, но не на площади, а въ Грановитой палатѣ въ присутствіи Софьи, Наталіи Кирилловны, высшаго духовенства и бояръ. Съ расколоучителями прошла въ палату толпа народа и выборные изъ стрѣльцовъ. Преніе началось тѣмъ, что Никита нагрубилъ патріарху и, когда его сталъ останавливать архіепископъ холмогорскій Аѳанасій, кинулся на него и вырвалъ изъ бороды клокъ волосъ. Едва съ помощью стрѣльцовъ усмирили изувѣровъ. Дальнѣйшіе споры, въ которые не разъ вмѣшивалась и Софья, защищая отъ нареканій память своего отца, котораго поносили раскольники, превратились въ безполезное „словъ претыканье"—каждый говорилъ свое, не слушая другихъ. Царевна, противъ которой тоже раздалось нѣсколько непріязненныхъ возгласовъ въ мятежной толпѣ раскольниковъ, велѣла наконецъ объявить, что за позднимъ временемъ нельзя продолжать спора. „Побѣдихомъ! Препрѣхомъ!" закричалъ Никита и его соратники, выйдя къ народу, столпившемуся массами на Красной площади въ ожиданіи исхода преній.

Правительница рѣшилась принять энергическія мѣры. Она призвала выборныхъ стрѣльцовъ изъ всѣхъ полковъ, обласкала ихъ, посулила награды, угостила изъ царскихъ погребовъ, дала денегъ. „Намъ нѣтъ дѣла до старой вѣры", сказали они, возвратившись въ слободы. Послѣ этого, по распоряженію царевны, главные расколоучители были схвачены и сосланы, а Никита Пустосвятъ казненъ на той же Красной площади, на которой хотѣлъ вести свои пренія о вѣрѣ. Сторонники его разбѣжались изъ Москвы по разнымъ городамъ, разнося всюду сѣмена раскола. Въ самой Москвѣ волненіе стихло, но перешло въ другія области. Софья приняла противъ расколоучителей самыя суровыя мѣры—ихъ били кнутомъ, а нѣкоторыхъ даже сожгли. Но это только разжигало фанатизмъ. Многіе сами сожигали себя, не желая оставаться подъ властію „слугъ антихриста". Многіе изъ раскольниковъ бѣжали отъ преслѣдованій заграницу—въ Польшу или къ казакамъ на крайній юго-востокъ.

Расправившись съ раскольниками на Москвѣ, Софья рѣшила устранить и Хованскаго, который въ качествѣ главы стрѣльцовъ становился опасенъ. Онъ и потомъ велъ себя крайне безтактно, совсѣмъ

распустилъ стрѣльцовъ и, надѣясь на нихъ, высокомѣрно обращался не только съ боярами, но и съ самой Софьей. Стали ходить даже слухи, дошедшіе и до Софьи въ формѣ подметнаго письма, что Хованскій хочетъ перебить царскую семью и бояръ и завладѣть царствомъ для себя и своего сына. Не считая себя безопасной въ Кремлѣ, Софья съ царскимъ семействомъ удалилась въ Троицкій монастырь, представлявшій изъ себя по тому времени сильную крѣпость, и оттуда разослала по всѣмъ городамъ грамоты съ приказаніемъ ратнымъ людямъ идти къ Москвѣ на защиту царскаго дома, а въ это время вызвала къ себѣ Хованскаго съ сыномъ какъ бы для участія въ торжественномъ церемоніалѣ встрѣчи сына малороссійскаго гетмана. Хованскіе, ничего не подозрѣвая, поѣхали; ихъ на дорогѣ схватили и немедленно же, безъ суда, по совѣту бояръ, вѣроятно, сочинившихъ и подметное письмо, казнили. Прослышавъ о казни Хованскаго, стрѣльцы было взбунтовались, но когда къ Москвѣ съ разныхъ сторонъ стали сходиться служилые и ратные люди изъ другихъ городовъ, для защиты царскаго семейства, ясно увидѣли невозможность сопротивленія и смирились. Софья простила ихъ съ условіемъ, чтобы впредь не мѣшались не въ свои дѣла, и назначила начальникомъ Стрѣлецкаго приказа человѣка вполнѣ ей преданнаго—думнаго дьяка Шакловитаго. Этотъ смѣлый и рѣшительный человѣкъ сумѣлъ завести порядокъ въ стрѣлецкомъ войскѣ*). Энергическія, властныя и ловкія дѣйствія правительницы по поводу волненій раскольниковъ и бунта стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго заслужили ей похвалу современниковъ и еще болѣе укрѣпили мнѣніе, что „въ женскомъ тѣлѣ она имѣетъ мужскую душу“.

Изъ царей, именемъ которыхъ управляла Софья, Петръ былъ еще очень молодъ, чтобы входить въ управленіе государствомъ, и жилъ со вдовствующей царицей въ Преображенскомъ, изрѣдка развѣ наѣзжая въ Москву для участія въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ или торжественномъ пріемѣ пословъ; Іоаннъ совсѣмъ не интересовался дѣлами, такъ что вся власть въ теченіе около семи лѣтъ была всецѣло въ рукахъ царевны. Ближайшими ея совѣтниками и главными дѣятелями за время ея управленія государствомъ были кн. В. В. Голицынъ, игуменъ Заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ и думный дьякъ Шакловитый.

Голицынъ и Крымскіе походы. Личность князя В. В. Голицына — одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ XVII вѣкѣ. Несмотря на моло-

*) Одновременно съ этимъ убранъ былъ съ Красной площади и почетный столбъ въ память майскихъ событій и подвиговъ стрѣльцовъ.

дость, онъ былъ уже виднымъ лицомъ при царѣ Ѳеодорѣ и сталъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ при царевнѣ Софьѣ. Онъ является однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени и былъ горячимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ Запада; въ его домѣ, устроенномъ во всѣхъ мелочахъ на западно-европейскій ладъ, имѣлась значительная библіотека на иностранныхъ языкахъ; самъ онъ бѣгло говорилъ и свободно читалъ по-латыни и по-польски; иностранцы были у него любимыми собесѣдниками и единогласно слагаютъ хвалы его уму, образованности, любезности въ обращеніи и гуманности его взглядовъ. Судя по ихъ отзывамъ, онъ задавался самыми смѣлыми планами переустройства общественнаго быта и опередилъ свое время. Онъ думалъ о распространеніи просвѣщенія и самой широкой вѣротерпимости, „объ обращеніи дикарей въ людей“; составилъ широкій проектъ освобожденія крестьянъ отъ частной зависимости: крестьяне, по его плану, должны выйти на волю, удержавъ за собой тѣ земли, которыя обрабатывали въ моментъ освобожденія, а для вознагражденія землевладѣльцевъ за крестьянъ и за уступленную землю послѣдніе должны быть обложены оброкомъ, изъ котораго можно было бы уплачивать повышенное жалованье служилымъ людямъ. На эти же средства и особую поголовную подать съ крестьянъ думалъ онъ преобразовать армію на европейскій ладъ, освобожденными крестьянами разсчитывалъ населить пустыни и т. д. Планы его были черезчуръ широки и носили книжный, теоретическій характеръ, а у самого его недоставало твердости характера, энергіи и стойкости въ проведеніи ихъ и потому, несмотря на его близость къ правительницѣ, они остались въ области однихъ проектовъ и вліяніе его на дѣла правленія, какъ и въ минувшее царствованіе, сказалось лишь въ проведеніи нѣсколькихъ мелкихъ гуманныхъ мѣропріятій — смягченіи уголовныхъ каръ, отмѣнѣ варварской казни закапыванія въ землю и пр.

Вліяніе и дѣятельность князя В. В. Голицына сказались больше всего въ области дипломатіи. Въ его вѣдѣніи былъ Посольскій приказъ и сношенія съ иностранными государствами, принявшія въ это время довольно оживленный характеръ *).

Наиболѣе удачными дѣйствіями московскаго правительства въ сферѣ дипломатіи были переговоры съ Польшей. Въ Европѣ тогда, по иниціативѣ даровитаго полководца и побѣдителя турокъ подъ Вѣной польскаго короля Яна Собѣсскаго, организовалось нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Турціи съ цѣлью изгнанія ихъ изъ Европы. Германскій императоръ и Янъ Собѣсскій старались привлечь къ этому дѣлу и Россію. Голицынъ согласился на это лишь подъ условіемъ заключенія „вѣчнаго мира“ съ Польшей и уступки навсегда г. Кіева съ округомъ (1686). По Андрусовскому перемирію при Алексѣѣ Ми-

*) Между прочимъ, во время правленія Софьи (въ 1689 г.) заключенъ былъ съ Китаемъ Нерчинскій договоръ, по которому устья Амура, завоеванныя было горстью казаковъ, снова были уступлены китайцамъ.

хаиловичѣ Кіевъ былъ отданъ Россіи только на два года, но фактически онъ съ той поры находился въ безраздѣльномъ владѣніи Россіи и теперь требовалось только формальное утвержденіе этого. Съ большой неохотой поляки вынуждены были согласиться на это тяжкое для ихъ самолюбія условіе, какъ и на то, чтобы впредь кіевскій митрополитъ посвящался не въ Константинополѣ, но въ Москвѣ и чтобы православнымъ въ предѣлахъ Польскаго королевства предоставлена была полная свобода богослуженія. Эта статья договора имѣла крупное значеніе, такъ какъ ставила главу православныхъ въ Западномъ краѣ, кіевскаго митрополита, въ косвенную зависимость отъ московскаго патріарха и давала впослѣдствіи возможность русскому правительству вмѣшиваться даже во внутреннія дѣла Польши при защитѣ православныхъ отъ гоненій католиковъ.

Софья была очень довольна уступкой Кіева и поспѣшила особымъ указомъ объявить по всей странѣ, что „никогда еще Россія не заключала такого выгоднаго и славнаго договора“, при чемъ въ первый разъ подписалась „самодержицей“.

Согласно условіямъ договора, Россія должна была начать войну съ Турціей и Крымомъ, ей подчиненнымъ. Рѣшено было двинуться на крымскихъ татаръ, чтобы отвлечь ихъ отъ соединенія съ турками въ борьбѣ послѣднихъ противъ Польши. Было совершено два похода (1687—1689) съ громадными силами (до полутораста тысячъ, въ томъ числѣ 50 т. казаковъ и свыше 300 пушекъ). Начальство надъ войскомъ было поручено Голицыну, вопреки, впрочемъ, его собственному желанію. Оба похода оказались неудачны. Голицынъ не обнаружилъ ни талантовъ полководца, ни распорядительности. Въ первомъ походѣ русскіе воротились съ полпути и безъ битвы. Татары уклонились отъ боя и зажгли степи, лошади стали падать отъ безкормицы, люди болѣли и умирали отъ тягостей похода подъ знойнымъ солнцемъ и недостатка припасовъ. Голицынъ настоялъ на второмъ походѣ, желая загладить неудачи перваго; на этотъ разъ двинулись съ весны и достигли до Перекопа, тоже почти безъ столкновеній съ татарами, и дальше не пошли, за недостаткомъ продовольствія и опять по нерасчетливости главнаго воеводы. Въ войскѣ былъ всеобщій ропотъ; на обратномъ пути отъ лишеній погибла масса людей. Софья старалась скрыть неудачу, торжествовала переходъ черезъ степи, какъ побѣду, и осыпала наградами Голицына и войско. Но въ Москвѣ царило общее недовольство. Царь Петръ открыто обвинялъ Голицына въ нерадѣніи и едва согласился на обнародованіе награды. Этотъ случай былъ однимъ изъ поводовъ къ размолвкѣ его съ правительницей. Петру шелъ уже

17-й годъ. Онъ стремился теперь принять участіе въ правленіи не номинально только и тяготился опекой сестры. Приближался заключительный актъ не прекращавшейся въ теченіе семи лѣтъ глухой вражды двухъ дворовъ—царицы-вдовы и царевны, партіи Нарышкиныхъ и Милославскихъ, и Петру приходилось принять на себя главную рѣшающую дѣло роль. Благодаря этой враждѣ онъ провелъ свое дѣтство и выросъ въ своеобразныхъ условіяхъ, не похожихъ на тѣ, среди которыхъ выростали прежніе царевичи.

Воспитаніе Петра Великаго. Петръ родился 30 мая 1672 г. Это былъ чрезвычайно крѣпкій и физически развитой ребенокъ, поражавшій всѣхъ видѣвшихъ его и своимъ крупнымъ ростомъ и своимъ острымъ и живымъ умомъ. Первые годы дѣтства онъ провелъ такъ же, какъ другія дѣти царя Алексѣя Михаиловича, окруженный игрушками нѣмецкой работы; между прочимъ, въ его игрушечномъ арсеналѣ было много деревянныхъ пищалей и пушекъ съ лошадьми. На 4-мъ году онъ лишился отца. На 5-мъ его стали учить грамотѣ и опять такъ же, какъ и другихъ царевичей—по старинному. Учителемъ ему былъ вызванъ подъячій Зотовъ, тихій и скромный, но не особенно далекій по уму и познаніямъ человѣкъ, который и прошелъ съ нимъ курсъ тогдашняго обученія,—азбуку, часословъ, псалтирь и апостолъ—все по большей части наизусть, что, впрочемъ, легко давалось памятливому ученику (впослѣдствіи Петръ любилъ читать и пѣть на клиросѣ). Выучился царевичъ у него и писать, но довольно небрежно и безъ всякаго соблюденія правилъ тогдашней ороографіи. Въ промежуткахъ между занятіями Зотовъ показывалъ своему питомцу книжки съ „кунштами", т. е. съ картинками, и давалъ объясненія къ рисункамъ, сообщалъ, между прочимъ, нѣкоторыя свѣдѣнія по священной и русской исторіи—чуть ли не единственныя, которыя удалось получить будущему царю. Въ 10 лѣтъ и это немудреное ученье прервалось.

Петръ былъ избранъ царемъ. Затѣмъ послѣдовали мятежи стрѣльцовъ, навсегда врѣзавшіеся въ памяти впечатлительнаго и нервнаго по природѣ ребенка. Съ этой именно поры, какъ говорятъ, у Петра на всю жизнь осталось трясеніе головы и конвульсивныя подергиванія въ лицѣ, особенно выступавшія въ минуты гнѣва и душевныхъ волненій. Майскія событія вытѣснили изъ кремлевскихъ палатъ царицу-вдову и заставили ее удалиться въ подмосковное село Преображенское. Здѣсь Петръ и растетъ на полномъ просторѣ и почти безъ всякаго призора. Мать баловала его, заботясь главнымъ образомъ о его здоровьѣ, и ни въ чемъ почти не отказывала своему любимцу. Воспитаніе его сразу получаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у прежнихъ царевичей,

рѣдко выходившихъ изъ душныхъ кремлевскихъ палатъ. Сильный и крѣпкій мальчикъ, не занятый книжнымъ ученьемъ, прилагаетъ теперь всю свою жажду дѣятельности къ военнымъ упражненіямъ, пріучается владѣть оружіемъ, пристращается къ стрѣльбѣ, у него является цѣлый арсеналъ уже не игрушечныхъ, а настоящихъ пищалей, карабины, бердыши, порохъ, свинецъ и пр. Живая натура его требовала постояннаго движенія, и онъ безпрестанно ѣздилъ по сосѣднимъ подмосковнымъ дворцовымъ селамъ вмѣстѣ съ запасами своего оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, далекій отъ дворцовыхъ церемоній, Петръ нашелъ себѣ товарищей среди сыновей придворныхъ служителей, съ которыми игралъ въ солдаты и обращался запросто. Скоро около Петра, по его желанію, сформировались цѣлые „потѣшные полки“ (Преображенскій и Семеновскій—названные такъ по подмосковнымъ селамъ) солдатъ, съ которыми онъ и проводилъ все время, обучая другихъ и учась самъ у вызванныхъ изъ нѣмецкой слободы иностранныхъ офицеровъ военному искусству на западно-европейскій ладъ. Въ „барабанную науку“ къ Петру записывались и сыновья придворныхъ конюховъ (среди нихъ была и будущая знаменитость Александръ Даниловичъ Меншиковъ), и знатная молодежь (Бутурлинъ, князь М. Голицынъ—впослѣдствіи фельдмаршалъ и др.). Родовитые люди и простолюдины мѣшались въ одну дружину, изъ которой вышли потомъ будущіе сотрудники Петра. Предпринимаютъ маневры и небольшіе походы, строится потѣшная крѣпость (на Яузѣ въ 1685 г.) и берется приступомъ. Софья не препятствовала этимъ потѣхамъ, отвлекавшимъ Петра отъ дворцовыхъ дѣлъ и интересовъ, и обезпокоилась только впослѣдствіи, когда потѣшные полки выросли въ солидную военную силу, но было уже поздно...

Въ связи съ этими военными упражненіями и благодаря знакомству съ иноземцами нѣмецкой слободы любознательность Петра обратилась и на науки, полезныя для военнаго дѣла—ариѳметику, геометрію, фортификацію (искусство строить укрѣпленія). Отыскался и новый учитель по этимъ предметамъ—голландецъ *Тиммерманъ*. Математикъ онъ былъ не изъ сильныхъ, но далъ толчокъ работамъ Петра, и даровитый ученикъ скоро превзошелъ своего учителя въ рѣшеніи самыхъ сложныхъ математическихъ задачъ. Другой голландецъ *Брандтъ* ознакомилъ Петра съ искусствомъ управлять англійскимъ ботомъ, который нашли въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ (Измайловѣ) среди старипнаго хлама (1687). Петръ давно уже интересовался этимъ дѣломъ, познакомившись въ арсеналѣ Оружейной школы съ моделями кораблей, которыя строились при его отцѣ. Съ жаромъ принялся онъ

за новое дѣло. На Яузѣ ему однако скоро стало тѣсно и со своимъ ботикомъ онъ перебрался на Переяславское озеро (близъ г. Переяславля-Залѣсскаго, Владим. губ.).

При замѣчательной практической сноровкѣ Петра и отличавшемъ его стремленіи подробно до мелочей знакомиться со всякимъ интересовавшимъ его дѣломъ, особенно въ области техники, онъ быстро освоился съ устройствомъ судовъ и съ управленіемъ небольшой флотиліей, которую ему удалось соорудить при содѣйствіи иностранныхъ корабельныхъ мастеровъ, и мечталъ о выходѣ въ море близъ Архангельска.

Такъ постепенно отъ забавъ Петръ уже въ ранней молодости перешелъ къ серьезному дѣлу и прошелъ съ найденными имъ иностранцами-учителями вторую школу, чисто-практическаго и военно-техническаго свойства, незнакомую прежнимъ царевичамъ, учившимся подъ руководствомъ теоретиковъ-богослововъ. Эта школа сблизила его съ обитателями нѣмецкой слободы. Туда онъ зачастую ѣздилъ, проводя время то въ работѣ, то въ веселыхъ пирушкахъ и бесѣдахъ запросто съ иностранными рабочими, торговцами, офицерами и техниками. Здѣсь онъ познакомился еще съ шотландцемъ *Гордономъ*, въ то время уже генераломъ русской службы—очень умнымъ и образованнымъ инженеромъ и артиллеристомъ, который сдѣлался главнымъ руководителемъ Петра по военному дѣлу, но особенно сблизился съ швейцарцемъ *Лефортомъ*, тоже состоявшимъ на русской военной службѣ, веселымъ и словоохотливымъ собесѣдникомъ. Его разсказы, а равно и самая жизнь нѣмецкой слободы, представлявшей собою какъ бы уголокъ Западной Европы въ Москвѣ, очень заинтересовали Петра и еще болѣе укрѣпили въ немъ интересъ и влеченіе ко всему иноземному.

Эти посѣщенія нѣмецкой слободы и пирушки тамъ очень обезпокоили царицу Наталію, и, съ цѣлію остепенить сына, она поспѣшила его на 17 году отъ роду женить на дочери дворянина Евдокіи Өедоровнѣ Лопухиной. Подчиняясь волѣ матери, Петръ женился (1689), но черезъ мѣсяцъ уѣхалъ отъ матери и жены (красивой, но по старинному воспитанной женщины, вовсе не раздѣлявшей взглядовъ Петра на иноземцевъ) въ Переяславль къ своей любимой флотиліи. Отсюда, однако, его скоро вызвали въ Москву для борьбы съ Софьей и Милославскими. Отношенія между дворами обострились въ это время до послѣдней степени.

Паденіе Софьи. По мѣрѣ того какъ приближалось совершеннолѣтіе Петра царевна Софья и ея приближенные все болѣе и болѣе тревожились за свою судьбу. Софьѣ очень не хотѣлось разстаться съ властью. Ея друзья понимали, что съ ея паденіемъ погибнутъ и они

и потому пытались натолкнуть ее на попытку самой достигнуть престола, устранивъ тѣмъ или инымъ способомъ Нарышкиныхъ. Она и Шакловитый пробовали осторожно заговаривать объ этомъ со старыми стрѣльцами, но не встрѣтили поддержки. Софья попыталась въ нѣкоторыхъ грамотахъ назваться самодержицей, но вызвала этимъ только явный протестъ Нарышкиныхъ и глухое недовольство въ народѣ. Особенно усилилось это недовольство послѣ неудачнаго крымскаго похода. Вызванный матерью изъ Переяславля, Петръ не принялъ Голицына и едва согласился на обнародованіе похвальной грамоты войску. Затѣмъ, по очевидному внушенію своихъ родныхъ, онъ явно показалъ Софьѣ свою власть, запретивъ ей идти въ крестномъ ходѣ въ праздникъ Казанской Божіей Матери (8 іюля) и показываться въ народѣ на томъ основаніи, что это „не женское дѣло". Гордая царевна очень обидѣлась и, разумѣется, не послушалась; тогда Петръ оставилъ процессію и уѣхалъ изъ Москвы. Съ той поры царевна никуда не ѣздила безъ сильнаго конвоя изъ стрѣльцовъ, опасаясь преображенцевъ. Въ Преображенскомъ, въ свою очередь, ждали нападенія стрѣльцовъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е августа, Софья, получивъ подметное письмо съ извѣщеніемъ о готовящемся на нее нападеніи, собрала въ Кремлѣ значительныя силы; преданныя ей лица говорили противъ Петра зажигательныя рѣчи. Нѣкоторыя изъ стрѣльцовъ дали знать въ Преображенское, что царя Петра съ матерью хотятъ извести. Петръ тутъ же ночью, прямо съ постели, полуодѣтый, съ тремя провожатыми ускакалъ верхомъ въ Троицкую лавру; за нимъ пустились всѣ его приближенные и обѣ царицы въ тяжелыхъ „коретахъ". Сюда же вытребованы были потѣшные полки. Софья послала было патріарха уговаривать Петра, но патріархъ, расположенный къ царицѣ Натальѣ, остался въ лаврѣ. Софья сама поѣхала къ Троицѣ для объясненій съ братомъ, но ей велѣли вернуться съ дороги во избѣжаніе непріятностей. Вслѣдъ затѣмъ отъ нея потребовали выдать Шакловитаго, Медвѣдева и ихъ друзей. Тогда она пробуетъ жаловаться на Петра стрѣльцамъ и народу, обратившись къ нимъ съ рѣчью съ Краснаго крыльца, но безуспѣшно. Стрѣльцы, спасая свои головы, сами потребовали отъ нея выдачи Шакловитаго. Послѣ этого оставилъ ее и князь В. В. Голицынъ и добровольно явился въ лавру. Шакловитаго послѣ пытокъ казнили съ нѣсколькими преданными ему стрѣльцами. Та же участь постигла и Медвѣдева, которымъ былъ недоволенъ патріархъ, подозрѣвая его „въ латинской ереси". Князя Голицына отправили въ ссылку въ Холмогоры. Царевнѣ Софьѣ велѣли удалиться на жительство въ Новодѣвичій монастырь (подъ Москвой) безъ постриженія

въ монахини. Ея имя приказано было исключить изъ царскаго титула.

Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался самодержавнымъ государемъ. Братъ его Іоаннъ продолжалъ именоваться царемъ во всѣхъ грамотахъ вмѣстѣ съ Петромъ, но никакого участія въ правленіи не принималъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ скончался (1696 г.), оставивъ трехъ дочерей (Екатерину, Анну и Прасковью).

Первые годы правленія Петра.

Послѣ паденія Софьи Петръ, еще не выѣзжая изъ Троицкой лавры, смѣнилъ всѣхъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ царевной и Голицынымъ. Посольскій приказъ порученъ былъ родному дядѣ царя, Льву Кирилловичу Нарышкину. Главное значеніе въ дѣлахъ пріобрѣла теперь царица Наталья Кирилловна и патріархъ Іоакимъ, предъ которымъ она благоговѣла. Оба они, какъ и супруга Петра, царица Евдокія, не любили иноземцевъ, и Петру приходилось во многомъ уступать имъ и особенно сообразоваться съ желаніями матери. По настоянію послѣдней и вопреки желанію Петра, на мѣсто скончавшагося (въ 1690 г.) патріарха Іоакима выбранъ былъ Адріанъ, тоже сторонникъ старины и противникъ иноземщины. Не вмѣшиваясь пока въ дѣла правленія, Петръ продолжалъ свои прежнія занятія по строенію судовъ и воинскія упражненія, потѣшные маневры и осады крѣпостей, во время которыхъ бывали уже и человѣческія жертвы, настолько серьезно велись эти потѣхи. Съ разрѣшенія матери Петръ съѣздилъ наконецъ въ Архангельскъ, увидалъ тамъ въ первый разъ настоящее море, морскія суда и окончательно увлекся морскимъ дѣломъ. Въ Архангельскѣ по его приказанію основана верфь и началась постройка двухъ русскихъ кораблей. Между тѣмъ царица Наталія Кирилловна умерла (1694 г.). Въ ея лицѣ исчезла послѣдняя вліятельная сила, сдерживавшая Петра въ его влеченіи къ иноземному. Онъ становится вполнѣ самостоятельнымъ и вторично ѣдетъ въ Архангельскъ, проводитъ цѣлое лѣто на Бѣломъ морѣ и чуть не гибнетъ во время бури на пути въ Соловки. На Бѣломъ морѣ создается цѣлая флотилія русскихъ судовъ, Петръ самъ при этомъ работаетъ топоромъ. Но это море не удовлетворяетъ Петра; оно открыто для навигаціи только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лѣтомъ, и мысли Петра стремятся теперь къ такому морю, которое было бы цѣлый годъ свободно для плаванія и сношеній съ другими странами. У Петра и въ кружкѣ его приближенныхъ рождается планъ движенія къ югу, къ Азовскому

и Черному морю. Какъ говорятъ, Лефортъ первый подалъ совѣтъ отнять у турокъ Азовъ, важную приморскую крѣпость, воспользовавшись тѣмъ, что начатая при Софьѣ война съ Турціей еще не была прекращена.

Азовскіе походы. Стремленіе захватить Азовъ не было новинкой. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ донскіе казаки взяли было эту крѣпость у турокъ, но неоправившаяся еще послѣ смутнаго времени Россія не рискнула на войну съ могущественной Турціей. Теперь положеніе дѣлъ было иное. Съ цѣлію скрыть истинную цѣль похода и отвлечь силы турокъ въ другую сторону, русскіе распустили молву о новомъ походѣ на Крымъ, а сами (весною 1695 г.) двинулись въ количествѣ 30 тыс. человѣкъ на Азовъ. Но хорошо укрѣпленный городъ, постоянно получая провіантъ и подкрѣпленія съ моря, не сдался. Штурмы не удались. Петръ, самъ участвовавшій въ походѣ (въ качествѣ бомбардира Преображенскаго полка), убѣдился, что безъ содѣйствія флота крѣпости не взять, и приказалъ отступить. Неудача не смутила Петра, но, напротивъ, удесятерила его энергію. Въ одну зиму, съ помощью иноземныхъ мастеровъ, онъ построилъ на Дону въ Воронежѣ 30 морскихъ судовъ и весной (1696 г.) Азовъ былъ обложенъ и съ моря и съ суши и, послѣ двухмѣсячной осады, сдался. Велика была радость Петра при этой побѣдѣ, наглядно доказавшей всю пользу его военныхъ „потѣхъ“ и значеніе нарождающагося на Руси флота въ дѣлѣ войны. Побѣдителямъ была устроена въ Москвѣ тріумфальная встрѣча, при чемъ самъ царь шелъ пѣшкомъ во главѣ своего морского отряда въ мундирѣ капитана. Чтобы охранить Азовъ, утвердиться на берегахъ Азовскаго моря и затѣмъ проникнуть и въ Черное, Петръ рѣшилъ создать сильный флотъ на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ своего государства. Они должны были соединяться для этого въ особыя товарищества („кумпанства“) и каждое товарищество къ извѣстному сроку должно было выстроить одинъ корабль (всего предполагалось построить 52 корабля на Воронежской верфи *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не зависѣть впредь въ дѣлѣ постройки кораблей отъ заграничныхъ мастеровъ, Петръ рѣшилъ послать за границу для изученія морского дѣла до 50 человѣкъ изъ среды придворной молодежи. Высшее московское общество было непріятно поражено этимъ распоряженіемъ царя, но еще болѣе удивились всѣ, когда узнали, что и самъ царь ѣдетъ за границу **).

---

*) Построенные въ Воронежѣ ранѣе и „кумпанствами“ корабли не принесли должной пользы. Прѣсная вода такъ быстро портила суда, что они не дожили до настоящей службы, тѣмъ болѣе, что все вниманіе Петра отвлекло потомъ Балтійское море, а завоеванія на Азовскомъ морѣ пришлось оставить.

**) Предъ самымъ отъѣздомъ Петра заграницу открытъ былъ заговоръ на его жизнь,

Путешествіе Петра заграницу. Въ 1697 году, вслѣдъ за посланными заграницу молодыми людьми, отправился и самъ Петръ туда же съ цѣлью основательнѣе изучить морское дѣло и познакомиться съ европейской цивилизаціей. Чтобы избѣжать пышныхъ и торжественныхъ встрѣчъ, безплодно отнимавшихъ время, Петръ совершалъ путешествіе инкогнито (или, какъ тогда говорили, „незнатнымъ лицомъ") подъ именемъ урядника Преображенскаго полка Петра Михайлова, въ свитѣ снаряженнаго къ европейскимъ дворамъ „великаго посольства". Во главѣ посольства стояли Лефортъ и бояринъ Головинъ. Цѣлью посольства было—отысканіе союзниковъ въ войнѣ съ Турціей. Москву и государство Петръ оставилъ на попеченіе боярской думы, какъ это дѣлалъ и раньше при отъѣздѣ въ Архангельскъ и подъ Азовъ (Во главѣ всего поставлены были дядя Петра Левъ Нарышкинъ, кн. Борисъ Голицынъ и кн. Прозоровскій. Охранять спокойствіе Москвы на случай какихъ-либо заговоровъ поручено было суровому кн. Ромодановскому).

Посольство съ Петромъ отправилось морскимъ путемъ черезъ Ригу, принадлежащую тогда шведамъ. Здѣсь Петра встрѣтили очень нелюбезно. Комендантъ не позволилъ ему, какъ неизвѣстному лицу—инкогнито, осмотрѣть укрѣпленія города. За то въ сѣверной Германіи пріемъ былъ радушнѣе *). Въ Кенигсбергѣ для Петра и пословъ былъ данъ рядъ праздниковъ, но Петръ заботился главнымъ образомъ о дѣлѣ. Съ лихорадочной поспѣшностію онъ стремился ознакомиться со всѣми новинками европейской цивилизаціи, преимущественно въ области прикладныхъ знаній и промышленной техники. Онъ осматривалъ фабрики и мастерскія, монетные дворы, музеи, аптеки, дороги, мосты, каналы и мельницы; но болѣе всего интересовался военнымъ и морскимъ дѣломъ. Въ Пруссіи онъ изучилъ артиллерійское дѣло. Въ Голландіи, гдѣ онъ пробылъ около 5 мѣсяцевъ, онъ работалъ на верфяхъ въ Саардамѣ **) и Амстердамѣ, какъ простой корабельный плотникъ, и на-

---

составленный стрѣлецкимъ полковникомъ Цыклеромъ, окольничими Соковнинымъ и Пушкинымъ. Мотивами убійства они выставляли „новшества" Петра. Заговорщики были четвертованы послѣ ужасныхъ пытокъ.

*) О пребываніи Петра въ Германіи имѣются любопытныя свѣдѣнія въ запискахъ бранденбургской принцессы Софіи-Шарлотты и ея дочери. Мало знакомый со свѣтскими обычаями, Петръ сначала очень конфузился въ обществѣ разряженныхъ и чопорныхъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и при малѣйшей неловкости краснѣлъ и закрывалъ лицо руками. Но потомъ оправился, разговорился, принялъ участіе въ танцахъ, веселился до упаду и очень понравился обѣимъ принцессамъ. „Царь очень высокаго роста, пишетъ одна изъ нихъ, строенъ и весьма красивъ; онъ одаренъ замѣчательной живостью ума, отвѣты его быстры и мѣтки. Но ему недостаетъ хорошихъ манеръ. Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, изъ него вышло бы совершенство".

**) Домикъ, въ которомъ жилъ Петръ во время своего пребыванія въ Саардамѣ, сохранился и доселѣ и переданъ голландскимъ правительствомъ въ собственность Россіи.

столько изучилъ искусство кораблестроенія, что могъ впослѣдствіи, какъ говорили про него, одинъ построить и снарядить цѣлый корабль отъ основанія до мачты. Одновременно съ работами на верфяхъ онъ занимался математикой, химіей, физикой, въ особенности же механикой и медициной, рисованіемъ и гравированіемъ. При своихъ необыкновенныхъ способностяхъ онъ чрезвычайно быстро схватывалъ и усвоивалъ всевозможныя свѣдѣнія и впослѣдствіи удивлялъ даже иностранцевъ своими разносторонними техническими познаніями. Изучивъ практику корабельнаго дѣла, Петръ отправился въ Англію, гдѣ учился теоріи судостроенія и военнаго дѣла и знакомился съ различными отраслями техническихъ производствъ. За то политическая и придворная жизнь въ Англіи, ея парламентъ и особенности конституціоннаго управленія мало интересовали Петра (то же было и въ Голландіи). Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну ко двору императора (Леопольда), гдѣ изумилъ всѣхъ своими простыми привычками и постояннымъ нарушеніемъ придворнаго этикета. Здѣсь онъ велъ переговоры о продолженіи войны съ Турціей и убѣдился, что Австрія, и безъ того вяло относившаяся къ этому дѣлу, желаетъ совершеннаго прекращенія войны. Изъ Вѣны Петръ думалъ отправиться въ „царицу морей“—Венецію, чтобы завершить свои морскія познанія, какъ получилъ изъ Москвы извѣстіе о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ и поспѣшилъ домой. На дорогѣ въ Москву, проѣздомъ черезъ Польшу, Петръ видѣлся съ новымъ польскимъ королемъ Августомъ (онъ же былъ и курфюрстомъ саксонскимъ). Послѣдній предложилъ ему взамѣнъ безполезной борьбы съ Турціей союзъ противъ Швеціи. Ту же мысль внушали Петру и ранѣе въ Пруссіи. Разочаровавшись въ попыткѣ создать коалицію противъ турокъ, такъ какъ по доставленнымъ „великимъ посольствомъ“ свѣдѣніямъ нигдѣ въ Европѣ не выразили желанія примкнуть къ ней, и убѣдившись, что Балтійское море въ цѣляхъ сближенія съ Европой, а равно и въ торговомъ отношеніи представляетъ болѣе выгодъ, чѣмъ Черное, окруженное малокультурными народами, Петръ рѣшился примкнуть къ этому предложенію, и такимъ образомъ взамѣнъ коалиціи противъ Турціи, о чемъ мечталъ предъ поѣздкой заграницу, привезъ изъ Западной Европы мысль о борьбѣ съ Швеціей за берега Балтійскаго моря.

Путешествіе Петра заграницу, продолжавшееся свыше года, имѣло весьма важное значеніе и для самого Петра, и для Россіи, и для Западной Европы. Оно расширило кругозоръ Петра, обогатило его познаніями, дало опредѣленное направленіе неяснымъ стремленіямъ къ сближенію съ Западомъ; сношенія Москвы съ Западомъ пошли теперь живѣе. Не одинъ Петръ, но и московскіе бояре-послы и масса другихъ членовъ посольства и молодежи (всего отправились до 200 чел.) познакомились

съ Европой и проторили дорогу для дальнѣйшихъ путешествій русскихъ заграницу. Иностранцы также толпами потянулись въ Россію, вслѣдствіе приглашеній Петра и его пословъ. Московія уже не являлась теперь въ ихъ глазахъ какой-то опасной и дикой азіатской страной, а ея люди небывалыми варварами. Необычный фактъ путешествія царя этой страны по Европѣ, его личность и стремленія возбудили общее любопытство и вниманіе. О будущихъ судьбахъ этой страны, желающей пріобщиться европейской цивилизаціи и войти равноправнымъ членомъ въ союзъ государствъ Европы, заговорили и на университетскихъ каѳедрахъ. Появились даже просвѣтительные проекты преобразованія Россіи (Лейбницъ). Словомъ, поѣздка эта была крупнымъ шагомъ на пути сближенія Россіи съ Западомъ.

Возмущеніе стрѣльцовъ. Путешествіе царя заграницу и продолжительное—больше года—пребываніе тамъ породило массу толковъ въ Россіи и крайнее недовольство среди ревнителей старины. Прошелъ даже слухъ, что Петръ заграницей скончался. Слухъ этотъ, въ связи съ общимъ недовольствомъ, смутилъ стрѣльцовъ и вызвалъ часть ихъ на открытое возмущеніе. Стрѣльцы уже давно тяготились условіями своей новой службы и съ сожалѣніемъ вспоминали времена царевны и Хованскаго. По взятіи Азова, при чемъ участвовали и стрѣльцы, часть ихъ была оставлена на турецкой границѣ, другая отправлена на литовскую границу—ихъ опасались держать въ Москвѣ и намѣренно томили службой на окраинахъ. Трехлѣтняя отлучка отъ семей и тяжелыя условія службы и стоянки на окраинахъ вызывали крайнее недовольство и частые побѣги стрѣльцовъ со службы. Нѣкоторые изъ приверженцевъ Софьи, повидимому, пожелали воспользоваться этимъ и пустили слухъ, что Софья зоветъ ихъ въ Москву, что царь уже умеръ за границей, а бояре хотятъ удушить его сына (отъ Евдокіи Лопухиной) царевича Алексѣя, опасаясь, что онъ съ матерью будетъ стоять противъ нѣмцевъ. Стрѣльцы, стоявшіе на западной границѣ въ числѣ около 2800 человѣкъ, взбунтовались. „Пойдемъ на Москву, перебьемъ нѣмцевъ и бояръ, посадимъ Софью Алексѣевну на царство", закричали въ стрѣлецкихъ полкахъ. Заговорщики разсчитывали, что вслѣдъ за ними поднимется простонародье и раскольники на Дону и повторятся времена Разина, и двинулись на Москву. Близъ столицы ихъ встрѣтили регулярныя войска подъ начальствомъ Гордона и Шеина и нѣсколькими залпами артиллеріи безъ труда разсѣяли нестройныя толпы мятежниковъ; большую часть ихъ Шеинъ переловилъ и около 200 человѣкъ повѣсилъ. Мятежъ затихъ.

Петръ возвратился изъ-за границы страшно раздраженный вѣстью о бунтѣ стрѣльцовъ, помѣшавшемъ ему закончить путешествіе. Въ его памяти живо воскресли тяжелыя впечатлѣнія дѣтства. „Я допрошу

построже вашего“, писалъ онъ боярамъ еще съ пути, „это сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) растетъ“ и рѣшился съ корнемъ вырвать это „сѣмя“. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву начался розыскъ, страшныя пытки и казни стрѣльцовъ, напоминавшія своей жестокостію и многочисленностію тяжелыя времена эпохи Грознаго. Путемъ пытокъ старались вынудить у стрѣльцовъ сознаніе относительно участія въ дѣлѣ Софьи и ея приверженцевъ. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ подъ вліяніемъ мученій сдѣлали признаніе, что получили письмо отъ Софьи съ призывомъ къ возмущенію; письмо это, однако, не нашлось. Подвергли допросу самоё Софью. Она отвѣтила, что письма не писала. „Но они звали тебя на царство?“ спросилъ Петръ. „Звали“, отвѣчала царевна. „Почему?“ „Знатно потому, что я семь лѣтъ управляла государствомъ“, съ гордостью отвѣтила Софья.

По окончаніи розысковъ и пытокъ начались казни. Когда на московскихъ площадяхъ стали приготовлять множество висѣлицъ, патріархъ Адріанъ рѣшился ходатайствовать за осужденныхъ и явился къ Петру, съ иконой Богоматери въ рукахъ, просить милости виновнымъ. „Зачѣмъ взялъ ты святую икону?“ гнѣвно сказалъ ему царь. „Удались и знай, что я не меньше тебя чту Бога и Пресвятую Богородицу. Но мой долгъ оберегать народъ и наказывать злодѣевъ“. Всего казнено было свыше тысячи стрѣльцовъ. Трупы ихъ, къ ужасу народа, долго оставались неубранными на московскихъ площадяхъ. Нѣкоторыхъ изъ стрѣльцовъ повѣсили съ челобитными въ рукахъ на имя Софьи предъ окнами кельи, гдѣ жила царевна. Сама она была пострижена въ монахини подъ именемъ Сусанны и заключена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и скончалась черезъ 5 лѣтъ. Стрѣлецкое войско потомъ мало-по-малу было уничтожено.

Первыя нововведенія. Немедленно по возвращеніи въ Москву Петръ принялся за преобразованія. Они коснулись прежде всего внѣшности. Самъ Петръ заграницей при работѣ одѣвалъ одежду тамошнихъ простолюдиновъ, а въ торжественныхъ случаяхъ являлся въ мундирѣ иностраннаго покроя. Первымъ, въ угоду Петру, сбрилъ себѣ бороду и надѣлъ завитой парикъ бояринъ Головкинъ. То же Петръ велѣлъ теперь сдѣлать всѣмъ боярамъ и на Москвѣ. Лицамъ, медлившимъ этой операціей, онъ собственноручно обрѣзалъ бороды, смѣясь надъ ихъ смущеніемъ. Такъ обрилъ онъ даже стариковъ Шеина, „кесаря“ Ромодановскаго и другихъ важныхъ бояръ. Бороду разрѣшено было безпрепятственно носить только духовенству и крестьянамъ, да и въ средѣ послѣднихъ раскольники должны были впослѣдствіи платить особую плату за право носить это украшеніе, отличавшее русскаго человѣка отъ иноземцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ служилымъ людямъ и горожанамъ запрещено было носить длинную одежду и приказано было одѣвать короткое платье нѣмецкаго покроя *). Гвардейскимъ полкамъ даны были также мундиры по заграничнымъ образцамъ.

Въ 1700 г. съ началомъ новаго столѣтія Петръ велѣлъ праздновать начало новаго года по образцу Западной Европы съ 1-го января, а не съ 1-го сентября, какъ дотолѣ было на Руси. Точно также и лѣтосчисленіе съ этого времени стали вести съ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ было прежде.

Всѣ эти и подобныя нововведенія, касавшіяся внѣшности и формы **), и повидимому несущественныя, произвели, однако, болѣе сильное впечатлѣніе на современниковъ, чѣмъ впослѣдствіи другія реформы, касавшіяся болѣе важныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. Эти перемѣны всѣмъ были понятны, бросались въ глаза всякому и тѣмъ болѣе, что внѣшности, обряду, формѣ придавали въ ту пору первостепенное значеніе. Раскольники, готовые „умереть за одинъ азъ“, увидѣли во введеніи брадобритія величайшую ересь, искажавшую ликъ человѣка, созданнаго по образу Божію, и готовы были скорѣе лишиться жизни, чѣмъ бороды. Борода и длинная одежда отличали русскаго человѣка отъ „бусурманъ“—нѣмцевъ. Теперь самъ царь и всѣ его вельможи преобразились по внѣшности въ нѣмцевъ, курили табакъ, это „богомерзкое зелье“, „антихристову траву“, за нюханье которой когда-то на Руси рѣзали носы. И вотъ возникли легенды о томъ, что царь подмѣненъ нѣмцами, что онъ принялъ нѣмецкую вѣру; наконецъ, что онъ обратился въ антихриста, который кладетъ свою „печать“ на людей. За такія рѣчи и разсказы и говорившихъ и слушавшихъ привлекали къ отвѣтственности и впослѣдствіи отводили въ Преображенскій приказъ или „тайную канцелярію“ на пытки и кровавую расправу къ князю Ромодановскому. Петръ не останавливался и передъ самыми суровыми мѣрами противъ недовольныхъ его реформами, чего бы эти реформы ни касались, и чѣмъ сильнѣе было противодѣйствіе его реформамъ со стороны „большихъ бородъ“, какъ онъ звалъ всѣхъ ревнителей старины, тѣмъ болѣе росла

---

*) Главнымъ помощникомъ Петра въ данномъ случаѣ явился Лефортъ, этотъ мастеръ на всѣ руки, слывшій прежде первымъ кавалеромъ въ нѣмецкой слободѣ. Въ началѣ 1699 г. этотъ искренно преданный Петру человѣкъ скончался, горько оплаканный государемъ.

**) Въ сущности брадобритіе и нѣмецкое платье не были новинкой среди русскихъ. Многіе московскіе щеголи временъ Алексѣя Михаиловича давно уже расхаживали въ разноцвѣтныхъ нѣмецкихъ камзолахъ, иные брили себѣ и бороду, но эти „богомерзкіе“ обычаи „шальной и непутевой“ молодежи не ставились въ образецъ старшимъ и никого насильно не обращали въ нѣмца. Послѣднее всего сильнѣе возмущало тогдашнее общество. Стараясь уничтожить теремные обычаи и взаимную отчужденность мужчинъ и женщинъ высшаго круга, Петръ въ 1718 г., послѣ путешествія во Францію, издалъ указъ объ *ассамблеяхъ* или „вольныхъ собраніяхъ не для одной забавы, но и для дѣла“, гдѣ гости обоего пола могли безъ всякихъ старинныхъ церемоній, поклоновъ, потчеванья и т. п. сходиться для танцевъ, игры въ шахматы, бесѣды и пр. Въ устройствѣ ихъ Петръ запрещалъ всякую пышность и лишніе расходы. Встрѣченные сначала недовѣрчиво, эти собранія потомъ привились, какъ равно и „машкерады“, которые время отъ времени устраивались по случаю особо выдающихся торжествъ.

его энергія, тѣмъ сильнѣе проявлялась его желѣзная воля, не желавшая считаться ни съ какими препятствіями. Первоначально въ его реформахъ не видно было опредѣленнаго плана и послѣдовательности. Онѣ были отрывочны, поспѣшны, касались часто мелочей, преобразователь какъ-то разбрасывался на всѣ стороны, затрогивая массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Но постепенно, подъ давленіемъ внѣшнихъ событій, преобразовательная дѣятельность Петра, расширяясь, захватила всѣ части русскаго государственнаго строя, всѣ стороны русской жизни. Самое рѣшительное вліяніе на ходъ и порядокъ реформъ оказала война съ Швеціей, длившаяся большую часть царствованія Петра.

Великая Сѣверная война.

Союзъ державъ. Пораженіе при Нарвѣ. Во время своего заграничнаго путешествія Петръ убѣдился въ невозможности составить коализацію противъ Турціи и потому оставилъ мысль о пріобрѣтеніи береговъ Чернаго моря и поспѣшилъ заключить миръ съ Турціей, чтобы имѣть руки развязанными для болѣе выгоднаго дѣла,—для предложенной ему королемъ польскимъ Августомъ совмѣстной борьбы со Швеціей, имѣя въ виду осуществить старинную мечту московскихъ государей пріобрѣсти берега Балтики для непосредственныхъ сношеній съ Западной Европой. По условіямъ мира съ Турціей (1700 г.), прибрежье Азовскаго моря и города Азовъ и Таганрогъ остались за Россіей, и кромѣ того Петръ отказался на будущее время отъ платежа установленныхъ прежними договорами ежегодныхъ „поминокъ“ или денежныхъ субсидій крымскому хану.

Пока шли мирные перевоворы съ Турціей, обнаружилось, что къ союзу противъ Швеціи примкнула и Данія, такъ же какъ и Польша, желавшая лишить Швецію преобладанія на Балтійскомъ морѣ и земель, занятыхъ шведами на востокъ и югъ отъ Балтики. Особенно много хлопоталъ объ этомъ союзѣ ливонскій дворянинъ Паткуль, который желалъ отомстить шведскому правительству за отобраніе въ казну нѣкоторыхъ земель у лифляндскаго дворянства. Съ этой цѣлью Паткуль пріѣзжалъ даже въ Москву въ качествѣ посла отъ Августа для тайныхъ переговоровъ съ Петромъ. Петръ согласился вступить въ коализацію державъ и начать военныя дѣйствія съ Швеціей. Немедленно же по заключеніи союза Августъ осадилъ Ригу, датчане заняли Голштинское герцогство, Петръ предполагалъ двинуться на осаду крѣпости Нарвы. Союзники тѣмъ болѣе разсчитывали на успѣхъ, что на шведскомъ престолѣ былъ тогда молодой 18-ти-лѣтній государь, Карлъ XII, проводившій время болѣе въ шумныхъ забавахъ и увесе-

леніяхъ, чѣмъ въ занятіяхъ государственными дѣлами. Оказалось, однако, что Карлъ XII обладалъ необыкновенной энергіей, которую только за неимѣніемъ подходящаго дѣла расходовалъ на пустяки; получивъ извѣстіе о натискѣ союзниковъ, Карлъ разомъ бросилъ всѣ забавы и, увлекаясь военнымъ дѣломъ, сталъ вести самую простую жизнь. Первыя же военныя дѣйствія обнаружили въ немъ замѣчательныя военныя способности. Онъ не сталъ вести оборонительной войны, но сразу перешелъ въ наступленіе и рѣшилъ разбить союзниковъ поодиночкѣ. Съ небольшимъ, но хорошо организованнымъ его предшественниками и закаленнымъ въ бояхъ войскомъ, онъ быстро переправился черезъ проливъ, отдѣляющій Данію отъ Швеціи, и неожиданно явился подъ стѣнами Копенгагена. Застигнутый врасплохъ, король датскій вынужденъ былъ отказаться отъ союза съ Россіей и Швеціей, вывести свои войска изъ Голштиніи и даже заплатить Швеціи денежную контрибуцію. Отсюда Карлъ XII съ тою же отличавшей его быстротой въ дѣйствіяхъ съ 8 тыс. войскомъ направился къ Нарвѣ. Русское войско состояло изъ 40 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ только небольшую часть составляли солдаты, уже участвовавшіе ранѣе въ походѣ на Азовъ, большинство было изъ недавно набранныхъ и плохо обученныхъ рекрутовъ. Артиллеристы не умѣли какъ слѣдуетъ обращаться съ орудіями. Командовали войскомъ частью рекомендованные Петру союзниками, частью ранѣе состоявшіе на русской службѣ иностранные генералы и офицеры, которыхъ солдаты плохо понимали и плохо слушались и были такимъ образомъ, по выраженію одного изъ современниковъ, какъ бы „овцами безъ пастуховъ". Чрезвычайная быстрота движеній, единство въ дѣйствіяхъ и мужество 8-ми-тысячнаго шведскаго войска, смѣлость и отвага самого Карла, не разъ подвергавшагося во время сраженія крайней опасности, при отсутствіи дисциплины и опытности у русскихъ солдатъ, которымъ, въ довершеніе всего вьюга била въ лицо и препятствовала движеніямъ, доставили шведамъ побѣду надъ впятеро сильнѣйшимъ войскомъ. Вся русская артиллерія досталась шведамъ, офицеры и генералы потеряли мужество и сдались въ плѣнъ, солдаты обратились въ бѣгство, за исключеніемъ преображенцевъ и семеновцевъ, которые стойко держались и отступили въ порядкѣ. Разгромъ Даніи и нарвская побѣда доставили Карлу громкую славу по всей Европѣ. Его всюду прославляли какъ необыкновеннаго полководца, какъ „сѣвернаго Александра". У самого Карла страсть къ войнѣ разгорѣлась теперь съ необычайной силой. Битвы и военные успѣхи стали главной цѣлью его жизни. Его же не интересовала борьба съ такимъ слабымъ врагомъ, какимъ казался ему Петръ

и русскіе. Онъ стремился поскорѣе помѣряться силами съ хорошо обученными войсками своего главнаго врага—Августа и оставилъ первоначальный планъ движенія на Москву, тѣмъ болѣе, что холодная и бѣдная страна не обѣщала богатой добычи его офицерамъ и солдатамъ. Покинувъ Нарву, Карлъ двинулся къ Ригѣ, разбилъ два раза саксонцевъ, заставилъ Августа снять осаду этого города и по пятамъ за нимъ устремился въ Польшу, гдѣ и провелъ около трехъ лѣтъ, гоняясь за Августомъ, который все время избѣгалъ рѣшительной битвы со своимъ врагомъ.

Приготовленія Петра и первые успѣхи. Петръ не упалъ духомъ послѣ страшнаго нарвскаго пораженія, какъ не растерялся послѣ неудачи 1-го азовскаго похода, напротивъ, его страшная энергія и неустанная кипучая дѣятельность проявились теперь съ необычайной силой. Пользуясь тѣмъ, что „шведъ увязъ въ Польшѣ", Петръ ѣздитъ изъ конца въ конецъ по государству, побуждая всѣхъ къ работѣ, набираетъ и обучаетъ войско, готовитъ ему русскихъ командировъ, заготовляетъ провіантъ и оружіе, за неимѣніемъ достаточнаго количества мѣди велитъ отливать пушки изъ старыхъ и разбитыхъ колоколовъ, предпринимаетъ рядъ финансовыхъ мѣръ и другихъ реформъ, необходимыхъ для военнаго дѣла, привлекаетъ всѣ сословія къ военной службѣ, самъ торопится и всѣхъ торопитъ, словомъ, проявляетъ необыкновенную, изъ ряда вонъ выходящую дѣятельность. Неудивительно, что впослѣдствіи и самъ Петръ и его приближенные отзывались о военныхъ приготовленіяхъ предъ нарвской битвой и о самой этой битвѣ только какъ о „младенческомъ играніи".

Набираемыя и организуемыя при такихъ энергическихъ усиліяхъ войска Петръ постепенно направлялъ въ двѣ стороны—одну часть на помощь польскому королю, чтобы подолѣе задержать тамъ Карла, а другую противъ оставленныхъ Карломъ небольшихъ силъ въ Лифляндіи и для завоеванія балтійскаго побережья. Посланный въ Лифляндію во главѣ значительнаго и уже хорошо подготовленнаго войска бояринъ Шереметевъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, на голову разбилъ шведовъ въ двухъ сраженіяхъ (при Эрестферѣ въ декабрѣ 1701 г. и при Гуммельсгофѣ въ іюлѣ 1702 г.), при чемъ шведы потеряли по нѣсколько тысячъ убитыми и ранеными. Петръ былъ въ восторгѣ отъ первой побѣды надъ шведами,—далъ Шереметеву только что установленный для наградъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, свой портретъ, осыпанный брилліантами, и званіе генералъ-фельдмаршала. Въ Москвѣ также было великое торжество—цѣлый день по полученіи извѣстія о побѣдѣ гремѣли пушки и звонили въ колокола,

празднуя „отмщеніе за Нарву“. Лифляндія была, по приказу Петра, страшно разорена русскими войсками, чтобы потомъ шведскія войска не могли здѣсь найти себѣ продовольствія.

Взятіе Нотебурга. Основаніе Петербурга. Вызвавши Шереметева изъ Лифляндіи, Петръ, во главѣ десятитысячнаго войска, осадилъ шведскую крѣпость Нотебургъ (древній новгородскій городъ Орѣшекъ) и послѣ упорнаго сопротивленія и столь же упорной артиллерійской бомбардировки со стороны осаждавшихъ взялъ и переименовалъ въ Шлиссельбургъ (т. е. Ключъ-городъ, такъ какъ эта крѣпость, находившаяся при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, служила какъ бы ключемъ къ морю). „Зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, писалъ Петръ, намекая на прежнее названіе крѣпости, но, слава Богу, счастливо разгрызенъ; артиллерія наша чудесно дѣло свое исправила“. Двигаясь дальше по правому берегу Невы къ морю, русскіе наткнулись на новую небольшую шведскую крѣпость Ніеншанцъ при устьяхъ Невы (при впаденіи въ нее Охты и тоже разгромили ее артиллеріей. Вслѣдъ за первыми успѣхами сухопутнаго войска и артиллеріи, удалось добиться успѣха и въ морскомъ бою. Не зная еще ничего объ участи Ніеншанца и Нотебурга, два шведскихъ большихъ корабля и нѣсколько мелкихъ судовъ кинули якорь на взморьѣ противъ устья Невы. Получивъ о томъ извѣстіе, самъ Петръ (въ званіи бомбардирскаго капитана) вмѣстѣ съ Меншиковымъ и гвардейскими солдатами на тридцати лодкахъ, ночью, подкрался къ непріятельскимъ кораблямъ, окружилъ и взялъ ихъ, несмотря на то, что у шведовъ было до 30 пушекъ, а у русскихъ пушекъ не было. За эту „небывалую еще никогда викторію“ (побѣду) „бомбардирскому капитану“ Петру и Меншикову присудили въ награду орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Такимъ образомъ Петръ пробился наконецъ къ Балтійскому морю. Срывъ крѣпостцу Ніеншанцъ, Петръ взамѣнъ ея на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Невы (Люстъ-Эйландѣ или Веселомъ островѣ, нынѣ Петербургская сторона) заложилъ 16 мая 1703 года Санктъ-Петербургъ (городъ св. Петра). Прежде всего заложена была Петропавловская крѣпость, построена деревянная церковь, домъ для Петра; появились и другія зданія—городъ сталъ разрастаться. Для защиты новой Петербургской гавани съ моря была заложена крѣпость Кронштадтъ на островѣ Котлинъ. Петръ очень дорожилъ этой гаванью, такъ какъ Нева, на которой былъ основанъ портъ, представляетъ конецъ естественныхъ водныхъ путей извнутри Россіи (еще при началѣ русскаго государства чрезъ нее шелъ водный путь „изъ варягъ въ греки“, а затѣмъ новгородская торговля съ Западомъ) и по своей

глубинѣ доступна для самыхъ большихъ кораблей. Поэтому и всѣ дальнѣйшія военныя операціи направлены были къ тому, чтобы охранить этотъ портъ. Съ этой цѣлью началось далѣе завоеваніе южнаго берега Финскаго залива: Шереметевъ занялъ Копорье и Ямы (Ямбургъ), самъ Петръ взялъ Нарву и Дерптъ (старинный Юрьевъ). Эстляндія была сильно опустошена русскими войсками. На Финскомъ заливѣ Петръ поспѣшилъ завести флотъ (верфь была устроена въ Олонцѣ); вскорѣ (въ ноябрѣ 1703 г.) явились сюда уже иностранныя торговыя суда, принятыя Петромъ очень радушно; такъ положено было начало торговыхъ морскихъ сношеній съ Западомъ. Попытки шведовъ съ моря попасть на Кронштадтъ и съ суши на Петербургъ окончились неудачей. Петръ называлъ Петербургъ своимъ „парадизомъ" (раемъ) и рѣшилъ во что бы то ни стало отстоять этотъ городъ, даже въ случаѣ неудачи дальнѣйшей борьбы съ Карломъ.

Карлъ въ Польшѣ. Битва при Лѣсной. На другомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Польшѣ, дѣла шли не такъ успѣшно. Карлъ разбилъ соединенныя русско-саксонскія войска и заставилъ наконецъ короля Августа отречься отъ престола и признать королемъ познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Вмѣстѣ съ этимъ Августъ отказался и отъ союза съ Петромъ и даже выдалъ шведамъ Паткуля (послѣдняго, по приказу мстительнаго Карла, колесовали). Петръ остался такимъ образомъ безъ союзниковъ въ единоборствѣ съ „первымъ воиномъ" тогдашней Европы. Не желая ввѣрять судьбу дѣла случайностямъ битвы и опасаясь неудачи въ борьбѣ, Петръ предложилъ Карлу миръ, соглашаясь возвратить Швеціи всѣ завоеванія, за исключеніемъ устьевъ Невы и Петербурга. Карлъ XII отвѣтилъ, что миръ заключитъ только въ Москвѣ, и мечталъ, какъ оказалось послѣ, даже свергнуть Петра съ престола. „Мой братъ Карлъ хочетъ быть вторымъ Александромъ Македонскимъ, говорилъ по этому поводу Петръ I, но онъ не найдетъ во мнѣ Дарія", и рѣшилъ вести борьбу до послѣдней крайности. Не зная, куда двинется Карлъ, онъ приказалъ царевичу Алексѣю Петровичу укрѣплять Москву, Меншикову поручилъ южную армію, а на себя взялъ охрану Петербурга. Войскамъ въ Польшѣ приказано было избѣгать генеральнаго сраженія и отступать въ глубь страны, забирая или истребляя по пути весь провіантъ, чтобы истощить тѣмъ силы вражескаго войска. Лѣтомъ 1709 года Карлъ двинулся изъ Польши въ Россію, перешелъ черезъ Днѣпръ близъ Могилева и направился въ Малороссію, гдѣ, какъ оказалось послѣ, ожидалъ его гетманъ Мазепа, рѣшившій измѣнить Петру и перейти въ подданство шведскому королю, разсчитывая на побѣду

послѣдняго. Отъ плѣнниковъ русскіе узнали, что въ арміи Карла числится не болѣе 30 тыс. чел. войска, отлично вооруженнаго и приготовленнаго, но что продовольствія у него мало и Карлъ ждетъ подкрѣпленій изъ Лифляндіи. Оттуда дѣйствительно шелъ на соединеніе съ Карломъ шведскій генералъ Левенгауптъ съ 16 тыс. войска, съ артиллеріей и съ большими запасами всякаго провіанта. Прибывшій въ это время къ арміи Петръ рѣшилъ перерѣзать дорогу Левенгаупту, не допуская его соединенія съ Карломъ, и самъ напалъ на него при деревнѣ *Лѣсной* на р. Сожѣ (близъ Пропойска) съ меньшимъ по числу, но свѣжимъ и хорошо обученнымъ войскомъ. Истощенное длинными торопливыми переходами войско Левенгаупта было разбито на-голову: до 8 тысячъ шведовъ легло на мѣстѣ, около тысячи человѣкъ взято въ плѣнъ, а главное—вся артиллерія и всѣ запасы продовольствія попали въ руки русскихъ. Левенгауптъ привелъ къ Карлу только жалкіе, деморализованные неудачей, остатки своего корпуса и умножилъ лишь число голодныхъ ртовъ въ арміи Карла. Эта крупная побѣда, обезкураживъ шведовъ, сильно ободрила и Петра и русскихъ солдатъ. Вспоминая потомъ, послѣ побѣды подъ Полтавой, битву при Лѣсной, Петръ называлъ ее „матерью полтавской баталіи“.

Измѣна Мазепы. Побѣда при Полтавѣ. Вслѣдъ за вступленіемъ Карла XII въ Малороссію пришло извѣстіе, что малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа передался въ сторону Швеціи *). Хитрый и властолюбивый старикъ давно уже лелѣялъ мечту о полной независимости

*) Мазепа всегда былъ сторонникомъ польской или такъ называемой „шляхетской“ партіи на Украйнѣ, тѣмъ болѣе, что молодость свою онъ провелъ въ Варшавѣ, получилъ и образованіе въ іезуитскомъ училищѣ и первоначально служилъ при дворѣ польскаго короля. Затѣмъ онъ поступилъ въ войско малороссійскихъ казаковъ и занялъ тамъ вліятельную должность войскового писаря. Любимецъ гетмана Самойловича, онъ содѣйствовалъ его же паденію и добился затѣмъ разными интригами избранія въ гетманы. Лестью и щедрыми подарками онъ такъ умѣлъ расположить къ себѣ приближенныхъ Петра и такъ умѣлъ примѣниться къ его видамъ, что Петръ оказывалъ ему полное довѣріе, какъ самому искреннему стороннику Россіи. О тайныхъ сношеніяхъ гетмана съ Польшей давно уже ходили толки и не разъ поступали о томъ доносы къ Петру, но гетманъ всегда умѣлъ оправдаться. Между прочимъ одинъ изъ такихъ доносовъ на него сдѣлалъ генеральный судья Кочубей; 60-ти лѣтній Мазепа влюбился въ его дочь, въ свою крестницу Матрену, и хотѣлъ на ней жениться. Родители отказали. Тогда дѣвушка по сердечной склонности къ краснорѣчивому старцу или изъ честолюбиваго желанія сдѣлаться гетманшей убѣжала къ Мазенѣ. Послѣдній возвратилъ ее родителямъ; но Кочубей уже не могъ простить этого гетману и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы довести (черезъ полковника Искру) до свѣдѣнія Петра о задуманной Мазепой измѣнѣ. Мазепѣ не трудно было оправдаться ссылкой на то, что Кочубей сдѣлалъ доносъ изъ личной мести за дочь. Кочубея и Искру по судебному обычаю того времени пытали, чтобы провѣрить ихъ заявленіе, въ виду нѣкоторыхъ разнорѣчій. Они не выдержали мученій и заявили, что оговорили Мазепу по злобѣ. Послѣ того Кочубея и Искру отправили къ Мазепѣ, который и предалъ ихъ всенародной казни. Этотъ случай отбилъ охоту доносить на Мазепу. Тѣмъ сильнѣе былъ гнѣвъ и огорченіе Петра, когда получены были извѣстія о переходѣ Мазепы въ лагерь Карла XII.

Малороссіи подъ своею властію и велъ въ этомъ смыслѣ тайные переговоры со ставленникомъ Карла, польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, обѣщая за то свою помощь Карлу и не переставая въ то же время увѣрять царя въ своей преданности. Онъ въ сущности боялся и не довѣрялъ обѣимъ сторонамъ, но надѣялся достигнуть если не полной, то большей самостоятельности для Малороссіи, а слѣдовательно и для себя, съ подчиненіемъ отдаленной Швеціи. Какъ и всѣ тогда, онъ разсчитывалъ болѣе на успѣхъ „непобѣдимаго" Карла, чѣмъ Петра, и опасался разгрома Малороссіи войсками шведскаго короля. Съ другой стороны, положеніе дѣлъ въ Малороссіи также подавало Мазепѣ нѣкоторыя надежды на осуществленіе его стремленій. Тамъ давно уже въ населеніи шло броженіе и недовольство существующими порядками. Масса простого народа, правда, попрежнему, памятуя панское иго, тянула своими симпатіями къ единовѣрной Москвѣ, но и она теперь была недовольна тяготами военнаго времени, налогами и повинностями. Что касается руководящихъ классовъ, или такъ называемой „казачьей старшины", то она, въ большинствѣ, по старому была настроена противъ Москвы, контролировавшей ея власть гораздо больше, чѣмъ то было при аристократическомъ строѣ правленія въ эпоху польскаго владычества. Значительная часть казаковъ тоже была недовольна тяжестью воинской службы и московскими порядками, стѣснявшими ихъ „вольности".

Въ разсчетѣ на нихъ и на казацкую старшину, Мазепа и рѣшился, наконецъ, въ критическій моментъ, когда ему пришлось выбирать между Петромъ и Карломъ, принять сторону послѣдняго, тѣмъ болѣе, что до него дошелъ сильно взволновавшій его слухъ о желаніи Меншикова быть гетманомъ въ Малороссіи. Съ отрядомъ въ 2 т. казаковъ Мазепа пріѣхалъ въ шведскій лагерь и здѣсь присягнулъ на Евангеліи, что „для общаго добра всей Малороссіи и войска запорожскаго принялъ протекцію короля шведскаго". Извѣщая объ этомъ малороссіянъ, онъ обратился къ нимъ съ призывомъ присягать Карлу XII, который, по его словамъ, обѣщалъ „не только сохранить, но и расширить вольности и права" народа, тогда какъ Петръ „хочетъ всѣхъ казаковъ обратить въ драгуны и народъ поработить на вѣки". Но прежде чѣмъ эти призывы и даже самая вѣсть объ измѣнѣ Мазепы распространилась по Малороссіи, всего черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Мазепы къ Карлу, Меншиковъ, по приказу Петра, уже взялъ штурмомъ и сжегъ столицу гетмана Батуринъ, гдѣ всего больше было приверженцевъ Мазепы. Богатая казна гетмана попала въ руки царя; большіе запасы артиллеріи и амуниціи, хранившіеся въ Батуринѣ,

были захвачены Меншиковымъ, хлѣбные магазины сожжены. Это былъ сильный ударъ для Мазепы, да и для самого Карла, не успѣвшаго вовремя придти на помощь Батурину или захватить его въ свои руки. Войсковая старшина и казаки не рѣшились идти за Мазепой и черезъ недѣлю, по предложенію царя, уже избрали себѣ новаго гетмана (Ивана Скоропадскаго). По всѣмъ церквамъ въ Малороссіи и въ Москвѣ духовенство, по распоряженію Петра, торжественно предало Мазепу анаѳемѣ, какъ „новаго Іуду" и измѣнника *). Кромѣ того Петръ обратился къ малороссіянамъ съ манифестомъ, въ которомъ, извѣщая объ измѣнѣ Мазепы, обѣщалъ имъ разныя милости и льготы, указывалъ на грабежи и разбои шведскаго войска, разорявшаго церкви, не щадившаго женщинъ и дѣтей и пр. Карлъ XII тоже издалъ манифестъ, въ которомъ порицалъ нововведенія Петра и говорилъ о намѣреніи его ввести всюду католическую вѣру. Баснѣ этой никто, однако, не повѣрилъ, народныя массы вовсе не желали переходить въ подданство иновѣрцу и иноплеменнику, а на участившіяся дѣйствительно въ эту пору грабежи оголодавшаго шведскаго войска отвѣтили партизанской войной, скрывали хлѣбные запасы и лошадей отъ шведовъ, истребляли враговъ по-одиночкѣ и т. д. Только одни запорожцы откликнулись на призывъ Мазепы и съ безчестіемъ прогнали отъ себя царскихъ посланцевъ, пріѣхавшихъ къ нимъ съ деньгами и обѣщаніемъ разныхъ льготъ. Послѣ жаркой схватки, въ которой погибло большинство запорожцевъ, Сѣчь была разорена войсками Меншикова **). Положеніе Карла, оставшагося безъ союзниковъ во враждебной странѣ, стало очень тяжелымъ, хотя онъ, по своей обычной самонадѣянности, и не сознавалъ этого. На совѣты

---

*) Вмѣстѣ съ этимъ изъ Кіева было выслано много русскихъ уроженцевъ Литвы и Польши, преимущественно студентовъ Кіево-Могилевской коллегіи, проживавшихъ въ Братскомъ монастырѣ и подозрѣвавшихся въ агитаціи въ пользу Мазепы.

**) Съ такой же безпощадной энергіей усмирено было и возникшее незадолго предъ этимъ возстаніе казаковъ на Дону (1708 г.). Возстаніе произошло вслѣдствіе требованія правительства о выдачѣ бѣжавшихъ на Донъ отъ рекрутчины и налоговъ тяглыхъ людей. Шайка „голутвенныхъ" казаковъ, подъ начальствомъ одного изъ старшинъ Булавина, рѣшилась защищать бѣглыхъ отъ выдачи и нечаяннымъ нападеніемъ истребила царскій отрядъ. Вслѣдъ затѣмъ Булавинъ оповѣстилъ всѣхъ, что идетъ на защиту православной вѣры отъ нѣмцевъ и бояръ, и собралъ много гулящаго люда подъ свои знамена. Мятежъ быстро разлился по Дону и его притокамъ. Булавинъ овладѣлъ уже главнымъ казацкимъ городомъ Черкасскомъ. Опасаясь дальнѣйшаго распространенія бунта, особенно опаснаго въ тяжелое время войны со шведами, Петръ послалъ туда довольно значительное регулярное войско подъ начальствомъ кн. Долгорукова. „Сія сарынь (бунтари) кромѣ жесточи (т. е. жестокихъ мѣръ), не можетъ унята быть", писалъ онъ Долгорукому. Нестройные отряды изъ казаковъ и голутвеннаго люда не могли удержаться противъ регулярныхъ войскъ. Булавинъ въ отчаяніи застрѣлился. Долгорукій перевѣшалъ множество бунтовщиковъ и плоты съ повѣшенными пустилъ по рѣкамъ, чтобы навести ужасъ на другихъ. Мятежъ затихъ. Одинъ изъ товарищей Булавина, атаманъ Некрасовъ, съ 2.000 казаковъ и бѣглыхъ ушелъ сначала на Кубань и перешелъ въ подданство къ крымскому хану, а затѣмъ перебрался въ турецкую область Добруджу (на Дунаѣ), гдѣ потомки бѣглецовъ жили подъ названіемъ „некрасовцевъ".

генераловъ и Мазепы отойти въ Польшу и ждать тамъ подкрѣпленій онъ замѣтилъ, что это будетъ похоже на бѣгство, и рѣшилъ двинуться далѣе, къ Полтавѣ, овладѣть этимъ укрѣпленнымъ городомъ и тамъ ждать подкрѣпленій отъ Лещинскаго. Истомленное и упавшее духомъ шведское войско подняло ропотъ. Жажда мира и возвращенія на родину усиливалась въ немъ со дня на день. Но „великій упрямецъ“ — Карлъ былъ непреклоненъ и въ апрѣлѣ 1709 г. осадилъ Полтаву („Если бы самъ Богъ послалъ ангела съ приказомъ отступить отъ Полтавы, я и тогда бы не отступилъ“, говорилъ Карлъ на уговоры окружающихъ). На защиту города спѣшилъ самъ Петръ, рѣшившій наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и приготовленій, дать здѣсь королю „генеральную баталію“. Накапунѣ боя, Карлъ въ ночной рекогносцировкѣ былъ раненъ пулей въ ногу, не могъ сидѣть на конѣ и его возили по рядамъ въ коляскѣ, что еще болѣе уронило духъ войска. А Петръ между тѣмъ велѣлъ прочитать войску знаменательный приказъ, по словамъ современниковъ, сильно воодушевившій солдатъ. „Воины! говорилось въ немъ, пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную вашу вѣру и церковь“. Упомянувъ затѣмъ, что молву о непобѣдимости шведовъ сами же солдаты опровергали не разъ своими побѣдами и что въ предстоящемъ сраженіи нужно уповать на всесильнаго Бога, Петръ заканчивалъ свой приказъ слѣдующими возвышенными словами: *„а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія*, благочестіе, слава и благосостояніе ея“. 27 іюня 1709 г. съ ранняго утра началась знаменитая битва.

Шведы стремительно атаковали нашу конницу и заставили ее отступить, но сами они зарвались и прошли дальше, чѣмъ слѣдовало бы. Этимъ воспользовался Меншиковъ и убійственнымъ огнемъ артиллеріи отрѣзалъ корпусъ Шлиппенбаха отъ главныхъ силъ, смѣлымъ натискомъ смялъ его и заставилъ положить оружіе. Въ 9 часовъ утра бой разгорѣлся уже по всей линіи. Петръ находился въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, всѣмъ распоряжался, всѣхъ направлялъ и лично воодушевлялъ войска. Шляпа его прострѣлена была ружейной пулей, другая пуля засѣла въ сѣдлѣ его лошади, третья сплющилась при ударѣ въ крестъ, который онъ носилъ на груди. Карлъ тоже не щадилъ себя. Въ самомъ разгарѣ боя пушечное ядро ударило въ коляску короля, и онъ упалъ на землю. Всѣмъ показалось, что онъ убитъ. Солдаты, и безъ того уже колебавшіеся, дрогнули. Карлъ велѣлъ посадить себя на скрещенныя пики, но уже страшная молва о смерти короля пронеслась по рядамъ. Все пришло въ замѣшательство. Напрасно Карлъ кричалъ въ отчаяніи: „Шведы! Шведы!“ Никто его не слышалъ,

исчезъ всякій порядокъ. Пѣхота была уже сломлена и началось общее безпорядочное бѣгство. Масса шведовъ была при этомъ перебита, многіе взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ и фельдмаршалъ Реншильдъ, первый министръ Карла XII графъ Пиперъ и четыре генерала.

Жестокій бой продолжался въ общемъ не болѣе двухъ часовъ. Разбитый на-голову, Карлъ съ небольшимъ только отрядомъ изъ шведовъ и запорожцевъ едва успѣлъ вмѣстѣ съ Мазепой переправиться черезъ Днѣпръ и убѣжалъ въ предѣлы Турціи, въ Бендеры. Мазепа вскорѣ отъ испытанныхъ имъ въ это время потрясеній умеръ.

Свыше 9 тысячъ шведовъ легло на полѣ Полтавской битвы, до 17 тысячъ вмѣстѣ съ ген. Левенгауптомъ захвачены были Меншиковымъ въ плѣнъ при преслѣдованіи; остальныя разсѣялись по полямъ и лѣсамъ и тоже большею частію погибли. Побѣда была полная и тѣмъ болѣе радовала Петра, что сопровождалась сравнительно небольшимъ урономъ съ нашей стороны: русскихъ убито было всего 1300 чел. и ранено до 3 тысячъ. Послѣ битвы Петръ велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ, а затѣмъ пировалъ со своими приближенными, пригласивъ къ столу также плѣнныхъ генераловъ и офицеровъ. За обѣдомъ онъ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учители?“ спросилъ фельдмаршалъ Реншильдъ. „Вы, господа шведы“, отвѣчалъ царь. „Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!“ замѣтилъ фельдмаршалъ.

На-утро, послѣ панихиды, погребены были тѣла убитыхъ русскихъ солдатъ. На могильномъ холмѣ Петръ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня“.

Меншиковъ послѣ битвы награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала; Шереметеву, Репнину и другимъ даны были помѣстья и другія награды. Самъ Петръ, числившійся до того лишь полковникомъ, по общей просьбѣ, принялъ чинъ генералъ-лейтенанта.

Извѣщеніе о побѣдѣ было встрѣчено ликованіями по всей Россіи. Въ Москвѣ справляли торжество цѣлую недѣлю — пушечной пальбой, колокольнымъ звономъ, „потѣшными огнями“, т. е. иллюминаціей по вечерамъ и пр. Въ декабрѣ тамъ же былъ устроенъ тріумфъ для гвардейскихъ полковъ: населеніемъ для встрѣчи войскъ устроено было семь тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ золотомъ, эмблематическими картинами, покрытыхъ надписями.

Значеніе Полтавской битвы. Побѣда при Полтавѣ имѣла крупное значеніе въ судьбахъ и дальнѣйшей исторіи Россіи. Изъ ранѣе бывшихъ битвъ въ параллель съ нею можно поставить развѣ только Куликовскую. Какъ та пріостановила движеніе азіатовъ на Россію и положила начало поступательному движенію на востокъ, такъ и побѣда при Полтавѣ остановила попытку западно-европейцевъ въ лицѣ Карла XII утвердить свою гегемонію надъ Россіей и распоряжаться ея судьбами. Наоборотъ, Россія, оградивъ свою самостоятельность, перешла теперь сама въ наступленіе и отбираетъ у западныхъ сосѣдей

не только свои прежнія области, но и двигается дальше въ ихъ собственныя владѣнія. И какъ Куликовская битва не была случайнымъ эпизодомъ въ борьбѣ татаръ и русскихъ, но результатомъ предшествующей дѣятельности князей и накопленія силъ въ населеніи, такъ и побѣда при Полтавѣ не имѣла характера случайнаго успѣха въ борьбѣ съ Карломъ, но явилась результатомъ и завершеніемъ девятилѣтней работы Петра надъ преобразованіемъ войска и самой Россіи. Въ ту пору, какъ Карлъ, увлекаясь дѣятельностью полководца, бросилъ свое государство на произволъ судьбы и цѣлыхъ девять лѣтъ провелъ на чужбинѣ, съ оторваннымъ отъ родины и наконецъ заскучавшимъ по ней и истощеннымъ лишеніями войскомъ, Петръ во все время войны, устраивая войска, не переставалъ заботиться объ администраціи и законодательствѣ, совершенствовалъ, насколько это было возможно и необходимо для военныхъ цѣлей, внутренній строй страны. Полтавская битва явилась, такимъ образомъ, отпоромъ, который обновленная геніемъ Петра страна дала надвигавшейся на нее грубой военщинѣ. Торжество Петра и было результатомъ этого обновленія и вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливало собою дальнѣйшее внутреннее развитіе Россіи. Пораженіе Петра влекло бы за собою гибель его реформъ и торжество реакціи. Въ этомъ смыслѣ имѣетъ силу замѣчаніе Вольтера (въ его „Исторіи Петра Великаго“), что Полтава это единственное въ исторіи сраженіе, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества, ибо оно предоставило Петру необходимый просторъ, чтобы идти далѣе по пути преобразованій.

Являясь результатомъ взаимоотношенія и соотвѣтственнаго напряженія внутреннихъ и внѣшнихъ силъ двухъ соперничавшихъ на сѣверѣ державъ, побѣда при Полтавѣ въ сущности уже предрѣшила весь дальнѣйшій исходъ войны, не взирая на всѣ ея послѣдующія осложненія. Швеція съ той поры должна была уступить свое мѣсто Россіи и изъ первоклассной военной державы обратиться во второстепенную. Полтава закрѣпила за Россіей завоеванные доселѣ берега Балтики и положила, по выраженію самого Петра, „крѣпкій камень въ основаніе Петербурга“. Для державъ Запада, дотолѣ сомнѣвавшихся въ устойчивости и крѣпости Россіи, Полтава послужила яркимъ и неоспоримымъ доказательствомъ военной силы Россіи, храбрости ея солдатъ, умѣнья ея полководцевъ, достаточности ея матеріальныхъ и моральныхъ средствъ, чтобы успѣшно бороться съ любой европейской державой. Въ послѣднемъ отношеніи, можно сказать, ни одна битва, ни прежде, ни послѣ, не приносили для Россіи такихъ осязательныхъ и важныхъ результатовъ; послѣ побѣды надъ „непобѣдимымъ сѣвернымъ Александромъ“ Россія какъ-то сразу выросла во мнѣніи Западной Европы. Ея стали не только бояться, какъ грозной военной силы, но въ ней стали заискивать, съ ней считаться, какъ съ выростающей во всеоружіи новой культурной силой Европы. Въ лицѣ Россіи выступило теперь на сцену европейской исторіи и приняло участіе въ обще-европейскихъ событіяхъ славянское племя, въ качествѣ равноправнаго и вліятельнаго члена въ семьѣ романскихъ и германскихъ народностей, доселѣ безконтрольно распоряжавшихся судьбами Западной Европы.

Вліяніе Полтавской побѣды на ходъ военныхъ дѣйствій и отношенія державъ между собою сказалось сейчасъ же, какъ только разнеслась вѣсть о ней по Западной Европѣ. Станиславъ Лещинскій поспѣшилъ уѣхать изъ Польши. Польскіе паны, избравшіе Лещинскаго подъ давленіемъ Карла, перешли на сторону Августа, который и занялъ снова польскій престолъ и возобновилъ союзъ съ Петромъ. Зашевелилась и присмирѣвшая было Данія. Раньше, несмотря на всѣ успѣхи Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, датскій король затруднялся примкнуть къ Петру даже при обѣщаніяхъ помощи деньгами и солдатами, требуя себѣ черезчуръ большой субсидіи. Теперь переговоры разомъ наладились. Данія примкнула къ союзу съ Россіей уже безъ всякихъ субсидій. „Не далъ я ничего: ни человѣка, ни шелега!“ съ восторгомъ писалъ Петру нашъ посланникъ въ Копенгагенѣ (Долгорукій). Появился и новый союзникъ у Россіи—король прусскій (Фридрихъ I), заключившій, впрочемъ, съ Петромъ только оборонительный союзъ. Свидѣвшись съ каждымъ изъ союзниковъ, Петръ Великій началъ осаду Риги, которая вскорѣ (въ 1710 г.) и сдалась Шереметеву. Вслѣдъ затѣмъ покорены были Ревель и Выборгъ. Петербургъ теперь былъ огражденъ со всѣхъ сторонъ („Съ Выборгомъ Петербургу приготовлена покойная подушка“, говорилъ Петръ). Чтобы закрѣпить за собою отвоеванныя у Швеціи провинціи—Эстляндію и Лифляндію и привлечь населеніе на свою сторону, Петръ обѣщалъ сохранить неприкосновенными порядки внутренняго устройства, вѣру (лютеранскую), судъ, языкъ (нѣмецкій) и всѣ привилегіи дворянъ и горожанъ. Вліяніе свое Петръ распространилъ и на Курляндію, выдавъ свою племянницу Анну Іоанновну (дочь Іоанна V) замужъ за курляндскаго герцога. Когда тотъ умеръ, правительницей Курляндіи назначена была Анна Іоанновна, но фактически всѣмъ въ герцогствѣ распоряжался Петръ, не стѣсняясь тѣмъ, что Курляндія числилась въ ленной зависимости отъ Польши. Въ самой Польшѣ Петръ пріобрѣлъ также преобладающее вліяніе на дѣла и, чтобы еще болѣе усилить его и имѣть въ своихъ рукахъ безпокойныхъ пановъ, держалъ тамъ постоянно свои войска, подъ видомъ защиты короля Августа.

Успѣхи Россіи, завоеваніе балтійскаго побережья, вліяніе ея на сосѣдей сильно обезпокоили Францію, которая вела (почти съ самаго начала Великой Сѣверной войны) тяжелую войну съ коалиціей западныхъ державъ за испанское наслѣдство и боялась, какъ бы новая сила, выроставшая на востокѣ въ лицѣ Россіи, не умножила еще болѣе число враговъ. Въ виду этого ея дипломатія давно уже возбуждала противъ Россіи Турцію, пугая ее усиленіемъ Россіи на Азовскомъ и даже Черномъ

морѣ послѣ занятія Азова и перспективой союза Россіи и Польши съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы и пр. Когда Карлъ XII послѣ пораженія подъ Полтавой бѣжалъ въ Турцію, къ интригамъ Франціи прибавились еще интриги шведовъ и Станислава Лещинскаго, спеціальный посланникъ котораго увѣрялъ султана, что, одолѣвши шведовъ, царь намѣренъ теперь начать войну съ Турціей и поднять противъ нихъ подвластныхъ ей грековъ и славянъ и другіе народы.

Въ свою очередь Петръ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Турція дала пріютъ его непримиримому врагу Карлу и, послѣ нѣсколькихъ напоминаній объ этомъ, самъ намѣренъ былъ угрозою войны вынудить Турцію выслать Карла изъ своихъ предѣловъ. Турція однако предупредила его и, посадивъ русскаго посла въ Константинополѣ Толстого, вопреки международнымъ обычаямъ, въ семибашенный замокъ, объявила Россіи войну. Такимъ образомъ въ ходѣ великой сѣверной войны возникло крайне серьезное осложненіе.

Прутскій походъ. Начиная войну съ Турціей, Петръ не могъ разсчитывать на союзниковъ. Данія была далеко и не интересовалась турецкими дѣлами, Августъ самъ держался только помощію Петра. Приходилось разсчитывать только на собственныя силы, да еще развѣ на христіанъ Балканскаго полуострова, съ трудомъ переносившихъ турецкое иго и, какъ доносили Петру, готовыхъ къ возстанію. Въ виду этого и не желая подвергать югъ Россіи вторичному разоренію отъ новыхъ враговъ, Петръ рѣшилъ перенести войну во владѣнія самой Турціи и во главѣ 40 тыс. войска (больше онъ не могъ отдѣлить отъ своей арміи, нужной для охраны западныхъ границъ и завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ) самъ двинулся къ Дунаю (1711 г.). Чрезъ своихъ агентовъ царь поднималъ противъ Турціи черногорцевъ и другихъ славянъ; молдавскій господарь Кантеміръ обѣщалъ свою помощь Петру припасами и войскомъ; господарь Валахіи (Бранкованъ) тоже готовъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ русскими. Надѣясь на нихъ, Петръ повторилъ ошибку Карла, углубившагося въ Малороссію въ разсчетѣ на Мазепу, и очутился въ критическомъ положеніи. Кантеміръ хотя и соединился съ войсками Петра, но припасовъ не могъ доставить; валашскій господарь и совсѣмъ не рискнулъ перейти на сторону Петра, опасаясь разгрома отъ двинувшейся на встрѣчу русскимъ 200 тыс. турецкой арміи подъ начальствомъ великаго визиря. Помѣшать переправѣ турокъ черезъ Дунай не удалось. Русское войско было истощено отъ недостатка продовольствія въ разоренной странѣ и страшныхъ жаровъ на югѣ. Петръ рѣшилъ отступить и вернуться въ Россію, но было уже поздно. На берегахъ Прута турки окружили малочисленное

русское войско и преградили ему путь къ отступленію. Первые натиски турецкихъ войскъ и стремительныя атаки янычаръ русскіе успѣшно отразили съ мужествомъ отчаянія и успѣли даже наскоро возвести кругомъ лагеря укрѣпленія. Стойкость русскаго солдата и боевая подготовка регулярныхъ Петровыхъ войскъ сказались здѣсь какъ нельзя лучше, и это весьма обезкуражило турокъ.

Положеніе тѣмъ не менѣе было отчаянное; войско было истомлено битвой и зноемъ, съѣстные припасы подходили къ концу, помощи ждать было неоткуда, пробиться сквозь турецкій лагерь, при громадномъ неравенствѣ силъ, представлялось невозможнымъ, царю Россіи грозила смерть въ бою или плѣнъ. Мелькнула однако слабая надежда на мирные переговоры съ визиремъ: отъ плѣнныхъ турокъ узнали, что и въ арміи визиря царитъ уныніе, что янычары, сильно пострадавшіе при ожесточенныхъ схваткахъ съ русскими, ропщутъ и отказываются отъ продолженія военныхъ дѣйствій.

Находившейся вмѣстѣ съ Петромъ въ лагерѣ, второй супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ пришло, какъ говорили, на мысль, попробовать подкупить визиря подарками *). Она отдала при этомъ всѣ бывшіе съ нею бриллианты и другія драгоцѣнности, собрали затѣмъ все золото, какое нашлось въ лагерѣ, и вооруженный этими аргументами посланецъ Петра Шафировъ, прославившійся и ранѣе своей хитростію и ловкостію, съ небольшой свитой отправился въ лагерь визиря. Петръ уполномочилъ его не только отказаться отъ завоеваній въ Турціи — Азова и др. городовъ съ побережьемъ, но если будутъ особенно настаивать, то и отъ части завоеваній въ Прибалтикѣ, пригрозивъ, въ случаѣ отказа отчаяннымъ сопротивленіемъ войска. Сверхъ ожиданія, визирь оказался болѣе сговорчивымъ, чѣмъ думали, и заботился только объ интересахъ Турціи, но не Швеціи. Видимо, отпоръ, данный русскими его войску, а также ловкость Шафирова и привезенные имъ подарки склонили его къ уступчивости.

Послѣ двухдневныхъ переговоровъ великій визирь согласился на миръ, подъ условіемъ возвращенія Азова, разоренія Таганрога и другихъ укрѣпленій, построенныхъ русскими по низовью Дона, и невмѣшательства въ польскія дѣла.

Королю Карлу предоставлялся свободный проѣздъ на родину чрезъ Польшу и русскія владѣнія. Турки требовали было выдачи Кантеміра, но Петръ наотрѣзъ отказался отъ этого: „отступать отъ чести то же, говорилъ онъ, что не быть государемъ“.

Карлъ XII былъ въ Бендерахъ, когда ему донесли о заключеніи мира; немедленно онъ поскакалъ въ лагерь визиря, но было уже поздно: русскіе полки съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ выходили изъ западни, въ которую неосторожно попали. По навѣтамъ Карла и его доброжелателей среди приближенныхъ султана визирь дорого поплатился за пріемъ подарковъ: его сослали на островъ Лем-

---

*) Объ участіи Екатерины въ переговорахъ и ея заслугахъ въ данномъ случаѣ упомянулъ потомъ самъ Петръ, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, короновалъ ее императрицей.

носъ; нѣкоторые изъ сановниковъ, участвовавшихъ въ заключеніи мира, были казнены. Утвержденіе мирныхъ условій султаномъ замедлилось на цѣлыхъ два года (окончательно миръ былъ заключенъ въ Адріанополѣ въ 1713 г.), благодаря настояніямъ Франціи, крымскаго хана и Карла XII, пока наконецъ послѣдній не надоѣлъ султану своими постоянными претензіями и его не выслали силой изъ предѣловъ Турціи (осенью 1714 г.).

Петръ былъ очень огорченъ потерей Азова съ побережьемъ и могъ утѣшиться лишь тѣмъ, что теперь у него были развязаны руки на сѣверѣ. Прутскій походъ замедлилъ для насъ обладаніе Чернымъ моремъ и тѣмъ не менѣе имѣлъ важное значеніе въ исторіи восточнаго вопроса, такъ какъ при немъ впервые, хотя и неудачно, удалось подвинуть христіанъ на возстаніе противъ турокъ и пробудить у безправной райи надежды на помощь съ сѣвера. Что касается вліянія его на событія на сѣверѣ, то Прутъ былъ только временной остановкой въ борьбѣ Россіи и Швеціи за обладаніе Балтикой и не могъ уничтожить результатовъ Полтавы. Борьба, правда, затянулась, но шла и далѣе съ неизмѣннымъ перевѣсомъ въ сторону Россіи.

Окончаніе Великой Сѣверной войны. Ништадтскій миръ. По окончаніи Прутскаго похода Петръ неоднократно (въ 1711, 1712, 1716 и 1717 гг.) ѣздилъ за границу, чтобы отдохнуть и полечиться послѣ трудовъ и лишеній во время тяжелой войны и для свиданій съ своими союзниками и другими государями по вопросу о Швеціи. Во время этихъ путешествій онъ былъ центромъ общаго вниманія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ очевидностію выяснилъ, что Западная Европа въ общемъ настроена довольно враждебно по отношенію къ Россіи и ея возрастающему могуществу, но что, съ другой стороны, державы настолько иногда рознятъ другъ съ другомъ, что общее соглашеніе между ними невозможно. Боясь и ненавидя Россію, они въ то же время въ ней заискивали, искали ея союза, чтобы лучше осуществить на счетъ другихъ свои эгоистическія стремленія. Изъ союзниковъ ближе другихъ къ Россіи оказалась Пруссія, такъ какъ интересы этихъ двухъ странъ мало расходились, и наоборотъ прусскій король разсчитывалъ при успѣхѣ Россіи (и Петръ его въ этомъ поддерживалъ) на земельныя пріобрѣтенія въ Помераніи. Зато Данія, зарившаяся на ту же Померанію и опасавшаяся въ то же время преобладанія Россіи на Балтійскомъ морѣ, вела себя крайне двусмысленно. Къ числу тайныхъ недруговъ прибавилась Англія, флотъ которой не разъ былъ посылаемъ въ Балтійское море съ цѣлію если не прямо и открыто, то хотя бы самымъ фактомъ его появленія помочь Швеціи, запугать ея противника морской демонстраціей. И другая крупная морская сила того времени—Голландія завидовала Россіи

и вмѣстѣ съ Англіей пыталась ограничить плоды ея побѣдъ, настойчиво совѣтуя царю проявить умѣренность и склонность на миръ съ Швеціей, не обезсиливая ея отнятіемъ владѣній. Это вынудило Петра (еще въ 1713 году) довольно рѣшительно заявить, что онъ готовъ быть умѣреннымъ, если и посредники проявятъ то же качество и оставятъ скрытыя угрозы; „въ противномъ случаѣ я вотъ что̀ сдѣлаю: разорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, да такъ, что камня на камнѣ не останется; тогда ни шведу, ни другимъ претензіи будетъ имѣть не къ чему". Эти и подобныя заявленія Петра и его посланниковъ охлаждали порывы завистниковъ и недруговъ, но тѣмъ не менѣе интриги и тайное пособничество державъ побуждали Швецію къ дальнѣйшему сопротивленію и затянули войну на цѣлыхъ десять лѣтъ. Свое вниманіе Петръ обратилъ теперь на завоеваніе Финляндіи съ тою между прочимъ цѣлію, какъ онъ говорилъ, „чтобы было что шведамъ при мирѣ уступить. А затѣмъ Финляндія — матка Швеціи, отсюда идетъ къ нимъ мясо, дрова и пр., забрать ее, такъ шведская шея легче гнуться будетъ". Русскія войска быстро взяли Гельсингфорсъ, Або и заняли почти всю Финляндію. Но самымъ значительнымъ дѣломъ Петра была въ эту пору морская побѣда при *Гангудъ* (1714 г.), при чемъ шведскій флотъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, русскіе взяли въ плѣнъ нѣсколько кораблей и шведскаго адмирала. Петру устроенъ былъ въ Петербургѣ торжественный въѣздъ въ городъ, сенатъ провозгласилъ его за это славное дѣло вице-адмираломъ.

Вскорѣ послѣ этого Карлъ возвратился изъ Турціи и проѣхалъ въ Померанію, пытаясь остановить своимъ участіемъ въ битвахъ успѣхи враговъ. Но и его военный геній не могъ уже исправить безнадежно испорченнаго дѣла.

Петръ между тѣмъ уѣхалъ заграницу (1716 г.), между прочимъ съ цѣлію подговорить державы сдѣлать морскую демонстрацію противъ Швеціи или даже высадить десантъ на ея берегахъ, чтобы склонить къ миру несговорчиваго Карла, выставлявшагося главнымъ виновникомъ новой затяжки войны. Въ Копенгагенѣ сошлись суда четырехъ державъ—Россіи, Даніи, Голландіи и Англіи, при чемъ Петру вручено было общее командованіе соединенной эскадрой. Это былъ большой почетъ Петру, обусловливавшійся не только значеніемъ Россіи или положеніемъ царя, но и его общепризнанными познаніями въ морскомъ дѣлѣ—бывшій ученикъ голландцевъ и англичанъ стоялъ теперь, какъ спеціалистъ морского дѣла, выше своихъ учителей, во главѣ адмираловъ самыхъ важныхъ морскихъ державъ того времени *). Вслѣдствіе

*) Въ память этого была даже выбита медаль съ изображеніемъ Петра на одной сторонѣ, а на другой бога морей Нептуна съ 4-мя флагами въ рукѣ и съ надписью: „владычествуетъ четырьмя".

несогласія между союзниками, изъ которыхъ двое приняли участіе въ демонстраціи только затѣмъ, чтобы лишить ее остраго характера и значенія явно направленнаго противъ Швеціи акта, демонстрація ограничилась прогулкой къ берегамъ Швеціи, при чемъ шведскій флотъ укрылся въ одной изъ гаваней, высадки же десанта не состоялось. Довольный почетомъ, но недовольный этимъ „болтаніемъ втуне", Петръ уѣхалъ изъ Даніи, и послѣ пребыванія въ Голландіи направился въ Парижъ (1717 г.), куда его давно приглашали и гдѣ онъ самъ разсчитывалъ заключить соглашеніе съ регентомъ страны герцогомъ Орлеанскимъ, управлявшимъ государствомъ за малолѣтствомъ Людовика XV, съ цѣлію отклонить французское правительство отъ союза съ Швеціей*). Въ Парижѣ онъ обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ желали посмотрѣть на царя, слава о которомъ прогремѣла по всей Европѣ. Удивлялись необычной до того времени простотѣ привычекъ и одежды Петра, восхищались его умомъ, знаніями, быстрой сообразительностію и находчивостью. Петръ весьма тщательно осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Парижа, не забывая въ то же время главной цѣли своего пребыванія здѣсь. Соглашенія съ Франціей относительно Швеціи онъ не достигъ, но между правительствами обѣихъ странъ установились съ той поры болѣе близкія отношенія, что отразилось вскорѣ и на отношеніяхъ Карла XII къ Петру I.

При всемъ своемъ феноменальномъ упрямствѣ Карлъ наконецъ убѣдился, что ему не на кого надѣяться въ борьбѣ съ Петромъ, а своими собственными силами ослабленной и истощившейся Швеціи уже не побороть своего могучаго противника. Одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ Карлу людей баронъ Герцъ давно уже доказывалъ, что выгоднѣе войти въ отдѣльное соглашеніе съ Россіей и что, сдѣлавъ Петру нѣкоторыя уступки, Швеція удержитъ за собою по крайней мѣрѣ свои германскія владѣнія. Карлъ склонился наконецъ къ этой мысли и началъ мирные переговоры съ Россіей. Но они вскорѣ были прерваны внезапной смертію Карла, убитаго ружейной пулей при осадѣ одной крѣпости (Фридрисгаля въ Норвегіи, которая въ ту пору принадлежала Даніи). При дворѣ новой правительницы, сестры покойнаго короля (Ульрики-Элеоноры), находившейся подъ вліяніемъ ненавидѣв-

*) О томъ же Петръ велъ переговоры съ англійскимъ королемъ, а дипломатіи своей далъ приказъ завести сношенія съ Испаніей. И тѣ и другіе переговоры не дали осязательныхъ результатовъ, да Петръ ихъ, повидимому, и не добивался, понимая положеніе дѣлъ въ Европѣ. Онъ не давалъ только устроиться соглашенію державъ противъ Россіи. При общемъ тогда соперничествѣ и разнообразіи интересовъ, при опасеніяхъ державъ, какъ бы сосѣди не вступили въ тайный сепаратный договоръ съ Россіей, каждая изъ нихъ готова была сблизиться съ Россіей, если не для союза, то съ цѣлію избѣжать непріятной перспективы очутиться въ лагерѣ ея открытыхъ противниковъ и, слѣдовательно, потерпѣть ущербъ. И Петръ, видимо, сознавалъ свою силу. Всѣ замѣтили, что въ послѣднія свои путешествія (1716—1717 гг.) онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, „какъ диктаторъ". Западно-европейская печать приписывала ему въ это время самые чудовищные завоевательные планы, еще болѣе усиливая общій страхъ предъ нимъ.

шей Россію шведской аристократіи, восторжествовало мнѣніе противниковъ Герца, находившихъ, что выгоднѣе сдѣлать уступки другимъ державамъ въ германскихъ владѣніяхъ Швеціи, чтобы съ ихъ помощію возвратить завоеванное Россіей. Герца даже казнили, какъ измѣнника. Война возобновилась. Шведы сильно разсчитывали между прочимъ на помощь Англіи. Она дѣйствительно отправила свой флотъ въ Балтійское море, думая этимъ запугать Петра. Но это нисколько не смутило царя, уже знавшаго цѣну подобнымъ демонстраціямъ. На глазахъ англичанъ онъ спокойно высаживалъ свои войска на шведскіе берега и перенесъ войну уже въ самое сердце страны. Русскія войска опустошили окрестности Стокгольма, выжгли нѣсколько городовъ и множество селеній, истребили часть мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, которыми издавна гордились шведы. Обезсиленная до послѣдней степени, Швеція наконецъ сама стала просить мира, который и былъ заключенъ 30 августа 1721 года въ *Ништадтѣ*. По этому миру Россія пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, Карелію и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ; остальная Финляндія была возвращена Швеціи, какъ „уступка“ ея требованіямъ. Такимъ образомъ Балтійское побережье, предметъ давнихъ стремленій московскихъ государей, начиная съ Іоанна Грознаго, стало русскимъ достояніемъ съ цѣлымъ рядомъ важныхъ торговыхъ гаваней (Рига, Ревель и др.). Петербургъ, съ 1713 года провозглашенный столицей Россіи, вмѣсто Москвы, былъ со всѣхъ сторонъ, и съ суши и съ моря, огражденъ отъ нападеній русскими владѣніями *).

Извѣстіе о заключеніи мира Петръ получилъ по пути въ Выборгъ и немедленно возвратился въ Петербургъ на небольшомъ суднѣ, безпрестанно стрѣляя изъ пушекъ. Значеніе этого сигнала было сразу понято жителями столицы — всѣ уже ждали радостной вѣсти. Около

---

*) Петербургъ еще при Петрѣ началъ обстраиваться, хотя низкая и болотистая мѣстность, на которой онъ расположенъ, ставила сильныя препятствія этому. Петръ положилъ не мало трудовъ на то, чтобы поднять почву, прорытіемъ каналовъ осушить ее и предохранить новый городъ отъ наводненій. Ежегодно, по приказу Петра, смѣнялись десятки тысячъ рабочихъ, высылавшихся изъ внутреннихъ областей государства для постройки Петропавловской крѣпости, разныхъ казенныхъ зданій, прорытія каналовъ и пр. На тѣ же работы употреблялись и плѣнные шведы. Много рабочихъ погибло при этомъ отъ болѣзней и лишеній разнаго рода. Наиболѣе населенною частью города при Петрѣ I была такъ называемая нынѣ Петербургская сторона, тамъ находилась крѣпость, церковь Св. Троицы, небольшой деревянный домикъ, гдѣ жилъ въ первое время Петръ (онъ хранится и донынѣ подъ навѣсомъ при часовнѣ Спасителя), гостиный дворъ и зданіе сената. Вдали отъ тогдашняго центра города, на берегу Невы, построена была лавра, въ главную церковь которой перенесены были изъ Владиміра на Клязьмѣ мощи св. Александра Невскаго. На Васильевскомъ острову высились палаты Меншикова и дома нѣсколькихъ купцовъ. Невскій проспектъ заселенъ былъ только въ самомъ началѣ отъ Адмиралтейства, гдѣ строились корабли для балтійскаго флота. На Дворцовой площади виднѣлся двухъэтажный „дворецъ“ Петра, а въ только что разведенномъ Лѣтнемъ саду былъ другой дворецъ, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ. По Фонтанкѣ въ густомъ лѣсу были *дачи* Чернышева, Апраксина и др. лицъ.

Троицкаго собора собрались толпы. Отслуживъ благодарственный молебенъ, Петръ вышелъ на площадь, велѣлъ выкатить изъ сосѣдней австеріи (трактира) бочки съ виномъ и пивомъ и, наливъ ковшъ съ виномъ, поздравилъ всѣхъ съ окончаніемъ тяжелой и долгой войны и выпилъ за здоровье народа, который отвѣчалъ громкими криками: „Да здравствуетъ Государь!“ Съ крѣпости раздались пушечные выстрѣлы. По городу съ извѣстіями о мирѣ ѣздили драгуны и трубачи съ бѣлыми черезъ плечо перевязями, со знаменами и лавровыми вѣтвями въ рукахъ. 20 октября Петръ объявилъ въ сенатѣ амнистію многимъ преступникамъ и сложеніе недоимокъ съ начала войны и по 1718 годъ. 22 октября послѣ обѣдни въ Троицкомъ соборѣ торжественно былъ прочитанъ мирный договоръ. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ проповѣди описалъ знаменитыя дѣла царя. Затѣмъ подошли къ Петру сенаторы и канцлеръ Головкинъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ между прочимъ, что трудами царя „всѣ мы изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“, и просилъ Петра отъ лица всѣхъ принять титулъ „Отца отечества“, „Великаго“ и „Императора Всероссійскаго“. Петръ отвѣчалъ, что „должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой“ и принялъ только титулъ „Императора Всероссійскаго“; съ той поры установлена слѣдующая форма его царскаго титула: „Божіею милостію, Мы, Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“.

Въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ Москвѣ заключеніе мира отпраздновано было кромѣ того цѣлымъ рядомъ пировъ, маскарадовъ и фейерверковъ. Между прочимъ въ Москвѣ возили по улицамъ на саняхъ 50 судовъ, сдѣланныхъ изъ легкихъ досокъ, но съ мачтами, парусами и пушками. На нѣкоторыхъ стояли, какъ бы командуя ими, адмиралы и другіе морскіе чины. На одномъ изъ судовъ ѣхалъ самъ Петръ; мальчики въ качествѣ матросовъ лазали по лѣстницамъ, поднимали и опускали паруса. Императрица и другія дамы ѣхали въ крытыхъ баржахъ, выходя по временамъ на палубу въ дорогихъ маскарадныхъ уборахъ, блестѣвшихъ дорогими каменьями. Эти и подобныя зрѣлища собирали на улицахъ безчисленныя толпы народа.

Петръ I принялъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира титулъ Императора Всероссійскаго *) въ ознаменованіе того важнаго значенія, какое пріобрѣла теперь Россія въ Европѣ, какъ главная держава на сѣверѣ, и перемѣнъ, совершавшихся въ самой Россіи. Самое названіе страны Петръ не желалъ связывать болѣе съ именемъ той или иной столицы. Еще во время войны сдѣлано было распоряженіе, чтобы Рос-

---

*) На Западѣ до той поры признавали титулъ императора за однимъ лишь императоромъ Священной Римской имперіи. О Петрѣ въ политическихъ памфлетахъ Запада давно уже говорилось, что онъ хочетъ создать новую восточную римскую имперію. Петръ однако придалъ титулу національный, чисто русскій характеръ, желая возвысить этимъ титуломъ не себя, но страну. На Западѣ новый титулъ государя Россіи признали не сразу. Только Пруссія и Нидерланды сдѣлали это немедленно; Швеція—въ 1723 г.; Англія и Австрія стали принимать его лишь съ 1742 г.; а Франція и Испанія съ 1745 г.

сія въ курантахъ, т. е. газетахъ, не называлась болѣе Московскимъ, а только Россійскимъ государствомъ. Ништадтъ закрѣпилъ результаты Полтавы. Россія теперь окончательно вступила въ систему европейскаго политическаго міра и, получивъ свободу сообщенія съ Западомъ, связывала себя съ другими державами общими интересами и совмѣстными дѣйствіями.

Война съ Персіей. Установивъ положеніе страны въ Европѣ и ея отношенія къ Западу, Петръ немедленно же по заключеніи Ништадтскаго мира, принялся за дѣла Востока, имѣя въ виду главнымъ образомъ его значеніе для русской торговли. Еще ранѣе съ той же цѣлью онъ производилъ развѣдки о водныхъ путяхъ въ Индію (миссія Волынскаго въ Персію въ 1715 г. и Бековича-Черкасскаго въ Хиву въ 1716 г.). Теперь онъ обратилъ особенное вниманіе на Каспійское побережье и объявилъ *войну Персіи* за обиду и грабежи, причиненные въ Шемахѣ русскимъ купцамъ. Въ 1722 г. Окою и Волгою Петръ спустился въ Каспійское море, взялъ Дербентъ и Баку. По мирному договору съ Персіей въ 1723 г. шахъ вынужденъ былъ уступить Россіи все западное побережье Каспійскаго моря*). Это была послѣдняя война въ царствованіе Петра Великаго.

Внутренняя дѣятельность Петра Великаго.

Внутренняя дѣятельность Петра Великаго проявилась въ цѣломъ рядѣ преобразованій, предпринятыхъ въ самый разгаръ Великой Сѣверной войны и завершенныхъ уже послѣ ея окончанія. Первый толчокъ этимъ преобразованіямъ дала сама война, потребовавшая переустройства арміи и реформы дворянскихъ службъ и въ связи съ этимъ вызвавшая усиленныя заботы о финансахъ, податную реформу, поощреніе промышленности и торговли, какъ источниковъ народнаго богатства и т. д. Попутно развиваются заботы о новомъ административномъ устройствѣ страны. Реформы эти возникали и проводились сначала безъ опредѣленнаго и ясно обозначеннаго плана и безъ строгаго взаимнаго между ними соотвѣтствія или послѣдовательности, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ военныхъ потребностей мѣста и времени. Въ ходѣ ихъ можно замѣтить только одушевляющую постоянно Петра мысль о народномъ благѣ и стремленіе сблизить Россію съ Европой, поставить ее во всемъ наравнѣ съ культурными странами Запада; отсюда—усиленныя заботы о распространеніи просвѣщенія, о насажденіи начатковъ европейской науки на Руси и пр. Когда успѣхъ войны опредѣлился и тяготы военнаго положенія уменьшились, Петръ могъ уже болѣе сосредоточиться на дѣлѣ реформъ, внѣ зависимости ихъ отъ военныхъ нуждъ и потребностей, и придать своей преобразовательной дѣятельности извѣстный планъ и систему. Это совершается главнымъ образомъ во вторую половину царствованія и по окончаніи войны.

---

*) При Аннѣ Іоанновнѣ эти области были возвращены Персіи. Охрана ихъ стоила очень дорого, масса солдатъ гибла отъ вреднаго климата, а между тѣмъ при тогдашнемъ бездорожьи эти области оказались совершенно безполезными въ торговомъ отношеніи.

Мѣры по устройству арміи и флота. Военное дѣло было предметомъ особенныхъ попеченій Петра I уже со дня его юности. Заботы о томъ были для него своего рода фамильнымъ преданіемъ. Еще мальчикомъ онъ устраивалъ „потѣшные полки" по образцу того, что наблюдалъ кругомъ себя. Сдѣлавшись царемъ, онъ увидалъ себя обладателемъ довольно значительнаго войска (болѣе 150 тыс.), весьма разнороднаго по своему составу и вооруженію и непостояннаго, за исключеніемъ стрѣльцовъ, да и тѣ занимались не одной службой и кромѣ того были явно ненадежнымъ элементомъ. Возвратясь изъ-за границы, Петръ поспѣшилъ ихъ уничтожить и устроилъ постоянное регулярное войско по западно-европейскому образцу. Солдатамъ даны были нѣмецкіе мундиры, однообразное вооруженіе и сдѣлана обязательной постоянная строевая служба не только въ военное, но и въ мирное время. Окончивъ Великую Сѣверную войну, Петръ уже не распустилъ армію по домамъ, какъ то бывало прежде. Отъ службы освобождали теперь только дряхлость или тяжелыя раны. Содержаніе и вооруженіе войска принято на счетъ казны. Нести военную службу обязаны были теперь не одни дворяне или солдатскія дѣти, но и другіе классы общества, за исключеніемъ духовенства. Купцы могли освобождаться, внося по 100 руб. за каждаго рекрута. Съ крестьянъ же и горожанъ стали производить для пополненія убыли въ войскѣ правильные рекрутскіе наборы (приблизительно брали по одному рекруту съ 75 дворовъ). Два „потѣшныхъ" полка—Преображенскій и Семеновскій получили названіе „гвардіи", остальные полки были армейскіе и гарнизонные. Гвардія пополнялась лучшими солдатами изъ армейскихъ полковъ. Въ ней же начинали обыкновенно свою службу рядовыми дѣти дворянъ. Усиліями Петра къ концу его царствованія создана была въ Россіи очень внушительная по тому времени сила—*210 тыс. регулярной арміи*, по устройству, вооруженію и дисциплинѣ не уступавшей лучшимъ европейскимъ войскамъ, и около 100 тыс. нерегулярной казачьей конницы. Кромѣ того построенъ былъ большой по тому времени *военный флотъ*. Въ немъ считалось 48 большихъ линейныхъ кораблей, до 800 галеръ и мелкихъ судовъ и 28 тыс. матросовъ. Матросовъ вербовали преимущественно изъ среды населенія, жившаго по берегамъ большихъ рѣкъ и слѣдовательно привыкшаго къ водѣ. Такимъ образомъ подъ давленіемъ военныхъ обстоятельствъ Петръ закончилъ стремленія своихъ предшественниковъ устроить регулярную армію по западно-европейскому образцу и создалъ новую вооруженную силу, какой доселѣ почти не знало Московское государство,—флотъ, необходимый для охраны только что захваченнаго побережья и новой сто-

лицы. Планы Нащокина о пріобрѣтеніи гаваней на Балтійскомъ морѣ и ихъ охранѣ и робкія попытки царя Алексѣя Михаиловича устроить корабли для Каспійскаго моря *), толкнувшія Петра на занятія кораблестроеніемъ, получили теперь самое широкое осуществленіе. Россія вступала въ семью европейскихъ государствъ во всеоружіи необходимой въ новомъ положеніи матеріальной силы. Содержаніе этой военной силы стоило странѣ однако очень дорого (свыше 5 мил. рубл. или до 50 мил. руб. на наши деньги) и, поглощая болѣе половины всего бюджета, лежало тяжелымъ бременемъ преимущественно на податныхъ сословіяхъ государства.

Финансовыя мѣры. Веденіе Великой Сѣверной войны и снаряженіе арміи и флота, потребовавшее громадныхъ затратъ со стороны государства, вызвали усиленныя заботы объ увеличеніи доходовъ государства. Заботы эти выразились въ двухъ формахъ—въ повышеніи и умноженіи косвенныхъ налоговъ и въ переустройствѣ налоговъ прямыхъ. Перваго рода мѣры начались со введенія *гербовой бмаги* („орленой“, какъ ее тогда называли, отъ клейма съ изображеніемъ орла), на которой должны были совершаться разнаго рода акты и условія, заключаемыя между частными лицами; далѣе слѣдовали сборы за отдачу домовъ въ наймы, за устройство мельницъ, пчельниковъ, за содержаніе бань, продажу съѣстныхъ припасовъ, за право ношенія бороды, за принадлежность къ расколу и пр. Къ старымъ казеннымъ монополіямъ—соляной и питейной прибавилась еще монополія табачная. Всѣ эти сборы въ общемъ дали значительный доходъ казнѣ. Изъ перемѣнъ во взиманіи прямыхъ налоговъ самой важной было введеніе такъ называемой *подушной подати*. Раньше крестьяне платили съ количества обрабатываемой земли или со своихъ дворовъ. То и другое вело къ злоупотребленіямъ (чтобы платить меньше податей, не указывали всѣхъ запашекъ или сокращали ихъ; показывали меньше дворовъ, чѣмъ ихъ было на самомъ дѣлѣ и т. п.). Петръ замѣнилъ поземельную подать подушной или поголовной (съ каждаго рабочаго, живущаго физическимъ трудомъ) и для этого велѣлъ произвести *ревизію* или перепись **) всего податного сословія (1719 г.), при чемъ помѣщичьи крестьяне были смѣшаны съ холопами; и тѣ и другіе обложены были одинаковой подушной податью: за исправность взноса ея

*) На Окѣ, въ с. Дѣдновѣ близъ Коломны, построенъ былъ для Каспійскаго моря корабль „Орелъ“; онъ былъ спущенъ въ Астрахани и потомъ сожженъ Разинымъ. Съ моделями этого корабля и познакомился потомъ Петръ въ дѣтствѣ.

**) Для лучшей регистраціи населенія при церквахъ было велѣно завести еще такъ называемыя метрическія книги, гдѣ священники записывали новорожденныхъ и умершихъ.

должны были отвѣчать помѣщики, что, разумѣется, еще болѣе усилило личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Всего по ревизіи податныхъ душъ въ государствѣ (крестьянъ и горожанъ—торговцевъ и ремесленниковъ) оказалось 6 милліоновъ. Въ общемъ, платя подушную подать, населеніе стало вносить въ казну вдвое больше, чѣмъ вносило при прежнемъ поземельномъ и подворномъ обложеніи. Кромѣ того теперь подверглась обложенію масса лицъ, раньше уклонявшихся отъ платежа (холопы, разнаго рода „вольные гулящіе люди", не сидѣвшіе на землѣ и т. д.). Вслѣдствіе этого и другихъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, доходы государства, въ началѣ его царствованія равнявшіеся съ небольшимъ 3 милліонамъ руб. (около 27 мил. р. на наши деньги), въ концѣ возрасли болѣе, чѣмъ втрое—до 10 мил. руб.

Мѣры къ развитію промышленности и торговли. Промышленность и торговля во все время царствованія Петра I составляли предметъ самыхъ горячихъ его заботъ. Это обусловливалось не столько стремленіемъ немедленно же повысить доходы государственной казны (такъ какъ на первыхъ порахъ насажденіе промышленности скорѣе требовало приплатъ со стороны государства), сколько заботами о будущемъ процвѣтаніи страны, желаніемъ видѣть ее такою же богатой и дѣятельной, каковы были государства Запада. Мечты Ордына-Нащокина о томъ же, слабыя попытки предшественниковъ Петра насадить промышленность на Руси по западно-европейскому образцу получили теперь широкое сравнительно осуществленіе. Рѣшающее вліяніе въ данномъ случаѣ имѣло путешествіе Петра заграницу. Практическій умъ Петра всего болѣе интересовался тамъ промышленной стороной западной цивилизаціи — ея фабриками, заводами, ея торговлей и промышленностію. На Западѣ господствовала въ ту пору такъ называемая покровительственная система въ области промышленности, по мысли которой всякая страна должна была сама находить у себя и производить все для нея нужное, не обращаясь безъ крайней надобности къ чужому труду, и, съ другой стороны, для богатства страны считали важнымъ, чтобы вывозъ товаровъ изъ нея превышалъ ввозъ. Усвоивъ эти идеи, Петръ стремился всѣми мѣрами вызвать и расширить разработку естественныхъ богатствъ Россіи, которыя онъ справедливо считалъ неисчерпаемыми и, во-вторыхъ, поскорѣе научить русскихъ при помощи (на первое только время) иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, устройству заводовъ и фабрикъ, мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній для разнаго рода производствъ и пр. Замѣчая малую охоту и неповоротливость русскихъ въ данномъ отношеніи, онъ не останавливался даже предъ строгими принудительными мѣрами, заставляя русскихъ людей

работать и учиться у иностранныхъ мастеровъ и постоянно издавалъ указы въ этомъ смыслѣ („Понеже народъ нашъ, говорилъ онъ въ одномъ изъ такихъ указовъ, яко дѣти, сами за азбуку никогда не примутся, если мастеромъ приневоливаемы не будутъ, а когда выучатся, сами благодарятъ“).

Преслѣдуя намѣченныя цѣли, Петръ постоянно предпринималъ развѣдки съ цѣлью узнать лучше естественныя богатства Россіи, объявилъ, что всѣ и на своихъ и даже на чужихъ земляхъ имѣютъ право отыскивать и обрабатывать всякіе металлы и минералы; владѣлецъ земли въ случаѣ утайки руды или нежеланія допустить другихъ къ разработкѣ ея подвергался тѣлесному наказанію; воеводы и другія власти обязаны были всѣми способами покровительствовать развѣдчикамъ-предпринимателямъ и т. д. Благодаря этому, при Петрѣ найдено было много природныхъ богатствъ — серебряныя и другія руды, вызвавшія развитіе горнозаводскаго промысла; селитра, каменный уголь и проч.

Во время перваго своего путешествія заграницу Петръ вывезъ оттуда массу разнаго рода мастеровъ (изъ одного Амстердама свыше тысячи чел.), да и потомъ постоянно приглашалъ ихъ, часто за громадное жалованье, въ Россію съ непремѣннымъ условіемъ обучать своему мастерству русскихъ людей „безъ всякой утайки“. Кромѣ того постоянно посылалъ заграницу русскую молодежь для обученія разнымъ мастерствамъ и художествамъ, кораблестроенію, ремесламъ и пр. и самъ лично изучилъ въ совершенствѣ множество ремеслъ и производствъ. Давая собою прямой примѣръ для подражанія, Петръ въ своихъ указахъ постоянно говоритъ о необходимости и пользѣ для государства занятій промышленностію и ремеслами, убѣждаетъ, что они никого не безчестятъ и неменѣе полезны и почетны, чѣмъ занятія наукой и государственной службой, что онѣ нисколько не унижаютъ званія и положенія человѣка и т. д. Предпринимателямъ и промышленникамъ Петръ давалъ разныя льготы и казенныя субсидіи, освобождалъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ рабочихъ на извѣстное время отъ податей, позволялъ безпошлинно выписывать изъ-заграницы нужные товары и пр. Фабрикантамъ-купцамъ дана была дворянская привилегія владѣть крѣпостными людьми, даже дано было право, какого и дворяне не имѣли, безнаказанно укрывать на своихъ заводахъ и фабрикахъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, если они оказывались полезными для того или иного производства. Нерѣдко правительство само строило фабрику или заводъ (особенно для какого нибудь новаго, еще неизвѣстнаго въ Россіи, производства) и сдавало его капиталистамъ на льготныхъ условіяхъ. А кто самъ заводилъ новую

фабрику или заводъ, тому давали изъ казны ссуду безъ процентовъ. Убѣждая капиталистовъ для болѣе правильнаго хода дѣла составлять на заграничный манеръ компаніи для совмѣстнаго оборудованія предпріятій, Петръ рекомендовалъ и своимъ приближеннымъ принимать въ нихъ участіе, что и дѣлали многіе представители тогдашней высшей аристократіи, соблазняясь привилегированнымъ положеніемъ фабрикантовъ и доходами отъ ихъ предпріятій. Давая льготы промышленникамъ, Петръ однако старался строго слѣдить какъ за добросовѣстностью производства, такъ и за тѣмъ, чтобы оно согласовалось съ видами правительства. Этотъ правительственный надзоръ за производствомъ иногда доходилъ до мелочей (напр. опредѣлялась ширина холста и суконъ, между прочимъ въ видахъ приспособленія этого производства къ потребностямъ войскъ).

Результаты усилій и заботъ Петра оказались блестящими. До него фабрикъ и заводовъ было въ Россіи ничтожное число; въ концѣ его царствованія ихъ считалось свыше 230 и при томъ самыхъ разнообразныхъ (фабрики суконныя, полотняныя, писчебумажныя, зеркальныя, шелковыхъ матерій и пр., заводы сахарные и металлическіе разныхъ типовъ и др.). Кромѣ того Петръ затронулъ цѣлый рядъ другихъ отраслей народнаго хозяйства—такъ, напр., онъ положилъ начало конскимъ заводамъ, винодѣлію и шелководству, разведенію табака, овецъ иностранныхъ породъ, распространенію въ Россіи холмогорскаго скота, заботился о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ и т. д.

Менѣе успѣшными оказались его заботы о развитіи торговли, которой онъ также всячески покровительствовалъ, стремясь, согласно усвоеннымъ имъ на Западѣ идеямъ, къ тому, чтобы вывозъ изъ Россіи превышалъ ввозъ. Онъ всячески поощрялъ дѣятельность купцовъ, давалъ льготы отъ подушной подати и рекрутской повинности, снялъ съ нихъ и личную „натуральную“ повинность по казеннымъ работамъ въ городахъ и т. д. Стараясь, чтобы русскіе купцы сами торговали заграницей, Петръ стремился завести русскій торговый флотъ. Понимая все значеніе путей сообщенія для торговли, Петръ соединилъ Балтійское море съ Каспійскимъ Ладожскимъ и Вышневолоцкимъ каналами и провелъ (съ помощью плѣнныхъ шведовъ) много сухопутныхъ (такъ называемыхъ „большихъ“) дорогъ внутри страны. Торговля въ общемъ оживилась, особенно съ Западомъ *), сравнительно съ прежнимъ временемъ

*) До Петра торговля съ Зап. Европой шла Бѣлымъ моремъ черезъ Архангельскъ, единственную въ то время морскую гавань. Теперь главнымъ портомъ для внѣшней торговли сдѣлался Петербургъ и въ концѣ царствованія Петра I сюда приходило ежегодно свыше 200 иностранныхъ торговыхъ кораблей. Кромѣ того имѣлись еще шесть портовъ по балтійскому побережью (Кронштадтъ, Выборгъ, Нарва, Ревель, Перновъ и Рига), куда въ общей сложности приходило ежегодно до 1500 купеческихъ кораблей изъ разныхъ странъ Европы.

(въ концѣ царствованія Петра изъ Россіи вывозили разныхъ товаровъ, преимущественно сырья, на $2^1/_2$ мил. руб. и ввозили на $1^1/_2$ мил.), но не настолько, какъ хотѣлось Петру. Русскій вывозъ, напр., вслѣдствіе косности купечества, попрежнему оставался главнымъ образомъ въ рукахъ иноземцевъ. Торговля съ Востокомъ и Азіей, о чемъ особенно хлопоталъ Петръ, по той же причинѣ развилась слабо.

Мѣры относительно сословій. Мѣры по организаціи войска и вызванныя ими перемѣны въ отправленіи воинской повинности вызвали измѣненія въ устройствѣ и взаимоотношеніяхъ двухъ основныхъ классовъ общества при Петрѣ—землевладѣльческаго и земледѣльческаго, *дворянства* и *крестьянства*.

Отношенія Петра I къ дворянству опредѣлялись предшествующей исторіей этого класса. Съ постепеннымъ упадкомъ (особенно послѣ Грознаго и эпохи Смутнаго времени) и вымираніемъ стараго боярства, дворянство получало въ Московскомъ государствѣ все большее и большее значеніе, и въ XVII в. изъ его рядовъ выходила почти вся московская администрація. На немъ лежала главнымъ образомъ военная охрана государства и оно же, въ силу этого, пользовалось преимущественнымъ правомъ личнаго землевладѣнія (вотчиннаго и помѣстнаго). Узаконеніями XVII в. разнообразные слои этого общественнаго класса (дворяне, дѣти боярскіе и пр.) были уже какъ бы слиты въ одно сословіе одинаковыми правами относительно землевладѣнія и обязанностями военной службы, хотя еще и не носили одного общаго названія. При Петрѣ сдѣланъ былъ и этотъ шагъ, при чемъ болѣе точно и болѣе строго опредѣлены были обязанности этого сословія. Служилому классу дано было теперь общее названіе *шляхетства* *) или „дворянства“. Всѣ дворяне попрежнему должны были нести поголовно вѣчно обязательную, т. е. наслѣдственную службу. Петръ только строже, чѣмъ прежде, слѣдилъ за выполненіемъ этой повинности. Время отъ времени онъ даже самъ дѣлалъ въ Москвѣ и Петербургѣ смотръ дворянской молодежи („недорослямъ“), распредѣляя ихъ по полкамъ и роду службы. „Нѣтчиковъ“, т. е. уклонявшихся отъ службы, били кнутомъ, лишали помѣстій и даже „шельмовали“, т. е. лишали всѣхъ правъ состоянія. Къ концу царствованія всѣ дворяне и молодые

---

*) Взятое съ польскаго языка, названіе это не долго продержалось на практикѣ и исчезло съ теченіемъ времени, при преемникахъ Петра, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, замѣняясь русскимъ стариннымъ терминомъ „дворянство“. Сначала названіе „дворянинъ“ не могло быть усвоено потому, что обозначало второстепенный разрядъ служилыхъ землевладѣльцевъ: бояре и окольничіе оскорбились бы, если бы ихъ назвали дворянами; но когда бояре и окольничіе исчезли, названіе „дворяне“, какъ почетнѣйшее для массы землевладѣльцевъ, осталось и сдѣлалось сословнымъ для всѣхъ господъ, имѣющихъ право владѣть крестьянами.

и пожилые, состояли на службѣ, отъ которой освобождала только дряхлость и неизлѣчимая болѣзнь. Часть дворянъ (не болѣе $^1/_3$) отчислялась Петромъ на гражданскую, или, какъ ее стали съ того времени называть, „штатскую“ службу, которая теперь стала отдѣляться отъ военной (Учрежденіе постояннаго войска, требуя безвыѣзднаго присутствія дворянъ на мѣстѣ расположенія полка, не позволяло уже имъ, какъ прежде, покинувъ полкъ, по окончаніи войны, принимать на себя тѣ или иныя гражданскія должности въ провинціи).

Новой и тяжелой повинностью для дворянскихъ дѣтей явилось вызванное обстоятельствами времени и усложненіями военнаго дѣла, требованіе отъ нихъ при поступленіи на службу школьной подготовки. Первоначальное образованіе сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ дворянъ. Они должны были до 15 лѣтъ обучиться грамотѣ, „цифири“ (т. е. ариѳметикѣ) и начаткамъ геометріи въ особыхъ школахъ, нарочито для того устроенныхъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Дворянину, не получившему первоначальнаго образованія, не позволялось жениться; если „недоросль“ къ 15 годамъ не выучивался грамотѣ, его отдавали въ солдаты или матросы безъ выслуги. Получившіе же школьную подготовку молодые дворяне съ 15 лѣтъ зачислялись въ гвардейскіе полки, а за переполненіемъ ихъ и въ армейскіе, и отбывали тамъ первоначально службу рядовыми, неся наравнѣ съ прочими солдатами всѣ тяготы караульной, строевой и даже денщической работы. Отъ личныхъ способностей и усердія дворянина зависѣло дослужиться до офицера; но точно также могъ заслужить офицерство и простой крестьянинъ-солдатъ, надлежаще усвоившій грамоту и знавшій военное дѣло. Никакой дворянинъ не могъ быть произведенъ въ офицеры, если не былъ солдатомъ, и такимъ образомъ „съ фундамента солдатскаго дѣла не узналъ“ (по выраженію одного изъ указовъ Петра). Съ другой стороны всякій, кто только дослуживался до офицера (или до VIII класса въ гражданской службѣ) становился потомственнымъ дворяниномъ. Такимъ образомъ Петръ далъ теперь рѣшительный перевѣсъ личной выслугѣ предъ родовитостью, завершивъ первыя попытки въ этомъ родѣ своихъ предшественниковъ въ XVII вѣкѣ; служба и милость государя окончательно были поставлены выше знатнаго происхожденія. Дворянство стало теперь быстрѣе, чѣмъ прежде, пополняться притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій.

Въ связи съ этимъ стояло и новое раздѣленіе всего служилаго люда такъ называемой *„табелью о рангахъ“* (1722 г.) на 14 клас-

совъ (ранговъ), при чемъ каждому классу соотвѣтствовалъ опредѣленный чинъ (должность) въ военной и гражданской службѣ *). Въ то же время введены были по заграничнымъ образцамъ знаки отличія за усердную или продолжительную службу, или такъ называемые *ордена* (Св. Андрея Первозваннаго и Св. Екатерины) **). Этими мѣрами положено было начало чиновной іерархіи (бюрократіи) въ томъ видѣ, какъ она существуетъ и до сихъ поръ въ Россіи.

Въ общемъ дворянамъ при Петрѣ служить стало много тяжелѣе прежняго, но зато способнымъ и знающимъ людямъ легче было выслужиться и получить повышеніе. Всѣ дворяне одинаково и всю жизнь, не зная отдыха и срока, должны были служить государству, но зато всѣ они уравнены были въ правахъ землевладѣнія: Петръ расширилъ право распоряженія помѣстьями, превративъ ихъ въ такія же наслѣдственныя (по завѣщанію) владѣнія, какими были вотчины. Такимъ образомъ Петръ узаконилъ совершавшееся и до него на практикѣ *уравненіе помѣстій съ вотчинами,* хотя и сдѣлалъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченія въ формѣ завѣщанія ихъ. А именно замѣчая, что постоянное дробленіе вотчинъ между нѣсколькими наслѣдниками было причиной упадка многихъ дворянскихъ фамилій, мѣшало исправному взносу податей и вынуждало мелкихъ землевладѣльцевъ ради умноженія доходовъ притѣснять крестьянъ, Петръ издалъ указъ объ *единонаслѣдіи* (1714 г.), по которому отецъ могъ завѣщать свое имѣніе

---

*) Прежніе дворянскіе разряды или „чины“, являвшіеся своего рода сословными группами (дворяне московскіе, городскіе, дѣти боярскіе и т. д., см. прим. на стр. 264 и 265), потеряли теперь всякій смыслъ и значеніе. Съ дѣленіемъ на новые разряды примѣнительно къ прохожденію службы, прежняя аристократическая іерархія—породы, замѣнилась бюрократической іерархіей—заслуги и выслуги. Дворяне не служившіе „чина“ не имѣли. „Людямъ знатной породы, говорится между прочимъ въ примѣчаніяхъ къ табели, никакого ранга не дается, пока отечеству и государю заслуги не покажутъ и за оныя характера (т. е. государственнаго положенія) не получатъ“ (Ист. Соловьева, т. XVIII гл. 3). Въ установленной при Петрѣ I табели о рангахъ строго раздѣлены должности военныя и гражданскія, составляющія параллельные ряды, такъ напр.: „дѣйствительному тайному совѣтнику“ соотвѣтствовалъ въ военной службѣ чинъ „генерала“, въ морской—„адмирала“, „дѣйствительному статскому совѣтнику“ чинъ „генералъ-маіора“, „коллежскому ассесору“ (чинъ VIII кл.)—„капитана“ и т. д.

Эти взятыя по большей части изъ иностраннаго названія „чиновъ“ по табели о рангахъ сохранились въ большинствѣ и до настоящаго времени, но слѣдуетъ помнить, что во времена Петра чины употреблялись не въ нынѣшнемъ ихъ значеніи, но знаменовали собою опредѣленныя должности: такъ, напр., „дѣйствительные тайные совѣтники“ на самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, собиравшагося обыкновенно для обсужденія важныхъ, преимущественно иностранныхъ дѣлъ.

Въ соотвѣтствіи съ чиномъ того или другого лица установилось потомъ и титулованіе ихъ—„высокопревосходительство“, „превосходительство“, „высокородіе“ и т. д., при чемъ каждому чину присвоивалась особаго рода одежда, „мундиръ“, и головной уборъ, формы для которыхъ были заимствованы съ Запада, представляя, въ существѣ дѣла, возрожденіе тѣхъ внѣшнихъ особенностей, которыя въ московской Руси отличали боярство отъ другихъ классовъ общества.

**) Съ Петра Великаго вводится также высочайшее пожалованіе за выдающуюся служебную дѣятельность высшихъ чиновъ въ *графы* и *князья*.

только одному которому-нибудь изъ сыновей,—въ случаѣ отсутствія завѣщанія имѣніе передавалось старшему сыну *). Прекращая такимъ путемъ раздробленіе земельныхъ владѣній, Петръ надѣялся, что съ другой стороны обдѣленные наслѣдствомъ сыновья энергичнѣе примутся за службу, занятія ремеслами или торговлей и пр. Но это нововведеніе, противорѣчившее укоренившимся среди русскихъ понятіямъ о правѣ наслѣдованія всѣхъ сыновей, не привилось. Дворяне всячески обходили новый законъ (напр. отдавая одному сыну имѣніе, отецъ завѣщалъ весь инвентарь другимъ сыновьямъ, заставляя тѣмъ наслѣдника невольно входить съ ними въ соглашеніе и т. д.) и при преемникахъ Петра (при Аннѣ Іоанновнѣ) онъ былъ отмѣненъ.

Что касается положенія *крестьянъ*, то при Петрѣ оно замѣтно ухудшилось. Это зависѣло какъ отъ увеличенія финансовыхъ тягостей и разнаго рода „натуральныхъ“ повинностей, возлагавшихся на крестьянское населеніе, особенно въ эпоху Великой Сѣверной войны (доставка подводъ, рабочихъ для постройки крѣпостей и судовъ и пр.), такъ и еще болѣе отъ установленія *подушной подати*, при чемъ холопы были обложены наравнѣ съ крестьянами и такимъ образомъ какъ бы уравнивались съ ними. Дворянство съ своей стороны приняло эту мѣру какъ своего рода приниженіе крестьянъ до степени холоповъ, тѣмъ болѣе, что и отвѣтственность за правильность взноса податей какъ холопами, такъ и крестьянами, возложена была на помѣщиковъ. Это дѣлалось изъ чисто финансовыхъ соображеній, ради большей правильности сборовъ, а помѣщики увидѣли въ этомъ мѣру, укрѣпляющую и безъ того уже установленную практикой личную зависимость отъ нихъ крестьянина, хотя Петръ во все свое царствованіе, обильное всякаго рода указами, не издалъ ни одного указа въ этомъ смыслѣ. Наоборотъ, онъ стремился, по мѣрѣ возможности, облегчить положеніе крестьянъ, и когда, въ результатѣ усиленія фактической зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, усилилась и раньше до Петра существовавшая продажа крестьянъ, какъ рабовъ, безъ земли, и не только семьями, но и въ розницу (чего раньше не бывало), Петръ писалъ въ одномъ изъ указовъ: „продажу людей пресѣчь, а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“. Условный характеръ запрещенія, однако, ясно показываетъ, что Петръ и самъ не надѣялся его вполнѣ осуществить. Попытки пристыдить ссылкой на „цѣлый свѣтъ“ въ то грубое безцеремонное время, конечно, цѣли не достигали, какъ не до-

*) На этомъ основаніи нѣкоторые историки называли его закономъ о майоратѣ, что очевидно неточно.

стигали ея и прямые приказы. Такъ, напр., Петръ запретилъ помѣщикамъ насильно женить крестьянъ или выдавать замужъ ихъ дочерей, безъ согласія отцовъ, предписывалъ воеводамъ наблюдать, чтобы помѣщики не мучили и не разоряли крестьянъ, приказывая отбирать крестьянъ у такихъ лицъ и отдавать имѣніе въ опеку и т. д. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эти указы облегчали положеніе крестьянъ, въ общемъ же всюду почти *фактически* личная, податная только, зависимость крестьянъ отъ помѣщика превращалась въ зависимость во *всѣхъ* отношеніяхъ. Законъ, напр., попрежнему считалъ еще крестьянина правоспособнымъ и свободнымъ гражданиномъ, предоставляя ему вступать даже съ казною въ подряды и договоры, а на практикѣ по обычаю, помимо закона, обезпокоенные податной отвѣтственностію за крестьянъ помѣщики установили въ это время право суда надъ крестьянами и не допускали ихъ ни съ кѣмъ вступать въ экономическія сдѣлки безъ своего согласія.

При Петрѣ I ухудшилось положеніе преимущественно помѣщичьихъ крестьянъ, составлявшихъ главную массу населенія. Бытъ дворцовыхъ и черносошныхъ или государственныхъ не потерпѣлъ существенныхъ измѣненій; крестьяне монастырскіе были изъяты изъ вѣдѣнія монастырей и переданы въ вѣдѣніе коллегіи экономіи; находясь въ казенномъ управленіи, они тоже не испытали особенныхъ перемѣнъ въ своемъ быту. Образовалась еще новая группа заводскихъ крестьянъ, положеніе которыхъ у новыхъ владѣльцевъ было не лучше помѣщичьихъ. Особый разрядъ сельскаго населенія составляли такъ называемые *однодворцы*—обѣднѣвшіе служилые люди, платившіе поголовную подать, но сохранившіе право личнаго землевладѣнія и владѣнія крѣпостными людьми.

Административныя реформы. Въ устройствѣ управленія Петръ Великій произвелъ большія измѣненія, учредивши взамѣнъ боярской думы *Сенатъ*, взамѣнъ приказовъ—*Коллегіи* и перестроивши заново областное дѣленіе страны. Эти крупныя перемѣны совершены были во вторую половину царствованія, а до той поры Петръ Великій оставлялъ почти нетронутыми формы прежняго управленія или же дѣйствовалъ помимо ихъ. Такъ главный и постоянный центральный органъ прежняго московскаго правительства—Боярская Дума съ 1700 г. существуетъ только номинально, замѣняясь ближней „канцеляріей“ государя, въ которой иногда происходятъ по старинному порядку совѣщанія бояръ. Думѣ, какъ совѣту при государѣ, и трудно было собираться въ виду его постоянныхъ отлучекъ изъ Москвы. Во время этихъ отлучекъ Петръ обычно поручалъ веденіе государственныхъ дѣлъ не Думѣ, а нѣсколькимъ довѣреннымъ санов-

никамъ и только въ 1711 году, отправляясь въ дальній и опасный Прутскій походъ, Петръ ввѣряетъ государство уже не отдѣльнымъ довѣреннымъ лицамъ, а цѣлому учрежденію, возникшему взамѣнъ Боярской Думы и на новыхъ началахъ — *Сенату* (названіе было взято Петромъ I изъ исторіи древняго Рима), составленному изъ десяти высшихъ сановниковъ.

Какъ учрежденію, предназначенному управлять государствомъ во время отлучекъ государя, Сенату предоставлены были на первыхъ порахъ самыя обширныя полномочія: по указу Петра Сенатъ долженъ былъ всецѣло замѣнять его на время отсутствія, всѣ лица и учрежденія обязаны были повиноваться ему, какъ государю, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе. До возврата государя никто не имѣлъ права жаловаться даже на незаконныя дѣйствія Сената. По возвращеніи Петра, спустя нѣкоторое время, Сенатъ былъ сдѣланъ постояннымъ учрежденіемъ съ весьма обширнымъ кругомъ вѣдомства. Онъ сталъ высшимъ правительственнымъ мѣстомъ при государѣ; ему принадлежалъ высшій контроль и главное руководство управленіемъ и судомъ, ближайшій надзоръ за государственными доходами и расходами, за ходомъ народнаго хозяйства, промышленности и торговли, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы дворяне исправно отправляли военную службу и не уклонялись отъ нея и т. д. Въ первое время, при небольшомъ числѣ членовъ, „Правительствующій Сенатъ долженъ былъ выносить свои рѣшенія единогласно, впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа сенаторовъ, введено рѣшеніе по большинству голосовъ. Для того, чтобы Сенатъ могъ лучше выполнить свои обязанности по надзору за управленіемъ, ему предоставлено было право выбирать „оберъ-фискала“, человѣка „умнаго и добраго“, которому поручалось тайно надсматривать за управленіемъ и правильностію суда, слѣдить за правильностію сбора податей, чтобы чиновники не брали взятокъ, чтобы дворяне не уклонялись отъ службы и т. д. и обо всемъ доносить Сенату для производства суда надъ виновными. Оберъ-фискалъ въ свою очередь подбиралъ себѣ помощниковъ—фискаловъ, которые находились при всѣхъ главныхъ управленіяхъ въ Петербургѣ, а равно въ другихъ городахъ и тоже обо всемъ доносили своему патрону для доклада Сенату.

Учредивъ Сенатъ, Петръ съ большой требовательностію относился ко всѣмъ его дѣйствіямъ и постановленіямъ („понеже теперь все у него въ рукахъ“) и постоянно слѣдилъ за нимъ, требовалъ отъ Сената протоколовъ его засѣданій, посылалъ отъ себя довѣренныхъ лицъ записывать сенатскіе указы и присматривать за аккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей сенаторами и наконецъ учредилъ при Сенатѣ осо-

бую должность „генералъ-прокурора“. Послѣдній являлся представителемъ верховной власти въ Сенатѣ, „государевымъ окомъ“, какъ именовалъ его Петръ. Онъ долженъ былъ слѣдить за дѣятельностію и указами Сената и ихъ исполненіемъ („чтобы дѣла не на столѣ только рѣшались“) и за тѣмъ, чтобы всѣ постановленія Сената были согласны съ законами. Генералъ-прокуроръ присутствовалъ въ Сенатѣ, не принимая прямого участія въ рѣшеніи дѣлъ. Но никакое рѣшеніе Сената не имѣло силы безъ согласія и подписи генералъ-прокурора. О спорныхъ дѣлахъ или несогласныхъ съ закономъ постановленіяхъ Сената генералъ-прокуроръ обязанъ былъ докладывать государю. Всѣ эти мѣры, принятыя уже въ концѣ царствованія Петра Великаго, значительно стѣсняли дѣйствія и самостоятельность Сената, ставя его рѣшенія въ извѣстнаго рода зависимость отъ личныхъ взглядовъ генералъ-прокурора.

Взамѣнъ московскихъ „приказовъ“, для высшаго завѣдыванія дѣлами по разнымъ частямъ управленія, подъ руководствомъ Сената, Петръ I учредилъ (1718 г.) *„коллегіи“* (по образцу шведскихъ и германскихъ учрежденій этого рода). Въ составъ коллегій входили: президентъ, два вице-президента и нѣсколько членовъ (4 совѣтника и 4 помощника или ассесора; сверхъ того при коллегіи состояли 2 коллежскихъ секретаря, которые были начальниками канцеляріи). Всего въ присутствіяхъ было 11 членовъ и дѣла рѣшались, послѣ совмѣстнаго обсужденія, по большинству голосовъ. Всѣхъ коллегій къ концу царствованія Петра Великаго считалось двѣнадцать, распредѣлившихъ между собою главнѣйшія отрасли управленія въ государствѣ—военное и морское дѣло, сношенія съ другими государствами, финансы, торговлю и проч. *). Учрежденіе коллегій составляло значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними приказами: во-первыхъ, по болѣе правильному распредѣленію между ними важнѣйшихъ дѣлъ и отраслей управленія въ государствѣ, при меньшемъ числѣ новыхъ учрежденій (приказовъ въ Москвѣ считалось до 40), а во-вторыхъ, и потому, что дѣла рѣшались въ нихъ не единолично (какъ бывало по большей части въ приказахъ), а послѣ совмѣстнаго обсужденія и по большинству голо-

*) Коллегіи были слѣдующія: иностранныхъ дѣлъ, военная, морская (адмиралтейская), расходовъ (штатсъ-коллегія), доходовъ (камеръ-коллегія), судебная (юстицъ-коллегія), контроля надъ финансами (ревизіонъ-коллегія), торговли (коммерцъ-коллегія), промышленная (мануфактуръ-коллегія), горнаго дѣла (бергъ-коллегія), вотчинная, и коллегія, завѣдывавшая городскимъ управленіемъ (главный магистратъ). Такъ какъ среди русскихъ было мало опытныхъ чиновниковъ, которые бы сумѣли вести канцелярское дѣло въ коллегіяхъ, то Петръ выписывалъ писцовъ и канцеляристовъ изъ-за границы (изъ среды австрійскихъ славянъ) и послалъ до 40 русскихъ подъячихъ въ Германію учиться дѣлопроизводству. Въ этихъ же видахъ одинъ изъ вице-президентовъ назначался обыкновенно изъ иностранцевъ, состоящихъ на русской службѣ.

совъ, въ чемъ Петръ Великій видѣлъ гарантію болѣе правильнаго и безпристрастнаго рѣшенія вопросовъ. Тѣмъ не менѣе вліятельные президенты, назначавшіеся изъ высшихъ сановниковъ имперіи, и приставленные къ коллегіямъ для общаго контроля прокуроры своимъ личнымъ воздѣйствіемъ стѣсняли свободную дѣятельность коллегій и на дѣлѣ часто обращали ихъ какъ бы въ единоличныя установленія. Коллегіи подчинены были Сенату, куда и обращались съ дѣлами, превышавшими ихъ власть, или по жалобамъ частныхъ лицъ на рѣшенія коллегій.

Желая ввести порядокъ въ областное управленіе, особенно въ военно-финансовомъ отношеніи (по сбору податей и отправленію воинской повинности), Петръ I, еще въ 1708 г., взамѣнъ прежняго дѣленія Московскаго государства на уѣзды, крайне неравномѣрные и по числу жителей и по пространству (какъ они сложились исторически, по мѣрѣ присоединенія разныхъ областей и княжествъ въ Москвѣ), предпринялъ раздѣленіе Россіи на болѣе равномѣрныя части или округа, названные имъ *губерніями*. Всего такихъ округовъ, объединявшихъ болѣе или менѣе однородное по составу населеніе извѣстной территоріи въ военномъ и финансовомъ отношеніи *) подъ властью одного лица— „губернатора", образовалось къ концу царствованія Петра Великаго двѣнадцать. Каждая губернія дѣлилась затѣмъ на *провинціи* съ „воеводами" во главѣ. Провинціи подраздѣлялись на еще болѣе мелкія административныя единицы, за которыми сохранено было старое названіе—*уѣздовъ*. Управленіе уѣздами находилось въ рукахъ „земскихъ комиссаровъ", избиравшихся мѣстными дворянами и подчиненныхъ воеводамъ. Губернаторы и воеводы зависѣли отъ Сената. Главною обязанностію властей губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ было заботиться о своевременномъ доставленіи податей, а также о присылкѣ рекрутъ и рабочихъ для военныхъ надобностей. Губернаторы должны были рѣшать дѣла не единолично, но совмѣстно съ особыми совѣтниками (ландратами, числомъ отъ 8 до 12), которыхъ выбирало изъ своей среды мѣстное дворянство. Рѣшенія, какъ и въ центральныхъ петербургскихъ коллегіяхъ, должны были выноситься по большинству голосовъ, при чемъ губернатору предоставлялись только два голоса, „не какъ властителю, но какъ президенту", по выраженію одного изъ указовъ Петра. Въ дѣйствительности эти „президенты", благодаря своему положенію, имѣли главенствующее значеніе въ дѣлахъ и всѣ мѣстныя учрежденія, по усвоенной изстари привычкѣ, носили по прежнему характеръ не

*) Попытки такого объединенія мелкихъ уѣздовъ въ крупные округа ради военныхъ потребностей дѣлались еще предшественниками Петра I. Пограничные уѣзды соединялись подъ властью одного главнаго воеводы и назывались „разрядами".

коллегіальной, а единоличной власти. Точно также не привилась и замѣчательная по своему времени попытка Петра I отдѣлить судебную власть отъ административной, во избѣжаніе обычныхъ въ данномъ случаѣ (особенно въ московской Руси) злоупотребленій на судѣ со стороны лицъ власть имѣющихъ. Учрежденные съ этой цѣлію Петромъ особые отъ губернаторовъ и воеводъ суды („надворные" въ губерніяхъ и „провинціальные" въ городахъ провинціальныхъ) просуществовали недолго, старыя привычки взяли верхъ и по смерти Петра администраціи снова предоставлено было участвовать въ судахъ.

Всѣ эти мѣстныя учрежденія касались лишь дворянъ и чрезъ нихъ подчиненныхъ имъ крестьянъ. Что касается торгово-промышленнаго класса, то Петръ всегда стремился изъять его изъ вѣдѣнія мѣстныхъ властей и дать самоуправленіе, подобное тому, какое видѣлъ въ городахъ Запада, поразившихъ его своей кипучей торговой дѣятельностію. Онъ видѣлъ въ этомъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ поднятію и оживленію торгово-промышленной дѣятельности, считая ее главнымъ источникомъ богатства страны. Пробуя (съ 1699 г.) разныя формы устройства городского управленія *) и измѣняя ихъ, Петръ наконецъ учредилъ въ большихъ городахъ такъ называемые *„магистраты"* (1720 г.), состоявшіе изъ 7 членовъ (президентъ, два „бургомистра" и 4 „ратмана"), которыхъ избирали изъ своей среды высшіе слои городского населенія; они дѣлились на двѣ *„гильдіи"*: въ составъ первой гильдіи входили фабриканты, банкиры, купцы, ювелиры, аптекаря, шкипера, а также художники и ученые; въ составъ второй—мелкіе торговцы и ремесленники (дѣлившіеся по своимъ производствамъ на особые разряды или „цехи"). Низшій слой городского населенія—чернорабочіе, поденщики и т. под. (называвшіеся „подлыми людьми", т. е. лицами низкаго происхожденія, по обычной терминологіи того времени) участія въ этихъ выборахъ въ магистратъ не принимали, но выбирали только изъ своей среды особыхъ старостъ, которые и могли за нихъ ходатайствовать предъ членами магистрата. Духовныя лица, дворяне и крестьяне, жившіе въ городахъ, въ составъ городского общества не входили и магистрату не подчинялись. Мѣстные магистраты, подчиненные *главному магистрату*, находившемуся въ Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ Сената, вѣдали городское хозяйство и смотрѣли за порядкомъ. Главной ихъ цѣлью было развитіе торговли и промысловъ въ городѣ; въ ихъ рукахъ находилась большая власть—они рѣшали

---

*) Бурмистръ, бурмистерскія палаты, городскія ратуши.

не только гражданскія дѣла подвѣдомственнаго имъ городского населенія, но и уголовныя, произносили даже смертные приговоры, утверждавшіеся главнымъ магистратомъ.

Эти формы городского самоуправленія, пересаженныя волею Петра I изъ заграницы, не принесли, однако, тѣхъ плодовъ и не имѣли того значенія и вліянія на бытъ торговаго состоянія, какое пріобрѣли они на Западѣ, гдѣ явились не сразу и по приказу, а выработались постепенно исторически, долгимъ и упорнымъ трудомъ самихъ городскихъ общинъ. Магистраты скоро пріобрѣли характеръ своего рода чиновныхъ бюрократическихъ учрежденій, какими были другія коллегіи того времени. Ихъ членамъ давали даже извѣстный чинъ по табели о рангахъ. Петръ надѣялся при посредствѣ власти магистратовъ, по крайней мѣрѣ, объединить купечество (собрать эту „разсыпанную храмину“, какъ онъ выражался); магистраты если не объединили, то помогли въ извѣстной мѣрѣ лишь крупнымъ фабрикантамъ и промышленникамъ, которые играли въ нихъ главную роль и употребляли ихъ для своихъ цѣлей. Такъ, напр., члены магистрата забирали иногда всю торговлю въ свои руки, не давая ходу мелкимъ торговцамъ, и т. п. Пользуясь разнаго рода льготами и пособіями отъ казны, крупная фабричная промышленность получила при Петрѣ довольно широкое развитіе; но вообще торговый классъ, и немногочисленный (300 тыс. на 15-ти милліонное населеніе страны при Петрѣ) и малодѣятельный, въ устройствѣ своихъ дѣлъ и быта мало воспользовался правами, какія желалъ предоставить ему Петръ I.

Народное образованіе и школы. Дѣлу народнаго образованія Петръ I придалъ другое направленіе, и поставилъ его несравненно шире, чѣмъ прежде. Направленіе его дѣятельныхъ заботъ въ данномъ случаѣ опредѣлялось съ одной стороны его личнымъ вкусомъ и наклонностями и съ другой — потребностями времени, въ связи съ общимъ характеромъ и ходомъ его преобразовательныхъ работъ. Въ древней и затѣмъ Московской Руси интересовались преимущественно знаніями, касавшимися церковнаго порядка и душевнаго спасенія. Соотвѣтственно этому—школы и вообще обученіе носили церковный характеръ. Петръ I только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, при обученіи грамотѣ, ознакомился съ церковной выучкой, выучилъ даже наизусть „часословъ“ и „апостолъ“. Но дальше обстоятельства толкнули его на путь усвоенія чисто техническихъ и прикладныхъ знаній. Путешествіе по Западной Европѣ, военныя и финансовыя заботы послѣдующаго времени, завѣщанныя Петру его предшественниками, окончательно опредѣлили его наклонности и заставили измѣнить устройство и направленіе народнаго образованія. Послѣднему приданъ былъ по преимуществу техническій и прикладной, практическій характеръ. Требуя обязательнаго обученія для дворянскихъ

дѣтей, Петръ приказалъ устроить для нихъ въ городахъ „цифирныя школы“ (1714 г.), гдѣ обучали чтенію, письму, ариѳметикѣ и геометріи. Въ Москвѣ еще раньше заведены были „математическія школы“ (съ 1700 г.), гдѣ изучали математику и иностранные языки; отсюда воспитанники назначались учителями въ цифирныя школы или же поступали для дальнѣйшаго образованія въ техническія спеціальныя школы, какихъ при Петрѣ было основано нѣсколько: инженерная и артиллерійская школы, морская академія, медицинская школа, при госпиталѣ въ Москвѣ (1706) и даже особая школа для подъячихъ (1721) — въ послѣдней учились каллиграфіи, книговодству, ариѳметикѣ и всему необходимому въ дѣлопроизводствѣ. Для дѣтей духовенства велѣно было (1708 г.) основать при архіерейскихъ домахъ „школы греческія и латинскія“; уклонившихся отъ ученія въ нихъ запрещено ставить во священники. Неграмотныхъ церковниковъ и дворянскихъ дѣтей брали въ солдаты безъ выслуги. Иные изъ нихъ постригались даже въ монахи, чтобы спастись отъ солдатчины и избѣжать трудностей ученія,— Петръ приказывалъ брать такихъ и изъ монастырей. Въ школахъ велѣно было поддерживать самую суровую дисциплину и употреблять въ случаѣ надобности и безъ всякаго снисхожденія тѣлесныя наказанія „не взирая на фамиліи“, т. е. на происхожденіе учениковъ *).

Взыскательный по отношенію къ другимъ, Петръ былъ строгъ и къ себѣ самому и неустанно до самаго гроба учился и читалъ иностранныя книги по артиллеріи, механикѣ, военному дѣлу, исторіи и проч. Переводы, дѣлавшіеся по его указанію тогдашними кіевскими учеными, онъ иногда собственноручно исправлялъ, требуя, чтобы излагали все просто и понятно, русскимъ разговорнымъ языкомъ, „а не высокими словенскими словами“. Въ самой азбукѣ, по его мысли, сдѣланы были измѣненія: вмѣсто прежнихъ, неудобныхъ для скорости, церковнославянскихъ буквъ, были введены болѣе простыя по начертанію, приближающіяся къ латинскимъ, буквы или такъ называемая „*гражданская азбука*“ (1708); славянская азбука осталась съ той поры только въ церковныхъ книгахъ. Для ознакомленія русской публики съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи и за границей; съ 1703 г. въ

*) Такъ, напр., въ уставѣ морской академіи, откуда выходили такъ называемые „навигаторы“ или гардемарины, Петръ собственноручно сдѣлалъ слѣдующую приписку: „для унятія криковъ и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой камерѣ во время ученія, и имѣть хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ“ (т. е. будетъ снисходительно относиться къ безпорядку).

Москвѣ стали, по распоряженію Петра, печататься особаго рода „*Вѣдомости*“, которыя были первой газетой въ Россіи и замѣнили прежніе рукописные „куранты“, издававшіеся только для государя и его приближенныхъ *).

Послѣднимъ и крупнымъ начинаніемъ Петра Великаго въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія было учрежденіе *Академіи наукъ*, мысль о чемъ подалъ ему извѣстный германскій ученый Лейбницъ, съ которымъ Петръ познакомился во время одного изъ своихъ путешествій за границу **). По указу Петра объ этой академіи (1724 г.), она должна была представлять изъ себя высшее ученое учрежденіе, въ составъ котораго входили бы лучшіе ученые; послѣдніе, по мысли Петра, должны были не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но и обучать молодыхъ людей, приготовляя изъ нихъ будущихъ ученыхъ и учителей. За неимѣніемъ русскихъ, Петръ предполагалъ вызвать въ академію ученыхъ изъ Германіи, разсчитывая, что они подготовятъ потомъ и русскихъ ученыхъ. Петръ подробно разработалъ проектъ академіи, устроилъ для нея довольно значительную библіотеку изъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ и „кунсткамеру“, или собраніе разныхъ рѣдкостныхъ предметовъ, чучелъ звѣрей, птицъ и пр., ассигновалъ нужныя средства для новаго ученаго и учебнаго учрежденія (доходы съ 4-хъ городовъ), но не дожилъ до его открытія. Академія открыта была уже при преемницѣ Петра Великаго—Екатеринѣ I въ 1725 г.

Церковныя дѣла. Отношеніе Петра I къ церковнымъ дѣламъ стоитъ въ связи съ условіями его личной жизни и дѣятельности, общимъ характеромъ его реформъ и отношеніемъ къ нимъ духовенства и наконецъ внутренней политикой его предшественниковъ, продолжателемъ которой онъ въ данномъ случаѣ являлся.

Петръ I выросъ внѣ вліянія богословской науки и полуцерковной обстановки, въ какой жили и дѣйствовали его отецъ и братья. Онъ принадлежалъ къ тому новому поколѣнію московскихъ людей, которые, оставаясь въ душѣ и по привычкамъ православными, не боялись общенія съ „еретиками“ нѣмецкой слободы, не пугались нововведеній и стремились къ сближенію съ Западомъ. То болѣе свободное отношеніе къ обрядностямъ и внѣшности, какое усвоилъ

*) Полное названіе ихъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ окрестныхъ странахъ“.

**) Утверждали, что по его же совѣту Петръ I устроилъ коллегіи, ввелъ табель о рангахъ и пр.

Петръ въ этой средѣ, укрѣпилось въ немъ еще сильнѣе послѣ путешествія за границу. И первыя же дѣйствія Петра по возвращеніи изъ Западной Европы, касавшіяся внѣшности—бритья бородъ, ношенія нѣмецкой одежды, усвоенія нѣмецкихъ обычаевъ въ домашней жизни и пр. возстановили противъ него многочисленныхъ ревнителей старины, видѣвшихъ во внѣшнихъ формахъ быта главное и существенное отличіе русскаго человѣка отъ еретиковъ-иновѣрцевъ. Большинство духовенства и во главѣ его патріархъ Адріанъ не сочувствовали этимъ новшествамъ. Хотя патр. Адріанъ и не выражалъ рѣзко и открыто своего недовольства, но уже самое его молчаніе, отсутствіе поддержки со стороны такого вліятельнаго и авторитетнаго въ тогдашнемъ обществѣ лица было непріятно Петру. И когда умеръ Адріанъ (1700 г.), то онъ, опасаясь встрѣтить второго Никона, память о которомъ была еще свѣжа въ обществѣ, не рѣшился выбрать ему преемника, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться всѣ „большія бороды", т. е. противники реформъ. Онъ назначилъ только „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола", какъ бы временнымъ замѣстителемъ патріарха безъ его правъ и преимуществъ, рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго.

Петръ, видимо, не рѣшался ни назначить новаго патріарха, ни упразднить патріаршество, не имѣя въ виду, или не зная еще подходящей формы церковнаго управленія, которая могла бы его замѣнить. Въ такомъ положеніи дѣло находилось цѣлыхъ 20 лѣтъ. За это время, волей царя, не стѣсняемаго въ своихъ дѣйствіяхъ близостью и авторитетомъ патріарха, въ положеніи духовенства измѣнилось очень многое. Прежде всего получилъ движеніе поднятый еще предшественниками Петра вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Имущества эти были громадны. Почти пятая часть всего количества крестьянъ числилась за монастырями и архіерейскими домами. Уложеніе 1649 г. уже запретило духовенству дальнѣйшее пріобрѣтеніе земель. Петръ I подвергъ ихъ теперь строгому контролю государственной власти. Управленіе ими передано было коллегіи изъ свѣтскихъ лицъ (сначала въ монастырскомъ приказѣ, а затѣмъ при Синодѣ); онѣ такимъ образомъ превратились какъ бы въ государственное имущество, часть доходовъ съ котораго шла на содержаніе монастырей и архіереевъ. Точно также судебныя дѣла между свѣтскими лицами и церковниками, прежде подлежавшія вѣдѣнію духовнаго суда, переданы свѣтской власти; суду духовныхъ лицъ оставлены только чисто духовныя дѣла. Равнымъ образомъ всѣ міряне, служившіе церкви, забраны были теперь на государственную службу. Духовенство при Петрѣ I вошло такимъ образомъ въ рядъ дру-

гихъ сословій, подчиненныхъ государственной власти, а не составляло, какъ прежде, обособленное отъ нея общество со своимъ управленіемъ, судомъ и пр. Послѣдній шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1721 году отмѣной патріаршества и учрежденіемъ взамѣнъ его особой духовной коллегіи подъ наименованіемъ „*Святѣйшаго Правительствующаго Синода*". Разработка новаго плана церковнаго управленія при посредствѣ св. Синода принадлежитъ одному изъ немногихъ ревностныхъ защитниковъ реформъ Петра I въ средѣ духовенства— псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу.

Въ составленномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и редактированномъ самимъ Петромъ Великимъ „Духовномъ Регламентѣ" или особомъ уставѣ, данномъ въ руководство Синоду, отмѣна патріаршества прямо объяснялась несовершенствами единоличнаго управленія патріарха и политическими неудобствами, проистекавшими отъ преувеличеннаго пониманія народомъ власти патріаршей, какъ „равносильной царской или даже выше ея". Коллегіальная же реформа управленія признавалась наилучшею по безпристрастію, разностороннему обсужденію вопросовъ и пр. *). Въ составъ духовной коллегіи входило такое же число членовъ, какъ и въ другія—президентъ, два вице-президента и 8 членовъ—изъ высшихъ представителей чернаго и бѣлаго духовенства. Первымъ президентомъ былъ назначенъ по старшинству службы и положенія Стефанъ Яворскій.

Названіе Синода для новой духовной коллегіи взято было изъ Греціи (гдѣ синодами назывались совѣты изъ духовныхъ лицъ при патріархѣ). Титулъ „святѣйшій" перенесенъ былъ изъ патріаршаго титула въ ознаменованіе того, что Синодъ воспринялъ, по выраженію Регламента, „силу и власть патріаршескую". Эпитетъ „Правительствующій" приданъ былъ ему какъ учрежденію, которое въ духовныхъ дѣлахъ

---

*) „Отъ соборнаго правленія, говорится между прочимъ въ Регламентѣ, нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какія происходятъ отъ единаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивленный, помышляетъ, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство; и когда услышатъ (между царемъ и патріархомъ) распрю, то всѣ болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, и льстятъ себя (мечтаютъ), что по самомъ Богѣ поборають". Въ доказательство Регламентъ ссылается на исторію папства. „Да не воспомянутся,—сказано въ заключеніи,—подобные и у насъ бывшіе замахи". Послѣднія слова являются, очевидно, намекомъ на исторію съ патр. Никономъ и выдаютъ опасенія, руководившія составителями Регламента.

Съ учрежденіемъ Синода въ особое вѣдѣніе послѣдняго передана и епархія патріарха, бывшая подъ его личнымъ управленіемъ. Этой епархіей Синодъ управлялъ черезъ особую коллегію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, получившую названіе *Консисторіи*. По образцу этой консисторіи были устроены потомъ консисторіи и въ епархіяхъ другихъ архіереевъ.

имѣетъ значеніе, равное тому, какое Правительствующій Сенатъ имѣетъ вообще въ дѣлахъ государственныхъ. На первыхъ порахъ этого значенія Синода Сенатъ и другія учрежденія не желали было вполнѣ признавать, считая его, повидимому, такимъ же второстепеннымъ учрежденіемъ, какъ другія коллегіи, подчиненныя Сенату. Петръ, однако, своими разъясненіями утвердилъ его значеніе, какъ высшаго учрежденія, и по смерти Стефана Яворскаго не назначилъ уже ему другого президента, сравнявъ съ Сенатомъ, который тоже не имѣлъ президента. Зато, какъ и въ Сенатъ, въ Синодъ введенъ былъ особый надзоръ въ лицѣ оберъ-прокурора (1722 г.), который являлся здѣсь такимъ же „окомъ государевымъ“, какимъ былъ генералъ-прокуроръ въ Сенатѣ, съ такими же полномочіями и тоже съ цѣлымъ вѣдомствомъ „фискаловъ“ или „инквизиторовъ“. Оберъ-прокуроръ долженъ былъ слѣдить за рѣшеніемъ дѣлъ въ Синодѣ, останавливать рѣшенія незаконныя и доносить о нихъ государю. Вслѣдствіе этого политическое значеніе Синода, по идеѣ преемника патріаршей силы и власти, не только никогда не поднималось такъ высоко, какъ власть патріаршая, но было гораздо ниже. Благодаря своей близости къ государю и постояннымъ непосредственнымъ къ нему отношеніямъ, чѣмъ очень рѣдко могли пользоваться члены Синода, оберъ-прокуроры пріобрѣли громадное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Синодѣ, направляя рѣшенія духовной коллегіи согласно желаніямъ свѣтской власти.

Учрежденіемъ Синода Петръ I вполнѣ подчинилъ духовную власть свѣтской, окончательно и надолго рѣшивъ тѣмъ затронутый еще при Алексѣѣ Михаиловичѣ (по дѣлу патріарха Никона) вопросъ объ отношеніяхъ этихъ двухъ властей въ Россіи.

По существу дѣла вопросъ этотъ возникъ тогда случайно и обусловливался личными особенностями Никона, о которыхъ вспоминали и при Петрѣ, но не какими-либо теченіями или общимъ настроеніемъ въ духовенствѣ. Властолюбивыя притязанія Никона были такимъ же эпизодическимъ явленіемъ, какъ и государствованіе патріарха Филарета. Наоборотъ, духовенство на Руси, повинуясь византійскимъ традиціямъ, всегда шло объ руку съ свѣтской властію, или же (чаще всего) повинуясь ей *). Немногочисленные протесты противъ дѣйствій государей — сильные, какъ у митр. Филиппа при Іоаннѣ Грозномъ, или слабые, какъ у патр. Адріана во время массовыхъ казней стрѣльцовъ

*) Эти традиціи сказались и въ отношеніи восточныхъ іерарховъ къ вопросу о патріаршествѣ и отношеніяхъ церковной и свѣтской власти. Они исполнили желаніе царя Ѳеодора Іоанновича относительно учрежденія патріаршества на Руси. Въ спорѣ Алексѣя Михаиловича съ патр. Никономъ они приняли сторону царя и осудили властолюбіе московскаго патріарха и наконецъ при Петрѣ I они признали вполнѣ законною произведенную царемъ смѣну патріарха Синодомъ.

при Петрѣ Великомъ, обусловливались чисто нравственными мотивами, а не властолюбіемъ. Чаще всего эти протесты выражались въ такъ называемомъ „печалованіи“, въ скромной проповѣди, въ большинствѣ же случаевъ пассивно — въ молчаніи. Мысль о первенствѣ свѣтской власти не была новою или непріемлемою и въ средѣ духовенства. При Петрѣ она даже и разработана была духовнымъ же лицомъ. И новая мѣра Петра В.—учрежденіе Синода, какъ постояннаго духовнаго собора изъ небольшого числа епископовъ, поступающихъ туда не по выбору, но по назначенію свѣтской власти и при постоянномъ надзорѣ послѣдней въ лицѣ оберъ-прокурора, — повела собственно не къ устраненію первенства духовной власти предъ свѣтской, чего и раньше не было, но къ ослабленію самостоятельности церковной власти даже въ сферѣ чисто духовныхъ дѣлъ и къ нѣкоторому стѣсненію свободы нравственнаго вліянія ея на народъ.

Къ низшему приходскому духовенству (бѣлому) Петръ I относился внимательно, заботился о расширеніи образованія въ его средѣ, желалъ улучшить его матеріальное положеніе, хотя и не успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ничего существеннаго. Зато монашествующихъ онъ сильно не долюбливалъ. Его практическій умъ, искавшій всюду и прежде всего пользы, не мирился съ созерцательной жизнію монаховъ и не понималъ цѣли существованія людей, которые уклонялись отъ двухъ главнѣйшихъ въ его время государственныхъ повинностей— платить подати и отправлять военную службу. По изложенному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ мнѣнію Петра, въ монахи тогда большинство шло „отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“; не работая, монахи, по взгляду Петра, „поѣдаютъ чужіе труды“, отъ бездѣйствія плодятъ ереси и суевѣрія и занимаются не своимъ дѣломъ: возбуждаютъ народъ противъ реформъ. Въ виду этого Петръ всячески старался сократить число монашествующихъ (ихъ было до 25 т.), установивъ для монастырей опредѣленные штаты, не позволялъ постригать молодыхъ (до 30—40 лѣтъ), запрещалъ не только бродяжничество, но и переходы монаховъ изъ одного монастыря въ другой и т. д. Поставивъ монаховъ подъ строгій контроль настоятелей, Петръ между прочимъ запретилъ имъ держать въ келіяхъ чернила и бумагу и писать что-либо наединѣ и вообще затруднялъ для нихъ общеніе съ мірянами. Въ концѣ царствованія, въ указѣ Синоду (1724 г.) о монахахъ Петръ намѣтилъ слѣдующія двѣ цѣли для монашества: „служеніе страждущему человѣчеству и образованіе изъ себя властей церковныхъ“. Для выполненія первой цѣли по монастырямъ должны были распредѣляться отставные солдаты, больные и престарѣлые нищіе, за которыми монахи и должны были ухаживать; монахинямъ кромѣ того предлагалось заниматься воспитаніемъ сиротъ и рукодѣльемъ;

монахамъ рекомендовались занятія хлѣбопашествомъ. Для осуществленія 2-й цѣли—приготовленія ученыхъ монаховъ—имѣлось въ виду учредить двѣ семинаріи—въ Петербургѣ и Москвѣ. Осуществить намѣченныя реформы Петръ I однако не успѣлъ.

Къ иновѣрцамъ, особенно протестантамъ, Петръ относился съ полною терпимостію. Поселившимся въ Россіи иностранцамъ позволено было свободно отправлять свое богослуженіе. По указанію Петра Синодъ (1721 г.) разрѣшилъ православнымъ вступать въ бракъ съ неправославными—протестантами и католиками. Только разъ, по поводу воздвигнутыхъ въ Польшѣ гоненій на православныхъ, Петръ пригрозилъ воздвигнуть гоненіе на католиковъ, но это объяснялось не религіозными, а политическими мотивами.

Съ такою же терпимостію относился Петръ первоначально и къ раскольникамъ, не стѣсняя ихъ въ отправленіи богослуженія и пр., но когда они оказались самыми упорными противниками „новшествъ", послѣдовалъ рядъ стѣсненій и каръ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, особенно въ концѣ царствованія Петра I, когда обнаружилась прикосновенность видныхъ сторонниковъ раскола къ дѣлу царевича Алексѣя. Раскольники были переписаны и обложены двойнымъ подушнымъ окладомъ (1714 г.), не допускались къ общественнымъ должностямъ, вынуждены были платить пошлину „за бороду" и даже (по указу 1772 г.) носить особое платье (зипунъ съ стоячимъ клееннымъ козырькомъ или воротникомъ) и пр.

Характеръ и значеніе преобразованій Петра I. Преобразованія, особенно касавшіяся войска и флота, финансовъ и другихъ сторонъ государственной жизни, съ ними связанныхъ, проводились Петромъ I съ большой поспѣшностію, къ чему вызывала и самая обстановка, въ которой возникали планы реформъ: среди военныхъ бурь и непогодъ медлить было некогда. „Потеря времени смерти подобна", говаривалъ Петръ Великій и не щадилъ лицъ, медлившихъ исполненіемъ его указовъ, а тѣмъ болѣе людей, которые противодѣйствовали его реформамъ. Ослушникамъ царскихъ указовъ назначались: штрафы, конфискація имущества, нещадные батоги, ссылка въ каторжныя работы и даже лишеніе жизни. Въ Петербургѣ и провинціяхъ, при всѣхъ учрежденіяхъ, состояли особыя должностныя лица, называвшіяся „фискалами", обязанные слѣдить за исполненіемъ указовъ и доносить объ ослушникахъ государевой воли, особенно по взносу податей и повинностей. При наложеніи штрафовъ, въ ихъ пользу шла половина штрафныхъ денегъ. Всѣ эти мѣры плодили неудовольствіе въ населеніи, вызывали такъ называемыя анонимныя „подметныя письма" съ доносами и бранными отзывами о правительствѣ и его представителяхъ. Для „розысковъ" по всѣмъ этимъ дѣламъ учрежденъ былъ въ

Москвѣ (въ 1702 г.) особый „Преображенскій приказъ", начальникомъ котораго назначенъ былъ бояринъ Ромодановскій, получившій отъ Петра титулъ „князя-кесаря". Кто узнавалъ что-либо о замыслахъ противъ государя, обязанъ былъ, во избѣжаніе суровой кары, немедленно доносить объ этомъ, говоря: „я знаю *слово и дѣло* государево!" Его и тѣхъ, кого онъ оговаривалъ, брали въ Преображенскій приказъ въ Москвѣ или въ тайную розыскную канцелярію въ Петербургѣ (1718 г.) и тамъ производили розыскъ при помощи пытокъ. Эта система породила много злоупотребленій, хотя Петръ I крайне сурово расправлялся съ тѣми, кто допускалъ эти злоупотребленія, такъ, напр., нѣсколько фискаловъ были казнены и даже самъ глава ихъ „оберъ-фискалъ" Нестеровъ былъ колесованъ.

Быстрота и принудительный способъ проведенія реформъ, а равно суровыя мѣры противъ ослушниковъ царскихъ указовъ придали преобразовательной дѣятельности Петра I въ глазахъ современниковъ характеръ крутого и рѣзкаго перелома въ общественной жизни: форма какъ бы заслонила собою истинное существо реформъ: народная масса усмотрѣла въ нихъ исключительно „новшества", что-то новое, небывалое. Между тѣмъ, въ сущности, преобразованія Петра Великаго и по основной мысли ихъ (сближеніе съ Зап. Европой), и по ея разработкѣ въ проведеніи тѣхъ или иныхъ мѣръ, были во многихъ отношеніяхъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ или уже начатаго его предшественниками или намѣченнаго къ исполненію ближайшими и наиболѣе видными сотрудниками его отца и брата (Ртищевъ, Нащокинъ, Матвѣевъ, Голицынъ и др.). Достаточно упомянуть, напр., о реформированіи арміи, мѣрахъ относительно сословій, переустройствѣ церковныхъ дѣлъ и пр. — гдѣ прямо отразились теченія и настроенія предшествующаго времени. Военно-административный геній Петра и его выдающійся практическій умъ сказались въ несравненно болѣе широкой и глубокой разработкѣ выдвинутыхъ его предшественниками вопросовъ и осуществленіи многаго изъ того, что намѣчалось лишь въ формѣ предположеній. Благодаря этой связи съ прошлымъ, многія реформы и привились. То же, что стояло въ явномъ противорѣчіи съ привычнымъ строемъ государственной и общественной жизни, не пустило корней и завяло, не успѣвши расцвѣсть. Примѣромъ можетъ служить коллегіальная форма центральнаго и мѣстнаго управленія, выродившаяся еще при Петрѣ въ единоличную систему распорядка дѣлами, или законъ объ единонаслѣдіи, установленный послѣ справокъ о майоратахъ на Западѣ и оставшійся мертвой буквой. Эпоха Петра I и его реформы такимъ образомъ не отмѣна прошлаго, а завершеніе тѣхъ настроеній, которыми былъ проникнутъ XVII вѣкъ, какъ въ сферѣ новыхъ вѣяній, которыя обнаружились и довольно ярко въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, такъ и въ области понятій, изстари укоренившихся въ умахъ населенія и правящей власти. Такъ основной вопросъ въ устройствѣ Московской Руси о власти государевой получилъ при Петрѣ I въ его дѣйствіяхъ и словахъ свое полное и всестороннее развитіе. Алексѣй Михаиловичъ въ своихъ письмахъ говорилъ: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать

люди своя на востокѣ и на западѣ, на югѣ и на сѣверѣ вправду". Петръ Великій еще шире опредѣляетъ свою власть (въ воинскомъ уставѣ) такими словами: „Государь Россійскій есть самовластный монархъ, который *никому на свѣтѣ* о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ".

Петръ I такимъ образомъ не тронулъ основъ государственнаго строя, какъ онъ сложился до него, но своими административными и сословными преобразованіями упорядочилъ механизмъ управленія и въ общемъ еще болѣе усилилъ государственную централизацію. Онъ организовалъ громадную военную силу на Руси и устроилъ значительный флотъ, создалъ многія отрасли промышленности, положилъ прочное начало развитію просвѣщенія на Руси и усвоенію основъ европейской науки. Благодаря этому, а не одной только войнѣ, Россія при немъ и вошла въ семью европейскихъ державъ, какъ равноправный и вліятельный членъ.

Личность Петра В. при огромной власти, сосредоточенной въ его рукахъ, отразилась на формѣ и способахъ осуществленія тѣхъ реформъ въ общественномъ быту, которыя выдвинуты были на очередь ходомъ исторической жизни страны.

Личная дѣятельность великаго преобразователя замѣтно *ускорила* и придала болѣе рѣзкія и опредѣленныя формы тому движенію, которое началось еще до него; иначе и не могло быть при наличности дѣйствительно громаднаго запаса силъ въ духовномъ и даже въ физическомъ организмѣ этого удивительнаго человѣка и его необыкновенной работоспособности.

Великанъ и силачъ*), богатырскаго тѣлосложенія, онъ производилъ впечатлѣніе уже самымъ своимъ внѣшнимъ видомъ и своимъ примѣромъ невольно увлекалъ всѣхъ къ работѣ и дѣятельности. Его физическая выносливость и энергія были изумительны. Современники говорятъ, что ему иногда случалось не спать по три ночи кряду, и онъ на четвертый день принимался за работу съ такою же легкостію и бодрымъ видомъ, какъ и въ первый день. Онъ ни минуты не могъ оставаться въ покоѣ. Его живая и дѣятельная натура не выносила бездѣйствія. И онъ поистинѣ былъ „вѣчнымъ работникомъ на тронѣ". Не было, кажется, ремесла или отрасли ручного труда, которую бы онъ не зналъ въ совершенствѣ — начиная съ постройки корабля и кончая плетеніемъ лаптей. „Я вотъ царь, а руки у меня всегда въ мозоляхъ", говаривалъ онъ иногда въ поученіе окружающимъ. Его подвижная натура сказалась и въ тѣхъ путешествіяхъ, какими наполнено его царствованіе. Онъ нѣсколько разъ посѣтилъ Зап. Европу, каждый разъ вывозя оттуда громадный запасъ необходимымъ для него свѣдѣній. Желая самъ со всѣмъ непосредственно познакомиться, онъ

---

*) Петръ былъ ростомъ почти 7 ф. (2 арш. 14 в.), легко ломалъ руками подковы, свертывалъ въ трубу серебряныя тарелки, перерубалъ кортикомъ на-лету кусокъ сукна и т. п.

буквально исколесилъ всю тогдашнюю Русь съ ея невозможными дорогами отъ Архангельска до Азова, Астрахани и Дербента, отъ Невы до Прута, всюду оставляя слѣды своей неугомонной дѣятельности. День его начинался рано и весь былъ заполненъ разнообразнымъ трудомъ. Въ Петербургѣ, напр., онъ былъ на ногахъ уже съ 3 часовъ утра, читалъ и иногда самъ корректировалъ „Вѣдомости", пересматривалъ въ рукописи переводы и пр., въ 5 часовъ шелъ осматривать производившіяся въ столицѣ работы по постройкѣ зданій, кораблей и т. п., а въ 7 часовъ его видѣли въ какой-нибудь изъ коллегій или въ сенатѣ, гдѣ онъ слушалъ дѣла до 10 или 11 часовъ, излагая свои мнѣнія, подписывая рѣшенія. Быстрота его сообразительности и мѣткость сужденій удивляли современниковъ. Про него говорили, что онъ въ часъ дѣлаетъ больше, чѣмъ другіе въ четыре. Врагъ многословія, онъ не любилъ длинныхъ указовъ, но за то изъ-подъ его пера ихъ вышло необозримое количество. Отправляясь въ Прутскій походъ, онъ въ одинъ день далъ Сенату свыше 30 собственноручныхъ указовъ, каждый по нѣсколько строкъ. Изъ Сената Петръ шелъ въ свой дворецъ, въ Лѣтнемъ саду, и съ 11 часовъ принималъ просителей, при чемъ всѣ имѣли къ нему доступъ. Въ 12 садился за обѣдъ, чаще всего изготовленный самой государыней Екатериной и притомъ изъ самыхъ простыхъ блюдъ, отдыхалъ часъ или два и снова принимался за дѣла, выслушивая доклады Меншикова и другихъ своихъ сотрудниковъ и т. д.

И такъ шло изо дня въ день. Онъ трудился неустанно, не зная отдыха и срока, работалъ самъ и заставлялъ работать другихъ. Всегда бодрый духомъ и тѣломъ, онъ любилъ окружать себя молодыми людьми, изъ нихъ выбиралъ себѣ сотрудниковъ и радовался отъ души, когда находилъ въ средѣ ихъ работниковъ по своему вкусу. „Труды моего Миниха дѣлаютъ меня здоровымъ", писалъ онъ объ одной изъ такихъ молодыхъ силъ, выдвинутой имъ уже въ послѣдніе годы царствованія.

Сотрудники Петра Великаго. Страшная энергія и быстрота, съ какою проводилъ Петръ I свои преобразованія, тотъ „вихрь реформъ", который по выраженію одного историка, крутился по Россіи и какъ разъ въ самую тяжелую и бурную эпоху внѣшнихъ войнъ, ошеломилъ современниковъ. Имъ преувеличенно казалось даже, что Россія Петромъ прямо „изъ небытія въ бытіе приведена" (выраженіе Головкина при поднесеніи Петру I титула императора). Съ другой стороны его личный геній, способность къ неустанной работѣ, при беззавѣтной преданности идеѣ служенія государству, ставившіе его головой выше всѣхъ современниковъ, заставляли ихъ столь же ошибочно относить все къ личности Петра, видѣть его чуть не одинокимъ въ работѣ. „Великій нашъ монархъ, писалъ одинъ изъ выдающихся современниковъ Петра I („торговый человѣкъ" Посошковъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ") на гору самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; какъ же дѣло его скоро будетъ?" Но если бы дѣло обстояло во всемъ такъ, то со смертію преобразователя рухнули бы и всѣ его преобразованія, чего, однако, не было. „Птенцовъ гнѣзда Петрова" оказалось достаточно, чтобы и послѣ его сравнительно ранней смерти не дать погибнуть его начинаніямъ, да и во время своей жизни онъ нашелъ себѣ

не мало талантливыхъ исполнителей своихъ предначертаній. Если въ былое время, въ менѣе производительныя эпохи, выдающіеся сотрудники московскихъ государей считались единицами, то теперь ихъ во всякомъ случаѣ было уже довольно много. Ихъ вызывало, конечно, и самое дѣло, но съ другой стороны Петръ отъ природы одаренъ былъ въ высокой мѣрѣ наиболѣе важнымъ для правителей талантомъ — умѣньемъ выбирать себѣ надлежащихъ сотрудниковъ. Этотъ талантъ усовершенствованъ и развитъ былъ обстоятельствами его жизни, рано вызвавшими его изъ душныхъ кремлевскихъ палатъ на свѣжій воздухъ, къ непосредственному общенію съ самыми разнообразными общественными слоями. Онъ имѣлъ возможность брать себѣ сотрудниковъ не изъ узкаго только круга придворныхъ и служилыхъ людей, но изъ всѣхъ сословій, „разночинцевъ“ разнаго рода и даже иностранцевъ. Правда, почва была довольно неблагодарная, просвѣщеніе въ массѣ было еще слабо развито, но и самъ Петръ, геніальный самоучка на тронѣ, учился и развивался,—такъ сказать, на ходу своей преобразовательной дѣятельности. То же было и съ его сотрудниками.

Наиболѣе талантливымъ изъ среды сотрудниковъ Петръ I является *Меншиковъ*. Сынъ придворнаго конюха, человѣкъ, не получившій почти никакого образованія, онъ обратилъ вниманіе Петра своей смѣтливостію и большимъ природнымъ умомъ. Изъ солдатъ потѣшной роты, Петръ взялъ его себѣ въ денщики. Меншиковъ ѣздилъ съ царемъ заграницу и по возвращеніи оттуда сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Петру лицъ. Мастеръ на всѣ руки, съ чрезвычайно воспріимчивымъ и яснымъ практическимъ умомъ, Меншиковъ не отказывался ни отъ какого дѣла и все исполнялъ ловко и удачно. Во многихъ случаяхъ онъ обнаружилъ большую проницательность и чисто государственный умъ, такъ что мало-по-малу сдѣлался правой рукой Петра и возведенъ былъ наконецъ царемъ въ княжеское достоинство. Онъ обнаружилъ недюжинныя способности и въ военномъ дѣлѣ и за Полтаву получилъ даже чинъ фельдмаршала. Но рядомъ съ большими талантами онъ соединялъ и невыносимую гордость и корыстолюбіе. Не разъ ему случалось за это получать добрые удары „царской дубинки“ (Петръ иногда собственноручно расправлялся съ виновными и бивалъ ихъ своей тростью), его наконецъ отдали формально подъ судъ и только заступничество государыни Екатерины Алексѣевны, многимъ ему обязанной, а главное нужда въ такомъ способномъ и во многихъ случаяхъ незамѣнимомъ человѣкѣ, спасла его отъ ссылки.

Далѣе выдѣлялся своими военными талантами и, въ противоположность Меншикову, замѣчательнымъ благородствомъ характера умный, образованный *Шереметевъ*, первый изъ русскихъ получившій званіе фельдмаршала, а затѣмъ и титулъ графа. Большимъ благородствомъ отличался также князь *Яковъ Долгорукій*, человѣкъ съ довольно узкими взглядами и малопросвѣщенный, но замѣчательно прямой и честный, не разъ смѣло и открыто говорившій Петру правду въ глаза по поводу какихъ-нибудь торопливыхъ и недостаточно продуманныхъ мѣръ. Петръ очень любилъ строптиваго старика за его правдивость, хотя и сердился иногда за противорѣчія.

Въ битвахъ на морѣ выдѣлялись *Головинъ* и *Апраксинъ*, на сушѣ князья Никита *Репнинъ* и Михаилъ *Голицынъ*, пользовавшіеся общей любовью за свою честность и великодушіе. На дипломатическомъ поприщѣ извѣстностью пользовался „великій канцлеръ“ графъ *Головкинъ* и его помощникъ „вице-канцлеръ“ *Шафировъ*, дослужившійся до этого званія изъ простыхъ подъячихъ Посольскаго приказа; особенно отличился онъ заключеніемъ мира при р. Прутѣ. Вообще время Петра, потребовавшее усиленныхъ сношеній съ западными державами, выдвинуло цѣлый рядъ искусныхъ дипломатовъ, каковы, напр., князья *Долгорукіе*, Григорій и Василій, *Куракинъ*, *Неплюевъ*, *Толстой*, *Ягужинскій* (потомъ генералъ-прокуроръ Сената), графъ *Матвѣевъ*, и въ концѣ царствованія—*Волынскій*, *Бестужевъ*, и особенно *Остерманъ* (главный дѣятель по заключенію Ништадтскаго мира). Изъ иностранцевъ кромѣ Остермана возвысился еще графъ *Брюсъ*, начальникъ артиллеріи, пользовавшійся извѣстностью ученаго человѣка и даже „чернокнижника“ и астролога (ему приписывали изданіе календаря съ разными предсказаніями). Въ концѣ царствованія выдѣлился въ мнѣніи Петра своими трудами по проведенію Ладожскаго канала молодой инженеръ *Минихъ*, впослѣдствіи замѣчательный военный и государственный дѣятель.

Довольно разностороннимъ ученымъ заявилъ себя въ эту эпоху *Татищевъ*, составившій себѣ потомъ извѣстность своей „Исторіей Россійской“ и сочиненіями публицистическаго характера; обратилъ на себя общее вниманіе умный и наблюдательный крестьянинъ *Посошковъ*, авторъ замѣчательнаго по тому времени публицистическаго труда „О скудости и богатствѣ“, сначала противникъ, а затѣмъ горячій защитника царя и его преобразованій. Очень полезнымъ сотрудникомъ Петру былъ *Курбатовъ*, постоянно переписывавшійся съ царемъ по разнымъ вопросамъ о реформахъ и вопросахъ внѣшней политики, и цѣлый рядъ выдвинутыхъ вниманіемъ царя дѣльцовъ въ сферѣ народнаго хозяйства и промышленности,—*Демидовы*, *Гончаровы* и пр.

Изъ духовныхъ лицъ заслуживаютъ вниманія—Стефанъ *Яворскій*, ученый богословъ и проповѣдникъ, „мѣстоблюститель патріаршаго престола“; *Дмитрій Ростовскій*, знаменитый борецъ противъ раскола, извѣстный своей строгою жизнью и своими сочиненіями; *Ѳеодосій Яновскій*, архимандритъ Невской лавры, святитель *Митрофанъ Воронежскій*, *Ѳеофанъ Прокоповичъ* и др. Послѣдній сталъ ближе всѣхъ къ Петру и былъ наиболѣе усерднымъ защитникомъ его реформъ, хотя и не отличался строгостію жизни и разборчивостію въ средствахъ къ своему возвышенію. Петръ замѣтилъ умнаго, образованнаго и краснорѣчиваго монаха во время своего пребыванія въ Кіевѣ послѣ Полтавской битвы, гдѣ Прокоповичъ встрѣтилъ его рѣчью, обнаружившей въ ораторѣ недюжинный умъ и широкое пониманіе современныхъ событій. Впослѣдствіи Петръ вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ архіереемъ. Ѳеофанъ оказался очень цѣннымъ помощникомъ Петра и личнымъ участіемъ во многихъ дѣлахъ, и своимъ словомъ (въ проповѣдяхъ) и еще болѣе своимъ перомъ въ составленіи разныхъ государственныхъ актовъ и сочиненій, разъяснявшихъ и защищавшихъ тѣ или иныя мѣры и преобразованія царя.

Въ общемъ, малокультурная сравнительно среда, окружавшая Петра, дала ему все-таки не мало даровитыхъ и способныхъ сотрудниковъ. Правда, никто изъ нихъ не можетъ идти въ сравненіе съ Петромъ. Но и во всякое другое время, развиваясь при одинаковыхъ съ другими условіяхъ, Петръ былъ бы головою выше всѣхъ его окружавшихъ. Дѣятели, подобные Петру, родятся вѣками и не могутъ служить мѣркой для оцѣнки окружающихъ ихъ лицъ.

Семейныя дѣла Петра I, отчасти по особенностямъ его характера и обстоятельствъ его жизни, отчасти подъ вліяніемъ окружавшихъ Петра и его семью лицъ, сложились несчастливо. Когда Петру было 17 лѣтъ, мать его Наталія Кирилловна, имѣя въ виду, по стариннымъ понятіямъ, „остепенить сына" и отвлечь его отъ друзей изъ нѣмецкой слободы, рѣшила женить его на Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной, боярышнѣ стариннаго „теремного" типа. Подчиняясь волѣ матери, Петръ женился (1689 г.), но уже черезъ мѣсяцъ уѣхалъ отъ молодой жены на Переславское озеро. И чѣмъ далѣе, тѣмъ все сильнѣе обнаруживалось, что это двѣ натуры совершенно не сходныя, что ни по уму, ни по характеру, ни по наклонностямъ и стремленіямъ царица не подходитъ къ мужу. Частые отъѣзды Петра изъ Москвы по дѣламъ еще болѣе охладили Петра и по возвращеніи изъ-за границы (1698 г.) онъ удалилъ свою жену въ монастырь, какъ лицо, явно несочувствовавшее ни ему лично, ни его нововведеніямъ.

Отъ брака съ Евдокіей у Петра былъ сынъ Алексѣй, родившійся на другой годъ послѣ его женитьбы (въ 1690 г.). До 9 лѣтъ, т. е. до постриженія матери, онъ жилъ вмѣстѣ съ нею и, конечно, воспитывался въ несочувствіи отцу. Послѣ этого онъ остался на попеченіи сестеръ отца въ старомъ московскомъ дворцѣ, въ кругу людей стараго закала, не любившихъ „новшествъ" Петра, обучавшихъ и воспитывавшихъ царевича на старинный церковный ладъ. Чтеніе богословскихъ книгъ, бесѣды съ духовными лицами по вопросамъ церковнаго характера доставляли царевичу болѣе удовольствія, чѣмъ занятія черченіемъ или математикой, которымъ совѣтовалъ обучать его отецъ. Занятый важными внѣшними и внутренними дѣлами, находясь постоянно въ разъѣздахъ, Петръ не имѣлъ времени слѣдить за воспитаніемъ и обученіемъ сына, и когда спохватился и даже приставилъ къ сыну иностранца-гувернера, было уже поздно: наклонности и вкусы мальчика сформировались въ нежелательномъ для Петра духѣ. Въ довершеніе всего онъ видимо наслѣдовалъ характеръ и темпераментъ матери и не любилъ работы, требовавшей движенія и быстроты въ дѣйствіяхъ. Дряблая натура сына являлась рѣзкой противоположностію живому и дѣятельному характеру отца. Послѣдній пытался пріохотить

его къ своимъ любимымъ занятіямъ, къ военному и морскому дѣлу, но безуспѣшно. Для царевича эти работы были, по его собственному выраженію, „хуже каторги“. Петръ сердился, бранилъ и не разъ даже бивалъ сына, но тѣмъ еще болѣе вырылъ пропасть между собою и будущимъ наслѣдникомъ его царства.

Желая какъ-нибудь передѣлать сына, Петръ прибѣгъ между прочимъ къ тому же средству, которое оказалось недѣйствительнымъ по отношенію къ нему самому — онъ (въ 1711 г.) женилъ сына на одной иностранной принцессѣ, родственницѣ императора Карла VI (Шарлоттѣ, принцессѣ Вольфенбюттельской, — сестрѣ супруги Карла VI). Петръ, видимо, разсчитывалъ на вліяніе культурной и образованной женщины и ошибся. Слишкомъ несходны были понятія и вкусы супруговъ. Алексѣй попрежнему проводилъ время въ кругу своихъ друзей и всячески избѣгалъ общества отца и его приближенныхъ, сказывался даже больнымъ, когда, напр., его приглашали на спускъ корабля и т. п. Между тѣмъ супруга царевича родила сына, Петра, и вслѣдъ затѣмъ скончалась (1715 г.). Оставивъ всякую надежду на Алексѣя, Петръ сосредоточилъ теперь вниманіе на внукѣ, котораго могъ воспитать въ надлежащемъ духѣ и направленіи, устранивъ отъ престола неспособнаго сына. Кромѣ того, Петръ могъ теперь передать престолъ потомству своей новой супруги Екатерины Алексѣевны, на которой за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ женился.

Екатерина была дочерью простого лифляндца (Самуила Скавронскаго, и носила имя Марты, измѣненное съ принятіемъ православія на Екатерину), попала въ плѣнъ къ русскимъ и жила въ домѣ Меншикова, гдѣ ее и замѣтилъ Петръ, плѣнившись ея веселымъ, живымъ характеромъ. Екатерина не получила образованія и въ этомъ отношеніи не отличалась отъ русскихъ женщинъ того времени, но зато чужда была ихъ предразсудковъ и умѣла выразить горячее участіе къ дѣламъ Петра, сочувствіе его взглядамъ, вкусамъ и желаніямъ. Въ ней „большія бороды“, которыхъ такъ не любилъ Петръ, не могли найти себѣ опоры. По живости натуры она походила на Петра и не боялась трудовъ, путешествій и переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, сопутствуя Петру даже въ походахъ. Умѣя, какъ никто, развеселить его въ минуты хандры, находившей на царя въ тяжелые моменты жизни, создавши наконецъ своими заботами вокругъ него атмосферу семейной жизни, которой ему такъ давно недоставало, она пріобрѣла большое вліяніе на государя. Ея желанію устроить судьбу своего потомства (у нея были уже двѣ дочери, а потомъ—въ 1715 г. родился и сынъ Петръ) многіе приписывали и рѣшительный поворотъ въ от-

ношеніяхъ царя къ сыну, хотя и безъ этого было достаточно причинъ для разрыва.

Немедленно же послѣ смерти супруги Алексѣя Петръ послалъ сыну письмо, въ которомъ указывалъ на его неспособность управлять государствомъ, на его неохоту къ ученію, отвращеніе къ воинскимъ дѣламъ и пр. Царь приглашалъ сына или исправиться, или отказаться отъ престола. „Ибо я, говорилъ Петръ въ заключеніе письма, за мое отечество и люди живота не жалѣлъ и не жалѣю, какъ же могу тебя непотребнаго жалѣть? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный“.

На это грозное письмо царевичъ, посовѣтовавшись съ своими друзьями, отвѣтилъ согласіемъ на отреченіе отъ престола („Это, вѣдь, не запись съ неустойкой“, говорили Алексѣю, престолъ по смерти отца всегда можно возвратить). Подозрѣвая неискренность, Петръ потребовалъ въ качествѣ гарантіи полнаго неучастія въ дѣлахъ государства, постриженія Алексѣя въ монахи. Царевичъ, по совѣту своихъ пріятелей, согласился и на это („клобукъ-то не гвоздемъ къ головѣ будетъ прибитъ, можно и отодрать, когда понадобится“, говорили Алексѣю его совѣтники). Эти отвѣты сына смутили Петра. Онъ совѣтовалъ Алексѣю одуматься и, давши ему полгода на размышленіе, самъ уѣхалъ послѣ того въ Данію. По прошествіи срока царь потребовалъ сына къ себѣ, въ томъ случаѣ, если онъ рѣшилъ не идти въ монастырь. Царевичъ написалъ, что ѣдетъ, а самъ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему лицъ, не ожидая отъ отца въ будущемъ ничего добраго, бѣжалъ тайкомъ съ дороги и, переодѣтый, направился въ Австрію съ просьбой къ императору Карлу VI укрыть его отъ отцовскаго гнѣва. Послѣ нѣкотораго раздумья, Карлъ рѣшился пріютить у себя бѣглеца и скрылъ его въ одинъ изъ замковъ. Вѣсть о бѣгствѣ царевича заграницу и притомъ неизвѣстно куда сильно взволновала Петра: царевичъ, будущій государь, въ рукахъ враговъ могъ быть крайне опаснымъ орудіемъ противъ Россіи (шведы потомъ очень жалѣли, что не въ ихъ руки попалъ Алексѣй) и поручилъ наиболѣе ловкому по розыскной части изъ своихъ приближенныхъ—Толстому отыскать Алексѣя во что бы то ни стало. Послѣ долгихъ поисковъ Толстой открылъ мѣстопребываніе царевича. Карлъ VI отказался выдать царевича, но не препятствовалъ уговаривать его вернуться въ Россію, что и удалось Толстому послѣ даннаго отъ имени Петра обѣщанія простить царевича и дозволить ему жить въ Россіи частнымъ человѣкомъ и даже жениться на одной простой русской дѣвушкѣ, которая очень нравилась Алексѣю и которую онъ хотѣлъ сдѣлать своей

женой послѣ смерти кронпринцессы. По возвращеніи Алексѣя въ Россію Петръ встрѣтилъ его въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ въ присутствіи духовенства и свѣтскихъ сановниковъ. Алексѣй упалъ на колѣни и просилъ о помилованіи. Отецъ обѣщалъ помилованіе, но при двухъ уловіяхъ: сынъ долженъ былъ навсегда отказаться отъ престола и выдать лицъ, подговаривавшихъ его на бѣгство. Алексѣй исполнилъ то и другое—назвалъ Петру въ тайной бесѣдѣ своихъ сообщниковъ и торжественно въ Успенскомъ соборѣ передъ Евангеліемъ подписалъ клятвенное отреченіе отъ наслѣдованія престола. Послѣ этого Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ, описывая поведеніе и бѣгство сына заграницу, говорилъ, что царевичъ за все это былъ достоинъ строгой казни, но, соболѣзнуя о немъ, его прощаетъ и отъ наказанія освобождаетъ, лишая, однако, его навсегда престола („хотя бы ни единой персоны нашей фамиліи не осталось“, говорилось между прочимъ въ манифестѣ).

Наслѣдникомъ престола объявленъ былъ второй сынъ царя—царевичъ Петръ, родившійся отъ Екатерины.

Вслѣдъ затѣмъ начался допросъ сообщниковъ царевича, а также его матери Евдокіи Лопухиной (въ иночествѣ Елены) и ея приближенныхъ. Выяснилось, что бывшая царица вела не иноческую жизнь, одѣвалась въ свѣтское платье; въ монастырѣ, гдѣ она жила, ее поминали попрежнему государыней. Слѣдствіе обнаружило далѣе, что лица, окружавшія бывшую царицу и сама она мечтали о воцареніи Алексѣя, не взирая на всѣ его отказы, и желали скорѣйшей смерти государю, хотя ничего похожаго на заговоръ противъ него не составляли. Изъ дальнѣйшихъ расиросовъ самого Алексѣя и приближенныхъ его (подъ пытками) выяснились еще нѣкоторыя новыя обстоятельства, о которыхъ царевичъ умолчалъ при первоначальномъ допросѣ, а именно, что онъ посылалъ императору Карлу письма съ жалобами на отца, ждалъ смерти Петра и смуты, которая могла бы возвести на престолъ его самого, при чемъ разсчитывалъ главнымъ образомъ на чернь и духовенство. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что на сторонѣ Алексѣя была цѣлая, хотя и неорганизованная, партія ревнителей старины и лицъ, не сочувствовавшихъ реформамъ Петра, въ томъ числѣ даже сестра Петра царевна Марія Алексѣевна. Послѣ розыска и новыхъ пытокъ многіе изъ сообщниковъ матери Алексѣя и его самого были казнены или сосланы; Елена и Марія заключены въ крѣпость, а надъ царевичемъ назначенъ новый судъ *), изъ

*) Петръ очень волновался передъ назначеніемъ этого суда и, по разсказу современниковъ, цѣлую недѣлю предъ этимъ подолгу молился по утрамъ на колѣняхъ, со слезами на глазахъ, прося Бога вразумить его, какъ лучше поступить съ сыномъ для блага Россіи.

высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ (свыше ста человѣкъ). Духовенство, засѣдавшее въ судѣ, признавая царевича виновнымъ, однако уклонилось отъ формальнаго приговора. Оно представило лишь свое „разсужденіе“, или мнѣніе, въ которомъ приведены были болѣе или менѣе подходящіе къ настоящему случаю и взывавшіе къ милосердію примѣры изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, напр. Давида, пощадившаго своего мятежнаго сына, и др., окончательное же рѣшеніе предоставляло самому государю. Судьямъ свѣтскимъ нельзя было уклониться отъ произнесенія формальнаго приговора, и они единогласно опредѣлили царевичу Алексѣю смертную казнь. Но прежде чѣмъ этотъ приговоръ могъ быть приведенъ въ исполненіе, царевичъ, измученный нравственными потрясеніями и пытками, скончался въ казематѣ Петропавловской крѣпости (26 іюля 1718 г.). Судъ и смерть царевича произвели крайне тяжелое впечатлѣніе на современниковъ. Были люди, удивлявшіеся рѣшимости царя пожертвовать даже своимъ сыномъ для спасенія страны отъ новыхъ смутъ и переворотовъ, смотрѣвшіе на смерть царевича, какъ на печальную необходимость, сравнивавшіе даже Петра съ Брутомъ, который нѣкогда приговорилъ сына-измѣнника къ смертной казни; большинство, повинуясь чувству сожалѣнія о личной судьбѣ несчастнаго царевича, осуждало и Петра, и судей. Впослѣдствіи въ народѣ являлись даже самозванцы, принимавшіе на себя имя якобы спасшагося отъ смерти царевича, хотя успѣха и не имѣли.

Вслѣдъ за потрясающей семейной драмой Петру пришлось вынести новое тяжелое горе. Черезъ годъ неожиданно скончался и второй наслѣдникъ царя—четырехлѣтній Петръ (1719 г.). Вновь возникалъ тревожный вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ семьѣ Петра, кромѣ его супруги Екатерины, оставались только двѣ дочери—Анна и Елизавета, далѣе слѣдовалъ внукъ, Петръ, сынъ царевича Алексѣя, четырехлѣтній мальчикъ, и двѣ племянницы—Екатерина и Анна (дочери Іоанна Алексѣевича). Изъ нихъ прямымъ наслѣдникомъ можно было бы считать маленькаго внука, но Петръ, у котораго умерло уже три сына еще въ дѣтскомъ возрастѣ, видимо, боялся вновь ставить судьбу государства въ зависимость отъ здоровья ребенка, а тѣмъ болѣе отъ усмотрѣнія его опекуновъ, родственниковъ покойнаго отца, или снова возбудить несбыточныя надежды сторонниковъ его отца. Поэтому, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ рѣшился въ 1722 году издать особый указъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ объявлялъ, что государь, во избѣжаніе вреда для государства отъ обычая обязательной передачи престола въ мужскомъ потомствѣ и притомъ старшему сыну, хотя бы онъ и „худой“ былъ, воленъ назначить себѣ наслѣдникомъ кого угодно и даже

лишить наслѣдства лицо, уже назначенное наслѣдникомъ, если онъ окажется дурнымъ человѣковъ. Въ оправданіе этой замѣны вѣкового обычая наслѣдованіемъ по завѣщанію Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ „Правда воли монаршей“ со ссылками на Библію, исторію и сочиненія разныхъ мыслителей. Преемникомъ себѣ Петръ никого еще не назначилъ, хотя нѣкоторые изъ современниковъ въ совершившемся впослѣдствіи (въ 1724 г.) актѣ торжественнаго коронованія Екатерины Алексѣевны императрицею усмотрѣли косвенное указаніе на то, будто бы онъ имѣлъ въ виду именно ее сдѣлать своей преемницей.

Новый порядокъ престолонаслѣдія послужилъ потомъ, по смерти Петра I, поводомъ къ цѣлому ряду дворцовыхъ переворотовъ при смѣнѣ царствующихъ особъ въ XVIII вѣкѣ.

Кончина Петра Великаго. Непрерывные и тяжелые труды, поѣздки и походы, рядъ тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній, испытанныхъ въ жизни семейной и общественной, недостатокъ надлежащей воздержности и осторожности въ образѣ жизни расшатали необычно крѣпкій организмъ Петра: онъ началъ все чаще и чаще прихварывать. Подвигъ человѣколюбія окончательно подточилъ его здоровье. Въ ноябрѣ 1724 г., проѣзжая по взморью (у м. Лахты, близъ Сестрорѣцка), онъ увидалъ затонувшій ботъ съ солдатами, бросился спасать ихъ и самъ вытаскивалъ солдатъ, стоя по поясъ въ ледяной водѣ. Результатомъ была страшная простуда. Немного оправившись, онъ снова по неосторожности простудился на праздникъ водоосвященія 6 января и окончательно слегъ въ постель. Двѣнадцать дней боролся его могучій организмъ со смертью. Онъ страдалъ жестоко и однажды, обратясь къ присутствующимъ, произнесъ ослабѣвшимъ голосомъ: „Изъ меня познайте, сколь бѣдное созданіе есть человѣкъ“. Чувствуя близость кончины, онъ причастился, соборовался, велѣлъ дать амнистію многимъ тяжкимъ преступникамъ и потребовалъ себѣ бумаги и перо, видимо, желая назначить себя преемника, но успѣлъ написать только два слова: „Отдайте все“... перо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ. Знаками онъ подозвалъ къ себѣ старшую дочь Анну и силился что-то сказать ей, но не могъ. Вскорѣ началась предсмертная агонія, длившаяся 16 часовъ, и 28 января 1725 г. Петра Великаго не стало.

Онъ умеръ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ духовныхъ. Смерть наступила слишкомъ рано для такого богатыря, какимъ онъ былъ по своей натурѣ. Строгій къ другимъ, Петръ совсѣмъ не щадилъ себя. Свѣча его жизнь пылала съ двухъ концовъ и догорѣла ранѣе срока.

Его похоронили въ Петропавловскомъ соборѣ, имъ и построенномъ.

„Что се есть? До чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ, что дѣлаемъ?.. Петра Великаго погребаемъ!“ Такъ началъ свое надгробное слово надъ прахомъ Петра I Ѳеофанъ Прокоповичъ и залился слезами; плакали и всѣ присутствующіе, сознавая, кого они потеряли въ лицѣ почившаго.

„А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея“, —эти безсмертныя слова героя Полтавской битвы, воплотившіяся во множествѣ славныхъ дѣлъ его жизни, останутся вѣковѣчнымъ памятникомъ одного изъ величайшихъ государей не только въ русской, но и въ міровой исторіи.

Преемники Петра Великаго

(до Екатерины II).

Со смертію Петра затихаетъ та кипучая преобразовательная дѣятельность правительства, которой его могучая воля давала тонъ и направленіе и сообщала небывалую быстроту. Послѣ чрезвычайнаго напряженія общественныхъ силъ наступаетъ своего рода передышка,— движеніе впередъ не прекращается, но только совершается медленнѣе. Внутри Россіи идетъ теперь тихая, невидная и неслышная, но неостанавливающаяся работа по усвоенію и расширенію тѣхъ начатковъ просвѣщенія и культуры, которые были насажены въ эпоху Петра. Эта работа выдвигаетъ время отъ времени выдающихся дѣятелей даже изъ народной среды, а во вторую половину XVIII вѣка, при Екатеринѣ II, даетъ Россіи уже цѣлый рядъ крупныхъ блестящихъ именъ, какихъ при Петрѣ I не видимъ и какихъ тогда еще неоткуда было взять. А пока все видимое движеніе и болѣе или менѣе замѣтная глазу посторонняго наблюдателя жизнь сосредоточивается при дворѣ, проявляется въ цѣломъ рядѣ дворцовыхъ интригъ, переворотовъ, въ возвышеніи и паденіи временщиковъ и фаворитовъ и пр. Рѣшающую роль во всѣхъ этихъ переворотахъ имѣетъ гвардія, въ рядахъ которой служили по преимуществу дворяне; гвардія съ одной стороны является до извѣстной степени выразительницей настроеній, господствовавшихъ тогда въ дворянствѣ, а съ другой—своимъ содѣйствіемъ правительству естественно приноситъ этому сословію новыя льготы. Первый опытъ участія гвардіи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи имѣлъ мѣсто при воцареніи Екатерины I.

Екатерина I (1725—1727 г.).

Петръ I предъ своей кончиной не успѣлъ назначить себѣ преемника, и среди правящей знати, по вопросу о престолонаслѣдіи, сразу же обозначились два теченія, возникли двѣ партіи. Одни, главнымъ образомъ родовитые вельможи, стояли за сына царевича Алексѣя Петра, другіе, по преимуществу лица, обязанныя своимъ возвышеніемъ Петру I, какъ Меншиковъ, Толстой, а равно члены Синода,—въ томъ числѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ, желали видѣть во главѣ государ-

ства Екатерину *). На сторонѣ Екатерины была и гвардія, до обожанія преданная Петру Великому и переносившая эту любовь и на Екатерину, которую всегда видѣли съ мужемъ. Офицеры гвардіи сами явились къ Екатеринѣ и предложили ей свои услуги для поддержанія ея на престолѣ. Этимъ умѣло воспользовались сторонники Екатерины, и когда во время засѣданія высшихъ сановниковъ по вопросу о наслѣдникѣ престола подъ окнами раздался барабанный бой и въ залу вошли гвардейскіе офицеры, всѣ пререканія смолкли; Меншиковъ, послѣ рѣчи Ѳеофана Прокоповича о заслугахъ Екатерины, провозгласилъ ее императрицей, и ни одинъ голосъ не осмѣлился протестовать. Гвардію щедро одарили деньгами (роздано было свыше 50 т. руб.), вліятельныхъ дѣятелей противной партіи поспѣшили задобрить разными наградами и повышеніями. Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Екатерины коронованіе ея императрицей при Петрѣ было выставлено какъ назначеніе ея наслѣдницей престола, по указу Петра о престолонаслѣдіи. Войско и народъ, за небольшими исключеніями, спокойно присягнули новой правительницѣ.

Меншиковъ и другіе высшіе сановники однако хорошо понимали, что Екатерина, по недостатку дарованій, образованія и опытности, не можетъ сама направлять государственныя дѣла, допустить же кого-либо одного заправлять всѣмъ отъ ея имени было бы опасно, ибо это вызвало бы общіе протесты. Поэтому порѣшили, съ согласія самой Екатерины, сознававшей свое положеніе, учредить особый *Верховный Тайный Совѣтъ* изъ небольшого числа высшихъ сановниковъ, который бы, подъ предсѣдательствомъ императрицы, и рѣшалъ всѣ важнѣйшія дѣла. Въ составъ этого Совѣта пригласили наиболѣе вліятельнаго изъ родовитыхъ сановниковъ противной партіи—князя Д. М. Голицына (въ его распоряженіи находилась южная или украинская армія); остальные члены и во главѣ ихъ распорядитель петербургскихъ войскъ, Меншиковъ были изъ среды неродовитыхъ сотрудниковъ Петра. Послѣдніе, такимъ образомъ, взяли перевѣсъ **).

---

*) Была попытка провести государыней старшую дочь Петра I Анну (невѣсту герцога Голштинскаго). Сторонники ея ставили на видъ, что незадолго предъ смертью у Петра I произошла очень крупная размолвка съ Екатериной и что въ моментъ предсмертной агоніи онъ звалъ къ себѣ Анну Петровну и силился что-то сказать ей, очевидно, о престолонаслѣдіи. Попытка эта однако не вызвала къ себѣ сочувствія: правленіе Анны Петровны было бы, по мнѣнію другихъ, правленіемъ ея будущаго мужа, нѣмца, не знавшаго даже по-русски.

**) Въ составъ Верховнаго Совѣта первоначально входили слѣдующія лица: Меншиковъ, Дим. Мих. Голицынъ, Толстой, Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ. Послѣдній былъ необходимъ въ составѣ Совѣта какъ знатокъ иностранныхъ языковъ и внѣшней политики. Потомъ къ нимъ присоединился герцогъ Голштинскій, женихъ Анны Петровны. Онъ игралъ нѣкоторое время первую роль въ Совѣтѣ, но потомъ Меншиковъ опять взялъ перевѣсъ во вліяніи на Екатерину, а черезъ нее и на всѣ дѣла.

Съ учрежденіемъ Верховнаго Совѣта Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе, ему даже повелѣно было впредь именоваться не „правительствующимъ“, а „высокимъ“. Сенаторы пробовали протестовать, но внѣшняя сила была не на ихъ сторонѣ и пришлось смириться.

Въ виду большихъ недоимокъ и обѣднѣнія народа, Верховный Совѣтъ рѣшилъ нѣсколько сбавить подушный окладъ (на 10 коп. съ души), и отозвалъ военныя команды, при содѣйствіи которыхъ производились денежные сборы съ крестьянъ. Дефицитъ въ государственныхъ доходахъ отъ уменьшенія подушныхъ сборовъ рѣшено было покрыть закрытіемъ нѣкоторыхъ канцелярій и сокращеніемъ числа чиновниковъ; подъ тѣмъ же предлогомъ уничтожены были учрежденные Петромъ I надворные суды и судъ былъ снова отданъ въ руки воеводъ; имъ же подчинены были и городовые магистраты. Это упростило, конечно, управленіе, но зато усилило власть воеводъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и злоупотребленія.

Сдѣлавши ради экономіи эти отступленія отъ программы Петра I въ области администраціи, новые правители продолжали однако его дѣло въ сферѣ народнаго просвѣщенія: въ декабрѣ 1725 года была открыта *Академія наукъ* по проекту, составленному еще при Петрѣ I. Первымъ ея президентомъ былъ нѣмецъ лейбъ-медикъ (Блюментростъ).

Въ этихъ мѣрахъ, да еще въ учрежденіи новаго ордена — Александра Невскаго, и обнаружилась вся дѣятельность правительства въ недолговременное царствованіе Екатерины I. Сама она проявляла свою власть лишь въ мелочахъ, въ важныхъ же случаяхъ слушалась большею частію Меншикова *). Особенно наглядно сказалось это вліяніе Меншикова по возникшему вновь вопросу о престолонаслѣдіи въ виду слабаго здоровья императрицы. „Верховники“ по этому поводу перессорились между собою. Толстой стоялъ за Анну Петровну, но кандидатура ея считалась неудобной при ея связяхъ съ Швеціей (она вышла замужъ за герцога Голштинскаго, который считался наслѣдникомъ шведскаго престола). Меншиковъ въ свою очередь разсчиталъ, что устранить второй разъ отъ престола подростающаго Петра Алексѣевича (ему шелъ уже 12-й годъ) затруднительно, а лучше чѣмъ-нибудь привязать къ себѣ будущаго императора, и потому уговорилъ Екатерину назначить своимъ преемникомъ Петра, но съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова. До совершеннолѣтія Петра регентство

---

*) Екатерина одарила Меншикова громадными имѣніями, такъ что у него подъ конецъ числилось однихъ крестьянъ 90 тыс. Желая чѣмъ-нибудь оказать свое благоволеніе не только ему, но и его сыну, она наградила послѣдняго орденомъ Св. Екатерины, предназначеннымъ только для женщинъ.

вручалось Верховному Тайному Совѣту съ включеніемъ въ него обѣихъ дочерей Петра Великаго. Толстой и нѣкоторыя другія лица, выразившія неудовольствіе на такое распоряженіе императрицы, подверглись ссылкѣ. Пощаженъ былъ только, по усиленной просьбѣ Петра Алексѣевича, кн. Долгорукій. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина I скончалась (въ маѣ 1727 г.).

Петръ II (1727—1730 г.).

Петръ II Алексѣевичъ вступилъ на престолъ на 12 году отъ роду и самъ, разумѣется, еще не могъ управлять дѣлами. Лица, окружавшія юнаго царя, старались перебивать другъ у друга вліяніе на него. Въ первое время заправлялъ всѣмъ Меншиковъ, получившій отъ Петра II титулъ генералиссимуса. Чтобы лучше держать Петра въ своихъ рукахъ, онъ перевезъ его даже въ свой домъ и, во исполненіе завѣщанія Екатерины I, поспѣшилъ обручить его съ своей 16-лѣтней дочерью, хотя Петру она, видимо, не нравилась. Стараясь упрочить свое господство, Меншиковъ удалилъ мало-по-малу отъ двора всѣхъ опасныхъ ему лицъ. Цесаревна Анна съ мужемъ должна была, по требованію Меншикова, выѣхать изъ Россіи въ Голштинію („понеже герцогу, какъ шведу, здѣсь въ Россіи не довѣряютъ“ — послалъ сказать ей Меншиковъ). Власть и значеніе Меншикова достигли теперь небывалой высоты. У него заискивали даже особы царскаго дома. Герцогиня Курляндская Анна Іоанновна въ своихъ письмахъ „нижайше“ просила его „содержать ее въ своей милости и протекціи“. Самовластіе и нестерпимое высокомѣріе Меншикова оттолкнули отъ него теперь даже и немногихъ его друзей. Враговъ у „прегордаго“ временщика было теперь, по выраженію одного изъ современниковъ, больше чѣмъ волосъ на головѣ. И они нанесли ему ударъ съ той стороны, съ которой онъ и не ожидалъ. Товарищемъ дѣтскихъ игръ Петра былъ князь Иванъ Долгорукій. Этотъ 16-лѣтній юноша, отличавшійся безпорядочнымъ образомъ жизни и необразованный, остался при Петрѣ II и по его воцареніи. Съ нимъ молодой государь, физически развитой не по лѣтамъ, но очень неохотно занимавшійся науками, и проводилъ теперь все время, увлекаясь охотою въ окрестностяхъ Петербурга и другими увеселеніями. Черезъ Ивана Долгорукаго его отецъ и другіе родичи, ненавидѣвшіе Меншикова, успѣли внушить мальчику-императору недовѣріе къ Меншикову, указывая на то, что онъ обращается съ государемъ слишкомъ самовластно, не какъ подданный, а какъ владыка, ни въ чемъ не даетъ ему воли. Меншиковъ, обезпокоенный разсѣянной жизнію

Петра II, думалъ заставить его учиться и приставилъ къ нему Остермана, въ качествѣ руководителя обученіемъ Петра II, но этимъ еще болѣе оттолкнулъ отъ себя уже облѣнившагося и капризнаго мальчика. Да и Остерманъ, оскорбленный высокомѣріемъ и грубостію Меншикова, перешелъ на сторону его враговъ и безъ труда подготовилъ Петра II къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Я ему покажу, говорилъ Петръ о Меншиковѣ, кто императоръ—онъ или я!“ Однажды, въ отсутствіе Меншикова, Петръ II переѣхалъ изъ его дома въ свой дворецъ и оттуда послалъ Меншикову приказъ удалиться изъ Петербурга на жительство въ его имѣнье въ городъ Раненбургъ (Рязанской губ.). Этимъ враги Меншикова однако не удовольствовались, но, обвинивъ его въ лихоимствѣ и другихъ преступленіяхъ, добились приказа лишить Меншикова всѣхъ чиновъ, орденовъ, всѣхъ имѣній и сослать со всѣмъ семействомъ въ Сибирь, въ г. Березовъ. Тамъ Меншиковъ и его дочь, бывшая невѣста Петра II, и умерли, не дождавшись освобожденія *). Остальныя дѣти были возвращены въ Петербургъ уже въ слѣдующее царствованіе (при Аннѣ Іоанновнѣ).

Владычество Меншикова продолжалось всего четыре мѣсяца. Теперь государемъ овладѣли Долгорукіе и уговорили его ѣхать въ Москву, гдѣ у нихъ были имѣнія, завлекли его въ забавы и развлеченія. Вслѣдъ за государемъ туда же перебрался дворъ и вся знать. Петербургъ опустѣлъ, такъ что иностранцы стали уже опасаться за участь молодой столицы. Пребываніе Петра II въ Москвѣ было непрерывнымъ рядомъ увеселеній и праздниковъ. Здѣсь царственный юноша окончательно отвыкъ отъ труда, пристрастился къ охотѣ и другимъ забавамъ. Членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта онъ не видывалъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ; дѣла стали; иностранные посланники не могли добиться аудіенціи и нѣкоторые изъ нихъ даже заявили Остерману, что, если такъ будетъ продолжаться, то они вынуждены будутъ ѣхать изъ

---

*) По дорогѣ въ ссылку и въ самой ссылкѣ Меншиковъ показалъ необыкновенную твердость духа и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, ясно показывая этимъ, что былъ крупной, незаурядною личностью. Послѣ паденія съ небывалой еще высоты судьба посылала ему ударъ за ударомъ, и онъ все переносилъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и христіанскимъ чувствомъ. Княгиня Меншикова, женщина слабаго здоровья и изнѣженная, ослѣпла дорогой отъ слезъ и умерла, не доѣзжая Казани. Меншиковъ самъ похоронилъ ее, но долго оставаться въ Казани и плакать надъ могилой жены ему не позволили. . По прибытіи въ Березовъ съ нѣсколькими слугами, которые согласились дѣлить ссылку съ своимъ бывшимъ господиномъ, онъ началъ строить себѣ домъ, при чемъ самъ работалъ топоромъ. Кромѣ дома онъ построилъ еще деревянную церковь. Изъ его дочерей одна, бывшая невѣста императора, стряпала въ кухнѣ, другая занималась стиркой бѣлья. Первая черезъ 6 мѣсяцевъ по прибытіи въ Березовъ заболѣла оспой и умерла. Меншиковъ самъ читалъ псалтирь надъ покойной. Ее похоронили въ только что отстроенной церкви. Тутъ же, рядомъ съ дочерью, завѣщалъ похоронить себя и Меншиковъ.—Замѣчательная судьба его и жизнь въ ссылкѣ послужили предметомъ множества описаній и разсказовъ какъ въ русской, такъ и въ заграничной литературѣ.

Россіи, такъ какъ имъ здѣсь дѣлать нечего. На семью Долгорукихъ между тѣмъ сыпались милости: имъ жаловались ордена, огромныя имѣнія, трое изъ нихъ назначены членами Верховнаго Совѣта; молодой князь Иванъ, не имѣя еще никакихъ заслугъ, сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ и пр. Въ попыткахъ утвердить свое вліяніе на Петра, они шли по стопамъ Меншикова,—стараясь отдалить отъ него близкихъ лицъ: благодаря ихъ наговорамъ, онъ отдалился отъ царевны Елизаветы Петровны, съ которой дотолѣ былъ очень друженъ. Съ другой стороны, онъ возвратилъ еще въ началѣ царствованія свободу и царскій санъ своей бабкѣ, бывшей царицѣ Евдокіи, хотя и не допускалъ ее къ себѣ. Подражая во всемъ тактикѣ Меншикова, Долгоруковы задумали женить Петра на сестрѣ его любимца Ивана Долгорукова княжнѣ Екатеринѣ. Было уже совершенно публично обрученіе; княжна получила названіе „государыни-невѣсты", было приказано поминать ее на ектеніяхъ; назначенъ былъ и день бракосочетанія, но среди приготовленій къ этому торжеству Петръ II простудился, заболѣлъ страшной тогда болѣзнью—оспой и чрезъ нѣсколько дней скончался (19 янв. 1730 г.).

За время царствованія Петра II центральное правительство съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ во главѣ не проявило ничѣмъ особеннымъ своей дѣятельности. Былъ, правда, заключенъ довольно удачный для насъ торговый договоръ съ замкнутымъ дотолѣ отъ сосѣдей Китаемъ (русскіе добились права вести постоянную торговлю съ китайцами въ пограничной слободѣ Кяхтѣ и разъ въ три года посылать въ Пекинъ караванъ для безпошлинной торговли), но это совершилось благодаря умѣнью и ловкости нашего посланника (графа Рагузинскаго), а не центральной власти. Изъ второстепенныхъ мѣръ можно отмѣтить закрытіе Главнаго магистрата и Преображенскаго приказа (1729 г.); послѣднему было мало дѣла—вступленіе Петра II на престолъ не вызвало ничьего протеста или волненій, такъ какъ соотвѣтствовало и указу Петра I о престолонаслѣдіи и стариннымъ порядкамъ. Во все царствованіе Петра II внутри Россіи было тихо и спокойно; благодаря внѣшнему миру, страна отдыхала отъ военныхъ тяготъ и повинностей, обременявшихъ населеніе въ эпоху Великой Сѣверной войны.

Анна Іоанновна (1730—1740 г.).

Избраніе на престолъ. Въ лицѣ Петра II угасъ послѣдній представитель мужского потомства въ домѣ Романовыхъ и престолъ долженъ былъ перейти къ кому-нибудь по женской линіи. Завѣщанія относительно преемника послѣ Петра II не осталось. Долгорукіе думали

подсунуть умирающему юношѣ-императору для подписи составленную ими „духовную“ о передачѣ престола ихъ сестрѣ—нареченной невѣстѣ государя, но не успѣли или, вѣрнѣе, не посмѣли рискнуть на такое опасное дѣло. Ближайшими преемниками Петра II являлись теперь—дочь Петра Великаго Елизавета и малолѣтній внукъ его—Петръ, сынъ Анны Петровны, герцогини Голштинской, незадолго передъ тѣмъ умершей. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (канцлеръ Головкинъ, двое Голицыныхъ и четверо Долгорукихъ; Остерманъ, подъ предлогомъ болѣзни не участвовалъ въ совѣщаніи) рѣшили, однако, обратиться помимо ихъ къ вдовствующей герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ (дочери царя Іоанна Алексѣевича). Выборомъ лица, не разсчитывавшаго на престолъ, „верховники“ думали, по выраженію Голицына, „себѣ полегчить и воли прибавить“ и предложили корону Аннѣ Іоанновнѣ на условіяхъ, ограничивающихъ самодержавіе въ пользу Верховнаго Совѣта, а именно—она обязывалась всегда имѣть Верховный Совѣтъ „въ восьми персонахъ“ и безъ его согласія не начинать войны и не заключать мира; не назначать новыхъ податей; не давать чиновъ выше полковничьяго; вотчинъ не жаловать; безъ суда не лишать дворянъ чести и имѣнія; гвардія и флотъ должны были зависѣть отъ Верховнаго Совѣта, а не отъ императрицы. „А буде сего не исполню, то лишена буду короны“, приписано было въ концѣ всѣхъ этихъ „кондицій“. Анна Іоанновна подписала эти условія.

Какъ ни тайно вели свое дѣло верховники, молва объ ихъ замыслахъ проникла въ общество. Въ Москвѣ въ эту пору, по случаю ожидавшейся свадьбы Петра II, стояла гвардія и былъ большой съѣздъ дворянства. Всѣ боялись „вмѣсто одного самодержавнаго государя имѣть восемь самовластныхъ фамилій“. Дворяне стали собираться въ кружки, мнѣнія раздѣлились, явилось свыше 10 новыхъ проектовъ устройства управленія съ ограничительными условіями въ пользу дворянства, а не однихъ верховниковъ. Но большая часть и въ томъ числѣ гвардія, въ рядахъ которой числились по преимуществу дворяне, были противъ ограниченій и желали только облегченій по службѣ и по владѣнію имѣніями. Духовенство, съ Өеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ, также было противъ „кондицій“ и безъ всякихъ приказовъ стало поминать Анну Іоанновну на ектеніяхъ „самодержицей“. Когда Анна прибыла въ Москву, дворянская партія сторонниковъ самодержавія вошла съ ней въ тайныя сношенія. Душою всего дѣла были Остерманъ и Өеофанъ Прокоповичъ. Къ Аннѣ Іоанновнѣ явилась депутація отъ дворянъ и подала просьбу о дозволеніи обсудить различные проекты новаго образа правленія. Императрица согласилась. Но въ это время находив-

шіеся въ залѣ гвардейцы и нѣкоторые изъ дворянъ стали кричать: „Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы, она должна быть такою же самодержицей, какъ прежніе государи!“ Въ тотъ же день большая группа дворянъ подала императрицѣ просьбу о возстановленіи самодержавія. Застигнутые врасплохъ и опасаясь гвардіи, верховники ничего не возражали. „А развѣ кондиціи не по желанію народа составлены?“ спросила Анна Іоанновна. „Нѣтъ!“ послышались голоса. Верховники молчали. „Такъ ты меня обманулъ, Василій Лукичъ?“ проговорила императрица, обращаясь къ старшему изъ кн. Долгорукихъ, велѣла подать себѣ условія, составленныя Верховнымъ Совѣтомъ, и разорвала ихъ, а затѣмъ короновалась самодержавной императрицей.

Анна Іоанновна была второй дочерью царя Іоанна Алексѣевича и росла при довольно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Слабый духомъ отецъ не имѣлъ значенія въ семьѣ. Мать — царица Прасковья не любила дочери, и царевна Анна не получила хорошаго образованія— она довольно плохо и безграмотно писала по-русски, пріобрѣла нѣкоторыя свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ (что потомъ ей и пригодилось въ Курляндіи) и усвоила „танцовальное искусство“. До 17 лѣтъ она жила въ подмосковскомъ селѣ Измайловѣ подъ надзоромъ тетки Екатерины и дяди Петра Великаго который изъ-за политическихъ разсчетовъ выдалъ ее замужъ за Курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма (въ 1710 г.). Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы герцогъ заболѣлъ и умеръ, и съ тѣхъ поръ Анна провела 19 лѣтъ въ Курляндіи въ довольно скудной матеріальной обстановкѣ, не вмѣшиваясь да и не имѣя возможности вмѣшиваться въ правленіе, въ странѣ, служившей яблокомъ раздора между Россіей, Швеціей и Пруссіей. Не пріобрѣвши привычки къ государственной дѣятельности, Анна Іоанновна и съ переѣздомъ въ Россію дѣлами правленія мало занималась и мало ихъ понимала, предоставляя это своимъ приближеннымъ.

Сдѣлавшись императрицей, она стремилась прежде всего вознаградить себя за долгіе годы непріятностей и униженій разнаго рода празднествами и развлеченіями. При дворѣ царила азіатская роскошь и постоянно устраивались стоившіе громадныхъ денегъ балы, „машкерады“, спектакли, ставились итальянскія оперы, заведенъ былъ нѣмецкій театръ и балетъ, при чемъ заботились больше о пышности, чѣмъ объ изяществѣ. Вкусы самой Анны Іоанновны и ея увеселенія носили довольно грубый, а иногда и жестокій характеръ. Между прочимъ она очень увлекалась псарнями, травлей и звѣринцами. Въ покояхъ ея постоянно находились святоши и приживалки, шуты и шутихи, развлекавшіе скучавшую императрицу разными грубыми затѣями. Одна изъ нихъ надолго осталась въ памяти петербуржцевъ: зимою 1740 г. отпразднована была свадьба шута кн. Голицына съ калмычкой, при чемъ для пребыванія „молодыхъ“ построенъ былъ ледяной домъ на Невѣ. Въ торжественномъ шествіи участвовали представители разныхъ племенъ, населявшихъ Россію. На эту шутовскую

церемонію потрачены были большія деньги, какъ и вообще дворцовыя увеселенія того времени, постройки и обстановка, костюмы и пр. требовали громадныхъ суммъ. Своей безвкусной роскошью и расточительностью русскій дворъ того времени стремился перещеголять или, по крайней мѣрѣ, сравняться съ наиболѣе пышнымъ изъ европейскихъ дворовъ — французскимъ. Дворцовые порядки при Аннѣ Іоанновнѣ составляли прямую противоположность тому, что видѣлъ Петербургъ при Петрѣ I, на котораго она любила ссылаться въ своихъ указахъ, но дѣйствіямъ и бережливости котораго не подражала. Вслѣдъ за дворомъ и по подражанію ему втянулась въ непосильную роскошь и высшая знать столицы, а за нею и провинціальное дворянство.

Господство нѣмецкой партіи. Анна Іоанновна вступила на престолъ 37 лѣтъ, молодость была уже прожита въ званіи герцогини Курляндской, но въ обстановкѣ, полной нравственной приниженности,— Курляндія, а вмѣстѣ съ нею и ея правительница были игрушкой въ рукахъ сильныхъ сосѣдей. Приходилось постоянно трепетать за себя и свою власть и заискивать не только у государей сосѣднихъ странъ, но и у ихъ вліятельныхъ сановниковъ, писать, напр., униженныя письма съ просьбой о „протекціи" Меншикову и т. п.

И теперь въ сердцѣ Анны Іоанновны больно отозвался тотъ „ущербъ" ея самодержавной власти, который пытались нанести верховники, русская знать. Съ той поры и все время своего царствованія она очень подозрительно относилась къ дѣйствіямъ этой знати и вообще мало довѣряла русскимъ людямъ.

Проживъ 19 лѣтъ въ Курляндіи, она какъ-то отвыкла отъ Россіи и особенно въ Москвѣ чувствовала себя совсѣмъ чужой, почему и поспѣшила поскорѣе переѣхать въ Петербургъ и окружила себя нѣмцами, съ которыми сблизилась въ Курляндіи. Послѣдніе уже давно свили себѣ гнѣздо въ Россіи, особенно въ Петербургѣ и, цѣпляясь одинъ за другого, поддерживая другъ друга, пробирались постепенно къ высшимъ должностямъ. Петръ Великій, допуская иностранцевъ въ Россію, смотрѣлъ на нихъ лишь какъ на временное орудіе къ обученію русскихъ и, за самыми ничтожными исключеніями, не допускалъ ихъ на первыя мѣста. Теперь этого препятствія не было, наоборотъ, верховная власть сама явилась пособницей стремленіямъ нѣмцевъ захватить въ свои руки наиболѣе вліятельныя должности. Личные интересы правительницы совпали съ нѣмецкими теченіями, пробивавшимися въ самыя высокія сферы. Начинается эпоха господства нѣмецкой партіи въ Россіи.

Какъ Анна Іоанновна, такъ и лица, ее окружавшія, больше всего опасались представителей видныхъ и родовитыхъ фамилій стариннаго русскаго боярства, уже пытавшагося захватить въ свои руки верховную власть. Во все время царствованія сыплются удары на

высшую русскую знать. Прежде всего, разумѣется, пострадали верховники—кн. Долгорукіе, Голицыны и ихъ многочисленные родичи. Ихъ постепенно разослали въ ссылку по разнымъ городамъ Европейской Россіи и Сибири и многихъ подъ разными предлогами казнили *). Терпѣли иногда гоненія даже лица, не игравшія никакой роли и виновныя только въ принадлежности къ родовитой знати. Зато нѣмцы систематически проникали на самыя видныя мѣста во всѣхъ учрежденіяхъ. Президентами коллегій назначались нѣмцы, во главѣ арміи были тоже нѣмцы (Минихъ и Ласси). Вновь сформированные гвардейскіе полки—Измайловскій и Конный постарались поставить подъ начальство офицеровъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ съ любимцемъ Анны Іоанновны полковникомъ Левенвольдомъ во главѣ.

Дѣлами высшаго управленія завѣдывали также нѣмцы. Опора русской знати—Верховный Тайный Совѣтъ былъ уничтоженъ немедленно по вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, и Сенатъ возстановленъ въ прежнихъ своихъ правахъ съ званіемъ „правительствующаго"—хотя и на бумагѣ только, потому что вскорѣ, взамѣнъ Верховнаго Совѣта, былъ учрежденъ такъ называемый „Кабинетъ" или совѣтъ изъ трехъ лицъ, называвшихся кабинетъ-министрами. Въ его рукахъ и сосредоточилось главное руководство управленіемъ, при чемъ Сенатъ и Синодъ становились уже на второе мѣсто. Главнымъ дѣятелемъ въ Кабинетѣ и вообще въ дѣлахъ правленія былъ хитроумный Остерманъ. По вліянію на ходъ дѣлъ его превосходилъ только любимецъ Анны Іоанновны—курляндецъ Биронъ.

Бироновщина. Человѣкъ простаго происхожденія (сынъ конюха), безъ всякаго образованія, Биронъ обладалъ красивою наружностію, отлично ѣздилъ верхомъ и очень понравился своею ловкостію Аннѣ Іоанновнѣ еще во время ея пребыванія въ Курляндіи. По воцареніи ея онъ пріѣхалъ въ Россію и сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Не занимая никакой отвѣтственной должности, но пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, онъ оказывалъ вліяніе на всѣ дѣла, особенно если они могли принести ему какую-либо личную выгоду. Не обладая государственнымъ умомъ,

---

*) Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II, еще при жизни послѣдняго обручился съ Натальей Борисовной Шереметевой, дочерью извѣстнаго сподвижника Петра фельдмаршала Шереметева. Когда семья Долгорукихъ при Аннѣ подверглась опалѣ, родные стали уговаривать Наталью отказаться отъ жениха, но она вышла за него замужъ и добровольно послѣдовала за нимъ въ ссылку въ Березовъ. Черезъ 8 лѣтъ его вмѣстѣ съ дядей Василіемъ Лукичемъ привезли изъ Сибири въ Новгородъ и казнили. Натальѣ Борисовнѣ разрѣшено было пріѣхать въ Москву; выростивъ своихъ сыновей, она постриглась въ одномъ изъ монастырей въ Кіевѣ, гдѣ и окончила свою жизнь, оставивши любопытныя записки о своей страдальческой судьбѣ.

онъ не имѣлъ никакой опредѣленной программы дѣятельности въ чуждой ему странѣ и не только не зналъ быта и жизни рускаго народа, но и презиралъ все русское. Онъ всячески покровительствовалъ нѣмецкимъ выходцамъ низшаго разбора, подобно ему презиравшимъ страну, которая ихъ пригрѣла, и съ помощью ихъ да еще тѣхъ русскихъ людей, которые, ради денегъ и прибыли, готовы были подслужиться вліятельному временщику, эксплоатировалъ страну въ цѣляхъ личной наживы, обманывая на каждомъ шагу императрицу, слѣпо довѣрявшую своему любимцу. Прежде всего онъ принялся за выколачиваніе съ податнаго населенія недоимокъ, которыхъ въ ту пору накопилось до 7 мил. рублей. По областямъ разосланы были военныя команды, у крестьянъ продавали послѣднее имущество, пуская ихъ по міру, помѣщиковъ сажали подъ арестъ, возлагая на нихъ вину за неаккуратность доставки податей крестьянами; губернаторовъ и воеводъ смѣщали за недостаточность усердія по сбору недоимокъ и т. д. Не взирая на всѣ усилія, едва могли собрать 3 мил. руб. Собираемыя такимъ путемъ недоимки шли, однако, не въ государственную казну, а въ особый „Доимочный приказъ", суммами котораго безконтрольно распоряжался самъ Биронъ.

Слѣдствіемъ этихъ мѣръ былъ, разумѣется, всеобщій ропотъ. Чтобы зажать рты недовольнымъ, Биронъ пустилъ въ ходъ систему доносовъ и самыхъ тяжелыхъ репрессій. Снова возстановленъ былъ упраздненный было при Петрѣ II Преображенскій приказъ подъ названіемъ Тайной канцеляріи. Шпіоны временщика разсѣялись по всему государству; вездѣ раздавалось грозное „слово и дѣло", за которымъ слѣдовали пытки, ссылки и казни. При этомъ не щадили никого. Нѣсколько архіереевъ за неодобрительные отзывы о Биронѣ или нѣмцахъ лишены были своего сана; тверской архіепископъ (Ѳеофилактъ Лопатинскій), написавшій сочиненіе „О лютеранской и кальвинской ереси", былъ подвергнутъ пыткамъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Священниковъ, по оплошности позабывшихъ отслужить молебенъ въ царскіе дни, за это „оскорбленіе величества" били кнутомъ и ссылали въ Сибирь. Когда одинъ изъ кабинетъ-министровъ, Артемій Волынскій, разошелся во взглядахъ съ Бирономъ и позволилъ себѣ неодобрительные отзывы о дѣятеляхъ нѣмецкой партіи и самомъ Биронѣ и подалъ даже самой императрицѣ записку, въ которой порицалъ поведеніе окружающихъ ее лицъ, всемогущій временщикъ потребовалъ суда надъ нимъ, обвиняя Волынскаго въ различныхъ преступленіяхъ. Спачала императрица, не видя въ дѣйствіяхъ Волынскаго какой-либо особенной вины, не согласилась на требованіе фаворита, но когда тотъ,

бросившись на колѣни, заявилъ, что при такой немилости императрицы ему остается одно—уѣхать изъ Россіи, государыня уступила. Волынскаго страшными пытками заставили „сознаться“, будто онъ дурно отзывался о самой императрицѣ, и присудили къ смертной казни. Измученнаго пытками, и съ вывихнутой рукой, бывшаго кабинетъ-министра возвели на эшафотъ и всенародно варварски казнили (ему отрубили сначала руку, потомъ голову); одному изъ его сторонниковъ (Мусину-Пушкину) вырѣзали языкъ. Сынъ Волынскаго отправленъ солдатомъ въ Камчатку, а дочери пострижены. Эта кровавая расправа съ однимъ изъ самыхъ видныхъ сановниковъ имперіи навела на всѣхъ ужасъ. Неудивительно, если грубый и зазнавшійся временщикъ, избранный благодаря содѣйствію императрицы, при помощи русскихъ штыковъ, герцогомъ Курляндскимъ, позволялъ себѣ безнаказанно самыя невозможныя выходки. Такъ, напр., найдя однажды, что дороги были неисправны, и приписывая это небреженію Сената, онъ публично кричалъ, что велитъ сенаторами мостить мосты въ Россіи.

Опасаясь непріятностей со стороны дерзкаго фаворита, при дворѣ всѣ льстили ему, искали его милости и покровительства. Даже особы царствующаго дома, какъ, напр., цесаревна Елизавета Петровна, вынуждены были заискивать у временщика *). Тяжелое время господства Бирона продолжалось до самой кончины Анны Іоанновны и осталось надолго въ памяти русскихъ людей подъ именемъ „бироновщины“.

Дѣла внутреннія. Правительственными распоряженіями 10-тилѣтнее царствованіе Анны Іоанновны не богато, хотя внѣшняго порядка было въ общемъ больше, чѣмъ въ предыдущія царствованія: дѣла въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ шли правильнѣе, видимо, чиновная бюрократія уже сформировалась или, по крайней мѣрѣ, болѣе привыкла къ своему дѣлу. Изъ болѣе или менѣе крупныхъ мѣръ, кромѣ замѣны Верховнаго Совѣта *Кабинетомъ* и сформированія двухъ новыхъ *гвардейскихъ полковъ*, можно указать только нѣсколько распоряженій, касавшихся облегченія службы дворянства и увеличенія его правъ въ области землевладѣнія. Этимъ Анна Іоанновна съ одной стороны исполнила въ извѣстной мѣрѣ желанія дворянства, выраженныя въ поданныхъ ей при вступленіи на престолъ петиціяхъ, съ другой отблагодарила то же дворянство за содѣйствіе въ дѣлѣ сохраненія самодержавія отъ попы-

*) Интересно, напр., слѣдующее письмо Елизаветы Петровны Бирону: „Сіятельнѣйшій графъ. Вѣдая всегдашнюю вашу благосклонность, не хотѣла упустить, чтобы не увѣдомить ваше сіятельство о прибытіи моемъ суда (въ Петербургъ) и желаю вашему сіятельству благополучнагожъ прибытія въ Санктпетербурхъ; впрочемъ желая вашему сіятельству здравія и благополучнаго пребыванія, остаюсь Елизаветъ“.

токъ верховниковъ ограничить его. Прежде всего, по вступленіи на престолъ, она отмѣнила ненавистный дворянству законъ Петра I *объ единонаслѣдіи* и дала дворянамъ свободу распоряжаться своими имѣніями какъ угодно. Еще Петръ I сравнялъ помѣстья съ вотчинами, давши дворянамъ право завѣщать тѣ и другія наслѣдникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснилъ и это право закономъ объ единонаслѣдіи. Теперь это стѣсненіе было снято, а уравненіе помѣстій съ вотчинами осталось во всей силѣ и такимъ образомъ дворянство получило въ полную собственность массу земель, которыя когда-то считались государственными и были лишь во временномъ пользованіи. Въ томъ же (1731) году учрежденъ для дворянъ, по совѣту Миниха, *Кадетскій корпусъ,* изъ котораго сыновья дворянъ, получивъ необходимое образованіе и обучившись воинскому искусству, выходили уже прямо офицерами въ армію. Такимъ образомъ уничтожена была тяжелая и неприятная для дворянъ обязанность начинать военную службу рядовыми наравнѣ съ рекрутами изъ крестьянъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (1736 г.) облегчена и самая служба для всѣхъ дворянъ установленіемъ для нея *25-лѣтняго срока* (доселѣ служба считалась пожизненною). Совсѣмъ освободить дворянъ отъ службы не представлялось возможности, по сознанію самихъ же дворянъ: „всякій тогда захочетъ лежать въ своемъ домѣ", по выраженію одного изъ дѣятелей временъ Анны Іоанновны (Волынскаго), армія оскудѣла бы офицерами, администрація осталась бы безъ чиновниковъ, большинство предпочло бы службѣ привольную жизнь въ помѣстьѣ. Служилаго дворянства стало больше, но не настолько, чтобы можно было совсѣмъ освободить дворянство отъ принудительной службы.

Что касается крестьянъ, то заведенная Бирономъ система безжалостнаго выколачиванія недоимокъ способствовала только большему обнищанію ихъ. Масса ихъ бѣжала отъ помѣщиковъ, бросая свои поля. Запашки во многихъ мѣстахъ сократились. Страну нѣсколько разъ посѣщали голодовки. Центральное правительство обращалось къ помѣщикамъ съ призывами помочь голодающимъ сѣменами и деньгами. Призывы эти оставались безплодными, и наконецъ Сенатъ вынужденъ былъ покупать хлѣбъ на средства казны и раздавать неимущимъ „взаймы съ росписками". Какихъ-либо систематическихъ мѣръ, измѣняющихъ положеніе крестьянъ, не замѣчается, но въ рядѣ отдѣльныхъ, не связанныхъ одинъ съ другимъ указовъ, составлявшихся руками той же администраціи, видна тенденція къ ограниченію личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянства и къ большему укрѣпленію власти помѣщиковъ надъ ними. Такъ, напр.,

крестьянамъ запрещено заводить фабрики (суконныя), покупать недвижимыя имѣнія, вступать въ откупы и подряды, отправляться на промыслы безъ разрѣшенія помѣщика и т. д., помѣщикамъ, наконецъ, дано было право переселять своихъ крестьянъ изъ уѣзда въ уѣздъ, отрывая ихъ отъ мѣста, къ которому они прикрѣплены были ревизіей. Не устанавливая полнаго безправія крестьянъ, эти постановленія были, однако, весьма замѣтнымъ шагомъ на пути къ этому, къ потерѣ крестьянами гражданской личности.

Дѣла внѣшнія. Внѣшними сношеніями при Аннѣ Іоанновнѣ завѣдывалъ Остерманъ и вмѣстѣ съ Бирономъ и другими представителями нѣмецкой партіи въ Россіи тяготѣлъ своими симпатіями къ Австріи. Разсчитывая на вліяніе Бирона, австрійскій (германскій) императоръ прислалъ временщику даже титулъ графа. Въ союзѣ съ Австріей Россія противодѣйствовала Франціи въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля и затѣмъ втянулась въ войну съ Турціей, ознаменованную громкими побѣдами Миниха, но не принесшую Россіи рѣшительно никакой пользы.

Когда, послѣ смерти короля Августа II (1733 г.), на польскій престолъ былъ избранъ при содѣйствіи Франціи его бывшій соперникъ при Петрѣ I—Станиславъ Лещинскій, Австрія и Россія выставили въ противовѣсъ Лещинскому своего кандидата — сына покойнаго короля Августа III, курфюрста Саксонскаго, и, при содѣйствіи русскихъ войскъ (бывшихъ подъ начальствомъ Миниха), возвели его на престолъ. Станиславъ Лещинскій вынужденъ былъ бѣжать во Францію и снова отречься отъ престола.

Ни Франція, ни Турція не могли простить Россіи этого вмѣшательства въ польскія дѣла, боясь ея усиленія. Съ другой стороны и Россія недовольна была непрекращавшимися набѣгами подвластныхъ Турціи крымскихъ татаръ на наши южныя области. И когда у Турціи возникли недоразумѣнія съ Персіей, поведшія къ разрыву между этими двумя мусульманскими государствами, Россія рѣшила воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и тоже начала войну съ Турціей. Русское войско, подъ начальствомъ Миниха, двинулось на Крымъ. Зная о неудачѣ прежнихъ русскихъ походовъ на Крымъ изъ-за отсутствія продовольствія въ степи, Минихъ заблаговременно озаботился заготовкой всякаго провіанта, направивъ его вслѣдъ за войскомъ на судахъ по рѣкамъ. Военныя дѣйствія были направлены частью на Азовъ (который и взятъ былъ послѣ довольно тяжкой осады), частью на Крымъ, куда Минихъ вторгся Перекопскимъ перешейкомъ. Татары, плохо владѣвшіе огнестрѣльнымъ оружіемъ, не могли противиться регулярной арміи; однако болѣзни, развившіяся среди войска отъ непривычнаго климата, воспрепятствовали намъ утвердиться въ Крыму. На слѣдующій годъ Минихъ послѣ ожесточеннаго штурма взялъ сильную турецкую крѣпость Очаковъ, запиравшую выходъ изъ Днѣпра, и такимъ образомъ устья двухъ наиболѣе

важныхъ водныхъ артерій—Днѣпра и Дона были въ нашихъ рукахъ; крымскіе татары были отрѣзаны съ сухого пути отъ своей покровительницы Турціи и паденіе ханства казалось только вопросомъ времени. Теперь Австрія двинула свои войска противъ Турціи, но потребовала, чтобы Минихъ помогалъ ихъ движенію и, оставивъ устья Днѣпра, двинулся къ Пруту. Минихъ исполнилъ это, проникъ даже за Прутъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ (отомстивъ тѣмъ за неудачу Петра I на Прутѣ) и взялъ турецкую крѣпость Хотинъ. Но подвиги русскаго войска, прекрасно организованнаго Минихомъ, дали только громкую славу нашей арміи, но пользы не принесли. Бездарные австрійскіе полководцы были разбиты турками, и Австрія поспѣшила заключить миръ съ Турціей, не предувѣдомивъ объ этомъ Россію и оставивъ такимъ образомъ Миниха одного и въ невыгодномъ положеніи вдали отъ русскихъ границъ. Не утвердившись въ Крыму, мы были вынуждены покинуть и Прутъ. Изъ-за трусости и недобросовѣстности Австріи пропали даромъ громадныя жертвы и деньгами и людьми (отъ ранъ и болѣзней погибло до 100 тыс. чел.), что зависѣло не только отъ трудностей похода, но и отъ того, что Минихъ не щадилъ солдатъ въ битвахъ и при штурмахъ. Покинутая союзникомъ и предвидя близкое окончаніе войны съ Персіей, императрица рѣшилась заключить миръ съ Турціей (въ 1739 г. въ Бѣлградѣ), по которому возвратили Турціи почти всѣ завоеванныя у ней земли, кромѣ части степи между Днѣпромъ и Бугомъ и Азова, укрѣпленія котораго, однако, мы должны были срыть.

Заключеніе мира было пышно отпраздновано въ Петербургѣ. Миниха щедро наградили за труды землями въ разныхъ губерніяхъ. Слава побѣдъ этого „сокола“ (какъ прозвали его за смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія на войнѣ) гремѣла по всей Европѣ. Но въ самой Россіи эта безплодная война, жертвы которой оплакивались чуть не въ каждомъ домѣ, произвела крайне тяжелое впечатлѣніе.

Экономическое положеніе страны послѣ войны ухудшилось еще болѣе. Не взирая на всѣ строгости, недоимокъ на населеніи въ годъ окончанія турецкой войны числилось нѣсколько милліоновъ руб. и надежды на взысканіе ихъ, какъ говорили тогда, „не обрѣталось“.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и кончина Анны Іоанновны. Высокая ростомъ, довольно полная и мужественная съ виду, Анна Іоанновна не обладала крѣпкимъ здоровьемъ и уже съ первыхъ лѣтъ своего царствованія задумывалась надъ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Она очень недружелюбно относилась къ кандидатурѣ принца Петра Голштинскаго, сына Анны Петровны, и въ высшей степени рѣзко объ немъ отзывалась. Ей хотѣлось упрочить престолъ за потомствомъ своего отца и съ этой цѣлью она вызвала изъ Мекленбурга дочь своей старшей сестры царевны Екатерины Іоанновны и герцога Леопольда—*Анну Леопольдовну*, выдала ее замужъ за принца

Антона-Ульриха Браунгшвейскаго, и когда у нихъ родился сынъ *Іоаннъ* (въ 1740 г.), то объявила его своимъ преемникомъ. Младенецъ-императоръ, разумѣется, самъ не могъ управлять, и когда состояніе здоровья императрицы ухудшилось и появились признаки ея близкой кончины, поднялся вопросъ о регентствѣ. На это прежде всего разсчитывали родители малолѣтняго императора. Но ихъ успѣлъ предупредить Биронъ, опасавшійся потерять всякое значеніе, а быть можетъ и жизнь, со смертію Анны Іоанновны. Настроенные имъ кабинетъ-министры и нѣсколько высшихъ сановниковъ съ фельдмаршаломъ Минихомъ во главѣ явились къ больной императрицѣ и просили назначить регентомъ Бирона *). Анна Іоанновна молча выслушала просителей и положила ихъ письменное заявленіе подъ подушку. Тогда доставлено было новое заявленіе о томъ же за вынужденной подписью Сената и Синода. Когда и это не подѣйствовало, Биронъ рѣшился самъ за себя ходатайствовать. Выслушавъ его, императрица грустно покачала головой и промолвила: „Жаль мнѣ тебя, герцогъ: ты самъ стремишься къ своей гибели", но тѣмъ не менѣе подписала указъ, узнавши, что и Остерманъ высказывается за Бирона. Торжествующій Биронъ вышелъ въ смежную залу, гдѣ столпились сановники въ ожиданіи вѣстей о регентствѣ, и произнесъ знаменитую фразу, смысла которой никто не могъ разгадать: „Господа, вы поступили, какъ истинные римляне".

Чрезъ два часа послѣ подписанія указа о регентствѣ Анна Іоанновна скончалась (17 октября 1740 г.). Іоаннъ Антоновичъ провозглашенъ былъ императоромъ; Биронъ, къ общему ужасу и негодованію, объявленъ регентомъ.

Іоаннъ VI (1740—1741 г.).

Сверженіе Бирона. Сдѣлавшись регентомъ до совершеннолѣтія мальчика-императора Іоанна Антоновича, Биронъ хорошо понималъ, что на его сторонѣ стоитъ только небольшая кучка нѣмцевъ да русскихъ льстецовъ или трусовъ, на которыхъ полагаться нельзя, народъ же его ненавидитъ, и потому поспѣшилъ задобрить податныя сословія изданіемъ манифеста объ освобожденіи ихъ на четыре мѣсяца отъ платы податей и сбавкѣ подушнаго оклада. Въ то же время онъ придвинулъ къ Петербургу нѣсколько армейскихъ полковъ. Гвардейскіе же полки Преображенскій и Семеновскій, состоявшіе преимущественно изъ дво-

*) Во время совѣщанія по этому поводу одинъ изъ присутствовавшихъ на немъ— гофмаршалъ Менгденъ наивно замѣтилъ: „Если герцогъ регентомъ не будетъ, то мы нѣмцы всѣ пропадемъ".

рянъ, рѣшился преобразовать, отправивъ солдатъ-дворянъ офицерами въ армію, а вмѣсто нихъ набрать солдатъ изъ крестьянъ (полки — Измайловскій и Конногвардейскій, гдѣ главенствовали офицеры нѣмцы, были ему не опасны).

Дворянство давно уже было недовольно временщикомъ за тѣ взысканія, которыя налагались на помѣщиковъ при сборѣ недоимокъ съ крестьянъ; теперь же объявленіе его регентомъ и приписываемыя ему намѣренія раскассировать гвардію еще болѣе усилили общее возбужденіе.

Отецъ и мать императора—принцъ Антонъ и Анна Леопольдовна были въ свою очередь крайне огорчены тѣмъ, что регентство вручено не имъ, и стали сближаться съ офицерами гвардейскихъ полковъ на общей почвѣ ненависти къ Бирону. Послѣдній грубо и дерзко пригрозилъ выслать ихъ за это изъ Россіи. Прошла даже молва, что Биронъ разсчитываетъ женить своего сына на цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и объявить ее императрицей, свергнувъ малолѣтняго императора. Усиленное вниманіе, какое онъ оказывалъ Елизаветѣ Петровнѣ и раньше и особенно теперь, увеличивъ суммы, ассигнуемыя на содержаніе ея двора, какъ будто подтверждало эти подозрѣнія. Больше всего боялся такого оборота дѣлъ Минихъ, давно находившійся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ цесаревной. Честолюбивый фельдмаршалъ, недовольный Бирономъ за свое второстепенное положеніе при дворѣ, при первой жалобѣ Анны Леопольдовны на регента заявилъ ей о своей готовности освободить ее отъ Бирона.

На слѣдующую же ночь послѣ разговора съ принцессой Минихъ съ солдатами-преображенцами, караулившими во дворцѣ и охотно откликнувшимися на его призывъ, арестовалъ Бирона. Послѣдняго схватили прямо на постели, завернули въ тулупъ и отправили въ Шлиссельбургскую крѣпость, а оттуда въ ссылку въ Сибирь (въ г. Пелымъ); имѣнія у него отобрали. Анна Леопольдовна провозглашена была правительницей государства и приняла титулъ великой княгини. Принцу Антону-Ульриху данъ титулъ генералиссимуса русскихъ войскъ; Минихъ возведенъ въ званіе „перваго министра". Регентство Бирона продолжалось всего три недѣли. Въ Петербургѣ и по Россіи всѣ ликовали по случаю такого быстраго и неожиданнаго паденія ненавистнаго временщика. Но зло было не въ одномъ Биронѣ. Нѣмецкая партія попрежнему осталась въ силѣ, перемѣнились только ея руководители. Во главѣ правительства попрежнему стояли люди, чуждые народу и заботившіеся не о немъ, а о своихъ личныхъ выгодахъ. И въ гвардіи, отражавшей общее настроеніе, стало назрѣвать движеніе въ пользу со-

вершенія новаго переворота съ болѣе широкой цѣлью—устраненія отъ дѣлъ вообще нѣмецкой партіи. Новые правители своими неумѣлыми дѣйствіями скоро дали поводъ къ этому.

Правленіе Анны Леопольдовны. Правительница, принцесса Анна Леопольдовна, оказалась совсѣмъ неспособной не только къ дѣламъ правленія, но и вообще къ какой бы то ни было дѣятельности. Чрезвычайно добрая по характеру, но малообразованная и неразвитая, она совсѣмъ не интересовалась государственными дѣлами и цѣлые дни проводила внутри своего дворца въ бездѣйствіи, въ обществѣ любимой фрейлины или среди забавъ въ тѣсномъ кружкѣ веселыхъ людей. Принцъ Антонъ, тѣшась своимъ званіемъ генералиссимуса, пытался оказать вліяніе на дѣла, касавшіяся арміи, въ которыхъ ничего не понималъ, и постоянно препирался съ Минихомъ. Обоихъ родителей малолѣтняго императора скоро забралъ въ свои руки хитрый Остерманъ, направлявшій теперь по-своему и внутреннія и внѣшнія дѣла. На почвѣ послѣднихъ и произошло у него столкновеніе съ Минихомъ, положенію котораго въ качествѣ „перваго министра“ онъ завидовалъ. Въ Западной Европѣ въ эту пору началась борьба между Пруссіей и Австріей изъ-за обладанія Силезіею (Фридрихъ II и Марія-Терезія). Обѣ стороны искали союзничества Россіи. Минихъ, памятуя вѣроломное поведеніе Австріи во время недавней турецкой войны (при Аннѣ Іоанновнѣ), стоялъ за союзъ съ Пруссіей; Остерманъ высказался за Австрію. Правительница, какъ родственница австрійскаго царствующаго дома, и принцъ Антонъ нашли болѣе вѣрнымъ мнѣніе Остермана; Минихъ, и безъ того разобиженный отношеніемъ къ нему принца Антона, подалъ въ отставку, желая запугать правительницу. Вопреки его ожиданію, отставка была принята, такъ какъ Остерманъ воспользовался этимъ случаемъ и выставилъ Миниха передъ принцессой опаснымъ человѣкомъ, способнымъ при завѣдываніи гвардіей на новый переворотъ уже не въ пользу правительницы.

Низложеніе Іоанна VI-го. Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны. Избавившись отъ опаснаго, какъ ей казалось, Миниха, Анна Леопольдовна потеряла въ лицѣ его послѣднюю свою опору въ гвардіи. Между тѣмъ настроеніе послѣдней, въ связи съ общимъ настроеніемъ населенія, особенно духовенства и простого народа, становилось все болѣе и болѣе недружелюбнымъ по отношенію къ правительницѣ и вообще къ нѣмцамъ. Все чаще произносилось при этомъ имя цесаревны Елизаветы Петровны, въ которой и по происхожденію, и по образу жизни, наконецъ по лицамъ, ее окружавшимъ (Разумовскій,

Воронцовъ, Шуваловъ и др.) видѣли чисто русскаго человѣка, могущаго стоять во главѣ государства съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Анна Леопольдовна. Сама Елизатета Петровна, повидимому, всего менѣе думала о достиженіи престола. Но за нее думали и дѣйствовали другіе. Къ русскимъ теченіямъ прибавились и иностранныя интриги. Франція очень желала видѣть на русскомъ престолѣ Елизавету Петровну, надѣясь при ней отклонить Россію отъ союза съ Австріей. Особенно хлопоталъ объ этомъ французскій посолъ Шетарди, который съ этою цѣлью вошелъ въ близкія отношенія къ цесаревнѣ, а равно докторъ ея Лестокъ. Оба они усиленно убѣждали Елизавету Петровну дѣйствовать при посредствѣ гвардіи. Цесаревна знала, что гвардія ее любитъ (при встрѣчахъ ей всегда кричали „ура“, звали „матушкой“ и т. д. У многихъ солдатъ Елизавета крестила дѣтей и вообще входила въ ихъ интересы, за что и пользовалась общей ихъ любовью), но колебалась, потому что не имѣла кругомъ себя людей, которые бы имѣли прямое отношеніе къ гвардіи. Обстоятельства вынудили Елизавету Петровну самое къ активному выступленію. О сношеніяхъ ея съ Шетарди правительница скоро узнала изъ донесеній австрійскаго двора и агентовъ всевѣдущаго Остермана. Вновь возбужденъ былъ поднимавшійся еще при Аннѣ Іоанновнѣ вопросъ о скорѣйшей выдачѣ Елизаветы Петровны замужъ за какого-нибудь иностраннаго принца. Большинство же приближенныхъ, въ томъ числѣ Остерманъ и принцъ Антонъ, совѣтовали правительницѣ заключить цесаревну въ монастырь. Слухи о томъ дошли и до Елизаветы Петровны и очень ее обезпокоили. Анна Леопольдовна по своей простотѣ и наивности спросила Елизавету Петровну, справедливы ли толки о сношеніяхъ съ Шетарди, и тѣмъ выяснила для Елизаветы Петровны и ея друзей всю опасность положенія. Вдобавокъ получено было извѣстіе, что гвардію отправляютъ въ походъ противъ шведовъ (Швеція въ ту пору объявила Россіи войну, разсчитывая, въ виду слабости новаго правительства, одержать верхъ и отобрать завоеванія Петра I). Медлить было некогда и ночью (на 25 ноября 1741 г.), наканунѣ дня выступленія гвардіи, Елизавета Петровна явилась въ казармы Преображенскаго полка. Толпа гренадеръ, уже предувѣдомленныхъ объ этомъ шагѣ, окружила ее. „Знаете ли, чья я дочь?“ — едва успѣла сказать она, какъ раздались возгласы: „Веди насъ, матушка!“ Тутъ же глубокой ночью небольшой отрядъ гренадеръ съ Елизаветой Петровной во главѣ явился во дворецъ и вмѣстѣ съ присоединившейся къ нему стражей арестовалъ Анну Леопольдовну и принца Антона. Второй отрядъ арестовалъ въ это время Миниха, Остермана

и другихъ вліятельныхъ лицъ нѣмецкой партіи. Малютку-императора объявили низложеннымъ съ престола. Разсказывали, что Елизавета Петровна взяла его на руки, поцѣловала его и сказала: „Бѣдное дитя: ты вовсе невинно; родители твои виновны“.

Къ утру уже былъ готовъ наскоро составленный манифестъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ. Улицы наполнились ликующимъ народомъ. Всѣ радовались, что наконецъ-то кончилось господство иноземцевъ. Духовенство въ церковныхъ проповѣдяхъ громило нѣмцевъ и выражало радость, что „на престолѣ всероссійскомъ возсѣла русская прирожденная государыня“, а иноземный сатана и ангелы его низвержены и т. д. Господство нѣмецкой партіи съ удаленіемъ наиболѣе выдающихся ея дѣятелей дѣйствительно кончилось. Миниха и Остермана предали суду и приговорили къ смертной казни; они уже были взведены на эшафотъ, какъ былъ полученъ приказъ замѣнить смертную казнь ссылкой*). Остерманъ былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ нѣкогда кончилъ жизнь свою Меншиковъ, Миниха—отправили въ Пелымъ на мѣсто Бирона, котораго Елизавета Петровна, памятуя доброе его къ ней отношеніе, приказала перевести на жительство въ Ярославль, но въ Петербургъ его отсюда однако не пускали. Анну Леопольдовну съ мужемъ Елизавета Петровна хотѣла первоначально отпустить за границу, о чемъ и возвѣстила въ манифестѣ, но когда ей выставили на видъ опасность такого снисхожденія къ бывшей правительницѣ государства и родственницѣ иностранныхъ государей, отправила ихъ съ дѣтьми въ Холмогоры, гдѣ Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ и скончались (первая въ 1746 г. и второй въ 1774 г.), дѣтямъ ихъ при Екатеринѣ II позволили уѣхать за границу (1788 г.). Несчастнаго малютку—императора Іоанна VI заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ дожилъ до царствованія Екатерины II, но сдѣлался совершенно слабоумнымъ человѣкомъ (онъ былъ убитъ стражей въ 1764 г. при неудавшемся покушеніи поручика Мировича освободить его).

По вступленіи на престолъ Елизавета Петровна щедро наградила преображенцевъ. Гренадерская рота, съ помощью которой былъ произведенъ переворотъ, была переименована въ „лейбъ-компанію“. Всѣ

---

*) Говорили, что въ ночь на 25 ноября Елизавета Петровна дала обѣтъ, если удастся предпріятіе, никого не казнить смертію.

Остерманъ умеръ въ ссылкѣ черезъ 6 лѣтъ. Минихъ дожилъ до временъ Петра III и восьмидесятилѣтнимъ, но еще бодрымъ старикомъ явился ко двору его († въ 1766 г.). Въ Пелымѣ, не находя занятій, но мучимый жаждой дѣятельности, онъ училъ дѣтей горожанъ грамотѣ, обрабатывалъ свой огородъ; добывъ тайкомъ чернила и бумагу, писалъ трактаты о военномъ искусствѣ, сочинялъ проекты изгнанія турокъ изъ Европы и пр.

солдаты этой роты были признаны потомственными дворянами и награждены землями изъ конфискованныхъ имѣній у опальныхъ иностранцевъ.

Изъ Сибири, по указу Елизаветы Петровны, возвращено было нѣсколько тысячъ ссыльныхъ, жертвъ владычества Бирона.

Елизавета Петровна (1741—1761 г.).

Елизавета Петровна вступила на престолъ 32 лѣтъ, въ расцвѣтѣ силъ и своей выдающейся красоты. Она отличалась общительнымъ и веселымъ характеромъ и въ послѣднемъ отношеніи много походила на мать. Любовь и ласки родителей, окружавшія ее въ дѣтствѣ и отрочествѣ, привольная и спокойная жизнь до 20-лѣтняго возраста утвердили въ ней то доброе, веселое настроеніе, какимъ она отличалась въ теченіе всей своей жизни и котораго не могли поколебать даже тяжелыя впечатлѣнія эпохи Анны Іоанновны. Въ эту пору ей пришлось вести полузатворническую жизнь, въ тиши своего дворца, въ тѣсномъ кругу близкихъ къ ней людей, не принимая живого участія въ событіяхъ общественной жизни, не вступая въ сношенія съ важнѣйшими государственными дѣятелями, чтобы не вызвать лишнихъ подозрѣній. А это, конечно, препятствовало ей пріобрѣсти надлежащую опытность въ политическихъ дѣлахъ и знаніе ихъ. Съ другой стороны, небрежное воспитаніе, полученное ею въ дѣтствѣ, при постоянной смѣнѣ французовъ-учителей, не внушило ей любви къ знанію, интереса къ чтенію книгъ; хорошо владѣя французскимъ языкомъ и отчасти нѣмецкимъ, она, однако, мало интересовалась литературой той эпохи и время ея десятилѣтняго уединенія въ царствованіе Анны Іоанновны прошло для нея безплодно и въ смыслѣ самообразованія. Не отличаясь охотой къ умственному труду, она находила для себя развлеченіе лишь въ занятіяхъ хозяйствомъ и въ заботахъ о своихъ имѣніяхъ и удовлетворялась скромными удовольствіями въ кружкѣ своихъ приближенныхъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Но этотъ простой и добрый, но малообразованный человѣкъ не внесъ ничего новаго въ жизнь цесаревны, не далъ пищи ея уму. Ея умственный и политическій кругозоръ и въ 32 года оставался почти такимъ же, какимъ былъ за десять лѣтъ передъ этимъ. Въ послѣднемъ отношеніи, въ смыслѣ подготовки къ престолу, она была не выше Анны Іоанновны, но рѣзко отличалась отъ нея и по характеру, отражавшемуся на ея дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ окружающимъ, и еще болѣе по своимъ симпатіямъ и вкусамъ. Возведенная на престолъ общенароднымъ противонѣмецкимъ настроеніемъ, отразившимся на гвардіи, она принесла съ собою въ сферы высшаго управленія русскимъ государствомъ недостававшія имъ любовь къ Россіи, къ русскимъ людямъ, ко всему русскому, начиная съ „русской“ православной вѣры, которой Елизавета Петровна была предана со всей искренностію своей набожной души, и кончая такими, напр., мелочами, какъ русская кухня, которую она еще цесаревной знала въ совершенствѣ, или русскіе хороводы, которые она въ молодости водила съ крестьянскими дѣвушками въ подмосков-

ныхъ селахъ. Престолъ ея окружили русскіе люди; впервые съ той поры, какъ жизнь русскаго государства стала формироваться на западно-европейскій ладъ, теченіе этой жизни стало направляться трудами и мыслію чисто русскихъ дѣятелей, выросшихъ въ эпоху петровскихъ преобразованій. Сѣмя, посѣянное при Петрѣ, стало уже приносить плоды. Среди русскаго общества появляются не только политическіе и общественные дѣятели съ всестороннимъ образованіемъ и широкимъ взглядомъ на вещи (И. И. Шуваловъ, Бестужевъ-Рюминъ), но и выдающіеся русскіе ученые, первые русскіе литераторы (Ломоносовъ, Сумароковъ и др.). Елизаветѣ Петровнѣ уже было изъ кого выбирать, а этотъ необходимый для правителя талантъ она, видимо, унаслѣдовала отъ своего великаго отца. Послѣдній не назначалъ иностранцевъ на первыя мѣста, а она не пускала ихъ и на второстепенныя: „Развѣ нѣтъ русскихъ способныхъ людей?"—удивленно спрашивала Елизавета Петровна, когда ей рекомендовали иностранца. Другая черта, которая выгодно отличала ее отъ предшествующихъ правительницъ на тронѣ, это—крайняя осторожность въ рѣшеніи дѣлъ, сдержанность и снисходительность въ отношеніяхъ къ другимъ, умѣнье тактично примирить и сгладить даже рѣзкія разнорѣчія и разномыслія въ средѣ ея сотрудниковъ. Помимо прирожденныхъ чертъ характера, здѣсь сказалось и вліяніе той десятилѣтней тяжелой школы отношеній къ людямъ, которую пришлось ей пройти при Аннѣ Іоанновнѣ, когда ей приходилось опасаться за каждый свой шагъ. Сглаживая по мѣрѣ умѣнья и возможности личнымъ вмѣшательствомъ пререканія между своими ближайшими сотрудниками, Елизавета Петровна, по недостатку образованія и подготовки къ дѣламъ управленія, не могла однако ими руководить, дать имъ опредѣленную программу дѣйствія, а тѣмъ болѣе взять въ руки общее руководство дѣлами, какъ это дѣлалъ, напр., ея отецъ, или впослѣдствіи Екатерина Великая, тѣмъ болѣе, что по характеру своему и не имѣла особенной склонности къ труду и постоянной энергической дѣятельности. Она поэтому не любила безъ экстренной нужды дѣятельно вмѣшиваться въ подробности управленія, довѣряя въ этомъ случаѣ своимъ сотрудникамъ. Послѣдніе и дѣйствовали часто врозь, безъ общаго плана, вводя рядъ отдѣльныхъ мѣръ по своему личному вкусу и соблюдая только общій тонъ, продиктованный настроеніемъ эпохи, а съ нею и самой Елизаветы Петровны,—тяготѣніе къ своему, родному.

Главные дѣятели царствованія Елизаветы Петровны. Въ ряду дѣятелей временъ Елизаветы Петровны своей близостью къ императрицѣ, но не вліяніемъ на дѣла, выдѣлялись братья *Разумовскіе*—Алексѣй и Кириллъ. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ простымъ малороссійскимъ казакомъ и при красивой наружности отличался прекраснымъ голосомъ, за что и былъ взятъ въ придворные пѣвчіе. Здѣсь замѣтила его Елисавета Петровна, страстно любившая пѣніе, и приблизила его къ себѣ. Онъ сталъ мало-по-малу своимъ человѣкомъ во дворцѣ цесаревны. Впослѣдствіи онъ сдѣланъ былъ кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ, генералъ-фельдмаршаломъ и былъ возведенъ, (императоромъ Карломъ VII), какъ нѣкогда Биронъ, въ графы Римской

имперіи. Привязанность къ нему Елизавета Петровна сохранила до самой своей смерти. Мать его, простую казачку, выписали въ Петербургъ и помѣстили во дворцѣ, но она тяготилась пышностью дворцовой жизни и отпросилась обратно на родину. Младшій братъ Алексѣя—Кириллъ былъ отправленъ заграницу для полученія образованія и по возвращеніи оттуда назначенъ былъ президентомъ Академіи наукъ. На него также сыпались всѣ награды и ему дано было графское достоинство. Ради него возстановлено было гетманство въ Малороссіи, упраздненное при Аннѣ Іоанновнѣ. Но высокое положеніе и небывалыя милости мало измѣнили образъ жизни братьевъ, особенно Алексѣя. Простой и добродушный отъ природы, онъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ остался такимъ же непритязательнымъ „хохломъ", какимъ былъ во дни юности, радѣя только о своей родной Малороссіи, не вмѣшиваясь въ дѣла управленія и не считая себя къ тому способнымъ. Онъ отличался широкимъ гостепріимствомъ, любилъ самъ попировать и другихъ угостить и пользовался общимъ расположеніемъ.

Наиболѣе сильное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ въ царствованіе Елизаветы Петровны имѣли двоюродные братья *Шуваловы*, Иванъ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во вторую половину царствованія Елизаветы Петровны—былъ наиболѣе близкимъ къ ней лицомъ и своей дѣятельностію на пользу просвѣщенія и покровительствомъ русскимъ ученымъ и писателямъ (напр. Ломоносову, Сумарокову) заслужилъ славу „русскаго мецената". Широко и всесторонне, на европейскій ладъ, образованный, знатокъ новыхъ языковъ, воспитанный въ гуманныхъ идеяхъ тогдашней французской литературы, онъ отличался благородствомъ и мягкостью обращенія даже съ низшими, его „благородное учтивство" цѣнили и его соперники. Пользуясь громаднымъ вліяніемъ при дворѣ, онъ, однако, не стремился къ политической дѣятельности и чуждался интригъ, играя чаще всего роль примирителя при столкновеніяхъ придворныхъ сановниковъ; онъ отмежевалъ себѣ область науки, литературы и искусства и обнаруживалъ свое вліяніе главнымъ образомъ въ этой безобидной сферѣ. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ и по характеру своей просвѣтительной дѣятельности онъ является одной изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей не только временъ Елизаветы Петровны, но и вообще XVIII вѣка.

Инымъ характеромъ отличался Петръ Ивановичъ Шуваловъ, тоже умный и довольно образованный человѣкъ, знатокъ математики и артиллерійскаго дѣла, ловкій и распорядительный дѣлецъ, но безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ. Даже въ то безцеремонное время онъ поражалъ своей грубостію и лихоимствомъ, умѣньемъ извлекать личную пользу изъ всякаго общественнаго дѣла, за которое брался. Проявляя большія способности и въ области управленія и особенно въ хозяйственныхъ дѣлахъ страны, онъ былъ въ то же время крупнымъ промышленникомъ и даже откупщикомъ и придумывалъ иногда тѣ или иныя мѣры на пользу промышленности (напр. отмѣну внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ), имѣя въ виду прежде всего свою пользу.

Въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Синода и Сената, заявилъ себя неподкупной и ревностной дѣятельностію князь Яковъ *Шаховской*, всю

жизнь боровшійся съ лѣнью и своекорыстіемъ чиновничества (сначала какъ оберъ-прокуроръ Синода, потомъ какъ генералъ-прокуроръ Сената). У него не разъ происходили на этой почвѣ рѣзкія столкновенія съ самимъ П. И. Шуваловымъ, при чемъ противниковъ мирилъ иногда И. И. Шуваловъ. Попытки П. И. Шувалова столкнуть Шаховского не удались. Императрица, цѣня способности перваго и прямоту второго, оставляла безъ движенія эти жалобы и, оказывая признаки благоволенія Петру Шувалову, въ то же время возвышала Шаховского.

Внѣшней политикой большую часть царствованія Елизаветы Петровны (съ 1742 по 1757 г.) завѣдывалъ *И. И. Бестужевъ-Рюминъ*, человѣкъ очень умный и способный, съ практической складкой ума, начавшій свою службу еще при Петрѣ Великомъ. Послѣдній послалъ его заграницу, гдѣ онъ получилъ разностороннее и довольно основательное образованіе *) и затѣмъ служилъ по дипломатической части при разныхъ дворахъ Западной Европы и благодаря этому хорошо ознакомился съ вопросами политики. Послѣ Петра I онъ долго былъ не у дѣлъ, выдвинулся было ненадолго при Биронѣ въ качествѣ кабинетъ-министра, снова палъ съ паденіемъ временщика, и уже при Елизаветѣ Петровнѣ, по рекомендаціи Лестока, назначенъ былъ завѣдывать иностранной политикой Россіи. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ мысли о необходимости политическаго равновѣсія въ Европѣ и проводилъ ее, быть можетъ, дальше, чѣмъ того требовали интересы Россіи, вмѣшиваясь въ борьбу западныхъ державъ между собою. Во всякомъ случаѣ замѣчаемая при Елизаветѣ Петровнѣ опредѣленность направленія внѣшней политики зависѣла главнымъ образомъ отъ него. Онъ былъ упорнымъ противникомъ Фридриха II и успѣшно боролся съ французскимъ вліяніемъ, довольно сильнымъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Чрезвычайно хитрый, изворотливый и ловкій, большой интриганъ, онъ сумѣлъ подорвать въ глазахъ Елизаветы Петровны вліяніе Лестока и Шетарди, перехвативши ихъ депеши къ французскому двору съ дурными отзывами объ Елизаветѣ Петровнѣ. Шетарди послѣ этого безъ всякой церемоніи выслали изъ Россіи, а Лестока отдали подъ судъ, пытали и сослали въ Устюгъ.

Какъ и всѣ дѣльцы того времени, Бестужевъ несвободенъ былъ отъ взяточничества, хотя Фридриху II и не удалось подкупомъ склонить его на свою сторону. Его патріотизмъ или нелюбовь къ Фридриху дали ему силу выдержать это испытаніе.

Елизавета Петровна не очень долюбливала этого упрямаго и настойчиваго дипломата, но поддавалась его вліянію, тѣмъ болѣе, что по своей трудоспособности и дѣловитости онъ былъ незамѣнимъ. Назначенный на его мѣсто въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны графъ *Воронцовъ*, человѣкъ честный и трудолюбивый, не обладалъ ни образованіемъ, ни опытностью Бесужева и не могъ его замѣнить въ дѣлахъ иностранной политики.

Внутренняя дѣятельность Елизаветы Петровны не имѣла опредѣленнаго плана и систематическаго характера и стояла по большей

*) Онъ зналъ между прочимъ и медицину; изобрѣтенныя имъ и носившія его имя капли пользовались большой популярностію въ XVIII в.

части въ зависимости отъ личности ея сотрудниковъ и частію отъ взглядовъ императрицы. Въ связи съ этимъ разнообразные указы и распоряженія можно соединить въ нѣсколько группъ, подраздѣливъ ихъ на мѣры относительно управленія, суда, промышленности и торговли, сословій, церкви и наконецъ просвѣщенія.

Какъ дочь Петра Великаго, считавшая своей обязанностію блюсти завѣты своего великаго отца, Елизавета Петровна немедленно же по вступленіи на престолъ возвратила *Сенату* всѣ права, данныя ему Петромъ Великимъ, отнятыя у него сперва Верховнымъ Совѣтомъ, а потомъ Кабинетомъ министровъ. На самомъ дѣлѣ Сенатъ не только усвоилъ себѣ права Петровскаго времени (по главному завѣдыванію администраціей и судомъ), но и значительно расширилъ ихъ, сдѣлавшись законодательнымъ учрежденіемъ и подчинивши своему вліянію всѣ дѣла въ государствѣ. Онъ въ существѣ дѣла перенесъ на себя права и власть Верховнаго Совѣта и Кабинета министровъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что всѣ приближенные къ Елизаветѣ Петровнѣ лица были вмѣстѣ съ тѣмъ и сенаторами и естественно стремились всѣмъ управлять подъ фирмою Сената, въ связи съ чѣмъ и самое правленіе Елизаветы Петровны является управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ, сгруппировавшихся въ Сенатѣ.

Дѣятельность Сената въ его новомъ значеніи проявилась въ рядѣ отдѣльныхъ не связанныхъ между собой мѣропріятій. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить изданный (въ 1744 г.) по настоянію гуманной и мягкосердечной императрицы указъ о *пріостановкѣ* приведенія въ исполненіе *смертныхъ приговоровъ* (за преступленія не политическаго характера), фактически равносильный отмѣнѣ смертной казни, такъ какъ со времени его изданія и во все царствованіе Елизаветы Петровны не было приведено въ исполненіе ни одного смертнаго приговора, хотя суды попрежнему выносили такіе приговоры. Закона, прямо уничтожающаго смертную казнь, не было издано, вѣроятно, потому, что императрица и ея совѣтники боялись увеличить число преступленій, отнявши страхъ послѣдняго наказанія. Въ народное воспитаніе вводилось все-таки фактически высокое начало, способствовавшее смягченію нравовъ.

Заслуживаетъ вниманія также указъ о *размежеваніи* земель по всему государству въ виду постоянныхъ споровъ между помѣщиками о границахъ ихъ владѣній; а также мѣры относительно *заселенія южныхъ окраинъ* (славянскими и при томъ православными) выходцами изъ турецкихъ и австрійскихъ земель, т. е. населеніемъ, родственнымъ рускому народу по происхожденію и вѣрѣ *).

*) Впослѣдствіи при Екатеринѣ II южныя и юго-восточныя области заселились еще нѣмецкими колонистами, которые, не имѣя ничего общаго ни по вѣрѣ, ни по происхожденію

Съ цѣлію упорядоченія дѣла отбыванія воинской повинности населеніемъ, Россія, по мысли Петра Шувалова, раздѣлена была на пять частей или полосъ; *наборъ рекрутъ* производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой полосы поочередно (по 1 человѣку со 100), такимъ образомъ рекрутскіе наборы производились ежегодно, но каждая деревня поставляла рекрутъ только одинъ разъ въ 5 лѣтъ.

Вліяніе того же П. Шувалова сказалось въ двухъ важныхъ мѣрахъ относительно промышленности и торговли—учрежденіи двухъ *заемныхъ банковъ*: для дворянъ и купцовъ (заемъ допускался подъ движимое и недвижимое имущество изъ 6%, тогда какъ прежде имъ доступенъ былъ кредитъ, да и то лишь у частныхъ лицъ, изъ 15—20 и болѣе процентовъ) и *уничтоженіи внутреннихъ таможенъ* (1754 г.), сильно стѣснявшихъ мѣстную торговлю; вмѣстѣ съ тѣмъ повышены были пошлины на иностранные товары, съ цѣлію ослабить конкурренцію для отечественныхъ промышленниковъ.

Положеніе и взаимное отношеніе главнѣйшихъ сословій государства — *дворянства* и *крестьянства* при Елизаветѣ Петровнѣ продолжало измѣняться въ прежнемъ направленіи: дворяне пріобрѣтали новыя права по владѣнію землей и людьми, крестьяне постепенно теряли и послѣдніе остатки своей независимости. Этотъ ростъ дворянскихъ привилегій являлся естественнымъ послѣдствіемъ преобладающей роли, какую въ силу своего большаго имущественнаго и образовательнаго ценза имѣли теперь дворяне въ управленіи, судѣ, войскѣ и пр. Видныя лица при дворѣ, члены Сената также по большей части были изъ дворянъ. Лица другихъ сословій, выдѣлявшіяся своей службой, пополняли ряды тѣхъ же дворянъ. Въ связи съ этимъ въ правящихъ сферахъ при Елизаветѣ Петровнѣ обнаруживается стремленіе выдѣлить дворянство, какъ особое привилегированное и высшее, сравнительно съ другими, сословіе. Въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ особую важность указъ (1746 г.), запрещавшій кому бы то ни было, кромѣ дворянъ, пріобрѣтать „людей и крестьянъ безъ земель и съ землями“, и затѣмъ послѣдовавшее (въ 1758 г.), въ дальнѣйшее развитіе его, запрещеніе лицамъ, получившимъ по службѣ права только личнаго, а не потомственнаго дворянства, покупать земли и крестьянъ. Позволяя и безземельнымъ, но потомственнымъ дворянамъ покупать крестьянъ, правительство давало возможность считать крестьянина прикрѣпленнымъ уже не къ землѣ, но къ личности дворянина, хотя бы онъ и не былъ помѣщикомъ. Любопытно, что въ манифестѣ Елизаветы Петровны о восшествіи на престолъ въ

съ окружавшимъ ихъ русскимъ населеніемъ, остались обособленными отъ него и на все послѣдующее время; ихъ поселенія являются какими-то островками среди русскаго населенія.

числѣ сословій, обязанныхъ принести присягу на вѣрноподданство, забыли помѣстить крестьянъ, какъ бы не признавая у нихъ совсѣмъ правъ гражданской личности. Эта забывчивость явилась невольнымъ отголоскомъ безправнаго положенія крестьянина, обратившагося въ раба фактически, но не юридически. Законъ еще не сказалъ въ этомъ отношеніи послѣдняго слова, но только еще болѣе расширяетъ права помѣщиковъ — сюда относится, напр., послѣдовавшее при Елизаветѣ Петровнѣ разрѣшеніе помѣщикамъ ссылать неисправныхъ крестьянъ въ Сибирь.

Произволъ и притѣсненія помѣщиковъ, неправосудіе воеводъ, у которыхъ крестьяне напрасно искали управы, служили источникомъ внутреннихъ волненій въ государствѣ. Крестьяне мстили возмущеніями противъ помѣщичьей власти и разбойничьими шайками. Правительство нерѣдко посылало для истребленія ихъ воинскія команды. Но, при обиліи лѣсовъ и трудности сообщеній, съ разбоями было трудно бороться и они повсюду были обычнымъ явленіемъ. Особенно славилась ими Волга, на пустынныхъ берегахъ которой повсюду разсѣяны были „воровскіе притоны“ съ разными „атаманами“ во главѣ. И чѣмъ труднѣе съ теченіемъ времени становилось положеніе низшихъ классовъ, тѣмъ болѣе и болѣе множились вспыхивавшія то тамъ, то сямъ волненія среди крестьянъ. Спокойное въ общемъ царствованіе Елизаветы Петровны было богато этими мелкими частичными вспышками, свидѣтельствовавшими объ ухудшавшемся годъ отъ году положеніи низшихъ классовъ населенія.

Что касается *духовенства*, то положеніе его при Елизаветѣ Петровнѣ улучшилось. Вообще на дѣла церковныя Елизавета Петровна обращала особенное вниманіе, что стояло въ связи какъ съ ея набожностію и религіознымъ настроеніемъ, такъ и съ дѣятельностію одного изъ главныхъ ея сотрудниковъ, въ данномъ случаѣ кн. Я. Шаховского. Особенно заботилась Елизавета Петровна о томъ, чтобы богослуженія совершались возможно торжественнѣе и чтобы церкви содержались въ порядкѣ. За нарушеніе благочинія въ церквахъ строго наказывали. Православное духовенство постепенно освобождалось отъ возложенныхъ на него въ прежнее время повинностей, его права, столь часто нарушавшіяся, особенно въ грубую эпоху правленія Бирона, стали ограждаться. Такъ, напр., духовенство было освобождено отъ караульной, пожарной и другихъ полицейскихъ повинностей; точно также запрещено было подвергать его повинностямъ „постойной“, „подводной“, равно какъ чинить ему обиды. Между прочимъ одного изъ помѣщиковъ (кн. Вяземскаго) за избіеніе священника въ алтарѣ сослали на вѣчное заточеніе въ монастырь; двухъ драгунъ за подобный же поступокъ наказали шпицрутенами и сослали, о чемъ Синодъ опубликовалъ по всѣмъ епархіямъ, чтобы и другихъ „удержать отъ подобныхъ продерзостей“.

Права иновѣрцевъ подвергались ограниченію. Закрыты были армянскія церкви въ столицѣ, предполагали также закрыть католическіе храмы, построенные на главной улицѣ Петербурга (Невскомъ проспектѣ); въ населенной татарами мѣстности около Казани закрыта часть мечетей и не дозволялось строить новыхъ, при чемъ неумѣлыя дѣйствія нѣкоторыхъ миссіонеровъ вызвали рѣзкое недовольство инородцевъ — язычниковъ и мусульманъ (мордвы, чувашъ и черемисъ). Строгія мѣры противъ раскольниковъ довели до того, что въ нѣкоторыхъ городахъ (Томскѣ и Устюжнѣ) фанатики изъ раскольниковъ прибѣгли къ массовому самосожженію, послѣ чего Елизавета Петровна велѣла отозвать воинскія команды и дѣйствовать на старообрядцевъ мѣрами увѣщанія, а не строгости. Зато относительно евреевъ императрица не допускала снисхожденія и послабленій. Въ 1742 г. былъ изданъ даже указъ о ихъ повсемѣстномъ выселеніи изъ Россіи, за исключеніемъ только тѣхъ, кто приметъ православіе. И когда на другой годъ Сенатъ подалъ докладъ, что отъ этого указа торговля какъ въ Малороссіи, такъ и въ Остзейскомъ краѣ потерпѣла большой ущербъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерпитъ и казна отъ уменьшенія пошлинъ, Елизавета Петровна написала такую резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ *).

Въ заботахъ о *народномъ образованіи* главную роль игралъ Ив. Ив. Шуваловъ. По его проекту основанъ былъ въ 1755 г. въ Москвѣ первый русскій *университетъ*, „гдѣ бы люди всякаго званія (кромѣ крѣпостныхъ) могли свободно пользоваться наукою“. Университетъ имѣлъ три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, и 10 профессоровъ. Для подготовленія слушателей основаны были при университетѣ двѣ—*гимназіи*, одна для дворянъ и другая для „разночинцевъ“. Университетъ основанъ былъ въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ въ виду центральнаго положенія Москвы и большаго числа живущихъ въ ней и около нея дворянъ. Онъ назначался преимущественно для дворянъ, такъ какъ дворянство раньше другихъ сословій сознало необходимость образованія ради службы и изъ чисто идейныхъ цѣлей и имѣло возможность къ тому, въ силу большей обезпеченности. Ив. Ив. Шуваловъ предполагалъ основать еще два университета—въ Петербургѣ и Батуринѣ (для Малороссіи), а равно гимназіи во всѣхъ губерніяхъ, но не успѣлъ провести свой планъ (основана была въ 1758 г. только одна гимназія—первая изъ провинціальныхъ—въ Казани).

---

*) Указъ этотъ имѣлъ силу во все время царствованія Елизаветы и вызвалъ характерный эпизодъ при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II. Ей доложено было дѣло о дозволеніи евреямъ въѣзжать въ Россію. Екатерина сказала, что начать царствованіе указомъ о свободномъ въѣздѣ евреевъ было бы плохимъ средствомъ успокоить умы; признать въѣздъ вреднымъ—невозможно. Тогда сенаторъ князь Одоевскій доложилъ ей о резолюціи Елизаветы Петровны по тому же поводу. Прочитавъ ее, Екатерина II сказала: „я желаю, чтобы это дѣло было отложено“.

При Московскомъ университетѣ стали издавать газету „Московскія Вѣдомости“ (1756 г.) по образцу „Петербургскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при Академіи наукъ.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны появились и первые на Руси *литературные журналы;* какъ, напр., „Ежемѣсячныя сочиненія“ (1753 г.), издававшіяся академикомъ Миллеромъ, помѣстившимъ здѣсь, между прочимъ, изслѣдованіе о лѣтописяхъ Нестора, и „Трудолюбивая Пчела“, издававшаяся (съ 1759 г.) Сумароковымъ. Здѣсь помѣщались стихотворенія оригинальныя и переводныя и разнаго рода разсужденія, имѣвшія иногда и публицистическій характеръ—съ нападками на подъячихъ-взяточниковъ, на великосвѣтскихъ „кавалеровъ“, уснащавшихъ свою рѣчь иностранными словечками, но ничего не знавшихъ на самомъ дѣлѣ, и т. п.

Во времена Елизаветы Петровны появилась и первая „Исторія Россійская“, составленная извѣстнымъ дѣятелемъ еще эпохи Петра I—*Татищевымъ.* Она напечатана была уже при Екатеринѣ II послѣ смерти автора и представляетъ собою обстоятельный сводъ лѣтописныхъ извѣстій съ критическими къ нимъ примѣчаніями. Трудъ этотъ не утратилъ своего значенія и до сего времени, такъ какъ въ немъ встрѣчаются выдержки изъ лѣтописныхъ сборниковъ, не дошедшихъ до насъ.

Въ общей литературѣ и наукѣ выдвинулся знаменитый *Ломоносовъ* — поэтъ и ученый, усовершенствовавшій русскій литературный языкъ, авторъ грамматики, реторики и различныхъ изслѣдованій по естественнымъ наукамъ; онъ былъ первымъ ученымъ изъ русскихъ, пріобрѣвшимъ такое значеніе въ Академіи наукъ, гдѣ доселѣ царствовали ученые изъ нѣмцевъ, что въ правѣ былъ утверждать, что легче было бы отъ него отставить Академію, чѣмъ его отъ Академіи.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ со временъ Елизаветы Петровны французскаго языка въ высшихъ слояхъ общества начинается подражаніе произведеніямъ французской, преимущественно ложноклассической литературы. Во главѣ этой школы стоялъ *Сумароковъ* съ своими трагедіями и комедіями, написанными реторическимъ, напыщеннымъ слогомъ. Его современники, не имѣвшіе понятія о чемъ-либо лучшемъ, весьма довольны были и этимъ, именуя его „россійскимъ Расиномъ“. Сумароковъ же былъ и первымъ директоромъ перваго русскаго публичнаго театра, основаннаго въ Петербургѣ въ 1756 г.

Публичныя театральныя представленія (на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ) начались еще въ Москвѣ при Петрѣ I, но съ переходомъ двора въ Петербургъ прекратились. Въ царствованіе Анны Іоанновны при дворѣ были заведены итальянская опера и нѣмецкій театръ, уступившій при Елизаветѣ Петровнѣ, не любившей нѣмцевъ, мѣсто французскому; исполнителями были обыкновенно иностранные актеры, а русскія пьесы (Сумарокова) игрались иногда воспитанниками кадетскаго корпуса. Игрой ихъ увлекся сынъ костромского купца Өедоръ Волковъ и устроилъ публичныя театральныя представленія въ Ярославлѣ. Узнавъ объ этомъ, Елизавета вызвала Волкова съ товарищами (изъ которыхъ выдѣлился потомъ знаменитый актеръ Дмитревскій) въ Петербургъ и они составили первую русскую труппу артистовъ императорскаго столичнаго театра.

Вмѣстѣ съ развитіемъ журналистики и литературы при Елизаветѣ Петровнѣ кладется прочное начало и развитію искусства на Руси. Въ 1757 году по мысли И. И. Шувалова основана была въ Петербургѣ *Академія художествъ* для образованія русскихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ, преподавателями въ которую вызваны были французы. Петербургъ при Елизаветѣ украсился цѣлымъ рядомъ красивыхъ зданій; изъ нихъ особенно выдаются постройки, исполненныя по планамъ итальянскаго архитектора Растрелли — Зимній дворецъ, соборъ Смольнаго монастыря, Академія художествъ и другія. Подъ вліяніемъ иностранныхъ художниковъ и архитекторовъ распространялся изящный вкусъ въ русскомъ обществѣ и образовались русскіе художники и архитекторы, дома и комнаты вельможъ стали украшаться статуями, картинами знаменитыхъ художниковъ, дорогой заграничной мебелью и т. д. Та же роскошь царила и въ одеждѣ, гдѣ появилось, въ противовѣсъ старинной до-петровской неизмѣняемости покроя костюмовъ, стремленіе къ постояннымъ перемѣнамъ и матеріала и формы, или такъ называемыя моды. Въ одеждѣ, какъ и вообще во внѣшней обстановкѣ жизни, теперь было больше изящества, чѣмъ, напримѣръ, во времена Анны Іоанновны, съ ея подражаніемъ нѣмцамъ. При петербургскомъ дворѣ господствовали теперь вкусы и вліянія французскаго двора, самаго изящнаго во всей Европѣ. Въ роскоши и разнообразіи костюмовъ тонъ всему давала сама государыня, въ туалетѣ которой числилось свыше 10 тыс. платьевъ.

Подражаніе двору и это стремленіе къ „изящной роскоши“ во всемъ обходилось однако очень дорого петербургскимъ сановникамъ и ихъ семьямъ. И самымъ богатымъ изъ нихъ это часто было не по силамъ. Петръ Шуваловъ, благодаря оборотливости своей государственно-промышленной дѣятельности, имѣлъ до полумилліона рублей дохода и однако оставилъ послѣ себя долги.

Измѣнялся по образцу столичнаго и провинціальный бытъ. Служившіе въ Петербургѣ при дворѣ и въ войскахъ дворяне всюду разносили петербургскіе вкусы и моды. И въ ту пору, какъ народная масса въ своемъ быту остановилась еще на уровнѣ XVII в., провинціальное дворянство стало уже нѣсколько выдѣляться изъ среды другихъ сословій по внѣшнему виду (бритье бороды, одежда) и по образу жизни. Къ пирушкамъ на старинный ладъ примѣшивались, напримѣръ, развлеченія петербургскаго происхожденія — европейскіе церемонные танцы, европейская музыка и т. д. Вмѣстѣ съ позаимствованіями чисто внѣшнихъ сторонъ жизни, въ провинціальную глушь стала проникать и книга, встрѣчаемъ тамъ и любовь къ просвѣщенію, и людей, проникавшихся новыми европейскими воззрѣніями. На общемъ фонѣ невѣжества они мелькали, правда, еще единицами, но уже самое появленіе ихъ свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ совершается перемѣна. Примѣромъ такихъ людей служитъ Болотовъ, оставившій любопытныя записки о бытѣ и правахъ дворянства за вторую половину XVIII в., начиная съ 40-хъ годовъ. Уже отецъ его былъ любителемъ книгъ, составилъ у себя въ провинціальной глуши библіотеку и привилъ своему сыну любовь къ знанію. Самъ же Болотовъ, употреблявшій послѣднія средства на пріобрѣтеніе книгъ и не разставшійся съ ними даже во время

своихъ военныхъ походовъ, является по своему уму, начитанности и благородству воззрѣній однимъ изъ лучшихъ людей того времени и наглядным свидѣтельствомъ, что общій умственный и культурный уровень общества въ эпоху Елизаветы Петровны сталъ значительно выше, разъ изъ него могли выходить подобные люди.

Внѣшняя политика въ царствованіе Елизаветы Петровны. Еще при Аннѣ Леопольдовнѣ, въ разсчетѣ на слабость и неопытность правительницы, *Швеція* начала войну съ Россіей, надѣясь отобрать обратно Финляндію. Русскими войсками начальствовалъ одинъ изъ героевъ турецкой войны при Аннѣ Іоанновнѣ сподвижникъ Миниха Ласси. Закаленныя уже въ бояхъ русскія войска разбили шведовъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и заняли рядъ финляндскихъ крѣпостей. По миру, заключенному въ Або (1743 г.), Швеція не только ничего не пріобрѣла, но потеряла еще часть Финляндіи до р. Кюменя. Безопасность Петербурга отъ нападеній съ сухого пути была такимъ образомъ еще болѣе упрочена. Вниманіе русской дипломатіи, во главѣ которой сталъ теперь Бестужевъ-Рюминъ, обращено было на Западъ, гдѣ шла борьба Австріи съ Пруссіей. Король прусскій Фридрихъ II отнялъ (въ „войнѣ за австрійское наслѣдство“) у императрицы Маріи-Терезіи Силезію. Желая ее возвратить, Марія-Терезія заключила союзъ съ Франціей и всячески старалась привлечь къ нему и Елизавету Петровну. Бестужевъ, опасаясь преобладанія Пруссіи, простиравшей уже свое вліяніе на Польшу и Курляндію, стоялъ за союзъ съ Австріей. Сама Елизавета лично недовольна была Фридрихомъ за его рѣзкіе о ней отзывы и склонилась на убѣжденія своего канцлера. Такимъ образомъ русскіе приняли *участіе въ семилѣтней войнѣ* противъ Фридриха (1756—1763), на сторонѣ котораго была одна Англія, а противъ котораго ополчились три наиболѣе сильныя тогда державы. Эта борьба страшно истощила Пруссію, но зато обнаружила во всемъ блескѣ военный геній Фридриха. Онъ удачно сопротивлялся войскамъ союзниковъ, особенно Австріи и Франціи, и не разъ наносилъ имъ тяжкія пораженія. Менѣе удачны были дѣйствія пруссаковъ противъ русскихъ войскъ, подавлявшихъ врага своею численностью и поражавшихъ желѣзной выносливостію и стойкостію солдатъ.

Военныя дѣйствія со стороны русскихъ начались съ того, что фельдмаршалъ Апраксинъ съ 80 тыс. войскомъ двинулся къ Кенигсбергу и страшно опустошилъ страну. При деревнѣ *Гроссъ-Эгерндорфѣ* (1757 г.) онъ на-голову разбилъ высланный противъ него 30-тысячный корпусъ (подъ начальствомъ Левальда), но вмѣсто того, чтобы двинуться къ Кенигсбергу, неожиданно отступилъ къ русской границѣ, ссылаясь на недостатокъ продовольствія.

Стали говорить, что Апраксинъ сдѣлалъ это въ виду слуховъ о болѣзни императрицы, такъ какъ зналъ о нерасположеніи къ войнѣ съ Фридрихомъ ея наслѣдника Петра III и желалъ этимъ подслужиться ему. По возвращеніи въ Россію Апраксинъ былъ преданъ суду и вскорѣ умеръ. Нарядили слѣдствіе и надъ Бестужевымъ-Рюминымъ, такъ какъ слухи о болѣзни и совѣтъ сдѣлать позорное отступленіе исходили будто бы отъ него. Слѣдствіе не открыло ничего вполнѣ опредѣленнаго по этому поводу, тѣмъ не менѣе Бестужевъ-Рюминъ, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, былъ отставленъ отъ дѣлъ и сосланъ въ деревню, а вмѣсто него канцлеромъ сдѣланъ Воронцовъ.

Преемникъ Апраксина Ферморъ снова вступилъ съ войсками въ Восточную Пруссію и овладѣлъ г. Кенигсбергомъ, гдѣ введено было даже русское управленіе, а жителей заставили присягнуть на подданство Елизаветѣ. Отсюда русскіе двинулись внутрь страны, страшно опустошая все на пути, и близъ деревни *Цорндорфъ* (около крѣпости Кюстринъ) встрѣтились съ самимъ Фридрихомъ (1758 г.). Битва была крайне упорная и кровопролитная, съ обѣихъ сторонъ не было пощады; видъ опустошеній, произведенныхъ въ странѣ русскими, страшно ожесточилъ солдатъ Фридриха и они съ отчаянной энергіей отбивали атаки. Потери русскихъ были почти вдвое больше, чѣмъ у пруссаковъ (ихъ пало—20 тыс., пруссаковъ—11 тыс.) и Ферморъ отступилъ, что дало Фридриху возможность считать это дѣло своей побѣдой, хотя онъ и не рѣшился преслѣдовать Фермора. Салтыковъ, смѣнившій Фермора въ начальствѣ подъ русской арміей, соединился съ австрійцами и далъ (1759 г.) Фридриху рѣшительную битву при деревнѣ *Куннесдорфъ* (близъ Франкфута на Одерѣ). Сначала перевѣсъ оказался на сторонѣ Фридриха, умѣвшаго разъединить противниковъ и разбить ихъ по-одиночкѣ. Между тѣмъ русскіе, хотя и разбитые, но не сломленные, укрѣпились на неприступныхъ высотахъ; увлекшись первымъ успѣхомъ, Фридрихъ повелъ противъ нихъ въ атаку свои уже утомленныя боемъ войска, но былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ. Контръ-атака русской кавалеріи довершила разгромъ пѣхоты Фридриха. Произошло общее бѣгство, при чемъ самъ Фридрихъ едва не попался въ плѣнъ казакамъ. Изъ пятидесяти-тысячнаго войска у него подъ ружьемъ осталось едва 3 тыс. Но и русскимъ побѣда обошлась крайне дорого; Салтыковъ потерялъ убитыми и ранеными до 15 тыс. человѣкъ и писалъ въ Петербургъ, что, если ему удастся одержать еще одну такую побѣду, то онъ вернется въ Петербургъ одинокимъ. Опасаясь новыхъ жертвъ, Салтыковъ не рѣшился преслѣдовать Фридриха, который уже приходилъ въ полное отчаянье и подумывалъ даже о самоубійствѣ. Нерѣшительность Салтыкова и послѣдовавшія затѣмъ разногласія между австрійскими и русскими генералами дали возможность Фридриху II оправиться и собрать новую армію. Тѣмъ не менѣе положеніе его было отчаянное. Въ слѣдующемъ (1760) году нашъ корпусъ (подъ начальствомъ Чернышева) занялъ даже столицу Фридриха — Берлинъ, хотя и вынужденъ былъ вскорѣ покинуть этотъ городъ, такъ какъ не былъ своевременно поддержанъ австрійцами. Русскія войска на этотъ разъ оставили по себѣ хорошую память въ населеніи своей дисциплиной и образцовымъ порядкомъ.

Не взирая на все военное искусство, изворотливость и ловкость Фридриха II, его владѣнія за время семилѣтней войны были такъ опустошены союзниками и понесли такія потери людьми, что, по собственному признанію прусскаго короля, въ концѣ-концовъ онъ не зналъ уже, гдѣ набирать рекрутъ, откуда добывать лошадей и военные припасы. Фридриха спасла смерть Елизаветы Петровны въ декабрѣ 1761 года. Это событіе произвело рѣшительный переворотъ въ политикѣ сѣверной Европы. Петръ III, наслѣдникъ престола (сынъ цесаревны Анны Петровны и Карла-Фридриха, герцога Голштинскаго), былъ поклонникомъ и подражателемъ великаго короля. Онъ не только прекратилъ войну, но, къ общему недоумѣнію своихъ и чужихъ и удивленію самого Фридриха II, послалъ бывшему врагу Россіи на помощь 15 т. человѣкъ. Фридрихъ успѣлъ оправиться и удержалъ Силезію въ своихъ рукахъ. Предъ окончаніемъ кампаніи союзникъ Фридриха Петръ III скончался. Его преемница Екатерина II въ началѣ своего царствованія не была расположена къ Фридриху и вывела свои войска изъ Пруссіи, но мира, заключеннаго ея супругомъ, не нарушила, считая свое участіе въ семилѣтней войнѣ совершенно безполезнымъ для Россіи. Война эта стоила намъ громадныхъ жертвъ деньгами и людьми и имѣла только то выгодное послѣдствіе, что сильно ослабила Пруссію, сдѣлавъ ее надолго безопаснымъ сосѣдомъ Россіи; кромѣ того борьба съ первымъ полководцемъ тогдашней Европы и его образцово поставленной арміей послужила прекрасной практической школой для русскихъ войскъ и выдвинула рядъ военныхъ талантовъ и героевъ (напр. Суворова, Румянцева), прославившихъ потомъ своими побѣдами царствованіе Екатерины II.

Петръ III (1761—1762 г.).

Петръ Ѳеодоровичъ и Екатерина Алексѣевна. Императрица Елизавета Петровна желала утвердить престолъ за потомствомъ своего отца и въ этихъ видахъ вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ вызвала въ Россію (въ 1742 г.) своего племянника, сына своей старшей сестры Анны Петровны герцогини Голштинской Петра Ульриха и объявила его своимъ преемникомъ.

По переходѣ въ православіе, онъ получилъ имя Петра Ѳеодоровича. Вслѣдъ за тѣмъ Елизавета Петровна выбрала Петру и невѣсту—принцессу одного небольшого нѣмецкаго княжества (Ангальтъ-Цербстскаго) Софію-Августу, названную при переходѣ въ православіе

Екатериной Алексѣевной*). Бракъ ихъ состоялся въ 1745 г., когда Петру было 17 лѣтъ, а Екатеринѣ 15. Оба они до отъѣзда въ Россію получили нѣмецкое воспитаніе, но Екатерина, благодаря своему выдающемуся уму, дарованіямъ и характеру, сумѣла передѣлать себя, и Россія стала для нея второй родиной; Петръ оказался совершенно неспособнымъ къ этому.

Мать Петра III отличалась серьезностію и умомъ, сынъ не наслѣдовалъ ни одного изъ этихъ качествъ и оказался человѣкомъ слабо одареннымъ какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, походя по внѣшнему виду на отца, и былъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположностію своему знаменитому дѣду—Петру I. Вдобавокъ его искалѣчило воспитаніе. Рано лишившись отца и матери, онъ остался на рукахъ гофмаршала (Брюммера), который примѣнилъ къ своему питомцу чисто солдатскій режимъ, обращаясь съ нимъ грубо и жестоко, билъ хлыстомъ за малѣйшія провинности, кормилъ плохо, не позволялъ бѣгать и рѣзвиться. Не сообразуясь съ умственными способностями принца, его обременяли массой занятій, и онъ вынесъ изъ дѣтства только ненависть къ ученью, не зная ничего. Вялый и болѣзненный, онъ удивилъ Елизавету Петровну, при первой встрѣчѣ, своей неразвитостью во всѣхъ отношеніяхъ. Его начали было снова учить, но серьезныя болѣзни, а затѣмъ женитьба помѣшали этому, и онъ навсегда остался мальчикомъ по уму и познаніямъ, съ привитыми въ дѣтствѣ нѣмецкими взглядами и привычками. Черезъ силу выучилъ онъ православный катехизисъ, но остался протестантомъ по своимъ взглядамъ на религію. Съ отвращеніемъ относился онъ къ урокамъ русскаго языка и плохо владѣлъ имъ, памятуя слова своего воспитателя, что „этотъ подлый языкъ годенъ только собакамъ и рабамъ". Онъ интересовался только военнымъ дѣломъ, но не изучалъ, а забавлялся имъ, собиралъ, напр., дворцовыхъ лакеевъ и игралъ съ ними въ солдаты. Съ дѣтства хранились у него игрушечные солдатики, которымъ онъ производилъ смотры и разводы и послѣ женитьбы на Екатеринѣ и напр. на 25 году отъ роду судилъ по военнымъ законамъ и повѣсилъ крысу, съѣвшую одного изъ его бисквитныхъ солдатиковъ. Съ дѣтства же вынесъ онъ благоговѣніе къ подвигамъ и уму героя тогдашнихъ нѣмцевъ — Фридриха II и съ нетерпѣніемъ ждалъ случая проявить по отношенію къ нему свои чувства по восшествіи на русскій престолъ. Дѣлами своей родной Голштиніи наслѣдникъ русскаго престола интересовался гораздо болѣе, чѣмъ Россіей, мечталъ, по восшествіи на престолъ, отвоевать у Даніи голштинскія земли и, получивъ (въ 1755 г.) позволеніе выписать къ своему двору голштинскихъ солдатъ и офицеровъ, все время проводилъ въ ихъ обществѣ, усвоилъ

*) Отецъ Екатерины служилъ генераломъ въ прусскихъ войскахъ и былъ сначала комендантомъ г. Штетина, гдѣ у него и родилась дочь Софія въ 1729 г., а потомъ наслѣдовалъ престолъ ангальтъ-цербстскаго княжества. О бракѣ Петра съ нѣмецкой принцессой много хлопоталъ между прочимъ Фридрихъ II, въ надеждѣ имѣть въ лицѣ наслѣдной четы своихъ сторонниковъ.

себѣ ихъ грубыя развязныя манеры, выучился курить и пить по-солдатски, считая это необходимымъ качествомъ настоящаго воина.

Инымъ совершенно человѣкомъ была и иначе вела себя его супруга Екатерина Алексѣевна. Она выросла въ скромной семьѣ третьестепеннаго нѣмецкаго принца, при обстановкѣ настолько небогатой, что матери и дочерямъ самимъ приходилось заниматься хозяйствомъ. По недостатку средствъ, отецъ Екатерины служилъ въ арміи прусскаго короля и долго былъ губернаторомъ Штетина, гдѣ и воспитывалась Екатерина. Француженка-гувернантка познакомила ее съ французскими писателями и пріохотила къ чтенію. Принцесса очень рано созрѣла умственно. Вмѣстѣ со своей предпріимчивой хлопотуньей-матерью, объѣзжавшей, по порученіямъ своего покровителя Фридриха, разные города Германіи, Екатерина много путешествовала и рано ознакомилась съ жизнью не изъ оконъ только дворца или по книгамъ, но непосредственно, привыкла къ умѣнью обращаться съ людьми, и дѣвочкой 14 лѣтъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, держала себя какъ взрослая особа, такъ что вызвала общее удивленіе и прямо обворожила императрицу и ея приближенныхъ своимъ тактомъ, сдержанностію и вмѣстѣ привѣтливостію въ обращеніи. Сдѣлавшись женою наслѣдника престола и принявъ православіе, она внимательно изучила и тщательно исполняла русскіе церковные обряды, дѣлая даже больше, чѣмъ требовали отъ нея: такъ, напр., разъ Елизавета велѣла ей говѣть первую недѣлю великаго поста, Екатерина попросила позволенія поститься весь великій постъ, что очень тронуло набожную императрицу. Второй ея заботой въ новомъ положеніи было изученіе русскаго языка, и она часто вставала по ночамъ, чтобы заучить долго не дававшіяся ей мудреныя русскія слова и фразы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она близко вошла въ жизнь и отношенія русскаго общества, среди котораго ей приходилось вращаться, и скоро стала здѣсь необходимымъ человѣкомъ. Обходительная, веселая и остроумная, Екатерина легко располагала въ свою пользу всѣхъ, съ кѣмъ ей приходилось имѣть дѣло. Не было у нея только ничего общаго съ Петромъ. Ихъ взгляды, занятія и привычки совершенно разнились. Неизбѣжное при такихъ условіяхъ охлажденіе въ отношеніяхъ наслѣдной четы, наступившее въ первые же годы послѣ брака, и намѣренное удаленіе отъ нея Петра послужило Екатеринѣ только на пользу въ двухъ отношеніяхъ—увеличило общія къ ней симпатіи, тѣмъ болѣе, что она дѣлала очевидныя для всѣхъ усилія прикрыть грубыя выходки мужа, и съ другой стороны часы невольнаго уединенія въ первые 8 лѣтъ своей супружеской жизни Екатеринѣ пришлось заполнять по преимуществу чтеніемъ. Начала она романами и постепенно перешла къ изученію историческихъ и философскихъ книгъ, переводовъ древнихъ авторовъ (Плутарха, Тацита, Платона и др.) и особенно произведеній просвѣтительной французской литературы того вѣка—сочиненій Вольтера, Монтескье, твореній энциклопедистовъ. Въ это именно время она получила самоучкой, самостоятельнымъ чтеніемъ, ту массу свѣдѣній, которыми потомъ удивляла не только русскихъ, но и иностранцевъ. Благодаря этому, молодая великая княгиня стояла головой выше большинства русскихъ

дѣятелей того времени и пріобрѣла вліяніе при дворѣ. И по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выяснялась полнѣйшая непригодность въ дѣлахъ управленія Россіей будущаго императора, глаза всѣхъ невольно останавливались на его даровитой, образованной и энергичной супругѣ, которая своимъ умомъ, здравыми обо всемъ сужденіями, привѣтливостію и внѣшними формами обращенія съ людьми производила на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе. Къ концу царствованія Елизаветы на сторонѣ Петра находилась только небольшая кучка голштинцевъ и другихъ лично заинтересованныхъ лицъ, остальные всѣ были вольными и невольными сторонниками Екатерины. А когда у нея родился (въ 1754 г.) сынъ Павелъ, то и сама Елизавета, разочаровавшись въ своемъ племянникѣ, подумывала одно время о томъ, чтобы провозгласить наслѣдникомъ Павла, устранивъ Петра совсѣмъ отъ престола. Но она не успѣла, или не рѣшилась этого сдѣлать, когда смерть ея, возведшая Петра на престолъ, поставила его съ Екатериной въ положеніе непримиримыхъ противниковъ и заставила Екатерину, какъ нѣкогда Елизавету, изъ-за вопроса о личной безопасности, самое добиваться престола съ устраненіемъ непопулярнаго императора.

Правительственныя распоряженія Петра III. Свое царствованіе Петръ началъ очень дѣятельно, издавши, по очевидному внушенію близкихъ къ нему лицъ, рядъ мѣръ, которыми надѣялись создать популярность новому государю. Прежде всего онъ распорядился немедленно возвратить многихъ опальныхъ людей минувшаго царствованія, въ томъ числѣ и престарѣлаго Миниха. Бирону позволено было возвратиться въ Петербургъ и даже возбужденъ былъ вопросъ о возстановленіи его правъ на курляндское герцогство. Первой крупной мѣрой Петра былъ такъ называемый *указъ о вольности дворянства* (1761 г.)—предоставившій всѣмъ дворянамъ, на какой бы службѣ они ни состояли, въ военной или гражданской, права служить или не служить, по своему желанію; кромѣ того дворянамъ позволено было свободно ѣздить заграницу. Съ дворянства сложена была такимъ образомъ самая тяжелая обязанность, оправдывавшая доселѣ, въ извѣстной мѣрѣ, въ глазахъ населенія, его привилегіи; но съ устраненіемъ обязанностей основанныя на нихъ привилегіи и права, добытыя раньше, не были тронуты. Генералъ-прокуроръ Сената Глѣбовъ, принимавшій видное участіе въ составленіи указа о вольности дворянской, предложилъ Сенату соорудить на средства дворянства, въ знакъ благодарности за эту милость, золотую статую императора. Докладъ этотъ не былъ, однако, утвержденъ; Петръ III сказалъ, что своимъ царствованіемъ онъ надѣется воздвигнуть себѣ болѣе долговѣчный памятникъ...

Второй важной мѣрой, тоже разсчитанной на снисканіе популярности новому правительству и притомъ не среди одного какого-либо сословія, но во всей народной массѣ, былъ указъ *объ уничтоженіи*

Тайной Канцеляріи, вѣдавшей политическія преступленія; запрещено было навсегда произносить ненавистное народу „слово и дѣло". Указъ этотъ не возбудилъ, однако, въ обществѣ того радостнаго возбужденія, на какое разсчитывали и какое, несомнѣнно, было бы, если бы эта мѣра проведена была, напр., послѣ эпохи Бирона. Дѣло въ томъ, что въ довольно мирное и сравнительно гуманное царствованіе Елисаветы Петровны дѣятельность Тайной Канцеляріи не проявлялась замѣтнымъ образомъ.

Третьей мѣрой былъ указъ *о раскольникахъ*: тѣмъ изъ нихъ, которые изъ-за преслѣдованій бѣжали въ Польшу и заграницу, разрѣшено возвратиться въ Россію и жить на отведенныхъ имъ въ Сибири земляхъ. При этомъ запрещено стѣснять ихъ въ обрядахъ отправленія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ. Благодаря этому указу тысячи раскольниковъ и сектантовъ возвратились на родину. Имя Петра III съ той поры стало пользоваться особымъ почитаніемъ среди старообрядцевъ и вообще послѣдователей разныхъ сектъ, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи Петра не было никакихъ ограниченій даже для послѣдователей явно вредныхъ для государства сектъ, напр. проповѣдующихъ членовредительство, которыя обыкновенно не допускаются даже при самой широкой вѣротерпимости.

Благопріятное впечатлѣніе, произведенное на общество послѣдними мѣрами, скоро однако изгладилось при новыхъ необдуманныхъ распоряженіяхъ и безтактныхъ дѣйствіяхъ, которыя допускалъ Петръ III, уже по собственной иниціативѣ, вопреки совѣтамъ своихъ приближенныхъ. Таково, напр., было требованіе отъ духовенства уничтоженія всѣхъ иконъ въ церквахъ (кромѣ Спасителя и Божіей Матери); намѣреніе заставить духовенство носить свѣтское платье; неуваженіе къ обрядамъ церкви, проявлявшееся Петромъ во время его присутствія на богослуженіи, и наконецъ рѣшеніе обратить всѣхъ монастырскихъ крестьянъ въ государственныхъ. Духовенство заявило свой протестъ противъ этого, но Петръ и слышать не хотѣлъ о какомъ-либо противорѣчіи себѣ въ данномъ случаѣ.

Наиболѣе же сильное и притомъ общее недовольство пробудили его отношенія къ Фридриху II. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ прекратилъ войну съ Пруссіей, стоившую намъ свыше 30 милл. руб. деньгами и до 300 тыс. солдатъ, возвратилъ безвозмездно Фридриху всѣ завоеванныя нами ранѣе области, послалъ къ нему на помощь 15 тыс. отрядъ русскихъ войскъ и т. д. Самъ Фридрихъ не ожидалъ, по его словамъ, такого небывалаго во всей міровой исторіи великодушія и, не зная еще намѣреній Петра, въ наказѣ своему послу пред-

писывалъ только добиться, если можно, при помощи Россіи вознагражденія „въ другомъ мѣстѣ“ за тѣ земли, которыя неизбѣжно придется уступить Россіи въ предѣлахъ Пруссіи. Посолъ Фридриха въ Петербургѣ (Гольцъ) сталъ первымъ совѣтникомъ Петра. Выходцы изъ Голштиніи окружили тронъ русскаго государя, не скрывавшаго своего презрѣнія къ русскому языку, русской вѣрѣ и русскому войску. Въ довершеніе всего Петръ задумалъ начать войну съ Даніей ради возврата отнятыхъ нѣкогда ею у Голштиніи земель. Такая ненаціональная политика вызвала во всѣхъ слояхъ общества рѣзкія порицанія и боязнь новаго господства нѣмцевъ на Руси.

Глухое народное недовольство нашло себѣ, наконецъ, исходъ въ дѣйствіяхъ гвардіи, когда Петръ рѣшился неосторожно затронуть и ее. Онъ распустилъ знаменитую дворянскую „лейбъ-компанію“ Елисаветы Петровны и окружилъ себя голштинской гвардіей. Презрительно называя гвардейцевъ „янычарами“, онъ сталъ вводить у нихъ суровую дисциплину на прусскій манеръ, одѣлъ ихъ въ нѣмецкіе мундиры, назначалъ офицерами нѣмцевъ и заставилъ обучаться прусскому строю. Въ войскѣ, недавно еще одержавшемъ побѣды надъ пруссаками, поднялся сильный ропотъ по поводу этихъ нововведеній.

Съ своей супругой Екатериной Петръ обращался крайне рѣзко, не разъ даже публично оскорблялъ ее и, не стѣсняясь, при постороннихъ, выражалъ намѣреніе заключить ее въ монастырь (устранивъ Екатерину, Петръ намѣревался вступить въ новый бракъ съ фрейлиной Елизаветой Воронцовой, племянницей канцлера). Такимъ путемъ онъ какъ бы намѣренно толкалъ свою супругу въ лагерь враговъ и создавалъ въ ея лицѣ самаго опаснаго себѣ противника. При такихъ условіяхъ при дворѣ Екатерины и въ гвардіи быстро созрѣлъ заговоръ противъ Петра III. Ближайшее участіе въ немъ приняли—съ одной стороны княгиня Екатерина Дашкова, съ другой—молодые гвардейскіе офицеры и во главѣ ихъ братья Орловы, Алексѣй и Григорій, красавцы и силачи, извѣстные по всему Петербургу своими похожденіями и кутежами. Подъ фирмой этихъ кутежей они собирали у себя для совѣщанія офицеровъ гвардіи и выработали смѣлый планъ дѣйствій. О заговорѣ этомъ знали и втайнѣ сочувствовали ему многіе вліятельные сановники того времени—какъ напр. графъ Кириллъ Разумовскій, воспитатель Павла Петровича—графъ Никита Панинъ, И. И. Шуваловъ, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, архіепископъ новгородскій и членъ Синода Дмитрій Сѣченовъ и др. Такимъ образомъ заговоръ не былъ результатомъ замысловъ гвардейской молодежи или приближенныхъ къ Екатеринѣ лицъ, но охватывалъ болѣе широкіе и

разнообразные круги петербургскаго и придворнаго общества. Отъ Петра отшатнулись даже лица, раньше стоявшія на его сторонѣ, и гвардія въ данномъ случаѣ явилась только активнымъ выразителемъ общественныхъ настроеній.

Переворотъ 28 іюня 1762 г. Лѣто 1762 г. Петръ III проводилъ въ пригородномъ дворцѣ въ Ораніенбаумѣ, приготовляясь съ своими голштинцами къ походу въ Данію. Екатерина жила недалеко— въ Петергофѣ. 28 іюня раннимъ утромъ къ ней явились братья Орловы и сообщили, что власти напали на слѣдъ заговора и одинъ изъ его участниковъ (Пассекъ) уже арестованъ. Медлить было некогда и Екатерина вмѣстѣ съ Орловыми поспѣшно переѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ. Здѣсь ее встрѣтили уже заранѣе о томъ предупрежденные гвардейскіе полки. Екатерина обратилась къ салдатамъ съ энергичной рѣчью, прося защитить ее и ея сына отъ непріятелей... Солдаты клянутся защищать императрицу. Является священникъ и приводитъ ихъ къ присягѣ. Пріѣзжаютъ Панинъ, Шуваловъ, Разумовскій и др. сановники. Окруженная цѣлой свитой придворныхъ, войскомъ и массой народа Екатерина ѣдетъ въ Казанскій соборъ, гдѣ ее встрѣчаетъ архіепископъ Димитрій Сѣченовъ и высшее духовенство. Послѣ благодарственнаго молебна Екатерину провозглашаютъ самодержавной императрицей. Отсюда она переходитъ въ Зимній дворецъ, гдѣ уже собрались члены Синода и Сената для принесенія присяги новой государынѣ. Немедленно извѣщаютъ о перемѣнѣ правленія дипломатическій корпусъ и выпускаютъ заранѣе приготовленный манифестъ къ народу о низложеніи Петра III и восшествіи на престолъ Екатерины II. Все это совершалось такъ быстро, по заранѣе составленному плану, что немногочисленные сторонники Петра III совершенно растерялись и не успѣли даже извѣстить о томъ императора. Послѣдній узналъ о народномъ движеніи, когда уже было поздно и Екатерина двинулась въ Петергофъ верхомъ на конѣ, во главѣ пятнадцатитысячнаго отряда. Императрица была при этомъ одѣта въ старинный темнозеленый мундиръ, на замѣну котораго прусской формой войска такъ негодовали, на головѣ у нея былъ шлемъ, украшенный дубовыми листьями. Петръ III совершенно потерялъ голову и не зналъ, на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что большинство старыхъ вельможъ, состоявшихъ въ его свитѣ, подъ разными предлогами поспѣшили оставить его и уѣхали на встрѣчу императрицѣ. Около него оставался только преданный ему Минихъ да отрядъ голштинцевъ въ 1500 чел. Престарѣлый, но энергичный фельдмаршалъ уговаривалъ Петра немедля отправиться въ Кронштадтъ, а оттуда моремъ въ Ревель къ войскамъ, тамъ собраннымъ, и съ ихъ

помощью отстаивать свои права. Петръ долго колебался, а когда двинулся наконецъ къ Кронштадту, было уже поздно—тамъ засѣли войска, прибывшія изъ Петербурга, а встрѣтили Петра угрозами стрѣлять по его судну. Петръ III окончательно упалъ духомъ, воротился въ Ораніенбаумъ и тамъ подписалъ актъ отреченія отъ престола, продиктованный ему посланцами Екатерины. Отсюда низложеннаго императора перевезли въ Ропшу (въ 25 верстахъ отъ Петергофа) подъ надзоръ братьевъ Орловыхъ. Чрезъ нѣсколько дней опубликованъ былъ новый пространный манифестъ, въ которомъ подробно излагались причины низложенія Петра III, указывалось на его неуваженіе къ церкви православной, „ненависть“ къ арміи, нелюбовь ко всему русскому, приготовленія къ безполезной войнѣ съ Даніей, „злодѣйскіе“ замыслы противъ Екатерины и пр.

Въ самый день опубликованія этого манифеста пришло изъ Ропши отъ Алексѣя Орлова письмо о смерти Петра III. Императрицу эта внезапная смерть сильно поразила (какъ видно изъ Записокъ княгини Дашковой). Народу объявлено было, что бывшій императоръ скончался отъ „геморроидальныхъ коликъ“. Приказано было устроить ему пристойныя похороны, но безъ царскихъ почестей, въ Александро-Невской лаврѣ.

Императрица щедро наградила деньгами и чинами, помѣстьями и пенсіями лицъ, содѣйствовавшихъ ея вступленію на престолъ, но не преслѣдовала сторонниковъ низложеннаго императора, какъ, напр., Миниха, Воронцова и др. Минихъ даже назначенъ былъ „генералъ-директоромъ“ надъ балтійскими портами.

Екатерина II Великая (1762—1796).

Екатерина II по своему образованію и общему развитію, пріобрѣтенному путемъ самостоятельныхъ занятій, была теоретически подготовлена къ трудному дѣлу управленія обширнымъ государствомъ болѣе, чемъ кто-либо изъ предшествующихъ русскихъ государей, хотя въ общемъ познанія ея отличались не столько глубиною и основательностію, сколько широтою и разнообразіемъ. Съ другой стороны, она знакома была, по впечатлѣніямъ дѣтства и отрочества, съ придворнымъ бытомъ въ государствахъ средней Европы. Она имѣла также возможность познакомиться съ политикой главнѣйшихъ центровъ Западной Европы по бесѣдамъ съ однимъ изъ лучшихъ дипломатовъ школы Петра I—канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминымъ, а также нѣкоторыми изъ пословъ европейскихъ державъ и сама принимала въ послѣднее время, въ извѣстной мѣрѣ, непосредственное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Она наконецъ близко знакома была съ бытомъ и нравами придворной среды въ Петербургѣ и высшаго петербургскаго общества, но она не знала Россіи, хотя и старательно изучала русскій языкъ и православное вѣроученіе. И это незнакомство съ внутреннимъ бытомъ и настроеніями населенія такой обширной страны, какъ Россія, которая и тогда превосходила своими размѣрами любую изъ европейскихъ странъ, на первыхъ порахъ пугало обычно смѣлую въ своихъ дѣйствіяхъ государыню. Съ другой стороны Екатерина боялась и противодѣйствія, какое могли встрѣтить ея проекты по внутреннимъ вопросамъ со стороны высшихъ сановниковъ имперіи. Только что утвердившись на тронѣ, она опасалась возбудить неудовольствіе людей, окружавшихъ и поддерживавшихъ этотъ тронъ. Между прочимъ французскій посолъ (Бретейль) въ донесеніяхъ своему правительству пишетъ, вскрывая эту сторону дѣла: „Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественной, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ“. „Такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея поданнымъ“, замѣчаетъ однако посолъ. Екатерина II дѣйствительно всегда помнила, что ее возвело на престолъ оскорбленное нерусскими стремленіями Петра III націо-

нальное чувство, въ теченіе всего своего царствованія твердо и умѣло преслѣдовала задачи національной политики и этимъ создала себѣ популярность. Эта чистокровная нѣмка по происхожденію была въ данномъ отношеніи болѣе русской, чѣмъ многіе русскіе до и послѣ нея, и являлась прямой противоположностію своему мужу, родному внуку Петра I, но узкому нѣмцу по своимъ стремленіямъ, симпатіямъ и привычкамъ. Внѣшнія дѣла—самая блестящая страница царствованія Екатерины; здѣсь она была въ знакомой ей сферѣ и дѣйствовала смѣло и рѣшительно, одновременно вызывая удивленіе и дома и заграницей. Иностранную политику Екатерина по большей части вела сама. Здѣсь она менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, стояла въ зависимости отъ своихъ сотрудниковъ. Канцлеръ Панинъ былъ чаще всего лишь исполнителемъ ея рѣшеній, основанныхъ на изученіи и знаніи того или другого вопроса. Донесенія иностранныхъ пословъ она прочитывала не въ извлеченіяхъ, какъ обыкновенно водилось, а въ подлинникѣ и предпочитала въ большинствѣ случаевъ прямыя сношенія съ самими государями: отъ нея осталась обширная переписка съ Фридрихомъ II, Іосифомъ II, Густавомъ III и др., ясно показывающая дипломатическія способности Екатерины и ея умѣнье разобраться въ сложныхъ политическихъ вопросахъ. Эта внѣшняя политика, какъ дѣло болѣе всего другого извѣстное Екатеринѣ и ставившее ее на виду всей Европы, была и силой и вмѣстѣ слабостью царствованія Екатерины. Она возвысила ее въ глазахъ Западной Европы и самихъ подданныхъ императрицы, за блескомъ побѣдъ заставляла забывать многіе недочеты внутренняго управленія, хотя и созидалась на громадныхъ жертвахъ деньгами и людьми и имѣла результатомъ финансовое оскудѣніе страны.

Въ дѣлахъ внутреннихъ Екатерина не проявляла такой увѣренности и смѣлой независимости. Она всегда понимала, что ее возвело на престолъ дворянство въ лицѣ гвардіи, что то же дворянство, сосредоточившее въ себѣ главныя умственныя и образовательныя силы страны, руководитъ всѣмъ въ государствѣ и потому только расширяла, но не суживала привилегіи этого сословія, всегда опираясь въ своихъ дѣйствіяхъ на этотъ верхній слой общества. Она никогда не рѣшалась возложить на дворянство хотя бы часть тѣхъ тягостей и обязанностей, которыя нѣкогда смѣло налагалъ на служилое сословіе Петра I, несмотря на то, что съ дѣйствіями и сужденіями его Екатерина II любила справляться въ своей внутренней политикѣ. По отношенію къ другимъ сословіямъ Екатерина не проявляла такой сдержанности. Такъ она не побоялась обидѣть духовенство отнятіемъ монастырскихъ земель; убѣжденная сторонница освобожденія крестьянъ, она не рѣшилась провести эту мѣру, но, наоборотъ, узаконила фактически развившееся до нея крѣпостное право. Теоретически Екатерина исповѣдывала самыя либеральныя и освободительныя идеи, но, вынужденная сообразоваться съ обстоятельствами и настроеніями русскаго общества, оказалась во многихъ случаяхъ безсильной провести свои планы на практикѣ, осуществить ихъ въ жизни. Первое такое столкновеніе теоріи съ практикой, книжныхъ идеаловъ Екатерины съ дѣйствительностію, произошло при учрежденіи такъ называемой Законодательной Комиссіи.

Стоя за необходимость проведенія реформъ сверху, начинаніями верховной власти, Екатерина видѣла въ неограниченной монархіи источникъ всѣхъ просвѣтительныхъ начинаній въ обществѣ и примыкала къ ряду тѣхъ государей даннаго времени, которые воплощали въ своихъ дѣлахъ идеи такъ называемаго *просвѣщеннаго абсолютизма*. Въ началѣ царствованія, подъ вліяніемъ сочиненій Вольтера, Дидро д'Аламбера, и др. писателей XVIII в., съ которыми постоянно переписывалась, слѣдуя во многомъ ихъ совѣтамъ, и которымъ всячески покровительствовала *), Екатерина II по своимъ взглядамъ была даже гораздо либеральнѣе другихъ современныхъ ей представителей просвѣщеннаго абсолютизма (каковы Фридрихъ II и Іосифъ II), но подъ конецъ—подъ вліяніемъ опыта жизни и особенно событій французской революціи, разочаровалась во многомъ и замѣтно склонялась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ сторону реакціи.

Въ дѣйствіяхъ ея всегда сказывался умъ, холодный, разсчетливый и насмѣшливый, въ характерѣ ея было много веселости, но мало было добродушія, искренней теплоты и сердечности; мягкость ея мѣръ и гуманность отношеній къ людямъ вытекали не изъ чувства, которому она никогда не подчинялась и проявленія котораго трудно въ ней подмѣтить, а изъ тѣхъ же разсчетовъ холоднаго ума, которыми она руководилась въ своей жизни. Тамъ, гдѣ гуманность не приносила пользы дѣлу или европейской славы ея имени, она была довольно сурова въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ людямъ. Любовь къ власти и славѣ была главной пружиной ея дѣйствій, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ—средствомъ къ достиженію этой цѣли. Трудно указать факты, когда бы она сильно увлекалась, потому что и самыя увлеченія она подчиняла велѣніямъ разсудка и оттого всегда властвовала надъ другими, но не позволяла имъ надъ собою властвовать, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это было неизбѣжно или необходимо.

Главные дѣятели царствованія Екатерины II. Екатерина II, подобно Петру I, отличалась умѣньемъ находить людей для выполненія своихъ плановъ и направлять ихъ дѣятельность согласно своимъ желаніямъ. Условія для выбора при общемъ повышеніи культурнаго уровня и образованности въ странѣ были для нея болѣе благопріятны, чѣмъ для Петра I. Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ ей не легко было составить около себя кружокъ сотрудниковъ и при томъ такихъ, которые бы съ одной стороны стояли съ нею въ уровень по знаніямъ и стремленіямъ, а съ другой—не мѣшали бы ея иниціативѣ и самостоятель-

---

*) Между прочимъ, съ цѣлью поддержать въ матеріальномъ отношеніи Вольтера и Дидро, Екатерина купила у нихъ за большія деньги ихъ библіотеки, при чемъ послѣднему оставила библіотеку въ пожизненное пользованіе, назначивъ его своимъ библіотекаремъ съ жалованьемъ по 1.000 франковъ въ годъ и съ уплатой жалованья за 50 лѣтъ впередъ; она постоянно давала щедрые подарки знаменитымъ художникамъ и литераторамъ, пенсіи разнымъ заслуженнымъ дѣятелямъ Западной Европы и пр. Ею руководило при этомъ не одно стремленіе оцѣнить заслуги выдающихся людей въ области умственнаго труда, но и извѣстнаго рода разсчетъ. Она знала, что Вольтеръ, напр., служитъ въ нѣкоторомъ родѣ „трубою славы“ въ общественномъ мнѣніи Западной Европы. Благодаря этому, ни одно царствованіе не вызвало на Западѣ столько похвалъ, сколько удостоилось ихъ получить отъ корифеевъ тогдашней литературы царствованіе „Сѣверной Семирамиды“, какъ называли Екатерину.

ности. Гвардейская молодежь, способствовавшая возведенію Екатерины на престолъ, не имѣла еще ни знаній, ни надлежащей опытности, чтобы помогать императрицѣ. Старики-сановники, бывшіе дѣятели временъ Елизаветы Петровны, не подходили по взглядамъ и слишкомъ привыкли къ самостоятельности, чтобы быть только орудіемъ въ чужихъ рукахъ, какъ этого желала самовластная императрица, желавшая все направлять по своему. Екатерина вызвала своего бывшаго учителя въ политикѣ Бестужева-Рюмина, но этотъ уже одряхлѣвшій дѣятель былъ слишкомъ упрямъ и имѣлъ свои излюбленные взгляды, не сходившіеся съ воззрѣніями императрицы. Екатерина относилась къ нему съ большимъ почтеніемъ, пользовалась его совѣтами, но не давала самостоятельнаго поста. И. И. Шуваловъ позволилъ себѣ критиковать ея дѣйствія и дѣло кончилось его отъѣздомъ за границу. Оставался Н. И. Панинъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей своего времени, хотя и крайне лѣнивый человѣкъ. Въ его рукахъ сосредоточилась съ теченіемъ времени исполнительная часть по веденію иностранной политики, но Екатерина пользовалась его совѣтами и въ дѣлахъ внутреннихъ; онъ же былъ главнымъ воспитателемъ наслѣдника престола Павла Петровича. Впослѣдствіи Панинъ составилъ себѣ громкую извѣстность въ Европѣ составленнымъ совмѣстно съ Екатериной проектомъ *вооруженнаго нейтралитета* (1780 г.) для защиты морской торговли нейтральныхъ державъ во время сѣверо-американской войны. Послѣ Панина на дипломатическомъ поприщѣ отличался графъ *Безбородко*.

Выбирая себѣ сотрудниковъ, Екатерина II цѣнила прежде всего таланты и заслуги, а не званіе человѣка или его отношенія къ другимъ лицамъ, хотя бы и непріятнымъ ей. Когда герой семилѣтней войны ген. *Румянцевъ* (по происхожденію—сынъ денщика Петра Великаго), опасаясь немилости со стороны Екатерины, вслѣдствіе того, что Петръ III относился къ нему благосклонно, подалъ въ отставку, Екатерина написала ему очень любезное письмо, въ которомъ заявила, что смотритъ не на лицо, но на заслуги, и просила его остаться на службѣ. Впослѣдствіи Румянцевъ прославилъ своими побѣдами царствованіе Екатерины II, какъ и другой полководецъ того времени геніальный *Суворовъ*, и оба возвысились благодаря исключительно своимъ талантамъ и покровительству императрицы, всегда защищавшей ихъ отъ придворныхъ козней.

Сынъ генерала елизаветинскихъ временъ, бывшаго при Петрѣ I денщикомъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ въ дѣтствѣ росъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ, и отецъ предназначалъ его къ гражданской службѣ, но, уступая просьбамъ и стремленіямъ мальчика, постоянно выказывавшаго неодолимое влеченіе къ военному дѣлу, отдалъ его въ гвардейскій Семеновскій полкъ, гдѣ онъ и началъ службу съ 15 лѣтъ рядовымъ, послѣдовательно проходя всѣ низшія званія—капрала, унтеръ-офицера, сержанта, и только 24 лѣтъ получилъ званіе офицера. Эта рядовая служба и закалила здоровье Суворова и дала ему возможность всесторонне познакомиться съ бытомъ и привычками солдатъ. Свои воинскіе таланты онъ обнаружилъ впервые во время семилѣтней войны, гдѣ онъ командовалъ партизанскими отрядами и впервые обнаружилъ ту находчивость, рѣшительность и быстроту, которыми такъ удивлялъ потомъ всѣхъ. Здѣсь присмотрѣлся онъ къ тактикѣ

перваго полководца того времени Фридриха, и въ противовѣсъ ей выработалъ свою собственную оригинальную тактику, которую и разработалъ въ подробностяхъ по окончаніи войны, командуя полкомъ въ окрестностяхъ Петербурга. Его военныя правила и способы веденія битвъ были, однако, результатомъ не практики только, но глубокаго всесторонняго изученія военныхъ наукъ и военной литературы всѣхъ временъ и народовъ,—къ чему онъ имѣлъ возможность благодаря основательному знанію не только французскаго и нѣмецкаго, но и другихъ европейскихъ языковъ. Обладая чрезвычайной личной храбростію, онъ безъ нужды не выказывалъ ее, но тамъ, гдѣ считалъ это нужнымъ, бросался въ самый пылъ боя, неоднократно платясь за это ранами. Суворовъ избѣгалъ изнѣженности, даже комфорта, велъ всегда полубивачную, чисто-солдатскую жизнь, спалъ на сѣнѣ, носилъ даже зимою лѣтній плащъ и т. д. По образу жизни и пріемамъ онъ былъ чисто-русскимъ человѣкомъ, соблюдая всѣ народные обычаи и привычки. Безкорыстіе, щедрость, религіозность, добродушіе и простота въ обращеніи привлекали къ нему всѣ сердца. Онъ былъ строгъ въ отношеніи воинской дисциплины и служебныхъ обязанностей, но въ то же время доступенъ и привѣтливъ,—сближался съ солдатами, смѣшилъ ихъ своими прибаутками. На солдатъ онъ имѣлъ неотразимое вліяніе, они безгранично довѣряли ему и готовы были идти за него въ огонь и въ воду.

Къ числу особенностей Суворова, которыми онъ на первыхъ порахъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе и которыя потомъ сдѣлались какъ бы его второй природой, принадлежали его чудачества, о которыхъ ходило множество анекдотовъ. Такъ, напр., вставая до зари, онъ бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ и будилъ солдатъ, крича пѣтухомъ, говорилъ съ посторонними лицами загадочными фразами, шутками, сопровождая свои слова разными ужимками и кривляніями и т. д. Надъ этими чудачествами много смѣялись при дворѣ, но Екатерина быстро разгадала истинную ихъ причину, и одна изъ первыхъ оцѣнила его по достоинству. Въ серьезныхъ случаяхъ, въ дѣловыхъ разговорахъ съ Екатериной, иностранными послами и пр., покидая свои чудачества, Суворовъ удивлялъ собесѣдниковъ солидностію и широтою образованія и познаній, мѣткостію и вѣрностію своихъ оригинальныхъ сужденій обо всемъ и особенно въ области воинскаго дѣла, гдѣ онъ положительно не имѣлъ себѣ соперниковъ.

Какъ полководецъ, Суворовъ во время военныхъ дѣйствій всегда старался сохранить въ своихъ рукахъ инициативу и держался наступательнаго образа дѣйствій. Планы его составлялись не въ кабинетѣ и заблаговременно, а на самомъ полѣ битвы, сообразно съ ходомъ дѣлъ, и были всегда просты и понятны всѣмъ въ войскѣ, что и составляло ихъ главное достоинство. Намѣчая планъ въ главныхъ чертахъ, онъ требовалъ отъ подчиненныхъ рѣшительности и самостоятельности въ дѣйствіяхъ при его примѣненіи, сознательность и духъ войска ставилъ выше формъ внѣшняго слѣпого подчиненія и „немогузнайства" не терпѣлъ. Отъ этого въ бою онъ извлекалъ изъ войскъ все, что они могли дать, ни одна часть у него не оставалась праздною. Суворовъ постоянно старался дѣйствовать сосредоточенными силами; если же, по независящимъ отъ него причинамъ, приходилось ихъ разбрасывать, то онъ возмѣщалъ это быстротою маршей, позволявшей ударять на противника неожиданно. При нападеніи онъ ставилъ обычно три задачи: вѣрно разсчитать, гдѣ нанести ударъ, быстро двинуться на врага и смѣло его атаковать, не уповая на стрѣльбу издалека („глазомѣръ, быстрота и натискъ", „пуля дура, а штыкъ молодецъ"—суворовскіе афоризмы). Пріученная имъ къ лишеніямъ пѣхота совершала иногда, вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ, передвиженіе до 70 верстъ въ сутки и прямо вступала въ бой послѣ

такихъ переходовъ,—за которыми такъ и осталось названіе „суворовскихъ". Побѣды свои Суворовъ всегда довершалъ энергическимъ и неуклоннымъ преслѣдованіемъ противника. Результаты суворовскаго воспитанія войскъ и его способовъ веденія войны сказались въ рядѣ блестящихъ побѣдъ, какими наполнена вся его военная карьера и на всѣхъ театрахъ войны—въ Турціи, Польшѣ, Италіи и пр. Замѣчательно, что въ теченіе своего долголѣтняго военнаго поприща (онъ умеръ въ 1800 году, 70 лѣтъ отъ роду, только что воротившись изъ итальянскаго похода) онъ *ни разу* не былъ побѣжденъ. Враги Суворова иногда пробовали говорить, что ему сопутствовало необыкновенное счастье. „Сегодня счастье, завтра счастье,—шутилъ по этому случаю Суворовъ,—помилуй Богъ—дайте же сколько-нибудь ума!"

Какъ общепризнанный геній военнаго искусства, Суворовъ является однимъ изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ.

Изъ другихъ дѣятелей царствованія Екатерины II выдѣлялись между прочимъ генералъ-прокуроръ Сената князь *А. А. Вяземскій*, умѣло направлявшій дѣятельность Сената, согласно видамъ государыни; графъ *Я. Е. Сиверсъ*, бывшій новгородскимъ губернаторомъ, замѣчательный по своему образованію и просвѣщеннымъ воззрѣніямъ государственный дѣятель, съ которымъ императрица постоянно совѣтовалась по разнымъ вопросамъ внутренняго управленія; *И. И. Бецкій*—бывшій главнымъ помощникомъ Екатерины въ вопросахъ воспитанія; *Ѳ. И. Бибиковъ*, предсѣдатель знаменитой Законодательной Комиссіи; баронъ *Черкасовъ*, завѣдывавшій медицинской частью въ Россіи; изъ духовныхъ лицъ—митрополитъ московскій Платонъ, знаменитый церковный ораторъ и вліятельный членъ Синода, *Тихонъ*, еп. воронежскій, и др. лица.

„Отецъ Платонъ дѣлаетъ съ нами что́ хочетъ, говорила про его проповѣди Екатерина: пожелаетъ онъ, чтобы мы плакали, и мы плачемъ". Платонъ извѣстенъ былъ также своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ духовенству и стремленіемъ поднять его значеніе въ обществѣ чрезъ образованіе и введеніе въ кругъ „благородныхъ" людей и не безъ основанія говорилъ о себѣ, что, заставъ духовенство въ лаптяхъ, обулъ его въ сапоги и ввелъ въ гостиныя. Такую же гуманность и заботливость о духовенствѣ проявилъ и святитель Тихонъ воронежскій, стойкій защитникъ его отъ обидъ свѣтскихъ властей.

Изъ придворныхъ наиболѣе близкими къ Екатеринѣ лицами были въ первое время братья *Орловы*—Григорій и Алексѣй. Орловы больше другихъ содѣйствовали вступленію Екатерины II на престолъ, за что и награждены были: Григорій титуломъ князя, а Алексѣй—графскимъ титуломъ. Екатерина и впослѣдствіи не разъ пользовалась услугами этихъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людей, давая имъ разныя порученія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Съ 1772 г. бр. Орловыхъ замѣнилъ по своей близости къ императрицѣ Григорій Александровичъ *Потемкинъ*. Онъ игралъ самую видную роль и былъ главнымъ совѣтникомъ Екатерины, которая высоко цѣнила умъ и способности этого дѣйствительно выдающагося человѣка, хотя и лишеннаго надлежащей выдержанности.

Потемкинъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго помѣщика, съ дѣтства еще обнаружилъ любознательность и большія способности; поступивъ въ Московскій университетъ, онъ былъ представленъ императрицѣ Ели-

заветѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, но затѣмъ залѣнился и „за нехожденіе“ былъ исключенъ изъ университета. Послѣ этого онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ конную гвардію, гдѣ и былъ замѣченъ Екатериной. Приблизивъ его къ себѣ, Екатерина оцѣнила его умъ и замѣчательныя способности и быстро возвысила. Онъ получилъ должность президента военной коллегіи, титулъ графа и до самой своей смерти (1791 г.) пользовался такимъ неограниченнымъ довѣріемъ императрицы, какого никто не удостоивался ни до, ни послѣ него. По словамъ самой Екатерины, она „обо всемъ съ нимъ совѣтовалась, ибо онъ имѣлъ превосходный умъ, былъ до безконечности вѣренъ и никогда не продавалъ ее“. Не получивши систематическаго образованія, Потемкинъ, благодаря чрезвычайнымъ способностямъ и умѣнію быстро схватывать все на-лету, усваивалъ технику всѣхъ дѣлъ, за которыя ему приходилось приниматься, какъ, напр., въ артиллеріи, въ кораблестроеніи и проч. и энциклопедичностію своихъ свѣдѣній удивлялъ современниковъ. Неспособный къ регулярной и требовавшей выдержки и терпѣнія работѣ, Потемкинъ въ иное время обнаруживалъ необычайную лѣность, просиживая цѣлые дни безъ всякаго дѣла, но зато, принимаясь за работу, проявлялъ необыкновенную энергію, неутомимую и многостороннюю дѣятельность, о чемъ свидѣтельствуетъ множество писемъ и записокъ, оставшихся отъ него. Особенно поражаетъ онъ своей неусыпной дѣятельностію по управленію Южной Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ чувствуется лихорадочная поспѣшность, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно труднымъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ и виноградниковъ, поощреніе шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей—все это предпринималось чрезвычайно размашисто, въ большихъ размѣрахъ, при чемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей и часто билъ на эффектъ въ ущербъ прочности и цѣлесообразности. Много портило дѣло также безграничное честолюбіе Потемкина, доходившее до мелочности, и не знавшая часто предѣловъ алчность, за которую его справедливо укоряли современники. Во всякомъ случаѣ это былъ самый недюжинный изъ екатерининскихъ временщиковъ, несомнѣнно способный администраторъ, избалованный однако положеніемъ при дворѣ и потому не знавшій удержу своимъ широкимъ планамъ и затѣямъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II наиболѣе близкимъ лицомъ къ ней сдѣлался молодой графъ Платонъ *Зубовъ*, проявившій однако себя больше надменностію, чѣмъ дѣловитостію.

Первые годы правленія Екатерины II прошли безъ видныхъ правительственныхъ мѣръ. Императрица присматривалась ко всему, старалась укрѣпить свое положеніе и познакомиться поближе съ внутренней жизнью страны. Въ первое время своего царствованія она самолично принимала просителей всякаго рода и званія, стараясь въ разговорѣ съ ними составить себѣ понятіе о положеніи различныхъ классовъ общества, пока громадное число жалобъ и просьбъ не заставило ее отказаться отъ этого способа ознакомленія съ обществомъ. Съ тою же цѣлію она предпринимала нѣсколько путешествій по Россіи, изъ которыхъ самымъ длиннымъ было путешествіе по Волгѣ до Симбирска.

Со времени Петра Великаго никто не предпринималъ такихъ поѣздокъ; правда, Екатерина не могла знакомиться съ бытомъ и жизнью, подобно Петру I, непосредственно, получала свѣдѣнія лишь изъ вторыхъ рукъ и видѣла больше показную сторону быта, но благодаря своей

наблюдательности и уму, и при этихъ условіяхъ усвоила не мало полезныхъ свѣдѣній о странѣ. Всюду Екатерина встрѣчала полную покорность и необыкновенный почетъ. Народное добродушіе и мягкость характера сказывались на каждомъ шагу. Все это произвело глубокое впечатлѣніе на императрицу.

По дѣламъ внутренняго управленія Екатерина II прежде всего пожелала ознакомиться съ дѣятельностью Сената, который, въ царствованіе Елизаветы, присвоилъ себѣ права не только административно-судебнаго, но и высшаго законодательнаго учрежденія. Императрица много разъ присутствовала на его засѣданіяхъ и вынесла отсюда впечатлѣніе неблагопріятное для сенаторовъ, которые, по ея отзыву, въ своихъ общихъ собраніяхъ слишкомъ много спорятъ другъ съ другомъ по ничтожнымъ дѣламъ *) и изъ чисто личныхъ отношеній, а дѣло не двигается. Для устраненія этого, ради скорѣйшаго производства дѣлъ, она раздѣлила Сенатъ на 6 отдѣленій или департаментовъ, при чемъ каждый долженъ былъ вѣдать свои особыя дѣла (судебныя, военныя, политическія и т. д.), общему же собранію сенаторовъ приказано докладывать только важнѣйшія дѣла.

При этомъ генералъ-прокурору князю Вяземскому дана была тайная инструкція всячески тормозить попытки Сената устанавливать по собственной инціативѣ новые законы. Это дѣло Екатерина взяла на себя и всѣ важнѣйшія новыя мѣропріятія вела помимо Сената, ограничивъ тѣмъ его полномочія **). Впослѣдствіи, во время войны съ турками (съ 1768 года), у нея явилась мысль устроить при себѣ особый „*совѣтъ*" изъ наиболѣе близкихъ сановниковъ для совмѣстнаго обсужденія военныхъ дѣлъ, а затѣмъ и всякаго рода вопросовъ. Совѣтъ этотъ, однако, не имѣлъ открыто офиціальнаго значенія и правильной организаціи и не обнаруживалъ замѣтнаго вліянія на управленіе.

Внутренняя дѣятельность Екатерины II.

Наказъ и Комиссія 1767—1768 **гг.** Еще въ то время, когда Екатерина была великою княгиней, она много занималась общими вопросами

---

*) Каждое дѣло Сенатъ слушалъ со всѣми подробностями и потому, напр., чтеніе о выгонѣ г. Масальска заняло при вступленіи Екатерины на престолъ цѣлыхъ 6 недѣль засѣданій Сената, что и отмѣтила съ ироніей императрица въ своемъ отзывѣ.

**) Была въ началѣ царствованія Екатерины II попытка нѣсколько ограничить ея самостоятельность и съ другой стороны; Н. И. Панинъ составилъ обширную записку, въ которой весьма рѣзко критиковалъ дѣятельность „припадочныхъ людей" предшествующихъ царствованій, когда фавориты, припадая къ стопамъ государыни, направляли дѣла, какъ хотѣли, и потому дѣйствовала сила „персонъ", а не законовъ. Для облегченія бремени власти, лежащей на государынѣ, Панинъ предлагалъ учрежденіе особаго „Императорскаго Совѣта" изъ 6 лицъ, на обсужденіе которыхъ и предлагались бы первоначально всѣ важнѣйшія дѣла. Екатерина выразила согласіе на учрежденіе такого Совѣта, но предложила этотъ вопросъ на разсмотрѣніе высшихъ сановниковъ и лицъ, не предназначавшихся въ члены Совѣта, которые, разумѣется, осудили проектъ, какъ попытку создать изъ небольшого числа наиболѣе близкихъ къ государю подданныхъ его „соправителей" и ввести взамѣнъ самодержавнаго „аристократическое правленіе" немногихъ знатныхъ лицъ. Проектъ провалился.

законодательства и государственнаго управленія, руководствуясь въ данномъ случаѣ идеями просвѣтительной литературы XVIII в. и особенно сочиненіемъ Монтескье „О духѣ законовъ". Сдѣлавшись императрицей, она желала осуществить на дѣлѣ идеи этого сочиненія „о законности и свободѣ, на которыхъ зиждется народное счастіе". Первымъ условіемъ для установленія порядка и законности въ обществѣ Екатерина считала составленіе надлежащихъ новыхъ законовъ. Мысль о необходимости пересмотра законовъ и изданія новаго сборника ихъ была не нова. Еще Петръ Великій задавался цѣлью пересмотрѣть и видоизмѣнить „Соборное Уложеніе" своего отца, которое не соотвѣтствовало новымъ потребностямъ государства и измѣнившимся условіямъ общественной жизни, и составилъ съ этой цѣлью особую комиссію, которой, однако, оказалось не подъ силу это сложное дѣло. Тогда онъ задумалъ было перевести на русскій языкъ шведское уложеніе и примѣнить его къ Россіи, но не успѣлъ этого сдѣлать. Преемники его неоднократно, но также безрезультатно, собирали частныя комиссіи изъ лицъ разнаго званія и положенія въ обществѣ. Екатерина II въ первый же годъ своего царствованія поручила князю Шаховскому, извѣстному дѣльцу временъ Елизаветы, учредить комиссію для составленія новаго уложенія. Результаты оказались тѣ же, что и въ прежнихъ комиссіяхъ. Тогда Екатерина рѣшила повести это дѣло на болѣе широкихъ началахъ и призвать къ участію въ немъ *Комиссію выборныхъ людей* со всего государства, подобно тому, какъ это было сдѣлано при составленіи Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что тогда перерабатывали старое, она же думала все построить на новыхъ основаніяхъ и предварительно въ руководство депутатамъ составила обширный „*Наказъ*" (полное его заглавіе: „Наказъ Комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія"). Въ немъ императрица изложила общіе взгляды на государство, законы, систему наказаній, воспитаніе и пр. Взгляды эти, по характеру своему очень гуманные, составляли въ значительной части позаимствованіе или переработку мыслей, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Монтескье („О духѣ законовъ"), Беккаріи („Преступленія и наказанія") и др. писателей XVIII в. *).

Какъ отголосокъ идей наиболѣе либеральныхъ и свободомыслящихъ писателей того времени, и въ самой Европѣ не находившихъ

---

*) Въ письмахъ къ д'Аламберу и Фридриху II Екатерина писала, что она „обобрала Монтескье" и лишь нѣкоторыя слова и строки вставила отъ себя; это было очевиднымъ преувеличеніемъ, разсчитаннымъ на отвѣтныя похвалы читателей составительницѣ „Наказа", изложившей все-таки многое по-своему и въ иной формѣ. Изъ общаго числа 526 статей Наказа заимствовано изъ Монтескье около 250, изъ Беккаріи около 100 статей; часть приведена въ буквальномъ переводѣ, большинство въ извлеченіяхъ и переработкѣ.

себѣ соотвѣтственнаго примѣненія, взгляды, проводившіеся въ „Наказѣ“, стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ строемъ тогдашней русской жизни, съ крѣпостничествомъ и отсутствіемъ равенства и сословій въ правахъ и обязанностяхъ. Екатерина, по ея словамъ, работала надъ составленіемъ „Наказа“ втайнѣ два года, а затѣмъ показала его по частямъ нѣкоторымъ изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: Панину, Сиверсу, Орлову, Дашковой и др. Въ виду сдѣланныхъ ими возраженій, императрица выкинула около половины первоначальнаго текста; сокращенный такимъ путемъ „Наказъ“ она прочитала особо созванному ею собранію „весьма разномыслящихъ персонъ“, съ предложеніемъ „вымарать“ все, что непригодно. Въ числѣ новыхъ критиковъ былъ между прочимъ и Сумароковъ, сдѣлавшій рядъ возраженій противъ многихъ казавшихся ему черезчуръ либеральными положеній „Наказа“. Въ концѣ всего, изъ первоначальнаго текста „Наказа“ осталось и напечатано не болѣе четверти того, что написала Екатерина, серьезно мечтавшая объ отмѣнѣ злоупотребленій крѣпостного права*). Тѣмъ не менѣе и въ послѣдней своей значительно сокращенной и смягченной редакціи „Наказъ“ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Западной Европѣ, вызвалъ между прочимъ горячія похвалы со стороны Фридриха II, хотя на практикѣ онъ и не очень расположенъ былъ ему слѣдовать, а во Франціи — родинѣ главныхъ идей „Наказа“ — произведеніе Екатерины правительствомъ запрещено было даже печатать, какъ книгу опасную...

Наказъ состоитъ изъ 20 главъ, въ которыхъ содержатся разсужденія и афоризмы о законахъ, о самодержавной власти, равенствѣ всѣхъ людей, о вольности (свободѣ), о пыткахъ и наказаніяхъ, о смертной казни, объ освобожденіи крѣпостныхъ, собственности и раздѣленіи имѣній, о свободѣ слова и печати, о вѣротерпимости и пр.

Во введеніи говорится: „Господи, Боже мой: вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду“. Приводимъ нѣкоторыя изъ статей Наказа.

1. Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно.

2. Всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть, или будетъ, видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія.

3. А всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго *законами*, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, но защищали его ото всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій.

10. Пространное государство предполагаетъ *самодержавную власть* въ той особѣ, которая онымъ правитъ.

15. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя.

19. *Государь* есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти.

34. *Равенство* всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

---

*) Особеннымъ измѣненіямъ подверглись мнѣнія Екатерины о свободѣ крестьянъ, о крестьянскомъ самосудѣ, объ освобожденіи крестьянъ въ случаѣ жестокости ихъ помѣщиковъ, объ отдѣленіи законодательной власти отъ судебной и о злоупотребленіяхъ, происходящихъ отъ ихъ смѣшенія.

35. Равенство требуетъ хорошаго постановленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ.

38. *Вольность* есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлати законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

40. Ничто не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно или всему обществу. Лучшіе законы тѣ, которые сообразны съ нравами народа.

58. Законы должны быть писаны простымъ языкомъ и Уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно было, на подобіе букваря... Преступленія не столь часты будутъ, чѣмъ большее число людей Уложеніе читать и разумѣть станутъ. И для того предписать надлежитъ, чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ.

81. Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ положенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій.

96. Всѣ *наказанія*, которыми тѣло человѣческое уродовать можно, должно отмѣнить.

194. Какое право можетъ кому дать власть налагать наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ? Обвиняемый, терпящій *пытку*, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. И невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.

196. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе *казней* никогда не сдѣлало людей лучшими. Смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ.

253. Нужно избѣгать случаевъ, чтобъ не приводить людей въ *неволю* и то не для собственной корысти, но для пользы государственной, однако и та не весьма ли рѣдко бываетъ.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа *освобожденныхъ*.

295. Не можетъ земледѣліе процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего *собственнаго*.

425. Мое намѣреніе склоняется больше къ *раздѣленію имѣній*, понеже я почитаю за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего, земледѣліе такимъ образомъ можетъ придти въ лучшее состояніе, и государство чрезъ то получитъ большую пользу, имѣя нѣсколько тысячъ подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей.

Цѣлая глава Наказа (XIV) посвящена общимъ разсужденіямъ о воспитаніи и обязанностяхъ родителей по отношенію къ дѣтямъ.

Въ статьѣ, приложенной къ Наказу, подъ заглавіемъ „правила весьма важныя и нужныя“ указывается на необходимость вѣротерпимости.

Въ заключительной XX главѣ Наказа Екатерина возражаетъ противъ законовъ, касающихся преступленій въ оскорбленіи величества словомъ. „*Слова*, пишетъ Екатерина, не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззакон-

ному". Такъ же смотритъ Екатерина на письма и „*сочиненія* очень язвительныя" и возстаетъ противъ запрещеній, налагаемыхъ на послѣднія. „Весьма беречься надобно взысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе и сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ".

Въ одной изъ послѣднихъ статей Наказа Екатерина говоритъ слѣдующее:

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что *мы сотворены для нашего народа,* и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю.

По изготовленіи „Наказа" Екатерина издала (въ декабрѣ 1766 г.) манифестъ, въ которомъ, указавши на недостатки прежняго законодательства и несоотвѣтствіе его нуждамъ настоящаго времени, приглашала населеніе избрать изъ своей среды депутатовъ. Депутатовъ этихъ, говорилось въ манифестѣ, „мы созываемъ не для того только, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста; но они должны быть допущены въ Комиссію, которой дадимъ Наказъ для составленія проекта новаго Уложенія". Екатерина такимъ образомъ задумала составить Уложеніе не по старому порядку, когда дьяки-чиновники привели въ систему старые законы и предложили эту работу для подписи выборнымъ людямъ. Услугами бюрократіи и старыми законами она не хотѣла пользоваться; но желала создать новые законы и согласовать ихъ съ нуждами народа при ближайшемъ непосредственномъ участіи знатоковъ этихъ нуждъ—депутатовъ отъ населенія. Въ этихъ видахъ депутатамъ велѣно было взять съ собою отъ своихъ избирателей наказы и инструкціи съ изложеніемъ ихъ нуждъ и желаній. Эти „малые наказы" должны были служить матеріаломъ для обсужденія Комиссіи, сообразно съ указаніями и общими положеніями „Большого Наказа" самой императрицы.

Мѣстомъ собранія „Комиссіи" назначена была Москва. Въ составъ Комиссіи повелѣно было выбирать по одному депутату—отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ каждаго города (независимо отъ его величины), отъ Сената, Синода, Коллегій и др. присутственныхъ мѣстъ, отъ черносошныхъ, т. е. государственныхъ, крестьянъ каждой провинціи и отъ „некочующихъ инородцевъ" (по депутату отъ каждой народности). При такихъ условіяхъ оказались всего полнѣе представленными — дворянство (150 чел.) и города (до 200 чел.) и совсѣмъ не представлена главная масса населенія — частновладѣльческіе или крѣпостные крестьяне, положеніе которыхъ всего болѣе озабочивало гуманную составительницу „Наказа". Духовенство, которое играло первостепенную роль въ ста-

рыхъ законодательныхъ собраніяхъ, представлено было всего однимъ депутатомъ отъ Синода — новгородскимъ архіепископомъ Дмитріемъ. Въ этомъ распредѣленіи депутатовъ обнаружились тѣ же вліянія, которыя сказались въ сокращеніи первоначальнаго текста „Наказа“.

Званіе депутата старались возвысить въ глазахъ общества: избранные навсегда освобождались отъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смертной казни за преступленія, а также отъ конфискаціи имущества; за обиды депутата виновный несъ двойное наказаніе.

Манифестъ о Комиссіи и самые выборы внесли большое оживленіе въ городахъ и велись серьезно. Въ связи съ общимъ настроеніемъ въ Петербургѣ на собраніе выборщиковъ сановныя лица явились безъ орденовъ и знаковъ отличія, чтобы не выдѣляться отъ прочихъ гражданъ; въ Комиссію по составленію наказа въ депутаты столицы попали между прочимъ три купца. Наказовъ депутатамъ дано было свыше 2.000 и въ томъ числѣ больше половины было крестьянскихъ, что ясно указывало на больное мѣсто въ тогдашнемъ строѣ общественной жизни.

Въ наказахъ депутатамъ изложено было множество жалобъ, требованій и просьбъ. Во многихъ указывали на недостатки въ администраціи, на вражду между разными сословіями, просили объ улучшеніи суда, о защитѣ противъ произвола приказныхъ людей, насилій отъ военныхъ лицъ и пр. Всюду почти упоминается о тяжести налоговъ и почти всѣ сословія требуютъ учрежденія постоянныхъ собраній, которыя бы состояли изъ выборныхъ лицъ и занимались рѣшеніемъ менѣе важныхъ судебныхъ дѣлъ и вопросовъ мѣстнаго управленія.

30 іюля 1767 г. въ Грановитой палатѣ въ Москвѣ торжественно, въ присутствіи самой императрицы, открылись засѣданія Комиссіи, въ составъ которой вошли 564 депутата. Предсѣдателемъ (маршаломъ) собранія былъ намѣченъ и Екатериною утвержденъ Бибиковъ. Первоначально прочли „Наказъ“ Екатерины, произведшій сильное впечатлѣніе на собраніе, многіе слушали его со слезами на глазахъ... Депутаты тутъ же порѣшили поднести государынѣ титулъ „Великой Премудрой Матери отечества“; она согласилась, съ оговорками, принять только послѣднее названіе*).

Послѣ этого Комиссія приступила къ занятіямъ; съ цѣлью ввести порядокъ въ дѣйствія собранія избрали особую „дирекціонную коммиссію“ изъ нѣсколькихъ лицъ, которой поручено было намѣчать предметы засѣданій, и затѣмъ рядъ частныхъ комиссій, на которыя возложена была подготовка матеріала и предварительная разработка отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ для общихъ засѣданій.

*) Узнавши о преніяхъ относительно титула, Екатерина писала Бибикову: „Я имъ велѣла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“, и дала такой отвѣтъ депутаціи, поднесшей титулъ: „О званіяхъ, кои вы желаете, чтобы я приняла, отвѣтствую: Великая — о моихъ дѣлахъ оставляю безпристрастно судить времени и потомству; Премудрая — никакъ себя такою назвать не могу, ибо премудръ одинъ Богъ; Мать отечества — любить Богомъ мнѣ врученныхъ подданныхъ я почитаю за долгъ моего званія, быть ими любимою есть мое желаніе“.

А пока началось чтеніе и обсужденіе многочисленныхъ наказовъ, данныхъ депутатамъ, при чемъ сразу обнаружились два крупныхъ недочета въ подготовительныхъ предъ Комиссіей распоряженіяхъ, не предусмотрѣнныхъ Екатериной и ея совѣтниками и лишавшихъ Комиссію, ея пренія и выводы практическихъ результатовъ. „Большой Наказъ" императрицы давалъ лишь общія указанія. Малые же наказы представляли собою хоръ нестройныхъ голосовъ, противорѣчили одинъ другому, въ одномъ и томъ же наказѣ затрогивалось иногда нѣсколько различныхъ вопросовъ и т. д. Необходимо было ихъ привести въ систему, прежде чѣмъ обсуждать или обращать по общимъ указаніямъ императрицы. Съ другой стороны большинство депутатовъ и въ наказахъ и во время преній ссылались на прежніе законы, отстаивая ихъ существованіе. А эти законы, коихъ находилось свыше 10.000, и притомъ тоже противорѣчившихъ часто одинъ другому, также не были систематизированы. Исполнить обѣ эти чрезвычайно сложныя работы частныя комиссіи не имѣли ни времени, ни силъ, ни достаточнаго количества знающихъ прежніе законы людей. Въ связи съ этимъ занятія и пренія въ Главной Комиссіи шли безъ должнаго соотвѣтствія съ работами частныхъ комиссій, не въ надлежащемъ порядкѣ и не имѣли подъ собою почвы. Взамѣнъ ожидавшагося Екатериной собранія для выработки новыхъ законовъ, Большая Комиссія превратилась при такихъ условіяхъ въ сходку, имѣвшую характеръ лишь совѣщательнаго собранія, доставлявшаго, впрочемъ, своими сужденіями и преніями драгоцѣнный матеріалъ для правительства, которому и пришлось потомъ самому рѣшать всѣ законодательныя задачи.

Первоначально, вслѣдствіе выслушанныхъ въ первыхъ наказахъ и частныхъ комиссіяхъ сужденій о дворянахъ, поднялся вопросъ о правахъ дворянъ. Многіе стали отстаивать необходимость выдѣленія родовитаго, славнаго заслугами своихъ предковъ дворянства, въ особую привилегированную касту, отмѣнивъ законы Петра Великаго о дворянахъ по выслугѣ. Большинство, однако, особенно военные и депутаты отъ купцовъ, отстаивали права служилаго дворянства. Мелькнула даже мысль о томъ, чтобы давать права только личнаго дворянства. Не успѣли какъ слѣдуетъ покончить съ этимъ вопросомъ, какъ выдвинулся другой— о купцахъ и занялъ собою цѣлыхъ 37 засѣданій, при чемъ ораторы-дворяне и изъ нихъ особенно отличавшійся краснорѣчіемъ кн. Щербатовъ (горячій защитникъ дворянскихъ привилегій), нападали на косность и непредпріимчивость купечества и требовали себѣ привилегій въ торговой области. Купцы защищались, но сравнительно слабо. Пренія еще не привели ни къ какому результату, когда поднятъ былъ остзейскими депутатами вопросъ о сохраненіи привилегій и объ обособленности окраинъ. Императрица, внимательно слѣдившая за ходомъ дѣлъ въ Комиссіи, недовольна была возбужденіемъ этого вопроса и въ замѣча-

ніяхъ своихъ по данному поводу писала между прочимъ: „они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, но всероссійская“. Депутатамъ отъ имени императрицы было даже заявлено, чтобы они „не касались правленія“, а упражнялись лишь въ томъ, къ чему призваны, т. е. сочиненіемъ проекта законодательства. Впрочемъ опасенія прибалтійскихъ депутатовъ оказались лишенными основанія: упраздненія привилегій отдѣльныхъ провинцій при Екатеринѣ II не состоялось. За то въ рѣшеніи дворянскаго вопроса, который снова поднятъ былъ на засѣданіяхъ Комиссіи въ слѣдующемъ году, по перенесеніи ея въ Петербургъ, правительство приняло въ разсчетъ мнѣнія большинства Комиссіи *) и оказалось, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, на сторонѣ служилаго дворянства.

Неоднократно въ Комиссіи затрогивался и крестьянскій вопросъ при чтеніи наказовъ, но больше со стороны помѣщиковъ, желавшихъ принятія мѣръ противъ бѣгства крестьянъ и усиленія строгости въ этомъ отношеніи. Раздавались одиночные голоса, указывавшіе на жестокости помѣщиковъ, какъ на причину этихъ явленій. Горячую филиппику противъ злупотребленій помѣщиковъ съ требованіемъ ограниченія ихъ правъ, со ссылками на Наказъ императрицы, произнесъ депутатъ козловскаго дворянства, поручикъ Коробьинъ. Рѣчь эта вызвала сильное волненіе: не только дворяне-помѣщики, но и купцы-фабриканты, покупавшіе крестьянъ для работъ на заводахъ, почти единогласно протестовали противъ предложенія Коробьина **).

Точно также лишь немногія лица раздѣляли либеральныя воззрѣнія императрицы и относительно пріемовъ уголовнаго судопроизводства, опасаясь, что мягкость наказаній повлечетъ за собою умноженіе преступленій. И мѣщане и крестьяне, бывшіе въ числѣ депутатовъ, были противъ смягченія наказаній, такъ что Бибиковъ, наконецъ, вынужденъ былъ указать на тѣ параграфы труда императрицы, гдѣ говорилось о необходимости отмѣны пытокъ. Тогда пререканія смолкли и, повинуясь желаніямъ императрицы, собраніе въ данномъ случаѣ, по вопросу о пыткахъ, выразило свое согласіе съ ея кроткими воззрѣніями.

Всѣхъ засѣданій Комиссіи за полтора года ея существованія состоялось 203. Сначала собирались очень усердно, по нѣскольку разъ въ недѣлю, потомъ засѣданія стали рѣже—депутаты стали охладѣвать къ дѣлу; охладѣла къ Комиссіи и Екатерина, видя въ ней не то направленіе, какого желала.

---

*) Большинство это было, впрочемъ, незначительное. При голосованіи на сторонѣ служилаго дворянства оказалось 242 человѣка члена Комиссіи и противъ 175, а по другимъ извѣстіямъ даже 213 голосовъ.

**) Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить характерный, особенно для того времени, фактъ. По общимъ отзывамъ очевидцевъ, депутаты собранія вели себя очень спокойно и корректно, личныхъ столкновеній или грубыхъ выходокъ почти вовсе не было. Въ двухъ только случаяхъ депутаты-дворяне позволили себѣ рѣзкія выраженія „о порокахъ“ крестьянъ Каргопольскаго и затѣмъ Вологодскаго уѣзда. Докладчиковъ немедленно попросили взять назадъ свои записки и извиниться передъ собраніемъ; на одного изъ нихъ наложили даже пеню въ пять рублей, при чемъ предсѣдатель внушительно замѣтилъ, что и въ крестьянскомъ сословіи встрѣчаются добродѣтели и благородныя чувства.

18 декабря 1768 г. занятія Комиссіи именнымъ указомъ императрицы были „временно“ прекращены и болѣе уже не возобновлялись. Поводомъ была выставлена турецкая война, требовавшая присутствія депутатовъ-военныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Въ дѣйствительности не это послужило причиной роспуска Комиссіи, такъ какъ число военныхъ въ ней было не настолько велико (около 70 чел.), чтобы изъ-за этого отсылать остальныхъ 500 чел. депутатовъ. Безплодность занятій Комиссіи разочаровала императрицу въ ея надеждѣ при помощи депутатовъ создать новые законы въ духѣ „Наказа“, хотя въ этомъ были виноваты и не депутаты; а возбужденіе такихъ острыхъ вопросовъ, какъ—окраинный и крестьянскій, изъ которыхъ первый сильно смутилъ императрицу, а второй—ея приближенныхъ, не могло, конечно, упрочить положеніе Комиссіи. Тѣ вліянія, которыя раньше вынудили императрицу отказаться отъ 3/4 первоначальнаго текста своего „Наказа“, и теперь сократили дни Комиссіи. Недаромъ и самъ „маршалъ“ Комиссіи—Бибиковъ въ запискѣ, составленной имъ для императрицы, называлъ это предпріятіе „рановременнымъ“ и полагалъ, что составленіе законовъ возможно только „при особливо выбранныхъ изъ числа депутатовъ или постороннихъ лицъ и притомъ въ небольшомъ числѣ“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ, несмотря на прекращеніе занятій Большой Комиссіи, частныя Комиссіи остались и продолжали свою работу; онѣ закрыты были только въ декабрѣ 1774 г., когда выяснилась съ очевидностію невозможность провести при помощи ихъ такое грандіозное дѣло, какъ составленіе новыхъ законовъ.

Императрица охладѣла потомъ и къ своему „Наказу“. Составляя впослѣдствіи правила для управленія губерній, она хвалилась, что этотъ трудъ удался ей особенно хорошо, такъ что въ сравненіи съ нимъ Большой Наказъ, по ея выраженію, „могъ казаться лишь пустою болтовней“.

Но этотъ отзывъ императрицы о своемъ Наказѣ и работѣ ея надъ реформой губерній ясно доказываетъ всю громадную пользу, принесенную неудавшейся Комиссіей прежде всего самой Екатеринѣ. Съ высоты общихъ взглядовъ и философскихъ воззрѣній она сошла къ разработкѣ чисто практическихъ вопросовъ. Эта Комиссія, по выраженію императрицы, подала „совѣтъ и свѣдѣнія по всей имперіи, стали теперь обо всемъ судить не какъ слѣпые о цвѣтахъ“.

Впослѣдствіи, въ устройствѣ областного управленія и губернскихъ учрежденій, а равно при изданіи городового положенія и дворянской грамоты Екатерина во многомъ пользовалась матеріалами и проектами Комиссіи и ея отдѣловъ. Вообще работы Комиссіи послужили не только для Екатерины, но и для ея преемниковъ во многихъ отношеніяхъ основой для дальнѣйшихъ преобразованій.

Съ другой стороны депутаты Комиссіи разнесли свѣдѣнія о Наказѣ и вѣсти о рѣчахъ и преніяхъ по поводу его по всей Россіи, и въ самыхъ глухихъ углахъ страны возбуждены были толки по поводу новыхъ гуманныхъ идей, брошенныхъ въ общество съ высоты престола. Вліяніе ихъ замѣтно отразилось и въ литературѣ того времени.

Наказъ и его идеи, созывъ Комиссіи и ея пренія, внимательное отношеніе Екатерины къ депутатамъ и ея снисходительность и даже уступчивость къ чужимъ мнѣніямъ создали императрицѣ много восторженныхъ поклонниковъ во всѣхъ слояхъ общества и значительно содѣйствовали ея популярности. Комиссія не достигла и не могла достигнуть цѣли, поставленной ей императрицей, но оставила глубокій слѣдъ и въ правительствѣ, и въ обществѣ и представляетъ собою во всякомъ случаѣ одно изъ крупнѣйшихъ явленій царствованія Екатерины II и вообще XVIII в.

Учрежденія о губерніяхъ. Ознакомившись по матеріаламъ и трудамъ Законодательной Комиссіи съ положеніемъ дѣлъ въ провинціяхъ, Екатерина рѣшилась упорядочить дѣло областного управленія, закончивъ такимъ образомъ начатыя здѣсь еще Петромъ Великимъ преобразованія. Послѣ довольно кропотливой работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, особенно дѣятельное участіе въ которой принималъ Сиверсъ, въ 1775 г. были обнародованы „Учрежденія для управленія губерній". Въ виду сложности и трудности дѣла, осторожная въ своихъ дѣйствіяхъ императрица вводила ихъ лишь постепенно, въ теченіе почти двадцати лѣтъ.

Взамѣнъ 11 слишкомъ обширныхъ по пространству губерній Петра Великаго, Россія раздѣлена была теперь на 50 *губерній*, съ населеніемъ отъ 300 до 400 тыс. въ каждой, съ подраздѣленіемъ на *уѣзды* въ 20—30 тыс. душъ. Во главѣ губерній поставлены губернаторы (иногда во главѣ 2—3 губерній ставился генералъ-губернаторъ или намѣстникъ съ обширными полномочіями и подчиненіемъ ему губернаторовъ). Губернаторы должны были наблюдать за всѣми отраслями управленія и жизнью подвѣдомственнаго имъ населенія и назначались самой императрицей изъ лицъ, ей лично извѣстныхъ; Екатерина находилась со многими изъ нихъ въ частной перепискѣ, направляя ихъ дѣятельность своими совѣтами и указаніями.

Со временъ Петра Великаго и до Екатерины II всѣ дѣла административныя, судебныя и финансовыя сосредоточивались въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, которыя вслѣдствіе этого были подавлены массою дѣлъ и не успѣвали съ ними справляться. Екатерина II ввела особыя учрежденія или присутственныя мѣста для управленія губерніей (*губернское правленіе*), для суда (*гражданская* и *уголовная палаты*) и для завѣдыванія финансами (*казенная палата*).

Кромѣ этихъ губернскихъ учрежденій введены были соотвѣтственныя и подчиненныя имъ уѣздныя и всѣ вмѣстѣ составляли довольно стройную и устойчивую по своему устройству систему административныхъ и судебныхъ мѣстъ, дѣйствовавшую почти безъ измѣненій до второй половины XIX вѣка.

Подчиненнымъ губернскому правленію его уѣзднымъ органомъ былъ *низшій земскій судъ*—полицейское и распорядительное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ избиравшихся дворянами земскихъ капитанъ-исправниковъ, наблюдавшихъ за жизнью уѣзда и производившихъ предварительное слѣдствіе. Во главѣ уѣзднаго города стоялъ *городничій*. Для сбора и храненія доходовъ назначены были *казначейства* (уѣздное и губернское). Въ судебномъ порядкѣ введены были три инстанціи сословнаго характера: низшую образовали въ уѣздѣ *уѣздный судъ* для дворянъ, *городовой магистратъ* для купцовъ и мѣщанъ и *нижняя расправа* для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ; среднюю—сословные же суды—*верхній земскій судъ, городовой губернскій магистратъ* и *верхняя расправа* и высшую для всѣхъ уже сословій — гражданская и уголовная палаты. Для уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ причиною преступленія являлась не злая воля, а несчастіе, суевѣріе и т. п. и для полюбовнаго рѣшенія тяжебъ учреждены были въ губернскихъ городахъ еще такъ называемые *совѣстные суды*. При уѣздномъ дворянскомъ судѣ находились—*приказъ общественнаго призрѣнія* для устройства школъ, богадѣленъ и сиротскихъ домовъ и *дворянская опека* — для управленія дѣлами дворянскихъ вдовъ и сиротъ; при городовомъ магистратѣ состоялъ *сиротскій судъ* для попеченія о вдовахъ и сиротахъ купцовъ и мѣщанъ.

Главными началами, на которыхъ основано положеніе о губерніяхъ, были—*коллегіальный* порядокъ веденія дѣлъ, довольно послѣдовательно проведенное *раздѣленіе вѣдомствъ административнаго и судебнаго* съ отдѣленіемъ гражданскаго суда отъ уголовнаго, а также *сословный составъ суда* въ первыхъ его инстанціяхъ.

Недостатками учрежденій явилась большая сложность и дороговизна управленія, — особенно суда съ его многочисленными инстанціями, а затѣмъ одностороннее, чисто механическое основаніе новаго областного дѣленія. Россія раздѣлена была на губерніи только по количеству населенія, при чемъ не принималось во вниманіе ни пространство губерній, ни историческія, географическія и бытовыя особенности, обусловливавшія распредѣленіе и большую или меньшую скученность населенія. Такъ, напримѣръ, Архангельской губерніей съ 300 тыс. населенія, разсѣяннаго на громадномъ и непроходимомъ изъ-за тундръ и лѣсовъ пространствѣ, управлять было несравненно труднѣе, чѣмъ какою-либо изъ маленькихъ по объему центральныхъ губерній съ тѣмъ же числомъ жителей.

Екатерина была очень довольна какъ стройностью новой системы губернскихъ учрежденій, такъ и еще болѣе тѣмъ, что ей удалось здѣсь провести согласные съ теоріями просвѣтительной литературы XVIII в. принципы коллегіальности и раздѣленія вѣдомствъ и властей, а съ другой стороны въ извѣстной мѣрѣ удовлетворить желаніямъ сословій, выраженнымъ въ депутатскихъ наказахъ относительно участія въ судѣ. На практикѣ, однако, коллегіальность слабо привилась, единоличное начало въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и зависимость суда отъ административ-

ныхъ властей, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ, попрежнему давали себя знать; надлежащей сословной самостоятельности достигло главнымъ образомъ только дворянство, игравшее видную роль во всѣхъ отрасляхъ управленія. Причины всего этого лежали, впрочемъ, не столько въ учрежденіяхъ, заведенныхъ Екатериной II, сколько въ неподготовленности общества, среди котораго мало еще было людей, пригодныхъ къ дѣятельности въ новыхъ и притомъ слишкомъ многочисленныхъ по тому времени „присутственныхъ мѣстахъ". Характерно, что не только людей, но даже городовъ не хватило для проведенія въ жизнь Екатерининской областной реформы. Вслѣдствіе этого до 200 селъ переименованы были въ уѣздные города, гдѣ заводились всѣ учрежденія административныя и судебныя. Но такъ какъ образованіе этихъ городовъ обусловливалось не потребностями торговли, промышленности и т. под., а лишь нуждами управленія, то многіе изъ нихъ съ теченіемъ времени потеряли свое значеніе и опять обращены были въ села или же такъ называемые „заштатные города". Въ концѣ царствованія Екатерины II (въ 1795 г.) въ Россіи, на пространствѣ около 300 слишкомъ тысячъ кв. миль, считалось всего 1 губернія при 1200 слишкомъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ.

Сословныя мѣры. Спустя 10 лѣтъ послѣ изданія учрежденія о губерніяхъ, а именно въ 1785 г., обнародованы *„жалованныя грамоты"* дворянамъ и горожанамъ, завершавшіе преобразованіе областного управленія точнымъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей для этихъ двухъ сословій, которыхъ по преимуществу касалось положеніе о губерніяхъ и которые играли главную роль и въ законодательной комиссіи.

Дворянство. Въ жалованной грамотѣ дворянамъ окончательно устанавливались права и преимущества, а также опредѣленная организація дворянства, сдѣлавшагося теперь первенствующимъ и наиболѣе привилегированнымъ сословіемъ въ государствѣ. Подтвердивъ установленное Петромъ III *освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы*, Екатерина даровала имъ еще слѣдующія права: 1) *потомственность* и неотъемлемость дворянскаго достоинства—дворянинъ передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ и можетъ быть лишенъ его не иначе какъ по суду, притомъ только сенатскому и съ утвержденія верховной власти; 2) *судимость* дворянъ только *лицами равными* имъ по происхожденію; 3) *свобода* отъ личныхъ *податей*, отъ *рекрутской повинности* и *тѣлесныхъ наказаній;* 4) *полное право собственности* на все, что находилось у дворянъ въ имѣніяхъ, въ томъ числѣ и *владѣніе крѣпостными крестьянами;* 5) *право* заводить фабрики и заводы и *заниматься торговлей;* 6) *право* собираться черезъ каждые 3 года въ губернскихъ и уѣздныхъ *собраніяхъ для выбора* изъ своей среды предводителей дворянства (губернскихъ и уѣздныхъ), а также разныхъ *должностныхъ лицъ* въ учрежденія, созданныя реформой 1775 г.;

7) право дѣлать *заявленія* о своихъ нуждахъ губернаторамъ и входить при посредствѣ депутатовъ отъ собраній съ представленіями и жалобами *въ Сенатъ и* приносить ихъ даже самой *верховной власти.*

Дворянской жалованной грамотой Екатерины II завершенъ былъ историческій процессъ постепеннаго возвышенія дворянства, какъ главной опоры престола, совершавшійся при преемникахъ Петра I; обязанности, возложенныя на дворянъ великимъ преобразователемъ Россіи, были сняты, но остались и умножены исключительныя личныя права, дано широкое сословное самоуправленіе и установлено сильное вліяніе на мѣстное управленіе.

Горожане. Жалованная грамота городамъ, изданная одновременно съ дворянской, установила составъ, управленіе и права „градскаго общества", которое раздѣлено на нѣсколько классовъ. Сюда относились *купцы,* дѣлившіеся на три гильдіи (1-я съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 10 тыс. р., 2-я—не менѣе 5 тыс. и 3-я—не менѣе 1 тыс. р.); *ремесленники,* раздѣленные по занятіямъ на разные цехи, по образцу западно-европейскихъ.

Низшій разрядъ городского населенія составляли такъ называемые *посадскіе,* лица, жившія какимъ-либо промысломъ или работой и не вошедшія въ составъ никакой другой группы городскихъ обывателей *).

Сверхъ этихъ трехъ наиболѣе значительныхъ по своей численности классовъ, въ составѣ городского населенія новымъ городовымъ положеніемъ выдѣлялись еще три: такъ называемые *именитые граждане,*—лица, занимавшія высшія должности по городскимъ выборамъ, ученые и художники и капиталисты съ объявленнымъ капиталомъ не менѣе 50 тыс. руб. **); *настоящіе городскіе обыватели,* лица всякаго званія, владѣвшія какой-либо недвижимой собственностію въ городѣ, какъ-то: духовные, дворяне, служащіе въ военной или гражданской службѣ, которые пользовались правами своего состоянія независимо отъ своей принадлежности къ городскому обществу; и наконецъ *иногородные* и *иностранные гости,* приписавшіеся къ городу для промышленныхъ занятій.

Городскіе обыватели всѣхъ классовъ получили право чрезъ каждые три года сходиться на общее городское собраніе для выбора *городского головы* и другихъ должностныхъ лицъ городского выборнаго управленія, а также для представленія губернатору заявленія о нуждахъ города (но дворянскаго права дѣлать представленія или отправлять жалобы верховной власти городскія общества не получили). Завѣдываніе город-

---

*) Купцы всѣхъ трехъ гильдій, въ отличіе отъ ремесленниковъ и посадскихъ, освобождались отъ подушной подати и личной рекрутской повинности подъ условіемъ извѣстнаго взноса въ казну; сверхъ того, купцы первыхъ двухъ гильдій освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній и имѣли право держать фабрики и заводы.

**) Именитые граждане, въ видѣ особой милости, могли получать дворянство, если ихъ отцы и дѣды также отличались „безпорочною именитостью".

скимъ хозяйствомъ возлагалось на двѣ думы—*общую* и *шестигласную*. Въ составъ первой входили выборные „гласные“ отъ всѣхъ званій городского населенія, собиравшіеся время отъ времени, по мѣрѣ надобности, подъ предсѣдательствомъ городского головы, для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ общаго характера. Шестигласная дума, состоявшая изъ 6 членовъ съ городскимъ головою въ качествѣ предсѣдателя, засѣдала постоянно и завѣдывала текущими дѣлами города.

Городовое положеніе Екатерины II, имѣвшее между прочимъ цѣлью объединить городскихъ обывателей въ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ городского хозяйства, не привело, однако, населеніе къ этому единству. Соединенные только мѣстомъ жительства и разъединенные въ правахъ и обязанностяхъ и въ своихъ личныхъ интересахъ, горожане мало сближались между собою на почвѣ заботъ о „пользахъ и нуждахъ города“. Только купцы, объединенные общностью занятій и интересовъ, да отчасти ремесленники, принимали болѣе живое участіе въ выборахъ гласныхъ и дѣлахъ городской думы, при чемъ главенствующую роль въ городскомъ хозяйствѣ захватили наиболѣе богатыя лица изъ торгово-промышленнаго класса.

Крестьяне. Вслѣдъ за дворянами и горожанами Екатерина II предполагала устроить и селянъ. Былъ составленъ даже проектъ жалованной грамоты свободнымъ сельскимъ сословіямъ (сюда входили однодворцы, а затѣмъ крестьяне—государственные, дворцовые и экономическіе, отобранные у духовенства въ 1764 г.), но не приведенъ въ исполненіе. По учрежденіямъ 1775 г. сельскіе классы получили возможность принять нѣкоторое участіе въ общемъ губернскомъ управленіи совмѣстно съ другими сословіями и судились особо отъ другихъ крестьянъ въ „нижней“ уѣздной и „верхней“ губернской „расправѣ“. Но болѣе опредѣленное устройство ихъ быта и управленія послѣдовало уже при преемникахъ Екатерины.

Что касается крестьянъ частновладѣльческихъ или крѣпостныхъ, составлявшихъ главную массу сельскаго населенія, то для нихъ въ царствованіе Екатерины II почти ничего не было сдѣлано, и наоборотъ, крѣпостное право получило теперь наибольшее развитіе, несмотря на то, что лично императрица, подъ вліяніемъ идей просвѣтительной литературы, проповѣдывавшей свободу и равенство, была одушевлена самыми добрыми намѣреніями, высказывалась всегда противъ крѣпостного права и при вступленіи на престолъ думала даже приступить къ постепенному ограниченію власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Ея стремленія не встрѣтили, однако, сочувствія ни въ средѣ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, желавшихъ, наоборотъ, дальнѣйшаго развитія помѣщичьихъ правъ, ни въ Законодательной Комиссіи, гдѣ нѣкоторые депутаты хлопотали даже о предоставленіи и купечеству права владѣть крѣпостными людьми. Освобождены были при Екатеринѣ

только 900 тыс. крестьянъ, жившихъ на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, вслѣдствіе передачи ихъ въ вѣдѣніе коллегіи экономіи. Но эта передача совершилась не ради освободительныхъ цѣлей, а для устраненія духовенства отъ владѣнія недвижимыми имуществами. Зато съ другой стороны малороссійскіе крестьяне (указомъ 1783 г.) обращены были въ крѣпостныхъ тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ жили, и кромѣ того масса земель, населенныхъ государственными крестьянами, отдана была Екатериной въ награду разнымъ лицамъ за служебныя заслуги. Въ общемъ число крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины весьма значительно увеличилось и въ то же время ухудшилось и самое положеніе крестьянъ. Жалованная грамота дворянству признавала крестьянъ неотъемлемою собственностію дворянина вмѣстѣ съ прочимъ его имѣніемъ и такимъ образомъ дѣлала помѣщиковъ полными господами надъ личностью и трудомъ своихъ крѣпостныхъ *). Помѣщикамъ дано было право отдавать своихъ крестьянъ за дерзости въ каторжную работу, а крестьянамъ запрещено было даже подавать жалобы на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ, подъ угрозой наказанія кнутомъ и ссылки на вѣчную работу въ Нерчинскіе рудники. Указъ объ этомъ велѣно было читать по всѣмъ церквамъ въ воскресные и праздничные дни въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Въ концѣ царствованія Екатерины крестьянъ продавали оптомъ и въ розницу, какъ и другія вещи помѣщичьяго обихода; о продажѣ и мѣнѣ ихъ вмѣстѣ съ другой движимостью публиковали постоянно въ тогдашнихъ газетахъ.

Несоотвѣтствіе между позднѣйшими дѣйствіями и распоряженіями Екатерины II и ея первоначальными намѣреніями и взглядами по крестьянскому вопросу обусловливалось ея очевиднымъ безсиліемъ въ противодѣйствіи могущественнымъ крѣпостническимъ теченіямъ въ тогдашнемъ обществѣ. Вѣсти о волненіяхъ и жестокостяхъ крестьянъ и кровавыя сцены въ эпоху пугачевщины еще болѣе укрѣпили это настроеніе.

Но, усиливая фактически крѣпостное право, императрица, однако, положила начало *идейной* борьбѣ съ нимъ. Ея взгляды на этотъ предметъ не были тайной; объ этомъ косвенно свидѣтельствовалъ „Наказъ“, а также фактъ допущенія преній по крестьянскому вопросу въ Законодательной Комиссіи. Толчокъ былъ данъ и мысль о вредѣ крѣпостного права, сначала робко высказывавшаяся одиночными голосами, чѣмъ далѣе,

---

*) Любопытно, что вмѣстѣ съ жалованной грамотой дворянству, фактически утверждавшей власть его надъ крестьянами, Екатерина составила проектъ освобожденія крестьянъ, родившихся *послѣ* грамоты 1785 г. Этотъ непрактичный проектъ половинчатаго освобожденія крестьянъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но лишній разъ указываетъ на настойчивость освободительныхъ стремленій императрицы.

тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ приверженцевъ. Съ идеями просвѣтительной литературы знакома была въ ту пору уже не одна императрица и въ проповѣди этихъ идей другіе пошли гораздо дальше ея. Отраженіемъ этихъ воззрѣній служила литература. Въ концѣ царствованія Екатеринѣ пришлось даже бороться съ тѣми взглядами, которыя она ранѣе поощряла. Тѣмъ не менѣе новое общественное настроеніе растетъ и развивается и уже при первомъ преемникѣ Екатерины начинаются и первыя попытки *фактически*, на дѣлѣ, ограничить власть помѣщиковъ и крѣпостное право.

Духовенство и дѣла церковныя. Еще до своего воцаренія Екатерина заявила себя внимательнымъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ и оказывала внѣшній почетъ духовенству. При сверженіи съ престола Петра III, она въ манифестахъ осуждала образъ дѣйствій своего супруга въ отношеніи къ церкви. Въ виду этого духовенство ожидало отъ ея царствованія мѣръ въ свою пользу и прежде всего отмѣны указа о секуляризаціи, т. е. отобраніи церковныхъ имуществъ. Дѣйствіе этого указа дѣйствительно было пріостановлено, но только временно. Ознакомившись ближе съ положеніемъ дѣлъ и съ отношеніями Петра Великаго къ церкви, Екатерина, по совѣту кн. Шаховского и Бестужева, смѣло рѣшилась ограничить права духовенства, особенно въ области земельныхъ владѣній, не опасаясь съ его стороны противодѣйствія свѣтской власти. Она учредила подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ комиссію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ, которой и поручила составить опись всѣмъ земельнымъ владѣніямъ церквей и монастырей съ принадлежавшими имъ крестьянами. Послѣднихъ оказалось 911 тыс. душъ (въ томъ числѣ у одной Троицкой лавры до 100 тыс. чел.).

Всѣ эти земли вмѣстѣ съ крестьянами рѣшено было отобрать (1764 г.) въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, почему и сами крестьяне получили названіе „экономическихъ“; взамѣнъ прежнихъ оброковъ и работъ они обложены были сборомъ въ полтора рубля съ души. Для церквей и монастырей были составлены новые штаты и положено отпускать имъ опредѣленное жалованье изъ коллегіи экономіи; остающіяся за этими расходами суммы постановлено употреблять на содержаніе духовныхъ училищъ, больницъ, инвалидныхъ домовъ и на пособія отставнымъ военнымъ, снявши эту повинность съ монастырей. Общее количество доходовъ, полученныхъ казною отъ секуляризаціи, простиралось до 4 мил. руб. въ годъ; изъ этой суммы на духовное вѣдомство, въ жалованье церквамъ и монастырямъ отчислялось до 500 тысячъ рублей. Принимая въ расчетъ, что земельные доходы, вслѣдствіе естественнаго прироста ихъ, ежегодно повышались бы, теперь же

они оставались уже навсегда въ одномъ размѣрѣ, да и тотъ опредѣленъ былъ только въ $^1/_8$ часть прежнихъ полученій, духовенство сильно осуждало эту мѣру, но никто не рѣшился выступить съ открытымъ протестомъ противъ свѣтской власти, кромѣ ростовскаго архіепископа *Арсенія Мацѣевича* (изъ малороссовъ), человѣка умнаго и очень образованнаго, но съ непреклоннымъ и крайне раздражительнымъ характеромъ. Онъ послалъ въ Синодъ два рѣзкихъ протеста противъ новой мѣры, а у себя въ Ростовѣ, во время совершенія обряда анаѳемы на еретиковъ на 1-й недѣлѣ Великаго поста, прибавилъ проклятіе похитителямъ церковныхъ имуществъ. Его лишили архіерейства и сослали въ монастырь, когда же онъ не унялся, то по личному приказу императрицы заточили въ Ревельскую крѣпость подъ именемъ „Андрея Враля"; тамъ въ 10-футовомъ казематѣ онъ и скончался черезъ нѣсколько лѣтъ (1772 г.). „Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси", начертилъ онъ передъ смертью на стѣнѣ своего каземата.

Суровая расправа съ Мацѣевичемъ обычно гуманной императрицы объяснялась не одной рѣзкостью его сужденій и поступковъ, но и опасеніями, что его примѣръ подѣйствуетъ на другихъ, и стояла въ связи со взглядами Екатерины на отношенія церкви и государства. Согласно съ воззрѣніями представителей французской литературы, она всегда держалась мнѣнія о необходимости подчиненія церкви государству и вредѣ собиранія богатствъ монастырями. Ознакомившись затѣмъ со взглядами и дѣйствіями Петра I и его предшественниковъ, она высказывала въ своихъ письмахъ (къ Вольтеру), что государь есть глава грекороссійской церкви и не можетъ допустить здѣсь никакого себѣ противленія. Что касается представителей духовенства, то они удержались отъ открытаго протеста не изъ боязни только испытать судьбу Мацѣевича, но изъ традиціонной покорливости свѣтской власти, тѣмъ болѣе, что въ средѣ ихъ многіе не сочувствовали владѣнію монастырей землями и крѣпостными людьми изъ чисто христіанскихъ мотивовъ. Рѣшительной мѣрой Екатерины II закончился поднятый еще при Іоаннѣ III вопросъ, и въ ту пору раздѣлившій духовенство на двѣ партіи. Высшіе сановники и подавляющее большинство дворянства были въ данномъ случаѣ на сторонѣ Екатерины, что и дало ей возможность дѣйствовать смѣло и быстро.

Раздѣляя взгляды литературы просвѣщенія, Екатерина въ области религіи придерживалась началъ терпимости, что и выразила въ своемъ „Наказѣ". Она прекратила всякое преслѣдованіе раскольниковъ и относилась къ нимъ снисходительно и гуманно. Раскольникамъ при ней возвращены были нѣкоторыя гражданскія права и отмѣнены петровскіе указы о двойной подати и особой одеждѣ. Она изыскивала способы къ тому, чтобы побудить раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Польшу и заграницу (такихъ считалось до 300 тыс.), возвратиться въ

Россію и обѣщала имъ прощеніе. Она высказывала убѣжденіе, что „если завести всюду народныя школы, то расколъ прекратится самъ собою и тутъ насиліе не надобно“. Раскольникамъ, „пріемлющимъ священство“ и желавшимъ сохранить только свои старопечатныя книги, въ Новороссіи, по просьбѣ Потемкина, разрѣшено было имѣть свои храмы и поставленныхъ православными епископами священниковъ, которые и отправляли богослуженіе по старымъ книгамъ, съ соблюденіемъ „старыхъ обрядовъ“ (1784 г.). Этимъ положено было начало такъ называемой единовѣрческой церкви въ Россіи (Окончательно вопросъ объ единовѣріи установленъ при Павлѣ I).

Подобно Петру Великому Екатерина старалась противодѣйствовать наклонности къ аскетизму въ народѣ, не сочувствовала пострижению въ монахи молодыхъ людей и основанію новыхъ монастырей и преслѣдовала всякія проявленія фанатизма и нетерпимости. Въ присоединенныхъ къ Россіи послѣ раздѣловъ Польши западно-русскихъ областяхъ она всячески поддерживала права диссидентовъ—православныхъ и протестантовъ противъ насилій католиковъ, запретила обращеніе православныхъ въ унію и переходъ уніатовъ въ католичество и позволила уніатамъ возвращаться въ православіе—въ результатѣ чего до $1^1/_2$ милліона уніатовъ присоединились къ православію *).

Финансовыя мѣры. Екатерина II при своемъ воцареніи застала русскіе финансы въ самомъ печальномъ положеніи вслѣдствіе Семилѣтней войны; расходы превышали доходы; по словамъ самой императрицы, русскимъ войскамъ, находившимся въ Пруссіи, за недостаткомъ средствъ, не платили жалованье цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, таможни всей имперіи отданы были Сенатомъ на откупъ частнымъ лицамъ, кредита или довѣрія къ Россіи у заграничныхъ банкировъ не было, такъ что и занять денегъ не представлялось возможности. Мирная политика первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины поправила дѣло настолько, что образовался запасный фондъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Кредитъ Россіи возстановился. Но начавшіяся затѣмъ турецкая и шведская войны и раздѣлы Польши потребовали вновь усиленныхъ расходовъ. Пришлось прибѣгать къ займамъ у иностранныхъ капиталистовъ и при-

*) Изъ святителей православной церкви при Екатеринѣ II, кромѣ знаменитаго проповѣдника и богослова, митрополита московскаго Платона Левшина, выдѣлялся своей благочестивой жизнію *Тихонъ*, епископъ воронежскій († 1763, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ), служившій замѣчательнымъ живымъ примѣромъ необыкновеннаго смиренія, кротости, трудолюбія и благотворительности и оставившій по себѣ рядъ догматико-нравоучительныхъ сочиненій („Объ истинномъ христіанствѣ“, въ 6 частяхъ, и др.), просто и понятно излагающихъ христіанское вѣроученіе, дышащихъ жизненной силой и правдой. Они и донынѣ составляютъ одно изъ любимѣйшихъ чтеній религіозно-настроенныхъ людей въ народной средѣ.

думывать болѣе или менѣе сложныя финансовыя операціи. Одной изъ такихъ мѣръ явилось введеніе бумажныхъ денегъ или „*ассигнацій*“. Такъ какъ серебра и золота въ обращеніи имѣлось мало, употребленіе же тяжеловѣсной мѣдной монеты представляло значительныя неудобства, то Екатерина учредила ассигнаціонный банкъ (1768 г.), съ основнымъ капиталомъ въ милліонъ рублей звонкой монетой и выпустила на такую же сумму ассигнацій, или особаго рода печатныхъ билетовъ или росписокъ банка, замѣнявшихъ деньги; эти ассигнаціи банкъ во всякое время обязывался обмѣнивать предъявителямъ на серебряную и мѣдную монету. Свободный размѣнъ ассигнацій, безпрепятственный пріемъ ихъ взамѣнъ денегъ во всѣ казенные и частные платежи и удобство въ обращеніи создали имъ большую популярность и онѣ стали всюду употребляться въ качествѣ „бумажныхъ“ денегъ. У правительства теперь очутился въ рукахъ легкій способъ покрывать новые военные расходы усиленнымъ выпускомъ этихъ бумажныхъ денегъ, уже безъ соотвѣтственнаго запаснаго фонда звонкой монеты. Къ концу царствованія такихъ ассигнацій выпущено было до 150 милліоновъ рублей. Такой неумѣренный выпускъ ассигнацій, естественно, подорвалъ ихъ значеніе, „бумажныя деньги“ стали расцѣнивать при обращеніи ниже золотой монеты, иными словами говоря, курсъ бумажныхъ денегъ упалъ и, постепенно понижаясь, дошелъ до 68 коп. Въ связи со всѣмъ этимъ и жизнь стала дороже. Огромное количество денегъ, внезапно появившееся въ Россіи, повело лишь къ тому, что соразмѣрно ихъ умноженію увеличивались цѣны на всѣ товары (такъ, напр., четверть ржи, стоившая въ 1760 г. 85 коп., въ 1793 г. возвысилась до 2 р. 19 к.). Въ связи съ этимъ и правительство вынуждено было приступить къ повышенію окладовъ въ сборахъ и податяхъ (такъ, напр., поступавшій на содержаніе войска подушный окладъ, опредѣленный при Петрѣ I въ 80 коп., сбавленный потомъ при его преемникахъ до 70 коп., былъ возвышенъ въ 1794 г. до 1 р., что прямо мотивировано было возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы „съ умноженіемъ денежнаго обращенія“). Такимъ образомъ въ концѣ концовъ финансовое положеніе Россіи не только не улучшилось, но во многихъ отношеніяхъ стало даже хуже прежняго.

Изъ предпринятыхъ при Екатеринѣ II способовъ усилить доходность казны заслуживаетъ вниманія введеніе *откупной системы* въ дѣлѣ продажи вина. Раньше этимъ дѣломъ завѣдывали по большей части правительственные чиновники, „кабацкіе головы“ (съ Петра I бургомистры); теперь стали все отдавать на откупъ частнымъ лицамъ. Доходы казны отъ продажи питей приняли болѣе опредѣленный харак-

теръ, но зато увеличились злоупотребленія и ухудшилось качество вина.

Взамѣнъ устроенныхъ при Елизаветѣ Петровнѣ дворянскаго и купеческаго банковъ при Екатеринѣ II основанъ былъ одинъ общій для всѣхъ „государственный заемный банкъ“ (1786 г.), изъ котораго и дворяне и купцы одинаково могли брать деньги въ ссуду изъ 5% и съ разсрочкой платежа до 20 лѣтъ.

Въ общемъ, вмѣстѣ съ ростомъ государства, умноженіемъ населенія и пріобрѣтеніемъ новыхъ территорій, съ постепеннымъ развитіемъ промышленности росли и доходы государства, такъ что съ 16 милліоновъ рублей къ концу царствованія Екатерины они дошли до 68 мил. руб. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы; войны, щедрая раздача государственныхъ земель въ награды частнымъ лицамъ и пр. къ концу царствованія сильно разстроили финансы государства, такъ что на многія неотложныя нужды, на устройство новыхъ школъ и пр. уже не хватало денегъ.

Мѣры къ распространенію просвѣщенія. Распространеніе просвѣщенія и развитіе литературы было предметомъ особенныхъ заботъ Екатерины во все время ея царствованія. На первый планъ былъ выдвинутъ теперь вопросъ не объ образованіи только, спеціальномъ (какъ было при Петрѣ I) или общемъ (какъ было при Елизаветѣ Петровнѣ), но о *воспитаніи*. По взгляду „Наказа“, истинныхъ гражданъ приготовляетъ прежде всего воспитаніе. Въ этихъ видахъ при Екатеринѣ основано было нѣсколько закрытыхъ учебныхъ заведеній, куда дѣти принимались съ 5—6 лѣтъ, оставаясь тамъ безвыходно, безъ отпусковъ и безъ свиданій съ родными и близкими, до окончанія курса. Этимъ путемъ Екатерина и ея главный сотрудникъ по вопросамъ воспитанія И. И. Бецкій надѣялись „создать совершенно новую породу людей“, изолированныхъ во время дѣтства и отрочества отъ вреднаго вліянія грубой семьи и некультурнаго общества. Съ такими именно задачами, по проекту Бецкаго, устроено было (въ 1764 г.) „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“ или такъ называемый *„Смольный Институтъ“* *), съ двумя отдѣленіями—для дворянскихъ дѣтей и дочерей городского сословія. Этимъ было положено начало женскому образованію въ Россіи. На тѣхъ же основаніяхъ учреждены были закрытыя учебно-воспитательныя заведенія для мальчиковъ—инженерный и артиллерійскій кадетскіе корпуса. Особенное вниманіе въ этихъ школахъ обращено было на выработку хорошихъ манеръ, умѣнье держаться

*) Образцомъ для него послужилъ Сенъ-Сирскій женскій институтъ во Франціи, закрытое учебное заведеніе при женскомъ монастырѣ того же имени.

въ обществѣ и знаніе французскаго языка. Императрица сама часто посѣщала Смольный институтъ. Благодаря ея вниманію, институтки и кадеты часто бывали при дворѣ, устраивали у себя въ заведеніяхъ балы и праздники, вообще эти столичныя училища приняли тогда чисто придворный характеръ, подобно тому, какъ это было во Франціи, но мало подготовляли къ жизни. Тѣмъ не менѣе устройство ихъ было все-таки шагомъ впередъ—попыткой дать ребенку не одну выучку, но и воспитаніе.

По мысли того же Бецкаго, основаны были *воспитательные дома* въ Москвѣ (1763 г.) и въ Петербургѣ (1767 г.) для призрѣнія и воспитанія дѣтей, брошенныхъ родителями, и при нихъ школы для обученія малолѣтнихъ ремесламъ и грамотѣ.

Во вторую половину царствованія Екатерины приняты были мѣры для распространенія народнаго образованія и составленъ довольно стройный планъ устройства общественныхъ школъ. Особая „Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ" подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго выработала (въ 1782 г.) уставъ народныхъ училищъ для обученія дѣтей всѣхъ свободныхъ сословій. Во всѣхъ губернскихъ городахъ предположено было устроить „главныя народныя училища" или средніе учебныя заведенія; въ уѣздныхъ— „малыя народныя училища" и сверхъ того нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній или университетовъ (въ Екатеринославѣ, Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ). Комиссія вызвала изъ-за границы нѣсколько знающихъ педагоговъ (изъ нихъ пользовался особенною извѣстностію Янковичъ-де-Миріево,— православный сербъ изъ с. Миріево близъ Бѣлграда, принимавшій ближайшее участіе въ трудахъ Комиссіи); при помощи ихъ составлены были учебники по разнымъ предметамъ, обучались пріемамъ преподаванія русскіе учителя и пр. За недостаткомъ денежныхъ средствъ, широкіе планы Комиссіи удалось осуществить лишь отчасти, а именно учреждены въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ главныя народныя училища (впослѣдствіи переименованныя въ гимназіи). Новыхъ университетовъ по той же причинѣ совсѣмъ не пришлось открыть.

Съ цѣлію ученой разработки русскаго языка и „поощренія словесности", Екатерина учредила при Академіи наукъ „*Россійскую Академію*", президентомъ которой назначила княгиню Дашкову (1782 г.); позволила частнымъ лицамъ открывать типографіи и печатать книги (1783 г.), всячески поощряла изданіе журналовъ и сама принимала весьма дѣятельное участіе въ литературѣ, писала комедіи для своего придворнаго театра, въ которыхъ слегка осмѣивала невѣжество, грубость нравовъ и др. недостатки людей своего времени; нравоучительныя сказки для дѣтей; журнальныя статьи и пр. Комедіи императрицы

не имѣли серьезнаго художественнаго или общественнаго значенія, но написаны были довольно бойкимъ и живымъ языкомъ, какъ и ея статьи, и пробуждали интересъ и вниманіе къ литературѣ среди представителей тогдашняго высшаго свѣта *).

Императрицѣ подражали ея вельможи, устраивая у себя библіотеки, и усердно выписывали сочиненія иностранныхъ авторовъ, поощряли молодыхъ ученыхъ литераторовъ, такъ что меценатство вошло тогда въ моду. Многіе устраивали у себя домашніе театры, гдѣ, при помощи крѣпостныхъ артистовъ, разыгрывали оперы и балеты и т. д.

Благодаря покровительству двора и еще болѣе тому обстоятельству, что число образованныхъ людей въ Россіи годъ отъ году увеличивалось, литературная дѣятельность въ царствованіе Екатерины II замѣтно оживляется. Появляется довольно многочисленный рядъ писателей, изъ коихъ нѣкоторые оставили уже замѣтный слѣдъ въ исторіи русской литературы. Таковъ былъ, напр., *Фонвизинъ*, крупный сатирическій и литературный талантъ, авторъ извѣстныхъ комедій „Бригадиръ" и „Недоросль"; *Державинъ* — первый по времени и значенію русскій поэтъ, въ тяжелыхъ, но звучныхъ и выразительныхъ по своему времени стихахъ прославлявшій мирную дѣятельность императрицы („Фелица") и побѣды ея войскъ. Можно упомянуть затѣмъ баснописца *Хемницера*; *Богдановича*, автора поэмы „Душенька"; *Капниста* и др.

Замѣтно разрастается и журналистика. Появляется очень много (хотя и недолговѣчныхъ) журналовъ, по преимуществу статистическаго направленія, съ соотвѣтствующими названіями („Всякая всячина", „И то и се", „Трутень", „Адская почта", „Трудолюбивый муравей", „Живописецъ", „Уединенный Пошехонецъ" и др.). Особенно выдѣлялись изъ нихъ журналы („Трутень" и „Живописецъ"), издававшіеся Николаемъ Ивановичемъ *Новиковымъ*. Въ нихъ встрѣчаемъ уже зачатки серьезной сатиры, бичевавшей крупные недостатки того времени—крѣпостничество, упадокъ придворныхъ нравовъ и пр. По переѣздѣ въ Москву, тотъ же Новиковъ принялся за изданіе древнихъ историческихъ памятниковъ („Древняя Россійская Вивліоѳика") и, собравши вокругъ себя кружокъ литераторовъ и переводчиковъ („Дружеское ученое общество"), принялся за изданіе книгъ серьезнаго содержанія, а также взялъ на себя изданіе „Московскихъ Вѣдомостей" и довелъ число подписчиковъ этой газеты до необыкновенной для того времени цифры — 4 тыс. чел. **). Эти факты наглядно свидѣтель-

*) Литература была главнымъ занятіемъ Екатерины, послѣ политики. Читать и писать доставляло ей величайшее удовольствіе. „Не пописавши, нельзя и одного дня пожить", говаривала она и дѣйствительно работала много. Собраніе всего, что было писано Екатериной, составило бы цѣлую библіотеку. Цѣлый рядъ томовъ занимаетъ ея переписка съ Фридрихомъ II, Іосифомъ II, Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ, Гриммомъ, Потемкинымъ, вел. кн. Маріей Ѳеодоровной и др. Въ противоположность выразительной краткости и сухой дѣловитости писемъ Петра, ея письма отличаются обширностію объема, представляя собою иногда цѣлыя разсужденія о политикѣ, литературѣ, наукѣ, искусствахъ и пр., при чемъ всегда видно стремленіе автора произвести впечатлѣніе на читателя, нѣкоторая позировка и искусственность.

**) Въ концѣ царствованія, въ эпоху начавшейся реакціи, Новикову пришлось испытать преслѣдованія за участіе въ масонскихъ обществахъ. Тогда же пострадалъ и Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" (см. ниже: „Послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой").

ствуютъ, что и въ самомъ обществѣ росла потребность въ знаніяхъ и просвѣщеніи и умножалось число людей, интересовавшихся наукой и литературой.

Царствованіе Екатерины оказалось очень благопріятнымъ для развитія исторической науки, что зависѣло между прочимъ и отъ того, что сама императрица принимала живое участіе въ занятіяхъ исторіею. Для нея дѣлались выписки изъ лѣтописей, собирались историческіе матеріалы разнаго рода и древнія рукописи. По ея приказанію снаряжено было нѣсколько ученыхъ экспедицій (Палласа, Лепехина и др.), давшихъ богатые результаты для археологіи и этнографіи. Щербатовъ написалъ исторію Россіи, Голиковъ собралъ богатый матеріалъ для исторіи Петра Великаго и пр.

Точно также большое вниманіе оказывала Екатерина произведеніямъ искусствъ, особенно скульптуры и живописи (послѣдней она и сама занималась), приглашала въ Россію знаменитыхъ художниковъ, какъ, напр., Фальконета, создавшаго великолѣпный памятникъ Петру I, поставленный на Сенатской площади (съ выразительной надписью: „Петру Первому Екатерина Вторая"). Переписка съ нимъ Екатерины, между прочимъ и по поводу этого памятника, составляетъ цѣлый томъ. Къ музыкѣ Екатерина не имѣла особеннаго интереса, шутливо замѣчая, что не различаетъ музыки отъ обыкновеннаго шума, но тѣмъ не менѣе покровительствовала знаменитымъ композиторамъ и пѣвицамъ своего времени. Фавориты и вельможи Екатерины по большей части раздѣляли ея вкусы и слѣдовали примѣру императрицы.

Мѣры относительно народнаго здравія. На ряду съ заботами о народномъ образованіи просвѣщенная императрица принимала мѣры и къ охранѣ народнаго здравія. Съ ея времени начинаются попытки правительства правильно организовать врачебную помощь во всей странѣ. Еще въ началѣ царствованія Екатерины (1773 г.) учреждена медицинская коллегія, въ вѣдѣніи которой сосредоточено было врачебное дѣло въ Россіи. Первымъ предсѣдателемъ ея былъ баронъ Черкасовъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ императрицы и много поработавшій по устройству врачебно-санитарнаго дѣла въ Россіи. Губернаторамъ предписано было, чтобы въ каждомъ городѣ были аптека и врачи—городовой и уѣздный. Такъ какъ недоставало врачей, то ихъ выписывали изъ-за границы, преимущественно изъ Германіи. Городскимъ обществамъ предложено было озаботиться объ устройствѣ госпиталей и больницъ, заводить пріюты для неизлечимо-больныхъ и сумасшедшихъ или такъ называемыя „богоугодныя заведенія". Такъ какъ въ Россіи масса народа погибла отъ оспы, то, по совѣту Черкасова, Екатерина распорядилась ввести оспоприививаніе, только что открытое на Западѣ, и сама первая привила оспу себѣ и наслѣднику престола Павлу Петровичу, о чемъ и опубликовано было по всей странѣ. При-

мѣръ императрицы, смѣлости которой въ данномъ случаѣ удивлялись многіе, въ томъ числѣ даже Фридрихъ II, сильно подѣйствовалъ, и оспопрививаніе стало распространяться въ Россіи.

Чума и мятежъ въ Москвѣ. Во время первой турецкой войны въ Малороссію занесена была изъ арміи чума, проникшая затѣмъ въ 1771 г. въ Москву. Масса народа, особенно изъ состоятельныхъ классовъ, поспѣшила покинуть городъ; уѣхалъ въ свою деревню и самъ „главнокомандующій" Москвы графъ Салтыковъ, престарѣлый герой семилѣтней войны. По порученію императрицы, отставной генералъ Еропкинъ, энергичный и распорядительный человѣкъ, принялъ на себя опасную и тяжелую обязанность охранять порядокъ и предупредительными мѣрами ослабить страшную болѣзнь. По его распоряженію, поставили карантины вокругъ города, чтобы не допустить распространенія болѣзни, устроили нѣсколько больницъ для чумныхъ и особыя кладбища за городомъ, куда отвозили трупы умершихъ съ помощію такъ называемыхъ „мортусовъ"—колодниковъ, одѣтыхъ въ черную просмоленную одежду; вещи послѣ больныхъ сожигали.

Невѣжественные обыватели не исполняли этихъ распоряженій, считая ихъ притѣсненіями начальства и врачей, и не только не сожигали одежды и бѣлье съ умершихъ отъ чумы, но скрывали и самую смерть ихъ и хоронили на задворкахъ, въ погребахъ и садахъ. Болѣзнь приняла вслѣдствіе этого ужасающіе размѣры; умирало по нѣсколько сотъ человѣкъ въ день. Въ эту пору разнеслась молва, что больные получаютъ исцѣленіе отъ молитвы предъ иконой Богородицы у Варварскихъ воротъ въ Китай-городѣ. Массы народа, въ томъ числѣ и множество больныхъ, хлынули туда и толпились тамъ съ утра до вечера, служа молебны. Зараза отъ этого скученія народа еще болѣе усилилась. Московскій архіепископъ Амвросій (Зертисъ-Каменскій), человѣкъ просвѣщенный, принялъ мѣры къ прекращенію сходбища и распорядился снять икону съ воротъ. Немедленно распространился слухъ, что архіерей сговорился съ докторами-нѣмцами морить народъ. Обезумѣвшая отъ страха невѣжественная толпа бросилась въ монастырь и убила архипастыря. Бунтовщики хотѣли было занять Москву, перебить врачей, дворянъ, убить Еропкина и уничтожить все, что было устроено для прекращенія чумы. Еропкинъ не потерялся, но съ небольшимъ отрядомъ солдатъ бросился на мятежниковъ и выстрѣлами разогналъ ихъ. Въ это время, по распоряженію императрицы, въ Москву пріѣхалъ Григорій Орловъ съ чрезвычайными полномочіями для прекращенія народнаго бѣдствія и волненій. Зачинщики бунта были разысканы и сосланы въ каторгу, убійцы архіеп. Амвросія казнены. Между тѣмъ начались морозы и болѣзнь пошла на

убыль и къ декабрю 1771 года прекратилась. Всего отъ чумы въ одной Москвѣ умерло свыше 100 тыс. человѣкъ.

Мятежъ въ Москвѣ былъ эпизодическимъ явленіемъ, возникшимъ на почвѣ народнаго невѣжества; несравненно опаснѣе былъ пугачевскій бунтъ, разлившійся на громадное пространство, отъ причинъ соціальнаго характера, во время той же турецкой войны.

Пугачевщина. Въ самый разгаръ турецкой войны, когда главныя военныя силы Россіи были стянуты на югѣ, а волненія въ Польшѣ заставляли остальную часть войскъ сосредоточить въ Западномъ краѣ, страшный мятежъ охватилъ все низовье Волги и восточныя губерніи Европейской Россіи до самой Сибири. По имени главаря этого движенія, донского казака Емельяна Пугачева, и самый бунтъ носитъ названіе пугачевщины.

Бунтъ разразился приблизительно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣкогда дѣйствовалъ Разинъ и гдѣ попрежнему для этого было много горючаго матеріала. Главную массу мятежниковъ составили крѣпостные и въ частности заводскіе крестьяне, раскольники, яицкіе (уральскіе) казаки и разные кочевые азіатскіе народы, жившіе на юго-востокѣ Россіи— калмыки, башкиры и киргизы. Движеніе начали яицкіе казаки съ примкнувшими къ нимъ инородцами. Яицкіе казаки образовались изъ выходцевъ съ Дона, изъ Москвы и разнаго бѣглаго люда, который сталъ населять побережье Яика (Урала) еще съ XVI столѣтія. До Петра Великаго они жили по старинѣ, сами выбирали себѣ атамановъ и старшинъ, рѣшали дѣла на сходкахъ, предпринимали походы въ степи и обыкновенно всю добычу дѣлили поровну. Съ Петра Великаго эта свобода подверглась ограниченіямъ. Атаманъ и старшины стали назначаться правительствомъ. Казаки были переписаны и должны были нести службу по охранѣ восточныхъ областей Россіи отъ кочевниковъ и распредѣлялись между прочимъ по гарнизонамъ маленькихъ крѣпостей (Яицкъ, Оренбургъ, Илецкая Защита и др.), которыя были основаны по Уралу и его притокамъ для обороны отъ набѣговъ киргизъ и башкиръ. Этой службой они очень тяготились, а еще болѣе недовольны были притѣсненіями назначавшихся правительствомъ атамановъ и старшинъ. Они жаловались на нихъ, не разъ посылая „ходоковъ“ въ Петербургъ. Отсюда высылались комиссіи для разбора этихъ жалобъ, но дѣйствовали уклончиво и мирволили старшинамъ. Безтактныя дѣйствія одной изъ такихъ комиссій вызвали наконецъ въ средѣ казаковъ открытое возмущеніе (въ 1772 г.)—они убили и атамана и правительственнаго комиссара. Высланные изъ Москвы (подъ начальствомъ ген. Фреймана) гренадеры усмирили возстаніе. Главныхъ зачинщиковъ били кнутомъ и

сослали въ Сибирь. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено, и казаки отданы были подъ начальство Яицкаго коменданта (полковника Симонова). Казаки роптали и втихомолку говорили: „То ли еще будетъ! Такъ ли тряхнемъ Москвой!“ Они ждали только удобнаго случая и надлежащаго руководителя, чтобы вновь подняться на защиту своихъ вольностей. Предводитель скоро явился въ лицѣ Пугачева, который увлекъ за собою и казаковъ и массы крестьянъ съ инородцами. Крестьянъ заставляло примкнуть къ движенію ихъ крайне тяжелое положеніе. Крѣпостные крестьяне въ эту пору по всей Россіи глухо волновались. Между ними распространялись слухи объ освобожденіи, возникшіе въ связи съ отобраніемъ въ казну крестьянъ у монастырей. Ждали, что и ихъ отберутъ отъ помѣщиковъ. Количество бѣглыхъ, стекавшихся въ мѣстахъ казацкихъ населеній, увеличивалось и они представляли собой группу, наиболѣе способную перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Особенно острое недовольство своимъ положеніемъ царило среди горнозаводскихъ крестьянъ на Уралѣ. Приписывая крестьянъ къ заводамъ, имъ не давали земли и обременяли тяжелой работой. Провинившихся и лѣнивыхъ жестоко наказывали: сѣкли плетьми, сажали на цѣпь, брили головы и бороды— что особенно возмущало раскольниковъ, которыхъ было очень много въ томъ краю. Благодарную почву для волненій представляли также инородцы, особенно кочевые—калмыки, башкиры и киргизы, которые никакъ не могли помириться съ тѣми стѣсненіями ихъ безграничной свободы передвиженій, какія налагались на нихъ ради порядка государствомъ. Въ краѣ строились укрѣпленія, воздвигались заводы съ селившимися около нихъ крестьянами и такимъ образомъ постепенно отнимались пастбища у кочевниковъ. Злоупотребленія и притѣсненія мѣстныхъ властей, отнимавшихъ подъ разными предлогами лучшія земли у инородцевъ, еще болѣе усиливали ихъ недовольство. Дошло до того, что незадолго до появленія Пугачева больше сотни тысячъ калмыковъ снялись съ своихъ мѣстъ и ушли въ предѣлы Китая. Да и все вообще русское населеніе Поволжскаго и Закамскаго края заключало въ себѣ множество противообщественныхъ элементовъ. Недаромъ издавна эту мѣстность именовали *воровскимъ краемъ.* Разбойничьи шайки съ особыми атаманами во главѣ рыскали всюду и грабили проѣзжавшихъ и въ лѣсахъ и по рѣкамъ, при чемъ населеніе всегда прикрывало ихъ дѣйствія, частью изъ страха, частью изъ-за корысти или по сочувствію къ ихъ молодечеству. Всѣ эти разбойничьи шайки не замедлили примкнуть къ Пугачеву, когда онъ появился на Яикѣ и рѣшился взбунтовать казаковъ.

Пугачевъ былъ родомъ изъ Зимовейской станицы Донского казачьяго войска, гдѣ у него были жена и дѣти. Смышленый и расто-

ропный по природѣ, онъ имѣлъ случай, участвуя вмѣстѣ съ другими казаками въ Семилѣтней и Турецкой войнахъ, пріобрѣсти практическія свѣдѣнія по военному дѣлу, которыя и послужили въ пользу его недюжиннымъ природнымъ военнымъ способностямъ.

Въ походахъ онъ отвыкъ отъ мирнаго труда и осѣдлости и, возвратясь на родину, повелъ непосѣдливую, бездомную жизнь искателя приключеній и добычи безъ труда. Чтобы удобнѣе спасаться отъ преслѣдованій и находить пріютъ у многочисленныхъ въ краѣ раскольниковъ, онъ называлъ себя старовѣромъ. Въ раскольничьей средѣ въ то время было очень популярно имя Петра III вслѣдствіе его указа о свободѣ раскола и шли толки по поводу его преждевременной и загадочной смерти. Здѣсь и пришла Пугачеву въ голову или ему внушена была другими мысль объявить себя императоромъ Петромъ III, будто бы спасшимся чудесно отъ гибели при нападеніи на него солдатъ *). Для доказательства онъ по секрету показывалъ какіе-то шрамы на груди, будто бы оставшіеся у него отъ ударовъ штыками. Когда молва о самозванцѣ разнеслась, къ Пугачеву пріѣхала группа вліятельныхъ яицкихъ казаковъ, чтобы удостовѣриться, „доподлинно ли это государь". Ни по годамъ (ему не было еще и 30 лѣтъ), ни по наружности этотъ безграмотный казакъ не походилъ на Петра III. Тѣмъ не менѣе результатомъ свиданія было присоединеніе казаковъ къ Пугачеву. „Пусть это не государь, говорилъ одинъ изъ нихъ, намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ". Пугачева одѣли въ зеленый „государевъ кафтанъ", приготовили бѣлое знамя съ раскольничьимъ осьмиконечнымъ крестомъ; за безграмотностью Пугачева, при помощи какого-то писаря, составили „указъ" или воззваніе, въ которомъ возвѣщалось всѣмъ, что императоръ Петръ III идетъ добывать себѣ царство, отнятое у него Екатериной и боярами, и кто будетъ ему слу-

---

*) Самозванство Пугачева не было одиночнымъ явленіемъ. И до него и послѣ него въ разныхъ мѣстахъ Россіи появилось нѣсколько Лже-Петровъ III (солдаты Кремневъ и Чернышевъ, армянинъ Асланбековъ и др.).; нѣсколькихъ Лже-Петровъ видимъ даже заграницей (въ томъ числѣ двухъ въ Черногоріи). Никакого вліянія и опасности для государства они не представляли, такъ какъ для этихъ самозванцевъ не было никакой почвы въ народѣ и затѣямъ ихъ нечѣмъ было питаться.—Къ разряду такихъ же безвредныхъ и безпочвенныхъ самозванцевъ принадлежитъ и заграничная авантюристка, появившаяся одновременно съ Пугачевымъ и принявшая на себя имя княжны Таракановой, мнимой дочери Елизаветы Петровны. Одно время ею интересовались поляки, разсчитывая употребить ее какъ орудіе борьбы противъ Екатерины, но потомъ бросили на произволъ судьбы. Графу Алексѣю Орлову удалось заманить мнимую княжну Тараканову на русскій корабль, стоявшій въ Ливорно, и увезти въ Петербургъ, гдѣ ее посадили въ Петропавловскую крѣпость, но впрочемъ содержали съ нѣкоторымъ комфортомъ. Тамъ она и умерла (въ декабрѣ 1775 г.) отъ чахотки, которой заболѣла еще во время своего пребыванія въ Италіи. Впослѣдствіи создалась легенда, что она утонула во время наводненія, залившаго водою и ея помѣщеніе въ крѣпости.

жить изъ крестьянъ и казаковъ, тѣхъ онъ жалуетъ крестомъ и бородою, и рѣкою и землею, и жалованьемъ и хлѣбомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью. Воззваніе составлено было па всѣ вкусы и имѣло успѣхъ. Около Пугачева (въ сентябрѣ 1773 г.) собралось небольшое ополченіе изъ казаковъ и всякаго сброда, которое, однако, производило волненіе уже самымъ своимъ появленіемъ. Илецкій городокъ и другія мелкія укрѣпленія сдались безъ боя, такъ какъ казаки, составлявшіе въ немъ гарнизоны, переходили на сторону Пугачева, избивая своихъ комендантовъ и офицеровъ. Подъ знамена самозванца со всѣхъ сторонъ сбѣгались казаки, заводскіе крестьяне, бѣглые каторжники и инородцы. Скоро у Пугачева набралось уже свыше 30 тыс. войска, съ которымъ онъ осадилъ Оренбургъ, главный городъ края, снабженный довольно сильнымъ гарнизономъ. Взять городъ онъ не могъ, но прервалъ всѣ сообщенія съ нимъ, и мятежъ теперь безпрепятственно разлился по всему Поволжью до самой Казани. Крѣпостные всюду выражали свое сочувствіе пугачевщинѣ. Шайки Пугачева сжигали заводы и помѣщичьи усадьбы, убивали помѣщиковъ и всѣхъ дворянъ, вѣшали чиновниковъ, безпощадно истребляли всѣ письменныя дѣла, шнуровыя книги и архивы. Помѣщики съ Поволжья бѣжали въ Москву и другіе большіе города. Воззванія Пугачева появились уже и въ центрѣ Россіи, около Москвы, и всюду волновали крестьянъ.

Екатерина, занятая войной съ Турціей и дѣлами въ Польшѣ, не могла двинуть въ мятежный край большихъ силъ. Наскоро посланные изъ Москвы небольшіе отряды съ трудомъ пробивали себѣ дорогу и безсильны были остановить грабежи и мятежныя вспышки, проявившіеся разомъ на громадномъ пространствѣ. Положеніе становилось серьезнымъ. Тогда Екатерина назначила генерала Бибикова главнымъ начальникомъ всего края, охваченнаго бунтомъ. Благодаря его энергіи, въ Казани организована была дворянская милиція, стянуты были съ разныхъ сторонъ войска къ Оренбургу, разбившія въ двухъ битвахъ нестройныя толпы Пугачева, при чемъ и самъ онъ едва не попался въ плѣнъ. Дѣло его казалось уже проиграннымъ, когда Бибиковъ отъ переутомленія заболѣлъ и умеръ. Новымъ начальникомъ края назначили генерала Петра Панина (брата знаменитаго дипломата Н. Панина), но пока вновь организовали преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ Пугачева, послѣдніе успѣли оправиться, и мятежъ вспыхнулъ съ новой силой.

Избѣгая встрѣчи съ регулярными войсками, Пугачевъ производилъ теперь внезапные набѣги, быстро двигаясь съ своимъ шайками

по разнымъ направленіямъ. Такъ пугачевцы сожгли и разграбили Казань и налетомъ захватили Саратовъ и Пензу. Перекинувшись на правый берегъ Волги, бунтъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ крестьянской войны. Пугачевъ заявлялъ, что идетъ на Москву, и въ своихъ воззваніяхъ обѣщалъ крестьянамъ свободу, призывая ихъ къ отчаянной борьбѣ противъ помѣщичьяго сословія. Проходя съ своими шайками по наиболѣе густо населеннымъ губерніямъ, Пугачевъ поднималъ крестьянъ уже однимъ своимъ приближеніемъ и обозначалъ всюду свой путь сожженными усадьбами и трупами помѣщиковъ. Панинъ въ свою очередь усмирялъ крестьянъ самыми суровыми мѣрами и послалъ въ погоню за Пугачевымъ одного изъ наиболѣе энергичныхъ генераловъ— Михельсона. Императрица между тѣмъ вызвала съ театра турецкой войны знаменитаго Суворова и поручила уже ему дѣло подавленія возстанія. Но прежде чѣмъ прибылъ Суворовъ, неутомимый Михельсонъ настигъ Пугачева подъ Чернымъ Яромъ (въ августѣ 1774 г.) и разбилъ его полчища на-голову. Калмыки и казаки разсыпались по степи. Кавалерія Михельсона преслѣдовала ихъ на протяженіи болѣе 40 верстъ. Самъ Пугачевъ успѣлъ съ небольшимъ отрядомъ переправиться черезъ Волгу. Въ это время въ отрядъ Михельсона примчался Суворовъ и вслѣдъ за Пугачевымъ самъ переправился черезъ Волгу, неутомимо преслѣдуя мятежниковъ. Ближайшіе сообщники Пугачева упали духомъ и, чтобы спасти себя, выдали его Суворову. Пугачева посадили въ деревянную клѣтку и подъ сильнымъ конвоемъ привезли въ Симбирскъ, гдѣ въ ту пору находился Панинъ. „Какъ смѣлъ ты, *воръ*, назваться государемъ?“ спросилъ его при допросѣ Панинъ. „Я не *воронъ*, а вороненокъ, отвѣтилъ Пугачевъ, воронъ еще летаетъ“. Однако съ поимкой Пугачева мятежъ мало-помалу затихъ.

Пугачева привезли въ Москву, гдѣ и казнили (въ январѣ 1775 г.). Чтобы изгладить изъ памяти народной слѣды пугачевщины, названія Яикъ, Яицкій городокъ, яицкіе казаки замѣнили названіями Уралъ, Уральскій городокъ, уральскіе казаки; станицу Зимовейскую, родину Пугачева, назвали Потемкинской.

Пугачевщина произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Екатерину II и ея ближайшихъ совѣтниковъ. Первоначально она смотрѣла легко на это движеніе, не посылала въ Поволжье значительныхъ военныхъ силъ и въ письмахъ къ своимъ заграничнымъ друзьямъ вышучивала преувеличенные толки о „маркизѣ Пугачевѣ“, но потомъ ясно сознала серьезность дѣла и настолько, что вызвала съ театра военныхъ дѣйствій въ Турціи лучшаго своего полководца — Суворова. Государству дѣйствительно грозилъ опасный кризисъ. Мятежное дви-

женіе съ юго-востока могло переброситься къ центру и захватить самую сердцевину государства съ тѣми же ужасами и послѣдствіями мужицкой войны, какія видѣли на Волгѣ и Камѣ. Самозванство Пугачева не играло большой роли въ этомъ движеніи и не было его причиною. Имя Петра III только чисто внѣшнимъ образомъ связывало мятежные элементы, привлекая къ нимъ и ту массу крестьянства, которая многовѣковой жизнью воспитана была въ стремленіи къ порядку и законности, и сознавала необходимость государственной власти, но теряла терпѣніе среди злоупотребленій, допускавшихся помѣщиками и мѣстными властями. Для этой массы устроена была главарями движенія и другая обманная декорація. Казакъ Чика принялъ на себя имя графа Чернышева и произведенъ въ „фельдмаршалы“, были также графы Орловъ, Воронцовъ и „фрейлины“ при „дворѣ“ Пугачева и т. д. Но цѣль стремленія всѣхъ этихъ графовъ и князей изъ казачества заключалась не въ основаніи новаго государственнаго строя, хотя бы и на казацкій ладъ, но прежде всего въ поживѣ на общій счетъ, въ грабежѣ и разбоѣ, въ мщеніи помѣщикамъ за ихъ жестокости съ крѣпостными и всякаго рода „начальству“ за притѣсненія. Даже самъ Пугачевъ впослѣдствіи на допросѣ показалъ, что онъ вовсе и „не думалъ къ правленію быть и овладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ“, а шелъ на то „если удастся чѣмъ поживиться, или убиту быть на войнѣ“. Организованныя главарями движенія шайки казаковъ и всякаго гулящаго люда, дававшія тонъ и направленіе движенію, объявили войну всему, что̀ напоминало власть, силу и богатство, отрицали всякое государственное устройство и дѣйствовали чисто анархическимъ образомъ. Но эти разбойничьи шайки были и прежде, теперь же онѣ пріобрѣли значеніе и черпали свою силу въ общемъ народномъ волненіи, являясь самозванными представителями общаго народнаго протеста противъ крѣпостного права, противъ продажности чиновниковъ и злоупотребленій мѣстныхъ представителей власти. Сущность дѣла хорошо понималъ первый усмиритель возстанія умный и энергичный Бибиковъ, когда писалъ Фонвизину: „побить злодѣевъ я не отчаиваюсь, но успокоить почти всеобщее волненіе черни великія предстоятъ трудности. Больше же всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла... не Пугачевъ важенъ, а важно всеобщее негодованіе; а Пугачевъ—чучело, которымъ воры, яицкіе казаки, играютъ“.

Самой Екатеринѣ пугачевщина принесла много разочарованій. Славолюбивую и дорожившую одобреніемъ современниковъ императрицу, одушевленную самыми добрыми намѣреніями и просвѣщенными стремленіями въ духѣ передовыхъ мыслителей тогдашней Европы, увѣряли со всѣхъ сторонъ, и она сама была въ этомъ убѣждена, что общій уровень благосостоянія Россіи при ея правленіи повышается, что народныя массы направляются, благодаря ея заботамъ, къ благоденствію и богатству, что населеніе знаетъ и цѣнитъ эти заботы. И вдругъ на той самой Волгѣ, гдѣ еще недавно (въ 1767 г.) ее встрѣчали съ такимъ торжествомъ и покорностью, вспыхнулъ самый отчаянный бунтъ; добродушные и мирные крестьяне производили страшныя жестокости по отношенію къ своимъ помѣщикамъ и чиновникамъ. Вопреки гуман-

нымъ идеямъ „Наказа“, правительство вынуждено было усмирять ихъ тоже самыми суровыми мѣрами и прибѣгать къ казнямъ, противъ которыхъ императрица такъ ратовала. Она и теперь не переставала говорить и писать о кроткомъ обращеніи съ бунтовщиками, опасаясь того, что скажутъ въ Западной Европѣ о ея дѣйствіяхъ, но подъ конецъ пришла къ убѣжденію, выраженному между прочимъ въ письмахъ къ Бибикову, что образумить мятежниковъ „окромѣ умѣстной строгости нечѣмъ“, и просила его „всячески приложить трудъ для искорененія злодѣйствъ сихъ, весьма стыдныхъ предъ свѣтомъ“.

Преемникъ Бибикова Петръ Панинъ, чтобы запугать колеблющихся, принималъ для подавленія возстанія еще болѣе суровыя мѣры, чѣмъ Бибиковъ, нещадно сѣкъ и вѣшалъ крестьянъ, хотя и принимавшихъ раньше участіе въ мятежѣ, но уже отставшихъ отъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался организовать изъ дворянской молодежи кадры борцовъ противъ бунтовщиковъ. Императрица, не перестававшая все время писать Панину о возможной гуманности въ дѣлѣ подавленія мятежа, тѣмъ не менѣе одобрила его мѣры, такъ какъ прежде всего считала своей обязанностью заботиться о поддержаніи силы и значенія государственной власти и порядка въ странѣ. Впечатлѣнія отъ пугачевщины невольно отразились затѣмъ на характерѣ внутренней дѣятельности Екатерины при изданіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ и пр.

Внѣшняя политика Екатерины II.

Внѣшняя политика Екатерины II отличалась національнымъ характеромъ и имѣла большой успѣхъ. Екатерина, подобно Петру I, не вмѣшивалась въ дѣла Западной Европы, но преслѣдовала главнымъ образомъ свои чисто русскія задачи, хотя при осуществленіи ихъ и вынуждена была входить въ соглашенія съ своими сосѣдями. Прекративъ немедленно по вступленіи на престолъ приготовленія къ безполезной войнѣ съ Даніей, Екатерина, въ бесѣдѣ съ однимъ иностраннымъ посломъ, такъ опредѣлила свою будущую программу дѣйствій во внѣшней политикѣ: „Я довольно войнолюбива, но никогда я не начну войны безъ причины; если же начну войну, то не такъ, какъ императрица Елизавета, изъ угожденія другимъ, а лишь тогда, когда найду это удобнымъ для себя“.

Внѣшніе успѣхи Россіи въ царствованіе Екатерины II обусловливались какъ дипломатической ловкостью и знаніемъ дѣла, которое обнаружила императрица въ сферѣ отношеній къ другимъ державамъ, такъ и подготовкой войска, которую оно получило во время Семилѣтней войны. Блестящія побѣды русскихъ войскъ закрѣпляли дипломатическіе шаги русскаго правительства; ближайшіе сосѣди Россіи — Пруссія и Австрія, значительно обезсилѣвшіе во время Семилѣтней войны между собою, завидовали успѣхамъ Россіи, но считали болѣе

безопаснымъ и выгоднымъ для себя дѣломъ каждый разъ присоединяться къ Россіи и, пользуясь плодами побѣдъ ея, захватывать никогда не принадлежавшія имъ области Польскаго королевства (такъ называемые раздѣлы Польши), въ ту пору, какъ Россія отбирала отъ Польши свои старинныя владѣнія съ русскимъ населеніемъ.

Изъ трехъ главнѣйшихъ задачъ, которыя остались въ наслѣдіе Петру Великому еще отъ временъ Московской Руси,—овладѣніе берегами Балтійскаго, а затѣмъ Чернаго морей и присоединеніе старо-русскихъ областей, находившихся подъ владычествомъ Польши,—Петръ Великій могъ выполнить лишь первую. Преемники его ничего не успѣли сдѣлать для рѣшенія остальныхъ задачъ. Ихъ выполнила только Екатерина II, которой и пришлось для этого вести двѣ тяжелыя войны съ Турціей и одновременно съ тѣмъ выдержать трудную борьбу съ внутренними непорядками въ Польшѣ, при противодѣйствіи Франціи и Англіи и неискреннемъ корыстномъ содѣйствіи Пруссіи и Австріи.

Первая турецкая война (1768—1774 г.). Борьба съ Турціей за сѣверное побережье Чернаго моря являлась историческою необходимостію для Россіи. Этимъ она достигла своихъ естественныхъ географическихъ границъ на югѣ, а покореніемъ Крыма давала возможность русскимъ пахарямъ безопасно приняться за обработку богатѣйшаго степного чернозема, который они вынуждены были покинуть еще въ XII вѣкѣ. Турція тоже понимала, что ей придется рано или поздно сводить счеты съ Россіей, и желала начать это въ наиболѣе удобное для себя время. Такой моментъ и представился при Екатеринѣ, когда она вмѣшалась въ дѣла Польши, желая оградить права православнаго населенія отъ притѣсненій католиковъ-поляковъ. Среди послѣднихъ, по старому польскому обычаю, составился вооруженный союзъ или конфедерація, поставившій себѣ цѣлью оружіемъ охранить прежній порядокъ. Сторону конфедератовъ приняла Франція, опасаясь усиленія вліянія Россіи въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ ними уговорила Турцію объявить войну Россіи.

Руки Россіи дѣйствительно были связаны дѣлами въ Польшѣ и на отдаленный театръ войны—въ придунайскій край Екатерина не могла отдѣлить много войска. Большимъ шансомъ на успѣхъ являлось однако то обстоятельство, что небольшая по числу придунайская армія состояла изъ солдатъ-ветерановъ Семилѣтней войны подъ начальствомъ героя той же войны Румянцева. Противъ него выставлены были громадныя силы:—на берегу *Ларги*, противъ Прута, расположилось стотысячное войско крымскаго хана, которому поручено было задерживать русскихъ до прихода 150-тыс. арміи великаго визиря. Румянцевъ поспѣшилъ напасть на крымцевъ. Плохо дѣйствуя огнестрѣльнымъ оружіемъ, нестройная орда не смогла выдержать стремительнаго натиска регулярныхъ войскъ и въ безпорядкѣ бѣжала. Отрядивъ часть войскъ

для преслѣдованія врага, Румянцевъ съ 17 тыс. смѣло двинулся на армію великаго визиря, совсѣмъ не ожидавшую такого рѣшительнаго шага отъ малочисленнаго противника *). На берегахъ р. *Кагула* визирь былъ разбитъ наголову и бѣжалъ; весь турецкій лагерь со всѣми запасами и многочисленной артиллеріей достался русскимъ.

Одновременно съ этими блестящими побѣдами на сушѣ, русскіе одержали побѣду надъ турками на морѣ. Екатерина, начавши войну съ турками, позаботилась и о флотѣ, который при преемникахъ Петра Великаго пришелъ въ сильный упадокъ. Она приказала поправить и снарядить старые корабли, которые оказались еще годными къ плаванію. Составленную изъ нихъ эскадру отправили подъ начальствомъ Алексѣя Орлова чрезъ Средиземное море въ Архипелагъ, къ берегамъ Греціи. Жители послѣдней съ нетерпѣніемъ ждали прибытія русскихъ, чтобы начать возстаніе противъ Турціи. Возстаніе это подготовлялъ Григорій Орловъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ греками, пріѣзжавшими въ Петербургъ. Онъ же подалъ Екатеринѣ и мысль о посылкѣ флота въ греческія воды. Навстрѣчу русскимъ двинулся сильный турецкій флотъ. По численности кораблей онъ превосходилъ русскую эскадру, но по устройству и снаряженію турецкіе корабли значительно уступали даже самымъ старымъ русскимъ судамъ. Опытныхъ и знающихъ дѣло адмираловъ у турокъ также не было, между тѣмъ какъ въ эскадрѣ Орлова находились смѣлые и предпріимчивые моряки— Спиридовъ и Грейгъ, своимъ примѣромъ воодушевлявшіе команду на подвиги. При первой же встрѣчѣ съ турецкимъ флотомъ адмиралъ Спиридовъ бомбами зажегъ турецкій адмиральскій корабль и вмѣстѣ съ нимъ отъ взрыва пороха взлетѣлъ на воздухъ. Этотъ случай навелъ панику на турокъ и послѣдніе поспѣшили укрыться съ своими кораблями въ тѣсной *Чесменской* гавани. Русскіе немедленно воспользовались растерянностію врага и скученностію его кораблей, препятствовавшей имъ двигаться и вести оборонительную стрѣльбу, и открыли усиленный огонь по турецкой эскадрѣ, а въ это время капитанъ Грейгъ направилъ въ гавань въ средину турецкаго флота четыре брандера (судна съ горючими матеріалами). Весь турецкій флотъ сгорѣлъ, за исключеніемъ только одного корабля, который и захваченъ былъ русскими.

Прямыхъ послѣдствій эта блестящая побѣда не имѣла. Возстаніе

*) Говорили, что къ такому рѣшительному шагу Румянцева побудило будто бы письмо Екатерины. Когда Румянцевъ въ виду многочисленности турецкой арміи просилъ подкрѣпленій, Екатерина написала ему: „Римляне не спрашивали о числѣ враговъ, а только о томъ, гдѣ они“. Характеръ Румянцева и его образъ дѣйствій во время прежнихъ битвъ, однако, достаточно ручается, что и безъ такихъ внушеній онъ могъ броситься на врага даже съ небольшими силами.

грековъ началось, но велось вяло и недружно, разрозненными отрядами, всюду отступавшими при встрѣчѣ съ турецкими войсками. Орловъ могъ бы двинуться съ своей эскадрой на Константинополь, но не рѣшился на это, опасаясь, что старые корабли русскаго флота не выдержатъ усиленныхъ передвиженій и боя съ прибрежными батареями, которыя турки при содѣйствіи французовъ поспѣшно соорудили въ Дарданельскомъ проливѣ.

Тѣмъ не менѣе побѣды при Ларгѣ, Кагулѣ и Чесмѣ произвели потрясающее впечатлѣніе на Турцію, и она поспѣшила завести съ Россіей мирные переговоры, особенно когда русскія войска (подъ начальствомъ Долгорукова), преслѣдуя татаръ, заняли и самый Крымъ, съ другой стороны Румянцевъ перешелъ Дунай и осадилъ крѣпость Силистрію, а новая вспомогательная армія подъ начальствомъ Суворова и Каменскаго двинулась по направленію къ Константинополю.

Западныя державы сильно встревожены были успѣхами русскаго оружія и, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Россіи,—всѣми способами старались затянуть эти мирные переговоры и воспрепятствовать присоединенію Россіей Крыма или другихъ земельныхъ владѣній Турціи. Не только Франція, и ранѣе помогавшая Турціи и деньгами и людьми, но Англія и Швеція и даже наши близкіе сосѣди очутились въ лагерѣ противниковъ Россіи. Австрія, напр., протестовала даже противъ объявленія Молдавіи и Валахіи независимыми отъ турокъ владѣніями, опасаясь усиленія тамъ русскаго вліянія въ ущербъ себѣ, и пригрозила Россіи войной.

Фридрихъ II, доселѣ совмѣстно съ Екатериной дѣйствовавшій въ Польшѣ, присоединился къ австрійской точкѣ зрѣнія и уговаривалъ Екатерину отказаться отъ этого требованія. Екатерина лично вела энергичную дипломатическую борьбу съ своими сосѣдями и обнаружила въ этомъ случаѣ большую твердость и смѣлость и недюжинныя способности въ сферѣ дипломатіи, но неурядицы въ Польшѣ и особенно Пугачевскій бунтъ, грозившій большими осложненіями внутри Россіи, понудили императрицу къ извѣстной уступчивости въ своихъ требованіяхъ. Между прочимъ, ей пришлось склониться на убѣжденія Фридриха II (давно желавшаго поживиться на счетъ Польши) относительно вознагражденія за побѣды въ Турціи присоединеніемъ части старо-русскихъ областей, находившихся подъ владычествомъ поляковъ. Такъ совершился первый раздѣлъ Польши, по которому Россія пріобрѣла Бѣлоруссію.

Это соглашеніе съ Австріей и Пруссіей дало Россіи возможность производить давленіе на Турцію, не особенно опасаясь другихъ державъ: Франція была далеко и существенной помощи Турціи не могла

оказать, Швеція была безсильна. Въ свою очередь, турки, прослышавъ о начавшемся раздѣлѣ Польши между тремя державами, боялись соглашенія тѣхъ же державъ относительно Турціи и поспѣшили заключить миръ съ Россіей.

Миръ былъ заключенъ (въ 1774 г.) въ *Кучукъ-Кайнарджи* (близъ Силистріи) на слѣдующихъ условіяхъ: Россія пріобрѣтала часть береговъ Азовскаго и Чернаго морей съ городами Азовомъ, Керчью и Кинбурномъ; Крымъ объявленъ независимымъ отъ Турціи; русскимъ торговымъ судамъ открытъ безпрепятственный проходъ изъ Чернаго моря черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное, Турція обязывалась уплатить $4^1/_2$ мил. руб. контрибуціи, дать амнистію своимъ христіанскимъ подданнымъ, возставшимъ противъ нея во время послѣдней войны, и признала за Россіей право заступничества предъ султаномъ за христіанъ Молдавіи, Валахіи и др. турецкихъ областей. Послѣднимъ условіемъ устанавливалось важное право вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Турціи; независимость Крыма давала въ будущемъ просторъ вліянію Россіи и даже присоединенію его безъ опасеній вызвать тѣмъ столкновеніе съ Турціей.

Условія мира были мягче первоначально намѣченныхъ Екатериной, но все же составляли крупный успѣхъ ея политики и свидѣтельствовали о внѣшней силѣ и международномъ значеніи Россіи, несмотря на то, что въ эту пору пугачевщина была въ самомъ разгарѣ.

Императрица щедро наградила полководцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ, и особенно Румянцева *): ему между прочимъ данъ былъ почетный титулъ графа Задунайскаго, Орлову—Чесменскаго.

„Вооруженный нейтралитетъ“. Во время 1-й турецкой войны Англія смотрѣла довольно равнодушно на движеніе русской эскадры въ Архипелагъ, не разсчитывая, чтобы старыя и не совсѣмъ хорошо снаряженныя русскія военныя суда имѣли успѣхъ въ морскихъ битвахъ. Послѣ Чесменской битвы это равнодушіе смѣнилось завистью и недоброжелательствомъ и въ послѣдующее время Англія всегда становилась въ рядахъ нашихъ противниковъ, хотя до открытой борьбы дѣло и не доходило. Особенно же испортились отношенія Россіи и Англіи послѣ составленной Панинымъ по порученію Екатерины во время сѣверо-американской войны за независимость такъ называемой *„деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ“* (1780 г.).

*) Румянцевъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ и шпагу, осыпанные бриллiантами, орденъ св. Андрея Первозваннаго, 5 тысячъ крестьянъ и 100 тыс. руб. денегъ. Онъ же былъ первымъ кавалеромъ учрежденнаго при Екатеринѣ за военныя заслуги ордена св. Георгія 1-й степени.

Сущность ея заключалась въ предложеніи нейтральнымъ (невоюющимъ) державамъ сообща, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, въ случаѣ надобности подкрѣпляемыхъ и оружіемъ, защищать свои торговыя суда отъ нападенія воюющихъ сторонъ. Доселѣ, во время морскихъ войнъ, противники, воюя межъ собою, не щадили и торговыхъ кораблей нейтральныхъ державъ, если они шли въ гавани воюющихъ державъ. Чаще всего пользовалась этимъ Англія, какъ одна изъ наиболѣе сильныхъ морскихъ державъ. Теперь этого рѣшили не допускать болѣе (за исключеніемъ случаевъ провоза военной контрабанды, оружія и т. п.). Къ предложенному Екатериной соглашенію примкнули почти всѣ державы, за исключеніемъ Англіи.

Уничтоженіе Запорожья. Послѣ 1-й турецкой войны Крымъ сдѣлался совершенно безвреднымъ для Россіи и полное подчиненіе его было только вопросомъ времени. Въ связи съ этимъ и Запорожье, какъ своего рода пограничный оплотъ противъ набѣговъ крымцевъ, потеряло свое значеніе. Еще менѣе нужны были запорожцы для защиты отъ Польши. А между тѣмъ эта безпокойная вольница попрежнему продолжала тревожить своими гайдамацкими набѣгами сосѣднія польскія и турецкія владѣнія. Въ самой Малороссіи, гдѣ еще въ первые годы царствованія Екатерины (въ 1764 г.) было уничтожено гетманское достоинство, а кошевой атаманъ подчиненъ былъ кіевскому генералъ-губернатору, существованіе такого, неподчинявшагося никому, гнѣзда вольнаго казачества, было уже анахронизмомъ, не имѣющимъ смысла пережиткомъ старины. Вдобавокъ, во время 1-й турецкой войны обнаружилось, что запорожцы, недовольные правительствомъ, входили въ какія-то тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ. Въ виду всего этого, немедленно же по окончаніи войны, по приказанію императрицы, Сѣчь была занята отрядомъ регулярныхъ войскъ и Запорожье навсегда прекратило свое существованіе (1775 г.). Часть запорожцевъ ушла въ Турцію и приняла турецкое подданство; другая часть перешла на Кубань и составила такъ называемое войско Черноморскихъ казаковъ. Они потомъ оказали немалыя услуги русскому правительству въ борьбѣ съ кавказскими горцами и въ дѣлѣ покоренія Кавказа.

Присоединеніе Крыма и греческій проектъ. Независимость Крыма по Кучукъ Кайнарджійскому миру была чисто номинальной. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы держаться самостоятельно. Поэтому въ немъ немедленно образовались двѣ партіи — одна тянула попрежнему къ единовѣрной Турціи, другая стояла за соглашеніе съ Россіей, желая этимъ предотвратить неизбѣжное поглощеніе Крыма этимъ сильнымъ

сосѣдомъ. Борьба партій повела къ междоусобіямъ и постояннымъ смѣнамъ хановъ, выставлявшихся то русской, то турецкой партіей. Послѣдней помогали турецкіе муллы и эмиссары, появлявшіеся въ Крыму и возбуждавшіе населеніе противъ Россіи. Въ виду этого Екатерина, по совѣту Потемкина, получившаго въ эту пору преобладающее вліяніе при дворѣ, рѣшилась присоединить Крымъ къ Россіи, чтобы такимъ образомъ окончательно отнять у Турціи, пока она еще не оправилась отъ ударовъ во время послѣдней войны, возможность вести тамъ свои интриги и столкнуться на этомъ пути съ Россіей.

Чтобы обезопасить себя отъ всякихъ случайностей, Екатерина заключила союзъ съ Австріей, пообѣщавъ императору Іосифу II поддержать его притязанія на Баварію, которую онъ задумывалъ присоединить къ себѣ. При этомъ предъ императоромъ былъ развернутъ грандіозный планъ изгнанія турокъ изъ Европы съ раздѣломъ ея владѣній между христіанскими европейскими государствами, при чемъ Австріи, какъ ближайшей сосѣдкѣ Турціи, предоставлялась вмѣстѣ съ Россіей и наибольшая доля въ наслѣдствѣ послѣ нея.

Планы изгнанія турокъ изъ Европы составлялись давно уже и въ Западной Европѣ и у насъ. Особенность настоящаго плана заключалась въ предположенномъ по мысли Потемкина возстановленіи Византійской греческой имперіи. Въ случаѣ успѣшной борьбы съ Турціей имѣлось въ виду возстановить на развалинахъ мусульманскаго царства независимую греческую имперію съ столицей Константинополемъ (отсюда и самый планъ Потемкина получилъ названіе *греческаго проекта*). На престолъ новой Византіи предполагалось возвести (въ соотвѣтствіе съ старинными предсказаніями объ имени перваго императора Цареграда по сверженіи турецкаго ига) великаго князя Константина Павловича, второго сына Павла Петровича *), съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ всякихъ правъ на русскій престолъ и чтобы впослѣдствіи короны Россіи и Греціи никогда не соединялись въ рукахъ одного лица.

Заручившись содѣйствіемъ Австріи, Екатерина стала дѣйствовать рѣшительнѣе въ отношеніи къ крымцамъ и при первомъ же случаѣ народныхъ волненій на полуостровѣ, при чемъ былъ изгнанъ ставленникъ Россіи ханъ Шагинъ-Гирей, вмѣшалась въ дѣла Крыма. На просьбу Шагинъ-Гирея о высылкѣ войска для подавленія возстанія Екатерина

*) Константинъ Павловичъ род. въ 1779 г. Въ манифестѣ говорилось, что отъ новорожденнаго можно ожидать увеличенія славы и могущества Россіи; его именемъ и всей обстановкой намѣчалось его будущее призваніе, кормилицей его была гречанка, товарищами его были мальчики изъ греческихъ семей, проживавшихъ въ Петербургѣ; съ раннихъ лѣтъ онъ уже усвоилъ себѣ греческій языкъ.

отвѣчала согласіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложила хану, ради собственнаго спокойствія, отказаться отъ престола и жить въ Россіи, получая пенсію. Ханъ волей-неволей выпужденъ былъ согласиться на это *), и Крымъ объявленъ былъ присоединеннымъ къ Россіи (1783 г.) съ древне-греческимъ названіемъ Тавриды. Турція, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, признала это присоединеніе.

Намѣстникомъ всѣхъ завоеванныхъ у Турціи областей (Новороссія) назначенъ былъ Потемкинъ, который дѣятельно принялся за устройство и заселеніе поваго края, призывалъ сюда нѣмецкихъ колонистовъ и раскольниковъ, давая разныя льготы тѣмъ и другимъ, покровительствовалъ армянамъ и грекамъ, ласкалъ татаръ, удерживалъ ихъ отъ переселенія въ Турцію и пр., строилъ города (Херсонъ, Николаевъ, Екатеринославъ), разводилъ лѣса и виноградники, фруктовые сады и шелковыя плантаціи (при помощи выписанныхъ изъ Италіи и Франціи садоводовъ и шелководовъ). Въ Николаевѣ и Херсонѣ сооружены были верфи и началась усиленная постройка кораблей. Въ короткое время созданъ былъ черноморскій флотъ, для котораго найдена была превосходная гавань въ бухтѣ Ахтіанъ съ небольшимъ городкомъ того же имени, переименованнымъ въ Севастополь.

Путешествіе Екатерины въ Крымъ. Благодаря энергичной дѣятельности Потемкина пустынныя дотолѣ степи южнаго края оживились и заселились, началось земледѣліе, стали развиваться промыслы, торговля и пр. въ 1787 г., т. е. черезъ четыре года по присоединеніи Крыма, Потемкинъ пригласилъ Екатерину взглянуть на это недоступное прежде гнѣздо разбойниковъ и на свое дѣтище — Новороссію. Императрица отправилась въ путешествіе съ большой свитой, въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ **) и придворныхъ. Всюду на пути устраивались дворянствомъ торжественныя встрѣчи, балы, иллюминаціи и пр. Массы народа сходились со всѣхъ сторонъ на пути, чтобы привѣтствовать государыню и посмотрѣть блестящій придворный поѣздъ, состоявшій изъ двухсотъ слишкомъ экипажей.

Въ Каневѣ привѣтствовалъ Екатерину польскій король Станиславъ Понятовскій; недалеко отъ Херсона встрѣтился съ нею императоръ Іосифъ II, пріѣхавшій сюда, по приглашенію императрицы, чтобы личнымъ свиданіемъ закрѣпить заключенный съ нею союзъ. Вся обстановка путешествія, устроенная Потемкинымъ, отличалась театральнымъ характеромъ. Такъ, напр., когда императрица изъ Кіева плыла по Днѣпру на богато украшенныхъ галерахъ, то на берегахъ виднѣлись красивыя

*) Шагинъ-Гирей жилъ сначала въ Воронежѣ, потомъ переведенъ въ Калугу, оттуда впослѣдствіи отпросился въ Турцію, гдѣ и былъ убитъ на о. Родосѣ.

**) Въ числѣ пословъ были, между прочимъ, послы французскій—графъ Сегюръ и австрійскій—принцъ де-Линь, которые потомъ и описали это знаменитое путешествіе въ своихъ мемуарахъ.

села (съ домами, наскоро сколоченными изъ досокъ), хороводы и ликующія толпы народа въ праздничныхъ нарядахъ (собранныя изъ далекихъ мѣстъ) и пр. Въ Херсонѣ наскоро устроенъ былъ обширный базаръ съ массой товаровъ (привезенныхъ по приказу Потемкина изъ Москвы и Кіева). Но были и не театральные эффекты, сильно поразившіе иностранныхъ гостей. Въ Херсонѣ въ присутствіи Екатерины спущены были на воду два большихъ военныхъ корабля и одинъ фрегатъ; въ Севастополѣ императрицу привѣтствовалъ залпами изъ своихъ орудій черноморскій флотъ, состоявшій изъ двадцати-пяти судовъ, снаряженныхъ въ два года. На обратномъ пути Потемкинъ устроилъ подъ Полтавой маневры 50-тысячнаго отборнаго войска, изображавшія знаменитую Полтавскую битву Петра I. Императрица была въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и наградила своего любимца титуломъ князя Таврическаго*). Иностранцевъ особенно поразила быстро созданная на Черномъ морѣ морская сила, въ которой видѣли прямую угрозу Константинополю, куда русскій флотъ могъ приплыть отъ Севастополя черезъ два-три дня. Немедленно же послѣ этого путешествія начались усиленныя интриги западныхъ державъ въ Турціи, которой со всѣхъ сторонъ разъясняли всю опасность положенія, подталкивая ее на войну съ Россіей, пока послѣдняя не усилилась еще болѣе.

Вторая турецкая война (1787—1791 г.). Чувствуя свою слабость и неподготовленность къ войнѣ, Турція согласилась признать присоединеніе Крыма къ Россіи, но не оставляла мысли воротить утраченное достояніе. Необычайно быстрый ростъ русскаго черноморскаго флота побудилъ султана поторопиться съ объявленіемъ войны Россіи. Особенно сильно подстрекала его на это Англія, которой было крайне непріятно усиленіе морского могущества Россіи. О томъ же старалась и Пруссія, недовольная союзомъ Россіи съ Австріей. Въ свою очередь шведскій король (Густавъ III) задумалъ воспользоваться обстоятельствами и воротить Финляндію и также принялъ враждебное положеніе по отношенію къ Россіи; зашевелились и поляки. Только императоръ Іосифъ II остался вѣрнымъ союзникомъ Россіи и направилъ часть своихъ войскъ на соединеніе съ русской дунайской арміей. Положеніе Россіи было такимъ образомъ не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, что на южномъ театрѣ войны и мы были недостаточно подготовлены къ открытію военныхъ дѣйствій: матросы черноморскаго флота еще не успѣли какъ слѣдуетъ обучиться своему дѣлу, наскоро построенные корабли не отличались прочностью, вновь заготовленная артиллерія была въ неудовлетворительномъ состояніи. Екатерина сильно безпокоилась, тѣмъ болѣе, что и Потемкинъ, близко зная дѣйствительное

---

*) На расходы по пріему, празднества и увеселенія во время путешествія Потемкинъ истратилъ до 10 милліоновъ рублей (до 100 мил. на наши деньги).

положеніе дѣлъ, не особенно обнадеживалъ ее успѣхомъ. Военныя дѣйствія начались на морѣ и крупной неудачей для русскаго флота. Послѣдній неосторожно и не вовремя вышелъ въ открытое море, направляясь къ берегамъ Турціи, и попалъ подъ жестокій штормъ. Нѣкоторые корабли были разбиты бурей и потоплены, одинъ фрегатъ безъ мачтъ и руля унесло къ Константинополю, гдѣ его и захватили турки; большая часть остальныхъ судовъ сильно пострадали, потерявъ мачты, и пр. Потемкинъ упалъ духомъ, хотѣлъ даже вывести войска изъ Крыма. Екатерина всячески ободряла его: „бодрый духъ и неудачу покрыть можетъ“, писала она и совѣтовала поскорѣе оборонительное положеніе перевести въ наступательное, ибо во время войны только при этомъ можетъ быть успѣхъ, и ни въ какомъ случаѣ не покидать Крыма („Кто сидитъ на конѣ, писала она, тотъ сойдетъ ли съ него, чтобы держаться за хвостъ?“). Бодрый духъ въ Потемкинѣ поддержалъ и подвигъ Суворова. Гарнизонъ турецкой крѣпости Очакова, запиравшей устье Днѣпра, переправившись черезъ днѣпровскій лиманъ, высадился у русскаго укрѣпленія *Кинбурнъ*, гдѣ находился Суворовъ. Отбивъ приступъ врага, Суворовъ по своему обычаю перешелъ въ наступленіе и на-голову разгромилъ турокъ, потерявшихъ при этомъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ободренный этихъ успѣхомъ Потемкинъ съ новой энергіей принялся за устройство флота, поправилъ попорченные корабли, построилъ нѣсколько новыхъ и въ слѣдующемъ году русскіе перешли уже въ наступленіе и на морѣ и на сушѣ. 80-тисячная русская армія осадила *Очаковъ* и послѣ жестокаго кровопролитнаго штурма крѣпость была взята.

Взятіе Очакова обезопасило тылъ русской арміи, и дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій сосредоточился въ придунайскихъ областяхъ. Начальство здѣсь предоставлено было Суворову *), который и былъ истиннымъ героемъ 2-й турецкой войны. Имѣя въ своемъ распоряженіи сравнительно небольшую, но замѣчательно хорошо организованную имъ армію, которую онъ всегда воодушевлялъ своимъ личнымъ примѣромъ, Суворовъ одержалъ двѣ крупныхъ побѣды: при *Фокшанахъ* (въ Валахіи) и на р. *Рымникѣ* (притокъ Серета) надъ значительно превосходившими его численностію турецкими солдатами. При Рымникѣ вся артиллерія и обозъ турокъ достались русскимъ; противникъ бѣжалъ въ паническомъ страхѣ передъ быстрымъ и стремительнымъ на-

---

*) Раньше здѣсь стоялъ съ 37-тыс. арміей Румянцевъ, но обиженный тѣмъ, что въ началѣ войны главное начальство надъ всѣми военными операціями предоставлено было не ему, а Потемкину, дѣйствовалъ вяло и, наконецъ, ссылаясь на болѣзнь и старость, совсѣмъ вышелъ въ отставку.

тискомъ суворовскихъ солдатъ. За послѣднюю побѣду Суворовъ получилъ отъ Екатерины титулъ графа Рымникскаго. Но самымъ блистательнымъ подвигомъ Суворова было взятіе *Измаила*, крѣпости, считавшейся неприступной и вооруженной сильнѣйшей артиллеріей.—„Скорѣе Дунай потечетъ вверхъ, чѣмъ русскіе возьмутъ Измаилъ“, говорили турки. Суворовъ опровергъ эту похвальбу мастерски устроеннымъ ночнымъ штурмомъ крѣпости, взятой послѣ жестокаго кровопролитія. „Слава Богу, слава вамъ, писалъ Суворовъ Екатеринѣ свою краткую реляцію: Туртукай (Измаилъ) взятъ и я тамъ“. Слава Суворова, какъ одного изъ величайшихъ, и притомъ непобѣдимыхъ полководцевъ, гремѣла по всей Европѣ. Турки были въ великомъ страхѣ, опасаясь движенія русскихъ войскъ на Константинополь, тѣмъ болѣе, что и русскій черноморскій флотъ послѣ ряда удачныхъ столкновеній съ турецкой эскадрой очистилъ совершенно Черное море отъ непріятельскихъ судовъ и тоже направлялся къ Константинополю.

Смерть Іосифа II, вѣрнаго друга и союзника Екатерины, и дипломатическое вмѣшательство Англіи и Пруссіи измѣнили положеніе дѣлъ. Преемникъ Іосифа (императоръ Леопольдъ), не желая содѣйствовать усиленію Россіи на счетъ Турціи, немедленно по вступленіи на престолъ отозвалъ свои войска и заключилъ съ Турціей миръ. Послѣ этого на просьбу турокъ о мирѣ отвѣтила согласіемъ и Екатерина. Мечты о Константинополѣ и основаніи Византійской имперіи на развалинахъ Турціи, снова пробудившіяся послѣ блистательныхъ побѣдъ Суворова, пришлось отложить. Какъ ни успѣшно шла въ послѣднее время война, но она сильно истощила Россію вслѣдствіе большихъ потерь и деньгами, и людьми. Начинать же новую борьбу изъ-за Турціи съ сосѣдями, не имѣя союзниковъ, было рисковано. Миръ былъ заключенъ въ *Яссахъ* (въ декабрѣ 1791 г.). Турція окончательно признала права Россіи на Крымъ и уступила ей земли между Бугомъ и Днѣпромъ съ г. Очаковымъ.

Потемкинъ не дожилъ до окончанія войны. Его скосила жестокая лихорадка, которую онъ захватилъ во время пребыванія на югѣ. Полномочный властелинъ Россіи скончался на пути изъ Яссъ въ Николаевъ, въ степи, подъ открытымъ небомъ, окруженный лишь нѣсколькими близкими къ нему людьми.

Война съ Швеціей (1788—1790). Во время 2-й войны съ Турціей Россіи пришлось выдержать войну съ Швеціей, оставшуюся безъ послѣдствій, но богатую любопытными эпизодами.

Послѣ кончины Карла XII королевская власть въ Швеціи сильно упала и находилась въ полной зависимости отъ дворянства страны.

Преслѣдуя личные своекорыстные интересы, депутаты шведскихъ сеймовъ, не менѣе польскихъ, оказывались доступны подкупамъ иностранныхъ державъ. При помощи ихъ Франція и Россія постоянно боролись за вліяніе на шведскія дѣла. Франція стремилась усилить власть короля, чтобы имѣть въ его лицѣ себѣ союзника для давленія на Россію въ случаѣ надобности. Россія поддерживала дворянство, желавшее мирныхъ отношеній къ могущественному сѣверному сосѣду. Съ помощью французскихъ субсидій король Густавъ III совершилъ переворотъ во внутреннемъ управленіи страны, ограничивъ власть дворянства; съ помощью той же Франціи онъ привелъ въ надлежащее состояніе флотъ и армію своего королевства. Честолюбіе и желаніе военными подвигами укрѣпить свою власть подстрекнули его къ борьбѣ съ Россіей въ наиболѣе неудобную для послѣдней пору—во время 2-й турецкой войны, когда русскія военныя силы стянуты были на югѣ. Вопреки конституціи, онъ объявилъ войну безъ соглашенія съ государственными чинами и настолько былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что, отправляясь въ походъ, приглашалъ придворныхъ дамъ на пиръ въ Петергофъ и разсчитывалъ не только вернуть себѣ Финляндію, но и прихватить Лифляндію и Эстляндію. „Еслибъ шведскій король внезапно завладѣлъ Петербургомъ и захватилъ даже Москву, сказала по поводу его плановъ Екатерина, я и тогда показала бы ему, что можетъ сдѣлать во главѣ храбраго и покорнаго народа женщина съ сильнымъ характеромъ, стоя на развалинахъ великаго государства“. Такъ далеко дѣло, разумѣется, не могло зайти, хотя былъ моментъ, когда казалось, что и Петербургу грозитъ опасность. Подъ Петербургомъ войскъ у русскихъ было немного, да и тѣ должны были защищать столицу со стороны Финляндіи, куда были двинуты шведскія силы. У шведовъ существовалъ планъ притянуть русскія войска въ Финляндію, внезапно сдѣлать десантъ въ Финскомъ заливѣ подъ Петербургомъ и занять столицу. Шведскому флоту, однако, не удалось тайкомъ пробраться къ Петербургу и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ и неудачныхъ столкновеній (въ 1788 и 1789 гг.) съ эскадрами русскихъ судовъ (которыми командовали разновременно Грейгъ, Чичаговъ, принцъ Нассау-Зигенъ) онъ былъ оттѣсненъ (въ 1790 г.) въ выборгскую бухту и тамъ окруженъ русскими судами. Положеніе шведовъ и самого Густава, находившагося при флотѣ, неожиданно сдѣлалось крайне опаснымъ, и лишь съ большими потерями въ людяхъ и судахъ удалось ему пробиться сквозь густой строй русскихъ военныхъ кораблей. При новомъ столкновеніи на морѣ вслѣдъ за этимъ перевѣсъ, однако, остался за шведами. Густавъ очень радъ былъ этой удачѣ, но не для продолженія войны, а для заключенія почетнаго для обѣихъ сторонъ мира. Денежныя средства для веденія войны истощились; кромѣ того, онъ боялся вновь ввѣрить свою судьбу случайностямъ морскихъ битвъ, тѣмъ болѣе, что на сушѣ еще до этого произошло обстоятельство, которое подѣйствовало на него крайне удручающимъ образомъ и наглядно показало ему всю тщету его широкихъ плановъ. Шведскіе дворяне-офицеры протестовали противъ войны, начатой безъ согласія сейма, и возбудили недовольство въ самомъ войскѣ, которое стояло въ Финляндіи

и терпѣло не мало лишеній. Дошло разъ до того, что отъ лица войскъ отправлена была въ Петербургъ особая депутація съ заявленіемъ, что война начата королемъ вопреки желанію народа, который стремится къ миру и не расположенъ сражаться съ русскими. Удивляясь такому „измѣнничеству“ шведскихъ офицеровъ и дворянъ, Екатерина не воспользовалась ихъ предложеніемъ, опасаясь, что сближеніе съ ними только пробудитъ патріотическое чувство въ народѣ и сблизитъ его съ королемъ. Она разсчитывала, что нравственное разложеніе шведской арміи пойдетъ сильнѣе, если ее предоставить самой себѣ и вліянію такихъ офицеровъ, въ чемъ и не ошиблась. Борьба на сушѣ, которая одна могла имѣть значеніе, шла вяло. Немногочисленныя русскія войска не углублялись въ Финляндію, шведы не рѣшались на наступленіе, мечтая только о мирѣ, который наконецъ и былъ заключенъ въ *Верельской долинѣ* на берегахъ р. Кюмени (въ августѣ 1790 г.). Оба государства остались при прежнихъ границахъ; но Густавъ обязался не оказывать впредь содѣйствія Турціи въ ея борьбѣ съ Россіей.

Персидская война. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II (1796 г.) возникла война съ Персіей изъ-за Грузіи. Еще въ 1783 г. грузинскій царь Ираклій, тѣснимый персами, отдался подъ покровительство единовѣрной Россіи. Прошло 12 лѣтъ, и персы вновь попытались подчинить себѣ Грузію, вторглись въ нее и страшно опустошили страну. Екатерина послала на помощь 30-ти-тысячную армію (подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова), при чемъ имѣлось въ виду утвердиться на Каспійскомъ побережьи, чтобы впредь не только при помощи арміи, но и флота, держать въ своихъ рукахъ прикавказскія страны. Война началась очень успѣшно, но смерть Екатерины пріостановила эту вторичную послѣ Петра I попытку утвердиться на Кавказѣ. Преемникъ Екатерины Павелъ I отозвалъ свои войска изъ Прикавказья.

Возвращеніе западно-русскихъ областей и паденіе Польши.

Въ царствованіе Екатерины II окончился старинный споръ о преобладаніи двухъ важнѣйшихъ вѣтвей славянскаго племени — Россіи и Польши. Когда-то, въ началѣ XVII в., Польша совмѣстно съ Швеціей мечтала о раздѣлѣ Московскаго государства. Столѣтіемъ позже Россія отняла Прибалтійскій край у Швеціи, превративъ ее во второстепенное государство. Спустя еще полвѣка, отъ Польши были отобраны захваченныя ею старорусскія земли и сама Польша прекратила свое существованіе. Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Польши Екатерина руководствовалась исключительно интересами Россіи, дѣйствовала увѣренно и смѣло и безъ всякаго стѣсненія, пуская въ ходъ большею частью дипломатическое давленіе, а иногда и военныя демонстраціи. По общимъ отзывамъ современниковъ, Польша и сама рыла себѣ яму: внутренній строй и порядки этого государства представляли всѣ условія для превращенія его въ добычу сосѣдей.

Внутреннее состояніе Польши. По внѣшнему виду и положенію Польша въ XVIII в. представляла собой могущественное государство,

съ 15-милліоннымъ населеніемъ, раскинутымъ на большомъ пространствѣ — отъ Карпатъ до Балтики и отъ Днѣпра до Одера. Но его сила давно уже подточена была внутренней немощью, зависѣвшей отъ разрозненности состава населенія, отъ племенной и религіозной розни въ немъ и еще болѣе отъ непорядковъ управленія съ преобладаніемъ шляхетства и безправіемъ другихъ классовъ населенія. Въ составъ Польши, кромѣ основного ядра ея—поляковъ, входила Литва, еще не утратившая своихъ національныхъ особенностей, подвассальная Курляндія, съ нѣмецкимъ населеніемъ, и рядъ русскихъ земель (Бѣлоруссія, Украйна, Волынь, Подолія и Галиція). Къ племенной и культурной розни между этими частями Польскаго королевства примѣшивалась еще рознь религіозная. Въ Польшѣ жили послѣдователи трехъ вѣроисповѣданій—католическаго, протестантскаго и православнаго. Первое господствовало и давило послѣднія, но не могло ихъ уничтожить. Помимо внутренней, вѣками усвоенной стойкости, всѣ разномыслящіе или такъ называемые *диссиденты*—православные и протестанты—имѣли себѣ опору въ сосѣднихъ земляхъ—у Россіи и Пруссіи. Пестрый и разнохарактерный составъ населенія можно было бы, однако, соединить, при извѣстной долѣ благоразумной терпимости, въ одно цѣлое сильной государственной властью. Но такой власти въ Польшѣ не было еще съ половины XVI вѣка, т. е. со временъ Люблинскаго сейма (въ 1569 г.), который ко вреду Польши установилъ въ ней избирательное престолонаслѣдіе, при чемъ власть передана была сейму, составлявшемуся только изъ дворянъ (шляхты) и высшаго духовенства (остальная масса населенія, и не только поселяне, но и горожане лишены были участія въ управленіи государствомъ). Страною заправляла шляхта, присвоившая себѣ всѣ права и привилегіи. Но и въ ея средѣ главную роль играли такъ называемые магнаты—представители наиболѣе знатныхъ и богатыхъ фамилій. Около нихъ ютилась, на ихъ счетъ жила масса мелкихъ шляхтичей, которые и составляли на сеймахъ партіи при каждомъ магнатѣ, подавая голоса по его приказу. Такимъ образомъ на сеймахъ шла борьба собственно между магнатами, и всѣ дѣла рѣшались по ихъ соглашенію. Король былъ игрушкой въ ихъ рукахъ и ничего важнаго не могъ предпринять безъ ихъ согласія; изданіе новыхъ законовъ, назначеніе новыхъ податей, объявленіе войны и мира и т. д. зависѣло всецѣло отъ сейма. Польша была поэтому въ сущности аристократической республикой (такъ и звалась она „Рѣчь Посполитая“,—польскій переводъ слова respublica), а король чѣмъ-то въ родѣ ея почетнаго, но безвольнаго и безправнаго президента. Въ довершеніе всего, дѣла на сеймѣ должны были рѣшаться единогласно, и если хоть одинъ

шляхтичъ произносилъ „не позволямъ“ (не позволяю)—рѣшеніе сейма отмѣнялось. Это право налагать запретъ на рѣшенія сейма („срывать сеймъ“), предоставлявшееся каждому шляхтичу (liberum veto—запретъ свободныхъ) дѣлало по большей части безцѣльной работы сеймовъ. Часто магнаты изъ личныхъ цѣлей, или иностранныя державы изъ своихъ интересовъ, подкупали того или другого шляхтича, и онъ „срывалъ“ неугодное имъ рѣшеніе сейма. Это вело къ постояннымъ безпорядкамъ, но шляхта не соглашалась отказаться отъ этого въ сущности нелѣпаго обычая, опасаясь, что въ такомъ случаѣ магнаты возьмутъ уже полное и никѣмъ нестѣсняемое засилье; она называла это право „зеницею польской вольности“ и горделиво заявляла, что „Польша живетъ безпорядкомъ“.

Печальныя послѣдствія всего этого рельефнѣе обнаруживались при избраніи новаго короля. Со всѣхъ сторонъ являлись тогда кандидаты на польскій престолъ, чаще всего выставлявшіеся иностранными державами, желавшими имѣть вліяніе на польскія дѣла. Деньги на подкупъ депутатовъ сейма сыпались при этомъ безъ счета, и польская корона въ концѣ-концовъ оказывалась въ рукахъ не наиболѣе достойнаго, но наиболѣе богатаго лица, искавшаго почета, или ставленника какого-либо сосѣдняго государства.

Другой особенностью внутренняго устройства Польскаго государства, доводившей страну до кровавыхъ междоусобицъ, было „право конфедерацій“. Недовольные польскимъ правительствомъ граждане могли составлять особые чрезвычайные союзы (конфедераціи), чтобы силою оружія добиваться осуществленія своихъ правъ. Опять-таки это право съ одной стороны обезсиливало польское правительство, а съ другой давало возможность иностраннымъ государствамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши, составляя тѣмъ или инымъ способомъ удобныя для себя конфедераціи для борьбы съ рѣшеніями сейма и распоряженіями королей.

Благодаря исключительнымъ полномочіямъ въ управленіи государствомъ, шляхта добилась почти полной независимости въ своемъ помѣстномъ землевладѣніи, имѣла право суда и расправы надъ своими крестьянами. Каждый шляхтичъ былъ своего рода маленькимъ царькомъ въ своемъ имѣніи. При тогдашней грубости нравовъ это вело къ нескончаемымъ распрямъ и ссорамъ между сосѣдями. Особенно отличались этимъ крупные польскіе помѣщики-магнаты. Они вели часто другъ съ другомъ своего рода войны, нападая съ толпой своихъ „придворныхъ“ на сосѣдей и разоряя ихъ имѣнія. Въ эпохи междуцарствія—при выборѣ новаго короля—эти усобицы особенно умножа-

лись, вся страна раздѣлялась тогда на враждующіе другъ съ другомъ лагери крупныхъ магнатовъ. Всего тяжелѣе при этихъ столкновеніяхъ доставалось крестьянамъ, которые жили очень бѣдно и находились въ полномъ подчиненіи у своихъ помѣщиковъ. Особенно горько было положеніе православныхъ, которымъ, кромѣ помѣщичьяго гнета, приходилось еще терпѣть гоненія за вѣру.

Со временъ Петра I, когда въ Польшѣ утвердилось политическое вліяніе Россіи, православное населеніе Польши стало обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія поляковъ и съ просьбой о защитѣ. Русскіе послы въ Варшавѣ неоднократно дѣлали польскимъ королямъ представленія въ пользу православныхъ, но короли сами по себѣ безсильны были предпринять что-либо на защиту православныхъ, а сеймъ уклонялся подъ разными предлогами отъ исполненія королевскихъ приказовъ. Послѣ вступленія на престолъ Екатерины II, къ ней пріѣхалъ съ жалобой на преслѣдованія православныхъ въ Польшѣ убѣжденный и краснорѣчивый защитникъ русскаго населенія, бѣлорусскій епископъ *Георгій Конисскій*. Екатерина рѣшилась энергически выступить на защиту православныхъ. Этимъ новая государыня пріобрѣла популярность въ русскомъ обществѣ. А чтобы и въ глазахъ Европы оправдать свое вмѣшательство въ дѣла другого государства, она поставила вопросъ шире—стала защищать права всѣхъ диссидентовъ, т. е. не только православныхъ, но и протестантовъ, являясь такимъ образомъ представительницей религіозной терпимости въ борьбѣ противъ фанатизма католической церкви.

Диссидентскій вопросъ. Воспользовавшись смертію польскаго короля Августа III (1763 г.), Екатерина, по соглашенію съ Фридрихомъ II, подъ угрозою введенія русскихъ войскъ въ Польшу, заставила сеймъ избрать королемъ польскаго графа Станислава Понятовскаго, котораго близко знала еще великой княгиней, когда Понятовскій находился въ Петербургѣ въ составѣ англійскаго посольства. Добившись назначенія на польскій престолъ своего избранника, Екатерина подняла вопросъ объ уравненіи правъ диссидентовъ съ католиками, требуя предоставленія представителямъ православныхъ и протестантовъ мѣстъ въ сенатѣ и сеймѣ, отмѣны поборовъ въ пользу католическаго духовенства, отмѣны всѣхъ стѣсненій въ публичномъ отправленіи обрядовъ и пр. Когда русскій посланникъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, сдѣлалъ о томъ представленіе на сеймѣ, шляхтичи пришли въ сильное негодованіе и едва не изрубили одного изъ депутатовъ, осмѣлившагося говорить о равноправіи диссидентовъ. Тогда Репнинъ, по приказу императрицы, организовалъ двѣ диссидентскія конфедераціи: православную (въ Слуцкѣ) и

протестантскую (въ Торнѣ), для активной борьбы съ сеймомъ. Когда же и это не подѣйствовало, и сеймъ продолжалъ противиться принятію русскихъ предложеній, Репнинъ самъ явился въ одно изъ засѣданій. Его встрѣтили взрывомъ криковъ, угрозъ, клятвъ умереть за вѣру. „Перестаньте кричать! громко заявилъ Репнинъ: а будете шумѣть, я самъ шумъ заведу, и мой шумъ будетъ посильнѣе вашего!“ Крики на мгновеніе смолкли. Тогда Репнинъ объяснилъ, что никто не посягаетъ на католическую религію, но нельзя же католикамъ, соблюдая свои права, нарушать права другихъ. Сеймъ, однако, не проникся доводами Репнина; тогда послѣдній, опираясь на русскія войска, введенныя въ Варшаву, и угрожая прибавить къ нимъ новыя военныя силы, потребовалъ отъ короля приказа объ арестѣ наиболѣе смѣлыхъ и энергическихъ представителей католической партіи (епископовъ Солтыка и Залусскаго и двухъ графовъ Ржевусскихъ); приказъ былъ немедленно выполненъ русскими офицерами. Сеймъ послѣ этого притихъ и безпрекословно согласился издать распоряженіе о прекращеніи преслѣдованій диссидентовъ и возвращеніи имъ свободы исполненія своихъ обрядовъ. Диссиденты были уравнены во всѣхъ политическихъ правахъ, съ одной оговоркой, что королемъ польскимъ можетъ быть только католикъ и что католическое исповѣданіе считается господствующимъ въ Польшѣ. Въ этомъ смыслѣ и заключенъ былъ Польшей особый трактатъ съ Россіей, причемъ послѣдняя принимала на себя наблюденіе за охраной существующаго въ Польшѣ государственнаго порядка, не допуская въ немъ никакихъ измѣненій (1768 г.). Трактатъ этотъ ставилъ польское правительство въ зависимость отъ Екатерины, а русское населеніе, т. е. почти половину всей Польши, заставилъ смотрѣть на императрицу, какъ на свою единственную защитницу.

Довольный достигнутыми результатами, Репнинъ распустилъ диссидентскія конфедераціи и вывелъ войска изъ Варшавы, чтобы видомъ ихъ не раздражать побѣжденныхъ.

Барская конфедерація и первый раздѣлъ Польши. Вынужденное силой постановленіе сейма о равноправіи диссидентовъ, въ большинствѣ случаевъ, не исполнялось католиками-поляками, находившимися подъ вліяніемъ ксендзовъ, и вызвало, напротивъ, во многихъ мѣстахъ усиленное преслѣдованіе православныхъ со стороны пановъ. Часть шляхты составила даже въ м. Барѣ (въ Подоліи) конфедерацію съ цѣлью добиться совершенной отмѣны трактата 1768 г. Предводители конфедератовъ (Красинскій и Пулавскій) издали воззваніе „ко всему народу польскому“, въ которомъ выражали рѣзкій протестъ противъ слабости сейма и малодушія короля, противъ покро-

вительства Россіи и призывали поляковъ къ оружію во имя вѣры и свободы отечества. Воззваніе это въ нѣсколько дней облетѣло всю Польшу. Во многихъ мѣстахъ образовались шайки конфедератовъ, по преимуществу изъ мелкихъ шляхтичей, пустившихъ въ ходъ грабежи, поджоги и убійства по отношенію къ православному населенію. Звѣрства ихъ доходили до того, что однажды они сожгли нѣсколько человѣкъ живьемъ. Насилія конфедератовъ вызвали страшный взрывъ народнаго негодованія въ принадлежавшей Польшѣ заднѣпровской Украйнѣ. Отряды гайдамакъ, соединившись съ запорожцами, принялись въ свою очередь избивать ксендзовъ, шляхтичей и евреевъ, разорять и сожигать замки помѣщиковъ и т. д.

Предводителемъ ихъ явился смѣлый и отчаянный казакъ-запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ, провозглашенный украинскимъ гетманомъ. Самымъ ужаснымъ дѣломъ этого возстанія была такъ называемая „*Уманьская рѣзня*“. Городъ Умань принадлежалъ графу Потоцкому, который содержалъ здѣсь нѣсколько тысячъ казаковъ для защиты своихъ владѣній. При появленіи Желѣзняка эти казаки подъ предводительствомъ своего сотника Гонты перешли на сторону гайдамакъ и вмѣстѣ съ ними вырѣзали всѣхъ жителей города, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. Возстаніе послѣ этого разлилось по всей Подоліи и Кіевской области, особенно когда распространился всюду подложный манифестъ Екатерины, призывающій народъ истреблять ксендзовъ и шляхту; возстаніе это извѣстно подъ названіемъ *Коліивщины* или паливщины (отъ полковника Палѣя, извѣстнаго ненавистника поляковъ временъ Петра I).

Польскій король очутился между двухъ огней—съ одной стороны грозила Барская конфедерація, съ другой украинскіе гайдамаки. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ рѣшился обратиться къ Екатеринѣ съ просьбой о присылкѣ русскихъ войскъ для защиты. Въ силу трактата 1768 г. императрица исполнила просьбу. Съ гайдамаками и возставшими крестьянами, шайки которыхъ сосредоточены были въ опредѣленной мѣстности и вовсе не желали бороться противъ русскихъ, справиться было легко. Отряды русскихъ войскъ быстро заставили ихъ положить оружіе и выдать главарей движенія *). Труднѣе было истребить шайки конфедератовъ, разсѣявшихся по всей странѣ и получавшихъ помощь деньгами и людьми отъ Франціи и Турціи (въ эту пору началась 1-я турецкая война).

Шайки конфедератовъ дошли въ это время до полной распущенности; они грабили и своихъ и чужихъ, и католиковъ и диссидентовъ,

---

*) Максима Желѣзняка, какъ русскаго подданнаго, отправили въ Россію и приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь; Гонту выдали полякамъ, тѣ казнили его ужасною смертью (съ живого содрали кожу и мучили цѣлыхъ двѣ недѣли); сверхъ того, послѣ страшныхъ пытокъ казнили до 400 человѣкъ его сообщниковъ.

и въ случаѣ преслѣдованія убѣгали въ сосѣднія страны—Венгрію или Силезію. Одинъ изъ французскихъ офицеровъ (Дюмурье), тайно посланный правительствомъ Людовика XV на помощь конфедератамъ, пришелъ въ ужасъ отъ безпорядковъ, царившихъ въ ихъ „главномъ" лагерѣ. „Предводители конфедераціи, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, жили съ изумительной роскошью, дѣлали безумныя издержки, проводили время въ пирахъ, игрѣ въ карты и танцахъ. Глава всего дѣла Пулавскій былъ полнымъ невѣждой въ военномъ искусствѣ, хотя и считалъ себя великимъ полководцемъ. Войско конфедератовъ было въ самомъ печальномъ положеніи. Главныя силы его простирались до 17 тысячъ, подъ начальствомъ десятка независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою, не довѣрявшихъ другъ другу, иногда вступавшихъ въ междоусобныя битвы. Все это войско было конное; оно состояло изъ шляхтичей, которые, считая себя равными, не хотѣли никого слушаться,—отсюда отсутствіе всякой дисциплины. Дурно вооруженные, имѣвшіе дурныхъ лошадей, конфедераты не могли съ успѣхомъ противиться регулярнымъ русскимъ войскамъ, не могли равняться даже съ казаками. У конфедераціи не было ни крѣпостей и ни одного человѣка пѣхоты. Шляхтичи не хотѣли держать карауловъ и посылали для этого крестьянъ, а сами гуляли и пили". При такихъ условіяхъ неудивительно, что французскому двору, несмотря на всѣ усилія, не удалось организовать среди поляковъ серьезнаго сопротивленія русскимъ войскамъ, тѣмъ болѣе, что народная масса не только въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, но и въ самой Польшѣ оставалась совершенно равнодушной къ оборонѣ своего отечества. Законами и обычаями это почетное дѣло возлагалось на одну шляхту, а шляхетское сословіе было и слишкомъ малочисленно и слишкомъ мало приспособлено по своимъ понятіямъ и по своему образу жизни къ трудамъ боевой жизни и воинской дисциплины.".

Русскіе отряды довольно долго гонялись за конфедератами, не имѣя возможности нанести имъ рѣшительный ударъ, пока не прибылъ Суворовъ, который измѣнилъ тактику борьбы. Чрезвычайно быстрыми маршами онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, появляясь неожиданно вездѣ, гдѣ только оказывалось скопленіе конфедератовъ, и разсѣивалъ ихъ однимъ ударомъ и наконецъ занятіемъ Кракова, гдѣ сосредоточились главныя силы конфедератовъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе, послѣ чего Барская конфедерація распалась.

Пока русскія войска усмиряли гайдамакъ и конфедератовъ, польское правительство вело себя очень двусмысленно и не только ничего не дѣлало для успокоенія Польши, но даже задумало отказаться отъ исполненія трактата 1768 г., пользуясь тѣмъ, что Россія занята была турецкой войной. Желая успокоить поляковъ, Екатерина соглашалась на пересмотръ трактата 1768 г., отозвала изъ Варшавы Репнина, на суровость и самовластіе котораго поляки постоянно жаловались, и по-

слала туда лицъ съ болѣе мягкимъ и предупредительнымъ образомъ дѣйствій. Но эту уступчивость поляки приняли за слабость и повели себя еще болѣе непримиримо, въ надеждѣ, что турецкая война заставитъ Россію совсѣмъ отказаться отъ защиты православныхъ и вмѣшательства въ дѣла Польши. Политическіе дѣятели этой страны совсѣмъ не понимали своего положенія. Они полагали, что сила Польши заключается не въ единодушіи сословій и союзѣ народа съ правительствомъ, но въ международномъ положеніи. Имъ казалось, что независимое существованіе Польши необходимо для блага Европы, что не ея граждане, а правительства всей Европы обязаны ее защищать. Въ этомъ смыслѣ вели переговоры съ Франціей и Австріей не только приближенные короля Станислава Понятовскаго, но и его противники, главари конфедератовъ (епископъ Красинскій и др.). Горькая дѣйствительность быстро разбила эти наивныя мечты и надежды. Далекая Франція могла помочь только деньгами и дипломатическимъ вліяніемъ, но не присылала войскъ на помощь. Ближайшіе же сосѣди, Австрія и Пруссія, наоборотъ, сами поспѣшили воспользоваться очевидной для всѣхъ слабостью Польши. Какъ только обозначился успѣхъ Россіи въ борьбѣ съ Турціей, обѣ эти державы ввели свои войска въ предѣлы Польши, чтобы парализовать этимъ усиленіе вліянія Россіи на Рѣчь Посполитую. Австрія заняла Галицію, подъ предлогомъ противодѣйствія шайкамъ конфедератовъ, Пруссія—Померанію и часть великой Польши подъ предлогомъ охраны своихъ владѣній отъ появившейся въ Польшѣ чумы. Фридриху II очень хотѣлось присоединить къ себѣ Померанію и близлежащія польскія земли, потому что онѣ врѣзывались клиномъ въ его владѣнія и дѣлили ихъ на двѣ не смыкавшіяся между собою части. Но „округлить“ такимъ путемъ свои владѣнія онъ могъ не иначе, какъ съ согласія Россіи, почему и употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить Екатерину на такой же захватъ. „Для Россіи все равно, писалъ король, откуда бы ни получить вознагражденіе за расходы турецкой войны; а такъ какъ эта война возникла изъ-за смутъ въ Польшѣ, то пусть Россія и беретъ себѣ вознагражденіе въ Польшѣ“. Австрія, въ свою очередь, возражала противъ отнятія Россіей какихъ либо земель у Турціи и даже грозила по этому поводу разрывомъ. Екатерина не очень расположена была нарушать права Польши относительно ея коренныхъ владѣній, она разсчитывала только съ теченіемъ времени отобрать отъ нея старинныя русскія области, а остальную Польшу превратить въ зависимое отъ Россіи государство. Ходъ дѣлъ показалъ однако, что безъ участія сосѣдей обойтись въ польскомъ вопросѣ невозможно; съ другой стороны, неурядицы въ Польшѣ, дѣлавшія ее

очагомъ опасныхъ и для сосѣдей волненій, заставляли принять сообща мѣры противъ этого. Въ концѣ всего Екатерина, послѣ довольно долгихъ переговоровъ, согласилась на *первый раздѣлъ Польши* (1773 г.), по которому Пруссія и Австрія оставили за собою занятыя уже ими земли, а Россія взяла свою старинную область—Бѣлоруссію, самую обширную, но и самую бѣдную изъ трехъ частей, доставшихся державамъ *). Фридрихъ очень удачно „округлилъ“ свои владѣнія; Австрія безъ всякаго права пріобрѣла плодородную Галицію, исконную русскую землю съ чисто русскимъ населеніемъ. Съ той поры и доселѣ эта область находится во владѣніи Австріи. Согласіе на выдѣленіе Галиціи въ пользу Австріи справедливо считали потомъ ошибкой русскаго правительства. Въ планы Екатерины впослѣдствіи входило, впрочемъ, присоединеніе Галиціи съ расширеніемъ въ обмѣнъ границъ Венгріи на счетъ Турціи, но осуществить это уже не удалось.

Польшу это событіе поразило какъ громомъ, но ея протесты, равно какъ и указанія, что раздѣлъ Польши есть бѣдствіе для всей Европы, остались безъ результатовъ, и волей-неволей пришлось примириться съ совершившимся фактомъ. Современники винили во всемъ Екатерину, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ тщательно скрывалъ свою иниціативу въ данномъ случаѣ.

Конституція 3-го мая и второй раздѣлъ Польши. Раздѣлъ Польши сильно затронулъ національное самолюбіе поляковъ, т. е. собственно шляхты: приниженная и обезличенная народная масса мало чувствовала униженіе родины. Въ средѣ этой шляхты имѣлись патріоты, которые ясно сознавали недостатки въ управленіи и соціальномъ строѣ Польши, приводившіе къ гибели это государство. Вдохновляясь принципами назрѣвавшей тогда во Франціи великой революціи, они съ жаромъ проповѣдывали „свободу и равенство“ всѣхъ

*) На долю Россіи пришлось 1800 кв. миль при 1.800.000 чел., Австріи и Пруссіи 2.200 кв. миль и 3.200.000 чел. населенія. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи, въ составѣ населенія которой была масса католиковъ, съ особой силой выдвинулся вопросъ объ отношеніяхъ русскаго правительства къ папѣ, главѣ католической церкви. Екатерина, по своимъ воззрѣніямъ всегда стоявшая за подчиненіе церкви государству, стремилась и здѣсь освободить католиковъ отъ непосредственнаго воздѣйствія Рима и вообще ослабить вліяніе папы. Въ этихъ видахъ она не разрѣшила объявить въ Бѣлоруссіи появившуюся въ самый годъ перваго раздѣла Польши папскую буллу объ уничтоженіи ордена іезуитовъ (1773 г.), не по сочувствію, конечно, къ іезуитамъ, но въ разсчетѣ, что, ставши противниками папы, іезуиты посодѣйствуютъ ослабленію папскаго авторитета въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ (орденъ іезуитовъ существовалъ въ Польшѣ до 1820 г.). Съ этою же цѣлью она сосредоточила церковную власть надъ католиками въ Россіи въ рукахъ одного лица, епископа Сестренцевича, умнаго и образованнаго, но крайне честолюбиваго человѣка. Екатерина возвела его потомъ въ санъ митрополита и, дѣйствуя на его честолюбіе, имѣла въ лицѣ его человѣка, который постоянно заявлялъ себя сторонникомъ Россіи и противодѣйствовалъ проискамъ папскаго властолюбія.

сословій и желали измѣнить форму правленія въ Польшѣ по образцу конституціонныхъ государствъ Запада. Партія эта нашла себѣ неожиданную поддержку въ Пруссіи, которая была недовольна сближеніемъ Россіи съ Австріей (на почвѣ „греческаго проекта“) и старалась ослабить вліяніе правительства Екатерины II въ Польшѣ.

Новый прусскій король (Фридрихъ-Вильгельмъ) предлагалъ даже польскому правительству отказаться отъ союза съ Россіей и заключить союзъ съ Пруссіей, подъ условіемъ уступки нѣсколькихъ приморскихъ гаваней на балтійскомъ побережьи. Надѣясь на поддержку Пруссіи и увлекаясь мечтами о возстановленіи прежней самостоятельности Польши, самъ король Станиславъ Понятовскій перешелъ на сторону партіи прогрессистовъ. Когда затѣмъ Россія вынуждена была вести 2-ю турецкую и шведскую войны, польское правительство не только не примкнуло къ ней, въ отвѣтъ на приглашеніе Екатерины, а, наоборотъ, сочло этотъ моментъ наиболѣе удобнымъ для проведенія реформъ въ управленіи и окончательнаго освобожденія отъ вліянія Россіи. Руководители движенія (Коллонтай, Малаховскій и др.) воспользовались тѣмъ временемъ, когда большинство богатыхъ и вліятельныхъ магнатовъ сейма по случаю праздника Пасхи разъѣхались по своимъ помѣстьямъ и въ засѣданіи, по предварительному уговору, остались лишь сторонники реформъ *) и внесли въ сеймъ свой законопроектъ. Послѣдній тутъ же, безъ преній, безъ обсужденія, былъ принятъ (3 мая 1791 г.).

Немногочисленные голоса противниковъ законопроекта и лицъ, не желавшихъ принимать безъ обсужденія законъ, измѣняющій въ корнѣ жизнь страны, заглушены были неистовыми криками сторонниковъ новой конституціи. Этимъ законодательнымъ актомъ, получившимъ названіе *конституціи 3-го мая*, престолъ польскій объявлялся впредь уже не избирательнымъ, но наслѣдственнымъ, королю и его министрамъ предоставлялась власть исполнительная, а законодательная и верховный судъ — сейму; дѣла на сеймѣ должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ и „liberum veto“ отмѣнялось; право „конфедерацій“ уничтожалось: за шляхтой оставлялись ея старинныя права, но открытъ былъ доступъ въ шляхетство богатымъ лицамъ городскихъ сословій; горожане получили право присылать на сеймъ своихъ депутатовъ; покровительство закона распространялось и на крестьянъ; объявлялась свобода вѣроисповѣданій, хотя господствующей вѣрой оставалась католическая.

Новый актъ былъ крупнымъ шагомъ впередъ и дѣйствительно

*) Изъ 327 „пословъ“ (депутатовъ сейма) налицо было только 157 и изъ нихъ двѣ трети приверженцевъ реформы.

могъ укрѣпить Польшу, хотя и не въ полной мѣрѣ, такъ какъ не улучшалъ существенно положенія главной массы населенія—крестьянства. Но онъ былъ проведенъ незаконнымъ путемъ и благодаря уловкѣ главарей реформы. Это сильно уронило его значеніе, тѣмъ болѣе, что масса шляхты вовсе не желала разставаться съ старыми порядками и допускать въ сеймъ другія сословія.

Наиболѣе вліятельные сторонники старыхъ порядковъ (Феликсъ Потоцкій, Ржевусскій, Браницкій и др.) составили конфедерацію въ Тарговицахъ (Кіевской области) для борьбы противъ введенія конституціи 3 мая и отправили къ Екатеринѣ II депутацію съ просьбой о помощи. Войны съ Турціей и Швеціей были уже въ это время окончены, и Екатерина послала на помощь конфедератамъ стотысячную армію. Польское правительство обратилось, въ свою очередь, къ прусскому королю съ просьбой, чтобы поддержать его и исполнить недавнія обѣщанія. Тотъ, однако, уклонился, заявляя, что поляки безъ его вѣдома провозгласили новую конституцію и сами могли предвидѣть затрудненія, которыя теперь испытываютъ. Полякамъ приходилось однимъ отстаивать свои права. При отсутствіи опытности въ военномъ дѣлѣ и единодушія въ рядахъ шляхты, раздѣлившейся на два лагеря, ихъ военныя силы живо были подавлены закаленными въ бояхъ русскими войсками. Православное населеніе всюду съ почетомъ встрѣчало русскихъ, большая часть шляхты, въ томъ числѣ и король Станиславъ Понятовскій, присоединилась къ тарговицкой конфедераціи и даже отправила въ Петербургъ депутацію благодарить Екатерину за помощь. Русскія войска заняли теперь большую часть Польши, въ томъ числѣ и самую Варшаву. Въ свою очередь, король прусскій поспѣшилъ занять польскіе города Данцигъ, Торнъ и такъ называемую Великую Польшу съ городами Калишемъ, Ченстоховымъ и др.

Дѣйствія Пруссіи, явно преслѣдовавшей свои эгоистическія цѣли, вызвали взрывъ негодованія въ средѣ всей шляхты, не исключая и сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, и когда, вслѣдъ затѣмъ среди правительствъ Россіи, Пруссіи и Австріи возникъ вновь вопросъ о раздѣлѣ Польши и уменьшеніи ея владѣній, какъ лучшемъ средствѣ обуздать ее на будущее время, то созванный въ Гроднѣ сеймъ еще готовъ былъ согласиться на уступки въ пользу Россіи изъ земель ей нѣкогда принадлежащихъ, но ни за что не хотѣлъ поступаться ни пядью польской земли въ пользу „вѣроломнаго нѣмца“. Напрасно прусскій посолъ грозилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, а уполномоченный Россіи, графъ Сиверсъ, уговаривалъ депутатовъ подчиниться печальной необходимости, они упорно стояли на своемъ, и когда въ отвѣтъ на выходку одного депутата: „дадимъ королю прусскому столько земли, сколько нужно для его могилы“, онъ велѣлъ арестовать нѣ-

сколько членовъ сейма- послѣдній рѣшилъ отмалчиваться на всѣ предложенія о договорѣ съ Пруссіей. Произошло знаменитое „нѣмое засѣданіе“ сейма. Король и всѣ депутаты сейма цѣлый день безмолвно сидѣли въ своихъ креслахъ, отказываясь отвѣчать на какіе бы то ни было запросы. Тогда депутатамъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ изъ залы, пока они не дадутъ прямого отвѣта. Наконецъ уже въ 3 часа ночи раздался чей-то голосъ: „Молчаніе — знакъ согласія“. Маршалъ сейма воспользовался этой фразой и, повторивъ, согласно обычаю, три раза вопросъ: „Согласны ли депутаты подписать договоръ съ Пруссіей?“ и получивъ въ отвѣтъ молчаніе, заявилъ, что такимъ образомъ „договоръ принятъ единогласно“. Послѣ этого депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ и со слезами на глазахъ заявили протестъ противъ сдѣланнаго имъ насилія. Чрезъ два дня договоръ объ уступкахъ Пруссіи былъ, однако, подписанъ.

Весной 1793 г. Австріей, Пруссіей и Россіей былъ подписанъ трактатъ о *второмъ раздѣлѣ Польши*, по которому Россія получила опять свои старинныя земли—Волынь, Подолію и Минскую область *), а Пруссія удержала за собой занятыя ею чисто-польскія области. Конституція 3-го мая была отмѣнена и въ Польшѣ возстановленъ старый порядокъ управленія. По просьбѣ сейма, Екатерина согласилась защищать неприкосновенность оставшихся у Польши владѣній; Станиславъ Понятовскій обязался, въ свою очередь, ни съ кѣмъ не воевать и не заключать договоровъ съ другими державами безъ согласія Россіи. Польша становилась такимъ образомъ вассаломъ Россіи. Въ обезпеченіе договора въ Варшавѣ остался отрядъ русскихъ войскъ (подъ начальствомъ генерала Игельстрома).

Третій раздѣлъ и паденіе Польши. Второй раздѣлъ Польши и переходъ ея въ подвассальное состояніе произвели ошеломляющее впечатлѣніе въ странѣ, хотя волновалось больше всего шляхетство, ксендзы и вообще интеллигентные слои населенія да еще горожане, которыхъ конституція 3 мая поманила призракомъ равноправія съ шляхтой. Крестьянство мѣстами примыкало къ движенію только вслѣдствіе увѣреній ксендзовъ, что иностранные государи при дѣлежѣ Польши посягаютъ на вѣру католическую.

Въ Западной Европѣ и особенно во Франціи участь Польши вызвала многочисленныя выраженія сожалѣнія и сочувствія, которыя сильно дѣйствовали на впечатлительные умы поляковъ.

Увлекаясь перспективой не сочувствія только, но и содѣйствія Западной Европы, преувеличивая, по обычаю, и свои силы, и размѣры

*) Россія пріобрѣла при этомъ 4.500 кв. миль земель, отличавшихся плодородіемъ почвы, и до 3 мил. жителей. Пріобрѣтенія Пруссіи отрѣзали Польшу отъ моря. Во владѣніяхъ польскаго короля оставалось теперь не болѣе 4 мил. жителей.

чужой помощи, поляки немедленно послѣ второго раздѣла стали тайно организовать *возстаніе* противъ Россіи и Пруссіи въ отторгнутыхъ послѣдними областяхъ. То же самое готовилось и въ польскомъ королевствѣ. Безсильное правительство не рѣшалось ни противодѣйствовать, ни содѣйствовать открыто этому движенію, потому что въ первомъ случаѣ оно рисковало своимъ существованіемъ, во второмъ—существованіемъ самой Польши.

Главными центрами движенія были Краковъ и Варшава. Отсюда разсылались агенты и въ области, отошедшія къ Пруссіи и Россіи. Предводителемъ избрали генерала Тадеуша *Костюшко*, который сражался въ качествѣ волонтера въ сѣверо-американской войнѣ за освобожденіе и уже заявилъ свой патріотизмъ и знаніе военнаго дѣла при участіи въ недолговременной борьбѣ поляковъ съ русскими наканунѣ второго раздѣла Польши. Возстаніе началось въ Краковѣ (въ мартѣ 1794 г.) и отсюда быстро распространилось на сѣверъ. Въ Варшавѣ пристала къ нему—королевская гвардія и уличная чернь, возбужденная разсказами сапожника Килинскаго о томъ, будто русскіе хотятъ запереть народъ въ церквахъ на Страстной недѣлѣ и перерѣзать всѣхъ патріотовъ. При внезапномъ ночномъ нападеніи (въ четвергъ на Страстной недѣлѣ) изъ русскаго отряда въ 10 тыс. чел. было перерѣзано до 2 тыс. и свыше 100 офицеровъ. Растерявшійся генералъ Игельстромъ поспѣшилъ вывести остальныя войска изъ Варшавы и тѣмъ передалъ столицу Польскаго королевства въ руки немедленно образовавшагося „временнаго правительства“, въ составъ котораго вошли бывшіе составители майской конституціи (И. Потоцкій, Коллантай и др.) и Килинскій, какъ руководитель низшихъ классовъ населенія въ Варшавѣ. Не выпуская короля изъ Варшавы и не обращая вниманія на его протесты, новое правительство распорядилось арестовать и повѣсить нѣсколько епископовъ и крупныхъ магнатовъ, которыхъ обвиняли въ близкихъ сношеніяхъ съ русскими. Эти казни и разнузданность варшавской черни, а также извѣстіе о занятіи Кракова пруссаками значительно охладили тяготѣніе къ революціи въ средѣ высшаго польскаго дворянства. Весьма многіе изъ крупныхъ польскихъ магнатовъ не только устранились отъ содѣйствія временному правительству, но просили защиты у русскихъ войскъ и снабжали ихъ безплатно провіантомъ. Крестьяне областей, отошедшихъ къ Россіи, также не принимали участія въ возстаніи, и его поддерживала главнымъ образомъ средняя и мелкая шляхта, сельское духовенство и горожане. Серьезный характеръ возстаніе носило лишь въ областяхъ, занятыхъ чисто польскимъ населеніемъ, и отчасти въ Литвѣ.

Между тѣмъ Екатерина, смѣнивъ нерѣшительнаго Игельстрома ген. Ферзеномъ, поручила главное начальство надъ войсками въ Польшѣ Суворову. Послѣдній, по своему обычаю, быстрымъ маршемъ двинулся къ центру движенія, на Варшаву. Желая предупредить его соединеніе съ Ферзеномъ, Костюшко напалъ на отрядъ послѣдняго близъ м. Маціовицы (къ югу отъ Варшавы). Но при самомъ началѣ боя примкнувшіе къ Костюшкѣ косинеры (польскіе крестьяне, вооруженные косами) не выдержали огня русской артиллеріи и бѣжали, произведя смятеніе и въ остальномъ войскѣ. Костюшко бросился въ аттаку во главѣ отборной кавалеріи, но былъ разбитъ и, весь израненный, попалъ въ плѣнъ къ казакамъ *). Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, послѣ жестокаго и чрезвычайно кровопролитнаго штурма, взялъ Прагу, укрѣпленное предмѣстье Варшавы, и заставилъ тѣмъ сдаться и столицу Польскаго королевства. Предводители возстанія бѣжали за границу. Король Станиславъ Понятовскій отрекся отъ престола и, получивъ пенсію отъ русскаго правительства, послѣдніе годы своей жизни провелъ въ Петербургѣ. Польша послѣ этого окончательно была раздѣлена между Россіей, Пруссіей и Австріей. По этому *третьему раздѣлу Польши* (1795 г.) Россіи досталась Литва и вассальное Курляндское герцогство **), Австріи—Краковская, Сандомірская и Люблинская области Польши, а Пруссіи—остальныя польскія земли съ г. Варшавой. Такъ прекратилось самостоятельное существованіе Польши. Россія при этомъ дѣлежѣ опять не коснулась коренныхъ польскихъ земель, а потому Екатерина заявила въ особой запискѣ по этому поводу, что, не взявъ ни пяди польской земли, не имѣетъ повода къ принятію титула польской королевы. Въ память возсоединенія съ Россіей западно-русскихъ областей Екатерина велѣла выбить особую медаль съ своимъ изображеніемъ, двуглавымъ орломъ и географической картой земель, присоединенныхъ по 1-му и 2-му раздѣлу, съ знаменательной надписью: „Отторженная возвратихъ".

Послѣдніе годы царствованія Екатерины Великой совпали съ переворотомъ во Франціи. Кровавыя событія эпохи великой французской революціи произвели на нее очень сильное впечатлѣніе и вызвали реакцію въ ея взглядахъ на многое, хотя она и не раздѣляла мнѣнія, что существуетъ тѣсная связь между новыми воззрѣніями эпохи революціи и началами того либерализма, который приводили въ своихъ сочиненіяхъ

*) По нѣкоторымъ разсказамъ о битвѣ при Маціовицахъ, Костюшко при взятіи въ плѣнъ бросилъ саблю и сказалъ будто бы слова: „Finis Poloniae!" (Конецъ Польшѣ!), ставшія историческими; большинство, однако, отрицаетъ произнесеніе этой театральной фразы.

**) Послѣднимъ курляндскимъ герцогомъ былъ Петръ Биронъ, сынъ извѣстнаго временщика Эрнста-Іоганна Бирона, которому возвращено было герцогство. Петръ Биронъ отказался отъ своихъ правъ въ пользу Россіи за денежное вознагражденіе.

дѣятели литературы просвѣщенія. Она допускала только, что французскіе философы и писатели ошибались, считая народъ расположеннымъ къ добродѣтели и правильному мышленію, чего, на самомъ дѣлѣ, у него не было. И, пользуясь попрежнему идеями литературы просвѣщенія, допуская и своихъ внуковъ, Александра и Константина, къ усвоенію этихъ идей изъ устъ ихъ воспитателя швейцарца-республиканца Лагарпа, Екатерина, однако, стремилась ограничить доступъ этимъ идеямъ въ народную среду, запретила, напр., русскимъ путешествовать во Францію; отъ французовъ, проживавшихъ или являвшихся въ Россію, стали брать подписку, что они не раздѣляютъ и не будутъ распространять безбожныхъ якобинскихъ воззрѣній французской революціи и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ Екатерина перестала обнаруживать ту широкую терпимость къ печатному слову, которую первоначально проповѣдывала. Яркимъ признакомъ такого поворота служатъ дѣла извѣстнаго журнальнаго дѣятеля первой половины царствованія Н. И. Новикова и затѣмъ Радищева. Новикову повредили связи съ такъ называемыми масонами *). Событія французской революціи заставили императрицу подозрительно смотрѣть на всякія тайныя общества, въ томъ числѣ и на масонскія, надъ которымъ она прежде только смѣялась, какъ надъ собраньемъ чудаковъ своего рода. Новиковъ, какъ издатель разнаго рода масонскихъ книгъ, былъ арестованъ по подозрѣніямъ политическаго свойства и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; оттуда онъ былъ выпущенъ уже послѣ смерти Екатерины ея преемникомъ Павломъ Петровичемъ, который самъ одно время сочувствовалъ масонству.

Такая же печальная судьба постигла въ то время и другого замѣчательнаго представителя зарождающагося общественнаго мнѣнія той эпохи—*Радищева*. Онъ получилъ образованіе въ Германіи (въ Лейпцигскомъ университетѣ), куда былъ посланъ, по повелѣнію императрицы, съ нѣкоторыми другими молодыми людьми, и, возвратясь въ Россію, напечаталъ въ своей типографіи книгу подъ названіемъ „Путе-

*) Масонство появилось въ Англіи въ началѣ XVIII в. какъ противодѣйствіе распущенности нравовъ. Это было тайное общество людей, преслѣдовавшихъ нравственные и филантропическія цѣли. Масоны выродились изъ церковно-строительныхъ обществъ, существовавшихъ въ средніе вѣка (отсюда и самое названіе масонъ—каменщикъ, а равно и внѣшніе символы масоновъ—молотокъ, передникъ и пр.), только теперь они считали себя строителями „храма души“. Они ставили себѣ цѣлью стремиться къ личному самоусовершенствованію, чтобы установить братство всѣхъ людей, любовь, взаимную помощь; отвергали предразсудки, сословную рознь, войны. Считая необходимой вѣру въ Бога и безсмертіе души, они, однако, не держались какого-либо опредѣленнаго вѣроученія, хотя и отдавали преимущество христіанству за чистоту его ученія. Устройство общества носило полумистическій характеръ. Масоны носили названія мастеровъ, подмастерій, учениковъ и т. п., строго подчиненныхъ другъ другу, имѣли особые таинственные знаки и украшали помѣщенія кружковъ (ложи) молотками, циркулями, мечами, мертвыми головами. Пріемъ и „посвященіе“ новыхъ членовъ совершалось при особо таинственной обстановкѣ и сопровождалось разными странными „магическими“ обрядами. Эта странная и таинственная обстановка стала возбуждать подозрѣнія и опасенія среди правительствъ, особенно когда къ первоначальнымъ возвышеннымъ и нравственнымъ цѣлямъ присоединились разныя постороннія побужденія и интересы, напр. стремленіе къ вліянію на политическія дѣла въ Европѣ, и когда масоны вступили въ сношенія съ іезуитами.

шествіе изъ Петербурга въ Москву". Здѣсь онъ въ цѣломъ рядѣ яркихъ картинъ описываетъ ужасы крѣпостного права, злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни въ Россіи. Особый чувствительный, хотя и высокопарный слогъ, юношескій жаръ въ изложеніи и самое содержаніе книги увлекали читателей, и она быстро разошлась въ публикѣ. Екатеринѣ книга очень не понравилась, особенно разсужденія о крестьянахъ, а также помѣщенная въ ней ода „Вольность" съ оправданіемъ Кромвеля въ ту пору, какъ во Франціи готовился судъ надъ несчастнымъ королемъ Людовикомъ XVI. „Сочинитель—бунтовщикъ хуже Пугачева", сказала Екатерина, прочитавъ его книгу: „онъ зараженъ французскимъ заблужденіемъ и выискиваетъ все возможное къ приведенію народа въ негодованіе противъ начальства". Радищева отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни. Екатерина смягчила приговоръ и Радищева отправили въ ссылку въ Сибирь, гдѣ онъ и пробылъ до воцаренія Павла I. Судьба Радищева объясняется не столько смѣлостью его сужденій, развѣ только количественно превосходившихъ прежнія заявленія подобнаго рода, сколько духомъ реакціи противъ французской революціи. Самъ Радищевъ не безъ основанія говорилъ, что издай онъ свое „Путешествіе" нѣсколько лѣтъ раньше, то заслужилъ бы одобреніе, а не преслѣдованіе.

Реакція сказалась и въ области внѣшнихъ дѣлъ. Энергическія дѣйствія Екатерины противъ Польши предъ вторымъ и третьимъ раздѣломъ ея объясняются между прочимъ и тѣмъ, что она видѣла связь между дѣйствіями партій въ Польшѣ и революціонною Франціей. На первый раздѣлъ Польши Екатерина согласилась неохотно, предъ вторымъ писала, что Пруссія и Австрія ничего не получатъ, если не согласятся на раздѣлъ. Свиданіе и переговоры Костюшки въ Парижѣ съ республиканскими министрами и сношенія польскихъ политическихъ клубовъ съ якобинскими утверждали Екатерину въ убѣжденіи, что черезъ Польшу дѣйствуетъ французская революціонная пропаганда. Нанося удары Польшѣ, она дѣйствуетъ противъ Франціи. Убѣжденная противница вмѣшательства Россіи въ дѣла Зап. Европы, Екатерина наканунѣ своей кончины мечтала о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ революціонной Франціи въ отвѣтъ на просьбу Суворова: „Матушка, пошли меня бить французовъ".

Кончина Екатерины II. Здоровье Екатерины, обычно крѣпкое, въ послѣдніе годы, вслѣдствіе ряда политическихъ осложненій и нравственныхъ потрясеній, сильнѣе прежняго отражавшихся на состояніи духа императрицы, стало замѣтно слабѣть. Тяжелую рану ея самолюбію, отразившуюся и на ея здоровьѣ, нанесло въ 1796 г. извѣстіе, что молодой шведскій король Густавъ IV, торжественно и съ почетомъ принятый въ Петербургѣ и въ которомъ всѣ уже видѣли жениха любимицы Екатерины и ея внучки великой княгини Александры Павловны, неожиданно отказался отъ своей красавицы-невѣсты (вслѣдствіе несогласія на перемѣну вѣроисповѣданія будущей королевой шведской). У Екатерины при этомъ, вслѣдствіе сильнаго волненія, обнаружились признаки легкаго паралича. 5 ноября 1796 г. апоплексическій ударъ повторился и послѣ долгой агоніи, не приходя въ сознаніе, императрица на другой день скончалась.

Значеніе царствованія Екатерины II. Екатерина II, наравнѣ съ Петромъ I, еще при жизни получила отъ современниковъ названіе *Великой* и съ этимъ именемъ перешла въ исторію и вполнѣ справедливо. Ея царствованіе составило эпоху въ исторіи Россіи и „Екатерининскій вѣкъ" и его дѣятели, или „Екатерининскіе орлы", какъ ихъ называли и называютъ, оставили долгій слѣдъ въ памяти общества. Особенно велики и значительны ея заслуги въ области внѣшней политики, гдѣ она осуществила то, о чемъ мечтали русскіе люди въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ Іоанна III, и „возвратила отторженныя" у Руси татарами и поляками области на югѣ и западѣ. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось допустить захватъ нѣмцами польскихъ областей, но это вызвано цѣлой сѣтью затруднительныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ велось дѣло присоединенія западнорусскихъ областей, а вовсе не потому, что Екатерина этого всегда желала или, по крайней мѣрѣ, проглядѣла. Обыкновенные люди, находясь въ ея положеніи—иноземки на русскомъ престолѣ—не сдѣлали бы, быть можетъ, и десятой доли того, что̀ выполнила эта смѣлая и рѣшительная государыня, находясь на гребнѣ народной волны, бѣгъ которой уже столько вѣковъ направленъ былъ все въ одну и ту же сторону.

И неудивительно, если поколѣніе людей, работавшихъ съ нею и выросшихъ въ ея время, окружило имя этой государыни какимъ-то культомъ, говорило о ней не иначе какъ съ умиленіемъ, такъ какъ не могло остаться нечувствительнымъ къ той славѣ, которою она окружила Россію, поставивъ ее на степень первенствующаго государства въ Европѣ, безъ вѣдома котораго, по выраженію Безбородко, „ни одна пушка не могла прогремѣть въ Европѣ".

Предъ славой побѣдъ и значительностію достигнутыхъ ими результатовъ въ сознаніи современниковъ и ближайшаго потомства поблѣднѣли многіе мелкіе и крупные недостатки Екатерининскаго времени, какъ въ придворномъ быту и личной жизни государыни, такъ и въ сферѣ администраціи и особенно финансовъ. Сравнительно меньшее, но тоже крупное значеніе въ жизни страны имѣли начинанія Екатерины въ области внутреннихъ дѣлъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., созывъ законодательной коммиссіи и попытки ограниченія крѣпостного права остались безъ прямыхъ результатовъ. Здѣсь Екатерина пробовала идти противъ теченія, но оказалась одинокимъ воиномъ въ полѣ, и потокъ общественной жизни отнесъ ее въ концѣ-концовъ въ сторону даже противоположную той, куда она раньше плыла. Тѣмъ не менѣе до послѣднихъ лѣтъ жизни она не сдавалась и своимъ образомъ дѣйствій много способствовала тому, что въ обществѣ возникли начатки идейной борьбы съ крѣпостничествомъ, принесшей впослѣдствіи осязательные плоды. За то тамъ, гдѣ не было неодолимаго противодѣйствія, правительство Екатерины дѣйствовало съ большимъ искусствомъ и создавало довольно прочныя и долговременныя учрежденія. Таковы, напр., были новыя формы мѣстнаго управленія, сохранявшіяся почти безъ измѣненій цѣлое столѣтіе.

Крупную заслугу Екатерины составляетъ и тотъ мощный толчокъ русской мысли, который она дала и своимъ участіемъ въ ли-

тературѣ, и своей поддержкой журналовъ и писателей, и заботами о развитіи образованія въ странѣ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить полезное и въ извѣстномъ смыслѣ воспитательное для общества вліяніе ея внутренняго управленія, которое отличалось мягкостью пріемовъ и гуманностію и было наполнено плодотворными преобразованіями и начинаніями.

„Живи и давай жить другимъ"—таковъ былъ девизъ царствованія Екатерины, который она любила повторять и который стремилась осуществить на дѣлѣ, всячески стараясь разливать вокругъ себя добро, свѣтъ и теплоту, хотя и не всѣмъ сословіямъ пришлось воспользоваться ея милостями.

Павелъ I (1796—1801 г.).

Императрицѣ Екатеринѣ II наслѣдовалъ сынъ ея Павелъ Петровичъ. При восшествіи на престолъ ему было уже 42 года, но ни по складу своего характера, ни по степени своихъ познаній онъ не могъ считаться подготовленнымъ къ дѣламъ правленія. Небрежное и несоотвѣтствующее его будущему призванію воспитаніе, полученное имъ въ дѣтствѣ и юности, и удаленіе отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ въ пору зрѣлаго возраста, когда онъ считался наслѣдникомъ престола, отразившееся вредно на его душевномъ настроеніи и выработавшее въ немъ отрицательное отношеніе къ преобразованіямъ Екатерины II, лишили его необходимой для будущаго государя опытности и надлежащей практической и теоретической подготовки къ своему дѣлу.

Дѣтство и юность Павла Петровича прошли при условіяхъ несовсѣмъ нормальныхъ. Тотчасъ послѣ рожденія онъ былъ взятъ императрицей Елизаветою отъ матери, съ тѣхъ поръ видавшей его лишь изрѣдка, и отданъ на попеченіе простыхъ нянекъ, которыя усердно кутали его и держали въ жаркой комнатѣ, чѣмъ сильно ослабили его здоровье, и безъ того некрѣпкое отъ природы; зато они привили ему любовь къ простому народу и религіозность, качества, сохранившіяся въ немъ до зрѣлаго возраста вмѣстѣ съ благодарной памятью о своихъ первыхъ воспитательницахъ. Къ нему не допускали сверстниковъ; хилый и нервный мальчикъ сталъ скрытенъ отъ одиночества, не выносилъ присутствія постороннихъ лицъ и бѣгалъ отъ Елизаветы, когда та приходила къ нему. Съ 1760 года Павла взяли изъ общества нянюшекъ. Главнымъ воспитателемъ его сдѣлался теперь Н. И. Панинъ; человѣкъ европейски образованный, но крайне лѣнивый, онъ небрежно относился къ своимъ обязанностямъ. По восшествіи на престолъ Екатерина приглашала въ воспитатели къ Павлу одного изъ представителей просвѣтительной литературы на Западѣ, философа и математика д'Аламбера, и когда тотъ отказался, оставила своего сына, къ которому не имѣла возможности привязаться и слѣдить за его воспитаніемъ, за

множествомъ государственныхъ дѣлъ, на рукахъ Панина и всецѣло на его попеченіи. Чуждаясь матери, Павелъ выросталъ въ благоговѣйномъ почитаніи памяти отца, котораго считалъ въ своемъ воображеніи несправедливо устраненнымъ отъ престола и жертвою интригъ. Панинъ не разубѣждалъ своего питомца въ этихъ мысляхъ, хотя самъ нѣкогда участвовалъ въ сверженіи Петра III съ престола, и не пытался устранить нравственное разъединеніе ребенка съ матерью, но скорѣе усиливалъ его, чтобы тѣмъ вѣрнѣе подчинить его только своему руководству, привязать его только къ себѣ.

Окружающія Павла лица рано познакомили мальчика съ отрицательными сторонами придворной жизни и столь же рано позволили ему читать французскіе романы, которые развили между прочимъ въ душѣ впечатлительнаго ребенка оставшееся въ немъ навсегда мечтательное поклоненіе рыцарскимъ добродѣтелямъ, защитѣ слабыхъ и т. д. Панинъ составилъ широкій планъ обученія наслѣдника престола, разсчитывая до 14 лѣтъ дать ему элементарное образованіе, а послѣдующіе годы посвятить изученію „прямой государственной науки". Ни то ни другое выполнено не было. Частью слабое здоровье и небогатыя отъ природы способности Павла, частью отсутствіе надлежащихъ учителей не позволили ему пройти намѣченный курсъ ученья; онъ хорошо усвоилъ только французскій языкъ и отрывочныя свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ знанія. Изъ учителей его вліяніемъ на Павла выдѣлились только двое—архимандритъ Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), преподававшій ему Законъ Божій и сумѣвшій прочно укрѣпить въ душѣ Павла религіозное чувство, и Порошинъ, преподаватель математики, бывшій два года и воспитателемъ Павла, пока Панинъ не устранилъ его, опасаясь его вліянія на питомца, въ ущербъ себѣ.

Порошинъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о воспитаніи Павла вмѣстѣ съ добрыми задатками въ его характерѣ, правдивостію, искренностью и великодушіемъ, отмѣчаетъ крайнюю нервность, впечатлительность, мечтательное самолюбіе и непомѣрную вспыльчивость, — качества, которыя такъ и остались неисправленными воспитаніемъ, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливались, осложнившись еще крайней подозрительностію по отношенію къ окружающимъ лицамъ. Одинокій, полузаброшенный ребенокъ не имѣлъ ни къ кому искренней привязанности, хотя и искалъ ея. Ближе другихъ стоялъ онъ, разумѣется, къ Панину и въ кружкѣ его друзей и родныхъ черпалъ свои взгляды на дѣла и начинанія Екатерины. Въ кружкѣ этомъ часто слышались оппозиціонныя рѣчи, критика дѣяній императрицы. Впитывая ихъ, въ связи съ впечатлѣніями дѣтства, Павелъ выросъ въ отрицательномъ отношеніи къ преобразованіямъ своей матери, и настолько, что когда Екатерина пробовала вести съ нимъ бесѣды о государственныхъ дѣлахъ, то убѣдилась, къ своему прискорбію, что его политическіе взгляды совершенно противоположны ея взглядамъ, а упорство его характера, прямого и горячаго, мало даетъ надежды на перемѣну въ этихъ взглядахъ.

Въ 1773 году, 19 лѣтъ отъ роду, Павелъ Петровичъ женился на принцессѣ Гессенъ-дармштадтской Вильгельминѣ, принявшей въ право-

славіи имя Наталіи Алексѣевны. Екатерина надѣялась, сблизившись съ молодой женой Павла, повліять на него и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить воздѣйствіе на него Панина, который теперь долженъ былъ покинуть должность воспитателя. Черезъ годъ, однако, супруга Павла умерла, и въ 1776 году онъ вторично женился на принцессѣ Виртембергской и дальней родственницѣ Фридриха II, Софіи-Доротеѣ, принявшей въ православіи имя Маріи Ѳеодоровны. Во время сватовства Павелъ Петровичъ посѣтилъ, между прочимъ, Берлинъ, гдѣ Фридрихъ II оказалъ ему блестящій пріемъ и произвелъ на гостя сильное впечатлѣніе своими до высокой степени совершенства вымуштрованными войсками. Павелъ уѣхалъ очарованный королемъ-философомъ, поклявшись ему въ вѣчной дружбѣ. Къ прежнимъ наклонностямъ наслѣдника русскаго престола прибавилась еще новая черта—преклоненіе предъ прусскими порядками и прусской организаціей войска. Надежды Екатерины имѣть вліяніе на сына при помощи его супруги вновь не сбылись.

Марія Ѳеодоровна, отличавшаяся большими семейными добродѣтелями и привязанностію къ своей роднѣ и прусскому королю, ея покровителю, не имѣла широкаго политическаго кругозора и только укрѣпляла прусскія симпатіи своего мужа. Она поддерживала хорошія отношенія къ Екатеринѣ, но не сближалась съ нею.

Послѣ этого и за все время царствованія Екатерины роль наслѣдника ея престола сводилась къ обязанности посторонняго наблюдателя и критика ея начинаній, не посвященнаго въ дѣла и потому лишеннаго опоры для правильности сужденій. Возникшее вслѣдствіе этого и постепенно усиливавшееся обостреніе отношеній между матерью и сыномъ закончилось тѣмъ, что Павелъ Петровичъ съ своей супругой въ 1783 г. замкнулся въ гатчинскомъ имѣніи, подаренномъ ему матерью, рѣдко бывая въ Петербургѣ, гдѣ фавориты Екатерины, особенно Потемкинъ, а въ концѣ царствованія Зубовъ, обращались съ Павломъ презрительно и грубо.

Жизнь Павла Петровича въ Гатчинѣ. Поселившись въ Гатчинѣ съ своей супругой Маріей Ѳеодоровной, Павелъ устроилъ себѣ здѣсь особый мірокъ, отличный отъ петербургскаго. За отсутствіемъ настоящаго и серьезнаго дѣла, всѣ заботы его свелись къ устройству такъ называемой „гатчинской арміи“, т. е. нѣсколькихъ батальоновъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія, отданныхъ въ его непосредственное владѣніе Екатериной. Ихъ обмундировка и выучка на прусскій ладъ, съ доходившей до жестокости дисциплиной, поглощала все его вниманіе. Въ связи съ этимъ, наряду съ критическимъ отношеніемъ къ Екатерининской политикѣ, развивались и положительные идеалы будущей „государской“ дѣятельности. Сюда относились прежде всего мечты о преобразованіи арміи по прусскому образцу и введеніи въ государственную, общественную и даже частную жизнь строгой дисциплины; о внѣдреніи всюду строгаго порядка и законности, взамѣнъ замѣчаемой „во всѣхъ частяхъ“ распущенности и своеволія; объ ограниченіи „тунеядства“ уклоняющагося отъ службы дворянства и сокращеніи его привилегій; объ „уравнительности“ (равенствѣ) всѣхъ сословій на службѣ государству и особѣ государя, самодержавной власти котораго всѣ

должны подчиняться безъ всякаго прекословія и противорѣчія. Такъ прошло свыше 12 лѣтъ въ постоянномъ сравненіи того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть, при горькомъ чувствѣ безсилія осуществить свои идеалы. Характеръ „Сѣвернаго Гамлета", какъ называли заграницей великаго князя, за это время сильно измѣнился къ худшему въ смыслѣ все большей и большей несдержанности и нетерпѣливости. Умѣряющее и сдерживающее вліяніе имѣли на него въ это время только супруга и особенно фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова, восторженный, мечтательный умъ которой и прямодушный характеръ очень нравились Павлу. Въ кружкѣ близкихъ къ ней людей Павелъ познакомился съ масонами и съ масонскимъ ученіемъ, которое тоже гармонировало съ мистически-религіознымъ настроеніемъ великаго князя и потому привлекало его.

Въ послѣдніе годы пребыванія Павла въ Гатчинѣ сильное волненіе вызвали въ немъ извѣстія о французской революціи, оскорбившія въ немъ чувство уваженія къ законности и высокое представленіе о монархической власти. Подъ вліяніемъ ея онъ видѣлъ причину всѣхъ безпорядковъ и распущенности въ русскомъ обществѣ въ либеральныхъ идеяхъ, заимствованныхъ съ Запада. На этой почвѣ у него вышло даже столкновеніе съ матерью. Разъ, въ ея присутствіи, читая французскія газеты, онъ вспылилъ: „Что они тамъ толкуютъ? Я тотчасъ бы все прекратилъ пушками!" Екатерина возразила на эти слова: „Ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе". Тутъ столкнулись нѣкоторымъ образомъ два міросозерцанія, хотя слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣдніе годы царствованія и сама Екатерина стала прибѣгать къ внѣшнимъ мѣрамъ.

Екатерина съ большимъ опасеніемъ смотрѣла на образъ жизни и настроеніе своего сына и намѣрена была даже передать престолъ помимо его старшему своему внуку Александру Павловичу, котораго воспитывала внѣ вліянія родителей, подъ руководствомъ швейцарца-республиканца Лагарпа, и на которомъ сосредоточила всю свою любовь. Слухи объ этомъ сильно волновали Павла и еще болѣе подбавляли горечи къ его тяжелому положенію, но Екатерина скончалась, не успѣвши осуществить свой планъ.

Первыя распоряженія Павла I по восшествіи на престолъ сразу обнаружили настроеніе новаго правителя и волновавшія его чувства. Прежде всего отрытъ былъ погребенный въ Александро-Невской лаврѣ прахъ императора Петра III и гробъ его, съ возложенной на него короной, поставленъ былъ рядомъ съ гробомъ Екатерины II, послѣ чего ихъ похоронили вмѣстѣ въ Петропавловскомъ соборѣ. Вслѣдъ затѣмъ понесли наказаніе оставшіеся въ живыхъ главные пособники Екатерины при сверженіи съ престола Петра III—князь Алексѣй Орловъ и княгиня Дашкова. Первому запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы, а послѣдней приказано уѣхать въ 24 часа въ дальнія свои деревни. „Скажите, что уѣзжаю въ 24 минуты", отвѣтила княгиня на приказъ, и тутъ же сѣла въ карету и уѣхала. Эта выходка, впрочемъ, не имѣла для княгини никакихъ послѣдствій. Не забыты были и опальные прошлаго царство-

ванія: дарована была свобода „масону“ Новикову и „сочинителю книги о крестьянахъ“ — Радищеву, а Костюшкѣ вмѣстѣ съ другими польскими плѣнными, позволено было выѣхать за-границу и пожаловано 80.000 р. на дорогу. При свиданіи съ нимъ Павелъ сказалъ, что признаетъ несправедливымъ отнятіе у Польши земель, и возвратилъ бы взятое Россіей, если бы Пруссія и Австрія согласились то же сдѣлать. Впослѣдствіи эти взгляды императора отразились на возстановленіи обособленности въ управленіи бывшихъ польскихъ провинцій.

Вслѣдъ за этимъ началась кипучая лихорадочная дѣятельность новаго императора, сопровождавшаяся крутой ломкой во многихъ учрежденіяхъ Екатерининскаго царствованія. Ломка эта производилась безъ видимаго опредѣленнаго плана и порядка, чаще всего подъ вліяніемъ чувства и по духу противорѣчія начинаніямъ Екатерины, хотя общая совокупность этихъ мѣръ и даетъ возможность подмѣтить основныя идеи, которыми руководствовался въ своей дѣятельности Павелъ и которыя онъ выработалъ въ тиши Гатчинскаго дворца въ связи съ впечатлѣніями изъ поры дѣтства и юности.

Внутренняя дѣятельность. Изъ внутреннихъ распоряженій Павла I наиболѣе важнымъ и имѣвшимъ серьезное значеніе актомъ было обнародованное въ день коронаціи Павла (5 апрѣля 1797 г.) *„Учрежденіе объ императорской фамиліи“*, которымъ точно опредѣлялся на будущее время порядокъ наслѣдованія престола въ мужскомъ потомствѣ царствующаго дома по прямой нисходящей линіи отъ отца къ сыну. Этимъ отмѣнялся, внесшій столько неурядицъ въ дворцовый бытъ и жизнь государства и доставившій самому Павлу много горькихъ минутъ, указъ Петра Великаго о правѣ государя назначать наслѣдника по своему усмотрѣнію и возстанавливался старый допетровскій обычай наслѣдованія, но уже въ формѣ опредѣленнаго закона. „Учрежденіемъ“ опредѣленъ и порядокъ содержанія особъ царствующей фамиліи, для чего отведены особыя, такъ называемыя „удѣльныя“ земли и организовано управленіе ими.

При вступленіи на престолъ Павелъ повелѣлъ привести къ присягѣ себѣ и *крестьянъ*, чего не было со временъ Анны Іоанновны, и о нихъ же первыхъ вспомнилъ и на коронаціи. Одновременно съ указомъ о престолонаслѣдіи опубликованъ былъ и манифестъ о крѣпостныхъ крестьянахъ. Запрещалось отправленіе барщины (работы на помѣщика) по воскреснымъ днямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что „при добромъ распоряженіи“ помѣщикамъ достаточно будетъ и трехдневной работы крестьянъ въ ихъ пользу въ теченіе недѣли. Это была первая попытка ограниченія крѣпостного права, не имѣвшая, однако, примѣненія на практикѣ ни при Павлѣ, ни при его преемникахъ, тѣмъ болѣе, что законъ Екатерины о запрещеніи крестьянамъ

жаловаться на помѣщиковъ не былъ отмѣненъ, а слова манифеста— „при добромъ распоряженіи" большинство поняло только какъ совѣтъ... Къ той же цѣли, т. е. ограниченію тяжелыхъ сторонъ крѣпостного права, направлено было, повидимому, и послѣдовавшее затѣмъ запрещеніе продавать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли (1797 г.). Черезъ годъ то же самое повторено было относительно малороссійскихъ крестьянъ, вопреки противоположному рѣшенію вопроса Сенатомъ. Подъ вліяніемъ распоряженій Павла, среди крестьянъ пошла молва о скоромъ освобожденіи отъ помѣщиковъ и въ томъ же 1797 г. начались крестьянскія волненія въ 10 внутреннихъ губерніяхъ, не имѣвшія, впрочемъ, рѣзкаго характера и почти не потребовавшія какихълибо суровыхъ мѣръ при ихъ подавленіи. Тѣмъ не менѣе и при Павлѣ продолжалась попрежнему раздача щедрою рукою государственныхъ крестьянъ отдѣльнымъ лицамъ за разныя услуги.

Павелъ не видѣлъ въ этомъ какого-либо противорѣчія съ своими заботами о крестьянствѣ, такъ какъ былъ убѣжденъ, что помѣщичьи крестьяне находятся въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ казенные; въ помѣщикахъ же онъ видѣлъ необходимыхъ для правительства агентовъ, выполняющихъ роль земской полиціи въ отношеніи къ крестьянамъ.

За четыре года своего царствованія онъ роздалъ своимъ приближеннымъ (преимущественно военнымъ и гатчинцамъ) свыше 260 тыс. душъ крестьянъ, т. е. почти половину того, что роздала такъ же щедрая на подачки Екатерина II за 34 года царствованія. Но въ то же время губернаторамъ, по разнымъ поводамъ, постоянно вмѣнялось въ обязанность слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ, а о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти немедленно доносить государю, и было нѣсколько случаевъ суровой расправы за такія злоупотребленія.

Въ общемъ, сколько можно судить по цѣлому ряду другихъ распоряженій, Павелъ I относился къ крестьянамъ съ неизмѣннымъ доброжелательствомъ, какъ къ „добрымъ и полезнымъ членамъ государства, трудами которыхъ, по его выраженію, держались всѣ другія части". Между прочимъ къ крестьянамъ по преимуществу относился и человѣколюбивый указъ Павла о томъ, чтобы не подвергали тѣлесному наказанію лицъ старше 70 лѣтъ.

Цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчена была масса крестьянскаго населенія уменьшеніемъ натуральныхъ повинностей, установленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости и введеніемъ льготной продажи соли; между прочимъ сложены были недоимки по земельнымъ сборамъ за 15 лѣтъ; крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, были по большей части освобождены отъ заводскихъ работъ и поступили въ число государственныхъ. Удѣльные крестьяне получили надѣлъ по 15 десятинъ на душу и особое крестьянское управленіе. Они были раздѣлены

на волости (не болѣе 3 тыс. душъ въ каждой); въ каждой волости было учреждено „волостное правленіе“, состоявшее изъ выборныхъ лицъ—волостного головы, старосты и писаря, на обязанности которыхъ лежало собирать подати, распоряжаться хозяйственными дѣлами волости и судить крестьянъ за маловажные проступки.

Послѣднія мѣры, давшія нѣкоторыя формы самоуправленія удѣльнымъ крестьянамъ и сохранившіяся надолго и послѣ Павла, являются одними изъ наиболѣе важныхъ начинаній этого царствованія и составляютъ существенное дополненіе къ сословнымъ мѣрамъ Екатерины, почти не коснувшимся крестьянъ, даже и казенныхъ.

Относительно другихъ сословій—*дворянства и горожанъ*, политика Павла I, исходившая изъ идеи равенства („уравнительности“) всѣхъ предъ государемъ, и желанія соблюсти „справедливость для всѣхъ равную“, стояла въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что было при Екатеринѣ II. „Въ Россіи великъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю и пока я съ нимъ говорю“, отзывался Павелъ о русской знати и издалъ рядъ распоряженій, направленныхъ къ сокращенію данныхъ жалованными грамотами Екатерины привилегій дворянства и горожанъ, стѣснилъ мѣстное самоуправленіе этихъ сословій, отмѣнилъ право дворянъ обращаться съ коллективными заявленіями своихъ нуждъ непосредственно къ государю и нѣкоторыя личныя права ихъ, напримѣръ, свободу отъ тѣлесныхъ наказаній по суду. „Коль скоро по суду снято дворянство, заявлялъ Павелъ, то и привилегія до него не касается“.

Зато по отношенію къ *духовенству*, не пользовавшемуся особымъ вниманіемъ при Екатеринѣ II, Павелъ, всегда настроенный религіозно и первый изъ русскихъ государей оффиціально (въ актѣ о престолонаслѣдіи) назвавшій себя „главою церкви“, проявилъ усиленную заботливость: онъ освободилъ священнослужителей отъ тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія въ свѣтскихъ судахъ до лишенія сана, чтобы не унижался ихъ санъ въ глазахъ прихожанъ, и наравнѣ съ лицами дворянскаго происхожденія сталъ награждать ихъ орденами за личныя заслуги. Заботясь объ улучшеніи матеріальнаго быта бѣлаго духовенства и находя черныя полевыя работы несовмѣстными съ духовнымъ саномъ, онъ распорядился, чтобы прихожане обрабатывали церковную землю, выплачивая священникамъ соотвѣтственное жалованье деньгами или натурой. Распоряженіе это, впрочемъ, отмѣнено было при Александрѣ I.

По дѣламъ общаго управленія Павелъ прежде всего обратилъ вниманіе на самое больное мѣсто послѣдней половины предшествующаго царствованія—финансы и сдѣлалъ цѣлесообразное распоряженіе

прекратить неумѣренный выпускъ *ассигнацій* и даже велѣлъ въ своемъ присутствіи сжечь ихъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Это задержало дальнѣйшее паденіе курса и происходившія отсюда колебанія въ цѣнахъ на товаръ и пр., хотя и не надолго, такъ какъ потребность въ деньгахъ на военные и иные расходы побудила Павла I вновь допустить выпускъ ассигнацій. Далѣе послѣдовалъ рядъ мелкихъ распоряженій о сокращеніи дворцовыхъ расходовъ и пр. Самъ Павелъ I въ своихъ личныхъ расходахъ былъ чрезвычайно скроменъ и простъ, но не соблюдалъ должной умѣренности въ раздачѣ земель и подарковъ въ награду лицамъ, сумѣвшимъ понравиться ему своей дѣятельностію.

Ради экономіи въ расходахъ на управленіе произведено было сокращеніе числа губерній (изъ 50 Екатерининскихъ сдѣлана 41), при чемъ въ юго-западныхъ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, и въ Прибалтійскомъ краѣ возстановлены прежнія *формы управленія.* Екатерина ввела было тамъ общія учрежденія, съ цѣлью скорѣйшаго сліянія ихъ съ остальной Россіей; Павелъ установилъ своей мѣрой, во вредъ государственному единству, обособленность ихъ отъ остальныхъ частей страны. Въ изданіи этихъ распоряженій имъ руководило, съ одной стороны, желаніе хотя отчасти возстановить „справедливость“, попранную, по его мнѣнію, раздѣлами Польши, и съ другой —благоволеніе къ нѣмцамъ, которыхъ онъ считалъ преданными идеѣ порядка и законности.

То же благоволеніе къ нѣмцамъ и по тѣмъ же мотивамъ сказалось и въ дозволеніи прибалтійскому дворянству учредить въ Дерптѣ свой университетъ (1799 г.) въ виду запрещенія отъѣзда молодымъ людямъ за границу для обученія. Внутри Россіи высшія *учебныя заведенія* при Павлѣ основаны были только для дѣтей духовенства (духовныя академіи въ Казани и Петербургѣ). Затѣмъ основанъ былъ для дѣтей военныхъ лицъ новый военно-сиротскій корпусъ (впослѣдствіи наименованный Павловскимъ); заботы о здоровьи войскъ выразились (въ концѣ 1798 г.) учрежденіемъ высшаго медицинскаго училища (преобразованнаго потомъ въ Военно-Медицинскую академію), наконецъ для расширенія дѣла женскаго образованія учреждены были два новыхъ женскихъ института—Екатерининскій и Маріинскій, отданныя вмѣстѣ съ Смольнымъ въ непосредственное вѣдѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ заботахъ Павла I о внутреннемъ благоустройствѣ государства видное мѣсто занимаютъ мѣры къ огражденію Россіи отъ заноса „революціонной заразы и якобинскихъ идей“ изъ Франціи. При этомъ

Павелъ только продолжилъ и усилилъ распоряженія по этому поводу, уже сдѣланныя Екатериной въ послѣдніе годы ея царствованія. Въ Петербургѣ и Москвѣ за проживавшими тамъ иностранцами и особенно французами установленъ былъ строгій надзоръ, при чемъ опасныхъ людей велѣно было высылать за границу; новыхъ же выходцевъ изъ-за границы дозволялось пускать въ Россію не иначе, какъ съ высочайшаго каждый разъ разрѣшенія. Въ 1797 г. утвержденъ былъ указъ (данный Сенату еще Екатериной, незадолго до ея кончины), которымъ велѣно было закрыть всѣ частныя типографіи („въ прекращеніе неудобствъ отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ") и учредить духовную и свѣтскую *цензуру*, въ столицахъ—для книгъ, издаваемыхъ въ Россіи, а въ пограничныхъ таможняхъ (въ Ригѣ, Одессѣ и Радзивиловѣ) для книгъ, привозимыхъ изъ-за границы (чтобы не допускалась къ обращенію ни одна книга, „противная закону Божію, правиламъ государственнымъ, верховной власти и благонравію"). Въ 1800 году совсѣмъ запрещенъ былъ ввозъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, въ томъ числѣ даже и нотъ... Съ тѣмъ вмѣстѣ затрудненъ былъ до послѣдней степени и выѣздъ за границу русскимъ подданнымъ.

Наряду съ этими распоряженіями, касавшимися всей Россіи, принятъ былъ рядъ мелкихъ мѣръ такого же характера, задѣвавшихъ больше всего населеніе столицы: такъ, напр., наложенъ былъ запретъ на французскія „революціонныя" моды, не дозволялось носить фраки и круглыя шляпы, жилеты, отложные воротники и пр. Зато всѣмъ обывателямъ изъ дворянъ и чиновниковъ вмѣнялось въ обязанность носить косичку и пудру, по прусскому образцу. Изъ оффиціальныхъ бумагъ и даже разговоровъ старались изгонять напоминавшія французскія понятія слова: „гражданинъ", „отечество", замѣняя ихъ словами—„обыватель", „государство" и т. д.

Ближайшими исполнителями воли государя явились старые гатчинскіе его друзья и слуги, большею частію военные служилые люди, необразованные и неразвитые, не понимавшіе духа его распоряженій и все сводившіе къ мелочной придирчивости. Таковъ былъ, напр., военный губернаторъ Петербурга Архаровъ. Въ своемъ усердіи онъ дошелъ до того, что именемъ государя приказалъ было жителямъ Петербурга выкрасить свои дома въ бѣлую и черную краски полосами, на подобіе полицейскихъ будокъ и шлагбаумовъ, за что и былъ уволенъ Павломъ.

Но и помимо этого стремленіе императора упорядочить жизнь гражданъ по одному образцу заходило очень далеко. По примѣру Павла, встававшаго въ 6 ч. утра, и всѣ чиновники должны были начинать свои занятія съ того же времени; даже сенаторы уже съ 8 час. утра сидѣли въ своихъ креслахъ. Въ 10 час. вечера императоръ обыкновенно ложился спать, замирала и жизнь въ столицѣ, въ домахъ тушились огни или завѣшивались окна темными занавѣсками. Вкусы и

порядки гатчинскаго имѣнія съ его военнымъ режимомъ Павелъ перенесъ съ собой и въ столицу и попытался такимъ образомъ примѣнить ихъ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Въ Гатчинѣ все сводилось къ его особѣ, онъ все зналъ и всему давалъ направленіе. Къ тому же стремился онъ и въ Петербургѣ, стараясь вникнуть во всѣ подробности не только высшаго, но и мѣстнаго управленія и проводя всюду единоличное начало. „Ты да я, я да ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать", говорилъ Павелъ своему избраннику на важную должность генералъ-прокурора (Беклешову); такая совмѣстная работа, однако, оказалась нелегкой: въ теченіе года на должности генералъ-прокурора смѣнилось четыре лица.—То же стремленіе самому все знать и все направлять руководило и отношеніями Павла къ мѣстнымъ начальникамъ, особенно командующимъ генераламъ и губернаторамъ. Переписка съ ними Павла и часто по ничтожнымъ поводамъ наполнила бы цѣлые томы. Въ губернаторахъ онъ желалъ видѣть правителей, отвѣтственныхъ предъ нимъ за всѣ недочеты администраціи въ губерніи; казенные и даже частные убытки отъ грабежей онъ иногда приказывалъ пополнять изъ личныхъ средствъ губернатора; за малѣйшую недомолвку или упущеніе въ донесеніяхъ слѣдовалъ выговоръ, или увольненіе изъ службы. И если въ столицѣ внимательность Павла, разбрасывавшагося на мелочи, не достигала цѣли, то въ провинціи, куда не достигалъ дотолѣ ничей глазъ изъ Петербурга, и мелочи заставили встряхнуться администрацію. Въ Поволжьѣ, напр., при Екатеринѣ никакъ не могли уничтожить разбойничества изъ-за послабленій администраціи, при Павлѣ оно неожиданно притихло. Въ послѣдній годъ царствованія, видимо, отчаявшись самъ за всѣмъ услѣдить, Павелъ пришелъ къ мысли о сенаторскихъ ревизіяхъ въ провинціи, для чего каждая губернія раздѣлена была на 8 частей *).

Благодаря любви Павла I къ военному дѣлу, пріобрѣтенной имъ за время пребыванія въ Гатчинѣ, устройство войска на новый ладъ стало предметомъ особенныхъ его заботъ, при чемъ главное вниманіе обращено было на внѣшнюю выправку ихъ и пріемы обученія по прусскимъ образцамъ. Однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ его въ этомъ дѣлѣ былъ суровый службистъ и фронтовикъ Аракчеевъ, руководившій въ дѣлѣ усвоенія мудреной гатчинской науки и новымъ наслѣдникомъ престола Александромъ Павловичемъ и своими услугами въ этомъ отношеніи заслужившій его полное расположеніе. Суровая дисциплина, доходившая до жестокости, замѣнила лѣнивую распущенность Екатерининской гвардіи. Послѣднюю Павелъ сильно подтянулъ;

*) Съ цѣлью „доставить угнетеннымъ всѣ способы быть услышанными", въ Зимнемъ дворцѣ открыто было одно окно, куда всякій могъ бросать жалобы, прочитывавшіяся лично государемъ. Резолюціи по этимъ жалобамъ Павелъ велѣлъ печатать въ „Петерб. Вѣдомостяхъ" къ общему свѣдѣнію. Новинка сначала понравилась населенію, но потомъ стали сюда вкладывать эпиграммы и карикатуры и цѣлыя массы самыхъ безтолковыхъ доносовъ, послѣ чего окно было закрыто.

онъ ежедневно являлся на вахтпарадѣ передъ дворцомъ и иногда даже самъ лично училъ солдатъ.

Тяжесть перемѣны для войска усиливалась чрезвычайной вспыльчивостію императора и его наклонностію къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Нерѣдко офицеровъ прямо съ вахтпарада за неумѣлую команду отправляли въ „дальніе батальоны", въ провинцію, а иногда даже и въ ссылку, такъ что многіе изъ нихъ, собираясь на ученье, стали запасаться на всякій случай, „на дорогу", деньгами. Въ результатѣ дворяне стали массами уходить въ отставку, при чемъ удалилось и нѣсколько боевыхъ офицеровъ и генераловъ, въ томъ числѣ и знаменитый Суворовъ. Его возмущали эти заботы исключительно о внѣшности, подражаніе прусскимъ порядкамъ, сложная обмундировка войскъ съ косами и буклями даже у солдатъ и пр. „Русскіе прусскихъ всегда бивали—чего у нихъ перенимать?" говорилъ онъ: „пукли—не пушки, коса—не тесакъ, а я не прусакъ!" Рѣчи эти дошли до Павла, и великому полководцу Екатерининскихъ временъ дана была отставка съ приказаніемъ удалиться въ свою новгородскую деревню.

Строгость новаго режима, падавшая больше всего на офицеровъ, на ряду съ отрицательными ея послѣдствіями, принесла, однако, и свою долю пользы, очистивъ гвардію отъ массы плохихъ служакъ и карьеристовъ. Въ гвардіи числилось много придворныхъ лицъ и дворянъ, съ дѣтства въ нее записанныхъ и получавшихъ чины, но никогда не бывавшихъ на службѣ. Всѣхъ ихъ теперь исключили и впредь допускали дворянъ на службу не иначе, какъ рядовыми: нерачительныхъ къ службѣ и тѣхъ, которые „одѣвались во фраки и дѣлали шалости по городу", переводили солдатами въ полевые полки. Мѣры эти всюду, по словамъ современниковъ, вызвали „плачъ и вопль матерей и сродниковъ". На простыхъ солдатахъ суровость новыхъ мѣръ слабо отозвалась: имъ и прежде не сладко жилось, а теперь они съ удовольствіемъ видѣли, что и офицеры несутъ одинаковую съ ними тяготу службы.

Внѣшняя политика Павла I не имѣла опредѣленнаго плана и системы и подвергалась частымъ колебаніямъ. При вступленіи на престолъ, въ противовѣсъ „войнолюбію" предыдущаго царствованія, онъ заявилъ, что намѣренъ заняться внутренними дѣлами (Въ циркулярной нотѣ державамъ прямо было сказано, что „Россія—единственная въ свѣтѣ держава, которая 40 лѣтъ находилась въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе и нуждается въ отдохновеніи").

Въ виду этого, онъ немедленно прекратилъ начатую было при Екатеринѣ персидскую войну и пріостановилъ приготовленія къ войнѣ съ Франціей, отмѣнивши сдѣланное уже Екатериной распоряженіе о новомъ рекрутскомъ наборѣ. Долго выдержать свое доброе намѣреніе

Павлу, однако, не удалось. Быстрый ростъ Французской республики и военные успѣхи Наполеона, подчинившаго своей власти чуть не половину Западной Европы съ провозглашеніемъ всюду республиканской формы правленія (Республика—Цизальпинская въ Бельгіи, Батавская въ Голландіи, Гельветическая въ Швейцаріи и Римская въ Папской области), заставили Павла I въ 1799 году примкнуть къ коалиціи державъ противъ Франціи, ради охраны монархическаго начала и политическаго равновѣсія въ Европѣ. Въ составъ коалиціи, кромѣ Россіи, вошли Австрія, Англія, Турція и Неаполитанское королевство *). Соединенный русско-турецкій флотъ двинулся къ Іоническимъ островамъ, чтобы изгнать оттуда французовъ, а сухопутная русская армія, состоявшая изъ 60 тыс. человѣкъ, вмѣстѣ съ австрійской, должна была дѣйствовать противъ французовъ въ Италіи. Главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, по просьбѣ австрійскаго императора, Павелъ назначилъ Суворова.

„Иди спасать царей“, сказалъ Павелъ Суворову, вызвавъ его собственноручнымъ письмомъ въ Петербургъ. Престарѣлый герой, томившійся отъ бездѣйствія въ деревнѣ, съ радостью принялъ приглашеніе, особенно когда Павелъ, послѣ разговора съ Суворовымъ, предоставилъ ему „вести войну, какъ хочетъ“, т. е. далъ ему полную свободу дѣйствій. Суворову пришлось, однако, испытать стѣсненія съ другой стороны—отъ австрійскаго военнаго совѣта (гофкригсрата), который намѣтилъ свой планъ войны и требовалъ непремѣннаго его исполненія. Суворовъ выполнилъ этотъ планъ (занятіе сѣверной Италіи) по-своему, одержавши въ теченіе полутора мѣсяца нѣсколько блестящихъ побѣдъ (при рр. Аддѣ и Требіи и при г. Нови) надъ французами, которыми командовали лучшіе генералы французской арміи, доселѣ не имѣвшіе себѣ соперниковъ (Моро, Макдональдъ и Жуберъ). Жители Италіи восторженно привѣтствовали побѣдителя французовъ, казавшихся доселѣ имъ непобѣдимыми.

Императоръ Павелъ возвелъ Суворова послѣ первыхъ побѣдъ въ званіе князя Италійскаго и писалъ въ своихъ рескриптахъ, что

*) Были и другіе поводы къ размолвкѣ. Французскій генералъ Наполеонъ Бонапартъ, игравшій въ ней первенствующую роль, захватилъ островъ Мальту, принадлежавшій мальтійскимъ рыцарямъ, несмотря на то, что незадолго предъ тѣмъ Павелъ, съ дѣтства увлекавшійся рыцарствомъ, взялъ орденъ подъ свою защиту и принялъ званіе великаго магистра ордена. Протесты Россіи по этому поводу Франція оставила безъ удовлетворенія.

Въ свою очередь Павелъ давалъ у себя пріютъ французскимъ эмигрантамъ, бѣжавшимъ отъ преслѣдованій республиканцевъ. Цѣлый корпусъ ихъ въ 7 тыс. человѣкъ расположенъ былъ на квартирахъ въ Волынской и Подольской губерніи. Кромѣ того, Павелъ пригласилъ прибыть въ Россію Людовика XVIII, предложивъ ему для жительства замокъ въ Митавѣ и назначивъ ему ежегодное содержаніе въ 200.000 р.

великія дѣла Суворова „выше награжденій". Вся Европа удивлялась подвигамъ геніальнаго полководца, не признавалъ его заслугъ только австрійскій военный совѣтъ, находя, что онъ дѣйствуетъ не по правиламъ военнаго искусства и своими побѣдами обязанъ только слѣпому счастію и поэтому не заслуживаетъ награды.

Придираясь постоянно къ дѣйствіямъ Суворова и дѣлая ему на каждомъ шагу препятствія, австрійскій военный совѣтъ составилъ затѣмъ новый планъ войны, по которому австрійскія войска должны были остаться въ Италіи (откуда ихъ скоро и вытѣснили французы), Суворову же предписано было перейти въ Швейцарію на соединеніе съ стоявшимъ тамъ корпусомъ Римскаго-Корсакова и совмѣстно съ нимъ дѣйствовать противъ сосредоточенной тамъ подъ начальствомъ генерала Массены французской арміи. Послѣдовавшій затѣмъ знаменитый переходъ Суворова через Альпы съ цѣлымъ рядомъ новыхъ побѣдъ и надъ природой и надъ французами обезсмертилъ его имя въ исторіи.

Солдатамъ, непривычнымъ къ движенію по горамъ, приходилось часто карабкаться на отвѣсныя скалы, подсаживая другъ друга или подпираясь штыками, а затѣмъ, добравшись до снѣжныхъ вершинъ, спускаться съ опасностью жизни внизъ по обледенѣлымъ тропинкамъ. И все это приходилось дѣлать при упорномъ сопротивленіи враговъ, подъ выстрѣлами французовъ, дѣлавшихъ въ разныхъ мѣстахъ загражденія пути. Особенно тяжелъ былъ переходъ черезъ С.-Готардъ, стоившій Суворову до 2 тыс. чел. Взобравшись на снѣжныя вершины его, русскіе оттуда, подъ покровомъ тумана, какъ лавина, неожиданно скатились на французовъ и обратили ихъ въ бѣгство. Но тутъ возникло новое и еще болѣе опасное препятствіе: нужно было пройти сквозь узкое ущелье среди утесовъ, загораживавшимъ дорогу по долинѣ рѣки (Рейса), затѣмъ, подъ выстрѣлами враговъ, покупая каждый шагъ кровью, перебраться черезъ знаменитый Чортовъ мостъ, перекинутый черезъ пропасть глубиною въ 75 футовъ. Съ неимовѣрными усиліями богатыри Суворова одолѣли эти препятствія, но тутъ встрѣтила ихъ страшная вѣсть. Римскій-Корсаковъ, покинутый австрійцами, разбитъ превосходными силами французовъ и теперь Массена съ своей 60 тыс. арміей хочетъ запереть выходъ 18-тысячному отряду Суворова изъ Муттенской долины и взять въ плѣнъ какъ самого Суворова, такъ и находившагося при войскѣ великаго князя Константина Павловича. „Съ нами Богъ! воскликнулъ Суворовъ, обращаясь къ войскамъ. Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!" Солдаты и командиры обѣщали напрячь послѣднія силы, но не дать врагу побѣды. При тройномъ перевѣсѣ въ числѣ, французы не въ силахъ были сдержать бѣшеный напоръ Суворовскихъ героевъ и разбиты были на голову. Изнуренныя недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, истомленныя непрерывными боями и борьбою съ природой, въ изодранной одеждѣ, босыя, войска Суворова пробили себѣ дорогу по трупамъ враговъ и вышли изъ горъ. Награждая Суворова званіемъ гене-

ралиссимуса, Павелъ I писалъ ему въ рескриптѣ: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, вамъ недоставало одного рода славы—преодолѣть и самую природу, но теперь вы и надъ нею одержали верхъ“. Войскамъ велѣно было отдавать Суворову царскія почести, даже въ присутствіи самого государя; въ церквахъ на молебнахъ велѣно было провозглашать многая лѣта „россійской арміи побѣдоносцу“.

То былъ уже послѣдній подвигъ въ жизни Суворова. Недовольный двуличнымъ поведеніемъ австрійскаго военнаго совѣта по отношенію къ Суворову, Павелъ въ началѣ 1800 года отозвалъ свои войска обратно и даже порвалъ союзъ съ Австріей. Изнуренный неимовѣрными трудами во время итальянской кампаніи, Суворовъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ скончался.

Вслѣдъ за разрывомъ съ Австріей Павелъ I прервалъ дипломатическія сношенія и съ Англіей, которая тоже вела себя очень двусмысленно и плохо помогала нашему корпусу, дѣйствовавшему противъ французовъ въ Голландіи. Съ Франціей Павелъ заключилъ миръ (въ 1800 г.) и даже, при посредничествѣ Пруссіи, вступилъ въ сношенія съ первымъ консуломъ Французской республики Наполеономъ. Послѣдній всѣми способами добивался расположенія императора Павла, въ надеждѣ имѣть въ немъ союзника противъ наиболѣе опаснаго врага своего—Англіи. Въ концѣ всего, повинуясь чувству раздраженія на вѣроломство Австріи и Англіи и на попраніе ими „справедливости“, объ охранѣ которой Павелъ пуще всего заботился, онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ своими недавними союзниками и заключилъ союзъ съ Пруссіей—противъ Австріи, съ Швеціей и Даніей—противъ Англіи *). Между прочимъ его очень увлекала фантастическая перспектива похода на далекую Индію, чтобы вырвать изъ рукъ царицы морей главный источникъ ея богатства. Быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ, Павелъ I отдалъ уже приказъ донскимъ казакамъ идти черезъ Хиву и Бухару въ Остъ-Индію, но во время приготовленій къ войнѣ въ ночь съ 11 на 12-ое марта 1801 года внезапно скончался **).

Присоединеніе Грузіи. Незадолго до кончины Павла соверши-

---

*) Перемѣну своихъ отношеній къ Австріи и Англіи Павелъ, въ разговорѣ съ датскимъ посланникомъ, объяснилъ тѣмъ, что политика его „склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи; Англія и Австрія нарушили эту справедливость; между тѣмъ во Франціи скоро водворится король, если не по имени, то по существу, что измѣняетъ дѣло“.

**) Незадолго передъ смертію Павла I противъ него составился тайный заговоръ, съ участіемъ нѣкоторыхъ видныхъ сановниковъ и группы офицеровъ гвардіи, добивавшихся возврата прежнихъ порядковъ. Къ чисто-внутреннимъ причинамъ молва присоединяла и внѣшнія, упорно приписывая тогдашнему англійскому послу негласное, но близкое участіе въ преступномъ замыслѣ.

лось присоединеніе Грузіи къ Россіи. Грузинскій царь Георгій XIII, которому грозило иго магометанской Персіи, умирая, завѣщалъ свою страну русскому государю. Павелъ не сразу рѣшился принять это наслѣдство. Обладаніе отдаленнымъ краемъ и необходимость защиты его отъ хищныхъ сосѣдей сулили только хлопоты и расходы. Грузія же, отказываясь поневолѣ отъ самостоятельности, пріобрѣтала себѣ безопасность и спокойствіе. Оставлять единовѣрную страну безъ помощи было, однако, тяжело для русскаго чувства, и 18 января 1801 г. Павелъ издалъ наконецъ манифестъ о присоединеніи Грузіи „на вѣчныя времена“ къ Россіи.

Дѣятельности Павла I до послѣдняго времени не придавали почти никакого значенія и считали ее почти безслѣдной, тѣмъ болѣе, что большая часть его распоряженій были отмѣнены его преемникомъ. Царствованіе Павла представлялось многимъ какимъ-то сцѣпленіемъ случайныхъ эпизодовъ по большей части анекдотическаго характера, вызванныхъ минутными и малообъяснимыми капризами человѣка съ всемогущей властью, но съ крайне нервнымъ и неустойчивымъ характеромъ. Въ дѣйствительности, какъ показываютъ факты изъ исторіи его дѣтства и юности, его поступки во многихъ случаяхъ служили невольнымъ отраженіемъ оппозиціонныхъ теченій, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстной части высшаго общества временъ Екатерины. Онъ самъ является, собственно говоря, несчастной жертвой этихъ оппозиціонныхъ теченій.

Съ другой стороны, въ совокупности его разнородныхъ и, повидимому, мало связанныхъ одно съ другимъ распоряженій чувствуются общія всѣмъ имъ идеи и настроенія, составляющія опять-таки не его личное достояніе, но также воспринятыя имъ со стороны, въ томъ обществѣ, воздухомъ котораго онъ дышалъ въ Петербургѣ и Гатчинѣ. Сюда относятся, напр., идеи о насажденіи *порядка* и дисциплины въ распустившемся до-нельзя въ послѣдніе годы Екатерины офицерствѣ и столичномъ обществѣ, и та *демократическая* струйка, которая проникаетъ всѣ его распоряженія, въ противовѣсъ *аристократическимъ* влеченіямъ минувшаго царствованія, и которая такъ влекла къ нему сердце простого народа *). По особенностямъ своего личнаго характера онъ проводилъ эти идеи торопливо и безъ всякой системы и порядка, но онѣ не умерли вмѣстѣ съ нимъ, ибо не ему лично принадлежали; въ иныхъ формахъ и другими людьми онѣ проводятся въ жизнь общества при его преемникахъ.

---

*) Недолговременное, но обильное благожелательными распоряженіями относительно крестьянства царствованіе Павла оставило, по замѣчанію одного изъ современниковъ (Лубяновскаго) по себѣ замѣтные слѣды въ положеніи низшихъ классовъ: „за пересудами, пишетъ онъ, и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною былью и въ кругахъ службы, не безъ удовольствія вспоминаешь, что, не взирая на то, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей въ жизни не низко цѣнилось“.

Что касается такъ называемой анекдотической стороны его царствованія и тѣхъ проявленій суровости, какими богато особенно послѣднее время его царствованія, то добрая половина ихъ должна лечь на совѣсть тѣхъ лицъ, которыя окружали Павла и, примѣняясь къ неровностямъ его характера, прямо-таки поджигали его на поступки, не соотвѣтствовавшіе убѣжденіямъ этого добраго, великодушнаго и на рѣдкость правдиваго и искренняго человѣка. „Меня выставляютъ за ужаснаго, невыносимаго человѣка, а я не хочу никому внушать страха“, говорилъ Павелъ шведскому послу, и это было вѣрно. Самыми спокойными днями были тѣ, когда около Павла не было его бывшаго камердинера, потомъ сдѣлавшагося графомъ и наперсникомъ царя,—Кутайсова. Въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда его настроеніе, по общимъ отзывамъ, принимало особенно рѣзкій характеръ, выпали какъ нарочно два спокойные мѣсяца; это было въ то время, когда уѣхалъ изъ Петербурга заявившій себя рѣдкимъ двуличіемъ злой геній послѣднихъ дней жизни Павла—графъ Паленъ.

Одинъ изъ современниковъ Павла, вдобавокъ обиженный имъ, писалъ о немъ слѣдующее: „Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, если бы окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти“. Другой современникъ также хвалитъ добрыя качества Павла, хотя и признаетъ ихъ безполезными, ссылаясь на его характеръ. „Павелъ былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана, заботившійся о правосудіи и искорененіи всякихъ злоупотребленій власти, въ особенности лихоимства и взяточничества. Къ несчастью, всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными, вслѣдствіе отсутствія мѣры, крайней раздражительности и нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе въ исполненіи приказа, малѣйшая несправедливость по службѣ, влекли за собой строжайшій выговоръ и даже наказаніе“ *).

Эта нервная нетерпѣливость и требовательность, тяжелыя и въ частномъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ правителѣ обширной страны, особенно усилились въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ разошелся съ благотворно вліявшимъ на него обществомъ Нелидовой и ея друзей, а также устранился, подъ вліяніемъ разныхъ наговоровъ, и отъ своей супруги Маріи Ѳеодоровны. Во всякомъ случаѣ, тяжелыя стороны царствованія Павла I и особенности его характера всего сильнѣе чувствовались въ столицѣ, и за шумомъ, который они здѣсь

---

*) Изъ ряда разсказовъ, характеризующихъ перемѣны въ настроеніяхъ и быстроту рѣшеній Павла, любопытнѣе другихъ эпизодъ съ Капнистомъ. Онъ написалъ комедію „Ябеда“, гдѣ осмѣивалъ неправосудіе чиновниковъ, и желалъ посвятить ее „правдолюбивому монарху“. Павелъ принялъ посвященіе, не читая пьесы, но когда ее представили на сценѣ и она имѣла шумный успѣхъ, генералъ-прокуроръ доложилъ, что пьеса произвела соблазнъ и „представляетъ явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ“. Павелъ, въ порывѣ гнѣва, приказалъ было отправить автора въ ссылку, но, заинтересовавшись пьесой, велѣлъ представить ее въ эрмитажномъ театрѣ только для себя и Александра Павловича. Послѣ перваго же акта онъ послалъ фельдъегеря воротить автора, пожаловалъ ему не въ очередь чинъ статскаго совѣтника и далъ крупную денежную награду.

вызывали, дѣйствуя на чувства современниковъ, заставляли забывать нѣкоторыя изъ положительныхъ сторонъ его дѣятельности, которыя сказывались за предѣлами столицы, гдѣ личные порывы его отражались слабо.

Императрица Марія Ѳеодоровна, супруга Павла I, по своей благотворительной и воспитательной дѣятельности, является одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ женщинъ въ русской исторіи. Дочь принца Фридриха-Евгенія, состоявшаго на прусской службѣ и лишь подъ старость сдѣлавшагося владѣтельнымъ герцогомъ Виртембергскимъ, она какъ нѣкогда и Екатерина II, жила и воспитывалась при простой обстановкѣ и, сдѣлавшись супругой государя одной изъ величайшихъ имперій въ мірѣ, принесла съ собою на тронъ и сохранила до старости тѣ же простыя привычки, наклонность къ труду и дѣловитость, какими отличалась въ молодые годы.

До восшествія на престолъ Павла I, она, какъ и ея мужъ, не играла видной роли, что объясняется разладомъ между Екатериной II и ея сыномъ. Даже воспитаніемъ старшихъ ея сыновей (Александра и Константина) руководила Екатерина. Вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ Павла I, Марія Ѳеодоровна 12 ноября 1796 г. была поставлена „начальствовать“ надъ Смольнымъ институтомъ и воспитательными домами и сразу же проявила въ этомъ дѣлѣ большую энергію и привлекла въ пользу этихъ учрежденій много пожертвованій.

Мечту Екатерины II о созданіи путемъ воспитанія „новой породы“ людей Марія Ѳеодоровна считала безполезнымъ увлеченіемъ и отмѣнила правило относительно ранняго (съ 5 лѣтъ) поступленія дѣвицъ въ институтъ. Она стремилась къ „практической“ постановкѣ дѣла и въ основаніи системы женскаго образованія положила сословный принципъ, стремясь къ тому, чтобы дѣти лицъ различнаго положенія въ обществѣ имѣли и различную учебно-воспитательную подготовку. Соотвѣтственно этому, напр., образованію дѣвицъ на такъ называемой „мѣщанской“ половинѣ Смольнаго приданъ былъ по преимуществу профессіональный характеръ—изъ нихъ готовились учительницы, гувернантки и пр.

Предметомъ особенной заботливости Маріи Ѳеодоровны былъ воспитательный домъ въ Петербургѣ, доведенный ею до огромныхъ размѣровъ и благодаря ея щедрости и энергіи поставленный въ возможность тратить сотни тысячъ рублей на призрѣніе и воспитаніе множества брошенныхъ дѣтей. Императрица уничтожила скученность дѣтей въ этомъ домѣ, служившую причиной необычайной смертности ихъ, и приказала ограничить число воспитывающихся 500 чел.; остальныхъ приносимыхъ въ домъ младенцевъ велѣно былой отдавать „въ казенныя государевы деревни благонадежнымъ и добраго поведенія крестьянкамъ“ на воспитаніе, съ цѣлью пріучить питомцевъ къ сельскому хозяйству. Въ самомъ же домѣ должны были оставаться лишь совершенно слабыя дѣти, требовавшія непрестаннаго ухода. За надлежащимъ исполненіемъ дѣла организованъ былъ строгій контроль въ лицѣ особыхъ инспекторовъ, объѣзжавшихъ деревни, гдѣ воспитывались дѣти. За выборомъ ихъ слѣдила сама императрица и часто призывала къ себѣ воспита-

тельницъ-крестьянокъ, прося ихъ поберечь ея „дѣтокъ“ и поощряя усердныхъ денежными наградами и подарками.

Послѣ смерти Павла I, въ царствованіе его сыновей Александра I и Николая I, участіе Маріи Ѳеодоровны въ русской государственной жизни ограничивалось также почти исключительно заботами о женскомъ образованіи и дѣятельности на поприщѣ благотворительности. Благодаря ея покровительству и содѣйствію, въ столицахъ и провинціи основанъ былъ цѣлый рядъ женскихъ учебныхъ заведеній *). Всѣ они были хорошо обезпечены въ матеріальномъ отношеніи; между прочимъ пяти столичнымъ институтамъ она пожертвовала при жизни и оставила по завѣщанію до 4-хъ мил. рублей.

Марія Ѳеодоровна почти ежедневно посѣщала то или другое изъ покровительствуемыхъ ею учрежденій и съ особенной нѣжностью и заботливостью относилась къ больнымъ дѣтямъ, привозила имъ цвѣты, лакомства, игрушки и пр. Нерѣдко она присутствовала при трудныхъ операціяхъ, ободряя больныхъ и поддерживая ихъ мужество; нѣкоторыя изъ нихъ соглашались на операцію только подъ условіемъ, что императрица будетъ при этомъ присутствовать. Въ учебномъ дѣлѣ она входила во всякія подробности, выбирала учебники и руководства, просматривала письменныя работы учащихся, отличала ихъ успѣхи, присутствовала почти на всѣхъ экзаменахъ и старалась объ устройствѣ дальнѣйшей судьбы своихъ питомицъ по окончаніи ими курса.

Послѣ ея кончины (въ 1828 г.) завѣдываніе всѣми учрежденіями, ею покровительствуемыми, возложено было императоромъ Николаемъ I на особое „IV-е отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи“.

---

*) Маріинскій, Екатерининскій, Павловскій и Патріотическій институты въ Петербургѣ, Екатерининскій и Александровскій въ Москвѣ, Харьковскій, Полтавскій, акушерскій институтъ въ Москвѣ и повивальный въ Петербургѣ, нѣсколько училищъ для солдатскихъ дѣтей и дочерей чиновъ флота и пр.

Александръ I (1801—1825 г.)

Воспитаніе Александра. Первые годы жизни Александра Павловича напоминали до нѣкоторой степени дѣтство его отца Павла I. Подобно ему Александръ (вмѣстѣ съ братомъ—Константиномъ) былъ взятъ отъ родителей, которыхъ Екатерина признавала неспособными воспитать будущаго государя. Она взяла это дѣло на себя, надѣясь видѣть во внукѣ то, чего не встрѣтила въ сынѣ—выразителя своихъ лучшихъ мыслей и стремленій. Екатерина сама написала азбуку для своихъ внуковъ и нѣсколько книгъ для первоначальнаго чтенія и вмѣстѣ съ тѣмъ составила на началахъ отвлеченнаго либерализма въ духѣ сочиненій Руссо и Локка и правила о воспитаніи своего внука „по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели". Выполненіе этого плана поручено было цѣлому штату воспитателей, главнымъ изъ которыхъ былъ полковникъ *Лагарпъ*, швейцарскій республиканецъ, восторженный поклонникъ тогдашнихъ философскихъ идей о политической свободѣ, человѣкъ въ высокой степени честный и независимый по характеру и убѣжденіямъ. Онъ завѣдывалъ умственнымъ воспитаніемъ великаго князя, читая мальчику Александру и неразлучному товарищу его дѣтскихъ игръ его брату Константину сочиненія латинскихъ и греческихъ классиковъ—Демосѳена, Плутарха, Тацита, а также англійскихъ и французскихъ философовъ, историковъ и публицистовъ,—Локка, Гиббона, Руссо, дополняя ихъ своими бесѣдами о разныхъ предметахъ. Лагарпъ сдѣлался задушевнымъ другомъ и любимымъ наставникомъ своего царственнаго питомца, который говорилъ впослѣдствіи про себя, что „если бы не было Лагарпа, то не было бы и Александра". Идеалистъ и теоретикъ, знакомый больше съ книгами, чѣмъ съ людьми (какъ Лагарпъ и самъ о себѣ отзывался), республиканецъ-воспитатель не могъ, однако, имѣть на Александра того глубокаго вліянія, на какое разсчитывалъ, начиняя умъ ребенка идеями, которыя, по выраженію одного изъ современниковъ и учителей Александра, едва подъ силу были бы и 20-лѣтнему юношѣ. Сентенціи Лагарпа были слишкомъ отвлеченны для мальчика 10—14 лѣтъ и скользили по поверхности его ума, не проникая въ глубь. Поэтому, хотя лекціи Лагарпа и вызвали въ великомъ князѣ рядъ гуманныхъ чувствъ и гуманныхъ идей о свободѣ и равенствѣ людей, о спра-

ведливости, о вредѣ деспотизма и рабства и т. п., но не придали имъ опредѣленной формы, не указали средствъ къ ихъ практическому осуществленію. Лагарпъ мало знакомъ былъ съ жизнью и совсѣмъ не зналъ русской дѣйствительности, и когда впослѣдствіи, уже по отъѣздѣ изъ Россіи, столкнулся съ дѣйствительной жизнью и человѣческими страстями, въ качествѣ руководителя Гельветической республики, то отказался отъ многихъ либеральныхъ и теоретическихъ увлеченій и въ 1802 г. писалъ даже Александру, тоже во многомъ покинувшему мечты своего дѣтства, что величайшее благо для Россіи заключается въ разумномъ самодержавіи, и въ этомъ новомъ духѣ старался его настроить.

Кромѣ Лагарпа учителями Александра были Крафтъ, проф. физики, извѣстный ученый Палласъ, читавшій ботанику, и математикъ Массонъ. Законоучителемъ былъ прот. Самборскій, и по убѣжденіямъ и даже по внѣшности (съ разрѣшенія Екатерины, онъ, по заграничной привычкѣ, гдѣ служилъ ранѣе, носилъ свѣтскую одежду и брилъ бороду), не походившій на духовное лицо и лишенный глубокаго религіознаго чувства. Онъ не познакомилъ своего питомца даже съ библіей. Моральныя наставленія давала ему сама Екатерина, сочинившая для своихъ внуковъ назидательныя сказки и даже русскую исторію (до нашествія татаръ). Русскій языкъ преподавалъ Александру извѣстный сантиментальный писатель М. Муравьевъ. Нельзя сказать, чтобы Александръ особенно успѣвалъ по русскому языку; не только въ дѣтствѣ, но и впослѣдствіи онъ свободнѣе объяснялся по-французски, чѣмъ по-русски, особенно когда дѣло касалось какихъ-нибудь сложныхъ вопросовъ. Да и по другимъ предметамъ, при всей своей природной даровитости, онъ любилъ больше слушать, чѣмъ учиться, и не выработалъ въ себѣ надлежащей привычки къ самостоятельной работѣ.

Бесѣды съ Лагарпомъ и весь ходъ обученія, не дававшій Александру знакомства съ дѣйствительностію, развили въ юномъ царевичѣ идеализмъ, съ примѣсью мечтательности и сантиментализма. Онъ хотѣлъ быть образцомъ простоты и умѣренности въ жизни, мечталъ о славѣ благодѣтеля и освободителя народа, восхищался республиканскими добродѣтелями и тосковалъ о сельскомъ уединеніи и идиллической жизни гдѣ-нибудь въ глуши Швейцаріи.

Но и такое обученіе и воспитаніе кончилось рано. Екатерина поспѣшила его женить, когда ему было еще 16 лѣтъ, на кроткой и симпатичной 14-лѣтней принцессѣ Баденской Луизѣ, по принятіи православія получившей имя Елизаветы Алексѣевны.

Александръ и послѣ женитьбы продолжалъ нѣкоторое время свои бесѣды съ Лагарпомъ, но ученіе почти бросилъ. Онъ пристрастился теперь къ военному дѣлу, подъ вліяніемъ Гатчины и созерцанія „образцовыхъ“ войскъ отца, къ которому Екатерина разрѣшала ему время отъ времени ѣздить *). Эти поѣздки въ Гатчину вносили неизбѣжное раздвоеніе въ строй мыслей и чувствъ Александра.

*) Связывающимъ Гатчину и Петербургъ для Александра звеномъ служили два лица — ген. Салтыковъ, состоявшій въ должности „попечителя“ обоихъ великихъ князей, наблюдавшій за внѣшними порядками ихъ жизни, и Аракчеевъ. Первый былъ ловкимъ и угодливымъ царедворцемъ, который нравился обоимъ дворамъ. Онъ былъ въ милости у великокняжеской четы, у которой завѣдывалъ дворомъ, и въ то же время угождалъ и Екатеринѣ, не вмѣши-

Удаленный отъ дѣлъ правленія и какъ бы опальный отецъ вызывалъ своимъ положеніемъ симпатію и жалость впечатлительнаго юноши. Простота жизни и суровые отзывы Павла о придворномъ мірѣ Екатерины сходились съ поученіями Лагарпа, тоже проповѣдывавшаго простоту жизни и осуждавшаго роскошь. Не покидая привычекъ и воззрѣній, привитыхъ раннѣйшимъ воспитаніемъ, Александръ пріобрѣталъ теперь новые навыки и взгляды. Выслушивая невольно взаимные упреки двухъ сторонъ, онъ усвоилъ критическое отношеніе къ обѣимъ и въ то же время, въ силу своего положенія, долженъ былъ употреблять всѣ старанія, чтобы сохранить расположеніе и отца и бабки. Къ двойственности взглядовъ и привычекъ привилось еще умѣнье мѣнять по произволу свое настроеніе, скрывать свои истинныя чувства и мысли подъ внѣшнимъ видомъ довольства, привѣтливости *). Еще труднѣе стало его положеніе, когда Екатерина, убѣдившись въ полномъ несоотвѣтствіи взглядовъ Павла Петровича съ ея воззрѣніями, пришла къ мысли о необходимости передать престолъ, помимо сына, внуку, и Александру приходилось осторожно уклоняться отъ этого, рискуя въ одно и то же время навлечь неудовольствіе Екатерины и подозрѣнія Павла.

Перемѣны, которыя произошли въ придворной жизни и общественномъ порядкѣ съ воцареніемъ Павла, тоже не могли благотворно отозваться на характерѣ Александра. Крутымъ мѣрамъ отца онъ не могъ сочувствовать и сильно страдалъ при этомъ душою. Несмотря, однако, на тяжелое положеніе, въ какомъ находился при дворѣ императора Павла, Александръ уже въ это время успѣлъ обнаружить гуманность и кротость въ обращеніи съ подчиненными, что влекло къ нему общія симпатіи. Поэтому при вступленіи на престолъ его встрѣтило самое радостное общественное настроеніе. Мало опытный въ дѣлахъ управленія, онъ на первыхъ порахъ, по совѣту приближенныхъ, предпочелъ держаться политическихъ взглядовъ великой бабки своей Екатерины и въ манифестѣ своемъ объявилъ о намѣреніи „управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и сердцу“ покойной государыни, что опять-таки вызвало въ ту пору общій восторгъ.

Первыя распоряженія Александра направлены были къ отмѣнѣ тѣхъ указовъ прошлаго царствованія, которые видоизмѣнили общественный порядокъ, установленный Екатериной II, а именно возстановлены жалованныя грамоты дворянству и горожанамъ въ ихъ полномъ объемѣ,

---

ваясь въ отношеніи матери и сына, по всячески стараясь смягчить эти отношенія. Обѣ стороны цѣнили эти усилія, и Екатерина, вовсе не желавшая обострять свои отношенія къ сыну, не разъ пытавшаяся склонить его въ сторону своихъ взглядовъ, назначеніемъ Салтыкова надѣялась смягчить горечь разлуки родителей съ сыновьями. Салтыковъ и содѣйствовалъ тому, чтобы сыновья Павла посѣщали почаще Гатчину. Что касается Аракчеева, то этотъ человѣкъ, говорившій Павлу, что не имѣетъ у себя никого защитникомъ и покровителемъ, „кромѣ Бога и его высочества“, сумѣлъ понравиться Лагарпу своей грубоватой прямотой и честностію и черезъ него вошелъ въ довѣренность къ Александру, которому потомъ оказывалъ „неоцѣненныя“ услуги по изученію гатчинской военной науки; оба они, а также Лагарпъ стояли за сближеніе сына съ отцомъ и въ этомъ смыслѣ постоянно вліяли на Александра.

*) Впослѣдствіи эти качества еще сильнѣе развились въ Александрѣ, что и породило данное ему современниками прозваніе „очаровательный сфинксъ“.

отмѣнены тѣлесныя наказанія для привилегированныхъ сословій; снова позволено русскимъ ѣздить за границу, ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи.

Кромѣ этого въ самомъ началѣ царствованія дана была амнистія лицамъ, отправленнымъ въ царствованіе Павла I въ ссылку или заключеннымъ въ тюрьмахъ по политическимъ дѣламъ, и уничтожено было и самое учрежденіе, вѣдавшее эти дѣла, или такъ называемая „*Тайная Экспедиція*" (установленная еще при Екатеринѣ II). Дѣла этого рода велѣно было разбирать обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ въ особой комиссіи при Сенатѣ, при чемъ поставлено было задачей облегчить участь лицъ, „вины которыхъ были неумышленны, касались больше мнѣній и образа мыслей, чѣмъ дѣлъ, наносящихъ вредъ государству". Въ заключеніе всего изданъ указъ Сенату, окончательно *отмѣнявшій пытки*, которыя, несмотря на запрещеніе ихъ въ царствованіе Екатерины, все еще практиковались въ тогдашнихъ русскихъ судахъ. „Пусть самое названіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено будетъ изъ памяти народной", говорилось въ заключеніе указа.

Интимный комитетъ. Первыя распоряженія Александра, вытекавшія изъ внушенныхъ ему еще въ юности Лагарпомъ гуманныхъ идей, и чрезвычайная мягкость и привѣтливость въ обращеніи, производившая чарующее впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ и лицъ, имѣвшихъ случай видѣть молодого государя, создали ему удивительную популярность въ обществѣ, особенно столичномъ. Многимъ казалось, что возвращаются времена Екатерины, но только при еще болѣе мягкихъ и гуманныхъ формахъ управленія, и что бывшіе дѣльцы ея царствованія вновь столпятся около трона. Александръ дѣйствительно въ первое время управлялъ при помощи людей „бабушкина вѣка", признавая ихъ опытность въ веденіи и знаніи техники дѣлъ, но совѣтовался о лучшихъ способахъ и задачахъ управленія онъ не съ ними, а съ друзьями своей молодости, въ интимномъ домашнемъ кружкѣ, которому самъ же придалъ шутливое прозваніе, взятое изъ временъ французской революціи—„комитетъ общественнаго спасенія". Въ составъ этого негласнаго комитета входили четыре лица, наиболѣе видные по своему происхожденію и связямъ представители тогдашняго дворянскаго общества, воспитанные въ томъ же духѣ, въ какомъ былъ воспитанъ Александръ: графъ *Кочубей*, осторожный и проницательный человѣкъ, знавшій, однако, Англію больше, чѣмъ Россію; ученый и способный *Новосильцевъ*, подобно Кочубею, долго жившій въ Англіи и бывшій тоже поклонникомъ англійскихъ порядковъ; графъ *Строгановъ*, человѣкъ съ большимъ умомъ и образованіемъ, замѣчательно благороднымъ характеромъ, наиболѣе пылкій и горячій изъ собесѣдниковъ Александра, получившій французское воспитаніе, и наконецъ князь Адамъ *Чарторижскій*, полякъ по происхожденію и симпатіямъ, много поработавшій на пользу своей родины, наиболѣе сдержанный изъ всѣхъ членовъ комитета. Все

это были люди сравнительно молодые, полные силъ и энергіи. Самому старшему изъ членовъ кружка (Кочубею) было 40 лѣтъ, остальнымъ менѣе 30-ти, самымъ младшимъ между ними былъ самъ Александръ (24 лѣтъ). Старики-сановники, недовольные вліяніемъ членовъ этого кружка, звали ихъ „молодыми наперсниками“ государя. Совѣтуясь съ своими друзьями, Александръ, однако, всегда почти поступалъ по-своему и очень ревниво относился къ чьимъ бы то ни было попыткамъ оказать на него давленіе. Изъ лицъ предыдущаго царствованія первымъ испыталъ это на себѣ графъ Паленъ, который въ первое время сохранилъ то вліятельное положеніе, какое имѣлъ въ моментъ кончины Павла; онъ пробовалъ не разъ вступать съ молодымъ императоромъ въ споръ и навязывать ему собственныя мнѣнія. Александръ помедлилъ нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ совершенно неожиданно для могущественнаго временщика при милостивомъ рескриптѣ уволилъ его „по болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ“ и затѣмъ предписалъ ему выѣхать изъ столицы и жить въ своемъ курляндскомъ имѣніи.

Съ этой поры, т. е. съ лѣта 1801 года, и начинается собственно дѣятельность интимнаго комитета.

Между прочимъ, изъ записокъ Строганова о дѣятельности комитета видно, что Александръ обыкновенно ставилъ своимъ друзьямъ на обсужденіе тотъ или другой вопросъ, не высказывая заранѣе своего взгляда и не предупреждая такимъ образомъ рѣшенія, чѣмъ и давалъ своимъ собесѣдникамъ полную свободу мнѣній. Но если онъ разъ высказалъ взглядъ на дѣло, то упрямо держался его, и члены комитета въ большинствѣ случаевъ уже не рѣшались ему противорѣчить въ томъ же засѣданіи, дожидаясь, пока онъ самъ не обдумаетъ дѣло и не перемѣнитъ своего мнѣнія. Въ вопросахъ внутреннихъ это случалось, но во внѣшнихъ дѣлахъ онъ настойчиво держался своей точки зрѣнія, часто вопреки единогласнымъ рѣшеніямъ и предостереженіямъ всего комитета. Возникшія на этой почвѣ разногласія охладили потомъ расположеніе государя къ комитету, и съ 1804 года послѣдній уже не собирается, а члены его перестаютъ быть въ непосредственной близости къ Александру. Заочное участіе въ обсужденіи дѣлъ, предлагавшихся государемъ комитету, принималъ Лагарпъ; по приглашенію Александра онъ пріѣзжалъ даже на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію. Его записка по учебному дѣлу легла потомъ въ основу новыхъ законоположеній по этой части*). Касаясь другихъ частей управленія, Лагарпъ, измѣнившій во многомъ свои взгляды послѣ полуторагодового опыта упра-

---

*) По тому же вопросу имѣла значеніе и другая записка, поданная Александру Василіемъ Назарьевичемъ *Каразинымъ*, одной изъ замѣчательныхъ личностей первой половины XIX в. Искренній идеалистъ, онъ былъ страстнымъ поборникомъ общественной самодѣятельности и просвѣщенія и въ этомъ смыслѣ подавалъ неоднократно записки Александру I и Николаю I. Ему принадлежала идея объ учрежденіи особаго министерства народнаго просвѣщенія; онъ же былъ главнымъ виновникомъ и устроителемъ Харьковскаго университета. Впослѣдствіи, за рѣзкіе отзывы о текущихъ событіяхъ, онъ былъ водворенъ въ своемъ имѣніи Харьковской губ., гдѣ занимался метеорологіей, сельскимъ хозяйствомъ и образцово устроилъ бытъ своихъ крестьянъ, подаривъ имъ за оброкъ въ вѣчное пользованіе землю († 1872 г.)

вленія Гельветической республикой, возставалъ противъ „призрачной свободы“ народныхъ собраній и видѣлъ великое благо для Россіи въ „разумномъ самодержавіи“. Съ меньшимъ сочувствіемъ относился онъ теперь и къ дѣлу освобожденія крестьянъ, выставляя необходимость охраны помѣщичьихъ правъ собственности и даже не совѣтовалъ употреблять слова: „освобожденіе“, замѣняя его выраженіемъ: „перемѣны въ экономическомъ бытѣ“ и т. д.

Перемѣна взглядовъ бывшаго воспитателя произвела глубокое впечатлѣніе на Александра. Въ сужденіяхъ Лагарпа о неудобствахъ освобожденія крестьянъ онъ не могъ подозрѣвать личнаго мотива, какъ среди русскихъ совѣтниковъ по тому же вопросу. Что касается взглядовъ Лагарпа на значеніе верховной власти, то они соотвѣтствовали наслѣдственнымъ чертамъ въ характерѣ Александра. Правда, онъ до конца жизни не покидаетъ своихъ мыслей или скорѣе мечтаній о представительномъ правленіи, но разумѣетъ это при непремѣнномъ условіи сохраненія всей полноты власти за государемъ. Это сказалось въ его отношеніи и поправкахъ къ проекту Сперанскаго по данному вопросу и къ дарованной имъ во вторую половину царствованія конституціи Царству Польскому.

Узаконенія о крестьянахъ. Возстановляя жалованныя грамоты дворянству и горожанамъ, Александръ желалъ сдѣлать что-нибудь и въ пользу крестьянъ и хотя отчасти осуществить мечты своей юности. Мысль о полной отмѣнѣ крѣпостного права онъ уже оставилъ, такъ какъ она почти ни въ комъ не встрѣтила сочувствія, какъ „преждевременная“. Александръ рѣшилъ только не умножать впредь числа крѣпостныхъ раздачей земель съ крестьянами въ награду за служебныя заслуги. Далѣе — отъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ велѣлъ отбирать крестьянъ, а самихъ помѣщиковъ отдавать въ опеку и всячески старался ограничить продажу крестьянъ безъ земли; между прочимъ съ этою цѣлью запретилъ публиковать о продажѣ крестьянъ въ газетахъ. Прямыя публикаціи прекратились, но появились иносказательныя, а самая продажа, всетаки, совершалась чаще всего подъ видомъ найма. Въ концѣ 1801 г. послѣдовалъ важный указъ о предоставленіи людямъ всѣхъ состояній права пріобрѣтать покупкой земли въ собственность; доселѣ это было привилегіей однихъ дворянъ, теперь это стало правомъ всѣхъ свободныхъ людей и распространено было на государственныхъ крестьянъ. Въ 1803 году послѣдовалъ еще болѣе важный по цѣли указъ—о такъ называемыхъ *вольныхъ хлѣбопашцахъ*, вызванный просьбой графа Румянцева о разрѣшеніи отпустить на волю крестьянъ одного изъ его имѣній съ землей. Новый законъ предоставлялъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ цѣлыми обществами или отдѣльными семействами съ землей, на условіяхъ, на которыя согласятся обѣ стороны; вышедшіе такимъ путемъ на волю крестьяне не

причислялись къ государственнымъ, которые могли переходить и въ несвободное состояніе въ случаѣ пожалованія ихъ кому-либо въ награду, но составили особый классъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Этотъ указъ вызвалъ ожесточенные нападки крѣпостниковъ, какими было еще большинство дворянства, и практическаго значенія почти не имѣлъ, тѣмъ болѣе, что примѣненіе его обставлено было цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ для обѣихъ сторонъ формальностей. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, нѣкоторые изъ наиболѣе либерально настроенныхъ помѣщиковъ, иногда не безъ задней цѣли угодить государю, или же ради денежныхъ выгодъ отъ выкупавшихся на волю крестьянъ, отпустили, по примѣру Румянцева, часть своихъ крѣпостныхъ. Всего вольныхъ хлѣбопашцевъ набралось за 22 года до конца царствованія Александра I не свыше 30 тысячъ, что составляло каплю въ морѣ крѣпостныхъ. Указъ этотъ имѣетъ важность только какъ первый практическій шагъ на пути освобожденія крестьянъ и при томъ съ землей, чего еще тогда нигдѣ не было, и въ этомъ отношеніи является предтечей великаго акта 19 февраля 1861 г., когда Александромъ II уже всѣ крестьяне были отпущены на волю съ землей.

Толки объ освобожденіи крестьянъ, вызванные мѣрами Александра, навели впослѣдствіи нѣмецкое дворянство на оригинальную мѣру: крестьяне трехъ прибалтійскихъ губерній были отпущены (1816—1819 г.) на волю, но безъ надѣла землей и безъ права переселенія въ другія русскія губерніи (всего освобождено было около 400 тыс. душъ). Александръ I былъ очень доволенъ этимъ актомъ „великодушнаго самопожертвованія“, не подозрѣвая, что эта личная свобода содѣйствовала только новому ихъ закрѣпощенію, такъ какъ, не имѣя земли и лишенные права переселенія во внутреннія губерніи, они волей-неволей должны были арендовать землю у тѣхъ же помѣщиковъ и попасть къ нимъ въ еще болѣе тяжелую экономическую кабалу.

Заботы о просвѣщеніи. Съ самаго начала царствованія Александръ I обращалъ особенное вниманіе на народное образованіе. Для завѣдыванія этимъ важнымъ дѣломъ учреждено особое министерство народнаго просвѣщенія и отпущены были изъ казны средства для увеличенія числа школъ въ Имперіи. Благодаря этому главныя народныя училища, переименованныя въ „гимназіи“, открыты были почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; умножено также число малыхъ или „уѣздныхъ“ училищъ (какъ ихъ теперь стали называть), а для первоначальнаго образованія заведены „приходскія училища“ (1803 г.). Для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія основаны были въ Москвѣ и Петербургѣ „Педагогическіе институты“. Открыто

три новыхъ университета — въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ (послѣднiй образованъ въ 1819 г. изъ Педагогическаго института). Кромѣ того въ Петербургѣ основанъ Институтъ корпуса путей сообщенiя, Лѣсной институтъ, высшее училище Правовѣдѣнiя, въ Царскомъ Селѣ Лицей. Въ духовномъ вѣдомствѣ при Александрѣ учреждена была особая „комиссiя духовныхъ училищъ", которая издала уставъ академiй, семинарiй и низшихъ духовныхъ школъ (1814 г.); для содержанiя этихъ школъ даровано церквамъ исключительное право продажи восковыхъ свѣчъ.

Самъ Александръ дѣлалъ изъ своихъ средствъ щедрыя пожертвованiя на устройство учебныхъ заведенiй и этимъ побуждалъ и другихъ на жертвы въ пользу науки и просвѣщенiя. Такъ извѣстный богачъ Демидовъ пожертвовалъ свыше миллiона руб. на основанiе Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ; графъ Безбородко основалъ Филологическiй Лицей въ Нѣжинѣ; харьковское и екатеринославское дворянства собрали 400 тыс. руб. на университетъ въ Харьковѣ и т. д.

Въ то же время сильно развилась публицистическая и литературная дѣятельность. Явился солидный по своему времени журналъ „Вѣстникъ Европы" (съ 1802 г.), издававшiйся М. Каченовскимъ и М. Карамзинымъ, „Сынъ Отечества" Н. Греча (съ 1813 г.), „Отечественныя Записки" П. Свиньина и др. перiодическiя изданiя, пользовавшiяся значительнымъ успѣхомъ среди публики. Литературная дѣятельность *Карамзина*, носившая характеръ высокой гуманности и такъ называемаго сентиментализма, имѣла громадное влiянiе на современное общество. Поэзiя *Жуковскаго* внесла въ литературу освѣжающую струю романтизма. Раздались печальные звуки лиры *Батюшкова*, *Баратынскаго* и появились первыя произведенiя величайшаго русскаго поэта *Пушкина*. Басни *Крылова*, перваго по значенiю русскаго баснописца, безсмертная комедiя *Грибоѣдова* „Горе отъ ума" завершаютъ кругъ крупныхъ литературныхъ произведенiй, которыми эпоха Александра оставила видный слѣдъ въ русской литературѣ.

Въ области исторiографiи видное значенiе имѣли труды Шлецера, Бантышъ-Каменскаго, Калайдовича и др. и особенно капитальный трудъ Карамзина „Исторiя государства Россiйскаго", привлекшiй къ себѣ восторженное вниманiе самыхъ широкихъ круговъ тогдашняго общества. Александръ щедро наградилъ автора, когда тотъ представилъ ему первые восемь томовъ своей исторiи (остальные четыре вышли уже по смерти Карамзина)—ему дано было 60 тыс. руб. на печатанiе исторiи и орденъ св. Анны 1-й степени.

Реформы въ центральномъ управленiи. Въ царствованiе Екатерины II было преобразовано мѣстное управленiе, но центральное осталось нетронутымъ. Дѣла попрежнему вели коллегiи, подъ руководствомъ Сената.

Нѣкоторыя изъ Петровскихъ коллегій были при Екатеринѣ упразднены за распредѣленіемъ ихъ дѣлъ въ вѣдѣніе губернскихъ учрежденій, остальныя коллегіи во второй половинѣ XVIII в. потеряли свое первоначальное значеніе, вслѣдствіе господства отдѣльныхъ лицъ (временщиковъ) надъ учрежденіями и законами. Что касается важнѣйшихъ вопросовъ законодательнаго свойства, то они обыкновенно разсматривались въ тѣсномъ кружкѣ, который составился изъ приближенныхъ къ Екатеринѣ II лицъ и назывался „Совѣтомъ". Онъ собирался время отъ времени въ экстренныхъ случаяхъ, не имѣя опредѣленнаго состава или открытаго оффиціальнаго значенія, а такъ сказать укрываясь за личностью императрицы. Вслѣдствіе этого коллегіи и самый Сенатъ превратились въ послушныя орудія личной воли и случайныхъ вліяній при дворѣ, не основанныхъ на точномъ и опредѣленномъ законѣ. Александръ I рѣшилъ, въ виду этого, преобразовать и центральныя учрежденія, поставивъ ихъ въ зависимость отъ точныхъ и твердыхъ законовъ, а не отъ произвола отдѣльныхъ лицъ.

Собиравшійся при государѣ въ экстренныхъ случаяхъ „Совѣтъ" рѣшено было превратить въ постоянное учрежденіе съ опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ и порядкомъ ихъ производства. Новое учрежденіе получило названіе „Непремѣннаго Совѣта"—изъ 12 членовъ, имѣвшаго значеніе высшаго законодательнаго мѣста: каждый новый законъ долженъ былъ первоначально здѣсь обсуждаться. Этотъ Непремѣнный Совѣтъ былъ потомъ преобразованъ Сперанскимъ подъ названіемъ Государственнаго Совѣта.

Взамѣнъ коллегій въ 1802 г. учреждены были *министерства;* всего ихъ было въ первое время восемь (военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія; послѣднее было новымъ учрежденіемъ,—соотвѣтствующей ему коллегіи въ XVIII в. не существовало).

Министерства отличались отъ коллегій болѣе правильнымъ распредѣленіемъ дѣлъ по различнымъ отраслямъ управленія и являлись учрежденіями единоличными: управленіе здѣсь сосредоточивалось въ одномъ лицѣ министра, который и несъ на себѣ всю отвѣтственность за веденіе дѣла (тогда какъ въ коллегіяхъ дѣла должны были вестись совѣщательнымъ порядкомъ и рѣшаться большинствомъ голосовъ, вслѣдствіе чего и отвѣтственность должна была падать на всѣхъ членовъ коллегіи). Министры должны были представлять ежегодно отчеты о своемъ управленіи въ Сенатъ. Для обсужденія же дѣлъ, касавшихся нѣсколькихъ вѣдомствъ, учрежденъ былъ „Комитетъ министровъ".

Преобразованія эти осуществлены были довольно поспѣшно и безъ достаточнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ области администраціи; новыя министерства не имѣли даже устава и опредѣленныхъ правилъ для своей дѣятельности. Отношенія ихъ къ другимъ высшимъ учрежденіямъ — Сенату и Непремѣнному Совѣту

также не были достаточно опредѣлены. Отсюда происходило не мало путаницы въ дѣйствіяхъ новыхъ административныхъ органовъ.

Окончательное устройство министерствъ, а также высшаго учрежденія, разсматривающаго новые законы, подъ именемъ *Государственнаго Совѣта*, принадлежитъ Сперанскому, самому видному и талантливому сотруднику Александра I по дѣламъ внутренняго управленія.

Сперанскій, Михаилъ Михаиловичъ, „геніальный чиновникъ", какъ его иные называли, представляетъ собою рѣдкій образецъ человѣка, достигшаго высшихъ ступеней на государственной лѣстницѣ и вліянія на дѣла исключительно въ силу своихъ необыкновенныхъ дарованій и выдающейся трудоспособности. Онъ былъ сыномъ священника Владимірской губерніи и получилъ образованіе въ Суздальской духовной семинаріи, откуда потомъ перешелъ въ Петербургскую духовную академію. Блестяще окончивъ курсъ, онъ остался здѣсь профессоромъ и преподавалъ съ успѣхомъ самые разнообразные предметы—математику, физику, философію, реторику, иностранные языки. Между прочимъ онъ составилъ курсъ „высшаго краснорѣчія", замѣчательный по изяществу слога, что рѣдко встрѣчалось въ нашей литературѣ въ до-карамзинскій періодъ. Прослышавъ о талантахъ молодого профессора, одинъ изъ вельможъ Екатерининскаго времени кн. Куракинъ пригласилъ его къ себѣ домашнимъ секретаремъ и затѣмъ, сдѣлавшись при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, перевелъ его на службу въ свою канцелярію. Благодаря умѣлому составленію докладовъ и способности неутомимо работать, Сперанскій быстро повышался по службѣ и скоро сдѣлался незамѣнимымъ человѣкомъ въ чиновномъ мірѣ. Большая часть первыхъ законовъ царствованія Александра были редактированы Сперанскимъ и, когда образовались министерства, министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Кочубей пригласилъ его къ себѣ начальникомъ одного изъ отдѣленій этого министерства. Разъ за болѣзнью Кочубей отправилъ Сперанскаго докладчикомъ къ государю. Александръ, уже и раньше заочно знавшій Сперанскаго, какъ отличнаго составителя докладовъ и отчетовъ, теперь при личномъ знакомствѣ прямо былъ очарованъ его умомъ и краснорѣчіемъ, мастерскимъ изложеніемъ доклада и дѣловитостію его соображеній.

Съ этого времени онъ самъ сталъ часто призывать Сперанскаго для докладовъ и потомъ, отправляясь въ Эрфуртъ (въ 1808 г.) на свиданіе съ Наполеономъ, взялъ его съ собой въ качествѣ докладчика по гражданскимъ дѣламъ. По возвращеніи изъ-за границы начались тѣсныя сношенія государя со Сперанскимъ. Александръ передалъ Сперанскому разные прежніе проекты государственныхъ преобразованій, составленные въ „Интимномъ Комитетѣ", сообщалъ ему свои мысли по тому же поводу и нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ и чтеніи сочиненій, относящихся къ этому предмету. Результатомъ работъ Сперанскаго, менѣе чѣмъ черезъ годъ, явился выработанный имъ проектъ реформы государственнаго строя и государственнаго управленія на новыхъ началахъ, подъ названіемъ „Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ".

Этимъ дѣятельность Сперанскаго не ограничилась. Занимая скромную должность товарища министра юстиціи, онъ въ существѣ дѣла былъ самымъ довѣреннымъ сотрудникомъ императора и былъ главнымъ дѣятелемъ въ сферѣ внутренняго управленія, исполняя самыя разнообразныя порученія императора, начиная съ работъ по составленію новаго гражданскаго уложенія и кончая финансами, и вездѣ оставилъ яркій слѣдъ своего ума и энергіи. Обладая самыми разнообразными познаніями, при наклонности къ философскимъ обобщеніямъ, Сперанскій умѣлъ примѣняться ко всевозможнымъ положеніямъ и удивлялъ современниковъ своимъ умѣньемъ все привести въ порядокъ и дать стройныя формы. Такой именно стройностію и систематичностію отличался и грандіозный проектъ преобразованія всего строя политической и общественной жизни Россіи, который онъ составилъ, примѣняясь къ туманнымъ идеямъ и стремленіямъ царственнаго ученика Лагарпа и тѣмъ неопредѣленнымъ проектамъ, какіе вышли изъ-подъ пера молодыхъ англомановъ „Интимнаго Комитета" Александра.

Въ основу своего труда Сперанскій ставитъ мысль, неоднократно высказывавшуюся Александромъ, что въ Россіи необходимо установить порядокъ, основанный на законѣ. „Разумъ (смыслъ) сего плана, писалъ между прочимъ Сперанскій, состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить правительственную власть на твердыхъ основаніяхъ и тѣмъ сообщить ея дѣйствіямъ болѣе достойной и истинной силы". Эти идеи государственнаго порядка, основаннаго на законѣ, стали, по словамъ Сперанскаго, развиваться у насъ со времени Алексѣя Михаиловича, когда составилось извѣстное „Уложеніе" или сборникъ законовъ. Но законы безъ политическихъ правъ ничего не обезпечиваютъ. Къ чему, напр., служитъ законъ, охраняющій собственность, когда эта собственность можетъ быть отнята по произволу лица? Необходимо, поэтому, создать прежде всего основные законы, которые бы поставили въ извѣстные предѣлы дѣятельность верховной власти и опредѣлили права народа. Права эти, по взгляду Сперанскаго, должны быть троякаго рода: а) права *гражданскія* общія (свобода личности), всѣмъ подданнымъ принадлежащія; б) права гражданскія частныя (особенныя привилегіи), которыя должны принадлежать только тѣмъ, кто образомъ жизни и воспитанія къ нимъ будетъ подготовленъ; в) права *политическія* (участіе въ государственномъ управленіи), принадлежащія тѣмъ, кто имѣетъ собственность. По проекту Сперанскаго, политическія права принадлежатъ, подъ условіемъ владѣнія собственностью, *дворянству* и *среднему состоянію*; къ послѣднему принадлежатъ купцы, мѣщане, однодворцы и всѣ крестьяне, владѣющіе недвижимой собственностію въ извѣстномъ количествѣ. *Низшее состояніе*, въ которомъ числятся помѣщичьи крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги, должны имѣть общія гражданскія права, но не имѣютъ правъ политическихъ. Переходъ изъ низшаго класса въ средній открытъ всѣмъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ.

Такимъ, расчлененнымъ на три состоянія съ разными правами, обществомъ должна управлять, по мысли Сперанскаго, цѣлая сѣть новыхъ учрежденій, составляемыхъ изъ выбранныхъ населеніемъ лицъ. Вся Россія съ этой цѣлью раздѣляется на губерніи, округи (или уѣзды) и волости. Въ каждой волости земельные собственники, въ томъ числѣ казенные крестьяне собираются въ *волостную думу*, которая избираетъ членовъ волостного правленія, провѣряетъ волостные расходы и доходы и посылаетъ депутатовъ

въ *окружную* (уѣздную) *думу*; послѣдняя изъ своей среды избираетъ членовъ уѣзднаго правленія или совѣта, членовъ уѣзднаго суда и депутатовъ въ *губернскую думу*; губернская дума, въ свою очередь, контролируя общіе доходы и расходы губерніи, выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и наконецъ депутатовъ въ *Государственную Думу*.

Государственная Дума собирается ежегодно безъ особаго призыва на извѣстный срокъ и составляетъ уже особаго рода учрежденіе („законодательное сословіе“, по выраженію Сперанскаго). Проекты законовъ предлагаются на обсужденіе Государственной Думы министрами отъ имени верховной власти; но Думѣ позволяется и самой возбуждать представленія о государственныхъ нуждахъ, объ отвѣтственности министровъ и о мѣрахъ правительства, нарушающихъ основные законы. Утвержденіе закона должно принадлежать одной верховной власти, но ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы безъ разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ.

Судебная власть предоставлена *судамъ волостнымъ*, *окружнымъ* и *губернскимъ* (съ выбранными въ нихъ членами), дѣйствующимъ подъ верховенствомъ *Сената*, какъ блюстителя законнаго порядка въ судопроизводствѣ; при немъ въ качествѣ высшаго прокурора состоитъ министръ юстиціи. Члены Сената назначаются верховной властью, но не иначе, какъ изъ числа лицъ, внесенныхъ по выборамъ губернскихъ думъ въ государственный избирательный списокъ.

Исполнительная власть вручается *правленіямъ* или совѣтамъ *волостнымъ*, *окружнымъ* и *губернскимъ* (съ выборными членами), дѣйствующимъ подъ руководствомъ *министерствъ*.

Всѣ эти отрасли управленія „въ порядкѣ законодательномъ, судебномъ и исполнительномъ“ соединяются *Государственнымъ Совѣтомъ*, который служитъ посредникомъ между верховной властью и органами управленія и составляется изъ лицъ, назначаемыхъ Государемъ; въ немъ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учрежденій „въ первыхъ ихъ начертаніяхъ“; онъ является, такимъ образомъ, по мысли Сперанскаго, высшимъ учрежденіемъ, хранящимъ законы.

Построивъ свой планъ на строго логическихъ основаніяхъ, по выработанной въ тиши кабинета теоріи, отчасти по подражанію французскимъ учрежденіямъ того времени, не справляясь съ ходомъ и состояніемъ внутренней жизни страны и степенью подготовки населенія къ такой серьезной и сложной реформѣ, Сперанскій намѣренъ былъ и провести ее на практикѣ по такой же строго логической стройной системѣ. А именно, все предполагалось осуществить въ слѣдующей постепенности: 1 января 1810 года открыть Государственный Совѣтъ въ новомъ видѣ; 1-го мая манифестомъ назначить выборъ депутатовъ въ Государственную Думу и открыть ее 1-го сентября; дѣйствія Думы начать съ разсмотрѣнія новаго гражданскаго „уложенія“ и, подготовивъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ депутатовъ на этой работѣ, предложить имъ общее государственное уложеніе и, утвердивъ его присягой, приступить къ устройству судебной части, такъ чтобы въ теченіе 1811 года все уже было закончено и приведено въ движеніе.

Грандіознымъ планамъ Сперанскаго не суждено было, однако, осуществиться, за исключеніемъ учрежденія Государственнаго Совѣта, а затѣмъ преобразованія и устройства министерствъ.

Когда высшіе сановники, вообще не долюбливавшіе Сперанскаго,

какъ „выскочку“, ознакомились отчасти съ его произведеніемъ, то отовсюду посыпались возраженія.

Между прочимъ на Александра произвелъ впечатлѣніе протестъ противъ проекта назначенія сенаторовъ изъ среды выборныхъ лицъ, какъ нарушающаго свободу дѣйствій самодержавнаго государя. Александръ, подобно бабкѣ своей Екатеринѣ II, далеко заходилъ въ идейной области и имѣлъ очень либеральныя намѣренія, но былъ медлителенъ въ дѣйствіяхъ и по своему настроенію больше склонялся въ сторону лицъ, которыя, подобно Аракчееву, называя себя „преданными безъ лести“, не покушались на прерогативы его власти, но были лишь точными исполнителями его велѣній. Совокупность всего этого опредѣлила дальнѣйшее отношеніе Александра и къ проекту Сперанскаго и къ самому автору этого проекта.

Вслѣдствіе встрѣченной проектомъ Сперанскаго оппозиціи и предположенное Сперанскимъ преобразованіе Сената въ высшее судебное установленіе хотя и было утверждено Александромъ, но не получило практическаго примѣненія, и Сенатъ такъ и остался въ прежнемъ своемъ видѣ, т. е. вѣдалъ дѣла и судебныя и административныя, не имѣя точнаго опредѣленія своихъ дѣйствій, а сенаторы попрежнему назначались только правительствомъ.

1-го января 1810 года торжественно въ присутствіи Александра открытъ былъ Государственный Совѣтъ. Члены Совѣта назначены были самимъ государемъ изъ высшихъ сановниковъ. На обсужденіе Совѣта поступали всѣ новые законы и уже послѣ этого шли на утвержденіе верховной власти. Совѣту также предоставлено было разъяснять смыслъ законовъ и принимать мѣры къ ихъ правильному проведенію на практикѣ. Ему же поручено было разсматривать годовые отчеты всѣхъ министровъ по управленію и распредѣлять государственные доходы и расходы.

Въ Государственномъ Совѣтѣ учреждено было четыре „департамента“—законодательный, военныхъ дѣлъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи; во главѣ каждаго департамента поставленъ былъ свой предсѣдатель. Проекты, касавшіеся того или другого вѣдомства, предварительно обсуждались въ департаментѣ, потомъ поступали въ общее собраніе всѣхъ членовъ Совѣта, гдѣ и рѣшались большинствомъ голосовъ. Дѣлопроизводство поручалось особой „государственной канцеляріи“, которой руководилъ государственный секретарь. Послѣдній былъ докладчикомъ въ общемъ собраніи Совѣта и представлялъ журналъ Совѣта съ мнѣніями какъ большинства, такъ и меньшинства на Высочайшее усмотрѣніе. Государь, смотря по ходу дѣла, утверждалъ мнѣнія большинства или меньшинства, не стѣсняясь числомъ голосовъ, а иногда и совсѣмъ отвергалъ то и другое.

Безъ утвержденія верховной власти не могъ стать закономъ ни одинъ изъ законопроектовъ, разсмотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Первымъ государственнымъ секретаремъ назначенъ былъ Сперанскій, который, благодря своей громадной опытности и знанію дѣлъ, и сталъ,

на первыхъ особенно порахъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ новомъ учрежденіи.

Число министерствъ, по предложенію Сперанскаго, было увеличено до 11 (именно прибавлено къ прежнимъ—министерство полиціи, путей сообщенія, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и упразднено министерство коммерціи, дѣла котораго распредѣлены были между министромъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлены были предметы вѣдѣнія каждаго изъ министровъ, личный составъ каждаго и всѣ подробности дѣлопроизводства въ нихъ. Реформированныя Сперанскимъ учрежденія и порядокъ веденія дѣлъ, установленный въ нихъ, до послѣдняго времени сохранялись безъ существенныхъ измѣненій.

Чтобы обезпечить новымъ учрежденіямъ достаточное число образованныхъ и знающихъ чиновниковъ и, съ другой стороны, уменьшить въ нихъ количество лицъ, поступающихъ туда по протекціи, Сперанскій незадолго до того провелъ двѣ мѣры — такъ называемый „указъ объ экзаменахъ", по которому для полученія чиновъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника требовалось свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса или выдержаніи равносильнаго ему экзамена; вторымъ указомъ—„о придворныхъ званіяхъ" повелѣно было придворные чины камеръ-юнкера и камергера считать отличіями, не приносящими никакого чина, тогда какъ прежде они давали прямо право на крупные чины (5-го и 4-го класса), и многіе получавшіе ихъ молодые люди сразу становились выше многихъ изъ своихъ товарищей по службѣ, не имѣвшихъ придворнаго званія.

Оба эти указа вызвали сильное неудовольствіе чиновнаго и придворнаго міра—двухъ самыхъ могущественныхъ силъ Петербурга.

Неудовольствіе противъ Сперанскаго перешло наконецъ и въ болѣе широкіе по численности слои общества. Причиною были его финансовыя мѣры. Сперанскому было поручено государемъ устройство финансовъ и при томъ при самыхъ безнадежныхъ условіяхъ. Предстояла опасная война съ Франціей, а между тѣмъ равновѣсіе доходовъ и расходовъ было уже поколеблено прежними войнами и по смѣтѣ на 1812 годъ, помимо предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, на текущіе расходы недоставало 60 мил. рублей. Между тѣмъ ассигнацій было уже выпущено въ обращеніе болѣе чѣмъ на 500 мил. рублей и курсъ рубля понизился до 33 копѣекъ. Сперанскій предложилъ прежде всего упорядочить обращеніе ассигнацій—признать ассигнаціи государственнымъ долгомъ, прекратить выпускъ новыхъ, а старыя постепенно изъять изъ обращенія (Планъ этотъ, въ виду предстоящей войны, не былъ принятъ). Для покрытія же дефицита и на предстоящіе военные расходы, по предложенію Сперанскаго, повышены были всѣ налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, что вызвало общій ропотъ противъ инициатора этихъ мѣръ; кромѣ того былъ обложенъ налогомъ доходъ помѣщиковъ съ ихъ земель, при чемъ налогъ возрасталъ пропорціонально

съ доходомъ—(налогу въ размѣрѣ 1% доходности подвергались имѣнія, приносившія не менѣе 500 руб. дохода; имѣнія, приносившія дохода не менѣе 18 тыс., платили 10%).

Послѣдній налогъ былъ принятъ въ качествѣ временной мѣры на 1812-й годъ и явился первымъ на Руси опытомъ введенія подоходнаго налога и притомъ на наиболѣе привилегированное сословіе. Налогъ этотъ вызвалъ страшное раздраженіе противъ Сперанскаго въ средѣ самыхъ богатыхъ и наиболѣе вліятельныхъ лицъ среди дворянства. Многочисленные враги Сперанскаго пользовались всякимъ случаемъ, чтобы уронить его въ глазахъ государя, что и не трудно было, такъ какъ Сперанскій стоялъ совершенно одиноко, не имѣя среди администраціи и среди общества ни чистосердечныхъ союзниковъ, ни преданныхъ единомышленниковъ. Между прочимъ Сперанскому ставили въ вину его симпатіи къ французскимъ учрежденіямъ и съ этой точки зрѣнія осуждали также и его проектъ новаго гражданскаго уложенія, составленный подъ вліяніемъ „кодекса Наполеона". А когда отношенія между Россіей и Франціей къ 1812 году окончательно испортились, въ петербургскомъ обществѣ пошли уже толки о какихъ-то сношеніяхъ Сперанскаго съ французами, о бумагахъ, которыя онъ будто бы пересылалъ Наполеону, и пр.

Незадолго до этого Александру подана была Карамзинымъ (при посредствѣ сестры императора Екатерины Павловны) знаменитая записка его „О древней и новой Россіи", гдѣ вмѣстѣ съ рѣзкимъ порицаніемъ произвола, царствовавшаго при Павлѣ I, отстаивался принципъ самодержавія, поколебленный, по взгляду Карамзина, проектами Сперанскаго, и осуждались поспѣшныя заимствованія различныхъ формъ управленія и законодательства изъ Франціи, исконной страны всякаго вольнодумства. Между прочимъ Карамзинъ провелъ ту мысль, что государь не имѣетъ и права ограничивать свою власть, потому что Россія вручила его предку самодержавіе нераздѣльное. Тонъ записки Александру не понравился, но содержаніе ея произвело на него сильное впечатлѣніе, и впослѣдствіи Карамзинъ, какъ талантливый авторъ „Исторіи государства Россійскаго", гдѣ онъ проводилъ тѣ же идеи, пользовался особымъ вниманіемъ и покровительствомъ государя. Александръ и безъ того уже охладѣлъ къ Сперанскому подъ вліяніемъ цѣлой сѣти наговоровъ, тяготился его вліяніемъ и, приступая къ борьбѣ съ Наполеономъ, рѣшился разстаться съ своимъ прежнимъ любимцемъ, пожертвовать имъ для успокоенія умовъ русскаго общества. Въ началѣ 1812 г. Сперанскій, долго не ходившій къ императору, былъ призванъ къ нему. Сдѣлавъ ему свой докладъ, Сперанскій хотѣлъ уже уходить, какъ императоръ удержалъ его и со слезами на глазахъ сталъ упрекать его въ своеволіи, съ какимъ онъ бралъ къ себѣ нѣкоторыя важныя государственныя бумаги, въ посягательствѣ на высшія русскія учрежденія, напр. на Сенатъ, созданный Петромъ, и пр., упомянулъ о толкахъ относительно его и, указавши, что въ виду приближенія непріятеля къ предѣламъ Имперіи, не имѣетъ возможности провѣрить всѣ взводимыя на него обвиненія, въ заключеніе сказалъ, что передастъ его должность другому.

Когда Сперанскій воротился домой, то тамъ уже ждала его присланная министромъ юстиціи Балашовымъ кибитка, въ которой онъ, не простившись даже съ дочерью, по приказу императора, долженъ былъ немедленно отправиться въ ссылку въ Нижній-Новгородъ и затѣмъ въ Пермь *). Послѣ ссылки виновность Сперанскаго въ измѣнѣ была для многихъ несомнѣннымъ фактомъ; ее торжествовали въ Россіи, какъ первую побѣду надъ французами, и только удивлялись, по словамъ современниковъ, почему государь не казнилъ измѣнника смертію. Въ письмѣ къ Александру I изъ Нижняго-Новгорода Сперанскій, не считая себя въ чемъ-либо виновнымъ, высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что составленный имъ планъ государственнаго преобразованія— „первый и единственный источникъ всего, что случилось" съ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ надежду, что рано или поздно государь возвратится „къ тѣмъ же основнымъ идеямъ".

Впослѣдствіи въ Перми онъ составлялъ новыя предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ. Ссылка и ознакомленіе съ провинціею привели его къ убѣжденію, вопреки прежнимъ взглядамъ, что главную роль въ управленіи и охранѣ свободы и законовъ слѣдуетъ предоставить аристократіи.

По окончаніи войны съ Франціей судьба Сперанскаго улучшилась. Онъ былъ назначенъ (1816 г.) пензенскимъ губернаторомъ, причемъ въ указѣ было сказано, что „по внимательномъ разсмотрѣніи его прежнихъ поступковъ" государь „не нашелъ причинъ къ подозрѣніямъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ (1819 г.) Сперанскаго назначили генералъ-губернаторомъ Сибири, гдѣ въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія онъ съ обычной своей энергіей старался объ искорененіи лихоимства и самоуправства мѣстныхъ чиновниковъ, доходившихъ въ этой далекой окраинѣ до послѣднихъ предѣловъ произвола, и составилъ нѣсколько проектовъ для улучшенія сибирской администраціи. Между прочимъ, по его мысли Сибирь была раздѣлена на два генералъ-губернаторства: Восточное и Западное. Послѣ того онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ съ назначеніемъ въ Государственный Совѣтъ, не разъ бесѣдовалъ съ Александромъ, но уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ на дѣла. Впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ I, подъ его руководствомъ совершилось великое дѣло собранія и систематизаціи русскихъ законовъ, составившее ему крупное имя въ исторіи русскаго законодательства. Опытъ жизни и пребываніе у власти въ провинціи сильно измѣнили взгляды этого государственнаго человѣка. Убѣжденный конституціоналистъ, онъ превратился въ сторонника неограниченной монархіи, какъ лучшей формы правленія для Россіи того времени.

---

*) Незадолго до этого событія къ Сперанскому являлся Армфельдтъ, предсѣдатель комиссіи по финляндскимъ дѣламъ, рекомендованный на эту должность самимъ Сперанскимъ, и предложилъ ему вмѣстѣ съ Балашовымъ составить тріумвиратъ и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Сперанскій отказался, но не довелъ объ этомъ предложеніи до свѣдѣнія Александра, не желая, очевидно, губить своихъ пріятелей, подстроившихъ ему эту ловушку. Самъ Сперанскій давалъ пищу своимъ врагамъ, допуская иногда въ разговорахъ неблагопріятные отзывы о дѣятельности и работоспособности Александра, которые, разумѣется, и передавались послѣднему съ прибавленіями.

Внѣшняя политика Александра I.

При вступленіи на престолъ Александръ I желалъ посвятить все свое царствованіе внутреннимъ преобразованіямъ и вопреки этому втянутъ былъ въ рядъ войнъ — съ Франціей, Швеціей, Турціей и Персіей, закончившихся великой Отечественной войной 1812 года и затѣмъ такъ называемой войной за освобожденіе Европы. Въ этихъ войнахъ прошла большая часть царствованія; внѣшнія событія первой половины царствованія тормозили ходъ преобразовательной дѣятельности Александра, отвлекая его вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ; Отечественная война совсѣмъ остановила эту дѣятельность, а война за освобожденіе Европы, кончившаяся заключеніемъ такъ называемаго „Священнаго союза“ трехъ имперій (Россіи, Австріи и Пруссіи) съ охранительными цѣлями не только во внѣшнихъ, но и въ области внутреннихъ дѣлъ, вызвала сильную реакцію въ настроеніи Александра, что и отразилось замѣтно во внутренней политикѣ послѣднихъ лѣтъ его царствованія.

Войны съ Франціей. Аустерлицъ и Тильзитскій миръ. Съ 1801 года во Франціи властвовалъ въ качествѣ перваго консула республики генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Благодаря своимъ воинскимъ талантамъ, онъ быстро воротилъ Франціи преобладаніе, которое поколебали было побѣды Суворова въ Итальянскую кампанію 1799 г. Австрійцы снова были вытѣснены изъ Италіи, и Бонапартъ сталъ приготовляться къ высадкѣ во владѣнія своего заклятаго врага—Англіи. Послѣдняя употребила всѣ усилія, чтобы вновь создать коалицію европейскихъ державъ противъ Франціи и успѣла въ этомъ, когда Наполеонъ принялъ титулъ императора и возбудилъ тѣмъ общее негодованіе старыхъ династій Европы, оскорбленныхъ высокомѣрнымъ и гордымъ обращеніемъ „корсиканскаго выскочки“ (какъ называли Наполеона, имѣя въ виду его происхожденіе). Всѣ опасались, и Англія усердно поддерживала эту мысль, что Наполеонъ постарается укрѣпить свою династію блескомъ новыхъ побѣдъ надъ сосѣдями, и толковали о необходимости предупредить эту опасность нападеніемъ на Францію. Александръ раздѣлялъ эти опасенія, и его укрѣплялъ въ такомъ настроеніи вновь назначенный имъ изъ друзей молодости товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ кн. Чарторижскій. Польскій патріотъ въ душѣ, онъ выставлялъ Польшу оплотомъ противъ Наполеона въ центрѣ Европы и мечталъ, толкнувъ Австрію и Пруссію на пріобрѣтенія на западѣ за счетъ Франціи, побудить ихъ возвратить Польшѣ ея прежнія владѣнія и возстановить это государство подъ гегемоніей Александра. Въ связи со всѣми этими стремленіями составилась (въ

1805 г.) новая (третья) коалиція противъ Франціи—изъ Россіи, Австріи и Швеціи (миролюбивый и нерѣшительный прусскій король Фридрихъ - Вильгельмъ III въ послѣдній моментъ отказался участвовать въ ней).

Наполеонъ, по своему обычаю, не ждалъ, когда враги придутъ къ нему, но самъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, спѣша разбить союзниковъ по-одиночкѣ и, прежде чѣмъ русскія войска успѣли придти въ Австрію, страшнымъ натискомъ разгромилъ австрійцевъ (при Ульмѣ) и завладѣлъ самой Вѣной. Командующій русскими войсками Кутузовъ, спасая свою утомленную длинными переходами армію, осторожно отступалъ, выжидая подкрѣпленій, чѣмъ сильно раздражалъ Наполеона, искавшаго случая разгромить и ее, пока она еще не оправилась. Осторожный планъ дѣйствій Кутузова оскорблялъ самолюбіе Александра и, вопреки совѣтамъ своего полководца, онъ настоялъ на мысли дать битву Наполеону при деревнѣ *Аустерлицъ* (въ Моравіи), гдѣ сосредоточены были русско-австрійскія войска подъ начальствомъ двухъ императоровъ, русскаго и австрійскаго (Франца II). Распоряжался всѣмъ Александръ по плану, начертанному австрійскимъ генеральнымъ штабомъ. Эта „битва трехъ императоровъ", какъ называли ее, кончилась разгромомъ неумѣло руководимой союзной арміи, сами императоры русскій и австрійскій спаслись съ большимъ трудомъ при отступленіи войскъ.

Кутузовъ не одобрялъ плана битвы, составленнаго австрійцами и принятаго Александромъ, но промолчалъ, не ожидая успѣха отъ своихъ возраженій. Когда затѣмъ, въ самомъ началѣ боя, Кутузовъ медлилъ наступленіемъ, поджидая остальныхъ колоннъ, Александръ нетерпѣливо спросилъ его: „Почему не идете впередъ? Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу (площадь въ Петербургѣ), гдѣ не начинаютъ парада, пока всѣ полки не подойдутъ". Кутузовъ отвѣтилъ: „Потому-то и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу. А впрочемъ какъ прикажете!" Александръ велѣлъ перейти въ наступленіе. Наполеонъ воспользовался оплошностію противника и быстрымъ массовымъ натискомъ прорвалъ центръ союзныхъ войскъ и затѣмъ разбилъ ихъ по частямъ. Александръ первый разъ видѣлъ сраженіе, кровь и раны, массы убитыхъ; слезы все время стояли у него на глазахъ; онъ до того разстроился, что не могъ даже принимать пищи, и къ вечеру заболѣлъ, такъ что едва могъ сидѣть на лошади. Ночь послѣ отступленія русскихъ войскъ пришлось ему провести въ крестьянской хатѣ, на соломѣ.

Послѣ Аустерлицкаго пораженія Австрія поспѣшила заключить миръ съ Наполеономъ, отказавшись отъ части своихъ владѣній (Тироля и Венеціанской области) и потеряла первенствующее значеніе въ Германіи. Русскія войска возвратились домой. Планы Чарторижскаго разстроились, и самъ онъ вышелъ въ отставку.

Въ слѣдующемъ (1806 г.) война Россіи съ Франціей возобновилась, на этотъ разъ уже въ союзѣ съ Пруссіей. Миролюбіе прусскаго короля не спасло его отъ униженій. Наполеонъ безцеремонно проводилъ свои войска по его территоріи и обращался съ нимъ какъ съ своимъ вассаломъ. Выведенная изъ терпѣнія Пруссія объявила ему войну, и опять повторилась прежняя исторія. Прежде чѣмъ русскія войска успѣли придти на помощь, Наполеонъ уже успѣлъ разгромить прусскую армію. Въ одинъ день онъ нанесъ ей два крупныхъ пораженія (при Іенѣ и Ауерштедтѣ) и въ нѣсколько недѣль овладѣлъ почти всей Пруссіей. Отличавшіеся только своей внѣшней „фридриховской“ выправкой (чѣмъ незадолго предъ тѣмъ такъ восхищался Александръ при посѣщеніи Берлина), но утратившіе воинскій духъ, одушевлявшій войска великаго короля, солдаты позорно обращались въ бѣгство при первомъ натискѣ французовъ; крѣпости Пруссіи сдавались врагу безъ выстрѣла... Между прочимъ жители польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, съ восторгомъ встрѣчали Наполеона, когда онъ вступилъ въ Варшаву, и выставляли ему вспомогательные отряды въ надеждѣ, при его содѣйствіи, возстановить Польшу.

Когда затѣмъ (весною 1807 г.) русская армія подъ начальствомъ Бенигсена приблизилась къ предѣламъ Пруссіи, она снова оказалась одинокой въ борьбѣ съ первокласснымъ военнымъ геніемъ Европы. Бенигсенъ не могъ считаться равносильнымъ Наполеону соперникомъ, но зато армія была сильно воодушевлена манифестами Александра, который, начиная вновь войну съ Франціей и обращаясь къ патріотизму русскаго народа, призывалъ его на борьбу съ „врагомъ христіанства и орудіемъ нечестія“. Въ послѣдовавшей при *Прейсишъ-Эйлау* кровопролитной битвѣ съ Наполеономъ русскіе солдаты ожесточенно, не взирая на снѣжную мятель, отбивали всѣ атаки французовъ, уничтожая ихъ цѣлыми колоннами; къ вечеру 30 тысячъ тѣлъ лежало въ снѣгу. Самъ Наполеонъ назвалъ это сраженіе „бойней“ и удивлялся стойкости русскихъ. Онъ еще ни разу не встрѣчалъ такого отпора. Обѣ арміи остались на своихъ мѣстахъ и каждая приписывала себѣ побѣду. Русскіе потомъ отступили къ Кенигсбергу, и Наполеонъ провозгласилъ побѣду, хотя и не преслѣдовалъ Бенигсена. Послѣдній, нося званіе „побѣдителя непобѣдимаго“, самоувѣренно далъ, по настоянію Александра, еще одну кровопролитную битву Наполеону *при Фридландѣ* и проигралъ ее. Фридландское пораженіе и полное безучастіе къ дѣлу другихъ державъ, въ томъ числѣ и вдохновительницы всѣхъ войнъ съ Наполеономъ — Англіи, убѣдили Александра въ безполезности дальнѣйшихъ жертвъ русскою кровью и

русскими деньгами ради интересовъ Западной Европы, и онъ вступилъ съ Наполеономъ въ переговоры, которые и закончились *миромъ въ Тильзитѣ* (1807 г.) послѣ торжественнаго свиданія Александра I съ Наполеономъ.

Свиданіе двухъ императоровъ произошло при поэтической обстановкѣ, въ особо выстроенномъ павильонѣ на плотахъ среди р. Нѣмана, и закончилось цѣлымъ рядомъ дружественныхъ бесѣдъ „съ глазу на глазъ“ въ Тильзитѣ. Наполеонъ произвелъ сильное впечатлѣніе на своего собесѣдника, нарисовалъ предъ нимъ картину всеобщаго мира въ Европѣ подъ охраной двухъ могущественнѣйшихъ государствъ—Россіи на востокѣ и Франціи на западѣ, изгнанія турокъ изъ Европы и т. д. и добился заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Александромъ.

Во время мирныхъ переговоровъ обнаружилось, что Наполеонъ хотѣлъ совсѣмъ уничтожить Прусское королевство, но Александру удалось отстоять своего союзника, которому онъ раньше, при свиданіи въ Берлинѣ, надъ гробницей Фридриха Великаго поклялся въ вѣчной дружбѣ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ отнялъ у Пруссіи почти половину ея владѣній. Часть ихъ (земли между Рейномъ и Эльбой) отдалъ своему брату (подъ названіемъ Вестфальскаго королевства); изъ другой части, а именно изъ польскихъ провинцій Пруссіи, онъ образовалъ особое Варшавское герцогство (подъ верховенствомъ саксонскаго короля), Бѣлостокскую же область передалъ Россіи. Образованіе Варшавскаго герцогства являлось какъ бы первымъ шагомъ къ возстановленію Польши, и такимъ образомъ Наполеонъ пріобрѣталъ себѣ на случай будущихъ столкновеній съ Россіей вѣрныхъ друзей въ лицѣ поляковъ. Передача Россіи Бѣлостокской области, являясь какъ бы вознагражденіемъ Россіи за потери и расходы въ недавнихъ войнахъ, имѣла цѣлью вызвать охлажденіе между недавними союзниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ далъ Александру обѣщаніе способствовать своимъ посредничествомъ успѣшному окончанію возникшей незадолго предъ тѣмъ русско-турецкой войны и, въ свою очередь, уговорилъ его принять участіе въ такъ называемой „континентальной системѣ“. Сущность ея заключалась въ томъ, что континентальныя державы Зап. Европы обязывались закрыть свои гавани для торговыхъ судовъ Англіи. Не имѣя возможности одолѣть Англію на морѣ, или сдѣлать высадку на ея берега, за отсутствіемъ надлежаще устроеннаго флота, Наполеонъ думалъ унизить свою соперницу хотя этимъ путемъ, подорвавши ея торговлю,—основу всего благосостоянія и богатства Англіи. Участіе въ континентальной системѣ повредило, однако, интересамъ Россіи, такъ какъ вывозъ сырыхъ продуктовъ,—главнаго предмета нашей заграничной торговли,—сильно

сократился и въ связи съ этимъ произошло паденіе курса ассигнацій.

Русское общество встрѣтило вѣсть о Тильзитѣ съ неудовольствіемъ, несмотря на то, что самъ по себѣ Тильзитскій миръ принесъ несомнѣнную пользу Россіи, закончивъ двухлѣтнюю и притомъ производившуюся за чужіе интересы войну, которая послѣ Фридландскаго пораженія могла быть перенесена и въ предѣлы самой Россіи. Эту сторону дѣла сознавали, однако, немногіе. Большинству не нравилось сближеніе съ Франціей, преобладаніе которой и заносчивый образъ дѣйствій Наполеона оскорбляли русское чувство. При дворѣ въ ряду наиболѣе вліятельныхъ противниковъ сближенія, а тѣмъ болѣе союза съ Франціей, была императрица Марія Θеодоровна, всегда стоявшая за союзъ съ Пруссіей. Народныя массы, подъ вліяніемъ предшествовавшихъ войнамъ съ Франціей и читавшихся по церквамъ воззваній относительно Наполеона и французовъ, какъ враговъ истиннаго христіанства и общаго мира, смотрѣли на нихъ крайне враждебно и сложили даже легенду о Наполеонѣ, какъ объ антихристѣ. И когда Александръ I, послѣ Тильзитскаго свиданія, пріѣхалъ въ Петербургъ, то встрѣтился съ общимъ глухимъ, но довольно замѣтно обнаруживавшимся недовольствомъ его дѣйствіями. Никто, конечно, не зналъ о заключенномъ послѣ Тильзита секретномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ съ Франціей, но когда плоды этого союза сказались (въ томъ же 1807 г.) разрывомъ съ Англіей и принятіемъ убыточной для Россіи континентальной системы, недовольство охватило почти всѣ слои общества. Александръ былъ очень огорченъ этимъ, но стойко держался союза съ Наполеономъ, сблизился на этой почвѣ со Сперанскимъ, поклонникомъ французскихъ учрежденій, и покинулъ своихъ прежнихъ друзей-англомановъ „Интимнаго Комитета". Это увлеченіе, однако, стало остывать, когда обнаружилось, что Наполеонъ вовсе не такъ тщательно и добросовѣстно соблюдаетъ статьи письменнаго договора и совсѣмъ не исполняетъ широкихъ словесныхъ обѣщаній, напр., о содѣйствіи Россіи въ борьбѣ противъ Турціи и пр. При новомъ и послѣднемъ свиданіи Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ (въ 1808 году) это недовѣріе, а подчасъ и прямое недовольство дѣйствіями Наполеона сказалось уже довольно ясно и не ускользнуло отъ послѣдняго. Александръ послѣ этого сталъ замѣтно поддаваться общимъ неблагопріятнымъ для Франціи теченіямъ въ русскомъ обществѣ. Тѣмъ временемъ, вслѣдствіе сближенія съ Франціей, Россіи пришлось вступить въ войну съ Швеціей.

Война съ Швеціей. Шведскій король Густавъ IV, непримиримый врагъ Наполеона, вопреки настояніямъ Россіи и Франціи, отказался разорвать союзъ съ Англіей и примкнуть къ континентальной системѣ. Связанный союзнымъ договоромъ съ Франціей и склоняясь на подстрекательство Наполеона обезопасить Петербургъ завоеваніемъ всей Финляндіи, Александръ объявилъ Швеціи войну. Финляндія, куда вторгся русскій 24-тысячный корпусъ подъ начальствомъ гр. Буксгев-

дена, защищалась слабо, такъ какъ въ ней было не болѣе 20 тыс. шведскаго войска, да и то разбросаннаго на громадномъ пространствѣ. Русскіе быстро заняли почти всю Финляндію. Неприступная крѣпость Свеаборгъ, съ массой заготовленнаго здѣсь провіанта и боевыхъ припасовъ, сдалась послѣ непродолжительнаго сопротивленія на капитуляцію. Шведы пробовали возбудить въ Финляндіи партизанскую войну, но всѣ ихъ дальнѣйшія попытки къ сопротивленію были парализованы смѣлымъ переходомъ русскихъ войскъ въ снѣжную мятель и вьюгу по льду Ботническаго залива въ предѣлы самой Швеціи. Этимъ безумно-отважнымъ предпріятіемъ руководили Багратіонъ и Барклай-де-Толли. („Понесенные въ семъ походѣ труды, писалъ послѣдній въ своемъ рапортѣ, единственно русскому преодолѣть можно“). Въ Швеціи, съ появленіемъ русскихъ войскъ, возникли народныя волненія. Король Генрихъ IV вынужденъ былъ отказаться отъ престола и его преемникъ Карлъ XIII) поспѣшилъ заключить съ Россіей миръ въ *Фридрихсгамъ* (1809 г.). По этому миру мы удержали за собою всю Финляндію до р. Торнео и Аландскіе острова.

Съ цѣлію сдѣлать нечувствительнымъ переходъ всей Финляндіи подъ власть Россіи, Александръ оставилъ Финляндіи шведскіе законы и всѣ права, какими доселѣ пользовались финскіе граждане, и кромѣ того на сеймѣ (въ Борго въ маѣ 1809 г.) даровалъ этой окраинѣ Россіи особое управленіе съ титуломъ „великаго княжества“ *). Въ составъ этого княжества онъ включилъ и Выборгскую губернію, т. е. тѣ части Финляндіи, которыя завоеваны были при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ и успѣли уже на половину обрусѣть.

Благодаря мѣрамъ Александра I, Финляндія сохранила и на послѣдующее время свою обособленность отъ остальной имперіи и впослѣдствіи (при Александрѣ II) добилась почти полнаго внутренняго самоуправленія съ особымъ сеймомъ, собирающимся въ опредѣленные сроки, съ дѣлопроизводствомъ и преподаваніемъ на финскомъ и шведскомъ языкахъ и съ правомъ чеканки особой монеты. Пользуясь военной защитой Россіи отъ внѣшнихъ враговъ, Финляндія могла обратить всю энергію, труды и сбереженія своего населенія на культурное развитіе страны и, несмотря на бѣдность природы, достичь въ этомъ отношеніи значительныхъ успѣховъ.

Война съ Турціей. Одновременно съ войнами противъ Франціи и Швеціи Россіи пришлось вести довольно продолжительную войну съ Турціей (1806—1812 г.); началась она еще въ эпоху участія Россіи въ третьей коалиціи противъ Франціи, когда Наполеонъ, желая от-

---

*) Въ Швеціи Финляндія не считалась особой провинціей и управленіе ея ничѣмъ не отличалось отъ остальныхъ областей: законы для финновъ и шведовъ были общіе.

влечь силы Россіи, подбилъ турокъ воспользоваться обстоятельствами и начать борьбу съ своимъ сѣвернымъ сосѣдомъ, въ разсчетѣ вернуть имперіи падишаха былое величіе. Война сначала шла довольно вяло. Отвлеченная борьбой съ Франціей Россія не предпринимала рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій. Тильзитскій миръ внесъ перерывъ въ эту борьбу. Наполеонъ, согласно условіямъ договора, долженъ былъ выступить посредникомъ между воюющими сторонами и склонить Турцію къ уступкамъ, но велъ это дѣло безъ должной энергіи и видимо съ тайной неохотой, а когда отношенія Россіи къ Франціи опять стали портиться, то самъ же первый сталъ уговаривать султана продолжать войну. Англія въ свою очередь давно уже работала въ томъ же направленіи. Война возобновилась съ новой энергіей, но Александръ, закончивъ борьбу съ Швеціей, могъ уже сосредоточить на югѣ значительныя силы и послать туда лучшихъ своихъ полководцевъ. Цѣлый рядъ пораженій (при Силистріи, Систовѣ, Рущукѣ и Никополѣ) нанесъ туркамъ (въ 1810 г.) одинъ изъ талантливыхъ участниковъ шведской войны молодой графъ Каменскій, но преждевременная смерть прервала его подвиги, и командующимъ войсками назначенъ былъ бывшій сподвижникъ Суворова генералъ Кутузовъ. Своей обдуманной медлительностію и отступленіями онъ сумѣлъ до послѣдней степени утомить и заморить голодомъ турецкую армію. Заманивъ наконецъ великаго визиря на лѣвый берегъ Дуная, въ мѣстность равниннаго характера, Кутузовъ разгромилъ его войско умѣлымъ дѣйствіемъ артиллеріи. Обратная переправа черезъ Дунай сдѣлалась для турокъ невозможной, такъ какъ на ту сторону, въ тылъ туркамъ, двинутъ былъ сильный корпусъ. Остатки арміи великаго визиря сдались на капитуляцію и война была окончена миромъ въ Бухарестѣ (1812 г.). Турція вынуждена была уступить Россіи Бессарабскую область, и границей обѣихъ имперій сдѣлалась рѣка Прутъ.

Персидская война. Присоединеніе Грузіи при Павлѣ I было большимъ ударомъ для Персіи, давно разсчитывавшей захватить владѣнія слабаго сосѣда. Поэтому она, такъ же какъ и Турція, воспользовалась временемъ войны Россіи съ Франціей и начала (1805 г.) непріязненныя дѣйствія. Военныя силы Россіи въ Закавказьѣ были невелики (не болѣе 20 тыс.) и почти во все время войны, затянувшейся на цѣлыхъ 8 лѣтъ (до 1813 г.), численный перевѣсъ былъ на сторонѣ персовъ (70 тыс. и выше). Но таланты русскихъ генераловъ, выросшихъ въ школѣ Суворова (каковъ былъ, напр., кн. Цицiановъ, грузинъ по происхожденію; далѣе отличились гр. Гудовичъ, Котляревскій и др.) и стойкость русскаго солдата не только уравновѣсили дѣло, но и повели къ ряду блестящихъ побѣдъ надъ нестройными азіатскими полчищами. По мирному договору (1813 г. въ Гюлистанѣ) Персія отказалась

отъ всѣхъ своихъ притязаній и признала власть Россіи надъ цѣлымъ рядомъ сопредѣльныхъ съ Грузіей ханствъ (Дербентскаго, Бакинскаго, Шушинскаго и др.).

Отечественная война.

Тильзитскій миръ и послѣдовавшее за нимъ соглашеніе между Россіей и Франціей только отсрочили, но не устранили столкновенія между этими двумя наиболѣе крупными державами Европы. Рано или поздно, но вопросъ о первенствѣ которой нибудь изъ нихъ долженъ былъ рѣшиться силой оружія. Честолюбіе Наполеона, ставшаго повелителемъ почти всей Западной Европы и стремившагося ко всемірному владычеству, питалось въ данномъ случаѣ славолюбіемъ французовъ и особенно арміи, благоговѣвшей предъ своимъ непобѣдимымъ полководцемъ. Съ другой стороны, настроеніе русскаго общества было крайне враждебно по отношенію къ французамъ, гегемонія Наполеона въ Европѣ никому здѣсь не нравилась, такъ что и Александръ, первоначально подпавшій было подъ вліяніе великаго корсиканца, невольно поддался въ концѣ концовъ этимъ теченіямъ, тѣмъ болѣе, что союзъ съ Наполеономъ приносилъ Россіи въ сущности одни невыгоды и убытки. Подъ разнообразными проявленіями постепенно усиливавшагося антагонизма между двумя императорами назрѣвало въ сущности столкновеніе двухъ великихъ народовъ Европы. Такова основная *причина* грандіознаго поединка двухъ націй, въ которомъ приняли участіе всѣ народы тогдашней Европы, сначала подъ предводительствомъ Наполеона двинувшіеся на Россію, а затѣмъ подъ руководствомъ Александра обрушившіеся на Францію. Въ связи съ этимъ и борьба за спасеніе родины отъ страшнаго завоевателя, придавшая войнѣ 1812 года и въ исторіи и въ памяти народной названіе *отечественной войны*, постепенно превратилась волею Александра въ войну за освобожденіе Европы, и на сожженіе Москвы Россія отвѣтила занятіемъ Парижа.

Недоразумѣнія между Франціей и Россіей, въ концѣ концовъ доведшія дѣло до войны, начались вскорѣ же послѣ заключенія Тильзитскаго мира. Наполеонъ не торопился выполнить какъ слѣдуетъ обѣщаніе относительно посредничества въ войнѣ Россіи съ Турціей, считая это отвлеченіе силъ Россіи выгоднымъ для себя; Александръ, въ свою очередь, хотя и согласился помогать своему „союзнику“ Наполеону въ новой его войнѣ съ Австріей, но далъ тайный приказъ русскому войску уклоняться отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ. Распоряжаясь самовластно въ Западной Европѣ, Наполеонъ оставлялъ безъ вниманія протесты Александра противъ дѣйствій, затрогивавшихъ интересы Россіи или ея государя. Такъ, напр., онъ увеличивалъ размѣры Варшавскаго герцогства и отказывался дать Александру обѣщаніе, что Польша не будетъ возстановлена; равнымъ

образомъ, отнявъ владѣнія у принца Ольденбургскаго—дяди императора Александра, Наполеонъ не выполнилъ своего обѣщанія вознаградить потерпѣвшаго другими землями. Главнымъ же поводомъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ служила континентальная система, крайне невыгодная для Россіи. Наполеонъ требовалъ, чтобы въ русскія гавани не допускались не только англійскія торговыя суда, но и суда нейтральныхъ державъ (напр. американскія), если на нихъ окажутся англійскіе товары. Александръ не согласился съ этимъ и, въ свою очередь, обложилъ высокой пошлиной мануфактурныя произведенія и вообще предметы роскоши, привозимые изъ Франціи, чтобы хоть этимъ путемъ сократить вывозъ изъ Россіи звонкой монеты и устранить дальнѣйшее паденіе курса ассигнацій, вызванное континентальной системой.

Неудачное сватовство Наполеона къ сестрѣ императора Александра I Аннѣ Павловнѣ окончательно обострило отношенія между двумя дворами и съ 1811 года обѣ стороны уже открыто стали готовиться къ войнѣ съ тѣмъ отличіемъ, что Наполеонъ готовился къ походу на Россію, Александръ же имѣлъ въ виду только оборонительную войну.

Наполеонъ, не знавшій границъ своему властолюбію и избалованный общей покорностію предъ нимъ въ Зап. Европѣ, былъ крайне раздосадованъ самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Александра, сталъ, по усвоенному имъ обычаю, безцеремонно и грубо отзываться о Россіи и грозилъ ей войною. Въ 1810 году онъ публично произнесъ слѣдующія слова: „Черезъ пять лѣтъ я буду владыкой міра,—остается одна только Россія, но я раздавлю ее“. На вызывающія рѣчи Наполеона Александръ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ и твердостію и въ маѣ 1811 г., прощаясь съ французскимъ посломъ (Коленкуромъ), сказалъ между прочимъ слѣдующія слова, обрисовывавшія дальнѣйшій образъ его дѣйствія:

„У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступить съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны, я не хочу войны; мой народъ хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ постоять за себя“.

Наполеонъ и самъ знакомъ былъ по опыту съ качествами русскаго солдата и, отправляясь въ походъ, старался обезопасить себя отъ всѣхъ случайностей. Онъ прекрасно изучилъ составъ и численность нашихъ армій, ея вооруженіе, принялъ въ соображеніе громадность разстояній, какія нужно было пройти его солдатамъ, трудности въ добываніи провіанта, убыль солдатъ отъ болѣзней и лишеній и пр. и приготовилъ къ походу тройныя военныя и финансовыя силы противъ

тѣхъ, какія могла выставить въ противовѣсъ ему Россія. Нѣсколько разъ провѣрялъ онъ свои цифры и выкладки и вывелъ неоспоримое, какъ ему казалось, заключеніе: „съ такими средствами мы поглотимъ Россію!“ Но онъ не могъ принять въ разсчетъ того, что не поддавалось учету, что онъ презиралъ при своихъ чисто матеріальныхъ вычисленіяхъ и на что надѣялся Александръ,—духъ населенія, патріотизмъ народа, его нравственныя силы. Въ послѣднемъ отношеніи Наполеонъ и раньше не разъ ошибался. Какъ питомецъ французской революціи, пошатнувшей старыя понятія объ устояхъ государственной жизни, Наполеонъ почти всюду въ Зап. Европѣ производилъ уже однимъ появленіемъ своихъ побѣдоносныхъ войскъ революціонные перевороты, отнимавшіе силу сопротивленія у народа, убивавшіе его патріотизмъ и способность бороться съ врагомъ. Зато тамъ, гдѣ ему приходилось встрѣчаться съ народомъ, чуждымъ освободительныхъ тенденцій французской революціи, жившимъ простой патріархальной жизнью, его непобѣдимая армія обречена была на безсиліе и терпѣла неудачи. Такъ было въ Испаніи и въ городахъ нѣмецкаго Тироля. То же, но въ еще большихъ размѣрахъ, пришлось ему встрѣтить въ Россіи, гдѣ на громадныхъ пространствахъ жилъ народъ-пахарь, выросшій и воспитанный еще въ идеяхъ XVII в., совершенно чуждый тому, что волновало его западныхъ сосѣдей. Въ Наполеонѣ онъ видѣлъ насильника, огнемъ и мечомъ готоваго истребить его убогое имущество, „антихриста“, который намѣренъ посягнуть на самое дорогое достояніе его духа—православную вѣру, и готовился дать врагу свирѣпый отпоръ.

Переходъ Наполеона черезъ Нѣманъ. 12 іюня 1812 года Наполеонъ во главѣ 600-тысячняго войска, безъ объявленія войны, перешелъ черезъ Нѣманъ, недалеко отъ Ковны, и вторгся въ русскіе предѣлы. Поляки всюду встрѣчали его съ восторгомъ, какъ возстановителя Польши. Въ составъ „великой арміи“ входили отборныя войска изъ среды почти всѣхъ народовъ и странъ Зап. Европы *).

Подъ знаменами геніальнаго полководца собрался такимъ образомъ цвѣтъ военныхъ силъ Европы, и не удивительно, если всѣ, начиная съ маршаловъ и кончая послѣднимъ солдатомъ, были убѣждены въ успѣхѣ предпріятія, мечтали о добычѣ и славѣ, раздѣляя увѣренность, звучавшую въ словахъ пышной прокламаціи, съ какой обратился Наполеонъ къ войску наканунѣ перехода черезъ Нѣманъ.

„Солдаты, говорилось въ этой прокламаціи, вторая польская война началась; первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей! Впередъ! Перейдемъ

---

*) Кромѣ французовъ, составлявшихъ половину арміи Наполеона, въ составъ ея входили войска неаполитанскія, швейцарскія, бельгійскія, голландскія, португальскія, испанскія, а также всѣхъ германскихъ народовъ—баденцы, виртембергцы, баварцы, саксонцы, гессенъ-дармштадтцы мекленбуржцы, вестфальцы, войны полуфранцузскихъ герцогствъ—Берга и Франкфурта; Пруссія обязалась поставить 20 тыс. чел.; Австрія 30 тыс.; въ войскахъ послѣдней были венгерцы и славяне иллирійскихъ провинцій (далматы и кроаты); поляки, одушевленные перспективой возстановленія Польши, выставили 60 тыс. чел. Это была дѣйствительно армія „двадесяти языкъ“, какъ ее называли тогда въ Россіи.

черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи. Неужели Россія полагаетъ, что мы измѣнились? Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ 50-ти-лѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы".

Полчищамъ Наполеона Россія могла противопоставить на западной границѣ только 200 тыс. чел., да и въ этомъ числѣ было много новобранцевъ и солдатъ, никогда не бывавшихъ на войнѣ. Но за то всѣ были одушевлены горячимъ желаніемъ постоять за родину, и краснорѣчивый приказъ Александра по арміи, заканчивающійся словами: „Воины! вы защищаете вѣру, царя и отечество. На начинающаго Богъ!" точно такъ же, какъ и торжественный обѣтъ Александра „не положить оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ предѣлахъ Россіи" *), нашли отзвукъ въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка. Война съ Наполеономъ съ перваго же момента становилась народнымъ дѣломъ.

Отступленіе русской арміи. 200-тысячное русское войско, выставленное противъ Наполеона, въ моментъ вторженія послѣдняго въ Россію, раздѣлено было на нѣсколько частей. Главныя силы, подъ начальствомъ *Барклая-де-Толли* находились въ Виленской губерніи, другая—меньшая часть, стояла въ Гродненской губерніи подъ начальствомъ *Багратіона* и наконецъ 25-тысячный корпусъ *Витгенштейна* защищалъ дорогу на Петербургъ. По первоначальному плану (составленному прусскимъ генераломъ Фулемъ) Александръ разсчитывалъ защищаться въ Западномъ краѣ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Но французскія войска шли такъ стремительно и такими громадными подавляющими массами, которыя могли обойти каждую изъ такихъ армій и съ фланговъ и съ тыла, что мысль о прямомъ сопротивленіи врагу пришлось покинуть. Дорого стоившія укрѣпленія бросили и, по совѣту Барклая, стали отступать внутрь страны, истребляя всѣ припасы на пути, стараясь безпокоить врага мелкими схватками и вообще всѣми мѣрами истощать его силы. Планъ Барклая, единственно возможный при страшномъ неравенствѣ силъ, походилъ на тактику Петра I въ его борьбѣ съ Карломъ XII. Какъ и тогда, рѣшительное сраженіе предполагалось дать лишь послѣ того, какъ вражеская армія ослабѣетъ при тяжеломъ походѣ по опустошенной странѣ. Второй задачей Барклая было соединить двѣ разрозненныя арміи, чтобы дать отпоръ врагу общими силами.

Наполеонъ всячески старался помѣшать этому соединенію и вмѣстѣ съ тѣмъ поскорѣе заставить русскихъ принять генеральное сраженіе,

*) Въ рескриптѣ на имя президента государственнаго совѣта. Большая часть приказовъ, воззваній и манифестовъ Александра въ это время писались новымъ государственнымъ секретаремъ, назначеннымъ на мѣсто Сперанскаго, адмираломъ Шишковымъ, пылкимъ и краснорѣчивымъ патріотомъ, умѣвшимъ въ извѣстные моменты находить подходящее слово для выраженія волновавшихъ Александра чувствъ.

которое бы разомъ могло рѣшить участь кампаніи. Съ этою цѣлію онъ двинулъ кавалерію (подъ предводительствомъ Мюрата) вслѣдъ за арміей Барклая, а главныя части своей арміи (подъ начальствомъ Даву) въ промежутокъ между 1-й и 2-й русской арміей. Движеніе непріятеля однако сильно замедлялось, во-1-хъ, непривычными для иностранцевъ путями сообщенія (артиллерія и обозы вязли на русскихъ проселкахъ, экипажи ломались и т. д.), а во-2-хъ, и самое главное—отсутствіемъ провіанта. Отступая, русскіе забирали или истребляли все на своемъ пути, крестьяне также разбѣгались, унося съ собой, что могли, и сожигая остальное. Кромѣ того успѣшному движенію французовъ мѣшали стычки и бои передовыхъ французскихъ отрядовъ (авангарда) съ арьергардомъ (тыловыми частями) русскихъ войскъ. Русскіе солдаты рвались въ бой, не желая отступать, и потому эти стычки и сраженія отдѣльныхъ частей русской арміи съ французами носили крайне упорный и кровопролитный характеръ. Такого сопротивленія французы еще нигдѣ не встрѣчали. 7-ми- и 10-ти-тысячные отряды задерживали иногда напоръ 100 тыс. арміи французовъ (Въ цѣломъ рядѣ такихъ боевъ выдвинулись русскіе генералы *Остерманъ, Коновницынъ, Невѣровскій* *). Обѣ русскія арміи, Барклая и Багратіона, соединились наконецъ подъ Смоленскомъ. Наполеонъ спѣшилъ двинулъ туда 200-тыс. армію съ цѣлію овладѣть этимъ городомъ и перерѣзать дорогу русской арміи на Москву, но генералъ *Раевскій* съ 16-ти-тыс. корпусомъ блистательно отбивалъ всѣ приступы врага, пока обѣ артиллеріи не вступили въ Смоленскъ. Барклай, однако, не видѣлъ никакой возможности удержать городъ въ своихъ рукахъ или дать подъ нимъ битвы французамъ и потому двинулся дальше, оставивъ подъ Смоленскомъ въ качествѣ заслона для арміи корпусъ *Дохтурова* въ 40 тыс. чел. Имѣя противъ себя всю армію Наполеона, Дохтуровъ геройски отражалъ всѣ приступы французовъ, сопровождавшіеся такой страшной канонадой, что отъ города остались однѣ только развалины.

---

*) Защищавшему дорогу на Петербургъ 25-тыс. отряду Витгенштейна также пришлось выдержать борьбу съ превосходившими его силами непріятеля. Когда Наполеонъ съ главными силами двинулся къ Витебску, онъ оставилъ противъ Витгенштейна 40-тыс. корпусъ, который долженъ былъ оттѣснить русскихъ и облегчить другому корпусу въ 30 тыс. походъ на Ригу, чтобы отрѣзать сообщеніе съ Псковомъ и Петербургомъ. При деревнѣ Клястицы, недалеко отъ Полоцка, французы были сбиты съ позиціи мѣткимъ огнемъ русской артиллеріи и затѣмъ ударомъ въ штыки обращены въ непривычное для нихъ бѣгство. При преслѣдованіи врага убитъ былъ одинъ изъ героевъ этого боя храбрый генералъ *Кульневъ*. Неудачный для французовъ исходъ битвы съ Витгенштейномъ, стоившій имъ до 7 тыс. убитыми и ранеными, задержалъ ихъ дальнѣйшее движеніе, и Петербургъ, гдѣ готовились уже вывезти всѣ святыни, архивы и драгоцѣнности, успокоился. Вѣсть о подвигѣ Кульнева и Витгенштейна—первыхъ героевъ войны 1812 г., быстро разнеслась повсюду, имена ихъ стали народными. Витгенштейну пожалованъ былъ орденъ Георгія 2-й степени съ 12.000 руб. пожизненной пенсіи.

Тѣмъ не менѣе онъ удерживалъ Смоленскъ, пока не получилъ извѣстіе, что главная армія перебралась черезъ Днѣпръ и подвинулась дальше по московской дорогѣ. Тогда только Дохтуровъ отступилъ, и пожарище Смоленска было занято французами.

Упорная оборона Смоленска, гдѣ изъ 3.250 домовъ уцѣлѣло только 350, а улицы буквально были завалены тѣлами убитыхъ и раненыхъ, показала Наполеону, что война съ Россіей не будетъ похожа на войны, которыя онъ привыкъ вести въ другихъ странахъ Европы. Еще больше опасеній внушала ему убыль въ его арміи. Кромѣ обычныхъ жертвъ войны—убитыхъ и раненыхъ—ежедневно изъ строя выбывало (среднимъ числомъ) по три тысячи человѣкъ отъ лишеній и чрезвычайныхъ тяготей похода, отъ болѣзней, развившихся среди арміи въ непривычномъ для нея климатѣ и пр. Еще на пути до Вильны армія лишилась свыше 100 тыс. чел., и чѣмъ дальше шла она, тѣмъ больше утомлялись солдаты и тѣмъ сильнѣе косили ихъ болѣзни. Въ Смоленскѣ Наполеонъ поколебался; въ виду явнаго ослабленія великой арміи, думалъ было перезимовать здѣсь, чтобы устроить подвозъ припасовъ и утвердиться на занятыхъ мѣстахъ, но потомъ оставилъ эту мысль—разрушенный городъ не могъ доставить зимнихъ помѣщеній войску, убыль его продолжалась бы въ ту пору, какъ русская армія увеличилась бы притокомъ новобранцевъ. Наполеонъ рѣшился какъ можно скорѣе идти къ Москвѣ, но предварительно попробовалъ войти въ сношенія съ Александромъ. Посредствомъ плѣннаго генерала Тучкова онъ первый попытался завязать сношенія о мирѣ, шутливо заявляя, что не стоитъ вести войны изъ-за кофе и сахара (изъ-за континентальной системы) и что ничего не выйдетъ для Россіи хорошаго, если онъ займетъ Москву. Александръ не далъ ему никакого отвѣта, не пожелалъ и разговаривать о мирѣ.

Пребываніе въ Москвѣ и тотъ необычайный народный энтузіазмъ, то воодушевленіе и готовность на жертвы, которыя встрѣтилъ Александръ во всѣхъ слояхъ общества, окончательно утвердили его въ мысли ни въ чемъ не уступать врагу до полнаго его пораженія. Сильнѣйшее впечатлѣніе по всей Россіи произвелъ обращенный ко всѣмъ сословіямъ призывъ организовать всеобщее ополченіе: „Да встрѣтитъ непріятель, говорилось въ манифестѣ, въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединяйтесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!“ Когда послѣ этого Александръ пріѣхалъ въ Москву, народъ встрѣтилъ его съ неописаннымъ восторгомъ. Со всѣхъ сторонъ неслись возгласы: „Веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ! Возьми все наше имущество и жизнь нашу!“ Общій подъемъ народнаго духа напоминалъ дѣйствительно времена Минина и Пожарскаго. Эти сцены народнаго энтузіазма въ Москвѣ происходили въ ту пору, когда Наполеонъ приближался къ Смоленску. То, что происходило въ древней столицѣ, нашло отзвукъ въ другихъ городахъ.

Въ нѣсколько недѣль собрано было среди купечества и дворян-

ства центральныхъ губерній Россіи до 100 милліоновъ рублей пожертвованій,—сумма громадная по тому времени и выставлено было въ разныхъ губерніяхъ до 300 тыс. ратниковъ ополченія изъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Всѣ губерніи раздѣлены были на три округа: 1-й для обороны Москвы, 2-й—Петербурга и 3-й—въ резервѣ. Ратники составляли по губерніямъ полки конныхъ и пѣшихъ ополченцевъ. Командовали ими дворяне. Одежда ратниковъ—кафтаны, шаровары сѣраго сукна и суконныя шапки съ мѣднымъ крестомъ и вензелемъ государя и съ надписью: „За вѣру и царя". Вооружены были ружьями со штыками, а нѣкоторые, по недостатку ружей—имѣли пики и топоры.

Патріотическое воодушевленіе, охватившее всѣ слои русскаго народа, не мирилось съ отступленіемъ русской арміи. Не зная точно положенія дѣлъ, всѣ требовали рѣшительной битвы съ врагомъ. Армія также рвалась къ бою. И много силы воли, а еще болѣе самоотверженія требовалось Барклаю-де-Толли, чтобы сдерживать эти порывы. Со всѣхъ сторонъ кричали, что онъ нѣмецъ (Барклай былъ родомъ изъ Лифляндіи) и потому отступаетъ, не цѣня и не понимая русскаго народнаго чувства; не разъ проносилось даже зловѣщее слово „измѣна". Когда же обѣ арміи соединились, удержать войска отъ боя стало еще труднѣе, тѣмъ болѣе, что Багратіонъ былъ горячимъ противникомъ отступленія. Этотъ лихой боевой генералъ, сподвижникъ Суворова и любимецъ солдатъ, былъ прямой противоположностію сдержанному и осторожному Барклаю. Уступая послѣднему въ образованіи и административной опытности, онъ превосходилъ его горячей отвагой и беззавѣтной храбростью въ битвахъ, чѣмъ и увлекалъ всегда солдатъ. Въ арміи чувствовалось теперь опасное для дѣла раздвоеніе. Общій голосъ требовалъ перемѣны главнокомандующаго. Повинуясь этому настроенію и единогласному постановленію особаго комитета изъ высшихъ военныхъ сановниковъ, Александръ назначилъ главнокомандующимъ 67-лѣтняго ветерана-героя турецкихъ войнъ князя Голенищева-Кутузова. Назначеніе это встрѣчено было общимъ восторгомъ и въ народѣ, и въ войскѣ, какъ знакъ скорой перемѣны въ способахъ веденія войны. Барклай подавилъ въ себѣ чувство самолюбія ради общаго дѣла и блага родины и безропотно сталъ подъ начальство Кутузова.

Кутузовъ такъ же, какъ и Багратіонъ, былъ сподвижникомъ Суворова, и его любимцемъ и отличался выдающейся храбростью; неоднократно былъ раненъ и въ одномъ изъ сраженій лишился глаза. Между прочимъ при взятіи Измаила Суворовъ говорилъ: „Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой". Отличительной особенностью военныхъ дарованій Кутузова, какъ полководца, было, между прочимъ, умѣнье завлекать врага въ опасныя положенія, брать его измором. Осторожность, скрытность и хитрость были главными чертами

Кутузова, заявившаго себя еще и недюжинными дипломатическими способностями во время пребыванія посломъ въ Константинополѣ (при Екатеринѣ II). Про эту сторону дѣятельности Кутузова Суворовъ отзывался такъ: „Уменъ, очень уменъ: его и Рибасъ не обманетъ“ (адмиралъ Рибасъ пользовался славой въ высшей степени хитраго человѣка).

Въ опасной борьбѣ съ первымъ полководцемъ того времени эти качества были какъ нельзя болѣе пригодны. Ознакомившись ближе съ тактикой Наполеона, Кутузовъ говорилъ: „Разбить меня онъ можетъ, но обмануть никогда!“

По своимъ привычкамъ и образу жизни Кутузовъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ и умѣлъ, какъ немногіе, сблизиться съ солдатами и вліять на нихъ. „Ну какъ можно отступать съ такими молодцами!“ промолвилъ онъ, здороваясь съ почетнымъ карауломъ по пріѣздѣ въ лагерь. Эти какъ будто невзначай, но кстати сказанныя ободрительныя слова немедленно разнеслись по арміи. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, съ радостью говорили солдаты. Пронесся слухъ, что огромный орелъ взвился надъ главнокомандующимъ, когда онъ объѣзжалъ лагерь; всѣ ждали битвы, непріятель былъ недалеко. Отступленіе, однако, еще продолжалось нѣкоторое время, ибо иного исхода не было: ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Кутузовъ одобрилъ всѣ распоряженія Барклая.

Войско, однако, не роптало болѣе, такъ какъ, по словамъ одного изъ современниковъ: „всѣ чувствовали, что, отступая, шли противъ французовъ“, ждали прихода подкрѣпленій и между прочимъ донскихъ казаковъ во главѣ съ лихимъ атаманомъ—*Платовымъ*.

Бородино. Не доходя 100 верстъ до Москвы у села Бородина (Можайскаго уѣзда Московской губерніи) Кутузовъ остановился и рѣшилъ наконецъ дать здѣсь сраженіе Наполеону. Силы обоихъ противниковъ въ эту пору были почти равныя: у Наполеона подъ Бородинымъ стояло 130 тыс. человѣкъ (остальные еще двигались на пути отъ Смоленска къ Москвѣ), у Кутузова считалось 110 тысячъ.

Подъ рукой перваго военнаго генія Европы былъ лучшій цвѣтъ французской арміи, закаленные въ бояхъ и лишеніяхъ ветераны; въ арміи Кутузова было немало новобранцевъ и ополченцевъ, никогда не бывавшихъ на войнѣ; но недочеты въ организаціи русской арміи возмѣщались горячимъ патріотическимъ чувствомъ, готовностью всѣхъ побѣдить или умереть. Солдаты готовились къ битвѣ, какъ къ религіозному подвигу, какъ къ суду Божію. Днемъ 25 августа, накапунѣ бородинскаго боя, по рядамъ солдатъ обносили чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, кропили всѣхъ святою водою. Многіе отказались отъ обычной порціи водки: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“, говорили они. Ночью въ русскомъ лагерѣ царствовало глубочайшее молчаніе, составлявшее рѣзкій контрастъ съ шумными возгласами и криками французовъ: тамъ ликовали въ ожиданіи конца трудамъ и лишеніямъ тяжелой кампаніи,—въ побѣдѣ никто не сомнѣвался.

Достопамятный въ русской исторіи бой начался раннимъ утромъ,

26 августа, и шелъ почти безъ перерывовъ до вечера съ небывалымъ ожесточенiемъ и громадными потерями съ обѣихъ сторонъ.

Среди оглушительнаго рева 1200 орудiй, гремѣвшихъ съ обѣихъ сторонъ и вырывавшихъ солдатъ изъ строя цѣлыми рядами, французы двинулись въ атаку на русскiе полки. Наполеонъ, по своему обычаю, пытался прежде всего прорвать центръ русской армiи, которымъ командовалъ Барклай. Цѣлый рядъ стремительныхъ нападенiй кавалерiи и пѣхоты былъ, однако, геройски отбитъ русскими.

Главныя же силы Наполеона подъ предводительствомъ лучшихъ его генераловъ (Нея, Даву и Мюрата) обрушились на лѣвое крыло, которымъ командовалъ Багратiонъ. Послѣднiй самоотверженно бросался въ самыя опасныя мѣста боя и, воодушевляя личнымъ примѣромъ солдатъ, долго и непоколебимо выдерживалъ натиски многочисленныхъ непрiятелей, пока смертельная рана не заставила его покинуть поле битвы. Тутъ полки его, лишась общаго управленiя, нѣсколько смѣшались и подались назадъ. Моментъ былъ крайне опасенъ. Наполеонъ рѣшилъ было уже пустить въ ходъ послѣднiе резервы—свою гвардiю, чтобы сломить сопротивленiе русскихъ, и при отступленiи уступавшихъ каждый шагъ лишь послѣ ожесточенныхъ схватокъ съ врагомъ, но въ эту минуту Платовъ и Уваровъ съ донцами стремительно напали на лѣвый флангъ армiи Наполеона. Они были отбиты; но Наполеонъ, опасаясь за свой лѣвый флангъ, отозвалъ назадъ свою гвардiю. Тѣмъ временемъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ полками Багратiона; на помощь къ нимъ подоспѣли резервы, войска нашего лѣваго фланга оправились и снова двинулись впередъ. Судьба сраженiя осталась не рѣшенной. Бѣшеныя атаки и безумная храбрость французовъ разбились о непоколебимую стойкость и беззавѣтное мужество русскихъ. Свою старую гвардiю Наполеонъ такъ и не рѣшился пустить въ ходъ, не желая рисковать послѣдней опорой на случай новой атаки русскихъ, оставшихся несломленными, несмотря на всѣ усилiя его войскъ. Послѣ десятичасового ожесточеннаго боя, переходившаго временами въ жестокiя рукопашныя схватки, непрiятельскiя атаки прекратились, и остальное время дня прошло въ безпрерывной жестокой канонадѣ.

Поле сраженiя представляло собой ужасное зрѣлище; оно все было покрыто трупами; въ мѣстахъ наиболѣе жаркихъ схватокъ лежали цѣлыя груды мертвыхъ и умирающихъ, наваленныхъ иногда другъ на друга кучами въ нѣсколько рядовъ... По взаимному ожесточенiю и кровопролитiю ни одно изъ сраженiй новыхъ временъ не можетъ сравниться съ Бородинскимъ. Потери обѣихъ сторонъ были прямо колоссальныя. Выбыло изъ строя до 100 тысячъ человѣкъ, т. е. чуть не половина всего числа сражавшихся.

Даже среди высшихъ начальниковъ армiи оказались съ обѣихъ сторонъ громадныя потери, такъ что битву эту не безъ основанiя нѣкоторые называли „битвой генераловъ“, которыхъ съ обѣихъ сторонъ пало свыше 40. Особенно тяжела была для русскихъ потеря безстрашнаго Багратiона, храбрецовъ Тучковыхъ, Воронцова, Невѣровскаго и др.

Оба противника ночевали на старыхъ своихъ позиціяхъ. Русское войско бодро готовилось къ новому бою. Но когда Кутузовъ ночью узналъ, что изъ 110 тысячъ его воиновъ выбыло изъ строя свыше 50 тысячъ чел. *), то рѣшилъ отступить и рано утромъ повелъ свою армію по дорогѣ къ Москвѣ.

На полѣ битвы остался Платовъ съ арріергардомъ, чтобы задерживать врага, если бы онъ вздумалъ преслѣдовать отступавшихъ. Наполеонъ, однако, едва только къ двумъ часамъ дня могъ привести въ должный порядокъ свое войско и вновь двинуться вслѣдъ за русскими. Узнавъ объ ихъ отступленіи, онъ провозгласилъ побѣду, хотя потомъ въ своихъ мемуарахъ и выпужденъ былъ сознаться, что при Бородино не было побѣдителей: „Самое ужасное изъ моихъ сраженій было то, которое я далъ подъ Москвой: французы показали себя въ немъ достойными одержать побѣду, русскіе пріобрѣли право именоваться непобѣдимыми".

Невдалекѣ отъ Москвы русскія войска остановились. Всѣ ждали новаго сраженія. Отдать древнюю столицу безъ боя представлялось невозможнымъ. Того же мнѣнія держался первоначально и Кутузовъ, о чемъ и оповѣстилъ генералъ-губернатора Москвы *Ростопчина.* Послѣдній издалъ рядъ патріотическихъ воззваній къ жителямъ Москвы, приглашая ихъ къ поголовному ополченію на защиту столицы и для помощи арміи **); изъ арсеналовъ выдавали оружіе желающимъ идти на битву съ врагомъ. Но осмотръ позицій подъ Москвой показалъ, однако, полную ихъ непригодность для боя. Съ другой стороны было рискованно жертвовать второй половиной бородинской арміи, тѣмъ болѣе, что къ Наполеону подошли уже подкрѣпленія изъ-подъ Смоленска. Неудача погубила бы и армію и Москву; удача не избавила бы армію отъ новой отчаянной попытки французовъ пробиться къ Москвѣ на зимнія квартиры, ибо иного исхода имъ не было. Рѣшаться же на цѣлый рядъ битвъ съ французами, не пополнивъ армію новыми подкрѣпленіями, которыя уже двигались отовсюду, было прямо опасно. На воен-

*) Главной причиной такой громадной потери была плохая тактическая подготовка солдатъ, среди которыхъ большинство было изъ молодежи: они не пріучены были пользоваться мѣстностью и прикрытіями, а при внезапныхъ нападеніяхъ не умѣли быстро смыкаться изъ разсыпаннаго строя въ кучки. Кромѣ того самая битва происходила на небольшомъ сравнительно пространствѣ въ одну квадратную милю. Всѣмъ этимъ и объясняются какъ огромныя потери обѣихъ сторонъ отъ губительнаго дѣйствія артиллеріи, такъ и то обстоятельство, что оборонявшіеся, т. е. русскіе, потерпѣли даже бòльшія потери, чѣмъ аттаковавшіе ихъ французы, тогда какъ слѣдовало бы ожидать обратнаго.

**) Растопчинскія „афиши", какъ называли его воззванія, разсчитаны были большею частію на простонародье и изложены въ соотвѣтствующемъ духѣ. „Когда до чего дойдетъ, говорилось, напр., въ одной изъ такихъ афишъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ, я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а еще лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжелѣе снопа ржаного", и т. д.

номъ совѣтѣ въ подмосковной деревенькѣ Филяхъ Кутузовъ, взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ боя подъ столицей, рѣшился оставить Москву и далъ приказъ арміи отступить черезъ столицу на Рязанскую дорогу. „Съ потерей Москвы, сказалъ при этомъ главнокомандующій, еще не потеряна Россія,—съ потерей же арміи наступитъ крайняя опасность не для Москвы только, но для всей Россіи; поставляю для себя первою обязанностію —сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и, уступая Москву, приготовить непріятелю неизбѣжную гибель. Знаю, что оставленіе Москвы огорчитъ и царя, и Россію: вина падетъ на меня, но жертвую собой для блага отечества“.

Вступленіе Наполеона въ Москву. Еще послѣ бородинской битвы большая часть жителей покинула Москву, оставивъ на произволъ судьбы свои дома и обстановку въ нихъ. Тогда же, на всякій случай, поспѣшили увезти изъ Москвы все наиболѣе цѣнное и важное—нѣкоторыя святыни изъ соборовъ, драгоцѣнности изъ дворцовъ, архивы и дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ и т. д. Когда же 2-го сентября стало извѣстно, что военный совѣтъ въ Филяхъ рѣшилъ не давать битвы подъ Москвой, столица совсѣмъ опустѣла. Осталось только тысячъ двадцать простонародья. Генералъ-губернаторъ Ростопчинъ приказалъ уничтожить всѣ запасы хлѣба и провіанта, которыхъ не успѣли еще вывезти, жечь на Москвѣ-рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и т. д., чтобы на первыхъ же порахъ поставить врага въ тяжелое положеніе отъ недостатка продовольствія.

Французская армія двигалась вслѣдъ за русской; прикрывать отступленіе послѣдней поручено было отряду одного изъ наиболѣе отважныхъ и смѣлыхъ генераловъ—*Милорадовичу.* Чтобы дать возможность выбраться изъ Москвы послѣднимъ обозамъ со скарбомъ жителей, Милорадовичъ предложилъ начальнику французскаго авангарда Мюрату заключить перемиріе на нѣсколько часовъ, чтобы очистить французамъ Москву, угрожая въ противномъ случаѣ драться до послѣдняго человѣка и оставить непріятелю въ городѣ однѣ только развалины; Мюратъ волей-неволей согласился.

„Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!“ промолвилъ Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы. У Дорогомиловской заставы Наполеонъ сошелъ съ лошади и долго прохаживался взадъ и впередъ, ожидая депутаціи отъ жителей съ „ключами города“, какъ это водилось всегда на Западѣ Европы. „Ведите сюда бояръ!“ гнѣвно вскричалъ онъ, когда ему доложили, что никакой депутаціи не имѣется. Къ нему пригласили нѣсколько человѣкъ изъ оставшихся въ городѣ иностранцевъ, которые и сообщили удивленнымъ французамъ, что Москва пуста. На утро (3-го сентября) Наполеонъ переѣхалъ въ Кремль и помѣстился во дворцѣ.

Пожаръ Москвы. Не успѣли однако французы занять Москву, какъ въ ней начались пожары. Говорили, что объ этомъ заранѣе распорядился Ростопчинъ и съ этою цѣлiю заблаговременно вывезъ изъ города всѣ пожарныя трубы и снаряды, чтобы нечѣмъ было тушить огня. Но въ сущности эта мысль была общимъ достоянiемъ: вездѣ тогда такъ поступали, жгли деревни и города на пути врага, и оставшееся въ Москвѣ простонародье усерднѣе, чѣмъ кто либо, поджигало дома. Французы ловили и разстрѣливали поджигателей, но безполезно: Москва разомъ запылала съ разныхъ концовъ и, при обилiи деревянныхъ домовъ, пожаръ скоро принялъ грандiозные размѣры. Въ продолженiе трехъ сутокъ (3, 4 и 5 сентября) въ Москвѣ сгорѣло три четверти домовъ; большая часть церквей, гдѣ тоже вздумали останавливаться французы, дѣлая изъ нихъ конюшни для лошадей, также выгорѣла. Вмѣсто богатой добычи, обильнаго продовольствiя и зимнихъ квартиръ, французы встрѣтили въ столицѣ развалины обгорѣлыхъ домовъ, разрушенiе, голодъ.

Французы буквально очутились на улицѣ и притомъ въ крайне тяжеломъ положенiи; по словамъ одного современника: „у костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы иконъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; по улицамъ валялись головы сахару и мѣшки съ кофе, выброшенные изъ разграбленныхъ колонiальныхъ магазиновъ, а хлѣба почти ни у кого не было". Дисциплина въ войскѣ падала, развивалось мародерство; покидая самовольно стоянки въ столицѣ, голодные и оборваные солдаты разбѣгались по окрестностямъ, добывая провiантъ, грабили попадавшихся имъ на пути жителей и, въ свою очередь, были ими при удобномъ случаѣ безжалостно избиваемы.

Наполеонъ былъ крайне озадаченъ такимъ оборотомъ дѣлъ—ничего подобнаго этому поголовному выселенiю жителей изъ столицы, а тѣмъ болѣе сожженiю ея онъ не встрѣчалъ нигдѣ. Онъ пробовалъ снова завести съ Александромъ переговоры о мирѣ на выгодныхъ для себя условiяхъ,—отвѣта ему не было; пытался грозить походомъ на Петербургъ: угрозы его оставляли безъ вниманiя. Александръ съ негодованiемъ отвергалъ всякую мысль о какомъ бы то ни было соглашенiи съ Наполеономъ.

Печальное извѣстiе о занятiи французами Москвы не поколебало рѣшимости Александра продолжать войну, но только заставило его еще опредѣленнѣе и тверже подчеркнуть эту рѣшимость въ слѣдующихъ достопамятныхъ историческихъ словахъ, сказанныхъ полковнику Мишо:

„Возвратитесь въ армiю, скажите нашимъ храбрецамъ, скажите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, то я созову мое дорогое дворянство и добрыхъ

крестьянъ, что я буду предводительствовать ими и пожертвую всѣми средствами моей Имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ непріятели думаютъ. Но ежели назначено судьбою и промысломъ Божіимъ династіи моей болѣе не царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу стыдъ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, коихъ пожертвованія умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я его узналъ, онъ болѣе не обманетъ меня“.

Народная война. Партизаны. Народъ вполнѣ раздѣлялъ чувства своего государя. Пожаръ Москвы и вѣсти о насиліяхъ, грабежахъ и святотатствахъ, допускавшихся потерявшей всякую дисциплину оголодавшей французской арміей, пробудили острое чувство ненависти къ врагу во всѣхъ слояхъ общества. Началась безпощадная народная война; жители ближайшихъ къ Москвѣ губерній и мѣстностей, гдѣ проходили французы, поголовно вооружались чѣмъ попало—охотничьими ружьями, рогатинами, топорами, вилами и всѣми мѣрами старались вредить французамъ; крестьяне истребляли ихъ какъ дикихъ звѣрей, гдѣ бы только ни привелось, и въ одиночку, и цѣлыми партіями, нападали на обозы, сожигали склады съ продовольствіемъ, прирѣзывали часовыхъ; раненыхъ и попавшихся въ плѣнъ безпощадно заколачивали на смерть. Помѣщики, крестьяне, священники и даже женщины *) принимали участіе въ этомъ общемъ возстаніи, особенно свирѣпствовавшемъ въ губерніяхъ Московской, Смоленской и вообще по пути движенія „великой арміи“.

Кромѣ того вокругъ всей французской арміи сновали летучіе отряды партизановъ (изъ регулярныхъ кавалеристовъ и казаковъ) подъ начальствомъ Фигнера, Сеславина, Давыдова и др. Они ни днемъ ни ночью не давали покоя французамъ, внезапно появляясь то тутъ, то тамъ, перехватывая орудія, забирая обозы, истребляя мелкіе отряды, отдѣлявшіеся отъ главной массы войскъ. Фигнеръ нерѣдко переодѣвался во французскій мундиръ и, прекрасно владѣя французскимъ языкомъ, появлялся въ лагерѣ непріятеля, разспрашивалъ,

---

*) Между прочимъ, пользовалась извѣстностію „старостиха Василиса“, забиравшая французовъ въ плѣнъ цѣлыми партіями; крестьянинъ с. Павлова, Богородскаго уѣзда, Герасимъ Куринъ, составилъ вольную дружину въ 6.000 чел. и не разъ устраивалъ засады большимъ отрядамъ французовъ. Въ Сычевскомъ уѣздѣ предводителемъ возставшихъ жителей былъ майоръ Емельяновъ, въ Гжатскомъ командовалъ крестьянами гусаръ Самусь. Смоленскіе помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ заплатили жизнью за участіе въ народной войнѣ,—французы разстрѣляли ихъ въ Смоленскѣ. Въ г. Вереѣ руководителемъ поселянъ въ бояхъ съ французами и разореніи возведеннаго ими укрѣпленнаго лагеря явился священникъ Іоаннъ Скабѣевъ.

Изъ женщинъ прославилась своими подвигами Наталья Андреевна Дурова, „дѣвица-кавалеристъ“, сражавшаяся въ рядахъ регулярныхъ войскъ въ мужской одеждѣ подъ Смоленскомъ и Бородинымъ и заслужившая орденъ св. Георгія.

развѣдывалъ, что нужно, и затѣмъ неожиданно налеталъ изъ засады на ошеломленнаго врага.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ настолько ухудшила положеніе французской арміи, особенно въ дѣлѣ добыванія провіанта, что даже среди войскъ, расположенныхъ въ самой Москвѣ, началась голодовка. Не имѣя ни хлѣба, ни мяса, французы стрѣляли воронъ, ловили и ѣли кошекъ, мясо павшихъ лошадей и т. д.; за недостаткомъ дровъ, въ холодныя и сырыя осеннія ночи не могли разводить огней; въ лагерѣ развились заразныя болѣзни, косившія солдатъ тысячами.

Между тѣмъ положеніе русской арміи существенно улучшилось. Съ Рязанской дороги, обманувъ врага ложными движеніями, Кутузовъ свернулъ неожиданно на Калужскую и заслонилъ всей массой своей арміи отъ Наполеона южныя хлѣбородныя губерніи и Тульскій оружейный заводъ. Теперь онъ безпрепятственно и въ изобиліи получалъ съѣстные припасы, запасы новаго оружія, со всѣхъ сторонъ стекались къ нему подкрѣпленія людьми. Армія отдохнула, окрѣпла и почти вдвое выросла численностію. Настало время выжить врага изъ Москвы.

Бѣгство „великой арміи" Наполеона. Устроивши армію, Кутузовъ перешелъ въ наступленіе и двинулся къ Тарутину. Недалеко отъ него 6 октября русскіе подъ начальствомъ Бенигсена напали на французскій авангардъ, состоявшій подъ начальствомъ Мюрата, опрокинули его и отняли множество пушекъ. Наполеонъ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ въ Кремлѣ, когда получилъ извѣстіе объ этомъ сраженіи. Оно его настолько встревожило, что онъ тутъ же далъ приказъ къ выступленію изъ Москвы и самъ на другой день изъ нея выѣхалъ, сдѣлавши передъ этимъ варварское распоряженіе взорвать Кремль, дворецъ, соборы и колокольню Ивана Великаго. Черезъ пять дней послѣ этого послѣдніе эшелоны французскихъ войскъ оставили Москву. Наканунѣ взрывомъ разрушена была часть дворца и Грановитой палаты, немного повреждена колокольня Ивана Великаго, но соборы устояли. Казаки сейчасъ же заняли Москву.

Наполеонъ двинулся было къ Калугѣ, думая пробраться на югъ, но послѣ жестокой битвы подъ Малоярославцемъ, причемъ городъ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, принужденъ былъ выйти на разоренную и опустошенную Смоленскую дорогу. Съ этого момента началось стремительное отступленіе, или, вѣрнѣе, *бѣгство великой арміи*, добивавшейся уже не побѣды, а только возможности поскорѣе уйти изъ Россіи.

Наша армія шла слѣдомъ за французами, но другими дорогами,

лѣвѣе ихъ, по мѣстамъ, еще нетронутымъ войной, и потому получала въ изобиліи продовольствіе. Прикрывая собою южныя области и не допуская французовъ отклоняться съ опустошенной Смоленской дороги, войско наше угрожало ихъ отступленію на каждомъ шагу, отнимало орудія и обозы, захватывало въ плѣнъ отсталыхъ солдатъ. Но самой страшной грозой французамъ были въ данномъ отношеніи наши партизанскіе летучіе отряды и партіи вооруженныхъ крестьянъ, не дававшіе ни минуты отдыха изнуренному врагу.

Неутомимо преслѣдуя Наполеона, русскія войска нанесли отдѣльнымъ частямъ его арміи цѣлый рядъ чувствительныхъ пораженій подъ Вязьмой, Духовщиной, Краснымъ и Смоленскомъ (за послѣднее князю Кутузову пожалованъ былъ титулъ Смоленскаго). Эти пораженія еще болѣе способствовали ослабленію непріятельской арміи. Послѣдній ударъ ей нанесли внезапные морозы до 20° и болѣе. Непривычные къ холоду и не снабженные теплой одеждой, французы гибли тысячами. Каждое мѣсто стоянки ихъ лагерей обозначалось трупами замерзшихъ людей. Солдаты надѣвали на себя что попало, похищенныя въ Москвѣ церковныя ризы, женскія платья, обертывали ноги тряпками и въ такомъ видѣ шли, голодные, оборванные. На переправѣ черезъ Березину Наполеону грозила окончательная гибель. Здѣсь, по плану Кутузова, должны были сойтись наперерѣзъ французамъ двѣ новыхъ арміи: Сѣверная, подъ начальствомъ Витгенштейна, (защищавшая дотолѣ дорогу въ Петербургъ), Дунайская, дѣйствовавшая въ турецкую войну и теперь двигавшаяся съ юга подъ начальствомъ адмирала Чичагова. По оплошности Чичагова, не поспѣвшаго вовремя къ мѣсту переправы, избранному Наполеономъ, онъ успѣлъ избѣгнуть поставленной ему ловушки и успѣлъ перебраться черезъ Березину, хотя армія его потеряла 20 тыс. плѣнными, множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы; добыча, набранная французами въ Москвѣ, осталась въ рукахъ русскихъ *). Послѣ Березинской переправы морозы, доходившіе до 30°, довершили истребленіе французовъ; не доѣзжая Вильны, Наполеонъ покинулъ жалкіе остатки своей арміи и уѣхалъ въ Парижъ. Проѣзжая черезъ Вѣну, онъ въ разговорѣ съ своимъ посломъ произнесъ историческую фразу, ставшую пословицей: „Отъ великаго до смѣшного—одинъ только шагъ“. Изъ 600-тыс. арміи, съ которой онъ вторгся въ Россію, перешла обратно черезъ Нѣманъ съ маршаломъ Неемъ во главѣ едва десятая часть и изъ нея только 16 тысячъ при 9 орудіяхъ сохраняли еще видъ настоящаго дисциплинированнаго войска, годнаго для боя.

*) Между прочимъ казаки изъ отбитаго у французовъ серебра соорудили впослѣдствіи серебряный иконостасъ для Казанскаго собора въ Петербургѣ.

Остальное все посѣяно было на дорогѣ въ Москву и обратно. Прусскія войска—невольные союзники французовъ, еще раньше окончанія войны ушли изъ предѣловъ Россіи. Къ половинѣ декабря 1812 г. ни одного непріятеля не осталось на русской территоріи, и въ праздникъ Р. Хр. 25 декабря вся Россія праздновала свое избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ".

Въ память великой эпопеи 1812 года въ Москвѣ заложенъ былъ величественный храмъ Христа Спасителя.

Война за освобожденіе Европы. Во время преслѣдованія Наполеона русская армія хотя и находилась сравнительно въ лучшихъ условіяхъ относительно продовольствія, но тоже очень пострадала. Изъ 100 тысячъ чел., стоявшихъ на Калужской дорогѣ, выбыло изъ строя во время пути отъ ранъ и болѣзней больше двухъ третей. Кутузовъ и большинство другихъ вліятельныхъ совѣтниковъ Александра считали войну оконченной, находя, что дальнѣйшія жертвы людьми и деньгами уже ради избавленія Европы отъ владычества Наполеона являются съ русской точки зрѣнія безполезными. Александръ держался иного мнѣнія, полагая, что только окончательное низложеніе Наполеона можетъ избавить Европу, а вмѣстѣ съ нею и Россію, отъ дальнѣйшихъ нападеній и интригъ со стороны Наполеона. 1-го января 1813 года русскія войска, по приказу Александра, перешли границу, и началась такъ называемая *война за освобожденіе Европы*, причемъ русскій императоръ все время игралъ главную роль и имѣлъ первенствующее вліяніе на ходъ дѣлъ.

Кутузовъ вскорѣ скончался, утомленный трудами и лишеніями Отечественной войны. Главнокомандующимъ взамѣнъ его назначенъ былъ Витгенштейнъ. Александръ опубликовалъ въ Германіи воззваніе къ нѣмецкому народу, призывая его на борьбу съ Наполеономъ. При вѣсти объ успѣхахъ русскаго оружія приниженное дотолѣ побѣдами французовъ патріотическое чувство нѣмцевъ воспрянуло съ новой силой. Первымъ отозвался на это движеніе прусскій король и открыто перешелъ на сторону Александра. За Пруссіей послѣдовала Швеція, выставившая вспомогательный корпусъ. Непримиримый врагъ Наполеона, Англія снабжала союзниковъ деньгами. Австрійскій императоръ, тесть Наполеона, занялъ выжидательное положеніе. Между тѣмъ Наполеонъ успѣлъ уже оправиться и при содѣйствіи Рейнскаго союза (нѣмецкихъ князей западной Германіи), протекторомъ котораго онъ былъ, вновь сформировалъ значительную армію. Первыя битвы съ нимъ (при Люценѣ и Бауценѣ) были неудачны для союзниковъ, Наполеонъ бралъ перевѣсъ и своимъ военнымъ искусствомъ и единствомъ въ управленіи войскомъ, чего еще не было у союзниковъ. Александръ, все время на-

ходившійся при войскѣ и не разъ лично присутствовавшій на поляхъ сраженій, употреблялъ энергическія усилія, чтобы добиться порядка и сосредоточенности въ дѣйствіяхъ войскъ и между прочимъ главнокомандующимъ назначилъ Барклая. Дѣла союзниковъ стали понемногу поправляться. Къ нимъ наконецъ присоединилась и Австрія. Союзныя войска нанесли рядъ пораженій нѣсколькимъ отдѣльнымъ корпусамъ маршаловъ Наполеона (Вандаму при Кульмѣ и пр.). Слава непобѣдимости Наполеона окончательно поколебалась. Одинъ за другимъ стали отпадать отъ него и члены Рейнскаго союза, и когда наконецъ главныя силы Наполеона встрѣтились съ соединенными арміями союзныхъ державъ при *Лейпцигѣ*, то на сторонѣ послѣднихъ оказался громадный численный перевѣсъ. Въ ожесточенной трехдневной „битвѣ народовъ" (какъ прозвали это грандіозное побоище, въ которомъ столкнулось до полумилліона разноплеменнаго войска при громѣ 2000 пушекъ) Наполеонъ потерялъ почти половину своей арміи и поспѣшно отступилъ за Рейнъ.

Германія была освобождена. Союзныя войска вступили во Францію, которая вконецъ обезсилѣла отъ страшнаго напряженія силъ и громадныхъ потерь людьми въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Послѣ недолгаго сопротивленія Парижъ сдался на капитуляцію, и 31 марта 1814 года союзныя войска во главѣ съ Александромъ и прусскимъ королемъ торжественно вступили въ столицу Франціи. Наполеонъ былъ низложенъ съ престола и получилъ въ управленіе островъ Эльбу съ сохраненіемъ титула императора. Во Франціи возстановлена была династія Бурбоновъ въ лицѣ Людовика XVIII (брата нѣкогда казненнаго короля Людовика XVI).

Александръ объявилъ, что онъ воюетъ не съ Франціей, а съ Наполеономъ, и отнесся къ парижанамъ чрезвычайно мягко и милостиво. Среди русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Парижѣ, наблюдалась самая строгая дисциплина. Малѣйшія съ ихъ стороны обиды жителямъ сурово наказывались. Это отношеніе къ побѣжденнымъ врагамъ въ связи съ личной привѣтливостію Александра и его обычнымъ чарующимъ обращеніемъ съ людьми сдѣлали русскаго государя самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Парижѣ.

Вѣнскій конгрессъ. Послѣ низложенія Наполеона союзные монархи со своими министрами съѣхались на конгрессъ въ Вѣну (1814 г.), чтобы сообща возстановить въ Европѣ порядокъ, нарушенный Наполеономъ. Изъ государей первенствующее значеніе на конгрессѣ имѣлъ Александръ, какъ главный виновникъ низверженія Наполеона. Изъ министровъ главную роль на конгрессѣ игралъ князь Меттернихъ, австрійскій канцлеръ, умѣло и ловко пользовавшійся разногласіями союзниковъ и направлявшій рѣшенія конгресса въ пользу Австріи.

Наиболѣе сильныя разногласія вызвалъ вопросъ о вознагражденіи Россіи. Императоръ Александръ требовалъ себѣ всѣхъ польскихъ земель, составлявшихъ Варшавское герцогство, желая осуществить свои давнія намѣренія относительно Польши и дать ей особое конституціонное устройство подъ своею верховною властію. Другія державы, и особенно Австрія и Англія, возстали противъ этого. Возникли горячіе споры, чуть было не доведшіе бывшихъ союзниковъ до войны между собою; Россія и Австрія уже стягивали войска къ границамъ... Дѣло уладилось наконецъ тѣмъ, что императору Александру предоставлена была большая часть Варшавскаго герцогства, а другія части (Торнъ, Краковъ, Познань и пр.) переданы были Пруссіи и Австріи; въ рукахъ послѣдней попрежнему осталась и древняя русская область—Галиція, захваченная Австріей у Польши еще при Екатеринѣ II. Пруссіи передана была, сверхъ того, еще Саксонія*).

Соглашеніе между державами ускорили вѣсти о новомъ появленіи Наполеона во Франціи. Прослышавъ о раздорахъ союзниковъ, Наполеонъ тайно оставилъ Эльбу и высадился во Франціи; армія встрѣтила его съ восторгомъ. Людовикъ XVIII постыдно бѣжалъ изъ Франціи, и Наполеона снова провозгласили императоромъ. Царствовать ему пришлось, однако, только съ небольшимъ три мѣсяца („*Сто дней*“). Всѣ войска союзниковъ вновь воротились во Францію. Разбитый англичанами (подъ предводительствомъ Веллингтона) при Ватерлоо, Наполеонъ вынужденъ былъ сдаться и окончилъ дни свои плѣнникомъ на уединенномъ островѣ Св. Елены. Людовику снова былъ возвращенъ престолъ. На Францію наложена была громадная контрибуція въ 700 милліоновъ, и русскія корпуса около двухъ лѣтъ стояли въ крѣпостяхъ страны ради охраненія порядка.

Священный Союзъ. Потрясающія событія Отечественной войны и низложеніе Наполеона оставили глубокіе слѣды въ душѣ Александра. Онъ вдался въ усиленную религіозность. До борьбы съ Наполеономъ онъ не былъ даже знакомъ съ Библіей и въ области религіи раздѣлялъ идеи свободомыслящихъ представителей просвѣтительной литературы XVIII в. Пожаръ Москвы, по его собственному сознанію, освѣтилъ его душу и согрѣлъ его сердце вѣрой. Во всѣхъ событіяхъ онъ видѣлъ теперь руку Промысла, а себя считалъ ея невольнымъ орудіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей и съ дѣтства присущей ему мечтательно-

*) Россія получила всего 2100 кв. миль съ 3 мил. населенія; Австрія—2300 кв. миль съ 10 мил. населенія; Пруссія—2200 кв. миль съ 5 мил. населенія. Такимъ образомъ, главная виновница сверженія Наполеона и освобожденія Европы отъ его владычества получила меньше всѣхъ.

сти настроеніе его приняло религіозно-мистическій характеръ*). Въ связи съ этимъ новымъ настроеніемъ Александръ собственноручно написалъ проектъ особаго *Священнаго Союза* государей для управленія подданными на началахъ христіанской религіи и нравственности. А именно, онъ предложилъ всѣмъ владѣтельнымъ особамъ Европы (за исключеніемъ султана и папы) подписать грамоту, въ которой говорилось, что государи будутъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться заповѣдями Спасителя о любви, правдѣ и мирѣ; будутъ проводить чувства братства среди народовъ; какъ самодержцы, поставленные Богомъ отечески управлять подданными и войсками, будутъ сноситься между собою какъ члены единаго христіанскаго народа.

Текстъ договора о священномъ союзѣ между прочимъ гласитъ: „Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы Ихъ Величества..., восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть передъ лицомъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость руководствоваться заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира... На семъ основаніи 1) соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, договаривающіеся монархи пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами, они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства. 2) Единое преобладающее правило да будетъ: приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику союзные государи почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія для управленія единаго семейства отраслями“... и т. д.

Всѣ государи выразили на словахъ сочувствіе возвышеннымъ идеямъ Священнаго Союза, но подписали этотъ договоръ лишь трое: императоръ Александръ, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ и (послѣ нѣкоторыхъ колебаній) австрійскій императоръ Францъ. Князь Меттернихъ убѣдилъ послѣдняго, что этотъ актъ, составленный въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не заключалъ въ себѣ для Австріи никакихъ связывающихъ ее практическихъ обязательствъ, но можетъ быть ей очень полезенъ въ случаѣ какихъ-либо волненій среди ея разноплеменныхъ подданныхъ. Меттернихъ толковалъ условія Священнаго Союза о взаимной помощи государей другъ другу въ томъ смыслѣ, что государи, его подписавшіе, обязаны противодѣйствовать *всякому* нарушенію подданными того или другого государства мира,

---

*) Немалое значеніе имѣло здѣсь и знакомство съ одной изъ наиболѣе экзальтированныхъ послѣдовательницъ религіозно-мистическихъ ученій—баронессой Крюденеръ.

любви и подчиненія своимъ законнымъ властителямъ и вслѣдствіе того побудилъ Александра I, вопреки его личнымъ симпатіямъ и прямымъ интересамъ Россіи, а равно и христіанскому характеру Союза, противодѣйствовать національнымъ стремленіямъ грековъ и славянъ, желавшихъ освободиться отъ ига турокъ, а равно подавлять всякое недовольство населенія и другихъ странъ порядками, установленными на Вѣнскомъ конгрессѣ (напр., подчиненіемъ католической Бельгіи протестантскому правительству Голландіи, нѣкоторыхъ итальянскихъ провинцій владычеству Австріи и т. д.). Благодаря этому Священный Союзъ трехъ державъ, торжественно объявленный 25 декабря 1815 года, сдѣлался надолго орудіемъ реакціи въ Европѣ*).

Устройство Царства Польскаго. На Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ I усиленно отстаивалъ права Польши и по его предложенію, вопреки настроенію многихъ членовъ конгресса**), между прочимъ было рѣшено „предоставить полякамъ Россіи, Австріи и Пруссіи представительство и національныя установленія, сообразно тому роду политическаго существованія, которое каждое изъ правительствъ, ими владѣющихъ, найдетъ полезнымъ и приличнымъ дать имъ". Въ своихъ владѣніяхъ Александръ рѣшилъ поступить съ поляками, какъ ранѣе (въ 1809 г.) поступилъ съ финляндцами. Онъ счелъ наиболѣе полезнымъ даровать *Царству Польскому* (такъ названа была имъ отошедшая къ Россіи часть Варшавскаго герцогства) особое, отличное отъ остальной Россіи, и весьма либеральное, особенно по тому времени, политическое устройство съ національнымъ сеймомъ, предполагая, по его собственнымъ словамъ, что этимъ онъ лучше всего отклонитъ поляковъ отъ союза съ врагами Россіи и сдѣлаетъ Польшу „авангардомъ Россіи въ борьбѣ съ сосѣдями".

Согласно „Учредительной Хартіи" для Польши (обнародованной въ декабрѣ 1815 г.), управленіе Царствомъ Польскимъ ввѣрялось

---

*) Слѣдствіемъ учрежденія Священнаго Союза былъ рядъ новыхъ конгрессовъ, въ которыхъ принималъ участіе Александръ: въ 1820 г. въ Троппау—для улаженія народныхъ волненій въ Португаліи; въ 1821 г. въ Лайбахѣ—по дѣламъ Италіи; въ 1822 г. въ Веронѣ—для успокоенія населенія Испаніи.

**) Первоначально всѣ члены конгресса—какъ русскіе, такъ и иностранные, за исключеніемъ Чарторижскаго (поляка)—были противъ польской автономіи и старались повліять въ этомъ смыслѣ на императора Александра I, какъ это видно изъ словъ самого Чарторижскаго, который писалъ изъ Вѣны:

„Императоръ Александръ, дурно окруженный своими, тревожимый чужими, держится, однако, непреклонно. Всѣ кабинеты соединились противъ него и никто не возвышаетъ голоса въ нашу пользу. Русскіе изрыгаютъ свое неудовольствіе и порицаютъ императора. Иностранцы и русскіе ревутъ (противъ польской автономіи) въ одномъ согласномъ концертѣ. Они удостаиваютъ меня своею ненавистью, выставляя меня заступникомъ нашего (польскаго) дѣла и ближайшимъ совѣтникомъ императора. Несмотря на это изступленіе, я надѣюсь довести дѣло до изряднаго исхода".

Правительственному Совѣту, который составляли, подъ предсѣдательствомъ особаго „Намѣстника Царства Польскаго“, пять министровъ, назначавшихся царемъ. Законодательная же власть вручалась сейму, который собирался черезъ каждые два года срокомъ на одинъ мѣсяцъ для обсужденія проектовъ новыхъ законовъ, предлагаемыхъ правительствомъ, и состоялъ изъ двухъ палатъ (избъ): сената (епископы, воеводы и кастеляны, назначаемые пожизненно царемъ) и палаты депутатовъ (посольская изба, 77 пословъ или депутатовъ отъ шляхты, по одному отъ каждаго повѣта или уѣзда, и 51 депутатъ отъ городовъ и гминъ, или сельскихъ общинъ). Ни одинъ законъ, а также роспись доходовъ и расходовъ Царства Польскаго не могли быть изданы безъ одобренія обѣихъ палатъ и утвержденія царя. Сверхъ того поляки получили право имѣть собственную армію и чеканить свою монету; польской печати предоставлена была свобода; объявлена также свобода вѣроисповѣданій; городамъ дано самоуправленіе; польскій языкъ признанъ господствующимъ въ управленіи, судѣ и арміи; всѣ должности, военныя и гражданскія, могли замѣщаться только поляками и т. д.

Обнародованію этой конституціи предпосланъ былъ краснорѣчивый манифестъ, взывавшій къ чувствамъ поляковъ, указывавшій на великодушіе русской политики и приглашавшій поляковъ быть достойными дальнѣйшаго постепеннаго улучшенія ихъ судьбы въ „новомъ государствѣ, получившемъ желанное имя Царства Польскаго“.

Поляки торжественно отпраздновали въ Варшавѣ дарованіе новыхъ формъ управленія Царству Польскому, но вслѣдъ затѣмъ стали добиваться бо́льшаго: полнаго отдѣленія отъ Россіи и возстановленія Польши въ прежнихъ ея границахъ, какъ было до раздѣловъ. Революціонныя движенія, происходившія тогда въ Западной Европѣ, усиливали въ полякахъ желаніе этой перемѣны. Это сказалось уже на первомъ сеймѣ, открытомъ лично самимъ Александромъ (въ маѣ 1818 г.), гдѣ были допущены разныя выходки противъ назначенныхъ царемъ министровъ, очень огорчившія Александра, который только что въ своей тронной рѣчи приглашалъ поляковъ своимъ поведеніемъ доказать пользу новыхъ учрежденій *).

На второмъ сеймѣ образовалась уже сильная оппозиція, которая почти безъ обсужденія отвергла законы, предложенные правительствомъ. Дошло до того, что во избѣжаніе волненій правительство запретило доступъ на засѣданія сейма посторонней публикѣ. Къ концу царство-

*) Въ рѣчи своей, обращенной къ сейму, Александръ между прочимъ сдѣлалъ намекъ на предстоящее введеніе и въ остальныхъ частяхъ Россіи учрежденій, подобныхъ тѣмъ, какія заведены были въ Польшѣ, и вслѣдъ затѣмъ поручилъ Новосильцову разработать соотвѣтствующій проектъ. Новосильцевъ выработалъ черезъ годъ такъ называемую „Государственную уставную грамоту Россійской имперіи“, въ главныхъ положеніяхъ походившую на польскую хартію 1815 г. и отчасти напоминавшую записку Сперанскаго. Но Александръ съ теченіемъ времени охладѣлъ и къ польской конституціи, въ виду несдержанности и неумѣнья поляковъ ею пользоваться. Уставной грамотѣ не было дано никакого хода.

ванія Александра въ польскомъ обществѣ образовались уже тайные союзы, стремившіеся къ отторженію Польши отъ Россіи. Несоотвѣтствующее ожиданіямъ Александра настроеніе поляковъ сильно поразило впечатлительнаго государя, тѣмъ болѣе, что свои мѣры относительно Польши онъ проводилъ вопреки оппозиціи своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и большей части русскаго общества. Послѣднее, подъ впечатлѣніемъ успѣховъ въ войнѣ 1812 года, было настроено въ высшей степени патріотически и крайне негодовало на поляковъ за ихъ участіе въ походѣ на Москву и угодливость Наполеону.

Второй сеймъ въ Варшавѣ Александръ закрылъ уже очень строгой рѣчью, которая разнеслась по всей Европѣ, какъ видимый признакъ неудовольствія государя на то, что его великодушныя намѣренія не встрѣтили должнаго отзвука въ польскомъ обществѣ.

Послѣдніе годы царствованія Александра I отмѣчены не только полной пріостановкой преобразовательной дѣятельности, но и рядомъ мѣръ чисто реакціоннаго характера, что стояло въ связи съ перемѣной въ настроеніи Александра, а отчасти и самого общества. Александръ испыталъ всѣ виды прижизненной славы, какой не пользовался еще ни одинъ государь Европы, былъ участникомъ и главнымъ дѣятелемъ крупнѣйшихъ событій и переворотовъ въ исторіи и въ концѣ-концовъ сильно усталъ душою и разочаровался не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ народахъ, симпатіи которыхъ онъ добивался. Особенно тяжело было для него перенести неблагодарность польскаго народа, о судьбѣ котораго онъ такъ давно заботился. Недовѣрчивый и подозрительный къ людямъ и смолоду, Александръ подъ конецъ царствованія совсѣмъ разочаровался даже въ самыхъ ближайшихъ своихъ сотрудникахъ. „Меня, говорилъ онъ съ горечью, окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи“. Все это сильно измѣнило настроеніе Александра. Онъ сдѣлался необычно задумчивымъ и мрачнымъ и обнаруживалъ склонность къ уединенію. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти прекратилъ всякіе торжественные выходы и празднества, избѣгалъ общества и большую часть времени проводилъ въ Царскомъ Селѣ. Единственнымъ лицомъ, къ которому онъ питалъ въ это время, повидимому, неограниченное довѣріе, былъ графъ Аракчеевъ. Послѣдній сталъ въ эту пору главнымъ докладчикомъ государя по всѣмъ дѣламъ не только военнымъ, но и гражданскимъ и даже духовнымъ.

Своей кичливостію и злопамятствомъ Аракчеевъ возбуждалъ общую ненависть. Грубые и жестокіе пріемы управленія возмущали людей, привыкшихъ къ мягкому и снисходительному обращенію Александра. Жалобы на Аракчеева однако или не доходили до Александра, или оставались безъ послѣдствій. Александръ и раньше питалъ къ нему

довѣріе, а теперь это довѣріе удесятерилось. Неизмѣнная дружба, которая связывала со дней молодости и до конца жизни мягкосердечнаго и впечатлительнаго Александра съ грубымъ и жестокимъ Аракчеевымъ, составляла предметъ удивленія и для современниковъ и для потомства. Обычно объясняли это тѣмъ, что „крайности сходятся", и Александръ, не ощущавшій въ себѣ достаточной рѣшимости на суровыя мѣры, какъ бы укрывался въ данномъ случаѣ за Аракчеева, особенно во вторую половину царствованія, когда въ его настроеніи замѣтно обозначилась перемѣна и обнаружилась явная наклонность во многихъ случаяхъ къ репрессивнымъ мѣрамъ. Нельзя, съ другой стороны, не обратить вниманія, что Александръ и Аракчеевъ, при различіи въ пріемахъ, все-таки сходились во взглядахъ на многое, особенно на военное дѣло, воинскую дисциплину, необходимость внѣшней выправки для солдатъ и т. п. Главное же, что̀, повидимому, больше всего привлекало въ Аракчеевѣ его царственнаго друга, это видимое безкорыстіе и беззавѣтная *личная* преданность Аракчеева. Аракчеевъ отказывался онъ наградъ почетныхъ и денежныхъ и не принялъ, напр., высшихъ орденовъ св. Владиміра и Андрея Первозваннаго. Когда же Александръ подарилъ ему портретъ свой, осыпанный брилліантами, то Аракчеевъ, благодаря за портретъ, отослалъ брилліанты обратно.

Избѣгая заочныхъ сужденій объ Александрѣ (что̀, между прочимъ, сильно повредило Сперанскому), Аракчеевъ, въ случая недовольства дѣйствіями государя, подавалъ въ отставку или съ грубоватой откровенностью прямо выражалъ это недовольство въ своихъ письмахъ, и всегда при этомъ подчеркивалъ, что онъ безкорыстно и „*безъ лести преданъ*" (слова эти онъ помѣстилъ и въ своемъ графскомъ гербѣ). Александръ, испытавшій всѣ роды лести и корыстной привязанности, особенно цѣнилъ эту грубоватую преданность, тѣмъ болѣе, что Аракчеевъ, хорошо еще со дней молодости изучившій характеръ Александра, никогда не пытался явно и открыто навязывать ему свои взгляды или влiять на него (чего Александръ, при всей своей податливости, терпѣть не могъ и никогда не прощалъ), но стремился отличиться только исполнительностію.

Особенное вниманіе Аракчеевъ обратилъ на войско, численность котораго доведена была имъ почти до милліона, и много хлопоталъ объ устройствѣ такъ называемыхъ *военныхъ поселеній* на земляхъ государственныхъ крестьянъ (въ Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской или Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ). Такія поселенія заведены по образцу Военной Австрійской границы для уменьшенія расходовъ на регулярную армію и должны были соединить земледѣліе съ военной службой. Мысль объ этомъ принадлежала императору Александру, который мечталъ такимъ путемъ улучшить матеріальное положеніе нижнихъ чиновъ, не отрывая ихъ отъ семьи и занятій земледѣліемъ, и дать на старость пристанище и кусокъ хлѣба, а съ другой стороны—доставить государству возможность быстро

комплектовать армію въ военное время хорошо подготовленными къ своему дѣлу запасными военными. Государственные крестьяне мѣстности, гдѣ вводились новыя учрежденія, записывались въ классъ „военныхъ поселянъ" и подчинялись военному управленію, а сыновья ихъ записывались въ „кантонисты", которыми и пополнялся комплектъ войскъ. На практикѣ это учрежденіе не оправдало своихъ цѣлей; между тѣмъ суровая дисциплина и крайне тяжелыя условія быта, въ какія поставлены были „пахотные солдаты" Аракчеевымъ и позднѣйшими организаторами этихъ учрежденій, зачастую вызывали волненія и безпорядки среди поселенцевъ.

На устройство военныхъ поселеній въ разныхъ мѣстахъ при Александрѣ I израсходовано было до 26 милл. руб. и, повидимому, бытъ крестьянъ, зачисленныхъ въ составъ военныхъ поселеній, долженъ былъ улучшиться, но случилось иначе. Мелочная регламентація всѣхъ подробностей обыденной жизни военныхъ поселянъ оставляла ихъ подъ вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности; за малѣйшіе проступки виновные подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; система фронтового обученія основана была на побояхъ, въ военныхъ поселеніяхъ истреблялись цѣлые возы розогъ и палокъ. Всѣ военные поселяне работали безъ устали и цѣлые дни оставались подъ надзоромъ начальства, отъ котораго зависѣло увольненіе ихъ на промыслы и разрѣшеніе имъ заниматься торговлей. Дѣти поселянъ зависѣли болѣе отъ начальства, чѣмъ отъ родителей, проводя большую часть времени въ школѣ и на учебномъ плацу; дочери выдавались замужъ по назначенію начальства. Всѣ земледѣльческія работы производились по приказу офицеровъ, а такъ какъ многіе изъ нихъ были несвѣдущи въ сельскомъ хозяйствѣ и обращали вниманіе главнымъ образомъ на фронтовое обученіе, то нерѣдко земледѣльческія работы начинались несвоевременно, хлѣбъ осыпался на корню, сѣно гнило отъ дождей и т. д.

Эти отрицательныя стороны новаго учрежденія скрывали отъ государя, остававшагося въ увѣренности, что его идея осуществляется безъ особенныхъ помѣхъ.

Несмотря на всѣ усилія, такое несвойственное русской жизни и искусственное начинаніе, какъ военныя поселенія, не привилось, и впослѣдствіи (въ 1856 г.) эти поселенія были упразднены.

Перемѣна въ направленіи внутренней политики Александра I сказалась не въ одномъ только возвышеніи Аракчеева и томъ просторѣ, который былъ предоставленъ дѣятельности этого суроваго временщика, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ фактовъ, особенно касающихся области просвѣщенія. Между прочимъ вновь усилена была цензура произведеній печати и обращено было особенное вниманіе на то, чтобы „истинное христіанское благочестіе всегда служило основаніемъ просвѣщенію умовъ". Въ 1817 г. министерство народнаго просвѣщенія даже соединено было съ этою цѣлью съ вѣдомствомъ духовныхъ дѣлъ (т. е. съ

вѣдомствомъ Св. Синода и министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ назначенъ былъ князь Голицынъ (состоявшій предсѣдателемъ такъ называемаго Библейскаго общества, которое стояло въ связи съ англійскими обществами этого рода и имѣло цѣлью распространеніе Библіи и духовно - нравственныхъ книгъ среди населенія). Однимъ изъ видныхъ дѣятелей министерства явился Магницкій, бывшій когда-то сотрудникомъ Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ подвергшійся опалѣ, а теперь заявившій себя крайне реакціонными взглядами. Послѣ его ревизіи едва не закрытъ былъ Казанскій университетъ и введенъ былъ въ другихъ университетахъ цѣлый рядъ стѣсненій для дѣятельности профессоровъ, которымъ предложено было читать лекціи по опредѣленнымъ программамъ и въ церковно-библейскомъ духѣ. Скоро однако и кн. Голицынъ подвергся нападкамъ за недостаточную охрану православія и сочувствіе мистическимъ ученіямъ и, подъ вліяніемъ начавшейся противъ него въ высшемъ обществѣ агитаціи, былъ удаленъ съ своего поста, и министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался извѣстный ревнитель старины адмиралъ Шишковъ. Библейское общество подверглось гоненію и потомъ (въ 1826 году) было закрыто.

Перемѣны эти стояли въ зависимости уже не отъ личныхъ только взглядовъ или настроеній Александра, но еще болѣе отъ извѣстныхъ общественныхъ теченій, вызванныхъ событіями 1812 года, которыя многихъ изъ прежнихъ сановныхъ „вольнодумцевъ“ и либераловъ превратили въ религіозно-настроенныхъ консерваторовъ, и даже реакціонеровъ. На почвѣ этихъ новыхъ теченій свили себѣ гнѣздо въ великосвѣтскихъ гостиныхъ Петербурга и отцы іезуиты, и квакеры, и мистики разныхъ сортовъ и наименованій. Противъ нихъ въ свою очередь образовалась сильная оппозиція, дѣйствовавшая во имя православія и преданій родной старины и опиравшаяся на сочувствіе въ народной массѣ. Въ рядахъ этой вліятельной уже по численности своей оппозиціи, на ряду съ людьми искренно преданными православію, замѣшались и лица неискренніяя, создававшія себѣ на этомъ карьеру. Такъ, напр., среди противниковъ кн. Голицына, кромѣ митрополита петербургскаго Серафима и ряда сановниковъ религіозно-консервативнаго образа мыслей, былъ и Магницкій; сюда же примкнулъ архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій, узкій фанатикъ, своими горячими „пророческими“ рѣчами производившій однако сильное впечатлѣніе въ великосвѣтскихъ гостиныхъ того времени.

Александръ, очень благоволившій къ кн. Голицыну, какъ одному изъ близкихъ съ дѣтства лицъ, раздѣлявшій нѣкоторыя его мистико-религіозныя воззрѣнія, тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ отставить его отъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ противовѣсъ этому религіозно-консервативному теченію и особенно реакціоннымъ стремленіямъ Аракчеева въ интеллигентныхъ слояхъ общества возникло глухое броженіе съ явно политическимъ оттѣнкомъ.

Особенно сильно сказывалось оно въ кружкахъ дворянской военной молодежи, участвовавшей въ войнѣ за освобожденіе Европы и познакомившейся съ порядками и бытомъ западно-европейскихъ странъ. Они стремились осуществить то, о чемъ шли толки въ обществѣ еще

въ первые годы царствованія Александра, отрицали крѣпостное право и стремились къ проведенію конституціонной или даже республиканской формы правленія. Недовольство дѣйствительностью въ этихъ кружкахъ было тѣмъ рѣзче, чѣмъ сильнѣе давалъ себѣ чувствовать режимъ Аракчеева.

Вдохновляемая патріотизмомъ военная молодежь проявляла свое настроеніе въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ оно выражалось на Западѣ, послѣ нашествія Наполеона. Подобно нѣмцамъ, основавшимъ патріотическое общество „Тугендсбундъ“ („Союзъ добродѣтели“), которое подготовило національное возстаніе противъ французовъ, русскіе офицеры въ 1816 году, подъ руководствомъ *Никиты Муравьева* (сына бывшаго учителя Александра I, а потомъ попечителя московскаго учебнаго округа) и князя *Трубецкаго*, образовали общество „Союзъ спасенія“. Оно сначала поставило себѣ довольно неопредѣленную цѣль— „содѣйствовать благимъ начинаніямъ правительства и искорененію всякаго зла въ управленіи и обществѣ“. Сами они дали другъ другу слово вести себя какъ безукоризненные граждане. Гдѣ бы ни служили члены Общества, они хорошо обращались съ подчиненными, прекратили битье солдатъ, заботились объ улучшеніи ихъ быта, учили ихъ грамотѣ; въ одномъ изъ полковъ (Семеновскомъ) офицеры бросили даже куренье, потому что шефъ ихъ — государь не курилъ. Черезъ два года Общество, постепенно расширяясь, приняло новое названіе— „Союза благоденствія“ и выработало для себя даже особый уставъ (по образцу „Тугенсбунда“), съ точно обозначенными цѣлями—именно оно рѣшило добиваться конституціоннаго образа правленія, освобожденія крестьянъ, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, публичности суда, уничтоженія военныхъ поселеній, улучшенія положенія православнаго духовенства и пр. Вопросъ о способахъ достиженія этихъ цѣлей вызвалъ разногласія въ Союзѣ: одни готовы были приступить къ насильственнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ, другіе желали дѣйствовать медленно и осторожно, ограничиваясь давленіемъ на правительство. Результатомъ было распаденіе Союза. Болѣе энергичные и склонные къ активному выступленію члены объявили даже о закрытіи Союза, но сейчасъ же стали устраивать два новыхъ Союза— Сѣверный и Южный. Руководителями перваго были тотъ же Никита Муравьевъ, отставной артиллеристъ *Рылѣевъ* и офицеръ ген. штаба Николай Тургеневъ*). Въ этомъ кружкѣ господствовали монархически-конституціонныя стремленія. Южный Союзъ, составившійся изъ офицеровъ 2-й арміи, расположенной въ Кіевской и Подольской губерніяхъ (съ главной квартирой въ г. Тульчинѣ, Под. губ.), былъ рѣшительнѣе; онъ стоялъ за республику и готовъ былъ употребить и насильственныя мѣры для осуществленія своего идеала. Вождемъ этого Южнаго Союза былъ командиръ пѣхотнаго Вятскаго полка полковникъ *Пестель*, сынъ бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора, человѣкъ

*) Тургеневъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ по тому времени политико-экономовъ. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Александра I, онъ впослѣдствіи вышелъ изъ Союза и уѣхалъ заграницу.

образованный, умный и съ рѣшительнымъ, энергическимъ характеромъ. Главари союзовъ составили каждый свои въ общемъ довольно запутанные и мало примѣнимые къ тогдашней дѣйствительности проекты будущаго устройства русскаго государства, при чемъ, напр., по конституціонному проекту Муравьева предполагалось ввести въ Россіи федеративный строй, съ дѣленіемъ государства „на 13 державъ и 2 области" подъ властію одного государя; Пестель же въ своей „Русской Правдѣ" (такъ назывался его проектъ) былъ противникомъ федераціи и поборникомъ учрежденія единой и нераздѣльной республики съ сильной центральной властью (онъ допускалъ выдѣленіе изъ состава Россіи только Польши, какъ самостоятельнаго государства). Послѣ ряда переговоровъ, оба Союза вошли между собою въ соглашеніе и кромѣ того притянули къ себѣ польское тайное общество, преслѣдовавшее цѣли отдѣленія Польши отъ Россіи. Въ заключеніе всего, къ Союзу примкнуло и возникшее среди армейскихъ офицеровъ „Общество соединенныхъ славянъ", преслѣдовавшее широкія и туманныя задачи освобожденія всѣхъ славянъ и образованія изъ нихъ федеративнаго союза. Послѣднее общество было немногочисленно, но члены его по своему происхожденію изъ мелкаго дворянства и по своему положенію въ ротахъ признавались весьма способными къ воздѣйствію на сѣрую солдатскую массу.

Александръ первоначально отнесся довольно благодушно къ извѣстію о возникновеніи среди офицеровъ кружковъ, преслѣдовавшихъ конституціонныя цѣли и освобожденіе крестьянъ. „Вы знаете, сказалъ онъ (въ 1821 г.) докладчику (ген.-адъют. Васильчикову), что я самъ раздѣлялъ и поддерживалъ эти иллюзіи, не мнѣ ихъ карать!" Онъ надѣялся, что время и опытъ образумятъ мечтателей. И хотя въ 1822 году вышло повелѣніе закрыть всѣ тайныя общества и отобрать отъ служащихъ подписки о непринадлежности къ таковымъ, однако это повелѣніе исполнялось во многихъ случаяхъ только формально,—надлежащаго розыска лицъ, питавшихся „иллюзіями", не производилось.

Но когда (уже незадолго до смерти императора Александра) обнаружилось, что эти иллюзіи переходятъ въ опредѣленный заговоръ, имѣющій цѣлью насильственную перемѣну образа правленія *), онъ далъ приказъ произвести надлежащее дознаніе. Дальнѣйшій ходъ это дѣло получило уже въ царствованіе Николая I, послѣ такъ называемаго бунта декабристовъ.

---

*) Въ 1823 году руководители Южнаго Союза готовились арестовать Александра I во время посѣщенія имъ Бобруйска, захватить затѣмъ крѣпость и двинуться на Москву, начавъ одновременно возстаніе въ Петербургѣ и во второй (южной) арміи. Въ 1824 г. составленъ былъ уже планъ умертвить государя во время пріѣзда его въ Бѣлую Церковь, гдѣ онъ предполагалъ пробыть нѣкоторое время; вслѣдъ затѣмъ заговорщики разсчитывали вызвать возмущеніе въ лагерѣ и двинуться съ арміей въ Кіевъ и въ Москву. Планы эти не осуществились, потому что оба раза Александръ I, по чисто случайнымъ причинамъ, отложилъ свой пріѣздъ въ Бобруйскъ и Бѣлую Церковь.

Факты эти раскрыты были уже впослѣдствіи, при производствѣ дознанія. Первоначальныя же свѣдѣнія о существованіи заговора сообщилъ унтеръ-офицеръ Шервудъ, которому потомъ императоръ Николай I даровалъ дворянство и повелѣлъ именоваться „Шервудъ-Вѣрный".

Вопросъ о престолонаслѣдіи и кончина Александра I. У императора Александра I не было сыновей, а двѣ дочери его умерли еще въ младенчествѣ. Престолъ послѣ него, въ виду этого, долженъ былъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ по старшинству братъ—цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Послѣдній былъ „намѣстникомъ Царства Польскаго“ и жилъ по большей части въ Варшавѣ. Тамъ онъ въ 1820 г. и женился во второй разъ (послѣ развода съ первой своей супругой) на польской графинѣ Грудзинской, получившей титулъ графини Ловичъ. Такъ какъ дѣти, рожденныя въ бракѣ съ особой, не принадлежащей къ какому либо царствующему или владѣтельному дому, по закону (опубликованному въ томъ же 1820 году), лишены были права на престолонаслѣдіе, то императорскій титулъ терялъ для Константина всякую привлекательность, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ управленію. Вслѣдствіе этого онъ особымъ письмомъ на имя Александра отрекся отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу слѣдующаго за нимъ брата Николая Павловича, и въ 1823 г. государь, съ согласія матери своей императрицы Маріи Θеодоровны, подписалъ о томъ особый манифестъ, который, однако, не былъ опубликованъ, а отданъ составителю его архіепископу московскому Филарету для секретнаго храненія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Три копіи съ этого манифеста тоже секретно положены были на храненіе въ Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ, съ надписью: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія“. Объ отреченіи Константина и существованіи этого манифеста, кромѣ императрицы Маріи Θеодоровны и архіепископа Филарета, знали еще только кн. Голицынъ и гр. Аракчеевъ. Самъ Николай Павловичъ не былъ посвященъ въ эту тайну *) и не готовился къ занятію престола. Повидимому, Александръ Павловичъ, связанный съ дѣтства нѣжной дружбой съ своимъ братомъ, надѣялся, что послѣдній возьметъ еще назадъ свое отреченіе или что въ его семейномъ положеніи наступитъ новая перемѣна, немѣшающая занятію престола; а можетъ быть онъ разсчитывалъ опубликовать это въ

*) Въ 1819 г., т. е. еще за нѣсколько лѣтъ до оффиціальнаго отреченія Константина отъ престола, Александръ, во время обѣда у Николая Павловича въ присутствіи его супруги Александры Θеодоровны, въ интимной бесѣдѣ, повторивъ неоднократно выражавшееся имъ желаніе отказаться отъ престола и вступить въ частную жизнь, заявилъ, что въ этомъ случаѣ онъ смотритъ на Николая, какъ на своего наслѣдника, и что „это должно случиться скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ виду намѣренія Константина отказаться отъ своихъ правъ на престолъ“. Разговоръ объ этомъ болѣе не возобновлялся и естественно, что Николай Павловичъ смотрѣлъ на это, какъ на выраженіе мимолетныхъ настроеній Александра, и не думалъ, что Константинъ дѣйствительно и твердо намѣренъ отказаться отъ права на престолъ.

подходящій моментъ еще при жизни своей, вмѣстѣ съ своимъ отреченіемъ отъ престола и нѣкоторыми перемѣнами въ строѣ государственной жизни *). Самъ онъ уже давно стремился отдохнуть отъ трудовъ управленія и испытанныхъ имъ тяжелыхъ потрясеній **) и мечталъ прожить спокойно остатокъ дней въ качествѣ частнаго человѣка. Объ этомъ говорилъ онъ своимъ приближеннымъ и въ 1825 г., отправляясь на югъ Россіи, куда сопровождалъ императрицу Елизавету Алексѣевну для поправленія здоровья. По пріѣздѣ въ Таганрогъ онъ неожиданно скончался 19-го ноября 1825 г. отъ случайной простуды, полученной имъ во время поѣздки по Крыму ***).

Въ памяти современниковъ и въ глазахъ потомства имя Александра I неразрывно связано съ великой эпохой Отечественной войны и паденія Наполеона, когда Россія и ея императоръ, руководитель цѣлой Европы, вознесены были на небывалую высоту въ глазахъ всего міра. Въ Отечественной войнѣ Александръ, вдохновленный небывалымъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ среди населенія, явился истиннымъ и стойкимъ выразителемъ настроенія своего народа; въ войнѣ за освобожденіе Европы, увлеченный потокомъ народныхъ движеній въ Зап. Европѣ, онъ проявилъ себя такой же стойкостію въ борьбѣ съ величайшимъ военнымъ геніемъ новѣйшихъ временъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ

---

*) Прощаясь, передъ отъѣздомъ на югъ, съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ, Александръ повторялъ свои прежнія рѣчи о желаніи дать Россіи „коренные законы".

**) Незадолго предъ тѣмъ впечатлительная натура Александра потрясена была страшнымъ наводненіемъ въ Петербургѣ (7 ноября 1824 г.), когда большая часть столицы покрыта была водой и масса бѣднаго люда потеряла послѣднее имущество.

***) Неожиданная кончина Александра I вдали отъ столицы подала поводъ къ широко распространенной легендѣ, что утомленный правленіемъ императоръ тайнымъ образомъ скрылся и жилъ еще долго въ качествѣ частнаго человѣка гдѣ-то въ Сибири, взамѣнъ же его погребено тѣло одного изъ его приближенныхъ, незадолго до того умершаго.

Чаще всего видятъ императора Александра I въ лицѣ таинственнаго старца Ѳедора *Кузьмича*, который появился въ Сибири въ 1837 г., жилъ въ различныхъ мѣстахъ, ведя отшельническую жизнь и пользуясь общимъ уваженіемъ, и умеръ въ Томскѣ въ 1864 г., въ глубокой старости. Его посѣщали иногда высокопоставленныя лица, оказывая ему признаки особеннаго почтенія.

Кто былъ этотъ старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, доселѣ еще не выяснено. По нѣкоторымъ даннымъ высказывается догадка (между прочимъ въ недавно напечатанномъ обстоятельномъ изслѣдованіи по этому вопросу В. К. Николая Михаиловича), что онъ былъ когда-то военнымъ и принадлежалъ къ числу лицъ высокопоставленныхъ, быть можетъ даже изъ особъ, родственныхъ царствующему дому, но съ императоромъ Александромъ I онъ не имѣетъ ничего общаго. Между прочимъ почеркъ оставшихся послѣ него двухъ небольшихъ записокъ, по отзыву спеціалистовъ, не имѣетъ *ни малѣйшаго* сходства съ почеркомъ покойнаго государя.

Что̀ касается обстоятельствъ кончины императора Александра I, то объ этомъ, а равно о бальзамированіи его тѣла и затѣмъ вскрытіи его гроба имѣются подробные медицинскіе отчеты, за подписью многихъ свидѣтелей. Подробности его болѣзни и смерти описаны въ запискахъ многихъ лицъ, находившихся въ ту пору въ Таганрогѣ, и наконецъ существуютъ письма императрицы Елизаветы Алексѣевны къ ея матери, маркграфинѣ Баденской, гдѣ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ день за днемъ описывается болѣзнь и кончина императора. Послѣдняя такъ повліяла на его супругу, что она вскорѣ также скончалась (3 мая 1826 г., въ г. Бѣлевѣ, на обратномъ пути въ Петербургъ).

необыкновеннымъ великодушіемъ къ побѣжденнымъ и чрезвычайной умѣренностію въ пользованіи плодами своихъ трудовъ и побѣдъ. Послѣднимъ онъ стяжалъ себѣ, къ сожалѣнію, только славу среди народовъ, но не благодарность ихъ—чувство невѣдомое въ политикѣ.

За блескомъ побѣдъ и грандіозностію событій въ области внѣшней политики поблѣднѣли и отошли на второй планъ въ сознаніи современниковъ и потомства факты изъ области внутренней политики въ царствованіе Александра, хотя первоначально они и возбудили много толковъ, надеждъ и опасеній. Но здѣсь онъ заявилъ себя лишь широтою намѣченныхъ преобразованій и плановъ и крайней сдержанностію въ ихъ выполненіи. Причина этого лежала не столько въ его характерѣ или внѣшнихъ препятствіяхъ дѣлу, сколько въ условіяхъ осуществленія этихъ реформъ. Здѣсь Александръ не имѣлъ себѣ опоры не только въ общенародномъ настроеніи, какъ то было въ войнѣ 1812 г., но даже въ настроеніи ближайшихъ своихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ. Большинство ихъ было противъ даже самыхъ осторожныхъ формъ освобожденія крестьянъ. Давать же свободныя учрежденія народу, въ массѣ своей не освобожденному и ничѣмъ въ существѣ дѣла не подготовленному къ пользованію ими, значило бы строить крышу, когда еще не возведены стѣны зданія. И несмотря на настойчивыя и неоднократныя попытки Александра дать Россіи представительныя учрежденія, по тщательно выработаннымъ планамъ для этого, онъ всегда безсильно опускалъ въ послѣдній моментъ руки и отказывался отъ исполненія намѣченныхъ преобразованій; а то, что̀ сдѣлано было въ данномъ отношеніи для Польши, только наполнило горечью сердце усталаго и разочаровавшагося въ мечтахъ своей юности монарха. Стойкій и упорный въ преслѣдованіи даже самыхъ грандіозныхъ задачъ внѣшней политики, онъ терялъ эту стойкость въ дѣлахъ внутреннихъ, гдѣ не чувствовалъ надлежащей почвы подъ ногами. Неизбѣжная при данныхъ обстоятельствахъ и столь огорчавшая его современниковъ нѣкоторая двойственность въ проявленіи имъ своей воли, смягчалась однако всегда его необыкновенной добротой, мягкостью и чарующей привѣтливостью въ обращеніи, снисходительностію даже въ отношеніи къ непріятнымъ ему людямъ. Благодарныя воспоминанія объ этихъ привлекательныхъ сторонахъ его личнаго характера не могли изгладить даже впечатлѣнія отъ событій въ послѣдніе годы его царствованія, когда надменная фигура суроваго временщика какъ бы заслонила передъ страною кроткій образъ ея императора; за Александромъ осталось навсегда и вошло въ исторію данное ему еще при жизни прозваніе „*Благословеннаго*“.

Николай I (1825—1855 г.).

Вступленіе на престолъ и смута 14 декабря. Когда извѣстіе о кончинѣ императора Александра I пришло изъ Таганрога въ Петербургъ, Николай Павловичъ вмѣстѣ съ гвардіей присягнулъ Константину Павловичу. Въ свою очередь, послѣдній, получивъ о томъ же извѣстіе въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ, присягнулъ Николаю и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ, что онъ уже давно отрекся отъ престола. Тѣмъ временемъ и Николай узналъ истину изъ вскрытаго въ Государственномъ Совѣтѣ пакета съ манифестомъ Александра I. Тѣмъ не менѣе Николай настаивалъ, чтобы Константинъ взялъ назадъ свое отреченіе, и согласился вступить на престолъ лишь тогда, когда Константинъ категорически отказался царствовать. Пока шла эта переписка между братьями при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и посылкѣ писемъ съ фельдъ-егерями, прошло нѣсколько недѣль. Этимъ временемъ междуцарствія, породившаго смущеніе среди войска и народа, не знавшаго, кому присягать, и рѣшились воспользоваться руководители разныхъ тайныхъ обществъ („Сѣверный союзъ“, „Южный союзъ“, „Общество соединенныхъ славянъ“), образовавшихся среди офицеровъ въ царствованіе Александра I, съ цѣлью возбудить возстаніе среди солдатъ и при помощи гвардіи провозгласить конституцію. Возстаніе это, по первоначальному уговору главныхъ руководителей дѣла (Рылѣева, Пестеля, Трубецкого и Муравьева), предполагалось организовать не раньше 1826 года, когда должны были закончиться всѣ приготовленія, но неожиданная кончина Александра I побудила ихъ торопиться, не взирая на то, что планъ дѣйствій не былъ вполнѣ выработанъ и заговорщики не столковались еще какъ слѣдуетъ даже относительно будущаго государственнаго устройства. Они боялись упустить данный моментъ, между прочимъ, и потому, что разсчитывали подѣйствовать на солдатъ сообщеніемъ, будто Константина насильно устранили отъ престола за намѣреніе ввести конституцію.

Дѣйствительно, утромъ 14 декабря, когда вышелъ манифестъ Николая I о восшествіи на престолъ, часть гвардіи (лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, часть Гренадерскаго полка и весь Гвардейскій экипажъ) отказалась отъ принесенія присяги новому императору, взволнованная ложными увѣреніями, что Константинъ насильно устраненъ отъ престола и даже арестованъ. Мятежники съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ съ примкнувшей къ нимъ уличной чернью двинулись на Сенатскую пло-

щадь и стояли тамъ нѣсколько часовъ, оглашая воздухъ криками: „Ура, Константинъ!“ (многіе солдаты кричали при этомъ: „Ура конституція“, полагая, что такъ зовутъ супругу Константина,—настолько мало подготовлены были они къ замышляемому дѣлу). Никто не зналъ, что дѣлать—одни совѣтовали идти въ Петропавловскую крѣпость и овладѣть ею, другіе—двинуться на Зимній дворецъ. Всѣ ждали появленія „диктатора“ (Трубецкого) и распоряженій другихъ руководителей движенія, но тѣ сами растерялись и даже не явились на площадь.

Бездѣйствіе революціонеровъ дало возможность молодому и энергичному императору стянуть къ Зимнему дворцу оставшіяся вѣрными части гвардіи. Но прежде чѣмъ употребить силу, государь отправилъ для увѣщанія мятежниковъ двухъ митрополитовъ (петербургскаго и кіевскаго); ихъ, однако, приняли очень грубо и они должны были уйти безъ успѣха. Пробовалъ обратиться къ солдатамъ съ увѣщаніями петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, извѣстный герой Отечественной войны, но одинъ изъ ближайшихъ участниковъ заговора (поручикъ Каховскій) убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Тогда императоръ приказалъ двумъ коннымъ полкамъ атаковать мятежниковъ, но лошади скользили по обледенѣвшей мостовой, и атака была отбита выстрѣлами изъ ружей. Пришлось прибѣгнуть къ артиллеріи. Послѣ трехъ выстрѣловъ картечью возставшіе солдаты и толпы уличной черни обратились въ бѣгство. Такъ кончился въ Петербургѣ этотъ „бунтъ декабристовъ“, какъ его называли, не имѣвшій ни плана, ни общаго руководства, ни даже надлежащей военной силы.

Черезъ три дня послѣ бунта въ Петербургѣ изданъ былъ манифестъ, возвѣщавшій, что въ заговорѣ 14 декабря „ни дѣломъ ни намѣреніемъ не участвовали впавшія въ заблужденіе роты нижнихъ чиновъ“; послѣдніе невиновны, но „преступниковъ правосудіе запрещаетъ щадить“ *).

Назначенная для разслѣдованія дѣла Верховная слѣдственная комиссія обнаружила 121 чел., причастныхъ заговору, имѣвшему своей цѣлью ниспроверженіе правительства насильственными мѣрами **). Главныхъ руководителей дѣла государь самъ допрашивалъ. Большинство сознались. Верховный уголовный судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ и представителей Государственнаго Совѣта, Сената и Синода, приговорили почти половину подсудимыхъ къ смертной казни, остальныхъ въ каторгу. Государь смягчилъ приговоръ. Казнены были

*) Солдаты потомъ переведены были на Кавказъ, „чтобы въ битвахъ съ горцами искупить свои заблужденія“.

**) Суду были преданы: изъ Сѣвернаго союза 61 чел., изъ Южнаго—37 чел. и Общества соединенныхъ славянъ 23 чел.

повѣшеніемъ только пятеро (Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій), признанные наиболѣе виновными, остальные были отправлены въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе на разные сроки *).

Въ числѣ „декабристовъ“ оказались представители очень многихъ видныхъ родовъ высшаго общества и по большей части молодежь— лица отъ 24 до 35 лѣтъ отъ роду и только нѣсколько человѣкъ выше 40 лѣтъ. Жены многихъ изъ нихъ, тоже представительницы высшаго круга, добровольно послѣдовали за своими мужьями въ ссылку, перенося всевозможныя лишенія (особенно извѣстны кн. Трубецкая, кн. Марія Волконская и др.).

При восшествіи на престолъ императора Александра II въ 1856 г. всѣ оставшіеся къ тому времени въ живыхъ „декабристы“ были помилованы, а ихъ дѣти возстановлены въ прежнихъ правахъ ихъ родителей.

Движеніе 14 декабря было послѣдней попыткой дворцоваго гвардейскаго переворота. Отличіе его отъ прежнихъ выступленій гвардіи, имѣвшихъ мѣсто въ XVIII вѣкѣ, когда и въ числѣ рядовыхъ было много дворянъ, въ томъ, что оно было предпринято руководителями не ради устраненія того или иного лица, но во имя идеи, ради установленія новаго порядка. Для солдатъ гвардіи, набиравшихся теперь не изъ привилегированныхъ сословій, а изъ крестьянъ, это, однако, оказалось невразумительнымъ и потому попробовали привязать переворотъ къ лицу и притомъ обманнымъ образомъ. Часть гвардіи поддалась на это, другую успѣли предостеречь, и она не примкнула къ возставшимъ. Въ результатѣ смѣшенія двухъ цѣлей ничего не вышло. События 14 декабря отразились только на положеніи дворянства и отношеніяхъ правительственной власти къ реформамъ и участію общества въ управленіи государствомъ.

Катастрофа 14 декабря, вырвавшая изъ среды высшаго общества свыше сотни молодыхъ, энергичныхъ и образованныхъ дѣятелей, которые впослѣдствіи могли бы принять близкое участіе въ дѣлахъ управленія, сильно ослабила значеніе дворянства, какъ правящаго класса въ обществѣ. Оно на время оскудѣло силами, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилось и прежняго довѣрія правительственной власти. На смѣну ему выдвигается бюрократія, чиновничество, ряды котораго пополняются уже не однимъ дворянствомъ. Послѣднее становится такимъ же послушнымъ орудіемъ правительства, какимъ было въ XVII вѣкѣ, когда главную роль въ механизмѣ управленія играли всемогущіе дьяки, заправлявшіе всѣмъ въ „приказахъ“ Московскаго государства.

---

*) Сосланныхъ въ Сибирь „декабристовъ“ императоръ Николай велѣлъ сгруппировать въ одномъ мѣстѣ и не смѣшивать съ прочими арестантами и дозволилъ по возможности облегчить ихъ положеніе: съ нихъ, напр., сняли кандалы, разрѣшили пользоваться книгами и т. д. Сосланнымъ на поселеніе разрѣшено было получить отъ родственниковъ до 2 т. руб. на первое обзаведеніе и ежегодно не болѣе тысячи рублей. Впослѣдствіи даровано было право женамъ государственныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и каторжанъ, поселиться вмѣстѣ съ мужьями. Почти всѣмъ семьямъ лицъ, преданныхъ верховному суду, особенно же бѣднымъ, во все продолженіе царствованія давались щедрыя пособія, дѣти ихъ воспитывались на казенный счетъ и т. д.

Внутренняя дѣятельность Николая I.

Николай I не получилъ такого воспитанія, какое досталось на долю его старшихъ братьевъ Александра и Константина. Онъ родился въ годъ смерти своей бабушки Екатерины (1796 г.) и не могъ уже пользоваться ея заботами *). Да и сами родители на него, какъ и на младшаго брата Михаила, обращали меньше вниманія. Учиться онъ началъ съ 1802 г., при чемъ главный надзоръ за его воспитаніемъ порученъ былъ ген. М. И. Ламсдорфу, человѣку суровому, жестокому и крайне вспыльчивому, который стѣснялъ во многомъ свободу царственнаго ребенка и пытался, хотя и безуспѣшно, переломить его на свой ладъ и уничтожить всякую самобытность его характера. Онъ привилъ своему питомцу только расположеніе къ военнымъ упражненіямъ, которое осталось въ немъ навсегда, а въ пору юности сильно мѣшало его учебнымъ занятіямъ. Въ 1817 г. онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, Александрой Ѳеодоровной, и жилъ счастливой семейной жизнію, готовясь къ скромной военной карьерѣ, командуя данной ему въ управленіе гвардейской бригадой (два полка) и исполняя обязанности генералъ-инспектора по инженерной части. Его не посвящали въ вопросы высшей политики и не давали ему участія въ серьезныхъ государственныхъ дѣлахъ. При неожиданномъ для него вступленіи на престолъ онъ не имѣлъ поэтому того широкаго сравнительно запаса свѣдѣній и политическихъ идей, какія имѣлъ нѣкогда его старшій братъ, но зато былъ свободенъ и отъ тѣхъ идейныхъ увлеченій, отрѣшенныхъ отъ дѣйствительной жизни, какими заявилъ себя Александръ въ первые годы своего царствованія.

И по характеру своего воспитанія и образованія, чисто военнаго, и по тѣмъ настроеніямъ, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, онъ всего менѣе способенъ былъ стать новаторомъ и проводить какія-либо радикальныя реформы въ общественномъ быту. Обладая большимъ природнымъ умомъ и замѣчательной силой воли и твердостью характера, онъ употреблялъ всю свою недюжинную энергію на установленіе строгаго порядка не только въ управленіи, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни, не допуская какихъ либо коренныхъ измѣненій въ существующемъ строѣ, и производя только частичныя къ нему поправки и преобразованія. Усвоивъ самое высокое понятіе о верховной власти правительства, Николай I не расположенъ былъ допускать близкаго участія общества въ разработкѣ даже этихъ частичныхъ реформъ, но стремился все провести только правительственными средствами, при помощи бюрократіи. Та-

---

*) Въ первыя семь лѣтъ жизни великаго князя Николая огромное вліяніе на него имѣла его няня шотландка Лайонъ, отличавшаяся смѣлымъ, рѣшительнымъ, прямымъ, благороднымъ характеромъ. По общимъ отзывамъ, та прямота, рыцарское благородство и твердость въ поступкахъ, которыми впослѣдствіи такъ отличался императоръ Николай, сказывались въ немъ еще въ дѣтствѣ и подъ прямымъ воздѣйствіемъ „няни-львицы“ (Lyon), какъ въ шутку звалъ ее самъ Николай, горячо любившій свою первую воспитательницу.

кой характеръ новому царствованію придали не личныя только усилія Николая I, примыкавшаго по своимъ взглядамъ къ той группѣ дѣятелей минувшаго царствованія, которые держались религіозно-консервативнаго направленія; этому способствовали также и настроенія, господствовавшія среди ближайшихъ его сотрудниковъ и извѣстной части общества, взгляды и сужденія котораго замѣтно вліяли на государя, хотя по складу своего характера онъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, склоненъ былъ подчиняться чужимъ воззрѣніямъ. Лично Николай Павловичъ, какъ молодой, полный силъ и свѣжей энергіи человѣкъ, совсѣмъ не расположенъ былъ продолжать реакціонную политику послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I (Аракчеевъ потерялъ при немъ свое значеніе); наоборотъ, онъ желалъ поскорѣе осуществить реформы, но не коренныя, подготовительныя. Мечтамъ о коренной реформѣ всего строя нанесенъ былъ тогда жестокій ударъ событіями 14-го декабря и не въ сознаніи только Николая I, но и большинства вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей того времени. „14-е декабря остановило насъ на 50 лѣтъ“ — таково было первое впечатлѣніе минуты въ устахъ одного изъ современниковъ, раздѣлявшееся многими. Тѣмъ не менѣе въ первый же годъ царствованія сдѣланъ былъ и первый шагъ на пути къ реформамъ второго типа.

Всего болѣе это выразилось въ дѣятельности образованнаго государемъ, въ декабрѣ 1826 года, такъ называемаго „секретнаго комитета“, учрежденнаго частію для разсмотрѣнія бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ императора Александра I, главнымъ же образомъ—для пересмотра государственнаго устройства и управленія. Главными работниками въ немъ были видные дѣятели прошлаго царствованія: графъ В. П. Кочубей въ качествѣ предсѣдателя и М. М. Сперанскій въ качествѣ члена. Участіе такой крупной силы, какъ Сперанскій, обезпечило успѣхъ дѣятельности комитета, и къ 1830 году онъ выработалъ рядъ проектовъ преобразованія какъ центральныхъ, такъ и губернскихъ учрежденій въ Имперіи; предполагалось, между прочимъ, ввести въ организацію министерствъ хорошія стороны коллегіальнаго устройства, чтобы привести ихъ въ данномъ отношеніи въ соотвѣтствіе съ ходомъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Сенатѣ, что было упущено изъ виду при учрежденіи министерствъ при Александрѣ I. Предположено было также осуществить важный принципъ отдѣленія судебной власти отъ административной, дабы сдѣлать судъ независимымъ отъ давленія администраціи. Точно также подготовленъ былъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, которымъ имѣлось въ виду отмѣнить производство въ гражданскіе чины, ограничить доступъ въ дворянство, и т. д. Но особенно существенныя измѣненія предполагалось ввести въ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, хотя, во избѣжаніе преждевременныхъ надеждъ и волненій, крестьянамъ и было объявлено, что никакихъ перемѣнъ въ крѣпостномъ правѣ не предвидится. Задачей комитета въ данномъ отношеніи Николай поставилъ между прочимъ рѣшеніе вопроса о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли, закладывать имѣнія по количеству душъ, переводить крестьянъ въ дворовые и т. д. Сперанскій, развивая мысли государя, предлагалъ совсѣмъ уничтожить личную крѣпость,

какъ продуктъ позднѣйшаго злоупотребленія помѣщичьей властью, и вернуться къ чисто земельному прикрѣпленію. Комитетъ, въ свою очередь, выработалъ правила о способахъ отпущенія крестьянъ на волю безъ земли лично или даже цѣлыми селеніями, о дозволеніи владѣльцамъ заключать съ сельскими обществами договоры вѣчной аренды, установилъ цѣлый рядъ ограниченій въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ дворовымъ людямъ и т. д. Всѣ эти работы комитета были одобрены государемъ послѣ просмотра ихъ Государственнымъ Совѣтомъ, но не были опубликованы. Вѣсти о революціонныхъ движеніяхъ въ Западной Европѣ, и особенно возстаніе въ Польшѣ (въ 1830 — 31 году) остановили реформаторскія стремленія правительства Николая I.

Волновать общество и особенно крестьянъ какими-либо рѣзкими перемѣнами въ ихъ быту сочли опаснымъ. Особенно сильно ратовалъ противъ введенія намѣченныхъ комитетомъ преобразованій бывшій воспитанникъ Лагарпа, великій князь Константинъ Павловичъ. Мысль о послѣдовательномъ и стройномъ проведеніи намѣченныхъ реформъ была теперь покинута; осуществлены были уже спустя долгое время, и притомъ порознь, лишь второстепенныя части этихъ проектовъ. На первый планъ, наоборотъ, выступила дѣятельность исключительно охранительная, направленная къ огражденію Россіи отъ западно-европейскихъ революціонныхъ вліяній путемъ опеки и наблюденія за всѣми сторонами народной и общественной жизни. Высказывалась мысль и находила себѣ много сторонниковъ, что Россія по складу своей исторической жизни составляетъ счастливое исключеніе среди европейскихъ народовъ и не требуетъ перемѣнъ въ патріархальномъ строѣ жизни, охраняющемъ ее отъ увлеченія революціонными идеями. Къ двумъ прежнимъ устоямъ русской государственности—*православію* и *самодержавію*—оффиціально прибавленъ въ формулѣ, возвѣщенной министромъ народнаго просвѣщенія гр. Уваровымъ, еще одинъ — *народность*, подъ чѣмъ разумѣли совокупность тѣхъ сторонъ быта и жизни русскаго народа, которыми онъ отличается отъ другихъ своихъ европейскихъ собратій. Ко всякимъ нововведеніямъ стали относиться опасливо и ограничивались собираніемъ и пересмотромъ только того, что уже создано исторической жизнью народа. Важнѣйшимъ дѣломъ въ данномъ направленіи была кодификація русскаго законодательства.

Администрація. Желая непосредственно слѣдить за главными отраслями администраціи и входя во всѣ подробности управленія страною при помощи заслуживающихъ довѣрія лицъ изъ среды бюрократіи, безъ содѣйствія общества, Николай I неизбѣжно долженъ былъ увеличить составъ своей канцеляріи и вообще органовъ высшаго управленія, а также создавать вокругъ себя особые совѣщательные органы изъ чиновниковъ для предварительнаго разсмотрѣнія многочисленныхъ вопросовъ, возникавшихъ при управленіи столь обширной страною, какова была Россія *). Такъ уже на первыхъ порахъ императору при-

*) Желая заинтересовать чиновниковъ службою, а вмѣстѣ отвлечь ихъ отъ стремленія оправдывать взятки и злоупотребленія заботой объ обезпеченіи старости, Николай I издалъ въ 1827 г. законъ о *пенсіяхъ* за 35-лѣтнюю службу. Въ это же царствованіе устанавливается (съ 1837 г.) пожалованіе такъ называемыхъ *арендъ* (доходовъ съ извѣстнаго

шлось образовать нѣсколько отдѣленій изъ Собственной канцеляріи, поручивъ каждому особыя отрасли дѣлъ, ближе всего его занимавшихъ. „*Первому отдѣленію* Собственной Его Величества канцеляріи“ поручено было подготовлять бумаги для доклада императору и слѣдить за исполненіемъ Высочайшихъ повелѣній. *Второе отдѣленіе* образовалось изъ бывшей Комиссіи для составленія законовъ и поручено было Сперанскому. На его обязанности лежало собраніе и кодификація законовъ. *Третьему отдѣленію* поручены были дѣла такъ называемой высшей полиціи подъ управленіемъ начальника, который былъ вмѣстѣ и шефомъ жандармовъ. Органомъ его являлся корпусъ жандармовъ; въ лицѣ послѣдняго имѣлось въ виду „создать, на ряду съ полиціей карательною и полицію покровительственную“, для разслѣдованія внѣ обычнаго порядка съ его формалистикой и судебной волокитой особо важныхъ жалобъ на обиды и притѣсненія, доходившихъ непосредственно до государя *). На практикѣ дѣятельность Третьяго отдѣленія сосредоточилась главнымъ образомъ на разслѣдованіи преступленій противъ государственнаго порядка; оно такимъ образомъ замѣнило министерство полиціи, упраздненное въ концѣ царствованія императора Александра I.

Наконецъ *Четвертому отдѣленію* Собственной Его Величества Канцеляріи поручено было управлять благотворительными и учебными заведеніями, начало которымъ положено было императрицей Маріей Ѳеодоровной. Это такъ называемое нынѣ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

Существовало еще, недолго впрочемъ, „Пятое отдѣленіе“ для управленія государственными имуществами, замѣненное потомъ особымъ *министерствомъ государственныхъ имуществъ.* Независимо отъ этого умножено было число департаментовъ при всѣхъ почти министерствахъ и кромѣ того во все продолженіе царствованія учреждались разнаго рода *комитеты* и *комиссіи* изъ чиновниковъ для предварительнаго „секретнаго“ разсмотрѣнія разныхъ государственныхъ вопросовъ“ **).

Что касается областного управленія, то оно осталось почти безъ измѣненій и не испытало такихъ усложненій, какъ центральное. Измѣнено было нѣсколько только сословное дворянское управленіе установленіемъ болѣе высокаго ценза для выборщиковъ должностныхъ лицъ, и кромѣ того дворянамъ, занимающимъ должности по выборамъ, дали права государственной службы, т. е. чины и ордена, ставя ихъ этимъ въ рядъ такихъ же орудій правительственной власти, какими были чиновники.

участка казенныхъ земель). Аренды жаловались большею частію только высшимъ сановникамъ и на опредѣленное число лѣтъ (обыкновенно на 12 лѣтъ). Раньше аренды жаловались иногда въ Западномъ краѣ и Остзейскихъ губерніяхъ и притомъ натурой—давались въ пользованіе самыя земли; теперь это было отмѣнено.

*) Существуетъ разсказъ объ отвѣтѣ, данномъ императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ Бенкендорфу на его неоднократныя просьбы объ инструкціи; подавая ему платокъ, императоръ сказалъ: „Вотъ тебѣ моя инструкція; чѣмъ больше слезъ ты утрешь, тѣмъ точнѣе исполнишь мою волю“.

**) Между прочимъ для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса учреждено было въ разное время шесть спеціальныхъ „секретныхъ“ и „весьма секретныхъ“ комитетовъ.

Усложненіе центральнаго управленія и увеличеніе работы чиновниковъ, вѣдавшихъ всѣ дѣла заочно, чрезвычайно увеличило бумажное производство въ имперіи и придало необыкновенное развитіе дѣятельности канцелярій разнаго рода. Количество „дѣлъ", т. е. собраній разныхъ бумагъ, относящихся къ тому или другому вопросу, возросло до неимовѣрныхъ размѣровъ и въ высшей степени затруднило дѣятельность главныхъ начальниковъ разныхъ вѣдомствъ. Не имѣя физической возможности не только обстоятельно ознакомиться съ подробностями дѣла, но даже прочесть всѣ относящіяся къ нему бумаги, они невольно должны были довѣряться второстепеннымъ органамъ управленія, которые въ существѣ и вершили все по-своему *); отсюда же проистекала и чрезвычайная медленность въ рѣшеніи дѣлъ и въ выполненіи изданныхъ центральною властью законовъ и распоряженій, которыми характеризуется эпоха Николая I, при видимомъ внѣшнемъ порядкѣ и неустанной работѣ министерствъ, канцелярій и другихъ органовъ управленія. Самыя энергическія усилія императора, обладавшаго выдающейся силою воли и характера, не могли побороть этой чиновничьей рутины. Николай пришелъ въ ужасъ, когда узналъ въ началѣ своего царствованія, что отъ предыдущей эпохи осталось только по министерству юстиціи свыше двухъ съ половиной милліоновъ нерѣшенныхъ дѣлъ и 127 тысячъ подсудимыхъ томились въ тюрьмахъ, уже по нѣсколько лѣтъ ожидая отъ суда рѣшенія своей участи. Немедленно былъ изданъ энергическій приказъ безъ промедленія рѣшить и закончить эти дѣла и назначенъ былъ для того опредѣленный срокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но когда снова, уже въ половинѣ своего царствованія, Николай I навелъ справки о количествѣ нерѣшенныхъ дѣлъ по тому же министерству юстиціи, то оказалось, что число ихъ превышаетъ въ полтора раза прежнюю цифру, а самый объемъ „дѣлъ" разросся, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ противъ прежняго. Сравнительно быстро рѣшались лишь тѣ дѣла и проекты, которые находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя, касались лишь упорядоченія уже существующаго и притомъ чисто бюрократическими средствами и имѣли исключительныхъ, выдающихся по своимъ талантамъ и работоспособности исполнителей. Таковы были работы Сперанскаго по кодификаціи права и финансовыя мѣры Канкрина, составляющія самые крупные факты эпохи Николая I въ области внутреннихъ дѣлъ.

Законодательство. Изданіе полнаго собранія законовъ, а затѣмъ *свода законовъ* составляетъ одно изъ наиболѣе выдающихся дѣлъ царствованія Николая I.

Заботы объ этомъ прилагались всѣми его предшественниками, начиная съ Петра I; составлялся рядъ комиссій, изъ которыхъ однако ни одна не могла выполнить своего дѣла, тѣмъ болѣе, что при этомъ въ большинствѣ случаевъ задавались цѣлію пересоздать всѣ законы на новый ладъ, по заграничнымъ образцамъ. А между тѣмъ вслѣдствіе

*) Извѣстно выраженіе, приписываемое самому императору Николаю I: „Россія управляется столоначальниками".

умноженія населенія и его потребностей и усложненія формъ общественной и государственной жизни, ежегодно появлялись десятки и сотни новыхъ узаконеній, измѣнявшихъ или дополнявшихъ старые. Разобраться въ массѣ всѣхъ этихъ законовъ, накопившихся въ теченіе слишкомъ полутораста лѣтъ со времени изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича, отдѣльнымъ лицамъ, судьямъ или администраторамъ не представлялось никакой возможности. Вдобавокъ и самые способы обнародованія законовъ были крайне недостаточны. Только часть ихъ—болѣе важные—разсылались въ печатныхъ экземплярахъ, большинство остальныхъ печатаемы не были и разсылались въ простыхъ спискахъ, которыхъ не хватало даже для присутственныхъ мѣстъ. Продажи законовъ частнымъ лицамъ не существовало, центральнаго хранилища ихъ также не было. Нигдѣ не было даже не только систематическаго, но хотя бы только хронологическаго указателя законовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу.

Неудивительно, если зачастую одинаковыя по характеру дѣла въ разныхъ мѣстахъ рѣшались различно, смотря по тому, съ какими узаконеніями знакомы были чиновники или судьи, или какіе законы имѣли они подъ руками. При такихъ условіяхъ открывался широкій просторъ произволу и злоупотребленіямъ, и дѣла залеживались въ присутственныхъ мѣстахъ иногда по нѣскольку десятковъ лѣтъ, не находя рѣшенія.

Ознакомившись съ печальнымъ положеніемъ русскаго законодательства и съ безплодными попытками упорядочить его при посредствѣ учреждавшихся въ прежнее время разныхъ комиссій, Николай I, черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по восшествіи на престолъ, объявилъ, что принимаетъ это важное дѣло въ свое непосредственное вѣдѣніе. При Собственной канцеляріи государя учреждено было особое законодательное отдѣленіе (такъ называемое „Второе“) для приведенія въ порядокъ и разработки русскихъ законовъ. Главное руководство поручено было члену Государственнаго Совѣта Сперанскому. Благодаря энергичному содѣйствію государя, знаніямъ, распорядительности и необыкновенной работоспособности Сперанскаго, сумѣвшаго собрать вокругъ себя достаточное число умѣлыхъ и способныхъ сотрудниковъ и надлежаще распредѣлить между ними работы, дѣло быстро двинулось впередъ. Изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ собраны были по возможности всѣ подлинники разныхъ указовъ, распоряженій, реестровъ къ нимъ и пр. и черезъ четыре года (къ 1830 году) напечатано было въ 45 объемистыхъ томахъ „*Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи*“, куда внесены были въ хронологическомъ порядкѣ всѣ узаконенія, изданныя въ имперіи, начиная съ Уложенія 1649 года и до 1825 года, т. е. до кончины Александра I. Всего вошло въ этотъ сборникъ свыше 30.000 узаконеній.

По окончаніи этой колоссальной работы, изъ Полнаго собранія

законовъ извлечены были узаконенія, которыя сохранили свою силу и дѣйствіе, и расположены въ систематическомъ порядкѣ по отдѣламъ, на основаніи внутренняго содержанія ихъ. Этотъ систематическій сборникъ дѣйствующихъ и имѣющихъ силу законовъ получилъ названіе *„Свода законовъ Россійской Имперіи“*. Онъ былъ изданъ въ 1833 году въ 15 томахъ и разосланъ во всѣ присутственныя мѣста имперіи, а также сталъ доступенъ и для частнаго пользованія *). Съ изданіемъ свода законовъ каждый русскій подданный могъ ознакомиться съ законами своего государства; судьи и чиновники лишались возможности произвольно и по своему усмотрѣнію рѣшать дѣла, въ судопроизводство вносился опредѣленный порядокъ. Изданіе же Полнаго собранія законовъ дало возможность людямъ науки прослѣдить и изучить постепенное развитіе русскаго законодательства и такимъ образомъ положено было основаніе наукѣ русскаго права.

Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было вновь выходящія узаконенія присоединять къ Полному собранію законовъ и по мѣрѣ накопленія ихъ издавать новые томы этого собранія **). Равнымъ образомъ постановлено время отъ времени переиздавать Сводъ зоконовъ, дополняя его въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ новыми узаконеніями и выбрасывая отмѣненные и потерявшіе силу законы ***).

---

*) Кромѣ составленія Свода законовъ Сперанскій попутно приводилъ въ порядокъ цѣлый рядъ спеціальныхъ или мѣстныхъ законодательствъ: такъ ему же принадлежитъ Сводъ военныхъ постановленій въ 12 томахъ; Сводъ законовъ остзейскихъ и западныхъ губерній и Сводъ законовъ Великаго княжества Финляндскаго.

**) Въ настоящее время такихъ собраній существуетъ три: *первымъ* считается изданное при Николаѣ I въ 1833 г., заключающее въ себѣ 30929 узаконеній въ 45 томахъ; *второе*—въ 55 томахъ, заключаетъ въ себѣ узаконенія, вышедшія въ царствованіе Николая I и Александра II; *третье* начинается съ актовъ, изданныхъ въ 1881 г. Всѣ законодательные акты въ Полномъ собраніи законовъ снабжены различными приложеніями и предметными указателями, облегчающими необходимыя справки.

***) Второе изданіе Свода законовъ появилось въ 1842 г., третье—въ 1857 г. Съ тѣхъ поръ полнаго изданія Свода законовъ не выпускалось, но переиздавались только нѣкоторые томы и прибавленъ новый томъ, XVI, такъ что въ настоящее время Сводъ законовъ состоитъ изъ 16 томовъ, изъ которыхъ многіе дѣлятся на части и въ составъ которыхъ входятъ болѣе 80 частныхъ сводовъ, или отдѣльныхъ законоположеній, именуемыхъ „учрежденіями“, „уставами“, „положеніями“, „правилами“ и т. д.

Въ I томѣ излагаются законы *основные*, гдѣ опредѣляются прерогативы и предѣлы верховной власти, а также содержатся основныя положенія о вѣрѣ и законахъ; далѣе слѣдуютъ законы *учредительные*, указывающіе порядокъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій: Госуд. Совѣта, Сената, министерствъ, капитула орденовъ и пр. Во II томѣ—приведены законы объ учрежденіяхъ губернскихъ, городовомъ положеніи, управленіи окраинами; въ III—уставы о пенсіяхъ. Въ томахъ IV—VIII изложены законы о государственныхъ *повинностяхъ, доходахъ* и *имуществахъ* (уставъ о воинской повинности т. IV;—о налогахъ и пошлинахъ т. V;—таможняхъ т. VI; уставы монетный и горный т. VII; и наконецъ уставы лѣсной и счетный т. VIII). Въ IX томѣ находятся уставы о *состояніяхъ*, т. е. о сословіяхъ. Въ X томѣ—законы *гражданскіе* и межевые; въ XI—XIV—законы госуд. *благоустройства* и *благочинія* (уставы ученыхъ и учебныхъ учрежденій; уставы торговый и промышленный т. XI;—путей сообщенія и почтъ, строительный и сел. хозяйства т. XII; уставы общественнаго призрѣнія и врачебный т. XIII; о паспортахъ, цензурѣ и печати, о

Вслѣдъ за окончаніемъ кропотливой и отвѣтственной работы по систематизаціи законовъ въ ихъ „Сводѣ“, Николай I поручилъ тому же Сперанскому пересмотрѣть и исправить тѣ статьи свода законовъ, которыя по своему содержанію не соотвѣтствовали правамъ и обычаямъ того времени или же не отличались необходимой для дѣла точностію и опредѣленностію по формѣ изложенія. Пересмотръ начатъ былъ съ наиболѣе важнаго по своему значенію отдѣла объ уголовныхъ законахъ. Новое „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ составлено было во „Второмъ отдѣленіи“ подъ руководствомъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ Сперанскаго—графа Блудова, такъ какъ Сперанскій умеръ при началѣ этого труда, возведенный незадолго до того за свои громадныя заслуги по кодификаціи русскаго законодательства въ графское достоинство. Уложеніе о наказаніяхъ издано было въ 1845 году.

Финансы въ царствованіе Николая I достигли значительнаго улучшенія, благодаря дѣятельности министра финансовъ *Канкрина*, получившаго извѣстность замѣчательной экономіей и распорядительностью при завѣдываніи интендантской частью во время Наполеоновскихъ войнъ. Канкринъ принялъ рядъ мѣръ къ упорядоченію денежнаго обращенія, гдѣ со временъ Екатерины II утвердились такъ называемыя ассигнаціи, получившія значеніе „бумажныхъ денегъ“, выпуски которыхъ, однако, не обусловливались какими-либо опредѣленными правилами и не обезпечивались въ достаточной мѣрѣ запаснымъ размѣннымъ металлическимъ фондомъ. Войны, которыя вела Екатерина II, заставили ее покрывать расходы усиленными выпусками ассигнацій: къ концу царствованія ихъ было выпущено свыше чѣмъ на 150 мил. рублей, т. е. больше чѣмъ требовалось нуждою въ денежныхъ знакахъ во внутреннемъ ихъ обращеніи, и курсъ ассигнацій упалъ до 68 коп. за рубль.

Павелъ I сначала остановилъ было выпускъ ассигнацій, признавъ ихъ „общенароднымъ долгомъ на казнѣ“, но затѣмъ вынужденъ былъ тѣми же внѣшними войнами продолжать выпуски ассигнацій, число которыхъ возросло до 212 мил. и курсъ ихъ соотвѣтственно понизился до 62 коп. При Александрѣ I Сперанскимъ также сдѣлана была попытка остановить дальнѣйшій выпускъ и обезцѣненіе ассигнацій, но Наполеоновскія войны вновь заставили покинуть эти благія намѣренія и къ концу царствованія ассигнацій накопилось въ обращеніи свыше 800 мил. руб., курсъ же ихъ упалъ до 25 коп., т. е., иными словами говоря, ассигнаціонный „бумажный“ рубль, сравнительно съ се-

---

полиціи, о ссыльныхъ т. XIV.—Въ XV томѣ изложены законы о наказаніяхъ *уголовныхъ* и *исправительныхъ*. Въ XVI т.—введены законы, касающіеся *судебныхъ установленій* и уставы гражданскаго и уголовнаго *судопроизводства*.

ребрянымъ, цѣнился въ обращеніи вчетверо ниже, да и эта послѣдняя оцѣнка подвергалась постояннымъ колебаніямъ при торговыхъ сдѣлкахъ и платежахъ разнаго рода *). Продолжать дальнѣйшій выпускъ ассигнацій значило бы совсѣмъ уронить ихъ цѣнность и низвести ее до стоимости той бумаги, на которой ассигнаціи напечатаны, т. е. сдѣлать ихъ совершенно непригодными къ обращенію въ качествѣ денежныхъ знаковъ. Выпускъ ихъ былъ поэтому совершенно пріостановленъ, часть ихъ изъята изъ обращенія, что въ связи съ другими мѣрами повысило къ 1839 г. ихъ курсъ до $27^{1}/_{2}$ коп. Этотъ курсъ, равнявшійся 3 р. 50 к. ассигнаціями за серебряный рубль, былъ теперь объявленъ постояннымъ, съ принятіемъ серебрянаго рубля единственной монетной единицей **). А чтобы впредь это соотношеніе, вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не поколебалось, одновременно приняты были мѣры къ накопленію достаточнаго для размѣна бумажныхъ денегъ металлическаго фонда, а также къ постепенной замѣнѣ неполноцѣнныхъ (сравнительно съ обозначенной на нихъ стоимостью) ассигнацій другими кредитными знаками, которые бы могли безостановочно размѣниваться на звонкую монету въ точномъ соотвѣтствіи съ обозначенной на нихъ цѣною. Въ этихъ видахъ открыта была при банкѣ особая депозитная (или сохранная) касса, которая принимала вклады золотой или серебряной монетами и слитками, взамѣнъ которыхъ выдавались особые билеты—„депозиты“ 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублеваго достоинства (по разсчету на серебро), приносившіе опредѣленный доходъ своимъ владѣльцамъ. Незначительная стоимость депозитовъ привлекла массу вкладчиковъ, и такъ какъ билеты этого рода безпрепятственно во всякое время размѣнивались на серебро и кромѣ того приносили доходъ, то успѣхъ они имѣли громадный и въ казначействѣ такимъ образомъ скоро скопился значительный металлическій фондъ ***).

---

*) Между прочимъ установился такъ называемый „простонародный лажъ“ (лажъ—сумма, приплачиваемая за размѣнъ одного рода монетъ на другой). Крестьянину, напр., при продажѣ имъ какихъ-либо сельскихъ продуктовъ покупатели платили ассигнаціями, считая ихъ по 26 коп. на рубль; когда же онъ самъ бралъ товары въ лавкѣ, то тамъ цѣнили его ассигнаціонный рубль въ 24 коп. на серебро, а казна въ то же время считала ассигнаціонный рубль по курсу въ 25 коп. и по этому разсчету принимала платежи—и такого рода троякая оцѣнка одного и того же денежнаго знака производилась въ одно и то же время.

**) Серебряный рубль того времени заключалъ въ себѣ 4 золотника 21 долю чистаго серебра. Такимъ оставленъ онъ и на будущее время. Узаконеніе пониженія цѣнности какого-либо денежнаго знака (въ данномъ случаѣ ассигнацій) съ замѣной его другими, носитъ названіе *„девальваціи“*.

***) Одновременно съ этимъ „для умноженія количества легко подвижныхъ денежныхъ знаковъ и въ подкрѣпленіе оборотовъ государственнаго казначейства“, Канкринъ прибѣгъ къ выпуску такъ называемыхъ „серій“. Серіями казначейства назывались недорогія (не свыше 250 р., а впослѣдствіи 50 р.) процентныя бумаги (выпускавшіяся разрядами или серіями на опредѣленную сумму, отсюда и самое названіе ихъ), приносившія извѣстный доходъ (4 проц.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе привыкло къ новымъ кредитнымъ знакамъ, ходившимъ наравнѣ съ золотомъ и серебромъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ (по манифесту 1843 г.) было приступлено къ обмѣну всѣхъ ассигнацій и депозитовъ на такъ называемые государственные *кредитные билеты* или бумажные денежные знаки и доселѣ обращающіеся въ Россіи (въ 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 р.), размѣнъ которыхъ обезпечивается „всѣмъ государственнымъ достояніемъ". Вмѣсто (596 мил. руб.) оставшихся въ обращеніи ассигнацій выдано было соотвѣтственное число (170 мил. р.) кредитными билетами или серебромъ. Для обезпеченія размѣна былъ образованъ достаточный металлическій фондъ (въ $70^1/_2$ мил. рублей). Съ каждымъ новымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ долженъ былъ соотвѣтственно возрастать и размѣнный фондъ (практикой онъ установленъ въ размѣрѣ одной трети номинальной суммы выпущенныхъ въ обращеніе билетовъ).

Первоначально (въ 40-хъ годахъ) это правило строго соблюдалось, но съ 1853 года, когда началась чрезвычайно разорительная для Россіи Восточная война, правительство, вопреки завѣтамъ Канкрина († 1855 г.), вынуждено было дѣлать усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ, уже не сообразуясь съ звонкой наличностью. Въ виду недостаточности металлическаго фонда сначала были приняты мѣры къ ограниченію размѣна, а затѣмъ (въ 1856 г.) послѣдній и вовсе былъ прекращенъ. Съ той поры и надолго кредитные билеты превратились въ существѣ дѣла въ такія же бумажныя деньги, какими были нѣкогда ассигнаціи, съ тѣмъ между прочимъ отличіемъ, что на нихъ установленъ былъ одинаковый обязательный (такъ наз. принудительный) курсъ по номинальной ихъ стоимости при обращеніи внутри страны. При торговыхъ сношеніяхъ съ другими странами курсъ ихъ при размѣнѣ на золото былъ ниже номинальной стоимости и уже въ царствованіе Николая I понизился до 93 к. за рубль, а впослѣдствіи при усиленныхъ выпускахъ падалъ до 67 коп. (Вновь возстановленъ былъ размѣнъ кредитокъ на звонкую монету уже въ концѣ XIX столѣтія со введеніемъ такъ называемой золотой валюты по примѣру другихъ государствъ Европы).

Упорядоченіе денежнаго обращенія, составляющее крупную заслугу Канкрина, а также проявленныя имъ заботы объ улучшеніи отчетности внесли, однако, только внѣшнее, по преимуществу, улучшеніе въ финансахъ страны; существенныя улушенія въ данномъ отношеніи приноситъ обыкновенно увеличеніе производительности страны, ростъ ея промы-

---

своимъ владѣльцамъ. Новинка эта встрѣтила сочувственный пріемъ среди лицъ, обладавшихъ небольшими денежными капиталами и желавшихъ хранить ихъ при себѣ, получая извѣстный процентъ, и въ то же время имѣть возможность во всякое время пустить ихъ въ оборотъ или размѣнять безъ потери на курсѣ. Выпуски серій были первымъ „внутреннимъ займомъ" правительства. Въ царствованіе Николая I было и нѣсколько внѣшнихъ займовъ, вызванныхъ войнами и расходами на вооруженіе.

шленности, торговли и прогрессъ въ ея сельскомъ хозяйствѣ. Канкринъ обратилъ вниманіе и на эту сторону дѣла, хотя и въ недостаточной мѣрѣ и односторонне. Именно онъ содѣйствовалъ укрѣпленію такъ называемой покровительственной системы въ таможенной политикѣ и значительно возвысилъ пошлины на иностранные товары, имѣя въ виду вызвать этимъ ростъ отечественной промышленности. Заботясь о развитіи промышленности, Канкринъ упускалъ изъ виду сельско-хозяйственные промыслы и вообще сельское хозяйство, имѣющее крупное значеніе въ такой по преимуществу земледѣльческой странѣ, какой была тогдашняя Россія. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ—доходы казны при Канкринѣ значительно увеличились. Между прочимъ онъ ввелъ акцизъ на табакъ (1838) и взамѣнъ возстановленной было при Александрѣ I (въ 1818 г.) казенной продажи вина, понижавшей сборы и оказывавшей деморализующее вліяніе на чиновничество, ввелъ откупную систему, выгодную въ финансовомъ отношеніи (доходъ увеличился сразу почти на 80 мил. рублей), но еще болѣе вредную для народной нравственности. Зато къ улучшенію способовъ сообщенія путемъ постройки желѣзныхъ дорогъ, развившихся тогда на Западѣ, Канкринъ относился отрицательно, считая этого рода дороги роскошью раньше устройства шоссейныхъ и находя, что доходы съ нихъ не окупаютъ затратъ казны.

Важное для хозяйственнаго роста страны и охраны ея отъ внѣшнихъ враговъ дѣло постройки желѣзныхъ дорогъ началось въ царствованіе Николая I по иниціативѣ самого государя. Первая желѣзная дорога, построенная въ Россіи, была Царскосельская (между Петербургомъ и Павловскомъ,—открыта въ 1838 г.), вторая—Варшавско-Вѣнская (1848 г.) и третья—*Николаевская* (окончена въ 1851 г.), соединившая Петербургъ и Москву и пріобрѣвшая съ теченіемъ времени крупнѣйшее значеніе во всѣхъ отношеніяхъ.

По волѣ государя направленіе для нея было выбрано прямолинейное; построена дорога была образцово въ смыслѣ прочности сооруженія, хотя и обошлась казнѣ очень дорого (около 100 мил. руб. или по 165 тыс. руб. за версту). Крымская кампанія, гдѣ одной изъ главныхъ причинъ нашихъ неудачъ былъ недостатокъ путей сообщенія, ясно показала, насколько важны желѣзныя дороги для внѣшней безопасности страны, и вызвала (уже при преемникѣ Николая I) усиленныя заботы о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ при помощи частныхъ компаній съ правительственной гарантіей.

Сословія. Охраняя существующій порядокъ въ строѣ общественной жизни, Николай I допускалъ лишь частичныя къ нему поправки и измѣненія. Такого рода мѣрой было, напр., ограниченіе доступа въ дворянство. Постановлено давать потомственное дворянство лишь тѣмъ лицамъ служилаго сословія, которыя достигли въ военной службѣ штабъ-офицерскаго чина а въ гражданской—пятаго класса (раньше дворянство давалъ чинъ VIII класса). Оберъ-офицеры и чиновники съ IX до V

класса, происходившіе не изъ дворянъ, именовались только *личными дворянами* и не имѣли права владѣть крѣпостными людьми (1854 г.). Чиновники съ XIV до IX класса получали права почетныхъ гражданъ (почетное гражданство могли получать и купцы за особенныя заслуги) (1832 г.).

Заслуживаетъ вниманія далѣе устройство государственныхъ крестьянъ. Для управленія государственными крестьянами, казенными землями и лѣсами, а также кочевыми инородцами было учреждено новое *министерство „государственныхъ имуществъ“* (1838). На обязанность этого министерства возложены также заботы объ улучшеніи быта крестьянъ, о содѣйствіи земледѣлію и сельской промышленности. Главою новаго министерства назначенъ былъ *графъ Киселевъ*, одинъ изъ лучшихъ по своимъ стремленіямъ и взглядамъ и полезной для государства дѣятельности сотрудниковъ Николая I. Онъ въ значительной степени улучшилъ бытъ государственныхъ крестьянъ и, кромѣ того, оказывалъ сильное вліяніе на измѣненіе въ положеніи крестьянъ крѣпостныхъ, т. е. частновладѣльческихъ. Раньше государственные крестьяне (которыхъ числилось до 8 милліоновъ) и громадныя земельныя владѣнія казны (свыше 200 милліоновъ десятинъ) состояли во владѣніи министерства финансовъ, но, занятое своими прямыми и притомъ очень сложными обязанностями, оно не могло, разумѣется, внимательно относиться къ постороннему для него дѣлу, и покинутые безъ призора казенные крестьяне пришли въ сильный упадокъ. Между прочимъ уѣздная администрація, почти сплошь состоявшая изъ дворянъ, самыя тяжелыя натуральныя повинности — починку дорогъ и пр. возлагала обычно на крестьянъ казенныхъ, чтобы не отвлекать отъ работы помѣщичьихъ крестьянъ, и т. д. Киселевъ устранилъ эти тяготы и провелъ цѣлый планъ устройства казенныхъ крестьянъ, пользуясь отчасти тѣмъ, что было установлено еще при Павлѣ I для крестьянъ удѣльныхъ. Всѣ казенные крестьяне раздѣлены были на волости по 6 тыс. душъ въ каждой, съ подраздѣленіемъ на сельскія общества по 1000—1500 душъ въ каждой. Образованы были свободные мірскіе сходы, выборныя волостныя и сельскія управленія, расправы для суда; всѣ крестьяне надѣлены были въ достаточномъ количествѣ землей, подати переложены съ душъ на землю; во многихъ мѣстахъ устроены были сельскія школы (къ 1855 году ихъ числилось до 3 тыс. съ 170 тыс. учащихся), продовольственные запасные магазины, спасавшіе крестьянъ отъ голодовки въ неурожайные годы, и пр. Киселевъ пробовалъ даже устроить всюду сельскіе банки съ сберегательными и вспомогательными кассами.

Такого рода устройство казенныхъ крестьянъ всецѣло одобрялось Николаемъ I, который видѣлъ въ этомъ косвенный шагъ къ отмѣнѣ крѣпостного права и своего рода образецъ, по которому могли быть устроены помѣщичьи крестьяне при выходѣ изъ крѣпостной зависимости. Основныя черты устройства сельскихъ обществъ Киселевымъ потомъ дѣйствительно перенесены были въ положеніе о вышедшихъ на волю крѣпостныхъ крестьянахъ (19 февраля 1861 года) при освобожденіи ихъ преемникомъ Николая I Александромъ II-мъ.

Крѣпостнымъ крестьянамъ, которыхъ числилось до 20 мил. въ самомъ началѣ царствованія Николая I, объявлено было особымъ манифестомъ, что распространившіеся между ними слухи о предстоящей отмѣнѣ крѣпостного права ложны, что никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не послѣдуетъ, а распространители и составители „нелѣпыхъ просьбъ" о томъ будутъ предаваемы суду. Но одновременно секретно было внушено черезъ губернаторовъ помѣщикамъ, чтобы они соблюдали „законное и христіанское обращеніе" съ крестьянами и установленъ порядокъ наблюденія за жестокими помѣщиками и взысканій съ нихъ. Лично императоръ считалъ крѣпостное право въ „нынѣшнемъ положеніи его" зломъ, преждевременное устраненіе котораго, по его словамъ, было бы, однако, „зломъ еще болѣе гибельнымъ", такъ какъ породитъ смуты между крестьянами. Въ виду этого допущенъ былъ лишь рядъ такъ называемыхъ „переходныхъ мѣръ", направленныхъ къ облегченію положенія крѣпостныхъ крестьянъ. А именно запрещено продавать крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли и отдѣльно отъ ихъ семействъ; крестьянамъ позволено съ разрѣшенія помѣщиковъ пріобрѣтать недвижимую собственность; помѣщикамъ разрѣшено отдавать землю въ пользованіе своимъ крестьянамъ за извѣстныя повинности и такимъ крестьянамъ присвоено было названіе „обязанныхъ" (1842 г.).

Законъ этотъ былъ проведенъ по проекту Киселева, который имѣлъ при этомъ въ виду широкія задачи. Онъ разсчитывалъ такимъ путемъ перевести крестьянъ постепенно изъ состоянія лично крѣпостныхъ въ состояніе людей, лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и по договору обязанныхъ выполнять работы на помѣщика за пользованіе землей, т. е. прикрѣпленныхъ только къ землѣ, но лично свободныхъ. Немногіе помѣщики, однако, пошли на такую сдѣлку (гр. Воронцовъ, Витгенштейнъ и Потоцкіе), и законъ объ обязанныхъ крестьянахъ имѣлъ не болѣе успѣха, чѣмъ нѣкогда законъ Александра I о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Къ концу царствованія Николая I такихъ „обязанныхъ" крестьянъ насчитывалось не болѣе 25 тыс. душъ. Не имѣя прямого практическаго значенія, этотъ законъ, какъ и другія узаконенія о крестьянахъ, тоже большею частію изданныя по внушенію Киселева, тѣмъ не менѣе подготовляли умы общества къ реформѣ

крестьянскаго быта, какъ къ чему-то неизбѣжному въ близкомъ или далекомъ будущемъ. Недаромъ поэтому Киселевъ имѣлъ въ тогдашнемъ обществѣ репутацію опаснаго „либерала“, чуть не революціонера и вызвалъ противъ себя ожесточенные нападки среди дворянства и высшей администраціи. Нападки эти и частыя жалобы крѣпостниковъ нисколько, однако, не измѣняли расположенія Николая I къ гр. Киселеву, пользовавшемуся все время царствованія безусловнымъ довѣріемъ государя, что всего яснѣе показываетъ, на чьей сторонѣ лежали его симпатіи *).

Болѣе рѣшительныя мѣры къ улучшенію положенія крестьянъ предприняты были въ Западномъ краѣ. Тамъ ввели (1847 г.) такъ называемые „*инвентари*“, которыми точно опредѣлялся размѣръ оброковъ и повинностей крестьянъ и права владѣльцевъ на крѣпостную работу. Эта мѣра проведена была по политическимъ мотивамъ, съ цѣлью оградить православное земледѣльческое населеніе отъ невыносимыхъ притѣсненій польско-католическаго дворянства и устранить давленіе послѣдняго на крестьянъ въ случаѣ политическихъ смутъ и возстанія поляковъ противъ русскаго правительства. Помѣщики, однако, всячески старались обходить эти „инвентарныя правила“ и оставляли въ большинствѣ случаевъ требованія новаго закона безъ исполненія.

Просвѣщеніе. Въ области народнаго образованія особеннымъ вниманіемъ Николая I пользовались военно-учебныя заведенія. Учреждены были академіи военная (нынѣ Императорская Николаевская военная академія) и морская; вновь открыто 11 кадетскихъ корпусовъ. Лицамъ, окончившимъ курсъ въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, давалось преимущество при назначеніяхъ на мѣста. Многія чисто гражданскія отрасли управленія, вмѣстѣ съ существующими въ нихъ учебными заведеніями (вѣдомства лѣсное, путей сообщенія, горное, инженерное) получили военную организацію.

Изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній въ это царствованіе открыты: технологическій институтъ (1828 г.), училище правовѣдѣнія (1835 г.), строительное училище (1842 г.,—нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ); университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ (1832 г.); возобновленъ Главный Педагогическій Институтъ (1828 г.) для приготовленія учителей въ среднія учебныя заведенія; въ губерніяхъ учре-

*) Въ одной изъ бесѣдъ съ Киселевымъ въ 1834 г. императоръ Николай обратилъ его вниманіе на картоны, стоявшіе у него въ кабинетѣ. „Здѣсь собраны, сказалъ онъ, всѣ бумаги, касающіяся процесса, какой я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ по всей имперіи“. Въ свое царствованіе Николай I не предполагалъ, однако, приступить къ освобожденію крестьянъ, а велъ, какъ говорили нѣкоторые, противъ крѣпостного права лишь „партизанскую войну“, считая своимъ долгомъ—по собственнымъ его словамъ въ письмѣ къ гр. Киселеву (въ томъ же 1834 г.)—подготовить преобразованіе крѣпостного права для *наслѣдника*. Киселевъ, по шутливому замѣчанію государя, былъ его „начальникомъ штаба по крестьянской части“.

ждено нѣсколько женскихъ институтовъ, въ Москвѣ Константиновскій межевой институтъ (1844 г.) и рядъ спеціальныхъ училищъ. Былъ изданъ (1828 г.) новый уставъ учебныхъ заведеній—высшихъ, среднихъ и низшихъ, при чемъ послѣднія утратили характеръ подготовительныхъ заведеній для гимназій и получили свой законченный кругъ предметовъ, предназначаясь исключительно для низшихъ классовъ населенія; гимназіи предназначались преимущественно для дѣтей дворянъ и для нихъ устроены были при гимназіяхъ особые „благородные пансіоны"; жалованье профессорамъ и преподавателямъ было удвоено. Матеріальныя средства гимназій были увеличены, содержаніе уѣздныхъ училищъ было принято на счетъ казны.

Сравнительно наиболѣе благопріятнымъ для интересовъ просвѣщенія временемъ были годы, когда министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ *Уваровъ,* человѣкъ съ широкимъ „классическимъ" образованіемъ и съ выдающимися нравственными качествами. При немъ былъ изданъ (въ измѣненіе первоначальнаго устава университетовъ — 1804 г.) новый университетскій уставъ (1835 г.). Прежняя довольно широкая автономія университетовъ была теперь съужена, но все же университетамъ была оставлена извѣстная доля самоуправленія (выборъ ректора и декановъ, т. е. завѣдующихъ факультетами) и академической (научной) свободы, допущена собственная цензура и увеличено число каѳедръ (между прочимъ учреждена особая каѳедра по русской исторіи). Въ основу образованія въ гимназіяхъ положены были древніе языки и математика; преподаваніемъ стремились достигнуть основательности знанія и развитія патріотическаго духа. При министерствѣ народнаго просвѣщенія была учреждена гр. Уваровымъ „Археографическая комиссія", назначеніе которой заключалось въ собираніи и изданіи матеріаловъ для изученія отечественной старины. Въ Пулковѣ (близъ Петербурга) была устроена (1838 г.) первая въ Россіи астрономическая обсерваторія.

Характеръ отношеній правительственной власти къ просвѣщенію и его дѣятелямъ значительно измѣнился подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ событій 1848 года. За университетами съ той поры установленъ былъ исключительный надзоръ. Профессорамъ вмѣнено въ обязанность представлять подробныя программы своихъ курсовъ, которыя разсматривались на совѣтѣ и утверждались ректоромъ. Каѳедры философіи были упразднены, чтеніе логики и психологіи поручено было профессорамъ богословія. Число студентовъ въ каждомъ университетѣ ограничено тремя стами. Прекращена посылка молодыхъ ученыхъ за границу и вообще стѣснены заграничныя путешествія для лицъ всякаго званія (пошлина въ 250 р. за каждое полугодіе и пр.).

Въ университетахъ и старшихъ классахъ гимназій введено преподаваніе строевого устава пѣхотной службы, маршировка, военная гимнастика и пр. Цензура книгъ и журналовъ дошла въ это время до крайнихъ предѣловъ строгости.

Литература и наука. Довольно широкое развитіе образованія особенно среди дворянства, которому крѣпостной трудъ и свобода отъ службы давали и средства и досугъ для занятій, сильно подвинуло впередъ русскую литературу, несмотря даже на цензурныя стѣсненія. Передовые люди по преимуществу изъ среды дворянства, знакомые съ литературой и бытомъ Зап. Европы, проникнутые любовью къ родинѣ, сосредоточили свое вниманіе главнымъ образомъ на тѣхъ явленіяхъ общественной жизни, которыя мѣшали свободному развитію личности и невыгодно выдѣляли наше отечество изъ ряда другихъ странъ. Сюда относится крѣпостное право, неравенство передъ закономъ, произволъ чиновничества, отсутствіе гласности и пр. Недовольство этими явленіями и горькое чувство разочарованія при сознаніи безсилія устранить эти явленія—звучатъ во всѣхъ произведеніяхъ, если не въ прямой, то въ косвенной формѣ, въ виду цензурныхъ препятствій. Стѣсняемая въ сферѣ публицистики энергія мысли сосредоточилась на изящной словесности и, перерабатывая здѣсь западныя вліянія самостоятельно, дала такія произведенія, которыя стали привлекать вниманіе изумленной Европы и сразу выдвинули русскую литературу на почетное мѣсто во всемірной литературѣ. Въ эпоху Николая I выдвигается цѣлая плеяда корифеевъ русской литературы, лучшихъ дѣятелей въ области мысли и слова, доселѣ никѣмъ не превзойденныхъ; въ эту именно пору появились самыя выдающіяся произведенія *Пушкина* († 1837) и прошла вся литературная дѣятельность *Лермонтова* († 1841) и *Гоголя* († 1852), трехъ величайшихъ представителей русской литературы. На ихъ твореніяхъ выросла вся позднѣйшая русская литература, и съ чисто „художественнымъ“ и съ такъ называемымъ „реальнымъ“ направленіемъ, явившимся на смѣну ложно-романтическаго (позднѣйшимъ представителемъ этого послѣдняго былъ Марлинскій,—популярность произведеній котораго умерла вмѣстѣ съ его смертью). Первыя выдающіяся произведенія самыхъ крупныхъ писателей послѣдующаго времени появились также въ эту пору и подъ прямымъ воздѣйствіемъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Сюда относятся въ области эпоса *Тургеневъ* (Записки охотника), *Гончаровъ* (Обыкновенная исторія), *Левъ Толстой* (Севастопольскіе разсказы, Дѣтство), *Достоевскій* (Бѣдные люди), *Герценъ* (Кто виноватъ), въ области лирики *Тютчевъ*, *Огаревъ*, *Майковъ*, *Фетъ*, *Полонскій*, *Алексѣй Толстой*, въ области драмы *Островскій* и цѣлый рядъ другихъ второстепенныхъ писателей и поэтовъ. Особнякомъ отъ Пушкина и Лермонтова стоитъ, но ихъ же свѣтомъ свѣтитъ и великій народный поэтъ *Кольцовъ* († 1842). Кромѣ реальнаго, или какъ его звали въ эту пору, „натуральнаго“ направленія въ литературѣ и наукѣ Николаевскаго времени пробиваются замѣтно еще два теченія: „славянофильское“ и „западническое“. Первое было охранительное, сочувствовавшее всему русскому, даже старинному, чуждавшееся на

первыхъ порахъ западно-европейской культуры (братья Киреевскіе, Аксаковы, Хомяковъ, Самаринъ и др.). Второе—прогрессивное, признавало возможность нашего движенія впередъ только при помощи Запада (Чаадаевъ, Станкевичъ, Грановскій и др.). Оба эти направленія образовались изъ кружковъ молодежи, изучавшей творенія германскихъ философовъ идеалистической школы Шеллинга и Гегеля. Къ кружку западниковъ принадлежалъ и знаменитый *Бѣлинскій* († 1848 г.), истолкователь Пушкина, отецъ русской критики. Значительно двинулась впередъ и русская наука. Въ области филологіи появился цѣлый рядъ изслѣдователей пѣсенъ, сказокъ и другихъ сокровищъ нашего народнаго быта (Сахаровъ, Снегиревъ, Даль, Максимовичъ, Востоковъ, Срезневскій и др.). Въ исторіи выдвинулись „скептикъ" Каченовскій, „славянофилъ" Погодинъ, „западникъ" Грановскій и др.; появились первые томы русской исторіи Соловьева. Въ области точныхъ и опытныхъ наукъ появляются уже ученые съ европейской извѣстностію—математикъ Остроградскій, естественникъ Беръ и пр.

Въ области искусства—живописи, скульптуры и архитектуры эпоха Николая I также дала Россіи рядъ первоклассныхъ талантовъ, изъ коихъ нѣкоторые пользовались европейской извѣстностію. Геній *Глинки* положилъ прочное начало русской національной оперѣ („Жизнь за Царя", „Русланъ и Людмила"). Театръ во всѣхъ своихъ отрасляхъ былъ богатъ дѣятелями, которые составили бы украшеніе любой европейской сцены. Въ связи со всѣмъ этимъ самый бытъ высшихъ и наиболѣе интеллигентныхъ классовъ общества, преимущественно помѣщичьяго сословія, принялъ общеевропейскія формы.

Но эти успѣхи литературы, искусства и пр., приблизившія Россію въ культурной области къ уровню европейскихъ странъ, лежали пока только легкимъ верхнимъ слоемъ на населеніи, подавляющая масса котораго, и не только крѣпостные или неимущіе, но и болѣе или менѣе свободные и состоятельные классы, каково, напр., купечество, попрежнему чужды были интересовъ просвѣщенія, имѣли мало къ нему доступа и жили въ патріархальныхъ идеяхъ еще XVII вѣка, мало отличаясь и по внѣшнему быту своему отъ людей стараго времени.

Церковь и православіе въ царствованіе Николая I пользовались особеннымъ покровительствомъ религіозно-настроеннаго государя, чуждаго мистическихъ увлеченій своего старшаго брата Александра I. Въ противоположность вѣротерпимости или, вѣрнѣе, безразличію церковной политики предыдущаго царствованія теперь очень ясно выступило стремленіе утвердить православіе и соотвѣтственнымъ образомъ задерживать успѣхи другихъ исповѣданій и сектъ. Положеніе старообрядцевъ теперь сильно измѣнилось сравнительно съ временами Екатерины II и Александра I. Снова возстановлено было въ оффиціальныхъ бумагахъ слово „раскольникъ"; раскольническія общества не признавались законными, раскольники лишены были права вступать въ общественныя должности, записываться въ купеческія гильдіи и пр., торговать они могли только на „временномъ правѣ", запрещалось построеніе новыхъ и починка старыхъ моленъ и вообще всякое публичное оказательство раскола и т. д.

Вообще въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по церковнымъ дѣламъ Николай I всегда склонялся въ сторону наиболѣе консервативныхъ теченій въ духовной средѣ. Между прочимъ высказывавшіяся многими опасенія вліянія лютеранства и вообще раціоналистическихъ сектъ побудили закрыть учрежденное при Александрѣ I Библейское общество и поставить препятствія дальнѣйшему переводу библіи на русскій языкъ, несмотря даже на то, что за это дѣло сильно ратовалъ знаменитый богословъ и наиболѣе вліятельный дѣятель церкви какъ въ это, такъ и въ первую половину слѣдующаго царствованія—Филаретъ, митрополитъ московскій *).

Усилившаяся особенно въ средѣ высшаго общества со времени Павла I и Александра I католическая пропаганда и попытки совращенія въ католичество, нерѣдкіе въ былое время, теперь были пріостановлены самыми рѣшительными мѣрами, а равнымъ образомъ всячески тормозились стремленія католическаго духовенства заводить съ папой непосредственныя сношенія. Особымъ договоромъ съ папскимъ дворомъ (1847 г.) и частными указами было дано римско-католической церкви опредѣленное устройство. Католическіе монастыри лишены были самоуправленія и подчинены епископамъ, на избраніе которыхъ вліяло правительство. Сношенія духовныхъ католическихъ властей съ Римомъ позволено было вести чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ находился департаментъ иностранныхъ исповѣданій, и т. д.

Наиболѣе крупнымъ фактомъ въ области церковныхъ дѣлъ въ царствованіе Николая I является *возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію.* Начало этому положено было еще при Екатеринѣ II, послѣ присоединенія западно-русскихъ областей, когда прекратились гоненія поляковъ на православныхъ и уніатовъ и можно было безбоязненно исповѣдывать православную вѣру и переходить въ православіе. При Павлѣ I, благосклонно относившемся къ полякамъ и католичеству, когда іезуиты свили себѣ гнѣздо въ Западномъ краѣ и начали усиленную пропаганду католицизма, переходъ уніатовъ въ православіе пріостановился, тѣмъ болѣе, что и завѣдываніе дѣлами уніатской церкви было поручено Римско-Католической коллегіи въ Петербургѣ. Импера-

---

*) Филаретъ, митрополитъ московскій, является однимъ изъ самыхъ выдающихся духовныхъ дѣятелей не въ это только время, но и вообще въ исторіи русской церкви. Властный и авторитетный администраторъ, выдающійся богословъ и церковный историкъ, замѣчательный по содержанію и формѣ своихъ рѣчей проповѣдникъ, авторъ „Катехизиса", „Библейской исторіи" и др. сочиненій, отличающихся образцовой точностію изложенія и глубиной богословскаго содержанія, онъ въ теченіе 50-лѣтняго служенія въ санѣ іерарха вліялъ своимъ авторитетомъ на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ въ Россіи. Его имя обозначаетъ собою цѣлую эпоху въ управленіи русской церковію († 1867 г.). Изъ другихъ іерарховъ Николаевскаго времени пользовался громадной извѣстностью за свое выдающееся краснорѣчіе *Иннокентій*, архіепископъ херсонскій, авторъ сочиненія „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа". Изъ подвижниковъ благочестія прославился своей святой жизнію *Серафимъ Саровскій*, привлекавшій въ обитель, гдѣ онъ подвизался, массы паломниковъ, желавшихъ получить благословеніе и наставленіе отъ великаго старца, стяжавшаго еще при жизни славу чудотворца и прозорливца. Въ недавнее время (1905 г.) онъ причисленъ русскою церковію къ лику святыхъ.

торъ Николай въ первые же годы своего царствованія (1828 г.) передалъ завѣдываніе дѣлами уніатовъ особой Греко-Уніатской коллегіи, которой поставлено было въ обязанность способствовать очищенію уніатской церкви отъ вошедшихъ въ нее римско-католическихъ обрядовъ и обычаевъ и возстановленію старинныхъ греко-русскихъ обрядовъ и тѣмъ подготовлять ее къ возсоединенію съ православной церковію. Уніатское духовенство, для образованія котораго въ православномъ духѣ основаны были особыя семинаріи и училища, дѣятельно помогало работѣ подготовленія уніатовъ къ переходу въ православіе. Особенною ревностію въ этомъ отличался епископъ Іосифъ *Сѣмашко*, которому принадлежитъ одобренный Николаемъ I и самый планъ воздѣйствія на уніатовъ, а также основаніе Греко-Уніатской коллегіи.

Польскій мятежъ, подавленный вооруженной силой въ 1831 году, и послѣдовавшій затѣмъ упадокъ польско-католическаго вліянія въ Западномъ краѣ сильно ускорили уничтоженіе уніи. Завѣдываніе дѣлами уніатской церкви (въ 1837 г.) передано было оберъ-прокурору Св. Синода и вскорѣ унія была совсѣмъ отмѣнена, по ходатайству уніатскихъ епископовъ и лицъ изъ бѣлаго духовенства (за подписью 1305 человѣкъ отъ Литовской и Бѣлорусской епархій). Самый актъ возсоединенія торжественно совершенъ былъ въ засѣданіи Св. Синода 30 марта 1839 года послѣ благодарственнаго молебствія и братскаго цѣлованія членовъ Синода главному ревнителю дѣла Іосифу Сѣмашко, которому въ качествѣ архіепископа литовскаго поручено было и главное наблюденіе за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Въ память возсоединенія была вычеканена медаль, на которой между прочимъ было начертано: „Отторгнутые насиліемъ (1596) возсоединены любовію (1839)“. Всего присоединилось къ православію до 2-хъ милліоновъ уніатовъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Только въ Привислинскомъ краѣ, гдѣ непосредственное вліяніе польщизны чувствовалось сильнѣе, присоединеніе къ православію хотя и началось, но унія всетаки временно сохранилась въ Холмской уніатской епархіи до слѣдующаго царствованія, когда и тамъ совершился массовый переходъ уніатовъ въ православіе (въ 1875 г.), и такимъ образомъ унія, напоминавшая о польскомъ владычествѣ среди русскаго и православнаго населенія юго-западныхъ областей, окончательно была уничтожена.

Внѣшняя политика Николая I.

Въ области внѣшней политики Николай I слѣдовалъ тѣмъ же консервативнымъ началамъ, которыя положены были имъ въ основаніе политики внутренней. Оставаясь вѣрнымъ соглашенію трехъ

имперій, заключенному при его предшественникѣ, онъ считалъ своимъ долгомъ охранять традиціи Священнаго Союза относительно противодѣйствія революціоннымъ движеніямъ въ Европѣ, имѣя въ виду главнымъ образомъ охрану отъ нихъ Россіи. Онъ не вмѣшивался, подобно Александру I, въ мелкія распри населенія европейскихъ государствъ съ своими правителями, но въ важныхъ случаяхъ, когда видѣлъ крупныя попытки къ колебанію монархическаго принципа или опасался вліянія событій Запада на Россію, считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать революціонному движенію. Такъ въ эпоху Іюльской революціи въ 1830 г. онъ собирался послать свои войска въ Бельгію, но этому помѣшало возстаніе въ Польшѣ; въ 1849 г. посылалъ свои войска для усмиренія венгровъ въ Австрію и помогалъ даже султану въ его борьбѣ съ непокорнымъ египетскимъ пашою. Не пытаясь, даже во время войны съ Турціей, колебать власть султана и прибѣгать къ возбужденію возстанія среди подчиненныхъ ему племенъ, дѣйствуя всегда прямыми и честными средствами, онъ не раздѣлялъ, однако, подѣйствовавшихъ нѣкогда на Александра I взглядовъ Меттерниха на возстаніе грековъ, какъ на чисто революціонное дѣло, а, наоборотъ, опасался большаго развитія анархіи и общихъ безпорядковъ при противодѣйствіи національнымъ стремленіямъ христіанъ, изнывавшихъ подъ игомъ мусульманъ. Сторонникъ сохраненія Турціи ради интересовъ Россіи (къ такому выводу пришелъ и особый секретный комитетъ по Восточному вопросу, образованный императоромъ послѣ войны 1828 г.), Николай I въ концѣ царствованія, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда политическихъ событій, разубѣдившихъ его въ этомъ взглядѣ, измѣнилъ свое отношеніе къ „больному человѣку", какъ онъ называлъ Турцію, и даже предлагалъ Англіи совмѣстно съ другими державами произвести раздѣлъ европейскихъ владѣній султана.

Вообще его внѣшняя политика отличалась болѣе національнымъ и практическимъ характеромъ, чѣмъ политика его предшественника и брата Александра I, увлекавшагося ролью охранителя и спасителя Европы и иногда недостаточно соблюдавшаго интересы Россіи подъ вліяніемъ своихъ идеальныхъ стремленій и усвоенныхъ имъ еще въ юности теоретическихъ взглядовъ. Установившійся со временъ еще Наполеоновскихъ войнъ престижъ Россіи во внѣшнихъ дѣлахъ Николай I не только поддерживалъ, но даже укрѣпилъ блистательными побѣдами русскихъ войскъ въ персидскую и турецкую кампаніи въ началѣ царствованія, хотя и не воспользовался въ полной мѣрѣ плодами этихъ побѣдъ. Не позволяя никому вмѣшиваться въ дѣла имперіи или отношенія Россіи къ ея ближайшимъ сосѣдямъ, онъ заставилъ, однако, всѣ державы считаться съ голосомъ Россіи въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Эта властная гегемонія Россіи въ дѣлахъ Европы *) возбудила общую

*) Особенно ярко сказывалось вліяніе Россіи въ Пруссіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ занималъ исключительное положеніе; онъ имѣлъ надзоръ даже за нѣмецкой печатью, предупреждалъ попытки къ революціонному возбужденію народныхъ массъ. Прежде чѣмъ дать странѣ сословное представительство (1847 г.), прусскому королю пришлось выдержать трудную дипломатическую борьбу съ Россіей, и всѣ его уступки въ данномъ случаѣ не спасли его отъ гнѣва русскаго императора, а когда потомъ возникъ между Австріей и Пруссіей споръ о первенствѣ въ Германіи, Россія открыто приняла сторону Австріи и склонила вѣсы въ ея пользу.

зависть и недоброжелательство, что и повело въ концѣ царствованія къ образованію цѣлой коалиціи державъ противъ Россіи, при чемъ ей измѣнили и самые близкіе ея друзья и сосѣди, въ томъ числѣ Австрія, которой Николай I все время неизмѣнно покровительствовалъ и помогалъ, считая ее одною изъ наиболѣе консервативныхъ державъ въ Европѣ.

Персидская война (1826—1828 гг.) занимаетъ первое по времени мѣсто между внѣшними событіями въ царствованіе Николая I. Персы не могли помириться съ условіями Гюлистанскаго мира, заключеннаго при Александрѣ I (1813 г.) и окончательно предоставлявшаго Грузію и сопредѣльныя съ нею ханства во власть Россіи и потому, какъ только дошли до нихъ преувеличенные слухи о бунтѣ декабристовъ, персидскія войска, безъ объявленія войны и безъ всякихъ поводовъ къ разрыву, вторглись въ предѣлы Закавказья (въ іюнѣ 1826 г.). Командующимъ русскими войсками назначенъ былъ генералъ *Паскевичъ*, участникъ Наполеоновскихъ войнъ, знакомый уже съ тактикой азіатовъ по турецкой войнѣ предъ 1812 г., гдѣ онъ началъ свою военную карьеру. Несмотря на значительный численный перевѣсъ персовъ, Паскевичъ нанесъ имъ жестокое пораженіе при Елисаветполѣ, вторгся затѣмъ въ предѣлы самой Персіи, и послѣ шестидневной осады взялъ крѣпость Эривань, слывшую у Персовъ неприступной. Шахъ запросилъ мира и уже главныя условія его были установлены, когда у Турціи возникли крупныя недоразумѣнія съ Россіей. Намѣреваясь выждать результатовъ борьбы двухъ своихъ сильныхъ сосѣдей, шахъ началъ затягивать переговоры, тогда Паскевичъ двинулся на столицу Персіи Тегеранъ, и персамъ поневолѣ пришлось смириться. Въ деревнѣ *Туркманчаѣ*, недалеко отъ Тегерана, былъ заключенъ (въ февралѣ 1828 г.) миръ, по которому Персія уступила Россіи ханство Эриванское и Нахичеванское и сверхъ того уплатила 20 мил. руб. контрибуціи. Паскевичъ получилъ за эту войну графское достоинство съ прозвищемъ Эриванскаго. Туркманчайскій миръ былъ для Россіи выгоденъ во всѣхъ отношеніяхъ: она утвердилась на Армянской возвышенности и въ стратегическомъ отношеніи обезопасила себя отъ будущихъ нападеній Персіи изъ Грузіи; съ присоединеніемъ новыхъ ханствъ подъ вѣдѣніе Россіи перешелъ и армянскій патріархъ, жившій въ Эчміадзинѣ: при посредствѣ его Россія пріобрѣтала теперь способы моральнаго воздѣйствія на армянъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ грузинами наиболѣе значительныя группы христіанскихъ народностей въ Закавказьи; и наконецъ этимъ миромъ Россія развязала себѣ руки для борьбы съ Турціей, не опасаясь осложненій на восточномъ театрѣ войны.

Съ той поры Персія подпала подъ вліяніе Россіи и уже не рѣшалась болѣе затрогивать своего могущественнаго сосѣда.

Турецкая война 1828—1829 гг. и освобожденіе Греціи. Поводомъ къ войнѣ послужило покровительство, которое оказывалъ Николай I грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества. Греки начали борьбу за свое освобожденіе еще въ 1821 г., разсчитывая на помощь единовѣрной Россіи, издавна уже и при всѣхъ войнахъ съ Турціей съ XVIII в. (по мирамъ Кучукъ-Кайнарджійскому, Ясскому и Бухарестскому) выговаривавшей у султана разныя льготы въ пользу грековъ. Въ частности руководители возстанія сильно разсчитывали на вліяніе близкихъ къ императору Александру лицъ: статсъ-секретаря графа Каподистрію и генералъ-адъютанта русской службы Ипсиланти, которые сами были наиболѣе дѣятельными членами такъ называемыхъ „гетерій" или патріотическихъ тайныхъ обществъ, организованныхъ въ Европѣ и Греціи съ цѣлью возстановленія греческой свободы. Но Александръ I, связанный постановленіями Священнаго Союза, члены котораго обязались подавлять всѣ революціонныя движенія въ Европѣ (къ какимъ Меттернихъ приравнивалъ и возстаніе грековъ), несмотря на всѣ симпатіи къ грекамъ, не рѣшался оказать имъ содѣйствіе и даже уволилъ изъ русской службы Ипсиланти, когда узналъ о его участіи въ возстаніи. Только впослѣдствіи, возмущенный варварствами турокъ (при подавленіи возстанія тысячами вырѣзавшихъ женщинъ и дѣтей, повѣсившихъ въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе греческаго патріарха и трехъ митрополитовъ въ полномъ облаченіи и т. д.) и грубыми отвѣтами правительства султана на представленія русскихъ пословъ по этому поводу, сталъ было готовиться къ разрыву съ Турціей.

Между тѣмъ геройская отвага грековъ въ неравной борьбѣ съ турецкими полчищами возбудила къ нимъ общее сочувствіе въ Европѣ, многіе частные люди жертвовали деньгами и оружіемъ въ пользу возставшихъ и даже сами становились въ ихъ ряды; общественное мнѣніе, особенно въ Англіи и Франціи, стало замѣтно оказывать свое воздѣйствіе и на правительства этихъ странъ. Дѣло видимо клонилось къ вмѣшательству Европы въ дѣла Турціи и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда греки, уже образовавшіе было свое „временное правительство" съ республиканскимъ характеромъ, совсѣмъ разгромлены были превосходными силами турокъ. При такомъ положеніи греческихъ дѣлъ вступилъ на престолъ императоръ Николай I. Онъ далъ новое направленіе русской политикѣ по отношенію къ Турціи и рѣшилъ принять дѣятельное участіе въ освобожденіи грековъ и другихъ христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Правительства Англіи, а затѣмъ и Франціи, отчасти подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, а еще

болѣе изъ опасеній, какъ бы Россія не рѣшила вопроса о грекахъ единолично, поспѣшили примкнуть къ Россіи, и между этими тремя державами состоялось соглашеніе, въ силу котораго они сообща сдѣлали Турціи предложеніе прекратить преслѣдованіе грековъ и дать имъ внутреннее самоуправленіе съ тѣмъ, чтобы греки платили Турціи ежегодную дань. На случай отказа Турціи, державы особой секретной статьей Лондонскаго трактата, заключеннаго въ іюлѣ 1827 г., условились силой добиваться прекращенія кровопролитной борьбы между греками и турками. Когда султанъ отвѣтилъ отказомъ на представленія державъ, то три соединенныя эскадры—русская, французская и англійская подошли (30 октября 1827 г.) къ гавани при *Наваринѣ* (въ Мореѣ), гдѣ стоялъ турецкій флотъ, съ цѣлью задержать его движеніе. Турки открыли огонь, союзники отвѣчали тѣмъ же, и превосходство ихъ артиллеріи рѣшило судьбу боя въ нѣсколько часовъ: изъ 82 турецкихъ судовъ осталось всего 29, да и то попорченныхъ выстрѣлами, остальныя пошли ко дну или сгорѣли.

Крайне раздраженный наваринскимъ пораженіемъ, султанъ (Махмудъ) порвалъ дипломатическія сношенія съ тремя державами и сталъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, считая ее виновницей всѣхъ бѣдствій турокъ. Въ мечетяхъ Оттоманской имперіи прочитанъ былъ особый манифестъ (гатишерифъ), призывавшій мусульманъ къ поголовному ополченію за вѣру и отечество; русскихъ султанъ называлъ заклятыми врагами Турціи, которые уже 60 лѣтъ пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на Турцію, а теперь вошли въ заговоръ съ греками и подбиваютъ другія державы стереть самое имя Турціи съ лица земли и т. д.

Въ отвѣтъ на это императоръ Николай въ своемъ манифестѣ заявилъ, что онъ вовсе не намѣренъ уничтожать Турцію, но требуетъ отъ нея только соблюденія прежнихъ договоровъ относительно внутренней самостоятельности Сербіи, Молдавіи и Валахіи и признанія независимости Греціи на извѣстныхъ условіяхъ.

Война началась весною 1828 года и окончилась осенью 1829 года. Она происходила и на Балканскомъ полуостровѣ и въ Закавказьи. Арміей, назначенной дѣйствовать въ Румыніи, командовалъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, въ Закавказьи—графъ Паскевичъ. Одновременно съ сухопутными силами долженъ былъ дѣйствовать и черноморскій флотъ подъ начальствомъ князя Меншикова.

Турки, сознавая свою отсталость въ вооруженіи и умѣньи вести войну сравнительно съ русскими, силу которыхъ они уже испытали въ прежнихъ войнахъ, не рѣшались противодѣйствовать нашей арміи

въ открытомъ полѣ, но заперлись въ крѣпостяхъ: Браиловѣ, Варнѣ, Шумлѣ и Силистріи. Витгенштейнъ, пользуясь превосходствомъ силъ, успѣлъ взять *Браиловъ*, несмотря на отчаянную защиту его турками, и затѣмъ, въ присутствіи и по указаніямъ самого государя, присутствовавшаго въ арміи, переправилъ войска черезъ Дунай. Послѣ этого началась осада *Варны* и *Шумлы*. Первую, при содѣйствіи флота съ моря, русскимъ скоро удалось захватить въ свои руки, и такимъ образомъ путь черезъ Балканы внутрь Турціи со стороны моря былъ открытъ. Но осада Шумлы затянулась, взятіе же ея штурмомъ представлялось невозможнымъ въ виду недостаточнаго количества осаждавшихъ, силы укрѣпленій и многочисленности гарнизона, въ рядахъ котораго сосредоточились лучшія войска турокъ подъ начальствомъ великаго визиря. Между тѣмъ престарѣлаго и больного Витгенштейна смѣнилъ энергичный генералъ *Дибичъ*. Окруживъ частью войскъ Силистрію, онъ ложными диверсіями выманилъ изъ Шумлы главныя силы турокъ, разсчитывавшихъ оттѣснить русскихъ снова за Дунай и освободить Силистрію отъ осады, и затѣмъ отрѣзалъ имъ дорогу къ крѣпости. Полагая, что въ тылу у нихъ расположился лишь незначительный русскій отрядъ, турки смѣло двинулись въ горныя тѣснины, чтобы расчистить себѣ обратную дорогу, и неожиданно наткнулись на самого Дибича. Великій визирь былъ разбитъ на-голову и разрозненные остатки его арміи едва успѣли спастись окольными путями въ укрѣпленіе Шумлы. *Силистрія* послѣ этого, потерявши надежду на помощь, сдалась. Тогда Дибичъ, оставивъ подъ Шумлой сильный отрядъ, съ главными силами своими смѣло двинулся черезъ Балканы, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ перешелъ ихъ и подошелъ къ второй столицѣ Турціи—Адріанополю *).

Не менѣе успѣшно шли дѣла русскихъ и на другомъ театрѣ войны—въ Закавказьи, гдѣ дѣйствовалъ Паскевичъ. Не дожидаясь сосредоточенія турецкихъ силъ, онъ съ небольшимъ (12 тыс.), но испытаннымъ уже въ бояхъ съ персами и увѣреннымъ въ своемъ полководцѣ войскомъ успѣлъ захватить двѣ важныя турецкія крѣпости *Карсъ* и *Ахалцыхъ* **) и затѣмъ, получивъ подкрѣпленія, разбилъ

*) За эти подвиги Дибичъ получилъ отъ императора Николая титулъ графа съ прозваніемъ Забалканскаго.

**) Во время этой войны былъ моментъ, когда Россіи грозилъ разрывъ съ Персіей. Въ столицѣ шаха Тегеранѣ возмутившаяся чернь убила русскаго посланника Грибоѣдова (извѣстнаго писателя) и перебила большую часть его свиты. Шахъ поспѣшилъ, однако, послать въ Петербургъ особое посольство съ своимъ внукомъ во главѣ и въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи иностранныхъ пословъ, передалъ свои извиненія вмѣстѣ съ обѣщаніемъ строго наказать виновныхъ. Въ виду этого и не желая осложнять войну съ Турціей разрывомъ съ Персіей, Николай I рѣшилъ предать забвенію происшествіе въ Тегеранѣ.

въ открытомъ бою двѣ турецкія арміи и занялъ *Эрзерумъ.* Въ свою очередь, черноморскій флотъ захватилъ на восточномъ берегу Чернаго моря Анапу и Поти.

Блистательные успѣхи русскихъ войскъ на обоихъ театрахъ войны и опасность, которая грозила Адріанополю и вслѣдъ за нимъ и Константинополю, заставили султана просить *мира,* который и былъ заключенъ *въ Адріанополѣ* (1829 г.). По условіямъ этого мира, изъ всѣхъ своихъ завоеваній Россія удержала только восточное побережье Чернаго моря (съ крѣпостью Анапой, Поти и Ахалцыхомъ), необходимое намъ для безопасности Закавказскаго края, и острова при устьѣ Дуная, но безъ права строить на нихъ крѣпости. Кромѣ того русскимъ подданнымъ предоставлена была полная свобода торговли по всей Турціи; торговыя суда Россіи и другихъ державъ, дружественныхъ съ Турціей, получили право свободнаго прохода чрезъ Дарданеллы и Босфоръ. Турція обязывалась уплатить Россіи контрибуцію за военныя издержки. Молдавія, Валахія и Сербія получили внутреннюю самостоятельность съ правомъ избирать государей не на срокъ, какъ было прежде, но пожизненно, съ уплатой Турціи ежегодной дани, и признавались состоящими подъ покровительствомъ Россіи. Наконецъ Турція, по тому же договору, признала независимость Греціи (впослѣдствіи, по взаимному согласію державъ, образовано было особое Греческое королевство, въ составъ котораго вошли Морея и часть Балканскаго полуострова, такъ называемыя Средняя и Южная Греція до Эпира и нѣкоторые острова Архипелага).

Условія Адріанопольскаго мира, по общему признанію даже враговъ Россіи, были болѣе, чѣмъ умѣренныя. Россія выговорила по нему очень много для другихъ и очень мало для себя. Самой крупной уступкой, но уже неизбѣжной для Турціи и безъ войны съ Россіей, былъ только отказъ отъ Греціи. Умѣренность императора Николая въ его требованіяхъ относительно Россіи стояла въ связи съ словами его манифеста предъ войной, гдѣ онъ заявлялъ, что не ищетъ уничтоженія Турціи, а равно убѣжденіемъ, что сама Турція, а равно другія державы и прежде всего Австрія, болѣе всѣхъ волновавшаяся при успѣхахъ русскаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ, сумѣютъ оцѣнить благородство побужденій, руководившихъ русскимъ правительствомъ. Императоръ Николай, неизмѣнно до конца жизни благоволившій къ Австріи, не зналъ въ эту пору, что она вмѣстѣ съ Англіей въ самый разгаръ войны 1828 — 1829 гг. усиленно пыталась составить коалицію противъ Россіи и предлагала Пруссіи и Франціи общими силами принудить Россію къ миру, но этому воспротивилась Франція въ лицѣ Карла X, стоявшаго тогда за Россію. Впослѣдствіи и Франція перешла на сторону враговъ Россіи. Вообще военные успѣхи въ Россіи въ этой войнѣ вызвали сильныя опасенія во всей Европѣ и отказъ Рос-

сіи отъ захваченныхъ ею у турокъ крѣпостей лишилъ ее впослѣдствіи точки опоры при новой борьбѣ съ Турціей въ 1853 г.

Правда, вліяніе Россіи въ столицѣ султана послѣ побѣдъ 1828 года чрезвычайно усилилось. Желанія русскаго посла значили здѣсь иногда не меньше, чѣмъ приказы самого султана. Еще болѣе увеличилось обаяніе Россіи послѣ того, какъ Николай I оказалъ султану содѣйствіе въ борьбѣ его съ возмутившимся противъ Турціи египетскимъ пашою Махметомъ-Али. Появившійся въ водахъ Босфора русскій флотъ *) заставилъ другія державы, не желавшія допустить одиночнаго воздѣйствія Россіи, оказать свое давленіе на непокорнаго пашу. Въ благодарность за это султанъ, по требованію русскаго правительства, обязался (по договору въ *Гункіаръ-Скелесси* 1833 г.) закрыть Босфоръ и Дарданеллы для прохода военныхъ судовъ европейскихъ державъ. По убѣжденію императора Николая, это постановленіе, санкціонированное потомъ и другими державами, предохраняя русскіе берега Чернаго моря отъ непріятельскаго нашествія, стоило двухъ союзныхъ армій. Вторая война съ Турціей въ 1853 г., причемъ флоты державъ вошли въ Черное море, засвидѣтельствовала однако, что самые опредѣленные и утвержденные всѣми договоры и обѣщанія безъ матеріальной гарантіи въ ихъ исполненіи не обезпечиваютъ еще ничьей безопасности.

Польское возстаніе 1830 г. Присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго при Александрѣ I и дарованная ему послѣднимъ конституція сильно подняли матеріальное благосостояніе Польши. Подъ защитой Россіи отъ внѣшнихъ враговъ трудолюбивый польскій народъ быстро оправился отъ перенесенныхъ имъ ранѣе невзгодъ, доходы страны значительно возросли, населеніе за первыя 15 лѣтъ почти удвоилось (съ 2½ до 4 мил. чел.). Въ связи съ этимъ, а также относительной свободой, дарованной Польшѣ, замѣтно двинулись впередъ литература и просвѣщеніе въ краѣ. Польша покрылась сѣтью учебныхъ заведеній, причемъ правительствомъ было основано нѣсколько высшихъ и значительное число среднихъ и спеціальныхъ школъ (университетъ въ Варшавѣ, двѣ военныхъ академіи, женскій институтъ, школа земледѣлія и пр.). Сами поляки признавались, что „никогда Польша не была такъ счастлива, какъ во времена Александра I, и если бы продолжала идти по этому пути, то скоро забыла бы 200 лѣтъ своей анархіи и стала бы на ряду съ образованнѣйшими государствами Европы“. Интеллигенція страны желала, однако, большаго. Дарованныя краю свободныя учрежденія, какихъ не имѣли и сами русскіе, не удовлетворяли ее. Поляки мечтали о полной незави-

*) Предъ отправленіемъ флота имѣлъ мѣсто эпизодъ, характеризующій отношеніе Николая I къ способамъ веденія войны. Отправленный въ Александрію съ ультиматумомъ пашѣ Махмету-Али, посолъ указывалъ государю на возможность оказать помощь султану инымъ способомъ, не жертвуя силами Россіи, а только направивъ на египетскаго пашу персіянъ. „У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ“, отвѣтилъ ему государь.

симости Польши, о возстановленіи ея какъ отдѣльнаго государства въ предѣлахъ, какіе она имѣла до раздѣловъ со включеніемъ Литвы, Бѣлоруссіи и Волыни. Свои требованія они основывали на томъ, что хотя главная масса населенія въ этихъ областяхъ — крестьянство — и не принадлежала къ польской народности, но зато высшіе образованные классы состояли изъ поляковъ-католиковъ или ополяченныхъ русскихъ и литовцевъ. На почвѣ этихъ стремленій съ первыхъ же дней обнародованія конституціи обнаружилась на сеймѣ сильная оппозиція правительству, вызвавшая недовольство Александра I и нѣкоторыя ограниченія въ дѣятельности сейма (напр., отмѣну публичности засѣданій и пр.).

Съ другой стороны немедленно послѣ присоединенія къ Россіи Царства Польскаго тамъ стали формироваться тайныя общества съ различными наименованіями (національныхъ масоновъ, патріотовъ и др.), которые взяли на себя подготовку возстанія съ цѣлью отложиться отъ Россіи. Началась пропаганда и въ арміи черезъ сочувствовавшихъ идеѣ возстанія офицеровъ; въ нѣкоторыхъ полкахъ возникли революціонныя общества. Привлекались къ заговору и воспитанники военныхъ школъ. Много содѣйствовало движенію и католическое духовенство; въ сторонѣ отъ него оставался только простой народъ. Наиболѣе вліятельными и видными дѣятелями въ сферѣ революціонной пропаганды были князь Адамъ *Чарторижскій*, бывшій нѣкогда интимнымъ другомъ Александра I и нѣкоторое время состоявшій даже товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, и историкъ *Лелевель*. Первый находился во главѣ такъ называемой аристократической партіи и стоялъ за конституціонное устройство; послѣдній былъ главаремъ демократической и былъ сторонникомъ республики. Ихъ раздѣляли только планы относительно будущаго устройства Польши (отсюда и самое названіе партій), но оба они сходились въ намѣреніи поскорѣе приступить къ дѣлу возстанія. Между прочимъ поляки входили въ сношенія и съ декабристами, которые сочувственно относились къ проекту возстановленія Польши. Когда заговоръ декабристовъ былъ открытъ и обнаружена связь съ ними нѣкоторыхъ польскихъ дѣятелей, дѣло о послѣднихъ передано было въ Главное Управленіе края, которое послѣ разслѣдованія постановило освободить ихъ.

Сокрытію слѣдовъ заговора не мало помогало и то обстоятельство, что „намѣстника Царства Польскаго“ великаго князя Константина Павловича окружали со всѣхъ сторонъ люди, которые, отчасти, быть можетъ, и искренно, твердили о преданности поляковъ Россіи, склонны были на все смотрѣть сквозь призму польскихъ симпатій и объяс-

нять случайными увлеченіями и легкомысліемъ обнаруживавшіеся иногда факты революціонной пропаганды. Хуже всего было то, что эта пропаганда членами тайныхъ обществъ безпрепятственно велась въ школахъ и подготовляла къ возстанію юношество не только въ польскихъ областяхъ, но и въ сосѣдней Литвѣ, Волыни и Украйнѣ. Въ этомъ духѣ дѣйствовалъ между прочимъ и князь Адамъ Чарторижскій, бывшій кураторомъ (попечителемъ) Виленскаго учебнаго округа, мечтавшій посредствомъ школъ, во множествѣ учрежденныхъ имъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ и снабженныхъ польскими учителями, полонизировать все русское населеніе Западнаго края. Такъ же дѣйствовалъ и другой вліятельный пропагаторъ польскаго вліянія графъ *Чацкій*, наблюдатель школъ на Волыни, Украйнѣ и Подоліи, который на свой счетъ основалъ Кременецкій лицей и больше сотни школъ. Историкъ Лелевель въ свою очередь увлекалъ своими лекціями о древнемъ величіи и блескѣ Польши слушателей Виленскаго университета (основаннаго при Александрѣ) и сдѣлалъ его разсадникомъ пропагандистовъ велико-польской идеи для всего Западнаго края.

Въ началѣ царствованія Николая I, подъ вліяніемъ слуховъ о несочувствіи новаго государя конституціоннымъ учрежденіямъ, розпившіяся дотолѣ въ планахъ о будущемъ устройствѣ Польши партіи и различныя тайныя общества порѣшили соединиться въ одинъ большой патріотическій союзъ и выжидали только благопріятнаго случая, чтобы начать открытое возстаніе.

Императоръ Николай, строгій исполнитель не только договоровъ, но даже и словесныхъ обѣщаній, не давалъ, однако, и не желалъ давать повода къ какому либо нарушенію установленнаго въ Польшѣ порядка. Стоявшее въ связи съ этимъ намѣреніе Николая I торжественно короноваться въ Варшавѣ короною польскихъ королей не остановило, однако, польскихъ революціонеровъ. Конецъ марта, когда должно было, по слухамъ, состояться коронованіе, назначенъ былъ даже срокомъ для возстанія. Коронація, однако, состоялась благополучно (въ маѣ 1829 г.); планъ не былъ осуществленъ. Іюльская революція во Франціи въ 1830 г. дала новый толчокъ нетерпѣнію польскихъ патріотовъ и особенно молодежи, особенно когда получено было извѣстіе, что Николай I, желая активно противодѣйствовать распространенію революціи, назначилъ русскимъ войскамъ, въ томъ числѣ и части польской арміи, походъ въ Бельгію. Опасаясь лишиться оружія и солдатъ, недовольные стали торопиться съ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій. Одинъ изъ прапорщиковъ польскаго войска предупредилъ великаго князя Константина о заговорѣ, но тотъ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Въ ночь

на 17 ноября 1830 года толпа заговорщиковъ, состоявшая изъ молодыхъ офицеровъ и воспитанниковъ военныхъ школъ, подъ предводительствомъ одного поручика (Высоцкаго), внезапно вторглась въ Бельведерскій загородный дворецъ Константина Павловича съ цѣлью убить его или захватить въ плѣнъ. Камердинеръ успѣлъ, однако, разбудить великаго князя и предупредить его объ опасности. Заговорщики изранили только нѣсколько человѣкъ изъ среды приближенныхъ и прислуги. Константинъ успѣлъ удалиться къ войску. Тогда заговорщики разграбили арсеналъ и роздали оружіе черни, возбудивъ ее и часть польскихъ солдатъ ложными криками, что русскіе рѣжутъ поляковъ и жгутъ городъ. Нѣкоторые изъ польскихъ генераловъ и офицеровъ, сохранившихъ вѣрность Россіи и пытавшихся остановить движеніе, были звѣрски умерщвлены. Считая возстаніе простой вспышкой и междоусобицей собственно среди поляковъ и не желая еще болѣе раздражать враждующія партіи и обострять положеніе, Константинъ Павловичъ, по совѣту приближенныхъ къ нему польскихъ офицеровъ, удержалъ русское войско отъ энергическихъ дѣйствій и даже удалился съ нимъ и однимъ изъ польскихъ полковъ изъ Варшавы въ сосѣднюю деревню, чтобы наглядно показать, какъ онъ выразился, что „русскимъ нечего дѣлать въ польской дракѣ“. Уходъ русскихъ войскъ понятъ былъ всѣми какъ признакъ слабости, и возстаніе въ Варшавѣ сразу приняло огромные размѣры. Даже наиболѣе сдержанныя лица изъ среды польской администраціи примкнули къ нему. На другой день къ великому князю явилась депутація изъ Варшавы, въ составъ которой вошло нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ административнаго совѣта при намѣстникѣ, и потребовала возстановленія Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ съ присоединеніемъ западно-русскихъ областей. Константинъ Павловичъ былъ пораженъ этимъ требованіемъ и сказалъ только, что онъ не уполномоченъ своимъ братомъ вести о томъ переговоры, и посовѣтовалъ депутатамъ обратиться непосредственно къ государю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что покидаетъ Варшаву и предоставляетъ самимъ полякамъ разобраться въ своихъ недоразумѣніяхъ. Оставшимся при немъ польскимъ войскамъ онъ разрѣшилъ возвратиться въ Варшаву, а самъ съ русскими войсками отступилъ къ границамъ Россіи, не пытаясь, въ виду ихъ немногочисленности, бороться съ возстаніемъ. Это еще болѣе воодушевило революціонеровъ и отняло послѣднюю энергію у людей умѣренныхъ и преданныхъ русскимъ интересамъ. Административный Совѣтъ былъ немедленно упраздненъ и въ Варшавѣ образовано временное правительство, при чемъ генералъ *Хлопицкій* былъ провозглашенъ „диктаторомъ“. Онъ сражался нѣкогда подъ знаменами Костюшки

и отличался потомъ въ Наполеоновскихъ войскахъ, и на его военные таланты поляки возлагали большія надежды. Хлопицкій, какъ человѣкъ, знавшій военное дѣло и составъ польскаго войска, понималъ, что Польшѣ не подъ силу бороться съ Россіей, а потому настоялъ, чтобы въ Петербургъ отправлены были депутаты съ цѣлью попытаться путемъ мирныхъ переговоровъ добиться самостоятельности Польши. Императоръ Николай заявилъ депутаціи, что онъ обѣщаетъ дать полякамъ амнистію, если они немедленно покорятся, но что первый пушечный выстрѣлъ ихъ въ русскія войска послужитъ сигналомъ гибели Польши. Въ этомъ смыслѣ составлено было и обращеніе къ польскому народу, но было уже поздно. Партія войскъ съ Лелевелемъ во главѣ взяла верхъ, Хлопицкій сложилъ съ себя диктатуру. Былъ созванъ сеймъ, который объявилъ династію Романовыхъ низложенной съ польскаго престола и выбралъ новаго главнокомандующаго, князя Радзивилла, не выдѣлявшагося по своимъ военнымъ талантамъ и познаніямъ, но зато очень энергичнаго и смѣлаго человѣка.

По приказу Николая I стотысячная русская армія, подъ начальствомъ извѣстнаго героя турецкой войны графа Дибича-Забалканскаго, въ январѣ 1831 г. двинулась къ предѣламъ Царства Польскаго. Польская армія стараніями Константина Павловича, который много и съ любовію занимался ея организаціей, была устроена хорошо, но уступала въ численности русской и не имѣла боевой подготовки русскихъ войскъ. Наскоро собранные въ дополненіе къ ней новобранцы совсѣмъ не подготовлены были къ войнѣ, хотя всѣ они и были сильно воодушевлены проповѣдями католическаго духовенства и внушеніями своихъ офицеровъ. При первомъ же крупномъ столкновеніи съ Дибичемъ (битва при Гроховѣ) поляки были разбиты и отступили за Вислу къ Варшавѣ, гдѣ и думали организовать сопротивленіе, опираясь на укрѣпленія города.

Дибичъ разсчитывалъ быстро и однимъ ударомъ покончить съ поляками, и потому не озаботился о надлежащемъ запасѣ продовольствія для войска. Между тѣмъ распутица задержала движеніе, и стѣсненная въ продовольствіи армія должна была остановиться и растянулась вдоль праваго берега Вислы, чтобы удобнѣе добывать припасы на мѣстѣ. Этимъ воспользовался новый главнокомандующій *Скржинецкій*, назначенный вмѣсто неспособнаго Радзивилла, и успѣлъ разбить, пользуясь превосходствомъ силъ, корпусъ барона Розена. Эта удача не имѣла особенныхъ послѣдствій, но сильно подняла духъ поляковъ *).

*) На Волыни, а равно и въ Литвѣ также организовано было возстаніе. Въ первой оно особеннаго успѣха не имѣло. Возстали только помѣщики-поляки и съ небольшими отрядами своей дворни и мелкой шляхты присоединились къ посланнымъ сюда польскимъ вой-

Посланный въ подкрѣпленіе войскамъ Дибича гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича былъ стремительно атакованъ Скржинецкимъ, но отбилъ нападеніе. Послѣдній отступилъ къ Остроленкѣ и здѣсь былъ въ свою очередь атакованъ самимъ Дибичемъ и разбитъ. Дорога на Варшаву была теперь открыта для русской арміи, но какъ разъ въ эту пору Дибичъ скончался отъ холеры, которая съ страшной силой свирѣпствовала въ это время въ Россіи, особенно въ Москвѣ и Петербургѣ *) и занесена была въ войска, замедляя ихъ дѣйствія (Жертвою той же болѣзни былъ и великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся при русскомъ войскѣ).

Въ военныхъ дѣйствіяхъ наступила снова заминка, давшая опять возможность полякамъ оправиться и приготовиться къ отпору у Варшавы.

На мѣсто Дибича назначенъ былъ Паскевичъ, который и не замедлилъ переправиться черезъ Вислу и двинуться къ Варшавѣ. Скржинецкій не сумѣлъ помѣшать его переправѣ и былъ смѣненъ. Въ Варшавѣ возникли смуты и волненія, сопровождавшіяся насиліями и убійствами черные лицъ, подозрѣвавшихся въ „измѣнѣ“. Назначенный президентомъ польской республики Круковецкій и новый главнокомандующій престарѣлый генералъ Малаховскій не сумѣли остановить дикаго разгула страстей. Никакія воззванія къ благоразумію и умѣренности, никакія указанія на безполезность сопротивленія русскимъ, стоявшимъ у границъ города, не дѣйствовали. На предложеніе Паскевича, во избѣжаніе кровопролитія и на условіи амнистіи всѣхъ возставшихъ, добровольно покориться и сдать Варшаву отвѣчали рѣзкимъ отказомъ. 25-го августа Паскевичъ двинулъ войска на штурмъ Варшавы и въ тотъ же день овладѣлъ предмѣстьемъ Волей и первой линіей укрѣпленій, на другой день, послѣ отчаяннаго сопротивленія, взяты были и остальныя укрѣпленія, и Варшава сдалась на капитуляцію уже безъ всякихъ условій.

Остатки польскихъ войскъ въ количествѣ 20 тыс. человѣкъ вмѣстѣ съ предводителями возстанія были преслѣдуемы до предѣловъ

скамъ. Но масса русскихъ крестьянъ не примкнула къ движенію и даже отнеслась къ нему враждебно. При такихъ условіяхъ польскіе отряды скоро были оттѣснены за австрійскую границу въ Галицію, здѣсь были обезоружены и возстаніе прекратилось.—Опаснѣе было движеніе въ Литвѣ. Здѣсь польскіе паны довольно успѣшно вербовали въ свои банды единовѣрныхъ съ ними литовскихъ крестьянъ, пользуясь содѣйствіемъ католическаго духовенства. Подавить возстаніе здѣсь было труднѣе. Но такъ какъ центръ края—Вильна—былъ занятъ русскими войсками, а подступы поляковъ къ этому городу были отбиты съ большими потерями, то посланное на помощь возставшимъ полякамъ войско, не имѣя для себя опоры ни въ одной крѣпости, тоже было вытѣснено изъ Литвы и вслѣдъ затѣмъ движеніе утихло.

*) Въ Петербургѣ холера вызвала даже бунтъ среди черни, въ разгаръ котораго Николай I самъ лично, безъ всякой охраны, явился среди бунтующей толпы на Сѣнной площади и однимъ своимъ словомъ привелъ ее въ повиновеніе.

Пруссіи, гдѣ и вынуждены были сложить оружіе. Вся борьба русскихъ войскъ съ возстаніемъ продолжалась восемь мѣсяцевъ. Результатомъ необдуманно поднятаго возстанія было уничтоженіе польской конституціи, отдѣльнаго финансоваго устройства, особаго польскаго войска, сейма и другихъ формъ автономнаго управленія. Взамѣнъ отмѣненной во всемъ объемѣ „Учредительной хартіи" былъ изданъ (въ 1832 г.) такъ называемый *Органическій Статутъ*, по которому устройство Польши было приравнено къ другимъ частямъ Имперіи. Царство Польское раздѣлено было на 5 губерній: Варшавскій и Виленскій университеты (а равно и Кременецкій лицей) были закрыты и взамѣнъ ихъ для уроженцевъ западныхъ областей былъ основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Главное управленіе краемъ сосредоточено было въ рукахъ намѣстника, которымъ былъ назначенъ Паскевичъ, получившій титулъ князя Варшавскаго. Рѣшительными мѣрами онъ быстро возстановилъ порядокъ и спокойствіе въ взволнованномъ краѣ и сосредоточилъ всѣ усилія на поддержаніи тамъ русской власти.

Венгерскій походъ (1849 г.). Февральская революція во Франціи (1848 г.) отразилась народными движеніями почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ Западной Европы и всего сильнѣе въ разноплеменной Австріи. Увлекаемые пылкимъ агитаторомъ Кошутомъ, венгры подняли оружіе противъ Австріи, одержали нѣсколько побѣдъ надъ австрійскими войсками и провозгласили независимую венгерскую республику. Императоръ австрійскій Фердинандъ, подъ вліяніемъ тягостныхъ для него событій, отказался отъ престола, а его преемникъ молодой Францъ-Іосифъ просилъ помощи у Николая I. Императоръ Николай поспѣшилъ отозваться на эту просьбу, тѣмъ болѣе, что поляки-эмигранты приняли участіе въ венгерскомъ возстаніи, и можно было опасаться вліянія его и на наши польскія провинціи. 130 тысячная русская армія подъ предводительствомъ Паскевича вступила черезъ Галицію въ Венгрію (при чемъ всѣ расходы по содержанію войскъ были приняты Россіей на себя). Походъ этотъ былъ для нашихъ войскъ побѣдоноснымъ шествіемъ. Ни по устройству арміи, ни по умѣнью владѣть оружіемъ венгры не могли идти ни въ какое сравненіе съ русскими солдатами. При первыхъ же успѣхахъ русскаго оружія Кошутъ бѣжалъ, передавъ диктатуру Гергею. Но тотъ уже не могъ поправить безнадежнаго дѣла и при Вилагоссѣ сдался на капитуляцію со всей своей арміей русскому генералу Ридигеру (въ августѣ 1849 г.).

Это прямое вмѣшательство въ дѣла Австріи, не принеся намъ какихъ-либо прямыхъ и осязательныхъ выгодъ, сильно возбудило общественное мнѣніе Европы и опасенія державъ за политическое равновѣсіе

и послужило толчкомъ къ соглашенію западныхъ державъ противъ Россіи. Спасенная русскимъ оружіемъ отъ гибели Австрія скоро „удивила міръ своею неблагодарностію“, по выраженію одного изъ ея же министровъ. Что касается венгровъ, составившихъ потомъ наиболѣе вліятельную по своему значенію народность въ разноязычной Австріи, то они и доселѣ не могутъ простить Россіи позора Вилагоссы.

Восточная (Крымская) война 1853—1856 г. Исключительное положеніе, пріобрѣтенное Россіей послѣ побѣды 1828 г. въ Константинополѣ, вызвало общую зависть и боязнь, что „восточный вопросъ“ (какъ называли всѣ вопросъ о существованіи Оттоманской имперіи и преимущественно европейскихъ владѣній турецкаго султана въ связи съ устройствомъ судьбы его христіанскихъ подданныхъ) рѣшится всецѣло въ пользу Россіи и исключительно ея силами. Къ этому присоединился страхъ предъ возраставшимъ военнымъ могуществомъ Россіи и недовольство ея преобладаніемъ въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Все это повело въ концѣ концовъ къ образованію противъ Россіи коалиціи, въ составъ которой вошли: Турція, выставленная первымъ застрѣльщикомъ въ войнѣ, далѣе Англія, Франція и Сардинія, на сторону коихъ склонилась Австрія, а отчасти и Пруссія. Душой всего предпріятія, имѣвшаго цѣлью, во-первыхъ, вырвать изъ рукъ Россіи восточный вопросъ *) и, во-вторыхъ, ослабить ея военное могущество, были Англія и Франція, имѣвшія въ данномъ случаѣ и свои спеціальныя цѣли. Англія, въ лицѣ ея перваго министра лорда Пальмерстона, не могла простить Россіи ея успѣховъ въ Азіи и сама желала воспользоваться наслѣдствомъ „больного человѣка“, т. е. Турціи; во Франціи Наполеонъ III, только что избранный императоромъ послѣ переворота 2-го декабря, сознавая непрочность своей власти, думалъ отвлечь вниманіе французовъ отъ внутреннихъ вопросовъ популярной въ ихъ глазахъ войной съ Россіей и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить чувство личнаго раздраженія противъ императора Николая I, не соглашавшагося признать его равнымъ себѣ государемъ.

Непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ, получившей названіе восточной, послужилъ вопросъ о *Святыхъ Мѣстахъ* въ Іерусалимѣ. Поддаваясь внушеніямъ со стороны Наполеона III, султанъ сдѣлалъ въ Палестинѣ нѣкоторыя уступки въ пользу католиковъ; между прочимъ отъ іерусалимскаго патріарха отняты были ключи отъ Виолеемскаго храма и переданы католическому духовенству. Возникъ общій

---

*) Отсюда произошло и самое названіе войны. Она именуется также Крымской или Севастопольской кампаніей по мѣсту главнаго столкновенія враждующихъ сторонъ.

вопросъ о признаніи правъ греческой церкви, а также и привилегій православныхъ христіанъ въ Турціи сравнительно съ католиками. Николай энергически вступился за права православныхъ и потребовалъ удовлетворенія. Къ удивленію русскаго посла князя Меншикова, султанъ, покорный дотолѣ всякимъ требованіямъ Россіи, отказалъ. Тогда императоръ Николай I приказалъ русскимъ войскамъ (80 тыс.) занять подчиненныя султану Дунайскія княжества Молдавію и Валахію „въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливыхъ требованій Россіи". Это вызвало протестъ Порты, по поводу котораго собрана была въ Вѣнѣ конференція уполномоченныхъ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. Результатомъ конференціи была нота, посланная въ Петербургъ, съ предложеніемъ ради соблюденія мира вывести русскія войска изъ княжествъ и пр. Къ удивленію искателей и зачинщиковъ войны, нота эта была принята Николаемъ I безусловно. Онъ не желалъ кровопролитія и готовъ былъ слѣдовать совѣту друзей Россіи, какими считалъ Австрію и Пруссію. Тогда по наущенію англійскаго посла въ Константинополѣ, Порта предложила новыя дополненія къ нотѣ, носившія характеръ явнаго вызова. Разрывъ такимъ образомъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и въ сентябрѣ 1853 г. Турція объявила войну Россіи, а черезъ мѣсяцъ французскій и англійскій флоты (стоявшіе на-готовѣ въ бухтѣ Безикъ) прибыли въ Босфоръ. Николай I ясно увидѣлъ, что конференція была только средствомъ выгадать время и дать Турціи и ея союзникамъ подготовиться къ войнѣ.

Это было тѣмъ печальнѣе, что сама Россія не готовилась къ войнѣ и не успѣла закончить перевооруженіе арміи. Въ ту пору какъ у союзниковъ, снабжавшихъ и Турцію своимъ оружіемъ, вся пѣхота была вооружена дальнобойными ружьями, у насъ вооруженіе большинства воинскихъ частей состояло изъ старыхъ кремневыхъ ружей, въ порохѣ ощущался недостатокъ. У противниковъ были нарѣзныя и тоже дальнобойныя пушки, у насъ пушки старыхъ образцовъ, и т. д. Что касается флота, то онъ почти исключительно состоялъ изъ парусныхъ судовъ прежней системы и потому не могъ состязаться съ несравненно многочисленнѣйшими флотами двухъ первоклассныхъ морскихъ державъ, каковы были Англія и Франція, обладавшія большимъ числомъ паровыхъ судовъ новѣйшей, по тому времени, конструкціи. Если бы войну пришлось вести съ одной Турціей, то недостатки вооруженія были бы уравновѣшены блестящими качествами русскихъ солдатъ и большимъ знаніемъ военнаго искусства начальниковъ арміи, тѣмъ болѣе, что можно было бы сосредоточить на югѣ и значительныя силы. Теперь же, въ виду ожидавшагося выступленія Англіи и Франціи и угрожающаго положенія, которое приняла относительно насъ Австрія, потребовавшая выхода русскихъ войскъ изъ княжествъ, пришлось разбросать свои силы по разнымъ мѣстамъ и въ побережьи Балтійскаго

моря, и на берегахъ Чернаго, и по западной границѣ, такъ какъ неизвѣстно было, гдѣ послѣдуетъ главный ударъ враговъ.

Первыя военныя дѣйствія были начаты турками въ Закавказьи, гдѣ они внезапнымъ нападеніемъ овладѣли фортомъ св. Николая (на берегу Чернаго моря). Въ подкрѣпленіе посланъ былъ турками флотъ подъ начальствомъ адмирала Османа-паши. Сильный штормъ заставилъ его во время пути укрыться въ *Синопской гавани*, гдѣ и встрѣтилъ его (18-го ноября 1853 г.) вице-адмиралъ Нахимовъ и послѣ непродолжительнаго, полуторачасового, боя уничтожилъ мѣткими выстрѣлами своей эскадры.

Ужасны были для турокъ послѣдствія Синопскаго боя: почти всѣ суда и экипажъ были истреблены, береговыя батареи были срыты. Уцѣлѣлъ только начальникъ эскадры, раненый адмиралъ Османъ-паша, и около 250 чел. экипажа, которые и были захвачены въ плѣнъ и отвезены въ Севастополь. Изъ всего турецкаго флота только одинъ пароходъ успѣлъ уйти въ Константинополь.

Эта блестящая побѣда заставила Францію и Англію открыто выступить на защиту Турціи. Союзный флотъ вошелъ въ Черное море и сталъ бомбардировать Одессу. Бомбардировка эта, впрочемъ, особеннаго вреда Одессѣ не принесла, но только напугала мирныхъ жителей города и распространила панику по всему побережью.

Одесса была защищена весьма слабо. Имѣлось только шесть прибрежныхъ батарей съ 40 крѣпостными орудіями и гарнизона 8 тыс. чел. При защитѣ города особенно отличился поручикъ *Щеголевъ*, командовавшій ближайшей къ врагу небольшой батареей въ 4 орудія. Подъ адскимъ огнемъ 300 орудій, онъ около шести часовъ отстрѣливался отъ врага и успѣлъ всетаки повредить одинъ фрегатъ. Когда у Щеголева была перебита почти вся прислуга, на смѣну явились добровольцы—нѣсколько студентовъ Одесскаго лицея. Попытка союзниковъ высадить на берегу десантъ была отбита огнемъ другихъ батарей, причемъ также повреждено было четыре фрегата.

Одновременно съ этимъ союзники послали свои эскадры въ Балтійское море (гдѣ, однако, они не рѣшились вступить въ борьбу съ твердынями Свеаборга и Кронштадта), въ Бѣлое море (гдѣ они безрезультатно бомбардировали Соловецкій монастырь и г. Колу и захватили нѣсколько мелкихъ купеческихъ судовъ — чѣмъ и ограничились ихъ подвиги) и даже въ Охотское море (тамъ союзная эскадра бомбардировала Петропавловскъ, но успѣха не имѣла и потерпѣла значительный уронъ въ людяхъ).

На Дунайскомъ театрѣ войны турки, несмотря на громадное превосходство въ силахъ, дѣйствовали вяло, не рѣшаясь вступать въ

серьезный бой съ русскими войсками. Здѣсь интересы союзниковъ оберегала Австрія, потребовавшая отъ Россіи отвода войскъ за Дунай и мотивировавшая это волненіями, какія будто бы вызываетъ занятіе русскими княжествъ Молдавіи и Валахіи среди пограничнаго населенія Австріи. Начатая было Паскевичемъ осада Силистріи была снята, послѣ того какъ Австрія собрала въ тылу его значительную армію въ Трансильваніи. Послѣ отступленія русскихъ за Прутъ, Австрія заняла Дунайскія княжества и тѣмъ разъединила воюющихъ или, точнѣе, загородила Турцію и союзниковъ отъ ударовъ Россіи со стороны Дуная *).

Союзники могли теперь сосредоточить дѣйствія свои на южныхъ берегахъ Чернаго моря и избрали предметомъ своего нападенія Севастополь, въ бухтѣ котораго сосредоточенъ былъ русскій черноморскій флотъ. Англичане добивались его истребленія, а также уничтоженія доковъ для постройки кораблей, имѣвшихся въ этой крѣпости.

Осада Севастополя. 1-го сентября 1854 г. союзная армія въ количествѣ 60 тыс. человѣкъ высадилась въ Крыму (около Евпаторіи). Командовавшій русскими войсками въ Крыму кн. Меншиковъ, несмотря на значительное превосходство силъ непріятелей, пытался противиться наступленію врага и съ 30 тыс. чел. задерживалъ союзную армію на берегахъ р. *Альмы* нѣсколько дней, пока его не обошли съ тылу, послѣ чего ему пришлось отступить къ Севастополю.

Потери наши въ этой битвѣ почти вдвое превосходили потери союзниковъ (у насъ пало 5.700 у нихъ 3.000 чел.). Помимо неудачно выбранной Меншиковымъ позиціи, здѣсь впервые сказалось превосходство въ вооруженіи врага: его пули безпрепятственно разстрѣливали нашихъ солдатъ въ ту пору, какъ выстрѣлы изъ кремневыхъ ружей послѣднихъ не достигали цѣли.

На совѣщаніи русскихъ моряковъ между тѣмъ обсуждался вопросъ — какъ быть съ флотомъ: идти ли на бой съ непріятельскими кораблями, или же усилить гарнизонъ и вооруженіе крѣпости 18 тыс. матросовъ и орудіями съ судовъ? Мужество матросовъ, рвавшихся въ бой, не подлежало сомнѣнію, но неудачный исходъ морской битвы представлялся несомнѣннымъ. Суда союзниковъ почти вдвое превосходили численностію нашу эскадру, дальнобойная артиллерія была неизмѣримо лучше и уже издали разстрѣляла бы наши корабли, прежде чѣмъ они

*) Австрія заявляла, что она поступаетъ такъ во имя объявленнаго ею нейтралитета, но какъ оказалось потомъ, между Австріей и Пруссіей былъ заключенъ особый тайный договоръ, въ которомъ было установлено, что если не послѣдуетъ вскорѣ выступленія русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ, то Австрія для пользы Германіи потребуетъ ихъ очищенія, Пруссія же поддержитъ это требованіе, и затѣмъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, обѣ стороны приступятъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ; то же самое они обязывались сдѣлать, если княжества будутъ, въ случаѣ удачной войны, присоединены къ Россіи или же если русскія войска перейдутъ за Балканы.

подошли бы къ врагу, а главное, паровыя суда давали противнику возможность маневрировать во всевозможныхъ направленiяхъ и заставили бы русскiя парусныя суда принять бой въ самыхъ невыгодныхъ условiяхъ. Чтобы не губить такимъ образомъ понапрасну и русскiя суда и моряковъ, рѣшили сосредоточить всѣ силы на защитѣ Севастополя.

Послѣ этого при входѣ въ Севастопольскую бухту затопили нѣсколько старыхъ кораблей, преграждая непрiятельскимъ кораблямъ входъ въ нее. Поставивъ затѣмъ суда въ наиболѣе безопасной части обширнаго рейда, сняли съ нихъ орудiя и усилили тѣмъ вооруженiе крѣпостныхъ батарей, а 18 тыс. матросовъ увеличили гарнизонъ крѣпости. Завѣдыванiе обороной крѣпости раздѣлено было между тремя адмиралами—*Корниловымъ*, *Истоминымъ* и *Нахимовымъ*, уже прославившимися раньше въ морскихъ бояхъ своимъ выдающимся мужествомъ *). Самъ Меншиковъ, чтобы не быть запертымъ въ городѣ, отошелъ съ частью армiи на середину полуострова, прикрывая путь въ Россiю. Севастополь былъ сильно укрѣпленъ съ моря и съ этой стороны былъ недоступенъ, такъ что флотъ непрiятеля былъ осужденъ на чисто служебную роль — подвозить подкрѣпленiя людьми и оружiемъ и припасы, но прямого участiя въ дѣлѣ почти принять не могъ и неоднократно производившаяся бомбардировка города съ моря приносила мало вреда. Зато съ суши Севастополь почти вовсе не былъ укрѣпленъ, чего, къ счастiю, не знали союзники, по силѣ береговыхъ укрѣпленiй города составившiе себѣ преувеличенное понятiе и объ его укрѣпленiяхъ съ суши. Опасаясь неудачи и большихъ потерь при открытомъ штурмѣ крѣпости, они рѣшили повести правильную осаду ея путемъ возведенiя земляныхъ прикрытiй для своихъ войскъ, постепенно приближая ихъ къ бастiонамъ крѣпости. Этимъ воспользовались русскiе и принялись дѣятельно укрѣплять свою оборонительную линiю. Всѣ фортификацiонныя работы велись подъ руководствомъ инженеръ-подполковника *Тотлебена*, сдѣлавшагося съ этого времени душою обороны и составившаго себѣ всемiрную извѣстность. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ онъ успѣлъ возвести такiя земляныя укрѣпленiя, которыя можно было взять только послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

Работа по возведенiю оборонительной линiи кипѣла непрерывно и днемъ и ночью. Работали безъ устали не только войска, но и городскiе жители, не только мужчины, но и женщины и даже дѣти. Бла-

*) О настроенiи защитниковъ крѣпости можетъ дать понятiе слѣдующiй приказъ Корнилова морякамъ: „Товарищи! Будемъ драться до послѣдняго. Отступать намъ некуда. Всѣмъ начальникамъ запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этотъ бой. Если кто прикажетъ бить отбой—заколите его. Товарищи, если бы я приказалъ ударить отбой—не слушайте, и тотъ подлецъ будетъ изъ васъ, кто не убьетъ меня“.

годаря только такому всеобщему одушевленію, планъ Тотлебена по укрѣпленію города и могъ быть выполненъ съ такой невѣроятной быстротой.

Во время первой (5 октября 1854 г.) жестокой бомбардировки крѣпости союзниками и съ суши и съ моря (изъ 1.300 орудій; въ Севастополѣ имѣлось около 400 орудій) защитники ея понесли и первую тяжелую потерю въ лицѣ доблестнаго адмирала Корнилова, который, не щадя себя, ради ободренія гарнизона, смѣло показывался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ *).

Бомбардированіе имѣло цѣлью подготовить штурмъ Севастополя, но кромѣ убыли людьми и громаднаго расхода пороха съ той и другой стороны не имѣло другихъ послѣдствій и только убѣдило союзниковъ въ необходимости продолжать земляныя работы. Осада затянулась послѣ этого на цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ.

Одной пассивной обороной крѣпостныхъ укрѣпленій русскіе не ограничивались, но переходили и въ наступленіе, атакуя укрѣпленія враговъ, заклепывали пушки, портили непріятельскія работы. Особенно отличались при этомъ *черноморскіе пластуны*, не разъ прокрадывавшіеся въ самый центръ вражескихъ укрѣпленій. Образовались даже особыя команды смѣльчаковъ; первое мѣсто среди нашихъ охотниковъ по своей безумной удали занималъ матросъ Петръ *Кошка*, заслужившій своими подвигами громадную популярность. Борьба велась не только на поверхности земли, но и подъ землею: когда союзники стали вести подземныя мины (подкопы), чтобы такимъ путемъ взрывать на воздухъ наши укрѣпленія, русскіе по указанію Тотлебена вели контръ-мины и часто подземные враги встрѣчались другъ съ другомъ и въ темнотѣ закипалъ отчаянный бой.

Въ этихъ бояхъ и особенно въ ожесточенныхъ схваткахъ въ штыки соперничали въ мужествѣ съ русскими только французы. И часто во время краткаго перемирія (для уборки убитыхъ и раненыхъ) храбрецы съ той и другой стороны, питавшіе взаимное уваженіе, сходились вмѣстѣ на бивакахъ, дружелюбно обмѣнивались рукопожатіями, угощая другъ друга, и т. д.

Желая отвлечь вниманіе непріятеля отъ Севастополя, Меншиковъ, стоявшій съ частью войскъ внѣ Севастополя, разрѣшилъ ген. Липранди атаковать англійскій корпусъ, стоявшій у *Балаклавы*. Русскіе одержали верхъ въ битвѣ, но желательныхъ результатовъ отъ этого частичнаго успѣха не получилось; сраженіе заставило союзниковъ только обратить больше вниманія на свой флангъ и раскрыло имъ намѣренія русскихъ. Когда потомъ, получивъ подкрѣпленія, Меншиковъ повторилъ свою диверсію въ болѣе широкихъ размѣрахъ новымъ нападеніемъ на англичанъ при *Инкерманѣ*, то встрѣтилъ кромѣ нихъ

*) „Отстаивайте Севастополь! не отдавайте его! Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна! Благослови, Господи, Россію и Государя; спаси Севастополь и флотъ“,—таковы были послѣднія слова умиравшаго героя.

еще вспомогательный корпусъ французовъ и, несмотря на упорство въ бою (стоившее намъ до 12 тыс. убитыми и ранеными), вынужденъ былъ отступить. Эта неудача, зависѣвшая между прочимъ и отъ неудобнаго расположенія русскихъ войскъ, хотя и не поколебала ихъ мужества, но вызвала въ рядахъ ихъ печальное недовѣріе къ своему начальству. Меншикова потомъ замѣнили кн. Горчаковымъ.

Успѣхъ при Инкерманѣ не улучшилъ, однако, положенія союзниковъ. Наступала зима, и въ лагерѣ ихъ развилась чрезвычайная смертность; бури на морѣ препятствовали подвозу припасовъ. Осадныя работы велись вяло, и русскіе постоянно препятствовали имъ своими вылазками. Крайне тяжело было, однако, и положеніе защитниковъ крѣпости. Доставка продовольствія замедлялась невозможными дорогами и злоупотребленіями интендантскихъ чиновъ, жизнь на крѣпостныхъ веркахъ и въ самомъ городѣ при постоянныхъ бомбардировкахъ преисполнена была всевозможныхъ опасностей. При всемъ томъ героизмъ и самоотверженіе гарнизона ни разу не поколебались. Въ награду за совершенные уже подвиги и въ поощреніе будущихъ, императоръ Николай повелѣлъ каждый мѣсяцъ службы въ Севастополѣ считать за годъ.

Въ началѣ 1855 года силы союзниковъ возросли до 175 тыс. *). Русскіе успѣли также сосредоточить въ Крыму до 120 тысячъ, но дальнѣйшему росту русскихъ силъ и подвозу оружія сильно мѣшала отдаленность театра военныхъ дѣйствій и крайне дурныя дороги. Всѣ преимущества въ данномъ отношеніи были на сторонѣ союзниковъ, и перевѣсъ видимо склонялся на ихъ сторону. Главныя усилія непріятеля сосредоточились противъ ключа севастопольской оборонительной линіи—*Малахова кургана*. Наступало самое тяжелое время для защитниковъ многострадальнаго города. Въ эту пору въ армію подъ Севастополемъ пришло печальное извѣстіе о кончинѣ государя.

Кончина императора Николая I. Могучая натура императора Николая не выдержала жестокихъ испытаній и тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній Крымской кампаніи. Его здоровье, давно уже расшатанное неутомимыми трудами по управленію, тяжесть котораго онъ пытался нести на себѣ одномъ, было теперь окончательно сломлено заботами и огорченіями, вызванными неудачной войной. Надорванный организмъ не вынесъ простуды, и послѣ недолгой болѣзни онъ скончался 18 февраля 1855 г. отъ паралича сердца. „Служи Россіи!"—говорилъ умирающій своему сыну—наслѣднику Александру Николаевичу: „Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!"

---

*) Къ союзникамъ присоединилась въ эту пору Сардинія, въ надеждѣ съ помощью Франціи и Англіи возвыситься на степень великой итальянской державы. Она отправила въ Крымъ 15 тыс. отборнаго войска.

Александръ II (1855—1881).

Окончаніе восточной войны. Борьба подъ Севастополемъ продолжалась и послѣ восшествія на престолъ Александра II, несмотря на его личное миролюбіе и сознававшуюся всѣми необходимость мира для внутренняго развитія Россіи. Между прочимъ объявленъ былъ созывъ ратниковъ ополченія изъ крестьянъ, уже перешедшихъ призывной возрастъ, и 3 рекрутскихъ набора. Уступать врагу и сдать Севастополь никто въ Россіи не желалъ, а Наполеонъ III въ свою очередь считалъ для себя долгомъ чести взять Севастополь и тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ отомстить за униженіе, испытанное Франціей и Наполеономъ I въ 1813 году. Послѣ нѣкотораго перерыва война съ обѣихъ сторонъ началась съ новой энергіей. Малаховъ курганъ, около котораго сосредоточились всѣ усилія союзниковъ, стараніями Истомина и Тотлебена обратился въ настоящую отдѣльную крѣпость, подступы къ которой были со всѣхъ сторонъ преграждены. Къ глубокому горю защитниковъ кургана, во время одной изъ перестрѣлокъ Истоминъ былъ убитъ. Союзники нѣсколько разъ производили жесточайшія бомбардировки города (на второй день Пасхи — 28 марта, 25 мая, 5 іюня), длившіяся по нѣскольку дней и завершавшіяся общей атакой укрѣпленій, при чемъ выбывало изъ строя по 5—7 тыс. человѣкъ. Подъ конецъ у русскихъ чувствовался сильный недостатокъ въ порохѣ, вслѣдствіе слабаго подвоза изъ-за неисправностей дорогъ. Не взирая на это, всѣ штурмы были отбиты, хотя ясно было, что паденіе крѣпости было только вопросомъ времени.

Предвѣстникомъ скорой катастрофы явилась смерть адмирала Нахимова, въ теченіе девяти мѣсяцевъ (до конца іюня) безъ устали руководившаго войсками и вдохновлявшаго всѣхъ примѣромъ личнаго мужества. Раненъ былъ и руководитель оборонительныхъ работъ генералъ Тотлебенъ.

Чтобы отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Севастополя, новый главнокомандующій кн. Горчаковъ, по примѣру кн. Меншикова, попробовалъ воспользоваться арміей, стоявшей по сѣверную сторону Севастопольской бухты, и атаковалъ союзныя войска во флангъ со стороны *Черной рѣчки*, но тоже потерпѣлъ неудачу. Войска наши геройски пошли на приступъ, но не могли преодолѣть сопротивленія врага, такъ какъ позиціи англичанъ и французовъ съ этой стороны расположены были на скалистыхъ, почти недоступныхъ горахъ и кромѣ того сильно укрѣплены.

На другой день послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ открылась общая (по счету пятая) и самая жестокая бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся цѣлыхъ 20 дней безъ перерыва и похищавшая иногда въ день по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Укрѣпленія Севастополя буквально превратились въ развалины, за которыми уже невозможно было укрываться. 27-го августа начался общій штурмъ крѣпости. Шесть непрерывныхъ отчаянныхъ атакъ отразили наши храбрецы, но наконецъ вынуждены были уступить численному превосходству непріятельскихъ массъ, безъ перерыва устремлявшихся на укрѣпленія.

Малаховъ курганъ былъ взятъ, и съ паденіемъ этой главной высоты, господствовавшей надъ городомъ, дальнѣйшая оборона представлялась уже невозможной. Князь Горчаковъ рѣшился очистить южную часть города и въ продолженіе ночи благополучно перевелъ свои войска по длинному (въ двѣ версты) мосту, устроенному заблаговременно черезъ рейдъ, на безопасную отъ враговъ сѣверную сторону Севастопольской бухты. Между тѣмъ оставшіяся въ южной части Севастополя зданія были подожжены русскими же войсками, пороховые погреба взорваны на воздухъ, всѣ суда черноморскаго флота, стоявшія въ гавани, вслѣдъ затѣмъ потоплены. Союзники не рѣшились преслѣдовать русскія войска, считая городъ минированнымъ, и только черезъ нѣсколько дней вступили въ дымящіяся развалины. Такъ окончилась безпримѣрная въ исторіи одиннадцатимѣсячная оборона Севастополя, прославившая во всемъ свѣтѣ мужество его доблестныхъ защитниковъ *).

Во время осады выбыло изъ строя болѣе 200 тыс. человѣкъ русскихъ солдатъ. Прахъ убитыхъ покоится на общемъ громадномъ

---

*) Во время обороны города не только сами военные, но и ихъ семьи принимали въ ней участіе. Отъ солдатъ не отставали въ мужествѣ и дѣти, преимущественно сыновья матросовъ. Между прочимъ отличился 12-ти лѣтній Николай Пищенко, который всю осаду, послѣ смерти отца, убитаго во время штурма, провелъ на бастіонахъ крѣпости, стрѣляя изъ той же мортиры, которою распоряжался его отецъ. За свои подвиги онъ получилъ орденъ Георгія и, по окончаніи осады, вышелъ вмѣстѣ съ другими солдатами изъ пылающаго города, имѣя 13 лѣтъ отъ роду и 11 лѣтъ службы за плечами (по числу мѣсяцевъ).

кладбищѣ, находящемся на сѣверной сторонѣ Севастополя и названномъ „Братской Могилой".

Занятіе Севастополя и потери, при этомъ понесенныя, не измѣнили, однако, рѣшимости русскихъ продолжать неравную борьбу. Армія наша (115 тыс.) расположилась вдоль сѣверной части бухты; союзныя же войска (болѣе 150 тыс. одной пѣхоты) заняли позиціи по южному берегу. Въ военныхъ дѣйствіяхъ началось затишье, прерывавшееся только мелкими стычками въ разныхъ приморскихъ пунктахъ.

Осенью въ Севастополь прибылъ императоръ Александръ II и больше мѣсяца пробылъ при арміи, одушевляя ее своимъ присутствіемъ и вдохновляя на новые подвиги.

Вскорѣ получена была радостная вѣсть съ театра войны за Кавказомъ. Генералъ Муравьевъ взялъ (17 ноября) штурмомъ укрѣпленный англичанами и считавшійся послѣ этого неприступнымъ *Карсъ* со всѣмъ гарнизономъ, множествомъ пушекъ и большими складами оружія и припасовъ.

Паденіе Севастополя и взятіе Карса способствовали окончанію войны, которая тяжела была не для насъ только, но и для союзниковъ (убыль русскихъ людьми простиралась до 300 тыс. чел. и деньгами до полумилліарда рублей, союзники потеряли до 200 тыс. чел. и истратили около милліарда деньгами). Начались переговоры о мирѣ, который и закончился наконецъ *Парижскимъ трактатомъ* (18-го марта 1856 г.). Россія получила обратно Севастополь, но зато возвратила Турціи Карсъ и отказалась отъ устьевъ Дуная и части Бессарабіи, присоединенныхъ къ Молдавіи. Черное море объявлено было нейтральнымъ, т. е. открытымъ для коммерческихъ и закрытымъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Россія обязалась срыть севастопольскія укрѣпленія *) и впредь не заводить на Черномъ морѣ военнаго флота, а равно не имѣть укрѣпленныхъ военныхъ портовъ (послѣднее обязательство дала и Турція).

По условіямъ Парижскаго трактата, всѣ христіанскіе подданные Турціи одинаково принимались подъ общее покровительство Европы (какъ бы въ отмѣну существовавшаго ранѣе исключительнаго покровительства Россіи православнымъ) и объявлены были равноправными съ мусульманами. Равноправіе это осталось, однако, только на бумагѣ, и Россіи черезъ 20 лѣтъ пришлось потомъ снова взять на себя защиту христіанъ въ Турціи.

Самыми тяжелыми и оскорбительными для Россіи условіями были ограниченія въ сооруженіи флота и укрѣпленій на Черномъ морѣ. Эта

*) Знаменитые доки Севастополя, сооруженіе которыхъ стоило громадныхъ денегъ, были взорваны англичанами при стоянкѣ ихъ въ городѣ.

часть Парижскаго трактата, проведенная по настоянію Англіи, отмѣнена была, по нашему требованію, лишь 15 лѣтъ спустя (на Лондонской конференціи, во время франко-прусской войны 1871 г.).

Значеніе Крымской войны. Результаты мира не соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ и понесеннымъ жертвамъ, но приходилось на это согласиться, чтобы дать странѣ отдохнуть и собраться съ силами послѣ трехлѣтняго тяжкаго періода войны. Судьба многострадальнаго Севастополя показала ясно, что для народной обороны важно преуспѣяніе не въ одномъ только военномъ дѣлѣ, что для успѣха въ международной борьбѣ необходимы не только физическія, но и нравственныя, и умственныя силы народа, нужны—свобода, просвѣщеніе, гласность, правосудіе,—словомъ все то, чѣмъ другія націи были сильнѣе насъ. Война обошлась намъ крайне дорого во всѣхъ отношеніяхъ, но принесла и громадную пользу, потому что обнаружила цѣлый рядъ глубокихъ внутреннихъ недостатковъ въ строѣ общественной жизни и управленія, скрытыхъ дотолѣ подъ фирмой внѣшняго, показного благополучія: взяточничество и злоупотребленія чиновниковъ, особенно завѣдывавшихъ продовольственнымъ дѣломъ для арміи; господство формалистики во всѣхъ сферахъ управленія, тяжко отразившееся на томъ же военномъ дѣлѣ, и т. д. Съ другой стороны, неудачная война глубоко уязвила національное самолюбіе, которое со временъ 1812 года питалось только громомъ побѣдъ. Русскіе люди привыкли считать Россію непобѣдимой и предъ началомъ восточной войны довольно легко смотрѣли на грозившую странѣ опасность, въ печати грозили „шапками закидать врага“. Но чѣмъ сильнѣе было разочарованіе, тѣмъ горячѣе стало желаніе устранить внутреннія причины, уронившія престижъ Россіи во внѣшнихъ дѣлахъ. Съ особенной силой проявилось это стремленіе послѣ войны, во время же ея всѣ, съ государемъ во главѣ, напрягали свои усилія лишь къ тому, чтобы съ честью выйти изъ неравнаго боя. И даже тѣ лица, которыя и раньше ясно сознавали внутреннія причины внѣшнихъ золъ и нестроеній, которыя въ печати, получившей при Александрѣ бо́льшую свободу, восклицали, что Русь „въ судахъ полна неправды черной и игомъ рабства клеймена“, сами шли на войну ратниками ополченій. То была эпоха здороваго, искренняго и честнаго русскаго патріотизма, который, по выраженію одного изъ современниковъ, „далъ многострадальной родинѣ не злорадныхъ Хамовъ, а любвеобильныхъ Іафетовъ и Симовъ“, выдвинувши изъ среды общества рядъ энергичныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, которые и пошли рука объ руку съ правительствомъ къ одной цѣли. Эта волна увлекла за собою даже тѣхъ людей, которые раньше жили идеями крѣпостничества и личнаго своекорыстія. Общество какъ бы переродилось. Въ его настроеніи совершался замѣтный и благотворный переломъ. На верхъ его выплывали лучшія силы.

Во главѣ этого общественнаго движенія стоялъ молодой государь, одушевленный самымъ горячимъ и искреннимъ стремленіемъ обновить лицо земли русской реформами. Это стремленіе громко прозвучало въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго манифеста (19-го марта 1856 г.), возвѣстившаго объ окончаніи восточной войны. Здѣсь начертана какъ бы цѣлая программа будущаго царствованія. Не о блескѣ военныхъ подви-

говъ и расширеніи границъ государства думаетъ новый государь, но о мирномъ преуспѣяніи и спокойномъ развитіи своего государства. „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи“, — говорилось въ этомъ манифестѣ,—„да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“.

Настала *эпоха великихъ реформъ* Александра II.

Юные годы Александра II и подготовка къ престолу. Александръ II вступилъ на престолъ 36 лѣтъ (род. 18 апр. 1818 г.), подготовленный болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ вѣнценосцевъ, къ великому дѣлу управленія великой страной и полученнымъ имъ въ дѣтствѣ и юности воспитаніемъ и образованіемъ, и разносторонней дѣятельностью за время своего пребыванія наслѣдникомъ престола. Императоръ Николай I, вынужденный уже въ зрѣломъ возрастѣ пополнять недочеты первоначальнаго своего образованія, тѣмъ сильнѣе желалъ своевременно и всесторонне подготовить своего первенца къ его будущей дѣятельности. Воспитателемъ къ нему былъ назначенъ капитанъ *К. К. Мердеръ*, обратившій на себя вниманіе Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшей степени честный и добрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ умный и твердый характеромъ. Наставникомъ великаго князя вскорѣ послѣ коронованія Николая I назначенъ былъ извѣстный поэтъ *В. А. Жуковскій*, человѣкъ прекраснѣйшей души, глубоко-религіозный, широко и всесторонне образованный. Трудно было бы сдѣлать болѣе удачный выборъ руководителей для мальчика, заявившаго себя еще въ дѣтствѣ блестящими способностями, яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ, веселымъ нравомъ и отзывчивымъ на все доброе сердцемъ. Съ этими качествами, гармонировавшими съ душевнымъ настроеніемъ воспитателей, остался Александръ на всю жизнь. Одинъ только недостатокъ видѣли въ своемъ горячо любимомъ питомцѣ оба его руководителя—нѣкоторую слабость воли, нѣкоторый недостатокъ твердости, настойчивости и постоянства въ выполненіи тѣхъ или другихъ работъ и старались, сколько умѣли, это исправить. Законоучителемъ къ юному наслѣднику престола назначенъ былъ протоіерей *Павскій*, — крупная умственная и нравственная сила въ тогдашнемъ бѣломъ духовенствѣ *). Вліяніе этого воспитательнаго „тріумвирата“, дѣйствовавшаго въ полномъ взаимномъ согласіи на царственнаго юношу было громадное, и онъ навсегда сохранилъ о нихъ самую теплую благодарную память **). Штатъ учителей былъ

*) Въ 1835 г. его замѣнилъ прот. Бажановъ.

**) Вліянію Жуковскаго между прочимъ приписывается и тяготѣніе Александра Николаевича къ дѣлу освобожденія крестьянъ, и вообще гуманное настроеніе его, но нужно замѣтить, что вся литература того времени, съ которой наслѣдникъ основательно познакомился при посредствѣ Жуковскаго, проникнута была тѣмъ же настроеніемъ; съ другой стороны заботы о смягченіи участи крестьянъ и освобожденіи ихъ были своего рода фамильнымъ преданіемъ въ царствующемъ домѣ, начиная съ Екатерины и кончая Николаемъ I, который, какъ видно по его письмамъ, подготовлялъ въ данномъ отношеніи почву для своего *наслѣдника*.

подобранъ Жуковскимъ изъ лучшихъ преподавателей того времени. Согласно составленному имъ плану обученія, оно должно было продолжаться съ 8-ми до 20-ти-лѣтняго возраста и направляться къ тому, чтобы изъ царственнаго ученика „вышелъ не ученый, а просвѣщенный человѣкъ“. Самъ Николай Павловичъ говорилъ, что „хочетъ воспитать въ своемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя“. Въ этомъ духѣ и направленіи и велось все воспитаніе и обученіе.

Физически развитой и сильный, отъ природы живой и ловкій, Александръ быстро усвоилъ себѣ технику военнаго дѣла, которое такъ любилъ его отецъ, и еще въ дѣтствѣ, участвуя вмѣстѣ съ кадетами на маневрахъ, вызывалъ одобреніе даже взыскательнаго въ этомъ отношеніи Николая I. Военное дѣло не отвлекало его отъ учебныхъ занятій, какъ то было съ его отцомъ и дѣдомъ.

Закончивши изученіе общеобразовательныхъ предметовъ, наслѣдникъ ознакомился съ отраслями нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ и затѣмъ прослушалъ систематическій курсъ наукъ государственныхъ и законовѣдѣнія подъ руководствомъ знаменитаго *Сперанскаго*.

Въ 1837 г. для пополненія книжнаго образованія наслѣдникъ, въ сопровожденіи Жуковскаго (Мердеръ скончался за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ), предпринялъ большое путешествіе по Россіи для непосредственнаго ознакомленія съ страною и потребностями многомилліоннаго народа, ее населявшаго. За отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ, путешествіе совершалось на лошадяхъ съ частыми остановками для осмотра разныхъ мѣстностей, достопримѣчательностей, фабрикъ, заводовъ и учрежденій разнаго рода. Не разъ цесаревичъ останавливался въ деревняхъ, входилъ въ бѣдныя избы крестьянъ, знакомился съ ихъ бытомъ, обстановкой и пр. Въ эту пору запала въ его душу та любовь къ простому народу, которая потомъ красной нитью проходитъ чрезъ всѣ его реформы. Страна въ свою очередь узнала и полюбила своего будущаго государя, производившаго обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, съ нимъ встрѣчавшихся. Путешествіе продолжалось цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. Цесаревичъ объѣхалъ 30 губерній и первый изъ царственныхъ особъ побывалъ и въ далекой Сибири, вызвавъ тѣмъ общій восторгъ населенія („доселѣ нашъ край былъ Сибирью, теперь сталъ Россіей“, говорили ему въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей), побывалъ и въ мѣстахъ каторги и выпросилъ у Николая I смягченіе наказанія многимъ изъ осужденныхъ... Глубокія впечатлѣнія отъ этого путешествія сказывались потомъ во все его царствованіе *).

Въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ продолжительное путешествіе за границу, побывалъ во всѣхъ крупныхъ центрахъ Европы, подолгу тамъ останавливаясь и знакомясь съ лицами и учрежденіями Запада. Въ 1841 г. онъ вступилъ въ супружество съ дочерью великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, названной (по принятіи православія) Маріей Александровной. Съ той поры онъ сталъ принимать близкое

---

*) Впослѣдствіи онъ ѣздилъ еще на Кавказъ, гдѣ принялъ между прочимъ участіе въ одной изъ экспедицій противъ горцевъ и за выказанное имъ мужество въ опасномъ положеніи получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

участіе въ государственныхъ дѣлахъ, практически знакомясь съ разными отраслями управленія; участвовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Сената, Св. Синода, въ секретныхъ комитетахъ по крестьянскому вопросу и пр. Нѣсколько разъ, отъѣзжая за границу или во внутреннія губерніи Россіи, императоръ Николай I возлагалъ на своего наслѣдника рѣшеніе дѣлъ по всѣмъ министерствамъ и другимъ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ и, несмотря на строгость и взыскательность, съ какою онъ относился къ дѣйствіямъ особенно близкихъ къ нему лицъ, постоянно оставался доволенъ его дѣйствіями и распорядительностію. Въ 1848 г., во время своего пребыванія при вѣнскомъ, берлинскомъ и др. дворахъ, цесаревичъ исполнялъ различныя важныя дипломатическія порученія.

Реформы Александра II.

Отмѣна крѣпостного права. Немедленно послѣ коронаціи (въ августѣ 1856 г.), ознаменованной рядомъ милостей (на 3 года пріостановлены рекрутскіе наборы, прощены казенныя недоимки, возвращены изъ ссылки оставшіеся въ живыхъ декабристы и участники польскаго возстанія 1831 г. и пр.), Александръ II приступилъ къ широкой преобразовательной дѣятельности. Первой по времени и значенію реформой была отмѣна крѣпостного права, которое, по общему убѣжденію, являлось корнемъ всѣхъ другихъ недостатковъ общественнаго строя.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости возникъ одновременно съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы, какъ естественное слѣдствіе этого акта, такъ какъ право дворянъ на владѣніе помѣстьями и распоряженіе рабочей силой крестьянъ обусловливалось прежде всего ихъ службой государству. Екатерина II положила начало идейной борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и все свое царствованіе лелѣяла мысль объ облегченіи участи крестьянъ, хотя и не рѣшилась противодѣйствовать крѣпостническому настроенію правящихъ классовъ тогдашняго общества. При ея преемникахъ изданъ уже рядъ указовъ, направленныхъ къ постепенному ослабленію зла. Прямыхъ осязательныхъ результатовъ эти мѣры въ большинствѣ случаевъ не приносили, но косвенное значеніе ихъ велико; онѣ подготовляли умы къ грядущей реформѣ, какъ чему-то неизбѣжному, и понемногу расшатывали устои крѣпостного права. Указомъ Павла I *о трехдневной работѣ* наглядно давалось знать, что крестьяне не обязаны постоянной и безконтрольной работой на помѣщика. То же самое еще опредѣленнѣе и рѣзче подчеркнуто *инвентарными правилами,* введенными въ Западномъ краѣ при Николаѣ I. Указомъ Александра I *о свободныхъ хлѣбопашцахъ* намѣчался важный принципъ освобожденія крестьянъ съ землею. Указъ Николая I *объ обязанныхъ крестьянахъ* устанавливалъ (по взаимному добровольному соглашенію сторонъ) выкупъ только за землю, личность крестьянина являлась уже не подлежащей оцѣнкѣ и выкупу.

Литература, въ свою очередь, также подготовляла общество къ реформѣ. Первый толчокъ данъ былъ въ царствованіе Екатерины II самой государыней, а затѣмъ непосредственнымъ знакомствомъ русской интеллигенціи того времени съ произведеніями просвѣтительной литературы и порядками Западной Европы. Книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" явилась результатомъ этого настроенія. Традиціи Радищева продолжались (хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, изъ-за цензурныхъ стѣсненій) и въ послѣдующее время. Достаточно упомянуть имена Грибоѣдова, Пушкина, Бѣлинскаго, И. С. Тургенева („Записки Охотника"), Григоровича („Антонъ Горемыка") и пр. Благодаря вліянію литературы, вся почти русская интеллигенція безъ различія происхожденія, особенно чиновная, не зависѣвшая отъ доходовъ съ имѣній, стала смотрѣть на крѣпостное право, какъ на страшное и постыдное зло. Но это настроеніе держалось по преимуществу въ идейной сферѣ, въ области теоріи; когда же вопросъ въ какомъ бы то ни было видѣ принималъ практическую форму и переходилъ на сословное обсужденіе помѣщиковъ-дворянъ, то въ этой средѣ онъ встрѣчалъ чаще всего отпоръ, а не сочувствіе. Помимо чисто матеріальныхъ расчетовъ, большинство опасалось даровать свободу крестьянамъ и потому, что боялось ихъ „разнузданности", ждало кровавыхъ сценъ, погромовъ и поджоговъ, какіе и раньше встрѣчались, какъ акты мести крестьянъ жестокимъ помѣщикамъ.

Боязнь народныхъ волненій служила однимъ изъ главныхъ тормазовъ дѣлу освобожденія въ предыдущія царствованія. Александръ II не раздѣлялъ этихъ опасеній; изъ своихъ путешествій по Россіи въ бытность наслѣдникомъ престола онъ вынесъ убѣжденіе, что мирное и добродушное населеніе русскихъ деревень неспособно на это, и вступилъ на престолъ съ убѣжденіемъ, что освобожденіе крестьянъ можетъ спокойно совершиться въ его царствованіе и, наоборотъ, долѣе откладывать его было бы опасно.

Эту мысль онъ выразилъ въ замѣчательной рѣчи своей къ московскимъ дворянамъ во время своего пріѣзда въ Москву тотчасъ же по заключеніи Парижскаго мира (въ мартѣ 1856 г.). Упомянувъ о распространившихся тогда слухахъ о немедленной отмѣнѣ крѣпостного права, онъ сказалъ, что „не имѣетъ намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, вы и сами знаете, добавилъ государь, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ: *лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнетъ отмѣняться снизу.* Прошу васъ подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Прошу передать объ этомъ всему дворянству". Такъ сдѣланъ былъ первый шагъ на пути къ великой реформѣ.

Въ январѣ 1857 года открылъ свои дѣйствія учрежденный императоромъ Александромъ II особый негласный комитетъ для обсужденія мѣръ къ постепенному освобожденію крѣпостныхъ и устройству ихъ быта. Онъ получилъ потомъ офиціальное названіе „*Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу* для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крестьянскомъ состояніи". Изъ членовъ его выдѣлились своимъ со-

чувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ—министръ внутреннихъ дѣлъ графъ *Ланской* и *Я. И. Ростовцевъ.*

Между тѣмъ на призывъ государя къ дворянамъ первыми отозвались дворяне трехъ губерній Виленскаго генералъ-губернаторства, подавшіе прошеніе о разрѣшеніи приступить немедленно же къ отмѣнѣ крѣпостного права. Отмѣну эту дворянство намѣревалось произвести, по примѣру сосѣднихъ прибалтійскихъ губерній, не надѣляя крестьянъ землею *). Въ отвѣтъ послѣдовалъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова знаменитый рескриптъ Александра II, которымъ разрѣшалось учредить въ этихъ губерніяхъ особые *губернскіе дворянскіе* комитеты для выработки проекта улучшеній быта крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобы въ основу всего были введены слѣдующія положенія: безвозмездное личное освобожденіе, выкупъ усадебъ и отводъ полевого надѣла въ пользованіе за извѣстныя повинности. Такъ намѣчена была государемъ главная основа будущей реформы—освобожденія крестьянъ *съ землею.*

Подобнаго же рода указанія даны были государемъ на поступившія вслѣдъ затѣмъ просьбы дворянства Нижегородской, Петербургской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. Не довольствуясь этимъ, государь въ августѣ и сентябрѣ 1858 года объѣхалъ сѣверъ Россіи и большинство внутреннихъ губерній съ цѣлью личнымъ воздѣйствіемъ на дворянъ быстрѣе подвинуть впередъ дѣло реформы. Всюду онъ созывалъ дворянъ и обращался къ нимъ съ рѣчами, убѣждая въ необходимости скорѣйшаго освобожденія крестьянъ; нижегородскихъ дворянъ онъ поблагодарилъ за ихъ примѣрную отзывчивость, въ Москвѣ выразилъ въ рѣчи свое огорченіе на медлительность мѣстнаго дворянскаго общества; всюду съ настойчивостью повторялъ, что ни на шагъ не отступитъ отъ своихъ намѣреній. Изъ своей поѣздки императоръ Александръ II вынесъ впечатлѣніе, что сопротивленія со стороны дворянства правительство не можетъ встрѣтить. Путешествіе государя въ два мѣсяца сдѣлало для реформы больше, чѣмъ могли бы въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать всевозможныя комиссіи и переписка между ними. Работа закипѣла; одинъ за другимъ открывались въ губерніяхъ мѣстные комитеты по крестьянскому дѣлу; со всѣхъ сторонъ стали поступать въ Главный Комитетъ проекты, выработанные дворянствомъ разныхъ губерній. Для разработки ихъ и составленія Общаго положенія о крестьянахъ и другихъ законоположеній по данному дѣлу образованы были въ Петербургѣ двѣ *Редакціонныя Комиссіи.* Предсѣдателемъ ихъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, главный работникъ по крестьянской реформѣ, не щадившій для нея ни трудовъ, ни здоровья; ближайшими помощниками его были Н. А. *Милютинъ,* Юрій *Самаринъ* (членъ Самарскаго комитета) и князь *Черкасскій* (членъ Тульскаго комитета) — ревностные и талантливые поборники идеи освобожденія. Благодаря трудамъ этихъ замѣчательныхъ дѣятелей, дѣло быстро

*) Этимъ путемъ литовское и бѣлорусское дворянство думало избавиться и отъ выполненія тягостныхъ для нихъ инвентарныхъ правилъ, на соблюденіи которыхъ правительство настаивало.

двинулось впередъ *). Черезъ годъ и семь мѣсяцевъ редакціонныя комиссіи окончили обработку матеріаловъ и составленіе плана реформы и сдали свою работу (въ 35-ти обширныхъ печатныхъ томахъ) въ Главный Комитетъ, предсѣдателемъ котораго назначенъ былъ братъ государя великій князь *Константинъ Николаевичъ*. Питомецъ Жуковскаго и всесторонне образованный человѣкъ, онъ горячо сочувствовалъ великой реформѣ и много потрудился надъ ея проведеніемъ и окончательной обработкой. Вмѣстѣ съ великой княгиней Еленой Павловной, онъ былъ наиболѣе вліятельнымъ вдохновителемъ и центромъ новаго преобразовательнаго движенія и ближайшей поддержкой государя, особенно когда среди непосильныхъ трудовъ заболѣлъ и вслѣдъ затѣмъ скончался (въ январѣ 1860 г.) Я. И. Ростовцевъ **).

Послѣдней стадіей въ движеніи реформы было обсужденіе выработаннаго Главнымъ Комитетомъ законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ было не мало противниковъ реформы, пытавшихся если не отвергнуть ее, то по крайней мѣрѣ ослабить ея значеніе и силу, и государю не разъ приходилось утверждать мнѣніе меньшинства... Открывая засѣданіе Государственнаго Совѣта, Александръ II произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ между прочимъ: „Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшеніе не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ". „Самодержавная власть въ Россіи, сказалъ государь въ заключеніе своей рѣчи, установила крѣпостное право, ей предстоитъ и отмѣнить его...".

Сравнительно мирно покончепъ былъ въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о личномъ освобожденіи крестьянъ; зато вопросъ о земельномъ надѣлѣ вызвалъ горячія пренія; цѣлая треть членовъ высказалась даже противъ всякаго надѣла, несмотря на то, что еще до голосованія императоръ заявилъ, что онъ не одобритъ освобожденія крестьянъ безъ земли. Энергія и личное вліяніе и настойчивыя требованія государя сильно ускорили дѣло и въ нѣсколько недѣль (съ 28 января по 15 февраля 1861 г.) обсужденіе законопроекта, при усиленной работѣ Государственнаго Совѣта, было покончено.

19-го февраля 1861 года былъ подписанъ императоромъ Александромъ II манифестъ, составляющій славу его царствованія, объ

*) Освободительной работѣ Ростовцева и его сотрудниковъ помогала и печать, которой съ 1858 года позволено было обсуждать крестьянскій вопросъ безъ прежнихъ цензурныхъ стѣсненій. Въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся тогда въ періодическихъ изданіяхъ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ обсуждался горячо и оживленно и съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія—и съ юридической, и съ экономической, и — чаще всего — съ нравственной стороны. Статьи эти богаты были общими соображеніями и нравственными сентенціями, но мало заключали въ себѣ данныхъ для практическаго разрѣшенія вопроса, съ которымъ большинство писавшихъ детально не было знакомо. Большинство ихъ страдало излишней идеализаціей крестьянъ. Тѣмъ не менѣе онѣ сильно вліяли на общественное мнѣніе, заставляли многихъ стыдиться „крѣпостническихъ идей" и такимъ образомъ создавали благопріятную почву для проведенія законопроектовъ относительно освобожденія крестьянъ.

**) Любимымъ дѣломъ реформы Ростовцевъ занимался до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни и о немъ только говорилъ и на смертномъ одрѣ. Онъ скончался въ присутствіи государя. Послѣдними словами Ростовцева императору были:—„Не бойтесь, государь!.."

освобожденіи 22 милліоннаго крестьянскаго населенія отъ крѣпостной зависимости *). Манифестъ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ освобожденному крестьянству: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Обнародованіе манифеста въ столицахъ состоялось лишь 5 марта, когда заготовлено было достаточное количество печатныхъ экземпляровъ его для раздачи народу. Въ провинцію были посланы флигель-адъютанты—объявлять „волю" и въ теченіе марта вѣсть о томъ разнеслась по всей Россіи. Въ С.-Петербургѣ манифестъ прочтенъ былъ 5 марта во всѣхъ церквахъ послѣ обѣдни. Самъ государь лично прочелъ его народу, собравшемуся около Михайловскаго манежа. Народъ привѣтствовалъ объявленіе „воли" восторженными криками. Одинъ изъ очевидцевъ народнаго восторга въ этотъ великій день разсказываетъ: „Площадь передъ Зимнимъ дворцомъ, куда направился потомъ государь, была сплошь покрыта народомъ. Гулъ стоялъ въ воздухѣ. Народъ плакалъ въ умиленіи; всѣ обнимались и цѣловались, точно въ Свѣтло-Христовъ праздникъ. Но вдругъ вся эта масса заволновалась сильнѣе... Шапки полетѣли на воздухъ. Многіе изъ толпы пали на колѣни. Показалась коляска: въ ней сидѣлъ императоръ, съ умиленіемъ глядя на толпу... Кто пережилъ волненіе этихъ минутъ, тотъ на всю жизнь сохранилъ о нихъ благоговѣйное воспоминаніе. Александръ II, самъ сіяя отъ радости, говорилъ тогда, что „сегодня—лучшій день его жизни".

Въ Москвѣ, когда туда пріѣхалъ государь въ маѣ, произошла такая же сцена. Около десяти тысячъ крестьянъ явились къ государю и подали ему хлѣбъ-соль; семидесятилѣтній старикъ произнесъ привѣтствіе, при чемъ толпа съ криками восторга упала на колѣни.

Всюду по Россіи народъ встрѣтилъ „объявленіе воли" въ праздничномъ настроеніи, съ глубокой, но сдержанной радостью; всѣ страхи помѣщиковъ и противниковъ реформы, что освобожденные крестьяне воспользуются своей свободой для мести своимъ бывшимъ господамъ, оказались напрасными. Только въ двухъ мѣстахъ (въ нѣкоторыхъ селахъ Пензенской и Казанской губерній) крестьяне взволновались, смущенные толками своихъ грамотеевъ — о другой „чистой волѣ", т. е. объ отдачѣ крестьянамъ всей помѣщичьей земли, но и эти волненія скоро прекратились послѣ надлежащихъ разъясненій.

Одновременно съ манифестомъ былъ обнародованъ законъ объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ, подъ названіемъ „*Общее положеніе* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". По этому положенію помѣщичьи крестьяне и дворовые люди навсегда

---

*) Въ составленіи манифеста ближайшее участіе принималъ митрополитъ Московскій Филаретъ.

освобождались отъ крѣпостной зависимости и становились свободными сельскими обывателями, пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ личныя и имущественныя права, уравнивавшія ихъ въ извѣстномъ отношеніи съ другими гражданами государства (право отлучекъ изъ мѣста жительства, поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія, наказанія за проступки по суду и пр.). Помѣщики, сохраняя право собственности на принадлежащую имъ землю, обязывались выдѣлить крестьянамъ изъ нея усадебныя участки и сверхъ того извѣстное количество полевыхъ угодій въ размѣрѣ, сообразномъ съ качествами земли въ каждой мѣстности *). За эти надѣлы крестьяне обязывались уплатить помѣщику опредѣленную сумму денегъ, почему и назывались „временно-обязанными", и только по выплатѣ своего долга получали названіе крестьянъ-собственниковъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ со дня утвержденія Положенія каждый помѣщикъ со своими крестьянами долженъ былъ заключить *уставную грамоту*, въ которой должно было точно опредѣляться количество земли, отходящей къ крестьянамъ, и размѣръ платы за нее (деньгами или работой) въ пользу помѣщика **).

Но такъ какъ у подавляющаго большинства крестьянъ не было средствъ сразу выплатить всю сумму, и съ другой стороны помѣщикамъ неинтересно было бы получать выкупную за землю сумму мелкими частями по разсрочкѣ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, то правительство и пришло на помощь той и другой сторонѣ посредствомъ такъ называемой *выкупной операціи*, а именно помѣщикамъ выдавались на всю причитавшуюся имъ сумму процентныя кредитныя бумаги; выданная такимъ образомъ ссуда съ начисленіемъ соотвѣтствующихъ % (по 6 коп. на рубль) записывалась долгосрочнымъ долгомъ за крестьянами, которые и обязывались погашать этотъ долгъ казнѣ опредѣленными ежегодными взносами (въ теченіе $49^1/_2$ лѣтъ со дня выдачи ссуды ***).

Для улаженія недоразумѣній и споровъ между крестьянами и помѣщиками при опредѣленіи размѣра надѣла и условій выкупа и разъяс-

*) Величина надѣла въ разныхъ мѣстностяхъ колебалась между 1 до 7 десятинъ земли на ревизскую душу, смотря по густотѣ населенія въ данной мѣстности и по качеству почвы.

**) Дворовые люди, какъ безземельные, получили свободу безъ всякаго вознагражденія за то ихъ владѣльцевъ, и только въ теченіе двухъ лѣтъ, пока вводилась реформа, обязаны были платить своимъ владѣльцамъ оброкъ или служить имъ, оставаясь въ полномъ повиновеніи.—Точно также дѣлались свободными и безъ всякихъ обязательствъ относительно помѣщиковъ тѣ крестьяне, которые добровольно отказывались отъ пользованія предоставленнымъ имъ надѣломъ.

***) Въ первые годы выкупной операціи выкупъ надѣловъ пошелъ очень быстро. За 10 лѣтъ (1862—1871) около 7 мил. ревизскихъ душъ, т. е. почти треть всего количества освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, выкупили до 25 мил. десятинъ земли. Въ послѣдующее время выкупъ шелъ медленнѣе и къ 30-му году со времени обнародованія Положенія о крестьянахъ (т. е. къ 1891 г.) выкупъ былъ произведенъ всего 9 мил. крестьянъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи около 40 мил. десятинъ земли.

ненія постановленій новаго закона были назначены особыя лица изъ среды дворянъ, заслужившихъ своими нравственными качествами и знаніемъ дѣла довѣріе правительства и мѣстнаго населенія. Они назывались *мировыми посредниками*.

Дѣятельность первыхъ мировыхъ посредниковъ, въ составъ которыхъ вошли, при тогдашнемъ благопріятномъ дѣлу реформы отношеніи къ ней общества, по преимуществу лучшіе, идейно настроенные люди, много способствовала тому, что такой крупный переломъ въ общественной жизни, какой принесла съ собой крестьянская реформа, прошелъ сравнительно гладко и ровно.

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне, на основаніи „Общаго Положенія", получили особое общинное устройство, право собственнаго суда и управленія, т. е. возстановлены были въ своихъ старинныхъ правахъ и обычаяхъ, нарушенныхъ переводомъ ихъ въ крѣпостное состояніе.

Крестьяне каждаго села или деревни составляютъ, согласно „Положенію", сельское общество или *міръ* и рѣшаютъ свои общія дѣла большинствомъ голосовъ на *сельскомъ сходѣ*. Исполнителемъ этихъ рѣшеній является выбираемый міромъ (на 3 года) *сельскій староста*. Послѣдній кромѣ того обязанъ наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ и безопасностью на селѣ и имѣетъ право подвергать виновныхъ въ нарушеніи порядка денежному штрафу или аресту. Изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составляется *волость*. Хозяйственныя и общественныя дѣла, касающіяся всей волости, обсуждаются на *волостномъ сходѣ*, въ составъ котораго входятъ сельскіе старосты и посылаемые для присутствія на этомъ сходѣ представители отъ каждаго сельскаго общества. Волостной сходъ избираетъ изъ своей среды *волостного старшину* и членовъ *волостного правленія*, которое и приводитъ въ исполненіе дѣла, рѣшенныя на волостномъ сходѣ, а равно и распоряженія правительства. При волостномъ правленіи состоитъ также *волостной судъ*, въ составѣ нѣсколькихъ судей, избираемыхъ тѣмъ же волостнымъ сходомъ изъ крестьянъ. Ему предоставлено право рѣшать тяжбы и ссоры между крестьянами и судить маловажные проступки, подвергая виновныхъ штрафамъ, или аресту, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣлесному наказанію (до 20 ударовъ).

Основныя формы этого устройства быта и самоуправленія у крестьянъ взяты были „Положеніемъ" съ того, что уже было раньше заведено у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ, но только разработаны полнѣе и опредѣленнѣе. Теперь всѣ эти три группы крестьянъ—бывшіе помѣщичьи (22 мил.), государственные (10 мил.) и удѣльные (1 1/2 мил.) получили одинаковое устройство и съ пріобрѣ-

теніемъ въ собственность надѣловъ, безъ содѣйствія или съ содѣйствіемъ правительства, образовали одно состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ. Къ концу царствованія Александра II въ ихъ владѣніи числилось уже до 130 мил. десятинъ земли. Такъ установлено государственной властью дѣло устройства крестьянскаго землевладѣнія, подобно тому, какъ нѣкогда ею же было установлено землевладѣніе дворянскаго сословія. Нуждаясь въ службѣ дворянъ для государственныхъ цѣлей, правительство давало дворянамъ во временное владѣніе помѣстья, которыя потомъ обратились въ полную ихъ собственность. Желая видѣть въ крестьянствѣ, какъ наиболѣе многочисленномъ классѣ общества, надлежащую опору того же государства въ экономическомъ и военномъ отношеніяхъ, правительство передало имъ во временно-обязанное пользованіе часть помѣщичьей и казенной земли, которая и превращается въ ихъ собственность при посредствѣ выкупной операціи.

Реформа 19 февраля не успѣла, однако, завершиться въ царствованіе Александра II и не дала сразу тѣхъ плодовъ, на какіе разсчитывали при ея введеніи. Выкупная операція первоначально пошла быстро, но затѣмъ чѣмъ далѣе, чѣмъ все сильнѣе стала замедляться. На крестьянахъ годъ отъ году накоплялось все больше и больше недоимокъ. Они видимо становились бѣднѣе. Причиною этого служило прежде всего неумѣнье ихъ распорядиться и своимъ временемъ и своимъ трудомъ. Оставшись безъ привычной господской опеки, они не могли скоро освоиться съ условіями своего новаго положенія. Ихъ выпустили на свободу, но не приготовили къ пользованію этой свободой, не указали и способовъ наилучшей обработки земли, главнаго источника ихъ существованія и доходовъ. Они остались при первобытныхъ пріемахъ землепашества, скоро истощили землю и почувствовали недостаточность данныхъ имъ надѣловъ, утверждаясь въ мысли, что все дѣло зависитъ больше отъ количества земли, чѣмъ отъ качества ея обработки и удобренія. Семейные раздѣлы и усиленіе пьянства, противъ котораго не принималось никакихъ общегосударственныхъ мѣръ, также способствовали разстройству народнаго хозяйства.

Что касается помѣщиковъ, то большинство ихъ, лишившись дешеваго крѣпостного труда, также долго не могло освоиться съ новыми условіями жизни и перейти къ самостоятельной хозяйственной дѣятельности и надлежащему землепользованію. Очень многіе не сумѣли удержать въ рукахъ и тотъ капиталъ, который доставленъ былъ имъ выкупной операціей, употребляя его не на улучшеніе хозяйства, но на потребности личнаго комфорта. Въ результатѣ явилось такъ называемое въ литературѣ того времени „дворянское оскудѣніе". Земля, оставшаяся у дворянства за надѣломъ крестьянъ, стала замѣтно уходить отъ него въ руки лицъ другихъ сословій, преимущественно купечества, стремившагося извлечь изъ земли поскорѣе и побольше дохода, но мало заинтересованнаго дѣломъ сохраненія тѣхъ очаговъ культурной жизни, какіе представляли собою въ ту пору многія помѣщичьи усадьбы.

Неумѣлое или хищническое пользованіе землей и естественными

богатствами страны, напр., лѣсами и пр. нанесло новый ударъ народному сельскому хозяйству. Такъ, благодѣтельная по существу дѣла реформа 19 февраля при своемъ примѣненіи не принесла государству всѣхъ тѣхъ плодовъ, какихъ отъ нея ожидали, и чтобы остановить упадокъ крестьянскаго хозяйства и обезземеленіе дворянства правительству пришлось (въ послѣдующія царствованія) придти на помощь и тому и другому сословію и принимать рядъ мѣръ, восполнявшихъ пробѣлы въ юридическомъ и хозяйственномъ быту крестьянъ, оставленные Положеніемъ 19-го февраля.

Земская и городская реформа. Освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ самоуправленія сравняли ихъ въ извѣстномъ отношеніи съ другими сословіями. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовалъ новый шагъ правительства на пути не только къ уравненію, но и къ сближенію сословій въ общемъ дѣлѣ—предоставленіе имъ совмѣстнаго и самостоятельнаго завѣдыванія хозяйственными дѣлами данной мѣстности.

1-го января 1864 г. императоромъ Александромъ II было утверждено „Положеніе о *губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ*“, по которому завѣдываніе хозяйственными дѣлами въ губерніяхъ и уѣздахъ ввѣрялось собраніямъ выборныхъ представителей мѣстнаго населенія или такъ называемаго *земства* (подъ которымъ разумѣлась совокупность лицъ и учрежденій, владѣющихъ въ городѣ или уѣздѣ извѣстнымъ количествомъ земли, недвижимымъ имуществомъ или значительнымъ промышленнымъ и торговымъ учрежденіемъ).

Дотолѣ этимъ дѣломъ завѣдывали такъ называемые „Комитеты земскихъ повинностей“, въ составъ которыхъ входили по большей части назначаемые правительственной властію чиновники, которые, какъ люди по большей части пришлые, мало были знакомы съ мѣстными нуждами и общественнымъ хозяйствомъ и лично въ немъ не были заинтересованы. Входившіе въ число членовъ этихъ комитетовъ предводители дворянствъ и городскіе головы также мало были заинтересованы въ дѣлѣ, потому что земскія повинности падали лишь на крестьянъ и мѣщанъ, которые, однако, участія въ расходованіи и раскладкѣ сборовъ не принимали. Комитеты собирались обыкновенно разъ въ три года подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ для составленія смѣтъ и раскладки земскихъ повинностей. Послѣднихъ собиралось ежегодно до 20 мил. рублей, но шли они по большей части на общегосударственныя потребности, и только часть—на мѣстныя нужды. Сверхъ того рѣшеніе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ чрезвычайно замедлялось, такъ какъ окончательное утвержденіе смѣтъ зависѣло отъ высшихъ государственныхъ учрежденій, находившихся въ Петербургѣ. Теперь все это предоставлялось мѣстнымъ дѣятелямъ, лично заинтересованнымъ въ успѣшномъ ходѣ земскаго хозяйства, близко знакомымъ съ нуждами населенія и должно было безъ промедленія разрѣшаться на мѣстѣ. Самый кругъ дѣлъ, предоставленный теперь вѣдѣнію земскихъ учрежденій, былъ значительно расширенъ.

На земскія учрежденія возложено было завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства, народное продовольствіе, устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, заботы о постройкѣ и содержаніи народныхъ школъ, устройство больницъ и разнаго рода благотворительныхъ учрежденій, взаимное земское страхованіе имуществъ, мѣры къ развитію торговли и промышленности, къ прекращенію эпидемій и падежей скота, представленія и ходатайства о земскихъ нуждахъ и пр.

Земскія учрежденія раздѣляются на уѣздныя и губернскія. Уѣздныя состоятъ изъ *уѣзднаго земскаго собранія* и *уѣздной управы;* губернскія—изъ *губернскаго земскаго собранія* и *губернской управы.*

Въ члены уѣздныхъ земскихъ собраній избираются населеніемъ, срокомъ на три года, въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ, особыя довѣренныя лица изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій—дворянъ-землевладѣльцевъ, горожанъ, духовенства и крестьянъ. Они подаютъ голоса при обсужденіи и рѣшеніи земскихъ дѣлъ и потому называются „гласными". Собраніе лицъ, имѣющихъ право выбирать гласныхъ и быть избираемыми въ гласные, созванное для производства этихъ выборовъ, называется „избирательнымъ съѣздомъ". Всѣ, какъ избиратели, такъ и избираемые, должны имѣть опредѣленную недвижимую собственность—имущественный цензъ *).

Уѣздное земское собраніе выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы, а также гласныхъ въ губернское земское собраніе, которые затѣмъ уже изъ своей среды выбираютъ предсѣдателя и членовъ губернской земской управы.

Уѣздныя и губернскія земскія собранія собираются ежегодно по одному разу на положенные сроки. Имъ принадлежитъ власть распорядительная и общій надзоръ за ходомъ земскихъ дѣлъ, при чемъ уѣздныя собранія вѣдаютъ дѣла, касающіяся только того уѣзда, въ которомъ они учреждены, губернскія же завѣдуютъ тѣми изъ земскихъ дѣлъ, которыя касаются всей губерніи или же, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ ея уѣздовъ.

Управы дѣйствуютъ въ продолженіе всего года. Имъ принадлежитъ власть исполнительная и завѣдываніе текущими дѣлами. Въ своей дѣятельности они обязаны руководствоваться постановленіями и указаніями земскихъ собраній.

Земскимъ учрежденіямъ предоставлено дѣйствовать самостоятельно въ кругу исключительно хозяйственныхъ дѣлъ, имъ ввѣренныхъ, по

*) Только для крестьянъ, какъ владѣльцевъ не личнаго, а мірского земельнаго имущества, не положено опредѣленнаго ценза.

подъ общимъ наблюденіемъ губернатора, который обязанъ слѣдить, чтобы постановленія земствъ не противорѣчили установленнымъ законамъ или общимъ интересамъ государства. Исполненіе такихъ постановленій онъ можетъ пріостановить. Разборъ пререканій губернатора съ земскими собраніями, а также жалобъ на нихъ частныхъ лицъ и учрежденій принадлежитъ Сенату.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ возстановило старинный порядокъ участія всѣхъ сословій въ земскомъ дѣлѣ, при чемъ духовенство, а также и крестьяне (послѣдніе подъ именемъ „сельскаго сословія") впервые со временъ Петра Великаго являются здѣсь со значеніемъ земскаго класса, на ряду съ дворянствомъ. Послѣднее однако, и въ земскихъ учрежденіяхъ сохранило преобладающее значеніе, какъ по имущественному и образовательному цензу, такъ равно и по бо́льшему знакомству съ практикой управленія. Кромѣ того и само „Положеніе" предоставило предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ предводителямъ дворянства, какъ лицамъ болѣе способнымъ и привычнымъ къ этому дѣлу и умѣющимъ охранить порядокъ въ собраніяхъ.

Крестьяне, особенно на первыхъ порахъ, обнаруживали сравнительно слабый интересъ къ дѣлу, занятые болѣе устройствомъ своего новаго положенія въ земельномъ дѣлѣ.

Дворянская интеллигенція встрѣтила съ восторгомъ появленіе земскихъ учрежденій. Многіе земцы видѣли въ этомъ первый шагъ на пути къ расширенію правъ общественныхъ дѣятелей на участіе не только въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но и вообще въ управленіи, и въ этомъ именно смыслѣ старались направлять земскую дѣятельность. На этой почвѣ у нѣкоторыхъ земствъ происходили столкновенія съ администраціей, невольно тормозившія и установленную закономъ хозяйственную дѣятельность земствъ и вызвавшія въ концѣ концовъ недовѣрчивое отношеніе правительственной власти вообще къ земской работѣ, а съ другой стороны охладившія усердіе земскихъ работниковъ. Тѣмъ не менѣе и при всѣхъ недочетахъ, неизбѣжныхъ на первыхъ порахъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, земства ввели много полезнаго въ обиходъ хозяйственной жизни уѣздовъ, особенно въ области народнаго здравія и народнаго просвѣщенія. Явилось много новыхъ учрежденій, о которыхъ прежде и мечтать не рѣшались: во многихъ большихъ селахъ встрѣчаются больницы, фельдшера, даже врачи и ветеринары. Всюду почти явились земскія народныя школы. Дѣлу народнаго просвѣщенія земство вообще послужило очень много, ставя его всегда на первомъ планѣ для себя.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ обнародованія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ издано было *„Городовое Положеніе"* (1870 г.), завершившее устройство мѣстнаго общественнаго управленія. Кругъ дѣятельности городского управленія былъ тотъ же, что и въ земствѣ,—завѣдываніе собственно хозяйственной частію и благоустройствомъ города. Органами городского самоуправленія являются: *Городская Дума* съ

распорядительною властью, изъ гласныхъ, избираемыхъ на 4 года въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, и *Городская Управа*, члены которой избираются Городской Думой и завѣдуютъ текущими дѣлами, приводятъ въ исполненіе постановленія Думы, изготовляютъ проекты для нея и пр. Предсѣдателемъ Думы и Управы является *городской голова*, избираемый гласными Думы изъ своего состава. Дума собирается время отъ времени на опредѣленные сроки, Управа засѣдаетъ постоянно.

За точнымъ исполненіемъ издаваемыхъ городскими Думами постановленій наблюдаютъ органы полиціи. Возникающія между Думой и администраціей разногласія по поводу какихъ-либо вопросовъ, касающихся общественнаго благоустройства, или жалобы на постановленія Думы разбираетъ *Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе*, подъ предсѣдательствомъ губернатора, съ участіемъ городского головы.

Кругъ вѣдѣнія городского общественнаго управленія довольно обширенъ: Думѣ предоставлено самостоятельно устраивать городское управленіе и хозяйство, выбирать должностныхъ лицъ и назначать имъ жалованье, завѣдывать городскими имуществами, заботиться о внѣшнемъ благоустройствѣ города, о его благосостояніи, здравіи, просвѣщеніи и промышленности, устраивать рынки, пристани, открывать больницы, благотворительныя заведенія, школы, библіотеки, музеи, театры, выставки и пр. и, наконецъ, ходатайствовать предъ правительствомъ о пользахъ и нуждахъ города.

Участіе во всѣхъ этихъ хозяйственныхъ дѣлахъ города, при посредствѣ выборныхъ гласныхъ, принимали, однако, не всѣ обыватели, а только тѣ изъ нихъ (безъ различія сословій), кто владѣлъ землей или домомъ или же платилъ въ пользу города какой-либо налогъ—за право торговли и пр., хотя бы и самый незначительный *). Квартиронаниматели и вообще лица, живущія службой и личнымъ трудомъ, т. е. большая часть городской интеллигенціи, не принимали участія въ выборахъ гласныхъ и слѣдовательно въ завѣдываніи хозяйствомъ города. Послѣднее фактически сосредоточилось въ рукахъ сравнительно небольшого числа богатыхъ собственниковъ, по преимуществу изъ торгово-промышленнаго класса.

Судебная реформа. Вслѣдъ за положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ (въ томъ же 1864 г. 20-го ноября) обнародованы *„Судебные Уставы“*, заключавшіе въ себѣ коренную реформу судопроизводства въ Имперіи, во исполненіе словъ изданнаго еще въ 1856 г., по окончаніи крымской войны, высочайшаго манифеста: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Новый судъ былъ опредѣленъ въ указѣ госу-

---

*) Опредѣленнаго имущественнаго ценза, какъ при выборахъ въ земствѣ, здѣсь не полагалось.

даря, сопровождавшемъ появленіе Судебныхъ Уставовъ, какъ „судъ *скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ* подданныхъ".

Эти новыя начала суда, возвѣщенныя съ высоты престола, были прямымъ отрицаніемъ и осужденіемъ всѣхъ прежнихъ порядковъ судопроизводства, тяжело отзывавшихся на населеніи. Дотолѣ суды были закрытые. Разбирательство дѣла происходило въ присутствіи только однихъ судебныхъ чиновъ. Даже тяжущіеся и обвиняемые не всегда призывались на судъ. Тайна судебнаго производства открывала, разумѣется, просторъ злоупотребленіямъ всякаго рода. Судъ при такихъ условіяхъ не могъ считаться правымъ.

Другимъ недостаткомъ старинныхъ судовъ было исключительно письменное дѣлопроизводство; словесныя объясненія на судѣ не допускались. Вслѣдствіе этого дѣла тянулись по нѣсколько лѣтъ, при чемъ подозрѣваемыя лица, особенно по дѣламъ уголовнымъ, часто все это время томились въ тюрьмѣ, ожидая своей участи. Судъ такимъ образомъ не былъ скорымъ.

При старыхъ порядкахъ лицо, производившее слѣдствіе, являлось на судѣ и обвинителемъ, излагая предъ судьями, часто въ отсутствіи самого обвиняемаго, доводы за и противъ обвиненія, на основаніи чего судьи и постановляли свой приговоръ. При такихъ условіяхъ судъ, естественно, не могъ быть милостивымъ и обвинительные приговоры преобладали въ судебной практикѣ. При обиліи злоупоупотребленій, вызываемыхъ такими порядками, знатные, богатые и ловкіе люди всегда имѣли возможность выпутаться. Равенства гражданъ передъ судомъ не существовало. Теперь приняты были всѣ мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ суда.

Въ виду важности и значенія произведенныхъ перемѣнъ, судебной реформѣ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ реформъ Александра II; по обстоятельной же и всесторонней разработкѣ какъ основныхъ положеній, такъ и подробностей дѣла, эта глубоко-продуманная реформа, несомнѣнно, занимаетъ первенствующее мѣсто. Составители Судебныхъ Уставовъ (министръ юстиціи *Замятнинъ*, сенаторы *Зарудный* и *Ровинскій* и цѣлый рядъ ихъ помощниковъ изъ числа лучшихъ ученыхъ, правовѣдовъ и практиковъ судебнаго дѣла въ имперіи) внесли въ нихъ все лучшее, что только могли найти въ судебныхъ учрежденіяхъ и юридической практикѣ Западной Европы. Такъ въ основу судопроизводства введены были совершенно новые, давно ожидавшіеся принципы—каковы: отдѣленіе судебной власти отъ административной и обвинительной, публичность и гласность суда, независимость судей, адвокатура и состязательный устный порядокъ судопроизводства, при чемъ болѣе важныя, по тяжести преступленій, дѣла уголовныя указано передавать на судъ общественной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей.

Уравнивая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ передъ закономъ, судебная реформа, по существу своему, была такимъ же необходимымъ дополненіемъ или, лучше сказать, слѣдствіемъ крестьянской, какъ и земская. И подобно тому, какъ земская предоставляла всѣмъ сословіямъ завѣ-

дыванiе мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ, судебная реформа допустила участiе общества (безъ различiя сословiй) въ отправленiи самой важной стороны общественной жизни—правосудiя. Благодаря всему этому, судебная реформа имѣла сильное непосредственное влiянiе на весь строй государственной и общественной жизни, воспитывая въ населенiи чувство законности и правды.

По новымъ судебнымъ уставамъ, для разбирательства менѣе важныхъ проступковъ и мелкихъ имущественныхъ исковъ установлены такъ называемыя судебно-мировыя учрежденiя, въ составъ которыхъ входили двѣ инстанцiи (или ступени): 1) *мировые судьи* и 2) *съѣзды мировыхъ судей*.

Какъ уже самое названiе показываетъ, примиренiе тяжущихся составляетъ главную задачу мирового судьи и самое важное достоинство его правосудiя. Въ этихъ видахъ населенiю (въ уѣздахъ земскимъ собранiямъ, въ городахъ—думамъ) самому было предоставлено выбирать (срокомъ на три года) въ судьи лицъ изъ *мѣстныхъ* жителей, обладающихъ установленнымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ. Каждый уѣздъ составляетъ мировой округъ, который подраздѣляется на извѣстное число мировыхъ участковъ.

Мировые судьи рѣшаютъ дѣла единолично, изустно, т. е. выслушивая словесныя объясненiя и показанiя сторонъ, и публично, т. е. при открытыхъ для публики дверяхъ, въ присутствiи всѣхъ желающихъ *).

Недовольные рѣшенiемъ мирового судьи могутъ приносить на него *апелляцiонныя* жалобы, т. е. просьбы о новомъ разборѣ дѣла по существу въ слѣдующую судебную инстанцiю — съѣздъ мировыхъ судей извѣстнаго округа.

На рѣшенiе съѣзда можно подавать *кассацiонную* жалобу въ Сенатъ, т. е. просьбу объ отмѣнѣ рѣшенiя и передачѣ его на новое разсмотрѣнiе въ другой мировой съѣздъ. Сенатъ самъ не разсматриваетъ дѣлъ по существу, но только слѣдитъ за правильностiю формъ и обрядовъ судопроизводства и въ случаѣ нарушенiя ихъ (напр. невызова свидѣтелей, неправильной ссылки судей на законъ и т. п.) кассируетъ дѣло; при отсутствiи нарушенiй постановляетъ „оставить

*) Простота и общедоступность судопроизводства, при отсутствiи почти всякихъ издержекъ и хлопотъ по веденiю дѣла, создали мировымъ судамъ громадную популярность въ простомъ народѣ, дотолѣ почти лишенномъ самыхъ элементарныхъ основъ правосудiя. Съ другой стороны, легкость обращенiя къ суду усилила, особенно на первыхъ порахъ, мелкое сутяжничество, что, конечно, противники новыхъ судовъ ставили имъ въ вину. Еще болѣе нареканiй и недовольства въ обществѣ, еще не привыкшемъ къ равенству, вызывала въ первое время одинаковость отношенiя мировыхъ судей къ лицамъ разныхъ сословiй и различнаго положенiя въ обществѣ. Съ теченiемъ времени, однако, все вошло въ свою колею.

просьбу безъ послѣдствій". Рѣшеніе Сената въ послѣднемъ случаѣ считается окончательнымъ и дальнѣйшему обжалованію не подлежитъ *).

Для разбора болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и крупныхъ имущественныхъ исковъ, неподсудныхъ мировымъ судьямъ, образованы такъ называемыя общія судебныя мѣста, въ составъ которыхъ входятъ также двѣ инстанціи—1) *окружные суды* **) и 2) *судебныя палаты.*

Окружный судъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властію по представленію министра юстиціи, и распространяетъ обыкновенно свою власть на цѣлую губернію. Разбирательство дѣла совершается здѣсь тоже гласно и публично. Суду докладываются обстоятельства дѣла, а по уголовнымъ дѣламъ данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ (разслѣдованіе дѣлъ при посредствѣ особыхъ должностныхъ лицъ, называемыхъ *судебными слѣдователями*, которые предварительно допрашиваютъ подсудимыхъ и собираютъ показанія свидѣтелей, документы и пр., на основаніи чего составляется „обвинительный актъ"). На судѣ производится новая провѣрка дѣла путемъ словеснаго допроса свидѣтелей или тяжущихся сторонъ и пр., послѣ чего начинается судоговореніе или словесное состязаніе сторонъ. При этомъ данныя обвиненія поддерживаетъ особое должностное лицо—такъ называемый *прокуроръ* (или *товарищъ прокурора*). Затѣмъ обвиняемый или самъ лично защищаетъ себя, или, что бываетъ чаще всего, поручаетъ вести защиту и произносить защитительныя рѣчи особымъ *„присяжнымъ повѣреннымъ"* (адвокатамъ) изъ лицъ, получившихъ спеціальное юридическое образованіе ***). Послѣ обмѣна мнѣній подсудимому предоставляется „послѣднее слово", послѣ чего судъ, выслушавъ всѣхъ, уже и выноситъ то или иное рѣшеніе, со ссылкой на относящіеся къ дѣлу законы.

При этомъ въ дѣлахъ по обвиненію кого либо въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, влекущемъ за собой наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ (напр. въ убійствѣ, грабежѣ, подлогѣ и пр.), вопросы о виновности или невиновности подсудимаго рѣшаются не членами суда, но предлагаются на рѣшеніе особо выбран-

---

*) Если тяжущійся приноситъ жалобу въ съѣздъ мировыхъ судей не въ апелляціонномъ, а кассаціонномъ порядкѣ, т. е. за нарушеніе только формъ судопроизводства, то мировой съѣздъ также не разбираетъ дѣла по существу, но—или постановляетъ передать его для новаго разбора другому мировому судьѣ, или же оставляетъ жалобу безъ послѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ дальнѣйшаго обжалованія дѣла также не допускается.

**) Окружные суды замѣнили собой прежніе сословные суды (уѣздные суды, магистраты и нижнія расправы), установленныя Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г.

***) Для лицъ, не имѣющихъ средствъ пригласить особаго адвоката, при судѣ имѣются такъ называемые „казенные защитники", т. е. адвокаты, состоящіе при судѣ и обязанные по долгу службы безмездно помогать своими знаніями бѣднякамъ изъ обвиняемыхъ.

ныхъ изъ среды населенія 12 *присяжныхъ засѣдателей*, которые присутствуютъ въ судѣ во все время разбирательства дѣла, выслушиваютъ показанія свидѣтелей, рѣчи прокурора и защитниковъ и по окончаніи всего совѣщаются между собою въ отдѣльной комнатѣ и тогда уже выносятъ обвиняемому приговоры: оправдательный („нѣтъ, невиновенъ“), смягчающій наказаніе („виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“) или безусловно обвинительный („да, виновенъ“). Въ первомъ случаѣ подсудимый немедленно объявляется свободнымъ отъ суда и наказанія; въ послѣднихъ двухъ—члены суда, какъ законовѣды, подыскиваютъ подходящія статьи закона и на основаніи ихъ указываютъ мѣру наказанія.

Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей само общество призвано было произносить приговоры надъ своими сочленами, при чемъ присяжнымъ дано широкое право, не стѣсняясь формальными доказательствами, произносить приговоръ, слѣдуя исключительно указаніямъ своей совѣсти, своего внутренняго убѣжденія. Они, такъ сказать, представляютъ собою *общественную совѣсть*. Поэтому-то присяжными засѣдателями по закону могутъ быть только лица, пользующіяся общественнымъ довѣріемъ по своему положенію, лѣтамъ и пр. и кромѣ того болѣе или менѣе знакомые съ общественной жизнью данной мѣстности. Этимъ обусловливались обычныя требованія для права быть присяжнымъ засѣдателемъ: опредѣленный возрастъ (отъ 25 до 70 л.), владѣніе имуществомъ или состояніе на общественной или государственной службѣ, неопороченность по суду, жительство въ извѣстной мѣстности не менѣе 2 лѣтъ, и т. д.

Приговоры по уголовнымъ дѣламъ, постановленные съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, считаются окончательными и могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ въ Сенатъ, который, въ случаѣ отмѣны, передаетъ ихъ на новое разсмотрѣніе въ другой судъ съ новымъ составомъ присяжныхъ засѣдателей.

Что касается уголовныхъ дѣлъ, не соединенныхъ съ ограниченіемъ правъ, а равно всѣхъ гражданскихъ дѣлъ по разнымъ имущественнымъ искамъ и пр., то они разсматриваются въ окружныхъ судахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и рѣшенія по нимъ выносятъ „коронные“ судьи, т. е. постоянные члены суда по назначенію правительства. По всѣмъ этимъ дѣламъ можно подавать апелляціонныя жалобы во 2-ю инстанцію—судебную палату, гдѣ дѣло снова разсматривается по существу. Судебныя палаты учреждены по одной на нѣсколько губерній и раздѣляются на „департаменты“, изъ коихъ каждый состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властію по представленію министра юстиціи. Всѣ дѣла здѣсь

разсматриваются безъ участія присяжныхъ засѣдателей *). Рѣшенія судебныхъ палатъ считаются уже окончательными и на нихъ можно приносить только кассаціонныя жалобы въ Сенатъ. Послѣдній, имѣя верховный надзоръ и повѣрку правильности рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, служитъ такимъ образомъ охранителемъ и истолкователемъ законовъ и является высшимъ кассаціоннымъ судилищемъ въ Россіи, дѣйствующимъ на всю имперію. Рѣшенія Сената, какъ составляющія толкованіе смысла закона, печатаются во всеобщее свѣдѣніе и обязательны для всѣхъ судебныхъ мѣстъ.

Со введеніемъ новыхъ судовъ смягчена была и система наказаній. А именно (по указу 17 апрѣля 1863 г.) были отмѣнены *тѣлесныя наказанія* (плети, „кошки", наложеніе клеймъ на лицо), которыя до той поры практиковались по отношенію къ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы. Наказаніе же розгами, которому подвергались дотолѣ лица, принадлежащія къ низшимъ сословіямъ, замѣнено для нихъ арестомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ. Какъ постоянная мѣра взысканія, наказаніе розгами допускалось лишь по приговору крестьянскихъ волостныхъ судовъ (въ размѣрѣ не свыше 20 ударовъ).

Порядки тюремной жизни были измѣнены въ смыслѣ болѣе человѣчнаго обращенія съ заключенными, для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ заведены исправительные пріюты и земледѣльческія колоніи, отправленіе всѣхъ преступниковъ въ Сибирь пѣше-этапнымъ порядкомъ замѣнено перевозкой.

Эти и подобныя мѣры были приняты въ томъ соображеніи, что и къ преступникамъ законъ долженъ относиться человѣколюбиво, охраняя и у нихъ человѣческое достоинство отъ ненужныхъ оскорбленій и униженій, только ожесточающихъ людей и препятствующихъ ихъ исправленію—основной цѣли всякаго суда и наказанія.

Всесословная воинская повинность. Весьма важныя реформы произведены при Александрѣ II въ области военнаго дѣла въ смыслѣ облегченія тягостей военной службы и уравненія всѣхъ сословій въ отбываніи этой службы.

Съ Петра I армія пополнялась рекрутскими наборами съ податныхъ сословій—крестьянъ и мѣщанъ. Дворяне и другія сословія постепенно освобождены были отъ обязательной военной службы. Купцы и вообще богатые люди могли освобождаться отъ воинской повинности,

*) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при разсмотрѣніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію окружнаго суда и разсматриваются только въ судебной палатѣ, въ послѣднюю приглашаются на разборъ дѣла такъ называемые „сословные представители"—мѣстный предводитель дворянства, городской голова и пр., или замѣняющія ихъ лица.

представивъ за себя „охотниковъ“ или же денежный выкупъ (зачетную рекрутскую квитанцію). Такимъ образомъ вся тяжесть рекрутчины падала на бѣднѣйшіе классы въ обществѣ. Служба продолжалась 25 лѣтъ, и солдатъ могъ вернуться на родину лишь на старости лѣтъ, обезсиленный, неспособный ни къ какой работѣ; большинству такихъ „отставныхъ“ солдатъ приходилось жить подаяніемъ. Самая служба въ войскахъ была въ высшей степени тяжела. Дисциплина, порядки которой были заимствованы изъ Пруссіи, была крайне суровая. За малѣйшіе проступки солдатъ жестоко били, наказывали розгами, шпицрутенами (длинные тонкіе прутья), прогоняли иногда „сквозь строй“ *) и т. д. Въ виду этого военная служба считалась своего рода наказаніемъ; преступники часто приговаривались судомъ къ отдачѣ въ солдаты, помѣщики тоже часто отдавали своихъ крестьянъ въ солдаты за дурное поведеніе. При такихъ условіяхъ время рекрутскихъ наборовъ было самымъ тяжелымъ въ крестьянской семьѣ, сданныхъ въ рекруты оплакивали какъ мертвыхъ...

Александръ II прежде всего запретилъ отдачу въ солдаты за преступленія и отмѣнилъ тѣлесныя наказанія въ войскахъ „въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ“, какъ сказано было въ Высочайшемъ указѣ **), самый срокъ службы сокращенъ былъ (въ 1859 г.) до 15 лѣтъ; обращено было также вниманіе на улучшеніе продовольствія арміи и ея обмундированія; солдатскихъ дѣтей (поступавшихъ въ разрядъ такъ называемыхъ „кантонистовъ“, съ малолѣтства обучавшихся военной службѣ и затѣмъ зачислявшихся въ солдаты) велѣно было исключить изъ военнаго сословія и приписать ихъ къ свободнымъ податнымъ сословіямъ.

Наиболѣе важнымъ актомъ въ области военнаго дѣла явился указъ 1 января 1874 года о всесословной воинской повинности. „Защита престола и отечества, говорится въ этомъ манифестѣ, — есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности“. Согласно новому положенію, отбыванію воинской повинности подлежатъ всѣ молодые люди, достигшіе 21-лѣтняго возраста; каждый долженъ выполнять эту повинность лично: ни денежный выкупъ, ни замѣна охотникомъ не допускаются. Но такъ какъ молодыхъ людей, достигающихъ 21 года, больше, чѣмъ нужно для ежегоднаго пополненія арміи, то въ *постоянныя войска* берется (по жребію) только часть ихъ, остальные зачисляются въ *ополченіе*, которое можетъ созываться только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени преимущественно для службы въ тылу арміи. Общій срокъ службы

---

*) Виновнаго проводили среди двухъ рядовъ солдатъ, при чемъ каждый изъ нихъ ударялъ проходившаго по спинѣ палкой.

**) Тѣлесныя наказанія розгами остались только для такъ называемыхъ „штрафованныхъ“ солдатъ, при томъ съ извѣстными ограниченіями и по приговору военнаго суда.

въ постоянныхъ войскахъ 15 лѣтъ, изъ которыхъ 6 лѣтъ проводятся на *дѣйствительной службѣ*, а остальныя 9 лѣтъ *„въ запасѣ“* *). Запасъ предназначается для пополненія арміи въ военное время. Запасные распускаются по домамъ, но чтобы они не забывали окончательно военной службы и умѣнья владѣть оружіемъ, ихъ призываютъ обыкновенно время отъ времени въ „учебные сборы“ (не болѣе двухъ разъ въ теченіе срока пребыванія въ запасѣ и каждый разъ не болѣе какъ на 6 недѣль). По окончаніи срока пребыванія въ запасѣ они перечисляются въ ополченіе, въ которомъ и числятся до 40-лѣтняго возраста.

Установивши, какъ общее правило, обязательность личнаго отбыванія воинской повинности для всѣхъ, законъ допускаетъ однако, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, различныя льготы, состоящія или въ полномъ освобожденіи отъ дѣйствительной службы, или въ освобожденіи отъ дѣйствительной службы въ мирное время, или въ сокращеніи времени службы и разныхъ отсрочкахъ по ея отбыванію. Такъ, напр., священнослужители всѣхъ исповѣданій, а также православные псаломщики (на извѣстныхъ условіяхъ) совсѣмъ освобождены отъ службы; льготные „перваго разряда“ (единственный сынъ при матери-вдовѣ или отцѣ, неспособномъ къ труду, т. е. старше 55 лѣтъ) освобождаются отъ дѣйствительной службы и зачисляются только въ запасъ; лицамъ, получившимъ образованіе, сроки службы сокращаются въ болѣе или менѣе значительной степени, смотря по разряду учебнаго заведенія. Сокращенія эти обусловливаются тѣмъ соображеніемъ, что образованнаго человѣка легче научить воинскому искусству, чѣмъ необразованнаго. Равнымъ образомъ даются отсрочки на нѣсколько лѣтъ для окончанія образованія, поправленія здоровья и т. д.

Реформой этой, а равно облегченіемъ условій самой службы имѣлось въ виду сдѣлать воинскую повинность необременительной для населенія, льготами же по образованію — способствовать развитію послѣдняго.

Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ главнымъ дѣятелемъ былъ военный министръ генералъ-адъютантъ *Д. А. Милютинъ* (старшій братъ извѣстнаго дѣятеля по крестьянскому вопросу), работавшій по указаніямъ самого государя, хорошо знавшаго и любившаго военное дѣло. Само военное министерство, а равно отдѣльныя части военнаго управленія (главный штабъ и управленія — артиллерійское, инженерное, интендантское, медицинское и военно-судное) подверглись радикальнымъ преобразованіямъ въ смыслѣ большей самостоятельности этихъ частей въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ центральному военному управленію. Преобразованы были на новыхъ основаніяхъ и военно-учебныя заведенія и въ направленіи, противоположномъ господствовавшему ранѣе. На первое мѣсто поставлены заботы объ общемъ образованіи и

*) Для флота, гдѣ служба считается болѣе тяжелою, срокъ ея назначенъ въ 10 лѣтъ: 7 лѣтъ дѣйствительной и 3 года въ запасѣ.

воспитаніи, фронтовое же ученье отодвинуто на задній планъ или даже и вовсе изгнано. Кадетскіе корпуса получили наименованіе *военныхъ гимназій*, а спеціальные классы ихъ преобразованы въ особыя *военныя училища*. Программы военныхъ гимназій приравнены были къ курсу общеобразовательныхъ реальныхъ заведеній, воспитатели-офицеры замѣнены были гражданскими воспитателями и т. д. *).

Преобразованія коснулись и Морского министерства, гдѣ главныя заботы направлены были на созданіе новаго флота на Балтійскомъ морѣ, сообразно съ современнымъ состояніемъ кораблестроенія и флотовъ другихъ державъ. Построенъ былъ цѣлый рядъ новыхъ боевыхъ судовъ, взамѣнъ негодныхъ уже къ употребленію старинныхъ парусныхъ судовъ и положено начало русскому *броненосному флоту*, причемъ всѣ почти работы производились на русскихъ верфяхъ, изъ русскаго матеріала и русскими рабочими. Хотя это въ общемъ обходилось и дороже, но зато положило начало развитію русскаго судостроенія и усиленію отечественной производительности. Главнымъ дѣятелемъ по морскому дѣлу былъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Мѣры по народному образованію. Цѣлый рядъ преобразованій, которыми богато царствованіе Александра II, требовалъ для себя знающихъ и умѣлыхъ исполнителей, и съ другой стороны подготовки и самого населенія къ надлежащему пользованію реформами. И во все время царствованія Александра II не прекращаются усиленныя заботы о развитіи образованія—высшаго, средняго и низшаго. Какъ и въ другихъ реформахъ императора, такъ и въ учебномъ дѣлѣ въ основаніе положенъ былъ принципъ *всесословности*. Доселѣ почти исключительнымъ вниманіемъ правительства пользовались дѣти дворянъ и чиновниковъ и отчасти духовенства, имѣвшаго свои спеціальныя школы. Теперь облегчается доступъ въ учебныя заведенія лицамъ всѣхъ сословій, а спеціальныя сословныя школы по типу своему приближаются къ общеобразовательнымъ. Кромѣ того впервые основываются правительствомъ открытыя женскія учебныя заведенія, сразу получившія довольно широкое распространеніе и давшія сильный толчокъ развитію женскаго образованія въ Россіи.

Одной изъ первыхъ мѣръ относительно высшаго образованія была отмѣна установленнаго (въ 1849 г.) при Николаѣ I, подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній на Западѣ, комплекта слушателей въ университетахъ въ 300 человѣкъ не болѣе. Еще въ 1855 г., тотчасъ же по вступленіи на престолъ, Александръ II установилъ неограниченность комплекта слушателей въ университетахъ, съ цѣлію дать возможность

*) Впослѣдствіи (при Александрѣ III) военныя гимназіи вновь получили названіе кадетскихъ корпусовъ, при чемъ стали обращать больше, чѣмъ прежде, вниманія на практическую военную подготовку учащихся, какъ одну изъ основныхъ цѣлей учрежденія военно-учебныхъ заведеній.

всѣмъ желающимъ завершить свое образованіе. Число университетовъ было увеличено (Новороссійскій въ Одессѣ и Варшавскій).

Въ 1863 году университетамъ, по проекту министра народнаго просвѣщенія *А. В. Головнина*, былъ данъ новый уставъ, даровавшій имъ автономію или самоуправленіе. Управленіе университетами ввѣрено было „совѣтамъ" профессоровъ съ выборными ректорами во главѣ. Всѣ должности въ университетѣ были выборными; министру народнаго просвѣщенія предоставлялось только утвержденіе избранныхъ совѣтами профессоровъ лицъ. Для разбирательства проступковъ студентовъ учрежденъ университетскій судъ, изъ трехъ судей, ежегодно избираемыхъ совѣтами изъ среды профессоровъ. Впослѣдствіи, при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ *Д. А. Толстомъ*, уставъ этотъ подвергся нѣкоторымъ частичнымъ измѣненіямъ въ смыслѣ сокращенія автономіи, въ которой видѣли причину волненій и неурядицъ въ университетской жизни. Наиболѣе существенное преобразованіе произведено было при томъ же гр. *Д. А. Толстомъ* въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они подраздѣлены были на два типа: *классическія* гимназіи и *реальныя* училища *), при чемъ первенствующее значеніе оставлено было за гимназіями. Въ учебный курсъ ихъ введены были оба древніе языка — латинскій и греческій и поставлены главными предметами преподаванія; въ реальныхъ училищахъ проходились математика, новые языки, рисованіе и черченіе. Гимназіи классическія являлись подготовительной школой для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія; реальныя училища предназначались для подготовки только въ спеціальныя и техническія учебныя заведенія. Въ университеты „реалистовъ" постановлено не допускать.

При проведеніи своей реформы, односторонне ставившей на первый планъ классическіе языки и признававшей лишь за ними общеобразовательное значеніе, гр. Д. А. Толстой встрѣтилъ сильную оппозицію не только въ печати и обществѣ, но и въ Государственномъ Совѣтѣ, большинство членовъ котораго не раздѣляло убѣжденія гр. Толстого, что древніе языки являются могучимъ средствомъ къ всестороннему развитію учащихся, и считало наиболѣе полезнымъ изученіе природы и новыхъ языковъ и желало дать перевѣсъ реальной системѣ образованія. Главнымъ и наиболѣе вліятельнымъ защитникомъ классицизма въ печати и высшихъ сферахъ явился *М. Н. Катковъ*, бывшій профессоръ Московскаго университета и редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей". Онъ между прочимъ настойчиво проводилъ всюду мысль, что классическая система образованія, при ея надлежащей постановкѣ, послужитъ наиболѣе

---

*) При А. В. Головнинѣ, первоначально установившемъ эти два типа, оба они были равноправными; и тѣ и другія носили названіе гимназій.

серьезной гарантіей противъ разныхъ опасныхъ идейныхъ увлеченій юношества.

Александръ II склонился на убѣжденія гр. Д. А. Толстого и М. Н. Каткова и утвердилъ мнѣніе меньшинства въ Государственномъ Совѣтѣ; классицизмъ съ той поры надолго получилъ преобладающее значеніе въ русской средней школѣ, въ томъ числѣ и въ духовной, такъ какъ Д. А. Толстой съ постомъ министра народнаго просвѣщенія соединялъ и постъ оберъ-прокурора Св. Синода.

Наиболѣе плодотворною явилась реформа женскаго образованія. Послѣднее доступно было доселѣ только дѣтямъ дворянъ и крупныхъ чиновниковъ и ограничивалось закрытыми учебными заведеніями—институтами и частными пансіонами,—гдѣ на первый планъ ставилось изученіе новыхъ языковъ. По мысли *Н. А. Вышнеградскаго*, благодаря просвѣщенному покровительству императрицы Маріи Александровны, супруги императора Александра II, и отзывчивости къ дѣлу женскаго образованія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ 1858 году основана была въ С.-Петербургѣ первая *женская гимназія*, открытое учебное заведеніе съ широкимъ общеобразовательнымъ курсомъ для дочерей лицъ всѣхъ сословій *). Новыя заведенія встрѣтили большое сочувствіе въ обществѣ, и къ концу царствованія императора Александра II въ разныхъ городахъ Россіи ихъ было уже нѣсколько десятковъ. Сверхъ того открыты были еще женскія епархіальныя училища, съ курсомъ среднеучебныхъ заведеній, для дочерей лицъ духовнаго званія **).

Къ царствованію Александра II относятся и первыя попытки открыть женщинамъ доступъ къ высшему образованію, а именно для дѣвицъ, окончившихъ гимназіи и подготовлявшихся къ педагогической дѣятельности, были открыты въ столицахъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ педагогическіе курсы; въ 1872 г. послѣдовало открытіе при Военно-Медицинской академіи Высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, при чемъ окончившимъ ихъ было дано право заниматься врачебной практикой: дозволено, наконецъ, учреждать по частной иниціа-

---

*) Первоначально гимназіи назывались „Училищами для приходящихъ дѣвицъ" и получили свое нынѣшнее названіе въ 1862 г. Первой гимназіей была Маріинская въ Петербургѣ (осн. 19 апрѣля 1858 г.), слѣдомъ за ней основано было еще нѣсколько такихъ же гимназій въ обѣихъ столицахъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Гимназіи эти вошли въ составъ учебныхъ заведеній, состоящихъ въ Вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи. Основанныя послѣ того гимназіи состоятъ въ вѣдѣніи Министерства народнаго просвѣщенія (Положеніе 1870 г.).

**) Начало училищамъ для дѣвицъ духовнаго званія положено было еще въ царствованіе Николая I основаніемъ такого училища въ Царскомъ Селѣ (1843 г.), затѣмъ въ Ярославлѣ, Казани и Иркутскѣ. Они называются Маріинскими. Собственно епархіальныя училища начинаются со времени Александра II и принадлежатъ къ типу полуоткрытыхъ учебныхъ заведеній.

тивѣ „высшіе женскіе курсы“ (въ Москвѣ въ 1872 г. курсы Герье, въ Петербургѣ въ 1878 г. такъ называемые Бестужевскіе и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ женщинамъ былъ открытъ доступъ и къ нѣкоторымъ служебнымъ занятіямъ въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Широкое развитіе получили также низшія учебныя заведенія. Можно сказать, что въ собственномъ смыслѣ слова народныя (по преимуществу свѣтскія) школы получили прочную основу только въ это царствованіе. Въ 1864 году издано было Положеніе о *начальныхъ народныхъ училищахъ* и число ихъ стало быстро увеличиваться, особенно благодаря содѣйствію земствъ. Къ концу царствованія Александра II въ Европейской Россіи (не считая Кавказа, Финляндіи и Прибалтійскихъ губерній) насчитывалось уже свыше 25 тыс. только народныхъ училищъ и болѣе милліона учащихся въ нихъ. Для приготовленія народныхъ учителей Министерство народнаго просвѣщенія и земства стали учреждать такъ называемыя „учительскія семинаріи“.

Преобразованы были (въ 1872 г.) и городскія училища (свыше 400). Цѣлью ихъ поставлено было доставлять начальное образованіе дѣтямъ горожанъ всѣхъ сословій и сообщать ученикамъ прикладныя знанія, соотвѣтствующія нуждамъ мѣстнаго городского населенія. Для приготовленія учителей городскихъ училищъ основано было нѣсколько „учительскихъ институтовъ“.

Въ связи съ заботами о просвѣщеніи и общимъ ходомъ реформъ стояли и мѣры относительно печати, въ которой видѣли могучаго пособника къ правильному проведенію въ жизнь общества этихъ реформъ. Въ положеніи печати съ воцареніемъ Александра сразу же произошли крупныя перемѣны. Большая часть цензурныхъ стѣсненій, налагавшихся на печать въ минувшее царствованіе, подъ вліяніемъ тревожныхъ событій на Западѣ, теперь фактически была снята. Дозволеніе обсуждать и текущіе политическіе вопросы вызвало къ жизни цѣлый рядъ новыхъ періодическихъ изданій. Можно сказать, что русская политическая печать народилась только при Александрѣ II. При его воцареніи въ обѣихъ столицахъ было всего четыре газеты съ политическимъ отдѣломъ (Вѣдомости „С.-Петербургскія“ и „Московскія“, „Сѣв. Почта“ и „Русскій Инвалидъ“), да и то съ самымъ скуднымъ офиціальнымъ содержаніемъ. Въ 1863 году ихъ было въ столицахъ и провинціи уже болѣе сотни; къ концу царствованія число ихъ дошло до 500.

Этому росту періодической печати много способствовали между прочимъ обнародованные въ 1865 году (6 апрѣля) „Временныя правила о печати“, которыми дарованныя печати льготы были весьма значительно, по сравненію съ прежнимъ временемъ, расширены. Въ столицахъ допущено было даже существованіе такъ называемыхъ *безцензурныхъ* газетъ, т. е. выходящихъ безъ предварительной цензуры, что весьма облегчило какъ технику газетнаго дѣла, давая возможность быстрѣе сообщать всевозможныя извѣстія, такъ и свободу въ высказываніи своихъ

взглядовъ на политическія и общественныя дѣла. Равнымъ образомъ дозволено было выпускать безъ предварительной цензуры и сочиненія объемомъ не менѣе 10 листовъ (въ чемъ видѣли гарантію ихъ большей серьезности), а также изданія ученыхъ учрежденій. Безцензурныя періодическія изданія, въ которыхъ обнаруживалось вредное направленіе и допускались нарушенія законовъ о печати, подвергались взысканіямъ въ административномъ порядкѣ (три „предостереженія“, пріостановка), книги конфисковались. Надзоръ за печатью ввѣренъ былъ особому учрежденію, носившему названіе „Главнаго управленія по дѣламъ печати“ и состоявшему въ вѣдѣніи Министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ теченіемъ времени предполагали расширить еще болѣе свободу печати, замѣнить административныя кары для нея преслѣдованіемъ по суду, распространить право безцензурности и на провинціальныя изданія и т. д. Но всѣ эти предположенія остались невыполненными изъ-за опасеній умноженія злоупотребленій печатнымъ словомъ, особенно когда на первыхъ же порахъ возникъ рядъ столкновеній дѣятелей печати съ цензурнымъ вѣдомствомъ. Подъ вліяніемъ ихъ во второй половинѣ царствованія рядомъ отдѣльныхъ мѣръ введены нѣкоторыя ограниченія льготъ, дарованныхъ печати закономъ 6 апрѣля 1865 г.

Тѣмъ не менѣе и при данныхъ условіяхъ періодическая печать, а вмѣстѣ съ нею литература, наука и искусство получили на Руси широкое развитіе и во второе тысячелѣтіе своей исторической жизни Россія *) вступила въ семью европейскихъ государствъ какъ равноправный во многихъ отношеніяхъ членъ ихъ не по внѣшнему только могуществу, но и по своей культурной жизни. Русскіе писатели пріобрѣтаютъ популярность за границей. Произведенія ихъ (напр. Тургенева, Достоевскаго, гр. Л. Толстого и др.) переводятся на иностранные языки и занимаютъ подъ конецъ даже первенствующее мѣсто во всемірной литературѣ. Имена и труды русскихъ ученыхъ и художниковъ пріобрѣтаютъ европейскую извѣстность (напр. Пирогова, Менделѣева, Айвазовскаго, Антокольскаго, Рубинштейна, Чайковскаго и др.). Вообще эпоха великихъ реформъ выдвинула крупныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ общественной жизни и мысли въ Россіи, наглядно свидѣтельствуя предъ всѣмъ свѣтомъ о даровитости и способности великаго русскаго народа.

Финансы. Среди крупныхъ реформъ эпохи Александра II финансовыя мѣры правительства, заботы о путяхъ сообщенія, торговлѣ и промышленности занимаютъ второстепенное мѣсто, хотя во всякое другое время, менѣе богатое выдающимися событіями внутренней жизни, и онѣ выдвинулись бы довольно замѣтно. Изъ мѣръ этого рода можно отмѣтить слѣдующія: правила объ *исполненіи государственной росписи*, установленіе такъ называемаго *единства кассы*, *отмѣну откуповъ* и особенно *развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ*.

---

*) Въ 1862 г. въ Новгородѣ, въ присутствіи императора Александра II, торжественно отпраздновано было тысячелѣтіе со времени основанія Русскаго государства (призваніе Рюрика съ братьями въ 862 г.).

Еще графомъ Канкринымъ при Николая I установленъ былъ порядокъ составленія государственной росписи, по которому смѣта доходовъ и расходовъ (государственный бюджетъ) составлялась впередъ на каждый годъ. Но ни одно вѣдомство не исполняло смѣты какъ слѣдуетъ и разныя министерства постоянно испрашивали Высочайшія разрѣшенія на дополнительные отпуски денегъ для покрытія сверхсмѣтныхъ расходовъ. Вслѣдствіе этого ежегодно обнаруживались значительные дефициты противъ смѣты, и въ финансахъ нашихъ царилъ безпорядокъ. Съ 1862 г. предписано, во-первыхъ, ежегодно обнародовывать государственную роспись, чтобы тѣмъ труднѣе было допускать отступленія отъ нея, а во-вторыхъ, строго держаться смѣты, а ходатайства о дополнительныхъ кредитахъ допускались уже не иначе, какъ въ исключительныхъ случаяхъ и послѣ просмотра ихъ въ Министерствѣ финансовъ, въ Государственномъ Контролѣ и наконецъ Государственномъ Совѣтѣ; только послѣ этого можно было вносить ихъ на Высочайшее утвержденіе.

Въ слѣдующемъ (1863) году уничтожили такъ называемыя отдѣльныя министерскія кассы, въ которыхъ сосредоточивались всѣ капиталы и доходы отдѣльныхъ вѣдомствъ. Теперь всѣ эти капиталы, доходы и остатки отъ расходовъ должны были поступать въ Государственное Казначейство, и такимъ образомъ установлено „единство кассы“, позволяющее точно слѣдить за правильностію притока доходовъ и производства смѣтныхъ расходовъ отдѣльными вѣдомствами.

Къ разряду мѣръ, способствовавшихъ упорядоченію финансоваго дѣла *), слѣдуетъ отнести и отмѣну винныхъ откуповъ (1863 г.), установленныхъ еще при Екатеринѣ II и приводившихъ къ ряду злоупотребленій (разбавка вина водой при продажѣ и пр.), обогащенію только частныхъ лицъ („откупщиковъ“, обратившихся въ пословицу въ печати и обществѣ). Вмѣсто нихъ введена была такъ называемая акцизная система питейныхъ сборовъ, т. е. установлена непосредственная пошлина (акцизъ) со спирта и вина съ помощью особыхъ чиновниковъ („акцизное управленіе“). Качество вина улучшилось, доходы казны увеличились, но, къ сожалѣнію, народное пьянство не уменьшилось и никакихъ почти мѣръ къ ограниченію его не предпринималось, такъ какъ акцизные сборы составляли важнѣйшую статью дохода въ русскомъ бюджетѣ.

Наиболѣе полезнымъ и производительнымъ въ дѣлѣ государственнаго хозяйства оказалась забота объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, которыхъ въ продолженіе царствованія Александра II проведено свыше 20 тыс. верстъ. Строились онѣ теперь не казною (такъ какъ первый опытъ казенной постройки Николаевской жел. дороги признанъ былъ дорогимъ и убыточнымъ), но частными компаніями русскихъ и ино-

*) Къ числу такихъ мѣръ относилось и сокращеніе чрезмѣрнаго количества кредитныхъ билетовъ, путемъ уничтоженія части ихъ. Но, какъ и въ былое время (при Павлѣ I, Николаѣ I), эта мѣра, повышавшая курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ заграницей, предпринималась только въ мирное время; при наступленіи же войны (такъ было, напр., въ 1877—78 гг.) начинались опять усиленные выпуски кредитокъ, и курсъ опять падалъ. Чтобы устранить дефициты и на разные экстренные расходы не разъ производились заграничные займы, только увеличившіе общую задолженность государства, вынужденнаго ежегодно и непроизводительно расходовать громадныя суммы на уплату % по этимъ займамъ.

странныхъ капиталистовъ, хотя и при правительственной гарантіи *), что въ концѣ концовъ повело къ двойнымъ убыткамъ для государства и той же казны. Во-первыхъ, дороги строились плохо, а во-вторыхъ, рѣдкая дорога, особенно въ виду малодоходности на первыхъ порахъ, обходилась безъ пособій со стороны казны. Плохая постройка и безпорядки управленія особенно ярко сказались въ эпоху войны 1877 — 78 гг., послѣ чего въ правительственной политикѣ относительно желѣзныхъ дорогъ начинается поворотъ въ сторону государственнаго вмѣшательства въ желѣзнодорожное дѣло. Намѣченъ планъ выкупа желѣзныхъ дорогъ отъ частныхъ предпринимателей въ казну (онъ приведенъ въ исполненіе уже въ слѣдующія царствованія) и снова начинается постройка желѣзныхъ дорогъ, какъ предпріятія, имѣющаго не частное, но общественное и государственное значеніе, средствами казны (однимъ изъ грандіознѣйшихъ сооруженій этого рода явилась уже послѣ Александра II постройка Сибирской желѣзной дороги).

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ недостаткахъ желѣзнодорожнаго строительства и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ царствованіе Александра II, увеличеніе желѣзнодорожной сѣти, а равно и развитіе пароходныхъ сообщеній по русскимъ рѣкамъ и морямъ (тоже съ помощью частныхъ акціонерныхъ компаній, въ родѣ „Русскаго Общества пароходства и торговли“) выгодно отразились на усиленіи торговыхъ оборотовъ страны, фабрично-заводской промышленности и пр., а слѣдовательно и доходовъ казны, къ концу царствованія Александра II увеличившихся почти втрое противъ прежняго времени.

Польское возстаніе 1863 г.

Мирное теченіе внутреннихъ дѣлъ въ первые годы царствованія Александра II нарушено было въ 1863 году возстаніемъ поляковъ, которые, не довольствуясь тѣми льготами по самоуправленію, какія давало имъ правительство, думали этимъ путемъ добиться полной независимости и требовали присоединенія къ Польшѣ Литвы и Волыни съ Подоліей. Возстаніе было подавлено русскими войсками, попытка дипломатическаго вмѣшательства въ это дѣло со стороны европейскихъ державъ отвергнута Россіей и потерпѣла полную неудачу. Бывшія польскія области потеряли теперь послѣднюю тѣнь своей самостоятельности и приравнены къ остальнымъ частямъ имперіи.

Ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и отношеніе къ нему правительственной власти обрисовывается слѣдующимъ образомъ. Послѣ мятежа 1831 г. въ Польшѣ было возстановлено спокойствіе и затѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ, пока живъ былъ намѣстникъ Царства Польскаго кн. Паскевичъ, порядокъ въ краѣ ничѣмъ не нарушался. Паскевичъ дер-

*) Первымъ изъ такихъ обществъ было основанное въ 1852 г. „Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“, которому предоставлена была постройка желѣзнодорожныхъ линій на протяженіи слишкомъ 4 тысячъ верстъ.

жался одной опредѣленной политики по отношенію къ полякамъ и уклоненій отъ нея не допускалъ, хотя съ теченіемъ времени и смягчилъ тотъ желѣзный режимъ, который былъ установленъ въ краѣ въ первое время послѣ возстанія. Послѣ его смерти (1856) въ короткое время смѣнился рядъ намѣстниковъ (кн. Горчаковъ, гр. Ламбертъ, гр. Лидерсъ), выборъ которыхъ не былъ удачнымъ и которые, по своимъ взглядамъ, были представителями разныхъ системъ управленія. Мѣры строгости смѣнялись послабленіями и обратно, что, разумѣется, не способствовало упроченію престижа русской власти и успокоенію края.

Самъ императоръ Александръ II относился къ полякамъ очень благосклонно и надѣялся мягкими мѣрами и разными льготами сблизить ихъ съ Россіей. Тотчасъ же по восшествіи на престолъ онъ разрѣшилъ польскимъ эмигрантамъ, удалившимся заграницу послѣ неудачной революціи 1831 года, вернуться въ отечество. Многіе изъ отправленныхъ въ ссылку въ Сибирь были прощены и также вернулись на родину. Посѣтивши послѣ этого Варшаву, государь въ рѣчахъ своихъ польскому дворянству и представителямъ высшаго польскаго общества подтвердилъ свои благожелательныя намѣренія относительно Польши и убѣждалъ поляковъ бросить неосуществимыя мечты о независимости и мирно работать вмѣстѣ съ русскими. Но убѣжденія эти, а равно и первыя мѣры правительства въ обѣщанномъ направленіи слабо подѣйствовали. Умѣренная часть общества еще не прочь была на извѣстныхъ условіяхъ сблизиться съ Россіей, но она не отличалась должной энергіей и искренностію въ своихъ дѣйствіяхъ; крайнія же партіи, въ составъ которыхъ вошли и вернувшіеся эмигранты, держались попрежнему непримиримой политики и проявили неукротимую энергію, подчиняя своему вліянію и умѣренныхъ и особенно сильно дѣйствуя на молодежь. Начался рядъ враждебныхъ русскимъ уличныхъ манифестацій, а затѣмъ и прямая подготовка къ новому возстанію. Между прочимъ поляки разсчитывали на то, что освобожденіе крестьянъ вызоветъ по всей Россіи волненія, на подавленіе которыхъ правительству придется сосредоточить всѣ свои военныя силы. Съ другой стороны, какъ и въ 1830 году, они ожидали вмѣшательства европейскихъ державъ, особенно Франціи и Англіи, въ дѣла Польши. Проживавшіе въ Парижѣ и Лондонѣ польскіе эмигранты усиленно старались объ этомъ и добились со стороны нѣсколькихъ видныхъ политическихъ дѣятелей Франціи и Англіи обѣщанія поддержать притязанія поляковъ.

Центромъ противоправительственной пропаганды сдѣлалось руководимое графомъ *Замойскимъ* Земледѣльческое общество, основанное съ скромной цѣлью улучшенія въ Царствѣ Польскомъ земледѣлія и промышленности. Въ составъ его постепенно привлечены были почти всѣ землевладѣльцы края; обществу разрѣшено было учреждать мѣстные отдѣлы въ другихъ городахъ Западнаго края и собираться на общія совѣщанія въ Варшавѣ. Располагая большими денежными средствами, оно издавало брошюры и книги, подготовлявшія умы къ движенію, вело черезъ своихъ членовъ дѣятельную пропаганду въ школѣ, привлекало къ себѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей изъ среды шляхты и духовенства. Крестьяне, за небольшими исключеніями, не примкнули

къ движенію. Хотя они и были еще при Наполеонѣ I освобождены отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли, и терпѣли постоянныя притѣсненія отъ пановъ и теперь не поддавались увѣщаніямъ. Сильнѣе всего привилось революціонное настроеніе среди городскихъ классовъ населенія, при чемъ большую роль играли ксендзы посредствомъ проповѣдей, совершенія особыхъ моленій „о свободѣ, цѣлости и независимости ойчизны“ (отечества) и, наконецъ, путемъ исповѣди. Женщины всецѣло подчинялись ихъ вліянію и въ свою очередь дѣйствовали на семью. Между прочимъ поляки усвоили обычай ношенія черной одежды, въ знакъ траура и печали о погибшей отчизнѣ. Среди населенія и особенно молодежи распространилось множество разнаго рода патріотическихъ пѣсенъ и гимновъ, распѣвавшихся повсюду и въ домахъ, и на улицахъ, и даже въ костелахъ.

Не соотвѣтствующая первоначальнымъ цѣлямъ дѣятельность Земледѣльческаго общества была, наконецъ, замѣчена и оно было закрыто. Но это не остановило начавшагося движенія и дало между прочимъ поводъ къ грандіозной уличной демонстраціи въ Варшавѣ, которую пришлось усмирять уже при помощи оружія. Въ Варшавѣ было объявлено, наконецъ, военное положеніе и приняты строгія мѣры противъ уличныхъ безпорядковъ.

Правительство тѣмъ не менѣе разсчитывало все-таки умиротворить поляковъ разными реформами, клонившимися къ дарованію имъ самоуправленія, повѣривъ заявленіямъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей умѣренной польской партіи маркиза *Вѣлепольскаго*, что всѣ эти демонстраціи являются дѣломъ лишь немногочисленной партіи революціонеровъ, принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ общества, но что высшіе и средніе классы охотно примкнутъ къ правительству, если оно пойдетъ по пути реформъ и дастъ полякамъ хотя бы только самоуправленіе.

Въ дѣйствительности Вѣлепольскій стремился, какъ и всѣ, къ полной независимости Польши, но разсчитывалъ достигнуть этого лишь постепенно и дѣйствуя при помощи самого же правительства. Хитрымъ увѣреніямъ маркиза довѣрялись не только намѣстники Царства Польскаго (кн. Мих. Горчаковъ и гр. Ламбертъ), но и многіе представители высшаго петербургскаго общества, когда Вѣлепольскій былъ вызванъ (въ 1861 г.) въ Петербургъ и имѣлъ аудіенцію у государя. (На его сторонѣ оказался предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Блудовъ, министры: иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ и внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и, наконецъ, великій князь Константинъ Николаевичъ). Общественное мнѣніе Россіи, только что отпраздновавшее передъ тѣмъ крестьянскую реформу 19 февраля 1861 г., вѣрило во врачующее дѣйствіе либеральныхъ учрежденій и сильно желало полюбовнаго прекращенія старой племенной вражды между русскими и поляками, на которую всѣ смотрѣли какъ на внутренній государственный вопросъ. Большинство органовъ печати трактовало вопросъ съ этой точки зрѣнія.

По предложенію Вѣлепольскаго, русское правительство согласилось на учрежденіе особаго Государственнаго Совѣта для Царства Польскаго, съ мѣстными дѣятелями во главѣ, губернскихъ окружныхъ

и городскихъ совѣтовъ (т. е. собраній выборныхъ лицъ для мѣстнаго самоуправленія) и передало въ руки Вѣлепольскаго и набранныхъ имъ чиновниковъ-поляковъ всѣ дѣла въ Польшѣ, касающіяся вѣры, народнаго образованія и юстиціи.

Сдѣланныя, по совѣту Вѣлепольскаго, уступки полякамъ, однако, не удовлетворяли ихъ, а, напротивъ, показались признакомъ слабости. Броженіе еще болѣе усилилось. Къ нему примкнули и дѣятели умѣренныхъ партій и въ составъ новыхъ органовъ самоуправленія — въ губернскіе и окружные совѣты избраны были въ большинствѣ сторонники революціи.

Считая это результатомъ недовѣрчиваго отношенія населенія къ русскимъ властямъ и желая устранить всякіе поводы къ недовольству поляковъ, правительство рѣшило ввѣрить управленіе гражданскою частію Царства Польскаго природному поляку, а именно тому же маркизу Вѣлепольскому. Намѣстникомъ былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, одушевленный самыми добрыми намѣреніями относительно Польши. Непримиримые сторонники революціи рѣшили всѣми способами воспрепятствовать успокоенію края и на жизнь великаго князя тотчасъ по его пріѣздѣ было произведено покушеніе, причемъ ему нанесена была, къ счастію, только легкая рана, а затѣмъ были произведены два неудачныхъ покушенія и на маркиза Вѣлепольскаго.

Не взирая на это, великій князь-намѣстникъ обратился къ населенію съ воззваніемъ, въ которомъ, увѣщевая поляковъ отречься отъ всякой солидарности съ виновниками совершенныхъ преступленій и зачинщиками смуты, обѣщалъ немедленное проведеніе цѣлаго ряда льготъ и преобразованій, укрѣпляющихъ самоуправленіе въ краѣ. „Поляки, такъ заключалось воззваніе, ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣряюсь вамъ. Будемъ трудиться сообща и въ мирѣ для счастья Польши“.

Въ отвѣтъ на воззваніе польскіе дворяне, въ числѣ 300 человѣкъ съѣхавшіеся въ Варшаву, подали чрезъ графа Замойскаго особое заявленіе съ требованіемъ конституціи и возвращенія Польшѣ Литвы и другихъ областей, когда-то ей принадлежавшихъ, вплоть до Двины и Днѣпра. Графа Замойскаго вызвали въ Петербургъ и затѣмъ предложили выѣхать заграницу.

Вѣлепольскій между тѣмъ энергично принялся за послѣдовательное проведеніе своей политической программы. По его настоянію, почта и пути сообщенія въ Царствѣ Польскомъ и всѣ важнѣйшія должности по управленію переданы въ руки поляковъ, открытъ Государственный Совѣтъ, польскій языкъ введенъ въ офиціальную переписку, снято военное положеніе, помилована большая часть осужденныхъ за послѣднія политическія преступленія и т. д.

Но всѣ эти мѣры остались безъ вліянія на расположеніе умовъ въ краѣ, а только доставили большую свободу устроителямъ демонстрацій и тайному „центральному комитету“, руководившему всѣмъ движеніемъ. Онъ обнародовалъ воззваніе къ соотечественникамъ-полякамъ, въ которомъ приглашалъ ихъ на „повстанье“, безпощадную борьбу съ „пришельцами“, впредь до совершеннаго освобожденія „ойчизны“. Всюду организованы были революціонные кружки по системѣ

троекъ, которые въ общей совокупности должны были составить громадный и тѣсно сплоченный организмъ для возстанія. Каждый рядовой членъ кружка зналъ только *двоихъ* участниковъ и десятника, чѣмъ значительно затруднялось раскрытіе заговора и преслѣдованіе его участниковъ. Такія тройки образовались не только въ предѣлахъ собственно Царства Польскаго, но и въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, въ Подоліи, на Волыни, словомъ всюду, гдѣ только имѣлись помѣщики поляки и шляхтичи, составлявшіе вмѣстѣ съ фабричными и мѣщанами главный контингентъ недовольныхъ (крестьяне въ этомъ движеніи, въ большинствѣ случаевъ, не участвовали). Въ самомъ Петербургѣ, среди проживавшихъ тамъ поляковъ и другихъ лицъ, имъ сочувствовавшихъ, были развѣтвленія заговора, благодаря чему главари движенія получали заблаговременно свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ русскаго правительства относительно Польши *). Въ самой Польшѣ противъ лицъ, не сочувствовавшихъ революціи и не доставлявшихъ пожертвованій на повстаніе, организована была система устрашенія при помощи особыхъ агентовъ, или такъ называвшихся „жандармовъ-вѣшателей“. Каждый день приносилъ вѣсти о жертвахъ насилій и тайныхъ убійствъ со стороны этихъ агентовъ.

Въ январѣ 1863 года разразился, наконецъ, открытый мятежъ. Предлогомъ къ возстанію послужило распоряженіе о рекутскомъ наборѣ во всемъ Царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и на Волыни. Наборъ этотъ не касался крестьянъ, но только фабричныхъ и мѣщанъ. Такъ какъ эти классы городского населенія принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ различныхъ уличныхъ демонстраціяхъ, то и имѣлось въ виду между прочимъ посредствомъ рекрутскаго набора удалить изъ края большинство мятежниковъ.

Предупрежденные чиновниками-поляками молодые люди, подлежавшіе призыву, поспѣшили заблаговременно скрыться изъ Варшавы и другихъ городовъ и, собравшись въ окрестныхъ лѣсахъ, составили первыя повстанческія шайки. Въ назначенное время (въ ночь съ 10-го на 11-го января) они произвели повсюду нападенія на отряды русскихъ войскъ, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго и Литвы, но успѣли убить и ранить лишь незначительное число русскихъ солдатъ, всюду энергически отбивавшихъ нападенія. Въ Польшѣ снова было объявлено военное положеніе и летучіе отряды кавалеріи принялись преслѣдовать мятежниковъ.

Императоръ Александръ II и послѣ всего случившагося соглашался на предложенія намѣстника подѣйствовать мѣрами кротости; особымъ манифестомъ онъ обѣщалъ полную амнистію тѣмъ мятежнымъ шайкамъ, которыя къ извѣстному сроку (къ 1-му мая) положатъ оружіе, и выражалъ твердую рѣшимость провести обѣщанныя начала самоуправленія.

Отвѣтомъ на царскій призывъ къ примиренію послужили два

*) Особенной извѣстностію пользовался Іосафатъ *Огрызко*, бѣлоруссъ по происхожденію, служившій въ министерствѣ финансовъ и имѣвшій большія связи въ Петербургѣ. Впослѣдствіи онъ былъ сосланъ въ Сибирь.

воззванія тайнаго центральнаго комитета, изъ которыхъ въ первомъ онъ отказывался отъ амнистіи и обѣщалъ преслѣдовать и убивать тѣхъ, кто ее приметъ, а во второмъ—присваивалъ себѣ, съ благословенія папы, названіе *„ржонда народоваго“* („народнаго правительства“), при чемъ конечной цѣлью возстанія ставилъ полную независимость Польши, Литвы и Бѣлоруссіи, какъ нераздѣльныхъ частей единаго государства Польскаго.

Общимъ взрывомъ негодованія отвѣтило русское общество на эти притязанія поляковъ и особенно вѣсти о томъ, что нѣкоторыя европейскія державы (Франція, Англія и Австрія) готовятся поддержать эти замыслы, съ цѣлью такимъ путемъ снова ослабить Россію, только что начинавшую оправляться послѣ невзгодъ Крымской войны. По почину Петербурга и Москвы, со всѣхъ концовъ Россіи стали поступать къ государю адресы отъ всѣхъ сословій, обществъ и учрежденій съ выраженіемъ готовности грудью отстоять русское дѣло и русскую землю отъ замысловъ явныхъ и тайныхъ враговъ. Въ русской печати также раздались въ соотвѣтствіи съ этимъ настроеніемъ общества горячіе призывы сплотиться и дать отпоръ попыткамъ раздѣлить Россію на части *).

Политика колебаній и снисхожденія была оставлена. Рѣшено было прибѣгнуть къ самымъ крутымъ мѣрамъ для подавленія мятежа, разлившагося по всему Царству Польскому и Литвѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ уѣхалъ вскорѣ за границу и намѣстникомъ назначенъ былъ графъ *Бергъ*, а генералъ-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края ген.-адъютантъ Михаилъ Николаевичъ *Муравьевъ* (братъ покорителя Карса).

Быстрѣе всего подавленъ былъ мятежъ въ Литвѣ, гдѣ, помимо неутомимаго преслѣдованія шаекъ до полнаго ихъ истребленія, были приняты самыя безпощадныя мѣры относительно главарей и вдохновителей движенія, не взирая на ихъ положеніе или санъ; казнены были даже нѣсколько ксендзовъ. На убійства „кинжальщиками“ лицъ польскаго происхожденія, приверженныхъ правительству, и жестокости „жандармовъ-вѣшателей“ надъ русскими крестьянами края Муравьевъ отвѣтилъ конфискаціей усадебъ и имѣній, куда укрывались убійцы, штрафами и тому подобными мѣрами по отношенію къ селеніямъ, гдѣ они находили себѣ пріютъ, и т. д. Онъ заставилъ польское дворянство заплатить за всѣ убытки, причиненные мятежниками какъ въ казенномъ имуществѣ, такъ и въ частномъ (у православныхъ священниковъ и крестьянъ).

Къ осени 1863 г. мятежъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ утихъ, но въ Царствѣ Польскомъ онъ продолжался до 1864 г., не взирая на пораженія, которыя въ большинствѣ случаевъ терпѣли повстанцы отъ русскихъ войскъ (всего было за время мятежа до 600 крупныхъ и мелкихъ стычекъ).

Возстаніе поддерживалось съ одной стороны соучастіемъ польскихъ властей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, въ рукахъ которыхъ все

---

*) Особенной популярностью въ это время пользовались отвѣчавшія тогдашнему настроенію статьи М. Н. Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

еще сосредоточивалось управленіе, съ другой стороны надеждами на помощь извнѣ. Лѣтомъ 1863 года правительства Англіи, Франціи и Австріи дѣйствительно послали въ Петербургъ дипломатическія ноты, въ которыхъ требовали уступить полякамъ и предлагали рѣшить вопросъ о Польшѣ на общеевропейской конференціи. По приглашенію парижскаго и лондонскаго кабинетовъ съ такими же настойчивыми ходатайствами за Польшу выступили Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и даже—Турція. Отъ участія въ этой манифестаціи уклонились только Бельгія и Швейцарія, ссылаясь на свою нейтральность, Соединенные Штаты, заявившіе о своемъ невмѣшательствѣ въ европейскія дѣла *) и Пруссія. Послѣдняя съ самаго начала возстанія приняла даже противъ польскихъ мятежниковъ самыя энергичныя мѣры, опасаясь за спокойствіе въ своихъ польскихъ владѣніяхъ и не желая ссориться съ Россіей въ угоду Австріи и Франціи, которыхъ уже тогда министръ-президентъ Пруссіи Бисмаркъ трактовалъ какъ соперниковъ Пруссіи. Въ довершеніе всего даже папа обратился къ государю Россіи съ письмомъ, въ которомъ просилъ прекратить притѣсненія католиковъ въ Польшѣ и требовалъ для себя права непосредственно сноситься съ мѣстными епископами и распоряжаться съ духовенствомъ края.

Опираясь на ясно обозначившійся голосъ русскаго общества, императоръ Александръ II приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ кн. Горчакову отвѣтить на всѣ эти требованія рѣшительнымъ отказомъ, не считая возможнымъ допустить чье-либо вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи и отношенія русской власти къ полякамъ, какъ подданнымъ русскаго государя. Упрекамъ папы государь въ личномъ письмѣ противопоставилъ обвиненіе ксендзовъ и бискуповъ въ соучастіи въ мятежѣ и выразилъ надежду, что папа съ своей стороны посодѣйствуетъ прекращенію этого печальнаго явленія **). Въ частности, по отношенію къ Франціи, въ депешахъ кн. Горчакова, въ сдержанной и вѣжливой формѣ, но очень ясно прозвучалъ упрекъ въ потворствѣ польскимъ революціонерамъ, находившимъ въ Парижѣ поддержку своимъ замысламъ противъ Россіи.

Въ Европѣ никто не ожидалъ такого отвѣта Россіи. Всѣ, напротивъ, ждали, что она смирится предъ общимъ голосомъ дипломатовъ почти всѣхъ государствъ Запада. Ни Англія съ Франціей, ни тѣмъ менѣе правительства другихъ странъ вовсе не расположены были проливать кровь своихъ подданныхъ за благополучіе Польши, которую большинство втайнѣ считало очагомъ смутъ въ Европѣ. Дипломатическій походъ цѣлой Европы противъ Россіи потерпѣлъ такимъ образомъ позорное фіаско. Опубликованіе переговоровъ русскаго правительства

*) Правительство Штатовъ помнило, что Россія въ свое время, въ началѣ 60-хъ годовъ, отказалась участвовать въ подобной же демонстраціи европейскихъ державъ противъ Штатовъ во время междоусобной борьбы сѣверныхъ и южныхъ штатовъ въ Сѣверной Америкѣ.

**) Впослѣдствіи, на новое вмѣшательство римской куріи въ отношенія русскихъ властей къ католикамъ, правительство отвѣтило отмѣной конкордата, заключеннаго съ папой еще въ 1847 г., а въ 1869 г. запретило католическимъ епископамъ принять участіе въ созванномъ Піемъ IX соборѣ (по вопросу о непогрѣшимости папъ).

съ державами вызвало въ обществѣ небывалый энтузіазмъ и цѣлый рядъ новыхъ адресовъ государю. Общественное мнѣніе обновленной Россіи вмѣстѣ съ правительствомъ торжественно праздновало свою первую безкровную побѣду надъ соединенной Европой.

Въ Царствѣ Польскомъ между тѣмъ приняты были относительно возстанцевъ суровыя мѣры, аналогичныя съ тѣми, какія уже употреблены были въ Литвѣ. Строгими распоряженіями графа Берга возстановленъ былъ наружный порядокъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ; траурныя одѣянія и другія демонстративныя проявленія недовольства исчезли; на городъ Варшаву и на землевладѣльцевъ всего края наложена чрезвычайная контрибуція и т. д. Въ мартѣ 1864 года захвачены были наиболѣе дѣятельные члены „ржонда народоваго". Тѣ изъ нихъ, которые избѣжали ареста, поспѣшили скрыться за границу. Туда же бѣжало множество поляковъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ. Эти эмигранты новой формаціи пробовали снова возбуждать общественное мнѣніе Европы, но безуспѣшно. Возстаніе въ Польшѣ погасло и въ маѣ 1864 г. русскимъ войскамъ объявили объ окончаніи кампаніи.

Послѣ этого были приняты мѣры для окончательнаго слiянія Польши съ Россіей. Царство Польское было раздѣлено на 10 губерній, во всемъ почти уравнено съ остальными частями Россіи и получило названіе *Привислинскаго края*. Отдѣльныя правительственныя учрежденія Польши были уничтожены и замѣнены общерусскими (кромѣ реформъ судебной и земской, которыя затруднялись ввести вслѣдствіе пестроты городского населенія, въ составѣ котораго было много евреевъ и ополяченныхъ обывателей), русскій языкъ былъ объявленъ обязательнымъ въ администраціи и преподаваніи. Положеніе польскихъ крестьянъ, непричастныхъ мятежу, поднятому интеллигенціей, было значительно улучшено. Они были надѣлены землей безъ какихъ-либо обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, внося только извѣстный поземельный налогъ въ казну, и получили особое „гминное" (гмина—община изъ нѣсколькихъ селеній) самоуправленіе *), посредствомъ выборныхъ ими „войтовъ" (старшинъ) и другихъ должностныхъ лицъ. Главными дѣятелями по устройству крестьянскаго населенія въ Польшѣ были кн. Черкасскій и Н. А. Милютинъ.

Съ цѣлью ослабить вліяніе польщизны на русское населеніе края, признано было полезнымъ отмѣнить послѣдніе остатки уніи, существо-

*) Въ Литвѣ еще раньше М. Н. Муравьевымъ были приняты мѣры къ обрусѣнію края и насажденію въ немъ русскаго землевладѣнія путемъ устройства православныхъ и старообрядческихъ поселеній на казенныхъ земляхъ и отдачи служащимъ въ краѣ русскимъ чиновникамъ конфискованныхъ имѣній на льготныхъ началахъ. Первая мѣра оказалась очень полезною, вторая прошла почти безслѣдно: большинство чиновниковъ, которыми думали увеличить кадры русскихъ помѣщиковъ въ краѣ, сами не управляли имѣніями, а сдавали ихъ въ аренду постороннимъ лицамъ, иногда не русскаго происхожденія.—Крестьяне Сѣверо-Западнаго края такъ же, какъ и въ Польшѣ, были избавлены отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ за земельные надѣлы.

За свою дѣятельность въ Литвѣ М. Н. Муравьевъ при своемъ увольненіи отъ должности генералъ-губернатора (1868) получилъ титулъ графа. Преемникъ его (ген. Потаповъ) снова сталъ держаться примирительной политики по отношенію къ полякамъ, жившимъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

вавшей еще въ юго-восточной части Привислинскаго края и составлявшей особую Холмскую епархію. Возсоединеніе послѣднихъ уніатовъ края съ православною церковью совершилось въ 1875 году.

Въ противоположность мѣрамъ, принятымъ вслѣдствіе восстанія относительно Польши, политика Александра II по отношенію къ другимъ окраинамъ отличалась полной снисходительностью. Ихъ старинныя привилегіи не только сохранялись, но и расширялись. Такъ, напримѣръ, въ Финляндіи въ 1863 году былъ созванъ сеймъ изъ представителей всѣхъ четырехъ сословій, который не созывался ни разу со времени Александра I. Вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндіи предоставлено было пользоваться полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ съ дѣлопроизводствомъ и преподаваніемъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Она имѣла даже право чеканить собственную монету и наконецъ получила разрѣшеніе организовать для себя особое войско (1879 г.). Все это дало возможность Финляндіи значительно обособиться въ своей внутренней жизни отъ остальной Россіи.

Точно также въ прибалтійскихъ или остзейскихъ губерніяхъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) остались нетронутыми старинныя привилегіи господствовавшаго въ краѣ нѣмецкаго населенія, къ составу котораго принадлежали мѣстные помѣщики и большая часть горожанъ. Даже земельная реформа не коснулась края, въ виду несогласія на это помѣщиковъ-нѣмцевъ, что впослѣдствіи сильно обострило отношенія между высшими и низшими классами населенія.

Покореніе Кавказа.

Персидская война при Николаѣ I, закончившаяся Туркманчайскимъ миромъ, упрочила господство Россіи въ Закавказьи. Но самый Кавказъ, въ горахъ котораго ютились дикія воинственныя племена, долго оставался неподвластнымъ Россіи и во все продолженіе царствованія Николая I здѣсь велась упорная война съ горцами, унаслѣдованная еще отъ прежняго времени. Начавшись съ момента присоединенія Грузіи, она длилась свыше 60 лѣтъ и закончилась только при Александрѣ II (1864 г.).

Продолжительность войны объясняется какъ условіями мѣстности, въ которой приходилось ее вести, такъ и самыми способами борьбы. Непроходимые лѣса и горы, пропасти и ущелья крайне затрудняли движеніе русскихъ солдатъ, не привыкшихъ дѣйствовать въ гористой и пересѣченной мѣстности. Наоборотъ, горцы чувствовали себя отлично въ родныхъ горахъ, гдѣ имъ была извѣстна каждая тропинка. Избѣгая открытыхъ столкновеній съ русскими войсками, они дѣйствовали по большей части оборонительно и вели чисто партизанскую войну. Скрываясь въ горахъ и ущельяхъ, они дѣлали постоянно засады русскимъ войскамъ, тревожили ихъ внезапными нападеніями съ боковъ и съ тыла. Такая тактика заставляла русскихъ двигаться крайне медленно

и осмотрительно. Особенно умѣло дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ знаменитый *Ермоловъ*, назначенный (въ 1816 г.) главнокомандующимъ на Кавказѣ. Онъ первый организовалъ правильную борьбу съ горцами, методически осторожно, шагъ за шагомъ, отвоевывая у горцевъ одну позицію за другой. Легендарная храбрость и богатырская личность стараго генерала внушали горцамъ и страхъ и уваженіе. Съ его уходомъ, при Николаѣ I, положеніе дѣлъ измѣнилось. Его преемники дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, прибѣгая къ отдѣльнымъ и дорого стоившимъ экспедиціямъ въ горы. Результатовъ же экспедиціи не приносили и только озлобляли горцевъ. На почвѣ стремленія охранить свою независимость, среди нихъ образовалась даже особая воинствующая мусульманская секта—*мюридизмъ*. Послѣдователи ея сгруппировались (въ 1834 г.) на Восточномъ Кавказѣ около своего главы, энергичнаго и талантливаго *Шамиля*, который, въ свою очередь, началъ систематическую борьбу съ русскими, настроилъ множество укрѣпленій въ горахъ и остановилъ распространеніе русскаго владычества на Кавказѣ, пользуясь между прочимъ тайной помощью турокъ и Англіи, доставлявшей оружіе и снаряды

Послѣ Крымской войны, во время которой горцы усердно помогали туркамъ и сильно затрудняли движеніе русскихъ войскъ нападеніями съ тыла, Александръ II рѣшилъ во что бы то ни стало покончить борьбу съ ними и заставить ихъ признать надъ собой власть Россіи. Главнокомандующимъ на Кавказѣ назначенъ былъ князь *Барятинскій*, уже ранѣе заявившій себя умѣньемъ вести горную войну, знатокъ мѣстности и характера горцевъ. Главное вниманіе свое онъ сосредоточилъ на Восточномъ Кавказѣ, гдѣ дѣйствовали Шамиль и его знаменитые мюриды. Онъ повелъ борьбу по методу Ермолова, постепенно отбирая у горцевъ одну позицію за другой. Русскіе рубили вѣковые лѣса, прокладали дороги въ горахъ, подвозили горную артиллерію и громили считавшіеся дотолѣ неприступными укрѣпленные аулы горцевъ. Такъ наконецъ взято было приступомъ и главное мѣстопребываніе Шамиля—чеченскій аулъ Веденъ. Чеченцы вынуждены были смириться. Шамиль, съ остатками самыхъ отчаянныхъ приверженцевъ, укрылся было въ крайней восточной области Кавказа, въ горахъ Дагестана, въ неприступномъ аулѣ Гунибъ, но Барятинскій добрался и туда и обложилъ со всѣхъ сторонъ послѣднее убѣжище главы горцевъ. Испробовавши всѣ способы защиты и видя неминуемую гибель, Шамиль вынужденъ былъ наконецъ сдаться (1859 г.). Его съ семьей отправили на жительство въ Калугу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Вѣсть о паденіи Гуниба и взятіи въ плѣнъ Шамиля произвела потрясающее впечатлѣніе на горцевъ. Сознавая невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, племена восточнаго Кавказа подчинились русскому владычеству.

Что касается западной части Кавказа, то тамъ борьба продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, но уже не носила того упорнаго характера, какой она имѣла при Шамилѣ на восточной сторонѣ Кавказа, хотя горцамъ усердно помогали турки, англичане и добровольцы изъ польскихъ эмигрантовъ, пользуясь свободнымъ доступомъ съ Чернаго моря, гдѣ уже не было русскаго флота. Покореніе западнаго Кавказа закон-

чено было уже при новомъ намѣстникѣ Кавказа, братѣ государя великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ въ 1864 году. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа до 200 тыс. горцевъ, не желавшихъ признать владычества русскихъ, переселились въ Турцію.

Пріобрѣтенія въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ.

Изъ внѣшнихъ пріобрѣтеній Россіи при Александрѣ II наиболѣе значительнымъ было занятіе трехъ ханствъ—*Бухары* (1866), *Хивы* (1873) и *Кокана* (1875), расположенныхъ въ области рѣкъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Подчиненіе этихъ ханствъ русскому владычеству послѣ ряда столкновеній съ кочевниками, въ отвѣтъ на ихъ набѣги и разбои, предоставило въ распоряженіе Россіи громадныя земельныя пространства въ Средней Азіи отъ Каспія до вершинъ Тіанъ-Шаня и подножія Гималаевъ. Это обезопасило юго-востокъ Имперіи отъ набѣговъ и разбоевъ безпокойныхъ кочевыхъ племенъ, населявшихъ эти ханства, и открыло доступъ европейской культурѣ и просвѣщенію и въ среду полудикаго населенія Средней Азіи.

Наступательное движеніе русскихъ на средне-азіатскія ханства началось уже давно. При Николаѣ I были построены нами нѣсколько пограничныхъ укрѣпленій (фортъ Перовскій, послѣ экспедиціи Перовскаго на Коканъ въ 1853 г., и укрѣпленіе Вѣрное на р. Или). При Александрѣ II набѣги и разбои кочевниковъ вынудили (въ 1864 г.) вновь отправить нѣсколько отрядовъ на Коканъ; съ однимъ изъ нихъ ген. *Веревкинъ* овладѣлъ г. Туркестаномъ; другой, подъ начальствомъ *Черняева*, взялъ кр. Ауліету и Чемкентъ, а въ слѣдующемъ (1865) году съ 2 тыс. солдатъ при 12 орудіяхъ тотъ же ген. Черняевъ взялъ штурмомъ важнѣйшій городъ ханства *Ташкентъ*, несмотря на то, что въ немъ засѣло до 30 тыс. коканцевъ съ 60 орудіями, которыми, впрочемъ, они плохо владѣли. Ханъ вынужденъ былъ смириться.

Но тогда поднялись бухарцы. Опять небольшой русскій отрядъ въ 3 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ ген. *Романовскаго*, разбилъ (1866) на голову 30-тысячное войско бухарскаго эмира. Вслѣдъ затѣмъ русскіе овладѣли и столицей ханства, священнымъ городомъ *Самаркандомъ*—съ гробницей Тамерлана. Такимъ образомъ и Бухара принуждена была признать власть русскихъ. Какъ и въ Коканѣ, русскимъ купцамъ предоставлена была здѣсь свобода торговли и навсегда уничтожено рабство. Изъ завоеванныхъ въ Коканѣ и Бухарѣ земель образовано особое Туркестанское генералъ-губернаторство съ главнымъ городомъ Ташкентомъ.

Оставался нетронутымъ одинъ хивинскій ханъ, считавшій себя недоступнымъ для русскихъ войскъ, такъ какъ владѣнія его со всѣхъ сторонъ окружены были песчаными и безводными пустынями. Дерзкіе грабежи хивинцевъ вынудили однако (въ 1873 г.) организовать походъ и на нихъ подъ начальствомъ ген. *Кауфмана*. Въ теченіе цѣлаго

мѣсяца шли наши солдаты по песчанымъ безводнымъ пустынямъ при 45° жарѣ, перенося неимовѣрныя трудности, разсѣяли скопища туркменъ, загородившихъ было имъ дорогу, и наконецъ добрались до *Хивы* и взяли съ боя это разбойничье гнѣздо. Здѣсь также уничтожено было рабство и водворенъ порядокъ.

Попытки коканцевъ возстать противъ русскихъ (въ 1876 г.) завершились полнымъ погромомъ ихъ и окончательнымъ присоединеніемъ ханства къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области. Пробовали было и текинцы—одно изъ туркменскихъ племенъ—снова начать свои разбойничьи набѣги на русскихъ, но были разгромлены ген. *Скобелевымъ*, который взялъ штурмомъ и разорилъ ихъ главное укрѣпленіе *Геокъ-Тепе* (въ 1881 г.).

Англичане очень ревниво слѣдили за успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи, безпокоясь за Индію, и постоянно тревожили русскую дипломатію запросами о цѣляхъ той или другой русской экспедиціи на кочевниковъ.

Кн. Горчакову не разъ приходилось увѣрять англичанъ, что Россія вовсе не питаетъ завоевательныхъ цѣлей и не желаетъ присоединять къ себѣ новыхъ земель въ Средней Азіи. Обстоятельства тѣмъ не менѣе вынуждали насъ постепенно продвигаться все дальше и дальше, пока не удалось болѣе или менѣе обезпечить отъ набѣговъ и разбоевъ кочевниковъ юго-востокъ страны.

Что касается Дальняго Востока, то тамъ удалось достигнуть крупнаго успѣха безъ всякой борьбы оружіемъ, исключительно путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Такъ по *Айгунскому договору* съ Китаемъ (заключенному графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ въ 1858 г.) Россія получила обратно богатую *Амурскую область* (нѣкогда уступленную китайцамъ въ правленіе царевны Софіи) и вслѣдъ затѣмъ (по договору, заключенному гр. Игнатьевымъ въ Пекинѣ въ 1860 г.) обширный *Уссурійскій край* до границы съ Кореей, съ правымъ берегомъ Амура. Часть принадлежавшихъ Россіи Курильскихъ острововъ была уступлена японцамъ въ обмѣнъ на половину острова *Сахалина*, который съ той поры весь сталъ русскимъ достояніемъ. Эти пріобрѣтенія на Дальнемъ Востокѣ утвердили Россію на берегахъ Тихаго Океана и дали тамъ нашимъ владѣніямъ естественныя границы.

При столь значительномъ приращеніи русскихъ владѣній въ Азіи, правительство сочло излишнимъ сохранять за собою принадлежавшій намъ отдаленный и бездоходный полуостровъ Аляску въ сѣверо-западной части Америки (простр. въ 22 мил. кв. миль) и уступило его (въ 1867 г.) Соединеннымъ Штатамъ за небольшое денежное вознагражденіе (7 мил. долларовъ).

Другой случай добровольнаго возврата уже занятой нами области имѣлъ мѣсто въ 1881 г. Послѣ подчиненія туркменовъ, присоединенія Самарканда и Ташкента и приведенія въ зависимость Хивы и Бухары,

у русскихъ оставался еще одинъ только противникъ—ханъ Кашгарскій Якубъ. Русскіе еще въ 1870 г. заняли плодородную Кульджу, составлявшую предметъ спора между Кашгаромъ и Китаемъ, и такимъ образомъ придвинулись къ его владѣніямъ. Якубъ пробовалъ оказывать сопротивленіе при поддержкѣ англичанъ и когда въ 1877 г. онъ умеръ, то на Кульджу, по наущенію тѣхъ же англичанъ, заявили свои притязанія китайцы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ переговоровъ, желая сохранить дружескія отношенія къ Срединной имперіи, русскіе уступили Кульджу китайцамъ и отказались даже отъ притязаній на Кашгаръ, выговоривъ себѣ за то разныя торговыя льготы.

Внѣшняя политика. Россія послѣ Крымской войны въ отношеніи къ Западной Европѣ отличалась миролюбивымъ характеромъ („Россія не дуется, но сосредоточивается", замѣтилъ однажды по этому поводу министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ). Занятое по преимуществу внутренними дѣлами и проведеніемъ реформъ, правительство на нѣкоторое время какъ бы совсѣмъ устранилось отъ западно-европейскихъ дѣлъ. Такъ въ 1859 г., во время австро-итальянскаго столкновенія, Россія ограничилась лишь вооруженнымъ нейтралитетомъ и спокойно смотрѣла, какъ Франція вытолкнула Австрію изъ Италіи. Попытка западныхъ державъ вступиться за Польшу вызвала однако энергическій отпоръ со стороны Россіи, а дружелюбное отношеніе къ намъ въ эту пору Пруссіи повело къ тѣсному сближенію съ этой страной. Благодаря этому, а также личной дружбѣ Александра II съ королемъ прусскимъ Вильгельмомъ, Россія держала сочувственный Пруссіи нейтралитетъ во время войнъ Пруссіи съ Даніей (1864 г.), Австріей (въ 1866 г.) и Франціей (въ 1870—71 гг.) и помогла такимъ образомъ ей возвыситься до положенія первостепенной европейской державы. Услуги эти оказывались совершенно безкорыстно и только разъ за все это время Россія озаботилась охранить свои интересы. Пользуясь погромомъ Франціи и изолированностію Англіи въ 1871 г., русскій канцлеръ кн. Горчаковъ заявилъ, что Россія отказывается впредь отъ соблюденія невыгодныхъ для насъ статей Парижскаго трактата 1856 г., которыя не позволяли намъ имѣть флотъ на Черномъ морѣ и строить укрѣпленія на его берегахъ. Англія и другія державы волей-неволей должны были (на Лондонской конференціи 1871 г.) согласиться на отмѣну этихъ статей. Такъ снова возродился у насъ Черноморскій флотъ и выросли крѣпости на побережьяхъ Чернаго моря.

Пользуясь дружбой государей, канцлеръ новообразованной подъ эгидой Пруссіи Германской имперіи Бисмаркъ, желая упрочить гегемонію Германіи по всей Европѣ, постарался сблизить Россію съ Австріей; такъ образовался „тройственный союзъ", укрѣплявшій ге-

стыми свиданіями императоровъ, хотя общественное мнѣніе Россіи очень недовѣрчиво относилось къ этому союзу. Заднія цѣли союза вскрылись въ 1875 году, когда кн. Бисмаркъ задумалъ произвести новый погромъ Франціи. Дальнѣйшее ослабленіе этой страны явно не соотвѣтствовало интересамъ Россіи, нарушая политическое равновѣсіе Европы, и императоръ Александръ II на этотъ разъ оказалъ противодѣйствіе замысламъ Германіи. Еще большему испытанію подверглась дружба трехъ сосѣднихъ имперій въ 1877—1878 г., когда возникла изъ-за восточныхъ дѣлъ новая война Россіи съ Турціей.

Восточная война 1877—1878 гг. Послѣ Крымской войны Турція, по Парижскому трактату 1856 г., обязалась уравнять своихъ христіанскихъ подданныхъ въ правахъ съ мусульманами, а европейскія державы — сообща наблюдать за исполненіемъ этого обязательства. Однако ни та, ни другая сторона своихъ обѣщаній не исполнила. Державы, заинтересованныя въ сохраненіи Турціи, какъ противовѣса движенію Россіи на Востокъ, безучастно смотрѣли на притѣсненія, грабежи и насилія, которые турки постоянно допускали относительно „райи", какъ звали они христіанъ.

Терпѣніе послѣднихъ, наконецъ истощилось и лѣтомъ 1875 г. вспыхнуло въ Босніи и Герцеговинѣ возстаніе противъ турокъ, распространившееся потомъ и на Болгарію. На помощь герцеговинцамъ первыми бросились, подъ предводительствомъ своего князя Николая, черногорцы,— единственное славянское племя, оставшееся независимымъ, благодаря неприступному положенію въ горахъ и рѣдкому мужеству населенія. Слѣдомъ за Черногоріей двинулась и Сербія, полунезависимое княжество, находившееся въ вассальномъ отношеніи къ Турціи. Предводителемъ сербскихъ войскъ явился отставной русскій генералъ Черняевъ (отличавшійся нѣкогда въ битвахъ съ азіатскими кочевниками въ Туркестанѣ). Борьба славянъ за свою свободу вызвала горячее сочувствіе и въ русскомъ обществѣ. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія деньгами и вещами на помощь славянамъ; нѣсколько тысячъ „добровольцевъ изъ разныхъ слоевъ общества присоединились къ арміи сербовъ. Борьба была однако неравная, тѣмъ болѣе, что Англія снабжала въ изобиліи турокъ деньгами и оружіемъ. Благодаря громадному численному перевѣсу войскъ, турки сломили сербовъ и уже готовились вторгнуться въ самое княжество, когда императоръ Александръ II остановилъ это нашествіе, пославши Портѣ ультиматумъ съ требованіемъ немедленно заключить перемиріе (въ октябрѣ 1876 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ мобилизовать армію и направить ее на югъ къ границѣ Турціи... Неготовая къ

борьбѣ съ Россіей, Турція немедленно подчинилась требованію, но не прекратила своихъ звѣрствъ, особенно по отношенію къ несчастной Болгаріи, гдѣ начатки движенія подавлены были массовымъ избіеніемъ жителей во многихъ городахъ безъ разбора пола и возраста *).

Стремясь помочь славянамъ Балканскаго полуострова и въ то же время желая „до крайности щадить дорогую русскую кровь“ (какъ выразился государь въ рѣчи своей въ Москвѣ въ октябрѣ 1876 г.), Александръ II предложилъ державамъ созвать въ Константинополѣ конференцію пословъ съ цѣлію выработки реформъ для Босніи, Герцеговины и Болгаріи и предотвращенія на будущее время насилій и звѣрствъ турокъ по отношенію къ христіанамъ. Цѣлую зиму продолжались переговоры между державами, давшія Турціи возможность, съ помощію Англіи, подготовиться къ войнѣ съ Россіей. И когда, наконецъ, державы (послѣ новаго совмѣстнаго совѣщанія въ Лондонѣ) предъявили Портѣ свои требованія, она категорически отказалась ихъ принять. Такимъ образомъ приходилось рѣшать дѣло оружіемъ, и 12 апрѣля 1877 г. въ Кишиневѣ, гдѣ сосредоточены были главныя силы нашей южной арміи, императоръ Александръ II подписалъ манифестъ съ объявленіемъ войны Турціи. Всѣ европейскія великія державы заняли выжидательное положеніе. Изъ балканскихъ государствъ только Черногорія немедленно же выступила союзницей Россіи; спустя нѣкоторое время вассальная Румынія провозгласила себя независимымъ отъ Турціи княжествомъ и присоединила часть своихъ войскъ къ русской арміи.

По объявленіи войны русскія войска одновременно вступили въ предѣлы Турціи на Балканскомъ полуостровѣ и въ азіатскихъ владѣніяхъ Порты за Кавказомъ. Высшее начальство надъ арміями ввѣрено было братьямъ государя—на Дунаѣ великому князю Николаю Николаевичу, на Кавказѣ—великому князю Михаилу Николаевичу. При дунайской арміи находился и самъ императоръ Александръ II съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ. Государь желалъ быть личнымъ свидѣтелемъ боевыхъ подвиговъ своей арміи и раздѣлить съ нею трудности похода, но избѣгалъ вмѣшательства въ ходъ военныхъ дѣйствій.

Армія наша на Дунаѣ вмѣстѣ съ резервами не превышала численности 300 тыс. чел., такъ какъ ожидали, что послѣ первыхъ же ударовъ Турція смирится и приметъ требованія державъ. Въ виду этого первоначально не предполагалось переходить черезъ Балканы и переносить войну въ самое сердце Турціи. Съ другой стороны русская дипломатія, въ виду постоянныхъ притязаній Англіи, заранѣе дала обѣ-

*) Въ одномъ изъ городовъ (Батакѣ) изъ 7 тыс. жителей обоего пола остались въ живыхъ только 2 тыс. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, по разслѣдованію французскаго консула, убито было свыше 20 тыс. чел.

щаніе не распространять военныя дѣйствія на Суэцкій каналъ, Египетъ, Константинополь, Босфоръ и Дарданеллы, чтобы не затронуть „политическіе и торговые интересы Англіи". Такимъ образомъ Турція получила полную возможность безпрепятственно получать моремъ подкрѣпленія изъ Египта и другихъ своихъ владѣній, а также заказанное ею въ той же Англіи оружіе и снаряды. Въ довершеніе всего, флотъ ея господствовалъ на Черномъ морѣ и безпрепятственно могъ подвозить подкрѣпленія, оружіе и припасы къ любому прибрежному пункту на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ войны; мы же лишены были этого преимущества, такъ какъ за нѣсколько лѣтъ со дня отмѣны статей Парижскаго трактата не успѣли еще создать себѣ нужнаго количества военныхъ кораблей на Черномъ морѣ, а только нѣсколько броненосцевъ для береговой обороны. Фактически Россіи приходилось вести войну не съ Турціей только, но и съ помогавшей ей втайнѣ Англіей, безъ всякаго однако риска для послѣдней. При такихъ условіяхъ естественно война затянулась и приняла широкіе размѣры, потребовавшіе отъ насъ громаднаго напряженія силъ и большихъ расходовъ.

Первыя выступленія русскихъ войскъ были очень успѣшны. Турки всюду отступали, уклоняясь отъ открытаго боя и сосредоточивая свои силы въ крѣпостяхъ. Кавказская армія вступила въ Арменію и, пользуясь превосходствомъ силъ, захватила небольшія турецкія крѣпости Ардаганъ и Баязетъ и осадила Карсъ, являвшійся главнымъ опорнымъ пунктомъ турецкой арміи въ Малой Азіи.

На европейскомъ театрѣ войны русскія войска, обманувъ турокъ ложными диверсіями, успѣли съ самыми незначительными потерями перейти черезъ Дунай и взяли крѣпость Никополь, послѣ чего передовыя части русской арміи, подъ начальствомъ генерала *Гурко*, быстро двинулись къ Балканамъ, заняли Тырновъ, древнюю столицу Болгаріи, Шипкинскій перевалъ черезъ Балканы, но затѣмъ вынуждены были остановиться, натолкнувшись на армію Сулеймана-паши, располагавшаго здѣсь очень значительными силами.

Между тѣмъ одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ турецкихъ военачальниковъ, Османъ-паша съ 40-тысячнымъ корпусомъ успѣлъ окопаться въ *Плевнѣ*, небольшомъ городкѣ Средней Болгаріи, находившемся всего въ двухъ переходахъ отъ Систова, гдѣ былъ устроенъ мостъ черезъ Дунай. [illegible] Предпринятые нами три штурма Плевны, при чемъ особенно отличался своей блестящей храбростью и распорядительностью молодой генералъ Скобелевъ *), [illegible] были отбиты. Успѣ-

*) [illegible] разъѣзжая на бѣломъ конѣ [illegible] и получилъ прозвище *Бѣлаго генерала*.

шенствованныя скорострѣльныя ружья и пушки, которыми въ изобиліи снабдили англичане турецкое войско, производили страшныя опустошенія въ рядахъ русскихъ войскъ, и они вынуждены были каждый разъ отступать. Пришлось пріостановить движеніе русскихъ войскъ за Балканы и соредоточить всѣ усилія на взятіи Плевны, и при томъ не штурмомъ, а правильной осадой ея укрѣпленій.

На театръ военныхъ дѣйствій вызваны были новыя войска, въ томъ числѣ гвардія, и знаменитый защитникъ Севастополя—ген. *Тотлебенъ*. Тотлебенъ окружилъ Плевну цѣлымъ кольцомъ укрѣпленій, постоянно осыпая городъ дождемъ артиллерійскихъ снарядовъ. Сообщенія войскъ Османа-паши съ остальными частями арміи прерваны были ген. Гурко, который занялъ, послѣ кровопролитныхъ боевъ, рядъ турецкихъ укрѣпленій, оберегавшихъ дорогу въ Плевну (Горный Дубнякъ, Телишъ и пр.). Съ другой стороны, рущукскій отрядъ нашей арміи, бывшій подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича, задерживалъ движеніе главной турецкой арміи, стоявшей въ четырехугольникѣ крѣпостей — Рущука, Силистріи, Варны и Шумлы и порывавшейся помочь Осману, а генералъ *Радецкій* геройски защищалъ Шипкинскій перевалъ отъ бѣшеныхъ атакъ Сулеймана-паши, пытавшагося съ этой стороны пробиться на подмогу Плевнѣ. Попытка турокъ пройти по Дунаю, пользуясь содѣйствіемъ броненосной флотиліи, окончилась также неудачей—два турецкихъ монитора взорваны были на воздухъ (благодаря смѣлому подвигу *Дубасова* и *Шестакова*).

Когда у осажденныхъ въ Плевнѣ вышли всѣ съѣстные припасы, Османъ-паша сдѣлалъ отчаянную попытку пробиться сквозь желѣзное кольцо русскихъ войскъ, но вынужденъ былъ (28-го ноября 1877 г.) сдаться въ плѣнъ со всей своей арміей.

На кавказскомъ театрѣ войны послѣ одной крупной неудачи (подъ Зивиномъ), заставившей было насъ снять осаду Карса, дѣла русской арміи, находившейся подъ начальствомъ ген. *Лорисъ-Меликова*, тоже пошли успѣшно. Послѣ кровопролитнаго ночного штурма (ген. Лазаревымъ) былъ наконецъ взятъ Карсъ и затѣмъ обложенъ Эрзерумъ.

При необычайномъ воодушевленіи, охватившемъ всю армію послѣ этихъ успѣховъ, постановлено было не дѣлать перерыва на зиму въ дѣйствіяхъ войскъ и не отлагать кампанію на весну, но теперь же прорваться на южную сторону Балканъ, гдѣ климатическія условія были лучше и гдѣ, кромѣ того, можно было разсчитывать на обильные запасы продовольствія.

Вслѣдъ за паденіемъ Плевны начался знаменитый *переходъ* русской арміи подъ начальствомъ Гурко *черезъ Балканы* въ самое су-

ровое время года (въ декабрѣ) по обледенѣлымъ вершинамъ горъ, при жестокомъ морозѣ, безпрестанно сражаясь съ непріятелемъ, который занялъ всѣ удобопроходимые пункты и осыпалъ русскихъ градомъ снарядовъ *). Другая часть арміи, подъ предводительствомъ Радецкаго, перешла Балканы по колѣна въ снѣгу у Шипки, тоже безпрерывно сражаясь съ турками. Подъ *Казанлыкомъ* Радецкій вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ къ нему на подмогу Скобелевымъ разбили и захватили въ плѣнъ 40-тысячный турецкій корпусъ, а Гурко, спустившись съ Балканъ, разгромилъ подъ *Филиппополемъ* армію Сулеймана-паши.

Послѣ паденія Плевны и чисто „суворовскаго" перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы турки совершенно упали духомъ и уже безъ всякаго сопротивленія сдали Адріанополь, вторую столицу Турецкой имперіи, послѣ чего русская армія безпрепятственно двинулась къ Константинополю и заняла позиціи всего въ 10 верстахъ отъ него, близъ м. Санъ-Стефано. Въ то же время—въ началѣ февраля—сданы были турками безъ сопротивленія крѣпости Рущукъ, Силистрія и Виддинъ, словомъ погромъ былъ полный, и султанъ Абдулъ-Гамидъ обратился къ русскому государю съ мольбой о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Послѣ недолговременнаго перемирія заключенъ былъ наконецъ *мирный договоръ въ Санъ-Стефано*, по которому Турція признавала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи, съ значительнымъ увеличеніемъ ихъ владѣній на счетъ Турціи, Болгарія обращалась въ самостоятельное княжество съ границами отъ Дуная до Архипелага и съ обязательствомъ лишь платить ежегодно опредѣленную дань Турціи; въ Босніи и Герцеговинѣ султанъ обязывался немедленно ввести реформы; Россіи Турція уступала портъ Батумъ, Карсъ, Ардаганъ и Баязетъ съ окружающей ихъ территоріей, отнятую у насъ по Парижскому трактату часть Бессарабіи съ устьемъ Дуная и обязалась уплатить 310 мил. рублей военной контрибуціи.

Санъ-Стефанскій договоръ названъ былъ однако только „прелиминарнымъ" (предварительнымъ), такъ какъ Англія и Австрія, обезпокоенные успѣхами Россіи и не желая создавать изъ Болгаріи обширное самостоятельное княжество, требовали пересмотра условій этого договора на конгрессѣ всѣхъ державъ, въ противномъ случаѣ грозили войной.

Проникнутое миролюбіемъ, опасаясь новой войны, послѣ того какъ борьба съ турками сильно истощила финансы государства и

---

*) Лучшіе знатоки военнаго искусства въ Европѣ (напр. Мольтке, начальникъ штаба германской арміи, прославившійся въ эпоху франко-прусской войны) считали этотъ переходъ при данныхъ условіяхъ и зимой положительно невозможнымъ.

унесла до 100 тыс. жизней (отъ ранъ и болѣзней), русское правительство рѣшилось сдѣлать уступку требованіямъ Англіи и Австріи и обратилось къ посредничеству Германіи, какъ страны, издавна связанной съ Россіей узами тѣсной дружбы. Канцлеръ Германіи Бисмаркъ принялъ на себя, какъ онъ выразился, обязанности „честнаго маклера“ и съ общаго согласія, подъ его предсѣдательствомъ, *въ Берлинѣ* состоялся *конгрессъ* европейскихъ державъ. Главными дѣятелями на немъ, кромѣ Бисмарка, были лордъ Биконсфильдъ (Англія) и гр. Андраши (Австрія); русскими уполномоченными были кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ (русскій посолъ въ Англіи). На этомъ конгрессѣ требованія Россіи и плоды ея побѣдъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же угрозъ войною со стороны Англіи и Австріи, были значительно урѣзаны, а именно: *Берлинскимъ трактатомъ* Болгарія была раздѣлена на двѣ части — Придунайскую и Забалканскую; первая составила особое вассальное княжество, а вторая, подъ названіемъ Восточной Румеліи, должна была оставаться турецкой провинціей, но получала автономію и христіанскаго генералъ - губернатора. Границы Сербіи, Болгаріи и Черногоріи были значительно сокращены противъ предположеній Санъ-Стефанскаго договора. Черногоріи былъ оставленъ портъ на Адріатическомъ морѣ, но безъ права заводить тамъ военный флотъ. Баязетъ оставался за Турціей, а Батумъ былъ объявленъ вольнымъ портомъ и при томъ исключительно торговымъ (портофранко). Устья Дуная передавались Румыніи. Зато Австріи предоставлено было право занять „временно“ своими войсками Боснію и Герцеговину и ввести тамъ свое управленіе. Султану предложено было кромѣ того уступить Ѳессалію и часть Эпира греческому королевству.

Такимъ путемъ Англія и Австрія, при косвенной поддержкѣ Германіи, игравшей на конгрессѣ двусмысленную роль, съ явнымъ тяготѣніемъ къ Австріи и ея интересамъ, сдѣлали все, чтобы ослабить преобладаніе Россіи и славянъ на Востокѣ, а дабы и на будущее время предотвратить вмѣшательство Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова, они обязали Турцію уравнять въ правахъ всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій, при чемъ контроль за этимъ возложенъ былъ на пословъ и консуловъ всѣхъ великихъ державъ.

Русское общество, принимавшее съ самаго начала войны живѣйшее участіе и въ судьбѣ славянъ и въ самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, относившееся ко всему въ эпоху реформъ Александра II съ большей, чѣмъ когда-либо сознательностью, крайне огорчено было такимъ исходомъ русско-турецкой освободительной войны. Уже отказъ отъ занятія Константинополя, завѣтной мечты православнаго русскаго человѣка, а тѣмъ болѣе отъ захвата проливовъ, что самымъ серьезнымъ образомъ обезопасило бы нашъ югъ и владѣніе Чернымъ моремъ, вызвалъ не-

скончаемыя сокалѣнія во всѣхъ слояхъ общества. Уступки же на Берлинскомъ конгрессѣ прямо сочтены были за обиду, нанесенную русскому патріотизму, и не соотвѣтствовали по взглядамъ большинства тѣмъ жертвамъ, какія принесены были въ теченіе войны русскимъ обществомъ, которое [illegible] послѣ изданія закона о всеобщей воинской повинности участвовало въ войнѣ въ полномъ составѣ всѣхъ сословій, охотно жертвовало на нужды войны, на устройство госпиталей, на санитарные поѣзда и Красный Крестъ, посылало на театръ войны добровольцевъ, врачей, санитаровъ и сестеръ милосердія и т. д. Винили во всемъ не князя Бисмарка, [illegible] рус- скимъ болѣе, чѣмъ сами русскіе, и который въ одной изъ своихъ рѣчей въ ту пору, [illegible] по адресу Россіи „beati possidentes“ [illegible], а тѣмъ болѣе не Биконсфильда и Андраши, [illegible] русскихъ уполномоченныхъ, и не столько престарѣлаго князя Горчакова, сколько гр. Шувалова. Защитники [illegible] дипломатіи указывали, [illegible] положеніе финансовъ, [illegible] Россіи въ случаѣ новой войны [illegible], что и Берлинскій конгрессъ хотя ослабилъ результаты Санъ-Стефанскаго мира, [illegible] существенныя улучшенія [illegible] измѣненій [illegible] русскихъ дипломатовъ, [illegible] такъ сразу и круто нарушалъ бы европейское равновѣсіе въ пользу Россіи.

Исходъ Берлинскаго конгресса, не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ русскаго общества и правительства, сильно ослабилъ узы [illegible] союза императоровъ и настолько, что въ 1879 году кн. Бисмаркъ уговорилъ престарѣлаго императора Вильгельма заключить тайный сепаратный договоръ съ Австріей на случай войны съ Россіей...

Смута въ послѣдніе годы царствованія. Сближеніе съ Западомъ, особенно сильно проявившееся въ эпоху Александра II, познакомило русскихъ людей не только съ серьезными научными теоріями въ области явленій общественной жизни, но и съ цѣлымъ рядомъ соціальныхъ антигосударственныхъ ученій, сторонники которыхъ, вопреки опыту и указаніямъ исторіи, находили возможнымъ разомъ измѣнить строй общественной и политической жизни, при чемъ наилучшимъ способомъ къ перевороту они считали устраненіе тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ правительства, не останавливаясь даже передъ злодѣяніями. Распространившіяся въ извѣстной части общества съ 60-хъ годовъ XIX вѣка матеріалистическія ученія, отрицавшія основы религіи и нравственности и выродившіяся въ форму такъ называемаго „нигилизма“, дали новую пищу этимъ противогосударственнымъ стремленіямъ.

Какъ и всегда, эта проповѣдь отрицанія обычныхъ устоевъ общественной жизни, съ цѣлью ея радикальнаго измѣненія, всего сильнѣе дѣйствовала на незрѣлую молодежь, въ средѣ которой руководители движенія находили себѣ ослѣпленныхъ фанатиковъ, готовыхъ жертвовать

свою жизнью ради достиженія утопическихъ цѣлей и мнимаго обновленія государства.

Въ связи съ этимъ стояло образованіе тайныхъ обществъ, принимавшихъ самыя разнообразныя названія и ставившихъ исходнымъ пунктомъ своей дѣятельности злодѣйскіе террористическіе акты. Такъ послѣдовалъ цѣлый рядъ покушеній на жизнь императора Александра II (въ 1866 и 1867 гг. и два въ 1879 г.).

Правительство неоднократно принимало различныя мѣры строгости и репрессій по отношенію къ прямымъ и косвеннымъ виновникамъ и вдохновителямъ политическихъ преступленій и наконецъ послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года пришло къ мысли объ учрежденіи для борьбы съ крамолой особой „Верховной слѣдственной комиссіи". Комиссіи даны были самыя обширныя полномочія, которыя не ограничивались одной какой-либо мѣстностью, но распространялись на всю государственную территорію. Во главѣ комиссіи былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, герой послѣдней Восточной войны, заявившій себя умѣлой административной дѣятельностью въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Астрахани во время развитія тамъ чумной эпидеміи. Задачей комиссіи гр. Лорисъ-Меликовъ ставилъ, съ одной стороны, „не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой—успокоить и оградить интересы его здравомыслящей части". Главное условіе успѣха въ достиженіи этихъ цѣлей гр. Лорисъ-Меликовъ видѣлъ въ поддержкѣ общества. Стремленіе главы Верховной комиссіи дѣйствовать по преимуществу мягкими средствами, мѣрами снисхожденія и милости по отношенію къ „заблуждающимся", создало управленію Лорисъ-Меликова въ обществѣ прозваніе „диктатуры сердца". Въ связи съ новымъ направленіемъ въ дѣятельности правительственной власти, послѣдовалъ рядъ перемѣнъ среди высшихъ должностныхъ лицъ (между прочимъ былъ уволенъ въ отставку министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой).

По истеченіи шести мѣсяцевъ Верховную комиссію, по докладу гр. Лорисъ-Меликова, поспѣшили закрыть, какъ исполнившую въ извѣстной мѣрѣ свои задачи по объединенію всѣхъ властей въ дѣлѣ охраны общественнаго порядка; дѣла ея были переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было упразднено III отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, вѣдавшее политическія преступленія, съ передачей и его дѣлъ въ вѣдѣніе того же министерства (въ особо образованный „департаментъ государственной полиціи"). Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ гр. Лорисъ-Меликовъ, который сосредоточилъ фактически въ своихъ рукахъ главныя отрасли управленія страною и пріобрѣлъ громадное вліяніе на всѣ дѣла.

Въ двухъ новыхъ запискахъ, поданныхъ гр. Лорисъ-Меликовымъ государю, указывалось на необходимость производства въ разныхъ губерніяхъ сенаторскихъ ревизій съ цѣлью разносторонняго изслѣдованія всѣхъ сторонъ общественной жизни по самой широкой программѣ и на пользу „призванія изъ среды общества компетентныхъ лицъ.

близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями, для разработки необходимыхъ по настоящему времени мѣропріятій". Въ участіи общества въ законодательной дѣятельности гр. Лорисъ-Меликовъ видѣлъ и то „средство, которое и полезно и необходимо для борьбы съ крамолой", полагая, что этимъ дѣятельность террористовъ сразу пресѣчена будетъ въ самомъ корнѣ и ихъ злодѣйства прекратятся.

Говоря о способахъ созыва людей изъ общества для помощи правительству въ разработкѣ новыхъ законовъ, гр. Лорисъ-Меликовъ отвергалъ пользу организаціи этого представительства въ формѣ парламентовъ Западной Европы, какъ учрежденій, чуждыхъ русской жизни, а равнымъ образомъ считалъ неподходящею и древне-русское представительство въ формѣ земскихъ соборовъ, какъ устарѣвшее для настоящаго времени. По его мнѣнію, слѣдовало остановиться на учрежденіи въ Петербургѣ „временныхъ подготовительныхъ комиссій, на подобіе организованныхъ въ 1859 году редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій разсматривались потомъ съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ".

1-го марта 1881 года императоръ Александръ II одобрилъ составленный въ этомъ смыслѣ проектъ правительственнаго сообщенія, которымъ имѣлось въ виду возвѣстить народу новую эру въ его политической и общественной жизни и завершить этимъ реформы великаго царствованія. Но черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого государь палъ жертвой новаго злодѣйскаго покушенія на его жизнь.

Мученическая кончина императора Александра II, павшаго жертвой злодѣйскаго заговора, произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Утромъ 1-го марта государь былъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Оттуда онъ отправился въ Михайловскій дворецъ, гдѣ посѣтилъ великую княгиню Екатерину Михаиловну. На обратномъ пути, когда императорская карета проѣзжала вдоль Екатерининскаго канала, подъ нее однимъ изъ преступниковъ брошена была бомба. Раздался страшный взрывъ, ранившій нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ одного изъ казаковъ конвоя, сопровождавшаго карету, но карета осталась цѣла. Государь приказалъ остановить экипажъ и подошелъ къ мѣсту взрыва, гдѣ толпа народа уже схватила преступника. Въ это время второй злодѣй бросилъ новую бомбу, и государь упалъ, обливаясь кровью. „Помогите", едва слышнымъ голосомъ произнесъ онъ и лишился сознанія. Царственнаго страдальца, ноги котораго были раздроблены, уложили въ сани полицеймейстера и въ безчувственномъ состояніи отвезли въ Зимній дворецъ, гдѣ, не приходя въ сознаніе онъ скончался въ 3 ч. 25 м., въ присутствіи цесаревича, цесаревны и другихъ лицъ царской фамиліи.

Невозможно описать того горя и негодованія, которое охватило все общество при вѣсти объ этомъ безсмысленномъ и звѣрскомъ злодѣйствѣ. 1-е марта 1881 года навсегда останется однимъ изъ печальнѣйшихъ дней въ русской исторіи.

При рожденіи Александра II Жуковскій привѣтствовалъ его слѣдующими словами:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!

Этотъ вдохновенный привѣтъ явился пророческимъ словомъ и всецѣло выполненъ въ жизни и дѣятельности царственнаго питомца поэта.

Въ лицѣ императора Александра II Россія дѣйствительно имѣла *человѣка на тронѣ* въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Память о его дѣяніяхъ никогда не умретъ въ сердцѣ благодарнаго народа. Его царствованіе еще слишкомъ близко къ нашему времени, чтобы всецѣло быть предметомъ исторіи и чтобы можно было по достоинству оцѣнить его. Все великое познается въ нѣкоторомъ отдаленіи, когда исчезаютъ мелочи и детали, останавливающія вниманіе современниковъ, не постигающихъ вслѣдствіе того взглядомъ и мыслію цѣлаго во всемъ его величіи. И чѣмъ дальше будетъ отодвигаться отъ насъ въ глубь вѣковъ величавый образъ Александра II, тѣмъ выше и выше будетъ онъ казаться.

Александръ II принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ дѣятелей не Россіи только, но всего человѣчества, и ему болѣе, чѣмъ кому либо, принадлежало бы названіе Великаго, если бы устами и современниковъ и потомства не приданъ былъ ему болѣе высокій и почетный, обезсмертившій его имя въ исторіи титулъ—*Царя Освободителя*, даровавшаго свободу не своему только народу, но и его братьямъ по вѣрѣ и крови—славянамъ Балканскаго полуострова.

Черезъ книжные склады Бр. Башмаковыхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. книжные магазины, а также отъ автора (С.-Петербургъ, Лафонская ул., д. 1) можно выписывать слѣдующія книги, составленныя **И. В. Скворцовымъ:**

1) **Статьи и изслѣдованія** (1876 — 1906) по вопросамъ политики, общественной жизни и литературы. Ч. I. Ц. **1** р. Ч. II. Ц. **1** р. **20** к.

2) **Въ области практической философіи.** Ц. **60** к.

3) **Философская пропедевтика.** Ч. I. Психологія. Ц. въ переплетѣ **65** к.

4) **Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси.** Ц. **40** к.

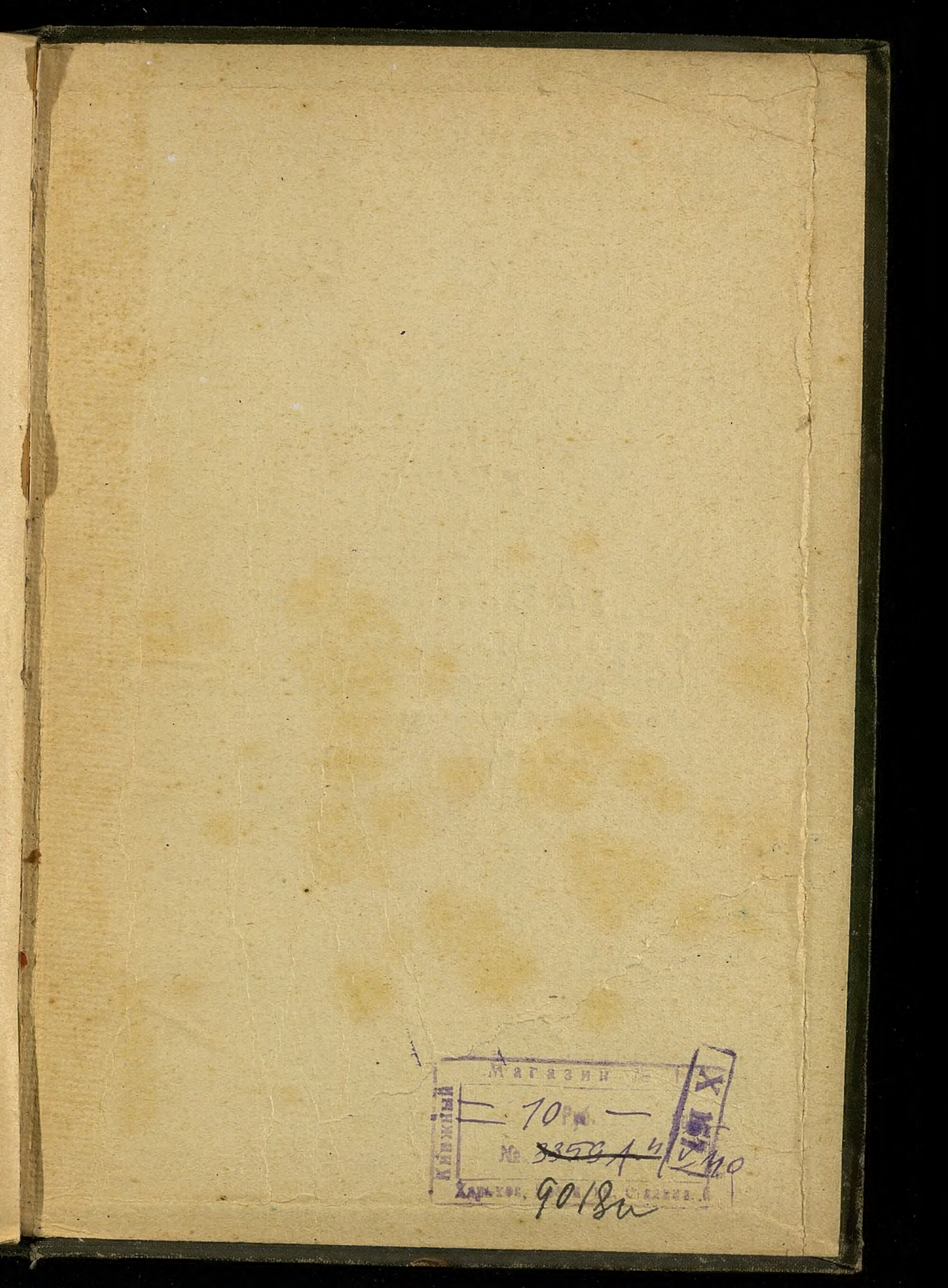
5) **Родная поэзія.** Хрестоматія для взрослыхъ. Сборникъ лучшихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ (свыше 1500 стихотвореній 211 авторовъ), а также народныхъ пѣсенъ—великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ. 534 + VIII + XX страницъ (въ 2 столбца). Ц. **2** р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Думнова, Б. Конюшенная, 1).

6) **Записки по педагогикѣ.** Ч. I. *Общая педагогика.* Изд. 14-е. Ц. въ переплетѣ **1** р.

7) **Тоже.** Ч. II. *Дидактика.* Изд. 7-е. Ц. въ переплетѣ **80** к.

8) **Прошлое и настоящее женскихъ гимназій** (1858—1908). Ц. **20** к.

9) **Н. А. Вышнеградскій** (1822—1872). Ц. **15** к.


Книжный
Магазин
10 руб. —
№ 9018и
Харьков

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 70 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

у Я. БАШМАКОВА и К°.

С.-Петербургъ — Итальянская 31.

Книга имѣется въ достаточномъ количествѣ у

Бр. БАШМАКОВЫХЪ.

Москва — Казань

[illegible]